J 93/57
за 1913 г.

Г. 93
57

ЖУРНАЛЫ

собраній Совѣта

ИМПЕРАТОРСКОЙ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

за 1913 годъ.

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1914.

93/57

ЖУРНАЛЫ

собраній Совѣта

ИМПЕРАТОРСКОЙ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

за 1913 годъ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XV-14284
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Сергіевъ Посадъ.
—
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1914.

Оттискъ изъ №№ Богословскаго Вѣстника за 1913 и 1914 г.г.

Печатать дозволяется. Іюня 9 дня, 1914 года.
Ректоръ Императорской Московской Духовной Академіи, *Епископъ Ѳеодоръ.*

ЖУРНАЛЫ

СОБРАНІЙ СОВѢТА

Императорской Московской Духовной Академіи

за 1913-й годъ.

---

22 января 1913 года.

№ 1.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: заслуженный ординарный профессоръ А. И. Введенскій и экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ.

Слушали: **I**. Сообщенный Правленіемъ Академіи (въ копіи) указъ Святѣйшаго Синода отъ 21 декабря 1912 года за № 19620:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 26 ноября сего года за № 36664, по ходатайству Совѣта Московской духов-

ной академіи объ отпускѣ изъ Синодальныхъ средствъ 600 рублей въ годъ на содержаніе приглашеннаго по вольному найму лица въ качествѣ *второго помощника библіотекаря* академической библіотеки. Приказали: Въ виду удостовѣряемаго Совѣтомъ Московской духовной академіи значительнаго увеличенія работъ по академической библіотекѣ, Святѣйшій Синодъ, согласно настоящему предложенію Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, опредѣляетъ: по примѣру С.-Петербургской и Кіевской духовныхъ академій, съ начала 1913 года, назначить въ распоряженіе Правленія Московской духовной академіи, *на наемъ лица въ помощь библіотекарю, по шестисотъ рублей въ годъ*, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. 1 § 1 ст. 2 смѣты расходовъ спеціальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Благодарственныя письма *Почетныхъ Членовъ* Академіи:

а) Преосвященнаго Епископа *Нікона*, Члена Святѣйшаго Синода и Государственнаго Совѣта:

„Ваше Преосвященство, Милостивѣйшій Архипастырь и возлюбленный о Господѣ Собратъ. 14-го сего декабря я имѣлъ честь получить дипломъ на званіе почетнаго члена Московской Духовной Академіи и долгомъ почитаю въ лицѣ Вашемъ принести мою глубокую благодарность Совѣту Академіи за эту высокую честь, путемъ научныхъ работъ мною незаслуженную, но тѣмъ болѣе для меня, семинариста, нѣкогда уклонившагося отъ академической науки, неожиданную и, не скрою отъ Васъ, пріятную. Это избраніе свидѣтельствуетъ, что Академія цѣнитъ труды въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія не только лицъ, прошедшихъ высшую богословскую школу, но и всякаго, вѣрнаго завѣтамъ Церкви, сына Церкви, ибо не я одинъ удостоился чести сего избранія, но и другіе, подобно мнѣ, непроходившіе курса высшихъ богословскихъ наукъ. Въ семъ избраніи нельзя не видѣть того, для всѣхъ насъ, преданныхъ чадъ Церкви, особенно отраднаго факта, что Московская Духовная Академія остается вѣрною началамъ, завѣщаннымъ ей приснопамятнымъ Митро-

политомъ Филаретомъ и его питомцами—подвижниками богословской науки,—что, слѣдовательно, недавніе,—къ сожалѣнію, нельзя еще сказать: минувшіе—годы духовной смуты въ интеллигентныхъ слояхъ русскаго общества не поколебали основныхъ устоевъ нашей православной богословской школы, что Московская Духовная Академія не имѣетъ ничего общаго съ тѣми литературными увлеченіями въ области богословской мысли, какія позволили себѣ нѣкоторыя лица, по своему служебному положенію стоявшія тогда близко къ Академіи.

Простите мнѣ, глубокочтимый Владыко, сіи, можетъ быть не совсѣмъ умѣстныя разсужденія о томъ, что едва ли и подлежитъ моему сужденію. Проживъ обокъ съ Академіей почти тридцать лѣтъ въ Обители Преподобнаго Сергія и отдавъ за послушаніе около 35 лѣтъ дѣлу просвѣщенія народа чрезъ печатное слово, а нынѣ судьбами Божіими поставленный близко къ самому средоточію государственной и церковной жизни нашего народа, я имѣлъ возможность близко наблюдать духовныя теченія не только въ низшихъ слояхъ народа, но и въ высшихъ сферахъ нашего русскаго общества и не могу безъ глубокаго чувства скорби помыслить о томъ великомъ духовномъ оскудѣніи, какое нынѣ всюду проявляется. Оскудѣніе жизни духа, жизни по вѣрѣ, по заповѣдямъ Божіимъ сказывается и въ оскудѣніи религіозной мысли и проявляется въ уродливыхъ искаженіяхъ истины внѣ Церкви, исканіе Бога помимо путей, Богомъ же указанныхъ. Годы смуты только вывели наружу эту болѣзнь нашего интеллигентнаго общества, въ своемъ большинствѣ духовно давно покинувшаго родную Церковь и блуждающаго по распутіямъ своевольной мысли, порабощенной притомъ прираженіямъ гордыни и даже низкихъ страстей. Въ такое время наши духовныя академіи должны бодро стоять на неусыпной стражѣ чистоты Христовой истины въ Православіи, быть несокрушимыми скалами съ яркими маяками высшаго богословскаго знанія на ихъ вершинахъ среди бушующаго моря веяческихъ лжеученій. Онѣ должны воспитывать не только проповѣдниковъ, но и исповѣдниковъ Православія. Ихъ питомцы должны не только освѣщать путь знаніемъ, но и согрѣвать путниковъ благодатной теплотою духовной жизни. Наука въ дѣлѣ служенія Церкви—половина дѣла: вторая, бо́льшая и важнѣйшая половина—жизнь въ нѣдрахъ Церкви,

ибо не только наука, но и самая вѣра безъ дѣлъ мертва есть.

Мнѣ невольно приходитъ на память завѣтъ приснопамятнаго святителя Московскаго Иннокентія, который, благословляя меня на путь иночества, сказалъ мнѣ: „вотъ, ты не пошелъ въ академію: помни же, что монастырь-то и есть настоящая духовная академія; учись здѣсь великой наукѣ изъ наукъ—жизни духовной, въ послушаніи животворящимъ заповѣдямъ Христовымъ“.

Молитвами Преподобнаго и богомудраго Отца нашего Сергія, подъ покровомъ коего пріютилась Московская Духовная Академія, да поможетъ Вамъ, Преосвященнѣйшій Владыко, и сотрудникамъ Вашимъ, Ѵпостасная Премудрость Божія, воплотившаяся нашего ради спасенія, во всеоружіи богословскаго знанія, въ полномъ единеніи мысли и жизни со всѣмъ сонмомъ Отцевъ и учителей Церкви вѣковъ минувшихъ, продолжая ихъ святое дѣло, мужественно отстаивать святую истину Православія отъ всѣхъ ухищренныхъ нападеній на нее со стороны лжеименнаго разума и воспитывать крѣпкихъ борцовъ, готовыхъ все сердце свое ей отдать и душу свою положить за ея безцѣнныя святыни“.

б) Преосвященнаго *Алексія*, Епископа Саратовскаго и Царицынскаго:

„Приношу сердечную и глубокую благодарность Совѣту Московской Духовной Академіи за избраніе меня почетнымъ членомъ. Не скрою, что это избраніе очень дорого и пріятно для меня: оно сближаетъ меня съ семьею г.г. профессоровъ Московской Духовной Академіи, ученые труды которыхъ и заслуги предъ св. Православною Церковію я съ юности высоко цѣнилъ, оно еще глубже, еще полнѣе закрѣпляетъ въ моемъ сердцѣ сыновнія чувства любви и благодарности къ воспитавшей меня Московской Духовной Академіи, которая въ этихъ поръ становится для меня опять „своей“, „родной“, „дорогой“. Считаю своимъ долгомъ эти мои чувства къ Московской Духовной Академіи засвидѣтельствовать болѣе реальнымъ способомъ“.

в) Владиміра Александровича *Кожевникова:*

„Ваше Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владыко. Прошу Васъ принять мою глубокую и сердечную благодарность

и потрудиться передать таковую же Совѣту Московской Духовной Академіи за оказанную мнѣ честь избранія меня почетнымъ членомъ Академіи".

г) Ѳедора Дмитріевича *Самарина:*

„Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь. Получивъ на дняхъ отъ Совѣта Московской Духовной Академіи при отношеніи отъ 7 декабря сего года за № 690 дипломъ на званіе Почетнаго Члена Академіи, почтительнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять и передать Совѣту выраженіе глубочайшей моей благодарности за высокую честь, мнѣ оказанную. Мои печатныя работы, а равно и труды по участію въ Предсоборномъ Присутствіи, сами по себѣ, конечно, не давали мнѣ никакого права на столь лестную для меня оцѣнку моей дѣятельности. Если же мои скромныя попытки содѣйствовать выясненію нѣкоторыхъ вопросовъ современной церковной жизни обратили на себя благосклонное вниманіе Совѣта Академіи, то, конечно, лишь потому, что проводимые мною взгляды являются отраженіемъ образа мыслей, заслужившаго въ общемъ одобреніе Совѣта. Такое сознаніе, конечно, лишь усугубляетъ мою признательность. Счастливъ, что отнынѣ буду принадлежать къ составу того духовно-просвѣтительнаго учрежденія, которое дало столько славныхъ работниковъ въ области православнаго богословія и въ цѣломъ своемъ составѣ такъ много сдѣлало для нашего духовнаго просвѣщенія и для развитія нашего религіознаго сознанія.

Еще разъ прошу Ваше Преосвященство и Совѣтъ Академіи принять выраженіе живѣйшей моей благодарности и усердный низкій поклонъ".

д) Михаила Александровича *Новоселова:*

„Ваше Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владыко. Прошу Васъ принять мою глубокую и сердечную благодарность и передать таковую же Совѣту Московской Духовной Академіи за оказанную мнѣ честь избранія меня почетнымъ членомъ Академіи".

Опредѣлили: Письма хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

III. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ *декабрѣ* мѣ-

сяцѣ минувшаго 1912 года изъ которой видно, что: *а) по болѣзни:* экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ опустилъ 8 лекцій, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ и заслуженный ординарный профессоръ А. И. Введенскій—по 7 лекцій, и. д. доцента А. М. Туберовскій—3 лекціи, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ и экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій—по 2 лекціи; *б) за отлучкою въ С.-Петербургъ по дѣламъ миссіонерской службы:* и. д. доцента И. Г. Айвазовъ—3 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

IV. Дополнительные отзывы о сочиненіи преподавателя Волынской духовной семинаріи *Ѳедора Владимірскаго* подъ заглавіемъ: „Антропологія и космологія Немезія, еп. Емесскаго, въ ихъ отношеніи къ древней философіи и патристической литературѣ". Житоміръ, 1912 г., представленномъ (по исправленіи,—*въ печатномъ видѣ)* на соисканіе степени магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по первой каѳедрѣ патрологіи *И. В. Попова:*

„Въ своемъ опредѣленіи отъ 1 сентября 1911 года Совѣтъ Московской Духовной Академіи, признавъ сочиненіе г. Владимірскаго достаточнымъ для присужденія его автору степени магистра богословія, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ послѣднему при печатаніи своего труда устранить тѣ недостатки, которые были отмѣчены въ отзывахъ рецензентовъ. Въ концѣ прошедшаго года книга г. Владимірскаго поступила въ Совѣтъ Академіи уже въ печатномъ и исправленномъ видѣ и опредѣленіемъ Совѣта была передана рецензентамъ для новаго разсмотрѣнія.

Подробные отзывы съ общей характеристикой труда г. Владимірскаго, съ указаніемъ его недостатковъ и достоинствъ уже были представлены. Въ дополненіе къ нимъ теперь остается сказать только о томъ, насколько г. Владимірскимъ было выполнено предложеніе Совѣта объ исправленіи диссертаціи и насколько приняты имъ во вниманіе указанія рецензентовъ.

Недостатки книги, подлежавшіе исправленію, можно раздѣлить на двѣ группы. Первую составляютъ недосмотры частнаго характера: хронологичныя неточности, невѣрное изложеніе тѣхъ или другихъ философскихъ положеній, ошибки библіографическаго характера, неправильное употребленіе философскихъ терминовъ, случаи невѣрнаго перевода изъ источника и пособій, излишнія подробности, нежелательныя опущенія. Исправленія этого рода не требовали коренной переработки труда и облегчались точными указаніями страницъ въ рецензіяхъ. Они устранены авторомъ полностію. На ряду съ мелкими поправками, сокращеніями и дополненіями, замѣтными почти на каждой страницѣ, можно указать цѣлый рядъ мѣстъ, написанныхъ вновь. Таковы страницы: 38—39, 43—45, 117—118, 200—204, 233—234, 267—269, 285—288, 324—326, 409, 438—440, 449—450. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ поправокъ возбуждаютъ новыя недоумѣнія, хотя можно было бы пожелать, чтобы и неуказанное по страницамъ въ отзывахъ подверглось болѣе тщательному пересмотру по аналогіи съ указаннымъ, однако въ общемъ исправленіе частныхъ недостатковъ произведено авторомъ довольно удовлетворительно.

Другую группу недостатковъ, на которую было обращено вниманіе автора, составляютъ ошибки метода въ изложеніи ученія Немезія, въ выясненіи его источниковъ и отношенія къ патристической литературѣ. Они глубоко проникаютъ во всю структуру сочиненія и могли бы быть удалены только путемъ коренной и полной его переработки. Въ своихъ требованіяхъ рецензенты не шли такъ далеко: они удовлетворялись частичными улучшеніями и устраненіемъ наиболѣе яркихъ послѣдствій методологической неправильности въ постановкѣ вопросовъ. При переработкѣ своего сочиненія и въ этомъ отношеніи автору удалось достигнуть значительныхъ результатовъ. Въ книгѣ теперь опущено то, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ космологіи и антропологіи Немезія, гораздо меньше встрѣчается общихъ аналогій и поверхностныхъ сопоставленій, болѣе выдвинутъ элементъ различія между ученіемъ Немезія и доктринами другихъ церковныхъ писателей. Изъ трехъ большихъ отдѣловъ второй части г. Владимірскій удержалъ, согласно совѣтамъ рецензентовъ, только послѣдній, наиболѣе важный, пере-

смотрѣлъ его и дополнилъ нѣкоторыми подробностями изъ опущенныхъ отдѣловъ.

Въ общемъ сочиненіе г. Владимірскаго является теперь въ значительно улучшенномъ видѣ, а его положительныя стороны, указанныя въ рецензіяхъ, даютъ достаточное основаніе для присужденія автору степени магистра богословія".

б) Экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ психологіи *П. П. Соколова:*

„Въ своемъ первомъ отзывѣ о сочиненіи г. Владимірскаго я уже отмѣтилъ, что оно является плодомъ большого и серьезнаго труда. Авторъ, издавшій еще ранѣе хорошій комментированный переводъ трактата Немезія „*О природѣ человѣка*", подвергъ этотъ интересный памятникъ древне-христіанской мысли всестороннему изученію. Онъ не только далъ систематическое изложеніе и анализъ космологическихъ и антропологическихъ идей Немезія, но и сдѣлалъ попытку отыскать ихъ библейско-христіанскіе и эллинистическіе источники, опредѣлить ихъ значеніе въ исторіи патристической литературы и прослѣдить ихъ вліяніе на позднѣйшихъ христіанскихъ антропологовъ. Отдавая должное широтѣ научныхъ замысловъ г. Владимірскаго, его знаніямъ и его выдающемуся трудолюбію, я однако не могъ не указать въ его работѣ и весьма важныхъ недостатковъ. Въ первой части своего изслѣдованія онъ допустилъ рядъ крупныхъ ошибокъ и при истолкованіи мыслей Немезія, и при изученіи его источниковъ. Поддавшись искушенію модернизировать воззрѣнія этого древне-христіанскаго писателя, г. Владимірскій позволилъ себѣ сближать и отождествлять ихъ съ такими новѣйшими философскими и научными теоріями, съ которыми они явно не имѣли ничего общаго. Съ другой стороны, онъ не замѣтилъ у Немезія такихъ идей, которыя для него характерны и иногда дѣйствительно близки къ современнымъ научнымъ представленіямъ. Изслѣдуя эллинистическіе источники Немезія, авторъ не сумѣлъ надлежащимъ образомъ оцѣнить вліяніе Аристотеля на его космологію и психологію, обнаружилъ совершенно неправильное пониманіе аристотелевскаго ученія о душѣ и неоплатоническаго ученія о Божествѣ и мірѣ и впалъ въ цѣлый рядъ другихъ болѣе или менѣе важныхъ недоразумѣній и оши-

бокъ, основанныхъ или на невѣрныхъ переводахъ, или на недостаточномъ знакомствѣ съ исторіей греческой философіи. Что же касается второй части диссертаціи, то здѣсь существенные дефекты оказались не только въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, но и въ общей постановкѣ самой задачи. Вмѣсто того, чтобы указать особенности, отличающія Немезія отъ другихъ христіанскихъ антропологовъ, и выяснить его вліяніе на позднѣйшихъ церковныхъ писателей, несомнѣнно пользовавшихся его трактатомъ, г. Владимірскій предпринялъ изложеніе исторіи космологическихъ, антропологическихъ и христологическихъ ученій за весь патристическій періодъ, отмѣчая въ нихъ все, что ему казалось въ какой-либо мѣрѣ сходнымъ съ мыслями и выраженіями Емесскаго епископа. Въ результатѣ такого пріема получилась одновременно и чрезмѣрная переоцѣнка исторической роли Немезія и слишкомъ слабая оцѣнка его дѣйствительныхъ заслугъ. Съ одной стороны, этотъ второстепенный писатель превращался въ громадную историческую величину, около которой сосредоточилось все развитіе патристической космологіи, психологіи и даже христологіи; съ другой—онъ утрачивалъ свой индивидуальный обликъ и лишался всякаго значенія, такъ какъ оказывалось, что его идеи были общимъ достояніемъ его вѣка и въ существенномъ были высказаны еще апологетами. Всѣ эти недостатки требовали тщательнаго исправленія, и прежде чѣмъ печатать свою книгу, г. Владимірскій долженъ былъ подвергнуть ее значительной переработкѣ. Въ какой же мѣрѣ ему удалось выполнить эту задачу?

Читая диссертацію г. Владимірскаго въ ея теперешнемъ, печатномъ видѣ, я долженъ съ удовольствіемъ констатировать, что сдѣланныя ему указанія не остались безплодны. Въ первой части своего труда онъ устранилъ почти всѣ дефекты, на которые я обратилъ его вниманіе. Теперь онъ уже не открываетъ у Немезія ни онтологическаго монизма, ни атомизма, ни эволюціонизма, ни теоріи психофизическаго параллелизма, ни ученія о специфическихъ энергіяхъ. Если онъ и сравниваетъ ученіе Немезія о восходящей градаціи существъ съ эволюціонною теоріей, то лишь для того, чтобы со всею настойчивостью указать на ихъ коренную противоположность и подчеркнуть христіанско-теистическій харак-

теръ воззрѣній изучаемаго имъ церковнаго писателя. Правда, авторъ продолжаетъ говорить о „философіи исторіи“ Немезія, но, судя по смыслу его разсужденій, это уже скорѣе неудачный способъ выраженія, чѣмъ дѣйствительное непониманіе дѣла. Изслѣдуя источники Немезія, г. Владимірскій не рѣшается изобразить этого древне-христіанскаго психолога аристотеликомъ и ищетъ философскую основу его міровоззрѣнія главнымъ образомъ въ неоплатонизмѣ. Но въ дѣйствительности зависимость Немезія отъ Аристотеля сказывается на каждомъ шагу и авторъ видитъ теперь эту зависимость гораздо яснѣе, чѣмъ раньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже не впадаетъ въ прежнія грубыя недоразумѣнія при истолкованіи ученій Аристотеля и Плотина и тщательно исправляетъ всѣ мелкія неточности и ошибки, какія я у него замѣтилъ. Почти единственная внесенная имъ поправка, которая мнѣ кажется неудачной и съ которою я не могу согласиться, касается ученія Немезія о вѣчности или, точнѣе, безконечности міра. Г. Владимірскій приводитъ теперь тѣ слова Немезія изъ V-й главы трактата „*О природѣ человѣка*“, на которыя я обратилъ его вниманіе, но приводитъ ихъ въ неточномъ контекстѣ и усиливается доказать, что усматривать въ этихъ словахъ мысль о вѣчности міра можно только „при поверхностномъ и недостаточно правильномъ пониманіи“ ихъ (стр. 43—45. Сравн. стр. 274 и 369, гдѣ говорится уже нѣчто совсѣмъ иное). Нужно замѣтить, что такого „поверхностнаго и недостаточно правильнаго пониманія“, держатся, насколько мнѣ извѣстно, всѣ историки философіи, касавшіеся этой подробности космологическаго ученія Немезія. Впрочемъ, смыслъ словъ Немезія достаточно ясенъ и доводы, приводимые авторомъ въ защиту своего взгляда, настолько слабы, что едва ли могутъ ввести въ заблужденіе внимательнаго читателя.

Въ гораздо меньшей степени удалась г. Владимірскому передѣлка второй части его труда. Первоначально онъ намѣтилъ для этой передѣлки совершенно правильный планъ. Въ виду того, что его работа „приняла слишкомъ большіе размѣры и, притомъ, для изучаемаго спеціально писателя создавался слишкомъ широкій историческій фонъ“, онъ рѣшилъ выпустить тѣ главы, которыя ранѣе были посвящены у него „предшественникамъ“ и „современникамъ“ Немезія, и „оста-

новиться подробно лишь на писателяхъ послѣдующей эпохи, стоявшихъ въ близкой зависимости“ отъ Емесскаго епископа. Но ему, очевидно, стало жаль разстаться съ тѣмъ ученымъ балластомъ, которымъ онъ перегрузилъ второй томъ своей диссертаціи въ ея первоначальномъ видѣ, и онъ тутъ же ухватился за мысль, что для него „и при этомъ условіи оставалась возможность а) дѣлать попутно экскурсы въ область предшествующей патристической литературы и б) отмѣтить вліяніе патристической антропологіи на рѣшеніе вопросовъ христіанскаго богословія“ (стр. 238, примѣч.). Такимъ образомъ, предположенный планъ оказался выполненнымъ только отчасти. Первыя двѣ главы второй части дѣйствительно были выброшены, но значительная доля заключавшагося въ нихъ матеріала была механически перенесена въ сохранившуюся третью. Разсматривая труды позднѣйшихъ писателей, дѣлавшихъ буквальныя заимствованія изъ трактата *„О природѣ человѣка“*, г. Владимірскій тутъ же излагаетъ космологическія, антропологическія и христологическія ученія и отцовъ первыхъ четырехъ вѣковъ, которые уже не могли стоять ни въ какой литературной зависимости отъ Немезія. И читатель въ концѣ концовъ затруднится рѣшить, о чемъ авторъ собственно пишетъ: о вліяніи Немезія на его „послѣдователей“ или о развитіи патристической философіи и богословія вообще. Историческое значеніе Немезія преувеличивается почти по прежнему и его подлинный литературный обликъ продолжаетъ оставаться неяснымъ. Правда, авторъ принимаетъ и ту характеристику этого писателя, которую я рекомендовалъ его вниманію въ своемъ отзывѣ (стр. 233—234, 285—286, 449), но онъ вводитъ эту характеристику въ кругъ своихъ разсужденій опять чисто механически, безъ всякой внутренней связи съ тѣмъ, что онъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ признать, что и во вторую часть своей диссертаціи г. Владимірскій внесъ весьма значительныя улучшенія. Выпустивъ многое изъ того, что ранѣе составляло содержаніе первыхъ двухъ ея главъ, онъ тѣмъ самымъ освободилъ ее отъ такихъ подробностей, которыя не имѣли съ предметомъ его изслѣдованія уже никакой логической или прагматической связи. Въ то же время это дало ему возможность выдвинуть на первый планъ вопросъ, очень мало

изслѣдованный, но дѣйствительно интересный и важный,— вопросъ о заимствованіяхъ позднѣйшихъ христіанскихъ антропологовъ изъ трактата Немезія. Хотя онъ изучаетъ эти заимствованія и не совсѣмъ такъ, какъ это было бы нужно, но достигнутые имъ результаты все-таки цѣнны. Приводимый имъ рядъ параллельныхъ ссылокъ и текстуальныхъ сопоставленій не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что св. Іоаннъ Дамаскинъ, Максимъ Исповѣдникъ, Илья Критскій и Мелетій Монахъ широко пользовались сочиненіемъ не упоминаемаго ими финикійскаго епископа. Наконецъ, много выиграло у него и изображеніе отношеній Немезія къ остальнымъ писателямъ патристической эпохи. Теперь въ его книгѣ уже нѣтъ тѣхъ бьющихъ въ глаза несообразностей, къ которымъ его приводило ранѣе стремленіе связать имя этого второстепеннаго литературнаго дѣятеля съ самыми разнообразными теченіями древне-христіанской мысли, и почти не встрѣчается тѣхъ неточныхъ и двусмысленныхъ выраженій, которыя придавали его историческимъ аналогіямъ подчасъ такой парадоксальный и наивный характеръ.

Въ общемъ мнѣ кажется, что исправленія, сдѣланныя г. Владимірскимъ, достаточны. Въ своемъ настоящемъ видѣ его диссертація представляетъ несомнѣнную научную цѣнность и даетъ ему полное право на магистерскую степень.“

Справка: 1) Совѣтъ Академіи, выслушавъ въ собраніи своемъ 1 сентября 1911 года отзывы рецензентовъ—экстраординарныхъ профессоровъ *П. В. Попова* и *П. П. Соколова*— о представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія преподавателемъ Волынской духовной семинаріи Ѳ. Владимірскимъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Антропологія и космологія Немезія, еп. Емесскаго, въ ихъ отношеніи къ древней философіи, предшествующей и послѣдующей патристической литературѣ“, постановилъ: „Признать сочиненіе достаточнымъ для сей степени и одобрить оное къ напечатанію подъ непремѣннымъ условіемъ устраненія всѣхъ, отмѣченныхъ въ отзывахъ, недостатковъ“.— 2) По представленіи печатныхъ экземпляровъ диссертаціи, Совѣтъ Академіи, по опредѣленію отъ 22 ноября 1912 года, поручилъ вышепоименованнымъ г.г. рецензентамъ „просмотрѣть магистерскую диссертацію г. Владимірскаго и пред-

ставить Совѣту Академіи свое заключеніе о томъ, насколько выполнено авторомъ, при печатаніи сочиненія, поставленное ему Совѣтомъ Академіи условіе признанія диссертаціи удовлетворительною для степени магистра богословія".

Опредѣлили: 1) Допустить преподавателя Волынской духовной семинаріи *Ѳедора Владимірскаго* къ защитѣ его магистерской диссертаціи на коллоквіумѣ.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертаціи назначить экстраординарныхъ профессоровъ Академіи *И. В. Попова* и *П. П. Соколова*.—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи, по представленіи магистрантомъ 65-ти экземпляровъ диссертаціи, войти съ нимъ въ соглашеніе относительно дня коллоквіума и пригласить къ участію въ послѣднемъ стороннихъ лицъ.

V. Прошеніе ректора Вологодской духовной семинаріи, *протоіерея Николая Малиновскаго*:

„Представляя при семъ свой трудъ „Православное Догматическое Богословіе", III и IV томы, на степень доктора богословія, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство дать дѣлу надлежащее движеніе. Первые два тома этого труда въ свое время мною были представлены въ Московскую Духовную Академію на степень магистра богословія и одинъ послѣ уже того изданъ съ значительными исправленіями и дополненіями, а другой приготовляется къ печати въ дополненномъ и исправленномъ видѣ. Для потребныхъ справокъ прилагаю и I-й т. во второмъ изданіи".

Справка: 1) По *§ 173* устава духовныхъ академій: „Лицо, имѣющее степень магистра богословія, удостоивается степени доктора богословскихъ наукъ по представленіи признаннаго соотвѣтствующимъ цѣли печатнаго сочиненія по одной изъ отраслей богословскаго вѣдѣнія, безъ новаго устнаго испытанія и безъ защиты сочиненія на коллоквіумѣ".—2) Воспитанникъ Московской Духовной Академіи выпуска 1885 года (нынѣ протоіерей) Николай *Малиновскій* степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ Московской же Духовной Академіи за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Православное догматическое богословіе (Часть первая. Харьковъ, 1895 г.—

Часть вторая. Первая половина. Ставрополь губернскій, 1903 г.)“ и утвержденъ въ этой степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 21 апрѣля 1904 года за № 3910.—3) По § 109 лит. *а* п. 15 академическаго устава „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученыя степени и оцѣнка оныхъ (§§ 172 и 173)“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Представленные о. ректоромъ Вологодской духовной семинаріи протоіереемъ Николаемъ Малиновскимъ на соисканіе степени доктора богословія труды передать для разсмотрѣнія и. д. доцента Академіи по первой каѳедрѣ Свящ. Писанія Новаго Завѣта *В. А. Троицкому.*

VI. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ печатныхъ трудовъ, представленныхъ о. протоіереемъ Николаемъ Малиновскимъ на соисканіе степени доктора богословія, онъ назначаетъ члена Совѣта—ординарнаго профессора по каѳедрѣ нравственнаго богословія *М. М. Тарѣева.*

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Заслуженный ординарный профессоръ Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ систематической философіи и логикѣ и членъ академическаго Правленія, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *А. И. Введенскій*, тяжко заболѣвшій и находящійся нынѣ въ Московской хирургической лечебницѣ доктора медицины Руднева, вмѣстѣ съ просьбою объ исходатайствованіи ему годичнаго отпуска для излеченія отъ болѣзни, представилъ мнѣ свидѣтельство изъ упомянутой лечебницы, за подписью директора оной—доктора медицины Руднева и врача Троицкаго, отъ 19 января сего 1913 года, слѣдующаго содержанія:

„Дано сіе свидѣтельство ординарному профессору Московской Духовной Академіи Алексѣю Ивановичу Введенскому на предметъ представленія въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи въ удостовѣреніе того, что онъ страдаетъ воспаленіемъ мочевого пузыря и околопузырной клѣтчатки, пря-

мой и S—образной кишекъ, а также и клѣтчатки окружающей эти кишки (cystitis, pericystitis, proctitis, paraproctitis et sygmoiditis). Болѣзнь относится къ числу очень затяжныхъ, и судя по клиническимъ наблюденіямъ до сего времени, потребуетъ для своего излеченія въ общей совокупности около одного года. Больной находится на излеченіи въ Хирургической лечебницѣ доктора медицины Сергѣя Михайловича Руднева въ Москвѣ".

Признавая, съ своей стороны, просьбу заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи А. И. Введенскаго, въ виду его дѣйствительно тяжкой болѣзни и по вниманію къ свыше-двадцатипятилѣтней выдающейся профессорской дѣятельности его въ Академіи, заслуживающею уваженія,—предлагаю Совѣту Академіи возбудить установленнымъ порядкомъ ходатайство о дарованіи профессору Введенскому годичнаго отпуска для излеченія.

Вмѣстѣ съ симъ, принимая во вниманіе интересы учебнаго дѣла въ Академіи и ближайшимъ образомъ интересы студентовъ I-го курса, слушавшихъ въ минувшемъ первомъ полугодіи 1912—1913 учебнаго года лекціи профессора Введенскаго по систематической философіи и логикѣ и нынѣ, за его болѣзнію, лишенныхъ возможности выслушать полный курсъ и сдать установленное испытаніе по этому предмету, считаю долгомъ поставить на обсужденіе Совѣта вопросъ: не слѣдуетъ ли, впредь до выздоровленія профессора А. И. Введенскаго и не долѣе, конечно, какъ на годичный срокъ,—поручить преподаваніе систематической философіи и логики одному изъ наличныхъ преподавателей Академіи, съ выдачею ему изъ остатковъ по содержанію лицъ Управленія и учащихъ въ Академіи установленнаго § 86-мъ академическаго устава дополнительнаго вознагражденія въ размѣрѣ жалованья доцента?"

Справка: Устава духовныхъ академій *§ 86*: „Занятіе двухъ каѳедръ однимъ преподавателемъ можетъ быть допущено Совѣтомъ, съ разрѣшенія Св. Синода, лишь въ крайнихъ случаяхъ и никакъ не долѣе одного года. За преподаваніе по вакантной каѳедрѣ преподаватель получаетъ дополнительное вознагражденіе въ размѣрѣ, не превышающемъ жалованья доцента".

Опредѣлили: Соглашаясь съ предложеніемъ Преосвященнаго Ректора Академіи,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ: 1) о разрѣшеніи заслуженному ординарному профессору Академіи по каѳедрѣ систематической философіи и логики и члену академическаго Правленія, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, *А. И. Введенскому* годичнаго отпуска для излеченія отъ болѣзни, съ сохраненіемъ за нимъ правъ службы и получаемаго по оной содержанія; 2) о разрѣшеніи Совѣту Академіи, впредь до выздоровленія профессора Введенскаго и не долѣе, какъ на годичный срокъ, поручить преподаваніе систематической философіи и логики студентамъ I курса Академіи—ординарному профессору по каѳедрѣ основного богословія *С. С. Глаголеву*, изъявившему на то свое согласіе,—съ выдачею ему дополнительнаго вознагражденія въ размѣрѣ, не превышающемъ жалованья доцента (864 р. въ годъ), изъ остатковъ по содержанію лицъ Управленія и учащихъ въ Академіи за 1913-й годъ.

VIII. Отношеніе Правленія Императорскаго Московскаго Университета, отъ 3 января за № 22:

„Правленіе Университета имѣетъ честь сообщить Совѣту Духовной Академіи, что постановленіемъ Правленія 29-го минувшаго Декабря разрѣшено Профессору Академіи Анатолію Петровичу *Орлову* пользоваться книгами и журналами Университетской Библіотеки, съ отпускомъ таковыхъ на домъ, подъ ручательствомъ Совѣта Академіи за цѣлость и сохранность книгъ“,

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Отчетъ и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова*:

„Опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 18 текущаго декабря я былъ назначенъ представителемъ отъ Академіи на Предварительный Съѣздъ въ Москвѣ дѣятелей музеевъ.

Настоящимъ долгъ имѣю сообщить Совѣту Академіи краткій отчетъ (подробный будетъ напечатанъ въ Богословскомъ Вѣстникѣ) по своей командировкѣ.—Съѣздъ состоялся 27—

30 декабря. Главной задачей его было выработать приблизительную программу и намѣтить вопросы для перваго съѣзда дѣятелей музеевъ, который будетъ созванъ въ декабрѣ 1914 года въ Москвѣ. По иниціативѣ ген.-майора Струкова, Завѣдывающаго Артиллерійскимъ Музеемъ въ Петербургѣ, члены съѣзда разбились на секціи: 1) церковно-археологическихъ музеевъ, 2) столичныхъ музеевъ, 3) мѣстныхъ и провинціальныхъ музеевъ и 4) архивовъ. Какъ представитель Духовной Академіи, я работалъ въ секціи церковно-археологическихъ музеевъ, предсѣдателемъ которой состоялъ о. архим. Димитрій, хранитель Московской Патріаршей Ризницы. Секція имѣла два засѣданія, гдѣ были подняты и рѣшались вопросы объ упорядоченіи и развитіи церковно-археологическихъ музеевъ, находящихся теперь, въ большинствѣ, въ самомъ безотрадномъ положеніи. Было выяснено, какое громадное воспитательное значеніе имѣютъ церковно-археологическіе музеи не только для каждаго, любящаго свою Родину въ ея прошломъ, но особенно для духовно-учебныхъ заведеній, воспитанники которыхъ нуждаются въ возможно богатыхъ наглядныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи церковнаго искусства. Секція единогласно пришла къ заключенію: 1) о необходимости предоставленія церковно-археологическимъ музеямъ возможно лучшаго, постояннаго и удобнаго помѣщенія для храненія памятниковъ церковной старины, 2) о назначеніи хранителями церковно-археологическихъ музеевъ лицъ компетентныхъ въ вопросахъ церковнаго искусства и нестѣсненныхъ занятіями, которыя мѣшали бы аккуратно открывать музеи для всѣхъ интересующихся; въ виду этого необходимо назначеніе опредѣленнаго жалованья завѣдывающимъ таковыми музеями, 3) желательно установить опредѣленный источникъ содержанія церковно-археологическихъ музеевъ, чтобы они имѣли возможность научнымъ образомъ обогащать свои коллекціи, 4) необходима выработка нормальнаго и для всѣхъ церковно-археологическихъ музеевъ обязательнаго Устава, 5) желательно извѣстное объединеніе между церковными и свѣтскими хранилищами древностей, 6) необходимо образованіе нѣкотораго центральнаго Учрежденія, которое объединяло бы всѣ церковно-археологическіе музеи, издавало бы особый печатный органъ, 7) весьма желателенъ обмѣнъ изданіями и дубликатами между отдѣльными церковно-археологиче-

скими музеями, 8) желательно составленіе описей церквей, 9) необходимо организовать частныя поѣздки членовъ церковно-археологическихъ комитетовъ по епархіямъ съ цѣлью осмотра церквей, провѣрки описей и опредѣленія научной цѣнности тѣхъ или другихъ, лежащихъ безъ употребленія церковныхъ вещей, 10) необходимо предоставленіе членамъ такихъ экскурсій права забирать такія вещи для помѣщенія въ церковно-археологическихъ музеяхъ. Секція выразила желаніе о привлеченіи духовенства къ храненію и бережному обращенію съ церковными предметами, для чего необходимо поднять интересъ къ такимъ предметамъ путемъ устройства лекцій, бесѣдъ и пр. Такія предположенія секціи церковно-археологическихъ музеевъ были заслушаны въ общихъ собраніяхъ Съѣзда и внесены въ протоколы, какъ матеріалъ для съѣзда дѣятелей музеевъ въ 1914 году".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Прошеніе и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ догматическаго богословія *А. М. Туберовскаго*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать мое кандидатское сочиненіе въ магистерское съ замѣною прежней темы: „Значеніе Воскресенія Христова въ дѣлѣ спасенія по ученію Новаго Завѣта" иною, соотвѣтствующей характеру переработки: „Воскресеніе Христово (опытъ православно-мистической идеологіи догмата)".

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 года за № 2565 Совѣтамъ Академій предписано было: „дозволять удостоеннымъ степени кандидата передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертаціи съ большою осторожностью и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея".

Опредѣлили: Дозволить и. д. доцента Академіи А. М. Туберовскому переработать его кандидатское сочиненіе въ магистерскую диссертацію, съ указаннымъ въ прошеніи измѣненіемъ темы,—о чемъ и представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XI. Отношенія:

а) Архива Святѣйшаго Синода, отъ 9 января за № 11, съ возвращеніемъ рукописи академической библіотеки за № 201 (святцы съ лѣтописью), высланной для научныхъ занятій Архиваріуса А. Никольскаго.

б) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 18 декабя 1912 г. за № 3472, съ увѣдомленіемъ о полученіи рукописи Волоколамской библіотеки за № 3 (Стихирарь), высланной для научныхъ занятій преподавателя Московскаго Синодальнаго Училища священника Д. Аллеманова.

в) Графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой, отъ 10 января, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій и. д. доцента Академіи Н. Л. Туницкаго, рукописи собранія графа А. С. Уварова за № 1772 (509) (Царск. 362) въ 4°.

г) Императорской Археографической Коммиссіи, отъ 21 декабря 1912 года за № 714, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій того же Н. Л. Туницкаго, рукописнаго сборника за № 211 (по описанію Барсукова).

д) Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 2 января за № 4, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій того же Н. Л. Туницкаго, рукописи Софійской библіотеки за № 1376 (312) (Минея-Четья за мѣсяцы іюль и августъ, XIV—XV в.).

е) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 21 декабя 1912 года за № 1869, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій того же Н. Л. Туницкаго, рукописей Лаврской библіотеки за №№ 9 (2022), 12 (2023), 199 (1640), 804 (1643) и 745 (1886).

ж) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 18 декабря 1912 года за № 2406, съ препровожденіемъ, на мѣсячный срокъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора священника Е. А. Воронцова, еврейской рукописи I Собранія Фирковича В. 6. (отрывокъ Библіи) и книги Revue des Etudes Juives за 1880 годъ.

з) Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 22 декабря 1912 года за № 1570, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій того же священника Е. А. Воронцова, книги: Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft, 1884 (Giessen).

п) Управленія Московской Синодальной Типографіи, отъ 18 декабря 1912 года за № 10378, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій и. д. доцента Академіи В. П. Виноградова, принадлежащаго Московской Типографіи Библіотекѣ „Греческаго Устава“ (Венеція, 1577 г.) за № 3046 (29, 2553).

Справка: Означенныя въ п.п. в—и рукописи и книги, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Отношеніе Преосвященнаго Ректора Казанской Духовной Академіи *Епископа Анастасія*, отъ 17 декабря 1912 года за № 4541:

„Совѣтъ Казанской Духовной Академіи въ засѣданіи своемъ 8 марта сего года выработалъ слѣдующія правила касательно высылки рукописей Соловецкой библіотеки: Рукописи высылать только тѣмъ учрежденіямъ, которыя предварительно дадутъ подписку:

1) По полученіи просимой рукописи изъ библіотеки Академіи сообщить о семъ немедленно Совѣту Академіи.

2) Тщательно хранить рукопись въ безопасномъ отъ огня и порчи мѣстѣ.

3) Пользованіе рукописью разрѣшать только въ присутственномъ мѣстѣ.

4) По истеченіи срока немедленно высылать въ Академію, принимая всѣ мѣры къ сохраненію въ цѣлости во время пересылки.

Сообщая о семъ, долгомъ почитаю заявить, что до полученія обязательства просимая рукопись не можетъ быть выслана“.

Справка: По п. 9-му *„Правилъ пересылки рукописей, книгъ и документовъ изъ одного учрежденія въ другое“*, предложенныхъ къ руководству лицамъ и учрежденіямъ духовнаго вѣдомства опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода *отъ 20 января — 7 февраля 1907 года за № 314*: „Книгохранилище—собственникъ имѣетъ право поставить книгохранилищу—заемщику, какія найдетъ нужнымъ, условія пользованія предметомъ

(чтобы предметъ не былъ выносимъ изъ стѣнъ книгохранилища—заемщика, чтобы предметъ былъ предоставленъ въ пользованіе только извѣстному лицу и т. п.)".

Опредѣлили: Увѣдомить Преосвященнаго Ректора Казанской Духовной Академіи, что Совѣтъ Московской Духовной Академіи принимаетъ на себя обязательство слѣдить за точнымъ исполненіемъ выработанныхъ Совѣтомъ Казанской Духовной Академіи дополнительныхъ условій пользованія рукописями Соловецкой библіотеки, — съ возобновленіемъ ходатайства о высылкѣ въ Московскую Академію рукописи означенной библіотеки за № 1117 — для научныхъ занятій и. д. доцента Академіи В. П. Виноградова.

XIII. Прошенія студентовъ II курса Академіи:

а) Николая *Гераскевича*, Александра *Куханова* и Виктора *Матвѣевича*: „Покорнѣйше просимъ Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить намъ писать третье семестровое сочиненіе въ нынѣшнемъ учебномъ году по русской гражданской исторіи, вмѣсто греческаго языка, такъ какъ по послѣднему предмету мы писали семестровое сочиненіе въ прошломъ году.—На чтеніе нашихъ семестровыхъ сочиненій проф. М. М. Богословскій далъ свое согласіе".

б) Сергѣя *Колосова*: „Честь имѣю просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ писать третье курсовое сочиненіе по предмету психологіи вмѣсто греческаго языка, такъ какъ по греческому языку я уже подалъ семестровое сочиненіе на первомъ курсѣ. Профессоръ П. П. Соколовъ свое согласіе читать мое сочиненіе изъявилъ".

в) Николая *Сапожникова*: „Въ виду того, что въ прошломъ 1911—1912 учебномъ году на первомъ курсѣ, за отсутствіемъ профессора по первому предмету третьей группы, я, по постановленію Совѣта Московской Духовной Академіи, писалъ уже сочиненіе по греческому языку, прошу Ваше Преосвященство разрѣшить мнѣ въ этомъ году вмѣсто сочиненія по греческому языку писать по исторіи и обличенію католичества—одного изъ предметовъ четвертой группы, на которой я теперь состою".

Опредѣлили: Признавая изложенныя просьбы студентовъ второго курса заслуживающими уваженія, разрѣшить сту-

дентамъ *Гераскевичу*, *Куханову* и *Матвѣевичу* писать третье семестровое сочиненіе, вмѣсто греческаго языка,—по русской гражданской исторіи, *Колосову*—по психологіи и *Сапожникову*—по исторіи и обличенію западныхъ исповѣданій.

XIV. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта имѣются слѣдующія преміи:

а) *Митрополита Московскаго Макарія—двѣ* преміи *по 482 р.* каждая (отъ 1911 и 1912 г.г.) за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи;

б) *Митрополита Московскаго Макарія одна* премія *въ 289 р.*—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи, и

в) *Епископа Курскаго Михаила—три* преміи *по 201 р.* каждая (отъ 1910, 1911 и 1912 г.г.)—за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію".

б) Представленіе сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*:

„Неутомимый *профессоръ Сергѣй Сергѣевичъ Глаголевъ* въ прошломъ году подарилъ русской богословской литературѣ два цѣнные труда: 1) „О происхожденіи человѣка (разборъ теоріи Васманна) 102 стр.,—и 2) „Пособіе къ изученію Основного Богословія" 285 стр. Въ первомъ трудѣ дается церковно-библейское рѣшеніе вопроса о происхожденіи человѣка путемъ раскрытія несостоятельности новѣйшей эволюціонной теоріи Васманна и нѣкоторыхъ другихъ, съ ней однородныхъ,—и разъясненія церковно-библейскаго о семъ ученія. Второй трудъ представляетъ обширное, хотя и весьма сжато, иногда даже конспективно, изложенное, изслѣдованіе основныхъ предметовъ Богословія: вѣры, богопознанія, Бога, происхожденія міра, свободы воли, зла и провидѣнія, безсмертія души, безсмертія прошедшаго, вѣчности, Господа Іисуса Христа и Церкви, съ предварительными трактаціями о Богословіи и Апологетикѣ.

Обширное, доходящее едва не до предѣльной полноты знакомство съ огромною, спеціальною и соприкосновенною,

литературою по вопросу о происхожденіи человѣка и по Основному и Апологетическому Богословію, какъ на иностранныхъ, такъ и на русскомъ языкахъ,—богатство и разнообразіе содержанія, всесторонній охватъ предметовъ и широта изслѣдовательнаго горизонта въ обоихъ трудахъ, особенно же во второмъ,—энциклопедическая ученость автора въ богословіи, философіи, наукахъ историческихъ и естественныхъ (въ послѣднихъ многіе отдѣлы названныхъ трудовъ проявляютъ автора настоящимъ спеціалистомъ),—истохристіанская глубина богословскихъ созерцаній,—ясность и отчетливость въ постановкѣ трактуемыхъ вопросовъ, основательность опроверженія противохристіанскихъ теорій и убѣдительность апологіи христіанства,—оригинальность нѣкоторыхъ объясненій и предположеній въ цѣляхъ защиты истины Христовой,—наконецъ, краткость, ясность и увлекательность изложенія:—вотъ наиболѣе выдающіяся качества названныхъ сочиненій проф. Глаголева, присущія и всѣмъ его многочисленнымъ прежнимъ трудамъ.

Но главенствующимъ и наиболѣе характернымъ достоинствомъ всѣхъ вообще работъ проф. Глаголева должно признать то, что онѣ служатъ гранью или звѣномъ, соединяющимъ религіозно-богословскія области созерцанія и разумѣнія съ науками естественными или экспериментальными, то-есть вѣру съ разумомъ или знаніемъ. Извѣстна потребность нашего духа—интересоваться неизвѣстными или малоизвѣстными ему предметами, благодаря которой теологи такъ жаждутъ нерѣдко знакомства съ науками естественными и наоборотъ—спеціалисты наукъ свѣтскихъ проявляютъ часто желаніе приникнуть къ богословскимъ интуиціямъ и религіознымъ упованіямъ. Тѣмъ и другимъ даютъ полное удовлетвореніе всѣ труды проф. Глаголева и въ частности—вышеназванные.

Благодаря всѣмъ указаннымъ свойствамъ, увѣнчаніе этихъ трудовъ преміей преосв. Макарія будетъ дѣломъ непререкаемой справедливости".

в) Представленіе экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„На основаніи § 10 Правилъ о присужденіи премій Митрополита Московскаго Макарія честь имѣю обратить вниманіе

Совѣта Московской Духовной Академіи на книгу *проф. С. И. Смирнова*—„Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины“, вышедшую въ концѣ 1912 года въ изданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Новый трудъ проф. С. И. Смирнова стоитъ въ связи съ его давнишними изслѣдованіями о духовномъ отцѣ и представляетъ собою собраніе матеріаловъ для имѣющаго въ скоромъ времени появиться сочиненія о древне-русскомъ духовникѣ. Цѣлью и замысломъ автора опредѣляется характеръ и составъ его книги. Она содержитъ въ себѣ памятники, до сихъ поръ мало извѣстные или совсѣмъ неизвѣстные въ наукѣ, и опускаетъ тѣ, которые хорошо изучены и доступны всякому въ хорошихъ изданіяхъ. Такъ какъ покаянная письменность, вошедшая въ составъ древне-русскихъ кормчихъ, въ достаточной мѣрѣ обслѣдована цѣлымъ рядомъ выдающихся канонистовъ и историковъ русской церкви и литературы, а относительно покаянной письменности богослужебнаго характера, нашедшей мѣсто въ древне-русскихъ требникахъ, также имѣется капитальное изслѣдованіе проф. А. И. Алмазова, то авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на слабо освѣщенныхъ сборникахъ каноническаго характера, въ которыхъ покаянная письменность занимаетъ господствующее положеніе. Но такъ какъ онъ собираетъ матеріалы не для исторіи каноническаго права на Руси, а для исторіи бытовой стороны покаянной дисциплины, то въ составъ его собранія естественно вошли памятники не одинаковаго каноническаго достоинства. Среди нихъ находятся болѣе или менѣе авторитетные фрагменты не вошедшихъ въ кормчія постановленій древне-русскихъ соборовъ и отдѣльныхъ іерарховъ, статьи сомнительной авторитетности, исходившія отъ неизвѣстныхъ духовниковъ того времени, и, такъ называемые, „худые номоканунцы“, отступавшіе отъ освященныхъ церковью нормъ и потому рѣшительно осуждавшіеся ею. Но для исторіи бытовой стороны исповѣди эти „худые номоканунцы“ какъ разъ и являются наиболѣе важнымъ источникомъ, такъ какъ гораздо полнѣе и живѣе прочихъ отражаютъ въ себѣ породившую ихъ среду съ ея міросозерцаніемъ, нравами и каноническимъ сознаніемъ.

Книга проф. С. И. Смирнова распадается на двѣ части: матеріалы и замѣтки къ нимъ.

Первая часть содержитъ въ себѣ болѣе шестидесяти памятниковъ подъ 48-ью нумерами. Изъ нихъ №№ XL, XLI, XLII, XLVII уже были изданы авторомъ ранѣе, но теперь ихъ тексты выходятъ въ болѣе совершённомъ видѣ: они пересмотрѣны по новымъ рукописямъ и исправлены на основаніи найденныхъ издателемъ лучшихъ редакцій. Другую группу составляютъ памятники, обращавшіеся въ недостаточно тщательныхъ и исправленныхъ изданіяхъ и теперь переизданные авторомъ по болѣе надежнымъ спискамъ. Это—№№ XVI, XIX, XXXIV, XXXVI, XXXIX, XLVII. Далѣе слѣдуетъ немногочисленная группа текстовъ, уже извѣстныхъ въ наукѣ, отчасти использованныхъ въ нѣкоторыхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, отчасти лишь упоминаемыхъ въ нихъ, но до настоящаго времени существовавшихъ только въ рукописяхъ и не находившихъ для себя издателя. Въ тщательномъ изданіи автора они появляются въ печати впервые. Эта группа обнимаетъ собою №№ XX, XXIII, XXV, XXXVIII, XL. Всѣ остальные памятники т. е. подавляющее большинство текстовъ разысканы самимъ авторомъ, теперь только становятся достояніемъ печати и являются безусловною новостью для науки. Нѣкоторые изъ этихъ новыхъ матеріаловъ отличаются особенною цѣнностью. Такъ, помѣщенная подъ № II „Нѣкоторая заповѣдь“—памятникъ славянскаго происхожденія и глубокой древности (пол. XI в.)—отражаетъ въ себѣ очень интересныя и архаическія черты древнѣйшей церковной дисциплины. „Написанія Митрополита Георгія русскаго и Ѳеодоса“ (№ IV) обращалось на Руси въ полов. XII в. „Правило съ именемъ Максима“ (№ VIII), вѣроятно домонгольскаго времени, позволяетъ установить имя одного русскаго писателя, до настоящаго времени неизвѣстнаго (Максима епископа Бѣлгородскаго). „Изложеніе правиломъ Апостольскимъ и Отеческимъ“ (№ IX) содержитъ много интересныхъ данныхъ для характеристики русскаго церковнаго быта. „Покаянье“ (№ XXIV) представляетъ собою древнѣйшій епитимійникъ изъ до сихъ поръ извѣстныхъ. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще рядъ „худыхъ номоканунцевъ“ (№№ XXII—XXX), изданіе которыхъ получаетъ особое значеніе вслѣдствіе того обстоятельства,

что вопросъ объ этого рода памятникахъ еще очень мало разработанъ.

Изданіе перечисленныхъ матеріаловъ—плодъ усиленныхъ занятій автора въ извѣстнѣйшихъ рукописныхъ библіотекахъ: Московской Академіи, Троице-Сергіевой Лавры, Московской Синодальной, Румянцовскаго Музея, Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, С.П.Б. Публичной, С.П.Б. Духовной Академіи, Императорской Академіи Наукъ, Казанской Духовной Академіи. Для ознакомленія съ рукописями авторъ или предпринималъ научныя поѣздки или выписывалъ рукописи въ Посадъ (изъ библіотеки Казанской Духовной Академіи и Гр. Уварова). Количество изученныхъ авторомъ рукописей должно быть очень велико.

Вторую часть труда проф. С. И. Смирнова составляетъ рядъ трактатовъ обо всѣхъ изданныхъ памятникахъ, скромно названныхъ авторомъ замѣтками въ виду того, что въ нихъ не затрогиваются вопросы палеографіи и тексты не изслѣдуются съ чисто филологической точки зрѣнія. Въ дѣйствительности эти замѣтки очень часто переходятъ въ цѣлыя изслѣдованія о мѣстѣ и времени возникновенія того или другого памятника, его авторѣ, каноническомъ достоинствѣ и источникахъ. Таковы напр. §§ 5, 7, 16 и 42. Написанные чрезвычайно сжато, безъ лишнихъ словъ и ненужныхъ подробностей, они обильны содержаніемъ и основываются на богатой эрудиціи. Историко-библіографическое изученіе подобныхъ памятниковъ встрѣчаетъ на своемъ пути иногда непреодолимыя трудности въ виду анонимности и псевдонимности большей части произведеній древне-русской канонической, литургической и епитимійной литературы. Только сопряженное съ большой затратой времени сравнительное изученіе ихъ въ связи съ соотвѣтствующей греческой и южнославянской литературой можетъ привести здѣсь къ нѣкоторымъ результатамъ. И авторъ не жалѣлъ ни времени, ни усилій. Поэтому историкъ русской церкви и даже историкъ русской литературы найдетъ въ его замѣткахъ много для себя новаго и цѣннаго.

Въ виду сказаннаго нахожу справедливымъ рекомендовать книгу проф. С. И. Смирнова, плодъ его многолѣтнихъ, напряженныхъ занятій, на имѣющуюся въ распоряженіи Совѣта премію Митрополита Московскаго Макарія".

г) Представленіе экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

При присужденіи премій преосвященнаго Макарія за лучшіе труды наставниковъ Академіи Совѣтъ не можетъ, мнѣ кажется, обойти своимъ вниманіемъ II томъ „Земскаго самоуправленія на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“ *проф. М. М. Богословскаго*, вышедшій въ прошломъ, 1912 г. Нѣтъ нужды подробно перечислять достоинства труда проф. Богословскаго, за первый томъ котораго ему присуждена Московскимъ Университетомъ степень доктора русской исторіи. Второй томъ, неразрывно связанный съ первымъ, одинаково цѣненъ.

Задача труда—изучить мѣстное земское самоуправленіе въ Московскомъ государствѣ съ его фактической, дѣйствительной стороны, показать, какъ осуществлялась въ жизни земская реформа Грознаго. Авторъ ограничиваетъ свою задачу какъ по мѣсту—беретъ лишь русскій сѣверъ, оставивъ Замосковный край, такъ и по времени:—одинъ XVII в., опустивъ вторую половину XVI стол. И руководился онъ въ данномъ случаѣ совершенно убѣдительными соображеніями: тѣмъ, что въ Поморскомъ краѣ, нѣкогда кипѣвшемъ жизнью, сохранившемъ въ своемъ строѣ печать новгородской вольности, земское самоуправленіе пустило глубокіе корни, тогда какъ въ Замосковномъ краю оно по разнымъ причинамъ скоро разстроилось, и еще тѣмъ, что относящіеся къ вопросу памятники XVI в. слишкомъ отрывочны, сохранились въ такомъ незначительномъ количествѣ, что не даютъ возможности представить сколько-нибудь полную картину устройства и дѣятельности мѣстнаго земскаго самоуправленія за это время. Изслѣдованіе ведется по такому плану: въ I томѣ даются географическія очертанія, въ которыя замыкалось земское самоуправленіе Поморья, описывается тотъ общественный строй, въ которомъ оно должно было дѣйствовать, и самые органы самоуправленія. Это какъ бы анатомія земскихъ учрежденій XVII в.—II томъ посвященъ изученію дѣятельности органовъ самоуправленія, отношеній, установившихся въ XVII в. между земскими мірами и правительственной властью, наконецъ, причинъ, которыя обусловили упадокъ земскихъ учрежденій XVII вѣка. Этотъ томъ представляетъ собою какъ бы физіологію и патологію ихъ.

Трудъ проф. Богословскаго является новостью въ нашей

литературѣ въ томъ отношеніи, что здѣсь въ первый разъ изучается *жизнь земскихъ учрежденій* Московской Руси, тогда какъ прежніе историки изслѣдовали лишь *законодательство о земскихъ учрежденіяхъ*. Авторъ скромно заявляетъ: „Работа по необходимости должна была получить подготовительный, черновой характеръ: приходилось не обсуждать значеніе установленныхъ, готовыхъ фактовъ, а только добывать и устанавливать самые факты“. На дѣлѣ его трудъ даетъ обстоятельный, прямо исчерпывающій анализъ земскаго самоуправленія Поморья въ XVII стол. Написана книга преимущественно по архивнымъ матеріаламъ, мало разработаннымъ: писцовымъ книгамъ (Московскій Архивъ Министерства Юстиціи) и по бумагамъ двухъ приказовъ, управлявшихъ въ XVII в. сѣверомъ Россіи—Новгородскаго и Устюжской четверти (Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Наиболѣе цѣнные акты изъ этого богатѣйшаго матеріала напечатаны въ приложеніяхъ. Несомнѣнно, такая работа потребовала отъ автора многолѣтняго самаго упорнаго труда, огромнаго напряженія силъ, и надо отдать честь его работоспособности и превосходной подготовкѣ, если громадный матеріалъ архивовъ не подавилъ историка. Наоборотъ, онъ умѣетъ всегда выбрать самое характерное и рельефное, привести наиболѣе мѣткое словцо изъ стариннаго акта, живо, порой художественно описать явленія, на одной—двухъ страницахъ дать исчерпывающую характеристику той или иной эпохи изъ исторіи внутренняго управленія древней Руси. Поэтому книга читается легко, не смотря на детальный характеръ выводовъ, на обильный фактическій матеріалъ, въ ней собранный. Изслѣдованіе проф. Богословскаго знакомитъ читателя не только съ исторіей земскаго самоуправленія, но и съ исторіей землевладѣнія, колонизаціи русскаго сѣвера, нравовъ и быта XVII стол. Для историка русской церкви во II томѣ Земскаго самоуправленія имѣютъ особый интересъ двѣ главы (II и III) о церковномъ приходѣ, представляющія существенное дополненіе къ литературѣ по этому предмету (въ I т. также есть двѣ церковно-историческихъ главы: V—о церковныхъ земляхъ и VI—Монастырь и общество на сѣверѣ).

По всему вышесказанному я полагаю: II т. Земскаго самоуправленія вполнѣ заслуживаетъ преміи преосв. Макарія“.

д) Представленіе экстраординарнаго профессора *священника Д. В. Рождественскаго*:

„За истекшій 1912 годъ въ академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“ *профессоромъ Академіи М. М. Тарѣевымъ* напечатано изслѣдованіе: „Соціализмъ. Выпускъ первый. Научный соціализмъ; его экономическое ученіе“ (оно издано и въ отдѣльныхъ оттискахъ). Въ этомъ изслѣдованіи, послѣ вводныхъ замѣчаній о соціализмѣ, какъ попыткѣ рѣшенія вопроса о бѣдности и богатствѣ, авторъ касается исторіи соціализма (съ 37 стр. отд. отт.) и видовъ соціализма по отношенію къ плану будущаго общества (съ 58 стр.); затѣмъ изложено экономическое ученіе Маркса (съ 95 стр.) и дана критика этого ученія—фактическая (съ 130 стр.) и принципіальная (съ 178 стр.).

Вопросы, которымъ посвящено названное сочиненіе, представляютъ для нашего времени самый значительный интересъ и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи. Соціалистическія теоріи привлекаютъ вниманіе не однихъ людей науки, не образованнаго только общества, но и такъ называемой широкой публики; среди послѣдней нерѣдко находятъ распространеніе сужденія о соціализмѣ мало обоснованныя и даже совсѣмъ превратныя. Книга проф. Тарѣева имѣетъ цѣлью представить экономическое ученіе марксизма въ его подлинномъ видѣ, для чего авторъ въ изобиліи приводитъ выдержки изъ сочиненій наиболѣе видныхъ представителей соціалистическаго ученія и ихъ критиковъ. По намѣренію автора, это обиліе выписокъ должно отвѣчать потребностямъ читателей широкаго круга, чаще всего не имѣющихъ возможности пользоваться сокровищами большихъ библіотекъ (стр. 2).

Критика экономическаго ученія Маркса дана обстоятельная и безпристрастная. Для того, чтобы у читателя не оставалось никакихъ недоумѣній относительно того, какъ именно смотритъ авторъ на различныя стороны соціалистическаго ученія, имъ представлена „градація отношеній къ соціализму“: начинаясь признаніемъ важности проблемъ, поднимаемыхъ соціализмомъ, она кончается указаніемъ на самую слабую сторону въ соціализмѣ—его этико-религіозные взгляды, съ которыми невозможенъ *никакой компромиссъ* (стр. 3).

Соціалистическія ученія, рѣшающія вопросъ о бѣдности

и богатствѣ несогласно съ христіанскою этикою и предлагающія средства для проведенія соціально-экономическихъ реформъ, рѣшительно несовмѣстимыя съ сущностью христіанской морали, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ особеннаго вниманія представителей богословской науки, пастырей Церкви, проповѣдниковъ и миссіонеровъ. А въ духовныхъ семинаріяхъ, въ виду признанной необходимости ознакомленія семинарскихъ воспитанниковъ, какъ будущихъ пастырей и учителей, съ ученіемъ соціалистовъ, опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 4—6 Іюня 1909 года, программа нравственнаго богословія пополнена особымъ отдѣломъ, посвящаемымъ разбору и опроверженію соціализма.

Названный трудъ проф. Тарѣева, обслѣдующій одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ современности, отвѣчающій потребностямъ духовной школы и православнаго пастырства, обладающій высокими научными достоинствами, изложенный образцовымъ языкомъ,—наконецъ, безупречный въ корректурномъ отношеніи, честь имѣю рекомендовать Совѣту Академіи, въ качествѣ вполнѣ достойнаго преміи Высокопреосвященнаго Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи".

е) Представленіе экстраординарнаго профессора *Д. П. Введенскаго*:

„Представляя на двойную премію Преосвященнаго Михаила печатавшійся нѣсколько лѣтъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ", начиная съ 1899-го года, и законченный въ прошломъ году переводъ „Толкованія св. Кирилла Александрійскаго на Евангеліе Іоанна", съ греческаго и нѣкоторые отдѣлы съ сирскаго языковъ, принадлежащій *профессору М. Д. Муретову*,—считаю нужнымъ изъяснить слѣдующее:

Уже съ самаго возобновленія Московской Духовной Академіей изданія твореній святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, проф. М. Д. Муретовъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе въ качествѣ одного изъ переводчиковъ первыхъ шести томовъ твореній св. Кирилла Александрійскаго. Затѣмъ, съ 1889-го года, это участіе перешло въ постоянное редактированіе изданныхъ Академіей въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" переводовъ твореній: *св. Кирилла Александрійскаго* толкованіе на пророка Исаію и отрывки толкованія на Іеремію, Варуха,

Іезекіиля и Даніила (томы 6—8), и на малыхъ пророковъ (томы 9—11),— *св. Астерія Амасійскаго* часть словъ, изданныхъ отдѣльными брошюрами,—*св. Никифора Исповѣдника*—два тома, *св. Ефрема Сирина* толкованіе на четвероевангеліе (8-й томъ твореній его), и *дополненія къ жизни св. Ефрема* въ 3-мъ изданіи перваго тома его твореній, на основаніи позднѣе явившихся изданій Lamy. Кромѣ того, ему принадлежатъ единоличные, безъ посторонней редакціи, переводы: нѣсколькихъ *словъ св. Астерія*, изданныхъ отдѣльными брошюрами,—толкованій *св. Кирилла на пророковъ Аггея и Малахію* (въ 10 и 11-мъ томахъ его твореній,—имѣются и въ отдѣльныхъ изданіяхъ), толкованія *св. Ефрема Сирина* на посланія Ап. Павла (7-й томъ его твореній),—и четыре тома (12—15-й) толкованій *св. Кирилла Александрійскаго* на Евангеліе Іоанна.

Особенности какъ собственныхъ переводовъ проф. Муретова, такъ и редактированныхъ имъ:

1. Возможная и русскимъ языкомъ допустимая точность въ передачѣ подлинника не только въ отношеніи общаго смысла и значенія отдѣльныхъ словъ, но и въ отношеніи ихъ количества, размѣщенія и сочетанія.

2. Снабженіе перевода постоянными и обширными примѣчаніями, напечатанными петитомъ подъ текстомъ оригинала и имѣющими иногда видъ небольшихъ изслѣдованій. Изъ таковыхъ примѣчаній особаго указанія заслуживаютъ:

а) Къ переводу слова св. Астерія на память св. Ѳоки приведена въ переводѣ и подвергнута критической оцѣнкѣ неизвѣстная западнымъ издателямъ редакція слова, имѣющаго историческое значеніе, по греч. ркп. Москов. Синод. (Патр.) Библіотеки.

б) Переводъ толкованій св. Кирилла на Аггея и Малахію снабженъ полнымъ критическимъ аппаратомъ къ греческому, латинскому, сирскому и еврейскому текстамъ пророковъ.

в) Все толкованіе св. Ефрема на посланія Ап. Павла сопровождается критическими примѣчаніями къ толкуемому тексту, причемъ особенное вниманіе переводчика обращено на сравненіе толкуемаго текста съ сирскими текстами;—кромѣ того переводъ снабженъ многими примѣчаніями экзегетическаго характера, каковы: стр. 19—20 къ Числ. 13, 17,—стр. 105—106 къ 1 Кор. 15, 29,—стр. 108 къ 1 Кор. 15, 51—52,—стр. 145 къ 2 Кор. 11, 24,—стр. 148—151 къ 2 Кор. 12, 5—7,—

стр. 168 къ Гал. 4, 13,—стр. 219 къ Кол. 1, 24,—стр. 284—286 къ Евр. 11, 21,—стр. 305 къ Евр. 11, 37,—стр. 307 къ Евр. 12, 2,—стр. 311 къ Евр. 12, 17,—стр. 322—326 къ 1 Тим. 1, 20,—стр. 348 къ 2 Тим. 3, 8,—стр. 360—361 къ Тит. 2, 14,—кромѣ того къ толкованію св. Ефрема на 2-е посланіе къ Коринѳянамъ приложено сравненіе толкуемаго текста апокрифа съ другими извѣстными текстами его (изслѣдованіе объ апокрифической перепискѣ ап. Павла съ Коринѳянами и полный текстъ апокрифа съ критическимъ аппаратомъ и греческою реконструкціей апокрифа вышли отдѣльнымъ изданіемъ, за которое авторъ никакой преміи не получалъ).

Также и представляемый на премію переводъ толкованія св. Кирилла на евангеліе Іоанна снабженъ подробными критическими примѣчаніями ко всему толкуемому тексту евангельскому, какъ оригинальному—греческому, такъ и переводнымъ—латинскому, сирскому и особенно славянскому,—причемъ въ двухъ случаяхъ эти примѣчанія имѣютъ характеръ подробныхъ изслѣдованій, именно: къ Іоан. 7, 53—8, 11, томъ 2, стр. 235—237 и т. 4 стр. 315 (разсказъ о женѣ прелюбодѣйцѣ, коего происхожденіе и помѣщеніе въ данномъ мѣстѣ евангелія Іоанна объясняется своеобразнымъ предположеніемъ),—и къ 8, 44—45, т. 2 стр. 350. 358—361 и т. 4 стр. 316.

Наконецъ, къ представляемому на премію переводу приложены подробные указатели мѣстъ Священнаго Писанія и содержащихся въ четырехъ томахъ перевода предметовъ. Предметный указатель занимаетъ почти 14 печатныхъ листовъ петита и для главнѣйшихъ предметовъ представляетъ не механическое указаніе относящихся къ нимъ мѣстъ, но систематическое и подробное изложеніе воззрѣній св. Отца его собственными словами, каковы особенно: Богъ, Вѣра и Знаніе, Духъ Святый, Евлогія (Евхаристія), Іоаннъ Богословъ, Іуда Предатель, Отецъ Богъ, Петръ Апостолъ, Писаніе Священное, Прообразы, Слово-Богъ, Сынъ Божій, Толкованіе Писанія, Троица Святая, Филонъ, Христосъ, Церковь, человѣкъ, Ѳома апостолъ и др.

Въ заключеніе должно указать:

1. Премію за переводный трудъ Совѣтъ присуждалъ профессору П. И. Цвѣткову (Переводъ пѣснопѣній Романа Сладкопѣвца).

2. Ни за одинъ изъ томовъ перевода, равно какъ и за отдѣльныя изданія (Апокрифическая переписка Ап. Павла съ Коринѳянами, Толкованія на пророковъ Аггея и Малахію, слова св. Астерія), авторъ никакихъ премій не получалъ.

3. За примѣчанія никакого особаго вознагражденія автору не выдавалось, кромѣ гонорара за переводъ и корректуру.

4. Возраженіемъ противъ присужденія преміи профессору Муретову не можетъ служить то обстоятельство, что за переводы святоотеческихъ твореній никто изъ профессоровъ Московской Духовной Академіи доселѣ преміи не получалъ, ибо со времени учрежденія преміи таковымъ преміатомъ могъ бы быть только самъ же профессоръ Муретовъ, но онъ имъ ни разу не былъ.

5. Слѣдуетъ, наконецъ, имѣть въ виду и то, что вся выручка отъ продажи отдѣльныхъ оттисковъ всѣхъ переводовъ профессора Муретова сполна шла всегда въ пользу редакціи Богословскаго Вѣстника и что самъ переводчикъ никакого процента отъ этой выручки никогда не получалъ,— между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, т. е. за исключеніемъ перевода святоотеческихъ твореній, сотрудники Богословскаго Вѣстника, кромѣ полистнаго гонорара за свои статьи, получаютъ въ свою пользу и всю выручку отъ продажи оттисковъ этихъ статей".

Справка: 1) Правилъ о присужденіи премій *Митрополита Московскаго Макарія*, утвержденныхъ Святѣйшимъ Синодомъ, *а) п.п. 1—6*: „Проценты раздѣляются на четыре преміи, первая въ 500 р. (нынѣ 482 р.), за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи, вторая въ 300 р. (нынѣ въ 289 р.), за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Московской Духовной Академіи, третья и четвертая по 100 р. (нынѣ по 96 р. 50 к.), за лучшія сочиненія студентовъ Московской Духовной Академіи, написанныя ими въ теченіе первыхъ трехъ курсовъ.—Первой преміи удостоиваются сочиненія, составляющія значительное пріобрѣтеніе или для науки вообще, или по крайней мѣрѣ для русской научной литературы, которыя могутъ быть или оригинальными изслѣдованіями, или переводами, если только для перевода избраны сочиненія важныя для науки и немалыя по объему, преимущественно сочиненія, написанныя

на древнихъ языкахъ.—Въ случаѣ, если въ какомъ-нибудь году не окажется сочиненія, вполнѣ удовлетворяющаго указаннымъ въ предъидущемъ § условіямъ, премія въ 500 р. можетъ быть раздѣлена на двѣ по 250 р., которыя выдаются также за печатные труды, имѣющіе значительное научное достоинство, но менѣе капитальные. — Второй преміи удостоиваются лучшія изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, если эта степень получена въ Московской Духовной Академіи, и если авторъ сочиненія окончилъ курсъ въ сей же Академіи.—Воспитанники Академіи, получившіе за свое кандидатское сочиненіе премію Преосвященнаго Митрополита Литовскаго Іосифа (въ 165 р.) или премію протоіерея Невоструева (въ 200 р.), уже не имѣютъ права на полученіе преміи Преосвященнаго Митрополита Макарія за свое магистерское сочиненіе, если оно составляетъ только передѣлку кандидатскаго.—Сочиненія, написанныя на степень магистра, хотя бы авторы ихъ состояли въ числѣ наставниковъ Московской Духовной Академіи, не могутъ быть представляемы на первую премію, ни полную, ни половинную, а только на вторую; а сочиненія, написанныя ими на степень доктора, могутъ". *б) п.п. 10—11:* „Ежегодно въ январскомъ засѣданіи Совѣта каждый членъ Совѣта можетъ предложить, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ наставниками Московской Духовной Академіи въ прошедшемъ году, онъ считаетъ заслуживающимъ преміи, при чемъ онъ долженъ представить письменное указаніе главнѣйшихъ достоинствъ сочиненія.—Въ томъ же засѣданіи рѣшается вопросъ, какія изъ сочиненій, за которыя въ прошедшемъ году авторы ихъ удостоены въ Московской Духовной Академіи степени магистра, могутъ, сообразно съ изложенными въ 4 и 5 §§ условіями, быть допущены къ соисканію преміи". *в) п.п. 13—15:* „Чрезъ два мѣсяца послѣ январскаго засѣданія Совѣта, въ мартовскомъ засѣданіи происходитъ обсужденіе достоинства представленныхъ на премію сочиненій и присужденіе самыхъ премій. — Если въ распоряженіи Совѣта есть сумма для того, чтобы назначить кромѣ полной преміи половинную, то Совѣтъ можетъ въ томъ же засѣданіи назначить за сочиненіе второе по достоинству половинную премію.—Въ томъ же засѣданіи Совѣта рѣшается вопросъ, какое изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, заслуживаетъ преміи".

2) Изъ бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи удостоены Совѣтомъ Академіи въ минувшемъ 1912 году степени магистра богословія: а) директоръ Вологодскаго Учительскаго Института *Алексѣй Шараповъ* за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Вторая книга Ездры. Историко-критическое введеніе въ книгу". Сергіевъ Посадъ, 1910 г. и б) и. д. доцента Академіи по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *Владиміръ Троицкій* за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи догмата о Церкви". Сергіевъ Посадъ, 1912 г.—Изъ нихъ первый за свое кандидатское сочиненіе (на ту же тему) никакой преміи не получалъ, а второй—за кандидатское сочиненіе на тему: „Исторія догмата о Церкви" получилъ премію Митрополита Литовскаго Іосифа въ 165 рублей.

3) Положенія о преміи *Преосвященнаго Михаила, Епископа Курскаго,* утвержденнаго Святѣйшимъ Синодомъ,—*а) §§ 3—7*: „Премію назначаетъ Совѣтъ Московской Духовной Академіи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, Митрополита Московскаго.—На соисканіе преміи поступаютъ, согласно завѣщанію, печатныя сочиненія по Священному Писанію.—На соисканіе преміи поступаютъ только тѣ сочиненія, которыя принадлежатъ или преподавателямъ Московской Духовной Академіи, или лицамъ, получившимъ воспитаніе въ сей Академіи.—Преміи можетъ быть удостоено сочиненіе и въ томъ случаѣ, если авторъ получилъ за свое произведеніе какую-либо другую меньшую премію; если же онъ получилъ премію бо́льшую, то его сочиненіе не можетъ быть удостоено преміи Епископа Михаила. — Сочиненія поступаютъ на соисканіе преміи только слѣдующимъ порядкомъ: ежегодно, ко времени январскаго засѣданія Совѣта, каждый преподаватель Академіи можетъ внести въ Совѣтъ, чрезъ Предсѣдателя Совѣта, предложеніе, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ въ прошедшемъ году, онъ находитъ заслуживающимъ преміи, при чемъ представляетъ письменное указаніе достоинствъ сочиненія"; *б) §§ 9 — 11*: „Въ мартовскомъ засѣданіи Совѣта происходитъ обсужденіе достоинства сочиненій, предложенныхъ на соисканіе преміи, и присужденіе преміи. Если въ какомъ—нибудь году не будетъ предложено сочиненій на соисканіе преміи, или если предложенныя сочиненія не будутъ удостоены преміи, то премія отлагается

до слѣдующаго года.—Премія, оставшаяся отъ предыдущаго года, можетъ быть соединена, по усмотрѣнію Совѣта, съ премією текущаго года и составившаяся изъ двухъ премій сумма въ 500 рублей (нынѣ въ 402 р.), можетъ быть присуждена за одно сочиненіе, но болѣе 500 рублей не можетъ быть назначено въ премію за сочиненіе".

Опредѣлили: 1) Труды ординарныхъ профессоровъ Академіи— *С. С. Глаголева* („О происхожденіи человѣка (разборъ теоріи Васманна)" и „Пособіе къ изученію Основного Богословія"), *М. М. Тарѣева* („Соціализмъ. Выпускъ первый. Научный соціализмъ; его экономическое ученіе") и *М. М. Богословскаго* („Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.") и экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова* („Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины") имѣть въ виду при присужденіи въ мартовскомъ собраніи Совѣта Академіи премій Митрополита Московскаго Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи, а трудъ сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* (переводъ Толкованія Св. Кирилла Александрійскаго на Евангеліе Іоанна) — при назначеніи въ томъ же собраніи Совѣта премій Епископа Курскаго Михаила за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію.—2) Магистерскія диссертаціи директора Вологодскаго Учительскаго Института Алексѣя *Шарапова* и и. д. доцента Академіи Владиміра *Троицкаго*, — въ виду того, что послѣдняя, по засвидѣтельствованію Преосвященнаго Ректора Академіи и сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи М. Д. Муретова, читавшихъ обѣ диссертаціи г. Троицкаго, представляетъ собою, при сходствѣ въ заглавіи, существенно новый трудъ по содержанію въ сравненіи съ кандидатскимъ сочиненіемъ, — допустить къ соисканію преміи Митрополита Московскаго Макарія за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.

XV. а) Докладъ коммиссіи, образованной по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 22 ноября 1912 года (подъ предсѣдательствомъ о. Инспектора Академіи *архимандрита Анатолія*

и въ составѣ: ординарныхъ профессоровъ *С. С. Глаголева* и *М. М. Богословскаго*, экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова* и и. д. доцента Академіи *Н. Л. Туницкаго*) для выработки предположеній относительно празднованія столѣтняго юбилея Академіи:

„Коммиссія по выработкѣ преположеній относительно празднованія 100-лѣтняго юбилея Московской Духовной Академіи, исполняющагося въ 1914 году, въ двухъ своихъ засѣданіяхъ послѣ обсужденія вопроса пришла къ слѣдующему заключенію, которое она и представляетъ на благоусмотрѣніе Совѣта Академіи.

Принимая во вниманіе остающійся въ распоряженіи срокъ времени и имѣющіяся и могущія образоваться денежныя средства, Коммиссія полагаетъ, что наша Академія достойно приготовится къ столѣтнему своему юбилею, если 1) издастъ особый юбилейный сборникъ, посвященный памяти выдающихся усопшихъ профессоровъ Академіи, со славою и пользою для нея и для науки потрудившихся въ теченіе истекающаго столѣтія, 2) выпуститъ списокъ учено-литературныхъ печатныхъ трудовъ всѣхъ профессоровъ и другихъ лицъ, служившихъ и находящихся теперь на службѣ въ Академіи.

Если Совѣту Академіи благоугодно будетъ принять эти предположенія, то Коммиссія позволяетъ себѣ доложить и о нѣкоторыхъ наиболѣе существенныхъ подробностяхъ въ дѣлѣ изданія юбилейнаго сборника и списка трудовъ. Сборникъ, по мнѣнію Коммиссіи, долженъ обнимать не болѣе 60 печатныхъ листовъ и заключать до 22 отдѣльныхъ біографій и характеристикъ выдающихся почившихъ наставниковъ Академіи: П. Сп. Делицына, Ѳ. А. Голубинскаго, Архіеп. Филарета (Гумилевскаго), А. В. Горскаго, П. С. Казанскаго, С. К. Смирнова, Архим. Ѳеодора (Бухарева), Архіеп. Саввы (Тихомирова), В. Д. Кудрявцева, Н. И. Субботина, Архіеп. Алексія (Лаврова), Еп. Михаила (Лузина), Д. Ѳ. Голубинскаго, П. И. Горскаго, Е. Е. Голубинскаго, И. Д. Мансветова, Ал. П. Лебедева, В. О. Ключевскаго, И. Н. Корсунскаго, В. Ѳ. Кипарисова, Ал. П. Голубцова, Ал. А. Жданова. Дѣло составленія отдѣльныхъ статей сборника должно быть поручено членамъ академической корпораціи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и лицамъ, не принадлежащимъ къ ней, но могу-

щимъ съ успѣхомъ выполнить подобную задачу. Редактированіе сборника, который при этомъ долженъ быть снабженъ введеніемъ съ характеромъ историческаго обзора жизни и дѣятельности Академіи за истекшее столѣтіе, Совѣтъ Академіи имѣетъ возложить на особое лицо, которое и будетъ отвѣтственно за своевременное и вполнѣ отвѣчающее цѣли составленіе сборника и его появленіе къ 1 октября 1914 года. Сборникъ долженъ быть, далѣе, украшенъ изображеніями тѣхъ дѣятелей, которымъ онъ будетъ посвященъ, и изданъ въ количествѣ 2.000 экземпляровъ, изъ которыхъ 300—на веленевой бумагѣ—предполагается раздать на юбилейныхъ торжествахъ почетнымъ гостямъ, а остальные обращаются въ продажу по возможно удешевленной цѣнѣ. Списокъ трудовъ профессоровъ и другихъ дѣятелей Академіи, который можетъ явиться своего рода подведеніемъ итоговъ научно-литературной производительности Академіи въ лицѣ ея наставниковъ, и который, несомнѣнно, послужитъ далеко не лишнимъ справочнымъ изданіемъ, долженъ отличаться полнотою и точностью, а по внѣшности—компактностью. На ряду съ полною библіографіей въ этотъ списокъ полезно было бы включить краткія біографическія свѣдѣнія о каждомъ наставникѣ или дѣятелѣ Академіи. Отыскать надежнаго и правоспособнаго редактора для этого списка Коммиссіи не было труда. Въ качествѣ таковаго она предлагаетъ Совѣту достоуважаемаго библіотекаря Академіи К. М. Попова, который, съ своей стороны, изъявилъ согласіе на это предпріятіе. Списокъ трудовъ можетъ быть напечатанъ мелкимъ шрифтомъ и выпущенъ въ количествѣ 600 экземпляровъ. Что касается финансовой стороны предполагаемыхъ изданій, то, по приблизительному разсчету Коммиссіи, стоимость юбилейнаго сборника, считая оплату труда редактора и авторовъ, набора, корректуры, печатанія, клише, бумаги и брошюровки, слѣдуетъ опредѣлить въ 5.000 рублей, а стоимость списка печатныхъ трудовъ наставниковъ въ 1.000 рублей, всего—въ 6.000 рублей. Академія такой суммой въ данное время не располагаетъ. На этотъ предметъ она имѣетъ всего тысячу рублей, пожертвованную 10 лѣтъ тому назадъ бывшимъ ректоромъ ея Преосвященнымъ Арсеніемъ, нынѣ Архіепископомъ Новгородскимъ, съ наросшими за это время процентами. Слѣдовательно, Совѣтъ Академіи, если онъ при-

нимаетъ предположенія объ указанныхъ юбилейныхъ изданіяхъ, долженъ теперь же войти съ ходатайствомъ предъ высшею церковною властью объ отпускѣ кредита въ нужномъ размѣрѣ, причемъ онъ имѣетъ основаніе сослаться на примѣръ С.-Петербургской Академіи.

Вопросъ о составленіи юбилейной рѣчи и о выработкѣ программы торжественнаго празднованія юбилея не былъ предметомъ обсужденія Коммиссіи, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія Совѣта".

б) Предложеніе сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*:

„По дѣлу празднованія академическаго юбилея считаю долгомъ внести на обсужденіе Совѣта слѣдующія три предложенія, если они не внесены въ докладъ юбилейной Коммиссіи:

1. Празднующіе столѣтній юбилей Академіи представители ея не должны оставаться праздными, но почтить торжество посредствомъ освященнаго издавнимъ и общенароднымъ обычаемъ *изданія особаго юбилейнаго сборника*, въ коемъ всѣ здравствующіе члены академической корпораціи, какъ состоящіе на службѣ, такъ и вышедшіе въ отставку, могли бы, по желанію, помѣстить свои *ученые* труды, въ опредѣленныхъ для каждаго максимальныхъ размѣрахъ: этимъ празднствующая Академія проявитъ, въ какой мѣрѣ она жива и причастна безсмертному духу своихъ достойныхъ покойниковъ.

2. Въ предположенное Коммиссіей изданіе перечня литературно-научныхъ трудовъ членовъ академической корпораціи, по моему мнѣнію, достойно и праведно внести и печатные *отзывы о магистерскихъ и докторскихъ диссертаціяхъ*, такъ какъ эти отзывы суть также научно-литературные труды, требующіе не меньшаго напряженія научной работы, чѣмъ и статьи библіографическія.

3. Полезно было бы издать краткія біографическія свѣдѣнія съ перечисленіемъ литературныхъ трудовъ всѣхъ вообще питомцевъ Академіи, для чего сдѣлать соотвѣтствующее обращеніе въ періодической печати къ здравствующимъ воспитанникамъ Академіи, къ родственникамъ умершихъ и вообще ко всѣмъ, кто можетъ оказать содѣйствіе этому дѣлу".

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода на имя Высокопреосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, отъ 23 іюня 1909 года за № 9225, между прочимъ, постановлено было: 1) отпустить, въ ознаменованіе столѣтняго юбилея С.-Петербургской Духовной Академіи, единовременно на нужды академической библіотеки пять тысячъ рублей и на изданіе ученыхъ трудовъ Академіи три тысячи рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ духовно-учебнаго капитала по отд. I сверхсмѣтною статьею; 2) назначить служащимъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи должностнымъ лицамъ, за исключеніемъ профессорскихъ стипендіатовъ, единовременное, по случаю юбилея, пособіе въ размѣрѣ 10% штатныхъ окладовъ содержанія ихъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. I § 1 ст. 2 спеціальной смѣты расходовъ вѣдомства Святѣйшаго Синода 1909 года.

Послѣ бывшихъ разсужденій—

Опредѣлили: 1) Просить, чрезъ посредство Его Высокопреосвященства, благословенія Святѣйшаго Синода *на торжественное празднованіе* имѣющаго исполниться 1-го октября 1914 года *столѣтняго юбилея* со дня основанія Московской Духовной Академіи въ стѣнахъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры.—2) Ознаменовать предстоящее торжество изданіемъ: а) юбилейнаго сборника научныхъ статей, принадлежащихъ перу г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи и бывшихъ членовъ академической корпораціи, поручивъ редактированіе и наблюденіе за изданіемъ этого сборника Почетному Члену Академіи—сверхштатному заслуженному ординарному профессору *М. Д. Муретову*, изъявившему на то свое согласіе; б) полнаго списка учено-литературныхъ трудовъ всѣхъ профессоровъ и дѣятелей Академіи за истекшее столѣтіе съ краткими біографіями и, по возможности, съ портретами этихъ лицъ и характеристиками выдающихся изъ нихъ, образовавъ для этого изданія особую редакціонную коммиссію въ составѣ: о. Инспектора Академіи *архимандрита Анатолія*, ординарнаго профессора *С. С. Глаголева* и библіотекаря Академіи *К. М. Попова*, и в) списка всѣхъ воспитанниковъ Академіи, окончившихъ за истекающее столѣтіе полный академическій курсъ.—3) Просить ходатайства

Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ отпускѣ, по примѣру С.-Петербургской Духовной Академіи (указъ Святѣйшаго Синода отъ 23 іюня 1909 года за № 9225), потребной на покрытіе расходовъ, связанныхъ съ указанными юбилейными изданіями, суммы, въ количествѣ *пяти тысячъ рублей* (*5.000 р.*),—изъ имѣющихся въ распоряженіи Святѣйшаго Синода средствъ.—4) Сужденіе объ юбилейной рѣчи, о программѣ самаго празднованія юбилея и связанныхъ съ этимъ торжествомъ расходахъ, а также—о возможномъ новомъ юбилейномъ сборникѣ уже исключительно студенческихъ научныхъ работъ—отложить до одного изъ слѣдующихъ засѣданій Совѣта.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „10 февраля 1913. Исполнить".

12 марта 1913 года.

№ 2.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій и М. М. Богословскій и экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ.

Въ собраніи семъ преподаватель Волынской духовной семинаріи, кандидатъ богословія, *Ѳеодоръ Владимірскій* защищалъ на коллоквіумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію подъ заглавіемъ: „Антропологія и космологія Немезія, еп. Емесскаго, въ ихъ от-

ношеніи къ древней философіи и патристической литературѣ". Житоміръ, 1912 г.

Оффиціальными оппонентами были: экстраординарный профессоръ Академіи по первой каѳедрѣ патрологіи *И. В. Поповъ* и экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ психологіи *П. П. Соколовъ*.

По окончаніи коллоквіума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта — достойнымъ утвержденія въ искомой имъ степени магистра богословія.

Справка: 1) По *§ 172* устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній".—2) Преподаватель Волынской духовной семинаріи *Ѳеодоръ Владимірскій* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1899-мъ году со степенью кандидата богословія *второго* разряда (по терминологіи дѣйствующаго академическаго устава), занявъ въ разрядномъ спискѣ первое мѣсто послѣ магистрантовъ.—3) Взамѣнъ не вполнѣ удовлетворительнаго семестроваго сочиненія по церковному праву за III курсъ (отмѣченнаго баломъ 3½) преподавателемъ Владимірскимъ въ 1910 — 1911 учебномъ году представлено было новое сочиненіе по тому же предмету на тему: „Объ избраніи и поставленіи епископовъ въ первые три вѣка", которое разсмотрѣно было сверхштатнымъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Н. А. Заозерскимъ и отмѣчено высшимъ балломъ 5, послѣ чего Совѣтъ Академіи призналъ за г. Владимірскимъ права кандидата богословія *перваго* разряда.—4) Вышеназванное сочиненіе г. Владимірскаго первоначально представлено было въ Совѣтъ Академіи на соисканіе степени магистра богословія *въ рукописи*. Выслушавъ въ собраніи своемъ 1 сентября 1911 года отзывы о немъ экстраординарныхъ профессоровъ И. В. Попова и П. П. Соколова. Совѣтъ Академіи призналъ сочине-

ніе достаточнымъ для степени магистра богословія и одобрилъ оное къ напечатанію подъ непремѣннымъ условіемъ устраненія всѣхъ, отмѣченныхъ въ отзывахъ рецензентовъ, недостатковъ.—5) По представленіи диссертаціи *въ печатномъ видѣ*, Совѣтъ поручилъ тѣмъ же рецензентамъ дать свое заключеніе о томъ, насколько выполнено авторомъ, при печатаніи сочиненія, поставленное ему Совѣтомъ условіе и, выслушавъ въ собраніи своемъ 22 января текущаго 1913 года ихъ *дополнительные* отзывы, постановилъ допустить г. Владимірскаго къ защитѣ его магистерской диссертаціи на коллоквіумѣ.—6) По § 109 лит. *в.* п. 6 академическаго устава „удостоеніе степени магистра богословія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи преподавателя Волынской духовной семинаріи, кандидата богословія, Ѳеодора *Владимірскаго* въ степени магистра богословія.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ — пятнадцать экземпляровъ диссертаціи кандидата Владимірскаго и копіи съ отзывовъ о ней (какъ первоначальныхъ, такъ и дополнительныхъ) экстраординарныхъ профессоровъ Академіи *И. В. Попова* и *П. П. Соколова*.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „27 марта 1913. Ходатайствовать“.

20 марта 1913 года.

№ 3.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ и. д. Ректора—Инспектора Академіи архимандрита Анатолія, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. П. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: Преосвященный Ректоръ Академіи Епископъ Ѳеодоръ, ординарный профессоръ М. М. Богословскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

I. При открытіи настоящаго собранія оглашенъ былъ напечатанный въ № 7—8 „Церковныхъ Вѣдомостей, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ“, Высочайшій Указъ Святѣйшему Правительствующему Синоду отъ 21 февраля 1913 года:

„Русскій народъ на самой зарѣ своего государственнаго бытія имѣлъ особую милость Божію воспріять отъ Византіи въ неповрежденной чистотѣ святую православную вѣру Христову, которая принесла ему съ собою и начало истиннаго просвѣщенія. Первыми памятниками русской письменности были переводы Св. Писанія и богослужебныхъ, свято-отеческихъ и иныхъ церковныхъ книгъ—плоды трудовъ св. Первоучителей Словенскихъ и ихъ учениковъ и продолжателей. Первою русскою школою была церковная школа, приготовлявшая русскихъ людей къ совершенію и слушанію церковнаго богослуженія. Подъ благотворнымъ вліяніемъ церковнаго книжнаго просвѣщенія образовалась русская народная душа, сложилась и возросла наша великая Родина.

Съ теченіемъ времени, неизмѣннымъ попеченіемъ Вѣнценосныхъ Вождей Русской Земли, дружными усиліями церковныхъ и государственныхъ дѣятелей духовное наслѣдіе, принятое отъ вселенской Церкви, принесло обильный плодъ. Немногочисленныя въ началѣ школы, открывавшіяся при монастыряхъ, архіерейскихъ домахъ и церквахъ, постоянно умножались и, наконецъ, при царствованіи Дома Романовыхъ, разрослись въ цѣлую планомѣрно устроенную сѣть духовно-учебныхъ заведеній, съ четырьмя духовными академіями во главѣ. Изъ стѣнъ духовныхъ школъ вышли сонмы высокопросвѣщенныхъ іерарховъ, убѣжденныхъ пастырей Церкви, опытныхъ наставниковъ и иныхъ полезныхъ Церкви и Родинѣ работниковъ на церковно-народной нивѣ. Трудами питомцевъ духовной школы переведены на русскій языкъ Св. Писаніе, творенія святыхъ отцевъ и другіе памятники церковной письменности, и создана богатая богословская литература, пользующаяся заслуженнымъ уваженіемъ не только на православномъ Востокѣ, но и у инославныхъ.

Въ настоящій знаменательный день исполнившагося трехсотлѣтія Царствованія Императорскаго Россійскаго Дома Романовыхъ, желая отмѣтить историческія заслуги духовной школы предъ Церковью и Родиной, Мы признали за благо даровать высшимъ разсадникамъ духовнаго просвѣщенія—духовнымъ академіямъ: Кіевской, Московской, С.-Петербургской и Казанской именованіе „Императорскихъ", въ твердомъ упованіи, что духовная школа, въ этомъ знакѣ Нашего Монаршаго къ ней благоволенія, найдетъ для себя источникъ новыхъ силъ и воодушевленія къ неуклонному служенію ея великой задачѣ: давать родной Церкви и Родинѣ просвѣщенныхъ и убѣжденныхъ пастырей, всему же христіанскому міру—строго-православную, вѣрную незыблемымъ основамъ и вѣчнымъ завѣтамъ вселенской Церкви самостоятельную русскую богословскую науку".

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„Николай".

Празднованіе исполнившагося 300-лѣтія со дня избранія перваго Государя нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ происходило въ Московской Духовной Академіи, согласно опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода отъ 19/28 ноября и 22 декабря 1912 года, въ слѣдующемъ порядкѣ:

20 февраля 1913 года, послѣ положенныхъ по церковному уставу въ этотъ день часовъ, въ академическомъ храмѣ совершена была, въ присутствіи профессоровъ и студентовъ Академіи, панихида съ поминовеніемъ на оной въ Бозѣ почившихъ родителей перваго Царя изъ Дома Романовыхъ—блаженнѣйшаго патріарха Филарета и инокини Марѳы, Благочестивѣйшихъ Государей-Царей, Благочестивѣйшихъ Государей Императоровъ и Императрицъ и всѣхъ отъ рода Царей и Великихъ Князей россійскихъ изъ Дома Романовыхъ преставльшихся.

21 февраля въ академическомъ храмѣ совершены были архіерейскимъ служеніемъ торжественная литургія и благодарственное Господу Богу молебствіе съ возглашеніемъ, по установленному порядку, многолѣтій Государю Императору Николаю Александровичу, Государынямъ

Императрицамъ Александрѣ Θеодоровнѣ и Маріи Θеодоровнѣ, Наслѣднику Цесаревичу Алексію Николаевичу и всему Царствующему Дому.

Послѣ молебствія въ актовомъ залѣ Академіи состоялось торжественное собраніе членовъ академической корпораціи и студентовъ Академіи, на которомъ ординарнымъ профессоромъ по каθедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскимъ* произнесена была приготовленная имъ, по порученію Совѣта Академіи, рѣчь на тему: „Три вѣка царствованія Дома Романовыхъ“.

По единодушному желанію всѣхъ присутствовавшихъ въ собраніи Преосвященный Ректоръ Академіи въ тотъ же день, 21 февраля, по телеграфу, повергнулъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшее привѣтствіе Академіи съ высокознаменательнымъ торжествомъ и вѣрноподданическія чувства въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Московская Духовная Академія, храня подъ сѣнію Троицкой Лавры завѣты великаго печальника земли Русской Преподобнаго Сергія, въ день трехсотлѣтія славнаго Царствованія Дома Романовыхъ молитвенно сливаясь со всѣмъ Русскимъ народомъ, повергаетъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ чувства безпредѣльной вѣрноподданической преданности. Ректоръ Московской Академіи Епископъ Θеодоръ“.

Его Императорскому Величеству Всемилостивѣйше благоугодно было передать означенную телеграмму, вмѣстѣ съ другими, поступившими 21 и 22 февраля по случаю торжественнаго празднованія 300-лѣтняго юбилея Императорскаго Россійскаго Царствующаго Дома Романовыхъ, Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода и затѣмъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ Г. Оберъ-Прокурора о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданическихъ чувствъ, въ 28 день февраля сего года, въ Царскомъ Селѣ, Собственноручно начертать: **„Прочелъ съ удовольствіемъ и благодарю“**.

По заявленію предсѣдательствовавшаго въ собраніи о. Инспектора Академіи архимандрита Анатолія, Преосвященный Ректоръ Академіи Епископъ Θеодоръ выбылъ въ настоящее время въ С.-Петербургъ, дабы вмѣстѣ съ Преосвященными

Ректорами остальныхъ трехъ духовныхъ академій, лично принести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшую благодарность за Всемилостивѣйшее вниманіе къ историческимъ заслугамъ духовной школы предъ Церковью и Родиной и Монаршее къ ней благоволеніе, выразившееся въ дарованіи высшимъ разсадникамъ духовнаго просвѣщенія—духовнымъ академіямъ: Кіевской, Московской, С.-Петербургской и Казанской именованія „Императорскихъ".

Опредѣлили: Внести о вышеизложенномъ въ протоколъ настоящаго собранія Совѣта Академіи.

II. Слушали: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода, отъ 4—8 марта 1913 года за № 1960, объ ознаменованіи исполнившагося въ семъ году *1600-лѣтія со времени изданія Миланскаго эдикта:*

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе по ходатайству преосвященнаго Казанскаго объ ознаменованіи исполняющагося въ семъ году 1600-лѣтія со времени изданія Миланского эдикта, коимъ признано было за православною вѣрою право на свободное распространеніе и первенство ея. II, по справкѣ, приказали: Обсудивъ представленіе преосвященнаго Казанскаго объ ознаменованіи 1600-лѣтія изданія Миланскаго эдикта торжественными богослуженіями и церковно-историческими чтеніями, Святѣйшій Синодъ находитъ, что всегда и по всякому поводу благовременно и похвально воздавать благодареніе Богу, во Святой Троицѣ славимому, за неизреченную милость Его, явленную роду человѣческому распространеніемъ свѣта истинной вѣры, проповѣданной снисшедшимъ на землю Сыномъ Божіимъ. Изданіе въ 313 году царскаго указа въ Миланѣ, извѣстнаго подъ именемъ Миланскаго эдикта, послѣдовавшее за побѣдою Царя Константина Великаго подъ знаменемъ Креста и принесшее христіанству, послѣ эпохи гоненій, признаніе права на свободное распространеніе и первенство, имѣло для проповѣди Христовой вѣры особливо благотворныя послѣдствія. Торжественное и общее воспоминаніе сего событія полезно для Церкви, такъ какъ оно объединитъ вѣрующихъ подъ знаменемъ святого Креста и возобновитъ въ памяти какъ вѣрующихъ, такъ и утратившихъ вѣру или коснѣющихъ во тьмѣ

невѣрія и злочестія, представленіе о великихъ и неисчислимыхъ благахъ, внесенныхъ въ жизнь человѣчества свѣтомъ Христовой вѣры. По симъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, 1) что день изданія Миланскаго эдикта въ 313 году въ точности не извѣстенъ и 2) что день памяти святого Равноапостольнаго Царя Константина Великаго, съ именемъ коего неразрывно связано изданіе сего эдикта, упадаетъ на время, когда сельское населеніе занято полевыми работами, а учащіеся въ церковно-приходскихъ школахъ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ заняты экзаменами и въ нѣкоторыхъ случаяхъ отпущены въ дома родителей, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) благословить по всей православной Россійской Церкви торжественное воспоминаніе 1600-лѣтія со времени изданія Миланскаго эдикта, пріурочивъ празднованіе сего событія къ 14 сентября 1913 года, къ празднику Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, такъ какъ самое объявленіе этого эдикта явилось знаменемъ побѣды Креста Христова надъ заблужденіемъ язычества, 2) для сего благословить совершеніе въ указанный день во всѣхъ храмахъ Имперіи, въ коихъ будетъ отправляться въ этотъ день положенное по уставу церковное богослуженіе, послѣ божественной литургіи, молебствій Честному и Животворящему Кресту Господню и святому Равноапостольному Царю Константину съ крестнымъ ходомъ, предваривъ, по возможности, эти молебствія произнесеніемъ посвященныхъ воспоминаемому событію поученій, и съ цѣлодневнымъ затѣмъ церковнымъ звономъ въ знакъ духовной радости о побѣдѣ христіанства надъ языческимъ заблужденіемъ, 3) въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, церковно-учительскихъ и второклассныхъ школахъ устроить въ этотъ день торжественныя собранія съ произнесеніемъ рѣчей и докладовъ, посвященныхъ воспоминаемому событію, а въ церковно-приходскихъ школахъ—чтеній для учащихся и простого народа, 4) рекомендовать профессорамъ духовныхъ академій и преподавателямъ духовныхъ семинарій и церковно-учительскихъ школъ при выборѣ на 1913—1914 учебный годъ темъ для сочиненій останавливать вниманіе преимущественно на тѣхъ темахъ которыя побудили бы учащихся ближе изучить предметы относящіеся къ жизни и дѣятельности святого Равноапостольнаго Царя Константина и его заслугъ для Христовой

Церкви, и профессорамъ собственныя научныя изслѣдованія посвятить по возможности симъ же предметамъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя изслѣдованія могли составить особые сборники, которые могли бы быть изданы, и 5) поручить Училищному Совѣту при Святѣйшемъ Синодѣ озаботиться изданіемъ, для церковно-приходскихъ школъ, къ предстоящему празднованію юбилея, общедоступной брошюры о святомъ Равноапостольномъ Царѣ Константинѣ и о значеніи его въ исторіи христіанской Церкви; о чемъ, для объявленія во всеобщее извѣстіе по духовному вѣдомству, напечатать настоящее опредѣленіе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ исполненію,—сообщивъ содержаніе п. 4-го *всѣмъ* г.г. профессорамъ и преподавателямъ Академіи.

III. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1913 года за № 1069:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Преосвященнаго Можайскаго, временно управлявшаго Московской епархіей, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи и. д. доцента оной, кандидата богословія *Владиміра Троицкаго* въ степени магистра богословія и должности доцента названной академіи, и 2) отзывъ по сему дѣлу члена Святѣйшаго Синода, Преосвященнаго Волынскаго, отъ 13 Января сего года № 18. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Московской духовной академіи и отзыву Преосвященнаго Волынскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить и. д. доцента Московской академіи Владиміра Троицкаго въ степени магистра богословія, за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе: „Очерки изъ исторіи догмата о Церкви", и въ должности доцента названной академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 5 февраля за № 212:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Преосвященнаго Можайскаго, управлявшаго Московской

епархіей, отъ 12 декабря 1912 г. № 447, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи директора Вологодскаго учительскаго института, кандидата богословія, *Алексѣя Шарапова* въ степени магистра богословія за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе подъ заглавіемъ: „Вторая книга Ездры. Историко-критическое введеніе въ книгу", и 2) отзывъ о помянутомъ сочиненіи члена Святѣйшаго Синода Преосвященнаго Финляндскаго Сергія. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Московской духовной академіи и отзыву Преосвященнаго Финляндскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить директора Вологодскаго учительскаго института, кандидата богословія, Алексѣя Шарапова въ степени магистра богословія за означенное сочиненіе: о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: 1) Изготовить для доцента академіи *В. А. Троицкаго* и директора Вологодскаго Учительскаго Института *А. С. Шарапова* магистерскіе дипломы и выдать ихъ по принадлежности. 2) Объ утвержденіи г. *Троицкаго* въ степени магистра богословіяи должности доцента Академіи внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 28 января за № 1817:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 24 Января сего года за № 319, журналъ Учебнаго Комитета, № 73, о разрѣшеніи Совѣту Московской духовной академіи допустить окончившаго курсъ учительскаго института *Алексѣя Шишкина* къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Московской духовной академіи. Приказали: Въ виду искренняго желанія окончившаго курсъ учительскаго института Алексѣя Шишкина получить высшее богословское образованіе и принимая во вниманіе весьма одобрительные отзывы объ его успѣхахъ и поведеніи начальства Казанскихъ миссіонерскихъ курсовъ и Саратовскаго епархіальнаго начальства, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи допустить Шишкина, въ видѣ изъятія, къ пріемнымъ

испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Московской духовной академіи; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ исполненію.

V. Сданный Его Высокопреосвященствомъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 1 марта за № 3553:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 24 января сего года, № 37, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ учрежденіи при сей академіи *преміи*, за лучшее студенческое третное сочиненіе по философскимъ предметамъ, *имени заслуженнаго ординарнаго профессора академіи Алексѣя Введенскаго*. Приказали: 1) Учредить при Московской духовной академіи премію за лучшее студенческое третное сочиненіе по философскимъ предметамъ имени заслуженнаго ординарнаго профессора академіи Алексѣя Введенскаго, на проценты съ капитала въ 500 руб. 4% Государственной рентой, внесеннаго бывшими слушателями и почитателями Введенскаго, и 2) утвердить положеніе о названной преміи въ представленномъ Вашимъ Преосвященствомъ видѣ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію, а утвержденное Святѣйшимъ Синодомъ положеніе о преміи за лучшее третное студенческое сочиненіе по философскимъ предметамъ, имени покойнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *А. И. Введенскаго* († 23 февраля 1913 г.),—къ руководству.

VI. а) Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 21 февраля за № 574:

„Учебный Комитетъ имѣетъ честь сообщить Совѣту Московской духовной Академіи, что Святѣйшій Синодъ, заслушавъ журналъ Учебнаго Комитета съ проектомъ положенія о Синодальныхъ стипендіяхъ для окончившихъ курсъ духовныхъ Академій, поступающихъ въ число слушателей *Практической Восточной Академіи*, опредѣленіемъ своимъ отъ 28

января—1 февраля 1913 года за № 903, постановилъ: проектъ Комитета въ прилагаемомъ при семъ видѣ утвердить."

б) Проектъ положенія о Синодальныхъ стипендіяхъ для окончившихъ курсъ духовныхъ академій и поступающихъ въ число слушателей *Практической Восточной Академіи*:

1. „Въ цѣляхъ спеціальной подготовки просвѣщенныхъ дѣятелей для служенія во внѣшней или внутренней духовной миссіи, Святѣйшимъ Синодомъ учреждаются 4 стипендіи духовнаго вѣдомства, по 600 рублей каждая въ годъ, для окончившихъ курсъ духовныхъ академій и поступающихъ въ число слушателей Практической Восточной Академіи, по одной стипендіи на каждую изъ четырехъ духовныхъ академій.

2. Стипендіи назначаются, по докладу Учебнаго Комитета и съ утвержденія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, окончившимъ курсъ духовныхъ академій, которые изъявляютъ желаніе служить дѣлу духовной внѣшней или внутренней миссіи и по своимъ способностямъ, прилежанію, успѣхамъ и поведенію могутъ быть рекомендованы Совѣтами академій.

3. Заявленія о предоставленіи стипендіи лицами, имѣющими на это право, подаются въ Учебный Комитетъ, который спрашиваетъ о заявившихъ мнѣнія Совѣтовъ тѣхъ академій, гдѣ названныя лица окончили курсъ, и потомъ свое заключеніе по этому дѣлу, съ обозначеніемъ лицъ, которымъ могутъ быть предоставлены стипендіи, представляетъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода.

4. На каждую изъ духовныхъ академій ежегодно отпускается только по одной стипендіи. Въ случаѣ отсутствія заявленія отъ окончившихъ курсъ въ одной какой либо академіи о желаніи получить стипендію, послѣдняя можетъ быть предоставлена окончившему курсъ въ другой академіи, изъявившему желаніе пользоваться такой стипендіей и признанному Учебнымъ Комитетомъ для сего достойнымъ. При поступленіи заявленій отъ нѣсколькихъ лицъ, окончившихъ курсъ въ одной и той же духовной академіи, о желаніи пользоваться Синодальной стипендіей, предпочтеніе отдается достойнѣйшему.

5. Пользованіе Синодальной стипендіей для отдѣльнаго лица можетъ продолжаться не болѣе трехъ лѣтъ.

6. О лицахъ, коимъ назначены Синодальныя стипендіи, Учебный Комитетъ доводитъ до свѣдѣнія начальства Практической Восточной Академіи.

7. О занятіяхъ и поведеніи лицъ, пользующихся Синодальными стипендіями, по истеченіи академическаго года, Учебный Комитетъ спрашиваетъ мнѣніе начальства Практической Восточной Академіи.

8. По истеченіи академическаго года, право для дальнѣйшаго пользованія Синодальными стипендіями сохраняется только за тѣми лицами, которыя, по сообщенію начальства Академіи, въ теченіи предыдущаго года обнаружили надлежащее прилежаніе и успѣхи въ своихъ занятіяхъ въ Академіи.

9. Стипендіаты, по окончаніи курса въ Практической Восточной Академіи, поступаютъ въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода, по назначенію котораго обязаны за каждый годъ пользованія стипендіей прослужить полтора года въ одной изъ духовныхъ миссій внутри или внѣ Имперіи въ качествѣ дѣятелей духовно-учебнаго или церковно-школьнаго образованія. Расчетъ срока обязательной службы дѣлается по количеству выданной стипендіи.

10. Освобожденіе отъ обязательствъ, лежащихъ на стипендіатахъ за полученныя стипендіи, допускается не иначе, какъ подъ условіемъ возвращенія всей израсходованной на стипендіата суммы.

11. Документы стипендіатовъ, по окончаніи ими обученія въ Академіи, препровождаются въ Учебный Комитетъ.

12. Стипендіаты въ заявленіяхъ о зачисленіи ихъ на стипендіи даютъ обязательства за своею подписью въ нижеслѣдующей формѣ:

„Получая стипендію Святѣйшаго Синода въ 600 руб. въ годъ съ 1-го Января 19... года, я, нижеподписавшійся, добровольно принимаю на себя обязательство употребить всѣ старанія, чтобы съ успѣхомъ окончить курсъ въ Практической Восточной Академіи, а послѣ того—прослужить установленный срокъ въ духовной миссіи внутри или внѣ Имперіи, или въ качествѣ дѣятеля духовно-учебнаго, или церковно-школьнаго образованія, считая по полтора года обязательной службы за каждый годъ пользованія стипендіей.“

Опредѣлили: Утвержденное Святѣйшимъ Синодомъ Положеніе о Синодальныхъ стипендіяхъ для окончившихъ курсъ духовныхъ академій и поступающихъ въ число слушателей Практической Восточной Академіи объявлять ежегодно воспитанникамъ Академіи, оканчивающимъ въ данномъ году полный академическій курсъ.

VII. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 18 декабря 1912 года за № 31: „24 янв. 1913. Исполнить".

б) 22 января 1913 года за № 1: „10 февраля 1913. Исполнить".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

VIII. Вѣдомости Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ за *январь* и *февраль* мѣсяцы текущаго 1913 года, изъ которыхъ видно, что:

1) въ *январѣ* мѣсяцѣ: *а) по болѣзни* — и. д. доцента священникъ И. В. Гумилевскій опустилъ 9 лекцій, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ и ординарный профессоръ М. М. Тарѣевъ — по 5 лекцій, и. д. доцента священникъ І. М. Смирновъ — 3 лекціи и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ — 2 лекціи; *б) по домашнимъ обстоятельствамъ:* и. д. доцента Н. Д. Протасовъ— 3 лекціи; *в) по дѣламъ миссіонерской службы:* и. д. доцента И. Г. Айвазовъ—3 лекціи.

2) въ *февралѣ* мѣсяцѣ: *а) по случаю служебной поѣздки въ С.-Петербургъ для представленія Его Императорскому Величеству Государю Императору:* ординарный профессоръ М. М. Богословскій опустилъ 2 лекціи; *б) по дѣламъ миссіонерской службы:* и. д. доцента И. Г. Айвазовъ — 6 лекцій; *в) по болѣзни:* экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ — 10 лекцій, ординарный профессоръ М. М. Тарѣевъ—7 лекцій, и. д. доцента священникъ И. В. Гумилевскій—6 лекцій, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ и экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ—по 5 лекцій, и. д. доцента священникъ П. А. Флоренскій и и. д. доцента В. П. Виноградовъ—по 3 лекціи и экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій—2 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомости внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

IX. Отзывы о сочиненіи исправляющаго должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, кандидата богословія, *Н. Д. Протасова* подъ заглавіемъ: „Св. Апостолъ Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы (Историко-экзегетическій анализъ содержанія Дѣян. глл. XXV—XXVI по греческому тексту)“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*:

„Настоящая работа г. Протасова есть его кандидатское сочиненіе, уже признанное мною достойнымъ магистерской степени по исправленіи нѣкоторыхъ частныхъ недостатковъ (Журналы Совѣта за 1911-й годъ, стр. 312—315).

Въ своемъ теперешнемъ, исправленномъ, видѣ сочиненіе состоитъ изъ *введенія*, гдѣ даются краткія и общія свѣдѣнія объ административно-политическомъ положеніи Палестины данной эпохи (стр. 1—41) и слѣдующихъ *пяти* главъ постишнаго толкованія XXV — XXVI главъ книги Дѣяній Апостольскихъ съ такими заглавіями: *первая*—Новый прокураторъ Іудеи Порцій Фестъ въ Іерусалимѣ,—отказъ іудеямъ въ заочномъ рѣшеніи дѣла Ап. Павла (Дѣян. XXV, 1—5 стр. 42—87),—*вторая*—Судъ надъ Ап. Павломъ въ Кесаріи предъ Фестомъ,—аппелляція Апостола къ Кесарю (Дѣян. XXV, 6—12 стр. 88—152),—*третья*—Іудейскій царь Агриппа II съ Вереникой въ Кесаріи, — свиданіе съ прокураторомъ Фестомъ, — характеристика дѣла Павла Фестомъ, — желаніе Агриппы познакомиться съ этимъ дѣломъ (Дѣян. XXV, 13—22 стр. 153—203),—*четвертая*—Торжественное собраніе у Феста во дворцѣ,—рѣчь прокуратора къ собравшимся съ характеристикой дѣла Павла и обращеніе къ царю Агриппѣ съ особенной просьбой помочь ему въ составленіи litterae dimissoriae (Дѣян. XXV, 23—27 стр. 204—222),—и обширнѣйшая *пятая* глава, посвященная толкованію XXVI главы Дѣяній (стр. 223—455), причемъ толкуемый текстъ раздѣленъ авторомъ на слѣдующія части: приглашеніе Агриппою Апо-

стола Павла высказаться о себѣ (ст. 1 стр. 223—231), приступъ рѣчи Апостола (ст. 2—3 стр. 232—238), первая часть рѣчи: христіанство—надежда Израиля (ст. 4—8 стр. 239—276), вторая: какъ Павелъ сдѣлался ученикомъ и апостоломъ Христа (ст. 9—18 стр. 277—358) и краткій разборъ психологической теоріи обращенія Апостола (стр. 358 — 374), третья: проповѣдь Павла между язычниками и іудеями (ст. 19—23 стр. 374 — 416) и четвертая: окончаніе рѣчи Апостола (ст. 24—32 стр. 417—455),—въ концѣ сочиненія приложены: разночтенія по Амфилохію, Охридскому и Христинопольскому апостоламъ и по одиннадцати рукописнымъ апостоламъ XV—XVII вв., Библіотеки Московской Духовной Академіи (стр. 456—490) къ славянскому тексту, дополнительныя примѣчанія къ сочиненію (стр. 490—501), перечисленіе источниковъ и пособій (502—506), объясненіе сиглъ въ греческихъ варіантахъ — обозначеніе греческихъ кодексовъ у Тишендорфа (стр. 506 — 507) и указатель греческихъ словъ (стр. 508—523).

Для своего сочиненія авторъ изучилъ какъ древне-церковную экзегетическую литературу предмета — греческую: Златоустъ, Икуменій, Ѳеофилактъ, Катены и др., и латинскую: Араторъ, Кассіодоръ, Бэда, — такъ и новѣйшіе научные труды иностранные—по текстологіи: Тишендорфъ, Тред-желисъ, Весткоттъ-Гортъ, Нестле, Бляссъ, — по филологіи: грамматики Винера и Блясса, симфонія Брудера, словарь Ширлица—Егера,—по исторіи, археологіи и юриспруденціи—первоисточники: Іосифъ Флавій, Плиній, Тацитъ, и пособія: Моммзенъ, Гиршфельдъ, Шюреръ, Арнольдъ, Каутскій, Протестантская Реальная Энциклопедія Герцога, Словарь Винера, Гольцманъ, Іельски, Неандеръ, Лингенталь, Веберъ (Іудейская теологія), Нёсгенъ, Визелеръ, Кёнигъ, Ветштейнъ, Ляйтфутъ, Дейссманнъ, Гарнакъ и др., — на русскомъ: Ренанъ, Фэрраръ, Горскій, Иннокентій, Смирновъ, Богдашевскій, Глубоковскій, Ареаксадовъ и др.,—по экзегесу: Бетге, Бляссъ, Фельтенъ, Кнабенбауеръ, Гольтцманнъ, Лянге-Лехлеръ, Мейеръ, Мейеръ-Вендтъ, Ольсгаузенъ-Ебрардъ, Штиръ, Библейско-богословскій словарь къ Новому Завѣту Кремера, и на русскомъ: Михаилъ, Барсовъ (Сборникъ истолковательныхъ статей на книгу Дѣяній).

Столь обширный и разносторонній матеріалъ использованъ

авторомъ весьма широко и умѣло, что̀ особенно надо отмѣтить по отношенію къ древне-церковнымъ комментаріямъ— греческимъ и латинскимъ, нерѣдко надѣлявшимъ автора превосходными экзегетическими наблюденіями и замѣчаніями, по своей научной значимости нисколько не уступающими и новѣйшимъ ученымъ комментаторамъ иностраннымъ.

На основаніи всего этого научнаго матеріала авторъ даетъ весьма обстоятельное толкованіе данныхъ главъ книги Дѣяній Апостольскихъ: — *текстологическое*, указуя всѣ важнѣйшія разночтенія съ довольно умѣлою и иногда разностороннею оцѣнкою ихъ сравнительнаго достоинства научнаго,— *филологическое*, основанное на изученіи какъ классическаго греческаго языка, такъ и особенностей діалекта *κοινή* и новозавѣтнаго грецитета, отличающееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонкою наблюдательностью и удачно освѣщающее многія трудности толкуемаго текста, особенно: 25, 5—*δυνατός*,—синтаксическій строй 25, 7—9,—*ἥμαρτον* 25, 8,—*δεισιδαιμονία* 25, 19,—*τί ἄπιστον* 26, 8 и нѣк. др.,—*историко-археологическое*, особенно по римскому праву, напримѣръ: jus gladii, jus revocandi domum et Romam appellandi по Моммзену,—перерывъ рѣчи Ап. Павла Фестомъ, удачно комментируемый авторомъ посредствомъ уясненія воззрѣній тогдашнихъ образованныхъ римлянъ на іудеевъ и на ихъ религію,—политическое положеніе тогдашней Палестины, права римскихъ чиновниковъ въ ней, правомочія іерусалимскаго синедріона и іудейскихъ царей и др. мн.—на основаніи изученія трудовъ Моммзена, Гиршфельда, Шюрера, Арнольда, Каутскаго, Хвостова и др.,— наконецъ и *идейно-богословское*, состоящее въ раскрытіи отношенія Ветхаго Завѣта къ лицу Христа Спасителя и въ уясненіи христіанскаго ученія о воскресеніи Господа сравнительно съ іудейскими мессіанскими воззрѣніями.

Изложеніе отличается ясностью и стройностью. Авторъ владѣетъ искусствомъ поддерживать въ читателѣ постоянный интересъ на протяженіи всей довольно длинной работы своей, благодаря любопытнымъ справкамъ и объяснительнымъ параллелямъ изъ римскаго права, іудейской теологіи, исторіи іудейскаго народа, археологіи и пр.,—и умѣнью не отвлекаться въ постороннія детали и утомительные справочные экскурсы по предметамъ побочнымъ и прямой связи съ главною темою не имѣющимъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ указать на то, что трудъ г. Протасова, при строго православномъ направленіи, повсюду выдерживаетъ и строго научную методу и вездѣ стоитъ на строго научной почвѣ, особенно въ удачной полемикѣ съ Гарнакомъ (стр. 89 сл.), въ опроверженіи визіонерной гипотезы обращенія Савла (стр. 358—374) и др.

Есть конечно и недостатки въ сочиненіи г. Протасова. Шюреръ и Винеръ (грамматика) автору извѣстны въ устарѣлыхъ изданіяхъ. Гольцманъ (Паденіе іудейскаго царства) цитуется по русскому переводу, изданному безъ научнаго аппарата. Автору неизвѣстны новѣйшіе лексиконы Цорелля и Преушена. Трудъ Содена по новозавѣтной текстологіи хотя и цитуется, но не использованъ авторомъ какъ слѣдуетъ. Текстъ славяно-русскій св. Алексія приводится по Амфилохію, а не по фототипическому изданію преосв. Леонтія. Выдержки изъ древнихъ—греческихъ и латинскихъ—писателей, особенно въ приложеніяхъ, приведены безъ параллельнаго русскаго перевода. Цѣликомъ отсутствуетъ русскій переводъ толкуемаго авторомъ греческаго текста обоихъ главъ книги Дѣяній и критическая провѣрка Синодскаго перевода. То же самое — съ текстомъ славянскимъ: теперешній славянскій текстъ и древнія разночтенія къ нему приложены въ концѣ сочиненія безъ всякой критической оцѣнки ихъ по отношенію къ подлиннику. При обсужденіи разночтеній оригинала авторъ оперируетъ только съ представителями греческаго текста и его издателями, совсѣмъ не касаясь древнѣйшихъ переводовъ—латинскаго, сирскаго, египетскихъ и др.,—даже текстъ Вульгаты взятъ только въ оффиціальномъ позднѣйшемъ изданіи Климента. Вообще критика текста весьма слаба. Къ толкованію бывшаго Савлу небеснаго голоса авторомъ не привлечены возможныя соотвѣтствія греческому тексту на языкѣ еврейскомъ (арамейско-палестинскомъ), на коемъ звучалъ этотъ голосъ,—что̀ могло бы значительно расширить и даже прояснить экзегетическій горизонтъ. Въ разсужденіи объ обращеніи Савла не съ достаточною полнотою раскрыты его прежнія іудейско-фарисейско-раввинскія воззрѣнія и упованія, какъ и вообще о личности Ап. Павла можно пожелать бо́льшихъ подробностей. Спеціалисты побочныхъ темѣ сочиненія дисциплинъ, безъ сомнѣнія, найдутъ

въ трудѣ г. Протасова не мало крупныхъ недочетовъ и по литературѣ и по содержанію ихъ.

Но каковы бы ни были недостатки работы г. Протасова, они, благодаря всѣмъ вышеуказаннымъ достоинствамъ ея не воспрепятствуютъ ей, въ качествѣ удовлетворительной магистерской диссертаціи, быть весьма полезнымъ вкладомъ въ русскую научно-экзегетическую литературу по Новому Завѣту".

б) Экстраординарнаго профессора Академіи по 2-й каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, *священника В. Н. Страхова:*

„Взятая авторомъ тема составляетъ благодарный предметъ для изслѣдованія. Въ XXV-ой главѣ книги Дѣяній Ап. тѣсно переплетаются интересы науки собственно экзегетической и науки общеисторической и юридической. Глава XXVI-ая книги Дѣяній имѣетъ большое значеніе для пониманія личности великаго Апостола языковъ и выясненія его жизни въ іудействѣ и исторіи его обращенія. Для православнаго богослова изученіе этого эпизода въ жизни Ап. Павла тѣмъ поучительнѣе и, я бы сказалъ, дороже, что разсказъ св. Дѣеписателя о кесарійскихъ узахъ Ап. Павла (Дѣян. XXV, 1—12) признается теперь за несомнѣнный историческій фактъ не только у протестантскихъ консервативныхъ экзегетовъ (Nösgen, K. Schmidt, O. Zöckler, Bernh. Weiss и Fr. Blass), но и у либерально настроенныхъ изслѣдователей Новаго Завѣта и историковъ первохристіанства (H. Wendt, Harnack—и въ отношеніи только къ Дѣян. XXV, 1—12—H. Holtzmann и B. Knopf). Даже свѣтскіе историки и юристы признаютъ въ цѣломъ разсказъ св. Дѣеписателя о кесарійскихъ узахъ Ап. Павла вполнѣ историчнымъ. Таковъ, въ особенности, Моммзенъ, спеціально занявшійся изслѣдованіемъ этого вопроса въ своей послѣдней работѣ: „Die Rechtsverhältnisse des Apostels Paulus" въ Z. f. neut. Wiss. II. 1901. s. 81—96. Авторитетный историкъ и юристъ не боится открыто признать этотъ разсказъ св. Дѣеписателя „во всемъ существенномъ исторически достовѣрнымъ (цит. соч. s. 95), а отдѣлъ XXV, 9—12, въ частности, не возбуждаетъ, по его мнѣнію, совершенно никакого сомнѣнія (s. 93), какъ вполнѣ достовѣрный (у него соб. — „tadellos" s. 93. Anm. 1) по существу и „прекрасный" по

формѣ своимъ „живымъ изображеніемъ судебнаго процесса у намѣстника“ (Römisches Strafrecht. Leipz. 1899. s. 239. Anm. и 243. Anm. 1). Моммзенъ считаетъ этотъ отрывокъ важнымъ источникомъ для исторіи римскаго права (Rechtsv. s. 96). Этотъ поворотъ „направо“, это возвращеніе къ церковной традиціи въ признаніи подлинности хотя бы такого маленькаго отрывка изъ Новаго Завѣта чрезвычайно утѣшительно для православнаго богослова и симптоматично для направленія православной новозавѣтной науки.

Автору предстояла двоякая задача. Воспользовавшись твердо установленною въ наукѣ историчностью Дѣян. XXIII, 33—XXV, 12, онъ долженъ былъ попытаться доказать историчность XXV, 14—XXVI глл. и уже потомъ, при помощи историко-археологическихъ справокъ, дать истолкованіе подлежащихъ его изученію XXV и XXVI главъ книги Дѣяній.

Какъ же выполнилъ авторъ предлежащія ему задачи?

Его работа предваряется небольшимъ *введеніемъ* (стр. 1—41), гдѣ онъ даетъ общія свѣдѣнія объ административно-политическомъ положеніи тогдашней Палестины. Онъ говоритъ объ эллинизаціи Іудеи при Иродѣ Вел., о потерѣ Іудеею политической самостоятельности при Архелаѣ, о состояніи ея подъ властью римскихъ прокураторовъ. Съ особенною подробностью авторъ останавливается на послѣднемъ вопросѣ, рисуя государственное положеніе римскаго прокуратора, внѣшнія условія его жизни и его судебныя полномочія, говоря на ряду съ этимъ о предѣлахъ самоуправленія Іудейскаго народа и о правахъ Іерусалимскаго синедріона.

Послѣ краткаго введенія идетъ главная часть работы Н. Д. Протасова, представляющая собою постишный комментарій на XXV и XXVI главы книги Дѣяній и состоящая изъ *пяти главъ*, носящихъ такія подзаголовки: *первая*—„Новый прокураторъ Іудеи—Порцій Фестъ въ Іерусалимѣ. Отказъ іудеямъ въ заочномъ рѣшеніи дѣла Ап. Павла. Дѣян. XXV, 1—5“ (стр. 42—87), *вторая*—„Судъ надъ Ап. Павломъ въ Кесаріи предъ Фестомъ. Аппелляція Апостола къ Кесарю. Дѣян. XXV, 6—12“ (стр. 88—152), *третья*—„Іудейскій царь Агриппа II съ Вереникой въ Кесаріи. Свиданіе съ прокураторомъ Фестомъ. Характеристика Фестомъ дѣла (Ап.) Павла. Желаніе Агриппы познакомиться съ этимъ дѣломъ. Дѣян. XXV, 13—22“ (стр. 153—203), *четвертая*—„Торжественное

собраніе у Феста во дворцѣ. Рѣчь прокуратора къ собравшимся съ характеристикой дѣла (Ап.) Павла и обращеніе къ царю Агриппѣ съ особенной просьбой помочь ему въ составленіи litterae dimissoriae. Дѣян. XXV, 23—27" (стр. 204—222), и, наконецъ, *пятая* глава (стр. 223—455), содержащая истолкованіе рѣчи Ап. Павла предъ Фестомъ и Агриппою, причемъ рѣчь Апостола дѣлится авторомъ на приступъ—Дѣян. XXVI, 2—3 (стр. 232—239) и слѣдующія четыре части: 1) „Христіанство—надежда Израиля XXVI, 4—8" (стр. 239—276, 2) „Какъ Павелъ сдѣлался ученикомъ и Апостоломъ Христа" XXVI, 9—18 съ краткимъ разборомъ психологической теоріи (стр. 277—374), 3) „Проповѣдь (Ап.) Павла между язычниками и іудеями" XXVI, 19—23 (стр. 374—416) и 4) окончаніе рѣчи XXVI, 24—32 (стр. 417—455). Въ концѣ сочиненія даны славянскія разночтенія (стр. 456—489), Addenda (стр. 490—501), Adjumentum librarium (стр. 502—506), номенклатура варіантовъ (стр. 506—507) и, наконецъ, указатель греческихъ словъ (стр. 508—523).

Этотъ общій обзоръ содержанія диссертаціи Н. Д. Протасова показываетъ, что авторъ не остановился спеціально на выясненіи историчности взятаго имъ для изслѣдованія отрывка изъ книги Дѣяній и оперировалъ съ текстомъ, какъ несомнѣннымъ даннымъ. Это я считаю большою методологическою ошибкою автора. Въ нашей наукѣ необходимъ троякій методологическій пріемъ: очищеніе поля зрѣнія путемъ установки исторической достовѣрности и подлинности извѣстнаго отдѣла, потомъ — накопленіе новыхъ фактовъ путемъ тщательнаго—филологическаго, логическаго и психологическаго анализа священнаго текста взятаго отдѣла и, наконецъ,—методъ сравнительнаго изученія. Первая задача автору предносилась, но очень смутно, и отдѣльно и спеціально она, потому, не выполнена. Вторая задача выполнена съ большимъ успѣхомъ въ смыслѣ тщательнаго анализа подлежащаго изученію матеріала, хотя Америки авторъ и не открылъ. Третья методологическая задача, видимо, какъ и первая, предносилась сознанію автора, но авторъ не далъ ей достаточнаго практическаго приложенія, изслѣдуя рѣчь Ап. Павла въ XXVI-ой главѣ книги Дѣяній безъ изученія параллельныхъ мѣстъ изъ его посланій. Это я считаю второю методологическою ошибкою автора. Но за эти двѣ методологическихъ ошибки

судить автора я не считаю себя въ правѣ по пословицѣ; „на нѣтъ и суда нѣтъ“, ибо и самъ авторъ своею задачею поставилъ лишь *историко-экзегетическій анализъ* XXV и XXVI-ой главъ книги Дѣяній.

Разсматривая же монографію Н. Д. Протасова съ этой только точки зрѣнія, я долженъ отозваться о ней съ большой похвалой. Авторъ даетъ обстоятельный комментарій на указанныя главы книги Дѣяній. Каждая глава и отдѣлъ его сочиненія предваряются текстологическими замѣчаніями: авторъ указываетъ всѣ важнѣйшія разночтенія и даетъ при этомъ весьма умѣлую оцѣнку ихъ сравнительнаго научнаго достоинства; особенно удачно, напр., защищается чтеніе *ἀσπασόμενοι* XXV, 13 (стр. 153—155) и объясняется XXV, 24 (стр. 212—213). Филологическое толкованіе текста, основанное на внимательномъ и добросовѣстномъ изученіи литературы вопроса, отличается тонкою наблюдательностію, удачно освѣщающею нѣкоторые запутанные части, слова и обороты отдѣла, напр. *δυνατός* XXV, 5 (стр. 79 и слѣд.), синтаксическій строй XXV, 7—9 (стр. 100 и слл.), *δεισιδαιμονία* XXV, 19 (с. 186 слл.). и др. Но авторъ прямо великолѣпенъ, когда онъ даетъ историко-археологическое истолкованіе изучаемыхъ имъ главъ книги Дѣяній. Подъ его почти всегда легкимъ перомъ оживаютъ слова священнаго текста. Н. Д. Протасовъ владѣетъ счастливою способностью умѣть поставить читателя въ ту обстановку, въ какой происходило дѣйствіе. Особенно интересны его справки по археологіи (*βῆμα*, с. 92—93, *ἀκροατήριον* с. 205 слл.), исторіи римскаго права (jus gladii, jus revocandi domum et Romam appellandi, jus gentium, litis denuntiatio, litis contestatio и т. п.), іудейской теологіи и исторіи іудейскаго народа. Всего этого авторъ могъ достигнуть лишь благодаря широкому изученію какъ древне-церковной экзегетической литературы предмета, такъ и новѣйшей литературы по текстологіи, филологіи, исторіи (главнымъ образомъ—Шюреръ) археологіи и юриспруденціи (главнымъ образомъ—Моммзенъ). Цитація пособій вездѣ правильная (только Schürer'а надо процитовать по 4-му изданію) и пользованіе ими вездѣ добросовѣстное.

Впрочемъ, работа Н. Д. Протасова не лишена и недостатковъ. Такъ, прежде всего, раздѣленія сочиненія на пять главъ, а пятой главы—на части, нельзя назвать вполнѣ удач-

нымъ. Количество главъ можно было бы сократить, отчего вся работа выиграла бы въ стройности и внутренней связи. Введеніе, источниками для котораго служили главнымъ образомъ Шюреръ (въ части общеисторической) и Моммзенъ (въ частяхъ, касающихся исторіи римскаго права), написано очень кратко, почти конспективно, почему оно нѣсколько пострадало въ ясности и обстоятельности. Нѣсколько неяснымъ представляется также изложеніе судебнаго процесса Ап. Павла у Феста. Для полноты картины автору слѣдовало бы предпослать краткое описаніе судебнаго процесса Апостола при прокуратурѣ Феликсѣ, тѣмъ болѣе что этотъ послѣдній образуетъ отдаленную предпосылку Павловой аппелляціи. Слѣдуя Іосифу Флавію, а за нимъ—Шюреру и Фельтену, авторъ изображаетъ Феста въ благопріятномъ свѣтѣ. Но для полной характеристики этого римскаго администратора автору не мѣшало бы ознакомиться съ противоположными отзывами о немъ K. Schmidt'a (Die Ap.-Gesch.) и Hausrath'a (Neut. Zeitgesch.) Съ литературой предмета авторъ ознакомился въ достаточной мѣрѣ. Досадно лишь, что ему остался неизвѣстнымъ русскій классическій трудъ объ Ап. Павлѣ проф. Н. Н. Глубоковскаго: „Благовѣстіе св. Ап. Павла по его происхожденію и существу" кн. 1—3, гдѣ онъ нашелъ бы очень много въ высшей степени интересныхъ и поучительныхъ справокъ по отдѣльнымъ вопросамъ своего изслѣдованія. Въ книгѣ проф. Ramsay'я: „St. Paul the traveller and the roman citizer" Н. Д. Протасовъ могъ бы найти интересныя указанія относительно римскаго гражданства Ап. Павла. Особенно же много поучительнаго матеріала по интересующему его вопросу авторъ найдетъ въ статьяхъ Holzmeister'a: „Der hl. Paulus vor dem Richterstuhle des Festus (Ag. 25, 1—12), помѣщенныхъ въ Zeitschr. für kathol. Theologie за 1912 г., Heft. 3 и 4. Ознакомленіе съ этими статьями я съ своей стороны считаю обязательнымъ для Н. Д. Протасова до напечатанія имъ своей диссертаціи. Неудовлетворителенъ у Н. Д. Протасова и словарный и общій энциклопедическій матеріалъ. Н. Д. Протасовъ охотно пользуется не особенно авторитетнымъ новозавѣтнымъ словаремъ Schirlitz'a и не знаетъ лучшихъ и новѣйшихъ словарей Preuschen'a, Zorell'я и особенно—Ebeling'a, какъ ему неизвѣстенъ и библейскій словарь Hastings'a. Текстуально-критическая сторона работы Н. Д. Протасова удовлетворительна, хотя рецен-

зенту хотѣлось бы, чтобы разночтенія въ большинствѣ случаевъ приводились не для того, что они вообще существуютъ, а для извѣстныхъ выводовъ въ цѣляхъ экзегетическихъ, что у автора наблюдается не всегда въ отношеніи къ тексту греческому, и чего совершенно нѣтъ въ отношеніи къ тексту славянскому. Недостатокъ общей освѣдомленности Н. Д. Протасова въ литературѣ объ Ап. Павлѣ сказался въ неполнотѣ изслѣдованія однихъ вопросовъ и неясности, а иногда и неправильности, рѣшенія другихъ. Такъ, вопросъ о времени суда Ап. Павла у Феста авторъ рѣшаетъ въ пользу даты болѣе позднѣйшей (примѣнительно къ хронологіи Lightfoot'a, 60—61). Однако новооткрытая дельфійская надпись оправдываетъ, повидимому, хронологическія вычисленія Turner'a, т. е. судъ Ап. Павла у Феста долженъ приходиться года на два-на три раньше принимаемой Н. Д. Протасовымъ хронологіи. Автору это должно бы быть извѣстно, ибо онъ цитуетъ въ числѣ пособій книгу Deissmann'a: „Paulus", гдѣ помѣщены фототипическіе снимки и дана расшифровка и тщательное изслѣдованіе этой надписи. Вопросъ о полученіи Ап. Павломъ правъ римскаго гражданства рѣшенъ авторомъ въ общемъ правильно, но слишкомъ конспективно и бездоказательно. Основателемъ психологической теоріи обращенія Савла авторъ считаетъ Гольштена, но это неправильно: ему принадлежитъ лишь полное развитіе этой теоріи. Авторъ не остановился подробно на выясненіи термина *νεότης* для опредѣленія времени перваго прибытія Савла въ Іерусалимъ и невѣрно считаетъ за такое время ранніе годы Савла. Также не безъ недостатковъ и въ цѣломъ ясный и литературный языкъ автора. Рецензенту очень не нравится пристрастіе автора къ иностраннымъ словамъ (наприм. споръ изъ-за *ἰσοπολιτεια*, с. 14, 47, *фобія* къ христіанамъ, с. 290), слишкомъ большія выписки изъ источниковъ и пособій на ихъ оригинальномъ языкѣ (особ. въ addenda, с. 491, 492—495, 497—8 и др.), неправильныя и неудачныя выраженія въ родѣ „историко-культурная почва рельефа личности" с. 78, „густота преступленія" с. 105, ликъ умнаго Апостола с. 230 и др.

Но указанные недостатки, частію легко устранимые при печатаніи диссертаціи, частію же несущественные для нея, нисколько не умаляютъ научной цѣнности труда Н. Д. Протасова, написаннаго съ любовію и глубокимъ знаніемъ дѣла

и представляющаго собою полезный и интересный вкладъ въ русскую научно-экзегетическую литературу по Новому Завѣту.

Степени магистра богословія Н. Д. Протасовъ вполнѣ заслуживаетъ".

Справка: 1) По *§ 172* устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашеннымъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній." 2) И. д. доцента *Н. Д. Протасовъ* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1911 году со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній. 3) По § 109 лит. *а* пп. 15—16 академическаго устава „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученыя степени и *оцѣнка оныхъ*", а равно—„*одобреніе къ напечатанію* сочиненій, писанныхъ на учрежденныя при Академіи преміи или на соисканіе ученыхъ степеней"—значатся въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ, признать представленное на соисканіе степени магистра богословія исправляющимъ должность доцента Академіи *Н. Д. Протасовымъ* сочиненіе на вышеуказанную тему достаточнымъ для сей степени и разрѣшить печатать, предложивъ автору принять во вниманіе при напечатаніи сочиненія указанія рецензентовъ.

X. Прошеніе законоучителя Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины, *протоіерея Іоанна Арсеньева:*

„Представляя при семъ два экземпляра второго (переработаннаго и дополненнаго) изданія своего сочиненія: „Отъ Карла Великаго до реформаціи", на соисканіе степени доктора церковной исторіи, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи дать этому дѣлу надлежащій ходъ".

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 173:* „Лицо, имѣющее степень магистра богословія, удостоивается степени доктора богословскихъ наукъ по представленіи признаннаго соотвѣтствующимъ цѣли печатнаго сочиненія по одной изъ отраслей богословскаго вѣдѣнія, безъ новаго устнаго испытанія и безъ защиты сочиненія на коллоквіумѣ.“—2) Протоіерей Іоаннъ *Арсеньевъ* степени магистра богословія удостоенъ былъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70) включительно“. Харьковъ, 1895 г. и утвержденъ въ этой степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 20 января 1898 года за № 324.—3) *Первое* изданіе представляемаго нынѣ протоіеремъ І. Арсеньевымъ сочиненія: „Отъ Карла Великаго до реформаціи“ принято было Совѣтомъ Академіи къ разсмотрѣнію въ качествѣ докторской диссертаціи по опредѣленію отъ 28 января 1910 года, а возвращено автору, согласно его прошенію, для дополненій,— по опредѣленію Совѣта отъ 5 апрѣля 1912 года.

Опредѣлили: 1) Докторскую диссертацію протоіерея Іоанна Арсеньева передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей Западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени, *А. П. Орлову*.—2) Поручить академической Канцеляріи нынѣ же истребовать отъ о. протоіерея Арсеньева еще двадцать экземпляровъ его диссертаціи,—для раздачи членамъ Совѣта Академіи.

XI. Заявленіе И. д. Ректора—о. Инспектора Академіи архимандрита Анатолія о томъ, что вторымъ рецензентомъ докторской диссертаціи о. протоіерея Іоанна Арсеньева онъ назначаетъ члена Совѣта—ординарнаго профессора по каѳедрѣ основного богословія *С. С. Глаголева*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Прошеніе Московской Воскресенской, на Семеновскомъ кладбищѣ, церкви *священника Сергія Муретова:*

„Совѣтъ Московской Духовной Академіи 28-го Августа 1898 года постановилъ поданное мною на степень магистра

изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „О поминовеніи безплотныхъ силъ на проскомидіи“. Москва. 1897 г.—передать для прочтенія и. д. доцента И. М. Громогласову и профессору А. Д. Бѣляеву.

Освѣдомившись, что на состоявшемся 22 ноября 1912 года собраніи Совѣта постановлено передать на рецензію мою работу новымъ профессорамъ, за выходомъ изъ состава Академіи прежнихъ, а именно—священнику И. В. Гумилевскому и С. И. Соболевскому,—я покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи разсмотрѣть поданное мною изслѣдованіе въ связи съ двумя другими моими работами о проскомидіи: „Историческій обзоръ чинопослѣдованія проскомидіи до устава литургіи Константинопольскаго Патріарха Филоѳея“. Москва. 1895 г. и „Къ матеріаламъ для исторіи литургіи“. Сергіевъ Посадъ. 1895 г.“

Опредѣлили: Приложенные къ прошенію два экземпляра научныхъ работъ священника С. Муретова о проскомидіи, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1895 году, передать рецензентамъ его магистерской диссертаціи („О поминовеніи безплотныхъ силъ на проскомидіи“. Москва, 1897 г.) ординарному профессору *С. И. Соболевскому* и и. д. доцента Академіи *священнику И. В. Гумилевскому.*

XIII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по 2-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, кандидата богословія перваго разряда, *іеромонаха Варѳоломея (Ремова):*

„Представляя при семъ въ рукописи свое сочиненіе: „Книга пророка Аввакума. Введеніе и толкованіе“, покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи принять его къ разсмотрѣнію въ качествѣ диссертаціи для соисканія ученой степени магистра богословія“.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацію и. д. доцента Академіи іеромонаха Варѳоломея (Ремова) передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору по 1-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *священнику Д. В. Рождественскому.*

XIV. Заявленіе И. д. Ректора—о. Инспектора Академіи архимандрита Анатолія о томъ, что вторымъ рецензентомъ маги-

стерской диссертаціи и. д. доцента Академіи іеромонаха Варѳоломея (Ремова) онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей *священника Е. А. Воронцова.*

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XV. Докладъ секретаря Совѣта Н. Д. Всѣхсвятскаго о томъ, что въ академическую Канцелярію представлено изъ типографіи Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, по распоряженію г. преподавателя Ставропольской духовной семинаріи *Николая Чернявскаго,* 65 экземпляровъ его магистерской диссертаціи подъ заглавіемъ: „Императоръ Ѳеодосій Великій и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія". Сергіевъ Посадъ, 1913 г.

Справка: Совѣтъ Академіи, выслушавъ въ собраніи своемъ 11 января 1912 года отзывы рецензентовъ—ординарныхъ профессоровъ Академіи *А. А. Спасскаго* и *С. С. Глаголева*— о представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія преподавателемъ Ставропольской духовной семинаріи Н. Чернявскимъ сочиненіи на вышеуказанную тему, постановилъ: „Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая сочиненіе Н. Чернявскаго достаточнымъ для сей степени, одобрить означенное сочиненіе къ напечатанію подъ непремѣннымъ условіемъ предварительнаго исправленія всѣхъ недостатковъ, отмѣченныхъ въ отзывахъ г.г. рецензентовъ."

Опредѣлили: Поручить г.г. рецензентамъ — ординарнымъ профессорамъ Академіи *А. А. Спасскому* и *С. С. Глаголеву*— просмотрѣть магистерскую диссертацію г. Чернявскаго и представить Совѣту Академіи свое заключеніе о томъ, насколько выполнено авторомъ, при печатаніи сочиненія, поставленное ему Совѣтомъ условіе признанія диссертаціи удовлетворительною для степени магистра богословія.

XVI. Прошеніе (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) наставника Киржачской учительской семинаріи, кандидата

Московской Духовной Академіи выпуска 1902 года *Андрея Покровскаго:*

„Честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе о возвращеніи мнѣ поданной мною въ 1904 году на соисканіе ученой степени магистра богословія диссертаціи, подъ заглавіемъ: „Педагогическія воззрѣнія Московскаго митрополита Филарета (Дроздова)“.

Справка: 1) Магистерская диссертація кандидата Андрея *Покровскаго* принята была къ разсмотрѣнію по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 17 марта 1905 года, причемъ г. Покровскому дозволено было, согласно его прошенію, во время переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ студентовъ Академіи въ 1905 году сдать новыя устныя испытанія по 15-ти предметамъ академическаго курса, по коимъ онъ за время пребыванія въ Академіи не оказалъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ степени магистра богословія, а также представить новыя семестровыя сочиненія по 7-ми предметамъ и 1 проповѣдь.—2) Разрѣшеніемъ этимъ г. Покровскій воспользовался лишь отчасти, сдавъ въ маѣ мѣсяцѣ 1905 года новыя устныя испытанія по 5-ти предметамъ академическаго курса: Священному Писанію Новаго Завѣта, введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, гомилетикѣ и исторіи проповѣдничества, церковной археологіи и литургикѣ и церковному праву, и получивъ по каждому предмету баллъ $4^1/_2$.—Къ сдачѣ остальныхъ испытаній г. Покровскій въ Академію болѣе не являлся, равно какъ не представилъ и требуемыхъ письменныхъ работъ.—3) По заявленію и. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостьина*, которому поручено было Совѣтомъ разсмотрѣніе магистерской диссертаціи г. Покровскаго послѣдняя, съ разрѣшенія Преосвященнаго Ректора Академіи, уже возвращена имъ автору, согласно его настоящему прошенію.

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію. 2) Дѣло о соисканіи кандидатомъ богословія *Андреемъ Покровскимъ* степени магистра богословія считать прекращеннымъ.

XVII. Предложеніе И. д. Ректора—о. Инспектора Академіи *архимандрита Анатолія:*

„23 февраля текущаго года волею Божіею скончался заслуженный ординарный профессоръ Академіи по каѳедрѣ систематической философіи и логики *А. И. Введенскій*, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1906 года, и членомъ академическаго Правленія. Въ виду необходимости скорѣйшаго замѣщенія послѣдней должности, предлагаю Совѣту Академіи, согласно § 123 устава духовныхъ академій, нынѣ же войти въ сужденіе объ избраніи изъ лицъ, имѣющихъ на то право, кандидата на вакантную должность члена Правленія Академіи".

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—*а*) *§ 122:* „Правленіе, подъ предсѣдательствомъ ректора, составляютъ инспекторъ и три члена изъ состоящихъ въ штатѣ ординарныхъ профессоровъ, а по дѣламъ хозяйственнымъ, сверхъ того, почетный блюститель по хозяйственной части и экономъ и по вопросамъ медико-санитарнымъ врачъ. *Примѣчаніе:* Въ случаѣ недостатка ординарныхъ профессоровъ, членами Правленія могутъ быть и экстраординарные профессора"; *б) § 123*:„Члены Правленія утверждаются мѣстнымъ Епархіальнымъ Архіереемъ, по представленію Совѣта".—2) Въ собраніи Совѣта Академіи 22 января текущаго 1913 года, по выслушаніи заявленія Преосвященнаго Ректора Академіи о тяжелой болѣзни покойнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*, постановлено было: „просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ: 1) о разрѣшеніи заслуженному ординарному профессору Академіи по каѳедрѣ систематической философіи и логики и члену академическаго Правленія, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, *Алексѣю Введенскому* годичнаго отпуска для излеченія отъ болѣзни, съ сохраненіемъ за нимъ правъ службы и получаемаго по оной содержанія: 2) о разрѣшеніи Совѣту Академіи, впредь до выздоровленія профессора Введенскаго и не долѣе, какъ на годичный срокъ, поручить преподаваніе систематической философіи и логики студентамъ I курса Академіи—ординарному профессору по каѳедрѣ основного богословія *Сергѣю Глаголеву*, изъявившему на то свое согласіе,—съ выдачей ему дополнительнаго вознагражденія въ размѣрѣ, не превышающемъ жалованья доцента (864 р. въ годъ), изъ остатковъ

по содержанію лицъ Управленія и учащихъ въ Академіи за 1913-й годъ". — Просьба Совѣта признана была Его Высокопреосвященствомъ заслуживающею уваженія и представленіемъ Его Высокопреосвященства, отъ 10 февраля с. г. за № 80, изложенное ходатайство предъ Святѣйшимъ Синодомъ было возбуждено.—3) Въ виду настоятельной необходимости закончить въ текущемъ году начатое въ первомъ полугодіи покойнымъ профессоромъ А. И. Введенскимъ преподаваніе студентамъ I курса *систематической философіи и логики*, Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи разрѣшено было ординарному профессору *С. С. Глаголеву* приступить къ чтенію лекцій по означенному предмету немедленно послѣ состоявшагося 22 января 1913 года постановленія Совѣта, не дожидаясь разрѣшенія возбужденнаго Совѣтомъ ходатайства.

Опредѣлили: 1) Избрать и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи со дня избранія, т. е. съ 20 марта 1913 года, въ должности члена Правленія Академіи—и. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора по каѳедрѣ педагогики *А. П. Шостьина*, состоящаго на академической службѣ съ 16 августа 1885 года.—2) Принимая во вниманіе интересы учебнаго дѣла въ Академіи и невозможность замѣстить штатнымъ преподавателемъ вакантную каѳедру *систематической философіи и логики* ранѣе будущаго 1913—1914 учебнаго года, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи оставить за ординарнымъ профессоромъ Академіи *С. С. Глаголевымъ* преподаваніе этого предмета до конца 1912—1913 учебнаго года, съ выдачей ему дополнительнаго вознагражденія (изъ оклада 864 р. въ годъ) со дня фактическаго вступленія его въ исполненіе обязанностей временнаго преподавателя, т. е. съ 22 января 1913 года.

XVIII. Предложеніе И. д. Ректора—о. Инспектора Академіи *архимандрита Анатолія*:

„Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ редакціи академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ" отпускалась изъ суммъ Московской каѳедры ежегодная субсидія, на основаніи слѣдующей резолюціи Высокопреосвященнѣйшаго

Митрополита Владиміра, нынѣ С.-Петербургскаго и Ладожскаго, отъ 2 марта 1911 года за № 891: „Согласно ходатайству Совѣта Академіи, назначается субсидія академическому журналу „Богословскій Вѣстникъ“ въ 2500 рублей въ годъ, начиная съ 1-го января 1911 года,—изъ суммъ Перервинскаго монастыря.“

Совѣту Академіи извѣстно, что только благодаря этой милостивой поддержкѣ Высокопреосвященнаго Архипастыря редакціи удалось за послѣднее время поднять значеніе журнала, привлечь (увеличеніемъ гонорара, доведеннаго въ предшествовавшіе годы до minimum'а) къ болѣе дѣятельному участію въ немъ членовъ академической корпораціи, а равно и стороннихъ сотрудниковъ, и, главнымъ образомъ,—приступить къ переизданію нѣкоторыхъ томовъ святоотеческихъ твореній, вышедшихъ изъ продажи, на каковой предметъ и обращалась наибольшая часть субсидіи, такъ какъ отсутствіе иногда одного тома служило серьезнѣйшимъ препятствіемъ къ распространенію между благочестивыми читателями полнаго (часто 6—8-томнаго) собранія твореній того или иного святого отца.—Переизданіе это далеко не закончено и прекращеніе субсидіи вновь возвратило бы журналъ къ прежнему бѣдственному положенію, выходъ изъ котораго два года тому назадъ столь милостиво указанъ былъ въ упомянутой резолюціи Владыки Митрополита.

Поэтому, въ виду происшедшей перемѣны въ управленіи Московской епархіей, предлагаю Совѣту Академіи обратиться къ Высокопреосвященнѣйшему Макарію, Митрополиту Московскому и Коломенскому, подъ ближайшее начальственное наблюденіе и попеченіе котораго поступила съ 25 ноября 1912 года Московская Духовная Академія,—съ просьбою не отказать и на будущее время въ помощи издательному дѣлу Академіи“.

Опредѣлили: Соглашаясь съ предложеніемъ и. д. Ректора Академіи архимандрита Анатолія, почтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о продолженіи и на будущее время субсидіи на изданіе академическаго журнала „*Богословскій Вѣстникъ*“ и святоотеческихъ твореній изъ суммъ Перервинскаго монастыря, въ прежнемъ размѣрѣ—*двухъ тысячъ пятисотъ рублей (2500 р.) въ годъ.*

XIX. Представленный редакціею академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ *отчетъ по изданію журнала и свято отеческихъ твореній за 1912 годъ.*

Справка: Правилъ отчетности по изданію „Богословскаго Вѣстника“ *п. 7-й*: „Совѣтъ Академіи по полученіи отчетовъ редакціи избираетъ коммиссію изъ трехъ лицъ для обревизованія приходо-расходныхъ книгъ редакціи и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціонномъ книжномъ складѣ.“

Опредѣлили: Разсмотрѣніе отчета за 1912-й годъ и обревизованіе кассы, приходо-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціономъ книжномъ складѣ, поручить коммиссіи изъ о. Инспектора Академіи *архимандрита Анатолія*, экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова* и доцента *Н. В. Лысогорскаго.*

XX. Отношеніе Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 15 марта за № 168:

„Императорскій Московскій и Румянцовскій Музей празднуя 3-го апрѣля 1913 года пятидесятилѣтіе своего существованія въ Москвѣ, надѣется, что Московская Духовная Академія раздѣлитъ съ нимъ торжество пятидесятилѣтняго служенія его „на благое просвѣщеніе“.—Если угодно будетъ почтить этотъ праздникъ назначеніемъ депутаціи, Музей покорнѣйше проситъ сообщить отъ этомъ заблаговременно.“

Опредѣлили: 1) Привѣтствовать Императорскій Московскій и Румянцовскій Музей, по случаю пятидесятилѣтія его существованія въ г. Москвѣ, поднесеніемъ адреса отъ имени Императорской Московской Духовной Академіи чрезъ особую депутацію изъ членовъ академической корпораціи, о чемъ и сообщить заблаговременно Управленію Музея.—2) Въ составъ депутаціи избрать: ординарныхъ профессоровъ *С. И. Соболевскаго* и *С. С. Глаголева*, экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго* и и. д. доцента *Н. Л. Тунницкаго*,—которымъ и поручить составить предварительный проектъ текста адреса.

XXI. Представленіе лектора англійскаго языка, *священника Н. А. Преображенскаго*:

„Честь имѣю представить въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи свидѣтельство на званіе учителя гимназіи англійскаго языка, выданное г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа отъ 11 сентября 1912 года за № 30630-мъ“.

Опредѣлили: Свидѣтельство приложить къ дѣлу объ опредѣленіи священника Н. А. Преображенскаго на должность лектора англійскаго языка при Академіи.

XXII. Отношенія:

а) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 27 февраля за № 363, съ увѣдомленіемъ о полученіи книги, возвращенной Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 14 февраля за № 53.

б) Совѣта Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 16 марта за № 264, съ увѣдомленіемъ о полученіи книгъ и рукописи, возвращенныхъ при отношеніи Совѣта Московской Духовной Академіи отъ 8 марта за № 70.

в) Завѣдующаго Хлудовской библіотекой рукописей и старопечатныхъ книгъ игумена Никанора, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи Хлудовской библіотеки подъ № 76 и препровожденіемъ, для научныхъ занятій и. д. доцента Академіи Н. Л. Туницкаго, рукописи той же библіотеки подъ № 32.

г) Графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой, отъ 5 марта, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій того же и. д. доцента Н. Л. Туницкаго, рукописи библіотеки графа Уварова за № 613.

д) Совѣта Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 6 февраля за № 100, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій и. д. доцента В. П. Виноградова рукописи Софійской библіотеки за № 1163 (Обиходникъ Кириллова Монастыря).

е) Совѣта Императорской Казанской Духовной Академіи, отъ 25 февраля за № 815, препровожденіемъ, для научныхъ занятій того же г. Виноградова, рукописи Соловецкаго монастыря XVI в. за № 1117 (Обиходникъ).

ж) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 16 января за № 59, съ препровожденіемъ, для научныхъ

занятій ординарнаго профессора М. М. Тарѣева, 5 книгъ, каковыя, по использованіи и возвращены уже въ Библіотеку при отношеніи Совѣта Академіи отъ 8 марта за № 72.

з) Того же Управленія, отъ 26 февраля за № 346, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора С. И. Смирнова, рукописи подъ № 268 (Сборникъ кон. XVIII—нач. XIX в. Q. XVII).

и) Того же Управленія, отъ 28 февраля за № 381, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора священника Е. А. Воронцова, трехъ еврейскихъ рукописей изъ Собранія Фирковичей за №№ 125 (Пятокнижіе), 104 (Притчи) и 86 (Пятокнижіе и книга Іисуса Навина) и книги: Beiheft XIX къ журналу Centralblatt für Bibliothekswesen.

і) Правленія Красноярской духовной семинаріи, отъ 17 января за № 26, съ возвращеніемъ 5 книгъ фундаментальной академической библіотеки (за №№ 16—592, 60—371, 37—398, 186—595 и 32—717), высланныхъ для занятій помощника инспектора семинаріи Павла Фаворитова.

к) Правленія Тамбовской духовной семинаріи, отъ 16 февраля за № 271, съ возвращеніемъ книги фундаментальной академической библіотеки: „Die Opferanschauung des späteren Judentums, высланной для занятій священника Н. Миловскаго.

л) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 28 января за № 327, съ увѣдомленіемъ о неимѣніи препятствій къ продленію сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи М. Д. Муретову срока пользованія греческими рукописями Синодальной Библіотеки за №№ 380 и 391 еще на три мѣсяца.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XXIII. а) Отношеніе Управленія Московской Синодальной Типографіи, отъ 22 января за № 664:

„Управленіе Московской Синодальной Типографіи имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи не отказать выслать въ Библіотеку сей Типографіи три рукописи изъ числа Волоколамскихъ подъ №№ 491, 534

и 562, срокомъ на одинъ мѣсяцъ, по истеченіи коего рукописи будутъ возвращены по принадлежности въ сохранномъ видѣ".

б) Г. Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ, отъ 11 марта за № 872:

„По порученію Конференціи Императорской Академіи Наукъ имѣю честь покорнѣйше просить Императорскую Московскую Духовную Академію не отказать въ высылкѣ въ Библіотеку Академіи Наукъ принадлежащей Московской Духовной Академіи рукописи XVI вѣка № 90, необходимой для занятій ординарнаго академика А. А. Шахматова, которому Комиссіей по изданію сочиненій академика В. Г. Васильевскаго поручено редактированіе текста Житія Стефана Сурожскаго, изданнаго В. Г. Васильевскимъ по упомянутой выше рукописи".

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора, просимыя рукописи высланы: въ Управленіе Московской Синодальной Типографіи при отношеніи отъ 29 января за № 23, а въ Императорскую Академію Наукъ—при отношеніи отъ 15 марта за № 78.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XXIV. Прошеніе законоучителя Вологодскаго Учительскаго Института, кандидата Московской Духовной Академіи выпуска 1911 года, *священника Іоанна Смирнова*:

„Прошу Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ переработать мое кандидатское сочиненіе на тему: „Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ пастырь-учитель" для соисканія магистерской степени".

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 года за № 2565 Совѣтамъ Академій предписано было: „дозволять удостоеннымъ степени кандидата передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертаціи съ большою осторожностью и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея".—2) Кандидатское сочиненіе Ивана Смирнова (нынѣ священника) отмѣчено было балломъ 5—

Опредѣлили: Дозволить кандидату священнику *Іоанну Смирнову* переработать его кандидатское сочиненіе на выше-

указанную тему въ магистерскую диссертацію, — о чемъ и представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XXV. Отзывы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Яхонтова Дмитрія* на тему: „Солотчинскій монастырь въ XVII и XVIII в.в.“

1) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Яхонтова открывается обширнымъ введеніемъ (1—88 стр.), въ которомъ авторъ, изложивъ свои общіе взгляды на задачу предстоящей работы и на отношеніе между имѣющимся въ его распоряженіи архивнымъ матеріаломъ и существующей литературой, приводитъ во-первыхъ обширный списокъ прочитанныхъ имъ пособій, соприкасающихся съ его темой, а, во—вторыхъ, опись архивныхъ документовъ въ количествѣ 412 №№. Самый текстъ сочиненія содержитъ распадающуюся на нѣсколько главъ характеристику землевладѣнія монастыря, хозяйства, населенія монастырскихъ вотчинъ и администраціи этихъ вотчинъ. Въ рукахъ автора оказался обширный и очень цѣнный запасъ документовъ изъ монастырскаго архива. Авторъ однако не ограничился этимъ запасомъ, а перенесъ свою изслѣдовательскую работу еще и въ Московскій архивъ министерства юстиціи, гдѣ онъ воспользовался переписными книгами XVII в. Изъ всего этого обильнаго матеріала авторъ извлекъ очень цѣнныя данныя, и въ его изслѣдованіи нарисована яркая картина крупнаго монастыря - вотчинника и хозяина. Выясненъ составъ земельныхъ владѣній монастыря въ концѣ XVI и въ XVII вв. и размѣры принадлежавшихъ ему угодій: пахотной земли, луга и лѣса, причемъ полученные результаты изложены въ видѣ таблицъ (109—116). Разобранъ составъ подвѣдомственнаго монастырю населенія его владѣній, и особенное вниманіе обращено на разряды этого населенія, носившіе названіе монастырскихъ слугъ, дѣтенышей и трудниковъ. Въ таблицахъ же представлены и статистическія наблюденія автора надъ крестьянскимъ и бобыльскимъ населеніемъ монастырскихъ вотчинъ за XVII столѣтіе (252—254). Много мѣста удѣляетъ авторъ порядку и пріемамъ мо-

настырскаго хозяйства, изслѣдуя различные виды сельско-хозяйственныхъ угодій. Собственная монастырская запашка, огородничество, отдача монастырской пашни въ аренду, эксплуатація луговъ, рыбныя ловли, пчеловодство и другія угодья —вотъ предметы, на которыхъ авторъ останавливаетъ вниманіе въ этомъ отдѣлѣ своего труда. Обширная глава посвящена вопросу о земельныхъ надѣлахъ монастырскихъ крестьянъ и ихъ повинностяхъ въ пользу монастыря. Въ главѣ „Монастырь-банкиръ" авторъ разсматриваетъ денежныя операціи монастыря и по росписи 1594 г. перечисляетъ ссуды, выдававшіяся монастыремъ крестьянамъ своихъ земель. Интересно при этомъ отмѣтить однообразную высоту роста по этимъ многочисленнымъ ссудамъ—10%. Охарактеризовавъ монастырскую администрацію въ главѣ „Монастырь-вотчинникъ", авторъ въ особой главѣ, названной имъ почему-то „Монастырь-государь" (стр. 317), говоритъ о предоставленной монастырю жалованными грамотами судебной власти надъ населеніемъ его вотчинъ.

Таково богатое содержаніе разсматриваемаго сочиненія. Большую цѣнность сообщаютъ работѣ тѣ неизданные свѣжіе матеріалы, на которыхъ она основана. Можетъ быть, эти матеріалы не внесутъ никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ въ установившіяся воззрѣнія и не поколеблютъ сложившихся теорій; но они нерѣдко дадутъ новую и яркую иллюстрацію къ существующимъ положеніямъ. Такова напр. упомянутая роспись выданныхъ монастыремъ своимъ крестьянамъ ссудъ, рисующая задолженность крестьянъ монастырю-вотчиннику. Не мало интересныхъ свѣдѣній даетъ и глава о надѣленіи монастырскихъ крестьянъ землею и объ ихъ повинностяхъ. Въ частности для меня были особенно любопытны приведенныя авторомъ данныя изъ документовъ, подкрѣпляющія высказанный мною взглядъ на значеніе *выти*, какъ единицы тягла и земельнаго надѣленія по тяглу. (См. Отзывъ о сочиненіи Н. К. Никольскаго „Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство до второй четверти XVII в." въ Отчетѣ о LIII присужденіи наградъ гр. Уварова). „Подъ вытью", писалъ я въ означенномъ отзывѣ (44—46), слѣдуетъ разумѣть податную единицу, выражающую тяглоспособность крестьянскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Эта тяглоспособность зависѣла отъ двухъ элементовъ, которыми она и опредѣля-

лась, именно: во-первыхъ отъ *рабочихъ силъ* крестьянской семьи и, во-вторыхъ, отъ ея *хозяйственныхъ средствъ*—инвентаря. Такимъ образомъ выть служила показателемъ нѣкотораго опредѣленнаго количества крестьянскаго труда и крестьянскаго капитала. Выражая тяглоспособность хозяйствъ, выть служила одновременно для двухъ цѣлей: во-первыхъ, она была счетной единицей для обложенія крестьянскихъ хозяйствъ, какъ поборами въ пользу землевладѣльца, такъ и государственными сборами. Выть имѣла частно-хозяйственное происхожденіе, служа единицей для сборовъ въ пользу землевладѣльца, напоминая собою болѣе позднѣе *тягло*, податную мѣру частновладѣльческаго характера, практиковавшуюся помѣщиками по своимъ имѣньямъ въ XVIII и XIX вв. — Во-вторыхъ, выть служила также единицей *надѣленія* крестьянъ землею и угодьями". По документамъ, приводимымъ авторомъ, такой взглядъ какъ нельзя лучше подтверждается. Выть выступаетъ по словамъ этихъ документовъ въ двоякомъ значеніи: и какъ единица тяглоспособности, и какъ единица надѣленія. „Въ селѣ Григорьевскомъ", гласитъ цитируемая авторомъ рукопись, „*тягла* полшесты выти, полтретьи кости, *и на то имъ тягло дано земли 135 нивъ 3 чети*" (260; курсивъ мой). Далѣе: въ дер. Лучкиничахъ тягла выть пять костей, земли отведено 31½ нива. Въ дер. Волоховой тягла выть 2 кости, земли отведено 27 нивъ. Въ составъ выти входило обыкновенно по нѣскольку земледѣльческихъ хозяйствъ, каждое изъ которыхъ обозначалось дробью выти. Сумма повинностей въ пользу землевладѣльца, налагаемая на выть, разверстывалась затѣмъ по этимъ дробямъ между отдѣльными хозяйствами. Части выти носятъ въ Солотчинскихъ вотчинахъ названіе *костей*. Земельные участки измѣряются въ этихъ же вотчинахъ особыми единицами—*нивами*. Авторъ не потрудился ни опредѣлить размѣровъ надѣленія кости, ни выяснить отношенія кости къ выти, а между тѣмъ все это можно сдѣлать на основаніи, приводимыхъ имъ же документальныхъ данныхъ. Такъ изъ сопоставленія только что приведенныхъ свѣдѣній о деревняхъ: Лучкиничи 1 выть 5 костей—31½ нива и Волохово 1 выть 2 кости—27 нивъ видно, что на 3 кости давалось 4½ нивы земли, что на кость слѣдовательно давалось 1½ нивы, что на выть давалось 24 нивы и что кость

составляла такимъ образомъ $^1/_{16}$ выти. Такое же соотношеніе видимъ и по другой рукописи, датированной 1677 годомъ. „Село Григорьевское", читаемъ мы тамъ, „а въ немъ тягла 6 вытей 3 чети и пол-кости, и на то тягло дано пашни 162 нивы 3 чети" (261). По приведенному выше разсчету на $6^3/_4$ выти дается $6^3/_4 \times 24 = 162$ нивы, а на пол-кости надѣлъ составитъ $^3/_4$ нивы, всего слѣдовательно на село Григорьевское $162^3/_4$ нивы. Изъ другихъ документовъ выясняется самый размѣръ нивы. Это площадь пахотной земли въ $80 \times 40 = 3200$ кв. саженъ.—Взятый примѣръ я привожу потому, что онъ наиболѣе меня заинтересовалъ въ связи съ прежними моими работами. Нѣтъ надобности говорить, что въ сочиненіи можно найти и много другихъ подобныхъ же свѣдѣній по вопросамъ монастырскаго землевладѣнія и хозяйства.

Самую обработку почерпаемыхъ изъ источниковъ свѣдѣній нельзя назвать у автора совершенной. Въ сочиненіи видна какая-то поспѣшность. Не удовлетворяетъ меня сбивчивый и запутанный планъ, который тѣмъ труднѣе выяснить, что авторомъ не приложено къ работѣ оглавленія. Есть положенія очень спорныя. Такъ на стр. 121—122 авторъ рисуетъ общую картину улицы древне-русскаго города. „Въ этой деревнѣ", пишетъ онъ, „только огражденной тыномъ, васъ окружатъ дворы дворянъ, дѣтей боярскихъ, дворы членовъ посадской общины и непремѣнно дворы монастырей". Дворы дворянъ—далеко не на каждой улицѣ древне-русскаго города. По писцовымъ описаніямъ въ городахъ, кромѣ столицы, разумѣется, мы видимъ только „осадные дворы" дворянъ обыкновенно въ чертѣ городскихъ укрѣпленій. Невѣрнымъ представляется мнѣ утвержденіе автора: (131) „и вотчинникъ несъ государственную службу, но во 1-хъ не за землю, а просто какъ членъ государства". Въ Московскомъ государствѣ не всѣ члены государства несли службу, но служилые люди служили, какъ извѣстно, еще съ XVI вѣка не только съ помѣстій, но и съ вотчинъ. Вторая часть приводимой фразы: „а во вторыхъ въ 17 вѣкѣ уже развивается понятіе безоброчной волости" — мнѣ совсѣмъ непонятна.— На стр. 133 авторъ, характеризуя пріемы монастырскаго хозяйства, пишетъ: „При такой раздробленности имѣній поневолѣ приходилось отказаться отъ барщиннаго хозяйства и

довольствоваться крестьянскимъ оброкомъ". Наоборотъ. Барщина развивалась гораздо болѣе въ мелкихъ имѣніяхъ, чѣмъ въ крупныхъ: небольшое имѣніе помѣщику легче было обработывать силами крестьянъ, чѣмъ большое, на обработку котораго не хватало рабочихъ рукъ. На стр. 135—136 изображается авторомъ картина толпы, ежедневно поутру ожидающей у монастыря открытія его воротъ. Но картина не выдержана. Едва ли въ этой толпѣ бывали въ числѣ ожидающихъ открытія воротъ такія лица, какъ стряпчіе приказа Большого Дворца, монастырскіе посельскіе старцы, пристава провинціальной канцеляріи. Очень неточно представляетъ себѣ авторъ классъ несвободныхъ въ древней Руси, говоря, что „Древняя Русь знаетъ эксплуатацію несвободнаго труда, это отчасти чужеземцы — рабы, отчасти продавшіеся въ вѣчную кабалу обѣднѣвшіе *отечественники*" (?) (186). Почему авторъ думаетъ, что въ древней Руси рабами, т. е. полными холопами, были только чужеземцы, а „отечественники" продавались въ какую-то вѣчную кабалу (кабальное холопство?), мнѣ неясно. Невѣрно понято авторомъ постановленіе Уложенія о прикрѣпленіи крестьянъ (257—8): „Уложеніе, прикрѣпившее крестьянъ къ землѣ, которую они арендовали, оставляя за ними право на извѣстный участокъ этой самой земли". Интересно было бы знать, въ какихъ словахъ Уложенія видитъ авторъ установленіе права крестьянъ на „извѣстный участокъ земли" и на какой именно участокъ. Невѣрно (265) авторъ понимаетъ значеніе „выти", о которой онъ довольно много разсуждаетъ. По его мнѣнію съ увеличеніемъ выти (т. е. земли отводимой на выть) повинности крестьянъ становились тяжеле. Мнѣ думается наоборотъ увеличеніе земельной площади отводимой на выть, если при этомъ не происходитъ параллельно и увеличенія падающихъ на выть повинностей, облегчаетъ повинности, а не отягчаетъ ихъ, такъ какъ хозяйства, входящія въ составъ выти, пользуясь бо́льшимъ количествомъ земли, могутъ получать бо́льшіе доходы или число хозяйствъ составляющихъ выть увеличится при бо́льшихъ размѣрахъ ея земельной площади и на каждое хозяйство упадетъ меньшее количество повинностей по разверсткѣ.

Слогъ сочиненія оставляетъ желать многаго. Иногда онъ туманно расплывчатъ. Непонятно напр., зачѣмъ авторъ на

стр. 100 обозначаетъ монастырскія владѣнія двумя терминами вмѣсто одного: „вотчины и земли“. Что собственно обозначаютъ эти земли, если не тѣ же вотчины? Недостатки слога порождаютъ немало неясностей. Что напр. значитъ фраза: „служитъ и помѣщикъ, размѣромъ службы опредѣляющій *время* своего владѣнія землей“? (130). На стр. 119 читаемъ: „Всполошилось *начальство* монастыря. Не довольствуясь огромнымъ количествомъ лѣса, *они* просятъ и т. д.“ На стр. 179: „Монастырское начальство было крайне *разнообразно* и въ оплачиваніи ихъ труда“. На стр. 189: „Это произошло отъ того, что онъ не различаетъ ни слугъ, ни наймитовъ -трудниковъ отъ дѣтенышей, а приводитъ *источникъ происхожденія всѣхъ ихъ* въ отношеніи къ одному классу дѣтенышей“. Стр. 214: „достаточно посмотрѣть *на величину заботливости*“. Стр. 338: „Эта администрація... являлась представителями“. Особенно досадной мнѣ кажется манера автора *преувеличивать* описываемые факты и явленія, и эти преувеличенія мы встрѣчаемъ у него постоянно. Такъ на стр. 236 онъ говоритъ о „безконечныхъ доходахъ монастыря“, на 255—о „безконечныхъ натуральныхъ повинностяхъ“. На 266 у него „безчисленные расходы у крестьянъ“, на 272—„безчисленные сборы съ крестьянъ“, на 282—„до анекдотическихъ размѣровъ развито пчеловодство“; на 314—„возмутительный произволъ проникаетъ *всѣ* отношенія помѣщика къ своимъ крѣпостнымъ; еще большимъ (!) произволомъ окружена жизнь солотчинскаго крѣпостного и всѣ его обязанности по отношенію къ своему владѣльцу—монастырю“; на стр. 352—„безконечно—длинная галлерея“; на 361—„безконечные грибки и ягодки, отъ которыхъ ломились монастырскіе погреба“. Недоказанной мнѣ представляется мысль автора, что положеніе монастырскихъ крестьянъ въ XVII в. было тяжеле положенія крестьянъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ и поэтому неоднократно повторяющіяся сѣтованія на ихъ горькую долю (256, 270, 298) вродѣ приведеннаго на стр. 314 я нахожу только реторикой.

Указанные мною недочеты сочиненія не мѣшаютъ мнѣ однако цѣнить его достоинства. Обиліе и свѣжесть собраннаго г. Яхонтовымъ неизданнаго матеріала, горячая любовь къ работѣ надъ избранной темой, обширная проявленная

авторомъ начитанность въ литературѣ предмета дѣлаютъ сочиненіе вполнѣ заслуживающимъ искомой степени".

б) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Сочиненіе г. Яхонтова имѣетъ своимъ предметомъ исключительно экономическую сторону жизни Солотчинскаго монастыря въ XVII—XVIII вв. Посвятивъ читателя въ предисловіи въ задачи и пріемы своего изслѣдованія и представивъ перечень пособій и обширную опись архивныхъ документовъ Солотчинскаго монастыря, положенныхъ въ основу его работы, авторъ выясняетъ источники богатствъ интересующаго его монастыря, опредѣляетъ размѣры его земельныхъ владѣній, вотчинъ и угодій, подробно описываетъ способы эксплоатаціи этихъ земельныхъ владѣній администраціей монастыря, разбираетъ составъ населенія, занимавшаго монастырскія земли, характеризуетъ виды монастырскаго хозяйства и доходы отъ него, оброки и повинности монастырскихъ крестьянъ, говоритъ о банкирскихъ операціяхъ монастырской казны и, наконецъ, о судебныхъ правахъ монастыря въ отношеніи къ населенію его вотчинъ.

Все сочиненіе написано на основаніи неизданныхъ документовъ, отчасти принадлежащихъ архиву Солотчинскаго монастыря, отчасти хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Документы эти изучены и проанализированы авторомъ тщательно. Извлеченный изъ нихъ матеріалъ въ обобщающей обработкѣ автора по—возможности приведенъ имъ въ соотвѣтствіе въ существующей научной литературой, посвященной монастырскому землевладѣнію. Я не могу судить о томъ, насколько этотъ матеріалъ имѣетъ характеръ новизны въ вопросѣ объ экономическомъ бытѣ русскихъ монастырей, но во всякомъ случаѣ онъ наглядно и довольно полно, иногда въ видѣ статистическихъ таблицъ, даетъ картину экономической жизни Солотчинскаго монастыря и вноситъ интересную страницу въ исторію монастырскаго землевладѣнія и хозяйства.

Характеру матеріала, надъ которымъ оперировалъ авторъ въ своей работѣ, далеко не соотвѣтствуетъ характеръ изложенія. Авторъ пишетъ пространно и риторически, съ паѳосомъ и какой-то стилистической напряженностью, потопляя

подчасъ въ риторикѣ и расплывчатой фразеологіи простые факты и ихъ обобщенія.

Впрочемъ, этотъ недостатокъ не заслоняетъ отъ читателя основныхъ достоинствъ сочиненія. Какъ работа, основанная на самостоятельномъ и любовномъ изученіи первоисточниковъ, свидѣтельствующая объ умѣніи обращаться съ ними, обнаруживающая въ авторѣ большую начитанность въ литературѣ предмета, это сочиненіе представляетъ собою весьма цѣнное изслѣдованіе, не только вполнѣ соотвѣтствующее своему практическому назначенію, но и возбуждающее въ читателѣ пожеланіе автору дальнѣйшаго продолженія предпринятаго имъ полезнаго труда".

Справка: 1) Дмитрій *Яхонтовъ* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1912-мъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія.—2) Въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса дѣйствительный студентъ Яхонтовъ имѣетъ баллъ 4, ^{691}.—3) По § 109 лит. *б.* п. 8 устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата богословія" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента *Дмитрія Яхонтова* удостоить степени кандидата богословія, съ причисленіемъ его къ *первому* разряду,—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XXVI. Прошеніе студента IV курса Академіи *Анатолія Троицкаго*:

„Желая имѣть баллъ по Общей Церковной Исторіи высшій, чѣмъ тотъ, который я имѣю (3½), покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ передержать экзаменъ по означенному предмету".

Опредѣлили: Просьбу студента Троицкаго,—за отсутствіемъ въ нынѣ дѣйствующемъ академическомъ уставѣ основаній къ ея удовлетворенію,—отклонить.

XXVII. Прошеніе студента I курса Академіи *священника Серафима Ляде*:

„Согласно указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи освободилъ меня отъ сдачи пріемнаго экзамена по греческому языку при поступленіи въ число студентовъ I курса Академіи, обязавъ меня сдать этотъ предметъ въ концѣ перваго учебнаго года. Слабое состояніе здоровья лишало меня часто возможности заниматься надлежащимъ образомъ. Хотя я старался по возможности приготовиться къ этому экзамену, но мои познанія въ греческомъ языкѣ еще настолько слабыя, что я не рѣшаюсь сдать экзаменъ въ установленный срокъ.

Въ виду этого покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство ходатайствовать за меня предъ Совѣтомъ Императорской Московской Духовной Академіи, чтобы мнѣ было разрѣшено сдать экзаменъ по греческому языку въ концѣ лѣтнихъ каникулъ, предъ началомъ второго учебнаго года. Сужденіе о моемъ переводѣ на второй курсъ покорнѣйше прошу отложить до тѣхъ поръ, пока не будетъ мною сданъ этотъ экзаменъ.“

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 8 марта 1912 года за № 3445 *священникъ Ляде* дѣйствительно освобожденъ былъ отъ пріемнаго испытанія по греческому языку, причемъ ему, въ случаѣ принятія въ Академію, предоставлено было: „экзаменъ по греческому языку выдержать въ теченіе перваго академическаго курса“.—2) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено было въ обязанность: дозволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ-каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.

Опредѣлили: 1) Признавая просьбу студента I курса *священника Серафима Ляде* заслуживающею уваженія,—дозволить ему сдать экзаменъ по греческому языку послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1913 года,—послѣ чего и имѣть сужденіе о переводѣ его въ слѣдующій курсъ.—

2) Постановленіе сіе представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XXVIII. Прошеніе (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) бывшаго студента I курса *священника Александра Бѣлорукова*:

„Уволеный 10 декабря въ отпускъ по болѣзни (свидѣтельство академическаго врача), я заболѣлъ обостреннымъ ревматизмомъ и находился на излѣченіи Юрьевецкаго, Костромской губерніи, городского врача и къ назначенному сроку явиться въ Академію не могъ и, какъ непредставившій своевременно медицинскаго свидѣтельства о болѣзни, уволенъ изъ числа студентовъ I-го курса.

Представляя въ настоящее время свидѣтельство Юрьевецкаго городского врача за № 21, полагаю судьбу къ стопамъ Вашего Преосвященства и осмѣливаюсь просить Васъ, Милостивый Архипастырь, не благоволено ли будетъ вновь принять меня въ число студентовъ I-го курса подвѣдомственной Вамъ Академіи“.

Справка: 1) По утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Правленія Академіи отъ 17 января сего 1913 года, согласно § 124 лит. *б.* п. 6 устава духовныхъ академій, студентъ I-го курса *священникъ Александръ Бѣлоруковъ* уволенъ былъ изъ Академіи за неявку изъ отпуска на Рождественскія каникулы и непредставленіе никакихъ свѣдѣній о причинахъ оной.—2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 16—26 ноября 1877 года за № 1738:— „а) Всѣ студенты духовныхъ академій послѣ лѣтнихъ, рождественскихъ и пасхальныхъ вакацій обязаны возвращаться въ академію непремѣнно въ назначенный начальствомъ срокъ, возвращая при семъ Инспектору отпускной билетъ съ подписью родителей или попечителей о времени отправленія ихъ изъ дому. б) Неявившійся въ академію болѣе недѣли послѣ назначеннаго срока и не представившій уважительнаго, по мнѣнію академическаго Совѣта (нынѣ Правленія) свидѣтельства о законной причинѣ своей неявки, считается выбывшимъ изъ академіи и отъ усмотрѣнія Совѣта зависитъ вновь принять его въ академію или отказать въ пріемѣ“.

Опредѣлили: Признавая причину неявки въ Академію изъ отпуска бывшаго студента I курса *священника Александра Бѣлорукова* уважительною, ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи зачислить его обратно въ списки студентовъ I курса Академіи.

XXIX. Имѣли сужденіе: О назначеніи—

1) Двухъ премій имени *Митрополита Московскаго Макарія, по 482 р.* каждая, за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи;

2) Одной преміи имени того же *Митрополита Московскаго Макарія въ 289 р.*,—за лучшія магистерскія диссертаціи воспитанниковъ Академіи, и

3) Трехъ премій имени *Епископа Курскаго Михаила, по 201 р.* каждая,—за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію.

Справка: 1) Въ собраніи Совѣта Академіи 22 января текущаго 1913 года, между прочимъ, постановлено было: „а) Труды ординарныхъ профессоровъ Академіи—*С. С. Глаголева* („О происхожденіи человѣка (разборъ теоріи Васманна)“ и „Пособіе къ изученію Основного Богословія“), *М. М. Тарѣева* („Соціализмъ. Выпускъ первый. Научный соціализмъ; его экономическое ученіе“) и *М. М. Богословскаго* („Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“) и экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова* („Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины“) имѣть въ виду при присужденіи въ мартовскомъ собраніи Совѣта Академіи премій Митрополита Московскаго Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи, а трудъ сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* (переводъ Толкованія Св. Кирилла Александрійскаго на Евангеліе Іоанна)—при назначеніи въ томъ же собраніи Совѣта премій Епископа Курскаго Михаила за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію. — б) Магистерскія диссертаціи директора Вологодскаго Учительскаго Института Алексѣя *Шарапова* и и. д. доцента (нынѣ доцента) Академіи Владиміра *Троицкаго*,—въ виду того, что послѣдняя, по засвидѣтельствованію Преосвященнаго Рек-

тора Академіи и сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи М. Д. Муретова, читавшихъ обѣ диссертаціи г. Троицкаго, представляетъ собою, при сходствѣ въ заглавіи, существенно новый трудъ по содержанію въ сравненіи съ кандидатскимъ сочиненіемъ,—допустить къ соисканію преміи Митрополита Московскаго Макарія за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи".— 2) Правилъ о присужденіи премій *Митрополита Московскаго Макарія пп. 13—15:* „Чрезъ два мѣсяца послѣ январскаго засѣданія Совѣта, въ мартовскомъ засѣданіи происходитъ обсужденіе достоинства представленныхъ на премію сочиненій и присужденіе самыхъ премій. — Если въ распоряженіи Совѣта есть сумма для того, чтобы назначить кромѣ полной преміи половинную, то Совѣтъ можетъ въ томъ же засѣданіи назначить за сочиненіе второе по достоинству половинную премію.—Въ томъ же засѣданіи Совѣта рѣшается вопросъ, какое изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, заслуживаетъ преміи".—3) Положенія о преміи *Епископа Курскаго Михаила §§ 9—11*: „Въ мартовскомъ засѣданіи Совѣта происходитъ обсужденіе достоинства сочиненій, предложенныхъ на соисканіе преміи, и присужденіе преміи.—Если въ какомъ-нибудь году не будетъ предложено сочиненій на соисканіе преміи, то премія отлагается до слѣдующаго года.—Премія, оставшаяся отъ предыдущаго года, можетъ быть соединена, по усмотрѣнію Совѣта, съ преміею текущаго года и составившаяся изъ двухъ премій сумма въ 500 рублей (нынѣ въ 402 р.), можетъ быть присуждена за одно сочиненіе, но болѣе 500 рублей не можетъ быть назначено въ премію за сочиненіе."—4) По § 109 лит. *б.* п. 9 устава духовныхъ академій „присужденіе въ подлежащихъ случаяхъ премій за ученые труды" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Двѣ преміи *Митрополита Московскаго Макарія*, по 482 р. каждая, раздѣлить на четыре равныя части и назначить эти половинныя преміи, *по 241 р.* каждая, ординарнымъ профессорамъ Академіи *С. С. Глаголеву, М. М. Тарѣеву, М. М. Богословскому* и экстраординарному профессору *С. П. Смирнову*, за вышеуказанные печатные труды ихъ.—2) Премію *Митрополита Московскаго Макарія* за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи, *въ*

289 рублей, присудить доценту Академіи *В. А. Троицкому* за его магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи догмата о Церкви". Сергіевъ Посадъ, 1912 г.—3) Сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи *М. Д. Муретову*, за вышеуказанный трудъ его, назначить *двойную* премію имени *Епископа Курскаго Михаила, въ 402 рубля*, отложивъ назначеніе *третьей* преміи до слѣдующаго года.—4) Постановленіе сіе предварительно представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XXX. *О вызовѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ составъ новаго (LXXII) академическаго курса.*

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 138*: „О вызовѣ содержимыхъ на синодальныя средства студентовъ Совѣтъ Академіи заблаговременно представляетъ свои соображенія Святѣйшему Синоду, для зависящихъ съ его стороны распоряженій, въ порядкѣ, указанномъ въ § 109, л. в., п. 5 устава. Вмѣстѣ съ симъ Совѣтъ дѣлаетъ объявленіе во всеобщее свѣдѣніе объ имѣющемъ быть пріемѣ въ Академію желающихъ поступить въ оную, при чемъ сообщается объ условіяхъ пріема, о документахъ, коими должны запастись желающіе явиться къ пріему, и о количествѣ синодальныхъ и частныхъ стипендій, на которыя могутъ разсчитывать поступающіе въ Академію".—2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ *4 мая—3 іюня 1887 года* для каждаго курса Академіи положено по *30* казенныхъ вакансій.

Опредѣлили: 1) Представить установленнымъ порядкомъ Святѣйшему Синоду о вызовѣ на казенный счетъ въ составъ новаго академическаго курса *20-ти* лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по усмотрѣнію Святѣйшаго Синода, съ предоставленіемъ остальныхъ *10-ти* казеннокоштныхъ вакансій лицамъ, имѣющимъ явиться къ повѣрочнымъ испытаніямъ въ качествѣ волонтеровъ.— 2) Объ имѣющемъ быть пріемѣ въ Академію желающихъ поступить въ оную напечатать объявленіе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ", и академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ".

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „19 апр. 1913. Исполнить“.

22 апрѣля 1913 года.

№ 4.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго.—Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ, экстраординарные профессоры—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. И. Шостынъ, ординарные профессоры С. И. Соболевскій, А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—И. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ указъ изъ Святѣйшаго Синода отъ 21 марта с. г. за № 4675:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, за № 1902, Высочайшій Его Императорскаго Величества указъ, данный Святѣйшему Правительствующему Синоду въ 21 день минувшаго Февраля, слѣдующій: „Русскій народъ на самой зарѣ своего государственнаго бытія имѣлъ особую милость Божію воспріять отъ Византіи въ неповрежденной чистотѣ святую православную вѣру Христову, которая принесла ему съ собою и начало истиннаго просвѣщенія. Первыми памятниками русской письменности были переводы Св. Писанія и богослужебныхъ, свято-отеческихъ и иныхъ церковныхъ книгъ—плоды трудовъ Св. Первоучителей Словенскихъ и ихъ учениковъ и продолжателей. Первою русскою школою была церковная школа, приготовлявшая русскихъ людей къ совершенію и слушанію церковнаго богослуженія. Подъ

благотворнымъ вліяніемъ церковнаго книжнаго просвѣщенія образовалась русская народная душа, сложилась и возросла наша великая Родина. Съ теченіемъ времени, неизмѣннымъ попеченіемъ Вѣнценосныхъ Вождей Русской земли, дружными усиліями церковныхъ и государственныхъ дѣятелей духовное наслѣдіе, принятое отъ вселенской Церкви, принесло обильный плодъ. Немногочисленныя въ началѣ школы, открывавшіяся при монастыряхъ, архіерейскихъ домахъ и церквахъ, постоянно умножались и, наконецъ, при царствованіи Дома Романовыхъ, разрослись въ цѣлую планомѣрно устроенную сѣть духовно-учебныхъ заведеній, съ четырьмя духовными академіями во главѣ. Изъ стѣнъ духовныхъ школъ вышли сонмы высокопросвѣщенныхъ іерарховъ, убѣжденныхъ пастырей Церкви, опытныхъ наставниковъ и иныхъ полезныхъ Церкви и Родинѣ работниковъ на церковно-народной нивѣ. Трудами питомцевъ духовной школы переведены на русскій языкъ Св. Писаніе, творенія святыхъ отцевъ и другіе памятники церковной письменности, и создана богатая богословская литература, пользующаяся заслуженнымъ уваженіемъ не только на православномъ Востокѣ, но и у инославныхъ. Въ настоящій знаменательный день исполнившагося трехсотлѣтія Царствованія Императорскаго Россійскаго Дома Романовыхъ, желая отмѣтить историческія заслуги духовной школы предъ Церковью и Родиной, мы признали за благо даровать высшимъ разсадникамъ духовнаго просвѣщенія—духовнымъ академіямъ: Кіевской, Московской, С.-Петербургской и Казанской именованіе „Императорскихъ“, въ твердомъ упованіи, что духовная школа, въ этомъ знакѣ Нашего Монаршаго къ ней благоволенія, найдетъ для себя источникъ новыхъ силъ и воодушевленія къ неуклонному служенію ея великой задачѣ: давать родной Церкви и Родинѣ просвѣщенныхъ и убѣжденныхъ пастырей, всему же христіанскому міру—строго-православную, вѣрную незыблемымъ основамъ и вѣчнымъ завѣтамъ вселенской Церкви самостоятельную русскую богословскую науку“. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества указѣ объявить Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому и Кіевскому, Вашему Преосвященству и Архіепископу Казанскому указами“.

На семъ указѣ надпись Его Высокопреосвященства: „28 марта 1913. Въ Совѣтъ Императорской Московской Академіи. Сердечно радъ и поздравляю Академію. *Митрополитъ Макарій*“.

Справка: Высочайшій указъ, данный Святѣйшему Правительствующему Синоду въ 21 день минувшаго февраля мѣсяца, и описаніе празднованія Академіею исполнившагося 300-лѣтія со дня избранія перваго Государя нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ внесены были въ журналъ предшествующаго собранія Совѣта Академіи— 20 марта 1913 года (№ 3, ст. I).

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.—2) Просить Его Высокопреосвященство принять выраженіе глубокой благодарности Совѣта Академіи за выраженное въ резолюціи отъ 28 марта сего года поздравленіе Академіи съ Монаршею милостью.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „28 марта 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 26 марта за № 4919:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, отъ 25 Февраля сего года за № 693, журналъ Учебнаго Комитета, № 128, по представленіямъ Преосвященныхъ митрополитовъ С.-Петербургскаго и Кіевскаго, Вашего Преосвященства и Архіепископа Казанскаго *о результатахъ пріемныхъ испытаній въ духовныхъ академіяхъ въ 1912—13 учебномъ году*. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: донесенія Преосвященныхъ митрополитовъ С.-Петербургскаго и Кіевскаго, Вашего Преосвященства и Преосвященнаго Казанскаго о результатахъ пріемныхъ испытаній въ духовныхъ академіяхъ въ 1912—13 учебномъ году принять къ свѣдѣнію; о чемъ увѣдомивъ Ваше Преосвященство, Преосвященныхъ Митрополитовъ С.-Петербургскаго и Кіевскаго и Преосвященнаго Казанскаго указами“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „5 апр. 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 апрѣля за № 5499:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенное Г. Товарищемъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 20 Февраля сего года за № 2158, прошеніе *священника* Московской Успенской, что въ Гончарахъ, церкви *Панкратія Милославина*, на имя Г. Оберъ-Прокурора, о разрѣшеніи ему поступить, для продолженія образованія, въ Императорскую Московскую Духовную Академію, съ оставленіемъ штатнымъ священникомъ названной церкви. Приказали: Принимая во вниманіе, 1) что къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ духовныхъ академій по § 137 академическаго Устава, допускаются окончившіе курсъ духовныхъ семинарій по первому разряду, священникъ же Милославинъ окончилъ курсъ Московской семинаріи по второму разряду, и 2) что, по § 179 того же Устава, студентамъ духовныхъ академій, облеченнымъ священнымъ саномъ, занимать штатныя или нештатныя священнослужительскія и другія мѣста ни въ какомъ случаѣ не предоставляется, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: настоящее прошеніе священника Милославина оставить безъ послѣдствій; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію, увѣдомивъ по содержанію онаго священника *Милославина*.

IV. а) Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „19 марта 1913. Совѣтъ Московской Академіи по содержанію сего дастъ свой отзывъ"—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 17 марта за № 3022:

„Вольнослушатель Московской духовной академіи студентъ Аѳинскаго Университета монахъ Гавріилъ *Цуклавъ* обра-

тился въ Святѣйшій Синодъ съ прошеніемъ о зачисленіи его въ студенты Московской духовной академіи въ предстоящемъ учебномъ году, не подвергая испытанію.

Означенное прошеніе имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопреосвященству на усмотрѣніе".

б) Препровожденное при семъ отношеніи прошеніе на имя Святѣйшаго Правительствующаго Синода вольнослушателя Академіи монаха Гавріила *Цукаласъ*:

„Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 8 октября 1910 года за № 13855 на имя Совѣта Московской Духовной Академіи мнѣ разрѣшено было подвергнуться дополнительнымъ испытаніямъ для зачисленія въ студенты оной Академіи. Въ 1912 году я былъ зачисленъ вольнослушателемъ Академіи и прослушалъ всѣ лекціи, читаемыя на первомъ курсѣ.

Покорнѣйше прошу Ваше Святѣйшество, Святѣйшій Правительствующій Синодъ: не найдете ли возможнымъ сдѣлать мнѣ, какъ иностранцу, снисхожденіе, не подвергая меня испытанію, зачислить меня въ студенты Московской Духовной Академіи въ предстоящемъ 1913 г."

г) Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 6 апрѣля за № 1654:

„Препровождая при семъ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи прошеніе монаха Гавріила *Цукаласъ* о зачисленіи въ число студентовъ академіи, Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской духовной академіи сообщить Комитету свой отзывъ по содержанію названнаго прошенія, съ возвращеніемъ послѣдняго".

Опредѣлили: 1) Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству (съ возвращеніемъ отношенія Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода за № 3022 и прошенія монаха Гавріила *Цукаласъ*), что въ виду: а) совершенно неудовлетворительной сдачи греческимъ уроженцемъ монахомъ Гавріиломъ *Цукаласъ* пріемныхъ испытаній при Академіи въ августѣ мѣсяцѣ минувшаго 1912 года; б) пріема въ Академіи, по уставу оныхъ (§ 137, прим. I), *безъ экзамена* лишь окончившихъ съ успѣхомъ *полный* курсъ университета или другого высшаго учебнаго заведенія, и в) опредѣленія Свя-

тѣйшаго Синода *отъ 8—20 августа 1901 года за № 3031*, коимъ признано было, что „въ допущенныхъ Святѣйшимъ Синодомъ, съ цѣлію возможно бо́льшаго привлеченія воспитанниковъ изъ иностранцевъ, облегченіяхъ для нихъ какъ при пріемѣ въ духовно-учебныя заведенія, такъ и во время прохожденія курса, *нынѣ не представляется надобности*“,— Совѣтъ Академіи, съ своей стороны, полагалъ бы справедливымъ принять монаха Гавріила *Цукаласъ* въ число студентовъ Академіи лишь на общихъ основаніяхъ, послѣ удовлетворительной сдачи имъ въ августѣ мѣсяцѣ сего 1913 года установленныхъ пріемныхъ испытаній.—2) Таковой же отзывъ по содержанію прошенія монаха Гавріила *Цукаласъ* (съ возвращеніемъ копіи онаго) сообщить и Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ.

V. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 12 марта, № 2: „27 марта 1913. Ходатайствовать“.

б) 20 марта, № 3: „19 апр. 1913. Исполнить“.

Справка: 1) Журналомъ отъ 12 марта с/г. за № 2 Совѣтъ Академіи просилъ ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи преподавателя Волынской духовной семинаріи Θеодора *Владимірскаго* въ степени магистра богословія.—2) Въ журналѣ собранія 20 марта, № 3, на Архипастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства представлены были, между прочимъ, слѣдующія постановленія и ходатайства Совѣта Академіи: а) объ утвержденіи, со дня избранія, т. е. съ 20 марта 1913 года, въ должности члена Правленія Академіи и. д. ординарнаго заслуженнаго профессора *А. П. Шостьина* (ст. XVII); б) о разрѣшеніи оставить за ординарнымъ профессоромъ *С. С. Глаголевымъ* преподаваніе систематической философіи и логики до конца текущаго 1912—1913 учебнаго года, съ выдачею ему дополнительнаго вознагражденія (изъ оклада 864 р. въ годъ) со дня фактическаго вступленія его въ исполненіе обязанностей временнаго преподавателя, т. е. съ 22 января 1913 года (та же ст. XVII, п. 2; представленіе Его Высокопреосвященства Святѣйшему Синоду—отъ 19 апрѣля с/г. за № 170): в) о продолже-

піи и на будущее время *субсидіи* на изданіе академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ и святоотеческихъ твореній изъ суммъ Перервинскаго монастыря, въ прежнемъ размѣрѣ—*2500 рублей въ годъ* (ст. XVIII); г) о разрѣшеніи кандидату Академіи выпуска 1911 года, нынѣ законоучителю Вологодскаго Учительскаго Института, *священнику Іоанну Смирнову* переработать его кандидатское сочиненіе въ магистерскую диссертацію (ст. XXIV); д) объ утвержденіи въ степени кандидата богословія (съ причисленіемъ къ *первому* разряду) дѣйствительнаго студента Академіи выпуска 1912 года *Дмитрія Яхонтова* (ст. XXV); е) о разрѣшеніи студенту I курса *священнику Серафиму Ляде* сдать экзаменъ по греческому языку послѣ лѣтнихъ каникулъ (ст. XXVII) и ж) о назначеніи премій имени *Митрополита Московскаго Макарія и Епископа Курскаго Михаила* ординарнымъ профессорамъ Академіи—*С. С. Глаголеву, М. М. Тарѣеву, М. М. Богословскому* и экстраординарному профессору *С. И. Смирнову* (по 241 р. каждому), доценту Академіи В. А. Троицкому (нынѣ *іеродіакону Иларіону*—289 р.) и сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи *М. Д. Муретову* (402 р.).

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію, увѣдомивъ по содержанію утвержденныхъ постановленій Совѣта Академіи лица и учрежденія, коихъ они касаются.

VI. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи *Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода*, отъ 29 марта за № 1550:

„Въ виду того, что, по Высочайше утвержденному 1-го іюля 1912 года закону о порядкѣ введенія въ дѣйствіе закона объ измѣненіи устава о воинской повинности, съ 15 сентября 1913 года преподавательскія должности не будутъ освобождать отъ отбыванія сей повинности подлежащихъ оной лицъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство сдѣлать зависящее распоряженіе о томъ, чтобы вмѣстѣ съ ежегодно представляемыми въ Учебный Комитетъ свѣдѣніями объ окончившихъ курсъ духовныхъ Академій, сообщалось также о томъ, *въ какомъ отношеніи къ отбыванію воинской повинности состоитъ каждый изъ окончившихъ Ака-*

демію, т. е. свободенъ ли онъ отъ отбыванія сей повинности и если свободенъ, то на какомъ основаніи.

Кромѣ того, въ виду ежегодно встрѣчающихся затрудненій при замѣщеніи къ началу учебнаго года вакансій по духовно-учебной службѣ вслѣдствіе несвоевременнаго представленія въ Учебный Комитетъ свѣдѣній объ окончившихъ академическій курсъ лицахъ, представляется необходимымъ имѣть въ Учебномъ Комитетѣ свѣдѣнія, а равно и документы сихъ лицъ, непосредственно по окончаніи учебнаго года".

Опредѣлили: Изложенныя въ отношеніи Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода распоряженія принять къ исполненію.

VII. Вѣдомости Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ за *мартъ* и *апрѣль* мѣсяцы текущаго 1913 года, изъ которыхъ видно, что:

1) въ *мартѣ* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни*: и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ опустилъ 10 лекцій, ординарный профессоръ А. А. Спасскій и и. д. доцента священникъ И. В. Гумилевскій—по 6 лекцій, ординарный профессоръ М. М. Богословскій—4 лекціи, и. д. доцента Н. Л. Туницкій—3 лекціи и и. д. доцента Ѳ. М. Россейкинъ—2 лекціи; *б) по случаю исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя въ Окружномъ Судѣ:* ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ—6 лекцій; *в) по семейнымъ обстоятельствамъ*: экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій—2 лекціи; *г) по случаю постриженія въ монашество*: и. д. доцента В. А. Троицкій (нынѣ монахъ Иларіонъ)—3 лекціи и *д) по дѣламъ миссіонерской службы*: и. д. доцента И. Г. Айвазовъ—9 лекцій.

2) въ *апрѣлѣ* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни*: экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій и лекторъ нѣмецкаго языка Г. Я. Томсонъ опустили по 4 лекціи; *б) по случаю командировки въ качествѣ депутата отъ Академіи на юбилей Императорскаго Румянцовскаго Музея*: ординарный профессоръ С. И. Соболевскій—4 лекціи; *в) по дѣламъ миссіонерской службы*: и. д. доцента И. Г. Айвазовъ—3 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомости внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VIII. Отзывы о сочиненіи и. д. доцента Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ литургики, кандидата богословія, *священника Ильи Гумилевскаго* подъ заглавіемъ: „Ученіе Апостола Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*:

„Посвященная раскрытію ученія Ап. Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ, работа о. Гумилевскаго естественно раздѣляется на двѣ половины. Въ *первой* начертывается образъ душевнаго человѣка съ слѣдующихъ частныхъ сторонъ: а) „условія возникновенія душевной жизни“, т. е. говоря проще, бытія человѣка, *„во 1-хъ въ любви Божіей“* или божественной волѣ на основаніи Рим. 4, 19 сл. и I Кор. 15, 37 сл., причемъ слова *σπέρμα* и *σπείρεται* толкуются не въ смыслѣ только сравненія, но какъ „творческій процессъ созидающей силы Божіей“ (стр. 1—14),—и, *во 2-хъ, въ любви супружеской*, какъ отображеніи любви Божеской, причемъ цѣль любви и Божеской и человѣческой—супружеской опредѣляется „въ чадородіи“,—именно въ томъ, что „Богъ продолжаетъ творить чудо человѣческой жизни при участіи самого человѣка“, толкуя въ этомъ смыслѣ Ефес. 5, 3 и 1 Кор. 6, 16 (стр. 14—22),—б) *субъектъ душевной жизни—ψυχή—душа*, съ толкованіемъ 1 Кор. 15, 45—49 (стр. 22—26),—в) *душевное тѣло* человѣка (стр. 26—37), какъ „тѣло плоти — *σῶμα τῆς σαρκὸς*“, т. е. „какъ членъ космическаго цѣлаго (*σῶμα*) и какъ членъ животнаго царства (*σάρξ*)“,—затѣмъ—душевная жизнь: г) *въ ощущеніяхъ*—зрительныхъ, слуховыхъ и проч. (стр. 37—42), д) *въ рѣчи человѣческой* (стр. 42—46), е) *въ разумѣ* (стр. 46—83), ж) *гносисѣ душевнаго человѣка* (стр. 83—90), з) *въ чувствованіяхъ* (стр. 90—109), и) въ частности—*въ чувствованіяхъ симпатическихъ* или естественной любви (стр. 109—119) и і) *въ любви къ своему тѣлу* (стр. 120—134),—к) *характеръ плотской* или душевной *жизни* по Гал. 5, 19—21 и др. (стр. 135—147),—л) *совѣсть душевнаго человѣка*

(стр. 147—167),—м) *душевная жизнь по суду ветхозавѣтнаго закона* (стр. 167—186) и н) *значеніе душевной жизни* для духовнаго человѣка по 2 Кор. 4, 16—18. *Вторая половина* даетъ изображеніе духовнаго человѣка въ слѣдующихъ параграфахъ: а) *духъ человѣка*, какъ субъектъ духовной жизни—*ψυχή*—*πνεῦμα*, причемъ духъ признается „состояніемъ", а не „особымъ центромъ самосознанія или личности", на основаніи 2 Кор. 7, 1,—2 Θесс. 5, 23,—Евр. 4, 12,—1 Кор. 2, 19,—15, 45—51,—Рим. 8, 9—10 (стр. 195—261),—б) *смыслъ христіанскаго брака*, коего цѣль—свободное отъ похоти и безгрѣшное чадородіе (стр. 261—266), -в) *немощность человѣческой природы*, какъ условіе для проявленія божественной любви къ человѣку и благодати Святаго Духа съ одной стороны, и устремленія человѣка къ божественной благодати—съ другой (стр. 266—272),—г) *общій характеръ духовной жизни* по 1 Кор. 2, 14 и др. (стр. 272—275),—д) *обращеніе Савла, какъ фактъ опознанія пневматической дѣйствительности* (стр. 275—279),—е) *богообщеніе—основная черта пневматической жизни* (стр. 279—282), ж) *благодатная любовь Христа къ людямъ, какъ объективное условіе духовнаго возрожденія* (стр. 282—301),—проявленіе духовной жизни: з) *въ состояніи преображаемаго разума* человѣка—*γνῶσις*'ѣ, *ἐπίγνωσις*'ѣ и *σύνεσις*'ѣ (стр. 301—333),—и) въ *вѣрѣ* религіозной, въ отличіе отъ естественной вѣры человѣка душевнаго (стр. 333—353),—і) *надеждѣ* религіозной, въ отличіе отъ естественнаго ожиданія и вѣроятныхъ предположеній, въ связи съ страданіями человѣка, неизбѣжными въ дѣлѣ его спасенія,—к) и *любви* духовной, въ отличіе отъ душевной и плотской (стр. 383—405),—л) наконецъ, имѣющее быть при второмъ пришествіи Господа, окончательное преображеніе или *метаморфоза жизни* человѣка въ духовное состояніе по душѣ и по тѣлу, соотвѣтственно образу Воскресшаго и Вознесшагося Христа, явившагося Апостолу Павлу на пути его въ Дамаскъ (стр. 405—438). Въ концѣ приложены *примѣчанія*, состоящія изъ цитатъ и поясненій (стр. 439—467), и *указатели*—выясненныхъ *понятій* изъ посланій Ап. Павла (стр. 468—475), въ алфавитномъ порядкѣ,—и объясненныхъ *мѣстъ Священнаго Писанія* (стр. 476—487),—и *содержаніе сочиненія* (стр. 487—488).

Работа о. Гумилевскаго, какъ это отчасти можно уже замѣтить изъ даннаго краткаго очерка ея содержанія, не при-

надлежитъ къ обычно-школьному типу ученыхъ диссертацій, съ громоздкимъ научно-литературнымъ аппаратомъ, но представляетъ рядъ очерковъ, стремящихся раскрыть ученіе Ап. Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ посредствомъ группировки и объясненія отдѣльныхъ понятій и мѣстъ изъ посланій, главнымъ образомъ на основѣ собственнаго богословско-христіанскаго вѣропониманія, найти въ этомъ ученіи грани, коими богоозаренный духъ Великаго Апостола можетъ соприкасаться съ вѣросознаніемъ каждаго истинно вѣрующаго и религіозно настроеннаго христіанина, даже независимо отъ его конфессіональной вѣры,—пережить христіанскія идеи Апостола своею собственною личною духовною жизнью и чрезъ то самое найти въ нихъ внутренно-психическія основы для своего христіанскаго вѣросозерцанія и дать отвѣтъ въ своемъ упованіи всякому, требующему въ этомъ отчета (1 Петр. 3, 15).

Въ этомъ—достоинства и недостатки сочиненія.

А. *Недостатки:*

1) *Со стороны методы.* Отсутствуетъ обычное въ подобныхъ работахъ сравненіе ученія Ап. Павла съ предшествовавшими ему воззрѣніями, особенно греко-философскими и іудейско-раввинскими, а равно и не раскрыто вліяніе апостольскихъ идей на послѣдующее христіанское богословіе, т. е. не показано историческое положеніе ученія Ап. Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ. Замѣчаніе это относится не только къ общей идеѣ Апостола и общей постановкѣ дѣла, но и ко всѣмъ частнымъ понятіямъ, составляющимъ предметъ сочиненія о. Гумилевскаго. Соотвѣтствія этимъ, выражаемымъ въ посланіяхъ Апостола на греческомъ языкѣ, понятіямъ въ языкѣ еврейско-библейскомъ, раввинскомъ и греческо-классическомъ,—не только не изслѣдуются, но и совсѣмъ не указываются. Такимъ образомъ предметъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, берется внѣ исторіи, самъ по себѣ,—такъ сказать, субъективно-психологически, а не объективно-исторически.

2) *Со стороны содержанія.* Даетъ себя знать, не скажу случайность, а немотивированность выбора, расположенія и обработки предметовъ разсужденій автора. Взяты не всѣ понятія, взятыя изложены не съ исчерпывающею полнотою, и порядокъ ихъ изложенія можетъ вызвать возраженія. По-

чему ученіе о душевномъ человѣкѣ начато съ понятій σπέρμα и любви Божіей, а не съ понятія души и премудрости Божіей? Почему послѣ изложенія понятія „духъ“ рѣчь идетъ именно о бракѣ (стр. 261)? Почему изображеніе жизни душевнаго человѣка оканчивается совѣстью, тогда какъ ему свойственны и аскеза и религіозный экстазъ и др.? Почему объ однихъ предметахъ говорится полнѣе, напримѣръ о надеждѣ, — а о другихъ короче, напримѣръ, о вѣрѣ и любви? Нѣтъ ближайшаго раскрытія и спеціальныхъ параграфовъ о грѣхѣ, смерти, спасеніи, предопредѣленіи, о богочеловѣческомъ лицѣ Спасителя, объ оправдательной жертвѣ Христа, о церкви и др. Вообще душевная и духовная жизнь человѣка берется безъ ближайшаго уясненія непосредственной связи ея съ христологіей, сотеріологіей и екклесіологіей, которыя у самого Апостола органически срощены съ идеей душевнаго и духовнаго человѣка. Вообще отъ автора требуется обычная въ подобныхъ работахъ и даже, пожалуй, необходимая мотивировка такой именно, а не иной, постановки дѣла, какую даетъ ему авторъ. Нужду въ этомъ сознаетъ и самъ авторъ, если на стр. 245 и сл. говоритъ что-то для меня не совсѣмъ ясное о своей методѣ и объ основныхъ понятіяхъ, не указуя однакожъ критерія для отдѣленія основныхъ понятій отъ неосновныхъ. Безъ такой мотивировки сочиненіе о. Гумилевскаго можетъ показаться рядомъ отрывочныхъ экзегетическихъ очерковъ, безъ цѣлостной картины и обще-богословскаго ея освѣщенія. И такъ какъ это—только видимость, зависящая отъ писательской манеры автора, а въ дѣйствительности въ сочиненіи о. Гумилевскаго обще-идейная цѣльность есть, только не указуемая авторомъ прямо, то сдѣлать автору не трудно въ прибавленіи къ сочиненію хотя бы коротенькаго предсловія.

3) *Со стороны изученія источника и научныхъ пособій.* Авторъ не претендуетъ на исчерпывающую полноту экзегеса и притомъ всѣхъ, относящихся къ каждому параграфу, мѣстъ изъ посланій Ап. Павла. Онъ беретъ только главныя мѣста, наиболѣе, такъ сказать, яркія и типичныя. И изъ громадной спеціально-экзегетической литературы древней и новой, за немногими исключеніями, ограничивается только Златоустомъ и Ѳеофа-

номъ, да нѣкоторыми параллелями изъ Добротолюбія русскаго. Подробный и сложный экзегесъ, какъ онъ поставленъ въ современной наукѣ, не составляетъ нарочитой задачи автора,—онъ ограничивается, за немногими исключеніями, простѣйшимъ, непосредственно-очевиднымъ и общепринятымъ смысломъ, безъ громоздкаго критико-экзегетическаго балласта новѣйшей западной науки,—для главной задачи автора, надо замѣтить, и безполезнаго, такъ какъ отъ этого справочнаго матеріала ни мало бы не измѣнился тотъ общепринятый и всегда почти вѣрный смыслъ, коему всегда слѣдуетъ и авторъ. Сюда же мы должны отнести и отсутствіе въ работѣ о. Гумилевскаго новѣйшихъ авторитетовъ по психологіи, этикѣ и др. Онъ, безъ всякаго вреда общимъ выводамъ своимъ, ограничивается только авторитетнымъ и безспорнымъ въ данномъ предметѣ опытомъ древне-христіанскихъ мистиковъ-аскетовъ.

4) Къ этимъ общимъ недостаткамъ можемъ присоединить и нѣкоторыя *частности*:

а) Первый параграфъ озаглавленъ: „Божья любовь“ (стр. 1—14), а говорится о волѣ Бога и Его творчествѣ. На стр. 17 *πλεονεξία* толкуется въ значеніи „собственно ненасытнаго сладострастія“ со ссылкою на словарь Schirlitz'a, у котораго ничего подобнаго не имѣется,—да и странно было бы, если бы имѣлось. Стр. 28: понятіе *σῶμα* „обнимаетъ все неорганическое, органическое, животное и *духовное*“ (?). Стр. 51 и 30: будто бы Апостолъ смотрѣлъ „на тѣло, какъ на микрокосмосъ“,—и въ выраженіи *σῶμα τῆς σαρκός* „человѣкъ разсматривается одновременно и какъ членъ космическаго цѣлаго (*σῶμα*) и, въ частности, какъ членъ животнаго царства,—человѣкъ-микрокосмосъ“ (но вѣдь то же можно сказать и о всякомъ животномъ,—развѣ училъ такъ Апостолъ?). Стр. 50: „дѣтство—*ступень* къ жизни,—мало этого: оно есть *жизнь* опредѣленной фазы“ (противорѣчіе: и ступень къ жизни и жизнь). Стр. 52: „видимый міръ входитъ чрезъ органы чувствъ въ нашу душу, бросая матеріальную тѣнь на ея *зеркальную пневматическую гладь* (? что такое!) Стр. 47—48: „разумъ въ себѣ самомъ носитъ *источникъ обновленія*... долженъ разсматриваться какъ постоянная свободная возможность обновленія *силою собственной энергіи*“ (?), а на стр.

56—57: „мы должны помнить, что *источникъ* дѣствующей въ насъ интеллектуальной энергіи—*внѣ насъ*, въ Богѣ“, и 59: „только въ такомъ случаѣ (при теоцентраціи) человѣческій разумъ не сковывается законами желѣзной необходимости, *получая отъ Бога свободную возможность разсуждать* независимо отъ данныхъ матеріальной природы“. Стр. 59: „Авраамъ, опираясь на *психологическую* (?) природу своихъ сужденій, повѣрилъ Богу“. 60: „Богъ измѣнилъ сложившуюся *логику* (? мнѣніе?) 68: „синтезъ пыли (*χοῦς*) и Божьяго дыханія (*πνοή*) образовалъ живую душу“. 76: „Любовь Божія вдохнула въ смертное бездушное тѣло дыханіе жизни... зажегъ Господь Богъ въ немъ свѣтъ богоподобнато разума, а *Самъ сталъ въ тѣни матеріальнаго міра*“ (но Богъ являлся въ раю Адаму и Евѣ и бесѣдовалъ съ ними?!) 80: „дѣятельность разума начала вращаться около ея (плоти) *физіологической* воли“. 81: „откровеніе чрезъ совѣсть *осложняется* (только „осложняется“?) откровеніемъ чрезъ Слово, Боговоплощеніемъ“. 82: „Въ горнилѣ самоотреченія вырабатывается *абсолютный* (?!) *субъектъ жизни*“. 102: „Жизнь, о которой мы должны сказать въ духѣ словъ Спасителя: не знаемъ, откуда приходитъ и куда уходитъ“ (но развѣ не знаемъ этого?!) 204: „Плоть и духъ въ данномъ случаѣ (въ выраженіи: „очистимъ себя отъ всякой скверны плоти и духа“—2 Кор. 7, 1) употребляются въ синонимичномъ (?) значеніи“. Стр. 218: „Фраза бросается въ толпу (1 Кор. 2, 11), гдѣ преобладали немудрые вѣка сего,—предполагается, что смыслъ ея общепонятенъ,—рѣчь идетъ не о знаніи человѣческой психологіи“, а на стр. 240 о томъ же изреченіи: „Апостолъ изъясняется съ ними техническимъ языкомъ, разсматривая каждаго какъ духъ въ установленномъ смыслѣ слова“ (христіанско-богословскомъ и психологическомъ?!) Стр. 220: „*Логосъ*(?) Св. Духа расчитанъ на то“...

б) *Неточности въ цитатахъ*: стр. 211: (Trench) и примѣчанія 23. 50. 51. 93. 104. 105. 148. 156. 212 др. нѣк.

в) *Стилистическія неисправности*, впрочемъ весьма немногія, въ видѣ исключеній. Стр. 12 и др.: *субъектъ* жизни (?). Стр. 15: сластолюбивые привкусы. 16: страстный паѳосъ. 21: отображеніе божественной *самости*. 24: человѣкъ сталъ жить *заимствованною* жизнью (? а животныя—какою?)... психическая, грѣхомъ *неизнасилованная* (изъ уголовнаго языка) жизнь.

33: Самъ Богъ *озабоченъ* созданіемъ. 281: Христосъ—новая локализація ветхозавѣтнаго центра религіозной жизни: на мѣстѣ Бога—Христосъ. 204: *трогательное* (?) единеніе (понятій тѣла и плоти). 394: Любовь Христа *подкупаетъ* своимъ самоотверженіемъ. 306: Какъ же *реагируетъ* Апостолъ? 395: Павелъ видѣлъ Его (Христа)... *осязалъ* Его присутствіе. 399: *пневматическій* Христосъ откроется моему сознанію какъ *осязаемый* объектъ.

Б. Но всѣ эти недостатки, частію легко устранимые при печатаніи диссертаціи, а частію вполнѣ извинительные по трудности и необычности взятаго авторомъ на себя дѣла, въ преизбыточной мѣрѣ покрываются слѣдующими достоинствами работы:

1) Авторъ далъ, хотя и неполный, но яркій, художественно начертанный и по мѣстамъ глубоко продуманный по посланіямъ Ап. Павла образъ душевнаго и духовнаго человѣка, какъ въ его личной жизни такъ и въ исторіи. Земная жизнь человѣка отъ рожденія до его смерти, постепенное подавленіе въ немъ душевности и возрастаніе духовности, до будущаго воскресенія съ преображенными въ духовное состояніе тѣломъ и душею—это для каждаго отдѣльнаго человѣка. Ветхій Завѣтъ для душевнаго человѣчества и Новый Завѣтъ для духовнаго, до окончательнаго преображенія всего вѣрующаго человѣчества въ царствѣ славы и для вѣчной жизни,—это въ исторіи человѣчества. Вотъ общія границы, въ коихъ авторъ рисуетъ предъ читателемъ захватывающую картину душевнаго и духовнаго человѣка и человѣчества.

2) Какъ въ общемъ подборѣ, такъ и въ частномъ истолкованіи нѣкоторыхъ понятій и мѣстъ проявляется глубина психологическаго анализа, тонкость филологическихъ наблюденій и высота общихъ построеній и созерцаній. Въ особенности можно отмѣтить: *σπέρμα* и *σπείρεται* стр. 5 сл.—1 Кор. 15, 45—49 стр. 23 сл.,—различіе понятій *σῶμα* и *σάρξ* стр. 26 сл.,—о человѣческой рѣчи стр. 42 сл.,—о разумѣ и гносисѣ душевнаго человѣка по Рим. 1, 21—23; Дѣян. 14, 15—17 и 17, 24—30 стр. 46—83,—о совѣсти по Дѣян. 23, 1 и Рим. 2, 14—15 стр. 147 сл.,—душевная жизнь по суду ветхозавѣтнаго закона Рим. 7, 5 стр. 167 сл.,—въ довольно большомъ сравнительно параграфѣ о „духѣ“ обсто-

ятельно раскрыто, что „духъ“ въ посланіяхъ Апостола Павла есть только состояніе души человѣческой, а не отдѣльная часть человѣка или особый центръ личности и самосознанія, стр. 195—260,—о благодати и любви стр. 282—301,—толкованіе Гал. 5, 6,—1 Кор. 7, 29—31,—2 Кор. 3, 18,—состояніе преображеннаго разума и характеристика *γνῶσις*'а, *ἐπίγνωσις*'а и *σύνεσις*'а стр. 301 сл.,—объясненіе глагола *κατοπτρίζομαι* стр. 413 сл., употребленія частицъ *μή* и *οὐ* стр. 416 и др.

3) Изложеніе ясное, продуманное, по мѣстамъ красочное и краткое до афористичности, благодаря чему внѣшніе размѣры сочиненія много сокращены противъ обычнаго изложенія.

4) Почти всѣ понятія и обозначаемыя ими психическія состоянія человѣческія снабжены превосходными иллюстраціями изъ древне-христіанскихъ аскетовъ-мистиковъ, опытно переживавшихъ на себѣ самихъ эти состоянія и изобразившихъ ихъ самолично-письменно или устно. Эти параллели и иллюстраціи въ тѣхъ сторонахъ сочиненія, какихъ онѣ касаются, придаютъ работѣ о. Гумилевскаго характеръ опытно-психологическаго изслѣдованія и научной документальности.

5) Но главное достоинство труда о. Гумилевскаго въ томъ, что взятый имъ предметъ, по самому своему существу недоступный школьной и мертвенно-схоластичной обработкѣ, поставленъ авторомъ на почву опытно-психологическаго переживанія, чѣмъ придается сочиненію жизненно-дѣйственное значеніе для современнаго религіозно-нравственно настроеннаго человѣка, такъ какъ оно идетъ навстрѣчу нарождающейся и насущнѣйшей потребности современнаго русскаго общества въ богоискательствѣ и религіи. Новый Завѣтъ для о. Гумилевскаго не „мертвое кладбище исторически прошлыхъ идей“, но вѣчно живое и дѣйственное Слово Божіе, проницающее до глубины души и духа и судящее помышленія и намѣренія сердца (Евр. 4, 12). Своимъ сочиненіемъ о. Гумилевскій немало посодѣйствуетъ отклоненію упрека, идущаго не только отъ инославныхъ (старообрядческій журналъ „Церковь“ 1912 г. № 42, стр. 1001—1002), но и отъ многихъ православныхъ (напр. К. П. Побѣдоносцевъ) людей,—упрека русской школьной православной богословской наукѣ въ схоластичной мертвенности и отрѣшенности отъ современной жизни,—„въ такомъ же изученіи религіи и христіанства, какъ изучаютъ географію и ариѳметику, при

чемъ Библія и Церковь съ ея исторіей есть только археологія,—запустѣвшее и ненужное кладбище отжившихъ идей и великихъ, но навсегда „умершихъ“ для жизни людей“. О. Илія стремится „дать религіозное знаніе не какъ схоластично-школьную ученость, ради одного знанія, а какъ отвѣтъ на религіозные запросы и сомнѣнія,—какъ свѣточъ въ путяхъ и внутренно-религіозной и буднично-повседневной, церковной, семейной и гражданской жизни“, стараясь, по мѣрѣ даннаго ему отъ Бога таланта, удовлетворить требованіе указа Св. Пр. Синода отъ 4 февр. 1895 г. за № 439, по коему „задача всякаго духовно-ученаго труда не въ томъ состоитъ, чтобы проводить въ убѣжденія и въ жизнь русскаго общества послѣднія изысканія и выводы протестантскихъ и другихъ иномыслящихъ богослововъ, а въ томъ, чтобы взятую тему раскрыть, изслѣдовать, разъяснить съ православной точки зрѣнія въ полномъ согласованіи съ ученіемъ Отцевъ и Учителей Церкви“ (Журналы Совѣта Московской Дух. Академіи за 1895-й годъ, стр. 32). Поэтому трудъ о. Иліи можно горячо привѣтствовать какъ опытъ нѣкоего новаго направленія въ научно-богословской обработкѣ Священнаго Писанія, или точнѣе—какъ возвращеніе къ весьма распространенному въ древней Церкви типу святоотеческаго экзегеса.

Въ виду сказаннаго и принимая во вниманіе неизбѣжность всякихъ, и крупныхъ и мелкихъ, общихъ и частныхъ, недостатковъ въ каждомъ человѣческомъ произведеніи—съ одной стороны, и легкую устранимость всѣхъ вышеуказанныхъ частныхъ и мелкихъ неисправностей—съ другой стороны,—считаю разсмотрѣнное сочиненіе вполнѣ достойнымъ для присужденія о. Иліи ученой степени магистра православнаго богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора Академіи *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Гумилевскаго представляетъ серію экзегетическихъ этюдовъ, посвященныхъ выясненію понятій душевной и духовной жизни по даннымъ ученія Апостола Павла. Въ сочиненіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе методъ автора: онъ изслѣдуетъ ученіе Апостола Павла внѣ какой-либо исторической перспективы,—что о подоб-

ныхъ изучаемымъ имъ явленіяхъ говорилось въ ветхомъ завѣтѣ и въ другихъ новозавѣтныхъ писаніяхъ, не интересуетъ писавшаго, тѣмъ болѣе онъ не отваживается, даже въ области соматической антропологіи Апостола, на экскурсъ въ сферу античной натуръ-философской мысли; онъ начинаетъ работу, ведетъ ее и кончаетъ по исключительнымъ даннымъ посланій Апостола Павла и его рѣчей по книгѣ Апостольскихъ Дѣяній. Такая постановка вопроса изслѣдованія заставила автора прибѣгать къ самоизмышленному толкованію тамъ, гдѣ несравненно бо́льшую пользу принесли бы ветхозавѣтныя, а тѣмъ болѣе новозавѣтныя параллели. Сближеніе антропологіи ветхозавѣтныхъ агіографовъ съ ученіемъ Апостола могло бы дать не мало поучительнаго, даже instar florum были бы умѣстны и раввинническія параллели, онѣ давали бы фонъ, на которомъ рельефнѣе бы выступало духовенное ученіе Апостола. Вызываютъ вопросъ и рубрики (параграфы) въ рецензируемомъ сочиненіи, почему ихъ именно столько, а не болѣе или менѣе, матеріалъ распредѣленъ не безспорно,—нѣкоторыя рубрики могли бы очевидно быть съ пользою соединены въ общій отдѣлъ, по мѣстамъ группировка носитъ отпечатокъ субъективизма. Таково же впечатлѣніе отъ обильно приводимыхъ въ сочиненіи выписокъ изъ твореній писателей аскетовъ (по Добротолюбію), — дать этимъ эксцерптамъ епэкзегетическое значеніе по мѣстамъ трудно, они выступаютъ нерѣдко съ характеромъ параллелей къ ученію Апостола, сами нуждаясь въ еще бо́льшемъ комментаріи, чѣмъ тотъ текстъ, для изъясненія котораго приведены, въ другихъ мѣстахъ они являютъ собою практическіе выводы изъ ученія Апостола въ отнесеніи къ земному подвижничеству человѣка, чему соотвѣтствуетъ и ихъ гомилетическій тонъ. Вообще теоретизированіе антропологическихъ вопросовъ у о. Гумилевскаго неразрывно связано съ правоученіемъ, практическими выводами, отсюда антропологія Апостола подъ его перомъ сорастворяется съ этикою и сотеріологіею. Если у Апостола и констатируется взаимопроникновеніе теологическаго и антропологическаго элементовъ въ ученіи, то разграниченіе этихъ стихій могло бы стать задачею писавшаго о тѣлесности и духовности возрожденнаго и о душевности естественно-природнаго состоянія человѣка. Языкъ сочиненія представляетъ сравнительно рѣд-

ко туманныя построенія, болѣе часто онъ не чуждъ вульгаризмовъ, требующихъ тщательнаго исправленія при печатаніи работы.

Но въ сочиненіи о. Гумилевскаго не мало и достоинствъ. Онъ даетъ опытъ толкованія отдѣловъ Священнаго Писанія на психологической основѣ, безъ злоупотребленія филологическимъ методомъ, всецѣло господствующимъ въ западныхъ истолковательныхъ трудахъ, отсюда въ работѣ о. Гумилевскаго ощутимо біеніе жизни въ выгодное отличіе отъ сухихъ громоздкихъ схемъ западной экзегетической учености. Какъ богословъ, стремящійся къ опытному Богопознанію и къ познанію человѣка въ Богѣ, нашъ авторъ говоритъ о живомъ, нестарѣющемъ ученіи Апостола. Для него антропологія Апостола—исповѣдь Богопросвѣщенной души Апостола, приводящая въ созвучное трепетаніе фибры нашего духовнаго существа. Но нельзя сказать, чтобы нашъ авторъ боялся превращенія и въ безстрастное филологическое око, тамъ, гдѣ нужно, онъ черпаетъ данныя и изъ лингвистическихъ пособій, но эти обращенія къ новозавѣтной и вообще греческой лексикѣ онъ дѣлаетъ по дѣйствительной потребности въ подобномъ комментированіи текста, а не всюду in extenso въ своей работѣ: такіе филологическіе экскурсы вкраплены въ ткань герменевтическихъ построеній въ духѣ патристическаго экзегесиса, каковы, напримѣръ, сужденія автора объ умѣ человѣка по даннымъ Апостольскаго ученія, особенно красочно изложеніе въ отдѣлѣ о гносисѣ плотскаго человѣка, въ рубрикѣ о замѣчаемой дихотоміи въ представленіи о существѣ человѣка по даннымъ Апостольскаго ученія, въ отдѣлѣ о понятіи *πνευμα* у Апостола, о развитіи души, но своего наивысшаго напряженія мысль толкователя достигаетъ въ рубрикѣ о христіанскомъ гносисѣ, о вѣрѣ надеждѣ и любви и вообще о преобразованіи жизни въ христіанствѣ (все для изъясненія понятія человѣческой духовности). Менѣе важны по выводамъ и композиціи отдѣлы: о брачной жизни человѣка, гдѣ иногда замѣчается вычурность толкованія (напримѣръ, отнесеніе понятія „сѣется“ въ I Коринѳ. 15, 42 ко всему земному состоянію человѣка) или трудно поддающіеся анализу сориты (напримѣръ, привлеченіе чуда зачатія Исаака для объясненія естественнаго рожденія и зачатія), о различіи понятій *σωμα* и *σαρξ*, какъ о различіи

органическаго и душевнаго (въ этомъ отдѣлѣ какое-то смѣшеніе отвлеченныхъ философскихъ разсужденій съ экзегесисомъ Апостольскихъ мѣстъ), объ особой человѣческой тѣлесности и о твореніи человѣка. При рѣчи о дихотоміи человѣческаго существа не сказано, кто являлся представителемъ мнѣнія объ его трихотоміи на основѣ тѣхъ же данныхъ Апостольскаго ученія, какія разбираетъ авторъ, и какіе аргументы приводились въ защиту такого пониманія Апостольскихъ реченій.

По мѣстамъ ощутимъ въ сочиненіи о. Гумилевскаго не исчерпывающій экзегесисъ, напримѣръ, Евр. 11, 11; Рим. 1, 28—32; Тим. 2, 15; Евр. 12, 14 и т. п. Неясно рецензенту и то, почему филологическія (грамматико-вербальныя и стилистическія) справки заимствуются авторомъ въ одномъ мѣстѣ изъ одного словаря, въ другомъ изъ иного, какъ будто для него критическій авторитетъ его филологическихъ пособій не представлялся вполнѣ твердымъ. Сужденія автора о раввинической морали нѣсколько апріорны, если сопоставить ихъ хотя бы съ нравственно-дидактической антологіей внѣбиблейскаго іудейства: Пиркэ Авотъ или съ опредѣленіями „дерехъ ерецъ"—нравственнаго поведенія въ Пиркэ рабби Наѳана. Конечно, обычное сужденіе о раввинической морали не въ ея пользу, но въ научной работѣ лучше избѣгать непровѣренныхъ loci communes.

Какъ цѣлое, сочиненіе о. Гумилевскаго производитъ самое хорошее впечатлѣніе, и онъ безусловно заслуживаетъ искомой имъ степени".

Справка: 1) По *§ 172* устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній".—2) И. д. доцента *священникъ И. В. Гумилевскій* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1907 году со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.—3) По § 109 лит. *а* пп. 15—16 академическаго устава

„распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученыя степени и оцѣнка оныхъ“, а равно—„одобреніе къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на учрежденныя при Академіи преміи или на соисканіе ученыхъ степеней“—значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ, признать представленное на соисканіе степени магистра богословія исправляющимъ должность доцента Академіи *священникомъ И. В. Гумилевскимъ* сочиненіе на вышеуказанную тему достаточнымъ для сей степени и одобрить оное къ напечатанію.—2) Сужденіе о коллоквіумѣ имѣть по представленіи священникомъ И. В. Гумилевскимъ Преосвященному Ректору Академіи 65-ти экземпляровъ напечатанной диссертаціи.

IX. Прошеніе Московскаго Придворнаго Благовѣщенскаго собора *протоіерея Николая Извѣкова*:

„Честь имѣю просить Совѣтъ Академіи принять въ дополненіе къ представленному ранѣе на соисканіе степени доктора церковной исторіи моему труду: „Московскія Кремлевскія дворцовыя церкви и служившія при нихъ лица въ XVII в.“ г. Москва. 1906. прилагаемые при семъ мои новые печатные труды: 1) „Московскій Придворный Благовѣщенскій соборъ“. Г. Москва. 1911; 2) „Церкви во имя Рождества Пресв. Богородицы и прав. Лазаря въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ“. Г. Москва. 1912; 3) „Верхоспасскій Соборъ“. Г. Москва. 1912; 4) „Церкви во имя Воскресенія Христова и Воздвиженія Честнаго Креста Господня въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ“. Г. Москва. 1912; 5) „Церковь въ честь Святой Великомученицы Екатерины въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ“. Г. Москва. 1912; 6) „Церковь во имя Положенія ризы Богоматери во Влахернѣ съ часовнею Печерской Б. Матери при Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ“. Г. Москва. 1912; 7) „Церковь во имя Рождества Св. Іоанна Предтечи, что въ Боровицкой башнѣ, въ Московскомъ Кремлѣ“. Г. Москва. 1913 г. и 8) „Соборный храмъ во имя Преображенія

Господня, что на Бору, при Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ". Г. Москва. 1913 г.

Всѣ означенныя книги мною представляются въ трехъ экземплярахъ каждая. Недостающее число оныхъ до узаконеннаго будетъ представлено по первому требованію Совѣта".

Опредѣлили: 1) Вновь представленные протоіереемъ Николаемъ Извѣковымъ труды передать для разсмотрѣнія рецензентамъ его докторской диссертаціи—экстраординарному профессору Академіи по каѳедрѣ исторіи русской церкви *С. И. Смирнову* и и. д. доцента по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасову.*—2) Поручить академической Канцеляріи нынѣ же истребовать отъ о. протоіерея Извѣкова еще по 17-ти экземпляровъ всѣхъ, представленныхъ имъ на соисканіе степени доктора церковной исторіи, печатныхъ трудовъ,—для раздачи членамъ Совѣта Академіи.

X. Отношеніе Г. Директора Императорскаго Археологическаго Института Имени Императора Николая II въ Москвѣ, отъ 22 марта за № 913:

„Въ виду исполняющагося 300-лѣтія царствующаго Дома Романовыхъ Совѣтъ Императорскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II-го, для достойнаго съ своей стороны чествованія столь знаменательнаго событія, постановилъ, въ числѣ прочихъ своихъ предпріятій, созвать въ Москвѣ Археологическій Съѣздъ изъ членовъ Института.

Означенный съѣздъ имѣетъ состояться, подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Почетнаго Попечителя Института Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича, въ дни Высочайшаго присутствія въ Москвѣ въ концѣ мая (предположительно съ 27 числа) въ теченіе пяти дней, изъ которыхъ часть будетъ отведена публичнымъ засѣданіямъ, съ произнесеніемъ рѣчей, посвященныхъ событію, и чтеніемъ ученыхъ докладовъ по вопросамъ исторіи, археологіи и искусствъ изъ эпохи Романовыхъ, а часть употреблена на обзоръ памятниковъ и древностей, преиму-

щественно относящихся къ той эпохѣ, а также на осмотръ собраній и достопримѣчательностей Москвы вообще.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Предсѣдателя Съѣзда, имѣю честь сообщить о вышеизложенномъ Совѣту Императорской Московской Духовной Академіи.—При избраніи командируемыхъ лицъ изъ состава учрежденій на Археологическій Съѣздъ при Императорскомъ Археологическомъ Институтѣ имени Императора Николая II, по поводу предстоящихъ юбилейныхъ торжествъ, покорнѣйше прошу имѣть въ виду, что доступъ на Съѣздъ въ качествѣ членовъ Съѣзда открытъ только для членовъ Института, почетныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ. Въ крайнемъ случаѣ, если бы оказалось почему-либо невозможнымъ удовлетворить означенному требованію, желательно особенно заблаговременное сообщеніе о командируемыхъ лицахъ, для принятія со стороны Совѣта Института надлежащихъ мѣръ къ открытію ему таковаго доступа".

Опредѣлили: Депутатами отъ Академіи на Археологическій Съѣздъ при Императорскомъ Археологическомъ Институтѣ Имени Императора Николая II назначить ординарнаго профессора по каѳедрѣ греческаго языка *С. И. Соболевскаго* (состоящаго членомъ Института) и и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова*,—о чемъ и сообщить Г. Директору Института.

XI. Отношеніе Высокопреосвященнаго *Агаѳодора*, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, отъ 12 апрѣля, за № 1180:

„Ставропольскій епархіальный миссіонеръ-проповѣдникъ, протоіерей Симеонъ *Никольскій* обратился ко мнѣ съ просьбою исходатайствовать у Совѣта Академіи разрѣшеніе г. библіотекарю фундаментальной библіотеки оной о высылкѣ ему Никольскому, почтою въ г. Ставрополь библій на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ и еврейскаго лексикона, для пользованія таковыми, въ цѣляхъ служенія миссіи, въ продолженіи семи мѣсяцевъ.—Въ виду сего покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи, не признается ли воз-

можнымъ удовлетворить вышеизложенное ходатайство протоіерея Никольскаго".

Опредѣлили: Выслать въ Канцелярію Высокопреосвященнаго Архіепископа Агаѳодора, для пользованія протоіерея Симеона Никольскаго, означенныя въ отношеніи изданія на семимѣсячный срокъ.

XII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи русской литературы *Н. Л. Туницкаго:*

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи обратиться къ Юго-Славянской Академіи Наукъ въ Загребѣ (Jugoslavenska Akademija Znatnosti i Umjetnosti u Zagrebu) съ просьбой выслать въ нашу Академію для моихъ научныхъ занятій двѣ рукописи изъ Собранія Михаповича: III. с. 24 и III. с. 22,—южно-славянскія Минеи—Четьи за мѣсяцы сентябрь и октябрь".

Опредѣлили: Просить Юго-Славянскую Академію Наукъ въ Загребѣ о высылкѣ на трехмѣсячный срокъ означенныхъ въ прошеніи и. д. доцента Н. Л. Туницкаго рукописей изъ собранія Михаповича.

XIII. Представленіе *Библіотечной Коммиссіи*, отъ 29 марта за № 1120:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библіотечная Коммиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической библіотеки изданія, значащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 1217 (Проф. А. П. Шостьина), 968 (Проф. С. С. Глаголева), 1094, 1095 и 1096 (Проф. М. М. Тарѣева), 982 (Проф. М. М. Богословскаго), 801 (Проф. П. П. Соколова), 977 (Проф. С. П. Смирнова), 76 (Проф. свящ. Е. А. Воронцова), 791, 805, 967, 973, 975 и 980 (Проф. Д. И. Введенскаго), 983 и 979 (Проф. А. П. Орлова), 1206 (Проф. свящ. Д. В. Рождественскаго), 794 и 795 (Проф. свящ. В. Н. Страхова), 969, 970, 1202 и 1203 (Доцента Н. В. Лысогорскаго), 800 и 963 (И. д. доцента Ѳ. М. Россейкина), 1004, 1005, 1006, 1007, 1008, 1009 и 1010 (И. д. доцента А. М. Туберовскаго), 797 и 966 (И. д. доцента свящ. П. В. Гумилевскаго), 804

(И. д. доцента свящ. І. М. Смирнова), 724 и 725 (И. д. доцента Н. Д. Протасова), 641, 642, 796 и 1049 (И. д. доцента іеромонаха Варѳоломея), 1201 (Лектора свящ. Н. А. Преображенскаго), 802 (Лектора А. К. Мишина) и 793 (Лектора Г. Я. Томсонъ).

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи *К. М. Попову* выписать для академической библіотеки означенныя въ заявленіяхъ г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XIV. Отношенія:

а) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 16 марта за № 570, съ увѣдомленіемъ о полученіи изданія, возвращеннаго Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 15 марта за № 84.

б) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 3 апрѣля за № 628, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій экстраординаго профессора Д. И. Введенскаго, 3-хъ названій книгъ и журналовъ въ 4 хъ томахъ—срокомъ на 6 мѣсяцевъ и 5 названій въ 7-ми томахъ—срокомъ на три мѣсяца.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XV. Отношеніе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, отъ 27 марта за № 883:

„По встрѣтившейся надобности Общество имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи выслать на трехмѣсячный срокъ двѣ рукописи ея библіотеки: 1) № 175, по описанію архим. Леонида, вып. II, № 10, стр. 182—200 и 2) № 137, по тому же описанію, II, № 6, стр. 313—316“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора, означенныя въ отношеніи рукописи высланы въ Общество на трехмѣсячный срокъ при отношеніи отъ 1 апрѣля за № 99.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVI. Прошеніе преподавателя Макарьевскаго духовнаго училища *Ивана Чистякова*:

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи выдать мнѣ, въ возможно непродолжительномъ времени, свидѣтельство, съ обозначеніемъ балловъ, полученныхъ мною по всѣмъ, прослушаннымъ мною, предметамъ академическаго курса.

Означенное свидѣтельство требуется для представленія, вмѣстѣ съ другими документами, въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое не довольствуется одними краткими отзывами объ успѣхахъ по каждому предмету, означенными въ дипломѣ.

Я окончилъ курсъ Академіи въ 1905 году. Мой дипломъ, за № 610-мъ, выданъ мнѣ Совѣтомъ Академіи отъ 11-го іюня 1905 года“.

Опредѣлили: Выдать преподавателю Макарьевскаго духовнаго училища, кандидату богословія, Ивану *Чистякову* просимое имъ свидѣтельство съ обозначеніемъ балловой оцѣнки его познаній по предметамъ академическаго курса.

XVII. Отзывы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Шума Андрея* на тему: „Генезисъ идеи Бога у Льва Толстого“.

1) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго:*

„Цѣлое озеро чернилъ затрачено въ литературѣ, какъ въ русской, такъ и иностранной, на изслѣдованія о Львѣ Толстомъ. То панегирическія, то полемическія, они рѣдко бываютъ достаточно спокойными, чтобы можно было ими удовлетвориться. Но въ этомъ неспокойномъ тонѣ несправедливо винитъ изслѣдователей: самъ Толстой внутренно неспокоенъ и дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы передать это свое состояніе своему читателю. Писанія Толстого не просто обсуждаютъ волнующія темы, но и сознательно вызывающи. При этомъ понятно, конечно, что это бурленіе страстей, въ сферѣ религіи вообще наибольшее, сосредоточивается около идеи Бога. Къ тому же, Толстой никогда не давалъ себѣ труда вникнуть въ идеи таинства, догматы церкви; весь религіозный порывъ его души устремляется на

одну только идею Бога. И вся жизнь его, какъ вскрываетъ г. Шумъ, есть не что иное, какъ борьба Толстого противъ себя самого именно около этой, средоточной, идеи. Всегда стремясь въ самой глубинѣ души своей утвердить вѣру въ личнаго, премірнаго Бога, Которому можно молиться и Который можетъ внимать молитвѣ, Толстой всегда же не давалъ этой вѣрѣ восторжествовать и старался создать суррогатъ ея изъ разныхъ видовъ „вселенскаго чувства",—послѣдовательно утончая матеріалъ для своей поддѣлки, но никогда не отказываясь отъ основного замысла. Борецъ противъ себя самого; человѣкъ, изъ боязни единаго подлиннаго подвига,—подвига вѣры—, выдумывавшій тысячи мнимыхъ; великій лицедѣй, всю жизнь совершенствовавшій и облагораживавшій свою роль; литературный реалистъ, такъ и не сумѣвшій понять, что свое, живое лицо, каково бы оно ни было, выразительнѣе и глубже наиболѣе поддѣланной маски,—Толстой постепенно вытравлялъ въ себѣ свое истинное „я", и оно постепенно задыхалось подъ густымъ слоемъ славы и поддѣлокъ Бога. Приблизительно такова основная мысль г. Шума. Какъ видно, она прямо противоположна основной мысли Мережковскаго и другихъ изслѣдователей.

Драма жизни Толстого всегда идетъ около идеи Бога. Отнестись при изученіи этой драмы возможно безпристрастнѣе къ ней мыслимо лишь при историческомъ разсмотрѣніи ея послѣдовательныхъ фазисовъ. А это приводитъ изслѣдователя къ необходимости выяснить генезисъ идеи Бога у Толстого.

Какъ ни странно, но въ необъятной литературѣ о Толстомъ нѣтъ, насколько намъ извѣстно, ни одного, которое ставило бы себѣ такую задачу. И, среди множества пособій, имѣвшихся въ рукахъ у г. Шума, не было ни одного, которое могло бы послужить образцомъ для него и дать руководящую нить. Изучать религію Толстого гуртомъ—очень легко; вникать же въ каждый фазисъ ея особо — требуетъ напряженнаго вниманія къ оттѣнкамъ и полутонамъ мысли и настроеній. Степень ихъ различія заранѣе не извѣстны: иначе не было бы нужды въ изслѣдованіи. Въ итогѣ всего изслѣдованія можетъ даже оказаться, что отдѣльныя стадіи въ развитіи идеи Бога вовсе не такъ существенно разнятся между собою, какъ то хотѣлось представить самому Толсто-

му и какъ въ томъ склонны повѣрить ему иные изслѣдователи. Такой итогъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ поискамъ, но и онъ обрѣтается лишь изслѣдованіемъ. Г. Шумъ заслуживаетъ похвалы за мужество и непредвзятость мысли, съ которыми онъ устанавливаетъ этотъ фактъ, идущій вразрѣзъ чуть не со всею литературою и весьма цѣнный для апологета. Пояснимъ нашу мысль сравненіемъ. Положимъ, нѣкоторый изслѣдователь задумалъ бы написать эволюцію видовъ и, въ результатѣ своихъ изысканій, пришелъ бы къ тому выводу, что никакой эволюціи видовъ не было. Выводъ этотъ, конечно, былъ бы простъ; но обосновать его было дѣломъ сложнымъ, и произведенный трудъ заслуживалъ бы полнаго вниманія. Подобно сему, г. Шумъ задается намѣреніемъ изучить именно *генезисъ* идеи Бога. Самъ Толстой неоднократно заявлялъ, что его понятіе о Богѣ существенно мѣнялось, а большинство изслѣдователей повѣрило ему на слово. И конечно, изучить это, дѣйствительное или мнимое, измѣненіе можно только тѣмъ способомъ, какимъ вообще изучается всякій генезисъ, а именно: разграничивая всю жизнь Толстого на рядъ отдѣльныхъ, естественно отчленяющихся другъ отъ друга періодовъ, и вникая въ каждое такое біографическое звеноособо. Но ни одинъ добросовѣстный изслѣдователь не застрахованъ при этомъ отъ вывода, подобнаго тому, какой получилъ г. Шумъ. Этотъ выводъ гласитъ, именно что отдѣльныя фазы Толстовской біографіи, столь различныя съ перваго взгляда, въ существѣ своемъ почти не разнятся между собою и весьма однородны. Оказывается, что генезиса почти не было, но это „*не было*“ потребовало сложнаго доказательства путемъ изслѣдованія генезиса же,—тамъ, гдѣ его можно было подозрѣвать.

Для этого изученія г. Шумъ вчитался, кромѣ сочиненій самого Толстого, въ важнѣйшіе документы, характеризующіе его личность и его жизненныя отношенія. Но при дальнѣйшемъ усовершенствованіи сочиненія ему слѣдовало бы, кромѣ этого, печатнаго, матеріала, привлечь къ дѣлу и матеріалъ рукописный. Къ достоинствамъ сочиненія нужно отнести множество тонкихъ наблюденій надъ мелкими, но очень выразительными подробностями Толстовскихъ писаній: даже въ мелочи Толстой настойчиво вкладывалъ свои основныя настроенія. Такъ, разъясняя стремленіе Толстого, въ

его періодъ „аморалистическаго пантеизма“, принизить человѣка и его культуру передъ инстинктомъ природной жизни. г. Шумъ сопоставляетъ два отрывка изъ „Казаковъ“.

„Фазана посадилъ, — прошепталъ старикъ (т. е. дядя Ерошка, носитель звѣриной правды міра), оглядываясь и надвигая себѣ *на лицо шапку*—мурло-то закрой: фазанъ.—Онъ сердито махнулъ на Оленина и *полѣзъ* дальше, почти *на четвереренькахъ.—Мурла человѣчьяго* не любитъ“. А въ другомъ случаѣ, о которомъ Толстой повѣствуетъ черезъ три страницы далѣе, тотъ же Оленинъ сидитъ въ логовищѣ оленя, въ лѣсу, и размышляетъ: „Сижу, а вокругъ меня стоятъ молодыя и старыя деревья, и одно изъ нихъ обвито плетями дикаго винограда; около меня копошатся фазаны, выгоняя другъ друга, и чуютъ, можетъ быть, убитыхъ *братьевъ*... Чуютъ, можетъ быть, чакалки и съ *недовольными лицами* пробираются въ другую сторону“.

„Эти живыя картинки,—говоритъ г. Шумъ—,созданы Толстымъ не случайно. Дядя Ерошка на четвереренькахъ, съ закрытымъ шапкою лицомъ; Оленинъ съ звѣринымъ „мурломъ“, вмѣсто лица человѣческаго; фазаны съ недовольными „лицами“ и, наконецъ, дерево, обвитое плетями дикаго винограда, — все это можетъ быть поставлено въ параллель съ древне-языческими священными изображеніями. Тамъ, какъ и здѣсь, люди изображаются съ звѣриными „мурлами“, а звѣри—съ человѣческими лицами; члены человѣческаго тѣла переплетаются съ членами животныхъ, даже растеній.— Великаго Пана съ Козломъ, Пазифаи съ Быкомъ, Леды съ Лебедемъ и т. д. Очевидно, какъ тамъ, такъ и здѣсь одна и та же идея единства всего живого, единства, простирающагося до того, что нельзя провести границы между звѣремъ и человѣкомъ, между животнымъ и растеніемъ: „одно въ другое переходитъ, одно переливается въ другое, какъ отдѣльные цвѣта радуги“. Все индивидуальное, отдѣльное исчезаетъ въ общемъ, въ единой міровой жизни“.

Въ другихъ случаяхъ, Толстой подобными же пріемами глумится надъ Церковью. Достойно удивленія, что выходки противъ Церкви Толстой допускаетъ, какъ доказываетъ г. Шумъ, даже въ тотъ періодъ, когда самъ онъ сталъ ходить въ церковь, соблюдать посты, и вообще выдавалъ себя за православнаго. Такъ, въ письмѣ къ Н. Н. Страхову, относящемся

къ 1873-му году и написанномъ, яко бы, въ защиту православнаго обряда, Толстой выдаетъ свое истинное отношеніе къ православію только двумя, какъ бы невзначай брошенными, словами и измѣненіемъ единственнаго числа нѣкоторыхъ словъ на множественное. „Всѣ тѣ вѣрованія, которыя я имѣю, и вы, и весь народъ, основаны не на словахъ и разсужденіяхъ, а на рядѣ дѣйствій, жизни людей, непосредственно (*какъ зъвоти*) вліявшихъ одни на другихъ, начиная съ жизней Авраамовъ, Моисеевъ, Христовъ [! *П. Ф.*], святыхъ отцовъ, ихъ жизнями и внѣшними даже дѣйствіями—колѣнопреклоненіями, постомъ, соблюденіями дней и т. д. Во всей массѣ безчисленныхъ дѣйствій этихъ людей почему-то извѣстныя дѣйствія выдѣлились и составили одно цѣлое преданіе, служащее единственнымъ отвѣтомъ на вопросы сердца. И потому для меня въ этомъ преданіи не только *нѣтъ* ничего безсмысленнаго, но я даже и не понимаю, какъ къ этимъ явленіямъ прилагать повѣрку смысленнаго и безсмысленнаго... Такъ что я вполнѣ *плаваю* какъ рыба въ водѣ *въ безсмысленцахъ*“... А приблизительно черезъ три года (на послѣднихъ страницахъ „Анны Карениной“) онъ заставляетъ Левина выступать апологетомъ Церкви: „Да, одно очевидное, несомнѣнное проявленіе Божества, раздумываетъ Левинъ, это *законы добра*, которые явлены міру откровеніемъ и которые я чувствую въ себѣ и въ признаніи которыхъ я не то что соединяюсь, *а волей-неволей* соединенъ съ другими людьми въ одно общество вѣрующихъ, которое называютъ Церковью“. Къ этой „церкви“ принадлежатъ „волей-неволей“ и евреи и магометане и конфуціанцы и буддисты и даже животныя. Въ это время Толстой все еще *продолжалъ* выдавать себя членомъ православной Церкви. И вотъ, отвѣчая читателю и себѣ самому на естественныя недоумѣнія отъ такого опредѣленія Церкви, Толстой опять дѣлаетъ смѣшокъ: „*Церковь? Церковь?* повторилъ себѣ Левинъ, перелегъ на другую сторону и, облокотившись на руку, сталъ глядѣть *вдаль*, на сходившее *съ той* стороны къ рѣкѣ *стадо*“. Смыслъ этого образа, конечно, ясенъ: Левинъ-Толстой смотритъ на Церковь издали и сверху внизъ; она—на „той сторонѣ“, а онъ —въ *своей* „церкви“, куда допускаются „и конфуціанцы и буддисты и магометане“, но только не православные, ибо они— презрѣнное „стадо“. Далѣе Левинъ выдаетъ Толстого въ

томъ, что мнимое признаніе православной Церкви Толстой сдѣлалъ для себя возможнымъ лишь при помощи подмѣна каждаго церковнаго понятія своими собственными.

Съ внѣшней стороны сочиненіе г. Шума представляетъ пріятное исключеніе изъ большинства студенческихъ работъ: языкъ его вполнѣ правильный, точный, построеніе фразъ изящное, изложеніе не пестритъ иностранными словами. Все сочиненіе отъ начала и до конца читается легко и съ неослабнымъ интересомъ.

Обращаясь къ недостаткамъ сочиненія, прежде всего должно отмѣтить малую подготовку автора, какъ въ области философіи вообще, такъ и въ частности въ области философіи религіи. Если бы освѣдомленность автора была здѣсь основательнѣе, то многія изъ устанавливаемыхъ или только слегка намѣчаемыхъ имъ положеній пріобрѣли бы бо́льшую прочность и глубину. Съ другой стороны, бо́льшія познанія въ психологіи и исторіи религіи позволили бы г. Шуму увидать внутреннюю необходимость многихъ такихъ сторонъ философствованія Толстого, которыя сейчасъ представляются ему лишь случайностью біографіи. Можно было бы также пожелать большей твердости и смѣлости въ проведеніи основныхъ линій изслѣдованія: иногда онѣ расплываются и теряютъ отчетливость.—

Въ заключеніе рецензентъ считаетъ своимъ долгомъ выразить свое настоятельное пожеланіе, чтобы это нужное сочиненіе, по небольшой обработкѣ, возможно скорѣе было напечатано. Степени кандидата г. Шумъ вполнѣ заслуживаетъ".

2) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Написать сочиненіе на данную тему—дѣло очень легкое. О Толстомъ имѣется обширная литература и литература, такъ сказать, послѣобѣденнаго характера: беллетристическія произведенія, легкія критическія статьи. Чтеніе такой литературы не затруднитъ головы и не помѣшаетъ пищеваренію. Но съ другой стороны сказать о Толстомъ что-нибудь новое—дѣло очень трудное. О Толстомъ писали и говорили очень многіе.

Такъ, работа г. Шуму, думаю, доставила очень немного труда, но съ другой стороны, боюсь, она и не дала плодовъ.

Оригинальнаго, новаго г. Шумъ не сказалъ ничего. Чрезвычайно важно для г. Шума было выяснить личность Толстого и дать его характеристику. Но выполненіе этой задачи для него непосильно. Онъ посвящаетъ цѣлую главу характеристикѣ Толстого и въ дѣлѣ этой характеристики идетъ на буксирѣ у жизнеописателей и критиковъ Толстого, подъ ихъ руководствомъ и по ихъ примѣру ищетъ портретовъ Толстого въ персонажахъ его произведеній. Этимъ пріемомъ можно пользоваться лишь отчасти, а скорѣе всего онъ можетъ сбить съ толку. Чтобы понять Толстого, нужно знать прежде всего его жизнь, его дѣла, а потомъ уже его произведенія. Затѣмъ г. Шумъ совершенно отрываетъ Толстого отъ исторической обстановки, но внѣ такой обстановки не можетъ быть понятъ человѣкъ. Какимъ бы „парадоксомъ" ни былъ Толстой, онъ, какъ и всякій человѣкъ, находился въ своей жизни подъ разными вліяніями: вліяли на него и люди и реформы и книги и событія; сама толпа, поднявшая его на неизмѣримо высокій пьедесталъ и можетъ быть въ значительной мѣрѣ лишившая его возможности думать, вліяла на него. Но г. Шумъ не учелъ этихъ факторовъ.

Съ точки зрѣнія нашего автора міровоззрѣніе Толстого всегда было пантеистическимъ (XV стр.). Въ такомъ случаѣ какъ-будто не было ни нужды ни возможности давать генезисъ его идеи Бога. Но что г. Шумъ разумѣетъ подъ терминомъ „пантеистическій"? Если человѣкъ ощущаетъ божественное во всей природѣ, настраивается религіозно въ лѣсу или полѣ, отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ — пантеистъ. Ощущеніе присутствія Божества въ мірѣ не исключаетъ вѣры въ премірность Божества. Г. Шумъ мало касается философской и богословской стороны дѣла. Онъ предпочитаетъ оперировать на беллетристической почвѣ.

Но нельзя однако не признать, что сочиненіе г. Шума имѣетъ и свои достоинства. Его направленіе религіозно и православно. Руководителей своихъ въ вопросѣ о Толстомъ онъ выбираетъ довольно умѣло. Читается сочиненіе легко.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно".

Справка: 1) Андрей *Шумъ* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1911 году съ званіемъ дѣйствитель-

наго студента Академіи и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія.—2) Въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса г. Шумъ имѣетъ баллъ—1,286.—3) По § 109 лит. *б* п. 8 устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата богословія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента *Шума Андрея* удостоить степени кандидата богословія, съ причисленіемъ ко *второму* разряду,—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XVIII. Прошенія:

а) Студента IV курса *Иванова Петра*:

„Почтительнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ держать весною сего года экзаменъ по англійскому языку“.

б) Студента I курса *Авдіева Александра*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ держать экзаменъ по нѣмецкому языку послѣ лѣтнихъ каникулъ“.

Справка: По нынѣ дѣйствующему уставу духовныхъ академій *новые языки* преподаются въ Академіи лишь *для желающихъ* (§ 130).

Опредѣлили: Разрѣшить студенту IV курса Петру *Иванову* сдать испытаніе по англійскому языку вмѣстѣ съ изучающими оный студентами I курса Академіи, а студенту I курса Александу *Авдіеву* отложить экзаменъ по нѣмецкому языку на послѣканикулярное время.

XIX. Представленный секретаремъ Совѣта проектъ *росписанія переводныхъ и выпускныхъ испытаній студентовъ Академіи* въ текущемъ 1912—1913 учебномъ году.

Опредѣлили: Одобривъ представленный проектъ росписанія испытаній, просить Преосвященнаго Ректора Академіи пред-

ставить оный, согласно § 158 устава духовныхъ академій, на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „8 мая 1913. Исполнить“.

13 мая 1913 года.

№ 5.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ, экстраординарные профессоры—П. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. П. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. И. Шостынъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, А. А. Спасскій и М. М. Богословскій: экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Слушали: Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Сегодня въ первый разъ за время своего почти столѣтняго существованія Императорская Московская Духовная Академія имѣла счастіе принять и соединиться въ молитвенномъ общеніи съ Верховнымъ Пастыремъ Церкви—Блаженнѣйшимъ и Святѣйшимъ Патріархомъ „великаго града Божія“ Антіохіи и всего Востока Григоріемъ IV.—Въ память этого знаменательнаго событія и во уваженіе высокой религіозно-просвѣтительной дѣятельности и выдающихся Архипастырскихъ трудовъ Его Блаженства на пользу Св. Церкви, предлагаю Совѣту Академіи избрать Блаженнѣйшаго и Святѣйшаго Патріарха Григорія въ званіе Почетнаго Члена Академіи.—Соизволеніе Его Блаженства на принятіе сего званія мною получено“.

Справка: По § 109 лит. В. п. 1 устава духовныхъ академій „избраніе въ званіе почетныхъ членовъ Академіи“ значится

въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Избрать и просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи Блаженнѣйшаго и Святѣйшаго *Патріарха Антіохійскаго Григорія IV* въ званіи Почетнаго Члена Императорской Московской Духовной Академіи.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „27 мая 1913. Исполнить".

31 мая 1913 года.

№ 6.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій, экстраординарные профессоры—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ и А. А. Спасскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „10 мая 1913. Въ Совѣтъ Моск. Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 мая за № 7076:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 19 Апрѣля сего года № 170, въ коемъ изложено, 1) что за болѣзнію и послѣдовавшею засимъ кончиною заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Московской духовной академіи Алексѣя *Вве-*

ренскаго и въ виду настоятельной необходимости закончить въ текущемъ учебномъ году начатое въ первомъ полугодіи покойнымъ профессоромъ преподаваніе студентамъ I курса систематической философіи и логики, Преосвященнымъ ректоромъ академіи разрѣшено было ординарному профессору по каѳедрѣ основного богословія Сергѣю *Глаголеву*, избранному Совѣтомъ академіи въ собраніи 22 Января 1913 года временнымъ преподавателемъ по упомянутой каѳедрѣ, приступить къ чтенію лекцій по этому предмету немедленно, и 2) что Совѣтъ названной академіи ходатайствуетъ о разрѣшеніи оставить за ординарнымъ профессоромъ Глаголевымъ преподаваніе названнаго предмета до конца текущаго 1912—1913 учебнаго года, съ выдачею ему, Глаголеву, дополнительнаго вознагражденія изъ оклада 864 руб. въ годъ, со дня фактическаго его вступленія въ исполненіе обязанностей временнаго преподавателя, т. е. съ 22 Января 1913 года. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и настоящему представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту названной академіи оставить за ординарнымъ профессоромъ Глаголевымъ преподаваніе систематической философіи и логики студентамъ I курса до конца текущаго 1912—1913 учебнаго года, съ выдачею ему, Глаголеву, дополнительнаго вознагражденія, изъ оклада 864 руб. въ годъ, со дня фактическаго вступленія его въ исполненіе обязанностей временнаго преподавателя, т. е. съ 22 Января 1913 года, изъ остатковъ по содержанію лицъ управленія и учащихъ въ академіи за 1913 г.: о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію, сообщивъ содержаніе его ординарному профессору С. С. Глаголеву и Правленію Академіи—для зависящихъ со стороны послѣдняго распоряженій.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „15 мая 1913. Въ Совѣтъ Московской Академіи"— указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 10 мая за № 7361:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣй-

шій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 11 Февраля сего года за № 81, по ходатайствамъ Совѣта Императорской Московской духовной академіи: а) о разрѣшеніи торжественнаго празднованія имѣющаго исполниться 1 Октября 1914 года *столѣтняго юбилея со дня основанія Московской духовной академіи въ стѣнахъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, и б) объ отпускѣ 5.000 руб. на покрытіе расходовъ, связанныхъ съ предположенными Совѣтомъ названной академіи изданіями къ 100-лѣтнему юбилею академіи.* Приказали: Согласно настоящимъ ходатайствамъ Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить торжественное празднованіе имѣющаго исполниться 1 Октября 1914 года столѣтняго юбилея со дня основанія Московской духовной академіи въ стѣнахъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, предписавъ Совѣту академіи, въ свое время, представить Святѣйшему Синоду установленнымъ порядкомъ программу сего празднованія, и 2) отпустить въ распоряженіе Совѣта названной академіи единовременно 5000 руб. на расходы по изготовленію предположенныхъ Совѣтомъ академіи юбилейныхъ изданій, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ экстраординарнаго кредита по духовно-учебному капиталу: о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Справка: Въ собраніи 22 января текущаго 1913 года, при обсужденіи вопроса о празднованіи 100-лѣтняго юбилея Академіи, Совѣтомъ Академіи, между прочимъ, постановлено было: „...2) Ознаменовать предстоящее торжество изданіемъ: а) юбилейнаго сборника научныхъ статей, принадлежащихъ перу г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи и бывшихъ членовъ академической корпораціи, поручивъ редактированіе и наблюденіе за изданіемъ этого сборника Почетному Члену Академіи—сверхштатному заслуженному ординарному профессору *М. Д. Муретову,* изъявившему на то свое согласіе; б) полнаго списка учено-литературныхъ трудовъ всѣхъ профессоровъ и дѣятелей Академіи за истекшее столѣтіе съ краткими біографіями и, по возможности, съ портретами этихъ лицъ и характеристиками выдающихся изъ нихъ, образовавъ для этого изданія особую редакціон-

ную коммиссію въ составѣ: О. Инспектора Академіи *архимандрита Анатолія*, ординарнаго профессора *С. С. Глаголева* и библіотекаря Академіи *К. М. Попова*, и в) списка всѣхъ воспитанниковъ Академіи, окончившихъ за истекшее столѣтіе полный академическій курсъ".

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и исполненію.—2) Составленіе къ предстоящему торжественному празднованію 100-лѣтняго юбилея Академіи *исторической записки* поручить сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи *М. Д. Муретову*, изъявившему на то свое согласіе.—3) Въ составъ коммиссіи по изданію *полнаго списка учено-литературныхъ трудовъ всѣхъ профессоровъ и дѣятелей Академіи за истекшее столѣтіе* включить доцента Академіи по 1-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *іеродіакона Иларіона (Троицкаго)*.

III. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 22 апрѣля, № 4: „8 мая 1913. Исполнить."

б) 13 мая, № 5: „27 мая 1913. Исполнить".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

IV. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 24 мая за № 2103:

„Канцелярія одной Императорской духовной Академіи обратилась въ Управленіе по дѣламъ о воинской повинности съ вопросомъ о томъ, могутъ ли *стипендіаты академіи*, оставляемые при Академіи для усовершенствованія въ наукахъ и, въ частности, для приготовленія къ занятію преподавательской должности въ академіи, въ случаѣ, если не будутъ къ опредѣленному сроку назначены на должность доцента или профессора, поступить на должности по учебной части въ другія учебныя заведенія (напр. семинаріи, духовныя училища и т. п.) и будутъ ли они подлежать въ такихъ случаяхъ отбыванію воинской повинности.

По поводу сего Управленіе по дѣламъ о воинской повинности увѣдомило Учебный Комитетъ, что оно находитъ, что,

на основаніи ст. 61 Уст. воин. пов., по прод. 1912 г., лица, оставленныя при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по окончаніи курса оныхъ, для подготовки къ занятію ученыхъ или учебныхъ должностей въ ученыхъ учрежденіяхъ или въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользуются отсрочкою по отбыванію воинской повинности до 30-лѣтняго возраста, если до достиженія этого возраста не будутъ назначены на должности, совершенно освобождающіяся отъ воинской повинности. Въ виду сего надлежитъ признать, что лица, признанныя не удовлетворяющими условіямъ для замѣщенія въ духовной академіи должности профессора или доцента и поступившія до 30 лѣтъ на должности преподавателей среднихъ или низшихъ учебныхъ заведеній, подлежатъ отбыванію воинской повинности на общемъ основаніи, но къ нимъ въ такихъ случаяхъ должны быть примѣняемы ст. ст. 80 и 81 Уст. воин. пов., по прод. 1912 года.—О семъ Учебный Комитетъ считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія Совѣта Московской духовной Академіи, для надлежащаго руководства".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

V. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ литургики *священникомъ И. В. Гумилевскимъ* ему представлены 65 экземпляровъ напечатанной магистерской диссертаціи подъ заглавіемъ: „Ученіе Св. Апостола Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ", Сергіевъ Посадъ, 1913 г.

Опредѣлили: 1) Допустить и. д. доцента Академіи *священника И. В. Гумилевскаго* къ защитѣ его магистерской диссертаціи на коллоквіумѣ.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертаціи назначить сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*.— 3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквіума и пригласить къ участію въ ономъ стороннихъ лицъ.

VI. Отзывы о сочиненіи и. д. доцента Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ исторіи русской

литературы, кандидата богословія, *Н. Л. Туницкаго* подъ заглавіемъ: „Св. Климентъ, Епископъ Словенскій. Его жизнь и просвѣтительная дѣятельность“. Сергіевъ Посадъ, 1913 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора Академіи *С. И. Смирнова*:

„Изъ предисловія къ книгѣ мы узнаемъ, что она является лишь началомъ большого труда автора о св. Климентѣ Словенскомъ, какъ бы предисловіемъ къ труду, посвященному литературной и переводческой дѣятельности св. Климента, остающейся почти совсѣмъ неизученной ни со стороны историко-литературной, ни со стороны языка, между тѣмъ чрезвычайно обширной. Ученикъ славянскихъ апостоловъ, одинъ изъ самыхъ первыхъ, а можетъ быть и первый славянскій писатель въ собственномъ смыслѣ этого слова, Климентъ составилъ на всѣ праздники поученія, житія, наполнилъ церковь пѣснопѣніями, перевелъ цвѣтную тріодь, научилъ священниковъ жить согласно съ каноническими правилами, реформировалъ славянскій алфавитъ. Его труды имѣютъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи церковнославянскаго языка, а также въ исторіи славянскихъ и русской литературъ. И Николай Леонидовичъ Туницкій издастъ въ настоящее время въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ собраніе всѣхъ поучительныхъ произведеній св. Климента. Но такъ какъ изслѣдованіе литературнаго творчества всякаго писателя, разумѣется, невозможно безъ яснаго представленія объ его жизни и личности, то нашему автору пришлось написать біографію святителя. Задача оказалась очень трудной и сложной по состоянію источниковъ и по тому историческому положенію, которое занимаетъ св. Климентъ. Главный источникъ его біографіи—пространное житіе на греческомъ языкѣ, дошедшее съ именемъ Ѳеофилакта, архіепископа Болгарскаго,—чрезвычайно спорный памятникъ: одними отрицаемый совершенно, другими принимаемый въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ. Требовалось тщательное его изслѣдованіе. Исторія поставила Климента на рубежъ двухъ эпохъ въ развитіи славянства, на перепутьи двухъ міровъ—восточнаго и западнаго, въ самомъ центрѣ возгорѣвшейся между ними

борьбы. Въ процессѣ этихъ скрещивающихся историческихъ теченій Климентъ сдѣлался въ концѣ IX—началѣ X вѣковъ центральной фигурой въ церковной и культурной жизни славянъ моравскихъ и болгарскихъ. Отсюда видно, какъ сложна біографія св. Климента: она заставляла Николая Леонидовича основательно изучить громадный кирилло-меѳодіевскій вопросъ во всей его полнотѣ и современную Клименту эпоху болгарской исторіи со всѣхъ сторонъ: государственной, этнографической, культурной и церковной. Книга разрослась и оказалась настолько законченной по содержанію, отличной отъ своего продолженія по методу и самостоятельной по изложенію, что авторъ счелъ нужнымъ выпустить ее отдѣльно.

Таково происхожденіе книги и ея задачи. Ими опредѣляется ея содержаніе.

Въ главѣ первой содержится обзоръ источниковъ для исторіи жизни и дѣятельности св. Климента Словенскаго. Здѣсь обслѣдуются: 1) пространное житіе св. Климента — Болгарская легенда, II) краткое житіе — Охридская легенда, III) службы св. Клименту, IV) отрывочныя свѣдѣнія и упоминанія о св. Климентѣ въ другихъ источникахъ. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ на пространномъ житіи, главномъ источникѣ: онъ перечисляетъ всѣ многочисленныя его изданія, начиная съ мосхопольскаго 1742 г. отличая особенности каждаго, но изданіями не удовлетворяется и обращается къ рукописямъ. Ему извѣстны двѣ такихъ рукописи: № 818 собранія Григоровича (Румянц. Музея) и затѣмъ одна изъ рукописей Охридской митрополіи, которой авторъ не могъ достать. Рукописью Григоровича онъ широко воспользовался и нашелъ въ ней важные варіанты къ изданному тексту: въ главѣ XXII въ перечнѣ трудовъ св. Климента извѣстіе о томъ, что онъ наполнилъ церковь пѣснопѣніями; въ собственныхъ именахъ *Βελίτζας* вмѣсто *Γλαβενίτζας*. Имя епархіи, которой управлялъ св. Климентъ, *Δρεβενίτζας* вмѣсто *Δρεμβίτζας* изданія.

Затѣмъ авторъ обращается къ новогреческимъ передѣлкамъ пространнаго житія св. Климента, авторъ которыхъ іеромонахъ Аѳанасій Паросскій конца XVIII в.: *Ἀκολουθία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος*... и *Οὐρανοῦ κρίσις*...

Передѣлки эти представляютъ собою отчасти попытку кри-

тическаго построенія біографіи Климента, въ связи съ уясненіемъ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, на основаніи пространнаго житія. Но *Οὐρανοῦ κρίσις* даетъ сравнительно съ *Ἀκολουθία* болѣе цѣнныя свѣдѣнія и источникомъ ихъ послужило Хиландарское сказаніе—*Χιλανταρινὴ Διήγησις*—о Кириллѣ и Меѳодіи на греческомъ языкѣ—памятникъ неизвѣстный пока въ цѣломъ видѣ. Такъ какъ при составленіи Аколуѳіи Аѳанасій еще не зналъ Хиландарскаго сказанія, которымъ пользуется въ *Οὐρανοῦ κρίσις*, то нашъ авторъ старается выбрать отрывки или элементы Хиландарскаго сказанія, затѣмъ помѣщаетъ ихъ въ приложеніяхъ къ книгѣ (263—270). Оказывается, сказаніе это оставило свой слѣдъ на проложныхъ житіяхъ Кирилла и Меѳодія, извѣстныхъ отъ XV вѣка; имъ пользовался Димитрій Ростовскій. Хиландарское сказаніе цѣнно тѣмъ, что въ него вошли вмѣстѣ съ легендарными измышленіями и достовѣрныя свѣдѣнія о славянскихъ первоучителяхъ. Происхожденіе этого сказанія Николай Леонидовичъ считаетъ возможнымъ отнести къ глубокой древности: оно обращалось въ славянскомъ мірѣ уже въ XII—XIII вв. Сличая рядъ показаній греческаго Хиландарскаго сказанія съ славянскими паннонскими житіями, авторъ приходитъ къ тому выводу, что между этими источниками нѣтъ противорѣчій и нѣтъ основаній заподозривать достовѣрность сообщеній Хиландарскаго сказанія (хотя онъ не упускаетъ изъ вида и различія между ними въ показаніяхъ). Сличеніе приводитъ автора въ концѣ концовъ къ такому вопросу: не скрывается ли за новогреческими отрывками Хиландарской повѣсти та древняя греческая основа паннонскихъ житій, которую предполагали за ними Миклошичъ и Вороновъ,—и на этотъ вопросъ нашъ авторъ склоненъ отвѣчать въ утвердительномъ смыслѣ.—Въ текстѣ житія Климента, которымъ пользовался Аѳанасій Паросскій, есть важные варіанты, напр., отсутствіе *ἡμῖν* при *τοῖς Βουλγάροις*, служившаго для нѣкоторыхъ изслѣдователей препятствіемъ въ признаніи грекомъ автора пространнаго житія Климента.

Спорный вопросъ объ авторѣ пространнаго житія Климента Николай Леонидовичъ рѣшаетъ такъ: его составителемъ въ полномъ смыслѣ слова, а не редакторомъ первоисточника, въ которомъ изображалась жизнь и дѣятельность

Климента, былъ Ѳеофилактъ, архіепископъ Болгарскій. Въ подтвержденіе этого сличается изучаемый имъ источникъ съ другими твореніями Ѳеофилакта. Этимъ опредѣляется и время составленія памятника: конецъ XI—начало XII вѣка. Изученіе текста житія помогаетъ автору удовлетворительно выяснить затрудненія, которыя стоятъ на пути къ признанію авторомъ его Ѳеофилакта Болгарскаго. Разбирая подробное житіе Климента со стороны содержанія и источниковъ, нашъ авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ о цѣнности заключающагося въ немъ историческаго матеріала. Житіе составлено на основаніи паннонскихъ житій, какого то сказанія объ обращеніи Бориса въ христіанство и древняго славянскаго житія Климента, написаннаго его ученикомъ,—источниковъ, въ историческомъ отношеніи весьма надежныхъ. Но обработка, которой подверглись они подъ перомъ Ѳеофилакта, оказывается въ высшей степени искусственной, тенденціозной и самовольной.

Краткое житіе св. Климента, составленное на основаніи пространнаго, но содержащее и добавленія, какъ напр. объ изобрѣтеніи св. Климентомъ азбуки славянской, отличной отъ той, которую изобрѣлъ Кириллъ, Николай Леонидовичъ приписываетъ съ вѣроятностью Димитрію Хоматіану, архіепископу Охридскому XII—XIII в.

Говоритъ далѣе нашъ авторъ относительно службъ св. Клименту, невысокихъ въ отношеніи своей исторической цѣнности, и заканчиваетъ первый отдѣлъ работы перечисленіемъ отрывочныхъ свѣдѣній и упоминаній о Климентѣ въ другихъ источникахъ.

Вторая глава, представляющая очеркъ жизни и дѣятельности св. Климента, распадается на три части: въ первой трактуется о жизни и дѣятельности святителя до перехода въ Болгарію (885—6 г.) въ связи съ обстоятельствами моравской катастрофы (происхожденіе и національность, близость съ солунскими братьями, участіе въ моравской миссіи, разгромъ ея и судьба осужденныхъ учениковъ); во второй —о болгарскомъ періодѣ жизни и дѣятельности св. Климента (885—6—916 г.г.) въ связи съ условіями современной и государственной, и церковной жизни Болгаріи (переходъ Климента изъ Моравіи сначала въ восточную Болгарію, потомъ въ юго-западную, Климентъ—учитель Кутмичивицы, Кли-

ментъ—епископъ Величскій, Дремвицкій или Словенскій); въ третьей—объ обстоятельствахъ развитія славянскаго просвѣщенія въ концѣ IX и началѣ X столѣтій и объ участіи въ немъ св. Климента (славянская письменность въ Болгаріи до прихода Климента, введеніе Климентомъ славянскаго богослуженія въ Болгаріи, отношеніе византійской церкви къ дѣятельности Климента, Климентъ, какъ дѣятель славянской письменности и литературы). Въ приложеніяхъ помѣщены отрывки изъ Хиландарскаго сказанія и четыре цинкографическихъ снимка съ рукописи Григоровича, двухъ старшихъ изданій пространнаго житія и изображенія св. Климента.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе изслѣдованія Николая Леонидовича Туницкаго. Безъ всякаго сомнѣнія, оно даетъ много новаго и цѣннаго въ выясненіи труднаго кирилло-меѳодіевскаго вопроса. Главнѣйшая заслуга нашего автора—тщательное изслѣдованіе по рукописямъ текста пространнаго житія Климента, которымъ большинство ученыхъ пользовалось въ изданіяхъ, не вполнѣ исправныхъ, затѣмъ—изученіе состава и источниковъ этого памятника въ связи со всѣми другими источниками, относящимися къ дѣятельности Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ. Надо пожалѣть, что не смотря на всѣ старанія Николаю Леонидовичу не удалось достать списокъ пространнаго житія, принадлежащій Охридской митрополіи, который, можетъ быть, далъ бы новыя разночтенія, цѣнныя для изслѣдователя, но винить въ этомъ нашего автора не приходится. Жаль также, что авторъ не издалъ еще разъ въ приложеніи къ своему труду использованный имъ списокъ изъ собранія Григоровича, потому что перечень варіантовъ, какъ бы онъ тщательно ни былъ составленъ, никогда не можетъ замѣнить полнаго текста. Впрочемъ намъ извѣстно, что новое изданіе этого памятника лишь вопросъ близкаго времени: оно предпринято Императорской Академіей Наукъ и къ участію въ этомъ дѣлѣ привлеченъ Николай Леонидовичъ. Благодаря работѣ Николая Леонидовича надъ текстомъ своего основного источника, послѣдній получаетъ несомнѣнно бо́льшую цѣнность, пріобрѣтаетъ болѣе довѣрія. Полное игнорированіе его, какъ это было со стороны Голубинскаго, теперь становится едва ли возможно. Мѣста, смущавшія ранѣе изслѣдователей или

даже ставившія ихъ въ тупикъ, нашли въ работѣ Николая Леонидовича удовлетворительное объясненіе.

Изслѣдованіемъ текста того же памятника по новогреческимъ передѣлкамъ, на которыя одновременно съ Н. Л. Туницкимъ обратилъ вниманіе профессоръ Н. Петровскій, ставится Николаемъ Леонидовичемъ на новую почву чрезвычайно важный для церковной исторіи всего славянства вопросъ о болгарской миссіи Кирилла и Меѳодія.

Жизнь и дѣятельность св. Климента излагается съ такою полнотою и обстоятельностью, какъ не описывалась еще раньше въ спеціальной литературѣ: книга Н. Л-ча первая научная и безпристрастная монографія, посвященная св. Клименту. Недавно открытое профессоромъ Лавровымъ вмѣстѣ съ болгарскимъ ученымъ Іорданомъ Ивановымъ древнее житіе св. Наума помогаетъ нашему автору съ новыми подробностями описать изгнаніе учениковъ св. братьевъ изъ Моравіи и установить хронологію дѣятельности Климента въ Болгаріи. Дѣля этотъ періодъ жизни святителя на двѣ половины—какъ учителя, затѣмъ какъ епископа, Николай Леонидовичъ подробно останавливается на выясненіи того, гдѣ находилась его каѳедра, и приходитъ къ интересному выводу, что *Βελικεία* и *Δραμίτζα* были филиппопольскими епископіями, отвергая такимъ образомъ принятое мнѣніе о близости епископской каѳедры Климента къ Охридѣ.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ чрезвычайно интересна рѣчь автора относительно Константинополя, какъ центра славянской письменности въ концѣ IX—началѣ X вѣковъ. Характеристика литературныхъ дѣятелей Симеоновой эпохи представлена здѣсь въ новомъ освѣщеніи. Спеціалистъ найдетъ себѣ и еще не мало новыхъ менѣе крупныхъ выводовъ нашего изслѣдователя, которые во всякомъ случаѣ обогащаютъ кирилло-меѳодіевскую литературу.

Въ труднѣйшемъ кирилло-меѳодіевскомъ вопросѣ, гдѣ такъ много спорнаго, начиная съ главнѣйшаго первоисточника—такъ называемыхъ паннонскихъ житій, невозможно ожидать, чтобы какая-нибудь вновь появляющаяся книга представила исчерпывающее изслѣдованіе, не нуждающееся больше ни въ пересмотрѣ, ни въ добавленіяхъ, ни въ исправленіяхъ. Каждое вновь открытое извѣстіе древности заставляетъ опять и опять пересматривать рядъ или всю цѣпь со-

прикасающихся вопросовъ во всей ихъ многосложности и переоцѣнивать многія цѣнности. И въ трудѣ Николая Леонидовича Туницкаго, мы полагаемъ, найдутся спорныя положенія, которыя не выдержатъ пробы критики и не будутъ приняты большинствомъ изслѣдователей. Но, разумѣется, это не обезцѣнитъ въ общемъ прекрасной книги его, безукоризненной по методу, дающей такъ много свѣжаго, открывающей новые горизонты и возбуждающей мысль къ новымъ разысканіямъ въ области, которая будетъ вѣчно дорога славянскому міру,—въ исторіи славянскихъ первоучителей и ближайшихъ учениковъ ихъ.

Такіе результаты достигнуты упорнымъ и самоотверженнымъ трудомъ нашего талантливаго автора. Письменность, сохранившая о первоучителяхъ словенскихъ и ихъ ученикахъ извѣстія, преданія или легенды, знакома ему во всемъ объемѣ и использована съ большимъ мастерствомъ, такъ что, кажется, онъ не проронилъ ни одного нужнаго ему показанія, не оставилъ неподмѣченнымъ ни одного, чуть замѣтнаго штриха. Огромная литература по кирилло-меѳодіевскому вопросу на всѣхъ славянскихъ и нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ изучена самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Авторъ не любитъ громоздить цитаты, избѣгаетъ пространныхъ примѣчаній и совершенно не допускаетъ экскурсовъ, случайно связанныхъ съ ходомъ рѣчи. Но читатель ясно видитъ, что здѣсь солидно обосновано каждое положеніе, не сказано необдуманно ни одной фразы, хотя автора нельзя завинить въ противоположной крайности—въ рабскомъ слѣдованіи буквѣ источника и боязни широкихъ построеній и обобщеній. И еще одна похвальная черта присуща книгѣ Н. Л. Туницкаго,—художественность изображенія и изложенія: личность св. Климента очерчена имъ съ удивительной живостью, яркостью и полнотой. Видно, что не одна любознательность ученаго, но и живое сочувствіе великому дѣлу созданія славянскихъ церквей, славянскаго богослуженія, славянскихъ литературъ были движущими началами разбираемаго труда.

Излишне прибавлять, что изслѣдованіе Н. Л. Туницкаго „Св. Климентъ, епископъ Словенскій“ вполнѣ заслуживаетъ своему автору степени магистра богословія“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*:

„Книга уже извѣстнаго въ литературѣ, хотя и небольшими, но весьма цѣнными работами,—г. Туницкаго посвящена близкому мнѣ, по моей спеціальности, типу такихъ научныхъ предметовъ, кои, при существенной важности своей, имѣютъ первоисточный матеріалъ для себя въ очень ограниченномъ объемѣ и тѣмъ открываютъ широкій просторъ для примѣненія всей проницательности и учености первоклассныхъ служителей науки, обычно вызывая на свѣтъ обширную, иногда почти до необъятности, литературу.

Этимъ опредѣляются слѣдующія, наиболѣе существенныя, достоинства вновь появляющихся трудовъ по изслѣдованію такихъ предметовъ.

Первое: многосторонняя *эрудиція* для изученія обширной и разноязычной литературы подобныхъ предметовъ,—тонкій критическій *анализъ* не только для тщательнаго въ этой трудѣ отдѣленія негоднаго ученаго шлака отъ научно-цѣннаго матеріала, но и для точнѣйшаго опредѣленія достоинства этого матеріала,—наконецъ проницательно-творческій *синтезъ* для приданія научно-опробированному матеріалу цѣлостнаго и живаго образа. Это—первое и необходимѣйшее условіе для того, чтобы всякій новый трудъ въ подобныхъ областяхъ не былъ плодомъ мертворожденнымъ, ненужнымъ, даже вреднымъ, только обременяющимъ и загромождающимъ науку печатнымъ хламомъ, годнымъ развѣ только для исторической характеристики личности автора и окружающей его научную дѣятельность атмосферы.

Вторымъ, уже незаурядным и необязательнымъ, качествомъ подобныхъ трудовъ должна быть признана *идейная новизна* въ нихъ,—освѣщеніе уже извѣстнаго матеріала еще невѣдомыми горизонтами, открывающими въ старыхъ предметахъ новыя стороны, проясняющими ускользавшія отъ вниманія изслѣдователей частности.

Но наивысшимъ и въ видѣ рѣдкихъ исключеній бывающимъ *третьимъ* достоинствомъ подобныхъ работъ является открытіе или привлеченіе *новаго* научнаго *матеріала*, даетъ ли этотъ матеріалъ совершенно новое общее представленіе о предметѣ, или же измѣняетъ его частныя стороны, даже если только подтверждаетъ и уясняетъ прежнее и уже утвердившееся о немъ представленіе.

Работа г. Туницкаго представляетъ рѣдкое и счастливое соединеніе всѣхъ указанныхъ достоинствъ, какъ въ первой своей половинѣ, дающей „обзоръ источниковъ для исторіи и дѣятельности св. Климента Словенскаго“ стр. 1—107. 263—270. 281—282,—такъ и во второй, содержащей „очеркъ жизни и дѣятельности св. Климента“ стр. 108—260 и 282—283. (Подробное изложеніе содержанія книги г. Туницкаго считаю ненужнымъ, въ виду приложенныхъ къ книгѣ:—указателя на стр. 271—283,—и весьма подробнаго, почти постраничнаго, содержанія книги на стр. 285—290).

I. Первое качество проявлено: *а*) въ тщательномъ и всестороннемъ *изученіи* сравнительно небольшаго по объему *первоисточника* — пространнаго и краткихъ житій св. Климента, службъ ему, свѣдѣній о немъ въ историческихъ, литературныхъ, археологическихъ памятникахъ и народныхъ сказаніяхъ, — на языкахъ древне-славянскомъ, греческомъ, латинскомъ и южно-славянскихъ,—и обширнѣйшей литературы предмета на языкахъ, кромѣ русскаго, южно-славянскихъ и западно-европейскихъ,—*б*) въ многочисленныхъ, по всей книгѣ щедро разбросанныхъ, *справкахъ* по исторіи Византіи, Запада, Славянскихъ народовъ,—древней географіи славянскихъ странъ, номенклатурѣ, литературѣ и мн. др., придающихъ труду г. Туницкаго видъ краткой, но полно и всесторонне обработанной энциклопедіи по данному предмету, со всѣми къ нему соприкосновенными предметами,—*в*) въ тщательной и строго научной *провѣркѣ* всѣхъ, доселѣ появившихся, *трудовъ* по данному предмету и смежнымъ ему областямъ,—особенно въ уничтожающей *критикѣ* крайнихъ отрицательныхъ сужденій объ исторической цѣнности житія св. Климента,—и именно: Голубинскаго, признающаго житіе сплошною фальсификаціей и беззастѣнчивымъ измышленіемъ,—и Снопека, гипотезирующаго о смѣшеніи въ житіи двухъ, разновременно жившихъ, Климентовъ—древнѣйшаго, ученика Кирилла и Меѳодія, паписта,—и позднѣйшаго, византиниста, писателя, тожественнаго съ черноризцемъ Храбромъ (стр. 108 дал.), —*г*) въ безпристрастно и осторожно поставленномъ *анализѣ первоисточниковъ* для жизни и дѣятельности св. Климента и въ тщательномъ выдѣленіи въ нихъ достовѣрно-историческаго матеріала посредствомъ строгой научной методы, — *д*) наконецъ въ

стройно, ярко и всесторонне, на основаніи этого строго научнаго матеріала начертанномъ образѣ жизни и дѣятельности св. Климента и въ уясненіи его выдающагося положенія въ исторіи первославянской церкви, какъ перваго славяно-болгарскаго епископа національнаго и перваго самостоятельно-оригинальнаго писателя славянскаго.

II. Проявленіемъ *идейной новизны* въ трудѣ г. Туницкаго служатъ: 1) *по отношенію къ источникамъ* для жизни и дѣятельности св. Климента: а) рѣшительное обоснованіе *принадлежности* греческаго пространнаго *житія*,—какъ основнаго въ настоящее время первоисточника для жизни св. Климента и въ его извѣстномъ теперь видѣ,—блаженному *Ѳеофилакту*, архіепископу Болгарскому, коему оно усвояется и въ надписаніяхъ житій—пространнаго и краткихъ,—для чего авторъ воспользовался весьма искусно поставленнымъ у него сравненіемъ житія съ несомнѣнно принадлежащими Ѳеофилакту твореніями—спеціально-полемическимъ его сочиненіемъ противъ латинъ и полемическимъ отдѣломъ по вопросу объ исхожденіи Святаго Духа въ его толкованіи на евангеліе Іоанна,—какъ и многими другими соображеніями,—б) *выдѣленіе* въ текстѣ извѣстнаго теперь греческаго пространнаго житія его древнѣйшей *славянской* и исторически вполнѣ достовѣрной *первоосновы*, посредствомъ тонкаго и проницательнаго сравненія текстовъ житій между собою и съ другими, относящимися сюда, источниками,—въ частности: анализъ отношенія Хиландарской Повѣсти къ Паннонскимъ Житіямъ свв. Кирилла и Меѳодія (стр. 33 дал.), зависимость греческаго житія Климента отъ Паннонскихъ Житій (стр. 63 дал.), отношеніе къ славянскому житію св. Наума и другимъ первоисточникамъ, и въ связи съ этимъ опредѣленіе научно-исторической цѣнности разныхъ отдѣловъ житія (до стр. 89),—в) многія частныя и весьма удачныя объясненія трудныхъ мѣстъ въ источникахъ, какъ то: „Канаонъ, Каонъ, Катаонъ“, объясняемое авторомъ на основаніи Хиландарской Повѣсти греческимъ: *κατὰ ναὸν* (стр. 31—33),—продажа и разсѣяніе учениковъ Меѳодія — сообщеніями житія Наума (стр. 139. 149) и др.,—2) *по отношенію къ самой жизни и дѣятельности* св. Климента: а) *широкое освѣщеніе ихъ* въ связи съ общимъ состояніемъ и условіями славянскаго просвѣщенія эпохи св. Климента,—б) и, особенно,

раскрытіе того огромнаго *значенія*, какое имѣлъ здѣсь св. Климентъ въ качествѣ неутомимаго и безстрашнаго борца *въ мощной защитѣ и утвержденіи славянства*, какъ съ „треязычниками“ византійскими, такъ и особенно съ нѣмецко-католическими претензіями Рима, такъ что въ св. Климентѣ „Болгарскій языкъ“ (народъ), а въ его лицѣ и все славянство, дѣйствительно имѣетъ своего „перваго епископа“ національнаго, какъ благовѣстника и служителя славянской идеи посредствомъ не только практической дѣятельности, но и „посредствомъ славянской грамоты, славянской литературы и славянскаго богослуженія“ (стр. 111),—сюда же относятся *частности*: выясненіе отношенія Климента къ Охридскому монастырю (201 стр. дал.), удачная поправка въ переводѣ и истолкованіи словъ житія: *παραλύσας αὐτὸν τῆς διοικήσεως* (стр. 176), изысканія относительно названій: Кутмичивица, Дѣволъ (стр. 177 дал.), Катокій (стр. 183 - 184 прим.) Дремвица или Велица (стр. 194 ср. 206).

III. Наконецъ автору выпало рѣдкое въ подобныхъ предметахъ счастіе, если не открыть, то *впервые привлечь къ изслѣдованію новый матеріалъ и дать ему научную оцѣнку*, именно: хотя и бывшіе извѣстными, но по странной случайности доселѣ остававшіеся неиспользованными, греческіе списки житія Климента: три—неполнаго, находящіеся на Аѳонѣ, и одинъ списокъ пространнаго житія въ сборникѣ Григоровича, хранящемся въ Румянцовскомъ Музеѣ. Особенную цѣнность имѣетъ послѣдній списокъ, по своему гораздо болѣе исправному тексту сравнительно съ доселѣ бывшимъ въ употребленіи преимущественно въ изданіи Миклошича, перепечатанномъ у Миня. На основаніи этого списка г. Туницкій вноситъ поправки въ теперешній текстъ и даетъ разъясненія представлявшихся въ немъ недоумѣній, изъ коихъ наиболѣе важны: указаніе на поэтическіе богослужебные труды св. Климента, о коихъ доселѣ не было прямыхъ свидѣтельствъ (стр. 15),—и имя одного изъ вельможъ царя Бориса—Домета вм. Довета (стр. 16).

Наконецъ, уже внѣ взятыхъ категорій, требуютъ упоминанія: проникающая весь трудъ любовь автора къ славянству, сообщающая его книгѣ пріятный тонъ,—краткость и отчетливость изложенія, значительно сокращающія внѣшній объемъ труда,—изящная простота стиля, облегчающая чтеніе столь серьезной и спеціальной научной работы.

Въ качествѣ *недостатковъ* работы г. Туницкаго, въ собственномъ и точномъ смыслѣ слова, могу указать:

А) Странное для меня отсутствіе использованія извѣстнаго автору, но еще никѣмъ не использованнаго, пространнаго греческаго житія, принадлежащаго Охридской митрополіи. Все житіе по своему объему такъ невелико (23 столбца Патрологіи Миня), полученіе копіи и даже въ фотографическомъ снимкѣ въ настоящее время такъ легко и дешево, а житіе, въ виду малочисленности его списковъ, такъ важно, что остается только удивляться тому самоотреченію, съ какимъ авторъ, при его несомнѣнной и горячей любви къ предмету своего изслѣдованія, могъ перенести это лишеніе, можно сказать, насущнаго хлѣба своей работы.

Б) Но уже совсѣмъ для меня непонятнымъ представляется въ книгѣ г. Туницкаго отсутствіе научно-критическаго изданія всего, находившагося въ его распоряженіи, первоисточника его работы, въ виду именно ограниченности этого первоисточника, при его огромной важности. Впрочемъ упрекъ этотъ можетъ быть наполовину снятъ съ автора, такъ какъ даже Академія Наукъ доселѣ не позаботилась о такомъ изданіи этихъ матеріаловъ, предоставляя довольствоваться уже давно устарѣлымъ изданіемъ Миклошича и русскимъ переводомъ Менщикова (1855 г.), не всегда исправнымъ [1]).

---

[1]) Даже при моемъ кратковременномъ знакомствѣ съ этимъ переводомъ и безъ спеціально-корректорскихъ цѣлей, мною замѣчены слѣдующія неисправности: гл. I. *οὐ ταύτῃ μόνον*—„и не поэтому только“, надо: не сегодня только,—*ἀμφιδέξιοι*—„угодные“, надо: искусные. III. *πρὸς τὸν Ῥώμης*—„въ Римъ“, надо: къ Римскому (папѣ),—*ἐμπρέπων* „возсѣдавшій“, надо: блиставшій,—*ἐκεῖ λειτουργήσοντα κτλ*—„чтобы тамъ, внутри скиніи истинной совершать служеніе... пріобщатися... причащатися“, надо: для служенія тамъ... пріобщенія... причащенія,—*τῆς περισσοτέρας*—„высшей“, надо: преизобильнѣйшей,—VIII. опущено *εὐνούστερον*—охотнѣе,—*ποτὶ δὲ διδάσκοντος τὸν Θεὸν τῷ Ἀβραὰμ... ὠνομάσθαι, ἀλλ' οὐ νεκροῖς ἐπιλέγεσθαι*—„то учитъ, что Богъ Авраама... называется Богомъ живыхъ, а не мертвыхъ“, точнѣе надо: что Богъ Аврааму... какъ живымъ, но не мертвымъ,—*καθ' ἡμῶν* (?)—надо: *ὑμῶν* см. изд. Миня,—*υἱὸς βασιλέως ὁ τοῦ Πατρὸς Υἱός*—сынъ царевъ есть Присносущнаго (этого слова нѣтъ въ оригиналѣ) Отца Сынъ,—*φίλον καλεῖν*—„называетъ“,—надо: обычно называетъ,—*ὡς εἶχεν ἡ ἐκκλησία, ἓν ἅγιον πνεῦμα φαίνεται*—„Церковь доселѣ признаетъ единаго Духа Святаго“, надо: какъ было, церковь является проповѣдующею

В) Въ качествѣ недостатка болѣе частнаго могу указать на то, что въ изслѣдованіи вопроса объ отношеніи составителя пространнаго греческаго житія къ личности Θеофилакта Болгарскаго авторъ руководится частію слишкомъ общими критеріями (біографъ былъ грекъ, онъ рѣзко отзывается о болгарахъ и ихъ языкѣ), а частію слишкомъ узкимъ

одного (Духа) Святаго,—*τῷ σωματικῷ κόσμῳ* „вещественному міру", надо: тѣлесному,—*χορηγεῖται..... ἐπὶ πᾶσιν*—опущено послѣднее: на всѣхъ или на все,—IX. *ἐξέθετο... ὑστέρημα*—„изложивши... какъ сынъ, сохраняя наслѣдіе отца", надо: изложилъ и... но чего ему недоставало, такъ какъ тогда вѣдь не поднимались вопросы (споры) о Духѣ,—это онъ (второй Константинопольскій соборъ), какъ дочь недостатокъ матери, восполнилъ и исправилъ,—*τοῖς ἀπὸ γῆς φωνοῦσι κατὰ τοὺς ἐγγαστριμύθους*—„которые подымаютъ вопль съ земли, по внушенію чревовѣщателей", Миклошичъ у Migne: qui de terra *contra*(?) divinitus inspiratos (?) loquuntur (совсѣмъ невѣрно),—надо: кои отъ земли вопіютъ подобно чревовѣщателямъ,—*τούτῳ καὶ τὴν ἐκκλησίαν παραδώσω· καὶ τὸ τῆς ἐκκλησίας ἐπιδώσω κατὰ τὸ εἶκος πρεσβυτέριον*—„тому и Церковь вручу и представлю завѣдываніе дѣлами церковными по чину пресвитерскому (? что такое?),—надо: тому... и пресвитерство церковное (Церкви), какъ подобаетъ, предоставлю, ср. Миклошичъ: cui adjiciam, ut convenit, ecclesiae presbyterium,—XI. *ἀτεχνῶς*—„поистинѣ", лучше: просто, явно, очевидно,—*δόγματι* „ученію", надо: догмату,—*ὑπελογύζοντο* „защищали", надо: доказывали, можетъ быть должно читать: *ἀπελογίζοντο*,—XVII. *τὸν ὄχλον φεύγουσιν*—„избѣгая безпокойствъ(?) надо: толпы, суматохи, смуты,—XX. *ὅτι... δέδεκτο*—„въ которое... даровано было", надо: потому что такое благо отъ Бога получено было (отъ *δέχομαι*, а не *δίδωμι*),—*μετὰ ταῦτα... σκοπήσας... προβάλλεται... καθίσταται... τὸ τῆς ἀξίας ὕψος ὑπόβαθρον*—послѣ того... соблюдавши... высоту достоинства сдѣлалъ", надо: посовѣтывавшись (спросивъ, Микл. consultis)... этотъ высокій санъ сдѣлалъ ступенью,—XXI. *τὴν ἄγνοιαν διορθούμενος*—„изгоняя", надо: исправляя невѣжество,—*ὥστε τελέσαι...* такъ что наконецъ (этого слова нѣтъ въ оригиналѣ) клирики его паствы были... въ этомъ родѣ (этихъ словъ нѣтъ въ оригиналѣ), а между тѣмъ болѣе всѣхъ и пр.", надо: такъ что клириковъ своей епископіи сдѣлалъ ни въ чемъ не уступающими..., напротивъ, болѣе всѣхъ увѣнчанными всѣми достоинствами,—*θρησκείας*„—служенія", лучше: богослуженія,—*ἀγνώμονας*—„неблагодарныхъ", кажется лучше: несвѣдущихъ, неразумныхъ,—XXII. *τὸ γνῆσιον*—„въ познаніи", надо: разумѣніи,—*παιδευτικοῦ λόγου*—„поучительныхъ словъ", надо: проповѣдническихъ,—„поучительныя (этого слова нѣтъ въ оригиналѣ),—*τὰς τῶν ἁπλουστέρων ψυχάς*"—„души слабѣйшихъ", надо: простѣйшихъ,—*ἀσάρκου μικροῦ*—„безплотнаго", надо: почти безплотнаго,—*φέρονται... σωζόμενα*—„говорятъ, что сохраняются", надо: извѣстно, что сохраняются (ср. гл. XXIII, гдѣ рѣчь о томъ, что св. Климентъ оставилъ эти творенія въ монастырѣ своемъ, слѣд. трактуются какъ извѣстныя автору житія),—*τὴν πανάμωμον* „пречистыя", лучше: всенепорочныя,—

масштабомъ полемики съ латинами объ исхожденіи Святаго Духа. Нѣтъ болѣе широкаго и всесторонняго охвата авторской личности составителя житія и Θеофилакта,—предметъ не взятъ со сторонъ — лингвистической, стилистической, идейной,—авторъ не задается вопросомъ о типѣ библейскаго текста, коимъ пользуются біографъ Климента и Θеофилактъ, оставлены внѣ изслѣдовательнаго горизонта и другіе нѣкоторые, выработанные современною исагогическою дисциплиною, критеріи, благодаря коимъ рѣшеніе многихъ вопросовъ изъ области предположеній можетъ ставиться на почву полной, иногда принудительной, вѣроятности, даже необходимости. Тоже можно сказать относительно аргументаціи автора въ рѣшеніи вопроса о національности св. Климента.—

XXIII. „старался изгнать изъ сердецъ (этого слова нѣтъ въ оригиналѣ) Болгаръ нерадѣніе къ дѣламъ благочестія"—*περὶ τὰ θεῖα*—надо: къ божественнымъ предметамъ, къ богопочтенію,—XXIV нач. надо: имѣя такую любовь къ Богу и любя Отца Небеснаго, какъ Сынъ, неужели Онъ не имѣлъ какихъ-либо свидѣтельствъ отъ Него Его взаимной любви къ Нему?—*ταύτῃ τοι*—„такимъ образомъ", лучше: поэтому,—*ἄχρις... ἐνδημοίη:* пока будетъ находиться въ мірѣ—вмѣсто: „доколѣ не преставится изъ міра сего",—XXV. *δι' εὐλάβειαν* -изъ благоговѣнія—вмѣсто: по страху,—*ἐπεὶ... ἐπίκειται καὶ τὸ τῶν πολλῶν...* „какъ старость и множество различныхъ трудовъ совершенно лишаютъ меня..." надо: какъ старость обременяетъ меня и множество... пропущены слова: если же я не имѣю силъ къ заботамъ о церкви, ради чего другаго я буду обладать этимъ достоинствомъ?—*ἧς ἀπέχειν προσῆκε* — „котораго (епископства) поэтому (нѣтъ въ подлинникѣ) долженъ быть чуждъ", надо: коего долженъ устраняться (воздерживаться),—*μὴ δὴ θελήσῃς... ἰδεῖν... ἀκμαιοτέρων*—не допусти... сильнѣйшихъ и способнѣйшихъ", надо: не дай... видѣть.. сильнѣйшихъ,—*ἐγκατάλειψις*—„отреченіе" вм.: оставленіе,—надо: зачѣмъ же заставлять дѣтей оплакивать твое безпричинное удаленіе?—XXVI. надо: внутренній его человѣкъ обновлялся въ такой мѣрѣ, въ какой внѣшній,—вмѣсто: „раздѣлъ его" надо: то и другое,—XXIX. надо: пришли къ блаженному и предуказали... и хотя онъ (вмѣсто: и такъ онъ)... *τῇ θεραπείᾳ*—„къ служенію" надо: исцѣленію,—*πολὺς ἦν τὴν ἐξομολόγησιν* „изливался въ исповѣданіи своемъ предъ Богомъ", лучше: долго выражалъ свое исповѣданіе,—*ὀχληρὸς ἤδη*—„уже скучнымъ становился", лучше: сталъ уже надоѣдать,—„то наконецъ" (нѣтъ въ оригиналѣ),—вмѣсто: „сколь много... получили" лучше: сколь многимъ даровано,—XXIX. *ἐφ' ᾗ*—„въ которой" надо: на которой,—„потомъ" нѣтъ въ подлинникѣ,—*ἣν στήσαις* „пажити, Тобою указанной" лучше: пастбища, которое Ты установилъ (устроилъ, далъ—Микл.: quam constituas),—вм.: „людямъ Твоимъ" лучше: народу Твоему,—нѣтъ „Св." предъ „Духа."

Есть въ трудѣ г. Туницкаго и еще нѣсколько, мною замѣченныхъ, мелкихъ частностей, кажущихся мнѣ недостатками, но для сужденія о магистерствѣ автора никакого значенія не имѣющихъ, коихъ разъясненіе я оставляю до коллоквіума.

Вышеуказанныя достоинства разсматриваемой книги даютъ ей безпрекословное право на увѣнчаніе магистерскою степенью, далеко возвышая трудъ г. Туницкаго надъ среднимъ уровнемъ академическихъ диссертацій.

Болѣе того. На предстоящемъ вскорѣ, именно въ 1916-мъ году, общеславянскомъ праздникѣ тысячелѣтія со дня смерти великаго славянскаго учителя, святаго Климента Словенскаго,—какъ эта работа г. Туницкаго, пока единственная въ славяно-русской литературѣ по своей полнотѣ, основательности и безпристрастности, такъ тѣмъ болѣе уже готовые къ выходу въ свѣтъ другіе его, еще болѣе обширные, труды по изученію и изданію литературныхъ твореній Климента (см. предисловіе къ рецензированной книгѣ), —сдѣлаютъ большую честь не нашей только академіи, но всему русскому славяновѣдѣнію".

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 172*: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній".—2) И. д. доцента *Н. Л. Туницкій* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1903 году со степенью кандидата богословія и правомъ при искаціи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.—3) По § 109 лит. *а* п. 15 устава—„распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученыя степени и оцѣнка оныхъ (§§ 172 и 173)" значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.—4) 65 экземпляровъ напечатанной диссертаціи и. д. доцента Н. Л. Туницкимъ Преосвященному Ректору Академіи представлены.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и

признавая представленное на соисканіе степени магистра богословія (въ печатномъ видѣ) и. д. доцента Академіи *Н. Л. Туницкимъ* сочиненіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ достаточнымъ для сей степени,—допустить г. Туницкаго къ защитѣ сочиненія на коллоквіумѣ.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертаціи назначить сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*.—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквіума и пригласить къ участію въ послѣднемъ сторонних лицъ.

VII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ догматическаго богословія, кандидата богословія, *А. М. Туберовскаго*:

„Имѣю нужду почтительнѣйше просить Совѣтъ Московской Императорской Духовной Академіи—исходатайствовать мнѣ въ установленномъ порядкѣ отсрочку въ подачѣ сочиненія на степень магистра богословія, такъ какъ 16 августа 1913 года исполняется два года съ поступленія моего на службу Академіи. Просить меня объ этомъ побуждаютъ: случившаяся со мною лѣтомъ прошлаго года болѣзнь (плевритъ), отнявшая у меня много времени и силъ, и, кромѣ болѣзни, сложность взятой мною темы для сочиненія".

Справка: 1) Согласно ходатайству Совѣта Академіи, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 27 іюня 1911 года за № 8669 преподаватель Калужской духовной семинаріи, кандидатъ богословія, *А. М. Туберовскій* утвержденъ былъ въ должности преподавателя Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ догматическаго богословія, въ званіи и. д. доцента, *съ 16 августа 1911 года*.—2) По § 67 устава духовныхъ академій: „Для полученія должности доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія. *Примѣчаніе*. На вакансію доцента можетъ быть опредѣленъ въ качествѣ и. д. доцента кандидатъ богословія, но не болѣе, какъ на два года".

Опредѣлили: Признавая просьбу и. д. доцента Академіи *А. М. Туберовскаго* заслуживающею уваженія, просить хода-

тайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи г. Туберовскому срока представленія магистерской диссертаціи до 16 августа будущаго 1914 года.

VIII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова*:

„Новый академическій Уставъ расширилъ учебную программу преподаванія Церковной археологіи введеніемъ Исторіи христіанскаго искусства, какъ самостоятельнаго предмета. Такая учебная постановка преподаваемой мною дисциплины значительно расширяетъ кругъ моихъ занятій и заставляетъ детально знакомиться съ предметами церковнаго искусства и обихода Запада, рекомендуя вести изученіе Церковнаго искусства вообще сравнительнымъ методомъ. Это послѣднее, конечно, возможно послѣ обстоятельнаго знакомства съ памятниками не только изданными научно, но и еще находящимися въ ризницахъ храмовъ, витринахъ музеевъ и т. д. Кромѣ того, моя дисциплина по-преимуществу практическаго характера; для большей продуктивности преподаванія необходимо вести практическія занятія въ собственномъ смыслѣ: знакомить слушателей съ самими памятниками Церковнаго искусства если не въ оригиналахъ, то въ хорошихъ и правильныхъ копіяхъ. Въ настоящемъ учебномъ году (1912—13) я занимался главнымъ образомъ исторіей церковнаго зодчества русскаго, потому что имѣлъ подъ руками діапозитивы покупки пок. проф. А. П. Голубцова, по которымъ я могъ познакомить слушателей съ генезисомъ нашей церковной архитектуры. Перво-христіанскую типику и символику я иллюстрировалъ нѣсколькими (8) люцернами изъ академическаго музея. Въ ближайшемъ будущемъ я предполагаю читать спеціальный курсъ по исторіи христіанской иконографіи. Для этого необходимо имѣть подъ руками соотвѣтствующія копіи, модели и проч., которыхъ у насъ въ Академіи нѣтъ: наша библіотека не имѣетъ даже самыхъ элементарныхъ изданій по Исторіи христ. западнаго искусства. На пріобрѣтеніе всего этого даже и постепенными покупками при моей каѳедрѣ нѣтъ средствъ, потому что мой предшественникъ проф. А. П. Голубцовъ всю сумму (за исключеніемъ 4 руб. 50 коп.), ассигнованную на практиче-

скія занятія (110 руб.), израсходовалъ на покупку діапозитивовъ.

Послѣ всего вышесказаннаго считаю своимъ долгомъ обратиться въ Совѣтъ Академіи съ покорнѣйшей просьбой ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о командированіи меня на наступающій 1913—14 учебный годъ (съ сентября 1913 по сентябрь 1914 гг.) для личнаго ознакомленія съ памятниками церковнаго искусства внутри Россіи и за границей, съ ассигнованіемъ мнѣ на это особой командировочной суммы и суммы на пріобрѣтеніе указанныхъ выше необходимыхъ въ учебныхъ цѣляхъ копій, моделей и пр.

Командированіе меня на цѣлый годъ для научныхъ занятій внутрь Россіи и за границу вполнѣ возможно по слѣдующей причинѣ. Въ настоящемъ 1912/13 учебномъ году я имѣлъ часы лекціонныхъ и практическихъ занятій на III и IV кк. Согласно же примѣрному распредѣленію учебныхъ предметовъ по курсамъ въ Уставѣ Духовныхъ Академій, преподаваемая мною дисциплина внесена въ число предметовъ IV курса. Отсюда, въ будущемъ 1913/14 году я могу быть, безъ ущерба въ учебномъ отношеніи, освобожденъ отъ чтенія лекцій и веденія практическихъ занятій.

Вмѣстѣ съ симъ, имѣю честь заявить Совѣту Академіи о своемъ желаніи дать темы для семестровыхъ сочиненій на III к. во второй половинѣ будущаго года (1913/14) въ качествѣ подготовки слушателей къ спеціальному курсу по моей каѳедрѣ".

Опредѣлили: Признавая просьбу и. д. доцента Академіи *Н. Д. Протасова* заслуживающею уваженія и подтверждая, что отъ заграничной командировки его для учебнаго дѣла въ Академіи дѣйствительно не представляется никакихъ неудобствъ, — просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ: а) о командированіи и. д. доцента Протасова на будущій 1913 — 1914 учебный годъ, съ научною цѣлью, заграницу, съ сохраненіемъ за нимъ правъ службы и содержанія по должности доцента Академіи; б) о назначеніи г. Протасову, сверхъ упомянутаго содержанія, пособія на расходы по означенной командировкѣ изъ духовно-учебнаго капитала въ количествѣ *шестисотъ рублей* (*600 р.*) и в) объ отпускѣ въ распоряженіе г. Прота-

сова особой суммы на пріобрѣтеніе указанныхъ въ его прошеніи учебныхъ пособій для практическихъ занятій студентовъ Академіи, въ размѣрѣ *двухсотъ рублей* (*200 р.*).

IX. Отчетъ профессорскаго стипендіата Академіи *Василія Муратова* объ его занятіяхъ въ теченіи 1912—1913 учебнаго года.

Опредѣлили: Отчетъ передать для разсмотрѣнія ординарному профессору Академіи *С. С. Глаголеву.*

X. Отношенія:

а) Высокопреосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, отъ 16 мая за № 1524, съ увѣдомленіемъ о полученіи высланныхъ въ Канцелярію Его Высокопреосвященства, для пользованія епархіальнаго миссіонера протоіерея Симеона Никольскаго, изданій Библіи на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ и еврейско-русскаго словаря Штейнберга.

б) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 27 апрѣля за № 1203, съ возвращеніемъ рукописи Волоколамской библіотеки подъ № 3 („Стихирарь").

в) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 29 апрѣля и 8 мая за №№ 1219 и 1307, съ препровожденіемъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки: а) подъ № 927 (Сборникъ XVI в.) –на трехмѣсячный срокъ; б) подъ №№ 381 (Уставъ греческій), 380 (Уставъ греческій), 488 (Уставъ греческій) и 163/262 (Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго)—на двухмѣсячный срокъ.

г) Совѣта Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 13 мая за № 425, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, двухъ рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря подъ №№ 101—1178 и 730—987.

Справка: Всѣ означенныя въ п. п. *б, в* и *г* рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Отношеніе о. Настоятеля Волоколамскаго Іосифова монастыря, Московской епархіи, архимандрита Нифонта, отъ 5 мая за № 72:

„Вслѣдствіе отношенія Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи отъ 26 апрѣля 1913 г. за № 174, имѣю честь почтительнѣйше увѣдомить, что рукопись „Сборникъ“, за № 664, можетъ быть выслана только съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства“.

Опредѣлили: Почтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи о. Настоятелю Волоколамскаго Іосифова монастыря выслать въ Академію, на трехмѣсячный срокъ, рукопись монастырской библіотеки подъ № 664 („Сборникъ“), необходимую студенту Академіи Николаю Лебедеву при составленіи курсового сочиненія.

XII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства *И. Г. Айвазова* о выпискѣ ему, для научныхъ занятій, изъ различныхъ Окружныхъ Судовъ слѣдственныхъ производствъ и судебныхъ дѣлъ о русскихъ сектантахъ.

Опредѣлили: Просить Г.г. Предсѣдателей подлежащихъ Окружныхъ Судовъ о высылкѣ въ Академію, на шестимѣсячный срокъ, для научныхъ занятій и. д. доцента И. Г. Авайзова, указанныхъ въ его прошеніи дѣлъ о русскихъ сектантахъ.

XIII. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 20 мая за № 2069:

„По встрѣтившейся надобности Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи сообщить Комитету о суммѣ долга духовному вѣдомству за содержаніе а) въ семинаріи и б) въ академіи кандидата названной академіи, выпуска 1910 года, *Николая Попова*.

Справка: Отношеніемъ отъ 24 сего мая за № 218 Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ сообщено, что кандидатъ Академіи выпуска 1910 года *Николай Поповъ* состоялъ въ Академіи на своемъ содержаніи; за казенное же содержаніе

въ Якутской духовной семинаріи обязанъ уплатить, при выходѣ изъ духовнаго вѣдомства, — *восемьдесятъ пять рублей (85 р.)*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Отношеніе Правленія Саратовской Духовной Семинаріи, отъ 4 мая за № 655:

„Вслѣдствіе отношенія Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 30 апрѣля сего года за № 1850, Правленіе Саратовской Духовной Семинаріи долгъ имѣетъ препроводить при семъ въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи аттестатъ дѣйствительнаго студента Академіи Димитрія *Яхонтова* за № 429, съ просьбою о полученіи аттестата увѣдомить".

Опредѣлили: Увѣдомить Правленіе Семинаріи о полученіи означеннаго въ отношеніи документа.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „17 іюня 1913. Исполнить".

5 іюня 1913 года.

№ 7.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, — Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры — С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарный профессоръ С. И. Соболевскій и экстраординарный профессоръ И. В. Поповъ.

Въ собраніи семъ исправляющій должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ исторіи русской литературы, кандидатъ богословія, *Николай Ту-*

ницкій защищалъ на коллоквіумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію подъ заглавіемъ: „Св. Климентъ, Епископъ Словенскій. Его жизнь и просвѣтительная дѣятельность“. Сергіевъ Посадъ, 1913 г.

Оффиціальными оппонентами были: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Академіи *М. Д. Муретовъ* и экстраординарный профессоръ *С. И. Смирновъ*.

По окончаніи коллоквіума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта — достойнымъ утвержденія въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи.

Справка: 1) По *§ 172* устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ Академіи достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній“.—2) По *§ 67* того же устава: „Для полученія должности доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія“.—3) По *§ 109 лит. в. пп. 6 и 2 устава*, какъ „удостоеніе степени магистра богословія“, такъ и „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ“—значатся въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, *Н. Л. Туницкаго* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ исторіи русской литературы. — 2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ пятнадцать экземпляровъ диссертаціи кандидата Туницкаго и копіи съ отзывовъ о ней экстраординарнаго профессора *С. И. Смир-*

нова и сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова.*

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „17 іюня 1913. Исполнить“.

5 іюня 1913 года.

№ 8.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, — Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры — П. П. Соколовъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарный профессоръ С. И. Соболевскій и экстраординарный профессоръ И. В. Поповъ.

Слушали: Внесенное *Преосвященнымъ Ректоромъ* Академіи представленіе его, отъ 25 мая сего года за № 221, на имя Его Высокопреосвященства слѣдующаго содержанія:

„На основаніи § 70 устава духовныхъ академій мною предложено было г.г. преподавателямъ Академіи представить мнѣ къ 20 мая сего 1913 года своихъ кандидатовъ на открывшуюся въ Академіи, за смертію заслуженнаго ординарнаго профессора А. И. Введенскаго, вакансію штатнаго преподавателя *систематической философіи и логики.*

Къ означенному сроку поступило ко мнѣ лишь *одно* представленіе, подписанное ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ основного богословія *С. С. Глаголевымъ* и и. д. доцента по каѳедрѣ исторіи философіи *священникомъ П. А. Флоренскимъ,* слѣдующаго содержанія:

„Въ качествѣ желательнаго преподавателя *систематической философіи и логики* долгъ имѣемъ рекомендовать вниманію

Совѣта оканчивающаго курсъ Академіи въ этомъ году студента *Ѳеодора Андреева.*

Каѳедра философіи требуетъ отъ преподавателя основательнаго общаго образованія. Изъ всѣхъ представляющихся намъ возможными кандидатовъ на каѳедру г. Андреевъ является наиболѣе удовлетворяющимъ этому условію. Питомецъ двухъ высшихъ школъ—института гражданскихъ инженеровъ и Московской Духовной Академіи — онъ, видно, прекрасно усвоилъ не только то, что дали ему эти школы, но и занимался самостоятельно своимъ образованіемъ. Онъ хорошо знакомъ съ западно-европейскими литературами (это можно видѣть изъ его кандидатскаго сочиненія), хорошо знакомъ съ исторіей. Реалистъ по первоначальному образованію, онъ ознакомился съ древними языками—латинскимъ, греческимъ и еврейскимъ.

Г. Андреевъ владѣетъ свободно французскимъ и нѣмецкимъ языками, переводитъ по англійски. Онъ обладаетъ математическими и физико-химическими познаніями, которыя требуются для преподаванія философскихъ дисциплинъ.

Но, конечно, для преподавателя философіи самое важное—знаніе философіи и любовь къ философіи. О любви г. Андреева къ философіи свидѣтельствуетъ все его пребываніе въ Академіи. Для своихъ семестровыхъ сочиненій онъ всегда, если было возможно, выбиралъ темы философскаго характера. Онъ писалъ на такія темы: 1) Отношеніе Вл. С. Соловьева къ принципу эволюціи (5+), 2) Что такое религіозное познаніе? (5), 3) Диссертація Канта De igne (5+), 4) Этико-религіозный субъективизмъ въ отношеніи къ объективно - историческому познанію (5+), 5) Новѣйшій миѳологизмъ (5+), 6) Элевзинскія мистеріи (5). Но главнымъ образомъ о его любви къ философіи, его познаніяхъ и его способности разрабатывать философію свидѣтельствуетъ его кандидатская диссертація—Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ богословъ и философъ. Г. Андреевъ прекрасно изучилъ эпоху Самарина въ философскомъ отношеніи, изучилъ тѣхъ философовъ, ученіями которыхъ питалась и руководилась русская философская мысль этой эпохи, особенно тщательно и широко изучилъ Гегеля. Гегель не принадлежитъ къ числу философовъ, которыхъ легко понять и усвоить, и въ то же время Гегель принадлежитъ къ числу философовъ,

которыхъ необходимо понять и изучить. Гегеля игнорировали около полустолѣтія, но теперь его систему стали изучать снова, правда, не какъ послѣднее слово философіи, но во всякомъ случаѣ какъ одно изъ грандіозныхъ созданій философской мысли. Да кто можетъ читать Гегеля, тотъ понятно можетъ читать и всякаго другого философа.

Покойный профессоръ философіи А. И. Введенскій уже давно обратилъ вниманіе на г. Андреева. Г. Андреевъ выразилъ желаніе работать подъ его руководствомъ и Алексѣй Ивановичъ предложилъ ему тему для кандидатскаго сочиненія „Аксіологія Абсолютнаго". Для этой работы г. Андреевъ долженъ былъ изучать и изучалъ философію Шопенгауэра и Гартмана. Но потомъ по предложенію А. И-ча онъ занялся изученіемъ воззрѣній Самарина, о которомъ и далъ теперь капитальный трудъ. Умирая Ал. И-чъ говорилъ, что онъ хотѣлъ бы видѣть своимъ преемникомъ Андреева. Почившій философъ находилъ въ своемъ ученикѣ всѣ качества требуемыя отъ философа—любовь къ наукѣ вообще и философіи въ особенности, изумительное трудолюбіе, талантливость. И едва ли кто изъ тѣхъ, кто знаетъ г. Андреева, откажетъ ему въ этихъ качествахъ.

Въ философіи важно направленіе. Православная Академія своимъ именемъ указываетъ, какіе люди могутъ собираться подъ ея знаменемъ и какимъ людямъ въ ней нѣтъ мѣста. Московская академія давала до сихъ поръ философію, оправдывающую православную вѣру нашихъ отцовъ. Г. Андреевъ уже тѣмъ, что явился въ нашу академію изъ чуждой, недуховной среды, показалъ, что онъ тяготѣетъ къ этой философіи. Но это не только нашъ дедуктивный выводъ. Г. Андреевъ извѣстенъ многимъ въ академической средѣ. Извѣстны слѣдовательно его глубокая религіозность, его скромность, его возвышенно-идеалистическое направленіе".

Вполнѣ присоединяясь къ лестной рекомендаціи, данной въ этомъ представленіи оканчивающему нынѣ академическій курсъ студенту Ѳеодору *Андреєву*, и подтверждая, съ своей стороны, что покойный профессоръ А. И. Введенскій, сознавая близость смерти, дѣйствительно намѣчалъ его своимъ преемникомъ по каѳедрѣ, долгомъ считаю, на основаніи § 71 устава духовныхъ академій, почтительнѣйше ходатайство-

вать предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи допустить Андреева къ чтенію пробныхъ лекцій по вакантной каѳедрѣ систематической философіи и логики".

На семъ представленіи резолюція Его Высокопреосвященства за № 2623: „29 мая 1913 г. Согласенъ. *М. Макарій*".

Справка: Устава духовныхъ академій *§§ 70—71*: „При открывшейся вакансіи штатнаго преподавателя профессора Академіи представляютъ ректору своихъ кандидатовъ съ подробной ихъ рекомендаціей и съ указаніемъ на ихъ ученые труды, если таковые имѣются. Ректору же подаютъ прошенія и другія лица, желающія занять освободившуюся каѳедру.—Ректоръ, по собраніи необходимыхъ свѣдѣній, представляетъ Архіерею списокъ кандидатовъ съ своимъ заключеніемъ о каждомъ изъ нихъ. Архіерею предоставляется исключить изъ этого списка тѣхъ изъ кандидатовъ, которыхъ онъ признаетъ нежелательными на академической службѣ, о прочихъ же онъ предлагаетъ Совѣту для назначенія имъ двухъ пробныхъ лекцій каждому: одной — на тему по собственному избранію, а другой—по назначенію Совѣта. Совѣтъ, по сравнительной оцѣнкѣ прочитанныхъ лекцій, избираетъ наиболѣе, по его мнѣнію, достойнаго кандидата, котораго и представляетъ къ утвержденію установленнымъ порядкомъ".

Опредѣлили: 1) Тему для второй пробной лекціи оканчивающаго нынѣ академическій курсъ *Ѳеодора Андреева* поручить дать ординарному профессору Академіи по каѳедрѣ основного богословія и временному преподавателю систематической философіи и логики *С. С. Глаголеву*. 2) Назначеніе дня собранія Совѣта для выслушанія пробныхъ лекцій г. Андреева предоставить Преосвященному Ректору Академіи, по соглашенію съ лекторомъ.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „17 іюня 1913. Исполнить".

7 іюня 1913 года.

№ 9.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ, экстраординарные профессоры—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры С. И. Соболевскій и М. М. Богословскій, экстраординарные профессоры П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Въ собраніи семъ исправляющій должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ литургики, кандидатъ богословія, *священникъ Илья Гумилевскій* защищалъ на коллоквіумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію подъ заглавіемъ: „Ученіе Святаго Апостола Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ". Сергіевъ Посадъ, 1913 г.

Оффиціальными оппонентами были: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Академіи *М. Д. Муретовъ* и экстраординарный профессоръ священникъ *Е. А. Воронцовъ*.

По окончаніи коллоквіума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта — достойнымъ утвержденія въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи.

Справка: Устава духовныхъ академій *§§ 172, 67 и 109, лит.* в, *пп. 6 и 2.*

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Императорской

Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, *священника И. В. Гумилевскаго* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ литургики.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Сѵнодъ — пятнадцать экземпляровъ диссертаціи священника Гумилевскаго и копіи съ отзывовъ о ней сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „17 іюня 1913. Исполнить".

10 іюня 1913 года.

№ 10.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ экстраординарные профессоры—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры С. И. Соболевскій и М. М. Богословскій, экстраординарные профессоры Н. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „6 апр. 1913. Въ Совѣтъ Академіи къ свѣдѣнію и руководству"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 3 апрѣля с. г. за № 5565:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 24 Января сего года № 36, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духов-

ной академіи *о преподаніи разъясненій относительно нѣкоторыхъ параграфовъ устава духовныхъ академій.* Приказали: Ваше Преосвященство представляете Святѣйшему Сѵноду ходатайство Совѣта Императорской Московской духовной академіи о разъясненіи возникшихъ въ Совѣтѣ недоумѣній по вопросамъ: а) какъ согласовать тѣсно связанные между собою §§ 165 и 171 нынѣ дѣйствующаго академическаго Устава, изъ коихъ по первому „студенты IV-го курса, представившіе удовлетворительное курсовое сочиненіе и за все пребываніе въ академіи не получившіе ни одного неудовлетворительнаго балла, утверждаются въ степени кандидата богословія и причисляются: при среднемъ выводѣ за всѣ года обученія не менѣе $4^1/_2$ къ первому разряду, а при среднемъ выводѣ не менѣе $3^1/_2$ ко второму разряду“, а по второму „кандидаты богословія, числящіеся по первому разряду, пользуются правомъ на полученіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній, числящіеся же по второму разряду должны, для удостоенія степени магистра богословія, выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ они получили баллъ ниже 4“,—въ виду того, что теоретически вполнѣ возможенъ случай, когда извѣстный студентъ въ теченіе академическаго курса по всѣмъ предметамъ получитъ одинъ и тотъ же баллъ 4; какъ имѣющій въ среднемъ выводѣ менѣе $4^1/_2$, на основаніи § 165-го Устава, будетъ причисленъ ко второму разряду и затѣмъ пожелаетъ имѣть степень магистра богословія; по какимъ же предметамъ Совѣтъ Академіи, въ силу требованій § 171-го Устава, долженъ будетъ требовать отъ даннаго воспитанника новыхъ устныхъ испытаній, разъ у него не имѣется ни одного балла ниже 4, и б) въ виду того, что по §§ 160 и 162 нынѣ дѣйствующаго Устава духовныхъ академій, какъ при составленіи порядковыхъ списковъ, такъ и при переводѣ студентовъ изъ курса въ курсъ должны быть принимаемы во вниманіе отмѣтки не только на устныхъ испытаніяхъ, но и на письменныхъ работахъ, не слѣдуетъ ли выраженіе § 165 Устава: „.. при среднемъ выводѣ за всѣ года обученія“... понимать въ смыслѣ „средняго вывода изъ балловъ по устнымъ отвѣтамъ и письменнымъ работамъ за всѣ года обученія“ (на что, повидимому, даетъ право редакція одного изъ послѣдующихъ §§ Устава, именно — второй половины

§ 168-го) и, соотвѣтственно этому, отъ кандидатовъ второго разряда, ищущихъ степени магистра богословія, требовать не только новыхъ устныхъ испытаній по тѣмъ предметамъ, по коимъ они не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени, но и новыхъ письменныхъ работъ, взамѣнъ не вполнѣ удовлетворительныхъ. Выслушавъ изложенное, въ связи съ соотвѣтствующими §§ Уст. дух. акад., Святѣйшій Сѵнодъ находитъ, 1) что какой-либо несогласованности между §§ 165 и 171 Уст. дух. акад. не усматривается: по точному смыслу этихъ параграфовъ, кандидаты богословія, имѣющіе въ среднемъ выводѣ за всѣ года обученія въ академіи не менѣе $4^1/_2$, причисляются къ первому разряду и имѣютъ право на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, притомъ хотя бы по нѣкоторымъ предметамъ они имѣли баллъ ниже 4; имѣющіе же средній баллъ менѣе $4^1/_2$ причисляются ко второму разряду и, для соисканія степени магистра богословія, должны по тѣмъ предметамъ, по коимъ имѣютъ баллъ ниже 4, подвергаться новымъ испытаніямъ, послѣ удовлетворительной сдачи коихъ (баллъ не ниже 4),— но независимо отъ того, получится ли послѣ сихъ испытаній средній баллъ не ниже $4^1/_2$,—они только и допускаются къ соисканію на степень магистра богословія, 2) что выраженіе § 165 Уст. дух. акад.: „при среднемъ выводѣ за всѣ года обученія“, какъ усматривается изъ точнаго смысла сего параграфа и изъ сопоставленія его съ §§ 160 и 162 академическаго Устава, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ средняго вывода изъ балловъ за всѣ года обученія какъ по устнымъ отвѣтамъ, такъ и по письменнымъ работамъ, 3) что кандидаты богословія, окончившіе курсъ духовныхъ академій по второму разряду, для удостоенія степени магистра богословія, должны подвергаться, по точному смыслу § 171 академическаго устава, новымъ испытаніямъ лишь устнымъ, по тѣмъ предметамъ, по коимъ они получили баллъ ниже 4, и что 4) § 168 Уст. дух. акад., допускающій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для лицъ, окончившихъ духовную академію, сдачу новыхъ письменныхъ испытаній, относится, какъ это ясно выражено въ самомъ означенномъ параграфѣ, только къ лицамъ, выпущеннымъ изъ академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента, и новыя письменныя испытанія допускаетъ только для тѣхъ изъ нихъ, для коихъ причиной неполуче-

нія кандидатской степени былъ именно недостаточный средній баллъ по письменнымъ работамъ. Объ изложенномъ Святѣйшій Сунодъ опредѣляетъ: въ разрѣшеніе возникшихъ въ Совѣтѣ Императорской Московской духовной академіи недоумѣній послать Вашему Преосвященству указъ".

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Сунода принять къ свѣдѣнію и руководству. 2) Обсужденіе оставшагося неразрѣшеннымъ вопроса о томъ, какимъ же именно испытаніямъ при соисканіи степени магистра долженъ подвергаться кандидатъ богословія *второго* разряда, не имѣющій (при среднемъ выводѣ за всѣ года обученія менѣе $4^1/_2$) *ни одного балла ниже 4*,—отложить до того времени, когда на обсужденіе Совѣта будетъ представлена магистерская диссертація лицомъ, находящимся въ такомъ неопредѣленномъ положеніи.

II. Докладъ коммиссіи (въ составѣ: О. Инспектора Академіи *архимандрита Анатолія*, экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова* и доцента *Н. В. Лысогорскаго*), производившей ревизію кассы, приходо-расходныхъ книгъ и отчета редакціи академическаго журнала по изданію „Богословскаго Вѣстника" и свято-отеческихъ твореній за 1912-й годъ:

„Имѣемъ честь донести Совѣту Академіи, что, во исполненіе возложеннаго на насъ порученія отъ 20-го марта текущаго года, мы произвели ревизію кассы и приходо-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника" и нашли слѣдующее:

1) Всѣ процентныя бумаги редакціи, равно какъ наличныя деньги, которыя должны быть по отчету, находятся въ цѣлости;

2) Отчетъ за 1912 годъ составленъ редакціей согласно съ приходо-расходными книгами.

3) Приходо-расходныя, кассовыя и вспомогательныя книги редакціи найдены нами въ порядкѣ и исправности: всѣ листы, шнуры и печати въ цѣлости.

4) Записи въ нихъ прихода и расхода ведены чисто, безъ помарокъ, а тамъ, гдѣ онѣ имѣются, оговорены надлежащимъ образомъ и скрѣплены подписью г. Секретаря редакціи; страничные итоги и транспорты показаны правильно.

5) На всѣ расходы, произведенные редакціей, имѣются счета, росписки и другіе оправдательные документы.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Отзывъ ординарнаго профессора Академіи *С. С. Глаголева*:

„По поводу представленнаго мнѣ отчета о занятіяхъ профессорскаго стипендіата *В. Н. Муратова* честь имѣю сообщить слѣдующее:

Г. Муратовъ посвятилъ свой стипендіатскій годъ занятіямъ философіей. Онъ слушалъ лекціи по философіи въ Московскомъ Университетѣ и кромѣ того занимался уже ранѣе выбранною имъ темою о проблемѣ цѣнностей. Г. Муратовъ въ своемъ отчетѣ не говоритъ ни о планѣ, ни о руководящей идеѣ своихъ занятій. Онъ довольно догматично устанавливаетъ различіе между академической и университетской философіей, полагая это различіе въ томъ, что первая—религіозна и вслѣдствіе этого мистична, вторая—научна и вслѣдствіе этого раціональна. Если приводимое имъ содержаніе университетскихъ курсовъ сопоставить съ соотвѣтствующими курсами духовныхъ академій, то едва ли окажутся основанія для установленія *такого* различія. Да и терминъ „научная философія" имѣетъ свой специфическій смыслъ и подъ нее мудрено подвести нѣкоторые изъ излагаемыхъ имъ курсовъ.

Вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе то обстоятельство, зачѣмъ г. Муратовъ слушалъ всѣ излагаемые имъ курсы въ отчетѣ? Многіе изъ этихъ курсовъ предлагались слушателямъ съ меньшею философскою подготовкою, чѣмъ какою обладаютъ семинаристы, а г. Муратовъ ранѣе уже спеціально занимался философіею. Съ другой стороны очень жаль, что г. Муратовъ не упомянулъ въ отчетѣ—слушалъ ли онъ въ Университетѣ что-нибудь кромѣ философіи? Изученіе послѣдней обусловливается, вѣдь, изученіемъ прикладныхъ наукъ.

Но главнымъ дѣломъ г. Муратова, какъ видно изъ отчета, было занятіе проблемою цѣнности. Надъ этой проблемой г. Муратовъ поработалъ достаточно, и хотѣлось бы надѣяться, что плодомъ его занятій въ недалекомъ будущемъ явится магистерская диссертація".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Прошеніе и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ пастырскаго богословія съ аскетикой и гомилетики, кандидата богословія, *В. П. Виноградова*:

„Представляя при семъ въ печатномъ видѣ сочиненіе на тему: „Уставныя Чтенія. Историко-литургическое и гомилетическое изслѣдованіе. Выпускъ первый. Уставная регламентація и номенклатура Чтеній“,—прошу принять его на соисканіе степени магистра богословія и дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацію и. д. доцента Академіи В. П. Виноградова передать для разсмотрѣнія и. д. доцента по каѳедрѣ литургики *священнику П. В. Гумилевскому*.

V. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертаціи и. д. доцента В. П. Виноградова онъ назначаетъ члена Совѣта—ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ греческаго языка *С. И. Соболевскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Отчетъ и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова*:

„Долгъ имѣю предложить вниманію Совѣта Академіи краткій отчетъ о командировкѣ меня, въ качествѣ представителя Академіи, на Археологическій съѣздъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ, бывшій въ Москвѣ съ 25 по 30 мая с/г.

Настоящій съѣздъ былъ предваренъ закладкой 24 мая собственнаго зданія на Міусской площади въ присутствіи Великихъ Князей Петра Николаевича и Александра Михаиловича, архіепископа Алексія, епископовъ Василія, Владиміра, представителей ученыхъ и учебныхъ учрежденій, архивныхъ коммиссій и проч. Въ своей рѣчи Директоръ Института А. И. Успенскій отмѣтилъ щедрыхъ жертвователей — С. П. Рябушинскаго, княг. Тенишеву,—на средства которыхъ главнымъ образомъ и будетъ строиться заложенное зданіе.

25 мая въ присутствіи Великаго Князя Александра Михаиловича былъ торжественно открытъ съѣздъ, имѣвшій свои засѣданія въ зданіи Медвѣдниковской гимназіи. Были образованы восемь секцій: секція русской исторіи подъ предсѣдательствомъ Управл. Архив. Минист. Юстиц. Д. В. Цвѣтаева, секція Русской литературы подъ предсѣдательствомъ Орд. Акад. А. И. Соболевскаго, секція исторіи искусствъ подъ предсѣдательствомъ проф. В. К. Мальберга, секція археологіи (первобытной) подъ предсѣдательствомъ В. А. Городцова, секція архивовѣдѣнія подъ предсѣдательствомъ И. Ф. Колесникова, секція юридическихъ древностей подъ предсѣдательствомъ проф. В. Н. Ширяева, секція исторической географіи подъ предсѣдательствомъ С. К. Кузнецова, секція дипломатики подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Ардашева. Я участвовалъ въ засѣданіяхъ двухъ секцій: русской исторіи и исторіи искусствъ. Засѣданія происходили утромъ и вечеромъ и состояли въ выслушаніи докладовъ и разборѣ ихъ членами секцій. Темы докладовъ пріурочивались преимущественно къ юбилейному году. Изъ наиболѣе значительныхъ докладовъ можно отмѣтить слѣдующіе: Д. В. Цвѣтаева „Мотивы къ избранію Михаила Ѳеодоровича на царство", проф. Ѳ. И. Титова „Царствующій домъ Романовыхъ въ отношеніи къ Кіеву" (доложенъ проф. І. А. Бродовичемъ), Н. И. Троицкаго „Отношеніе Алексѣя Михайловича къ Тулѣ", прот. Н. А. Скворцова „Книга объ избраніи на царство великаго Государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича и ея археологическое значеніе", Ф. В. Баллода „Головка египетской принцессы изъ коллекціи В. С. Голенищева", Е. Г. Шмидтъ „Гончары и гончарное искусство въ Россіи", Н. Е. Шмыткиной „О находкѣ античной геммы въ Москвѣ", В. С. Воронова „Къ вопросу о чистомъ и прикладномъ искусствѣ", Н. И. Ѳомина „Палеолитическое искусство въ связи съ послѣдними открытіями въ этой области".

Въ преніяхъ по вопросамъ докладовъ выступалъ и я. Особенно подробному разбору былъ подвергнутъ мною докладъ художника В. С. Воронова „Къ вопросу о чистомъ и прикладномъ искусствѣ" и анализъ Н. Е. Шмыткиной найденной ею въ Москвѣ античной геммы, которую она относила къ III -II вв. до Р. Х. и искусственно сопоставляла съ изображеніями Діониса.

Всѣхъ участниковъ съѣзда было 261. Выслушано было 72 доклада. Отъ имени съѣзда были вынесены пожеланія членами секціи дипломатики объ устройствѣ въ Москвѣ центральнаго Нотаріальнаго архива и измѣненія системы транскрипціи рукописнаго матеріала и членами исторической секціи о необходимости принятія мѣръ охраны древней (XII в.) Калжанской церкви въ Гроднѣ.

28 мая въ 5 часовъ состоялось общее засѣданіе въ зданіи 5-й мужской гимназіи на Поварской ул., гдѣ были выслушаны доклады инспектора гимназіи Н. Г. Тарасова о выставкѣ, устроенной учениками гимназіи послѣ экскурсіоннаго обзора памятниковъ Костромы, Ярославля и пр., и преподавателя оной гимназіи А. Ѳ. Гартвига „О графическомъ воспроизведеніи предметовъ старины". По предложенію послѣдняго докладчика, съѣздъ вынесъ пожеланіе о принятіи Московскимъ Императорскимъ Археологическимъ Институтомъ въ свое вѣдѣніе изданія историческихъ атласовъ и наглядныхъ пособій. Далѣе, Я. А. Богатенко познакомилъ присутствующихъ съ „народными старообрядческими пѣснями и псальмами", иллюстрировавъ свой докладъ посредствомъ хора.

29 мая послѣ осмотра Музея изящныхъ искусствъ состоялось заключительное общее засѣданіе. Послѣ него члены съѣзда подъ руководствомъ А. И. Успенскаго осматривали придѣлы, устроенные въ главахъ Московскаго Благовѣщенскаго собора, и всѣ церкви, помѣщающіяся въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ. Въ заключеніе настоящаго краткаго отчета считаю долгомъ отмѣтить, что на съѣздѣ Духовныя Академіи были представлены—Казанская ординарнымъ профессоромъ В. А. Нарбековымъ, Московская—мною. Совершенно отсутствовали представители Петербургской и Кіевской Академій".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Отношеніе Московскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта Кирилло-Меѳодіевскаго Православнаго Братства, отъ 1 іюня за № 1658:

„Московскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, вслѣдствіе отношенія Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 28 мая сего года за № 2126, имѣетъ долгъ препроводить

аттестатъ студента Московской Духовной Академіи *Андрея Шумъ* за № 381 и просить о полученіи онаго Совѣтъ увѣдомить".

Опредѣлили: Увѣдомить Московскій Епархіальный Училищный Совѣтъ о полученіи присланнаго документа.

VIII. Отношеніе Г. Секретаря Юго-Славянской Академіи наукъ и искуствъ (въ Загребѣ), отъ 15 мая за № 112:

„На почтенное отношеніе отъ 25 апрѣля 1913 года честь имѣю отвѣтить, что управленіе Юго-Славянской Академіи, къ своему великому сожалѣнію, не можетъ рѣшиться выслать просимыя двѣ рукописи изъ своего архива въ славную духовную академію, такъ какъ обѣ рукописи очень объемисты, а между тѣмъ находятся въ очень ветхомъ состояніи, но что оно было бы очень радо предоставить г. Николаю Л. Туницкому рукописи для занятій здѣсь, если бы онъ могъ пріѣхать сюда".

Опредѣлили: Содержаніе отношенія сообщить (и сообщено) и. д. доцента Академіи Н. Л. Туницкому.

IX. Отношенія:

а) Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 28 мая за № 795, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, рукописнаго сборника Архимандрита Вассіана за № 1267.

б) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 6 іюня за № 969, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, рукописнаго „Сборника" XVI вѣка за № 769 (1552).

Справка: Означенныя въ отношеніяхъ рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Представленіе *Библіотечной Коммиссіи* отъ 4 іюня за № 1136:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библіотечная Коммиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической библіотеки изданія, зна-

чащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 1056 и 1059 (Проф. С. И. Соболевскаго), 751 и 988 (Проф. С. С. Глаголева), 1054, 1137, 1138 и 1139 (Проф. И. В. Попова), 990 (Проф. С. И. Смирнова), 1055 (Проф. Д. И. Введенскаго), 358 (Проф. А. П. Орлова), 806, 807 и 808 (Проф. свящ. Д. В. Рождественскаго), 753, 803, 1125, 1126 и 1127 (Доцента Н. В. Лысогорскаго), 752, 986 и 987 (Доцента іерод. Иларіона), 989 и 1123 (И. д. доцента Н. Л. Туницкаго), 1057 (И. д. доцента Ѳ. М. Россейкина), 162, 1053 и 1124 (И. д. доцента свящ. П. А. Флоренскаго), 1011 и 1012 (И. д. доцента А. М. Туберовскаго), 786 (И. д. доцента В. П. Виноградова), 985 (И. д. доцента свящ. І. М. Смирнова), 984 (Лектора свящ. Н. А. Преображенскаго) и 1058 (Лектора Г. Я. Томсона).

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи *К. М. Попову* выписать для академической библіотеки означенныя въ заявленіяхъ г. г. профессоровъ и преподавателей Академіи изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XI. Представленіе *Библіотечной Коммиссіи*:

„Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Духовный Соборъ отношеніемъ отъ 18 Декабря 1912 г. за № 1843 предложилъ Совѣту Академіи для академической библіотеки все рукописное собраніе Лаврской библіотеки въ количествѣ 823 номеровъ и Совѣтъ Академіи въ собраніи своемъ отъ того же числа единогласно постановилъ принять это предложеніе. О семъ постановленіи увѣдомленіе Духовному Собору Лавры послано было 21 декабря 1912 г. за № 724, но отвѣта изъ Духовнаго Собора доселѣ не послѣдовало и въ Академіи ничего неизвѣстно, въ какомъ положеніи находится дѣло о передачѣ рукописей. Въ настоящее время Библіотечная Коммиссія, принимая во вниманіе съ одной стороны то, что производимая пристройка къ зданію академической библіотеки открываетъ съ начала новаго учебнаго года возможность и прилично помѣстить Лаврскія рукописи и создать для занимающихся ими соотвѣтствующія удобства, съ другой стороны то, что съ начала учебнаго года, какъ показалъ опытъ предшествующихъ лѣтъ, послѣдуетъ большой спросъ на Лаврскія рукописи со стороны профессоровъ и студентовъ Ака-

деміи и перемѣщеніе Лаврскихъ рукописей въ академическую библіотеку сразу устранило бы всѣ затрудненія, которыя создавалъ этотъ спросъ въ предшествующіе годы какъ для Духовнаго Собора и Библіотеки Лавры, такъ и для Канцеляріи и Библіотеки Академіи, находитъ желательнымъ повторить ходатайство предъ Духовнымъ Соборомъ о передачѣ рукописей, и, въ засѣданіи своемъ 4 іюня 1913 года, постановила просить Совѣтъ Академіи, не найдетъ ли онъ возможнымъ обратиться съ новымъ ходатайствомъ въ Духовный Соборъ Лавры".

Опредѣлили: Соглашаясь съ мнѣніемъ Библіотечной Коммиссіи и принимая во вниманіе, что вопросъ о передачѣ рукописей Свято-Троицкія Сергіевы Лавры въ библіотеку Академіи, по имѣющимся свѣдѣніямъ, представленъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Святѣйшаго Синода, почтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство докладъ Библіотечной Коммиссіи представить на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „3 іюля 1913. Исполнить".

10 Іюня 1913 года.

№ 11.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры С. П. Соболевскій и М. М. Богословскій, экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Слушали: I. Представленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Согласно требованію § 83 Ак. Устава долгъ имѣю представить Совѣту Академіи для разсмотрѣнія *письменные отчеты г.г. преподавателей объ ихъ преподаваніи въ теченіе истекшаго 1912—1913 уч. года* и свое *заключеніе.*

Изъ разсмотрѣнія мною представленныхъ г.г. преподавателями отчетовъ о преподаваніи, а также программъ, представленныхъ въ началѣ учебнаго года, и классныхъ записей лекцій дежурными студентами могу заключить, что въ общемъ чтенія велись согласно принятымъ программамъ и только по нѣкоторымъ предметамъ не удалось г.г. преподавателямъ, вѣроятно по недостатку времени, выполнить все, что предполагалось сдѣлать по программѣ.

Такъ изъ отчета проф. И. В. Попова видно, что имъ не прочитано „по недостатку времени" (по предмету Патрологіи) „о Татіанѣ, Макаріи Египетскомъ и Амвросіи Медіоланскомъ".

По каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта проф. Страховымъ не прочитано о кн. Дѣяній Св. Апостоловъ, какъ это предполагалось программой.

По русской гражданской исторіи не прочитано проф. Богословскимъ о Московскомъ государствѣ въ XVII в. и обзоръ реформъ Петра Великаго и событій царствованія Екатерины II.

По исторіи и обличенію русскаго сектантства и. д. доцента Айвазовымъ выполнена меньшая часть программы вслѣдствіе участія его въ судебныхъ процессахъ въ г. Владимірѣ и Твери въ теченіе 70 дней.

По исторіи и обличенію западныхъ исповѣданій не прочитанъ отдѣлъ объ Англиканствѣ.

По русской церковной исторіи „за недостаткомъ времени не прочитаны нѣкоторые отдѣлы изъ исторіи монгольскаго періода".

По исторіи раскола остался непрочитаннымъ отдѣлъ: „Исторія раскола въ XIX в.".

По догматикѣ не прочитаны отдѣлы программы: VI Бытіе Божіе и доказательства его; VII Сущность и свойства Божіи; VIII Догматъ тріединства.

По исторіи Греко-восточной церкви не пройденъ отдѣлъ о Византійскомъ монашествѣ и о современномъ состояніи Константинопольской церкви.

По библейской исторіи не прочитано о пророческомъ служеніи въ связи съ его исторіей.

По литургикѣ выполнена часть программы о богослуженіи апостольскаго періода.

По древней церковной исторіи не прочитанъ отдѣлъ программы: исторія монофизитства.

О прочитанномъ въ истекшемъ учебномъ году по предмету Педагогики не могъ судить за непредставленіемъ проф. Шостьинымъ отчета".

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію.—2) Отчеты о преподаваніи внести въ свое время въ „Отчетъ о состояніи Императорской Московской Духовной Академіи въ 1912—1913 учебномъ году". представляемый Святѣйшему Синоду.

II. Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту табели балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, а также и по поведенію, полученныхъ за истекшій 1912—1913 учебный годъ студентами первыхъ трехъ курсовъ Академіи.—По предложенію Преосвященнаго Ректора повѣрка ихъ въ отношеніи точности подсчета и вывода средняго балла произведена была: табели I курса—и. д. доцента *іеромонахомъ Варѳоломеемъ* (*Ремовымъ*), II курса—экстраординарнымъ профессоромъ *Д. И. Введенскимъ* и III курса—ординарнымъ профессоромъ *С. С. Глаголевымъ*".

По разсмотрѣніи табелей оказалось, что:

1) Изъ 67 студентовъ I курса: а) 24 студента имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ не менѣе $4^1/_2$, 34 студента—не менѣе 4 и 5 студентовъ—не менѣе $3^1/_2$. б) Поведеніе пятидесяти семи студентовъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, девяти—балломъ 5—и одного—балломъ $4^1/_2$. в) Студенты священникъ *Ляде* Серафимъ и іеромонахъ *Серафимъ* (Страховъ) не держали устнаго испытанія по греческому языку. Изъ нихъ первому опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 20 марта с/г., съ утвержденія Его Высокопреосвященства, уже разрѣшено сдать означенное испытаніе послѣ лѣтнихъ каникулъ; о таковомъ же разрѣшеніи проситъ нынѣ и іеромонахъ Серафимъ (Страховъ). г) Черногорскій уроженецъ Спасъ *Поповичъ*, вызванный на время войны съ Турціей на родину.

не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ I курса, не представилъ также и письменныхъ работъ за 1912—1913 учебный годъ и нынѣ, по возвращеніи въ Академію, проситъ разрѣшенія сдать помянутыя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1913 года. д) Студентъ *Сѣто* Владиміръ, не державшій устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ I курса и не имѣющій балла на одномъ третномъ сочиненіи (по исторіи и обличенію западныхъ исповѣданій) по опредѣленію Правленія Академіи отъ 4 іюня с/г. уволенъ, согласно его прошенію, изъ числа студентовъ, для поступленія въ другую академію.

2) Изъ 55 студентовъ II курса: а) 17 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ не менѣе $4^1/_2$, 30 студентовъ—не менѣе 4 и 5 студентовъ—не менѣе $3^1/_2$. б) Поведеніе пятидесяти двухъ студентовъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, одного—балломъ 5—, одного—балломъ $4^1/_2$ и одного—балломъ 4. в) Студенты *Загорскій* Александръ и *Орловъ* Антоній, по болѣзни: первый не представилъ третнаго сочиненія по патрологіи, второй—не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ II курса; оба просятъ разрѣшенія исполнить эти обязанности послѣ лѣтнихъ каникулъ. г) Болгарскій уроженецъ Стоянъ *Петковъ*, вызванный въ началѣ учебнаго года на родину по случаю войны съ Турціей, до сего времени въ Академію не возвратился и о судьбѣ его оффиціальныхъ свѣдѣній не имѣется.

3) Изъ 55 студентовъ III курса: а) 20 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ не менѣе $4^1/_2$, 29 студентовъ—не менѣе 4 и 5 студентовъ—не менѣе $3^1/_2$. б) Поведеніе сорока шести студентовъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, восьми студентовъ—балломъ 5— и одного—балломъ $4^1/_2$. в) Студентъ *Бернниковъ* Сергѣй, по болѣзни, не представилъ письменныхъ работъ за 1912—1913 учебный годъ и проситъ разрѣшенія подать ихъ послѣ лѣтнихъ каникулъ.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—

а) § *159:* „По окончаніи переходныхъ испытаній составляется списокъ студентовъ каждаго курса по ихъ успѣхамъ

и дѣлается постановленіе о переводѣ студентовъ въ слѣдующіе курсы".—

б) § 160: „При составленіи порядковаго списка принимаются во вниманіе не только устные отвѣты студентовъ на экзаменахъ, достоинство третныхъ сочиненій, проповѣдей и поведенія, но и успѣхи въ практическихъ занятіяхъ и на репетиціяхъ, которые отмѣчены балломъ въ годичномъ спискѣ преподавателя."—

в) § 161: „Достоинство устныхъ отвѣтовъ на экзаменахъ и письменныхъ работъ отмѣчается баллами: 5—отлично, 4—хорошо, 3—удовлетворительно, 2—неудовлетворительно, 1—слабо."—

г) § 162: „Студенты, оказавшіе въ теченіе года успѣхи по устнымъ отвѣтамъ на экзаменахъ и по письменнымъ работамъ не ниже удовлетворительныхъ, переводятся на слѣдующіе курсы. Одинъ неудовлетворительный баллъ (2) на устномъ отвѣтѣ или на письменной работѣ не препятствуетъ переходу студента на слѣдующій курсъ, если въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ онъ будетъ имѣть не менѣе 4. При двухъ и болѣе неудовлетворительныхъ и слабыхъ баллахъ (2 и 1) студентъ подлежитъ увольненію изъ Академіи или оставляется, по усмотрѣнію Совѣта, на повторительный курсъ, съ лишеніемъ стипендіи, буде таковая была назначена; оставленіе студента на второй годъ въ томъ же курсѣ допускается только одинъ разъ за все время его пребыванія въ Академіи.—*Примѣчаніе.* Удовлетворительнымъ балломъ считается баллъ не ниже 3."—

д) § 163: „Въ случаѣ болѣзни, студентъ можетъ быть оставленъ, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, на второй годъ въ томъ же курсѣ безъ лишенія стипендіи, но тоже только одинъ разъ за все время его пребыванія въ Академіи".

2) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ *16 января 1891 года за № 212* Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность дозволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣканикулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.

3) *По § 109, лит. а, пп. 13—14* академическаго устава „составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній, переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же

курсѣ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство устныхъ отвѣтовъ студентовъ I, II и III курсовъ Академіи на экзаменахъ, успѣхи ихъ въ практическихъ занятіяхъ, достоинство третныхъ сочиненій и проповѣди и поведеніе,—перевести ихъ въ слѣдующіе курсы въ такомъ порядкѣ:

а) *Во II-й курсъ*—студентовъ перваго курса: 1) Соловьева Дмитрія, Кобранова Евгенія, Воронцова Веніамина, Ружицкаго Константина, 5) Иванова Бориса, Доброва Владиміра, Преображенскаго Александра, Волкова Александра, Розанова Николая, 10) Рудича Василія, Новосельскаго Владиміра, Мытарева Николая, Андреева Михаила, Товстуху Михаила, 15) Счастнева Петра, свящ. Дубровина Димитрія, Піуновскаго Николая, Олейника Михаила, Давидова Ѳедора, 20) Никольскаго Виктора, Соколова Бориса, Меморскаго Алексѣя, Розова Григорія, Соловьева Ивана, 25) Саффрана Георгія, свящ. Дмитріева Василія, Руднева Николая, Соколова Николая, Тихомірова Владиміра, 30) Порѣцкаго Михаила, Безроднаго Михаила, Андреева Ѳедора, Металлова Валентина, Моисеева Григорія, 35) Шувалова Петра, Щеголькова Михаила, Молчанова Николая, Шереметевскаго Алексѣя, Иваницкаго Владиміра, 40) Протодіакопова Александра, Бриллiантова Петра, Жданова Леонида, Кириченко Василія, свящ. Бѣляева Николая, 45) Батина Павла, Боголюбскаго Геннадія, Смирнова Николая, Смирнова Дмитрія, свящ. Ворончева Александра, 50) Верхоустинскаго Дмитрія, іерод. Павлина (Крошечкина), Васильевскаго Александра, свящ. Рождествина Александра, Постникова Михаила, 55) Виноградова Сергѣя, Некрасова Михаила, діак. Цвѣтаева Николая, Заболотскаго Павла, Аѳанасьева Николая, 60) Архангельскаго Константина, Авдіева Александра, свящ. Бѣлорукова Александра и 63) Истомина Дмитрія.—

б) *Въ III-й курсъ*—студентовъ II курса: 1) Введенскаго Михаила, Бѣльчикова Николая, Драчева Николая, Колосова Сергѣя, 5) Вахаева Михаила, Щукина Александра, Ленчинскаго Ивана, Куханова Александра, Матвѣевича Виктора,

10) Пясецкаго Петра, Голубцова Михаила, Садовскаго Евгенія, іером. Варнаву (Бѣляева), Иванова Сергѣя, 15) Орлова Александра, Гераскевича Николая, Орлова Николая, Архиппова Петра, свящ. Вышелѣсскаго Константина, 20) Колчицкаго Николая, Прыткова Николая, Арбекова Евгенія, Сикова Максима, Троицкаго Николая, 25) свящ. Архангельскаго Іоанна, Соловьева Алексѣя, Десятова Александра, Никольскаго Григорія, Бѣляева Николая, 30) Дюльгерова Дмитрія, Покровскаго Гавріила, Цвинева Ивана, Петрова Сергѣя, Сапожникова Николая, 35) Покровскаго Сергѣя, Холмогорова Сергѣя, Крылова Григорія, Алферова Петра, Волскаго Харлампія, 40) Вознесенскаго Ѳедора, Херсонскаго Василія, Соколова Александра, Бажанова Василія, свящ. Делекторскаго Ѳеодора, 45) Аскалонова Стефана, Никольскаго Леонида, Любимова Александра, Пикунова Александра, Постникова Сергѣя, 50) Георгіевскаго Сергѣя, діак. Мещерскаго Константина и 52) Никольскаго Николая.—

в) Въ IV-курсъ—студентовъ III курса: 1) Соколова Михаила (Моск.), Плотникова Александра, Подлуцкаго Ивана, Лебедева Николая, 5) Ярещенко Александра, Струмѣнскаго Михаила, іером. Герасима (Садковскаго), Виноградова Николая, Смоленскаго Алексѣя, 10) діак. Крылова Димитрія, Лобова Гавріила, іерод. Нектарія (Иванова), Попова Тихона, Голобородько Михаила, 15) іером. Сергія (Дабича), Скворцова Константина, Волкова Бориса, Соколова Михаила (Вив.), Вознесенскаго Александра, 20) Синева Николая, іером. Іоанна (Маргіева), Паргачевскаго Алексѣя, Нечаева Тихона, Лебедева Александра, 25) Ярошевича Евгенія, Дьякова Святослава, Орлова Василія, Устинова Павла, Глаголева Николая, 30) Сергіевскаго Николая, Оглоблина Аркадія, Василевскаго Ивана, Лобанова Василія, Бѣляева Тихона, 35) Залѣскаго Сергѣя, Ключарева Василія, Тихомірова Александра, Соболева Василія, Козырева Сергѣя, 40) Кузнецова Павла, Доброва Георгія, іером. Максима (Руберовскаго), Цуйманова Александра, Лилеева Константина, 45) Введенскаго Пантелеимона, Величкина Алексѣя, Четыркина Ивана, Пятикрестовскаго Сергѣя, Тихомирова Константина, 50) Богоявленскаго Николая, Кронтовскаго Николая, діак. Левковскаго Александра, Зыкова Вячеслава и 54) Авраменко Михаила.—

2) Студента II курса, болгарскаго уроженца, Стояна *Петкова* оставить въ томъ же курсѣ на второй годъ.

3) Студентамъ: III курса—*Берникову* Сергѣю, II курса—*Загорскому* Александру и *Орлову* Антонію, I курса—*іеромонаху Серафиму* (Страхову) и *Поповичу* Спасу, черногорскому уроженцу, разрѣшить сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1913 года,—о чемъ и представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

III. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія.—По предложенію Преосвященнаго Ректора, повѣрка вѣдомости въ отношеніи точности подсчета и вывода средняго балла произведена доцентомъ Академіи *Іеромонахомъ Иларіономъ* (Троицкимъ)“.

По разсмотрѣніи вѣдомости оказалось, что *изъ 56 студентовъ IV курса*—

1) 27 студентовъ (изъ выдержавшихъ испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и представившихъ курсовыя сочиненія) имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь курсъ не менѣе $4^1/_2$ и 27 студентовъ—не менѣе $3^1/_2$. 2) Два студента—*Годеновскій* Василій и *Рождественскій* Сергѣй—не успѣли, по болѣзни, удостовѣренной академическимъ врачемъ, закончить курсовыхъ сочиненій и просятъ разрѣшенія представить оныя послѣ лѣтнихъ каникулъ.—3) Поведеніе сорока семи студентовъ IV курса за 1912—1913 учебный годъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5 и девяти студентовъ—балломъ 5—.

б) Отзывы профессоровъ и преподавателей Академіи о курсовыхъ сочиненіяхъ 54-хъ студентовъ IV (LXVIII) курса:

1) О сочиненіи студента *Аболенскаго Александра* на тему: „Религіозно-философскія воззрѣнія Алексѣя Степановича Хомякова“.

а) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Сочиненіе г. Аболенскаго (X+242+VIII стр.) написано по ясному и отчетливому плану и излагаетъ воззрѣнія Хомякова просто и правильно.

Въ своемъ предисловіи авторъ старается *оправдать* свою работу. Это оправданіе могло бы имѣть raison d'être, если бы авторъ ее напечаталъ, т. е. призналъ бы ее полезною для публики, но въ своемъ настоящемъ видѣ сочиненіе автора является работою для себя, для своего образованія, и думаю, никто не станетъ оспаривать, что для православнаго богослова изученіе воззрѣній Хомякова есть дѣло полезное.

За предисловіемъ авторъ даетъ введеніе, въ которомъ выясняетъ, что понимается и что должно пониматься подъ славянофильствомъ. Самое сочиненіе распадается у автора на двѣ части. Въ первой онъ говоритъ о философскихъ принципахъ Хомякова, излагаетъ его теорію познанія, его ученіе о Богѣ и о церкви, какъ о тѣлѣ Христовомъ. Во второй части онъ ставитъ и хочетъ рѣшить вопросъ о тѣхъ факторахъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ образовалось міровоззрѣніе Хомякова. Онъ говоритъ объ идейной атмосферѣ, окружавшей Хомякова, и о его личныхъ особенностяхъ, и изъ взаимоотношенія среды и личности истолковываетъ ученіе главы славянофиловъ.

Непонятнымъ представляется, почему авторъ изложеніе ученія Хомякова о церкви кончаетъ его „философскою стороною“ и считаетъ себя обязаннымъ здѣсь поставить точку (см. 147 стр.): тема автора обѣщаетъ читателю трактатъ не о философскихъ только, а о религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ Хомякова.

Во второй части, пообѣщавъ сказать о личныхъ особенностяхъ Хомякова, авторъ на самомъ дѣлѣ главнымъ образомъ говоритъ о средѣ, въ которой родился и жилъ Хомяковъ и которая дала ему на всю жизнь вѣрованія и убѣжденія. А подъ идейною атмосферою нужно разумѣть философію Гегеля и Шеллинга, увлекавшую представителей мысли той эпохи.

Не смотря на то, что сочиненіе автора невелико (страницъ 100 печатныхъ шрифта „Богословскаго Вѣстника“), онъ допускаетъ неоднократныя повторенія (см. стр. 36, 46, 204).

Есть у автора положенія непонятныя и есть положенія ошибочныя. Авторъ, повидимому, готовъ признать вслѣдъ за

Хомяковымъ (стр. 38), что протестантизмъ есть законное чадо католицизма. Какъ понять это? Такъ, вѣдь, пожалуй можно сказать, что и расколъ есть законное чадо православія. Однако писаніе говоритъ: „они вышли отъ насъ, но не были наши" (I Іоан. 2, 19). Ошибочно утверждаетъ г. Аболенскій, что Хомяковъ въ своей гносеологіи выдвинулъ „новую, дотолѣ не обращавшую на себя вниманія силу—волю" (46 стр.). На самомъ дѣлѣ уже Декартъ ясно и обстоятельно разсуждалъ объ участіи воли въ актахъ познанія. А Шеллингъ далъ Хомякову чрезвычайно обильный матеріалъ для разсужденій о волѣ.

Есть у автора нѣкоторые промахи въ изложеніи, вслѣдствіе которыхъ на 70-хъ и 80-хъ страницахъ его „я" можно смѣшать съ „я" Хомякова, а на 89 стр. Иринея Ліонскаго можно смѣшать съ Іоанномъ Богословомъ и счесть послѣдняго за ученика Поликарпа.

Оцѣнка авторомъ нѣкоторыхъ сочиненій является очень спорною (прекрасная—?—статья М. Филиппова, стр. 166).

Авторъ далъ слишкомъ общій очеркъ воззрѣній Хомякова. Желательно было бы болѣе обстоятельное изложеніе теорій Хомякова и болѣе глубокій ихъ анализъ.

Безспорнымъ достоинствомъ сочиненія является то, что въ немъ въ простой и понятной формѣ излагаются метафизическія теоріи, которыя по справедливости считаются трудно понимаемыми.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно".

б) Доцента *іеродіакона Иларіона (Троицкаго):*

„Сочиненіе студента А. Аболенскаго посвящено изложенію и изслѣдованію религіозно-философскихъ воззрѣній А. С. Хомякова. Высказавъ и обосновавъ въ предисловіи (стр. 1—18) мысль, что исходнымъ пунктомъ міровоззрѣнія Хомякова слѣдуетъ считать религію, а не узкій націонализмъ, какъ утверждалъ В. С. Соловьевъ о славянофилахъ, авторъ первую часть своего сочиненія и посвящаетъ изложенію религіозно-философскихъ взглядовъ Хомякова, говоритъ объ его философскихъ принципахъ (стр. 23—61), излагаетъ его ученіе о Сущемъ въ Себѣ Самомъ и въ его отношеніи къ міру и человѣку (стр. 63—130) и о Церкви, какъ

о тѣлѣ Христовомъ (131—147). Щедро надѣленный разнообразными талантами А. С. Хомяковъ не оставилъ стройно изложенной системы своихъ воззрѣній. Блестки его сильной и оригинальной мысли разсѣяны по многочисленнымъ сочиненіямъ, имѣвшимъ нерѣдко случайные поводы для своего появленія, по статьямъ и по письмамъ. Собрать всѣ эти мысли и представить въ стройномъ и сжатомъ изложеніи, какъ это сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи г. Аболенскій, не легко. Внимательно нужно было читать и перечитывать сочиненія Хомякова, чтобы нерѣдко изъ какого-либо примѣчанія выудить ту или другую важную и характерную мысль. О Хомяковѣ и славянофилахъ писано не мало,—цѣлыя тысячи страницъ, даже въ Академіяхъ писаны докторскія диссертаціи. Богатая литература предмета достаточно извѣстна г. Аболенскому, но при написаніи своего сочиненія предъ глазами онъ держалъ не пособія, а источникъ—сочиненія А. С. Хомякова. Эти сочиненія изучены имъ тщательно и изложеніе воззрѣній Хомякова всецѣло дается на основаніи его сочиненій, даже его собственными словами. Длинныхъ выписокъ изъ Хомякова въ сочиненіи мало, за то краткихъ по нѣскольку на каждой страницѣ. Вообще объ авторскомъ изложеніи Хомякова слѣдуетъ сказать, что оно сдѣлано хорошо; можно пожелать развѣ только большей обстоятельности и подробности. Въ авторскомъ сжатомъ изложеніи иногда лишь легкими намеками отмѣчены оригинальныя идеи Хомякова, имъ самимъ раскрытыя болѣе подробно. Напр., на стр. 38 излагается мнѣніе Хомякова о томъ, что раціонализмъ возникъ изъ начала кушицкаго (кушитскаго, конечно!), начала необходимости, а затѣмъ перешелъ въ католичество и протестантство. Но во всемъ сочиненіи ни слова не сказано про теорію Хомякова касательно противоположности кушитскаго и иранскаго. А. С. Хомяковъ указывалъ, если можно такъ сказать, гносеологическую основу отдѣленія запада отъ Церкви, а потому его сужденія о западныхъ исповѣданіяхъ тѣсно связаны съ его гносеологіей. Значеніе идеи Церкви для гносеологіи Хомякова авторомъ отмѣчено (стр. 145). „Любовь обезпечиваетъ за людьми познаніе безусловной истины“ и она же „есть вѣнецъ и слава Церкви“. Совершенно напрасно утверждаетъ авторъ, будто „здѣсь кончается философская сторона ученія Хомякова о

Церкви и совершается переходъ изъ области умозрѣнія и философскихъ принциповъ въ область чистой христіанской догматики“ (стр. 147). Философскій интересъ имѣютъ сужденія Хомякова и о западныхъ исповѣданіяхъ. Вѣдь по Хомякову отпаденіе отъ Церкви есть нарушеніе братской любви, „нравственное братоубійство“, отсюда раціонализмъ, потеря живой истины и „кризисъ западной философіи“. Авторъ объ этомъ не говоритъ ничего. Излагая ученіе о Церкви, онъ преждевременно поставилъ точку.

Вторая часть сочиненія г. Аболенскаго (стр. 149—230) представляетъ „опытъ выясненія генезиса основныхъ принциповъ и положеній религіозно-философской системы А. С. Хомякова“. Относительно этой части слѣдуетъ отмѣтить, что въ ней авторъ обнаружилъ хорошее знакомство съ лучшими и новѣйшими трудами по исторіи русской литературы и русской мысли вообще. Эта освѣдомленность автора даетъ себя чувствовать на каждой страницѣ его чрезвычайно сжатаго въ этомъ случаѣ изложенія. Взято главное, яркое, характерное, интересное по мысли и языку. Вслѣдствіе этого вторая часть читается съ большимъ интересомъ. Однако вся постановка дѣла во второй части способна вызвать противъ себя серьезныя возраженія. Глава первая этой части (стр. 154—207) озаглавлена: „Идейная атмосфера, современная Хомякову, какъ источникъ исходныхъ пунктовъ его религіозно-философскихъ воззрѣній“. Глава вторая (стр. 209—230)—„Личныя особенности А. С. Хомякова, какъ исходный пунктъ его религіозно-философскихъ воззрѣній вообще и въ особенности его ученія о Церкви“. Такимъ образомъ, у автора получается „источникъ исходныхъ пунктовъ“ и просто „исходный пунктъ“. Первое — „идейная атмосфера“; второе — „личныя особенности А. С. Хомякова“. Напрашивается выводъ: по мнѣнію г. Аболенскаго, идейная атмосфера была источникомъ личныхъ особенностей А. С. Хомякова. На самомъ же дѣлѣ вся первая глава имѣетъ цѣлью доказать, что идейная атмосфера какъ разъ и не была „источникомъ исходныхъ пунктовъ“ Хомяковскихъ воззрѣній. „Въ своей существенной части система Хомякова должна быть названа системой самобытной“ (стр. 207). „Идейная атмосфера положила на систему его воззрѣній“ лишь „довольно отчетливый слѣдъ“, „больше лишь на форму, чѣмъ на существо

ея“ (стр. 209). „Эта система не представляетъ собою сколокъ или продолженіе чего-либо стараго, но является самостоятельнымъ твореніемъ нашего мыслителя, а это старое входитъ въ нее лишь какъ часть, какъ необходимый своего рода матеріалъ для возведенія новаго зданія по оригинальному рисунку“ (стр. 210). Думается, что послѣднее сравненіе не совсѣмъ удачно. Сказать про философскую систему, что въ ней матеріалъ старый, но оригинальный рисунокъ построенія, не значитъ ли это противорѣчить сказанному всего одной строчкой выше о „самостоятельномъ твореніи мыслителя“? Остается нерѣшеннымъ вопросъ: что же, старое дало для системы Хомякова матеріалъ или только наложило на нее отчетливый слѣдъ и она осталась самобытной? Затѣмъ, если говорить о самобытности Хомякова, то необходимо нужно сравнить его не съ идейными врагами, а съ идейными друзьями, съ другими славянофилами, чего авторъ въ достаточной мѣрѣ не сдѣлалъ. Кромѣ того, отъ чтенія первой главы второй части получается впечатлѣніе, что „идейная атмосфера“ въ изложеніи автора къ Хомякову отношенія не имѣетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что находимъ мы у автора? Авторъ ведетъ читателя во вторую половину 18 вѣка, во Францію, упоминаетъ о „великой“ французской революціи (стр. 155 сл.), переходитъ къ романтизму (стр. 158 слл.) на Западѣ, къ Шеллингу и, наконецъ, является (на стр. 162) въ Россію, о которой сообщаетъ слѣдующее. „Въ 1802 году проф. Военно-Медицинской Академіи Д. М. Велланскій былъ командированъ заграницу“ (стр. 162). Слѣдуютъ отрывки изъ его писемъ, говорится объ его вліяніи на студентовъ по воспоминаніямъ Н. И. Розанова (Русскій Вѣстникъ. 1867 г.) и преподавателя энциклопедіи медицины Theodor'a von Stürmer'a (стр. 163 слл.). Дальше слова Одоевскаго о Шеллингѣ въ Россіи (стр. 165 сл.), о русскихъ переводахъ Канта (стр. 167). Начинаются событія чисто русскія. Пишется объ Екатеринѣ II, о ссылкѣ Радищева, о заточеніи Новикова (стр. 168); опять идутъ воспоминанія кн. Одоевскаго (стр. 170), словами Кошелева характеризуется „кружокъ любомудровъ“ (стр. 172). Наконецъ, на стр. 176 впервые встрѣчаемъ Хомякова, но сейчасъ же авторъ заговариваетъ про кружки Герцена и Станкевича, про „молодого артиллерійскаго поручика“ М. Бакунина, про переходъ къ Гегелю въ русской

мысли (стр. 177—182). Все это, наконецъ, завершается заявленіемъ, что Хомяковъ сталъ въ отрицательное отношеніе къ философіи Гегеля (стр. 182) и дальше идетъ рѣчь уже о Хомяковѣ. Итакъ, на стр. 154 — 182 у автора поразительный калейдоскопъ лицъ, событій, идей. Всего этого много, но обо всемъ этомъ немного и генезиса-то системы Хомякова какъ-то вовсе не замѣтно. Авторъ слѣдуетъ новымъ историкамъ новѣйшей литературы, которые о чемъ-бы ни писали, начинаютъ непремѣнно съ „великой" французской революціи, будто это было какое-то законодательство вродѣ Синайскаго. Но почему бы автору не начать слѣдить за русской идейной атмосферой со временъ Петра I-го, съ Владиміра Святаго, съ Гостомысла? Для генезиса системы Хомякова многіе изъ упомянутыхъ авторомъ фактовъ никакого отношенія не имѣютъ, да и вообще на 25 стр. дать исторію европейской и русской мысли почти за столѣтіе—предпріятіе довольно смѣлое. Впрочемъ, все сказанное ничуть не колеблетъ того безспорнаго факта, что на этихъ же страницахъ литературно-философская начитанность автора является въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

Обращаетъ на себя вниманіе еще то, что авторъ почти не даетъ критической оцѣнки религіозно-философской системы Хомякова. Лишь нѣкоторые частные пункты этой послѣдней нашли оцѣнку въ сочиненіи г. Аболенскаго. Прекрасныя и мѣткія критическія замѣчанія дѣлаетъ, напр., авторъ касательно Хомяковскаго пониманія первороднаго грѣха (стр. 117 слл.). Не менѣе хороши разсужденія автора о раціонализмѣ Хомякова (стр. 218 слл.). Но, думается, богословское образованіе автора налагало на него долгъ критически отнестись къ богословствованію Хомякова. Современники отмѣчали, да и самъ Хомяковъ чувствовалъ въ своихъ разсужденіяхъ „что-то протестантское", но у него можно находить нѣчто и католическое. Авторъ, напр., не разъ повторяетъ о Хомяковѣ Самаринское: „жилъ въ Церкви" (стр. 214, 225), но не замѣтилъ ли онъ, что основной нервъ этой жизни, идея спасенія чрезъ воплощеніе Бога понималась Хомяковымъ превратно въ видѣ искупленія, освобожденія отъ „неумолимой логики мірозданія"?

Можно отмѣтить и еще нѣкоторые мелкіе промахи. Нѣкоторая статья нѣкоего Филиппова названа прекрасной (стр. 166),

но единственная мысль, которую изъ этой статьи приводитъ г. Аболенскій, онъ самъ же основательно здѣсь же опровергаетъ.

На стр. 193 читаемъ: „Хомяковъ хорошо былъ знакомъ съ философіей Шеллинга, что ясно слѣдуетъ уже изъ факта его близкаго знакомства съ И. В. Кирѣевскимъ". Но дальше слѣдуютъ факты, которые о знаніи Хомяковымъ Шеллинга свидѣтельствуютъ несравненно болѣе убѣдительно, нежели знакомство съ Кирѣевскимъ.

Почему авторъ увѣренъ, что тѣ или другія соображенія „не приходили на умъ" Гегелю (стр. 33)? Орѳографическихъ ошибокъ въ сочиненіи несчетное множество. Этого обстоятельства рецензентъ вмѣнять въ вину автору не думаетъ; переписка—машинная, чужая. Но ошибки есть и въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя вписаны авторомъ собственноручно. Онъ пишетъ: „a'priori" (къ чему тутъ апострофъ?), „a postrior'ное" (стр. 186—187), приводитъ какой-то будто латинскій глаголъ „grarior" (стр. 77—gradior, конечно!).

Всѣ сдѣланныя замѣчанія и возраженія все же не колеблютъ нашего общаго благопріятнаго мнѣнія о работѣ г. Аболенскаго. Въ основѣ сочиненія лежитъ тщательное изученіе сочиненій Хомякова и большой литературы не только о немъ, но и вообще о судьбахъ русской мысли за половину XIX-го вѣка. Сочиненіе содержательное, сжатое и стройное и свидѣтельствуетъ о матеріальной и формальной образованности автора. Въ качествѣ кандидатской работы сочиненіе г. Аболенскаго заслуживаетъ похвалы и степени кандидата богословія онъ вполнѣ достоинъ".

2) О сочиненіи студента *Августова Дмитрія* на тему: „Изъ исторіи Московской Духовной Академіи. Отношеніе Митрополита Московскаго Филарета къ Московской Духовной Академіи".

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе студента Августова вызвано интересомъ къ исторіи Академіи, который возбуждается приближающимся юбилеемъ этой школы (1 окт. 1914 г.). Авторъ поставилъ себѣ задачей характеризовать отношеніе къ Академіи митрополита Московскаго Филарета. Знаменитому архипастырю,

бывшему въ началѣ XIX вѣка членомъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ, Академія въ значительной мѣрѣ обязана своимъ возникновеніемъ въ видѣ донынѣ существующей высшей духовной школы, такъ какъ его перу принадлежитъ представленный весной 1814 г. въ Комиссію Духовныхъ Училищъ проэктъ „о преобразованіи Московской Духовной Академіи". На него же по учрежденіи Академіи четыре раза возлагалась въ 1815—21 г.г. производство ревизіи Академіи. Наконецъ, занявъ въ 1821 г. Московскую каѳедру, Филаретъ до самой кончины втеченіе сорока шести лѣтъ былъ высшимъ руководителемъ Академіи. Его отношеніе къ Академіи не ограничивалось только *надзоромъ*; это было руководство и управленіе въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова; митрополитъ вникалъ въ мельчайшія детали учебной, ученой и хозяйственной жизни Академіи, и непосредственная администрація послѣдней имѣла значеніе лишь исполнительнаго органа, осуществлявшаго строгія и точныя распоряженія владыки.

Г. Августовъ собралъ значительный матеріалъ для характеристики вышеуказанной дѣятельности митрополита Филарета, какъ печатный, заключающійся въ мнѣніяхъ, перепискѣ самого митрополита и въ воспоминаніяхъ о немъ питомцевъ Академіи, такъ и неизданный, извлеченный въ Архивныхъ дѣлахъ Академіи. Нельзя думать, конечно, чтобы авторъ исчерпалъ всѣ документы, касающіеся поставленной имъ задачи; но все же надо признать, что она имъ рѣшена достаточно. Образъ достопамятнаго іерарха начертанъ живо, и работа читается съ большимъ интересомъ. Многія приведенныя авторомъ мысли Филарета и теперь могли бы служить руководящими указаніями для высшей школы. Излишне было, по нашему мнѣнію, приводить хотя и краткую біографію митрополита Филарета: ее можно было предполагать извѣстной. На стр. 13 авторъ напрасно упрекаетъ Сперанскаго въ „пристрастіи къ словеснымъ наукамъ", результатомъ котораго будто бы была односторонность въ составленномъ Сперанскимъ проэктѣ академическаго устава. Сперанскій въ бытность студентомъ Петербургской Главной Семинаріи отличался любовью къ математикѣ, а затѣмъ былъ въ той же семинаріи профессоромъ математики, физики и краснорѣчія. Характеристику дарованій митрополита Филарета на стр. 28

мы находимъ неясной: непонятна напр. условная форма фразы: Филаретъ—„могъ отдаться всецѣло ораторству—изъ него вышелъ бы выдающійся витія“. Филаретъ и былъ въ дѣйствительности однимъ изъ величайшихъ церковныхъ ораторовъ, мало того,—его рѣчи, помимо ихъ церковнаго значенія,—одинъ изъ лучшихъ памятниковъ изящнаго, точнаго и тонкаго русскаго языка. Можетъ быть слишкомъ идиллистична характеристика быта и нравовъ Академіи въ первую четверть ея существованія, данная на стр. 45—50. Степени кандидата сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента *Н. Д. Протасова:*

„Каждому рецензенту пріятно бываетъ читать такое сочиненіе, авторъ котораго самъ подчеркиваетъ свои недостатки. На стр. 75 г. Августовъ пишетъ: „съ... тщательностью просматривались владыкой (митр. Филаретомъ)... сочиненія. Онъ не хотѣлъ выпустить въ свѣтъ необработаннаго,... и неяснаго произведенія. Вѣдь, черезъ это было бы положено темное пятно на всю академію, на ея работы въ области научной“. Подобнаго отношенія къ ученой работѣ мы и не видимъ въ сочиненіи г. Августова. Почти на каждой страницѣ у него встрѣчаются вопіющія нарушенія логическихъ и стилистическихъ правилъ; онъ не стѣсняется такими выраженіями: „старался перетащить его въ свою академію“ (стр. 8), „при переселеніи съ каѳедры на скамью (Голубинскій) забылъ тамъ свою табакерку. Разбирало его при видѣ, какъ слушатель его откуда-то угощается“ (стр. 45). Такихъ *небрежностей* у автора очень много, и перечислить ихъ значило-бы передать $^3/_4$ сочиненія... Видно, что онъ представилъ тотъ самый черновикъ, который долженъ бы переработать, а не спѣшить съ подачей. Правда, нужно сознаться, что всякій авторъ—сынъ своего вѣка прежде всего; и г. Августовъ также пошелъ за небрежнымъ отношеніемъ къ литературной сторонѣ сочиненій, которое постепенно, но твердо укореняется, къ сожалѣнію... Конечно, въ этомъ сказывается самое простое и естественное желаніе поскорѣе раздѣлаться съ взятой темой, которая не представляетъ для автора никакого, въ большинствѣ, интереса, такъ же случайна, какъ билетъ лоттереи. На самомъ дѣлѣ, что сказать о сочиненіи, которое при самой простой, опредѣленной, не

представляющей даже въ методологическомъ отношеніи никакихъ затрудненій, темѣ лишено литературной обработки? Конечно, можно и нужно сказать одно: авторъ хотѣлъ поскорѣе покончить съ своей работой. Такое отношеніе положительно преступно, потому-что оно вообще говоритъ о небрежности человѣка, о нежеланіи вдумчиво отнестись даже къ серьезному дѣлу, на основаніи котораго дѣлается характеристика. Во французскихъ школахъ въ сочиненіяхъ на степень принимается во вниманіе все, что сколько-нибудь говоритъ вообще о человѣкѣ, и не рѣдкость встрѣтить, что автору возвращаютъ его работу, какъ не додѣланную, потому-что у него хромаетъ стилистика. Легкое отношеніе къ послѣдней неизмѣнно ведетъ и къ общей неразборчивости. Автору нужно было сказать, что Гиляровъ хорошо зналъ Гегеля, и онъ ссылается, какъ на авторитетъ, на передовую статью въ № газеты „Утро Россіи“ отъ x/13 сего года (стр. 52)... Это—научный пріемъ? Развѣ авторъ никогда не слыхалъ, какъ пишутся всѣ газетныя статьи вообще и, въ частности, передовыя? Развѣ автору неизвѣстно, что въ каждой газетѣ существуетъ такое лицо, которое о чемъ угодно и когда угодно должно написать въ 10 минутъ? Развѣ неизвѣстно автору, что сотрудникъ газеты иногда прямо диктуетъ наборщику? Рецензенту стыдно за автора... Г. Августовъ—плохой историкъ, потому-что на него великая историческая личность митр. Филарета не оказала никакого впечатлѣнія именно со стороны самаго ревниваго отношенія къ ученой работѣ, въ которой весь человѣкъ выливается предъ читателемъ со всѣми своими даже едва замѣтными недостатками. Оттого-то и нѣтъ въ сочиненіи г. Августова огня, задора и силы авторскаго слова, когда читатель забываетъ считать страницы...

Что касается матеріальной стороны настоящаго сочиненія г. Августова, то нужно сказать, что это—трудъ добросовѣстный. Авторъ изучилъ хорошо дѣла академическаго Правленія и Конференціи за 1815—70 г.г., подлинныя сочиненія митр. Филарета, которыя имѣли отношеніе къ темѣ, воспоминанія современниковъ и пр. Въ результатѣ получилась сводка всего подлежащаго матеріала въ четырехъ главахъ: „учебная часть“, „административная часть“, „хозяйственная часть“, „ученая часть“; въ заключеніи на стр. 192—200

авторъ даетъ совершенно правильную картинку тѣснаго союза великаго Архипастыря съ имъ созданной и воспитанной школой.

Степени кандидата г. Августовъ заслуживаетъ".

3) О сочиненіи студента *Андреева Өедора* на тему: „Юрій Өедоровичъ Самаринъ, какъ богословъ и философъ".

а) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Сочиненіе г. Андреева, заключающее въ себѣ XXVIII+934+73, т.-е. всего 1035 страницъ, представляетъ собою значительный вкладъ въ исторію русской богословской и философской мысли.

Г. Андреевъ изучилъ Самарина не только по изданнымъ его сочиненіямъ, но и по неизданнымъ документамъ, доступъ къ которымъ получилъ благодаря любезности семьи Самариныхъ. И г. Андреевъ изучилъ не только Самарина, но онъ тщательно изучилъ ту среду, въ которой родился, воспитывался и развивался Самаринъ. Какъ только у г. Андреева являлось предположеніе, что то или иное лицо имѣло вліяніе на Самарина, онъ изучалъ это лицо и детальнымъ образомъ опредѣлялъ взаимоотношенія его и Самарина. Вотъ почему около тщательно выясненнаго и изображеннаго передъ нами Ю. Ө. Самарина мы находимъ портреты и характеристики цѣлой галлереи лицъ. Вся умственная аристократія 40-хъ годовъ, которая въ то время въ значительной мѣрѣ, хотя и не вполнѣ, совпадала съ родовой аристократіей, встаетъ передъ нами. Г. Андреевъ изобразилъ намъ лицо на фонѣ эпохи и изобразилъ мастерски.

Ю. Ө. Самаринъ—для изслѣдователя счастливая фигура. Жизнь Самарина можно прослѣдить отъ колыбели до могилы и прослѣдить не только по внѣшности, а, пожалуй, и въ ея сокровенныхъ изгибахъ. Кое-гдѣ только оказываются хронологическіе пробѣлы. Г. Андреевъ начинаетъ свое изслѣдованіе у колыбели Самарина и кончаетъ размышленіемъ о провиденціальныхъ причинахъ по внѣшности какъ-будто случайной его смерти. Такъ какъ Самаринъ причисляется къ русскимъ гегельянцамъ, и Гегель дѣйствительно имѣлъ большое вліяніе на выработку его міросозерцанія, то г. Андреевъ въ своемъ описаніи жизни Самарина находитъ удоб-

нымъ пользоваться терминами Гегеля и заглавіями его сочиненій.

За предисловіемъ къ сочиненію слѣдуетъ 1-ая часть—феноменологія, которая изображаетъ намъ по аналогіи съ феноменологіей Гегеля ступени, по которымъ поднимался духъ Самарина въ своемъ развитіи. Воспитатели и система воспитанія, къ которымъ г. Андреевъ относится отрицательно, необыкновенно ярко и блестяще изображаются имъ. Онъ выясняетъ намъ и душу ребенка и непониманіе этой души окружавшими лицами, изъ которыхъ отецъ беззавѣтно—хотя и по своему—любилъ ребенка и въ воспитаніи его видѣлъ цѣль своей личной жизни. За первымъ отдѣломъ феноменологіи, озаглавленнымъ „объектъ вниманія", слѣдуетъ второй, озаглавленный „субъектъ познанія", гдѣ изображается развитіе личности Самарина. Г. Андреевъ вводитъ насъ здѣсь въ кругъ авторовъ, которыхъ любилъ и которыми увлекался Самаринъ: Гюго, Гете, Гофманъ. Онъ особенно останавливается на временномъ вертеріанизмѣ Самарина.

Вторая часть сочиненія озаглавлена—логика: разумѣется логика Гегеля. Г. Андреевъ очень остроумно рисуетъ намъ Гегеля на Руси. Гегельянцевъ было много, но лицъ читавшихъ Гегеля было мало. Понимался Гегель своеобразно и разнообразно. На Самарина Гегель оказалъ могучее вліяніе и оно сказалось на его замѣчательной диссертаціи о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ (1844 г.), гдѣ Самаринъ въ терминахъ гегелевской діалектики представилъ развитіе церкви и взаимоотношеніе протестантизма, католичества и православія. Говоря о вліяніи Гегеля на Самарина, г. Андреевъ никогда не забываетъ другихъ вліяній и отношеній Самарина. Передъ нами проходятъ Клюшниковъ, Бѣлинскій, Бакунинъ, семья Аксаковыхъ, особенно К. Аксаковъ, Кирѣевскій, Чаадаевъ.

Третья часть называется „онтологія". Здѣсь является Хомяковъ, котораго г. Андреевъ именуетъ спасителемъ. Хомяковъ содѣйствуетъ тому, что Самаринъ преодолѣваетъ Гегеля, выходитъ на новую дорогу, утверждается въ вѣрѣ въ Промыслъ. И затѣмъ Самаринъ и его друзья умираютъ и всѣ умираютъ безвременно и случайно. Г. Андреевъ кончаетъ свое сочиненіе утвержденіемъ, что Богъ отнялъ у нихъ перо „прежде времени", потому что отъ этого произошло

благо. Разумѣется, вѣря въ Промыслъ, мы не можемъ вѣрить въ случайность этихъ случайныхъ смертей. Но пути Промысла неисповѣдимы, и тезисъ, что было бы хуже, если бы Самаринъ, Хомяковъ, К. Аксаковъ и др. прожили долѣе, представляется недоказуемымъ и рискованнымъ.

Г. Андрееву должно быть поставлено въ заслугу, что онъ опубликовалъ существенное изъ тѣхъ матеріаловъ о Самаринѣ, которые не скоро увидятъ свѣтъ, а можетъ быть нѣкоторые и никогда не увидятъ свѣта. Г. Андреевъ пользовался въ рукописномъ видѣ—1) всею сохранившеюся перепискою Самарина съ Аксаковыми, А. О. Смирновой, кн. Черкасскимъ, Гиляровымъ-Платоновымъ, кн. Гагаринымъ, Хомяковымъ, кн. Оболенскимъ и др.; 2) неизданными статьями Самарина—историческими (Князь), политическими, набросками философскихъ и богословскихъ статей; 3) дневниками—5 томовъ, отъ 19 до 25 лѣтняго возраста,—учебными тетрадями, альбомами рисунковъ; 4) журналами наставниковъ—Pascault—4 тома (отъ 6 до 12 лѣтъ) и Надеждина—2 тома (8—13 лѣтъ); 5) замѣтками Самарина на поляхъ книгъ, мелкими записками. Кромѣ рукописныхъ г. Андреевъ использовалъ даже устные источники—воспоминанія Ѳ. Д. Самарина, кн. А. М. Голицына и Д. А. Хомякова.

Г. Андреевъ не только тщательно изучилъ все то, откуда и изъ чего можно почерпнуть свѣдѣнія о Самаринѣ, но онъ, видно, поставилъ своею задачею изучить факторы, вліявшіе на образованіе личности Самарина и на характеръ его дѣятельности. Г. Андреевъ изучалъ Гегеля; хорошо ознакомился съ Шеллингомъ, прекрасно и въ подлинникахъ знаетъ ту литературу, которою увлекался Самаринъ. Г. Андреевъ занимался изученіемъ эпохи и особенно тѣхъ лицъ, которыя близко стояли къ Самарину. Это изученіе нерѣдко являлось для него ключемъ, при помощи котораго ему открывался не только смыслъ дѣйствій и словъ Самарина, но порою и его душа.

Диссертація г. Андреева является противовѣсомъ ходячимъ легкомысленнымъ представленіямъ о славянофилахъ. Славянофиловъ часто обвиняютъ въ квасномъ патріотизмѣ и презрѣніи къ западу. Не говоря уже о нашей совершенно невѣжественной интеллигенціи, даже такіе образованные люди, какъ покойный Вл. С. Соловьевъ, высказывали подоб-

ныя обвиненія. Г. Андреевъ вовсе не выступаетъ апологетомъ славянофиловъ, но тѣмъ убѣдительнѣе является выводъ подсказываемый его сочиненіемъ, что славянофилы были наиболѣе образованнымъ и наиболѣе благороднымъ элементомъ русскаго общества.

Въ своемъ сочиненіи г. Андреевъ ни на минуту не забывалъ, что человѣкъ есть нѣчто измѣняющееся и развивающееся. Въ его изображеніи Самаринъ никогда не представляется человѣкомъ окончательно сложившимся хотя бы въ богословскомъ или философскомъ смыслѣ. Самаринъ изображается въ процессѣ развитія, и этотъ процессъ прерывается лишь смертію, но авторъ ясно высказываетъ, что если бы не явилась смерть, Самаринъ и дальше бы шелъ по пути исканій. Разумѣется, не всѣ люди таковы. Есть люди рождающіеся стариками. Есть люди, которыхъ духовная физіономія окончательно складывается къ 20—25 годамъ. Есть, наоборотъ, люди, которые духовно блуждаютъ всю жизнь. Г. Андреевъ въ своемъ сочиненіи проявилъ глубокое пониманіе этого различія психики.

Въ историческихъ сочиненіяхъ всѣхъ временъ—наше время не представляетъ исключенія, измѣнилась лишь форма, а не существо—авторы часто являются прокурорами или панегиристами выводимыхъ ими лицъ. Г. Андреевъ *стремится* быть объективнымъ. Это—его заслуга. Но переходя къ рѣчи о томъ, что было бы желательно измѣнить или дополнить въ трудѣ нашего автора, я прежде всего долженъ сказать, что свое стремленіе къ объективности онъ не осуществилъ въ должной мѣрѣ. Онъ не идеализируетъ Самарина, но онъ слишкомъ довѣряетъ антипатіямъ Самарина. Можетъ быть воспитатель Пако и Самаринъ—отецъ сыграли и не такую печальную роль въ жизни Юрія, какъ это представляется г. Андрееву. Матеріалъ, который онъ даетъ намъ въ своемъ сочиненіи, позволяетъ оспаривать его утвержденія. Но особенно несправедливымъ мнѣ представляется отношеніе Ю. Ѳ. Самарина и вслѣдъ за нимъ и нашего автора къ питомцу нашей Академіи (1820—1824) и впослѣдствіи профессору Московскаго Университета Н. И. Надеждину. Надеждинъ былъ крупною личностью. Напрасно г. Андреевъ ссылается на эпиграммы Пушкина по адресу лакейскихъ диссертацій семинариста. Послѣ этихъ общеизвѣстныхъ эпиграммъ Пушки-

нымъ была написана мало извѣстная небольшая статья въ „Телескопѣ“ Надеждина—„Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ“, изъ которой можно видѣть, что Пушкинъ въ концѣ-концовъ усмотрѣлъ въ Надеждинѣ не зоила и педанта, а друга и тонкаго критика. Надеждинъ сдѣлалъ очень много и въ очень различныхъ областяхъ и еще на студенческой скамьѣ онъ былъ замѣченъ Ѳ. А. Голубинскимъ, который и началъ руководить его въ изученіи нѣмецкой философіи. Такъ и г. Андреевъ на студенческой скамьѣ былъ замѣченъ его профессоромъ философіи.

Какъ несправедливъ г. Андреевъ въ отношеніи къ Надеждину, такъ несправедливъ онъ и въ отношеніи къ Петербургу. Я разумѣю не чиновничій міръ Петербурга, который, кажется, никѣмъ и никогда не считался привлекательнымъ, а безвинные сады, улицы и зданія Петербурга. По мысли г. Андреева—и должно признать, онъ развиваетъ ее искусно,—Петербургъ какъ будто самъ по себѣ вліялъ вредно, а Москва сама по себѣ вліяла благотворно. Думается, что вліяніе Петербурга и Москвы при различныхъ сопутствующихъ условіяхъ можетъ быть очень различнымъ.

Заканчивая рѣчь о вліяніяхъ, я долженъ сказать, что хотя г. Андреевъ и признаетъ значительное вліяніе на Самарина того, что именуется ewig weibliches (въ первый разъ на 89 стр.), но изъ его труда не видно этого вліянія.

По отношенію къ внѣшней сторонѣ сочиненія можетъ быть для многихъ читателей было бы лучше, если бы г. Андреевъ былъ нѣсколько проще. Философскіе термины и нѣмецкія фразы или заглавія нравятся не всѣмъ. Порою они являются у автора безъ нужды. Я понимаю еще, что рѣчь о планѣ воспитанія у него озаглавлена по французски—программа была составлена французомъ и на французскомъ языкѣ—,но почему вмѣсто „учебные годы“ у него стоитъ Lehrjahre, хотя эти Lehrjahre начинаются съ того, что у Самарина является русскій воспитатель, это непонятно. Можно, конечно, сказать, что этотъ воспитатель принесъ съ собою нѣмецкій духъ, но этой истинѣ не повредило бы и русское заглавіе.

Г. Андреевъ сдѣлалъ очень много, но если отъ того, кому много дано, можно много и требовать, то я желалъ бы, чтобы при окончательной обработкѣ своего сочиненія г. Андреевъ свелъ изложеніе системы Гегеля главнымъ образомъ

въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ Самаринъ связывается съ Гегелемъ. Тогда вліяніе одного изъ важныхъ факторовъ на Самарина стало бы гораздо яснѣе. Хотя у насъ было много гегельянцевъ, у насъ мало сдѣлано для ознакомленія съ Гегелемъ, и всякое новое изложеніе его воззрѣній—въ данномъ случаѣ разумѣется сжатое,—будетъ очень полезнымъ вкладомъ въ нашу философскую литературу.

Можетъ быть также г. Андреевъ нашелъ бы возможнымъ систематизировать не систематичнаго Самарина. Не измѣняя написаннаго, авторъ могъ бы дополнить свое сочиненіе краткимъ изложеніемъ того, какъ, по его мнѣнію, Самаринъ отвѣчалъ или могъ отвѣчать самому себѣ на вопросы, которые всегда считались и будутъ считаться важнѣйшими. Читателю тогда былъ бы крайне облегченъ трудъ выясненія міросозерцанія Самарина, какъ оно представляется нашему автору.

Но г. Андреевъ сдѣлалъ уже очень много. Въ его сочиненіи проявлены выдающіяся философскія и литературныя способности, любовь къ наукѣ, изумительное трудолюбіе, прекрасное общее образованіе, широкая и основательная подготовка для научныхъ занятій.

Считаю своимъ долгомъ рекомендовать его сочиненіе особенному вниманію Совѣта".

б) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Тема, предложенная г. Андрееву, можетъ показаться черезчуръ скромной для кандидатскаго сочиненія и соотвѣтствующей, скорѣе, небольшому очерку, чѣмъ обширной диссертаціи. Ю. Ѳ. Самаринъ не принадлежитъ къ числу мыслителей, которымъ судьба и характеръ благопріятствовали развернуть въ стройныхъ рядахъ мыслей систему своего жизнепониманія. Нравственный закалъ личности, для Самарина наиболѣе характерный, оказался задержкою въ его писательской дѣятельности, и голосъ долга, непреложнаго, какъ категорическій императивъ, потребовалъ посвятить бо́льшую часть жизни на общественную дѣятельность, которая не была внутренне привлекательной для Самарина, и оставить умственное творчество, о которомъ мечтало сердце. Собственно философское и богословское наслѣдіе Самарина, изданное доселѣ, далеко не настолько значительно, чтобы можно было по нему составить цѣлостное изображеніе

его философско-богословскаго облика. О Самаринѣ стало принятымъ говорить тономъ глубокаго уваженія. Но едва ли многіе могутъ дать себѣ отчетъ въ этомъ установившемся преданіи, значительная доля котораго, къ тому же, относится, конечно, къ дѣятельности Ю. Ѳ-ча по освобожденію крестьянъ. Какъ философъ, Самаринъ доселѣ былъ скорѣе достояніемъ легенды, нежели исторіи, и работа г. Андреева— первый опытъ изслѣдованіе послѣдней.

Выяснивъ себѣ недостаточность ислѣдованія напечатанныхъ сочиненій Самарина, г. Андреевъ понялъ что ему надо заниматься Самаринымъ не столько какъ философскимъ или богословскимъ *писателемъ*, сколько философскихъ и богословскимъ *мыслителемъ* въ собственномъ и точномъ смыслѣ слова. Проникнуть во внутренній міръ Ю. Ѳ-ча, понять самую *жизнь* его, какъ развитіе его философскихъ воззрѣній, —вотъ задача, которую поставилъ себѣ изслѣдователь. И, въ отвѣтъ на такъ поставленную задачу, вмѣсто тощей и малосодержательной тетради, которой должно было ждать при способѣ работы, кажущемся самымъ естественнымъ, у него явился томъ въ XXVIII+934+73 стр. На этихъ страницахъ развертывается обширная *философская эпопея*, и *„Самаринъ“* есть названіе ея, по главному ея герою. Тутъ подвергается спеціальному обсужденію множество лицъ и множество темъ; тутъ представлены вѣянія эпохи и настроенія вѣка; тутъ вступаетъ въ общую ткань изслѣдованія множество обще-философскихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ уже самимъ Авторомъ,—

„племенъ минувшихъ договоры,
плоды наукъ, добро и зло,
и предразсудки вѣковые
и гроба тайны роковыя“.

Ни одинъ изъ излагаемыхъ моментовъ этой эпопеи не дается Авторомъ какъ простой фактъ. Все подвергается внутреннему разъясненію, обсужденію, углубленію. Весь обширный матеріалъ его не вываленъ изъ архивовъ въ сочиненіе, но по существу пронизанъ мыслію и сдѣланъ достояніемъ жизнепониманія. Полотно это обширно, но оно нигдѣ не заполнено простыми фотографическими снимками. Поэтому, послѣ сказаннаго, можетъ быть, уже нѣтъ необходимости отмѣчать, что работа г. Андреева составилась не изъ эклектически подобранныхъ сообщеній о разныхъ разностяхъ. Нѣтъ, тутъ

все—объ *одномъ*, но это одно берется во многихъ моментахъ и во многихъ проявленіяхъ, и каждое изъ дѣйствующихъ лицъ выступаетъ лишь настолько, насколько оно находилось во взаимодѣйствіи съ героемъ и оказалось способствующимъ раскрытію въ немъ линій его собственнаго внутренняго устроенія. Этими-то линіями и обрисовываетъ Ю. Ѳ-ча, на основаніи отдѣльныхъ намековъ и замѣтокъ, г. Андреевъ. Дневники воспитателей Самарина, его собственные дневники, письма его и къ нему, воспоминанія о немъ, отдѣльныя замѣтки въ его сочиненіяхъ—все тутъ использовано въ качествѣ матеріала для воспостроенія цѣлаго, и изъ множества отдѣльныхъ штриховъ, каждый изъ которыхъ самъ по себѣ, въ отдѣльности проведенный, былъ бы совсѣмъ неправильно представляющимъ суть дѣла, г. Андреевъ, исправляя ихъ другъ другомъ, составляетъ весьма точно очерченный духовный путь Самарина. Этотъ путь вычерчивается какъ *огибающая* ряда кривыхъ,—тѣхъ мгновенныхъ направленій чужой мысли и чужой личности, по которымъ шелъ, тогда. когда внутреннее развитіе подводило къ тому, Самаринъ, выявляя по поводу того или другого лица или умственнаго теченія предрасположенія своего собственнаго уклада личности. Говоря о другихъ и о другомъ, г. Андреевъ характеризуетъ, однако, всегда только Самарина. Но т. к. эти отдѣльные штрихи накладываются не простыми упоминаніями, а конкретно и развито, то вся работа получаетъ характеръ сочный и густой. Г. Андреевъ вжился въ личность Самарина, мысленно прожилъ съ нимъ его жизнь, ясно представилъ себѣ даже частныя обстоятельства ея быта. Ясность представленія способствуетъ выработанности языка. Обладая языкомъ литературнымъ, г. Андреевъ сумѣлъ многіе моменты и полосы жизни Самарина изобразить съ художественною выпуклостью и съ драматическимъ трепетомъ. Но, повторяю, эта отчетливость не есть отчетливость только зрительная: образы прошлаго у г. Андреева просвѣтлены философскою идеею, связущею всѣ ихъ въ одно цѣлое. Г. Андреевъ, путемъ внимательнаго изученія „Феноменологіи" Гегеля сумѣлъ выяснить, что гегельянство Самарина не было случайною полосою въ его жизни, зависѣвшею отъ моды, но было заложено въ немъ всѣмъ предыдущимъ развитіемъ и воспитаніемъ, что съ колыбели было *внушено* ему предрасположеніе къ Гегелю и что

весь періодъ философскаго возрастанія его былъ неуклоннымъ шествіемъ къ Гегелю.

Въ *этой* философіи Самарину было дано осознать себя,—чтобы преодолѣть себя. Преодолѣніе Гегеля было побѣдою надъ собою, и Хомяковъ, „спасшій" Самарина отъ Гегеля, спасъ его вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Самарина, отъ гнетущаго переживанія фатальности, которое требовало выявленія и затѣмъ преодолѣнія. „*Къ Гегелю*" и „*отъ Гегеля*"—таковы противоположныя устремленія двухъ половинъ изучаемой біографіи. Но тогда, если подъ знакомъ Гегеля протекаетъ вся она,—тогда дѣлается вполнѣ понятнымъ и то, на первый взглядъ трудно пріемлемое, убѣжденіе нашего автора, что вся эта біографія расчленяется по отдѣламъ Гегелевой „Феноменологіи". Такъ оно, конечно, и быть должно, разъ въ основѣ своей жизнь Самарина воплощаетъ начало Гегелевой философіи. Правда, можетъ быть, съ чисто-литературной стороны могутъ казаться нѣсколько манерными ярлыки изъ Гегелевой „Феноменологіи", налѣпленные въ видѣ заголовковъ на различные отдѣлы и подотдѣлы біографіи Самарина. По существу же дѣла, г. Андреевъ вполнѣ правъ. Но есть эти заголовки, или нѣтъ ихъ, (вычеркнуть ихъ—дѣло четверти часа)—все равно за г. Андреевымъ остается философское проникновеніе въ жизнь философа. Однако, стараясь *все* понять и *все* углубить въ этой жизни, г. Андреевъ блюдетъ себя отъ искушенія все оправдать и все возвеличить. Нравственная оцѣнка и религіозная повѣрка всего, обсуждаемаго въ этомъ сочиненіи, неизмѣнно чувствуется читателемъ его, хотя и не выступаютъ прямо,—что зучало бы навязчивостью.

Итакъ, сочиненіе г. Андреева занимается философствующею личностью и имѣетъ задачею понять это философствованіе какъ проявленіе личности. Можно ходить около личности, внимательно изучая малѣйшую подробность ея периферіи. А можно, обойдя кругомъ нея, углубиться въ толщу ея и сдѣлать, уже въ толщѣ этой, обходъ концентрическій первому, потомъ углубиться еще—и сдѣлать новый обходъ, все стягивая и стягивая обходы и изслѣдуя все болѣе и болѣе глубокія напластованія личности. Всматриваясь въ сложеніе личности на разныхъ глубинахъ ея и открывая единство плана въ разрѣзахъ разныхъ глубинъ, мы поймемъ личность въ ея цѣломъ, ибо идеальный предѣлъ нашихъ

обходовъ есть то, что можно назвать „*самою*“ личностью, а предѣлъ общаго для разныхъ слоевъ плана устроенія—умопостигаемымъ характеромъ даннаго лица.

Г. Андрееву хочется прощупать, именно, ноуменальный пульсъ личной жизни Самарина, подслушать біеніе таинственныхъ нѣдръ его существа,—по внѣшнимъ симптомамъ судить о самомъ организмѣ его души. Ему хочется понять біографію Самарина не какъ послѣдовательность внѣшне перечисленныхъ и плоскостно соотнесенныхъ фактовъ, и не какъ цѣпь извнѣ зацѣпляющихся другъ за друга причинъ и слѣдствій бытія феноменальнаго, но какъ единое, изнутри раскрывающееся *цѣлое*, какъ живую и упругую мускулатуру, въ каждомъ тончайшемъ волокнѣ которой запечатлѣло себя сокровенное, но отъ того еще болѣе опредѣленное, строеніе личности. Показать, что въ свойствахъ *всей* организаціи, какъ и въ моментахъ *всей* біографіи, есть строгая соотносительность, и что, какъ органы тѣла,—черты характера, свойства личности, поступки, склонности и влеченія точно гомологичны и гомотипичны другъ другу,—такова задача, поставленная себѣ г. Андреевымъ и въ значительной части выполненная. Такимъ образомъ, работа его имѣетъ интересъ не только для историка мысли русскаго общества, но и для занимающагося характерологіей или еще какой-нибудь дисциплиной, пытающеюся уловить закономѣрность устроенія личности.

Этотъ интересъ усугубляется еще тѣмъ, что главную массу данныхъ для своего сочиненія г. Андреевъ извлекъ изъ Самаринскаго архива, и что документы, тамъ изученные, оказываются гораздо интереснѣе многаго изъ того, что доселѣ напечатано. Нельзя не высказать самаго горячаго пожеланія, чтобы родственники † Ю. Ѳ. Самарина, столько уже сдѣлавшіе для увѣковѣченія памяти его, возможно скорѣе издали эти высокопоучительные документы.

Главнымъ недостаткомъ разбираемаго сочиненія мнѣ представляется отсутствіе въ немъ характеристикъ *враговъ* и противниковъ—Самарина въ частности и славянофильства вообще. Занятый вдохновителями, друзьями и союзниками Самарина, г. Андреевъ, незамѣтно для себя, по неизбѣжной ошибкѣ въ оцѣнкѣ, умаляетъ значительность Самарина. Вѣдь, обсужденіе его въ ряду величинъ ему равныхъ или его бо́ль-

шихъ, каковы напримѣръ братья Кирѣевскіе, отецъ и сынъ Аксаковы, Хомяковъ и т. д., Гете, В. Гюго, Гофманъ, Гегель и т. д., непозволяетъ изслѣдователю дать себѣ точный отчетъ въ исторической крупности его фигуры, и то, чѣмъ онъ на цѣлую голову превосходилъ своихъ современниковъ, даже изъ числа людей, которыхъ принято считать выдающимися, г. Андреевъ разсматриваетъ какъ нѣчто само собою разумѣющееся. Необыкновенная нравственная высота личности Самарина, его чуткость къ высшимъ проявленіямъ культуры, его собственная культурная высота, его тонкость въ разработкѣ философскихъ понятій, его духовная свобода и честность мысли—все это, на фонѣ западничества и другихъ „просвѣтительныхъ" теченій, открыло бы г. Андрееву въ Самаринѣ человѣка, не безъ причины породившаго около себя обще-установившееся уваженіе. Разбираемое сочиненіе весьма тщательно изучаетъ историческую среду, въ которой протекла жизнь Самарина. Но среда эта представлена односторонне-привлекательно, а эта односторонность послужила къ умаленію героя.

Но не только среда, окружавшая Самарина, а и самая жизнь его, изслѣдована г. Андреевымъ односторонне. Онъ занимается по преимуществу первой половиной жизни его и какъ-то скомканно излагаетъ вторую. Однако, нѣтъ основаній думать, что жизнь, въ самыхъ глубинахъ своихъ столь философичная вначалѣ, вдругъ потеряла эту философичность и стала безсодержательной именно тогда, когда Самаринъ сталъ зрѣлымъ мужемъ. М. б., въ этомъ преимущественномъ вниманіи къ первой половинѣ жизни Самарина сказывается возрастъ автора. Но, какъ бы-то ни было, а недостаточная обслѣдованность второй половины, и даже *печатныхъ* трудовъ ея, выступаетъ весьма замѣтно. Такъ, Самаринская работа объ іезуитахъ, гдѣ столь живо обрисовываются не только нравственныя воззрѣнія самого Самарина, но и его нравственная личность,—эта работа оставлена, кажется, даже безъ упоминанія. А между тѣмъ, тутъ нашъ изслѣдователь нашелъ бы не мало яркихъ подтвержденій тѣмъ тезисамъ, которые онъ устанавливаетъ инымъ путемъ. Точно также, весьма недостаточно выяснено *глубинное* значеніе практической дѣятельности Самарина, и, почти забывая свое основное методологическое положеніе, что ни одно проявленіе

личности не должно считать случайнымъ и стоящимъ *внѣ* самой личности, г. Андреевъ отдѣлывается отъ всего общественнаго подвига своего героя весьма краткимъ и неуглубленнымъ изложеніемъ.

Обращаетъ вниманіе еще и слѣдующій недостатокъ. При изученіи личности столь органическомъ, г. Андреевъ совсѣмъ почти не считается съ *родомъ* Самариныхъ и не пытается привести многіе изъ чертъ своего героя къ условіямъ болѣе кореннымъ, чѣмъ воспитаніе. Онъ кажется, не примѣчаетъ, до какой степени Самаринъ-сынъ напоминаетъ своего отца, и что, слѣдовательно, воспитаніе, само по себѣ, вовсе не имѣло того всесильнаго значенія, какое хотѣли бы видѣть въ немъ Самаринъ-отецъ и Пако и какое призналъ за нимъ г. Андреевъ. А на мысль: заняться особенностями духовнаго склада цѣлаго рода—г. Андреева должны были бы навести нѣкоторые загадочные моменты біографіи Самарина самимъ же Андреевымъ отмѣченные. Самаринъ представляется ребенкомъ, родившимся словно безъ матери, отъ одного только отца. Что̀ значитъ тотъ фактъ, что г. Андрееву приходится писать обширное изслѣдованіе о Самаринѣ, съ тысячекратнымъ упоминаніемъ объ отцѣ его и безъ единаго упоминанія о матери? Какая-то странная отрѣзанность отъ братьевъ; совсѣмъ неясныя отношенія къ церковности; ледяной холодъ родительскаго дома и т. д. и т. д.—что̀ значатъ всѣ эти обстоятельства и въ какомъ предѣлѣ они сходятся? Фатализмъ Самарина, его гегельянство и эти стороны его біографіи явно имѣютъ какой-то общій корень, который я не могу охарактеризовать иначе, какъ что-то металлическое, терзающее и разрывающее душу—и носителей этого металлическаго начала, и всѣхъ, съ ними соприкасающихся. Словно гипнозъ тяготѣетъ надъ домомъ, и только на сторонѣ члены его начинаетъ сбрасывать съ себя злыя чары. Но въ чемъ онѣ? — Не дѣло рецензента производить эти розысканія. Но *его* дѣло—отмѣтить необходимость таковыхъ. И, въ частности, *его* дѣло указать, что, посвятивъ столько страницъ личности Ю. Ѳ-ча, г. Андреевъ ни разу не далъ анализа его *лица*. А между тѣмъ, изучить это лицо, особенно въ разныя полосы его жизни—сколькими бы данными это обогатило ноуменальное изученіе личности! То же должно сказать и о другихъ способахъ проникновенія въ ноуменальныя нѣдра лич-

ности. Почеркъ, структура біографической хронологіи, символизмъ событій, вкусы, симпатіи и антипатіи, привычки, вообще все то, въ чемъ подсознательное творчество личности выявляетъ себя съ наименьшимъ треніемъ, — это должно было бы подвергнуться анализу тѣмъ болѣе тщательному, что именно въ этомъ направленіи ведется вся работа. Какъ важно было бы, напримѣръ, прослѣдить, хотя бы по фамильнымъ портретамъ, въ какомъ направленіи шло духовное развитіе рода, прежде чѣмъ онъ породилъ своего лучшаго представителя, и какъ связываются черты этого послѣдняго съ основными тенденціями рода.

Сдѣлаемъ еще одно маленькое замѣчаніе. Г. Андреевъ отмѣчаетъ у Хомякова ошибку въ передачѣ Кантовскаго „Du sollst, denn du kannst"—а именно: „Ты можешь, значитъ долженъ". Эта ошибка, въ которую впослѣдствіи впалъ еще В. В. Розановъ,—вовсе не новость, ибо въ ней же провинился до Хомякова гегеліанецъ Михелетъ, и весьма возможно, что дальнѣйшія повторенія этой ошибки были заимствованы, прямо или косвенно, именно отъ этого послѣдняго.

Было бы желательно, чтобы г. Андреевъ, кое въ чемъ восполнивъ свое сочиненіе, возможно скорѣе выпустилъ его въ свѣтъ. Но и то, что представилъ онъ теперь, всесторонне показываетъ въ немъ работника, умѣющаго обращаться и съ философскими трактатами и съ художественными произведеніями, разбирающагося въ сырыхъ и трудно-разбираемыхъ рукописныхъ матеріалахъ и отлично владѣющаго языкомъ. Степени кандидата онъ съ избыткомъ заслуживаетъ".

4) О сочиненіи студента *Архангельскаго Алексѣя* на тему: „Типы диссолюціонныхъ воззрѣній въ церковной письменности и въ свѣтской наукѣ".

а) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„При обсужденіи сочиненія г. Архангельскаго нужно принять во вниманіе нѣкоторыя свойства темы, которыя дѣлали разработку ея болѣе трудной, чѣмъ это бываетъ при большинствѣ другихъ студенческихъ работъ. Дѣло въ томъ, что г. Архангельскій не только не имѣлъ предъ собою образца работы, если не считать далеко не достаточной книги Андрея *Лаланда*—La dissolution opposée à l'évolution, Paris 1899—, но не могъ и пользоваться готовыми и точно выработан-

ными понятіями. Самое понятіе *диссолюціи*, какъ процесса обратнаго эволюціи, намѣчается во множествѣ мѣстъ науки и нащупывается многими мыслителями, но доселѣ не приведено къ ясности, и даже терминъ „*диссолюція*“ не имѣетъ въ научномъ обиходѣ единообразнаго употребленія. Предлагая тему, рецензентъ имѣлъ въ виду, что г. Архангельскій пойдетъ путемъ аналитическимъ,—т. е. вскроетъ въ современныхъ и древнихъ теченіяхъ мысли основныя направленія въ пониманіи сущности диссолюціи и постарается привести найденныя понятія диссолюціи къ нѣкоторому возможному единству. Однимъ словомъ, отъ Автора предполагалось услыхать постепенно вырабатываемое опредѣленіе диссолюціи, охватывающее разныя типическія диссолюціонныя ученія. Эта работа, требующая и большихъ знаній и большой остроты логическаго анализа, несомнѣнно,—работа нелегкая.

Авторъ пошелъ инымъ путемъ, синтетическимъ,—не скажу чтобы неинтереснымъ, но такимъ, которому все же должна бы предшествовать та, выше-указанная работа. Отъ невниманія его къ той работѣ произошли нѣкоторыя неясности, которыя, надо надѣяться, онъ исправитъ при дальнѣйшей обработкѣ своего весьма нужнаго по темѣ сочиненія. А именно, г. Архангельскій полагаетъ въ основу своего изслѣдованія не *понятіе* диссолюціи, а *чувство* диссолюціи, какъ чувство умиранія и смерти, и даже пытается вскрыть, на какихъ гносеологическихъ и онтологическихъ основахъ оно произростаетъ, къ какимъ слѣдствіямъ ведетъ и какія теченія въ религіи и наукѣ производитъ въ качествѣ своихъ плодовъ. Эти основы—антиномичность бытія и познанія въ ея различныхъ аспектахъ, приводящаяся въ свою очередь къ идеѣ грѣховности. Идея диссолюціи, въ основѣ своей, есть не что иное, какъ чистосердечное признаніе грѣховности бытія и тѣсно связана съ проблемою *времени* и проблемою *индивидуальности*. Но та же идея диссолюціи, поэтому, предполагаетъ и воскресеніе, возрожденіе, возстановленіе—черезъ смерть. По существу дѣла нельзя не признать такую постановку темы значительной. Но Авторъ постоянно сбивается съ языка *переживаній* на языкъ *понятій*, и потому то̀ переживанія изображаются имъ безкровно, то̀ понятія расплываются у него во что-то неуловимое. Отдѣльныя мѣста, такъ сказать—покоющіяся положенія мысли, сами по себѣ взятыя, очерчены имъ порою отчетливо и убѣдительно. Таково, въ особенности,

изслѣдованіе объ эсхатологическихъ идеяхъ св. Ипполита, папы Римскаго. Но когда г. Архангельскій начинаетъ связывать эти отдѣльные экскурсы и пытается діалектически перейти отъ одного мѣста покоя къ другому, тогда мысль его, при безспорной значительности, дѣлается трудно уловимой и слишкомъ бѣглой. Что два положенія, связываемыя имъ, дѣйствительно стоятъ въ какой-то существенной связи между собою,—это, въ такихъ случаяхъ, чувствуется. Но выразить эту связь обще-понятно—далеко не всегда удается г. Архангельскому, за что, впрочемъ, винить надо не столько его, сколько трудную уловимость самой связи. Поэтому, сочиненіе его, содержащее въ себѣ много интересныхъ замѣчаній и отдѣльныхъ наблюденій и написанное хорошимъ языкомъ, при процессѣ чтенія представляется болѣе или менѣе единымъ, но, какъ только рукопись отложена въ сторону, за улетученіемъ связующихъ его смутныхъ чувствъ и волненій мысли, распадается и лишь съ большимъ трудомъ можетъ быть мысленно воспроизведено, какъ одно цѣлое. Разбираемое сочиненіе, не вполнѣ додѣлано; оно нуждается во *времени*, чтобы улежаться и, когда мысли г. Архангельскаго получатъ болѣе опредѣленности, оно обѣщаетъ быть и углубленнымъ и полезнымъ.

Не стану отмѣчать ни частныхъ достоинствъ, ни частныхъ недочетовъ этого изслѣдованія. Скажу только, что кое что въ немъ нуждается въ болѣе точной провѣркѣ и многое — въ восполненіи. Но и то, что сдѣлано сейчасъ, показываетъ, что г. Архангельскій можетъ быть весьма полезнымъ преподавателемъ богословскихъ и философскихъ наукъ, особенно въ тѣхъ ихъ областяхъ, гдѣ онѣ соприкасаются между собою. Степени кандидата онъ вполнѣ заслуживаетъ".

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева:*

„Сочиненіе г. Архангельскаго (272 стр.) написано литературнымъ языкомъ. Оно обнаруживаетъ въ авторѣ философскую начитанность, интересъ и внимательное отношеніе къ наукамъ физическимъ и знакомство съ нѣкоторыми проблемами біологіи.

Но сочиненіе вызываетъ много недоумѣній.

Авторъ не опредѣляетъ, что такое — диссолюціонныя воззрѣнія, между тѣмъ терминъ этотъ вовсе не имѣетъ граж-

данства въ философской наукѣ. На стр. 4-ой авторъ намъ сообщаетъ, что чувство диссолюціи есть чувство смерти. На это я скажу: освобожденіе желѣза отъ ржавчины есть процессъ диссолюціонный, т. е. по-просту процессъ разложенія. Неужели это смерть для желѣза? Диссолюція можетъ быть высвобожденіемъ отъ нежелательныхъ связей. Нашъ авторъ разсматриваетъ диссолюцію съ иной точки зрѣнія. Онъ долженъ былъ дать точное опредѣленіе термина.

Г. Архангельскій своею темою обязался дать намъ типы диссолюціонныхъ воззрѣній. Но почему избранныя имъ лица и книги должны быть считаемы типичными, это остается загадкою для читателя. Мнѣ представляются они—не скажу: всѣ, но многія—совершенно случайными. Почему авторъ не говоритъ о теоріи Гирна (прямо на тему), о минеральной философіи Лаппарана (прямо на тему), о Снайдерѣ, о послѣднихъ работахъ († Пуанкарэ, Беккереля? Затѣмъ онъ много говоритъ о Лебонѣ и не договариваетъ главнаго, что Лебонъ вовсе не сторонникъ диссолюціонныхъ воззрѣній. „Все теряется“ у Лебона вовсе не значитъ: все гибнетъ, какъ думаетъ нашъ авторъ, а значитъ: все превращается (изъ одного въ другое). Г. Архангельскій удивляется открытіямъ Бахметьева и Вейнберга (стр. 164 и 165), но то что онъ изъ нихъ извлекаетъ, было извѣстно до рожденія этихъ почтенныхъ авторовъ.

Не смотря на то, что г. Архангельскій пишетъ легкимъ языкомъ, понимать его далеко не всегда легко. Дѣло въ томъ, что онъ нерѣдко старыя слова употребляетъ въ новыхъ значеніяхъ. Онъ употребляетъ термины „однажды-рожденные“, „дважды-рожденные“ (стр. 5, 6 и слѣд.) въ смыслѣ обратномъ общепринятому. Подъ однажды рожденными въ различныхъ религіяхъ разумѣются лица получившія лишь плотское рожденіе, а подъ дважды рожденными лица черезъ обрядъ или таинство присоединенныя къ религіозной общинѣ, т. е. получившія кромѣ плотского духовное рожденіе. У г. Архангельскаго подъ однажды-рожденными разумѣются тѣ, которые всегда смотрятъ на небо, а подъ дважды - рожденными тѣ, которымъ сначала надо насмотрѣться на землю. Дважды рожденными у него оказываются по церковному ученію всѣ люди (стр. 7—8).

Такія выраженія, какъ: „христіанство дуалистично“, „мони-

стическая непрерывность грѣха“ (стр. 11) совершенно непонятны. Не болѣе понятно и то, почему разумъ механистическій признаетъ законъ тожества, а разумъ телеологическій—законъ достаточнаго основанія, и здѣсь открывается какая-то антиномія (123—124 стр.). Непонятнымъ представляется, почему прагматизмъ Джемса является политеистическимъ (114 стр.). Не знаю также, для чего термины новой біологіи—онтогенезисъ и филогенезисъ—авторъ примѣняетъ (стр. 145—146) къ тому, что уже давно имѣло точныя обозначенія. На 269 стр. авторъ говоритъ „о каріокинезіи“, во всѣхъ учебникахъ употребляется терминъ „каріокинезисъ“. Здѣсь же авторъ говоритъ „о меретоніи“. Подозрѣваю, что предполагается „мерогонія“. Нужно оговориться впрочемъ, что въ сочиненіи г. Архангельскаго безконечное множество описокъ, и далеко не всегда можно рѣшить — описка это, ошибка или убѣжденіе автора, за которое онъ можетъ постоять. Такъ на стр. 171 читаемъ: „если... вселенная безконечна, то законъ диссолюціи къ ней примѣнимъ. Это ясно“... Подозрѣваю, что авторъ хотѣлъ написать: непримѣнимъ, но почему? Это на самомъ дѣлѣ далеко неясно и можетъ оспариваться.

Неясенъ г. Архангельскій не только вслѣдствіе своеобразнаго употребленія словъ и оборотовъ, но и вслѣдствіе того, что онъ слишкомъ много требуетъ отъ читателя. Онъ рѣдко излагаетъ ученія, надъ которыми потомъ произноситъ судъ; обыкновенно онъ только намекаетъ на нихъ. Судъ его тоже обыкновенно является краткимъ и категоричнымъ. Можетъ быть sapienti sat, но для простого смертнаго, какимъ является настоящій рецензентъ, все это неясно, непонятно и не рѣдко вызываетъ въ немъ сомнѣнія—ясно ли это самому автору? Такъ на стр. 166 г. Архангельскій размагничиваетъ индукціонную спираль „пропусканіемъ тока въ обратномъ направленіи“; думается, что собственный опытъ г. Архангельскаго съ нажиманіемъ пуговки электрическихъ звонковъ долженъ бы былъ научить его, что размагничиваніе происходитъ вслѣдствіе прекращенія тока. Точно также рѣчь автора о статистической механикѣ, о статистическомъ фактѣ (168 и 182 стр.) въ механикѣ представляетъ ли собою новую теорію автора, недоразумѣніе его или просто описку и вездѣ нужно подразумѣвать статику? Рецензентъ недоумѣваетъ и

контекстъ сочиненія не объясняетъ ему ничего. Рѣчи автора о распаденіи атома на мельчайшія частицы, о математической теоріи энтропіи и многое вызываютъ въ рецензентѣ недоумѣнія—вполнѣ ли все это выяснилъ себѣ авторъ?

Но за всѣмъ тѣмъ рецензентъ долженъ признать слѣдующее. Сочиненіе г. Архангельскаго свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ незадаромъ провелъ время въ академіи. Онъ изучилъ многое, что изучается немногими питомцами духовной школы и что однако часто на самомъ дѣлѣ имъ бываетъ очень нужно. Все изученное г. Архангельскимъ можетъ оказаться ему очень полезнымъ при преподаваніи богословскихъ или философскихъ наукъ и при составленіи апологетическихъ трактатовъ.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполнѣ удовлетворительно".

5) О сочиненіи студента *Благовѣщенскаго Виктورина* на тему: „И. С. Аксаковъ. Его религіозное и общественное міросозерцаніе".

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Въ сочиненіи послѣ обстоятельной біографіи И. С. Аксакова, представленной въ связи съ выясненіемъ традицій дома Аксаковыхъ, авторъ даетъ послѣдовательную характеристику его міросозерцанія, въ смыслѣ систематическаго изложенія и генетическаго уясненія его взглядовъ—политическихъ и общественныхъ, съ одной стороны, религіозныхъ вообще и въ частности церковныхъ — съ другой. Теорія земли и государства, ихъ взаимоотношеніе и отношеніе къ обществу, свобода слова, школьное образованіе, роль личности въ государственной и общественной жизни, значеніе церкви и ея отношеніе къ государству, свобода совѣсти—вотъ тѣ основные вопросы въ міросозерцаніи И. С. Аксакова, которыми объединяются его частныя воззрѣнія и которыя постепенно останавливаютъ на себѣ вниманіе г. Благовѣщенскаго.

Все сочиненіе составлено на основаніи тщательнаго изученія не только многочисленныхъ сочиненій и журнальныхъ статей Аксакова и небольшихъ работъ о немъ, но и обширной научной и публицистической литературы, отно-

сящейся къ славянофильству вообще. Изложеніе — строго продуманное, расположенное въ стройной системѣ, точное и литературное. Отношеніе автора къ избранному имъ мыслителю—объективное, чуждое присущаго многимъ работамъ о славянофильствѣ сантиментализма, но въ то же время исполненное глубокаго уваженія и теплаго чувства къ Аксакову, какъ мыслителю и общественному дѣятелю.

Авторъ не привлекаетъ къ дѣлу какихъ-либо новыхъ матеріаловъ объ И. С. Аксаковѣ, хотя ему извѣстно о существованіи болѣе 100 неизданныхъ писемъ его къ женѣ, представляющихъ и біографическій, и историко-литературный интересъ. Но воспользоваться этой перепиской авторъ лишенъ былъ возможности.—По мѣстамъ онъ систематизируетъ міровоззрѣніе Аксакова съ большей послѣдовательностью, чѣмъ какую, на нашъ взглядъ, можетъ дозволять характеръ изучаемыхъ мнѣній и симпатій, развивавшихся иногда не столько въ системѣ планомѣрнаго логическаго движенія мыслей, сколько въ зависимости отъ общей настроенности славянофила-публициста.—Съ нѣкоторыми частностями въ сужденіяхъ г. Благовѣщенскаго о послѣдовательности развитія славянофильства можно не соглашаться, но нельзя не считать вполнѣ правильной той основной въ сочиненіи точки зрѣнія на положеніе И. С. Аксакова въ исторіи славянофильства, что онъ не внесъ „въ сокровищницу славянофильства“ никакихъ новыхъ идей, но что онъ, „воспринявъ славянофильское ученіе, пустилъ его въ оборотъ русской общественной мысли“, что „кабинетную теоретическую доктрину онъ вынесъ на свѣтъ и смѣло бросился съ нею въ живую практическую жизнь“...

Степени кандидата богословія г. Благовѣщенскій вполнѣ заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Страхова*:

„Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ обращаетъ вниманіе на отсутствіе юбилейной (25-лѣтія со дня смерти, † 1886—1911) литературы объ И. С. Аксаковѣ и вообще на скудость литературы объ этомъ писателѣ-славянофилѣ и причину этого усматриваетъ отчасти въ томъ, что упомянутый юбилей И. С. Аксакова пришелся между смертью Толстого и 50-лѣтнимъ юбилеемъ освобожденія крестьянъ, по-

глотившими все вниманіе общества и крупной журналистики, и, главнымъ образомъ, въ томъ, что И. С. Аксаковъ „не внесъ ни одной новой идеи въ сокровищницу славянофильства“ (с. 3). Находя такое отношеніе къ И. С. Аксакову несправедливымъ, авторъ ставитъ себѣ двоякую задачу: 1) „дать біографію этого писателя-славянофила на основаніи изданнаго матеріала, по преимуществу писемъ его и воспоминаній о немъ, и 2) на основаніи передовыхъ статей его, главнымъ образомъ, изъ „Дня“, „Москвы“, „Москвича“ и „Руси“, собранныхъ и изданныхъ въ 7-ми томахъ Собр. соч. его, представить въ систематическомъ изложеніи его религіозное и общественное міросозерцаніе“ (с. 6) и показать его значеніе для славянофильства.

Эту свою двоякую задачу авторъ выполнилъ удовлетворительно. Въ первой главѣ своего сочиненія онъ даетъ общую характеристику дома Аксаковыхъ и устанавливаетъ тѣ вліянія, подъ которыми воспитывался будущій писатель—славянофилъ. Во второй главѣ авторъ начертываетъ біографію И. С. Аксакова и показываетъ, какъ семейныя традиціи и домашнее воспитаніе отразились на личности И. С. Аксакова и на его литературно-публицистической дѣятельности. Главы III—VI посвящены выясненію общественнаго міросозерцанія И. С. Аксакова. Авторъ находитъ, что государственно-общественное міросозерцаніе И. С. Аксакова въ своей основѣ имѣетъ теорію земли и государства, развитую его старшимъ братомъ К. Аксаковымъ, и поэтому прежде всего излагаетъ эту послѣднюю. И уже послѣ этого переходитъ къ изложенію ученія И. С. Аксакова о землѣ, государствѣ и обществѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Общество, по Аксакову, есть народъ самосознающій, и истиннымъ признакомъ общественности служитъ свободное слово. Государство нуждается въ поддержкѣ общественной и залогъ его дѣйствительнаго преуспѣянія лежитъ въ общественномъ развитіи на началахъ народно-историческихъ. Непосредственной выразительницей истинныхъ нуждъ народной жизни является свободная печать, въ особенности провинціальная. Строгая цензура не достигаетъ своей цѣли. Напротивъ, несвободное слово служитъ условіемъ популярности западническихъ идей. Другимъ послѣ свободнаго слова условіемъ торжества истинно-народныхъ идей

является національная школа: безъ народнаго не можетъ быть общечеловѣческаго. А такъ какъ русскій народъ—не политическій, а соціальный, и цѣнитъ онъ больше всего внутреннія, нравственныя основы своей жизни, то истиннымъ типомъ русской школы является, по мнѣнію И. С. Аксакова, національно-церковная школа, гдѣ только и можетъ выработаться сильная убѣжденная личность, отъ которой зависитъ благо государственное и общественное. Идеаломъ для И. С. Аксакова является личность, воспитанная на началахъ національно-христіанскихъ.

Главы VII—IX посвящены изложенію религіозно-церковныхъ воззрѣній И. С. Аксакова. Если его общественное міросозерцаніе основывается на государственно-общественныхъ воззрѣніяхъ К. Аксакова, то его религіозно-церковныя воззрѣнія въ своей основѣ имѣютъ богословско-церковныя воззрѣнія А. С. Хомякова. Поэтому изложеніе религіозно-церковныхъ воззрѣній И. С. Аксакова авторъ предваряетъ изложеніемъ религіозно-церковныхъ воззрѣній Хомякова. Переходя къ изложенію ученія И. С. Аксакова о Церкви, г. Благовѣщенскій сначала устанавливаетъ взглядъ И. С. Аксакова на роль и значеніе христіанства въ общественной жизни, потомъ—говоритъ объ отношеніи И. Аксакова къ современному прогрессу и, наконецъ, переходитъ къ изложенію его мыслей о необходимости поднять пошатнувшееся вліяніе Церкви и оживить русскую религіозно-общественную жизнь. Возвышеніе Церкви и оживленіе религіозно-общественной жизни зависитъ отъ двухъ условій—отъ возстановленія прихода, какъ основной ячейки общественно-церковной жизни, и освобожденія Церкви отъ государственно-полицейской опеки путемъ дарованія ей полной самостоятельности въ ея внутренней жизни и возстановленія въ ней началъ соборности. Изложеніе религіозно-церковныхъ воззрѣній И. С. Аксакова авторъ заканчиваетъ изложеніемъ ученія И. Аксакова о свободѣ совѣсти. Истинное единство Церкви предполагаетъ, по мнѣнію И. С. Аксакова, искреннее, на свободной совѣсти основанное, единомысліе членовъ въ исповѣданіи единой вѣры. Вотъ почему свобода совѣсти неотъемлема отъ понятія Церкви, какъ организма свободной любви и истины.

Въ заключеніи авторъ устанавливаетъ значеніе И. С. Аксакова для славянофильства. Какъ натура активная, практи-

ческая, И. С. Аксаковъ „не могъ быть новаторомъ, а могъ быть пропагандистомъ, не могъ быть мыслителемъ, а могъ быть проповѣдникомъ“ (с. 307). Недюжинный литературно-публицистическій талантъ, ораторское искусство, а, главное, пламенное убѣжденіе въ своей правотѣ и искренность и твердость въ отстаиваніи своихъ мыслей, это, по выраженію современниковъ И. С. Аксакова, „писаніе не чернилами, а кровью своего сердца и соками своихъ нервовъ“,—способствовали успѣху И. С. Аксакова, сдѣлали изъ него писателя—трибуна.

Таково общее содержаніе сочиненія г. Благовѣщенскаго. Сочиненіе захвачено широко и написано интересно, методъ работы правильный, языкъ за немногими исключеніями вполнѣ литературный. И хотя встрѣчаются въ сочиненіи г. Благовѣщенскаго нѣкоторыя передержки, но онѣ не портятъ общаго пріятнаго впечатлѣнія отъ его работы. Если вѣрны слова И. С. Аксакова, что „убѣжденіе есть власть“, что „человѣкъ убѣжденный есть власть имѣющій“ (Собр. соч. II, 173), то у рецензента есть основаніе надѣяться, что для г. Благовѣщенскаго его занятія И. С. Аксаковымъ не пропадутъ даромъ, что отъ жизни родится жизнь, что г. Благовѣщенскій будетъ убѣжденнымъ и честнымъ дѣятелемъ на нивѣ церковной.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

6) О сочиненіи студента *Богдановича Ивана* на тему: „Ученіе о человѣкѣ и человѣческой жизни по тексту книги Екклезіастъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова:*

„Сочиненіе г. Богдановича написано по такому плану: сначала авторъ даетъ исагогическія справки въ книгѣ Екклезіастъ, потомъ обозрѣваетъ исторію толкованія книги Екклезіастъ, далѣе излагаетъ ученіе книги Екклезіастъ и наконецъ, послѣ очерка, касающагося воззрѣній Шопенгауэра и Гартманна, сопоставляетъ ученіе книги Екклезіастъ съ данными пессимистическихъ доктринъ этихъ мыслителей. Прежде всего какъ отнесся авторъ къ своей темѣ?—Ему предлежала двойственная задача, два вопроса для рѣшенія: 1) ученіе книги Екклезіастъ о человѣкѣ и 2) ученіе той же книги о

человѣческой жизни. Нужно было сначала поставить элементы статическіе, потомъ — динамическіе. Г. Богдановичъ слилъ оба смежныхъ вопроса въ одинъ и написалъ по антропобіологіи, оставшись почти совершенно внѣ сферы описательной антропологіи. Однако такое сліяніе вопросовъ въ трактаціи подобныхъ темъ по Библейскимъ книгамъ имѣетъ оправданіе; только всецѣлое поглощеніе, а не частичное сорастворенiе одного вопроса въ другомъ составляетъ нѣкоторый lapsus. Библія ни въ какомъ памятникѣ не даетъ данныхъ о человѣкѣ, какія можно было бы изолировать отъ ученія о человѣческой жизни, какъ раздѣльны анатомія и физіологія въ естественно-исторической наукѣ; по большей части здѣсь антропологическій элементъ вкрапленъ въ ткани амартологіи и сотеріологіи. При извѣстномъ искусствѣ и амальгамы разрѣшимы на составныя части, отъ г. Богдановича требовалось бы предварительно разработать вопросъ терминологически по словарямъ еврейскаго языка и по конкорданціи, тогда работа представилась бы дихомотически: сначала установка техническаго языка Когелета (ученіе о человѣкѣ), потомъ экзегезисъ подлежавшихъ разсмотрѣнію мѣстъ (ученіе о человѣческой жизни). Итакъ г. Богдановичъ по преимуществу остановился на вопросѣ о человѣческой жизни. Что касается до введенія очерка, посвященнаго изложенію ученія пессимистовъ, то онъ органически не слитъ съ всею рецензируемою работою, составляя какъ бы обширный парентезъ. Удобнѣе было бы, представляя ученіе корифеевъ новѣйшаго пессимизма извѣстнымъ читателю, приводить эти доктрины не in extenso, а въ нужныхъ эксцерптахъ, гдѣ слова философовъ напоминаютъ совнѣ сѣтованія Когелета.

Въ основу нравственной и физической біологіи Когелета положено понятіе гевель-суета, дуновеніе (ср. Исаіи 57, 13), къ которому только епэкзегетически по мѣстамъ прибавляется районъ руахъ, значащее —стремленіе къ осязанію вѣтра, вожделѣніе вѣтра, или амаль, изнурительный трудъ — improbus labor, какъ у Горація,—нѣчто граничащее съ бѣдствіемъ. Поэтому естественно, что г. Богдановичъ долженъ былъ выяснить генезисъ ученія о суетности земнаго бытія. Толкователи, считающіе книгу Когелетъ за исповѣдь Соломона, за автобіографію, склонны видѣть исходный пунктъ въ ученіи Екклезіаста о суетности всего земнаго въ разочарованіяхъ

писателя, на основѣ его опыта касательно внѣшнихъ благъ жизни и даже самой мудрости (1,18), но г. Богдановичъ правильно усматриваетъ, что Когелету предносится иная жизнь на землѣ, жизнь въ Богѣ и съ Богомъ, а тогда его пессимистическое настроеніе имѣетъ свои корни въ томъ разочарованіи, которое въ свое время постигло и первую Библейскую пессимистку, назвавшую второго сына именемъ „Суета". Какой-то дуализмъ проникаетъ весь священный памятникъ, подлежавшій изученію г. Богдановича, почему нѣкоторые толкователи пытались устанавливать въ немъ прикровенный діалогъ, подобіе философскихъ діалоговъ книги Іова. Однимъ лирическимъ безпорядкомъ или гномическимъ характеромъ рѣчи нельзя, конечно, объяснить противорѣчій въ воззрѣніяхъ Когелета, если внимательно слѣдить за нитью его аргументаціи изъ стиха въ стихъ, изъ главы въ главу священной книги. Ключемъ къ открытію этой тайны афоризмовъ Когелета является допущеніе двухъ теченій мысли въ этомъ памятникѣ, причемъ одно утверждается на данныхъ эмпирическихъ, а другое базируется на спекулятивно-теистической подъосновѣ: по однимъ въ мірѣ все безцѣльно, круговоротъ вѣтра, по другой въ мірѣ жизнь хороша, но въ Богѣ. Отсюда у Когелета то отвращеніе къ жизни (1, 14), доходящее до біофобіи (2, 17 и 4, 23), то призывъ къ вѣчному радованію: да будутъ на всякое время одежды твои свѣтлы, и да не оскудѣваетъ елей на главѣ твоей (символъ пиршества, 9, 8). Если метафизическій пессимизмъ заводитъ на обрывъ, то Когелетъ надъ непостижимымъ (8, 17), часто мутнымъ потокомъ земной жизни видитъ яркую радугу грядущихъ упованій (12, 14). Говоря о возможномъ на землѣ благѣ, Когелетъ неизмѣнно созерцаетъ промыслительный актъ Божій (напримѣръ 5, 18, ср. 2, 25). Наслаждаться внѣ чувствованія Божественнаго промышленія -дѣло немыслимое. Въ жизни, по Когелету, разстройство: не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ—побѣда, не мудрымъ — хлѣбъ, не у разумныхъ—богатство (9, 11). жизнь охвачена тисками моральнаго вырожденія (4, 1), но это не отъ Бога, Который сотворилъ все прекраснымъ въ свое время, такъ что къ дѣлу Божію нечего прибавить и отъ него нечего убавить (3, 11 и 14), и люди созданы правыми, слѣдовательно съ потенціею счастія, но пустились во многіе по-

мыслы (7, 29). Такъ этическій пессимизмъ Когелета даетъ теодицею подобно ученію книги Іова. Софъ даваръ (12, 13)— послѣсловіе рекапитулируетъ долгій путь практическихъ совѣтовъ и теоретическихъ разсужденій, пройденный Когелетомъ, возможно, пользовавшимся и плодами коллективныхъ наблюденій, и сближаетъ его ученіе съ наставленіями другихъ памятниковъ хохмической священной письменности: направляющею силою человѣческой жизни долженъ быть признаваемъ страхъ Божій; коль-гаадамъ—все человѣческое *κατ' ἐξοχὴν* объемлется только однимъ этимъ понятіемъ, за периферіею этого коль-гаадамъ лежитъ туманная области суетныхъ явленій. Когелетъ сопоставляетъ трудъ и скорби въ однихъ мѣстахъ книги, трудъ и радованія—въ другихъ, и показываетъ, что земной эмпиризмъ устанавливаетъ генетическую связь первой пары явленій; даже и простѣйшее благо, чтобы ѣсть и пить и услаждаться отъ труда своего,— не во власти человѣка, хотя бы и въ ночи не спало его сердце (2, 24, 22). Что касается до радованія, вытекающаго изъ труда, то оно отъ руки Божіей (ibid). Приводя къ теистическому міропониманію, Когелетъ выдвигаетъ щитъ противъ поверхностнаго скепсиса, направленнаго или на природу души или на суетное суетнѣйшаго—круговоротъ явленій въ природѣ. Что было, то и теперь есть, а что будетъ, то уже было, но все же не само по себѣ, а Богъ вызываетъ прошедшее (3, 15). Природа души—загадка для испытующаго ума человѣка, но сверхъопытная сфера бытія во власти того же Бога, Котораго рука ощутима въ явленіяхъ земнаго *радованія* въ отличіе отъ скорогибнущаго земнаго *веселія* (еврейскіе синонимы). Такъ міровой стабилизмъ Когелета призываетъ къ упрощенію жизни, и его философія, кажущаяся убогою свѣтскимъ мыслителямъ нашего времени, ведетъ къ аскетическому пониманію жизни. Таковы выводы и данныя въ работѣ г. Богдановича. При наличности на западѣ стремленій поставить философствованіе Когелета подъ сѣнь древней біофилософіи, будетъ ли это — эпикуреизмъ, стоицизмъ или еще какая система, важно было показать, что проблемы жизни подъ солнцемъ въ освѣщеніи Когелета выступаютъ самобытно, на яркомъ фонѣ личнаго опыта писателя священной книги. Г. Богдановичъ не имѣетъ, скажемъ словами блаженнаго Іеронима, „infinitam ser-

monis supellectilem“ (epist. 14 ad Paulinum), гебраистическія справки, особенно по синонимикѣ, могли бы быть углублены и расширены, но безусловно и въ настоящемъ видѣ его трудъ свидѣтельствуетъ объ усердіи къ дѣлу и вполнѣ заслуживаетъ кандидатской степени“.

б) Доцента *іеродіакона Иларіона (Троицкаго):*

„Сочиненіе студента Богдановича очень невелико: 146 стр. въ рукописи; въ печати же оно заняло бы не болѣе 45 стр. Но и при этомъ незначительномъ объемѣ оно на двѣ трети наполнено матеріаломъ прямо и безспорно къ темѣ не относящимся. Всего лишь 45 стр. рукописи даютъ отвѣтъ на тематическій вопросъ (стр. 36—72. 138—146). Тема сочиненія г. Богдановича предполагала изслѣдованіе антропологіи и аксіологіи Когелета, но авторъ при написаніи своего сочиненія антропологическій вопросъ почему-то обошелъ молчаніемъ и ограничился лишь ученіемъ о человѣческой жизни. Этимъ изложеніемъ и заполнены стр. 36—72, причемъ научное изслѣдованіе автора сказывается лишь при немногихъ экзегетическихъ замѣчаніяхъ касательно того или другого мѣста (напр. стр. 58 прим. 1). Изложеніе авторомъ ученія о человѣческой жизни по кн. Екклезіастъ можно признать вполнѣ удовлетворительнымъ. Безъ всякой нужды сокративъ свою тему, г. Богдановичъ добавилъ за то цѣлые отдѣлы, которые темой не предусматриваются. Онъ прочиталъ нѣсколько исагогическихъ и экзегетическихъ изслѣдованій о книгѣ Екклезіастъ и на основаніи этихъ пособій конспективно пишетъ объ авторѣ и времени написанія книги (стр. 5—8) и излагаетъ „исторію толкованія книги“ (стр. 9—35), исторію отрывочную и неполную. Не мало здѣсь называется ученыхъ именъ, но эти имена почти не сопровождаются опредѣленными ссылками на ученые труды. Вторая же половина сочиненія, начиная съ 73 стр., посвящена характеристикѣ новѣйшаго пессимизма. Здѣсь авторъ сжато реферируетъ содержаніе Шопенгауэра—„Міръ какъ воля и представленіе“ и Гартмана - „Философія безсознательнаго“ причемъ каждому изъ этихъ произведеній удѣляется мѣста и вниманія не меньше, чѣмъ книгѣ Екклезіастъ (о Шопенгауэрѣ—стр. 75—97, о Гартманѣ—стр. 98—138). Уже въ самомъ концѣ сочиненія, со стр. 138, авторъ обращается къ

избранной священной книгѣ и дѣлаетъ краткое ея сравненіе съ изложенными новѣйшими системами пессимистической философіи, совершенно справедливо противопоставляя религіозный пессимизмъ ветхозавѣтнаго „Проповѣдника“ безотрадному метафизическому пессимизму новѣйшихъ философовъ.

Ошибочная постановка всего дѣла, вслѣдствіе которой осталась не обслѣдованной главнѣйшая часть темы и внесено много лишняго для темы матеріала, составляетъ существенный недостатокъ сочиненія Богдановича. Сочиненіе приходится оцѣнивать съ точки зрѣнія того, что сдѣлано авторомъ вообще, независимо отъ точной формулировки его темы. Только при такомъ взглядѣ на сочиненіе г. Богдановича можно найти нѣкоторыя положительныя черты. Авторъ прочиталъ десятка два сочиненій, посвященныхъ книгѣ Екклезіастъ; изъ этихъ сочиненій, если не считать словаря Гезеніуса, восемь иностранныхъ (почти всѣ нѣмецкія). Авторъ читалъ даже по спеціальному вопросу о внѣ-еврейскихъ элементахъ въ Когелетѣ (статья—Kleinert'a въ Studien und Kritiken 1883) и самъ входитъ въ разсужденіе по этому вопросу, всецѣло впрочемъ основываясь на статьѣ Kleinert'a. Прочитаны авторомъ два лучшихъ сочиненія великихъ пессимистовъ 19-го вѣка. Надъ содержаніемъ этихъ сочиненій и надъ ихъ отличіемъ отъ ветхозавѣтной книги авторъ нѣсколько подумалъ. Пишетъ авторъ просто, но складно, хотя слѣдуетъ отмѣтить у него нѣсколько выраженій неладныхъ. „Канонизмъ“ вм. каноническое достоинство (стр. 12). „Лютеръ выработалъ вѣрное пониманіе книги“ (стр. 16). „Не менѣе справедливы упреки въ матеріализмѣ“ (стр. 32), хотя дальше доказывается именно несправедливость этихъ упрековъ. „Вложилъ въ сердце вѣчность“ (стр. 24. 68). „Грустные ландшафты человѣческаго страданія и слезъ“ (стр. 50). „Спихнуть съ трона“ (стр. 65). „Увѣнцевалъ о повиновеніи“ (стр. 65). Въ русское слово авторъ почему-то вставляетъ латинскую букву и часто пишетъ „Коhелетъ“. Упоминаетъ авторъ какой-то *халдейскій* переводъ книги Екклезіастъ (стр. 58). Вѣроятно подъ вліяніемъ нѣмецкаго пособія г. Богдановичъ въ ветхозавѣтной книгѣ нашелъ короля и принцевъ (стр. 64). Страдаетъ въ сочиненіи и транскрипція: напр., малореты (стр. 22), Гаанъ (стр. 22), Куененъ (стр. 25)

Въ сочиненіи всего одно греческое слово и то—увы!—несуществующее въ греческомъ языкѣ *μεταιοτος* (стр. 48).

Не вмѣнять автору въ вину неправильной постановки всего его сочиненія нельзя, но можно сказать, что его тяжкая вина предъ имъ самимъ написанной темой отчасти искупается его стараніемъ ознакомиться какъ съ научной литературой объ Екклезіастѣ, такъ и съ философскими трудами о смыслѣ и цѣнности жизни. Авторъ вообще немногословенъ, хотя на основаніи прочитанныхъ имъ книгъ онъ могъ-бы написать и очень большое сочиненіе. Его сочиненіе кратко, не богато содержаніемъ и не блещетъ особыми научными достоинствами, но написано вдумчиво, бережно и съ любовью, что отразилось даже и на внѣшнемъ видѣ сочиненія.

Для присужденія г. Богдановичу степени кандидата богословія его сочиненіе можно признать удовлетворительнымъ"

7) О сочиненіи студента *Бойкова Николая* на тему: „Переводъ хорошимъ русскимъ языкомъ и подробный филологическій разборъ сказанія четвертаго о 42 Аморійскихъ мученикахъ".

а) Ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Работа Бойкова распадается на 3 части: 1) введеніе, гдѣ авторъ сообщаетъ историческія и историко-литературныя свѣдѣнія о Сказаніи: объ историческихъ условіяхъ эпохи, когда оно составлено (повидимому, въ IX в.), о текстѣ его, авторѣ, времени составленія, литературной формѣ, означаемой словомъ *μαρτύριον*; 2) переводъ Сказанія на русскій языкъ; 3) филологическій комментарій къ греческому тексту, составленный имъ не въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній къ тексту въ его послѣдовательности, а въ видѣ систематическаго изложенія особенностей языка этого памятника,—лексическихъ, этимологическихъ, синтаксическихъ и даже риторическихъ.

Авторъ изучилъ литературу, касающуюся греческаго языка классическаго и позднѣйшаго періода, очень старательно. Часть ея была указана ему мною; но значительную часть ея онъ нашелъ самъ, безъ моихъ указаній, напр. нѣкоторыя мои статьи въ журналѣ „Филологическое Обозрѣніе". Пособія автора очень солидныя: онъ пользовался лучшими грамматиками—Крюгера, Дитериха, Радермахера, Шмида,—луч-

шими лексиконами—Стефана, Пассова, Дюканжа, Софоклиса, —обращался даже къ древнимъ лексикографамъ—Фриниху и Мириду.

Благодаря этому, его работа носитъ научный характеръ: переводъ его по большой части правиленъ, исполненъ хорошимъ русскимъ языкомъ; комментарій, вслѣдствіе систематическаго изложенія особенностей языка, интересенъ. Авторъ приложилъ особенное стараніе къ тому, чтобы выдѣлить въ языкѣ этого памятника элементы аттическіе и позднѣйшіе, и это ему удалось вполнѣ. Работу эту надо признать большой и тяжелой, какъ въ виду трудности вообще изслѣдованій по языку, такъ и въ виду почти полной неразработанности языка византійскаго. Для примѣра укажу на прекрасное изысканіе его объ употребленіи предлога *εἰς* въ фразѣ *εἰς οἰκέτας ἐχαρίσατο* „подарилъ въ качествѣ слугъ“ (стр. 62—64).

Къ числу недостатковъ этой работы надо отнести слѣд.: кое-гдѣ (но очень рѣдко) авторъ неправильно перевелъ текстъ, кое-гдѣ по-русски выразилъ его недостаточно хорошо. Въ комментаріи мнѣ не понравилась манера автора выписывать изъ источниковъ множество ссылокъ на сочиненія разныхъ греческихъ писателей, о которыхъ онъ имѣетъ, вѣроятно, довольно смутное представленіе,—судя по тому, что въ одномъ мѣстѣ онъ даже не понялъ ссылки въ грамматикѣ Крюгера „*Ἀνδ*“, т. е. ораторъ Андокидъ, вмѣсто чего онъ пишетъ „Soph. Andr.,“ повидимому, приписывая Софоклу трагедію „Андромаха“, которой у него нѣтъ. Къ числу недостатковъ комментарія я отношу также странное пристрастіе автора къ иностраннымъ словамъ, совсѣмъ не употребительнымъ, что напоминаетъ до нѣкоторой степени языкъ XVIII вѣка, напр. „казусы“ (стр. 61 и др.), „адъективы“ (61 и др.), „персональное понятіе“ (60), „синкретическая тенденція“ (62), „поссессоръ“ (73), „персональный способъ выраженія“ (70), „конвенціональный характеръ“ (91), „appositio согласовано въ казусѣ“(91), „присоединять аппозицію въ номинативѣ ко всѣмъ казусамъ“ (92). Иногда вдругъ среди русской рѣчи поставлено затѣмъ-то латинское слово или фраза, напр., *κατά* cum genitivo conjunctum“ (66), „in sententiis primariis“ (78), „Attice„ (83), „particulae“ (89). Чрезвычайно часто попадается также выраженіе „имѣетъ мѣсто“ (вѣроятно, германизмъ—statt finden).

Но въ общемъ работа прекрасная, и я не колеблясь ставлю за нее баллъ 5."

б) Доцента *іеромонаха Иларіона (Троицкаго):*

„Сочиненіе г. Бойкова сравнительно не обширно (101 стр. больш. форм.), но работа его была огромна. Свой памятникъ онъ изслѣдуетъ и съ историко-литературной и съ филологической стороны. Его сочиненіе отличается своимъ спеціальнымъ характеромъ и имѣетъ спеціальный научный интересъ. Здѣсь почти каждая страница требовала десятковъ и можетъ быть сотенъ справокъ въ лучшихъ филологическихъ пособіяхъ.—лексикографическихъ, этимологическихъ, синтаксическихъ и риторическихъ. Ознакомленіе съ этими пособіями для студента Академіи, спеціальной филологической подготовки не имѣющаго, должно быть признано прямо подвигомъ и тѣ успѣхи, которыхъ достигъ г. Бойковъ, показываютъ, что онъ трудился напряженно и самоотверженно. Только любовь къ спеціально-научнымъ занятіямъ могла помочь ему съ такимъ усердіемъ вести свою работу. Иногда авторъ даже возвышается надъ своими пособіями и дѣлаетъ самостоятельныя наблюденія: напр., дополняетъ П. В. Никитина, указывая имъ не отмѣченныя параллели между „сказаніемъ" и гомиліей Василія Великаго на день памяти 40 Севастійскихъ мучениковъ (стр. 12. См. еще стр. 62 -64). Вообще сочиненіе г. Бойкова наглядно свидѣтельствуетъ объ его выдающемся трудолюбіи и незаурядной способности къ строго научной работѣ.

Напрасно, думается, только авторъ, желая придать своему сочиненію спеціальный характеръ, впадаетъ въ крайности. Его сочиненіе не только пестритъ филологическими терминами, но иногда онъ какъ-бы начинаетъ писать на латинскомъ языкѣ. Странно видѣть, что даже книги Священнаго Писанія онъ именуетъ обычно по латыни и Новый Завѣтъ у него обозначается NT (Стр. 15, 21. 23. 24. 25. 26. 30. 35. 39. 57. 63. 68. 83. 96. 97). Вотъ примѣръ: „Формы отъ ἐξουθενῶ Sophocles указываетъ у LXX Reg. 1, 8, 7 et alibi, NT. Luc. 18, 9; 23, 11: Paul. Cor. I, 1, 23, et alibi. Ios. Fl. Just. mart." (стр. 39).

„Хорошій русскій языкъ"—понятіе, конечно, довольно неопредѣленное, но все же, думается, подъ это понятіе трудно подвести такія выраженія авторскаго перевода, какъ—„шар-

латанъ“ (стр. 18. 20), „базисъ истинной вѣры“ (стр. 25), „скверный народъ“ (стр. 31), „благородный атлетъ Христовъ“ (стр. 23). Въ переводѣ читаемъ еще—„Святые, когда ихъ отводили на казнь,... стали увѣщевать другъ друга: „не покажемъ“, соратники, „спинъ“ врагамъ нашимъ, наоборотъ, мужественно противостанемъ беззаконнику“ (стр. 22).

Но несмотря на нѣкоторые мелкіе недостатки, работа г. Бойкова должна по своимъ строго научнымъ качествамъ быть признана рѣдкой и отличной. Степени кандидата богословія г. Бойковъ несомнѣнно заслуживаетъ“.

8) О сочиненіи студента *Бондарева Ѳеодота* на тему: „Очеркъ духовнаго развитія личности Ѳ. М. Достоевскаго“.

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Покойный акад. А. Н. Веселовскій сравнивалъ художественную литературу съ такой географической полосой, которую международное право освятило, какъ res nullius, т. е. какъ территорію, не принадлежащую никому въ отдѣльности и въ то же время принадлежащую всѣмъ. Въ области русской литературы это сравненіе едва-ли не болѣе всего приложимо къ произведеніямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Глубина и сложность его художественнаго творчества давно уже привлекаютъ къ себѣ интересъ представителей самыхъ разнообразныхъ научныхъ областей—философовъ, богослововъ, моралистовъ, психологовъ, психіатровъ, экономистовъ, соціологовъ. Для каждаго изъ такихъ изслѣдователей въ произведеніяхъ Достоевскаго находится благодарный матеріалъ, приспособляемый къ тому порядку идей, съ которыми подходятъ къ писателю. Въ результатѣ въ настоящее время накопилась весьма значительная литература, посвященная Достоевскому и истолковывающая его творчество съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Однако, въ этой литературѣ сравнительно очень мало удѣлено мѣста историко-литературному изученію его въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. такому объективному, точному и документальному изслѣдованію его личности и творчества, которое могло бы дать устойчивую и неоспоримую почву для пониманія его произведеній. И въ послѣднее время все чаще и чаще стали раздаваться голоса о необходимости отъ теоретическаго и слишкомъ сво-

боднаго толкованія твореній Достоевскаго обратиться къ документальному и точному изученію его жизни, личности и творчества.

Опытъ такого изученія личности Достоевскаго представляетъ собою сочиненіе г. Бондарева. Оно состоитъ изъ шести главъ, въ которыхъ, на основаніи біографическихъ и автобіографическихъ матеріаловъ, а также художественныхъ произведеній Достоевскаго, изображается, если такъ можно выразиться, *внутренняя біографія* писателя — послѣдовательный процессъ развитія его личности. Разумѣется, какъ студенческій опытъ, сочиненіе не можетъ претендовать на всестороннее и исчерпывающее выполненіе поставленной задачи. Но въ предѣлахъ представлявшейся ему, по времени и силамъ, возможности онъ далъ изслѣдованіе, производящее весьма пріятное впечатлѣніе и въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Въ особенную заслугу автору должна быть поставлена попытка установить и разсмотрѣть тѣ многочисленныя литературныя вліянія, подъ которыми складывался, росъ и воспитывался великій геній (Корнель, Расинъ, Бальзакъ, Жоржъ Зандъ, Бѣлинскій, Гоголь, романтики). Досадно, что, учитывая разнообразные факторы, опредѣлявшіе развитіе личности Достоевскаго, г. Бондаревъ сравнительно мало выясняетъ вліяніе на него тѣхъ общественныхъ теченій, съ которыми переплетается развитіе его личности и творчества.

Въ цѣломъ сочиненіе отличается единствомъ построенія, обширностью изученія литературы о Достоевскомъ, основательностью и самостоятельностью сужденій, теплымъ чувствомъ къ писателю и хорошимъ языкомъ.

Для степени кандидата богословія оно вполнѣ удовлетворительно".

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева*:

„Авторъ ставитъ задачей своего сочиненія „изобразить постепенный ходъ духовнаго развитія личности Достоевскаго", особенно стараясь „соблюсти строгую послѣдовательность и причинную связь въ изображеніи развитія личности Достоевскаго." По такому методу онъ излагаетъ шесть главъ: I—Семейное воспитаніе. Жизнь въ пансіонѣ; II—Годы ученія въ Инженерномъ Училищѣ; III -Начало литературной дѣятельности. Увлеченіе соціализмомъ; IV—Каторга и ея влія-

ніе на міросозерцаніе и характеръ Достоевскаго; V—Національное направленіе общественныхъ взглядовъ Достоевскаго по возвращеніи его изъ ссылки. Новое рѣшеніе соціальнаго вопроса; VI—Міросозерцаніе Достоевскаго во вторую половину его литературной дѣятельности.

Авторъ предувѣдомляетъ, что „тема сочиненія была для него чрезвычайно интересна и онъ работалъ надъ ней съ удовольствіемъ".—Это подтверждается каждой страницей его тетради. Сочиненіе написано съ увлеченіемъ. Авторъ также говоритъ въ предисловіи: „о Достоевскомъ написана громадная литература, но, собственно, на нашу тему въ этой литературѣ можно найти только отдѣльные намеки". Однако всѣ отмѣченные авторомъ этапы въ духовномъ развитіи Достоевскаго слишкомъ общеизвѣстны. Г. Бондареву принадлежитъ связное сцѣпленіе всѣхъ фазисовъ духовной жизни Достоевскаго. Рецензентъ имѣетъ право отмѣтить, что на психологическое объясненіе авторъ смотритъ слишкомъ упрощенно. Такъ и обычно смотрятъ на это. Наблюдается всеобщая любовь къ психологическому объясненію, и чаще всего думаютъ, что указать психологическую причину историческихъ фактовъ или индивидуальнаго развитія нетрудно. Дѣло однако много сложнѣе. Я приведу слова Зиммеля изъ книги *Соціальная дифференціація*. Зиммель сравниваетъ психологію съ метафизикой. „Обѣ эти науки — говоритъ онъ— имѣютъ ту особенность, что въ нихъ утвержденія, вполнѣ другъ другу противорѣчащія, оказываются въ одинаковой степени вѣроятными и доказуемыми". Такъ обстоитъ дѣло въ метафизикѣ, „то же самое мы видимъ въ психологіи, не тогда, когда связь съ физіологіей еще даетъ ей возможность изолировать и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе точно наблюдать элементарныя чувственныя основы душевной жизни, а тогда, когда вопросъ заключается въ установленіи причинныхъ отношеній между мыслями, чувствами и волевыми актами, всплывающими на поверхность сознанія". Такъ, мы видимъ, что высшая ступень личнаго счастья является причиной безкорыстнаго дружелюбія, подъ вліяніемъ котораго хочется видѣть другого такимъ же счастливымъ, какимъ чувствуешь самаго себя,—но такъ же часто она является и причиной безжалостной гордости, которая дѣлаетъ невозможнымъ пониманіе чужихъ страданій: и то и другое можетъ быть оди-

наково психологически правдоподобно. Подобнымъ же образомъ мы выводимъ съ одинаковой вѣроятностью, что, съ одной стороны, въ разлукѣ извѣстныя взаимныя чувства людей растутъ, а съ другой стороны,—ослабѣваютъ; что какъ оптимизмъ, такъ и пессимизмъ являются предпосылкой великихъ нравственныхъ дѣяній... И направленіе причинной связи между психологическими явленіями, подобно содержанію, можетъ быть измѣнено въ обратную сторону, причемъ результаты будутъ вѣрными по прежнему. Одинъ психологъ доказываетъ намъ, что безнравственность есть причина несчастія, такими же вѣскими аргументами, какъ и другой,—что несчастіе есть причина деморализаціи... Однимъ словомъ, ни метафизическія, ни психологическія сужденія не являются единственно вѣрными, но всегда остается возможность противопоставить каждому наблюденію или предположенію противоположное ему". Эти соображенія г. Бондареву слѣдовало бы имѣть въ виду при своей работѣ. Тогда онъ, можетъ быть, не возлагалъ бы такихъ преувеличенныхъ надеждъ на „строгую хронологическую послѣдовательность". Можетъ быть, онъ поставилъ бы исходнымъ пунктомъ своей работы не дѣтство Достоевскаго, а его сложившійся характеръ—не для того, чтобы объяснять его душу, а его душою объяснять то, почему такое, а не иное дѣйствіе оказали на него семейныя условія и другія событія жизни, включая сюда и каторгу. Пребываніе въ каторгѣ вызвало у Достоевскаго вѣру и смиреніе, но у другихъ та же самая каторга вызываетъ озлобленіе. На строго хронологическомъ пути можно лишь хромать, а не увѣренно идти впередъ. Такъ авторъ констатируетъ, что Достоевскій былъ въ дѣтствѣ общительнымъ, а въ Инженерномъ Училищѣ ни съ кѣмъ не сходится и „его давитъ тяжелое одиночество". Характеръ Достоевскаго уяснился лишь позднѣе.

Степени кандидата богословія г. Бондаревъ заслуживаетъ вполнѣ".

9) О сочиненіи студента *Введенскаго Александра* на тему: „Религіозно-нравственное и политическое состояніе іудеевъ во времена Маккавеевъ".

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Время Маккавеевъ представляетъ интересный моментъ въ исторіи народа израильскаго, какъ моментъ пробужденія религіознаго и національнаго самосознанія іудеевъ.

При своей характеристикѣ религіозно-нравственнаго и политическаго состоянія іудеевъ времени Маккавеевъ студентъ Введенскій и указываетъ, во введеніи къ своему труду, важность интересующаго его момента.

Самый трудъ студента Введенскаго распадается на три главы. Въ первой изъ нихъ онъ говоритъ объ историческихъ событіяхъ, предшествовавшихъ возстанію Маккавеевъ и обусловившихъ его. Въ частности, онъ указываетъ здѣсь на эллинизацію іудеевъ, противъ которой ничего не имѣла аристократія и которой были недовольны іудеи вѣрные закону. Въ настроеніи послѣднихъ и крылись причины недовольства „противоборствовавшимъ Богу“ Антіохомъ Епифаномъ. Во 2-й главѣ авторъ характеризуетъ дѣятельность Іуды, Іоанаѳана, Симона и Іоанна Гиркана. Въ 3-й главѣ указывается значеніе маккавейскаго возстанія.

Такъ какъ общій ходъ внѣшней жизни іудеевъ за время Маккавеевъ представляетъ группировку опредѣленныхъ историческихъ переживаній, отмѣченныхъ и въ книгѣ Маккавеевъ и у Іосифа Флавія, то авторъ безъ особаго труда справился съ одною половиною своей задачи. Его характеристика политическаго состоянія іудеевъ за данный періодъ можетъ быть принята безъ особыхъ оговорокъ. Но для автора сложнѣе была, очевидно, вторая задача: характеристика религіозно-нравственнаго состоянія іудейскаго общества. Въ этой части своей работы авторъ, желавшій уяснить отличительныя особенности религіозныхъ переживаній народа за время Маккавеевъ, вращается болѣе въ области общихъ описаній, благодаря чему у него нѣтъ выпуклыхъ и опредѣленныхъ рѣшеній по этому вопросу. И Маккавеи и ихъ единомышленники являются у него скорѣе политическими искусными вождями, чѣмъ представителями повышеннаго религіозно-нравственнаго самосознанія. При выясненіи эсхатологіи и мессіанскихъ чаяній іудеевъ за данный періодъ авторъ, повидимому, былъ нѣсколько неувѣренъ въ результатахъ своихъ изысканій. Во введеніи онъ развиваетъ мысль,

что маккавейское возстаніе какъ бы спаяло плотнымъ кольцомъ іудейскій народъ, укрѣпило въ немъ увѣренность въ особенномъ попеченіи о немъ Бога, оттолкнуло ложный эллинизмъ, оживило и усилило эсхатологическія и мессіанскія чаянія. И если во времена великихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ эти чаянія были не чужды сынамъ израиля, то, очевидно, по мысли автора, эти чаянія во времена Маккавеевъ должны быть болѣе настойчивыми и опредѣленными. Между тѣмъ, сказавъ во введеніи объ усиленіи мессіанскихъ чаяній, авторъ въ началѣ особаго заключительнаго отдѣла: „ученіе о Мессіи и мессіанскомъ царствѣ“ говоритъ, что въ маккавейскихъ книгахъ „нѣтъ ясныхъ указаній на мессіанскія упованія“. Если же такъ, то этимъ авторъ отрицаетъ противоположное утвержденіе своего введенія (стр. 5 и слѣд.). Но, очевидно, эти два, взаимно противорѣчивыя, сужденія разрѣшаются у нашего автора третьимъ, а именно: „во времена маккавейскія можно найти указанія, даже и въ книгахъ маккавейскихъ, на ожиданія Мессіи, какъ „вѣрнаго“ пророка—ожиданія, можетъ быть, и не сильно выраженныя, но во всякомъ случаѣ имѣвшія мѣсто“.

Выясняя „эсхатологію“ и „мессіологію“ (терминологія автора) за разсматриваемый періодъ, авторъ пользуется апокрифическою литературою и, въ частности, книгою Эноха и псалмами Соломона. Справки изъ апокрифической литературы не лишни въ сочиненіи г. Введенскаго, но, привлекая ихъ для обоснованія своихъ сужденій, авторъ долженъ былъ убѣдить читателя въ томъ, что онъ имѣлъ право пользоваться этой литературою, какъ законнымъ источникомъ, т. е. онъ долженъ былъ предпослать общее замѣчаніе о соотношеніи данныхъ его апокрифической литературы временемъ маккавейскимъ.

Но при всѣхъ недочетахъ, въ сочиненіи студента Александра Введенскаго есть и положительная сторона. Не всегда увѣренными шагами онъ все же приходитъ къ правильному рѣшенію вопроса объ „эсхатологіи и мессіологіи“ временъ маккавейскихъ. Его характеристика героевъ маккавейской войны отличается живостью и читается съ интересомъ. Источники изучены авторомъ въ достаточной степени. Кромѣ Библіи, давшей ему матеріалъ для сужденій, онъ хорошо ознакомился съ сочиненіями Іосифа Флавія, съ

святоотеческими твореніями и съ русскою библейско-богословскою литературою, относящеюся къ его вопросу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ пользовался капитальными трудами Schürer'a („Geschichte des judischen Volkes" и „Die Predigt j. Christi in ihrem Verhältn. zum A. Test"). Языкъ автора литературный. Это положительная сторона работы г. Введенскаго даетъ ему право на полученіе степени кандидата богословія".

б) И. д. доцента *А. М. Туберовскаго:*

„Сочиненіе г. Введенскаго дѣлится на три главы, кромѣ „введенія" (1—17 стр.). 1-я гл. (18 — 87 стр.) касается внутреннихъ и внѣшнихъ мотивовъ, подготовившихъ „маккавейское возстаніе", 2-я гл. (88—178 стр.) излагаетъ самую исторію переворота, а 3-я гл. (179 — 262 стр.) говоритъ объ эсхатологически-мессіанскихъ чаяніяхъ и культѣ маккавейскаго періода съ присоединеніемъ небольшого трактата о мученикахъ—Маккавеяхъ.

Написанное на основаніи библейскихъ и апокрифическихъ памятниковъ разсматриваемаго періода, съ помощью русскихъ и нѣмецкихъ пособій, сочиненіе г. Введенскаго являетъ собой вполнѣ соотвѣтствующій своему назначенію трактатъ. „Возстаніе" Маккавеевъ получаетъ въ работѣ г. Введенскаго характеръ ясно мотивированнаго религіозно-національнаго движенія, руководимаго ревнителями закона вопреки намѣренію и дѣйствіямъ измѣнниковъ вѣрѣ и отечеству—эллинистовъ.

Однако, пріятное впечатлѣніе, выносимое отъ содержанія работы, въ нѣкоторой степени портится внѣшней стороной дѣла. Авторъ до того невнимателенъ былъ къ этой сторонѣ сочиненія, что едва ли не на каждой изъ написанныхъ имъ 262 страницъ оставилъ тотъ или другой слѣдъ своей невнимательности. Вся работа, послѣ этого, получаетъ видъ кушанья, правда, очень вкуснаго, но поданнаго на невымытой тарелкѣ.

Вотъ нѣсколько образцовъ авторской разсѣянности—въ области орѳографики: „selebstbewusstsein" (17 стр.), „въ слѣдствіе этого" (21), „не радя о жертвахъ" (36), „безпримѣстной чистотѣ" (72), „поведѣніе" (76), „призрѣніе" вмѣсто „презрѣніе" (79), „неудавшаго" вм. „не удавшагося" (90),

„искусно“ (103), „завистливо“ (107), и мн. др., не считая описокъ (какъ „благодаренія“ вм. „благотворенія“ —201 стр., „преисполняя“ вм. „преисподняя“ (248); недописокъ, напр. „ча“(-стью—137 стр.) и т. д.: ошибокъ въ знакахъ препинанія и переносахъ; искаженія цифръ („4000 пѣхоты“ вм. 40000, „6000“ вм. 60000—на стр. 101 и 103). Изложеніе на стр. 113 столь запутанно, что трудно понять, кто кого побѣдилъ: сирійцы ли іудеевъ или іудеи сирійцевъ. (Нѣчто подобное на стр. 168 и 218—219).

Впрочемъ, отмѣченные внѣшніе недостатки не мѣшаютъ признать трудъ г. Введенскаго интереснымъ, содержательнымъ, логически обоснованнымъ, литературно обработаннымъ и, потому, вполнѣ заслуживающимъ автору степень кандидата богословія“.

10) О сочиненіи студента *Веселовскаго Александра* на тему: „Пасторологическій анализъ русской изящной литературы послѣдняго десятилѣтія“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова:*

„Высокая цѣнность изящной литературы вообще и отечественной въ особенности, въ смыслѣ средства для „пастырскаго“ изученія жизни—фактъ общепризнанный въ настоящее время, какъ въ нашей русской такъ и въ западной пасторологической наукѣ. Одинъ изъ выдающихся русскихъ пасторологовъ послѣдняго времени (высокопреосвящ. Антоній, архіеп. Волынскій) рѣшительно заявляетъ, что изученіе живой человѣческой души по ея отраженіямъ въ художественной литературѣ такъ же необходимо для будущихъ пастырей церкви, какъ для будущихъ врачей изученіе тѣлеснаго человѣческаго организма по моделямъ и картинамъ (См. Полн. собр. сочиненій т. III, изд. 1911 г. стр. 245). Едва ли можно болѣе удачно характеризовать пасторологическую цѣнность литературы. Но чтобы модели и картины могли служить для *правильнаго* ознакомленія съ дѣйствительностью, нужно умѣть въ нихъ правильно разбираться, нужно умѣть анализировать наличный здѣсь матеріалъ соотвѣтственно тѣмъ или другимъ спеціальнымъ интересамъ. Сдѣлать попытку именно такого анализа русской изящной литературы

послѣдняго времени съ точки зрѣнія интересовъ пастырства и было задачей работы г. Веселовскаго.

Свою задачу пасторологическаго анализа литературы авторъ представляетъ какъ „указаніе въ міросозерцаніи литературныхъ героевъ пробѣловъ, приводящихъ ихъ къ тѣмъ или другимъ нравственнымъ страданіямъ—съ одной стороны, и попытку восполнить эти пробѣлы путемъ положительнаго выясненія неразрѣшенныхъ или неправильно разрѣшенныхъ религіозно-нравственныхъ проблеммъ этого міросозерцанія—съ другой. Въ качествѣ такихъ больныхъ проблеммъ современнаго общества авторъ въ 1-й главѣ своей работы (стр. 19—110; размѣръ большого печатнаго листа) констатируетъ въ современной изящной литературѣ проблеммы: „противоположность сущаго и должнаго, дѣйствительность и очевидность, господство случая, страхъ жизни и смерти, ложь жизни". Вторая глава (стр. 111—301) посвящена проблеммѣ личности. Въ той и другой главѣ, изложивъ міросозерцаніе литературныхъ героевъ и выяснивъ его неудовлетворительность, авторъ даетъ положительное научно-богословское разрѣшеніе поставленныхъ проблеммъ.

Работа г. Веселовскаго—серьезная, обнаруживающая въ авторѣ несомнѣнную талантливость въ сферѣ философско-теоретическаго анализа явленій и большую начитанность въ критической литературѣ послѣдняго времени. Но, къ сожалѣнію, авторъ понялъ свою задачу слишкомъ односторонне. Задачу пасторологическаго анализа литературы онъ почему-то свелъ къ установкѣ только *міросозерцанія* литературныхъ типовъ, и при томъ только *отрицательныхъ* элементовъ этого міросозерцанія. Благодаря этому работа автора превратилась просто въ трактатъ философско-литературнаго и богословско-апологетическаго свойства. Съ пасторологической точки зрѣнія важно не столько міросозерцаніе, сколько религіозно-нравственная психологія современнаго человѣка, ея разнообразныя видоизмѣненія и изгибы въ зависимости отъ условій современной культурно-общественной жизни. Здѣсь важно констатировать не только отрицательные элементы, противъ которыхъ пастырь долженъ бороться, но и положительные, такъ какъ только послѣдніе даютъ пастырю необходимый опорный пунктъ для воздѣйствія на души въ смыслѣ подавленія въ нихъ отрицательныхъ началъ. Очень досадно,

что авторъ опустилъ изъ виду эту важнѣйшую сторону дѣла, а опустивъ, почти вовсе лишилъ свою работу характера пасторологическаго анализа; тѣмъ болѣе это досадно, что самъ же авторъ приводитъ длинный рядъ выдержекъ изъ изящной литературы, прямо таки драгоцѣнныхъ съ указанной точки зрѣнія и свидѣтельствующихъ съ очевидностью какой незамѣнимо-драгоцѣнный для пасторологіи религіозно-психологическій матеріалъ заключаетъ въ себѣ современная изящная литература. Авторъ приводитъ эти выдержки, совершенно не догадываясь, что изъ нихъ можно извлечь несравненно болѣе драгоцѣнныя данныя, чѣмъ тѣ, которыя извлекаетъ онъ: когда наблюдаешь это на протяженіи почти всей работы, становится обидно и досадно на автора, не замѣчающаго золотоносной руды подъ ногами.—Слѣдуетъ также поставить въ упрекъ автору, что изъ современной изящной литературы онъ ограничился изученіемъ почти исключительно произведеній Андреева.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ".

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева*:

„Авторъ ограничился изученіемъ одного Леонида Андреева, и по изученію этого писателя онъ исполнилъ только двѣ главы изъ намѣченныхъ имъ шести главъ. Тѣмъ не менѣе сочиненіе его, и по объему обширное (305 страницъ тетради большого формата), даетъ безспорное свидѣтельство о большомъ трудолюбіи его. Авторъ съ увлеченіемъ, при помощи многочисленныхъ пособій, анализируетъ разсказы Андреева. По мнѣнію рецензента, г. Веселовскій значительно могъ бы сократить свой анализъ (и передачу содержанія) разсказовъ Андреева безъ ущерба для основательности своихъ выводовъ. Трудно забыть какъ о крайней популярности этого писателя, дѣлающей излишнимъ столь подробное ознакомленіе читателя съ его разсказами въ „пасторологическомъ" сочиненіи, такъ и о близости автора къ многочисленнымъ популярнымъ критическимъ работамъ, чуждымъ пасторологическихъ мотивовъ. Въ серединѣ своего сочиненія г. Веселовскій излагаетъ богословскій взглядъ на смыслъ человѣческой жизни, но этотъ отдѣлъ не входитъ въ органическое сочетаніе съ остальнымъ матеріаломъ и представляетъ собою что-то эпизодическое. Для рецензента вообще

остается неяснымъ, почему данный анализъ разсказовъ Андреева названъ „пасторологическимъ“, а не—напримѣръ—этическимъ, психологическимъ, соціологическимъ. Несомнѣнно однако, что авторъ работалъ много и степени кандидата богословія заслуживаетъ вполнѣ“.

11) О сочиненіи студента *Веселова Ивана* на тему: „Умственное и религіозно-нравственное состояніе русскаго общества въ царствованіе Александра I“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Обширное, занимающее 522 страницы большого формата очень убористаго письма, сочиненіе г. Веселова состоитъ изъ введенія (16—48) и четырехъ главъ. Во введеніи авторъ даетъ общую характеристику XVIII вѣка и въ частности изображаетъ направленіе дѣятельности Екатерины II и прогрессивное движеніе русскаго общества Екатерининской эпохи. Умственное состояніе этого общества въ царствованіе Александра I авторъ изображаетъ въ двухъ главахъ I и II, для которыхъ хронологической гранью служитъ 1812 г. Первый періодъ александровскаго царствованія,—періодъ радужнаго настроенія и либеральныхъ начинаній. Характеризуя его, авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на восторженномъ настроеніи общества при воцареніи Александра I, на характеристикѣ самого Александра, какъ выразителя идей и чувствъ части современнаго ему общества, на работахъ Негласнаго Комитета, даетъ обзоръ дѣятельности правительства въ области просвѣщенія, административныхъ реформъ этого періода, касается положенія крестьянскаго вопроса и слѣдитъ за состояніемъ русской литературы и журналистики. Вторая глава изображаетъ переломъ, пережитый русскимъ обществомъ во время Отечественной войны. Здѣсь авторъ касается перемѣны, происшедшей въ самомъ Александрѣ, опять видя въ пережитой имъ перемѣнѣ отображеніе перемѣнъ, испытанныхъ русскимъ обществомъ. Мистическое настроеніе, священный союзъ во внѣшней политикѣ, реакціонная дѣятельность правительства внутри государства, Аракчеевъ, Магницкій и Руничъ—какъ выразители этого направленія—вотъ темы, разрабатываемыя авторомъ во второй главѣ. Третья глава посвящена характеристикѣ ре-

лигіознаго состоянія русскаго общества александровской эпохи. Здѣсь мы находимъ выясненіе причинъ охватившаго общество мистицизма и оцѣнку вліянія этого религіознаго направленія, изображеніе дѣятельности Библейскаго Общества, характеристику масонства. Наконецъ, послѣдняя очень небольшая (504—520 стр.) глава содержитъ попытку изобразить положительныя и отрицательныя черты нравовъ александровскаго общества.

Изъ этого обзора сочиненія видно, какъ богато и интересно его содержаніе. Можно сказать, что не осталось ни одного явленія политической и общественной жизни въ эпоху Александра I, котораго не коснулся бы болѣе или менѣе обстоятельно авторъ. Имъ собрана и изучена внушительная литература по изучаемой эпохѣ. Авторъ обнаруживаетъ солидную эрудицію, какъ въ пособіяхъ по изученію эпохи, такъ въ особенности въ первоисточникахъ. Авторъ является также знатокомъ александровскаго періода русской изящной литературы.

Въ упрекъ автору можно ставить скорѣе излишества, чѣмъ недостатки его труда. Объемъ сочиненія мы считаемъ непомѣрнымъ. Въ значительной степени это нарушеніе мѣры произошло, на нашъ взглядъ, отъ тѣхъ методовъ изслѣдованія, какихъ держится авторъ. Онъ гораздо болѣе занятъ изложеніемъ, чѣмъ обобщеніемъ и выводами. Многія страницы работы можно было бы замѣнить гораздо болѣе краткими общими характеристиками. Мы не видимъ необходимости, характеризуя умственное состояніе русскаго общества, излагать съ тою подробностью, какъ это сдѣлано, занятія Негласнаго Комитета, описывать виды школъ, пересказывать параграфъ за параграфомъ Университетскій уставъ 1804 г., излагать подробно цензурный уставъ, давать детальный разсказъ о преобразованіи сената и министерствъ, на цѣлыхъ семнадцати страницахъ перелагать всѣмъ извѣстный планъ Сперанскаго. Гораздо правильнѣе было бы отмѣчать во всѣхъ этихъ явленіяхъ либо общія черты, общее направленіе, либо, наоборотъ, отмѣчать особенныя индивидуальныя свойства каждаго. Важно, напр., было отмѣтить общее направленіе дѣятельности Негласнаго Комитета и выяснить идеи его членовъ, и совсѣмъ не нужно излагать его работы шагъ за шагомъ. Важно было указать общій духъ университетскаго

устава, но зачѣмъ приводить детали объ организаціи факультетовъ и университетскаго управленія и т. п. При большей продуманности получилось бы больше обобщеній, для изложенія которыхъ потребовался бы меньшій объемъ.

Степени кандидата авторъ вполнѣ заслуживаетъ.“

б) И. д. доцента *И. Г. Айвазова*:

„Сочиненіе написано на тему: „Умственное и религіозно-нравственное состояніе русскаго общества въ царствованіе Александра I-го“.

Авторъ потрудился много: собралъ обильный матеріалъ, достаточно изучилъ его. Планъ сочиненія согласованъ съ темою его. Съ особою тщательностью авторъ разработалъ первую половину темы: „Умственное состояніе русскаго общества въ царствованіе Александра I-го,“ на что авторъ отдалъ почти три четверти своего труда. Здѣсь авторъ проявилъ довольно широкое знакомство съ литературою вопроса, умѣнье пользоваться добытыми матеріалами въ отношеніи ихъ систематизаціи. Но здѣсь же обращаетъ на себя вниманіе нѣсколько излишнее увлеченіе автора обрисовкою политическихъ идей изучаемой имъ эпохи и изрядное отсутствіе у него самостоятельности въ оцѣнкѣ этихъ идей. Къ недостаткамъ сочиненія въ этой части надлежитъ отнести и то, что авторъ подъ „Русскимъ обществомъ“ понялъ почти исключительно его верхніе слои, почему лишь изрѣдка, вскользь, касался его среднихъ и низшихъ слоевъ.

На разработку второй половины своей темы, казалось, наиболѣе важной авторъ отвелъ лишь нѣсколько больше одной четверти своего труда. И здѣсь опять авторъ почти совершенно обошелъ молчаніемъ религіозное состояніе собственно простонародныхъ слоевъ русскаго общества, исключительно рисуя религіозныя вѣянія въ его верхнихъ слояхъ. Между тѣмъ какъ эпоха Александра I-го богата глубокими религіозными исканіями и переживаніями, происходящими въ простомъ русскомъ народѣ.

Указанные недочеты сочиненія, однако, не лишаютъ его права на признаніе достойнымъ балла 5= (пять съ двумя минусами)“.

12) О сочиненіи студента *Виноградова Павла* на тему: „Пе-

дагогическія воззрѣнія К. Д. Ушинскаго и ихъ отношеніе къ христіанству".

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостьина*:

„Послѣ общей характеристики эпохи 60-хъ годовъ въ исторіи русской педагогіи (стр. 1—12) и послѣ краткой *біографіи* Ушинскаго (13—45), гдѣ преимущественное вниманіе обращается на условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась личность нашего знаменитаго педагога, г. Виноградовъ довольно подробно говоритъ объ *основахъ воспитанія* по Ушинскому—антропологическихъ (48—73), религіозныхъ (73—88) и національныхъ (89—113). Раскрывъ такимъ образомъ существенное основаніе всѣхъ педагогическихъ воззрѣній Ушинскаго, онъ переходитъ далѣе къ болѣе частнымъ его воззрѣніямъ, выясняя послѣдовательно его взгляды на *семейное* воспитаніе (113—124), на *начальную народную* школу (127—160), на школу *общеобразовательную* и на *университетскій* вопросъ (160—184). Наконецъ, охарактеризовавъ въ послѣдней главѣ *религіозныя* воззрѣнія Ушинскаго и уяснивъ ихъ вліяніе на воззрѣнія педагогическія, авторъ заключаетъ свой трудъ краткими замѣчаніями о *значеніи* этого педагога въ исторіи русской педагогіи (184—199).

Въ указанныхъ рубрикахъ г. Виноградовъ далъ намъ исчерпывающій обзоръ педагогическихъ мыслей К. Д. Ушинскаго, взявъ ихъ непосредственно изъ его сочиненій, внимательно въ полномъ объемѣ проштудированныхъ, и изложивъ, по большей части, его же подлинными словами. И потому трудъ нашего автора въ большинствѣ страницъ представляется твердо обоснованнымъ, живо изложеннымъ и очень интереснымъ.

Сравнительно болѣе поверхностными и легковѣсными являются въ немъ тѣ немногія страницы, гдѣ авторъ руководился не первоисточниками, а различными пособіями, довѣрившись имъ безъ надлежащей критической провѣрки. Вотъ образчикъ этого. У нѣкоторыхъ нашихъ писателей принято всячески поносить Николаевскія времена. Такъ поступаетъ вслѣдъ за ними и г. Виноградовъ. Характеризуя „суровое, мрачное Николаевское время до половины 50-хъ годовъ," „когда цѣлыхъ тридцать лѣтъ горизонтъ былъ заслоненъ

тяжелой свинцовой тучей, нависшей надъ головами, отнимавшей воздухъ, свѣтъ и просторъ дыханія, когда тридцать лѣтъ росла жажда мысли и слова въ обществѣ, которому запрещали говорить и хотѣли бы запретить думать иначе, какъ по утвержденному образцу, когда тридцать лѣтъ внушались страхъ, принужденность, рабство мысли," авторъ утверждаетъ затѣмъ со словъ г. П. Каптерева, что и русская педагогія обрѣталась въ то время въ крайне жалкомъ положеніи: „были у насъ учителя, школы разныхъ наименованій, было школьное начальство, но все это было казенное, оффиціальное... Постановка образованія была строго принудительная, регламентированная до мелочей государствомъ: учителя по обязанности учили, начальство награждало и наказывало учениковъ, совершались выпуски окончившихъ школьный курсъ,—вотъ и все" (стр. 1—3. П. Каптеревъ. Новая русская педагогія, стр. 6—7). А черезъ нѣсколько страницъ далѣе нашъ авторъ *документально* опровергаетъ сейчасъ сказанное, выписывая восторженныя строки изъ воспоминаній Ушинскаго о прекрасной Новгородъ—Сѣверской гимназіи, гдѣ учился онъ въ 40-хъ годахъ, гдѣ совсѣмъ не было казенщины и принудительной регламентаціи, и также объ идеальномъ директорѣ ея И. Ѳ. Тимковскомъ, подражать которому считалъ бы за счастье для себя самъ Ушинскій (15—17). Равнымъ образомъ, тѣ же сороковые годы оказываются у автора „едва ли не лучшимъ періодомъ въ исторіи Московскаго Университета" (24), причемъ онъ утверждаетъ даже, что „юношество, переступая порогъ университета, всецѣло и беззавѣтно отдавалось чистымъ интересамъ науки, съ тѣмъ благороднымъ, возвышеннымъ идеализмомъ, который такъ *выгодно отличаетъ эпоху 40-хъ годовъ отъ всего послѣдующаго времени*" (26). И не замѣчаетъ нашъ авторъ, что эти послѣднія сообщенія его худо вяжутся со взятымъ на прокатъ огульнымъ порицаніемъ Николаевской эпохи... Столь же необдуманнымъ фразерствомъ представляется и заявленіе автора, что нѣкій *трактиръ* „Великобританія", гдѣ любили собираться различные студенческіе кружки, получилъ, благодаря Бѣлинскому, значеніе *умственнаго центра* Московскаго студенчества 40-хъ годовъ" (28). Трактиръ—„умственный центръ"!.. Только въ насмѣшку, а отнюдь не въ серьезъ можно такъ говорить...

Но справедливость требуетъ сказать, что такихъ странныхъ и мало продуманныхъ фразъ встрѣчается у г. Виноградова немного. Обычно же его сужденія являются научно на первоисточникахъ основанными, въ порядкѣ и литературно изложенными, и въ общемъ производятъ пріятное впечатлѣніе.

Нельзя, наконецъ, не упрекнуть нашего автора и въ нѣкоторомъ разладѣ съ правилами русскаго правописанія. Онъ пишетъ, напр.; „прежняго“ (52, 123, 124, 168, 169), „Днепра“ (109), „имѣлъ ввиду“ (154), „учавствуетъ“ (11), „наз—вать“ (17), „соз—даніе“ (100) и т. под.

Для степени кандидата богословія трудъ г. Виноградова и при указанныхъ недосмотрахъ долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ“.

б) И. д. доцента *священника И. В. Гумилевскаго*:

„Если для К. Д. Ушинскаго Христосъ — „живой идеалъ совершенства“, и всѣ люди стремятся „къ одному и тому-же,—къ тому идеалу человѣка и человѣческой жизни, который намъ изображенъ въ лицѣ Спасителя“ (стр. 82), и дѣло народнаго образованія „должно быть освящено Церковью, а школа должна быть преддверіемъ Церкви“ (стр. 136), то изложить на основаніи его воззрѣній систему воспитанія, какъ раціональный путь воображенія Христа въ народной жизни, составляло прямую задачу автора. Авторъ уклонился отъ такой задачи и, тѣмъ самымъ, и отъ темы, которая раскрыта внѣ отношенія не только къ христіанству вообще, но, въ частности, и къ К. Д. Ушинскому, какъ къ христіанину, если не считать немногихъ страницъ, изобилующихъ общими мѣстами (стр. 73—88; 184—189): К. Д. Ушинскій выступаетъ предъ нами въ сочиненіи автора, какъ убѣжденный народникъ, критикующій правительственную опеку школы (стр. 139) и проповѣдующій коренную реформу всей системы школьнаго образованія (стр. 161), начиная народной свободной земской школой (стр. 138—140) и кончая свободнымъ университетомъ (стр. 180—183),—и только. Предъ яркостью этого образа блѣднѣютъ общія фразы, по которымъ христіанству отводится первое мѣсто въ народномъ образованіи (стр. 136). Отсюда общій недостатокъ сочиненія: внѣ—богословскій характеръ изслѣдованія.—Планъ

сочиненія не отличается логическою стройностью: почему-то раздѣльно раскрываются заголовки: „Основы воспитанія по Ушинскому“ (гл. II), „Религіозныя основы воспитанія“ (гл. III) и „Національныя основы воспитанія“ (гл. IV), а „Религіозныя воззрѣнія Ушинскаго и ихъ вліяніе на педагогическія“, которыя должны-бы быть всепроникающимъ началомъ послѣднихъ, составляютъ отдѣльную заключительную главу (VIII-ю), неестественно оторванную отъ содержанія третьей главы.

Принимая во вниманіе, что означенные недостатки обусловлены трудностью примиренія въ методѣ воспитанія научныхъ и религіозныхъ началъ, что̀ и отразилось на воззрѣніяхъ Ушинскаго и создало затруднительное для автора положеніе,—трудъ автора, какъ опытъ систематизаціи воззрѣній знаменитаго педагога, логичный и обоснованный въ поглавномъ литературномъ и, мѣстами, художественномъ изложеніи, можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ и заслуживающимъ искомой степени“.

13) О сочиненіи студента *Виноградова Сергѣя* на тему: „Отношенія между церковью и государствомъ въ Византіи при Македонской династіи“.

а) И. д. доцента *Ѳ. М. Россейкина:*

„Отношенія между церковью и государствомъ въ Византіи успѣли сложиться задолго до вступленія на тронъ Македонской или, какъ теперь ее называютъ, Армянской династіи. Со времени Юстиніана, который попытался дать и юридическое опредѣленіе этихъ отношеній, послѣднія можно считать установившимися. Тотъ равноправный союзъ независимыхъ, но взаимно поддерживающихъ другъ друга членовъ, о которомъ говоритъ Юстиніанъ, продолжалъ служить идеальной нормой отношеній на всѣ послѣдующіе вѣка. Дѣйствительность, конечно, далеко не совпадала съ идеаломъ, и при разныхъ обстоятельствахъ отношенія колебались, чаще всего уклоняясь въ сторону насилія государства надъ церковью. Помимо государственныхъ интересовъ и личныхъ побужденій правителей, до середины IX вѣка важнымъ мотивомъ къ столкновенію государства и церкви служили религіозныя движенія, въ которыхъ правительство не разъ становилось на сторону неправомыслящихъ и выступало съ репрессіями противъ защитниковъ церковной свободы и право-

славія. Съ окончаніемъ иконоборческой смуты, какъ разъ къ началу эпохи Македонянъ, исчезъ мотивъ религіознаго разномыслія, столь часто нарушавшій союзъ церкви и государства. Съ другой стороны, при Македонянахъ ромейская имперія достигаетъ своего наивысшаго расцвѣта, внутренняго благосостоянія и международной мощи. Представлялось не безынтереснымъ прослѣдить, какъ протекали отношенія церкви и государства за 190 лѣтъ—отъ Василія I до Михаила VI Стратіотика,—когда государственная власть не имѣла побужденій къ насиліямъ надъ религіозной мыслью и совѣстью церкви, но когда, съ другой стороны, ея могущество вело къ соблазну превратить церковь въ послушное орудіе своей воли и своихъ интересовъ.

Задачу прослѣдить исторію отношеній за 190 лѣтъ и, по возможности, намѣтить ея послѣдовательныя фазы и взялъ на себя г. Виноградовъ. Матеріаломъ могли служить: 1) оффиціальные церковные памятники—акты соборовъ; 2) памятники свѣтскаго законодательства -новеллы императоровъ; 3) византійскіе хронисты и историки; 4) въ отдѣльныхъ случаяхъ--агіологическая литература; 5) не было лишнимъ знакомство съ сочиненіями Константина Багрянороднаго о придворномъ церемоніалѣ.

Сочиненіе г. Виноградова распадается на небольшое введеніе и шесть главъ. Давъ въ введеніи общія опредѣленія понятій церкви и государства и ихъ цѣлей, авторъ посвятилъ первую главу выясненію основного принципа отношеній между церковью и государствомъ въ Византіи, для чего предлагаетъ краткій обзоръ этихъ отношеній за время отъ Константина Великаго до Василія I. Отношенія эти г. Виноградовъ представляетъ. по идеѣ. какъ тѣснѣйшій и дружественный союзъ, не уничтожавшій независимости обоихъ членовъ, но обязывавшій ихъ къ взаимопомощи (стр. 21). Не отрицая, что идеальная норма терпѣла въ практической жизни нарушенія, авторъ однако рѣшительно отвергаетъ, опираясь, между прочимъ, на авторитетъ А. П. Лебедева, теорію такъ называемаго византійскаго цезаропапизма (22). „Было иногда, что государственная власть оказывалась руководительницей церкви. что императоры вспоминали свое старое право pontifex'a maximus'a, но церковь ни разу не осталась послушнымъ слугою государства, воля свѣтскаго

властителя ни разу не оказалась закономъ для церкви. Констанцій въ теченіе своего тридцатилѣтняго царствованія старался объ утвержденіи аріанства, Ѳеодосій Младшій подъ конецъ царствованія сталъ на сторону монофизитовъ и дѣйствовалъ въ пользу ихъ, Василискъ энцикликой возобновилъ эту ересь, Ираклій энергично боролся за монофелитство, Левъ Исавръ и Константинъ Копронимъ подняли и вели войну противъ иконъ. Но хотя-бы въ одномъ изъ этихъ случаевъ оказалась-ли церковь въ послушаніи своимъ свѣтскимъ насильникамъ? Нѣтъ. Она не уступила Констанцію, не согласилась съ Ѳеодосіемъ, не покорилась Василиску, Ираклію и Исаврійцамъ. Итакъ, въ результатѣ, такъ сказать, исторіи— подчиненія церкви государству не было. Всѣ-же эти случаи, когда государство пыталось узурпировать права церкви, когда оно хотѣло подчинить ее своей власти,—были фактами нарушенія нормальнаго порядка вещей и всегда почти за таковыя считались".

За вводной главой слѣдуютъ пять основныхъ, гдѣ дается послѣдовательный обзоръ отношеній и столкновеній свѣтскаго правительства съ церковнымъ и показывается, что, въ сущности, основной принципъ взаимныхъ отношеній, при извѣстныхъ колебаніяхъ въ сферѣ его практическаго осуществленія, остался неизмѣннымъ. Тѣмъ не менѣе, эти колебанія настолько значительны, что дали автору возможность уловить за эпоху Македонянъ четыре послѣдовательныхъ момента, представляющихся въ слѣдующемъ видѣ.

Первый моментъ — царствованіе Василія Македонянина (гл. 2-я), время дружественнаго союза церкви съ государствомъ и ихъ взаимнаго уваженія. Во второмъ и третьемъ титулахъ Эпанагоги Василія, составленной, несомнѣнно, съ участіемъ Фотія, данъ „идеалъ" желательныхъ отношеній. „Практика", насколько она отразилась въ фактахъ перваго низложенія Фотія, въ соборѣ 869 г. и вторичномъ поставленіи Фотія въ патріархи, въ общемъ соотвѣтствовала идеалу, хотя Василію и не всегда удавалось удержаться на его высотѣ; въ обстоятельствахъ-же собора 879 г. г. Виноградовъ видитъ „выражаніе полной свободы церкви" (70).—Второй моментъ —правленіе Льва VI и Романа I, когда государство обнаруживаетъ систематическое стремленіе „стать выше церкви, сдѣлать изъ нея подчиненное себѣ вѣдомство, уничтожить

равноправность въ союзѣ, сохраняя однако общее дружественно-покровительственное отношеніе къ ней". Моментъ характеризуется у автора для времени Льва VI вторичнымъ низложеніемъ Фотія, поставленіемъ въ патріархи несовершеннолѣтняго Стефана, брата императора, брачными дѣлами послѣдняго, особенно—столкновеніемъ Льва съ патріархомъ Николаемъ Мистикомъ изъ-за четвертаго брака, и наконецъ изданіемъ новеллъ по церковнымъ вопросамъ (гл. 3-я). Цезаропапистическія тенденціи при Романѣ I усмотрѣны въ фактахъ условнаго, на опредѣленный срокъ, назначенія въ патріархи Трифона и особенно въ возведеніи на патріаршую каѳедру несовершеннолѣтняго и недостойнаго сына Романа, Ѳеофилакта (гл. 4-я).—Третій моментъ—съ 944 по 1043 г. г., время прекращенія систематической политики возвышенія царства надъ священствомъ, когда патріархи, въ родѣ Поліевкта, имѣютъ возможность и мужество выступать съ открытыми обличеніями противъ императоровъ и когда свѣтская власть, не смотря на настойчивую государственную необходимость ограничить привилегіи и имущества церкви и монастырей, вынуждена, въ концѣ концовъ, отступить предъ протестами церкви (гл. 5-я).—Наконецъ, четвертый моментъ—патріаршество Керуларія, характеризующееся обратной цезаропапизму тенденціей, „папистической" тенденціей Керуларія подчинить себѣ, какъ патріарху, и государственную власть (гл. 6-я).

Для обрисовки четырехъ намѣченныхъ моментовъ г. Виноградовъ и пересмотрѣлъ доступную ему часть документовъ, переходя отъ одного императора къ другому и стараясь не опустить ни одной, даже мелкой черты, годной для характеристики интересующей его группы явленій. Выводъ, къ которому онъ пришелъ, подтверждаетъ сказанное имъ въ вводной главѣ. „Царствованіе Македонской династіи началось удаленіемъ патріарха съ каѳедры по желанію царя, а окончилось сверженіемъ императора съ престола по волѣ патріарха. Въ исторіи отношенія между церковью и государствомъ за 190-лѣтній періодъ правленія въ Византіи славной династіи Македонянъ не произошло какихъ-нибудь существенныхъ, сравнительно съ прежними временами, перемѣнъ", и дружественный союзъ церкви и государства сохранилъ свою силу (213).

Таково содержаніе сочиненія г. Виноградова.—При его оцѣнкѣ достаточно обратить вниманіе на отношеніе автора къ источникамъ и литературѣ вопроса, на предложенную имъ схему и на методъ заполненія послѣдней.

Уже изъ приложеннаго къ сочиненію перечня источниковъ видно, что отношеніе къ нимъ г. Виноградова, съ количественной стороны, сужено. Авторъ воздержался отъ непосредственнаго ознакомленія съ цѣлымъ рядомъ памятниковъ, каковы акты к-польскихъ соборовъ 869 и 879 г. г., агіологическая литература и сочиненія Константина Порфиророднаго, излагая содержащійся въ нихъ матеріалъ по готовымъ изслѣдованіямъ и не всегда въ полномъ объемѣ. Его главное вниманіе сосредоточено на византійскихъ хроникахъ и императорскомъ законодательствѣ. Трудно, конечно, требовать, чтобы за годъ студенческой работы былъ самостоятельно пересмотрѣнъ весь пригодный матеріалъ. Но тогда не нужно и жаловаться на скудность византійскихъ хроникъ (стр. 25): матеріалъ можно находить и помимо ихъ. Автору не безызвѣстно, какимъ содержательнымъ оказалось житіе Евѳимія. Ничто не препятствовало, при желаніи и большемъ запасѣ времени, заглянуть и въ другія житія, хотя-бы Аѳанасія Аѳонскаго, Фотія Ѳессалійскаго, и поискать другихъ. Можно было привлечь Donatio Constantini и не дѣлать пропусковъ при обзорѣ новеллъ. Авторъ опустилъ напр. 88-ю новеллу Льва Мудраго, а ее слѣдовало не только упомянуть, но и заглянуть при этомъ въ книгу Пихлера, чтобы провѣрить послѣдняго.

Что касается качественной стороны отношенія къ источникамъ, главнымъ образомъ къ хронистамъ, то въ общемъ оно удовлетворительно. Вооруженный книгой Гирша, авторъ болѣе или менѣе разобрался въ довольно запутанныхъ отношеніяхъ между хрониками, хотя и здѣсь не безупреченъ. Кажется, онъ не отличаетъ отъ Георгія Амартола его продолжателя (39), не знаетъ, что хронологія Псевдо-Симеона ненадежна (103), не оговариваетъ, что Кедринъ—компиляторъ. Біографію Василія Македонянина, составленную Константиномъ Порфиророднымъ, авторъ считаетъ „прекраснѣйшимъ источникомъ“ (25). Источникъ, правда, хорошъ по обстоятельности: но въ смыслѣ безпристрастія оставляетъ желать многаго, такъ какъ всѣ усилія внука направлены

къ оправданію даже несомнѣнныхъ преступленій и восхваленію дѣда—основателя династіи. Упустивъ изъ вниманія эту тенденцію біографіи, авторъ однако цѣликомъ заимствуетъ изъ нея оцѣнку отношеній Василія къ церкви, насколько они сказались въ дѣлѣ Фотія и Игнатія (48); а какъ разъ въ этомъ пунктѣ освѣщеніе Порфирогенита сомнительно. Кажется, промахи съ хрониками въ значительной мѣрѣ объясняются тѣмъ, что г. Виноградовъ не предпослалъ своему сочиненію обзора источниковъ. Можно, конечно, обойтись и безъ такого обзора; но тогда требуется, чтобы въ каждомъ пунктѣ работы отражалось хорошо продуманное и вполнѣ опредѣленное отношеніе къ каждому источнику.

Литературу темы г. Виноградовъ собралъ достаточно полно. Но онъ не знаетъ французскаго языка, и потому ему остались недоступными книги Gasquet, Vogt'a, Schlumberger, Kambaud. „Византійскіе портреты“ Шарля Диля авторъ могъ читать по русски, но ихъ не читалъ. Было-бы полезно обратить вниманіе на недавно переведенную статью Бери, гдѣ англійскій ученый, говоря объ абсолютизмѣ власти византійскаго василевса, отмѣчаетъ факторы, ограничивавшіе этотъ абсолютизмъ, и между прочимъ указываетъ на силу общественнаго мнѣнія. Ссылка на общественное мнѣніе, которымъ въ Византіи въ первую очередь руководила церковь, для цѣлей г. Виноградова очень многозначительна, и онъ долженъ былъ ее использовать.—Не понятно, почему авторъ въ свой списокъ пособій не внесъ переводныхъ курсовъ по исторіи Византіи, которые въ рукахъ у него были.

Переходя къ схемѣ четырехъ моментовъ въ исторіи отношеній государства и церкви при Македонской династіи, нужно признать эту схему пріемлемой. Намѣтивъ ее, г. Виноградовъ совершенно правильно поспѣшилъ оговориться, что всякія дѣленія и общія характеристики въ исторіи бываютъ лишь приблизительны (25). Но мы должны усилить эту оговорку и признать, что даже въ смягченномъ видѣ предложенная схема нуждается въ дальнѣйшихъ поправкахъ. Достаточно обратить вниманіе на отдѣлы, гдѣ излагается исторія Василія I, Льва Мудраго и Романа Лекапена. По автору, Василій не проявилъ деспотизма въ своихъ отношеніяхъ къ церкви и, если удалилъ Фотія, то сдѣлалъ это —г. Виноградовъ всецѣло раздѣляетъ взглядъ Константина

Порфиророднаго—прежде всего по чувству справедливости. Вѣрнѣе думать, что въ критическую минуту дворцоваго переворота 23 сент. 867 г. Василій думалъ не о справедливости, а о своихъ интересахъ, и въ его поступкѣ съ Фотіемъ гораздо болѣе насилія изъ политическаго расчета, чѣмъ высокихъ моральныхъ мотивовъ. Наоборотъ, Левъ VI меньше деспотъ, чѣмъ думаетъ г. Виноградовъ. Главное обвиненіе, предъявляемое Льву въ этомъ смыслѣ, имѣетъ въ виду его четвертый бракъ и обусловленную имъ борьбу съ Николаемъ Мистикомъ. Однако существуютъ правовыя идеи, съ точки зрѣнія которыхъ Левъ, издавшій законъ противъ четвертаго брака и самъ вступившій въ него, можетъ быть въ извѣстной мѣрѣ оправданъ. „Можно поддерживать въ силѣ общее правило и въ то-же время допустить исключеніе изъ него, или, наоборотъ, можно допустить въ данномъ случаѣ отступленіе отъ общей нормы, не колебля самой нормы“ (проф. Суворовъ). Если такъ, то значительную долю вины съ Льва придется снять, и цезаропапистическая черта его правленія еще болѣе смягчится. Что касается Романа, то въ его исторіи извѣстенъ—о чемъ г. Виноградовъ не вполнѣ кстати сожалѣетъ (139)—лишь одинъ фактъ „цезаропапистическаго характера“,—возведеніе на патріаршую каѳедру его сына Ѳеофилакта. Такъ какъ извѣстно благочестіе Романа и его уваженіе къ монахамъ, то одного факта недостаточно, чтобы усмотрѣть въ Романѣ идейнаго представителя системы цезаропапизма (ср. 139 и 145).—Здѣсь-же умѣстно отмѣтить, что четвертый моментъ, правленіе Керуларія, по недостатку времени, лишь бѣгло очерченъ авторомъ по книгѣ Суворова.

Остается сказать, какъ г. Виноградовъ заполняетъ свою схему. Въ этомъ отношеніи его работа носитъ лѣтописный характеръ. Авторъ переходитъ отъ одного царствованія къ другому, наряду съ крупными фактами отмѣчая и мелкіе, иногда ихъ переоцѣнивая въ своихъ цѣляхъ (126) и стараясь сказать что-нибудь о каждомъ правителѣ, хотя по временамъ и сказать о немъ нечего (194). Изложеніе, несомнѣнно, выиграло-бы, если-бы г. Виноградовъ сосредоточилъ больше вниманія на обрисовкѣ и характеристикѣ каждаго изъ четырехъ моментовъ и меньше на отдѣльныхъ правителяхъ. Не трудно догадаться, откуда въ сочиненіи

заимствовать лѣтописный методъ: авторъ остался подъ впечатлѣніемъ изучаемыхъ имъ хроникъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что онъ старается всюду относиться къ показаніямъ хронистовъ критически.

Противъ вывода, къ которому пришелъ въ концѣ своего сочиненія г. Виноградовъ, спорить не приходится. Но въ своемъ заключеніи ему слѣдовало-бы посчитаться съ взглядомъ такого ученаго, какъ Гельцеръ. Изъ извѣстной статьи послѣдняго слѣдуетъ выводъ, что свобода церкви въ Византіи исчезла какъ разъ съ вступленіемъ на престолъ Македонской династіи, что Ѳеодора Студита можно считать послѣднимъ борцомъ за свободу церкви, и послѣ него идетъ почти безпросвѣтное рабство церкви государству. Г. Виноградовъ могъ сознательно противопоставить свой взглядъ выводамъ Гельцера и при этомъ использовать одну очень существенную оговорку послѣдняго (S. 241—242), въ значительной мѣрѣ ослабляющую его выводъ. Этого г. Виноградовъ не сдѣлалъ.

Изъ второстепенныхъ недочетовъ и недосмотровъ работы нашего автора можно отмѣтить слѣдующіе. Встрѣчаются въ сочиненіи противорѣчія, напр.,—a) въ оцѣнкѣ отношенія византійскаго общества къ Фотію: то общество должно одобрять его низложеніе Василіемъ, какъ актъ справедливости, то оно всецѣло на сторонѣ Фотія и церковь оказывается фотіанскою, а не игнатіанскою (66—67; ср. 50); b) въ объясненіи отношенія Льва Мудраго къ своему отцу (85—86); c) въ замѣчаніяхъ объ иконоборчествѣ (17).—Политическую сторону событій не было нужды воспроизводить по хроникамъ (136—138); лучше было воспользоваться готовыми хорошими обзорами, такъ какъ однихъ хронистовъ для этой цѣли все равно недостаточно. Не слѣдовало-бы при этомъ обходить яркихъ характеристикъ Шарля Диля; онѣ оживили-бы изложеніе.—Мѣстами внесены изъ хроникъ совершенно излишніе разсказы, которые можно безъ ущерба для дѣла опустить (27; 29); не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу и исторія возвышенія Василія Македонянина.—Авторъ очень часто обращается къ хроникѣ Кедрина и, кажется, не только потому, что она обстоятельна, но и потому, что она имѣется въ славянскомъ переводѣ. Цитировать этотъ переводъ, не всегда точный, не было никакой нужды, и съ успѣхомъ

можно было замѣнить его перифразомъ.—Безъ оговорокъ вѣрить Гергенретеру на слово (63; 72), хотя по отношенію къ этому ученому, какъ-бы ни былъ онъ авторитетенъ, необходимо различать, когда онъ излагаетъ факты и когда онъ ихъ оцѣниваетъ.—Эпоху Македонянъ, наполненную громомъ болгарскихъ войнъ, войнъ съ арабами и Арменіей, ужъ никакъ нельзя назвать временемъ политическаго затишья средневѣковой Византіи (1).—Войны Василія I съ павликіанами не были лишь дѣломъ религіозной миссіи, но вызывались въ первую очередь политическимъ мотивомъ.—Новелла Юстина II помѣчена 556 г., вмѣсто 566 (72).—Нѣтъ у автора раздѣльности, отчетливости въ изложеніи к—польскихъ событій 1054 г.,—вѣроятно, потому, что эта глава имъ не обработана (205).—Встрѣчаются неточности (29; 47; 204), неудачныя выраженія (61; 75; 96), не вполнѣ обоснованныя заключенія (187), сомнительныя утвержденія (106), мало говорящія аналогіи (24); опредѣленія церкви и государства, столь важныя для автора, хотя и заимствованы изъ авторитетныхъ рукъ, но не могутъ быть признаны отчетливыми (2—3). Авторъ пишетъ „Θеофана“ вмѣсто „Θеофано“; „Θеофилъ“ вм. „Θеофилица“ (26), „римскій“ вм. „ромейскій“ (25); византійскіе чиновные термины лучше оставлять безъ перевода (196).—Стиль автора не можетъ быть признанъ обработаннымъ (стр. 39), а ошибки переписчика, не исправленныя за недостаткомъ времени, испещряютъ все сочиненіе.

Особаго упоминанія заслуживаютъ переводы г. Виноградова. Нашъ авторъ пребываетъ въ жестокомъ заблужденіи, полагая, что буквальность перевода и есть его точность, тогда какъ буквальность можетъ въ результатѣ дать чистую безсмыслицу. Въ переводахъ съ нѣмецкаго онъ удерживаетъ почти нѣмецкую конструкцію (44), съ греческаго—запутанную византійскую (28; 36; 38; 43; 48; 74; 114). Невразумительные и неуклюжіе, такіе переводы заставятъ поморщиться, а можетъ быть, и разсердятъ филолога и, уже конечно, разсмѣшатъ даже неприхотливаго стилиста. Иногда переводъ неточенъ (35), даже невѣренъ (119).

Было-бы однако несправедливо думать, что перечисленные недостатки работы г. Виноградова вполнѣ обезцѣниваютъ его трудъ. Правда, источники не использованы сполна

но авторъ стоитъ въ непосредственномъ знакомствѣ со многими изъ нихъ. Литература не исчерпана; но достаточно и того, что привлечено къ дѣлу. Схема автора не незыблема; но она принадлежитъ лично ему, а не взята у другихъ. Даже лѣтописный характеръ построенія работы и его черезчуръ буквальные переводы объясняются желаніемъ быть добросовѣстнымъ и точнымъ въ работѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что онъ имѣлъ дѣло съ греческими источниками, заниматься которыми охотниковъ не такъ много.

Все сказанное даетъ г. Виноградову право на полученіе степени кандидата богословія".

б) Инспектора Академіи, экстраординарнаго профессора *архимандрита Анатолія*:

„Сочиненіе студента Виноградова С. достаточно полно обнимаетъ свой предметъ. Къ сожалѣнію со стороны внѣшней сочиненіе производитъ впечатлѣніе черновика или простого собранія матеріаловъ для сочиненія: выписокъ изъ источниковъ,—главнымъ образомъ, хроникъ,—изъ пособій,—далѣе пересказа ихъ содержанія и собственныхъ авторскихъ замѣчаній, разсѣянныхъ по всему пространству сочиненія. По этому черновику не прошла редакторская рука автора. Неуклюжія и неправильныя выраженія, буквалистическій и порой архаистическій переводъ источника, нѣкоторые матеріальные пропуски—вотъ недочеты сочиненія, которые бросаются въ глаза читателю. Странно, напр., то, что авторъ, говоря въ начальныхъ главахъ своей работы о миссіонерскихъ заботахъ византійскаго правительства и церкви, какъ доказательствѣ союза этихъ силъ, ничего рѣшительно не упоминаетъ о крещеніи Руси и организаціи русской церкви, событіяхъ чрезвычайной важности для насъ, приходящихся какъ разъ на описываемый авторомъ періодъ. Дѣленіе автора всего этого періода на отдѣльныя фазы—нѣсколько искусственное, что, думается, признаетъ и авторъ, если еще разъ прочтетъ свой трудъ. Выводъ автора изъ своего изслѣдованія довольно скромный: „въ исторіи отношенія между церковью и государствомъ за 190-лѣтній періодъ правленія въ Византіи славной династіи Македонянъ не произошло какихъ-нибудь существенныхъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, перемѣнъ". Но труда положено на то, чтобы

придти къ этому выводу, много. Авторъ добылъ много фактовъ, пробовалъ ихъ осмыслить и распредѣлить, результатомъ каковыхъ усилій является его схема; онъ изучилъ далѣе всю доступную ему литературу на русскомъ и частью на нѣмецкомъ языкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ отдѣлъ его примѣчаній, и, какъ начинающій работникъ въ области церковно-исторической науки, заслуживаетъ степени кандидата богословія".

14) О сочиненіи студента *священника Вышеславова Михаила* на тему: „Книга Премудрости Іисуса сына Сирахова. Предварительныя свѣдѣнія и систематическое изложеніе содержанія, съ экзегетическими экскурсами".

а) Экстраординарнаго профессора *священника Д. В. Рождественскаго*:

„Сочиненіе о. Вышеславова представлено въ незаконченномъ видѣ. Темой требовалось дать изложеніе содержанія изслѣдуемой книги, съ привосокупленіемъ экзегетическихъ экскурсовъ. Послѣдніе совершенно отсутствуютъ. Авторъ пытается убѣдить рецензентовъ въ томъ, что отсутствіе ихъ небольшая бѣда; такъ какъ экзегетическіе экскурсы представляли бы работу механическую, а во-вторыхъ—здѣсь ему пришлось бы повторять то, что было сказано профессоромъ протоіереемъ Рождественскимъ въ его изслѣдованіи о Книгѣ Премудрости Іисуса сына Сирахова (С.-Петербургъ, 1911 г.). Ни то, ни другое соображеніе нимало не оправдываетъ автора. Скорѣе систематическое изложеніе содержанія можно назвать работою механическою, а при пользованіи трудомъ профессора Рождественскаго авторъ могъ бы обнаружить и свою самостоятельность. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что о. Вышеславовъ несовсѣмъ игнорировалъ указанное требованіе темы. Въ его сочиненіи встрѣчаемъ большое число ссылокъ на примѣчанія, хотя самыя примѣчанія отсутствуютъ: очевидно, у него недостало времени для окончательной ихъ обработки или для переписки. Автору нужно было бы избрать пять-десять болѣе или менѣе обширныхъ отдѣловъ или отдѣльныхъ выраженій, требующихъ обстоятельныхъ разъясненій (напр., 1, 4; 17, 25; гл. 24 и др.), и обратить на нихъ особое вниманіе, отклоняясь на время отъ систематическаго изложенія содержанія избранной книги.

Исагогическіе вопросы обслѣдованы довольно полно, хотя здѣсь автору не достаетъ самостоятельности: по мѣстамъ онъ рабски слѣдуетъ своимъ предшественникамъ. Изложеніе содержанія дано полное и обстоятельное, и противъ принятой авторомъ схемы возраженій можно не дѣлать. Необходимо поставить автору на видъ то, что онъ совершенно игнорируетъ славянскій текстъ, который во многихъ случаяхъ требуетъ поясненій; таковы, напр., выраженія слѣдующихъ стиховъ: 2, 2; 4, 26; 6, 31; 8, 6; 10, 33; 18, 6; 22, 19; 23, 6 и мн. др.

Что касается обширнаго перечня пособій, то въ немъ мы встрѣчаемъ и названія такихъ сочиненій, изъ которыхъ заимствовались только случайныя справки и которыя имѣютъ весьма отдаленное отношеніе къ темѣ автора.

Пріятное впечатлѣніе на рецензента производитъ то обстоятельство, что авторъ, очевидно, не забылъ пріобрѣтенныхъ имъ три года назадъ познаній въ еврейскомъ языкѣ.

Итакъ, рецензируемое сочиненіе не блещетъ достоинствами. Но принимая во вниманіе, что авторъ использовалъ всю существующую на русскомъ языкѣ литературу, изрѣдка обращаясь и къ пособіямъ на иностранныхъ языкахъ; что онъ обстоятельно изучилъ содержаніе обширной книги премудраго сына Сирахова и изложилъ его ученіе въ стройной системѣ; можно безъ колебанія признать сочиненіе вполнѣ удовлетворительнымъ для искомой степени".

б) И. д. доцента *іеромонаха Варѳоломея* (*Ремова*):

„Внѣшній видъ сочиненія о. Вышеславова производитъ довольно благопріятное впечатлѣніе обстоятельнаго изслѣдованія. Предъ сочиненіемъ тянется длинный списокъ пособій, а самая цитація очень обильна и точна. Такого умѣнья цитировать не найдешь и въ хорошихъ студенческихъ работахъ. Правда, цитируя очень часто въ первомъ (исагогическомъ) отдѣлѣ своей работы Migne'я, авторъ постоянно и упорно отмѣчаетъ у него p. (страницы), которыхъ тамъ нѣтъ (есть *col.*), но въ общемъ все-таки способъ цитаціи о. Вышеславова удовлетворяетъ рецензента. Но при чтеніи сочиненія рецензенту бросилась въ глаза одна особенность въ этой длинной вереницѣ цитатъ. Цитаты на солидные западные труды по изслѣдованію внѣшней и идейной стороны Еккле-

зіастика встрѣчаются у автора довольно рѣдко, стоятъ какъ-то обособленно и въ то же время онѣ слѣдуютъ по какому-то плану, чередуясь съ цѣлымъ рядомъ русскихъ цитатъ — въ морѣ цитатъ на русскія пособія. Эти послѣднія цитаты, видно, болѣе доступны о. Вышеславову, и вотъ на основаніи наблюденія надъ цитатами можно высказать такое утвержденіе. О. Вышеславовъ гораздо болѣе пользуется пособіями невысокой научной цѣнности и при томъ имѣющими самое отдаленное отношеніе къ изучаемой имъ книгѣ потому только, что они написаны на доступномъ ему русскомъ языкѣ. Цитатъ же на иностранныя пособія, хотя бы и очень полезныя и цѣнныя для автора, у него почти нѣтъ, а какія есть, случайны и не являются результатомъ изученія цитируемыхъ книгъ.

Все-таки очень жаль, что въ работѣ о. Вышеславова мы наталкиваемся чисто внѣшнимъ путемъ на этотъ непріятный внутренній дефектъ ея. Авторъ связанъ недостаточнымъ знаніемъ ни одного иностраннаго языка. А вѣдь работать онъ можетъ; чтеніе его сочиненія насъ утверждало въ этой мысли. Особенно вторая часть сочиненія, при всей своей незаконченности, обличаетъ въ авторѣ умѣнье синтезировать обширный и разнообразный идеологическій матеріалъ. Конечно, схема, по которой авторъ конструируетъ свое систематическое „изложеніе содержанія"—слишкомъ внѣшняя и притомъ шаблонна, трафаретна, и лучше если бы авторъ велъ свое изложеніе, руководясь идеей самой книги, изъ нея самой почерпая данныя для выработки плана своей систематизаціи. Но вѣдь авторъ, кажется, не претендуетъ на оригинальность своего труда, и это его въ нѣкоторой степени извиняетъ.

Сочиненію о. Вышеславова, далѣе, не чужды общіе недостатки, которые обычно отмѣчаются въ сочиненіяхъ начинающихъ научно работать писателей. О. Вышеславовъ необдуманно высказываетъ иногда рѣшительныя сужденія и дѣлаетъ неосновательныя заключенія. Для большей убѣдительности своего изложенія онъ любитъ употреблять сильныя выраженія вродѣ —*рѣшительно, несомнѣнно, діаметрально противоположно.* Съ другой стороны, о. Вышеславовъ нечуждъ искушенія поэтическимъ слогомъ, какъ напр. „звучатъ аккорды возбужденной фантазіи поэта" (стр. 76). Стиль въ

разсматриваемомъ сочиненіи совсѣмъ необработанный (стр. 21, 31, 40, 43—45, 49, 50, 51, 53, 66, 70, 73, 81, 117, 119, 123, 131, 137—138, 148, 158, 161, 178, 181—185, 193, 198, 205, 212, 225—226, 235, 238, 244, 249, 250, 262, 275, 289—291, 293, 294, 296, 301, 305, 321, 331, 336, 340, 351—352, 354, 356, 357). Въ первой части своего сочиненія о. Вышеславовъ обнаруживаетъ неумѣнье быть достаточно разборчивымъ въ отношеніи къ матеріалу своему, недостаточно критичнымъ. Мало у него разработана и доказательная сторона, слаба аргументація. Самыя слабыя страницы сочиненія—это тѣ, на которыхъ авторъ говоритъ о единствѣ книги бенъ-Сира (часть первая, IV—стр. 146—155). А во второй части своей работы о. Вышеславовъ переоцѣниваетъ слишкомъ значеніе своей книги. Благородное увлеченіе предметомъ своего изученія заслуживаетъ одобренія, но все-таки magis amica veritas. И книга сына Сирахова—вѣдь книга очень возвышенная по содержанію своему, но все же она—книга ветхозавѣтная, болѣе того—неканоническая. До высотъ христіанскаго вѣдѣнія и жизнепониманія премудрому бенъ-Сира еще далеко: его этическія правила и житейскіе совѣты въ свѣтѣ Евангелія теряютъ свое значеніе. Христіанинъ къ нѣкоторымъ совѣтамъ сына Сирахова долженъ отнестись даже отрицательно, хотя уваженіе къ Екклезіастику и его употребленіе въ древней церкви для назиданія вѣрныхъ должны опредѣлить правильныя границы критическому отношенію къ ученію ветхозавѣтнаго автора. Вотъ это-то выяснить и выпукло представить и долженъ былъ о. Вышеславовъ, разъ центръ тяжести его работы, по его собственному признанію, лежалъ именно въ идейной сторонѣ изученной имъ книги.

Таковы немалые недостатки работы о. Вышеславова: но попутно мы отмѣчали и ея достоинства. Кромѣ этого, мы ставимъ о. Вышеславову въ большое достоинство замѣтно проникающій его работу интересъ къ ней и даже увлеченіе своимъ предметомъ. Цѣнно также и то, что отвѣчать на предлежавшіе ему вопросы о. Вышеславовъ старался, по возможности, ясно и опредѣленно. Признаемъ автора заслуживающимъ степени кандидата богословія".

15) О сочиненіи студента *Глинскаго Ивана* на тему: „Филаретъ, митрополитъ Московскій, какъ проповѣдникъ".

а) И. д. доцента *В. И. Виноградова:*

„Сочиненіе г. Глинскаго—плодъ добросовѣстнаго, по мѣрѣ силъ, изученія источниковъ и научной литературы, освѣщающихъ проповѣдническое творчество м. Филарета. Результаты своего изученія авторъ изложилъ въ шести главахъ, съ небольшимъ введеніемъ (1—8 стр.) и заключеніемъ (261—265 стр.) по принятому плану работъ этого рода.

Въ главѣ I-ой (біографія) авторъ весьма умѣло избѣжалъ обычнаго въ подобнаго рода работахъ искушенія излагать *всѣ* вычитанныя изъ различныхъ пособій свѣдѣнія, независимо отъ ихъ цѣнности для собственной цѣли работы—освѣщенія проповѣдническаго творчества даннаго лица. Нашъ авторъ совершенно правильно, въ I-ой главѣ, ставилъ своей задачей дать біографію м. Филарета лишь постольку, поскольку это необходимо для выясненія условій и стадій развитія духовной личности и съ ней проповѣдническаго таланта м. Филарета.

Во II главѣ (пастырско-проповѣдническій идеалъ м. Филарета) авторъ въ общемъ правильно представилъ гомилетическую теорію м. Филарета, но, къ сожалѣнію, извлекъ здѣсь не весь относящійся сюда матеріалъ и по временамъ отъ изложенія собственно теоріи сбивается къ характеристикѣ самаго проповѣдническаго творчества м. Филарета, что составляетъ спеціальный предметъ дальнѣйшихъ главъ работы.

Въ III и IV главахъ (догматическій и нравственный элементы въ проповѣдяхъ м. Филарета) авторъ ставитъ себѣ задачей характеризовать способъ раскрытія въ проповѣдяхъ Филарета истинъ догматическихъ и нравственныхъ—главнаго предмета содержанія проповѣдей Филарета. При выполненіи этой задачи авторъ обнаруживаетъ основательное знакомство съ содержаніемъ проповѣдей Филарета, но, къ сожалѣнію, вмѣсто необходимаго здѣсь *анализа* проповѣдей предпочитаетъ больше довольствоваться буквальными, наиболѣе характерными выдержками изъ проповѣдей, содержащими раскрытіе тѣхъ или другихъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ.

Въ главѣ V (современность проповѣдей м. Филарета) авторъ старательно использовалъ богатый матеріалъ, заключающійся въ изслѣдованіи проф. Корсунскаго („Святитель

Филаретъ, м. Московскій"), но напрасно не отнесся къ нему критически и не попытался провѣрить главныя сужденія собственнымъ изученіемъ лежащихъ въ ихъ основаніи источниковъ.

Въ VI главѣ, при характеристикѣ „внутреннихъ и внѣшнихъ особенностей проповѣдей м. Филарета", отъ автора требовалось болѣе широкое знакомство съ гомилетической теоріей, чѣмъ то, которымъ онъ обладаетъ: авторъ недостаточно удовлетворительно различаетъ основныя гомилетическія понятія.

Заключеніе, въ которомъ авторъ пытается указать мѣсто м. Филарета въ исторіи русской проповѣди,—самая слабая часть сочиненія г. Глинскаго. Не имѣя возможности удѣлить время на сколько-нибудь основательное знакомство съ исторіей русской проповѣди, авторъ ограничивается изложеніемъ сужденія проф. Корсунскаго (м. Макарій, какъ проповѣдникъ), не затрогивая, напримѣръ, даже такого существеннаго вопроса, какъ отношеніе проповѣдническаго творчества Филарета къ таковому же м. Платона; нѣкоторыя сужденія автора (напримѣръ, о современности проповѣдей Иннокентія, архіеп. Херсонскаго) рѣшительно неправильны.

Всѣ указанные недостатки не препятствуютъ, однако, сочиненію г. Глинскаго быть совершенно удовлетворительной кандидатской работой: авторъ потрудился добросовѣстно и обнаружилъ достаточный навыкъ къ серьезной научной работѣ".

б) Ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго:*

„Работа Глинскаго распадается на нѣсколько главъ, характеризующихъ проповѣди Филарета съ разныхъ точекъ зрѣнія. Глава I содержитъ біографію святителя, въ которой авторъ обращаетъ особенное вниманіе на выясненіе причинъ, способствовавшихъ развитію въ немъ проповѣдническихъ способностей. Въ краткомъ заключеніи авторъ старается опредѣлить мѣсто и значеніе Филарета въ исторіи проповѣди, для чего онъ сравниваетъ его съ Иннокентіемъ, архіепископомъ Херсонскимъ, какъ представителей двухъ школъ проповѣдничества—московской и кіевской.

Работа Глинскаго написана толково, такъ что даетъ ясное представленіе о проповѣдяхъ знаменитаго іерарха. Литера-

туру предмета онъ изучилъ основательно. Главныя положенія его правильны; впрочемъ, одна мысль, правда, для него второстепенная, меня удивила: на стр. 11 онъ говоритъ о „сухости и безжизненности“ греческаго и еврейскаго языка, не понимая того, что это зависитъ не отъ самого предмета, а отъ отношенія ученика къ нему: всякій предметъ покажется сухимъ и безжизненнымъ, когда у человѣка нѣтъ охоты изучать его, напр., если онъ неспособенъ къ нему или считаетъ его для себя ненужнымъ. Не по этой ли причинѣ,— вслѣдствіе презрѣнія къ „сухимъ“ предметамъ,—у нашего автора порядочно орѳографическихъ ошибокъ, напр., „отрѣченіе“ (37), „нарѣченіе“ (27), „свѣденіе“ (47), „представившагося святителя“ (1) вмѣсто „преставившагося“? Если бы онъ зналъ, что это слово есть переводъ греческаго *μεταστῆναι*, то не сдѣлалъ бы такой ошибки. Впрочемъ, это не мѣшаетъ мнѣ оцѣнить его старательную работу балломъ 5“.

16) О сочиненіи студента *Гражданскаго Тихона* на тему: „Государственное и церковное устройство Новгорода Великаго“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго:*

„Задачу, которую ставитъ своей работѣ авторъ, онъ опредѣляетъ такъ: „дать посильное выясненіе государственнаго и церковнаго устройства Новгорода Великаго при помощи всѣхъ доселѣ вышедшихъ въ свѣтъ источниковъ и пособій по новгородской исторіи“ (6). Авторъ ограничивается, слѣдовательно, изображеніемъ устройства Новгорода Великаго, не касаясь внѣшней его исторіи, достаточно ясной, по его мнѣнію, изъ лѣтописей. Разрѣшить поставленную себѣ задачу авторъ имѣетъ въ виду двумя путями: во-первыхъ, онъ намѣревается дать сводъ сдѣланнаго въ литературѣ, во-вторыхъ, на нѣкоторые вопросы, хотя бы и второстепенные, онъ пытается дать отвѣтъ самъ. Гражданскій тщательно изучалъ источники и пособія по новгородской исторіи. Пропускъ—одного изъ видовъ источниковъ—новгородскихъ переписныхъ книгъ XV и начала XVI в.в., составленныхъ хотя и послѣ паденія самостоятельности Новгорода, но все же бросающихъ яркій свѣтъ на землевладѣніе, хозяйство и соціальный строй города въ прежнее время до уничтоженія

вольности,—пропускъ этотъ не поставимъ въ вину автору, потому что источникъ этотъ по своей обширности и трудности изученія требуетъ спеціальной разработки, а также и потому, что пробѣлъ этотъ сколько-нибудь существеннымъ образомъ на выводы автора не повліялъ. Работа надъ первоисточниками дала автору возможность проявить самостоятельность взгляда, сохранить независимость отъ высказанныхъ въ литературѣ мнѣній и подвергать эти мнѣнія критическому разбору и оцѣнкѣ [см. напр. стр. 207—оспариваніе мнѣній Рожкова, 200—возраженія Прозоровскому, 256 - гипотеза о причинахъ связи новгородскихъ концовъ съ пятинами]. Многія страницы сочиненія представляютъ изъ себя интересный и полезный пересмотръ существующихъ въ литературѣ взглядовъ по первоисточникамъ. Изображеніе государственнаго и церковнаго быта поставлено авторомъ очень широко. Соотвѣтственно самой темѣ работа распадается на двѣ части: государственное устройство и церковное устройство. Въ первой части мы находимъ опредѣленіе границъ новгородскаго государства, попытку дать общее опредѣленіе новгородскому государственному строю, характеристику соціальнаго устройства Новгорода, описаніе органовъ новгородскаго управленія (вѣче, князь, посадникъ и др. должности), изображеніе областного управленія, характеристику организаціи суда, финансовъ и военнаго строя. Во второй части авторъ опредѣляетъ форму церковной организаціи Новгорода, устанавливаетъ періоды ея развитія, характеризуетъ власть новгородскаго архіепископа и приводитъ черты церковнаго быта. Особая глава посвящена новгородскимъ монастырямъ.

Изъ этого перечня видно, какъ богато содержаніе сочиненія. Автору можно даже въ упрекъ поставить широту его размаха. Можетъ быть лучше было бы пожертвовать второстепенными частями и сосредоточить вниманіе на главномъ. Для автора вовсе, напр., не было бы обязательно заниматься изслѣдованіями о соціальномъ строѣ, о судебномъ процессѣ, о военномъ устройствѣ. Надо, впрочемъ, сказать, что такое расширеніе рамокъ изученія также не повліяло вредно на его качества и не было причиной сколько-нибудь крупныхъ промаховъ.

Недочеты неизбѣжны во всякой работѣ, какъ бы тщательно она сдѣлана ни была. Укажемъ нѣкоторыя замѣченныя нами

погрѣшности и спорныя мѣста. Трудно согласиться съ авторомъ, когда онъ пишетъ (6): „самая исторія событій изъ жизни древняго Новгорода достаточно ясна уже изъ лѣтописей“.—И въ лѣтописныхъ разсказахъ о событіяхъ новгородской исторіи не мало неяснаго. Не совсѣмъ правильно указано расположеніе новгородскихъ пятинъ. Бѣжецкая пятина лежала къ востоку отъ Новгорода, а не къ западу, какъ утверждаетъ авторъ. Деревская лежала къ юго-востоку, а не къ юго-западу и, наоборотъ, Шелонская лежала къ юго-западу, а не къ юго-востоку (33). Неосновательно, по нашему мнѣнію, авторъ утверждаетъ, что республики организуются обычно „на основаніи какого-либо строго продуманнаго законопроекта“ (42) и что „республиканское устройство непремѣнно должно быть основано на строго опредѣленномъ законѣ“ (43). Античныя республики—греческія и римская слагались исторически, и какого-либо опредѣленнаго закона, лежащаго въ основѣ ихъ, въ родѣ конституціонной хартіи, не имѣли. Авторъ далѣе утверждаетъ, что государства съ республиканскимъ устройствомъ, которое непремѣнно основано на строго опредѣленномъ законѣ, и поэтому отличающіяся чрезвычайно большимъ консерватизмомъ, естественно начинаютъ неудовлетворять требованіямъ времени и приходить въ упадокъ. Сѣверо-Американскіе Штаты, республика дѣйствительно основанная на опредѣленномъ законѣ, изданномъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, государство дѣйствительно очень консервативное, однако незамѣтно, чтобы оно клонилось къ упадку, несмотря на свою неподатливую, негибкую конституцію. Автору не удается послѣ многихъ попытокъ установить типъ государственной организаціи Новгорода. О томъ, что Новгородъ можно отнести къ типу города-государства, онъ почему то не подумалъ.

Причину, почему за все время существованія новгородской республики не расширялся кругъ боярскихъ фамилій, авторъ видитъ въ томъ, что Новгородъ всецѣло жилъ обычаемъ, а не законами. Поэтому въ виду отсутствія спеціальнаго закона о порядкѣ полученія боярскаго достоинства количество бояръ тамъ не возрастало (78). Но первые-то новгородскіе бояре какимъ же путемъ проникли въ это званіе? „Боярскій классъ“, пишетъ далѣе авторъ (83), „былъ замкнутымъ цѣлымъ: войти въ него было нельзя... но изъ низшихъ

слоевъ общества выходили люди, по своему имущественному положенію становившіеся въ уровень съ боярствомъ. Они такъ же, какъ и бояре, дѣлались обладателями значительныхъ земельныхъ владѣній и капиталовъ—но не могли быть за недостаткомъ спеціальнаго закона включены въ кругъ бояръ. Это „житьи люди". Чувствуя, что въ этомъ сопоставленіи бояръ съ „житьими людьми" не все благополучно, авторъ далѣе (86) прибавляетъ: „Конечно въ общемъ своемъ большинствѣ житьи люди все же не такъ были богаты, какъ бояре, образъ жизни ихъ былъ менѣе аристократиченъ". Житьи люди — классъ, значеніе котораго, дѣйствительно, остается до сихъ поръ неразъясненнымъ. Позволимъ себѣ привести нѣкоторыя наши соображенія по этому поводу. Въ Новгородской 1-й лѣтописи можно указать мѣста, гдѣ перечисляются новгородскіе общественные классы и гдѣ за классомъ „огнищанъ" слѣдуетъ классъ гридей, за которыми идутъ въ свою очередь купцы. Такъ подъ 1166 г. читаемъ: „Въ то же лѣто на зиму приде Ростиславъ ис Кыева на Лукы и позва Новгородьце на порядъ: огнищане, *гридь*, купце вячшее". Подъ 1195 г.: „Позва Всѣволодъ Новгородьце на Чьрниговъ, на Ярослава... и Новгородьци не отьрешася ему: идоша съ княземь Ярославьмь огнищане и *грідьба* и купци". Впослѣдствіи при такихъ же перечисленіяхъ новгородскихъ общественныхъ классовъ и въ лѣтописяхъ и въ новгородскихъ актахъ мѣсто огнищанъ занимаютъ бояре, а термины *гридь* и *гридьба* замѣняются словами „житьи люди". Можно поэтому думать, что термины эти совпадаютъ. Ср. также Пск. Лѣт. I 1468 г.: „огнищане, гридьба и кто купець" (260). Но гриди, гридьба, какъ мы знаемъ,—младшіе дружинники, военные люди. Замѣчательно, что когда при Иванѣ III новгородцевъ массами переселяли въ предѣлы московскаго государства, то „житьихъ людей" селили не въ городахъ, какъ купцовъ, а верстали помѣстьями, вдвигали ихъ въ составъ московскаго военно-служилаго класса. Нельзя ли изъ всего этого заключить, что „житьими людьми" назывался въ Новгородѣ военно-землевладѣльческій классъ, не чуждый въ послѣдніе вѣка новгородской исторіи также и торговли, наложившей въ Новгородѣ свой отпечатокъ на все новгородское общество?

Не можемъ согласиться съ положеніями автора о томъ,

что терминъ „смердь“ замѣняется постепенно терминомъ „холопъ“ (97) и что эта замѣна выражаетъ собою переходъ новгородскаго крестьянства, жившаго на частновладѣльческихъ земляхъ, въ холопы (275). „Сябрами“ назывались не только члены товариществъ для добыванія соли, какъ думаетъ авторъ (105), но и совладѣльцы землею, и члены разныхъ другихъ товариществъ. Неправильно толкуетъ авторъ статью Новгородской Судной грамоты: „А сажати въ суду по два человѣка“, замѣчая, что „заразъ судиться, повидимому, могло только по два человѣка“. Здѣсь рѣчь не о тяжущихся, а засѣдателяхъ суда, избираемыхъ въ составъ судебнаго присутствія самими тяжущимися. См. наше „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“ т. II, стр. 179 и сл.

Отмѣченныя спорныя положенія отнюдь не уменьшаютъ достоинства сочиненія. При такой широкой постановкѣ плана работы они неизбѣжны. Сочиненіе написано прекраснымъ языкомъ; отдѣльныя положенія сводятся въ общіе выводы, облегчающіе усвоеніе. Авторъ вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата“.

б) И. д. доцента *священника І. М. Смирнова:*

„Прекрасное впечатлѣніе получается послѣ чтенія работы г. Тихона Гражданскаго, задавшагося цѣлью выяснить болѣе или менѣе подробно (а главное—безпристрастно), на основаніи доступныхъ ему источниковъ и пособій по Новгородской исторіи, „Государственное и церковное устройство Новгорода Великаго“. Авторъ не претендуетъ на оригинальность или свѣжесть выводовъ. Его задача скромнѣе—это дать описаніе строя на основаніи уже опубликованныхъ источниковъ и современной литературы по данному вопросу, при возможномъ критическомъ отношеніи къ нимъ, конечно. И нужно отмѣтить, что свою задачу онъ выполнилъ прекрасно. Объемъ власти вѣча свободолюбиваго Новгорода, права и обязанности князя и посадника, взаимныя ихъ отношенія и ихъ отношеніе къ вѣчу, раздѣленіе общественныхъ элементовъ составлявшихъ государственный организмъ Новгорода, на сословные и корпоративные классы, государственное и церковное значеніе Архіепископа, устройство Новгородскаго областного управленія, а также порядокъ и постановка судопроизводства, финансовъ, торговли, военнаго дѣла,—все

это указано авторомъ съ исчерпывающей полнотою. Такъ же не менѣе полно и ясно представленъ и церковный строй Великаго Новгорода съ его іерархіей, системой ея избранія, приходской жизнію, монашествомъ. Въ концѣ той и другой части авторомъ сдѣлана небольшая оцѣнка строя государственной и церковной жизни Новгорода. Съ этимъ стремленіемъ быть точнымъ относительно сообщаемыхъ свѣдѣній (въ сочиненіи цитируются преимущественно лѣтописи и подобные документы) прекрасно гармонируетъ у автора желаніе быть точнымъ и въ выраженіи: за обработкой языка онъ слѣдилъ, повидимому, тщательно. Такая гармонія придаетъ, конечно, большой плюсъ работѣ. Есть, конечно, въ сочиненіи и недостатки. Такъ, напр., не совсѣмъ ясно разграничены у автора области судоотправленія Новгородскаго князя и князя пригороднаго (ср. стр. 174, 177, 295 и—266). Не вѣрна, по моему, та мысль автора, когда онъ, желая объяснить выраженіе лѣтописи „сдумавше съ посадникомъ", говоритъ, что посадникъ на вѣчѣ самъ, какъ предсѣдатель, ставилъ вопросы на обсужденіе и *первымъ* же предлагалъ рѣшеніе ихъ (215 стр.). На чемъ основываетъ авторъ свое соображеніе?—Если на современномъ порядкѣ хода собранія, то мысль его неправильна. Предсѣдатель на собраніяхъ говоритъ (=обсуждаетъ) не первымъ, а послѣднимъ, такъ какъ подача мнѣній (и счетъ голосовъ) идетъ съ младшихъ членовъ собранія въ порядкѣ ихъ постепенности старшинства. Да, въ сущности говоря, неудачно названо и само вѣче *засѣданіемъ* (стр. 214 и 237), – это то собраніе, которое самъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ сравниваетъ съ современнымъ митингомъ (стр. 215).

Но всѣ эти и другіе небольшіе недостатки съ успѣхомъ поглощаются крупными достоинствами работы г. Гражданскаго, которая вполнѣ даетъ ему право на присужденіе степени кандидата богословія".

17) О сочиненіи студента *Зедгенизева Василія* на тему: „Исторія распространенія христіанства на Руси съ нашествія монголовъ до к. XVI в.".

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова:*

„Послѣ введенія, въ которомъ авторъ кратко повѣствуетъ

о предѣлахъ распространенія христіанства за кіевскій періодъ, далѣе въ I гл. онъ говоритъ объ успѣхахъ христіанской миссіи въ Поволжьи среди монголовъ и подчиненныхъ ихъ власти инородцевъ, во II—на сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ между финскими племенами, въ III — излагаетъ исторію распространенія христіанства въ западной Сибири между ея инородцами и въ заключеніи разсуждаетъ объ условіяхъ, благопріятствовавшихъ поступательному движенію христіанства въ предѣлахъ русской земли.

Для выполненія своей задачи авторъ изучилъ массу разнообразнаго матеріала и овладѣлъ большой литературой. Поэтому въ его работѣ не встрѣчается ошибокъ ни въ крупныхъ вопросахъ, ни въ деталяхъ. Похвальное свойство труда— сжатость изложенія, которая позволяетъ автору въ небольшомъ по объему сочиненіи представить результаты напряженнаго труда, доведеннаго до самыхъ корней вопроса. Планъ отчетливый, но недостатокъ его въ томъ, что авторъ, увлекшись географическимъ принципомъ, почти не обращаетъ вниманія на хронологію. Поэтому у него вышло, напр., то, что дѣятельность св. Стефана Пермскаго (к. XIV в.) изображается почти въ концѣ сочиненія, послѣ того какъ описаны труды Ѳеодорита Кольскаго, Трифона Печенгскаго (XVI в.) и другихъ апостоловъ русскаго сѣвера. Затѣмъ авторъ почти не принялъ въ разсчетъ исторіи колонизаціи русской земли, въ связи съ которой (колонизаціей) шла, конечно, и ея христіанизація, между тѣмъ этотъ факторъ долженъ бы быть поставленъ въ основу всего трактата. Впрочемъ извиненіемъ въ данномъ случаѣ можетъ служить то, что исторія русской колонизаціи далеко не выяснена и въ предѣлахъ срока, который былъ въ распоряженіи автора, прямо не выполнима. Въ языкѣ сочиненія встрѣчаются нѣкоторыя неловкости и нелитературныя выраженія (15, 24, 150, 164).

Несмотря на отмѣченные недочеты трудъ г. Зедгенизева надо признать очень хорошимъ".

б) И. д. доцента *Ѳ. М. Россейкина:*

„Небольшое по объему, но очень содержательное сочиненіе г. Зедгенизева производитъ хорошее впечатлѣніе обшир-

ной освѣдомленностью автора, отчетливостью мысли, сжатостью изложенія и серьезнымъ отношеніемъ къ предмету. Авторъ твердо представляетъ всѣ стороны миссіонерскаго дѣла и не упускаетъ изъ виду ни одного существеннаго условія успѣха или неуспѣха миссіи. Возможно, что въ этомъ случаѣ ему много помогли его личныя впечатлѣнія, такъ какъ онъ, уроженецъ Восточной Сибири, жилъ среди просвѣщаемыхъ инородцевъ и имѣлъ возможность непосредственно наблюдать дѣйствіе на нихъ миссіи (ср. стр. 206). Не виноватъ авторъ, если глава о распространеніи христіанства именно въ Сибири оказалась у него по содержанію гораздо бѣднѣе прочихъ: причина въ недостаточности матеріаловъ. Авторъ умѣетъ быть самостоятельнымъ въ сужденіяхъ и иногда сознательно расходится со взглядами признанныхъ ученыхъ (216). Онъ хочетъ быть и безпристрастнымъ, и, высоко оцѣнивая заслуги иноковъ и монастырей въ дѣлѣ миссіи, не закрываетъ глазъ на недостатки въ ихъ миссіонерскихъ пріемахъ (41). Тѣмъ не менѣе, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ чувство патріотизма замѣтно наклонило его приговоръ въ пользу родного народа. Въ своей заключительной главѣ г. Зедгенизевъ пробуетъ, мимоходомъ, сопоставить пріемы миссіи русскихъ людей съ культуртрегерствомъ европейскихъ народовъ и, отмѣтивъ счастливую способность русскихъ людей ассимилировать инородцевъ, сохраняя терпимое отношеніе къ нимъ, продолжаетъ: „Не то наблюдается въ Западной Европѣ. Не всегда тамъ встрѣча христіанъ съ инородцами сопровождалась объединеніемъ ихъ, образованіемъ изъ отдѣльныхъ племенъ одной великой семьи цивилизованныхъ народовъ, а, напротивъ, иногда она вела къ вымиранію туземцевъ чрезъ нѣсколько поколѣній послѣ перехода къ формамъ жизни своихъ культуртрегеровъ. Извѣстно, что такая участь и понынѣ постигаетъ краснокожихъ Сѣверной Америки или аборигеновъ Океаніи“. Едва ли г. Зедгенизевъ укажетъ въ предѣлахъ Запада и его исторіи примѣръ, подтверждающій его столь отрицательную оцѣнку западной миссіи и культуртрегерства. То, что говоритъ авторъ страницей ниже о насиліяхъ русскихъ переселенцевъ и властей надъ инородцами, отнятіи у нихъ земель и политической самосостоятельности, еще болѣе ослабляетъ различіе между просвѣтительными пріемами Руси и Запада (ср. стр. 41).

Промахи стиля рѣдки (9: 210).—За свое сочиненіе г. Зедгенизевъ вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата богословія".

18) О сочиненіи студента *Зыкова Ивана* на тему: „Педагогическія воззрѣнія блаженнаго Августина".

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостьина:*

„Сочиненіе г. Зыкова (стр. XII+325) достаточно полно по содержанію и правильно обработано по формѣ. Послѣ біографіи бл. Августина (гл. 1) авторъ излагаетъ педагогическія его воззрѣнія, распредѣливъ ихъ по двумъ періодамъ въ жизни блаженнаго учителя (гл. 2—періодъ увлеченія неоплатонизмомъ, гл. 3—періодъ христіанскій). Существенное различіе между этими двумя періодами авторъ кратко выражаетъ слѣдующими словами Eggersdorfer'a: „теперь (т. е. во второмъ періодѣ) *святой* становится идеаломъ блаженнаго Августина, тогда какъ прежде имъ былъ *мудрый*" (стр. 202).

Въ заключительной (4) главѣ говорится о вліяніи бл. Августина на позднѣйшую педагогику. Здѣсь нашъ авторъ стоитъ въ явной зависимости отъ того-же Eggersdorfer'a, тогда какъ въ бо́льшей части сочиненія онъ проявляетъ самостоятельность, основываясь почти всегда на трудахъ самого бл. Августина, причемъ не ограничивается изученіемъ ихъ по переводамъ, но нерѣдко обращается и къ латинскому подлиннику.

Слѣдуетъ добавить, что авторъ внимательно изучилъ и важнѣйшіе труды русскихъ ученыхъ, трактующіе о бл. Августинѣ, какъ мыслителѣ и педагогѣ (архим. Бориса, проф. Герье, Писарева, Скворцова, Трубецкого и др.).

Къ сожалѣнію, при спѣшной перепискѣ въ сочиненіи осталось довольно много мелкихъ ошибокъ и неточностей—орѳографическихъ, стилистическихъ и др. Но и при этихъ недостаткахъ сочиненіе должно быть признано совершенно удовлетворительнымъ для кандидатской степени".

б) И. д. доцента *А. М. Туберовскаго:*

„Уже по одному оглавленію (V—XII) сочиненія можно судить, насколько серьезна работа и правиленъ методъ автора. Глава 1-я (1—87 стр.) обнимаетъ біографію Блаженнаго и генезисъ его міровоззрѣнія съ преимущественнымъ

удареніемъ на фактѣ отказа Августина отъ учительства въ языческой школѣ и перечисленіемъ важныхъ въ педагогическомъ отношеніи трудовъ. Въ гл. 2-ой (87—184 стр.) излагаются педагогическія воззрѣнія бл. Августина перваго періода, навѣянныя неоплатонизмомъ, но, отчасти, внушенныя и христіанствомъ. Въ 3-й гл. (184—289 стр.) передаются мысли бл. Августина о воспитаніи второго періода, вполнѣ опредѣлившіяся въ ихъ христіанскомъ направленіи, вмѣстѣ съ обще-дидактическими совѣтами и частно-методическими (касательно преподаванія Закона Божія) указаніями и съ попутнымъ замѣчаніемъ о монастырской семинаріи иппонскаго Святителя. Гл. 4-я и послѣдняя (289—326 стр.) говоритъ о вліяніи бл. Августина на педагогику послѣдующаго времени до русскихъ школъ включительно.

Серьезность работы заключается въ исчерпывающей полнотѣ трактовки, въ той широтѣ обхвата, благодаря которой, въ разсматриваемомъ сочиненіи, автору удалось сочетать педагогическіе взгляды Блаженнаго Отца въ двухъ различныхъ направленіяхъ его ума и сердца: неоплатоническомъ и христіанскомъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и внимательность автора въ отношеніи къ прочитаннымъ имъ пособіямъ (въ количествѣ 14, кромѣ сочиненій самого Августина).— Правильность метода, по мнѣнію рецензента, заключается въ его историчности. Педагогическія идеи бл. Августина разсматриваются здѣсь не статически, какъ неподвижная, замкнутая въ себѣ, система, а динамически, въ связи съ религіозными переживаніями и различными обстоятельствами жизни, въ зависимости отъ всей замѣчательной и единственной въ своемъ родѣ личности ихъ носителя. Лучшимъ примѣромъ — украшеніемъ диссертаціи — могутъ служить стр. 198—202 и далѣе, гдѣ перемѣною образа мыслей (неоплатоническаго на христіанскій) и жизни (уединенно-созерцательнаго на общественно-практическій) объясняется характеръ педагогическихъ воззрѣній Августина во второй періодъ съ преобладаніемъ въ нихъ религіозно-дѣятельнаго идеала надъ интеллектуально-философскимъ, проникавшимъ собою тѣ же воззрѣнія перваго періода.

„Хвала блаженному!“—восклицаетъ авторъ, приближаясь къ окончанію своего труда, и этого восклицанія нельзя не признать характернымъ для отношенія автора къ избран-

ному имъ для себя въ предметъ сочиненія знаменитому Учителю церкви, какъ педагогу. Желательно, чтобы тотъ идеалъ христіанскаго воспитанія, который авторъ нашелъ у бл. Августина и которымъ онъ такъ увлекся, и у самого г. Зыкова, въ его педагогической дѣятельности, нашелъ себѣ еще большее, чѣмъ у слѣдовавшихъ за Августиномъ педагоговъ, приложеніе!

Нельзя, однако, желая добра автору, не сказать и про недочеты сочиненія:

1) со стороны орѳографіи. Авторъ пишетъ или оставляетъ безъ корректуры: „поэлику“ (241 стр.), „серебренные“ (245), „затѣмняющій“ (257), „въ пищи“ (284), „чтетъ“ (вм. „чтитъ“), „ядящихъ“ (вм. „ядущихъ“) и т. д.

2)—стиля. Авторъ выражается: „преходящійся“, вмѣсто „преходящій“ (=тлѣнный, стр. 140); „рядъ мучительной борьбы“ (193), „то тамъ, то тамъ“ (т. е. „то тамъ, то здѣсь“) и т. д.

3)—точности. а) „Всѣ грѣхи похоти Августинъ дѣлитъ на три группы: похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская“ (210 стр.). Автору должно быть извѣстно, что это дѣленіе принадлежитъ Св. Іоанну Богослову (I, 2, 16), бл. Августинъ же только воспользовался имъ во имя апостольскаго авторитета. б) На стр. 73 и 74 предшественникъ Августина по иппонской каѳедрѣ именуется Валеріемъ, а на 282 стр.—Авреліемъ. Чѣмъ объясняется несходство названій?

4)—подстрочника. а) Впервые цитуемое авторомъ на стр. 236 сочиненіе Августина приводится въ такомъ видѣ: „De peccat merit et remiss lib“... Ясно, что цитата откуда-то заимствована. б) Неизвѣстно, по какому изданію г. Зыковъ цитируетъ бл. Августина. Между тѣмъ, названіе изданія, будетъ ли это оригиналъ или переводъ, является элементарнымъ правиломъ цитаціи.

5)—содержанія. а) Говоря о тѣлесномъ наказаніи (242 стр.), авторъ, повидимому, всецѣло раздѣляетъ взглядъ цитируемаго имъ Миролюбова, что бл. Августинъ былъ сторонникомъ этого воспитательнаго средства. Но не мѣшало бы автору самому вникнуть въ начальныя строки „Исповѣди“, гдѣ говорится о тѣлесныхъ наказаніяхъ по личному опыту Августина, что бы подмѣтить въ высшей степени глубокомысленный взглядъ на этотъ предметъ Учителя церкви IV—V в.в., удивительно гуманный по тому времени, когда

сокрушеніе жезломъ выи не только ребенка, но и взрослаго возводилось едва ли не въ нерушимый законъ природы. б) Непонятно, далѣе, почему г. Зыковъ считаетъ „искусственнымъ“ и „натяжкой“ (277—279 стр.) дѣленіе бл. Августиномъ ветхозавѣтной исторіи на пять періодовъ: до потопа, до Авраама, до Давида, до вавилонскаго плѣна и до Христа. Развѣ не искусственно всякое дѣленіе вообще и какая же, съ другой стороны, натяжка—такъ именно дѣлить библейскую исторію Ветхаго Завѣта, если каждая изъ указанныхъ пяти эпохъ, дѣйствительно, имѣла свой особый характеръ и значительную долю неповторяемости? Если, впрочемъ, что у Августина и отзывается нѣсколько „натяжкой“, такъ это аналогія пяти періодовъ съ пятью пальцами руки, но вѣдь, слѣдуетъ помнить, всякая аналогія потому и аналогія, что она придумывается, измышляется, „натягивается“ умомъ на то или другое его положеніе.

Въ виду вышеуказанныхъ достоинствъ и несмотря на присущіе сочиненію ст. Зыкова, какъ и всякому человѣческому труду, недостатки, работа заслуживаетъ, по отзыву второго рецензента, несомнѣннаго одобренія, а авторъ—степени кандидата богословія“.

19) О сочиненіи студента *Иванова Петра* на тему: „Психологія религіозныхъ обращеній“.

а) Экстраординарнаго профессора *П. П. Соколова:*

„Сочиненіе г. Иванова, несмотря на его большой объемъ (420 стр. почтоваго формата), читается съ неослабѣвающимъ интересомъ: такъ важны разсматриваемые въ немъ вопросы, такъ поучителенъ собранный въ немъ матеріалъ. Авторъ касается самой глубокой драмы, какую способна пережить алчущая и жаждущая правды человѣческая душа, -ея обращенія къ источнику этой правды, Богу. Онъ не дѣлаетъ попытокъ объяснить эту святую драму естественными психологическими причинами. Для него слишкомъ ясно, что религіозное обращеніе есть великое таинство, въ которомъ естественное возрождается сверхъестественнымъ и конечное растворяется въ безконечномъ. Не смѣшивая религіозной психологіи съ религіознымъ психологизмомъ, онъ видитъ свою задачу только въ томъ, чтобы описать ту душевную

обстановку, въ которой совершается это таинство, тѣ состоянія вѣры, сомнѣнія и душевной борьбы, которыя ему предшествуютъ, тѣ впечатлѣнія и вліянія, которыя его подготовляютъ, тѣ сложныя, глубокія и бурныя переживанія, которыя ему сопутствуютъ, тѣ благодатныя измѣненія въ чувствахъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ, которыя за нимъ слѣдуютъ. Психологическія условія обращеній, связанныя съ различіями возраста и пола, внутреннихъ потребностей и внѣшнихъ вліяній, моменты обращенія и наполняющее ихъ душевное содержаніе, типы и направленія обращеній, ихъ обще-религіозныя и конфессіональныя формы, ихъ обычныя и исключительныя послѣдствія, начиная съ простого нравственнаго возрожденія и кончая состояніемъ святости,—вотъ главные вопросы, которые онъ изучаетъ. Авторъ описываетъ обращеніе, какъ діалектическій процессъ, ведущій отъ безсознательныхъ вѣрованій дѣтства чрезъ сознательное невѣріе юности къ сознательной вѣрѣ позднѣйшихъ лѣтъ; но этотъ діалектическій процессъ не превращается у него въ отвлеченную схему или теоретическое построеніе. Предъ нами проходятъ дѣйствительные факты и конкретные образы; намъ говорятъ живые человѣческіе документы, въ которыхъ слышатся то крики истерзанной души, то слезы умиленнаго сердца,—документы исключительные и обыденные, выдающіеся и незначительные, трогательные и наивные. Среди этихъ документовъ встрѣчается все: великая „Исповѣдь“ Блаженнаго Августина и маленькія исповѣди обратившихся студентовъ и курсистокъ, письма епископа Ѳеофана Затворника и записки „раскаявшагося революціонера“, автобіографія Джона Стюарта Милля и біографія матушки Магдалины, дневники Амьеля и замѣтки пережившаго религіозную драму иконописца, „Исповѣдь“ отпавшаго отъ православія Толстого и разсказы перешедшихъ въ православіе старообрядцевъ и сектантовъ, свидѣтельства увѣровавшихъ врачей и признанія потерявшихъ вѣру семинаристовъ, данныя американскихъ анкетъ и сообщенія русскихъ миссіонеровъ, наблюденія психологовъ изъ „American Journal of Religious Psychology“ и изліянія страждущихъ душъ изъ „Студенческаго Листка“ или журнала „Христіанинъ“, факты, собранные въ „Zeitschrift für Religionspsychologie“, и случаи, описанные въ „Душеполезномъ Чтеніи“ и „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Эти исповѣди,

свидѣтельства и признанія нельзя читать равнодушно: тѣмъ болѣе нельзя равнодушно о нихъ писать. И авторъ дѣйствительно взволнованъ развертывающимися передъ нимъ душевными трагедіями: онъ не только изображаетъ, но до извѣстной степени и переживаетъ ихъ. Его стиль, живой, иногда яркій, но неровный, неправильный и даже подчасъ невразумительный, отражаетъ въ себѣ слѣды этого волненія; его описанія и характеристики, почти утомляющія обиліемъ красокъ и образовъ, согрѣты искреннимъ чувствомъ. Было бы жаль, если-бы эта работа навсегда затерялась въ академическомъ архивѣ: нужно пожелать, чтобы она была передѣлана и появилась на свѣтъ.

Но для этого нужно, чтобы она именно была передѣлана, передѣлана почти до основанія. Въ своемъ настоящемъ видѣ она не годится для печати. Ея недостатки настолько многочисленны, что въ настоящемъ отзывѣ я могу остановиться только на главнѣйшихъ изъ нихъ. Эти недостатки касаются и ея плана, и ея метода, и ея источниковъ, и ея содержанія, и ея изложенія.

У г. Иванова есть планъ, и даже планъ, имѣющій всѣ внѣшніе признаки стройности и систематичности. Его сочиненіе состоитъ изъ введенія, двухъ частей и заключенія: части называются „общею“ и „аналитическою“ (правильнѣе было бы сказать: „спеціальною“) и каждая изъ нихъ дѣлится ровно на четыре главы. Но если мы попытаемся разобраться въ этомъ симметричномъ планѣ, то мы увидимъ, что онъ является только внѣшнею декораціей внутренняго хаоса. Часть „общую“ нельзя разграничить отъ части „аналитической“ даже видимымъ образомъ, а главы этихъ частей не имѣютъ ни взаимной связи, ни внутренняго единства. Все сочиненіе представляетъ собою скорѣе собраніе отдѣльныхъ этюдовъ или даже эскизовъ, чѣмъ органически связанное и законченное цѣлое.

Дѣлая общую характеристику сочиненія, я уже далъ представленіе о его методѣ: это методъ эмпирическій, основанный на изученіи фактовъ и документовъ религіознаго опыта. Но эмпирическое изслѣдованіе невозможно безъ критики, а о критикѣ г. Ивановъ не особенно заботится. Автобіографическія показанія, на которыхъ онъ главнымъ образомъ основывается, принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ людямъ,

никому невѣдомымъ; между тѣмъ онъ не только не задается вопросомъ, въ какой степени эти люди заслуживаютъ довѣрія, но даже не пытается сколько-нибудь ознакомить насъ съ ними. Что же касается свидѣтельствъ постороннихъ лицъ, то онъ черпаетъ ихъ всюду безъ разбора и беретъ въ нихъ не только факты, но и субъективное освѣщеніе этихъ фактовъ.

Какъ мы видѣли, г. Ивановъ располагаетъ обширнымъ и разнообразнымъ автобіографическимъ и біографическимъ матеріаломъ, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ достаточно знакомъ съ научной литературой вопроса. Онъ знаетъ то немногое, что существуетъ по психологіи религіи на русскомъ языкѣ, онъ широко пользуется работами американскихъ и нѣмецкихъ изслѣдователей, но о французской литературѣ онъ не имѣетъ никакого представленія. Ему почему-то кажется, что эта литература „обычно слѣдуетъ методу американскихъ ученыхъ“ и „оставляетъ желать лучшаго“ (стр. 8); но при незнаніи французскаго языка ему трудно объ этомъ судить. Въ дѣйствительности французская литература и по качеству, и по количеству ничуть не уступаетъ американской и далеко превосходитъ нѣмецкую. О зависимости ея метода отъ американскихъ изслѣдованій не можетъ быть рѣчи. Методъ американцевъ, это методъ анкетъ; между тѣмъ французскіе писатели пользуются преимущественно данными психологическаго и психопатологическаго анализа и опираются главнымъ образомъ на изученіе автобіографическихъ, біографическихъ и историческихъ документовъ. Если авторъ найдетъ возможнымъ продолжать свою работу, ему придется восполнить этотъ важный пробѣлъ.

Перехожу къ содержанію сочиненія. Г. Ивановъ пишетъ объ обращеніяхъ, но понятіе обращенія для него неясно. Подъ именемъ обращенія онъ разумѣетъ все: и обращеніе вниманія въ новую сторону, и новый образъ, возникающій въ сознаніи, и всякій новый психическій синтезъ, слагающійся на развалинахъ старыхъ. Къ числу обращеній онъ относитъ и привѣтствіе знакомаго, встрѣченнаго на улицѣ, и игру на роялѣ (46 стр.), и смѣну занятій и интересовъ, и перемѣну литературныхъ и музыкальныхъ вкусовъ, и „переходъ отъ влюбленности къ ненависти, отъ расточительности къ бережливости и скупости“ (51). Словомъ, всякій элементъ сознанія и всякій психическій актъ есть, по его мнѣнію,

обращеніе, и онъ совершенно серьезно разсуждаетъ объ „обращеніяхъ—элементахъ“ и „обращеніяхъ—актахъ“. Нужно перепутать всѣ понятія, чтобы договориться до такого абсурда. Вѣдь, если душевные элементы обращеній сами являются обращеніями, то почему бы г. Иванову не называть кирпичей, изъ которыхъ строятъ дома, „кирпичами—домами“? Авторъ былъ бы правъ, если-бы, описывая смѣну явленій сознанія и выясняя условія образованія новыхъ психическихъ синтезовъ, онъ хотѣлъ дать только общій анализъ психологическаго состава обращеній; но тогда ему нужно было съ самаго начала отдать себѣ отчетъ въ томъ, что обращеніе не тожественно съ составляющими его элементами, что оно представляетъ собой процессъ совершенно особаго и исключительнаго рода, что это душевная метаморфоза, захватывающая въ большей или меньшей степени всю личность человѣка и отдѣленная отъ его прежнихъ состояній рѣзкимъ, мгновеннымъ или длительнымъ, кризисомъ.

Въ пониманіи психологической природы религіозныхъ обращеній, равно какъ и въ истолкованіи религіознаго опыта вообще, г. Ивановъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ интеллектуализма. Религіозное обращеніе, по его мнѣнію, есть эмоціональный процессъ. Въ тотъ рѣшительный моментъ, когда обращающійся переходитъ отъ предшествующаго состоянія душевной борьбы и сомнѣній къ безповоротной вѣрѣ, въ его сознаніи нѣтъ никакого яснаго интеллектуальнаго содержанія: его душа охвачена только могучимъ порывомъ чувства, соединеннаго съ полнымъ безсиліемъ воли. Однако такая точка зрѣнія, внушенная автору его американскими авторитетами, является въ свою очередь односторонней. Интеллектуальные элементы въ моментъ обращенія существуютъ, и при болѣе глубокомъ анализѣ авторъ сумѣлъ бы ихъ открыть. Это тѣ живыя репрезентативныя формы, въ которыхъ обращающійся воспринимаетъ присутствіе Высшей силы,—формы видѣній, внутреннихъ голосовъ и общихъ ощущеній. Опустивъ изъ виду эти явленія, авторъ потерялъ ключъ къ пониманію всѣхъ остальныхъ. И эмоціональная буря, переживаемая обращающимся, и его неспособность противиться овладѣвшему имъ порыву остаются для него неразрѣшимой загадкой. Между тѣмъ онѣ легко объясняются тѣмъ неотразимымъ впечатлѣніемъ, которое

испытываетъ обращающійся при живомъ представленіи или ощущеніи являющагося ему Высшаго Существа. Этотъ вопросъ достаточно разъясненъ въ моей синтетической теоріи вѣры и остается только пожалѣть, что авторъ не сумѣлъ сдѣлать изъ нея необходимыхъ для него выводовъ.

Г. Ивановъ подвергаетъ довольно рѣзкой критикѣ дѣленіе обращеній на постепенныя и мгновенныя, сознательныя и безсознательныя, произвольныя и непроизвольныя: но тѣ возраженія, которыя онъ приводитъ противъ него, могли бы быть направлены и противъ всякой классификаціи вообще. Всѣ классификаціи условны, всѣ онѣ искусственно обособляютъ одну группу явленій отъ другихъ. Но ихъ создаютъ не для того, чтобы разрѣзывать дѣйствительность на части, а для того, чтобы облегчить ея описаніе. И автору нужно было тѣмъ болѣе имѣть это въ виду, что самъ онъ не могъ замѣнить опровергаемой имъ классификаціи никакою другой.

Въ связи съ условіями обращенія авторъ касается вопроса о причинахъ современнаго невѣрія вообще и упадка вѣры у нашихъ семинаристовъ въ частности. Преобладаніе теоретическихъ мотивовъ отчужденія отъ Бога въ настоящее время онъ объясняетъ тѣмъ, что теперь „догматическія истины стали гораздо опредѣленнѣе, а ихъ преподаваніе гораздо настойчивѣе и систематичнѣе“ (98). Эту сентенцію можно было бы принять за остроумный парадоксъ, если-бы она не была простымъ недоразумѣніемъ: опредѣленность догматическихъ истинъ и систематичность ихъ преподаванія авторъ смѣшиваетъ съ схоластическими пріемами ихъ изложенія. Что же касается наболѣвшаго вопроса о семинарскомъ безвѣріи, которому г. Ивановъ посвящаетъ очень длинное примѣчаніе въ концѣ II главы (стр. 104—119), что по поводу него онъ высказываетъ немало горькой правды, но изрекаетъ и немало вздора. Такъ, одной изъ причинъ этого безвѣрія онъ считаетъ семинарскую философію, которая будто-бы особенно располагаетъ юные умы къ критицизму и раціонализму. Кто бы могъ думать, что семинарская философія повинна въ такомъ грѣхѣ! Вѣроятно даже тотъ наивный семинаристъ, на котораго ссылается авторъ, имѣлъ въ виду философію совсѣмъ другого рода.

Я не могу входить въ подробный анализъ тѣхъ спеціальныхъ вопросовъ, которые разсматриваются г. Ивановымъ во

второй части его сочиненія, хотя эта часть страдаетъ еще большими дефектами, чѣмъ первая. Остановлюсь только на его заключеніи. Оно посвящено критикѣ религіознаго релятивизма и доказательству абсолютной цѣнности и истинности православія. Изучая психологію религіозныхъ обращеній, авторъ вдохновлялся идеями прагматизма и опирался на теорію субъективныхъ или практическихъ цѣнностей. Теперь предъ нимъ встаетъ вопросъ о цѣнностяхъ объективныхъ и абсолютныхъ. Какъ же онъ его рѣшаетъ? Да при помощи той же теоріи субъективныхъ цѣнностей. Онъ ухитряется опровергать релятивизмъ съ точки зрѣнія прагматизма, который ведетъ къ нему прямою дорогой, и доказывать православіе „практическими“ доводами г. Розанова, пригодными развѣ только для потребностей этого непотребнаго писателя. Нечего и говорить, что результаты такой попытки являются жалкими. Нужно прибавить, что при такой постановкѣ дѣла самое понятіе религіознаго релятивизма совершенно искажается въ сознаніи автора: онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ и догматизмъ, и безцерковность, и протестантскій субъективизмъ, и религіозный партикуляризмъ.

Наконецъ, изложеніе сочиненія страдаетъ неровностью и видимо носитъ отпечатокъ спѣшности. На ряду съ яркими и даже блестящими страницами встрѣчаются страницы, написанныя на какомъ-то мало понятномъ воляпюкѣ; рядомъ съ перлами неподдѣльнаго краснорѣчія попадается мусоръ трескучей риторики. Описывая состоянія обращающихся, авторъ вездѣ предпочитаетъ говорить ихъ собственными словами. Во многихъ случаяхъ такой пріемъ, конечно, вполнѣ правиленъ и неизбѣженъ; но имъ нельзя и злоупотреблять. Слишкомъ длинныя выдержки слѣдовало бы иногда сокращать; англійскія и нѣмецкія цитаты въ текстѣ нужно было переводить на русскій языкъ или переносить въ подстрочныя примѣчанія.

Я указываю всѣ эти недостатки не для того, чтобы обезцѣнить работу г. Иванова. Въ концѣ концовъ они понятны и неизбѣжны въ виду сложности тѣхъ вопросовъ, съ которыми авторъ имѣлъ дѣло, и при ограниченности того времени, какимъ онъ располагалъ. Вѣдь уже одно собираніе того громаднаго матеріала, надъ которымъ онъ работалъ, должно было отнять у него не одинъ мѣсяцъ. Сдѣлать больше-

въ теченіе года было бы трудно. Обращая его вниманіе на его промахи и ошибки, я желалъ бы только помочь ему, если бы онъ вздумалъ продолжать свое сочиненіе. Обработка этого сочиненія для печати, повторяю, весьма желательна и авторъ имѣетъ всѣ данныя, чтобы успѣшно выполнить эту задачу. Онъ обладаетъ прекрасною научною подготовкой и обширной начитанностью: это хорошій психологъ, хорошій богословъ и образованный человѣкъ. Въ добавокъ къ этому онъ надѣленъ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ.

Степени кандидата богословія г. Ивановъ вполнѣ заслуживаетъ".

б) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго:*

„Для своего сочиненія г. Ивановъ изучилъ англійскій языкъ и собралъ изъ литературы, какъ русской, такъ и иностранной, значительную количественно коллекцію фактовъ религіозной психологіи.

Попутно имъ высказываются иногда сужденія интересныя, развитіе которыхъ болѣе подробное могло бы привести къ выводамъ, углубляющимъ пониманіе религіозной жизни. Авторъ пытается критически отнестись къ другимъ работамъ, аналогичнымъ его собственной, и самостоятельно классифицировать изучаемый матеріалъ. Тонъ рѣчи его далеко не заносчивъ, и нерѣдко г. Ивановъ съ изъявленіемъ скромности, отклоняетъ отъ себя обсужденіе встрѣтившихся предметовъ философскихъ и богословскихъ. Однако, эта скромность,— въ большинствѣ случаевъ, кажется, програмная, а не изъ сознанія личной ограниченности истекающая—, она-то и производитъ нѣкоторый туманъ, разсѣять который можно лишь при иномъ философскомъ міропониманіи, чѣмъ у нашего автора. Г. Ивановъ желаетъ стоять на строго-психологической точкѣ зрѣнія и пользоваться чисто-эмпирическимъ методомъ, но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, впадаетъ въ дурной психологизмъ и, самъ того не замѣчая, переполняетъ свое изслѣдованіе без- и полу-сознательно воспринятыми предпосылками самаго метафизическаго свойства. Взамѣнъ сознательной метафизики получается безсознательная, взамѣнъ критической—некритическая, взамѣнъ хорошей—дурная. Впрочемъ, это обычное свойство психологическихъ, „чисто-психологическихъ" изслѣдованій. Къ тому же,

не имѣя критеріевъ различенія и не выработавъ принципа для *выбора* изучаемыхъ фактовъ, онъ вынужденъ въ одну кучу валить перлы религіозной жизни и всякій хламъ, не умѣетъ ограничить себя лишь типичнымъ и существеннымъ, и потому, т. к. все же каждый разъ на чемъ-нибудь *надо* остановиться, то г. Иванову приходится останавливаться на случайныхъ примѣрахъ, часто вовсе незначительныхъ.

Г. Ивановъ, повидимому, не понимаетъ, что если бы онъ *впрямь* работалъ чисто-эмпирическимъ методомъ, то онъ не могъ бы высказать ни одного сужденія. И вотъ, при всякомъ *подлинномъ* и важномъ вопросѣ, когда явнымъ дѣлается, что его безъ общихъ принципіальныхъ основаній не рѣшить, Авторъ скромно предоставляетъ его „философіи" и „религіи". Когда же подымается вопросъ второстепенный, то таковой *рѣшается*,—на основѣ туманныхъ положеній, просочившихся изъ разныхъ системъ метафизики въ обывательскую философію. Къ сожалѣнію, и большинство трудовъ, которыми пользуется нашъ Авторъ, страдаютъ тѣмъ же обывательско-философскимъ складомъ своего жизнепониманія. Вотъ почему, упрекая въ этой сомнительнаго достоинства философіи г. Иванова, я не хотѣлъ бы ставить таковую въ вину *лично* ему: онъ лишь поддался общему духу психологическихъ изслѣдованій.

Другимъ недостаткомъ, тоже связаннымъ съ неотчетливостью логической структуры сочиненій, должно признать многопопечительность нашего Автора. Вѣроятно, добрая половина изъ того, что пишетъ онъ, не относится къ темѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ Авторъ говоритъ и о безсознательномъ вообще, и о психологіи дѣтства, и о психологіи женщины и т. д. и т. д., то расширяя границы своего изслѣдованія до границъ религіозной психологіи, то заходя и за нихъ, въ область общей психологіи. Это многоглаголаніе мѣшаетъ ему болѣе сосредоточить свое вниманіе на религіозныхъ обращеніяхъ и болѣе глубоко обдумать это явленіе религіозной жизни.—Тѣмъ не менѣе, сочиненіе г. Иванова показываетъ работоспособность и любовь къ научному изслѣдованію.

Степени кандидата оно заслуживаетъ".

20) О сочиненіи студента *Іонина Александра* на тему: „Исторія русскаго монашества съ начала XVIII вѣка до настоящаго времени".

а) Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора:*

„Небольшое по объему сочиненіе г. Іонина (I—XXXV; 1—265) въ строгомъ смыслѣ слова не можетъ претендовать на названіе „ученаго труда“ по исторіи русскаго монашества; это скорѣе литературный очеркъ, посвященный характеристикѣ русскаго монашества съ внѣшней и внутренней стороны въ указанный темой періодъ и сдѣланный на основаніи журнальныхъ статей, монографій, брошюръ и изслѣдованій, посвященныхъ вопросамъ русской церковной исторіи и въ частности монашеству. Нужно отдать должную честь автору, что пособія и источники для своей работы онъ собралъ и изучилъ весьма добросовѣстно, списокъ ихъ въ началѣ его сочиненія занимаетъ цѣлыхъ 14 страницъ: мы бы указали ему здѣсь одинъ недочетъ: авторъ не отдѣлилъ „источниковъ“ въ строгомъ смыслѣ слова отъ „пособій“, потому-ли, что онъ самъ ихъ не различаетъ, или м. б. потому, что „источниковъ“ въ строгомъ смыслѣ этого слова у него нѣтъ и поэтому авторъ въ своемъ сочиненіи говоритъ не словами древнихъ актовъ, документовъ и лѣтописныхъ данныхъ, а словами тѣхъ авторовъ, сочиненія коихъ онъ имѣлъ подъ руками.

Весь матеріалъ, добытый авторомъ изъ многочисленныхъ пособій, распредѣляется имъ и излагается по плану вполнѣ естественному и удобному въ изслѣдованіяхъ подобныхъ сочиненію автора: въ сочиненіи имѣется два главныхъ отдѣла или части: 1-я часть должна изображать внѣшнюю исторію монашества, 2-я—внутреннюю. Что-же авторъ разумѣетъ подъ первой стороной жизни монашества и что подъ второй?

„Внѣшняя исторія, говоритъ авторъ, характеризуется тѣми внѣшними перемѣнами, которыя происходили за этотъ періодъ въ состояніи монашества подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ правительственныхъ и церковныхъ законодательствъ и распоряженій; а внутренняя сторона характеризуется тѣми или другими успѣхами христіанскаго иноческаго благочестія, той или другой высотой нравственной иноческой жизни“ (см. введеніе XV стр). Такъ авторъ и думаетъ сдѣлать въ своемъ сочиненіи, предполагая въ 1-й части его (1—102 стр.) изложить правительственныя законодательства относительно монашества и ихъ вліяніе на состояніе монастырей и монашества, а во 2-й „изложить внутреннюю исторію монаше-

ской жизни и успѣхи христіанскаго благочестія иноковъ“ (стр. XXII—XXIII введенія).

Если обратиться къ самому сочиненію, то можно сказать, что авторъ въ общемъ вѣренъ своему плану работы и тому пониманію, какое онъ высказалъ о задачахъ характеристики внѣшней и внутренней стороны монашества, хотя въ 1-й части своего труда всю тяжесть работы перенесъ къ характеристикѣ *чисто правового* положенія монастырей при Петрѣ Вел. (1 гл.), Аннѣ Іоанновнѣ (2 гл.), Елизаветѣ Петр. (3 гл.), Екатеринѣ II (IV гл.) и при императорахъ 19 вѣка (V гл.) въ ущербъ болѣе или менѣе подробнаго и исторически точнаго изображенія бытовой его стороны въ смыслѣ роста или сокращенія обителей и проч. А во второй части сочиненія авторъ сосредоточилъ исключительное вниманіе на нѣкоторыхъ выдающихся обителяхъ этого періода (Санаксарская, монашество въ Брынскихъ и Рославльскихъ лѣсахъ—1 гл. 2-й части; Саровская Пустынь—II гл., Валаамъ—IV гл., Оптина Пустынь—VI гл.) и на замѣчательныхъ подвижникахъ того времени (Преп. Серафимъ, старецъ Паисій Величковскій), изображая внѣшнюю исторію и состояніе первыхъ и біографію вторыхъ въ ущербъ прямой задачѣ:—говорить о внутренней сторонѣ монашества, объ успѣхахъ христіанскаго благочестія иноковъ, какъ онъ самъ понимаетъ эту задачу (см. введ. стр. XXIII).

Конечно это легко объясняется тѣмъ, что о каждой изъ указанныхъ авторомъ обителей и объ упомянутыхъ старцахъ есть много брошюръ и изданій, характера чисто внѣшне историческаго и біографическаго. Нужно впрочемъ сказать, что какъ 1-я, такъ и 2-я часть сочиненія автора въ тѣхъ рамкахъ, въ кои онѣ имъ поставлены фактически, а не предположительно, выполнены вполнѣ добросовѣстно и успѣшно. Какъ въ 1-й части, хотя кратко, но вполнѣ толково и опредѣленно изложены всѣ данныя, касающіяся мѣропріятій правительства относительно монашества (начиная съ Петра В.), и указаны ихъ послѣдствія на внѣшней и внутренней сторонѣ монашества, такъ и во 2-й части даны вполнѣ яркіе очерки изъ исторіи быта вошедшихъ сюда русскихъ обителей и характеристики духовнаго величія и вліянія на монашество преп. Серафима и старца Паисія Величковскаго.

Кромѣ сего авторъ на стр. 218—265 своего сочиненія

дѣлаетъ еще обзоръ миссіонерской, благотворительной и просвѣтительной дѣятельности монашества указаннаго періода. Этимъ онъ прекрасно дополняетъ свою работу, расширяя тѣ рамки, въ кои онъ предполагалъ поставить характеристику внутренней стороны монашеской жизни.

Таковы общія замѣчанія о работѣ автора. Изъ частностей можно указать на нѣкоторую сбивчивость сужденій автора о причинахъ упадка монашеской жизни. Во 2-й части своего сочиненія онъ считаетъ *бѣдность* монастырей причиной ихъ нравственнаго упадка (стр. 106), а въ 1-й части говоритъ, что *благосостояніе ихъ* развращало монашескую жизнь.

Конечно справедливо и то и другое въ извѣстной мѣрѣ и степени, но лучше было автору точнѣе и обстоятельнѣе это выяснить.

На стр. 121 и 127 у автора несомнѣнная хронологическая путаница о времени прихода въ Санаксарскую обитель старца Ѳеодора Ушакова и времени ея упадка послѣ оставленія имъ этой обители.

Что касается языка автора и вообще литературной стороны его сочиненія, то они вполнѣ удовлетворительны. Степени кандидата богословія авторъ вполнѣ заслуживаетъ".

б) И. д. доцента *А. М. Туберовскаго:*

„Если авторъ—міряцинъ и пишетъ о монашествѣ, то ясно,—предметъ этотъ интересуетъ его. Предполагая въ авторѣ интересъ къ исторіи монашества, мы и будемъ разсматривать работу г. Іонина съ этой точки зрѣнія.

Каждый предметъ можетъ интересовать изслѣдователя съ двухъ сторонъ: внѣшней и внутренней. То же мы имѣемъ и въ работѣ г. Іонина. Онъ пишетъ двойную исторію русскаго монашества: внѣшнюю и внутреннюю, соотвѣтственно чему дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ части. Но, какъ и слѣдовало ожидать, въ сочиненіи, написанномъ по Аскетикѣ, а не по Русской Церковной Исторіи, внутренняя сторона должна была по-преимуществу овладѣть вниманіемъ автора, внѣшняя же постольку, поскольку она органически связана съ тою. И авторъ, чувствуя долгъ такого именно отношенія къ темѣ, удѣляетъ внутренней исторіи монашества въ Россіи съ начала XVIII вѣка до настоящаго времени гораздо больше

вниманія и мѣста, чѣмъ внѣшней -на 61 стр.—при 102 стр., посвященныхъ внѣшней исторіи монашества (102+102+61). На эту, соотвѣтствующую главному интересу автора, часть сочиненія направимъ и мы свое вниманіе *κατ' ἐξοχήν*.

Отъ изслѣдователя, интересующагося своимъ предметомъ, мы въ правѣ желать, чтобы изучаемый имъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ всесторонне. Но этой желаемой полноты въ сочиненіи г. Іонина, къ сожалѣнію, и нѣтъ. Правда, авторомъ названо до 120 источниковъ и пособій—цифра для курсовой работы весьма почтенная—но, требуется замѣтить, нѣкоторыя изъ перечисленныхъ книгъ использованы настолько поверхностно („Лавсаикъ", „Живыя души" и др.), что цитація ихъ могла имѣть характеръ только простого украшенія. Между тѣмъ, автору остались совершенно невѣдомыми такія капитальныя вещи по изслѣдуемому вопросу, какъ творенія епископа Ѳеофана-затворника, представляющія богатѣйшую идеологію монашества; арх. Серафима—Лѣтопись Серафимо-Дивѣевскаго монастыря; Житія русскихъ подвижниковъ—эти Четьи-Минеи—XIX вѣка въ изданіи Русскаго Пантелеимонова монастыря; и такія интересныя, какъ изданія еп. Никона (напр. „Троицкое Слово"), Нилуса („Великое въ маломъ" и др.) или „На горахъ Кавказа"—схимонаха Иларіона, поскольку въ этой послѣдней книгѣ рисуется бытъ Новоаѳонскаго пустынножительства.

Далѣе, авторомъ не обозрѣны всѣ главнѣйшіе очаги истинно-монашеской жизни. Саровъ съ его великимъ Серафимомъ, Валаамъ, Оптина—указаны, но совсѣмъ не затронуты, какъ бы просмотрѣны: Задонскъ съ его Святителемъ—аскетомъ Тихономъ и мн. др. подвижниками; Русскій Пантелеимоновъ монастырь на Аѳонѣ (вѣдь упомянутъ же Нямецкій монастырь съ его великимъ старцемъ Паисіемъ); Александро-Невская и Троице-Сергіева лавры обозрѣны только съ внѣшней стороны; Почаевская лавра даже вовсе не упомянута. Нѣтъ желательной полноты и въ обрисовкѣ главныхъ „героевъ" русскаго подвижничества взятой авторомъ эпохи. Преподобный Серафимъ, на житіи котораго дольше всѣхъ остальныхъ подвижниковъ сосредоточивается авторъ, какъ-бы не извѣстенъ автору со стороны столь знаменательныхъ въ благодатно-мистическомъ отношеніи фактовъ, какъ явленіе ему Христа въ ликахъ ангельскихъ на литургіи Великаго

Четверга, посѣщеніе его Пресв. Богородицей. Ни слова также не сказано объ участіи Пр. Серафима въ устроеніи Дивѣевской обители,—этой своего рода женской лавры. Вообще о женскомъ монашествѣ сказано очень мало, почти ничего. Ни слова также о старцахъ: Варнавѣ и Порфиріи, одна близость могилъ которыхъ должна была бы побуждать автора говорить о нихъ. Нѣтъ также рѣчи ни объ ученомъ монашествѣ, ни о монашескомъ съѣздѣ, ни о монашескомъ журналѣ и др. подобныхъ явленіяхъ монашеской жизни въ Россіи послѣдняго времени.

Но что особенно удивляетъ второго рецензента, это—молчаніе автора о величайшемъ представителѣ не только ученаго, но и келейнаго вмѣстѣ съ тѣмъ монашества послѣдняго времени—епископѣ Ѳеофанѣ—затворникѣ, въ личности котораго такъ счастливо сочетались и святоотеческое міросозерцаніе, и древне-подвижническій образъ жизни, и европейская ученость XIX вѣка. Дѣятельность же его—литературная, старческая (въ письмахъ), переводческая не только не уступаетъ, но и превосходитъ, не умаляя, конечно, цѣнности, труды и Паисія Величковскаго, и Макарія Оптинскаго И если въ исторіи рускаго монашества кто можетъ быть названъ за послѣднее время эпохо-образующей личностью, то именно Вышинскій затворникъ—епископъ Ѳеофанъ.

Такимъ образомъ, картина внутренняго состоянія русскаго монашества съ начала XVIII вѣка до настоящаго времени получается въ сочиненіи г. Іонина далеко не полная. Однако, нельзя отрицать, что авторъ потрудился не мало и, въ мѣру своего интереса къ предмету, не безрезультатно: степени кандидата богословія вполнѣ заслуживаетъ.“

21) О сочиненіи студента *Канделаки Мелхиседека* на тему: „Нравственно—аскетическій идеалъ по воззрѣнію св. Василія Великаго“.

а) Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора:*

Задача сочиненія очень не сложная: изучить творенія св. Василія В., выбрать изъ нихъ все касающееся вопроса о подвижничествѣ и привести въ систему. Отсюда получаетъ особенное значеніе самый планъ или схема, по которой авторъ изложилъ-бы весь добытый матеріалъ, придавъ изложе-

нію стройность послѣдовательности и исчерпывающую полноту изложенія мыслей св. отца. Другая сторона дѣла, опредѣляющая самую его внутреннюю цѣнность и качественную пробу, это—исчерпывающій всю внутреннюю глубину и содержаніе мыслей св. отца анализъ автора и построеніе системы не только по внѣшней рамкѣ плана, а и по внутренней послѣдовательности и соотношенію самыхъ идей св. отца и возсозданіе его сколько живого, столько же и теоретически - стройнаго, логически - цѣльнаго міровоззрѣнія. Что касается плана автора, по которому онъ намѣтилъ вести раскрытіе аскетическаго міровоззрѣнія св. Вас. В., то въ общемъ онъ можетъ гарантировать построеніе цѣльной системы мыслей извѣстнаго автора и въ частности мыслей св. Вас. Вел.; только планъ этотъ не использованъ авторомъ умѣло, съ пользой для самаго дѣла.

Такъ, напр., въ предисловіи автору было-бы гораздо естественнѣе указать, почему онъ выбираетъ изъ всей массы литературнаго достоянія, оставленнаго Великимъ отцомъ, только касающееся аскетики; по крайней мѣрѣ нужно было оправдать самую тему, указавъ, какое мѣсто и значеніе во всей жизни и письменности Вас. Вел. имѣли аскетическія тенденціи они для него характерны по преимуществу; а авторъ сказалъ только кратко о величіи личности Василія Вел. среди отцовъ Востока и о его значеніи для прав. Церкви: это можно говорить и по всякому другому поводу, независимо отъ темы сочиненія.

Далѣе, введеніе посвящается авторомъ біографіи св. Василія Великаго, біографіи д. краткой, вполнѣ для даннаго сочиненія достаточной въ смыслѣ обычныхъ свѣдѣній о жизни св. отца, но далеко не достаточной для спеціальной задачи сочиненія: раскрыть аскетическое настроеніе св. Василія Вел. Автору необходимо было остановиться вниманіемъ на аскетическомъ періодѣ жизни св. Василія Вел. и здѣсь искать уясненія тѣхъ идей аскетическихъ, кои вошли въ сочиненія автора; нужно было показать, что такое аскетизмъ былъ для самого Василія Вел. Здѣсь-же въ біографіи умѣстно было-бы автору перечислить хотя кратко труды св. Вас. Вел, и особенно аскетическіе, коими авторъ пользуется для построенія системы аскет. идей св. отца. У автора даже этого нѣтъ; а есть только одно довольно наивное замѣчаніе, что между

сочиненіями св. Василія Вел. и имъ самимъ есть „удивительная связь“ (стр. 34), что его сочиненія дошли до насъ въ 7-ми обширныхъ томахъ, а біографами св. Вас. Вел. являются прот. Горскій, Фарраръ и Арх. Порфирій.

Глава 1-я посвящается авторомъ вопросу объ аскетизмѣ, какъ явленіи всеобщемъ, и дѣлается попытка доказать самостоятельность христіанскаго аскетизма, и его полную независимость (въ смыслѣ происхожденія) отъ аскетизма древнихъ языческихъ религіозныхъ и философскихъ ученій. Вопросъ, конечно, самъ по себѣ чрезвычайно важный и интересный, но почему его нужно затрогивать при изложеніи аскетическихъ идей св. Василія Вел.,—авторъ не поясняетъ и конечно лучше было его не затрогивать, такъ какъ что же можно сказать серьзнаго и цѣннаго на 14 стр., которыя авторъ отводитъ въ своемъ сочиненіи этому вопросу (46—60 стр. соч.). И то, что онъ говоритъ въ этой главѣ, частію умѣстнѣе было говорить во введеніи, это перечень аскетическихъ трудовъ (литературныхъ) св. Василія Великаго, а частію умѣстнѣе было совсѣмъ не говорить или говорить иначе. Краткимъ обозрѣніемъ подвижничества, какъ явленія историческаго, авторъ несомнѣнно имѣлъ въ виду доказать важность вопроса объ аскетизмѣ, но это онъ могъ сдѣлать съ большимъ удобствомъ другимъ путемъ, ставя этотъ вопросъ не на широкую историческую почву, которую онъ все равно оставилъ фактически, какъ ему непосильную работу, а на почву принципіальнаго уясненія мѣста подвижничества въ кругѣ спеціально-христіанскихъ идей и началъ христіанской жизни. Было-бы гораздо лучше и цѣлесообразнѣе первую главу сочиненія сдѣлать общей вводной характеристикой аскетическихъ твореній св. Василія Великаго. Тогда б. можетъ авторъ избѣжалъ бы такихъ неопредѣленныхъ и неточныхъ опредѣленій аскетизма, какія онъ допускаетъ, напр., на стр. 48, говоря: „вообще въ христіанствѣ слово „аскетизмъ“ обозначаетъ дѣятельное осуществленіе христіаниномъ религіозно—нрав. совершенства путемъ неустанной борьбы съ различными препятствіями“, и совершенно общихъ фразъ въ родѣ слѣдующей: „описаніе жизни индійскихъ факировъ, всячески истязавшихъ себя, встрѣчается на первыхъ страницахъ исторіи религій“. Какой-же такой исторіи религій?

Самыя важныя главы сочиненія 2 и 3; въ нихъ и должна быть выпукло и цѣлостно изображена система аскетическихъ воззрѣній св. Василія В. Авторъ такъ и озаглавливаетъ эту часть сочиненія: аскетизмъ въ твореніяхъ св. Василія В. и антропологическая основа аскетизма въ твореніяхъ Вас. В. (2 гл.), затѣмъ осуществленіе христіанскаго аскетизма по твореніямъ св. Вас. Вел. и тожественность аскетическаго идеала съ общехристіанскимъ идеаломъ святости (3 гл.). На самомъ дѣлѣ авторъ въ началѣ 2-й гл. совершенно не на тему зачѣмъ-то говоритъ о причинахъ „распространенія аскетизма въ IV в.“, указывая двѣ причины: положительную и отрицательную; понимая подъ первой стремленіе къ строгой жизни, а подъ второй—упадокъ нравственности въ христіанскомъ обществѣ (стр. 60—61). Этотъ обходъ въ рѣшеніи вопроса авторъ сдѣлалъ конечно потому, что рѣшеніе вопроса о причинѣ христ. аскетизма въ смыслѣ самой причины его бытія необходимо повело бы его въ глубины антропологическаго вопроса, какъ онъ рѣшается у св. Василія Вел. Авторъ избралъ болѣе легкое и уклонился отъ серьезно и вѣрно поставленнаго вопроса, почему вопросъ объ антропологической природѣ аскетизма остался у него неразработаннымъ.

Авторъ только конспективно указалъ различіе состоянія человѣка до и послѣ грѣхопаденія, а почему возвращеніе падшаго человѣка къ Богу должно совершаться и можетъ совершаться только чрезъ подвигъ, предоставляется читателю судить самому. Никакого психологическаго анализа у автора нѣтъ. Вотъ почему въ 3-й гл. авторъ и не можетъ указать точно и опредѣленно, въ чемъ же нужно полагать исходное начало подвижничества: въ страхѣ или въ любви къ Богу (80 стр.). Авторъ забываетъ, что нужно различать *исходный моментъ въ возникновеніи* самаго желанія подвига и *мотивы добродѣтельной* жизни. И самый ходъ или процессъ подвижнической жизни авторомъ не обозрѣвается въ послѣдовательности основныхъ моментовъ, а просто безъ всякой системы говорится о самоотреченіи, которое авторъ почему то различаетъ отъ „самоотверженія“, указывая въ качествѣ моментовъ „самоотреченія“ отказъ отъ міра, отъ имущества, отъ брака, а потомъ прямо говоритъ о страстяхъ (96—97 стр.), не опредѣляя ихъ по существу. У автора въ сочиненіи больше

лирики, нежели психологіи тамъ, гдѣ дѣло касается психологіи. У автора просто въ разброску говорится о разныхъ явленіяхъ подвижнической жизни: о борьбѣ со страстями, о самособранности (почему?) какъ о главномъ средствѣ въ борьбѣ со страстями, о смиреніи, о трудѣ и воздержаніи тѣлесномъ, о молитвѣ и т. д. Этимъ разрозненнымъ матеріаломъ и наполнены у автора двѣ самыя важныя главы сочиненія.

Послѣдняя IV гл. говоритъ собственно о монашествѣ какъ болѣе удобной формѣ прохожденія аскетическаго пути. Но оправданіе монашества въ этомъ именно смыслѣ сдѣлано очень кратко. Заканчивается сочиненіе описаніемъ Понтійской обители св. Василія В., которое нужно бы лучше сдѣлать въ началѣ сочиненія: это выяснило бы наглядно идеалъ монашеской жизни по Вас. Вел., а далѣе пришлось-бы дѣлать только подтвержденіе этого и раскрытіе писаніями св отца.

Таковъ общій характеръ и содержаніе сочиненія г. Канделаки.

Въ одномъ мы не можемъ отказать ему: въ добросовѣстномъ изученіи твореній св. Вас. Вел. и литературы своего предмета. Степени кандидата богословія за свое сочиненіе авторъ достоинъ".

б) И. д. доцента *священника И. В. Гумилевскаго:*

„Автору слѣдовало изображать нравственно—аскетическій идеалъ, исходя: или изъ своеобразно—аскетическаго пониманія св. Василіемъ Великимъ священнаго Писанія, или изъ его антропологическихъ воззрѣній, или изъ характеристики Великаго святителя, изображая нравственно—аскетическій идеалъ его воззрѣній, какъ органическій продуктъ его личности. Авторъ уклонился отъ такой постановки вопроса; поэтому, „нравственно—аскетическій идеалъ по воззрѣнію св. Василія Великаго" подъ перомъ автора не получилъ никакого выраженія: его сочиненіе представляетъ простую попытку систематизировать этическія воззрѣнія св. Василія Великаго безъ всякаго отношенія къ идеалу. Опытъ автора нельзя признать удавшимся и съ точки зрѣнія системы, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ объединяющій принципъ, исходя изъ котораго авторъ построялъ бы съ логическою послѣдовательностью этику Великаго учи-

теля. Къ частнымъ недостаткамъ слѣдуетъ отнести: общія мѣста (стр. 3, 50), неточности (стр. 4—5. 55), вульгаризмы (стр. 27), а, главное, невыясненность употребляемыхъ понятій. Такъ, напримѣръ: стр. 54: аскетизмъ „вошелъ въ христіанство" и здѣсь же говорится, что „онъ вытекаетъ изъ самой сущности христіанства"; стр. 60: хр. аскетизмъ—„оригинальная форма жизни", а на стр. 63 говорится, что эта форма *возгрѣвается* (?) чрезъ желаніе избѣжать „суеты"; вторая глава, между прочимъ, озаглавливается такъ: „Антропологическая основа хр. аскетизма въ твореніяхъ св. Василія Великаго", тогда какъ самое содержаніе главы (стр. 60—77) не имѣетъ никакого отношенія къ антропологіи; исходнымъ началомъ аскетизма называется то страхъ Божій (стр. 79), то любовь (стр. 80); самоотверженіе составляетъ сущность любви, оно-же—признакъ любви, тогда какъ самоотреченіе, являясь такимъ-же признакомъ любви, предшествуетъ любви (стр. 90).

Принимая во вниманіе неразработанность антропологіи, психологіи и экзегезиса въ ученіи святыхъ Отцевъ вообще и, въ частности, въ ученіи св. Василія Великаго, а, въ силу этого, неразработанность и самой аскетики, какъ науки, трудъ автора, какъ попытка разобраться въ очень сложномъ и трудномъ вопросѣ и изложить его по опредѣленному плану съ явнымъ желаніемъ найти въ аскетической жизни практическое оправданіе христіанства—можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ и заслуживающимъ ученой степени кандидата богословія".

22) О сочиненіи студента *Кореневскаго Анатолія* на тему: „Средневѣковыя путешествія христіанъ и іудеевъ на Востокъ и ихъ значеніе для библейской археологіи".

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова:*

„Сочиненіе г. Кореневскаго состоитъ изъ введенія, 6 главъ (частей) и заключенія. Къ работѣ присоединены 2 составленныхъ г. Кореневскимъ карты и 2 плана. Введеніе пытается дать общее понятіе о Палестинѣ и содержитъ библіографическій матеріалъ къ изслѣдуемому въ сочиненіи вопросу. Слѣдующія за введеніемъ 6 частей (главъ) сочиненія

посвящены изложенію данныхъ путешествій Бордосскаго пилигрима (333 г.), Павлы (382—384), Евхерія (полов. 5 вѣка), Θеодосія (1 четверть 6 вѣка), Іоанна Польскаго (15 вѣка), по изданію Тоблера. Какъ видно, всѣ разсмотрѣнныя г. Кореневскимъ путешествія западныхъ христіанъ по датированію ихъ могутъ быть названы средневѣковыми, только замѣтенъ скачекъ съ 6 вѣка на пятнадцатый, замыкающій средневѣковье, что объясняется недостаткомъ времени, бывшаго въ распоряженіи писавшаго, а съ другой стороны умноженіемъ описаній путешествій за 7 и слѣдующіе вѣка. Эти описанія составлялись на варварской средневѣковой латыни, изобилующей неологизмами сравнительно съ классическимъ языкомъ и испещренной провинціализмами отечества путешественника, нерѣдко въ видѣ латино—мѣстныхъ гибридистическихъ образованій. Чтеніе такихъ описаній путешествій, шире дневниковъ, требовало бы долгой лингвистической подготовки. Эти итинераріи происходили главнымъ образомъ изъ Италіи, которая начала собирать, издавать и снова отыскивать въ своихъ богатыхъ библіотекахъ сказанія паломниковъ, цѣня въ нихъ памятники національнаго языка и литературы—testi di lingua. Такъ и вообще на западѣ изученіе и систематизація фольклора послужили въ пользу и установленію данныхъ о Палестинѣ по народнымъ средневѣковымъ сказаніямъ и въ частности выдвинули забытые итинераріи. 6 глава въ сочиненіи г. Кореневскаго посвящена даннымъ путешествія еврея Веніамина Тудельскаго изъ 12 вѣка. Къ сожалѣнію авторъ опустилъ описанія путешествій Эльдада—бенъ Махли и Петахія Регенсбургскаго, а поэтому у него оказалось недостаточно данныхъ для сравненія итинерарій христіанъ съ описаніями путешествій, совершенныхъ евреями, а это отразилось на заключительномъ отдѣлѣ, гдѣ требовалось бы болѣе тщательно и детально сопоставить и взвѣсить археологическую цѣнность сообщеній тѣхъ и другихъ путешественниковъ, визитировавшихъ востокъ и Святую землю.

Въ виду того, что всѣ подлежавшіе изученію г. Кореневскаго тексты путешествій должны были быть читаны имъ въ оригиналѣ, ему пришлось затратить на ознакомленіе съ ними весьма много времени, положить не мало энергіи и труда; рецензенту извѣстны случаи обращенія къ нему

писавшаго, когда безплодно дѣлались розыски точнаго значенія словъ по всѣмъ наличнымъ латинскимъ словарямъ. Затрата энергіи на одномъ дѣлѣ отчасти парализовала усердіе писавшаго на другомъ—при анализѣ содержанія путешествій. Этимъ объясняется неравномѣрность въ комментированіи текста путешествій, приведеннаго полностью (въ русскомъ переводѣ) въ рецензируемомъ сочиненіи: наилучше комментировано въ археологическомъ отношеніи путешествіе Павлы, къ которому относится и составленная г. Кореневскимъ карта,—совсѣмъ оставлено безъ комментарія путешествіе Іоанна Польскаго. Научный удѣльный вѣсъ сочиненія лежитъ, конечно, въ комментирующихъ текстъ путешествій примѣчаніяхъ, придающихъ многимъ страницамъ сочиненія г. Кореневскаго видъ двухъэтажной постройки, только напрасно авторъ приводитъ еврейскія слова (главнымъ образомъ названія мѣстностей) не въ транскрипціи, а въ подлинной графикѣ, которою онъ безусловно не владѣетъ, разставляя знаки вокализаціи ad libitum manus. Изъяснительныя примѣчанія къ тексту приведенныхъ г. Кореневскимъ путешествій заимствуются имъ изъ пособій, поименованныхъ въ работѣ, особенно изъ капитальныхъ трудовъ Олесницкаго, отчасти и изъ иностранныхъ, и носятъ по преимуществу географическій и естественно—историческій характеръ, но съ тѣхъ поръ, какъ Библейская Археологія заключила въ себя и эти вѣтви знанія, Библейскую географію и Библейское природовѣдѣніе, есть полное основаніе признавать справки, подобныя сдѣланнымъ г. Кореневскимъ за справки археологическія.

Хотя въ работѣ г. Кореневскаго описательное изложеніе преобладаетъ надъ критическимъ, а въ виду слабаго знакомства автора съ средневѣковыми путешествіями евреевъ и сравненіе, требовавшееся характеромъ темы, представлено блѣдно, въ самыхъ общихъ контурахъ, однако, принимая во вниманіе усердіе писавшаго и обнаруженный имъ интересъ къ темѣ, должно признать его вполнѣ заслуживающимъ кандидатской степени“.

б) И. д. доцента *іеромонаха Варѳоломея [Ремова]*:

„Очень небольшое по объему (246 стр. разгонистаго письма) сочиненіе г. Кореневскаго не отличается и богат-

эльвомъ содержанія. Авторъ очень скроменъ въ своей работѣ: ему дѣлаетъ честь то, что онъ не говоритъ языкомъ авторитетнымъ, что онъ сознаетъ недостаточность изученнаго имъ матеріала и недостаточность потраченной имъ работы.

Г. Кореневскій односторонне увлекся переводомъ съ латинскаго путешествій -паломничествъ. Но почему же онъ, сознавая всю трудность для себя переводовъ съ латинскаго и имѣя возможность свободно читать по-русски, не искалъ въ русской переводной литературѣ соотвѣтствующихъ „источниковъ“? Вѣдь есть же и на русскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ довольно много путешествій (напр. Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 2, 3, 9, 11, 12, 20, 23, 40, 51; Путешествія трехъ Еврейскихъ путешественниковъ XI и XII в.—(П. В. Марголина)—СПБ. 1881). И все-таки авторъ, неизвѣстно почему, игнорируетъ доступный ему матеріалъ и занимается никому ненужнымъ и крайне неумѣлымъ переводомъ съ латинскаго. Неизвѣстно далѣе, почему г. Кореневскій выбралъ путешествія относящіяся только къ началу и къ самому концу среднихъ вѣковъ и почему изъ трехъ извѣстныхъ ему іудейскихъ итинераріевъ взялъ только одинъ. Переводъ получился довольно неудачный [см. особенно стр. 93 (солнце *справедливости*), 134 (*Геродъ*, царь Іудейскій), 143, 144, 152, 153, 155 („Игольная *дыра*!“), 159 („столовая“ вмѣсто „горница“), 167 (Младенецъ Іисусъ „почтенъ магами и обожаемъ пастухами“), 169—174, 181—190, 195—196, 200—202, 204 (Назаретъ—сродный городъ Спасителя), 206, 208, 211, 217, 220, 226]. Для характеристики перевода вотъ одна выразительная цитата изъ „Описанія Святой Земли Іоанна Польскаго (15 в.). На стр. 160—161 своего труда г. Кореневскій переводитъ: „Вблизи вышеупомянутой крѣпости (Давидовой) въ разстояніи брошеннаго камня есть мѣсто, гдѣ Магдалина вышла навстрѣчу блаженной дѣвицѣ, повѣщая (?) ей, что сынъ ея оживетъ и воскреснетъ отъ смерти. Тамъ же Христосъ явился тремъ Маріямъ, говоря: „Здравствуйте!“ Особенно поражаетъ рецензента неумѣнье перевести такой классическій терминъ, какъ „beata virgo“—конечно, не „блаженная дѣвица“, а „Пресвятая Дѣва“...

Въ заключеніе своей работы г. Кореневскій „подводитъ

итогъ всему сказанному" (стр. 240). Но подводить итогъ нечему. Авторъ жалуется на недостатокъ времени и трудность перевода съ латинскаго (стр. 245—246). Но рецензентъ съ болью душевною долженъ признать, что эти жалобы г. Кореневскаго—его печальное testimonium paupertatis. Сравнительно лучше введеніе нашего автора, трактующее объ усиленіи интереса къ Палестиновѣдѣнію въ 19 вѣкѣ. Но почему авторъ ни однимъ замѣчаніемъ не показываетъ, откуда онъ почерпнулъ свой матеріалъ „библіографическаго обозрѣнія" (такъ называетъ авторъ этотъ свой очеркъ) и почему его изложеніе изобилуетъ дефектами съ точки зрѣнія русской грамматики?...

Такъ авторъ за переводами своими опустилъ вполнѣ открывавшуюся для него возможность и доступность самаго широкаго анализа и сравненія имѣющагося на русскомъ языкѣ матеріала описаній святой земли (и вообще святого Востока). Признавая возможнымъ удостоить г. Кореневскаго степени кандидата богословія, мы очень жалѣемъ, что свой трудъ и энергію авторъ приложилъ совсѣмъ не туда, гдѣ это было бы полезно и могло бы привести къ серьезнымъ научнымъ результатамъ".

23) О сочиненіи студента *Кочанова Николая* на тему: „Книга Притчей Соломона, какъ памятникъ древне-еврейскаго языка и ветхозавѣтной священной письменности".

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова:*

„Сочиненіе г. Кочанова открывается введеніемъ, гдѣ авторъ сообщаетъ данныя о названіи подлежавшей его изученію книги, объ ея каноничности, составѣ и содержаніи, объ ея священномъ писателѣ и датѣ. Далѣе идутъ 6 главъ, имѣющихъ послѣдовательно дѣло: 1) съ текстологіею книги Притчей (варіанты въ манускриптахъ, текстъ въ рукописяхъ Вавилонской пунктуаціи), 2) съ слѣдами древнѣйшей акцентуаціи въ книгѣ Притчей (рѣчь о песикѣ и легармэ). 3) съ особенностями орѳографіи книги Притчей (евфоническій дагешъ, пассивный маккефъ), съ морфологіею и синтаксисомъ ея языка. 4) съ лексикономъ книги Притчей, (*ἅπαξ λεγόμενα, ἅπαξ γραφόμενα*, араманзмы, арабизмы),—изслѣдуя

лексиконъ книги Притчей, авторъ имѣетъ помимо тѣснолингвистической и апологетическую задачу—показать единство языка въ изучаемой имъ книгѣ, 5) со стилистикою книги Притчей, особенно съ находящимися въ ней сравненіями и съ колоритомъ ея рѣчи предъ судомъ эстетической критики, и въ 6) съ синонимикою по даннымъ кн. Притчей.

Какъ цѣлое, трудъ г. Кочанова—явленіе выдающееся, не только какъ курсовая студенческая работа, но и какъ подлинно научное, чуждое какихъ бы то ни было слѣдовъ компиляціи сочиненіе. Изученіе формацій библейскаго еврейскаго языка, попытки установленія здѣсь хронологической стратификаціи—дѣло новое, только нарождающееся и на многоученомъ западѣ, обычно дарившемъ насъ исключительно тощими отдѣлами „объ языкѣ памятника" въ частныхъ введеніяхъ къ библейскимъ книгамъ. Наилучше изучался языкъ Пятокнижія по причинѣ гипотезы діаскевазма, языкъ же агіографовъ и пророковъ (исключеніе Исаія) наименѣе изученъ. Въ своей строго-гебраистической работѣ г. Кочановъ не имѣетъ предшественниковъ въ почтенномъ ликѣ западныхъ ученыхъ, дававшихъ ему въ грамматическихъ и лексикальныхъ пособіяхъ только сырой матеріалъ для обработки.

Способность автора оріентироваться въ сложныхъ вопросахъ открывается: 1) изъ отдѣла о песикѣ и легармэ въ исторіи акцентовъ въ библейскомъ текстѣ и вообще знаковъ внѣ вокаловъ, 2) изъ отдѣла, трактующаго синтаксисъ изучаемаго памятника, 3) изъ набросанной (только начатой для систематической обработки) синонимики. Образцовое трудолюбіе автора видно изъ отдѣла о лексиконѣ книги Притчей,—наблюденія надъ *ἅπαξ λεγόμενα* составляютъ весьма цѣнный кропотливый трудъ, способный украсить и любое западное гебраистическое изданіе по лексикологіи. Статистика формъ и микрологія въ области лексикальныхъ наблюденій -необходимые камни, лежащіе въ углѣ зданія исторіи языка. Вообще отъ грамматико-лексикологической части въ сочиненіи г. Кочанова рецензентъ вынесъ самое лучшее впечатлѣніе, дающее ему основаніе рекомендовать работу г. Кочанова поощрительному вниманію Совѣта Академіи.

Желая, чтобы отечественная гебраистическая наука въ трудѣ г. Кочанова получила самобытное сочиненіе въ забы-

той области исторіи ветхозавѣтнаго священнаго языка, рецензентъ рекомендуетъ г. Кочанову напечатать работу, сдѣлавъ дополненія и небольшія исправленія уже написаннаго. Во вступленіи желателенъ общій эскизъ исторіи священнаго языка,—умѣстенъ и проспективный взглядъ на историческія судьбы библейскаго языка, преобразовавшагося въ языкъ ученыхъ—лашонъ хахамимъ. Въ отдѣлѣ объ орѳографіи памятника нужно выдѣлить палеографическіе элементы, къ каковымъ относима рѣчь о minuscula и majuscula въ буквенномъ составѣ книги Притчей. Здѣсь дѣло объяснимо не особою орѳографіею памятника, а тѣмъ, что textus receptus воспроизводитъ манускриптъ, признанный авторитетнымъ архетипомъ священнаго текста,—по преданію свитокъ азары, гдѣ находились и агіографы для чтенія Первосвященникомъ въ навечеріе дня Очищенія, хотя синагога не имѣетъ Мишлэ въ числѣ авторизованныхъ для чтенія священныхъ книгъ. Въ отдѣлѣ объ араманизмахъ нужно установить, какой это терминъ,—лексикальный (лексикографическій) или грамматическій, и сообразно этому классифицировать арамаистическій матеріалъ книги Притчей. Въ отдѣлѣ о стилѣ памятника, гдѣ г. Кочановъ столь блестяще обнаружилъ свою лингвистическую подготовленность къ грамматическому экзегесису, было бы полезно, помимо общихъ указаній Гербера въ „Die Sprache als Kunst“ и стилистическихъ схемъ у Volkmann въ „Die Rhetorik der Griechen und Römer“, даже помимо великаго въ своихъ гебраистическихъ трудахъ Кёнига, давшаго обширную стилистику и поэтику Библейскаго языка,—воспользоваться арабскою риторикою, по соподчиненности библейско-поэтическаго и арабскаго поэтическаго и высокопрозаическаго языка однимъ и тѣмъ же началамъ восточной аллегоризаціи и символизма. Равно слѣдуетъ г. Кочанову углубить и свои высоко интересныя наблюденія надъ измѣненіемъ смысла выраженій, напримѣръ—хеседъ то означаетъ милость, то—позоръ, или надъ уклоненіемъ глаголовъ отъ смысла кальной формы въ дальнѣйшихъ бинъянахъ, напримѣръ,—ярашъ въ каль—наслѣдовать, а въ нифаль—бѣднѣть и т. п. Рецензентъ полагаетъ, что отчасти здѣсь дѣло въ разности корней, оказавшихся одинаково написанными, благодаря искусственному приспособленію письма роэцъ къ богатому звуковому составу первобытнаго еврейскаго языка, т. н.

губы Ханаана; однако и искусное толкованіе подъ перомъ г. Кочанова носитъ печать глубокой оригинальности. Что касается до лексикальныхъ арабизмовъ въ книгѣ Притчей, то ихъ удобнѣе разрѣшить въ иныя лингвистическія формаціи.

Резюмируя все ранѣе сказанное, рецензентъ признаетъ работу г. Кочанова высоко полезной для богословской науки и заслуживающей наивысшей отмѣтки".

б) И. д. доцента *іеромонаха Варѳоломея (Ремова):*

„Рецензентъ настоящаго сочиненія, къ своему удовольствію, имѣетъ большое удовлетвореніе въ томъ, что къ изслѣдованію г. Кочанова онъ можетъ предъявить самыя строгія требованія. Здѣсь видна работа долгая, вдумчивая и серьезная, работа мысли зрѣлой и дисциплинированной, видно искусство заниматься съ отличной методологіей и притомъ сдержанно и цѣльно. Авторъ не разсѣивается мыслью по необозримымъ широтамъ науки. Онъ знаетъ, что universitas litterarum не достижима теперь для единичныхъ усилій: поэтому съ самаго начала академическаго курса, отмежевавъ для себя область оригинальнаго языка священной ветхозавѣтной письменности, онъ скромно беретъ для себя въ полѣ библейскаго знанія небольшой излюбленный имъ уголокъ, который съ усердіемъ и обработываетъ. И, нужно сказать, обработываетъ умѣло. Оцѣнивая сочиненіе г. Кочанова, такъ сказать, имманентно, рецензентъ ставитъ автору въ крупную заслугу методологическую и логическую сторону его сочиненія. Матеріалъ, заключающійся въ сочиненіи, расположенъ въ немъ по строгому схематическому плану; матеріалъ этотъ достаточно обиленъ, но онъ детально изученъ, строго классифицированъ и представленъ авторомъ съ такою ясностью и опредѣленностью, что для читателя много облегчается процессъ чтенія его труднаго по существу дѣла сочиненія, и сухая ученая матерія читается съ интересомъ. Немало способствуетъ этому впечатлѣнію языкъ сочиненія—простой и точный, ясный и мѣткій. Рецензентъ, конечно, считаетъ долгомъ указать автору менѣе удачныя въ стилистическомъ отношеніи страницы (4, 11—12, 14—15, 29, 34, 42, 52, 94, 359, 368—369, 388, 396, 400 и нѣкоторыя другія) и высказываетъ пожеланіе, чтобы г. Кочановъ въ своихъ ученыхъ работахъ

всегда продолжалъ заботиться о простотѣ и ясности своего стиля [1]).

Переходя къ матеріальной сторонѣ сочиненія, резензентъ свое общее впечатлѣніе отъ нея могъ бы выразить тѣмъ сравненіемъ, какое подсказываетъ ему книга Притчей. При чтеніи сочиненія само собою напрашивалось сравненіе работы автора съ работою муравья (Ср. Пр. 6, 6—8). Дѣйствительно, кропотливость работы нашего автора изумительна; на мелочи и детали г. Кочановъ обращаетъ серьезное вниманіе, и поэтому каждый изъ вопросовъ, которымъ онъ посвящаетъ свое сочиненіе, разработанъ имъ тщательно. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ, несмотря на свою широкую освѣдомленность въ литературѣ предмета, на обиліе у него матеріала заимствованнаго, остается самостоятельнымъ, оригинальнымъ. И немудрено. Г. Кочановъ вѣдь трудится почти исключительно надъ сырымъ матеріаломъ. Его изслѣдованіе потому и нужно особенно привѣтствовать, что оно идетъ по путямъ мало воздѣланнымъ, что ученыхъ сработниковъ г. Кочанова въ сферѣ спеціальнаго изученія оригинальнаго языка ветхозавѣтной библіи мало, а объ языкѣ Притчей и совсѣмъ нѣтъ монографій.

Въ сочиненіи г. Кочанова очень интересна по замыслу и обѣщаетъ быть вкладомъ въ науку послѣдняя—6-я глава. Но она лишь начата нашимъ авторомъ. И вотъ, если ему удастся изучить синонимику кн. Притчей, одно уже это будетъ большой услугой его библейской наукѣ. Самое слабое мѣсто въ сочиненіи, это—его *введеніе:* здѣсь нужно бы больше обстоятельности въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ; въ очеркѣ—„Составъ книги Притчей. Содержаніе ея“,—намъ бы хотѣлось побольше идейной стороны изучаемой книги. Но вообще-то говоря, введеніе въ книгу Притчей было бы умѣстно въ обычной монографіи исагогико-экзегетическаго типа, а здѣсь въ работѣ чисто филологической, гораздо правильнѣе было бы подойти къ рѣчи о языкѣ книги Притчей чрезъ вступленіе, трактующее объ исторіи священнаго языка. Въ связи съ этимъ рецензентъ высказываетъ увѣренность, что, начавъ работать въ трудной и малоизслѣдован

---

[1]) Кстати, по поводу транскрипціи авторомъ иностранныхъ словъ ему рекомендуется придерживаться однообразія въ способѣ транскрибированія.

ной области текстологіи и филологіи ветхозавѣтной, г. Кочановъ постарается захватить въ поле своего изученія всю ветхозавѣтную еврейскую библію. Особенно полезно и цѣнно было бы, если бы ветхозавѣтная синонимика стала родной стихіей для него.

Изящная ученая работа г. Кочанова стоитъ высоко надъ уровнемъ студенческихъ курсовыхъ сочиненій и заслуживаетъ особой похвалы и одобренія. Рецензентъ позволяетъ себѣ обратить благосклонное вниманіе Совѣта Академіи на то, что авторъ показалъ себя знатокомъ своего предмета усерднымъ и умѣлымъ изслѣдователемъ литературы и самостоятельнымъ ученымъ работникомъ,—рѣдкое сочетаніе счастливыхъ данныхъ для серьезной дальнѣйшей работы. Степени кандидата богословія г. Кочановъ безусловно достоинъ".

24) О сочиненіи студента *Кряжимскаго Александра* на тему: „О подлинности первыхъ двухъ главъ евангелія Луки".

а) Доцента *іеродіакона Иларіона (Троицкаго):*

„Обширное сочиненіе студента Кряжимскаго (XII+367 большихъ стр.=250 стр. печатныхъ) состоитъ изъ двухъ частей: I часть защищаетъ подлинность первыхъ двухъ главъ евангелія Луки въ ихъ цѣломъ составѣ (стр. 1—168), II-ая посвящена защитѣ подлинности и изначальности отдѣльныхъ мѣстъ въ первыхъ двухъ главахъ или вопросу объ ихъ неповрежденности (стр. 169—340). Въ первой части разбираются и опровергаются взгляды старыхъ раціоналистовъ Эйхгорна и Баура и новѣйшихъ ученыхъ Реша и Конради подробно и Völter'a, Usener'a, Hillmann'a, Hilgenfeld'a, Feine и Wittichen'a—болѣе кратко. Во второй части подробно изслѣдуется вопросъ о подлинности мѣста касательно сверхъестественнаго зачатія Господа (Лк. 1, 34—35), о пѣсни Богородицы и о хвалебной пѣсни Захаріи. Въ заключительной главѣ (стр. 340—361) дается собственное рѣшеніе недоумѣній, возбуждаемыхъ особеннымъ характеромъ первыхъ двухъ главъ евангелія Луки. Этотъ совершенно особый характеръ двухъ главъ третьяго евангелія обращалъ на себя вниманіе весьма многихъ ученыхъ стараго и новаго времени. Ради объясненія этого характера создавалось множество разнообразныхъ гипотезъ касательно происхожденія первыхъ двухъ главъ, начиная съ 5-го стиха

первой главы. Яркій ветхозавѣтный колоритъ и содержанія и языка первыхъ двухъ главъ многихъ приводилъ къ тому заключенію, что онѣ не могли выйти изъ-подъ пера Луки, во всемъ своемъ евангеліи и въ прологѣ евангелія (1, 1—4) оставившаго не мало ясныхъ слѣдовъ своего эллинистическаго образованія и своихъ литературныхъ пріемовъ и вкусовъ. Съ другой стороны, микрологическій анализъ стиля открываетъ и въ первыхъ двухъ главахъ наличность стилистическихъ особенностей Луки. Отсюда, напр., у Гарнака, выводъ—подлинности первыхъ двухъ главъ, ихъ принадлежности евангелисту Лукѣ. Но тотъ же Гарнакъ насчиталъ до 14 характерныхъ для стиля Луки словъ и сочетаній въ пѣсни Богородицы (Лук. 1, 45—55) и сдѣлалъ выводъ, что пѣснь Богородицы и пѣснь Захаріи составлены самимъ Лукой. Кромѣ того, по соображеніямъ текстологическаго характера и по нѣкоторымъ внутреннимъ даннымъ Гарнакъ и нѣкоторые другіе сочли возможнымъ сдѣлать предположеніе, будто составленный Лукой псаломъ былъ вложенъ имъ въ уста не Дѣвы Маріи, а Елисаветы, такъ что говорить о пѣсни Богородицы значитъ дѣлать двойную ошибку. За послѣдніе 15 лѣтъ вокругъ этого вопроса о пѣсни Богородицы выросла цѣлая литература въ видѣ и обширныхъ и мелкихъ журнальныхъ статей. Мысль о сверхъестественномъ зачатіи Спасителя стараются объявить позднѣйшей вставкой, отраженіемъ позднѣйшей церковной христологіи. Не имѣя никакихъ текстологическихъ данныхъ, приводятъ множество соображеній внутренняго характера — о несоотвѣтствіи этой мысли представленіямъ самого евангелиста, о противорѣчіи ея другимъ мѣстамъ евангелія. Вполнѣ понятной становится важность того вопроса, которому посвящено сочиненіе г. Кряжимскаго. Важный самъ по себѣ вопросъ связанъ съ большими трудностями изслѣдованія. Существуетъ масса разноязычной литературы. Мнѣнія и аргументація этихъ мнѣній весьма различны. Разсужденіе все время идетъ или въ области слишкомъ субъективной, или въ области микрологическаго изслѣдованія. О сочиненіи г. Кряжимскаго слѣдуетъ сказать, что по своимъ высокимъ научнымъ качествамъ, по серьезности научной постановки дѣла оно вполнѣ соотвѣтствуетъ важности предмета. Авторъ съ самоотверженнымъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ пошелъ навстрѣчу многимъ,

трудностямъ работы. Онъ тщательно изучилъ большое количество ученой литературы, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, взвѣсилъ, сопоставилъ и оцѣнилъ разнообразные взгляды ученыхъ, подвергъ ихъ критикѣ и провѣркѣ и немало подумалъ надъ вопросомъ въ его цѣломъ. Результатомъ напряженной годичной авторской работы и явилось его обширное, богатое содержаніемъ и серьезное по научной постановкѣ дѣла сочиненіе. Сочиненіе обширное, но написано сжато. Каждая его страница ясно показываетъ внимательному читателю, какой кропотливый трудъ лежитъ въ основѣ работы. Здѣсь нѣтъ ни длинныхъ выписокъ, ни сводки чужихъ разсужденій, а сжато излагается отрицательное мнѣніе, тщательно провѣряются и взвѣшиваются его научные аргументы и высказывается собственное сужденіе. Широкая освѣдомленность въ спеціальной ученой литературѣ вопроса и серьезная научная постановка дѣла — вотъ главнѣйшія достоинства сочиненія г. Кряжимскаго.

Характеръ подлежавшей изученію автора литературы таковъ, что не давалъ ему успокоиться на довѣріи къ какому либо опредѣленному авторитету и къ его кораблю привязать на цѣлый годъ свою ученую ладью. Не было у автора пособія, которое брало-бы вопросъ въ столь же широкой постановкѣ и разрѣшало-бы его въ желательномъ смыслѣ и направленіи. Г. Кряжимскій имѣлъ дѣло съ трудами почти исключительно протестантскими и часто рѣзко отрицательными. Авторъ имѣлъ подъ руками лишь три русскихъ книги— А. Полотебнова, М. Богословскаго и изслѣдованіе профессора М. Д. Муретова о родословіи Христа (Москва 1904). Изъ нихъ лишь въ послѣднемъ онъ могъ найти серьезную и авторитетную, хотя и сдѣланную ради другихъ цѣлей, критику гипотезы Реша. Правда, въ отрицательныхъ трудахъ встрѣчается взаимная критика, иногда исчерпывающая вопросъ. Этой взаимной критикой и пользуется авторъ. Но, во первыхъ, къ этой критикѣ приходилось относиться очень осторожно, такъ какъ критика нерѣдко вела къ еще болѣе отрицательнымъ выводамъ, а, во вторыхъ, все же не мало оставалось мѣста для проявленія авторской самостоятельности. Считаю необходимымъ отмѣтить, что авторъ серьезенъ и самостоятеленъ даже и тогда, когда слѣдуетъ другимъ. Онъ идетъ вслѣдъ за своими учеными руководителями въ

различныя области, даже самыя спеціальныя, изслѣдуетъ и стиль и преданіе. У него цѣлыя страницы наполнены греческимъ текстомъ Луки съ параллелями къ нему изъ ветхаго завѣта (стр. 49—66), изслѣдованіемъ особенностей стиля Луки (стр. 143—151). Гдѣ оставляютъ его ученые предшественники, онъ беретъ самъ конкорданцію (edited by W. F. Moulton and A. S. Geden. Edinburgh 1899) и работаетъ самостоятельно. Но и то, что сдѣлано до него, онъ переписываетъ на страницы своего сочиненія только послѣ провѣрки и поправки. Здѣсь на каждой строчкѣ требуется нѣсколько цифръ; слѣд., нужно открывать конкорданцію, считать слова и сочетанія. Эта работа автора замѣтна лишь при сопоставленіи его сочиненія съ работами предшественниковъ. Примѣръ: о глаголѣ *ὑποστρέφειν* дана такая справка — „въ Лк. 21 разъ, Дѣян. 12 р., въ остальномъ Н. З. 4 р.„ (стр. 146). У Гарнака—*ὑποστρέφειν* steht bei Lucas im Evangelium 22 Mal, in der Apostelgeschichte 11 Mal; im ganzen übrigen Neuen Testament steht es nur dreimal, und zwar nirgends in den Evangelien (Das Magnificat der Elisabet. Berlin 1900. S. 12). Авторъ провѣряетъ все самъ и мѣняетъ цифры. Пусть даже слова Гарнака — „nirgends in den Evangelien“ и остаются въ силѣ, такъ какъ указанное авторомъ Мр. 14,40 сомнительно (вмѣсто *ὑποστρέψας* ℵBLD a c ff² k cop. читаютъ *ἐλθῶν*, каковое чтеніе принято и въ нѣкоторыя критическія изданія; авторъ, очевидно, не понялъ въ конкорданціи сиглы WHR), но для рецензента остаются несомнѣнными независимость и кропотливое трудолюбіе г. Кряжимскаго. А сколько справокъ сдѣлано имъ такихъ, которыхъ читатель замѣтить не можетъ, потомучто онѣ не дали ничего новаго, — объ этомъ знаетъ лишь самъ авторъ. Въ сочиненіи г. Кряжимскаго есть и совершенно самостоятельные отдѣлы, гдѣ онъ не имѣетъ какихъ-либо достаточныхъ пособій. Таковъ отдѣлъ (стр. 93—126), посвященный критикѣ книги Ludwig'a Conrady (Die Quelle der kanonischen Kindheitsgeschichte Jesus'. Göttingen 1900), который источникъ для евангельской исторіи дѣтства указываетъ въ Протоевангеліи Іакова. Крупнымъ достоинствомъ сочиненія и должно признать то, что авторъ постоянно старается стоять на собственныхъ ногахъ, а не ограничивается рабскимъ копированіемъ чужихъ трудовъ.

Отмѣчая наиболѣе самостоятельные отдѣлы сочиненія г. Кря

жимскаго, мы вовсе не хотимъ сказать, что эти только отдѣлы и цѣнны въ сочиненіи. Мы не скажемъ даже, что эти отдѣлы цѣнны болѣе другихъ; они только наиболѣе убѣдительно свидѣтельствуютъ о серьезности авторскаго отношенія къ дѣлу и объ его способности давать своему труду настоящую научную постановку. Оцѣнивая же все сочиненіе г. Кряжимскаго независимо отъ его самостоятельности, оцѣнивая его со стороны вообще заключеннаго въ немъ содержанія, мы должны сказать, что оно все цѣликомъ представляетъ трудъ весьма нужный и цѣнный. Отрицательная наука по вопросу о первыхъ двухъ главахъ евангелія Луки наговорила уже очень много, а со стороны церковной науки не дано еще никакого отвѣта на новѣйшія теоріи и гипотезы. Трудъ г. Кряжимскаго и долженъ быть первымъ опытомъ этого рода. Въ немъ привлекаются къ разсмотрѣнію новые вопросы или старые вопросы, но въ ихъ новѣйшей научной постановкѣ. Отсюда трудъ г. Кряжимскаго получаетъ важное апологетическое значеніе; онъ направленъ противъ новѣйшихъ нападеній на истину, нападеній, доселѣ церковной наукой еще не отраженныхъ. Въ курсахъ, напр., догматики разбираются возраженія противъ приснодѣвства Богоматери, но возраженія старыя, принадлежащія Гельвидію или антидикомаріанитамъ. Новѣйшіе антидикомаріаниты— Гилльманнъ, Гарнакъ, Гэккеръ и др. выставили цѣлый рядъ новыхъ возраженій противъ истины приснодѣвства и самое главное евангельское свидѣтельство Лк. 1, 34—35 желаютъ объявить неподлиннымъ. Отвѣтъ на эти новѣйшія возраженія можно будетъ найти въ сочиненіи Кряжимскаго. Или взять еще вопросъ о пѣсни Богородицы. Существуетъ уже спеціальная литература, а въ русской богословской наукѣ, кажется, еще ни одного слова не сказано по этому имѣющему пятнадцатилѣтнюю давность вопросу. Обширный трактатъ (стр. 211—308), въ которомъ использована лучшая научная литература по этому невѣдомому русской богословской наукѣ вопросу, заключается въ сочиненіи г. Кряжимскаго. А вѣдь на первый взглядъ отрицательные выводы, напр., блестящей брошюрки А. Гарнака Das Magnificat der Elisabet могутъ казаться совершенно убѣдительными и непоколебимыми. Итакъ почти всѣ отдѣлы сочиненія г. Кряжимскаго возбуждаютъ вопросы новые, современные и самое сочиненіе получаетъ

поэтому интересъ научной новизны. Правда, сочиненіе по характеру обсуждаемыхъ вопросовъ и по строго - научному способу ихъ обсужденія не можетъ разсчитывать на широкій кругъ читателей, однако, несомнѣнно, въ нѣкоторыхъ частяхъ можетъ оно удовлетворять запросамъ и не одного только всегда тѣснаго круга спеціалистовъ.

Масса труда, потраченнаго г. Кряжимскимъ на изслѣдованіе важнаго и для русской науки новаго вопроса, конечно, не должна пропадать даромъ. Мы считаемъ излишнимъ говорить о томъ, что г. Кряжимскій за свое обширное и строго научное сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата богословія. Рецензентъ считаетъ долгомъ заявить, что г. Кряжимскій нравственно обязанъ усовершить свой настоящій трудъ, издать его въ свѣтъ и степень уже магистра богословія будетъ ему тогда законной наградой.

Только автору не нужно обольщаться мыслью, будто имъ уже почти все сдѣлано. Нѣтъ, мы скажемъ прямо: положено лишь начало, которое позволяетъ надѣяться на то, что авторъ можетъ достичь и подобающаго конца. Труда впереди еще много. Сочиненіе требуетъ усовершенствованія въ разныхъ отношеніяхъ. Можетъ быть, окажется нужнымъ расширить нѣсколько и самую тему. Въ настоящемъ же видѣ сочиненіе не чуждо и разныхъ недостатковъ, частью вмѣнимыхъ автору въ вину, частью же невмѣнимыхъ и во всякомъ случаѣ извинительныхъ.

Хотя въ сочиненіи и изслѣдовано весьма большое количество литературы, однако оно далеко не исчерпываетъ этой литературы вполнѣ. Можно указать десятки книгъ и статей, которыя остались г. Кряжимскому неизвѣстны. Важнѣйшія изъ нихъ — *Dr. Hellmuth Zimmermann.* Evangelium des Lukas Kap. 1 und 2. Ein Versuch der Vermittlung zwischen Hilgenfeld und Harnack. Theologische Studien und Kritiken. 1903 SS. 247—290. *M. I. Lagrange.* Le résit de l'enfance de Iésus dans S. Luc. Revue biblique internationale. 1895. pp. 160—185. *Völter.* Die evangelischen Erzählungen von den Geburt und Kindheit Iesu. 1911. *Wilkinson.* A Iohannine Document in the first chapter of St. Luke's Gospel. Особенно (рекомендуемыя и Гарнакомъ—Theologische Literaturzeitung. 1913. № 1. Sp. 7—8) статьи американскаго ученаго *J. Gresham Machen* The hymns of the first chapter of Luke (The Princenton theological review. Vol. X. 1912. pp. 1—38) и The origin of the first two chapters of Luke (Ibidem, pp. 212—277).

Въ трудѣ Zimmermann'а авторъ найдетъ нѣкоторыя дополненія. Völter и Wilkinson потребуютъ разбора и опроверженія. Статьи же Machen'а заставятъ его нѣсколько иначе смотрѣть на стилистическій анализъ первыхъ двухъ главъ Луки, чѣмъ смотрятъ Гарнакъ и Циммерманъ, а также и самъ г. Кряжимскій. Кромѣ того, авторъ, изучая спеціальную литературу вопроса, совсѣмъ не обращалъ вниманія на общія пособія—курсы исагогики, экзегетическіе комментаріи и под. Авторъ, повторяемъ, работалъ вполнѣ достаточно. Нѣкоторая литература вопроса ему была недоступна и ея отсутствіе въ сочиненіи, разумѣется, не можетъ вмѣняться автору въ вину. Но для окончанія труда придется перечитать можетъ быть не меньше, чѣмъ перечитано до сихъ поръ. Вопросъ о пѣсни Богородицы долженъ быть исчерпанъ въ сочиненіи вполнѣ, а теперь авторъ въ своемъ и довольно обширномъ трактатѣ изслѣдовалъ вопросъ далеко не съ предѣльной полнотой.

Изложеніе отрицательныхъ мнѣній у автора сжатое. Это—хорошо. Но изложеніе не всегда можно назвать полнымъ. Это уже недостатокъ. Въ то же время критическій разборъ нерѣдко малоосновательнъ и во всякомъ случаѣ недостаточенъ. Въ сочиненіи автора по адресу раціоналистовъ—отрицателей не мало очень энергичныхъ порицаній: „дерзость", „бредъ", „недостойно серьезнаго ученаго", „безцеремонность", „беззастѣнчивость" (стр. 93. 104. 114—115. 132. 133 и др). Можетъ быть и по дѣломъ отрицателямъ—ученымъ подобныя любезности г. Кряжимскаго, но какъ то замѣчается, что тонъ его критики повышается по мѣрѣ того, какъ понижается убѣдительность и содержательность его аргументаціи. Критическія изслѣдованія автора и его выводы по разнымъ вопросамъ можно бы во многомъ поправлять и оспаривать. Но мы дѣлать это считаемъ излишнимъ, ибо не смотримъ на работу, какъ на окончательную. Авторъ самъ многое дополнитъ и измѣнитъ, когда прочитаетъ литературу, которой еще не читалъ.

Нерѣдко сказывается въ сочиненіи неширокое знакомство автора съ новозавѣтной научной дисциплиной въ ея цѣломъ. Мимоходомъ автору приходилось касаться разныхъ областей новозавѣтной науки, требовалась нѣкоторая спеціальная подготовка, а ея-то мѣстами и не хватало.

Прежде всего бросается въ глаза неосвѣдомленность ав-

тора въ области текстологіи. Онъ никогда не дѣлаетъ самостоятельныхъ справокъ въ критическихъ изданіяхъ новозавѣтнаго текста, а когда беретъ эти справки изъ вторыхъ рукъ, беретъ неполно и со множествомъ ошибокъ. Такъ на стр. 178 на основаніи статьи Гильманна сдѣлана такая справка касательно Лк. 2, 5: „Въ однихъ, преимущественно восточныхъ (Синайскомъ, Ватиканскомъ, Ефремовскомъ, Кантабригіензскомъ—sic!) стоитъ: „*σὺν Μαριὰμ τῇ ἐμνηστευμένῃ* (или *μεμνηστευμένῃ*) *αὐτῷ*," въ другихъ, преимущественно западныхъ (напр. Александрійскомъ)—„*σὺν Μαριὰμ τῇ ἐμνηστευμένῃ αὐτῷ γυναικί*". Но первое чтеніе, принятое Тишендорфомъ, Весткоттомъ и Хортомъ, имѣетъ за себя ℵBC*vid D L Ξ 1. 131. 2pc e f q**perus sax sah cop syrsch arm Eus dem cdd 2 et steph. Второе же чтеніе имѣетъ за себя A C2vid Γ Δ Λ unc9 al pler a b c ff2 l q* vg go syrp aeth Eus dem cd Chr 2, 420 et 421 Chron 380.

Гдѣ же здѣсь преимущественно западные кодексы, когда здѣсь сирійскій и эѳіопскій переводы, Евсевій, Златоустъ и др.? Авторъ опустилъ подробную справку, очевидно, потому, что сиглы для него оказались китайской грамотой. Упомянувъ въ первомъ случаѣ Ефремовскій кодексъ (C) безъ всякой оговорки, во второмъ случаѣ авторъ о немъ благоразумно умолчалъ; иначе у него получилось бы, что одинъ и тотъ же кодексъ читаетъ по разному. Добавленіе же при C въ первомъ случаѣ*, а во второмъ2 и въ обоихъ случаяхъvid, повидимому, автору ничего не говоритъ. На слѣдующей 179 стр. авторъ дѣлаетъ еще примѣчаніе: „Если вѣрить Häcker'у въ одномъ Сирскомъ палимсестѣ (палимпсестѣ—конечно!) стояло (а теперь не стоитъ?) „*σὺν Μαριὰμ γυναικὶ αὐτοῦ*". Что это значитъ: „если вѣрить Häcker'у"? Чтеніе сирійскаго текста можно видѣть и въ новѣйшихъ комментаріяхъ, напр. въ The International Critical Commentary у Alfred'a Plummer'a. Затѣмъ. Какъ въ сирскомъ палимпсестѣ могли оказаться греческія слова? „Въ одномъ"... А сколько ихъ? Авторъ, очевидно, не слыхалъ ничего о знаменитомъ Syrus Sinaiticus, хотя въ пособіи, откуда почерпнуто это свѣдѣніе, онъ названъ прямо. Авторъ здѣсь, вопреки своему обыкновенію, не ставитъ никакого цитата и на Häcker'a ссылается совершенно напрасно; у него ничего подобнаго нѣтъ. Свѣдѣніе же о чтеніи Syr. Sin. взято имъ, несомнѣнно, изъ статьи H. Usener'a (Geburt und Kindheit Christi. Zeitschrift für die neutesta-

mentliche Wissenschaft. 1903. S. 17), гдѣ прямо названъ der von Miss Agnes Smith Lewis entdeckte syrische Palimpsest vom Sinai. Про это открытіе миссъ Льюисъ авторъ, очевидно, не слыхалъ. Разбирая аргументацію Гилльманна за чтеніе *γυναικί*, а не *ἐμνηστευμένῃ*, авторъ заключаетъ: „Итакъ, Гильманновское чтеніе II, 5 не имѣетъ подъ собой никакихъ основаній“ (стр. 181). Неужели *никакихъ?* Разсуждая на слѣдующей страницѣ о чтеніяхъ съ *γυναικί* и безъ *γυναικί*, въ скобкахъ авторъ замѣчаетъ: „мы лично склоняемся все-таки къ послѣднему“. *Лично...* но чтобы говорить такъ, нужно быть признаннымъ въ текстологіи авторитетомъ. Было бы гораздо основательнѣе и убѣдительнѣе отмѣтить, что это именно чтеніе принято въ лучшія критическія изданія Новаго Завѣта—Tischendorf'a 8 ed. (7 съ *γυναικί*), Tregelles'a, Westcott'a и Hort'a, E. Nestle. Послѣ этихъ авторитетовъ что значитъ личное мнѣніе студента Кряжимскаго? Подобное же заявленіе читаемъ у г. Кряжимскаго на стр. 196 относительно чтенія Лк. 3, 22, гдѣ Гилльманнъ предполагаетъ изначальность цитата изъ Псал. 2, 7. Основанія же, приводимыя Гилльманномъ, на стр. 194 переданы слишкомъ въ усѣченномъ видѣ.

Относительно чтенія *υἱοῦ θεοῦ* въ Мр. 1, 1 авторъ замѣчаетъ: „Правда, въ нѣкоторыхъ кодексахъ послѣднія два слова отсутствуютъ, но все же это не даетъ намъ права выбросить ихъ, какъ это дѣлаютъ критическія изданія Новаго Завѣта (Слав. переводъ, напр., имѣетъ ихъ)“ (стр. 205 прим. 2). Очевидно, въ критическія изданія Нов. Завѣта авторъ не заглядывалъ; иначе онъ увидѣлъ бы, что кодексы-то слова *υἱοῦ θεοῦ* имѣютъ, кромѣ ℵ* 28. 255, а критическія изданія, опуская эти слова, какъ Тишендорфъ, или помѣщая на полѣ, какъ Весткоттъ и Хортъ, слѣдуютъ древнимъ отеческимъ цитатамъ. Но особенно великолѣпна эта ссылка въ опроверженіе „критическихъ изданій“ на славянскій переводъ!

О чтеніи Лк. 1, 78 сказано на стр. 329: чтеніе „*ἐπισκέψεται*“ имѣютъ всего два кодекса—Синайскій и Ватиканскій, въ остальныхъ же кодексахъ стоитъ аористная форма“. Въ критическія изданія авторъ опять самъ не смотрѣлъ и не совсѣмъ понялъ Гилльманна, которымъ онъ въ данномъ случаѣ пользуется (Jahrb. für protest. Theol. XVII. 1892. S. 212), почему положеніе дѣла представлено не точно. Во первыхъ,

чтеніе *ἐπισκέψεται* подтверждается не вообще синайскимъ кодексомъ, а лишь его первоначальнымъ чтеніемъ (ℵ*), въ корректурѣ же (ℵ^c) читается *ἐπισκέψατο*. Во вторыхъ, кромѣ ℵ* и B, кодексъ L читаетъ *ἐπισκέψαιται*. Въ третьихъ, чтеніе *ἐπισκέψεται* подтверждается переводами cop syr^sch arm^zoh (go *visitat*). Тишендорфъ читаетъ *ἐπισκέψατο*, Westcott and Hort— *ἐπισκέψεται*; это же чтеніе на полѣ у Tregelles'a.

Приведенные примѣры показываютъ, что въ текстологіи г. Кряжимскій мало свѣдущъ.

Можно указать нѣсколько фактовъ, обличающихъ недостаточное знакомство съ исторіей новозавѣтнаго канона и съ исторіей новозавѣтныхъ писаній вообще. Такъ Мураторіевъ фрагментъ относитъ авторъ къ половинѣ второго вѣка (стр. 165). Исторію отрицанія подлинности первыхъ двухъ главъ Луки авторъ возводитъ до Шмидта и Эйхгорна (стр. VII. 3 слл.). Но она можетъ быть возведена еще къ XVI вѣку, къ кальвинисту Іоанну Бодину и продолжена Evanson'омъ (The dissonance of the four Evangelists. Ipswich 1792) и Iones'омъ (Ecclesiastical researches. London 1803). Можно бы иначе и лучше объяснить анонимность Маркіонова евангелія, чѣмъ это сдѣлано на стр. 14. Маркіонъ былъ сынъ не пресвитера, какъ значится на стр. 3, но епископа. Вѣдь авторъ имѣлъ предъ глазами Епифанія Haer. 42, 1 и самъ же говоритъ, что отсюда онъ заимствуетъ свѣдѣнія о Маркіонѣ (стр. 4 прим. 4). Но у Епифанія-то отецъ Маркіона и называется епископомъ. Нельзя-ли противъ мнѣнія Эйхгорна, будто маркіониты ничего не говорятъ объ измѣненіи ихъ учителемъ евангелія Луки (стр. 14—15), привлечь свидѣтельство Иринея Contra haer. III, 1, 1. 2, 2 о томъ, что еретики выдаютъ себя за исправителей апостоловъ, считаютъ себя мудрѣе апостоловъ? Едва-ли можно сказать, что Маркіонъ къ своему дѣлу тенденціозной критики текста отнесся небрежно (стр. 11).

О цитаціи каноническихъ евангелій у Іустина Философа авторъ говоритъ кратко (стр. 77—78), но это вопросъ большой. Ему и въ русской богословской литературѣ лѣтъ 25 назадъ посвящено нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій.

Гипотеза Conrady тѣсно связана съ его взглядами на Протоевангеліе Іакова (См. его статью—Das Protev. Iacobi in neuer Beleuchtung. Studien und Kritiken. 1889, SS. 728 ff.). Эти взгляды Conrady считаются неудачными. Автору не мѣшало бы отмѣ-

тить, что современная научная оцѣнка Протоевангелія такова: Für die ältere evangelische Litteratur ist aus dem Protev. nichts zu lernen (A. Harnack. Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. 1-er Bd. Leipzig 1897. S. 603).

На стр. 132 читаемъ: „Если вѣрить тому же Фёльтеру, въ изданной Boor'омъ такъ называемой „стихометріи" Никифора въ числѣ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ находится сочиненіе подъ заглавіемъ „*Ζαχαρίου πατρὸς Ἰωάννου*". Авторъ повидимому склоненъ иныхъ представителей науки считать мошенниками, которымъ не слѣдуетъ вѣрить ни на грошъ (См. на стр. 163 недовѣріе къ переводу Conybeare съ армянскаго яз.). Но если не вѣрить, то можно провѣрить. Въ данномъ же случаѣ авторъ обнаружилъ лишь незнакомство съ такимъ общеизвѣстнымъ памятникомъ, какъ „стихометрія" Никифора. У нѣмцевъ она даже въ пособіяхъ къ практическимъ занятіямъ печатается, см. напр. Analecta E. Preuschen'a, p. 64.

Въ примѣчаніи на стр. 162 авторъ пишетъ о Conybeare, что онъ „отыскалъ въ библіотекѣ одного монастыря двѣ рукописи, содержащія комментарій св. Ефрема Сирина къ (на?) Діатессарону Татіана на армянскомъ языкѣ" (что на армянскомъ языкѣ? Діатессаронъ или комментарій?). Очевидно, исторія Діатессарона и Ефремова на него комментарія плохо извѣстна г. Кряжимскому. Прочитанная имъ замѣтка Conybeare относится къ 1902 г., но комментарій на Діатессаронъ уже въ 1896 г. былъ изданъ даже въ русскомъ переводѣ въ 8 ч. твореній Ефрема Сирина. Да и самъ же авторъ на той же страницѣ упоминаетъ переводъ армянской рукописи Aucher'a, изданный въ 1876 г. Вовсе ничего Conybeare не отыскивалъ; рукописи комментарія Ефрема на Діатессаронъ отысканы были безъ него и гораздо раньше его. Г. Кряжимскій не совсѣмъ внимательно прочиталъ статейку Conybeare въ Zeitschrift für die neutestam. Wissenschaft. 1902 г. и наговорилъ того, чего онъ не сказалъ бы, если-бы болѣе былъ освѣдомленъ въ исторіи Діатессарона. Здѣсь же слѣдуетъ опять отмѣтить ненужное недовѣріе нашего автора къ ученымъ. „Въ послѣсловіи къ комментарію, пишетъ онъ, *будто-бы* (а не на самомъ дѣлѣ?) находятся такія слова св. Ефрема"...

Отмѣчая всѣ эти ошибки и неточности, мы ни на минуту не забываемъ, что всѣ онѣ совершенно понятны и извинительны въ работѣ студенческой.

Но можно указать кое-что и менѣе извинительное. Такъ у автора иногда нарушается теченіе его разсужденій и изслѣдованій вставкой инородныхъ элементовъ. Изложеніе и критика соображеній Реша касательно пролога евангелія Іоанна вставлены не на мѣстѣ (стр. 79—83). Имъ слѣдовало-бы найти другое мѣсто или изложить ихъ въ видѣ особаго большого примѣчанія; теперь же стр. 79—83 производятъ впечатлѣніе вставки. Разборъ ссылки Conybeare на послѣсловіе комментарія Ефрема Сирина хотя и помѣщенъ въ примѣчаніи (стр. 161—164), но это примѣчаніе безъ всякой связи пристегнуто къ разсужденіямъ объ идейномъ содержаніи первыхъ двухъ главъ евангелія Луки. Статья же Conybeare касается внѣшняго свидѣтельства. Правда, на слѣдующихъ страницахъ (164—166) у автора приводятся свидѣтельства изъ Іустина, Мураторіева фрагмента и др. въ пользу подлинности первыхъ главъ Луки. Но и эти свидѣтельства здѣсь стоятъ совсѣмъ не на мѣстѣ. Самъ авторъ сознается, что здѣсь онъ дѣлаетъ какъ бы добавленіе къ сказанному выше (см. стр. 164). Однородныя свидѣтельства, конечно, разъединять неудобно, а лучше помѣщать рядомъ.

Въ отдѣлѣ о пѣсни Богородицы бросается въ глаза одна неточность въ выраженіи. Нѣсколько разъ авторъ выражается такъ, будто его противники высказываютъ мысль, что Пѣснь Богородицы принадлежитъ Елисаветѣ (стр. 212. 252. 255. 302). Мысль Гарнака и ему подобныхъ совсѣмъ не та. На одной изъ указанныхъ страницъ (255) авторъ рядомъ съ невѣрнымъ и неточнымъ выраженіемъ совершенно правильно самъ же формулируетъ мысль Гарнака о пѣсни Богородицы: „Составленная самимъ Лукою она была вложена въ уста Елисаветы, а не Богоматери“. Если такова мысль Гарнака, то можно ли говорить о „гипотезѣ принадлежности пѣсни Богородицы Елисаветѣ“, какъ это сказано у автора на той же 255 стр. всего тремя строками выше.—Автору осталось неизвѣстнымъ чтеніе „Елисаветъ“ въ армянскомъ переводѣ Иринея Contra haer. IV, 7, 1, о чемъ см. замѣтку въ Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 1906.

Г. Кряжимскому приходилось все время имѣть дѣло съ источниками и пособіями на иностранныхъ языкахъ. Нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ пособій написаны очень тяжелымъ языкомъ. Переводъ требовалъ самоотверженнаго терпѣнія.

Нѣтъ, конечно, ничего невѣроятнаго и печальнаго въ томъ, что переводы иногда ему не удавались. На стр. 18 нѣмецкое—„freie Gnade“ переведено „*свободная* благодать“.

На стр. 36 изъ Adv. Marc. IV, 4: ei praescribens auctoritatem, quod antiquius—переведено: время является авторитетомъ для того, что древнѣе. Но у Тертулліана рѣчь идетъ объ авторитетѣ евангелій церковныхъ въ противоположность евангелію Маркіона. Здѣсь же „quod est secundum nos“ переведено: „что гармонируетъ съ нашимъ ученіемъ“ и фраза эта заключена въ скобки, тогда какъ у Тертулліана она является опредѣленіемъ къ слову evangelium. Черезъ строчку ниже о Маркіонѣ говорится, что въ первомъ пылу вѣры онъ отдалъ свои способности (силы) каѳолической Церкви. Вовсе не силы и не способности, а деньги; въ подлинникѣ у Тертулліана—pecuniam, и не отдалъ, а contulit.

Стр. 179. 180: Aenderung zu Gunsten переводится: измѣненіе *по склонности* (?).

Стр. 257: онъ не силенъ, но хорошо засвидѣтельствованъ. Въ подлинникѣ у Гарнака—ist nicht stark, aber gut bezeugt.

Стр. 320: Захарія высказываетъ случившіяся съ нимъ событія въ пѣсни. У Гилльманна: Zacharias bricht nun angesichts der ihm widerfahrenen Ereignisse in einem Lobgesang aus.

Стр. 350: созрѣло у него не ночью. У Nebe: ist nicht über Nacht gereift.

Стр. 243: безчисленное число. У Spitta: unzählig oft.

Стр. 324: Beziehung auf Iohannes=отношеніе на Іоанна.

Предметъ, обсуждавшійся г. Кряжимскимъ въ его диссертаціи, таковъ, что трудно писать о немъ легкимъ и краснорѣчивымъ стилемъ, но, думается, стилистическихъ шероховатостей избѣжать было-бы можно, а ихъ въ сочиненіи изобиліе. „Основаніе за ихъ неподлинность“ (стр. 21). „Запрещалось дѣлать идолы“ (стр. 35). „Понятна непріемлемость Маркіономъ евангелія“ (стр. 43). „Могущая быть поставлена“ (стр. 60). „Отдѣлъ на соотвѣтствующіе стихи“ (стр. 78 прим. 2). „Широкая фантазія“ (стр. 80). „Въ отношеніи на Прода“ (стр. 152). „Привнести чрезъ свое изслѣдованіе“ (стр. 171). „Отношеніе на Іосифа“, „относитъ 1, 27 на Іосифа“ (стр. 175 и прим. 4), „заключеннѣе“ (стр. 317).

Наконецъ, отмѣтимъ нѣкоторыя мелочи. Перечень источниковъ (стр. I) начинается съ конкорданцій E. Hatch and

H. Redpath и W. F. Moulton and A. S. Geden. Но развѣ конкорданціи—источники? Это самыя типичныя пособія.

Не совсѣмъ удобно цитовать Игнатія Богоносца и Іустина Философа по Migne, а комментарій Meyer'a по 5 изданію, когда есть уже 9-ое.

Начало евангелія Маркіона почему-то дважды на основаніи Тертулліана приводится по латыни (стр. 4, 19). Ужъ если приводить подлинникъ, то нужно приводить греческій, хотя бы по реконструкціи Цана. Маркіонъ писалъ на греческомъ языкѣ. Такъ же и Лк. 16, 17 въ обработкѣ Маркіона на стр. 12 приведено изъ Тертулліана по латыни.

51-ую главу трактата De praescriptionibus haereticorum авторъ bona fide цитуетъ какъ принадлежащую самому Тертулліану. Но Тертулліану принадлежитъ въ этомъ трактатѣ 45 главъ, какъ это отмѣчено и въ изданіи Migne, которымъ пользовался авторъ (См. col. 74). Кстати сказать, приведя слова 51 главы, авторъ ставитъ цитатъ: col. 39. Нужно: col. 89.

Относительно слова *σπεύδειν* авторъ замѣчаетъ, что кромѣ писаній Луки оно находится еще лишь въ 2 Петр. 3, 12 (стр. 148), но онъ не замѣчаетъ, что у ап. Петра *σπεύδοντας* имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ, нежели у Луки. Авторъ просто въ данномъ случаѣ невнимательно читалъ своего руководителя Гарнака, который пишетъ: steht es im N. T. nur noch ein einziges Mal aber transitiv (Das Magnificat der Elisabet. S. 14).

Въ примѣчаніи на 195 стр. невѣрно поставленъ цитатъ: Hillmann. Op. cit. SS. 248—250. Нужно: SS. 246—247.

Явленія ангела Захаріи и Благовѣщеніе почему то называются *интимными* событіями (стр. 341).

На стр. 356 авторъ говоритъ, что матерью Іакова „евангеліе называетъ Марію, поскольку, конечно, послѣдняя являлась въ глазахъ всѣхъ женою Іосифа“ и цитуетъ Мѳ. 13, 55; Мр. 6, 3. Ничего подобнаго въ указанныхъ мѣстахъ, конечно, нѣтъ. Іаковъ тамъ называется братомъ Господнимъ, но Марія называется матерью только Іисуса, а не Іакова.

Всѣ сдѣланныя нами замѣчанія въ общемъ нисколько не понижаютъ достоинствъ разсмотрѣннаго сочиненія. Едва-ли кто смогъ бы избѣжать подобныхъ ошибокъ въ столь же обширномъ и серьезномъ первомъ ученомъ трудѣ. Рецензентъ дѣлалъ свои поправки и замѣчанія, руководясь больше желаніемъ почтить должнымъ вниманіемъ ту массу серьез-

наго научнаго труда, которую онъ встрѣтилъ въ сочиненіи. Серьезность и богатая содержательность труда г. Кряжимскаго вызывали во время чтенія неослабѣвающій интересъ и держали читателя въ пріятномъ напряженіи мысли. Преданность ученому дѣлу и самоотверженное трудолюбіе, не малодушествующее предъ множествомъ работы и не уклоняющееся отъ нея, характеризуютъ студента Кряжимскаго и дѣлаютъ ему честь, а рецензенту позволяютъ питать твердую надежду на то, что ему придется съ удовольствіемъ читать еще болѣе совершенную печатную работу г. Кряжимскаго. О прочитанной же рукописной работѣ можно отозваться лишь съ самой рѣшительной похвалой, назвать ее слѣдуетъ выдающимся кандидатскимъ сочиненіемъ и какъ таковое цѣнить высоко".

б) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Страхова*:

„Сочиненіе г. Кряжимскаго раздѣляется на двѣ части: въ первой изслѣдуется вопросъ о подлинности первыхъ двухъ главъ евангелія Луки въ ихъ цѣломъ составѣ, во второй—о подлинности отдѣльныхъ частей этихъ главъ или о неповрежденности этихъ главъ. *Первая* часть въ свою очередь состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ первой главѣ, носящей заголовокъ: „Вопросъ о подлинности первыхъ двухъ главъ ев. Луки въ связи съ евангеліемъ Маркіона", авторъ разбираетъ теорію Эйхгорна, будто евангеліе св. Луки и евангеліе Маркіона въ своей основѣ имѣютъ недошедшій до насъ источникъ, оставленный въ неприкосновенности Маркіономъ, но передѣланный Лукою и позднѣйшими редакторами его евангелія, и теорію Баура, будто источникомъ для евангелія Маркіона послужило не нынѣшнее евангеліе Луки, а болѣе краткое и первоначальное евангеліе, бывшее въ рукахъ павлинистовъ и являвшееся точнымъ выраженіемъ павлинистическихъ идей. Послѣ обстоятельнаго разбора теорій Эйхгорна и Баура авторъ анализируетъ свидѣтельства нѣкоторыхъ отцовъ и учителей Церкви о взаимномъ отношеніи евангеліи Луки и Маркіона и въ результатѣ своихъ изысканій приходитъ къ твердо обоснованному выводу, что первоначальнымъ является не евангеліе Маркіона, а евангеліе Луки. Во второй главѣ, носящей названіе:

„Вопросъ о подлинности первыхъ двухъ главъ ев. Луки въ новѣйшей постановкѣ“, авторъ подробно разбираетъ внѣшнія (языкъ и стиль) и внутреннія (содержаніе) основанія, выдвигаемыя новѣйшей критикой противъ подлинности первыхъ двухъ главъ ев. Луки. Въ третьей главѣ, носящей заголовокъ: „Попытка рѣшить вопросъ о подлинности первыхъ двухъ главъ ев. Луки на почвѣ предположенія готоваго письменнаго подлинника“, авторъ излагаетъ и критикуетъ теорію Реша о существованіи доканоническаго евангелія, содержавшаго въ себѣ связное изложеніе обстоятельствъ рожденія и дѣтства Іисуса Христа и послужившаго источникомъ для евангелій Матѳея, Луки и Іоанна, для христологіи Іустина Философа, а также для апокрифическихъ евангелій. Авторъ отвергаетъ теорію Реша, такъ какъ указываемаго имъ источника не существовало, равно какъ и теорію Конради, пытавшагося доказать, что такимъ источникомъ было протоевангеліе Іакова. Въ четвертой главѣ, носящей заголовокъ: „Попытка рѣшить вопросъ о подлинности первыхъ двухъ главъ ев. Луки на почвѣ предположенія позднѣйшихъ переработокъ, вставокъ и наслоеній“, авторъ разбираетъ теоріи Völter'a, Usener'a, Hillmann'a, Hilgenfeld'a, Feine и Wittichen'a, о позднѣйшей переработкѣ ев. Луки, показывая всю ихъ научную несостоятельность.

Въ небольшомъ введеніи ко *второй* части своего сочиненія авторъ замѣчаетъ, что „плоды критическаго анализа первыхъ двухъ главъ ев. Луки почти не поддаются учету; отвергается изначальность цѣлыхъ отдѣловъ, отрицается принадлежность къ первоисточнику тѣхъ или другихъ стиховъ, выбрасываются безъ особой надобности выраженія и слова. Но можно оттѣнить въ главахъ три пункта, которые преимущественнымъ образомъ привлекаютъ вниманіе ученыхъ и надъ изслѣдованіемъ которыхъ работаетъ критическая мысль большинства,—это: 1) сверхъестественное зачатіе Господа, 2) пѣснь Богородицы и 3) пѣснь Захаріи“ (с. 171). Установленіе подлинности этихъ трехъ отдѣловъ ев. Луки (I, 34—35; 46—55; 68—79) и составляетъ предметъ первыхъ трехъ главъ второй части труда г. Кряжимскаго. Въ заключительной главѣ авторъ задается цѣлью установить тотъ источникъ, откуда ев. Лука почерпнулъ свѣдѣнія для первыхъ двухъ главъ своего евангелія, и объяснить ветхоза-

вѣтный колоритъ и содержанія и языка этихъ главъ, рѣзко отличающагося отъ пролога и остальныхъ главъ ев. Луки. На основаніи детальнаго анализа пролога ев. Луки авторъ находитъ, что источникомъ для названныхъ главъ ев. Луки послужили какъ устныя преданія, такъ и сохранившіяся записи о тѣхъ событіяхъ, о какихъ повѣствуется въ изслѣдуемомъ мѣстѣ. Данный же евангелистомъ Лукою переводъ этихъ записей съ еврейско-арамейскаго языка на греческій языкъ или же его непосредственная запись со словъ очевидца событій, составляющихъ содержаніе первыхъ двухъ главъ его евангелія, естественно, должны были сказаться и на языкѣ этихъ главъ.

Какъ видимъ, авторъ затронулъ въ своей работѣ спеціальный, но интересный вопросъ, о которомъ имѣется разнообразная иностранная литература, но который совершенно не затронутъ въ литературѣ русской. Мы привыкли думать, что пѣснь Богородицы въ ев Луки 1, 46 -55 принадлежитъ именно Ей и взята или записана ев. Лукою изъ вѣрныхъ рукъ. Но вотъ западные ученые нашли, что пѣснь эта есть позднѣе вставленный іудейскій псаломъ или что она не собственное творчество Богоматери, а составлена самимъ Евангелистомъ, или, наконецъ, что она принадлежитъ Елизаветѣ. Также обстоитъ дѣло съ другимъ важнымъ вопросомъ о сверхъестественномъ зачатіи Господа. Повѣствующій объ этомъ отдѣлъ изъ ев. Луки 1, 34—35 также объявляется позднѣйшей вставкой, какъ противорѣчащій содержанію первыхъ двухъ главъ ев. Луки, всему Новому Завѣту и древнѣйшей христіанской литературѣ. Православная наука давно ожидала такого работника, который бы взялъ на себя тяжелый и отвѣтственный трудъ разобрать всѣ эти возраженія и научно защитить неповрежденность и подлинность первыхъ двухъ главъ ев. Луки. Этотъ трудъ и взялъ на себя г. Кряжимскій и выполнилъ его съ выдающимся успѣхомъ. Онъ тщательно изучилъ иностранную, главнымъ образомъ нѣмецкую, литературу по этому вопросу, ясно и сжато изложилъ и обстоятельно разобралъ существующіе въ этой литературѣ, преимущественно въ новѣйшей, взгляды и мнѣнія по этому вопросу. Это—первое достоинство сочиненія г. Кряжимскаго. Второе достоинство его труда—самостоятельность его изысканій. Онъ имѣлъ дѣло преимущественно съ про-

тестантской литературой, иногда рѣзко отрицательной. У него не было подъ руками ортодоксальнаго труда, съ точки зрѣнія котораго ему было бы удобнѣе и легче разобрать отрицательныя мнѣнія и сужденія. Строго православная точка зрѣнія автора и собственное его критическое чутье помогли ему съ успѣхомъ разобраться въ этихъ мнѣніяхъ и сужденіяхъ. Но тѣмъ цѣннѣе, конечно, его изысканія, тѣмъ важнѣе его работа.

Эти крупныя достоинства сочиненія г. Кряжимскаго покрываютъ нѣкоторые мелкіе недочеты въ его работѣ, напр. не вездѣ правильный стиль (сс. 21, 43, 60, 78, 80, 152, 171 и др.), неумѣстно-рѣзкій языкъ въ оцѣнкѣ западныхъ ученыхъ („дерзость", „бредъ", „безцеремонность", "разбить въ корнѣ" и т. п. сс.. 93, 104, 114—115, 132, 193 и др.), неполное изученіе литературы вопроса, неосвѣдомленность въ области текстологіи (с. 178, 179, 329 и др.), исторіи новозавѣтнаго канона (с. 3, 132, 165 и др.), неудачный переводъ нѣкоторыхъ выраженій и словъ (напр. на с. 179—180, 257, 350 и др.) и др.

Несмотря на указанные недостатки, вполнѣ понятные въ студенческой годичной работѣ, сочиненіе г. Кряжимскаго и въ настоящемъ своемъ видѣ является выдающейся кандидатской работой, которая, по исправленіи, составитъ цѣнный вкладъ въ русскую богословскую литературу и смѣло можетъ быть увѣнчана степенью магистра богословія".

25) О сочиненіи студента *Курсина Анатолія* на тему: „Религіозно - нравственное состояніе израильтянъ во время сорокалѣтняго странствованія ихъ по пустынѣ".

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго:*

„Обстоятельное сочиненіе студента А. Курсина состоитъ изъ введенія, уясняющаго сущность вопроса и включающаго указатель источниковъ и пособій, и пяти главъ.

Обозрѣвая время странствованія израильтянъ по пустынѣ въ исторической послѣдовательности, авторъ въ 1-ой главѣ /отъ Египта до Синая/ говоритъ о религіозно—нравственномъ состояніи израильтянъ въ Египтѣ и о первыхъ проявленіяхъ религіозно-нравственной неустойчивости ихъ по выходѣ изъ Египта. Во 2-ой главѣ онъ говоритъ о собы-

тіяхъ у горы Синая; 3-я, 4-я и 5-я главы обнимаютъ время странствованія израильтянъ отъ Синая до окончанія его.

Разсматриваемое со стороны содержанія, сочиненіе г. Курсина показываетъ въ авторѣ вдумчиваго библеиста, который не обходилъ сложныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ раціоналистическою критикою какъ при общей оцѣнкѣ религіозно-нравственнаго состоянія израильтянъ за весь разсматриваемый періодъ, такъ и при сужденіи объ отдѣльныхъ фактахъ, дающихъ въ цѣломъ опредѣленное слагаемое, позволяющее, въ свою очередь, смотрѣть на время странствованія израильтянъ по пустынѣ, какъ на время воспитательнаго руководства Іеговою Своего избраннаго народа.

Въ частности, авторъ съ надлежащею серьезностью остановилъ свое вниманіе на выразительныхъ случаяхъ отступленія израильтянъ отъ Іеговы, какъ, напримѣръ, на поклоненіи ихъ золотому тельцу, на ихъ частомъ ропотѣ и недовѣріи къ своему вождю, на уклоненіи ихъ въ сторону идолопоклонства. Послѣднее выясняется имъ, между прочимъ, въ связи съ вопросомъ о звѣздѣ Ремфана.

Характеризуя религіозно - нравственное состояніе народа израильскаго, вышедшаго изъ Египта для обитанія въ Палестинѣ, авторъ хорошо уяснилъ, на данныхъ Библіи, тѣ моральныя причины, которыя отодвинули, такъ сказать, израильтянъ отъ обѣтованной страны, когда она была такъ близка къ нимъ.

Правда, для болѣе всесторонняго изслѣдованія вопроса о причинахъ долгаго странствованія евреевъ по пустынѣ,— разъ авторъ заговорилъ о нихъ,—ему слѣдовало не только оцѣнивать случаи ихъ отступленія отъ Іеговы съ моральной точки зрѣнія, но и обстоятельнѣе коснуться вопроса о политическомъ состояніи Палестины за данный періодъ. Можетъ быть, въ области этихъ изысканій онъ нашелъ бы интересный матеріалъ, который далъ бы ему возможность съ рѣшительностью сказать, что надъ немалою силою Хананеянъ и политическимъ могуществомъ обитателей Палестины могла торжествовать только сильная вѣра израиля, пришедшаго, однако, съ малымъ запасомъ ея къ наслѣдію своему. Но эта сторона дѣла не остановила вниманія автора, хотя здѣсь и удобно было соизмѣрить слабую вѣру израиля съ силою преградъ, долженствовавшихъ испытать эту вѣру.

Что касается источниковъ, которыми пользовался авторъ, то рецензентъ долженъ отмѣтить, что и въ этомъ отношеніи въ разсматриваемомъ сочиненіи есть нѣкоторые недочеты. Г. Курсину, какъ библеисту—историку, остались неизвѣстными нѣкоторые новые труды по Библейской исторіи, напр. Kittel'я, König'a, а изъ старыхъ, напр., Kohler'a. Онъ упустилъ изъ виду также трудъ Ebers'a /Durch Gosen/. Но подобные недочеты неизбѣжны почти въ каждой работѣ. А въ работѣ г. Курсина эти недочеты какъ бы тонутъ въ общей серьезной аргументаціи автора, который съ усердіемъ и любовью изучалъ данныя Библіи, внимательно анализировалъ не только текстъ пятокнижія, но и писанія пророковъ (Амоса, Осіи, Іезекіиля), у которыхъ, нужно замѣтить, онъ нашелъ не мало цѣнныхъ указаній на интересующую его эпоху. Свои сужденія авторъ всюду повѣряетъ данными святоотеческой литературы. Русская библейско - историческая литература изучена имъ достаточно полно. Сочиненіе написано хорошимъ литературнымъ языкомъ. Мысли автора, за рѣдкими исключеніями, сжаты и выразительны.

Въ виду сказаннаго мы признаемъ сочиненіе г. Курсина обстоятельною кандидатскою работою, заслуживающею полнаго балла".

б) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*;

„Сочиненіе г. Курсина состоитъ изъ небольшого введенія и 5 главъ. Въ первой главѣ авторъ описываетъ жизнь народа Божія въ Египтѣ и его нравственное состояніе во время странствованія до Синая, во второй—событія у горы Синая, въ третьей—событія, имѣвшія мѣсто отъ Синая до границъ земли обѣтованной, въ четвертой—событія, происшедшія при послѣдующемъ странствованіи въ пустынѣ, на каковое былъ осужденъ Израиль, въ пятой—событія, отмѣчающія окончаніе эпохи странствованія по пустынѣ.

Сочиненіе составлено по русскимъ и иностраннымъ пособіямъ и свидѣтельствуетъ о достаточномъ навыкѣ въ литературныхъ работахъ, только о научномъ экзегесисѣ авторъ имѣетъ смутное представленіе, о чемъ говоритъ, напримѣръ, экскурсъ объ Азазелѣ, а особенно разсужденіе по поводу Амоса 5, 25 и 26. Степени кандидата авторъ заслуживаетъ".

26) О сочиненіи студента *Лебедева Николая* на тему: „Отецъ Іоаннъ Сергіевъ Кронштадтскій, какъ пастырь“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Исторія русскаго пастырства не блещетъ именами выдающихся носителей чисто-пастырскаго духа. Вѣрнѣе сказать, она бѣдна ими до крайности. Правда, исторія Русской Церкви знаетъ не мало людей выдающихся и даже великихъ, проходившихъ архипастырское и пастырское служеніе, но великія дѣла и великіе таланты, которыми проявили они себя въ исторіи, не принадлежатъ къ сферѣ чисто-пастырскаго дѣланія. Были среди нихъ люди великаго и даже геніальнаго ума, выдающихся *ученыхъ* дарованій и трудовъ, были люди выдающихся *административныхъ* дарованій, были люди великаго личнаго аскетизма, были, наконецъ, люди выдающагося ораторскаго таланта, но съ трудомъ можно указать нѣсколько именъ носителей выдающагося собственно пастырскаго творческаго духа, или точнѣе творческаго пастырскаго *сердца*, того сердца, которое не номинально только, а фактически-реально въ непосредственно-личномъ общеніи объемлетъ своею сострадающей любовью каждую чужую душу, какъ свою собственную. И если такихъ выдающихся носителей пастырскаго сердца исторія русскаго пастырства знаетъ не много, то *великихъ* носителей *геніально-мощнаго* пастырскаго сердца, *геніевъ* пастырскаго духа она не видѣла вовсе до послѣдняго времени. Но вторая половина минувшаго вѣка искупила великую скудость исторической жизни русскаго пастырства: она дала генія пастырскаго духа. То былъ недавно почившій отецъ Іоаннъ Сергіевъ Кронштадтскій.—Изслѣдованіе жизни и дѣятельности этой безпримѣрной въ исторіи русскаго пастырства личности задача самой высокой научно-пасторологической цѣнности и глубочайшаго интереса. Г. Лебедевъ вполнѣ понялъ эту цѣнность своей задачи и работалъ съ живѣйшимъ интересомъ, который усугублялся еще тѣмъ, что онъ самъ во дни дѣтства имѣлъ возможность не разъ непосредственно видѣть о. Іоанна въ домашнемъ кругу, а при написаніи своей работы бесѣдовать съ лицами, стоявшими весьма близко къ великому русскому пастырю. Благодаря послѣднему обстоятельству, въ рукахъ нашего автора оказался драгоцѣнный матеріалъ для

характеристики о. Іоанна — подлинная рукопись обширнаго „Дневника“ о. Іоанна, относящагося къ первымъ годамъ его пастырскаго служенія и доселѣ еще неизданнаго. Вооружившись этимъ новымъ рукописнымъ матеріаломъ, изучивши старательно весь уже изданный матеріалъ, состоящій какъ изъ самыхъ твореній кронштадтскаго пастыря, такъ и изъ довольно значительной литературы о немъ, г. Лебедевъ далъ обширный трудъ, цѣнный какъ съ научной, такъ и съ назидательно-практической точекъ зрѣнія.

Цѣнность труда г. Лебедева понижается слѣдующими его свойствами.

Въ первой части своей работы (стр. 26—512), имѣющей задачей представить „взглядъ о. Іоанна на пастырство, его задачи и средства“, авторъ впадаетъ въ крупную ошибку методологическаго свойства. Для надлежащей научной оріентировки въ пасторологическихъ вопросахъ мною было предложено автору прежде изученія твореній о. Іоанна ознакомиться съ русской научно-пасторологической литературой. Г. Лебедевъ выполнилъ это требованіе самымъ добросовѣстнымъ образомъ и въ результатѣ выработалъ совершенно правильный научный взглядъ по вопросамъ пастырства; но затѣмъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ взглядомъ лишь въ качествѣ ученаго аппарата для пасторологическаго анализа твореній о. Іоанна, авторъ просто слилъ элементы выработаннаго имъ собственнаго взгляда на пастырство съ сужденіями о. Іоанна въ одно цѣлое. Получилась довольно обширная, основательно продуманная, съ серьезной эрудиціей построенная система Пастырскаго Богословія, которая, разсматриваемая безотносительно, дѣлаетъ честь автору; но... это система, имѣющая воззрѣнія о. Іоанна лишь въ качествѣ одного изъ основныхъ источниковъ, но не система воззрѣній о. Іоанна, не „взглядъ о. Іоанна на пастырство, его задачи и средства“.

Расширивъ такимъ образомъ задачу первой части своей работы и потративъ на выполненіе ея бо́льшую часть года, авторъ принужденъ былъ условіями времени при написаніи второй части своей работы (стр. 512—714), посвященной характеристикѣ „пастырской жизнедѣятельности о. Іоанна“, поставить свое изложеніе въ рамки болѣе узкія, чѣмъ то дозволялъ находившійся въ его распоряженіи матеріалъ и главнымъ

образомъ рукописный „Дневникъ“, оставшійся использованнымъ сравнительно мало. Объ этомъ слѣдуетъ очень пожалѣть, особенно въ виду того, что во второй части своего сочиненія авторъ пишетъ наиболѣе живо и, можно сказать, увлекательно, какъ человѣкъ вполнѣ овладѣвшій своимъ предметомъ. Непосредственныя личныя впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ отъ о. Іоанна, и бесѣды съ лицами, находившимися въ близкомъ общеніи съ о. Іоанномъ, даютъ здѣсь автору возможность внести цѣнныя исправленія въ прежнія свѣдѣнія о различныхъ сторонахъ жизнедѣятельности геніальнаго пастыря Русской Церкви (напримѣръ, по вопросу объ импровизаціи литургійныхъ молитвъ (стр. 576—678).

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ съ лихвою. Отъ души желаю ему энергіи для дальнѣйшаго восполненія и переработки своего труда въ интересахъ русской пасторологической науки“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника Д. В. Рождественскаго:*

„Заканчивая свою работу, мы съ глубокимъ сожалѣніемъ оставляемъ перо... Много и пріятныхъ минутъ доставила намъ она, причинила много и скорбныхъ переживаній. *Особенно первая ея часть*“... (стр. 716). Подчеркивая послѣднія слова заключительной ламентаціи автора, не могу не выразить сожалѣнія, что именно первая часть его работы—та часть, въ которой онъ вышелъ за предѣлы своей темы, причинила ему „много скорбныхъ переживаній“. Авторъ вполнѣ удовлетворилъ бы требованію темы, если бы представилъ одну вторую часть, въ которой онъ далъ описаніе жизни и пастырской дѣятельности о. Іоанна. (Конечно, многое изъ того, что вошло въ первую часть его сочиненія, было бы умѣстно и во второй). Сочиненіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлено, нуждается въ двухъ поправкахъ: части слѣдуетъ переставить одну на мѣсто другой и къ заглавію присоединить, напр.. такой подзаголовокъ: „Жизнь и пастырская дѣятельность о. Іоанна Кронштадтскаго. Взгляды о. Іоанна на сущность пастырскаго служенія, его задачи и средства“.

Въ рецензируемомъ сочиненіи авторъ обнаружилъ примѣрное трудолюбіе и искреннюю заинтересованность, даже

увлеченіе предметомъ своей работы. Какъ и всякое увлеченіе, оно повліяло на качество представленной работы отчасти и въ нежелательномъ смыслѣ. Проникшись глубочайшимъ уваженіемъ къ свѣтлой личности о. Іоанна, дорожа каждымъ его словомъ, авторъ, на протяженіи своего сочиненія, приводитъ многочисленныя (нерѣдко, очень обширныя) выдержки изъ печатныхъ сочиненій о. Іоанна, равно какъ изъ неизданнаго дневника его за многіе годы. Весьма часто дѣлаются болѣе или менѣе обширныя выписки, заключающія оригинальные взгляды или оригинальныя выраженія знаменитаго Кронштадтскаго пастыря. Примѣры: стр. 159—о различіи между книгой, книжкой и книжонкой; стр. 205—206—о внѣшней и внутренней жизни прихода, стр. 263—о Церкви Христовой, какъ духовной наковальнѣ; стр. 370—о томъ, что „не все чужими словами бесѣдовать съ Богомъ", стр. 564—о томъ, что „не слѣдуетъ брать науку въ критику Библіи"; стр. 636—637 -о преподаваніи вообще и Закона Божія, въ частности (см. также стр. 47, 69, 76, 77, 132, 135, 140, 203, 222, 260, 277, 357, 533—534, 614). Но на ряду съ этими, въ высокой степени интересными и поучительными выписками, въ сочиненіи встрѣчаемъ и такія, которыя заключаютъ разсужденія о. Іоанна, не представляющія ничего оригинальнаго. На стр. 36, сдѣлавъ подобную выписку изъ сочиненій о. Іоанна, авторъ замѣчаетъ: „итакъ „побудить человѣка къ грѣху", „искусить человѣка", „соблазнить" и т. д.—вотъ дѣла діавола, какъ они представляются религіозному сознанію о. Іоанна". Но чьему же сознанію представляется это въ иномъ свѣтѣ? На стр. 110 –111 обширныя выписки о дѣйствіи страстей на душу; но точно такія же сужденія можно встрѣтить въ любой проповѣди на эту тему. На стр. 182 читаемъ извлеченіе изъ сочиненія о. Іоанна: „не Божескимъ естествомъ, которое не подвержено страданію, а человѣческимъ страдалъ Христосъ и умеръ тѣломъ, а не Божествомъ, и принялъ смерть и страданія добровольно; иначе же страданія и смерть не могли бы коснуться Его Богочеловѣческой души и тѣла". Стр. 399: „какъ мы видѣли, о. Іоаннъ смотрѣлъ на человѣка и его назначеніе очень высоко. По нему человѣкъ, это „отмѣнное величественное твореніе Божіе на землѣ", „созданное по образу и подобію Самого Бога"... „обладаетъ разумомъ" и т. д. (см. также стр

155, 183, 236, 321, 395, 400—401). Кромѣ того, нерѣдки случаи, когда разсужденія о. Іоанна или отдѣльныя выраженія, безъ особой нужды, повторяются.

Прилежное изученіе сочиненій о. Іоанна наложило отпечатокъ и на стиль автора. О. Іоаннъ, разъясняя истины вѣры и нравственности людямъ богословски необразованнымъ, а чаще всего совсѣмъ необразованнымъ, поневолѣ долженъ былъ часто повторяться, возвращаться къ сказанному ранѣе, приводить множество пояснительныхъ примѣровъ. Въ своемъ дневникѣ онъ высказываетъ неразъ одну и ту же мысль, но по разнымъ поводамъ, подъ различными впечатлѣніями. Автору рецензируемаго сочиненія слѣдовало бы имѣть въ виду, чѣмъ это вызывалось у о. Іоанна, и не быть многословнымъ и не повторяться въ своихъ собственныхъ сужденіяхъ; такъ какъ въ сочиненіи на ученую степень это совсѣмъ неумѣстно. Странно было бы, напр., если бы пишущій о преосвящ. Ѳеофанѣ Затворникѣ сталъ подражать его чуждому всякаго изящества и, быть можетъ, нарочито грубому стилю.

Лучшая часть сочиненія—біографія и характеристика личности о. Іоанна, написанная съ искреннимъ воодушевленіемъ, невольно заинтересовывающая и увлекающая читателя. Здѣсь онъ представленъ не какъ великій человѣкъ и знаменитый пастырь-учитель, не какъ только недосягаемый образецъ для подражанія; а какъ живая личность, которой несовсѣмъ чужды мелочныя житейскія заботы и общечеловѣческія слабости (стр. 537 — 538, 544 и др.). Уваженіе къ личности о. Іоанна отъ этого нисколько не уменьшается, а читающій убѣждается въ безпристрастіи автора и съ полнымъ довѣріемъ относится къ сообщаемому имъ о досточтимомъ пастырѣ. Но и эту часть загромождаютъ иногда совсѣмъ лишнія выписки изъ біографическихъ и автобіографическихъ матеріаловъ, касающихся жизни и дѣятельности о. Іоанна. Кромѣ повтореній и многословія, въ стилѣ автора необходимо еще отмѣтить витіеватость и по мѣстамъ нѣкоторую игривость слога (стр. 1, 7, 147—148, 523). Примѣры неудачныхъ оборотовъ и выраженій: стр. 6 — „урвать нѣсколько минутъ“, стр. 32—„замѣтно дѣйствіе посторонней злой силы, которая противодѣйствуетъ усиливающейся въ насъ доброй силѣ“; стр. 66 — „разсыпалось духовное единство души“

стр. 165 — „эфемерное счастье причудливыхъ миражей“ стр. 233—„добравшись до „человѣка“, пастырь сострадаетъ ему“; стр. 577 — „неполнотъ нашего очерка“, стр. 593—„отправилъ на путь истинный“ (см. также стр. 8, 39, 56, 154, 234, 250, 488, 490, 546, 595).

Въ частности, вызываютъ недоумѣніе слѣдующія выраженія: стр. 2 — 3: „безпрерывныя паломничества на его (о. Іоанна) могилку, наблюдаемыя постоянно въ Іоанновскомъ монастырѣ *въ Кронштадтѣ*“; стр. 9: „онъ помогалъ всѣмъ, не получая самъ помощи ниоткуда“; стр. 249: „Церковь Христова является прямой противоположностью грѣшному міру“.

Общій выводъ изъ сказаннаго: г. Лебедевъ изучилъ основательно печатныя произведенія о. Іоанна и его обширныя, доселѣ неизданныя погодныя записки (дневникъ); ему пришлось прочитать большое число книгъ и статей, посвященныхъ о. Іоанну, и проштудировать немалое число сочиненій по пастырскому богословію и аскетикѣ. Къ своей работѣ онъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ и интересомъ. Что касается недостатковъ изложенія, то они признаются самимъ авторомъ (стр. 718), и безъ этихъ недостатковъ не обходится, можно сказать, ни одно кандидатское сочиненіе. Весьма желательна обработка рецензируемаго труда для печати. Для этого автору слѣдуетъ 1) выбросить все, прямо не относящееся къ личности, дѣятельности и взглядамъ о. Іоанна: 2) многое, взятое изъ печатныхъ сочиненій о. Іоанна, также опустить и взамѣнъ этого увеличить количество выписокъ изъ неизданныхъ его писаній; 3) при переработкѣ сочиненія какъ можно чаще stylum vertere.

Степени кандидата богословія авторъ, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ“.

27) О сочиненіи студента *Левкоева Владиміра* на тему: „Основы умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія въ до-школьномъ возрастѣ“.

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостьина*:

„Положительному изслѣдованію избраннаго вопроса г. Левкоевъ предпосылаетъ краткій историческій очеркъ, въ которомъ излагаются мысли о до-школьномъ воспитаніи, принад-

лежащія такимъ выдающимся педагогамъ, какъ Ам. Коменскій, Руссо, Песталоцци, Фребель. Очеркъ этотъ основанъ исключительно на „Исторіи педагогики“ К. Шмидта и потому не представляетъ особаго интереса.

Гораздо важнѣе положительная часть изслѣдованія, основанная на внимательномъ изученіи весьма обширной литературы по дѣтской и общей психологіи (литературы русской и иностранной). Здѣсь сгруппировано множество интересныхъ наблюденій и опытовъ, дающихъ основаніе для важныхъ педагогическихъ выводовъ. Интересъ изслѣдованія въ значительной мѣрѣ повышается еще оттого, что, кромѣ означенной психологической литературы, авторъ широко использовалъ біографическіе очерки наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей человѣчества, начиная съ поэтовъ и музыкантовъ (Байронъ, Шекспиръ, Гёте, Моцартъ, Бетховенъ, Шуманъ, Шопенъ) и кончая учеными историками и естествовѣдами (Маколей, С. М. Соловьевъ, Ньютонъ, Галилей, Линней, Эдиссонъ и др.).

Благодаря всему этому сочиненіе г. Левкоева производитъ пріятное впечатлѣніе исчерпывающей полноты и серьезности и, конечно, даетъ автору полное право на степень кандидата богословія“.

б) И. д. доцента *А. М. Туберовскаго*:

„Разработанная г. Левкоевымъ тема представляетъ собой одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ педагогики. Въ самомъ дѣлѣ, если не легко разобраться въ душѣ взрослаго человѣка, съ ея болѣе или менѣе дифференцировавшимся и установившимся содержаніемъ, при полномъ свѣтѣ самоанализа: то что сказать о внутреннемъ мірѣ ребенка, этомъ психическомъ хаосѣ, въ который бываютъ погружены не только мысли, чувства, желанія и т. п. обнаруженія душевной жизни, но и такая общая форма этихъ явленій, какъ сознаніе? И, однако, автору удалось болѣе, чѣмъ хорошо, справиться съ своей сложной задачей.

Этому помогли, во-первыхъ, несомнѣнный личный интересъ автора къ „основамъ умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія“ дитяти, что можно констатировать, между прочимъ, на основаніи нѣкоторыхъ, какъ бы оброненныхъ, замѣчаній автобіографическаго характера (стрр. 104, 138, 182,

185); во-вторыхъ, обиліе использованнаго авторомъ матеріала, позволявшаго иллюстрировать едва ли не каждое положеніе тѣмъ или другимъ фактомъ изъ педагогической практики; въ-третьихъ, ясная логическая мысль, вполнѣ опредѣленная въ своемъ основномъ, религіозно-нравственномъ, направленіи, но въ высшей степени осторожная и какъ бы пугающаяся поспѣшныхъ обобщеній; наконецъ, правильный литературный языкъ, мѣстами не лишенный образности и картинности (Лучшій примѣръ—на стр. 156. Какъ на погрѣшность со стороны рѣчи, слѣдуетъ указать автору на злоупотребленіе его словомъ „сильный“: „сильный шагъ впередъ“—стр. 64; „сильное значеніе“—стр. 122).

Изъ несовершенствъ работы можно отмѣтить: 1) орѳографическія ошибки („антропоморѳизмъ“—248 стр., „захочемъ“ - 266 стр., „учавствуетъ“—274 стр.); 2) пропуски въ нѣкоторыхъ случаяхъ словъ (напр. на стр. 301), очевидно, изъ-за спѣшной переписки, въ общемъ видѣ довольно культурной, если не считать частаго игнорированія знаковъ препинанія; 3) оговорки, къ которымъ принадлежатъ: смѣшеніе органовъ тѣла съ ихъ функціями (рѣчь и слухъ—стр. 110) и названіе Кальвина „отцомъ ученія о предопредѣленіи“ (316 стр.), тогда какъ автору, по крайней мѣрѣ, должно быть извѣстно, что это ученіе Кальвиномъ могло быть заимствовано у бл. Августина.

Важнѣе недостатки, касающіеся содержанія. Сюда относится: а) незаконченность сочиненія. Авторъ не сдѣлалъ не только никакихъ выводовъ, но и простого обобщенія изъ сказаннаго имъ въ сочиненіи. Объясняется ли это недостаткомъ времени или нежеланіемъ автора имѣть шаблонное „заключеніе“ къ своему труду?—б) несоотвѣтствіе темы сочиненія съ изложеніемъ, взятымъ въ цѣломъ видѣ. Не понятно, почему авторъ, давая въ своей работѣ цѣлую психологію дѣтской души, назвалъ ее „Основы умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія въ дошкольномъ возрастѣ“, когда умственное и религіозно-нравственное воспитаніе трактуется лишь, какъ частный моментъ всего излагаемаго здѣсь дѣла воспитанія дѣтской души вообще?

Не смотря, однако, на указанныя несовершенства, работа г. Левкоева читается съ удовольствіемъ и интересомъ. Искомой степени авторъ заслуживаетъ безъ всякаго сомнѣнія“.

28) О сочиненіи студента *Лисняка Діонисія* на тему: „Данныя Библіи для рѣшенія вопроса о человѣческихъ жертвахъ у древнихъ израильтянъ (разборъ раціоналистическихъ гипотезъ Моммерта и др.)“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго:*

„Сочиненіе студента Діонисія Лисняка представляетъ изъ себя одинъ трактатъ, въ которомъ нѣтъ дѣленія по главамъ. Но по содержанію оно распадается на нѣсколько частныхъ вопросовъ. Послѣ общаго введенія авторъ разбираетъ различныя гипотезы, въ которыхъ израильтяне по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ и по своему культу приравниваются къ другимъ народамъ древняго міра, въ культѣ которыхъ человѣческія жертвоприношенія занимали не послѣднее мѣсто. Съ цѣлію уясненія сущности духовной религіи израиля авторъ разсматриваетъ всѣ тѣ библейскія данныя, въ которыхъ раціоналистическая критика хочетъ видѣть указаніе на существованіе у древнихъ израильтянъ человѣческихъ жертвоприношеній не какъ исключенія, а какъ нормальнаго явленія, вытекавшаго, будто-бы, изъ требованій самаго культа.

Для обоснованія своего отрицательнаго отношенія къ мнѣніямъ раціоналистовъ авторъ устанавливаетъ правильный взглядъ на значеніе у израильтянъ обрѣзанія, херема, закона первородства, разсматриваетъ извѣстный изъ книги Судей „обѣтъ Іефѳая“, а также случаи проведенія чрезъ огонь дѣтей израильскихъ и пророческія обличенія, въ которыхъ изрекалась угроза на приносившихъ израильскихъ дѣтей во всесожженіе Ваалу, на проливавшихъ кровь невинныхъ въ долинѣ Енномовой, какъ „въ долинѣ убіенія“ (Іерем. 19, 3—6; 32, 35; Іезек. 16, 20—21 и др.); наконецъ, онъ останавливаетъ вниманіе на такихъ фактахъ, какъ, напримѣръ, взятіе Эноха живымъ на небо, смерть Моисея—въ чемъ нѣкоторые видятъ намекъ на принесеніе въ жертву этихъ великихъ ветхозавѣтныхъ мужей.

Изъ сказаннаго видно, что авторъ широко взглянулъ на свою задачу. Можно сказать, что ни одно изъ библейскихъ данныхъ, приводимыхъ раціоналистами и особенно Моммертомъ (Menschenopfer bei den alten Hebröern. Leipzig. 1905) для обоснованія мысли о существованіи у израильтянъ кровавыхъ человѣческихъ жертвъ, какъ законнаго явленія, не оставлено

г. Лисякомъ безъ вниманія. При этомъ онъ приводитъ на справку не только сужденія новѣйшихъ раціоналистовъ, но и представителей раціонализма первой половины 19-го столѣтія (напр. Ghillanys).

Въ частности, общія соображенія автора, изобличающаго несостоятельность раціоналистическихъ гипотезъ по данному вопросу, довольно обстоятельны. Онъ съ пониманіемъ дѣла показываетъ, что эволюціонная точка зрѣнія совершенно не можетъ имѣть мѣста въ примѣненіи къ богооткровенной ветхозавѣтной религіи.

Но, давъ надлежащую постановку своему вопросу и въ цѣломъ правильно разрѣшивъ его, авторъ не всегда авторитетенъ въ рѣшеніи вопросовъ, относящихся къ исторіи религій. Такъ, напримѣръ, излагая взгляды Mader'а на человѣческія жертвоприношенія въ Египтѣ, гдѣ израильтяне могли, будто бы, познакомиться съ жертвами подобнаго рода, онъ почти не оцѣниваетъ данныхъ, приводимыхъ Mader'омъ для рѣшенія спорнаго вопроса о существованіи человѣческихъ жертвоприношеній въ древнемъ Египтѣ.

Недостаточно тщательно анализируетъ г. Лисякъ и текстъ библейскихъ данныхъ. Приводя справки изъ Библіи о проведеніи дѣтей израильскихъ чрезъ огонь, о повелѣніи Господа „повѣсить всѣхъ начальниковъ народа предъ солнцемъ“ (Числ. 25, 4), авторъ предпочитаетъ детальному разбору этихъ мѣстъ общія соображенія, сущность которыхъ сводится къ тому, что „если человѣческія жертвы и приносились въ средѣ израиля, то таковые случаи были исключеніями“. Послѣднія соображенія, конечно, вѣрны, но они могутъ быть серьезно мотивированы лишь на данныхъ самой же Библіи, чего не видимъ мы у г. Лисняка.

Заключительныя разсужденія автора о значеніи человѣческой крови вообще и въ частности у израильтянъ также слишкомъ общи.

Но и при указанныхъ недостаткахъ сочиненіе г. Лисняка можетъ быть признано хорошею кандидатскою работою. Его поверхностное отношеніе къ нѣкоторымъ даннымъ Библіи не есть общая черта его работы. При рѣшеніи нѣкоторыхъ сложныхъ вопросовъ (напр. обѣтъ Іефѳая) онъ обнаруживаетъ знанія еврейской филологіи и этимологіи. Библія, предпочтительно въ славянскомъ и русскомъ переводѣ, изучена

имъ въ достаточной степени. Справлялся авторъ и съ святоотеческою литературою и извлекалъ изъ нея полезный для него матеріалъ. Литература вопроса какъ иностранная, такъ и русская изучена имъ въ надлежащей мѣрѣ. Въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ авторъ показалъ способность и умѣніе разбираться въ спутанныхъ и иногда совершенно безпочвенныхъ сужденіяхъ его противника. Послѣднія соображенія даютъ намъ право на признаніе сочиненія студента Лисняка вполнѣ достаточнымъ для полученія имъ степени кандидата богословія".

б) И. д. доцента *Н. Д. Протасова:*

„Вопросъ о человѣческихъ жертвахъ у древнихъ израильтянъ—это одинъ изъ тѣхъ пикантныхъ для раціоналистическихъ изслѣдователей пунктовъ, гдѣ, повидимому, легко и просто свести богооткровенную религію избраннаго народа Божія съ его пьедестала духовной обособленности и объяснить все натурализмомъ. Г. Лиснякъ понялъ эту особенность своей темы и постарался въ предѣлахъ времени и доступной литературы дать посильный отвѣтъ Моммерту и др. Онъ идетъ по слѣдамъ за раціоналистами, разбираетъ почти каждое ихъ доказательство и пр. Обрѣзаніе, законъ первородства, загадочный по своимъ слѣдствіямъ „обѣтъ Іефѳая", случаи проведенія чрезъ огонь дѣтей, менѣе ясные факты, какъ—взятіе Эноха живымъ на небо, смерть Моисея—все это авторъ разсматриваетъ, анализируетъ и показываетъ, насколько неправа критика, видя въ этихъ фактахъ доказательство ихъ нормальности, имманентности въ области ветхозавѣтныхъ религіозныхъ представленій народа Божія. Главнымъ недостаткомъ сочиненія г. Лисняка является его краткость. Для полноты рѣшенія поставленнаго вопроса нужно было обратиться къ спеціальному обслѣдованію жертвеннаго культа египтянъ, ассиріянъ и др. окружавшихъ народовъ, а не давать отрывочныя замѣтки, которыя мало уясняютъ дѣло и для самого автора. Ненаучный пріемъ—ссылаться на Масперо (стр. 64), Діодора, Плутарха (стр. 65), Сократа (стр. 67), не указывая изданій.

Свѣдѣнія о жертвахъ у древнихъ арабовъ (стр. 75 сл.) не совсѣмъ точны. Авторъ и здѣсь не указываетъ, откуда беретъ онъ эти свѣдѣнія.

Очень непріятное впечатлѣніе производитъ отсутствіе въ сочиненіи г. Лисняка дѣленія на главы и подробнаго оглавленія.

Однако, не смотря на эти формальные недостатки, которые въ значительной мѣрѣ обусловлены общей спѣшностью работы и недостаткомъ нужнаго времени, авторъ далъ правильное освѣщеніе настоящаго интереснѣйшаго вопроса. Особенно это нужно сказать относительно „обѣта Іефѳая“ (стр. 125--166), который подвергнутъ г. Лиснякомъ подробному и достаточно обстоятельному анализу. Знанія еврейскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ въ предѣлахъ словарной работы у автора хорошія.

За свое сочиненіе г. Лиснякъ заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

29) О сочиненіи студента *Малгина Павла* на тему: „Сравнительная характеристика религіозныхъ воззрѣній Достоевскаго и Ибсена“.

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Вводя читателя въ кругъ религіозныхъ воззрѣній Достоевскаго и Ибсена, авторъ устанавливаетъ три основныя христіанскія идеи, которыми создается почва, сближающая религію того и другого писателя, это—идея жертвы, идея наслѣдственнаго грѣха и идея раскаянія и исправленія (гл. I). Въ дальнѣйшемъ онъ останавливается на двухъ образахъ, какъ наиболѣе выразительныхъ въ творчествѣ Ибсена и Достоевскаго—на Брандѣ (гл. II) и Зосимѣ (III)—и характеризуетъ ихъ полярно-противоположными чертами. Наконецъ, построяя свое сочиненіе по системѣ концентрическихъ расходящихся круговъ, исходя изъ образовъ Бранда и Зосимы, онъ послѣдовательно разсматриваетъ религіозныя идеи Достоевскаго (гл. IV) и Ибсена (гл. V), въ связи съ исторіей развитія творчества обоихъ писателей, и классифицируетъ типы Достоевскаго (гл. VI) и Ибсена (гл. VII) съ точки зрѣнія ихъ религіознаго и моральнаго содержанія, представляя проблему истины, добра и красоты въ рѣшеніи того и другого писателя. Въ заключеніи, обобщая все сказанное, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Ибсенъ и Достоевскій—представители двухъ религіозныхъ міровоззрѣній на рубежѣ XIX и XX столѣтій. Эти міровоззрѣнія борются между собою въ

настоящее время среди людей, имѣющихъ религіозную жажду... На одной почвѣ развертываются воззрѣнія Достоевскаго и Ибсена, но идутъ въ разныя стороны. Достоевскій—апостолъ смиренія и любви, Ибсенъ—проповѣдникъ человѣческой гордости и нравственнаго долга; къ сильнымъ обращается Ибсенъ, забывая слабыхъ, къ слабымъ обращается Достоевскій, хотя оперируетъ и надъ сильными". „И если намъ выбирать изъ этихъ двухъ религіозныхъ міровоззрѣній, заканчиваетъ онъ, то, конечно,выборъ долженъ пасть на то, гдѣ есть мѣсто слабому человѣку, гдѣ царитъ любовь, гдѣ Богъ—Отецъ вѣрующихъ и люди—братья, гдѣ нѣтъ пропасти между сильными и слабыми... Мы не послѣдуемъ за ибсенистами. Пусть въ другихъ отношеніяхъ мы согласны съ ними. Но въ религіозно-нравственномъ отношеніи нашъ призывъ: отъ Ибсена къ Достоевскому!".. (стрр. 271, 272, 276).

Какъ научная историко-литературная и богословская работа, сочиненіе г. Мальгина является трудомъ, заслуживающимъ самой рѣшительной похвалы за глубину и серьезность изученія подлежащаго матеріала, зрѣлость и обоснованность собственныхъ сужденій автора, обнаруживающуюся силу обобщающей мысли и хорошее литературное изложеніе.

Въ упрекъ автору можно поставить только нѣкоторыя мелочи. Такъ, въ сочиненіи отсутствуютъ обобщающія заглавія отдѣльныхъ главъ, вслѣдствіе чего читатель обрекается на самостоятельныя попытки обобщенія частныхъ мыслей, входящихъ въ каждую главу. Отмѣтимъ также недостаточную ясность въ разграниченіи понятій -тѣлесно-душевнаго и духовнаго въ примѣненіи ихъ къ художественному творчеству (стр. 1 и слѣд).

Но этими и подобными имъ другими недостатками не заслоняются отъ читателя обильныя достоинства сочиненія, дающія автору неоспоримое право на полученіе степени кандидата богословія".

б) Экстраординарнаго профессора *А. И. Орлова:*

„Работа г. Мальгина достаточно полно и разносторонне выясняетъ предметъ своей темы. Авторъ, основательно изучившій произведенія Достоевскаго и Ибсена, сумѣлъ въ сжатомъ и отчетливомъ изложеніи обрисовать какъ сходство,

такъ и различіе между религіознымъ міровоззрѣніемъ русскаго беллетриста—мыслителя, „апостола смиренія и любви“, и религіознымъ идеаломъ норвежскаго драматурга, проповѣдника суровой законнической морали, съ его культомъ „одинокой личности“, гордой сознаніемъ своей духовной мощи, и самоотверженно выполненнаго нравственнаго долга.

Литературная сторона работы г. Мальгина, за очень рѣдкими исключеніями, безукоризненна. Его сочиненіе вообще читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Особенностью работы г. Мальгина является почти полное отсутствіе въ ней обычныхъ подстрочныхъ ссылокъ на вспомогательную литературу темы. Авторъ, заявляя (въ „предисловіи“) о своемъ знакомствѣ съ ней, отсутствіе опредѣленныхъ ссылокъ на нее мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что его задачей было раскрыть *свой* взглядъ на религіозное міровоззрѣніе Достоевскаго и Ибсена, а при такой постановкѣ вопроса попутное привлеченіе къ дѣлу воспомогательной литературы лишь затемняло бы изложеніе автора. За этимъ соображеніемъ г. Мальгина, конечно, нужно признать значительную долю основательности. Но, думается, было бы нелишнимъ, если бы авторъ посвятилъ особую главу историко-критическому обзору существующихъ въ литературѣ взглядовъ на религіозное творчество Достоевскаго и Ибсена. При наличности такого обзора устанавливаемый авторомъ *свой* взглядъ по этому вопросу выступалъ бы передъ читателемъ съ бо́льшей яркостью.

Кандидатской степени авторъ заслуживаетъ“.

30) О сочиненіи студента *Миловидова Ивана* на тему: „Русская публицистическая проповѣдь второй половины XIX вѣка и ея отношеніе къ современной свѣтской публицистикѣ“.

а) И. д. доцента *В. И. Виноградова:*

„Задача, которая была поставлена г. Миловидову,—*теоретико*-гомилетическаго свойства: путемъ сравнительнаго анализа русской классической публицистической проповѣди второй половины XIX вѣка и современной ей не менѣе блестящей свѣтской публицистики выяснить природу и свойства публицистической проповѣди въ ея отличіи отъ свѣтской публицистики. Задача эта предъявляла къ автору рядъ

требованій въ отношеніи источниковъ и метода изслѣдованія, выполненныхъ имъ не одинаково удачно.

Съ источниками г. Миловидовъ ознакомился въ объемѣ, не дозволяющемъ, въ условіяхъ находившагося въ распоряженіи автора времени, требовать ничего большаго. Авторъ ознакомился съ проповѣдями трехъ знаменитѣйшихъ представителей русской публицистической проповѣди—Никанора Херсонскаго, Іоанна Смоленскаго, Амвросія Харьковскаго, съ полными собраніями сочиненій четырехъ самыхъ выдающихся „властителей думъ“ 60—70-хъ годовъ—Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и Михайловскаго. Изучилъ также авторъ длинный рядъ пособій, посвященныхъ обслѣдованію какъ историческихъ условій изучаемаго времени, такъ и жизни и литературныхъ трудовъ разсматриваемыхъ представителей проповѣди и публицистики. Трудолюбивое усердіе автора заслуживаетъ здѣсь полной похвалы.

Со стороны метода авторомъ допущены крупные промахи. Въ 1-й главѣ своей работы авторъ разсматриваетъ публицистическую проповѣдь съ точки зрѣнія ея принциповъ, предметовъ и средствъ и характера рѣшенія существенныхъ вопросовъ жизни. Во 2-ой главѣ автору нужно было бы разсмотрѣть и свѣтскую публицистику непремѣнно со всѣхъ *тѣхъ же* точекъ зрѣнія, чтобы выяснить существенныя черты сходства и различія природы публицистической проповѣди и свѣтской публицистики. Авторъ, вмѣсто того, во 2-ой главѣ занимается лишь изложеніемъ воззрѣній свѣтскихъ публицистовъ по тѣмъ же существеннымъ вопросамъ жизни, о которыхъ была рѣчь въ 1-ой главѣ, при чемъ и здѣсь, какъ и тамъ, не дѣлаетъ анализа этихъ воззрѣній съ точки зрѣнія лежащихъ въ ихъ основѣ матеріальныхъ принциповъ, а довольствуется простымъ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ выдержекъ изъ источниковъ. При такой постановкѣ вопроса получается сопоставленіе разсматриваемыхъ явленій, съ одной стороны, логически неправильнымъ, односторонне-неполнымъ, а съ другой—вмѣсто аналитическаго—внѣшне-демонстративнымъ, изъ котораго выводовъ сколько-нибудь непосредственно логически не слѣдуетъ. То же самое нужно сказать о біографическихъ очеркахъ, которыми предваряются и та и другая главы. Но авторъ не замѣчаетъ этого и потому въ 3 и 4 главахъ прямо приступаетъ къ безъцел-

ляціонному изложенію основныхъ чертъ сходства и различія природы разсматриваемыхъ явленій, предоставляя читателю самому догадываться, какъ и насколько утвержденія автора основываются на предшествующемъ изложеніи или даже вообще на источникахъ. Необоснованность сужденій автора въ 3 и 4 главахъ не мѣшаетъ однако имъ быть въ общемъ правильными; научной точностью формулировки они не отличаются, но все же безспорно свидѣтельствуютъ, что авторъ былъ весьма близокъ къ успѣшному разрѣшенію поставленной имъ теоретико-гомилетической задачи.

Изложеніе автора живое и увлекательное, рѣдко встрѣчающееся въ работахъ подобнаго рода. На всемъ протяженіи работы чувствуется неослабѣвающее воодушевленіе человѣка, который съ настойчивою энергіей ищетъ вездѣ освѣщенія проблемъ своего личнаго жизненнаго міросозерцанія.

Степени кандидата богословія г. Миловидовъ заслуживаетъ".

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева:*

„Сочиненіе очень хорошее. Г. Миловидовъ внимательно изучилъ обширную литературу: 1) сборники поученій проповѣдниковъ-публицистовъ означеннаго времени — Іоанна еп. Смоленскаго, Никанора архіеп. Херсонскаго и Амвросія, архіеп. Харьковскаго, 2) сочиненія Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и Михайловскаго, 3) цѣлый рядъ пособій. Планъ сочиненія въ общемъ соотвѣтствуетъ данной темѣ, но авторъ нѣсколько погрѣшаетъ излишнимъ вниманіемъ къ свѣтской публицистикѣ, какъ будто онъ пишетъ на такую тему: „Русская публицистика второй половины XIX вѣка— церковная и свѣтская въ ихъ взаимоотношеніи". Нужно признать излишними, въ частности, біографіи (краткія) названныхъ свѣтскихъ публицистовъ, указанія на достоинства (удобства) и недостатки (неудобства) свѣтской публицистики въ лицѣ этихъ писателей. Свѣтскую публицистику г. Миловидову нужно было бы взять только для сравненія съ нею публицистики церковной. Сравненіе это должно было бы всецѣло послужить къ выясненію весьма важнаго принципіальнаго вопроса о задачѣ и границахъ публицистической проповѣди. У автора были подъ руками всѣ данныя для рѣшенія этого вопроса, но онъ излагаетъ матеріалъ слишкомъ схематично. Однако не трудно видѣть, что г. Мило-

видовъ работалъ съ большимъ усердіемъ надъ своей темой Онъ не только собралъ обильный матеріалъ, но и изложилъ его стройно, хорошимъ литературнымъ языкомъ. Сужденія и выводы хорошо обоснованы. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ вполнѣ".

31) О сочиненіи студента *Миртова Владиміра* на тему: „Земскій соборъ 1613 года и избраніе на царство Михаила Романова".

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго:*

„Прежде, чѣмъ начертать исторію Смуты", такъ начинаетъ авторъ свое сочиненіе (23), „представителю исторической науки необходимо рѣшить главный вопросъ о причинахъ, ее обусловившихъ". Вѣроятно, для выясненія этихъ причинъ дѣлаются далѣе попытки дать общее опредѣленіе Смутѣ. Смута, оказывается,—„не революція, потому что поднялась не во имя политическаго идеала, хотя и нельзя отрицать присутствія въ ней политическихъ мотивовъ" (23). Она „и не соціальный переворотъ, такъ какъ она возникла не изъ соціальнаго движенія, хотя въ дальнѣйшемъ развитіи съ ней сплетались стремленія нѣкоторыхъ слоевъ общества къ соціальной перемѣнѣ" (23). Попытки дать опредѣленіе Смутѣ кончаются, такимъ образомъ, неудачей, и авторъ предпочитаетъ оставить ее явленіемъ неопредѣленнымъ.

Трудно понять приведенныя положенія автора съ сопровождающими ихъ ограниченіями. Почему отсутствіе именно политическаго идеала препятствуетъ автору считать смуту революціей вообще? Развѣ революція непремѣнно—политическій переворотъ? Развѣ не можетъ быть революціи аграрной, экономической, соціальной? Какъ понять эти заявленія автора о присутствіи въ смутѣ политическихъ мотивовъ и стремленій къ соціальнымъ перемѣнамъ послѣ того, какъ отрицается и политическій, и соціальный характеръ смуты? Видимо, автору не удалось выразить опредѣленно свою мысль. Неясности въ выраженіи мысли мы встрѣчаемъ и въ дальнѣйшемъ. Можно ли, напр., допускать такое противное всякой логикѣ сопоставленіе, какое дѣлаетъ авторъ на стр. 129: „Лучшіе русскіе люди оказались дальновиднѣе и болѣе на высотѣ призванія, чѣмъ боярскіе слои"- какъ будто бы въ боярскихъ слояхъ не могло быть также лучшихъ людей? Мѣ-

шаютъ ясности мысли также и промахи слога, иногда шероховатаго: (30) „народъ... не занималъ... никакого самостоятельнаго значенія", иногда страдающаго ненужной вычурностью: (162) „служилый оффиціальный элементъ былъ главнымъ зданіемъ въ конституціи даннаго собора".

Автору согласно его темѣ надлежало дать анализъ состава дѣятельности избирательнаго земскаго собора 1613 г. Такой анализъ онъ и дѣлаетъ, имѣя въ распоряженіи обильный документальный матеріалъ и обнаруживая начитанность въ литературѣ вопроса. Соборъ 1613 г., обстоятельства избранія Михаила Романова, условія, на которыхъ царь былъ избранъ,—все это не разъ затрогивалось нашей исторической литературой; тѣмъ не менѣе и въ составѣ, и въ дѣятельности собора и въ особенности въ условіяхъ избранія остается много спорнаго, надъ чѣмъ и должно поработать. Къ сожалѣнію, однако, этою работой авторъ не ограничился и совершенно непонятно, зачѣмъ предпослалъ анализу состава и дѣятельности собора 1613 г. обширное, растянувшееся на 79 страницъ (48—127) изложеніе хода смуты, начиная съ воцаренія Ѳедора Ивановича. Неужели въ этомъ очеркѣ, представляющемъ изъ себя не болѣе какъ пересказъ давно сказаннаго въ литературѣ вопроса, авторъ выполняетъ свое намѣреніе „начертать" исторію смуты, о чемъ говоритъ въ началѣ сочиненія? Всю первую часть сочиненія я рѣшительно считаю лишней, ненужной и только напрасно раздувающей объемъ сочиненія. Совершенно непозволительнымъ пріемомъ я точно также считаю обширнѣйшія выписки въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ второй части изъ сочиненій Ключевскаго и Платонова. Такъ на стр. 136—154 находимъ частію буквальную, частію in extenso выписку изъ статьи Ключевскаго „Составъ представительства на земскихъ соборахъ"— (См. *Ключевскій*, Опыты и изслѣд. стр. 509 и сл.): на стр. 196 — 200 такую же выписку изъ „Курса русской исторіи" того же автора (III, 78 и сл.); на стр. 165 – выписка примѣчанія изъ статьи проф. Платонова „Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ" (*Платоновъ*, Сочиненія т. I, стр. 9). Авторъ дѣлаетъ ссылки на сочиненія этихъ историковъ и такихъ краткихъ ссылокъ было бы вполнѣ достаточно. Статьи Ключевскаго и Платонова хорошо извѣстны всѣмъ, занимающимся русской исторіей, и вполнѣ доступны

въ новыхъ изданіяхъ. Курсъ же Ключевскаго рекомендуется въ качествѣ учебнаго пособія. Утолщать объемъ сочиненія цѣлыми страницами выписокъ изъ общеизвѣстныхъ трудовъ не было никакой надобности. Степени кандидата авторъ все же заслуживаетъ".

б) Экстраординарнаго профессора *П. В. Попова*:

„Во введеніи къ своему сочиненію г. Миртовъ намѣчаетъ планъ его и даетъ краткое обозрѣніе литературы предмета и источниковъ. Такъ какъ Земскій Соборъ 1613 г. и избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова были результатомъ національнаго движенія, вызваннаго бѣдствіями смутнаго времени, то авторъ предпосылаетъ изслѣдованію главнаго вопроса изложеніе свѣдѣній о причинахъ смуты и ея исторіи и о возникновеніи и развитіи національнаго движенія, чему и посвящаетъ первую часть своей работы (стр. 23—127). Нельзя, конечно, ничего возразить противъ необходимости этой вступительной части изслѣдованія, но нельзя также не отмѣтить и того, что, при всей сжатости изложенія, она растянута сверхъ мѣры, такъ какъ по своему объему равняется главной части.

Работа г. Миртова въ общемъ вполнѣ удовлетворительна. Она основывается на знакомствѣ съ источниками и хорошемъ изученіи литературы предмета, къ которой авторъ проявляетъ самостоятельное отношеніе, внося тамъ и здѣсь свои поправки. Всѣ существенные вопросы въ сочиненіи затронуты и на нихъ данъ опредѣленный и точный отвѣтъ. Изложеніе ясное и сжатое, вслѣдствіе этого сочиненіе выигрываетъ въ содержательности и читается съ интересомъ.

Степени кандидата богословія авторъ вполнѣ достоинъ".

32) О сочиненіи студента *Никольскаго Николая* на тему: „Русская церковь въ Смутное время".

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Исторія Смутнаго времени въ настоящее время прекрасно разработана со стороны источниковъ и богата научной литературой. Между тѣмъ роль церкви въ эту тяжелую пору въ жизни нашего отечества описана лишь въ двухъ трудахъ: въ X т. Исторіи преосвящ. Макарія и въ книгѣ свящ. Ива-

нова „Церковь въ эпоху Смутнаго времени на Руси". Но трудъ преосв. Макарія значительно устарѣлъ, а книга свящ. Иванова не отличается самостоятельностью. Поэтому обширная работа г. Никольскаго (XII+689) является какъ нельзя болѣе кстати для выясненія поставленнаго вопроса. Дѣлится она на три части: I—церковь во время царствованія Годуновыхъ и Лжедимитрія или въ династическій періодъ Смуты, II—во время царствованія Шуйскаго или въ соціальный періодъ Смуты, III—во время междуцарствія или въ національный періодъ Смуты. Въ первый періодъ приняли то или иное участіе въ Смутѣ лишь духовенство высшее и потомъ московское; во второй въ нее втянулось и рядовое провинціальное духовенство и раздѣлилось: часть стала за самозванцевъ, другая осталась на сторонѣ законной власти; въ третій періодъ церковь стала во главѣ государства на защиту отечества и во имя вѣры объединила весь народъ, который, поднявшись, спасъ Россію и церковь. Каждая изъ этихъ трехъ частей распадается на двѣ-на три главы, въ которыхъ авторъ очень подробно, часто словами своихъ источниковъ излагаетъ отношеніе церкви (іерархіи, бѣлаго духовенства и монастырей) къ Смутѣ. Онъ не принимаетъ безъ критики и на вѣру ни одного извѣстія, сопоставляетъ разнорѣчащія показанія, чтобы выбрать болѣе надежное изъ нихъ, удѣляетъ много мѣста критикѣ. Это, конечно, увеличивало размѣръ сочиненія, сдѣлало его довольно громоздкимъ, но сообщило ему научную цѣнность и убѣдительность. Живо очерчены церковные дѣятели Смутнаго времени: патріархи Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ и другія лица. Какъ похвальную черту работы г. Никольскаго слѣдуетъ указать еще его безпристрастіе: описывая участіе церкви въ спасеніи Россіи въ годы лихолѣтья, патріотическіе подвиги іерарховъ, заслуги монастырей, авторъ не проходитъ молчаніемъ и печальныхъ явленій, когда духовныя лица переходили на сторону самозванцевъ, становились противниками законной власти. Недостаткомъ сочиненія надо признать его необработанность съ внѣшней стороны и по мѣстамъ растянутость въ изложеніи. Но недостатки эти съ излишкомъ искупаются указанными достоинствами работы и отчасти извиняются краткостью времени, которымъ располагалъ авторъ, при обширности своей темы.

Въ общемъ сочиненіе г. Никольскаго представляетъ собою весьма хорошую кандидатскую работу".

б) И. д. доцента *Ѳ. М. Россейкина:*

„Обширное сочиненіе г. Никольскаго представляетъ собою серьезный трудъ, задуманный широко и исполненный основательно. Авторъ привлекъ обширный матеріалъ вплоть до нѣкоторыхъ доступныхъ ему рукописей, хорошо его изучилъ и обстоятельно изложилъ. Онъ обслѣдуетъ, не спѣша, каждую деталь и не уклоняется отъ сложныхъ сопоставленій источниковъ. При такомъ отношеніи къ дѣлу работа могла быть исполнена лишь при томъ большомъ трудолюбіи, которое проявлено авторомъ. Сочиненіе написано по стройной схемѣ, и манера г. Никольскаго дважды повторять свои положенія, сначала въ видѣ тезисовъ, подлежащихъ доказательству, а потомъ въ видѣ выводовъ изъ изслѣдованія, придаетъ этой схемѣ ясность и отчетливость. Пожалуй, не было только нужды повторять тезисы буквально въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, такъ какъ подобный пріемъ, немного напоминающій школьную математику, едва-ли идетъ къ исторической работѣ. Стараясь вообще базироваться на источникахъ, авторъ иногда пользуется и готовымъ научнымъ матеріаломъ; но онъ беретъ его изъ самыхъ авторитетныхъ рукъ. Такова его вводная глава, трактующая о политической исторіи смутнаго времени, которую авторъ не имѣлъ времени, да и едва-ли былъ обязанъ обработывать по источникамъ. Съ большой внимательностью написана глава объ осадѣ Троице-Сергіевой лавры. Шагъ за шагомъ прослѣжены всѣ моменты тяжелой, но славной годины нашей обители, отмѣчены всѣ подвиги иноковъ и ратныхъ людей, всѣ труды и бѣдствія осажденныхъ. Но авторъ и здѣсь сумѣлъ остаться вѣрнымъ исторической правдѣ и не умолчалъ о темныхъ сторонахъ въ жизни „сидѣльцевъ", о проявившихся среди нихъ ссорахъ, интригахъ и нравственной распущенности.—Несмотря на суховатость и нѣкоторую растянутость изложенія, сочиненіе читается съ интересомъ.—Работа г. Никольскаго даетъ ему безспорное право на полученіе степени кандидата богословія".

33) О сочиненіи студента *Олесевича Сергѣя* на тему: „Лѣс-

нинскій женскій монастырь. (Его исторія и церковно-общественное значеніе)".

а) Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора*:

„Приговоръ надъ своей работой даетъ самъ авторъ на страницѣ, 4-й Введенія и приговоръ вполнѣ, по нашему мнѣнію, вѣрный: „авторъ вполнѣ сознаетъ, говорится на этой страницѣ, что съ чисто исторической точки зрѣнія, какъ трудъ чисто историческій—его работа страдаетъ крупными недостатками". Чѣмъ же авторъ старается извинить себя и на что надѣется, ожидая отъ рецензента снисходительнаго отношенія къ недостаткамъ его исторической работы? Это ясно изъ его собственныхъ словъ на той же 4-й стр. Введенія, гдѣ онъ прямо говоритъ, что задача его труда собственно состоитъ въ томъ, чтобы „изобразить монастырь (Лѣснинскій) какъ новое явленіе и выяснить его значеніе". Такимъ образомъ авторъ рѣшительно устраняетъ точку зрѣнія на свою работу, какъ на историческій трудъ. И однако при всемъ насиліи надъ собой авторъ не избѣжалъ и не могъ по существу дѣла избѣжать въ своей работѣ исторіи монастыря. Изображеніе Лѣснинскаго монастыря, какъ явленія новаго, онъ перевелъ въ исторію монастыря съ начала его возникновенія и до нашихъ дней съ подробной біографіей основательницы этого монастыря, характеристикой ея христіанскаго міровоззрѣнія, съ подробнымъ изложеніемъ быта, жизни сестеръ и строя тѣхъ учрежденій, кои собственно и составляютъ монастырь (см. гл. 1—4, 5). Выясненію-же значенія монастыря авторъ отводитъ въ своемъ сочиненіи всего 9 страницъ и ограничивается общими сужденіями (см. стр. 219—228).

Такимъ образомъ отказываясь отъ „историческаго характера" своего труда, авторъ все-же даетъ исторію его, а задаваясь цѣлію выяснить его значеніе какъ явленія новаго, онъ уклоняется отъ этой цѣли и дѣлаетъ то, чего не хочетъ. Вотъ почему тотъ же самый приговоръ, который авторъ даетъ на 4 стр. Введенія о своемъ трудѣ какъ историческомъ, приложимъ къ этому труду, если смотрѣть на него и съ желательной для автора точки зрѣнія на задачу его труда. Правда на всемъ протяженіи своего труда, излагая внѣшнюю исторію монастыря, ростъ учрежденій его, характе-

ризуя настроеніе и міровоззрѣніе основательницы монастыря, нг. Екатерины, авторъ съ особеннымъ усердіемъ подчеркиваетъ превосходство этого симпатичнаго учрежденія надъ старымъ традиціоннымъ въ христіанствѣ бытомъ монастырскимъ, видя въ самомъ возникновеніи Лѣснинскаго монастыря новое идеальное возрожденіе или лучше идеальную реформу отжившаго свой вѣкъ монашества. Болѣе того, мы сказали бы, что все сочиненіе автора и вся исторія Лѣснинскаго монастыря у него обращены въ средство и поводъ поносить и глумиться надъ современнымъ монашествомъ, какъ съ его бытовой, такъ и съ принципіальной стороны. И если-бы то, что говоритъ авторъ о монашествѣ, исказившемъ, по его словамъ, христіанство, вытекало изъ серьезной научной оцѣнки принциповъ монашества и аскетизма, а не изъ полнаго невѣжества автора и совершеннаго богословскаго недомыслія, то его сочиненіе было бы пожалуй интересно и оригинально, но такъ какъ въ немъ проглядываетъ вездѣ только личный вкусъ автора и его нерасположеніе къ монашеству, то оно не имѣетъ никакой научной цѣнности и обнаруживаетъ только одинъ школьническій задоръ автора, тяготившагося обязательностью академическихъ богослуженій (стр. 177 соч.). Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это научно-объективный пріемъ: говорить о полезности, высотѣ и высокомъ значеніи такого учрежденія, какъ Лѣснинскій монастырь, сводя къ этому какъ бы все воплощеніе христіанскаго идеала жизни и порицая все прочее, не похожее на этотъ монастырь. Авторъ такъ и дѣлаетъ, забывая, что широта и абсолютность христіанства требуетъ какъ разнообразія воплощенія его и проявленія въ личной жизни, такъ разнообразія и въ извѣстной организаціонности христіанской жизни; да этого же требуетъ и разнообразіе личностей человѣческихъ по ихъ укладу и духовнымъ дарованіямъ. Почему, если хороши организаціи въ родѣ Лѣснинскаго монастыря, то монашество никуда не годится. И то и другое имѣетъ свое мѣсто и значеніе, и тамъ и здѣсь можетъ быть хорошее и дурное. Авторъ не хочетъ признавать этого и ставитъ для всѣхъ людей одну мѣрку и одну форму Лѣснинскаго монастыря самой идеальной. Если онъ историкъ, то долженъ помнить исторію монашества и брать ее за $1^1/_2$ тысячи лѣтъ, оцѣнивая это явленіе безпристрастно, равнымъ образомъ долженъ

оцѣнивать исторію Лѣснинскаго и подобныхъ монастырей все-же „монастырей“ въ ихъ менѣе чѣмъ полувѣковой исторіи и долженъ дѣлать отсюда очень осторожные принципіальные выводы.

Этотъ вотъ недостатокъ научной объективности въ оцѣнкѣ историческихъ явленій и личное чувство нерасположенія къ монашеству, переходящее въ откровенное порицаніе и попошеніе его, и являются характерными чертами и особенностями разсматриваемаго нами сочиненія г. Олесевича Къ послѣдней цѣли онъ сводитъ все: излагая біографію м. игуменіи Екатерины и ея міровоззрѣніе, онъ съ удовольствіемъ глумится надъ постановкой школьнаго богословія (55—57 стр.); излагая ея воззрѣнія на подвижничество, влагаетъ въ нее свое озлобленіе противъ монашества (58—86 стр.); говоря о бытѣ и жизни насельницъ монастыря, ихъ трудахъ, авторъ не понимая самой идеи монашества, клевещетъ на него 47 стр., 68 стр., 216 стр., 223 и др.). Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ автора, мы рѣшительно затрудняемся сказать, понимаетъ-ли онъ самъ и даетъ-ли отчетъ въ томъ, что говоритъ. Вотъ примѣръ: „трагедія современнаго христіанства въ томъ и состоитъ, что оно, превознося аскетически-монашескій идеалъ, слишкомъ унизило идеалъ *мірскаго* христіанства и вообще *жизни естественной*“ (стр. 227). Или: „міръ здѣсь (т. е. въ Лѣснинскомъ монастырѣ) въ противоположность монашеству *не отрицается, не проклинается*, а любовно воспринимается какъ страждущій“... (стр. 217).

Описывая на стр. 216, какъ мг. Екатерина любовно принимаетъ къ себѣ обратно тѣхъ, кои уходили отъ нея ради *„спасенія души“ въ монастыри*, но убѣдились, что для нихъ лучше у м. Екатерины, авторъ говоритъ: „все это свидѣтельствуетъ о томъ, какъ глубоко въѣлось *въ вульгарныя* наши религіозныя представленія *„понятіе бѣгства отъ міра“*, какъ существенно важнаго элемента во всемъ христіанскомъ подвигѣ“ (стр. 216).

Подобными выдержками можно бы наполнить нѣсколько страницъ и это значило бы переписать половину сочиненія автора. Оставляемъ на христіанскую совѣсть автора его настроеніе и, принимая во вниманіе его трудъ, какъ первый самостоятельный опытъ исторіи весьма симпатичнаго учрежденія, богатый и чисто историческимъ матеріаломъ, добы-

тымъ авторомъ на мѣстѣ, считаемъ возможнымъ присудить ему за означенное сочиненіе степень кандидата богословія".

б) И. д. доцента *Н. Д. Протасова:*

„Интересное сочиненіе г. Олесевича своимъ предметомъ имѣетъ Лѣснинскій женскій монастырь въ Константиновскомъ у. Сѣдлецкой губ.

Какъ показываетъ самое заглавіе, авторъ своей главной задачей имѣлъ изложить исторію возникновенія этого монастыря и его значеніе, какъ новой формы монастырской жизни, гдѣ на первое мѣсто выдвигается не созерцательно-аскетическая личная жизнь, а принципъ общественной благотворительности. Первую часть своей темы г. Олесевичъ выполнилъ въ достаточной мѣрѣ, вторая-же за недостаткомъ времени (стр 219) у него лишь схематически намѣчена на 9 страницахъ (219—228).

Г. Олесевичъ хорошо изучилъ подлежащій матеріалъ, лично знакомъ съ этой интересной попыткой рѣшенія вопроса о примиреніи религіи съ культурой, владѣетъ хорошо перомъ и обладаетъ счастливой способностью поддерживать вниманіе читателя, не утомлять ненужными частностями и пр.

Со многими мнѣніями автора согласиться нельзя (напр. съ тѣмъ, будто наша церковная жизнь виновата въ томъ, что В. Розановъ видитъ въ христіанствѣ силу, принципіально враждебную жизни—стр. 226. Неохристіанскіе любители „святой плоти" говорятъ еще не то... Съ полной свободой плотской жизни, конечно, не зачѣмъ обращаться къ ученію Христа. Съ душой, полной плотскихъ, разнузданныхъ желаній не зачѣмъ идти въ пустыню (ср. стр. 74), надо прежде отказаться отъ своего „Антихриста")...

Авторъ неумѣло употребляетъ архитектурные термины: *шесть квадратныхъ колоннъ арокъ (по три съ каждой стороны)*—стр. 21.

Плохо знаетъ французскій языкъ: вмѣсто genre, приписываетъ къ тексту пишущей машины ganre (стр. 76).

Положительныя достоинства сочиненія г. Олесевича позволяютъ назвать его хорошей кандидатской работой, которую онъ можетъ использовать и печатно.

Степени кандидата богословія г. Олесевичъ заслуживаетъ".

34) О сочиненіи студента *Полунина Михаила* на тему: „Соціологическій субъективизмъ Н. К. Михайловскаго. Сужденіе о немъ съ христіанской точки зрѣнія“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева*:

„Соціологическія воззрѣнія Н. К. Михайловскаго потому заслуживаютъ полнаго вниманія представителей богословской науки, что въ центрѣ ихъ поставлена человѣческая личность. Соціологическій субъективизмъ знаменуетъ и методъ соціологическій и содержаніе идеала. Субъективный методъ соціологіи въ пониманіи Михайловскаго состоитъ въ томъ, что весь соціологическій матеріалъ изслѣдуется и обсуждается единственно съ точки зрѣнія пользы человѣка, желательности, иначе—съ нравственной точки зрѣнія. Аналогично опредѣляетъ Михайловскій и свой идеалъ. „Прогрессъ — по его словамъ — есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ“. Весь біологическій міръ представляется Михайловскому какъ градація индивидуальностей, изъ которыхъ каждая поглощаетъ низшія индивидуальности и сама входитъ элементомъ въ высшую индивидуальность. Чѣмъ совершеннѣе индивидуальность, тѣмъ полнѣе поглощаетъ она входящія въ ея составъ низшія индивидуальности, и тѣмъ уродливѣе оказываются эти послѣднія. Развитіе этого міра Михайловскій понимаетъ какъ борьбу (за индивидуальность), въ которой каждая индивидуальность отстаиваетъ себя отъ посягательствъ со стороны сосѣдней высшей индивидуальности. Такая же борьба происходитъ, въ частности, между личностью и обществомъ. Михайловскій въ этомъ антагонизмѣ, который кажется ему непримиримымъ, принимаетъ рѣшительно сторону личности. „Стоя на точкѣ зрѣнія этой борьбы я объявляю— пишетъ онъ,—что буду бороться съ грозящей поглотить меня высшей индивидуальностью. Мнѣ дѣла нѣтъ

до ея совершенства, я самъ хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня; я буду стремиться побороть ее. Чья возьметъ—увидимъ". Такимъ образомъ, въ соціологической системѣ Михайловскаго мы встрѣчаемъ противоположность соціологическому фатализму, въ частности, историческому матеріализму, — что-то близкое христіанскому духу. На каждой страницѣ у него мы находимъ горячій призывъ къ нравственному рѣшенію соціальныхъ проблемъ. Однако Михайловскій рѣшительный позитивистъ, и онъ обосновываетъ свой субъективизмъ не на чемъ другомъ, какъ на біологическомъ базисѣ. Съ этой стороны сочиненія Михайловскаго даютъ критику обширный матеріалъ для конкретной постановки и твердаго рѣшенія вопроса, можно ли на почвѣ позитивизма говорить о нравственности и обосновать теорію личности.

Таковы мотивы, по которымъ была предложена г. Полунину названная тема. Его сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Во введеніи устанавливается литературное родословіе Михайловскаго, кратко формулируется задача, которую себѣ ставитъ авторъ, и отмѣчаются трудности, съ которыми сталкивается попытка систематизаціи соціологическихъ воззрѣній этого соціолога. Первая часть состоитъ изъ трехъ главъ, въ которыхъ систематически излагается соціологическая концепція Михайловскаго. Въ первой главѣ - „объективизмъ и субъективизмъ въ соціологіи Михайловскаго"—рѣчь идетъ о гносеологическомъ позитивизмѣ Михайловскаго и о его субъективномъ методѣ, которымъ онъ „дополнилъ" позитивизмъ. Изъ этой главы мы видимъ, что свой субъективный методъ Михайловскій понималъ очень разнообразно—то какъ „общую воспріимчивость къ природѣ (изслѣдуемыхъ) явленій", то какъ апперцепцію, то какъ нравственный судъ надъ явленіями общественной жизни, такъ что право заниматься соціологіей признается лишь за тѣми, „чей нравственный уровень достаточно высокъ". Наряду съ этимъ отмѣчается телеологическій характеръ соціальной жизни, какъ окончательно обосновывающій примѣненіе къ соціологіи субъективнаго метода. Во второй главѣ излагается теорія борьбы за индивидуальность, а въ третьей - теорія соціальнаго прогресса. Эту первую часть сочиненія рецензентъ оцѣниваетъ очень высоко. Г. Полунинъ основа-

тельно изучилъ десять томовъ полнаго собранія сочиненій Михайловскаго и изложилъ его соціальную систему стройно и литературно. Въ особую похвалу нужно поставить автору его немногословіе. Публицистическая манера Михайловскаго, заставлявшая его множество разъ возвращаться къ однѣмъ и тѣмъ же темамъ, давала г. Полунину полную возможность удесятерить объемъ первой части его сочиненія умноженіемъ выписокъ изъ изучаемаго имъ соціолога. Что онъ не поддался искушенію многословія, это свидѣтельствуетъ объ его литературной выдержанности и опытности: онъ обычно избираетъ цитаты наиболѣе характеристичныя для излагаемой системы. Воззрѣнія Михайловскаго выступаютъ въ данномъ изложеніи рельефно и связно. Во второй части г. Полунинъ даетъ оцѣнку основнымъ тезисамъ соціологическаго субъективизма. Въ этой части онъ обнаруживаетъ внимательное изученіе обширной критической литературы спеціально о Михайловскомъ и нѣкоторое знакомство съ соціологіей вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ его собственная критика представляетъ не что иное, какъ итогъ наличной критической литературы. Такъ онъ въ первой главѣ—„критическій анализъ теоріи соціальнаго прогресса съ объективной стороны"—признаетъ попытку Михайловскаго обосновать индивидуализмъ на біологической почвѣ „неудачной", идеи личности и общества, съ которыми оперируетъ соціологъ-публицистъ, — „абстрактными", а его формулу прогресса— „пустой". Критическія сужденія этой главы вполнѣ ясны и достаточно обоснованы. Во второй главѣ—„критическій анализъ теоріи соціальнаго прогресса со стороны субъективной" — обсуждается идея счастья, какъ цѣли жизни, такъ какъ (разъясняетъ г. Полунинъ въ этомъ же мѣстѣ) Михайловскій цѣлью историческаго прогресса считаетъ счастье. Напротивъ критикъ пишетъ: „Мы должны признать всю психологическую несостоятельность критерія нравственности, принятаго Михайловскимъ, такъ какъ удовольствіе не можетъ быть цѣлью человѣческой жизни, его этическую несостоятельность, такъ какъ, опираясь на удовольствіе, нельзя извлечь никакихъ нравственныхъ императивовъ". Эти мысли, детально развитыя критикомъ, безспорны, но рецензентъ не думаетъ, чтобы критика эта попадала въ цѣль. Нравственность не можетъ опираться на идеѣ счастья, какъ на своемъ

базисѣ, но нѣкоторое отношеніе къ счастью нравственность имѣетъ неизбѣжно: счастье (хотя бы чаша холодной воды) это то, чего человѣкъ по нравственнымъ мотивамъ желаетъ для другихъ. А вѣдь не нужно забывать, что Михайловскій преслѣдуетъ не интересы этики, установляющей принципы нравственности, а соціологіи, поэтому счастье личностей для него скорѣе является желательнымъ результатомъ историческаго процесса и началомъ соціальныхъ отношеній, чѣмъ источникомъ нравственныхъ убѣжденій. Предметъ третьей главы — „свобода и необходимость въ соціологіи Михайловскаго". Рѣшеніе вопроса о свободѣ и необходимости г. Полунинъ ставитъ въ заслугу Михайловскому: „въ этомъ отношеніи соціологическія воззрѣнія Михайловскаго заслуживаютъ великой похвалы". Понимаетъ же авторъ воззрѣнія Михайловскаго по этому вопросу въ обычномъ духѣ идеалистической философіи. Что мысли автора въ этомъ отдѣлѣ неповы и передаются имъ, хотя стройно, но не съ тою глубиною, которая требовала бы спеціальнаго изслѣдованія, этого и нужно было ожидать; не такъ легко примириться съ несогласованностью выводовъ этой главы съ выводами предшествующихъ двухъ главъ. Трудно понять, какимъ образомъ заслуживающій похвалу за рѣшеніе вопроса о свободѣ и необходимости можетъ быть столь слабъ въ проблемахъ личности и прогресса. Если такая несогласованность вина самого Михайловскаго, то ее нужно было бы отмѣтить. Эту задачу авторъ, повидимому, ставитъ себѣ въ „заключеніи", гдѣ онъ говоритъ о неудавшейся попыткѣ Михайловскаго примирить правду-истину и правду-справедливость и о невозможности примиренія познанія и долженствованія. Съ внѣшней стороны въ рецензируемой работѣ все выходитъ стройно, и концы съ концами сходятся. Но нельзя не поставить вопроса, не противорѣчитъ ли „заключеніе" выводамъ третьей главы, и въ душу рецензента закрадывается подозрѣніе, не слѣдуетъ ли авторъ въ сужденіяхъ третьей главы однимъ руководителямъ (напр. Бердяеву *Субъективизмъ и объективизмъ въ общественной философіи*), а въ сужденіяхъ „заключенія" — другимъ руководителямъ (напр. Струве въ предисловіи къ книгѣ Бердяева): по данному вопросу Бердяевъ, какъ авторъ этой книги, и Струве, какъ авторъ предисловія и многихъ позднѣйшихъ трактатовъ,

рѣзко расходятся. Впрочемъ многое здѣсь можно объяснить и извинить трудностью затронутыхъ вопросовъ. Рѣшительнымъ недостаткомъ сочиненія г. Полунина слѣдуетъ назвать отсутствіе критическаго анализа субъективнаго метода Михайловскаго. Что же такое субъективизмъ въ приложеніи къ соціологическому или историческому изслѣдованію? Критикъ системы Михайловскаго не только долженъ былъ бы привести колебанія этого соціолога къ какому-нибудь равновѣсію, но и освѣтить ихъ всѣми средствами соціальной философіи, подойти къ отвѣту на этотъ вопросъ по широкому пути философскихъ изысканій. Ему нужно было бы использовать цѣнные труды Дильтея (Einleitung in die Geisteswissenschaften и др.), Вундта и особенно Мюнстерберга (Grundzüge der Psychologie, Philosophie der Werte), который раздѣляетъ всѣ науки на двѣ области—науки субъективирующія и науки объективирующія. Ему слѣдовало бы близко ознакомиться съ теоріей историческаго познанія, кардинальный вопросъ которой есть вопросъ о критеріи выбора историческаго матеріала и, въ частности, о роли нравственной оцѣнки. Чтобы не называть десятки извѣстныхъ именъ, я ограничусь указаніемъ на сочиненія Гротенфельта Die Wertschätzung in der Geschichte и Geschichtliche Wertmassstäbe in der Geschichtsphilosophie bei Historikern und im Volksbewusstsein. При такомъ освѣщеніи вопроса г. Полунину ясно стало бы и то, въ какомъ пунктѣ соціологическій субъективизмъ соприкасается съ христіанской философіей...

Дѣлая эти замѣчанія о работѣ г. Полунина, я не забываю, что такая постановка работы была бы для него совершенно непосильна. Вообще соціальная философія, пріобрѣтающая нынѣ столь громадное значеніе какъ преддверіе философіи духовной жизни, остается для нашихъ студентовъ terra incognita. Работы въ этой области представляютъ для нихъ едва-ли преодолимыя на студенческой скамьѣ трудности, и потому онѣ должны быть оцѣниваемы въ повышенномъ тонѣ. Г. Полунинъ сдѣлалъ въ данныхъ условіяхъ очень многое: его работоспособность и любовь къ избранной темѣ безспорны. Если же мы примемъ во вниманіе особое стеченіе тяжелыхъ обстоятельствъ, обрушившихся въ этомъ году на г. Полунина—смерть матери и отца,—то мы должны будемъ признать въ немъ незаурядную силу воли и интел-

лектуальную крѣпость. Степени кандидата богословія г. Полунинъ заслуживаетъ вполнѣ.—Баллъ 5“ [1]).

35) О сочиненіи студента *священника Полякова Іоанна* на тему: „Третья книга Ездры. Предварительныя свѣдѣнія и послѣдовательное изложеніе содержанія, съ краткими замѣчаніями истолковательнаго характера.“

а) Экстраординарнаго профессора *священника Д. В. Рождественскаго:*

„Въ рецензируемомъ сочиненіи дано рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ исагогическихъ вопросовъ, касающихся третьей книги Ездры. Авторъ не пришелъ къ строго опредѣленнымъ выводамъ касательно личности писателя, времени и мѣста написанія книги; но для такихъ выводовъ не имѣется данныхъ ни въ самой подлежавшей изслѣдованію книгѣ, ни въ другихъ библейскихъ книгахъ, ни въ какихъ-либо памятникахъ древней письменности вообще. Составъ книги и ея названія обслѣдованы по всѣмъ извѣстнымъ текстамъ древнихъ переводовъ книги Ездры, при чемъ авторъ самъ сличилъ эти тексты, отмѣчая характерныя ихъ особенности и существенныя черты различія между ними. (Пособіемъ при чтеніи незнакомыхъ автору восточныхъ переводовъ служило сочиненіе Hilgenfeld'a: Messias Judaeorum, libris eorum paulo ante et paulo post Christum natum conscriptis illustratus. Lipsiae. 1869). Вопросъ о первоначальномъ языкѣ третьей книги Ездры авторъ оставляетъ открытымъ; однако, его сужденія по этому вопросу обличаютъ въ немъ способность къ осторожной и основательной критикѣ. Содержаніе книги изложено съ большою послѣдовательностью и обстоятельностью. Держась близко текста книги, авторъ всюду устанавливаетъ связь и послѣдовательность мыслей, чрезъ что проясняется сущность содержанія книги. По требованію темы, къ изложенію содержанія должны быть приложены краткія замѣчанія истолковательнаго характера: такихъ замѣчаній въ рецензируемой работѣ вполнѣ достаточное количество, и авторъ изъяснилъ кратко, кажется, все, что требуетъ изъясненія.

---

[1]) Тѣмъ же балломъ отмѣчено курсовое сочиненіе г. Полунина и вторымъ рецензентомъ—и. д. доцента Академіи *Н. Д. Кузнецовымъ.*

При составленіи представленной работы о. Полякову необходимо было ознакомиться съ содержаніемъ книги Ездры, съ различными переводами ея, изучить рядъ апокрифическихъ сочиненій, близкихъ по содержанію и характеру къ названной книгѣ, привести множество параллелей изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, сдѣлать немалое число историческихъ справокъ. Все это онъ выполнилъ въ должной мѣрѣ.

Языкъ сочиненія въ общемъ правильный. Встрѣчаются въ немногихъ случаяхъ неудачныя выраженія (стр. 66: „исключительно съ единственной только цѣлью"; стр. 80: „удостоеннаго.... бесѣдовать съ Богомъ"; стр. 143: „въ благотворительной настроенности"; стр 185: „каждая (глава) состоитъ изъ обличенія іудеевъ, ихъ отверженія и призванія къ славѣ новыхъ народовъ" и нѣкоторыя другія). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ, какъ будто, обнаруживаетъ слабость познаній въ латинской грамматикѣ (стр. 1, 27 и др); но это, очевидно, ошибки переписчика, такъ какъ авторъ для рецензируемой только работы прочиталъ не одну сотню страницъ латинскаго текста. На стр. 28-й еврейскія выраженія написаны совершенно неправильно, и слова поставлены въ обратномъ порядкѣ. На стр. 41 встрѣчаемся съ курьезнымъ раздѣленіемъ одной и той же личности на двѣ: гейдельбергскій профессоръ Steiner называется то Steiner'омъ, какъ и должно быть, то Heidelbergensis'омъ.

Въ частности, можно замѣтить, что подробныя свѣдѣнія библіографическаго характера, какъ не представляющія самостоятельной обработки бывшаго въ распоряженіи автора матеріала, слѣдовало бы значительно сократить. Въ главѣ 4-ой встрѣчаемся съ странною непослѣдовательностью въ заглавіяхъ отдѣльныхъ параграфовъ: „§ 1-й. „Псевдонимность писателя 3 й книги Ездры" (стр. 79); „§ 2 й. Ученіе о Богѣ" (стр. 84). На стр. 26 возбуждаетъ недоумѣніе слѣдующая фраза: „.....въ 3—14 главахъ рѣчь отличается искуственностью и періодичностью построенія, что несвойственно языку *латинскому*." На стр. 27—28 авторъ обнаруживаетъ недостаточное знакомство съ внутренней исторіей ветхозавѣтнаго текста, допуская невозможность смѣшенія переводчиками или переписчиками словъ אדם и עדם; такъ какъ эти слова „однозвучныя, но *далеко* не однобуквенныя". Три восклицательныхъ знака рядомъ указываютъ на то, что авторъ со-

вершенно убѣжденъ въ неотразимости своего возраженія. Но всѣ эти промахи не имѣютъ существеннаго значенія; они только портятъ общее впечатлѣніе.

Изъ всего сказаннаго рецензентъ находитъ основательнымъ сдѣлать такой выводъ: при изученіи мало изслѣдованной книги авторъ положилъ немало труда, обнаружилъ обширную эрудицію и способность къ литературно—критической работѣ; весьма хорошее знакомство съ Священнымъ Писаніемъ, а отчасти и съ апокрифическою литературою; такъ что мелкіе и легко исправимые недостатки не препятствуютъ признать сочиненіе заслуживающимъ высшей степени одобренія.“

б) И. д. доцента *іеромонаха Варѳоломея (Ремова):*

„Работа о. Полякова очень добросовѣстна и усердна. Можно указать въ ней немало ошибокъ, методологическихъ промаховъ, неточностей и недосмотровъ; но видно, что всѣ эти дефекты нельзя объяснять небрежностью, невнимательностью автора. Было, повидимому, какъ разъ наоборотъ. Нашъ авторъ увлекся своимъ сочиненіемъ и преувеличилъ свою задачу. Сознательно или безсознательно онъ перешелъ границы той простой, весьма незатѣйливой работы, которая опредѣленно указывалась самой формулировкой темы. И вотъ мы видимъ,—въ сочиненіи отведено довольно большое мѣсто характеристикѣ переводовъ 3-ей книги Ездры (стр. 32—46); эта характеристика производитъ впечатлѣніе библіографической справки (очень серьезной), потому что посвящена редакціямъ и изданіямъ переводовъ.

О. Поляковъ не заслуживаетъ укора за увлеченіе своей работой. Жаль только, что его энергія пошла не внутрь, не вглубь исагогическихъ вопросовъ. Исагогическая часть сочиненія, главнымъ образомъ ея первыя главы (глл. 1—3, стр. 1—79), блѣднѣе всего остального. А между тѣмъ несомнѣнно, что надъ этими главами нашъ авторъ работалъ особенно много. Почти все, почерпнутое имъ изъ изученной литературы предмета, относится сюда. Подавленный тяжестью своей ученой артиллеріи, о. Поляковъ проявилъ здѣсь мало собственной иниціативы въ изслѣдованіи. Въ результатѣ, онъ постоянно опирается на авторитеты, но самъ въ изложеніи мало авторитетенъ, и вопросы, которыми онъ много

занимался, рѣшены менѣе ярко, опредѣленно и проникновенно.

За предѣлами первыхъ 78 страницъ характеръ сочиненія—совсѣмъ иной: пособій, изъ которыхъ черпалъ раньше нашъ авторъ матеріалъ для своей работы, здѣсь почти нѣтъ, рѣчь течетъ свободно, изложеніе, если не всегда глубокое, то, по крайней мѣрѣ, живое, литературное. Правда, *замѣчанія истолковательнаго характера* не всегда удачны (см. напр. 180—182, 187—188, 197 стр.), но въ общемъ можно утверждать, что конецъ первой и вторая часть удались автору. Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что, переходя въ область идеологіи, о. Поляковъ начинаетъ чувствовать себя въ болѣе сродной ему сферѣ. Разумѣется, онъ здѣсь немного увлекается—преувеличивая достоинство идейнаго содержанія 3-ьей книги Ездры. Эта книга, по мнѣнію нашего автора, даетъ цѣлое міровоззрѣніе (стр. 110), по его словамъ „о причинахъ... тягостнаго и безотраднаго состоянія народа Израильскаго, томящагося въ тяжелой неволѣ Вавилонскаго плѣна“ здѣсь изложены *„религіозно—философскія сужденія“* (стр. I).

Увлеченіе о. Полякова *своей* книгой сказывается и въ томъ, что, прилежно изучивъ только ее, онъ этимъ и ограничился. Пособія, бывшія подъ руками у него, подсказали ему краткія сближенія къ апокалиптической литературой, сопоставленія съ новозавѣтными памятниками. Но существо дѣла подсказывало нашему автору, что нужно изучать 3-ью книгу Ездры въ цѣпи идей ветхозавѣтныхъ, и этого онъ не сдѣлалъ. 3-ья книга Ездры въ нашей Библіи находится на грани (выраженіе автора—стр. III) двухъ завѣтовъ, и хотя ея идейное отношеніе къ книгамъ ветхозавѣтнымъ представляется загадочнымъ и неопредѣленнымъ, но отсюда слѣдуетъ какъ разъ необходимость внимательно и тщательно разрѣшить вопросъ, опредѣленно установить идейную близость 3-ей книги Ездры къ ветхозавѣтной библейской письменности. Для изученія книги это дало бы цѣлое богатство цѣннаго матеріала, а самому сочиненію придало бы яркій колоритъ изслѣдованія библейскаго ветхозавѣтнаго памятника. Вотъ частный, малозначительный примѣръ: *замѣчаніе* къ 3, 6 (стр. 187) было бы инымъ, если бы авторъ привелъ только Пс. 79, 16.

Общее впечатлѣніе отъ сочиненія о. Полякова весьма благо-

пріятное. Очень скромно, не претендуя на специфически ученый характеръ своего изслѣдованія, и въ то же время очень добросовѣстно (это мы уже отмѣтили) о. Поляковъ выполнилъ свою задачу: онъ съ успѣхомъ приложилъ свои усилія къ одной изъ тѣхъ „сокровенныхъ“ книгъ (3 Ездры 12, 37), „гдѣ источникъ мудрости и рѣка знанія“ (14, 18). Отмѣчая въ заключеніе церковность въ направленіи работы о. Полякова, имъ подчеркнутую (стр. VIII; ср. 129), и его преданность святоотеческому пониманію изученной имъ книги, мы считаемъ автора вполнѣ достойнымъ степени кандидата богословія“.

36) О сочиненіи студента *священника Прозорова Николая* на тему: „Характеръ отношеній между Римской и Константинопольской каѳедрами въ періодъ отъ смерти папы Льва Великаго до 7-го вселенскаго собора включительно“.

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Эпоха отъ смерти папы Льва Великаго до 7-го вселенскаго собора включительно представляетъ собою такой періодъ въ развитіи церковно-политическихъ отношеній между Римомъ и Византіей, когда роковая распря между христіанскимъ Востокомъ и Западомъ, съ ихъ противоположными культурно-историческими традиціями и интересами, стала принимать все болѣе и болѣе рѣзкія формы, выражаясь въ болѣе или менѣе продолжительныхъ расколахъ между Римской и Константинопольской каѳедрами, подготовляя окончательное раздѣленіе церквей, завершившееся въ 9—11 вѣкахъ. Прослѣдить развитіе этой постепенно усиливавшейся (въ теченіе указаннаго въ темѣ періода) распри и отчужденія между Римомъ и Византіей, въ связи съ возраставшими на Западѣ и Востокѣ противоположными укладомъ и идеалами церковно-политической жизни, и составляло задачу работы о. Прозорова. Авторъ раскрываетъ предметъ своей темы въ слѣдующихъ 7 главахъ. Послѣ небольшого введенія (1—13 стр.), авторъ въ 1-й главѣ своего сочиненія довольно подробно выясняетъ „церковное значеніе римской и константинопольской каѳедръ и ихъ взаимныя отношенія до Халкидонскаго собора включительно“ (14—89 стр.). 2-я глава разсматриваетъ отношенія между Римомъ и Константино-

полемъ „въ періодъ продолженія на востокѣ монофизитской ереси (461—527 гг.)“ выясняетъ по преимуществу исторію т. н. акакіанскаго раскола, съ его различными перипетіями (90—263 стр.). Въ 3-й главѣ о. Прозоровъ характеризуетъ отношенія между Римомъ и Византіей въ эпоху имп. Юстиніана, разсматривая главнымъ образомъ исторію сношеній Рима съ Востокомъ по вопросу о „трехъ главахъ“ (264—366 стр.). Въ 4-й главѣ авторъ обозрѣваетъ столкновеніе папы Григорія Великаго съ патріархами Іоанномъ Постникомъ и Киріакомъ по вопросу о титулѣ „вселенскій“ (367—433 стр.). 5-я глава характеризуетъ отношенія между Римской и Константинопольской каѳедрами въ эпоху моноѳелитскихъ волненій (434—533 стр.), а 6-я—въ эпоху иконоборчества (534—574 стр.). Въ 7-й, „заключительной“, главѣ авторъ даетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о характерѣ разсмотрѣнной имъ борьбы между Римомъ и Византіей (575—593 стр.).

Авторъ отнесся къ своей работѣ добросовѣстно и серьезно. Онъ внимательно изучилъ рекомендованную ему литературу темы (Hergenröther, Langen, Hefele, Baxmann, Кургановъ, Барсовъ, Андреевъ и др.), равно какъ въ той или иной степени ознакомился и съ ея первоисточниками (по Mansi) и представилъ рядъ обстоятельно, съ точными ссылками на соотвѣтствующіе документы, написанныхъ очерковъ, изображающихъ всѣ сколько-нибудь значительные моменты взаимоотношеній между Римомъ и Константинополемъ за указанную въ темѣ эпоху. Изложеніе автора — отчетливое, сжатое, и, за немногими исключеніями, вполнѣ литературное.

Въ качествѣ недостатковъ работы о. Прозорова отмѣчу, во 1-хъ, нѣкоторую поверхностность „заключительной“ его главы. Выполнивъ свою работу аналитическимъ методомъ, обрисовавъ цѣлый рядъ довольно разнохарактерныхъ эпизодовъ изъ церковно-политической исторіи Рима и Византіи 5—8-го вѣковъ, автору въ „заключительной“ главѣ сочиненія слѣдовало бы тщательно синтезировать свои наблюденія и выводы, отрывочно разбросанные на протяженіи всей работы (а мѣстами и подробнѣе развить ихъ), не ограничиваясь общими лишь замѣчаніями. Безъ такого суммированія сдѣланныя авторомъ наблюденія надъ историко-догматическими, церковно-каноническими и національно-политическими столкновеніями между христіанскимъ Западомъ и Востокомъ не

даютъ вполнѣ цѣльнаго представленія о характерѣ и значеніи изученной авторомъ эпохи въ общемъ ходѣ роковой междуцерковной распри.

Во 2-хъ, встрѣчаются въ сочиненіи о. Прозорова нѣкоторыя фактическія погрѣшности и неточности. Укажу нѣсколько примѣровъ. На стр. 124 авторъ утверждаетъ, что папа Феликсъ 3-й былъ первымъ папой, примѣнившимъ „по отношенію къ Востоку тактику (?)“ „требовать къ апостольскому трибуналу епископовъ, на которыхъ поступали какія-либо жалобы“. Но, если уже оставить въ сторонѣ вмѣшательство папы Юлія въ борьбу „Восточныхъ“ противъ Аѳанасія Александрійскаго, на каковой прецедентъ, какъ извѣстно автору, ссылался самъ Феликсъ въ своемъ libellus'ѣ citationis къ Акакію Константинопольскому (Mansi 7, 1108), противъ утвержденія автора свидѣтельствуетъ выступленіе папы Иннокентія 1-го, требовавшаго къ себѣ, на римскій соборъ, Ѳеофила Александрійскаго, по поводу низложенія I. Златоуста (Mansi 3, 1096). На стр. 221 авторъ, ссылаясь на Langen'a (Geschichte d. röm. Kirche v. Leo I... 237), утверждаетъ, что извѣстный подложный памятникъ „Дареніе Константина“ появился въ эпоху папы Симплиція. На самомъ же дѣлѣ Лангенъ относитъ къ этой эпохѣ лишь Constitutum Silvestri, памятникъ, отличный отъ Donatio Constantini. На стр. 52-й и далѣе авторъ вообще сгущаетъ антиримскія тенденціи Трулльскаго собора. На стр. 72 и слѣд. авторъ даетъ нѣсколько одностороннюю характеристику единодушія Восточныхъ на Халкидонскомъ соборѣ по вопросу о возвышеніи Константинопольской каѳедры, каковое единодушіе авторъ объясняетъ тѣмъ, что „восточные отцы, воспитанные на живомъ сознаніи соборности церкви, въ возвышеніи *своего* іерарха, хотѣли создать рѣшительное противодѣйствіе прогрессивно-увеличивавшемуся расширенію папской власти“. Но, не говоря о томъ, что дѣянія Халкидонскаго собора не даютъ основаній къ такому мнѣнію о желаніи Восточныхъ отцовъ свести рѣшительные счеты съ нарождающимся „монархическимъ абсолютизмомъ папы“, о. Прозорову, конечно, извѣстна (хотя бы изъ использованной имъ книги Барсова, стр. 64; сн. Hefele 2, 516) и закулисная сторона видимаго успѣха 28-го канона на Халкидонскомъ соборѣ, т. е. своеобразная коньюктура отношеній между представителями

главнѣйшихъ каѳедръ восточной церкви въ моментъ Халкидонскаго собора. Самъ авторъ на 112 стр. своего сочиненія проговаривается о „старой традиціи Александріи, подобно Риму, свысока смотрѣть на Константинопольскую каѳедру, отнявшую у нея 2-е мѣсто“.

Наконецъ, въ 3-хъ, нельзя не отмѣтить крайней неисправности въ перепискѣ сочиненія о. Прозорова. На обязанности автора лежало внимательно перечитать свое сочиненіе и исправить многочисленныя описки и орфографическія ошибки своего недостаточно грамотнаго переписчика.

Несмотря на отмѣченные недостатки, сочиненіе о. Прозорова является дѣльной кандидатской работой, а его авторъ - вполнѣ заслуживающимъ кандидатской степени“.

б) Инспектора Академіи, экстраординарнаго профессора *Архимандрита Анатолія*:

„Сочиненіе о. Прозорова посвящено обозрѣнію и характеристикѣ взаимоотношеній двухъ важнѣйшихъ церковныхъ каѳедръ—древняго и новаго Рима въ періодъ, когда созрѣвалъ глубоко-печальный великій римскій расколъ или такъ называемое раздѣленіе церквей. Интересъ подобной темы—церковно-историческій и даже церковно-практическій въ виду все вновь воскресающихъ прекрасныхъ мечтаній о присоединеніи отпавшихъ отъ церковнаго единства западныхъ исповѣданій—внѣ всякаго сомнѣнія. Въ отвѣтъ на интересную, но, конечно, и не легкую тему о. Прозоровъ представилъ сочиненіе, свидѣтельствующее о томъ, что авторъ его далъ себѣ трудъ познакомиться съ многочисленными источниками и еще бо́льшей литературой, затѣмъ продумать весь свой матеріалъ и изложить его въ формѣ историческаго повѣствованія, въ общемъ безукоризненнаго. Въ прямомъ соотвѣтствіи съ формулировкой темы о. Прозоровъ преимущественно разсказываетъ читателю о взаимныхъ отношеніяхъ патріарховъ двухъ столицъ. Слабѣе у него выступаютъ междуцерковныя отношенія Востока и Запада хотя, только не упуская изъ виду эти послѣднія, и можно во всей силѣ постигнуть совершавшійся процессъ. Въ числѣ условій, способствовавшихъ возрастанію папства, о. Прозоровъ указываетъ, но недостаточно оцѣниваетъ отсутствіе

императорской власти на Западѣ въ данный періодъ. Очень жаль, что о. Прозорову остались неизвѣстными лекціи В. В. Болотова, именно третій ихъ томъ. Здѣсь на соотвѣтствующихъ страницахъ онъ нашелъ бы прекрасное изложеніе папской теоріи Льва Великаго и своеобразную глубоконаучную постановку вопроса о междуцерковныхъ отношеніяхъ Рима и Византіи и въ значительной степени подобранный матеріалъ. Не имѣлъ нашъ авторъ подъ руками и нѣкоторыхъ спеціальныхъ монографій и статей на русскомъ языкѣ (диссертаціи Н. В. Малицкаго и о. Ѳ. И. Успенскаго и статья А. П. Лебедева). По отношенію къ иностраннымъ трудамъ и то количество ихъ, какое имъ привлечено къ изученію вопроса, можно признать достаточнымъ.

Любимая идея о. Прозорова, которой онъ вдохновляется и во всемъ своемъ изслѣдованіи и которую онъ explicite высказываетъ въ началѣ и въ концѣ своего труда,—это провиденціальное назначеніе грековъ—послужить раскрытію церковной истины, ради чего они мирились будто-бы и съ императорскимъ вмѣшательствомъ въ догматическіе споры и церковныя дѣла. Но многочисленныя ереси, какъ это хорошо извѣстно и о. Прозорову, суть порожденіе восточнаго христіанства, а съ императорскимъ насиліемъ восточные іерархи мирились иногда просто по человѣческой слабости.

Изъ мелкихъ недочетовъ отмѣтимъ слѣдующіе. Авторъ часто пользуется Гергенрётеромъ и дѣлаетъ ссылки на него, не перенося цитатъ изъ первоисточниковъ, которыя имѣются у этого автора, и заставляя читателя обращаться къ этому пособію. На стр. 203 слово secretarium авторъ переводитъ: тайная комната, хотя на стр.347 то же слово передано: судебная палата. Никифоръ Каллистъ—писатель во всякомъ случаѣ не IX в. (стр. 298). На стр. 475 дата прибытія папы Мартина въ Константинополь опредѣляется 17 сент. 654 г., а чрезъ 3 стр. послѣ этой встрѣчается такое сообщеніе: папа Мартинъ отправленъ былъ въ ссылку изъ Константинополя 17 марта 654 г. На стр. 535 авторъ говоритъ, что въ числѣ подданныхъ византійскаго правительства стало числиться (въ концѣ даннаго періода) много магометанъ. Должно быть здѣсь авторъ позабылъ дѣйствительную исторію конца VII и начала VIII вв.. Наконецъ, должно быть поставлено въ упрекъ автору полное отсутствіе корректуры очень безгра-

мотной переписки его труда, хотя авторъ, конечно, самъ пишетъ вполнѣ правильно.

Принимая во вниманіе трудность темы, большую вдумчивость, которая замѣчается на страницахъ труда о. Прозорова, образность его рѣчи, наблюдательность и вниманіе, съ которымъ онъ подмѣчаетъ различіе текстовъ, расчлененіе и другія формальныя качества, признаю сочиненіе о. Прозорова прекрасной студенческой диссертаціей, а автора—вполнѣ достойнымъ первой ученой степени."

37) О сочиненіи студента *Пылаева Владиміра* на тему: „Духовно - нравственный обликъ Новгородскихъ подвижниковъ домонгольскаго періода."

а) Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора:*

„Авторъ самъ новгородецъ и потому понятна та любовь, съ какой онъ отнесся къ своей работѣ. По существу задачи эта работа автора колоссальна. Нужно было живо возсоздать и представить какъ бы цѣлую живую галлерею исторически извѣстныхъ великихъ подвижниковъ вѣры и благочестія давно уже минувшаго періода нашей исторіи. Нужно было для этого изучать и добывать не только чисто біографическій матеріалъ, но и обслѣдовать болѣе широкую сферу церковно-общественной и гражданской жизни, въ которой проходила жизнь и дѣятельность этихъ подвижниковъ. И здѣсь и тамъ, т. е. и въ біографіи и въ исторіи нужно было взять то, что шло-бы къ возсозданію вѣрнаго исторически и живого духовно облика этихъ лицъ. Авторъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что могъ, и представилъ громадный трудъ (1087 стр.), богато иллюстрированный портретами лицъ, о коихъ онъ пишетъ (35 иллюстрацій), и виньетками, взятыми съ орнаментовъ древнихъ новгородскихъ храмовъ. Но тѣ трудности, которыя пришлось автору преодолѣвать при исполненіи своей задачи, повліяли невыгодно на самое ея выполненіе. Дѣло въ томъ, что о многихъ лицахъ, которыя должны были входить въ возсозидаемую авторомъ галлерею, почти не сохранилось никакихъ біографическихъ и историческихъ данныхъ. Вотъ что, напр., авторъ пишетъ на стр.

153—154 своего сочиненія: „густой туманъ вѣковъ совсѣмъ закрылъ собой труды святителей новгородскихъ Стефана, Ѳеодора и Германа и только, какъ небольшіе проблески, до нашихъ дней долетали отголоски объ ихъ жизни. Эти отголоски только крупицы, небольшія бисеринки, по которымъ трудно и даже невозможно обрисовать духовно - нравственный обликъ этихъ святителей.“

Въ такомъ - же положеніи авторъ оказывается и въ отношеніи ко многимъ другимъ лицамъ, о коихъ онъ д. говорить въ своемъ сочиненіи; напр. о святителѣ Аркадіи, о свят. Григоріи и о благовѣрныхъ князьяхъ Владимірѣ, Мстиславѣ и др. Замѣтимъ, что авторъ въ данномъ случаѣ избѣгаетъ еще бо́льшихъ затрудненій, такъ какъ ограничиваетъ свой трудъ описаніемъ жизни и дѣятельности только святителей новгородскихъ и прославленныхъ князей, а не касается подвижниковъ не святителей.

Такъ какъ возсозданіе живого, духовно - нравственнаго облика святителей зависѣло отъ полноты историческихъ свѣдѣній о нихъ, то въ силу недостатка послѣднихъ у автора въ приложеніи ко многимъ изъ нихъ получился только рядъ весьма блѣдныхъ біографій съ краткимъ указателемъ литературной и практической дѣятельности ихъ. Такъ обстоитъ дѣло особенно въ приложеніи къ свят. Стефану, Ѳеодору, Аркадію и др. Въ сочиненіи, имѣющемъ цѣлію возсоздать духовно - нравственный обликъ подвижниковъ, это допустимо развѣ только въ цѣляхъ полнаго перечня этихъ подвижниковъ, въ цѣляхъ составить какъ бы нѣкій патерикъ новгородскихъ святыхъ. Отъ этой же скудости матеріала, характернаго, конечно, для каждаго лица особо, получилось, что всѣ лица подвижниковъ у автора написаны какъ бы на одинъ образецъ; они всѣ похожи одинъ на другого и авторъ въ характеристикѣ ихъ принужденъ ограничиваться однѣми общими фразами, приложимыми ко всякому духовному святому дѣятелю, ничуть не характерными для того или иного въ частности. Эта печать сходства между всѣми святителями и какъ бы отсутствіе индивидуальности характера вообще для сочиненія автора и объясняется уже не только скудостью матеріала, а, пожалуй, и недостаткомъ художественно - научнаго творчества. Разница между святителями не въ типичности ихъ, а просто въ томъ, что объ

одномъ болѣе біографическаго матеріала, а о другомъ менѣе. но обликъ получается одинъ и авторъ вездѣ пишетъ по одному шаблону. Онъ даже пользуется какъ бы случаемъ, что объ извѣстномъ святителѣ есть болѣе свѣдѣній, побольше поговоритъ о немъ и даже не въ цѣляхъ выясненія его духовно - нравственнаго облика, а просто ради полноты повѣствованія. Такъ онъ очень подробно передаетъ объ искушеніи свят. Никиты, а при повѣствованіи о свят. Нифонтѣ оч. много удѣляетъ вниманія гражданскимъ событіямъ. Впрочемъ этой сторонѣ жизни онъ вообще удѣляетъ много вниманія, благо объ этомъ можно почерпать свѣдѣнія легче изъ гражд. исторіи. При этомъ иногда самыя событія излагаются сбивчиво и спутанно, особенно на стр. 312—330 при описаніи войны между Мономаховичами и Ольговичами и участіи тутъ свят. Нифонта. Особенно эти экскурсы въ область гражданской исторіи доминируютъ у автора при описаніи святыхъ князей. Правда, здѣсь они болѣе умѣстны, чѣмъ въ рѣчи о святителяхъ, такъ какъ и жизнь св. князей проходила въ сферѣ этихъ событій, но заслонять ими живой духовно-нравственный обликъ св. князей, это значитъ уклоняться отъ темы. Въ указанномъ нами—главный недостатокъ труда автора, съ добавленіемъ сюда странностей его литературнаго языка: ставить прилагательное всегда послѣ существительнаго, придавая рѣчи характеръ какихъ-то бѣлыхъ стиховъ. Мы цѣнимъ его трудъ, какъ попытку собрать воедино данныя о цѣломъ рядѣ новгородскихъ подвижниковъ (авторъ говоритъ о 18 лицахъ), какъ опытъ литературной обработки этого матеріала и какъ даръ любви къ святымъ своего родного края. Несомнѣнно, это сочиненіе было бы съ интересомъ прочитано новгородцами, если-бы его напечатать хотя въ Епарх. Вѣдомостяхъ. Степени кандидата богословія авторъ вполнѣ достоинъ.“

б) И. д. доцента *Н. Д. Протасова*:

„Задачей настоящаго сочиненія—является обрисовать духовно-нравственный обликъ... подвижниковъ новгородскихъ, т. е., какъ-бы ввести читателя въ духовный міръ этихъ подвижниковъ, указать по возможности всѣ черты жизнедѣятельности, какими отличались они въ жизни своей, охарак-

теризовать ихъ возможно полнѣе, такъ-что бы понятны они были для ума и сердца". „Тяжела, трудна задача эта". „Много препятствій встрѣчалось на пути при составленіи этого сочиненія. Много было разочарованій въ погонѣ за матеріаломъ, и, какъ помогъ Господь, я старался подойти къ выполненію своей задачи" (стр. 26, 27, 41). Солидный объемъ—1086 страницъ въ четверку крупнаго шрифта пишущей машины—подтверждаетъ слова автора.

Сочиненіе г. Пылаева состоитъ изъ 18 агіографическихъ очерковъ: Іоакимъ Корсунянинъ, Лука Жидята, Стефанъ, ст. Ѳеодоръ, Германъ, Никита, Нифонтъ, Аркадій, Илія (Іоаннъ), Григорій, Мартирій, Антоній Римлянинъ, Варлаамъ Хутынскій, кн. Анна, кн. Владиміръ, кн. Мстиславъ, кн. Ѳеодоръ. Въ заключеніи (стр. 1009—1084) авторъ суммируетъ въ одно черты духовно-нравственнаго облика перечисленныхъ новгорогскихъ подвижниковъ домонгольскаго періода.

Авторъ настоящаго сочиненія правильно опредѣлилъ свою задачу—методъ: „надо проникнуть въ тайники ихъ (подвижниковъ) внутренніе, невѣдомые никому, нужно жить ихъ чувствами, ихъ мыслями, вмѣстѣ съ ними какъ-бы переносить ихъ труды тяжелые, участвовать съ ними во всемъ подвигѣ ихъ жизни" (стр. 27). Однако пойти этимъ методомъ онъ не смогъ, а обратился къ обычному историческому методу: на основаніи изученія лѣтописныхъ и житійныхъ сказаній, штудированія подлежащей литературы составилъ 18 агіографическихъ очерковъ, занявшихъ у него 966 страницъ, и непропорціально малымъ заключеніемъ—всего 79 страницъ—попытался дать характеристику духовно-нравственнаго облика новгородскихъ подвижниковъ. Такъ-что, строго говоря, г. Пылаевъ, оставивъ въ сторонѣ свою тему и правильно поставленную (стр. 26 -27) задачу, представилъ нѣчто иное—жизнеописанія 18 новгородскихъ подвижниковъ домонгольскаго періода. Что-же касается собственно отвѣта на тему, то онъ удѣлилъ ей только 1/13 часть своего большого труда... Но и здѣсь читатель не найдетъ ясной, живой, картинной *характеристики*; сбивчиво, блѣдно и расплывчато говоритъ авторъ въ этой главной части своего труда. Есть строки, когда хочется сказать, что напрасно онъ *вытягиваетъ* изъ бывшаго у него подъ руками матеріала то, чего тамъ нѣтъ. Много повтореній вредитъ ясности плана,

заставляетъ часто при чтеніи возвращаться къ сказанному раньше и т. д.

Но гораздо больше у г. Пылаева положительныхъ сторонъ.

Прежде всего нужно отмѣтить, что авторъ—искренно вѣрующій, глубоко-убѣжденный сынъ Православной Церкви. Это сквозитъ почти на каждой страницѣ его интереснаго и глубоко поучительнаго сочиненія. Онъ съ благоговѣніемъ говоритъ о подвигахъ свв. подвижниковъ новгородскихъ, восторгается ими и въ нихъ только находитъ истинное наслажденіе. Его введеніе (стр. 1—41) производитъ впечатлѣніе музыкальной поэтической картины, гдѣ авторъ восторженнымъ языкомъ, можно сказать, языкомъ поэтическимъ говоритъ о самомъ свѣтломъ, лучшемъ въ человѣчествѣ—свв. подвижникахъ. Чувствуется, что авторъ какъ-бы живетъ въ этой высокой средѣ, оттуда черпаетъ силы и высокое духовное настроеніе. Онъ самъ новгородецъ, любитъ свой старый сѣдой Новгородъ съ его могучими, величавыми храмами, которые своей мощью какъ-бы говорятъ о духовной мощи своихъ строителей—тѣхъ св. подвижниковъ, о которыхъ авторъ ведетъ рѣчь въ первой части своего сочиненія. И думается, что, если-бы г. Пылаевъ захотѣлъ взять темой для сочиненія культурно-церковный обликъ древняго Новгорода и въ немъ, какъ главный факторъ—дѣятельность первыхъ христіанскихъ его князей и святителей, онъ далъ-бы цѣнный вкладъ въ литературу по исторіи XI сл. вѣковъ. Онъ хорошо знакомъ съ соотвѣтствующими памятниками, родной литературой и новыми открытіями въ области древняго Новгорода. Такая археологическая струнка сказалась въ г. Пылаевѣ и при составленіи настоящаго сочиненія, которое по темѣ относится, конечно, къ Аскетикѣ, но по внѣшней своей сторонѣ къ археологіи. Хотя темой и не требовались иллюстраціи, однако читатель находитъ ихъ у г. Пылаева въ изобиліи. Опытный фотографъ и рисовальщикъ, онъ далъ много фотографическихъ снимковъ съ древнихъ соборовъ, монастырей новгородскихъ, акварельныхъ репродукцій съ орнаментовъ новгородской св. Софіи. Можно составить изъ этого матеріала цѣлый цѣнный альбомъ, который можетъ имѣть научную цѣнность, потому-что авторъ воспроизводилъ все это въ полномъ согласіи съ требованіями археологиче-

ской критики. Здѣсь—натуральныя краски, даже золото, снимки памятниковъ съ тѣхъ именно сторонъ, которыя имѣютъ особенный интересъ и пр. Съ этой художественной стороны сочиненіе г. Пылаева заслуживаетъ полной похвалы и поощренія. И это тѣмъ болѣе, что иллюстраціи онъ даетъ отнюдь не свободно, а въ зависимости отъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Говоритъ-ли онъ о пр. Варлаамѣ Хутынскомъ, мы встрѣчаемъ снимокъ съ Хутынскаго монастыря (табл. XXXII); разсказываетъ-ли объ обученіи пр. Варлаама, дѣлаетъ на калькѣ репродукцію сцены обученія его въ лицевомъ житіи на иконѣ Хутынскаго монастыря (табл. XXXIII) и т. д.

Все это доказываетъ, что г. Пылаевъ много и съ любовью потрудился надъ своимъ сочиненіемъ, а не отнесся къ темѣ, какъ къ извѣстному средству. Оттого его агіографическіе очерки читаются съ такимъ интересомъ и легкостью, и еслибы не нѣкоторые стилистическіе и под. недочеты (ср. напр. *недьясталъ* — стр. 1070), рецензентъ посовѣтывалъ-бы эти очерки напечатать.

Степени кандидата богословія г. Пылаевъ за свое сочиненіе заслуживаетъ вполнѣ".

38) О сочиненіи студента *Ремезова Александра* на тему: „Альфредъ Луази. (Къ характеристикѣ и оцѣнкѣ католическаго модернизма во Франціи)".

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Сочиненіе г. Ремезова состоитъ изъ 6 главъ. Въ 1-й главѣ (1—37 стр.) авторъ выясняетъ біографическія условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложился научно-литературный обликъ А. Луази, и даетъ общій обзоръ его писательской дѣятельности. Во 2-й главѣ (38—82 стр.) г. Ремезовъ обрисовываетъ „логическую (?) и историческую перспективу къ основнымъ воззрѣніямъ А.Луази,—характеризуетъ богословско-гносеологическія воззрѣнія сродныхъ Луази представителей французской философской мысли (Паскаль, Бутру, Бергсонъ, Олле-Лапренъ, Ле-Руа), равно какъ и иностранныхъ философскихъ теченій, стоящихъ въ извѣстной идейной близости къ богословско-гносеологическимъ теоріямъ французскаго модерниста (Кантъ, Р. Эйкенъ, Липпсъ, Джемсъ, Ричль и его

школа). Третья глава („Основныя воззрѣнія А. Луази. Концепція религіи съ ея статической и динамической сторонъ“, 83—135 стр.) посвящена выясненію общихъ принциповъ богословско-философской теоріи Луази,—имманентизму, агностицизму и эволюціонизму. Въ этой главѣ авторъ раскрываетъ ученіе Луази о сущности религіи и религіознаго познанія, о символизмѣ религіозныхъ представленій, о догматѣ, о принципіальномъ различіи между религіознымъ и научнымъ воспріятіемъ тѣхъ или другихъ объектовъ христіанской догмы (иллюстрируя это положеніе извѣстнымъ ученіемъ Луази о различіи между „Христомъ вѣры“ и „Христомъ исторіи“),—затѣмъ излагаетъ взглядъ Луази на „развитіе религіи вообще и христіанскихъ догматовъ въ частности“ (сопоставляя эти воззрѣнія Луази съ воззрѣніями Ньюмана), и, наконецъ, выясняетъ понятіе Луази о церковномъ преданіи. Установивъ въ отмѣченной главѣ основной интересъ богословско-гносеологической теоріи Луази, построенной на началахъ имманентизма, агностицизма и эволюціонизма,—въ стремленіи оградить взаимную самостоятельность религіозной вѣры и научно-богословской мысли, г. Ремезовъ въ 4-й главѣ своего сочиненія („Идея полновластія церкви въ сферѣ вѣры“, 136—188 стр.) частнѣе обрисовываетъ воззрѣнія Луази на самобытный характеръ и закономѣрный ростъ какъ ветхозавѣтныхъ, такъ и новозавѣтныхъ религіозныхъ вѣрованій, раскрывая, съ одной стороны, въ какомъ взаимоотношеніи, по Луази, находятся личный религіозный опытъ каждаго индивидуума и церковь, какъ соціальное начало въ области религіозной жизни, а съ другой стороны, выясняя взглядъ Луази (на основаніи его сочиненій „Исторія ветхозавѣтнаго канона“ и „Исторія новозавѣтнаго канона“) на отношеніе церкви къ Свящ. Писанію. 5-я глава работы г. Ремезова („Идея самостоятельности науки“, 189—216 стр.) раскрываетъ ученіе Луази объ автономныхъ правахъ богословской науки, выясняя взаимоотношеніе между религіознымъ и научнымъ интересами по вопросамъ о подлинности библейскихъ книгъ, ихъ непогрѣшимости и ихъ истолкованіи, и показывая образцы „практическаго примѣненія“ принциповъ свободнаго научно-богословскаго изслѣдованія въ трудахъ Луази: „Исторія текста и переводовъ Библіи“, „Вавилонскіе миѳы“, „Первыя главы книги Бытія“ и „Религія Израиля“.

6-я глава сочиненія г. Ремезова („Историческій синтезъ“, 217—249 стр.) посвящена характеристикѣ извѣстнаго сочиненія Луази „Евангеліе и церковь“, каковой трудъ г. Ремезовъ разсматриваетъ, какъ образецъ модернистической апологетики, стремящейся къ примиренію интересовъ церковно-католическаго преданія и требованій научно-критической мысли въ области евангельской и церковной исторіи.

Изъ представленнаго обзора работы г. Ремезова видно, что она охватываетъ богословскія воззрѣнія Луази со всѣхъ наиболѣе существенныхъ ихъ сторонъ, устанавливая и ихъ отношеніе къ религіознымъ теченіямъ западной богословской мысли. Не удѣляя спеціальной главы для оцѣнки взглядовъ Луази съ точки зрѣнія православной богословской науки, авторъ на страницахъ своего сочиненія даетъ, однако, не мало цѣнныхъ замѣчаній, выясняющихъ принципіальную несостоятельность богословскихъ воззрѣній Луази, обнаруживая знакомство съ литературой, содержащей въ себѣ матеріалъ и для болѣе детальной ихъ оцѣнки. При выполненіи своей работы г. Ремезовъ, такимъ образомъ, не только съ большей или меньшей обстоятельностью ознакомился съ сочиненіями Луази, но и съ довольно сложной литературой (на русскомъ и французскомъ языкахъ) по соприкосновеннымъ съ его темой вопросамъ. Разумѣется, сочиненіе г. Ремезова не представляетъ собою исчерпывающаго изслѣдованія о Луази, но какъ студенческая работа, выполненная въ теченіе одного года, оно отличается и достаточной полнотой изученнаго авторомъ матеріала, и достаточной широтой его научнаго освѣщенія.

Изложеніе г. Ремезова—вдумчивое и сжатое. Не вдаваясь въ подробности при характеристикѣ воззрѣній Луази, авторъ, однако, отмѣчаетъ всѣ наиболѣе существенныя ихъ черты, такъ что при сравнительной незначительности объема сочиненія г. Ремезова оно даетъ вполнѣ правильный и довольно цѣлостный обликъ Луази, какъ наиболѣе крупнаго представителя французскаго католическаго модернизма.

Изъ недостатковъ сочиненія г. Ремезова отмѣчу, прежде всего, нѣкоторый архитектоническій его дефектъ. Авторъ отдаетъ въ своей работѣ слишкомъ преимущественное вниманіе богословско-философской сторонѣ доктринъ Луази, разсматривая библейско-критическія и церковно-историческія

построенія французскаго модерниста лишь постольку, поскольку они иллюстрируютъ его общіе богословско-гносеологическіе принципы. Въ связи съ такимъ неравномѣрнымъ интересомъ автора къ богословско-гносеологической теоріи Луази и другимъ отраслямъ его богословско-литературной дѣятельности, авторъ неодинаково внимательно обрисовываетъ и историческую перспективу тѣхъ и другихъ воззрѣній Луази. Удѣляя особую главу обзору различнаго рода богословско-философскихъ теченій, такъ или иначе соприкасающихся съ богословско - гносеологическими взглядами Луази, восходя въ этой главѣ даже къ эпохѣ Лютера (при выясненіи принциповъ ричліанской школы), г. Ремезовъ дѣлаетъ лишь бѣглыя и довольно случайныя справки по вопросу объ отношеніи библейско-критическихъ и церковно-историческихъ воззрѣній Луази къ раннѣйшимъ представителямъ этихъ наукъ (хотя бы во Франціи).

Другимъ недостаткомъ сочиненія г. Ремезова является крайняя необработанность его въ стилистическомъ отношеніи. Если авторъ, въ общемъ хорошо знающій французскій языкъ, сравнительно рѣдко допускаетъ ошибки въ передачѣ мыслей французскихъ авторовъ (ср. стр. 95, 97, 100, 121, 122, 146, 151, 193), то его переводы, отличаясь излишнимъ буквализмомъ, нерѣдко очень нуждаются въ литературной отдѣлкѣ (ср. стр. 81, 90, 91, 92, 104, 106, 117, 126, 143, 150, 183, 236). Есть немало неудачныхъ выраженій и въ собственной рѣчи автора (31, 32, 33, 36, 48, 57, 131, 140, 147, 181, 201, 212). Эта необработанность изложенія, объясняемая, вѣроятно, спѣшностью работы автора, является тѣмъ болѣе досадной, что г. Ремезовъ, какъ свидѣтельствуютъ многія страницы его сочиненія, умѣетъ выражать свои мысли съ безукоризненной точностью и даже изяществомъ.

Кандидатской степени авторъ вполнѣ заслуживаетъ".

б) Доцента *іеродіакона Иларіона* (*Троицкаго*):

„Сочиненіе г. Ремезова посвящено виднѣйшему представителю французскаго католическаго модернизма Альфреду Луази, отлученному отъ католичества аббату, тому самому Луази, который въ 1908 г. писалъ: „тѣ, которыхъ теперь оффиціально называютъ модернистами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ назывались луазистами". Значеніемъ Луази въ исто-

ріи модернизма и оправдывается то вниманіе, которое удѣлилъ ему г. Ремезовъ. Авторъ рецензируемаго сочиненія познакомился съ большинствомъ сочиненій самого Луази на французскомъ языкѣ, пересмотрѣлъ нѣсколько французскихъ журналовъ за послѣдніе 10—15 лѣтъ, тщательно отмѣчая все, что касается французскаго модернизма вообще и А. Луази въ частности. Авторъ не даетъ списка своихъ пособій, но какъ видно по его обычно точнымъ цитатамъ, пособій у него было много и труда на собираніе литературы и на ознакомленіе съ ней потрачено г. Ремезовымъ не мало. Освѣдомленность автора съ литературой, посвященной модернизму, открыла ему возможность дать вопросу въ своемъ сочиненіи широкую постановку и написать все сочиненіе весьма содержательно и интересно. Авторъ съ успѣхомъ исполнилъ свое обѣщаніе (стр. 36) давать историческія справки. Одна изъ такихъ справокъ разрослась въ цѣлую главу (II)—„Логическая и историческая перспектива къ основнымъ воззрѣніямъ А. Луази" (стр. 39—82). Въ области философіи эта перспектива открывается до Канта и даже Паскаля, охватываетъ новую французскую философію даже до Бергсона, касается Эйкена, Липпса и прагматизма. Историческая же справка изъ области теологіи (стр. 72—80), всецѣло впрочемъ покоющаяся на книгѣ проф. В. Керенскаго, говоритъ о ричліанской школѣ и доходитъ до ея историческихъ корней. Указывая въ третьей главѣ (стр. 83—135) три такъ сказать стихіи основныхъ воззрѣній А. Луази—имманентизмъ, агностицизмъ и эволюціонизмъ,—авторъ и здѣсь даетъ историческія справки и о первомъ, и о второмъ, и о третьемъ. Главы 4, 5 и 6 посвящены изложенію и оцѣнкѣ взглядовъ А. Луази научно-богословскихъ. 4-я глава раскрываетъ его „Идею полновластія Церкви въ сферѣ вѣры" (стр. 136—187), а 5-я „Идею самостоятельности науки" (стр. 188—216). Эти двѣ идеи выражены А. Луази не въ какихъ-либо особыхъ систематическихъ трактатахъ; скорѣе, это основныя тенденціи его ученыхъ трудовъ, касающихся преимущественно Священнаго Писанія. Г. Ремезовъ внимательно просмотрѣлъ эти труды Луази и весьма удачно отмѣтилъ въ нихъ характерное для общихъ научно-богословскихъ взглядовъ изслѣдуемаго автора. Г. Ремезова интересовали не частности научныхъ изслѣдованій А. Луази—мало для науки интерес-

ныхъ!—а его идея взаимоотношенія Церкви и науки, позволявшая ему въ ученыхъ трудахъ одновременно быть и отрицателемъ и „добрымъ католикомъ“. Наконецъ, 6-я глава—„Историческій синтезъ“—характеризуетъ модернистическую апологетику. Здѣсь излагается и разбирается сочиненіе Луази—„L'évangile et l'église“, эта своеобразная апологія исторической церкви. Въ послѣднихъ главахъ, такимъ образомъ, дана довольно полная характеристика взглядовъ какъ Луази, такъ и вообще модернистовъ.

Подробно и въ широкой перспективѣ характеризуя А. Луази, г. Ремезовъ обнаружилъ не одну только *освѣдомленность* въ литературѣ, но и хорошую *освоенность*. Хотя въ сочиненіи много иногда довольно пространныхъ выписокъ, но это ничуть не значитъ, что сочиненіе компилятивно. Нѣтъ, прочитавъ обширную литературу, авторъ не мало и подумалъ надъ прочитаннымъ. Литература и чужія сужденія нисколько его не подавили; не растерялся онъ и во множествѣ идей и лицъ, которыхъ неизбѣжно пришлось коснуться при отмѣченной широтѣ постановки всего дѣла изслѣдованія. Онъ остался самостоятельнымъ въ характеристикѣ модернистическихъ взглядовъ и въ построеніи всего своего сочиненія. При достаточной обширности (стр. 249= около 200 стр. печатныхъ) сочиненіе г. Ремезова представляется цѣльнымъ и стройнымъ, не страдаетъ отъ повтореній или уклоненій въ сторону.

Въ полномъ согласіи съ темой г. Ремезовъ не ограничивается характеристикой модернизма, но даетъ и оцѣнку тѣхъ или другихъ пунктовъ излагаемыхъ воззрѣній. Производить эту оцѣнку автору помогали прочитанныя имъ критическія статьи; имъ обязанъ онъ многими изъ своихъ интересныхъ и мѣткихъ критическихъ сужденій (напр. стр. 123 слл.), но и собственныя критическія замѣчанія г. Ремезова иногда весьма дѣльны. Такъ онъ блестяще вскрываетъ, напр., непослѣдовательность сужденій А. Луази по вопросу о формаціи новозавѣтнаго канона независимо отъ апостольскаго происхожденія отдѣльныхъ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ (стр. 172—177). Какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, критика имманентна разбираемымъ взглядамъ, судитъ ихъ по ихъ же собственнымъ законамъ, а потому справедлива и убѣдительна.

Таковы крупнѣйшія достоинства работы студента Ремезова.

Есть въ ней и нѣкоторые недостатки. Чувство досады возбуждаетъ въ рецензентѣ стиль сочиненія. Правда, прочитанныя авторомъ французскія книги не могутъ быть названы образцовыми въ стилистическомъ отношеніи; имъ не достаетъ настоящей французской легкости и изящности. Однако лучшія черты пособій отразились на стилѣ и г. Ремезова. Его стиль обыкновенно легкій и не имѣетъ глубокомысленной туманности; его сужденія прозрачны; его рѣчь понятна. Тѣмъ досаднѣе становятся многочисленныя стилистическія шероховатости и ошибки, которыхъ не мало и въ переводахъ и въ собственной рѣчи автора. Спѣшность ли работы вообще или недостатокъ въ концѣ года времени для отдѣлки стиля были тому причиной,—но приходится отмѣтить непріятный фактъ: почти на каждой страницѣ сочиненія что-нибудь обстоитъ не вполнѣ благополучно по части стиля (См. стр. 2. 3. 9. 23. 48. 49. 50. 52. 86. 89. 90. 95. 103. 106. 117. 120. 121. 122. 125. 127. 131. 144. 145. 146. 150. 151. 152. 161. 171. 173. 181. 188. 192. 193. 214. 218. 244).

Въ глл. 4 и 5 авторъ дѣлаетъ нѣкорыя „историческія справки“ по инымъ частнымъ вопросамъ. Эти справки несравненно болѣе слабы, чѣмъ справки въ глл. 2 и 3. Авторъ не могъ указать мѣсто работъ А. Луази по исторіи канона въ средѣ подобныхъ же ученыхъ работъ. Исторія канона за послѣднее время составляетъ собственность нѣмецкой науки. Въ нѣмецкихъ трудахъ по исторіи канона и можно указать источникъ многихъ мыслей Луази—его раздѣленія каноничности и подлинности, мысли о значеніи практическаго фактора въ образованіи канона и о вліяніи на установленіе новозавѣтнаго канона уже установившагося канона ветхозавѣтнаго. Авторъ же указываетъ (стр. 152) лишь Рейсса, какъ „ближайшаго предшественника А. Луази въ работѣ надъ исторіей канона“; при томъ невѣрно называетъ (стр. 154) трудъ Рейсса, касающійся исторіи канона.

На стр. 184 слл. авторъ обнаруживаетъ недостаточную освѣдомленность въ исторіи девтеро-каноническихъ или неканоническихъ ветхозавѣтныхъ книгъ на Востокѣ.

Излишни для цѣлей автора нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи ветхозавѣтнаго текста, которыя онъ беретъ у Луази (стр.

202—209). Свѣдѣнія эти вовсе не характерны и стоятъ въ сочиненіи какъ-то случайно.

Нерѣдко хотѣлось бы видѣть болѣе обстоятельную критику излагаемыхъ воззрѣній, особенно богословскихъ. Такъ, изложивъ концепцію религіи Луази (теорію имманенціи), авторъ спрашиваетъ: „Что можетъ сказать современный православный богословъ относительно (этой) концепціи религіи?“ Дальше, на стр. 133—135, авторъ въ качествѣ современнаго православнаго богослова говоритъ и мало и поверхностно. Критикуя L'église et l' évangile (стр. 241—248), авторъ обращается къ евангельскому тексту и даетъ разборъ аргументаціи Луази, но разборъ кратокъ и конспективенъ, носитъ характеръ скорѣе замѣтокъ.

Нѣтъ у автора ни предисловія, ни заключенія. Онъ не обобщилъ своихъ выводовъ касательно модернизма; они у него разсѣяны по всему сочиненію. Стройное и цѣльное, какъ сказано, сочиненіе производитъ впечатлѣніе оборваннаго при самомъ концѣ.

Въ рѣчь автора о развитіи догматовъ вкралось одно очень досадное недоразумѣніе: въ своихъ французскихъ пособіяхъ онъ не узналъ преподобнаго Викентія Лиринскаго, принялъ его за француза и чуть ли даже не за модерниста. Преподобный Викентій обратился у него въ Vincent'a de Larins. Въ 4 прим. на стр. 119 читаемъ: „Houtin указываетъ статьи, гдѣ сопоставляются эволюціонистическія теоріи Ньюмана, Vincent'a и Боссюэта. Но за неимѣніемъ въ нашемъ распоряженіи этого матеріала, мы не считаемъ своей задачей уходить дальше Ньюмана.“ Но познакомиться съ преп. Викентіемъ было-бы гораздо легче, чѣмъ съ Ньюманомъ; его Commonitorium давно существуетъ въ русскомъ переводѣ. Если-бы преп. Викентій извѣстенъ былъ г. Ремезову, онъ, конечно, безъ труда узналъ-бы его во французскомъ Vincent'ѣ.

Отмѣченные недостатки нисколько не препятствуютъ рецензенту въ качествѣ общаго сужденія сказать: для годичнаго срока г. Ремезовъ сдѣлалъ и много и хорошо. Онъ обнаруживаетъ въ своемъ сочиненіи и широту взгляда, и серьезность отношенія къ дѣлу, и незаурядную способность отчетливо и цѣльно представлять цѣлыя движенія и направленія въ области западно-европейской философской и богословской мысли.

За свою интересную, весьма содержательную и талантливую работу г. Ремезовъ безспорно заслуживаетъ не только степени кандидата богословія, но и нарочитой похвалы.“

39) О сочиненіи студента *Романова Александра* на тему: „Расколъ старообрядчества въ Поморьѣ въ XVII—XVIII вв.“

а) Доцента *Н. В. Лысогорскаго:*

„Авторъ ставитъ „своей задачей прослѣдить жизнь раскола на сѣверѣ Россіи—въ Поморьѣ“ (стр. XXVI). При этомъ онъ оговаривается, „что хотя „Поморьемъ“ на административномъ языкѣ XVII ст. назывались мѣстности на сѣверѣ Европейской Россіи не только по берегамъ Бѣлаго моря и по Онежскому озеру, но и по рѣкамъ Онегѣ, Сѣверной Двинѣ, Мезени, Печерѣ и Кемѣ съ Вяткой, но... мы разсматриваемъ расколъ главнымъ образомъ по берегамъ Бѣлаго моря и по Онежскому озеру, такъ какъ здѣсь главнымъ образомъ сосредоточивалась жизнь поморскаго раскола и такъ какъ этой мѣстности по преимуществу усвояется раскольниками названіе „Поморья“ (стр. XXVII—XXVIII).

Соотвѣтственно указанной задачѣ авторъ разсматриваетъ условія, благопріятствовавшія распространенію раскола въ Поморьѣ (гл. I), и самую здѣсь жизнь раскола до созданія крупнаго раскольничьяго центра на Выгѣ (гл. II); затѣмъ постепенный ростъ Выговской пустыни, причины его, внѣшнюю и внутреннюю организацію общины (гл. III—IX), наконецъ (гл. X) вкратцѣ исторію поморскаго раскола въ царствованіе Екатерины II до конца XVIII в. (стр. 1—496). Такимъ образомъ авторъ захватываетъ въ своемъ сочиненіи всѣ важнѣйшія стороны жизни поморскаго раскола. При детальномъ выполненіи своей работы онъ обнаружилъ и достаточное умѣнье справляться съ массой матеріала. Онъ хорошо проштудировалъ немалое количество источниковъ и пособій, относящихся къ своему предмету, извлекъ изъ нихъ нужныя для себя свѣдѣнія и изложилъ ихъ въ удовлетворительной системѣ.

Недостатокъ сочиненія составляютъ нѣкоторые недосмотры, повидимому, происшедшіе въ зависимости отъ спѣшности работы. Такъ въ гл. V-ой авторъ замѣчаетъ: „вмѣстѣ съ этими трудами *о внутреннемъ* и внѣшнемъ благоустроеніи

жизни выговскихъ пустынножителей“ и т. д. (стр. 306). Въ дѣйствительности о внутреннемъ благоустроеніи Выговской общины авторъ разсуждаетъ въ дальнѣйшихъ главахъ, а не въ этой. На стр. 478 и 480 авторъ, сверхъ объема своей темы, касается времени Александра I и Николая I, безъ всякой для себя надобности. На стр. 125 царевну Софью называетъ „авторомъ“ 12 статей о расколѣ.

Какъ работа для полученія степени кандидата богословія сочиненіе г. Романова очень хорошее“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе г. Романова не представляетъ чего-н. новаго и оригинальнаго по взятому вопросу: извѣстные уже въ наукѣ источники и достаточная литература помогли ему довольно ясно и послѣдовательно передать исторію старообрядства въ Поморьѣ за XVII и XVIII стол., главнымъ образомъ, конечно, знаменитой Выговской пустыни. Планъ сочиненія естественный, не замѣтно излишняго многословія. Недостаткомъ работы надо признать прежде всего пробѣлы въ источникахъ и литературѣ вопроса,—напр., излагая исторію самосожигательства въ Поморскомъ краѣ и стараясь осмыслить это явленіе, авторъ не ссылается ни разу на интересный трактатъ „О самоубійственныхъ смертехъ“, открытый и изданный *Хр. М. Лопаревымъ*; изучая исторію Поморья, онъ не прочелъ, видимо, II томъ изслѣдованія *проф. М. М. Богословскаго* „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“, гдѣ нашелъ бы очень полезный для себя отдѣлъ о сѣв.-русскомъ приходѣ.—Стиль сочиненія въ общемъ удовлетворительный, но встрѣчаются по мѣстамъ нескладицы, стр. 161, 222, 205, несуществующія слова и непринятыя выраженія, напр. „сосредоточіе“, „страшно-мистическій взглядъ“ (246, 220).—Но главный недостатокъ работы—странная оцѣнка отношеній правительства къ старообрядству вообще и къ поморскому въ частности. Авторъ исполненъ вѣры, что нормальныя отношенія государства къ старообрядству — это гоненія съ цѣлью искорененія. Описываетъ онъ преслѣдованія противниковъ церкви и рядъ случаевъ массоваго самосожженія въ к. XVII в., вслѣдствіе чего расколъ на сѣверѣ не успѣлъ пока съорганизоваться въ общежитіе подобное Выгорѣцкому. Казалось бы, что можетъ быть ошибочнѣе такой политики

и что можетъ быть ужаснѣе того явленія, которое она вызвала? Между тѣмъ г. Романовъ непосредственно послѣ этого пишетъ буквально слѣдующее. „*Къ несчастію*, условія не замедлили сложиться въ духѣ, благопріятствовавшемъ расколу, когда періодъ гоненія на раскольниковъ смѣнился болѣе спокойнымъ къ нему отношеніемъ со стороны правительства. Это время—время царствованія Петра Великаго“ (118—119 стр.). Въ 1725 г. внесено было въ Синодъ предложеніе „уничтожить самое гнѣздо выгорѣцкаго раскола, разселивъ по разнымъ мѣстамъ его жителей, большею частью бѣжавшихъ съ разныхъ городовъ и селеній... Но, *къ сожалѣнію*, дѣло это не имѣло дальнѣйшаго хода и осталось лишь однимъ писаннымъ проектомъ, равно какъ и другое постановленіе Сѵнода (отъ 7 авг. 1727 г.) объ отобраніи у раскольниковъ книгъ и арестѣ главныхъ учителей Данилы, Андрея и другихъ“ (394—95). Подобныя заявленія производятъ крайне тяжелое впечатлѣніе. И какою фальшью звучатъ у г. Романова заключительныя строки его сочиненія: „И долгъ всякаго культурнаго человѣка, въ комъ ярко говоритъ свѣтильникъ братства и любви къ ближнимъ, кто болѣетъ и страдаетъ душею за русскій народъ-богоносецъ,— помочь сбросить расколу этотъ темный покровъ „съ догматовъ и установленій“, направить эту силу въ должную сторону и объединить всѣхъ подъ кровомъ любящей нашей матери—единой св. православной церкви Христовой“ (496). Неужели же г. Романовъ полагаетъ, что считать несчастьемъ спокойное отношеніе правительства къ старообрядству и сожалѣть о неудачѣ разгрома ихъ пустыни совмѣстимо съ долгомъ культурнаго человѣка, съ чувствомъ братства и любви къ ближнимъ, съ состраданіемъ къ нашему многотерпѣливому народу и, наконецъ, съ пользой церкви?! Не есть ли это, напротивъ, „темный покровъ“, печальный для человѣка, оканчивающаго высшую богословскую школу? Авторъ не замѣчаетъ, что именно преслѣдованія и усиливали расколъ, дѣлали его все тверже и тверже, и успѣхи поморскаго старообрядства при Петрѣ обусловливались въ концѣ концовъ ошибками предшествующей политики, а вовсе не излишней снисходительностью преобразователя Россіи.

Для степени кандидата богословія сочиненіе г. Романова достаточно“.

40) О сочиненіи студента *Семенова Андрея* на тему: „Патріархи Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ по твореніямъ Амвросія Медіоланскаго“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Въ святоотеческой литературѣ нерѣдко анализируется глубокая психологія библейскихъ лицъ. Съ этой точки зрѣнія писанія отцовъ Церкви имѣютъ особый интересъ для библеиста, какъ вскрывающія внутреннія переживанія свѣточей древняго израиля—патріарховъ и пророковъ.

Студентъ Семеновъ, по требованію темы, долженъ былъ остановить свое вниманіе на трехъ ветхозавѣтныхъ патріархахъ—Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ. Въ своемъ сочиненіи онъ и дѣлаетъ это, основываясь въ своихъ сужденіяхъ на твореніяхъ Амвросія Медіоланскаго.

Все сочиненіе г. Семенова распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) Призваніе Авраама; 2) путешествіе Авраама въ Египетъ; 3) разлученіе Авраама съ Лотомъ; освобожденіе послѣдняго изъ плѣна и встрѣча съ Мельхиседекомъ; 4) обѣтованіе Божіе Аврааму; 5) Агарь и Измаилъ, обѣтованіе о рожденіи Исаака и установленіе обрѣзанія; 6) явленіе Аврааму Бога; 7) пребываніе Авраама въ Герарѣ, рожденіе Исаака и изгнаніе Агари; 8) жертвоприношеніе Исаака; 9) женитьба Исаака; 10) Іаковъ.

Для выполненія работы г. Семенову пришлось сдѣлать переводъ слѣдующихъ трактатовъ изъ сочиненій Амвросія Медіоланскаго: „De Patriarchis“, „De Abraham“, „De Isaac“, „De Iacob“. Эту работу и выполнилъ нашъ авторъ, пользовавшійся при переводѣ необходимыхъ для него трактатовъ какъ изданіемъ Migne'я, такъ и новымъ изданіемъ сочиненій того же отца Церкви въ Corpus Script. Ecclesiastic. Latinor.

Изъ сочиненія автора видно, что онъ отнесся къ своей темѣ съ надлежащимъ вниманіемъ. Переводъ трактатовъ, за немногими исключеніями, довольно точный. Внимательно слѣдя за ходомъ мыслей у Амвросія Медіоланскаго, авторъ съ особенною тщательностью останавливается на тѣхъ мѣстахъ, которыя представляютъ не малыя трудности при изъясненіи ихъ. Къ таковымъ мѣстамъ нужно отнести, напримѣръ, повѣствованіе Библіи о рожденіи Измаила отъ рабыни, о Мельхиседекѣ, о благословеніи дѣтей Іаковомъ.

Понялъ авторъ и значеніе сравнительной оцѣнки сужденій св. Амвросія. Онъ или приводитъ параллели, или указываетъ пункты расхожденія св. Амвросія съ другими отцами Церкви, уяснявшими отдѣльные моменты изъ жизни великихъ патріарховъ. Для этой цѣли онъ обращается къ сочиненіямъ Іустина Философа, Тертулліана, Иринея, Аѳанасія Александрійскаго, Іоанна Златоуста и др.

Но рецензентъ долженъ отмѣтить, что, сопоставляя сужденія св. Амвросія съ сужденіями другихъ отцовъ Церкви, г. Семеновъ не выясняетъ побужденій, по которымъ онъ дѣлаетъ это, благодаря чему его сопоставленія носятъ, до нѣкоторой степени, случайный характеръ. Правда, у автора имѣется одно мотивированное сопоставленіе трактатовъ св. Амвросія съ сужденіями Филона, напр.: объ именахъ Авраама, Агари, Мельхиседека, о символикѣ чиселъ. Но это сопоставленіе ограничивается всего нѣсколькими сближеніями мыслей св. отца съ однородными мыслями Филона. Между тѣмъ г. Семеновъ утверждаетъ, что св. Амвросій „несомнѣнно“ пользовался Филономъ и не только пользовался имъ, но черпалъ „иногда полною рукою изъ находившихся предъ нимъ источниковъ и пособій“ и „компилировалъ (?) заимствованное (?)“.

Говоря объ *источникахъ* и *пособіяхъ*, авторъ имѣетъ, очевидно, въ виду одного Филона и его сочиненія, такъ какъ только о немъ говоритъ съ рѣшительностью, какъ о писателѣ, вліявшемъ на св. Амвросія. Но чтобы съ правомъ утверждать это, г. Семенову не слѣдовало ограничиваться четырьмя или пятью параллелями сходныхъ сужденій двухъ авторовъ, какъ дѣлаетъ онъ, но необходимо было обстоятельно отмѣтить возможно большее количество сходныхъ мыслей. Между тѣмъ, онъ говоритъ, что „можно указать *много* и другихъ примѣровъ“, на основаніи коихъ слѣдуетъ установить взаимоотношеніе трактатовъ св. Амвросія и сочиненій Филона—и въ то же время даетъ слишкомъ мало этихъ примѣровъ. Послѣднее рецензентъ и считаетъ главнымъ недочетомъ разсматриваемаго сочиненія.

Но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что г. Семеновъ съ похвальнымъ усердіемъ выполнилъ нелегкій трудъ перевода интересовавшихъ его трактатовъ изъ сочиненій св. Амвросія и не только передалъ его мысли, но всюду ста-

рался говорить его языкомъ, мы должны признать, что авторъ добросовѣстно выполнилъ существенную часть своей работы, почему онъ и долженъ быть признанъ вполнѣ достойнымъ степени кандидата богословія".

б) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Страхова:*

„Авторъ поставилъ своею задачею изслѣдовать исторію патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова по твореніямъ св. Амвросія Медіоланскаго. Все сочиненіе автора, естественно, распадается на три части. Въ первой части излагается исторія патріарха Авраама, во второй—исторія патріарха Исаака и въ третьей—Іакова. Источникомъ для первой части служитъ сочиненіе св. Амвросія „De Abraham"; для второй—это же сочиненіе и „De Isaac", для третьей — „De Patriarchis". Выполненіе авторомъ своей задачи нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. Авторъ забываетъ, что ему надо изслѣдовать исторію названныхъ еврейскихъ патріарховъ по твореніямъ св. Амвросія Медіоланскаго, и сбивается на общія разсужденія объ этихъ патріархахъ по пособіямъ совсѣмъ другого характера. Напр. онъ часто цитуетъ „Исторію и будущность теократіи" Вл. С. Соловьева, „Библейскую Исторію" Лопухина, „Священную Лѣтопись" Властова и др. Автору слѣдовало бы строго имѣть въ виду свою задачу и указывать на особенности экзегезиса св. Амвросія тамъ, гдѣ это нужно, а не писать обыкновенныхъ библейскихъ трактацій объ Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ: объ этихъ патріархахъ уже написано много и лучше, чѣмъ это сдѣлано авторомъ.

Указанная методологическая ошибка автора нѣсколько покрывается болѣе или менѣе тщательнымъ изученіемъ названныхъ твореній св. Амвросія и удовлетворительнымъ изложеніемъ его нравоучительнаго и, главнымъ образомъ, аллегорическаго толкованія исторіи патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова. Творенія св. Амвросія авторъ изучалъ по изданію Миня и по новѣйшему Вѣнскому изданію (Corpus scr. Eccles. Latinorum). Авторскій переводъ сочиненій св. Амвросія нельзя назвать вездѣ удачнымъ и правильнымъ. Слово disciplina, напр., авторъ переводитъ словомъ „порядочность" (с. 18), выраженіе—a primo vestibulo domus переводитъ: „по наруж-

ному виду дома“ (с. 18). Очень тяжелъ и нескладенъ переводъ на стр. 117—118. Встрѣчаются и другія погрѣшности въ сочиненіи автора. Въ концѣ сочиненія авторъ затронулъ вопросъ о зависимости Амвросія въ его иносказательныхъ объясненіяхъ отъ Филона, но отвѣтилъ на него такъ общо, слабо и бездоказательно, что было бы лучше этого вопроса совсѣмъ не касаться. Стиль автора не вездѣ правиленъ и чистъ, особенно на сс. 17 („нравственно-гнилые люди“), 59, 192, 195 и др.

Принимая во вниманіе, однако, строго библейское освѣщеніе авторомъ исторіи патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова, болѣе или менѣе удовлетворительный переводъ упомянутыхъ сочиненій Амвросія и, несомнѣнно, добросовѣстное отношеніе автора къ своему дѣлу, — я нахожу возможнымъ признать г. Семенова достойнымъ кандидатской степени“.

41) О сочиненіи студента *Сидоренкова Алексѣя* на тему: „Отношеніе гражданской власти къ расколу въ царствованіе Александра I“.

а) Доцента *Н. В. Лысогорскаго:*

„Вопросъ объ отношеніи гражданской власти къ расколу въ царствованіе Александра I принадлежитъ къ числу неразработанныхъ въ наукѣ. Автору предстояло самому разбираться въ существующихъ фактахъ, разрозненныхъ и разбросанныхъ, самому собирать ихъ и группировать въ одно цѣлое. „Моя работа, справедливо заявляетъ авторъ, первый опытъ по данному вопросу“ (IX стр.). Въ этой самостоятельности несомнѣнная заслуга автора.

Надлежащаго же умѣнья въ распредѣленіи матеріала авторъ не обнаружилъ. Добытыя свѣдѣнія г. Сидоренковъ располагаетъ въ пяти главахъ безъ всякихъ мотивовъ, просто потому, что „изъ всѣхъ предносившихся въ его сознаніи плановъ“ избранный имъ „показался“ ему „наиболѣе подходящимъ“. Составленный безъ достаточныхъ основаній планъ оказался не вполнѣ удачный. Въ исторіи отношеній правительства Александра I къ расколу авторъ различаетъ два періода— первый съ 1801 по 1810 г., второй—съ 1810 по 1825 г. Въ главѣ IV-й авторъ характеризуетъ „общее состояніе раскола“

и „отношеніе къ нему гражданской власти *въ первый періодъ*“. И здѣсь же говоритъ объ „установкѣ новаго взгляда на расколъ“ и „о перемѣнѣ убѣжденій государя“,—разсуждаетъ о томъ, чѣмъ начинается второй періодъ. Матеріалъ этой главы, по его характеру, цѣлесообразнѣе было помѣстить частью въ предыдущихъ главахъ, касающихся перваго періода, частью—въ V-й главѣ, гдѣ рѣчь ведется о второмъ періодѣ.—Въ заглавіи III-й главы („Отношеніе къ расколу исполнительной власти — губернаторовъ и чиновниковъ“) авторъ не отмѣчаетъ періода времени, который онъ имѣетъ въ виду. Но глава эта непосредственно примыкаетъ къ предшествующей и начинается такими фразами: „Такова была программа дѣйствій и таковы были распоряженія Алесандра I относительно раскола *за первый періодъ*“. Какъ же „*къ этимъ начинаніямъ* правительства относилась власть исполнительная“ (72 стр.). Затѣмъ въ началѣ слѣдующей, IV-й главы говорится опять о первомъ періодѣ. Къ разсмотрѣнію 2-го періода авторъ приступаетъ уже на дальнѣйшихъ страницахъ. Словомъ, содержаніе III-й главы, судя по приведеннымъ даннымъ, должно было обнимать время съ 1801 по 1810 г. Въ дѣйствительности авторъ описываетъ въ ней факты и позднѣйшаго времени—1818 г., 1820 г., 1822 г. (стр. 82—84).—Подобная же путаница наблюдается на стр 99—106.

Въ самомъ содержаніи сочиненія встрѣчаются мысли невѣрныя. Такъ авторъ, по недоразумѣнію, причисляетъ къ „новымъ сектамъ“, „во множествѣ“ появившимся въ царствованіе Александра I, „секту (?) поморскую“, открывшуюся въ 1808 г. въ Нижегородской губерніи (стр. 103—104). „Съ 1804 г., по мнѣнію автора, начала усиливаться секта послѣдователей Иргизскихъ монастырей“ (стр. 104). Какъ будто монастыри на Иргизѣ населены были какою-то сектою?! На стр. 92 авторъ утверждаетъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ впервые были получены свѣдѣнія отъ московскаго гражданскаго начальства о рогожскомъ кладбищѣ только въ 1823 г.; до того времени о немъ въ помянутомъ министерствѣ не было „ни малѣйшаго извѣстія“. Въ пособіяхъ, указанныхъ авторомъ во введеніи, имѣются документальныя свѣдѣнія, не соотвѣтствующія означеннымъ увѣреніямъ.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе г. Сидоренкова удовлетворительно".

б) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Сидоренкова, состоящее изъ пяти главъ, распадается на двѣ части. Первая изъ нихъ посвящена характеристикѣ отношенія правительства Александра I къ старообрядчеству и положенію старообрядцевъ до 1810 г.; во второй—авторъ разсматриваетъ послѣдніе 15 лѣтъ Александровскаго царствованія. Разчленить такимъ образомъ изученіе побудило его различіе въ отношеніи правительственной власти къ расколу въ эти два періода, а это различіе авторъ ставитъ въ связь съ перемѣной въ настроеніи самого Александра I. Однако, на нашъ взглядъ, какъ религіозное настроеніе императора Александра Павловича въ первые годы царствованія, такъ и перемѣны въ немъ происшедшія изображены авторомъ недостаточно отчетливо и полно. Непонятнымъ мѣстомъ остались для насъ слова автора въ характеристикѣ Александра на стр. 6: „государственное направленіе Александра I выработалось среди противоположныхъ и сильныхъ впечатлѣній его юныхъ лѣтъ, сначала впечатлѣній крайняго революціоннаго движенія въ Европѣ конца XVIII вѣка, потомъ впечатлѣній такихъ же крайностей монархической реакціи царствованія Екатерины II". Недоумѣваю, въ чемъ авторъ усмотрѣлъ монархическую реакцію въ царствованіи Екатерины II, конецъ котораго какъ разъ и совпадаетъ съ революціей во Франціи. Но въ общемъ сочиненіе написано ясно и читается съ интересомъ".

42) О сочиненіи студента *Скворцова Сергѣя* на тему: „Преобразовательная дѣятельность Петра Великаго въ отношеніи къ Церкви".

а) И. д. доцента *Н. Д. Кузнецова:*

„Кандидатское сочиненіе Сергѣя Скворцова: „Преобразовательная дѣятельность Петра Великаго въ отношеніи къ Церкви" представляетъ изъ себя хорошую работу. Какъ подобаетъ каждому серьезному изслѣдователю, авторъ разсматриваетъ этотъ вопросъ въ исторической перспективѣ, что

позволяетъ ему приходить къ болѣе правильнымъ заключеніямъ при опредѣленіи значенія реформы Петра. Такая вполнѣ научная постановка вопроса является особенно необходимой въ наше время, когда многіе берутъ реформу Петра I независимо отъ вызвавшихъ ее историческихъ условій и производятъ надъ ней свой поверхностный судъ подъ вліяніемъ личныхъ симпатій или антипатій и тѣмъ вводятъ въ заблужденіе другихъ, которые сами уже не могутъ разбираться въ историческихъ явленіяхъ. Соотвѣтственно такой постановкѣ вопроса сочиненіе г. Скворцова раздѣляется на двѣ части. Въ первой части онъ старается выяснить положеніе церковныхъ дѣлъ на Руси за время до Петра Великаго. Естественно, авторъ долженъ былъ обратить вниманіе на ту роль, которая принадлежала въ нихъ Царю, и тѣмъ подорвать распространяемую многими со слабыми историческими познаніями лицами сказку о свободѣ Русской Церкви отъ опеки государства до Петра I.

Роль царя въ Россіи авторъ справедливо ставитъ въ связь съ началами, заимствованными нами изъ Византіи. Но, къ сожалѣнію, самая роль царя въ церковномъ управленіи въ Россіи въ очень характерныхъ для нея подробностяхъ авторомъ выяснена недостаточно. Повидимому, онъ не пользовался, напримѣръ, такими интересными и серьезными изслѣдованіями въ этой области, какъ послѣднія сочиненія профессора Московской Академіи Н. Ѳ. Каптерева. Въ сочиненіи г. Скворцова нѣтъ ни одной ссылки на эти работы, а между тѣмъ съ ними во всякомъ случаѣ долженъ такъ или иначе считаться каждый, желающій изучить вопросъ о состояніи церковнаго управленія въ Россіи до Петра I. Вѣроятно, этимъ незнакомствомъ съ изслѣдованіями профессора Н. Ѳ. Каптерева нужно объяснить неясныя и едва-ли справедливыя замѣчанія автора, какъ напримѣръ, что митрополиты и патріархи управляли Церковью при участіи царя, или что государственная власть является какой-то пособницей патріарху.

Если же обратиться по этому вопросу къ сочиненіямъ профессора Каптерева, то мы видимъ, что Московскій царь управлялъ церковными дѣлами вовсе не въ качествѣ пособника патріарху, а по меньшей мѣрѣ самостоятельно, независимо отъ патріарха. Самъ профессоръ Каптеревъ, какъ извѣстно,

идетъ даже далѣе и находитъ возожнымъ утверждать, что русскіе церковные соборы въ Московскомъ государствѣ представляли лишь совѣщательные органы царя по дѣламъ церковнымъ, а патріархи, не исключая и Никона, во всѣхъ отношеніяхъ находились въ большой зависимости отъ царя и часто являлись простыми исполнителями его воли.

Не слѣдуетъ забывать, что вѣдь и самъ патріархъ Никонъ писалъ Константинопольскому патріарху—Діонисію, что на Руси „нынѣ вся бываетъ царскимъ хотѣніемъ...“

Центральное церковное управленіе при патріархахъ авторъ справедливо характеризуетъ, какъ приказное. Оно все распадалось на рядъ приказовъ и несло въ себѣ множество недостатковъ, вредно отзывавшихся на всей церковной жизни.

Бюрократизмъ русскаго церковнаго управланія, на который жалуются теперь, до Петра былъ не меньше и лишь имѣлъ другую форму.

Авторъ справедливо пишетъ, что центральное управленіе дѣлами церкви, сосредоточившееся въ патріаршихъ приказахъ, проходило чрезъ многочисленный классъ десятильниковъ, приказныхъ дьяковъ и подъячихъ, которые намѣренно умножали приказныя дѣла, потому что за разбирательство ихъ брали пошлины въ свою пользу. Прикрываясь именемъ и властію патріарха, они нерѣдко совершали разныя преступленія, которыя помимо воли патріарха возбуждали въ обществѣ недовольство патріаршимъ управленіемъ и тѣмъ еще болѣе отдаляли патріарха отъ его паствы. Съ устройствомъ приказовъ и усиленіемъ приказной системы въ протестахъ противъ нихъ яркими красками рисуются неприглядныя черты этой системы въ церковномъ управленіи.

Переходя къ епархіальному управленію до Петра, авторъ отмѣчаетъ ненормальное положеніе въ немъ архіерея, который еще въ то время началъ выступать на Руси въ качествѣ духовнаго сановника, склоннаго къ произволу и не имѣющаго достаточно нравственно-духовной связи съ паствой.

Около архіерея стоялъ, напримѣръ, рядъ служилыхъ людей, отдѣлявшихъ его отъ паствы, относительно которыхъ въ Духовномъ Регламентѣ прямо сказано: „Слуги архіерейскіе обычно бываютъ лакомыя скотины и, гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостью и безстудіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются...“

Далѣе г. Скворцовъ останавливаетъ вниманіе на положеніи прихода въ древней Руси. Онъ указываетъ на его недостатки, на отсутствіе ясно установленнаго порядка управленія, вызывавшаго иногда самоволіе со стороны прихожанъ и вредъ для пастырской дѣятельности духовенства. Отмѣтить все это вполнѣ своевременно въ виду стремленія нѣкоторыхъ возстановить у насъ приходскую жизнь въ томъ видѣ, какъ она была до Петра.

Наконецъ, авторъ заключаетъ первую часть своей работы разсмотрѣніемъ положенія церковныхъ вотчинъ до Петра и находитъ управленіе ими неправильнымъ. Изученный авторомъ такимъ образомъ историческій матеріалъ приводитъ его къ выводу, что церковныя дѣла на Руси вопіяли о преобразованіяхъ. Петру Великому, по его замѣчанію, исторія русской церкви поставила цѣлый рядъ жгучихъ и неотложныхъ вопросовъ, покончить съ которыми нужно было разъ навсегда.

Вторую часть своего сочиненія г. Скворцовъ посвящаетъ церковной реформѣ Петра и старается показать въ отношеніи ея вліяніе на Петра Великаго идей естественнаго права, къ числу которыхъ относится и коллегіальная система управленія.

Выясненіемъ положенія церковныхъ дѣлъ до Петра авторъ подготовилъ сознаніе читателя къ возможно широкому пониманію реформы Петра. Въ головѣ читателя возникаетъ относительно ея много вопросовъ, которые требуютъ разрѣшенія или по крайней мѣрѣ обсужденія во второй части труда. Но, къ сожалѣнію, авторъ оставилъ безъ вниманія многіе изъ этихъ вопросовъ и, такъ сказать, не до конца использовалъ нарисованную имъ историческую переспективу. Слѣдуя обычному теперь способу оцѣнки реформы Петра указаніемъ вліянія на нее естественнаго права, авторъ подобно многимъ другимъ изслѣдователямъ не задается вопросомъ, да почему же Петръ поддался этому вліянію и находилъ возможнымъ поступить такъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ дѣлахъ церковныхъ преобразованій?

Не была ли подготовлена для всего этого почва еще въ древней Руси? Не древняя ли Русь въ лицѣ прежнихъ московскихъ царей создала для сознанія Петра возможность дѣйствовать, какъ онъ находилъ нужнымъ? Вѣдь еще до Петра I въ Россіи потеряла свое значеніе въ церковномъ

управленіи идея соборности, что особенно обнаружилось въ періодъ патріаршій. Петръ, какъ видно изъ содержанія Духовнаго Регламента, чувствовалъ большой недостатокъ въ церковномъ управленіи именно въ этомъ отношеніи. Но самъ царь не былъ въ состояніи разобраться въ этомъ, а люди, которые должны были помочь ему въ этомъ важномъ дѣлѣ, не исполнили лежащей на нихъ обязанности. За возстановленіе идеи соборности была принята нѣсколько напоминающая ее идея коллегіальности. Конечно, эта идея съ точки зрѣнія нормъ церковнаго права не можетъ быть проводима въ церковное управленіе, и реформу Петра въ этомъ смыслѣ нужно признать не соотвѣтствующей духу каноновъ. Но когда эту реформу берутъ отрывочно, то выходитъ, что Петръ I—то и явился первымъ нарушителемъ каноновъ и устройства управленія Русской церкви. Между тѣмъ каноническое достоинство реформы Петра нужно обсуждать въ связи съ прежнимъ церковнымъ устройствомъ. Прежняя приказная система церковнаго управленія во главѣ съ духовнымъ сановникомъ патріархомъ, претендовавшимъ на равенство съ государемъ, столь же мало соотвѣтствовала духу каноновъ. Не представляетъ ли реформа Петра просто замѣну однихъ недостатковъ русскаго церковнаго управленія другими? Бюрократизмъ его, облеченный въ форму приказовъ, выступилъ теперь лишь подъ другой формой.

Еще большой вопросъ, когда устройство русскаго церковнаго управленія ушло дальше отъ требованія канонической нормы,—въ приказахъ ли и въ положеніи епископовъ въ Руси до Петра Великаго или въ коллегіальной системѣ и связанныхъ съ ней порядкахъ со времени Петра?

Всѣ эти важные для всесторонняго пониманія реформы Петра вопросы г. Скворцовъ подобно многимъ другимъ изслѣдователямъ совершенно не затрогиваетъ.

Но несмотря на все это сочиненіе г. Скворцова всетаки обладаетъ многими достоинствами, обнаруживаетъ въ немъ умѣнье разбираться въ историческомъ матеріалѣ и, конечно, по моему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата.“

б) Инспектора Академіи, экстраординарнаго профессора *архимандрита Анатолія:*

„Студентъ Скворцовъ взялъ обширную и отвѣтственную

тему. О церковныхъ реформахъ Императора Петра I хотя много написано, но споръ идетъ еще и по данное время. Эти реформы требуютъ внимательнаго изученія и строго-объективной, исторической и канонической, оцѣнки не только сами по себѣ, но потому, что онѣ положили начало нынѣшнему церковному строю и затрогиваютъ порой самыя больныя стороны этого строя. Г. Скворцовъ не далъ въ полной мѣрѣ ни той, ни другой оцѣнки реформъ Петра В. въ отношеніи къ церкви. Для этого надо было изучить вопросъ и глубже и детальнѣе. Авторъ предложилъ своего рода конспектъ (стр. 75—174), правда, очень толковый, предваренный большою историческою справкою о состояніи церковнаго управленія, прихода и хозяйства въ до-петровскую эпоху (18—65 стр.). Общую точку зрѣнія на трактуемый имъ предметъ, т. е. церковную реформу Петра Великаго, авторъ высказываетъ въ заключительныхъ строкахъ своей небольшой работы. „Если эти реформы", говоритъ онъ, „съ церковно-канонической точки зрѣнія не всегда были удовлетворительны, то съ новой современной Петру государственной точки зрѣнія онѣ были идеальны и безупречны во всѣхъ отношеніяхъ". Едва ли критерій для оцѣнки реформы Петра В. выбранъ авторомъ правильно. Автору надо было, если онъ хотѣлъ сколько-нибудь оправдать реформу Петра, выдвинуть принципъ цѣлесообразности, или церковнаго блага,— тотъ самый, который былъ формулированъ въ свое время проф. В. В. Болотовымъ въ такихъ словахъ:..... „та церковная реформа истинно-каноническая, которая, будучи введена, заявила себя наилучшими результатами, хотя бы за нее не было ни единаго прецедента". Но тогда надо было бы хотя кратко, но точно обрисовать весь синодальный періодъ русской церковной исторіи въ его существенныхъ чертахъ и результатахъ, чего авторъ и не пытается дѣлать. Онъ беретъ реформу Петра Великаго саму по себѣ и въ отношеніи къ предшествующему положенію церковныхъ дѣлъ и въ значительной мѣрѣ объясняетъ ее вліяніемъ идей естественнаго права. Но и въ такой постановкѣ авторъ достаточными штрихами обрисовалъ радикализмъ и широту церковной реформы Петра Великаго. Между прочимъ, одна деталь этой реформы осталась автору неизвѣстной. Уничтожая патріаршество и отрѣзывая пути къ его возстановленію, Петръ Ве-

ликій не только велѣлъ спрятать въ ризницы всѣ патріаршія регаліи, но и пожаловалъ право ношенія саккоса, до сихъ поръ принадлежавшее одному только патріарху, всѣмъ вообще епископамъ. Авторъ усвоилъ результаты спеціальныхъ работъ своихъ предшественниковъ и представилъ ихъ въ приличномъ изложеніи. Степени кандидата авторъ, на мой взглядъ, заслуживаетъ."

43) О сочиненіи студента *священника Соколова Іоанна* на тему: „Историческія науки въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ XIX столѣтія и желательная постановка ихъ".

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостьина*:

„Въ началѣ сочиненія о. Соколовъ даетъ длинный перечень своихъ источниковъ и пособій, изъ котораго видно, съ какой обширной и разнообразной литературой пришлось ему имѣть дѣло. Тутъ и уставы духовныхъ учебныхъ заведеній съ объяснительными записками къ нимъ, тутъ и программы разныхъ историческихъ наукъ съ цѣлыми курсами и краткими учебниками по нимъ, тутъ и исторіи духовныхъ семинарій, тутъ наконецъ многообразныя методики и журнальныя статьи и т. д. И дальнѣйшее изложеніе самаго изслѣдованія воочію убѣждаетъ насъ, что вся эта громадная литература не только просмотрѣна и перечислена, но и внимательно проштудирована нашимъ авторомъ. Благодаря этому, сочиненіе его отличается, можно сказать, исчерпывающею полнотою и обстоятельностію, особенно въ историко-критической части.

Послѣ общихъ разсужденій объ „образовательно-воспитательномъ *значеніи* историческихъ наукъ" (стр. 1—38) авторъ переходитъ далѣе къ описанію постановки этихъ наукъ въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ въ XIX столѣтіи и раздѣльно говоритъ о постановкѣ *гражданской* исторіи—всеобщей и русской (стр. 54—217), затѣмъ *библейской* (стр. 218—252) и наконецъ—*церковной*—общей и русской (стр. 253—390). Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ онъ подробно разсматриваетъ, прежде всего, программы по даннымъ предметамъ и объяснительныя къ нимъ записки, а потомъ—бывшіе въ упо-

требленіи учебники. Приговоры его объ этихъ послѣднихъ, по большей части, очень суровы и отрицательны.

Въ положительной части изслѣдованія, говоря о *желательной постановкѣ* историческихъ наукъ (стр. 321—478), о. Соколовъ кратко разбираетъ различные методы изложенія и преподаванія ихъ и высказываетъ рѣшительно убѣжденіе въ необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ самыхъ программахъ этихъ наукъ и въ составленіи новыхъ учебниковъ по нимъ, болѣе соотвѣтствующихъ основной цѣли воспитанія и образованія.

Заканчивается сочиненіе совершенно излишнимъ и нейдущимъ къ темѣ разсужденіемъ о вредѣ балловъ и экзаменовъ: словно баллы и экзамены имѣютъ мѣсто лишь при историческомъ обученіи?...

Въ этой второй части сочиненія приходится отмѣтить у о. Соколова довольно странное смѣшеніе понятій „методъ" и „пріемъ" преподаванія, вслѣдствіе чего „методами" оказываются „пособія и повторенія" (стр. 414) и даже кинематографы! (417). Кромѣ того, въ отдѣлѣ о *концентрическомъ* методѣ онъ непонятнымъ образомъ и постоянно пишетъ о „*концертахъ* въ изложеніи историческаго учебнаго матеріала" вм. *концентровъ* (399—400)!...

Впрочемъ, вообще должно признать корректуру въ разсматриваемомъ сочиненіи очень недостаточною. Много разъ пишется, напр.: „очерокъ" вм. очеркъ (стр. 347, 442, 461—2 и др.), „міропомазаніе" (282—3), „самонадѣятельность" вм. самодѣятельность (201), св. Анатолій" вм. св. Антоній (299), „исторической дѣятельности" вм. исторической дѣйствительности (384) и мн. т. под. Встрѣчаются и стилистически-нескладныя выраженія, какъ напр. „смѣшеніе разновременныхъ *явленій является* не случайнымъ *явленіемъ*" (213).

Но при всѣхъ этихъ мелкихъ и досадныхъ недостаткахъ сочиненіе о. Соколова должно быть признано весьма почтеннымъ научнымъ трудомъ, дающимъ автору полное право на степень кандидата богословія".

б) И. д. доцента *Н. Д. Протасова*:

„Сочиненіе о. Соколова прежде всего производитъ впечатлѣніе своей величиной: 478 страницъ крупнаго почтоваго формата, заполненныхъ шрифтомъ пишущей машины. Видно.

что у автора было много времени, энергіи и интереса къ взятой темѣ.

Работа автора значительно облегчалась самой темой, въ которой данъ планъ и методъ. И авторъ съ этой стороны отъ себя не привнесъ ничего. Его сочиненіе можно назвать историко-критическимъ по преимуществу, потому-что такимъ путемъ онъ шелъ не только въ первой части темы, но и вторую обратилъ въ критическій экскурсъ. Это не было трудно, такъ-какъ питомцы нашей Богословской школы особенно любятъ критику и съ успѣхомъ, по своему мнѣнію, примѣняютъ ее тамъ, гдѣ прежде всего требуется положительное творчество.

Въ началѣ сочиненія авторъ перечисляетъ 211 источниковъ и пособій для своей работы: кое-что ему приходилось штудировать и въ Московской Публичной библіотекѣ. Далѣе, послѣ подробнаго плана своего сочиненія, онъ приступаетъ къ образовательно-воспитательному значенію историческихъ наукъ, подчеркиваетъ послѣднее и переходитъ къ постановкѣ историческихъ наукъ въ собственномъ смыслѣ. Въ этой главной, по мнѣнію автора, части, историко-критическій анализъ постановокъ гражданской исторіи (всемірной и русской), библейской исторіи, церковной исторіи (общей и русской) однообразенъ. Авторъ подробно разбираетъ программы семинарскихъ уставовъ, объяснительныя записки и бывшіе въ употребленіи учебники. Отъ его внимательнаго и опытнаго взгляда не скрывается здѣсь ничто, такъ или иначе понижающее значеніе историческихъ наукъ. Заканчиваетъ авторъ эту часть указаніемъ слѣдствій неудовлетворительной постановки историческихъ наукъ въ семинаріяхъ XIX столѣтія: это—формализмъ учащихъ и учащихся.

Во второй части авторъ говоритъ о желательной постановкѣ историческихъ наукъ. Коснувшись общихъ принциповъ методики историческихъ наукъ, онъ переходитъ къ исторіи гражданской (всемірной и русской) и исторіи церковной. Историко-критическій анализъ убѣждаетъ его въ необходимости нѣкоторыхъ программныхъ измѣненій, составленіи новыхъ лучшихъ учебниковъ. Въ заключеніе авторъ горячо ратуетъ за отмѣну балловъ и экзаменовъ: они безполезны, вредны и безцѣльны.

О. Соколовъ затратилъ на свое сочиненіе много времени,

труда, высказалъ много трезвыхъ мыслей, показалъ историческія знанія въ учебной постановкѣ и, думается, могъ-бы съ пользой поработать надъ ознакомленіемъ питомцевъ Духовной школы съ историческими дисциплинами.

Перейдемъ къ оцѣнкѣ сочиненія о. Соколова.

Разбирать настоящее сочиненіе по существу—напрасный трудъ, потому-что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о *желаніяхъ*, авторы бываютъ почти неуязвимы: вкусы вообще субъективны...

Коснемся формальныхъ недостатковъ. Ихъ у автора не мало. Прежде всего о методѣ. Конечно, самымъ легкимъ методомъ былъ тотъ, который подсказывался самой темой и, отчасти, рекомендовался самимъ подлежащимъ матеріаломъ: методъ историко-критическій. О. Соколовъ работаетъ не въ кабинетѣ, а у читателя на глазахъ. Вы видите, какъ онъ беретъ программу, анализируетъ ее подъ своимъ угломъ зрѣнія, беретъ объяснительную записку, учебникъ, съ ними поступаетъ такимъ-же образомъ. Получается работа какъ бы сборная, состоящая изъ отдѣльныхъ экскурсовъ, не связанныхъ между собою ни генетически, ни органически. Это для автора легко, безопасно и надежно, потому-что здѣсь онъ прежде всего критикъ, котораго желанія контролировать трудно: дѣло вкуса. Но если разсуждать объективно, то нужно сказать, что въ такомъ методѣ научнаго немного. Здѣсь нѣтъ прежде всего творчества, здѣсь предъ нами—черновая работа, которую авторъ долженъ былъ продѣлать для себя,—это въ лучшемъ случаѣ хорошее знакомство читателя съ подлежащимъ матеріаломъ, и—только. Наоборотъ, авторъ долженъ былъ эту работу скрыть отъ читателя, спрятать ее въ подстрочныя примѣчанія, что-бы она не клонила читателя ко сну, который и безъ автора достаточно властенъ... Утомительны всѣ эти длинныя выдержки изъ программъ, учебниковъ, совершенно безполезны, потому-что мѣшаютъ ясности рѣчи. Нужны яркія, рельефныя выдержки, на которыхъ можно отдохнуть, суммировать сказанное раньше въ выпукломъ образѣ. О. Соколовъ не захотѣлъ дать читателю этого. Ему пришлось-бы весь подлежащій матеріалъ хорошенько самому проанализировать, изучить сравнительнымъ методомъ, сжать въ рамкахъ *одного* стройнаго цѣлаго и только тогда уже въ легкой формѣ написать о положеніи историческихъ наукъ въ русскихъ семинаріяхъ XIX вѣка.

Въ такой монографіи и вопросъ о желательной постановкѣ этихъ наукъ былъ-бы болѣе ясенъ для читателя, потому-что вниманіе не тратилось-бы на ненужныя мелочи. Въ настоящей-же постановкѣ автору приходится и въ этой части своего сочиненія быть критикомъ, чего не требуется самой темой. Можно и нужно было здѣсь быть прежде всего краткимъ, но красочно нарисовать нѣсколько картинъ: это былъ бы благодарный трудъ и для автора, онъ не растерялся-бы въ массѣ матеріала и своихъ выписокъ и далъ-бы и подробное оглавленіе съ цитаціей страницъ, и болѣе цѣлесообразное дѣленіе на главы, и не утомлялъ-бы читателя совершенно ненужнымъ (въ виду конструкціи темы) анализомъ постановки библейской исторіи, теперь отмѣненной въ семинаріяхъ. Отсутствіе отчетливаго плана засорило сочиненіе о. Соколова: въ первой части онъ покончилъ съ анализомъ учебниковъ по церковной исторіи, но вспомнилъ объ учебникѣ П. И. Малицкаго и, не стѣсняясь задачами второй части—положительной,—даетъ на стр. 458 сл. разборъ его.

Изъ частныхъ недочетовъ останавливаютъ вниманіе слѣдующіе.

Нѣмецкія выписки на стр. 145 лишни: цитаты подобныя понижаютъ цѣнность русскаго сочиненія, потому-что говорятъ о плохомъ знаніи того или другого языка и неумѣньи перевести.

Авторъ или совсѣмъ развязенъ („учебникъ Иловайскаго совершенно безполезенъ“, стр. 217) или слишкомъ скроменъ („учебникъ Знаменскаго удовлетворителенъ во всѣхъ отношеніяхъ“, стр. 456, однако на стр. 378 сл. авторъ говоритъ иное)

О. Соколовъ сообщаетъ не совсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія о членахъ палестинскихъ синедріоновъ и ссылается при этомъ на Іог. Лайтфута (Амстердамъ, 1679). Это результатъ *случайности* справки, иначе авторъ, несомнѣнно, воспользовался-бы болѣе авторитетнымъ источникомъ.

Непонятно, зачѣмъ автору понадобилось привести выдержку на латинскомъ языкѣ изъ предисловія къ учебнику Меѳодія Смирнова и въ скобкахъ указать русское значеніе наиболѣе извѣстныхъ словъ (предисловіе, во первыхъ, дурно. нечестиво и пр.). Лучше было дать правильный переводъ (280 с.). Почему о. Соколовъ ставитъ въ вину П. И. Малиц-

кому признаваніе вліянія Галерія на Діоклетіана (стр. 459) и извиняетъ это-же Дюшану (стр. 260)? Въ заключеніе нужно отмѣтить, что авторъ главнымъ регуляторомъ преподаванія исторіи въ семинаріяхъ считаетъ хорошій учебникъ. Съ этимъ нельзя согласиться, потому-что умѣлый преподаватель и съ плохимъ учебникомъ достигаетъ успѣховъ. Если какой отдѣлъ въ учебникѣ плохо изложенъ, онъ исправитъ его посредствомъ сочиненій: дастъ ученикамъ тему отдѣла и укажетъ нужную литературу. О сочиненіяхъ по историческимъ наукамъ у о. Соколова нѣтъ и намека, это—важный пропускъ.

Далѣе. Авторъ сторонникъ отмѣны балловъ и экзаменовъ, но—безъ особенной аргументаціи это у него равняется просто догматическому требованію (467).

Несмотря на отмѣченные дефекты сочиненія о. Соколова, должно признать его вполнѣ заслуживающимъ степени кандидата, его старательное отношеніе къ взятому матеріалу похвально".

44) О сочиненіи студента *Соколова Николая* на тему: „Христосъ Спаситель въ сознаніи русскаго народа по даннымъ русскаго народнаго творчества".

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Обширное сочиненіе г. Соколова Николая (I—XIII+1—415 стрр. почт. бум. большого формата) построено по вполнѣ цѣлесообразному плану. Послѣ оріентирующаго читателя предисловія и небольшого введенія, устанавливающаго источника народныхъ воззрѣній на Христа Спасителя, въ сочиненіи послѣдовательно излагаются: способы представленія и имени Іисуса Христа въ народной поэзіи (гл. I), событія жизни Спасителя на землѣ до Его страданій, какъ о нихъ разсказывается въ народной словесности (гл. II), недѣля страданій Спасителя по народнымъ представленіямъ (III), воскресеніе Христово и слѣдующія за нимъ событія новозавѣтной исторіи (IV), нѣкоторыя отдѣльныя подробности народныхъ представленій о Христѣ Спасителѣ—мѣсто обитанія и образъ жизни Его, хожденія Его по землѣ, смѣшиваніе въ народной поэзіи Іисуса Христа съ ангелами и святыми, внѣшній обликъ Его (гл. V), нравственныя воззрѣнія

русскаго народа въ связи съ понятіемъ о. Христѣ Спасителѣ (гл. VI), страшный судъ въ народной словесности (гл. VII).

По этому плану авторомъ весьма умѣло скомбинированъ обширный матеріалъ, извлеченный изъ множества произведеній народнаго творчества, изученныхъ имъ на основаніи тщательныхъ поисковъ, сближеній и сопоставленій. Извлеченныя авторомъ народныя сказанія и вѣрованія собираются въ мозаическое, но критически продуманное и законченное изображеніе. Но, съ другой стороны, располагая свой матеріалъ въ систематическомъ видѣ, авторъ очень мало проливаетъ свѣта на его хронологическія пріуроченія, объединяя иногда моменты народнаго творчества, принадлежащіе разнымъ временамъ и эпохамъ. Однако. винить за это автора нельзя. Въ своемъ предисловіи онъ совершенно справедливо заявляетъ, что невозможность внести хронологическій моментъ въ группировку оперируемаго матеріала зависитъ отъ всѣмъ извѣстной затруднительности хронологическихъ классификацій произведеній народнаго творчества. Можно было бы указать въ сочиненіи и нѣкоторые мелкіе недочеты, случаи слишкомъ буквальнаго пониманія выраженій народной рѣчи (напр., на стр. 42), недосмотры (148, 156 стрр.) и описки, но эти недочеты серьезнаго значенія не имѣютъ.

Въ общемъ же работа г. Соколова, потребовавшая отъ него большой затраты труда, поставлена научно, обнимаетъ вопросъ полно, свидѣтельствуетъ о начитанности автора въ области русской народной словесности и способности разбираться въ матеріалѣ, отличается продуманностью сужденій и яснымъ языкомъ. На всемъ протяженіи своего сочиненія онъ не сходитъ съ твердой почвы конкретнаго народнаго творчества и не увлекается въ сторону поспѣшныхъ обобщеній и теоретическихъ построеній. Намъ извѣстно, что онъ занимается собираніемъ матеріаловъ для „Комиссіи по народной словесности Императорскаго Общества естествознанія, антропологіи и этнографіи.“ Его сочиненіе даетъ основаніе ожидать отъ него успѣшныхъ, заслуживающихъ довѣрія Комиссіи, результатовъ.

Степени кандидата богословія сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ.“

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Г. Соколовъ отнесся къ своей работѣ внимательно и серьезно. Онъ предпослалъ сочиненію предисловіе (I—XIII), объясняющее читателю планъ, методъ и характеръ сочиненія. Далѣе онъ далъ введеніе (1—21 стр.), гдѣ говоритъ о фактахъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложились народныя представленія о Христѣ Спасителѣ. Въ семи главахъ сочиненія (21—404 стр.) онъ описалъ самыя эти представленія, закончивъ изложеніемъ народныхъ взглядовъ на имѣющій быть страшный судъ Христовъ. Авторъ старался вездѣ анализировать имѣвшійся въ его распоряженіи матеріалъ и по возможности пытался объяснять происхожденіе различныхъ поэтическихъ сказаній о Христѣ.

Его тема интересна и благодарна. Его сочиненіе охотно прочтутъ и не спеціалисты, а фольклористъ, этнографъ и богословъ прочтутъ его съ пользою.

Сочиненіе обработано съ внѣшней стороны, оно литературно, опрятно, стройно, систематично.

Но нельзя сказать, чтобы толкованія и анализъ автора были всегда удачными и взгляды его всегда правильными.

На стр. 20 авторъ усматриваетъ хронологическую несообразность въ изображеніи Іоанна Крестителя съ крестомъ въ рукахъ при крещеніи Господа. Но это—символъ, это—представленіе въ образѣ словъ Іоанна: „се Агнецъ Божій“...

На стр. 22 и слѣд. авторъ пытается установить, что подъ Богомъ русскій народъ мыслилъ не премірное существо и что русскій Богъ былъ для него не единственнымъ Богомъ. Авторъ не хочетъ замѣтить, что слово „Богъ“ употребляется народомъ и въ собственнóмъ и несобственномъ смыслѣ. И царь называется земнымъ богомъ, но ясно, что здѣсь разумѣется совсѣмъ другое, чѣмъ когда идетъ рѣчь о русскомъ Богѣ. Не считалъ народъ и Магомета богомъ подобнымъ русскому, хотя авторъ (стр. 23—24) и утверждаетъ противное.

При написаніи своей статьи о преображеніи (146—160 стр.) авторъ недостаточно внимательно ознакомился съ евангельскимъ текстомъ. Онъ пишетъ, что преображеніе совершилось „по днехъ шести“ послѣ исповѣданія Петромъ вѣры во Христа. Евангеліе не уполномочиваетъ на это утвержденіе. Въ евангеліи Марка слова „по прошествіи дней шести“ (9, 2) несомнѣнно относятся не къ исповѣданію Петрову. Затѣмъ авторъ сообщаетъ, что въ евангеліи не говорится о снѣ апо-

столовъ во время преображенія (148 стр.). Въ народные стихи, по мнѣнію автора, сообщеніе о снѣ внесено вслѣдствіе смѣшенія событія преображенія съ событіями въ геѳсиманскомъ саду. Но на самомъ дѣлѣ въ данномъ случаѣ народъ оказывается знающимъ евангеліе лучше нашего автора, совершенно забывшаго о евангелистѣ Лукѣ (9, 32).

Совершенно напрасно авторъ „хожденіе отрока Іисуса въ Іерусалимъ“ помѣщаетъ не въ ряду событій изъ дѣтства Христова, а въ ряду событій, предшествовавшихъ страданіямъ Христа. Пусть въ народныхъ стихахъ порою (169—170 стр.). первое хожденіе и сближается съ послѣднимъ. Здѣсь есть глубокій смыслъ: первое хожденіе было начатіемъ подвига, имѣвшаго завершиться крестною смертью, но, конечно, народъ не представлялъ, что Христа распяли десяти лѣтъ отъ роду, между тѣмъ въ стихѣ, говорящемъ о первомъ путешествіи Іисуса и приводимомъ г. Соколовымъ (169 стр.), его возрастъ опредѣляется въ 10 лѣтъ.

Для вполнѣ успѣшнаго выполненія своей работы автору нужно было поближе ознакомиться съ сравнительной миѳологіей и съ исторіей религій.

На стр. 62 и слѣд. онъ вслѣдъ за Аѳанасьевымъ очень легко рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи взгляда на пятницу, какъ на несчастный день. Пятница была днемъ, посвященнымъ у язычниковъ богинѣ любви, богинѣ плодородія. Почему же она стала несчастною у христіанъ? Здѣсь совсѣмъ не то, что перенесеніе чертъ Перуна на Илію или Волоса на Власія (а не на Василія, какъ у автора).

На стр. 398 авторъ скользитъ по вопросу о мытарствахъ. Знаніе эсхатологическихъ представленій египтянъ можетъ быть помогло бы ему въ дѣлѣ отысканія источника сказаній.

На стр. 400—401 авторъ затрогиваетъ вопросъ о мостѣ черезъ огненную рѣку и о перевозѣ умершихъ душъ за плату. Здѣсь чувствуется вліяніе трехъ религій: маздеизма, ислама и греческой. Авторъ глухо лишь затрогиваетъ послѣднюю.

Но неполнота изслѣдованія и промахи, допущенные авторомъ, не ослабляютъ положительныхъ качествъ его сочиненія. Для полученія степени кандидата оно вполнѣ удовлетворительно.“

45) О сочиненіи студента *священника Сокольскаго Павла* на тему: „Московское государство и церковь въ изображеніи иностранцевъ XVII в. (Олеарія и Павла Алеппскаго)“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе свящ. Сокольскаго имѣетъ своимъ предметомъ критическій разборъ показаній двухъ иностранцевъ о Московскомъ государствѣ и о русской церкви въ серединѣ XVII в. Одинъ изъ этихъ иностранцевъ—Олеарій, дважды посѣтившій Московское государство въ 1630-хъ годахъ, оба раза въ составѣ Голштинскаго посольства; другой—архидіаконъ Павелъ, сопровождавшій антіохійскаго патріарха въ пріѣздъ его въ Россію въ 1650-хъ г.г. и оставившій подробныя записки о своемъ путешествіи. Свидѣтельства обоихъ близки по времени одно къ другому. Во многомъ эти свидѣтельства совпадаютъ. Но отношеніе къ видѣнному, или освѣщеніе сообщаемыхъ фактовъ и явленій у обоихъ иностранцевъ—различное. У голштинца Олеарія господствуетъ пессимистическій тонъ. Это—человѣкъ изъ западно-европейскаго, гораздо болѣе культурнаго міра, залетѣвшій въ варварскую Московію, къ порядкамъ и правамъ которой онъ относится свысока и пренебрежительно. Наоборотъ, Павелъ Алеппскій въ своемъ описаніи—оптимистъ; у него не мало розовыхъ красокъ, и понятно, почему. По сравненію съ порядками турецкой имперіи и московскіе порядки XVII вѣка могли показаться недурными.

Такое взаимоотношеніе разбираемыхъ писателей, сообщая большой интересъ работѣ, создавало для автора необходимость занять свою самостоятельную позицію между ними. Для выбора такой позиціи нужны были два условія: во-первыхъ, тщательное изученіе другихъ источниковъ по исторіи Московскаго государства и русской церкви въ XVII в.; во-вторыхъ, вдумчивое критическое отношеніе къ разбираемымъ писателямъ. Оба эти условія оказываются у автора сочиненія на лицо, и самостоятельная позиція имъ занята. Въ работѣ онъ обнаруживаетъ большую начитанность въ памятникахъ и въ литературѣ русской исторіи XVII в. Сопоставляя свидѣтельства двухъ избранныхъ для изученія иностранцевъ, авторъ постоянно прибѣгаетъ въ судѣ надъ ними къ свидѣтельству третьихъ лицъ: другихъ иностранныхъ пи-

сателей о Россіи, въ особенности часто къ извѣстной книгѣ Котошихина, къ документальнымъ даннымъ. Примѣрами такого критическаго отношенія къ прочитаннымъ показаніямъ могутъ служить: на стр. 56—57—разборъ отзывовъ Олеарія и Павла о русскомъ иконописаніи, на стр. 140—146—разборъ свидѣтельства Олеарія о взаимныхъ отношеніяхъ царской власти и народа, 187—ошибки Олеарія въ его перечнѣ приказовъ, 212 и сл.—показанія иностранцевъ, относящіяся до областного управленія, 241—разборъ свидѣтельствъ о численности московскаго войска, 323 и сл.—о царѣ колоколѣ и др. Всегда при обсужденіи разбираемыхъ свидѣтельствъ у автора просвѣчиваетъ свой самостоятельный взглядъ, основанный на изученіи предмета, и этотъ взглядъ виденъ не только въ разрѣшеніи отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, но и въ общей оцѣнкѣ изучаемой эпохи. Въ представленіи о московскомъ обществѣ XVII в. авторъ не примыкаетъ къ пессимистическимъ характеристикамъ, даннымъ нашему обществу той эпохи Соловьевымъ, Костомаровымъ и Дитятинымъ. Самъ авторъ изъ занятій исторіей XVII вѣка приходитъ къ заключенію (45), что XVII вѣкъ не только не эпоха разложенія, какимъ его нѣкоторые склонны представлять, а напротивъ—эпоха нѣкотораго, хотя, можетъ быть, и очень слабаго подъема умственной и нравственной жизни московскаго общества.

При той тщательности критики, которую вездѣ проявляетъ авторъ, насъ не можетъ не удивить, почему онъ оставляетъ безъ критическаго разбора такія мѣста, какъ (130) свидѣтельство Павла Алеппскаго о томъ, что будто бы царь Алексѣй Михайловичъ „убилъ собственною рукою одного изъ вельможъ среди дивана (засѣданія думы),—и это повторяется на стр. 208,—или какъ (165—166) показаніе того же писателя, что „воеводы въ этой странѣ—люди ученые, законовѣды, философы, логично разсуждающіе... они стремятся увеличить свои знанія, ибо мы видѣли у каждаго изъ нихъ тысячи большихъ книгъ, кои они охотно и много читаютъ днемъ и ночью“. Можетъ быть, впрочемъ, самая наивность послѣдняго свидѣтельства давала автору поводъ оставить его безъ возраженія.

Соотвѣтственно темѣ, сочиненіе, начинающееся біографіями разбираемыхъ писателей, дѣлится на двѣ части: Московское

государство и русская церковь. Въ первой изъ этихъ частей можно было бы, строго держась темы, ограничиться разборомъ свидѣтельствъ Олеарія и Павла, касающихся именно устройства государства, т. е. тѣмъ, что авторомъ и сдѣлано въ главахъ: верховная власть, центральное и областное управленіе въ Московскомъ государствѣ, внѣшняя оборона. Но авторъ, видимо, понималъ тему шире и рѣшилъ исчерпать свидѣтельства разбираемыхъ иностранцевъ до конца, и поэтому далъ еще рядъ главъ о почвѣ и климатѣ, о составѣ населенія, о нравахъ и обычаяхъ русскаго народа, о въѣздѣ въ Московію иностранныхъ пословъ, о торговлѣ, о городѣ Москвѣ. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти главы, каждая изъ которыхъ сама по себѣ очень интересна, были стройно и систематически расположены и тѣсно связаны между собою. Онѣ такъ и остаются отдѣльными этюдами. Отмѣтимъ отдѣльные промахи, неизбѣжные, впрочемъ, въ каждой большой работѣ (166). Напрасно авторъ полагаетъ, что постановленія боярской думы записывались вчернѣ, а потомъ перебѣлялись. Постановленіе думы записывалось думнымъ дьякомъ въ видѣ краткой „помѣты“ на самомъ докладѣ, а затѣмъ не перебѣлялось, а развивалось въ исходящихъ изъ приказовъ бумагахъ, которыя надо было въ силу помѣты разсылать (175—176). Дума сама не учреждала приказовъ— приказы учреждались царемъ; это были его порученія (304). Въ Кремлѣ XVII в. находился не Кирилло-Бѣлозерскій монастырь,—а подворье этого монастыря.

Внимательное изученіе двухъ данныхъ темой источниковъ, обширная начитанность въ литературѣ вопроса, навыкъ въ критикѣ и самостоятельность взгляда—таковы достоинства сочиненія свящ. Сокольскаго, нисколько не умаляемыя указанными недочетами и пробѣлами. Авторъ искомой степени вполнѣ заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента *Ѳ. М. Россейкина*:

„Сочиненіе о. Сокольскаго написано на основаніи хорошаго знакомства съ источниками и литературой предмета, причемъ авторъ сумѣлъ дать въ отдѣльныхъ мѣстахъ и собственное освѣщеніе изученному матеріалу. Такъ, онъ рѣшительно разошелся съ рядомъ ученыхъ въ оцѣнкѣ ум-

ственнаго и нравственнаго состоянія русскаго общества въ XVII вѣкѣ (стр. 40 и далѣе) и попытался, не безъ успѣха, поколебать довольно распространенный отрицательный взглядъ на это общество. Основаній онъ ищетъ и находитъ въ показаніяхъ тѣхъ-же изучаемыхъ имъ иностранцевъ, подвергая болѣе тщательной критикѣ ихъ свидѣтельства. Хорошо удалась автору критика отрицательныхъ отзывовъ Олеарія о благочестіи русскихъ, въ частности о ихъ уваженіи къ иконамъ (447). Возможно, что скрытымъ мотивомъ, побуждавшимъ автора къ реабилитаціи Московіи XVII вѣка, являлось затаенное сочувствіе къ эпохѣ расцвѣта древняго благочестія и церковности при благочестивѣйшемъ Алексѣѣ Михайловичѣ. Однако этотъ мотивъ вездѣ подчиненъ чувству исторической правды и ни разу не вывелъ автора изъ рамокъ научной объективности. Грустнымъ сочувствіемъ къ нелегкому положенію изображаемаго класса вѣетъ отъ главы, посвященной низшему бѣлому духовенству.

Планъ работы простъ и естественъ. Но о. Сокольскій внесъ въ сочиненіе много матеріала, который очень трудно связать съ темой. Можно помириться съ главами о климатѣ страны, о почвѣ, о народонаселеніи, такъ какъ понятія территоріи и народонаселенія связаны съ понятіемъ государства почти неразрывно. Однако уже и здѣсь авторъ заводитъ рѣчь о такихъ малозначительныхъ для темы предметахъ, какъ состояніе проѣзжихъ дорогъ въ Московіи XVII вѣка. Въ дальнѣйшемъ мы встрѣчаемся съ отдѣлами, которые кажутся еще менѣе нужными для темы. Подробно описанъ въѣздъ иностранцевъ въ Москву, изложенъ планъ города Москвы, разсказано о московскихъ пожарахъ, о распорядкѣ дня въ Москвѣ, сообщена довольно сложная исторія московской диковины—царя-колокола; авторъ счелъ нужнымъ познакомить читателя даже съ содержимымъ боярскихъ погребовъ. Повидимому, о. Сокольскому жаль было опустить что-либо изъ того любопытнаго и занимательнаго матеріала, который онъ собралъ изъ записокъ Олеарія и Павла Алеппскаго, и онъ постарался внести все это въ свое сочиненіе. Послѣднее выиграло въ содержательности, но, конечно, проиграло въ строгости пониманія темы.—Изложенное яснымъ, простымъ языкомъ, сочиненіе читается легко и съ интересомъ. Неудачныя выраженія встрѣчаются рѣдко (XXVIII;

111; 448).—Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе о. Сокольскаго вполнѣ достаточно".

46) О сочиненіи студента *Сперанскаго Василія* на тему: „Патріархъ Ермогенъ и Смутное время."

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сдѣланный авторомъ выборъ темы объясняется интересомъ къ событіямъ Смутнаго времени, вызваннымъ юбилейными воспоминаніями объ этихъ событіяхъ. Попытку дать научно написанную біографію патріарха—мученика и борца за независимость Русской земли надо признать, какъ нельзя болѣе своевременной въ виду предполагавшейся, когда писалось сочиненіе, а теперь уже совершившейся канонизаціи святителя. Патріарху Ермогену авторъ отводитъ три послѣднія главы сочиненія, составляющія по объему 4/5 всей работы. Изъ нихъ въ главѣ IV предлагаются собранныя авторомъ свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни Ермогена и о его дѣятельности въ бытность митрополитомъ въ Казани глава V содержитъ разсказъ о дѣятельности святого уже на патріаршемъ престолѣ въ царствованіе Шуйскаго, а послѣдняя VI глава посвящена дѣятельности патріарха во время междуцарствія.

Патріархъ Ермогенъ, казалось, по смыслу избранной авторомъ темы долженъ бы занимать центральное, главное мѣсто въ изслѣдованіи. Изложеніе событій Смуты могло бы имѣть значеніе лишь историческаго фона, необходимаго для выясненія дѣятельности патріарха. Между тѣмъ авторъ увлекся изложеніемъ событій Смуты. Въ изученіе ихъ онъ однако не вноситъ ничего самостоятельнаго, а ограничивается именно изложеніемъ—и поэтому работа вышла крайне расплывчатой и растянутой. Приводятся общеизвѣстные факты изъ общаго курса лекцій Платонова, а между тѣмъ положенія, которыя требуютъ обстоятельнаго развитія и доказательствъ, высказываются кратко и ничѣмъ не подкрѣпляются. Такъ напр. на стр. 114 авторъ утверждаетъ, что патріархъ Ермогенъ вызывался „для постояннаго присутствія въ преобразованной имъ по образцу западнаго сената Боярской Думѣ." Это преобразованіе слѣдовало бы разъяснить подробнѣе и особенно важно было бы знать, какой это такой

„западный сенатъ“ послужилъ образцомъ реформы. Глава I— „Причины Смуты“ —заключаетъ въ себѣ обзоръ взглядовъ, высказанныхъ въ предыдущей литературѣ; слѣдующія главы II— „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“ и III—„Царь Борисъ Годуновъ“— не болѣе какъ коротенькіе, поверхностные и, надо прямо сказать, совершенно ненужные конспекты прочтенныхъ пособій. Переходъ отъ этихъ главъ, гдѣ обозрѣваются царствованія Ѳедора и Бориса, къ главѣ IV—Первые годы жизни патріарха Ермогена—представляется слишкомъ неловкимъ и натянутымъ. Этими тремя вводными главами можно бы пожертвовать безъ всякаго ущерба и даже къ пользѣ сочиненія. Біографическія свѣдѣнія о св. Ермогенѣ до занятія имъ патріаршаго престола вообще скудны, и авторъ принужденъ ограничиваться осторожными предположеніями. Тѣмъ болѣе неожиданнымъ является для насъ его категорическое положеніе о томъ, что Ермогенъ подъ руководствомъ св. Варсонофія „прекрасно изучилъ церковную исторію (73)“ и „получилъ всестороннее образованіе (стр. 85)“. Непонятна для насъ характеристика литературныхъ произведеній патріарха. „Творенія патріарха“, пишетъ авторъ, представляютъ изъ себя стройное цѣлое, несмотря на возможныя зачастую дѣленія ихъ на части“ (стр. 85). Развѣ стройность и цѣльность литературнаго произведенія несовмѣстимы съ подраздѣленіемъ его на части? Авторъ основываетъ свой разсказъ на первоисточникахъ и на пособіяхъ, не отдавая преимущества первымъ передъ вторыми, а въ выборѣ пособій онъ не дѣлаетъ различій ни по времени, ни по значенію. Цитата Карамзина смѣняется цитатой изъ Платонова, имена Платонова и Ключевскаго чередуются съ именами Бутурлина, Мерцалова, Рублевскаго. Никакой расцѣнки литературы авторъ не дѣлаетъ; беретъ свои свѣдѣнія изъ первой попавшейся подъ руку книги. До какой степени страдаютъ понятія автора объ источникахъ, видно напр. изъ его ссылки на стр. 97: „Изъ исторіи Казани и Казанской церкви опредѣленно извѣстно, что патріархъ былъ здѣсь священникомъ при гостиподворской церкви св. Николая. Подтверждается это и имъ самимъ (Ермогеномъ)“. Что же это такое за источникъ: исторія Казани и Казанской церкви?

Цитаты въ сочиненіи очень многочисленны, но иногда дѣлаются небрежно. Такъ напр. на стр. 193 некстати при-

водятся ссылки на А. Э. II №№ 158, 159. На стр. 199 приводятся слова Ключевскаго, а ссылка сдѣлана на лекціи Платонова. Нерѣдко указывается названіе журнала, но заглавіе статьи, которую имѣетъ въ виду авторъ, не приводится (216. „Вѣра и Разумъ"). Слогъ мѣстами шероховатъ (64, примѣчаніе: „Казань до 1552 г. была городомъ татаръ." 219 — „Ни одинъ бояринъ, пользовавшійся кормиломъ правленія"). Внѣшность сочиненія оставляетъ желать многаго: масса описокъ, затрудняющая чтеніе.

Сочиненіе не содержитъ элементовъ самостоятельнаго изслѣдованія. Однако обнаруженная авторомъ начитанность въ источникахъ и литературѣ даютъ мнѣ право считать его достойнымъ искомой степени."

б) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Сочиненіе г. Сперанскаго по количеству и по качеству написаннаго достаточно для полученія степени кандидата богословія. Мы отмѣтимъ только одинъ существенный недостатокъ, оставляющій непріятное впечатлѣніе у читателя. Авторъ не въ мѣру увлекается пособіями. Имена проф. Платонова, Мерцалова, Забѣлина, Рублевскаго и другихъ такъ и пестрятъ въ его сочиненіи. Подавленный авторитетомъ изслѣдователей, авторъ иногда придаетъ ихъ мнѣніямъ совершенно несоотвѣтствующую цѣну, поставляя ихъ рядомъ съ свидѣтельствами первоисточниковъ. „Всѣ извѣстные первоисточники, разсуждаетъ напр. авторъ, ничего не говорятъ о годѣ рожденія патріарха (Гермогена) и его происхожденіи. Нѣтъ объ этомъ свѣдѣній и у нашихъ изслѣдователей" (стр. 63). Какъ будто у изслѣдователей могутъ быть какія-нибудь пріемлемыя „свѣдѣнія о годѣ рожденія патріарха и его происхожденіи", которыхъ нѣтъ въ первоисточникахъ. Глава II-я начинается буквальной выпиской изъ Костомарова о смерти царя Ивана Грознаго. Въ заключеніе ея авторъ восклицаетъ: „такъ повѣствуетъ намъ о смерти Грознаго г. Костомаровъ" (стр. 37—38). Тонъ рѣчи и способъ передачи разсказа, употребленные авторомъ, приличны только по отношенію къ непосредственному наблюдателю событія, а не по отношенію къ такому отдаленному изслѣдователю его, какъ Костомаровъ. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго преклоненія предъ авторитетами собственныя сужденія автора часто не-

увѣренны, высказываются съ поправками и со ссылками на изслѣдователей вмѣсто основаній (см. напр. стр. 8, 22, 34, 70).“.

47) О сочиненіи студента *Тихомирова Александра* на тему: „П. Д. Юркевичъ и его педагогическіе труды“.

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостьина*:

„Во *введеніи* г. Тихомировъ такъ, между прочимъ, высказывается относительно своей задачи: „составить полную біографію П. Д. Юркевича, дать понятіе о его педагогическихъ трудахъ, выяснить ихъ истинное научное значеніе,—составляетъ задачу нашего изслѣдованія“ (стр. X).

Первую половину своей задачи онъ выполнилъ довольно удовлетворительно, т. е. написалъ біографію Юркевича (хотя и не особенно *полную*), къ которой неожиданнымъ образомъ приклеилъ еще поверхностный очеркъ его философскихъ воззрѣній, безъ указанія какой-либо связи ихъ съ воззрѣніями педагогическими (стр. 30—35). Выполненіе же *второй* и важнѣйшей половины указанной задачи представляется не столь удовлетворительнымъ. Вмѣсто характеристики педагогическихъ трудовъ Юркевича и выясненія ихъ научнаго значенія, мы находимъ у г. Тихомирова лишь сокращенную передачу ихъ содержанія, причемъ передача эта совершается послѣдовательно § за §, страница за страницей и, по большей части, подлинными же словами Юркевича (иногда съ помѣтою ихъ кавычками, иногда почему-то безъ оныхъ). Такъ именно поступаетъ г. Тихомировъ во *второй* главѣ (стр. 36—152), излагая „Чтенія о воспитаніи“ и выписывая изъ нихъ цѣлыми страницами даже отдѣлы логическаго содержанія, напр., о сочетаніи понятій (стр. 77—78; срав. Юркевичъ 81—82), о категоріяхъ количества, качества, модальности (стр. 80—81. Юркев. 92—93), также о сужденіяхъ аналитическихъ и синтетическихъ, объ умозаключеніяхъ, силлогизмахъ, аналогіяхъ и т. д. Иногда, впрочемъ, авторъ дѣлаетъ попытки къ самостоятельному и сокращенному перифразу словъ Юркевича, но это оказывается у него не совсѣмъ удачнымъ. Вотъ одинъ примѣръ такого сокращенія: „синтетическія сужденія образуются изъ понятій разобщен-

ныхъ, т. е. различныхъ по содержанію и *возможныхъ быть связанными только по закону достаточнаго основанія*" (стр. 83. Юркев. § 51).

Совершенно такъ же поступаетъ г. Тихомировъ и въ главѣ *третьей* при изложеніи капитальнѣйшаго „Курса общей педагогики" (стр. 153—277). А въ концѣ этой главы на послѣднихъ двухъ страницахъ онъ выписываетъ заглавія (только!) другихъ, болѣе мелкихъ, педагогическихъ трудовъ Юркевича (журнальныхъ статей), отъ ближайшаго разсмотрѣнія которыхъ онъ уклоняется, между прочимъ, на томъ основаніи, что они „мало извѣстны въ педагогическомъ мірѣ" (227).

Столь же мало самостоятельнаго содержанія заключаетъ въ себѣ и *послѣдняя* глава (4-я), имѣющая надписаніе: „основныя педагогическія воззрѣнія Юркевича" и представляющая собою только повтореніе нѣкоторыхъ, ранѣе уже выписанныхъ и отмѣченныхъ въ сочиненіи, мыслей Юркевича относительно цѣли воспитанія,—повтореніе къ тому же иногда дословное (срав. напр. стр. 288 и 158—9; 289—290 и 163).

Само собою разумѣется,—не могъ и не долженъ былъ нашъ авторъ поставлять свою задачу въ томъ, чтобы переписать съ нѣкоторыми сокращеніями выше-названные труды Юркевича. Слишкомъ ужъ облегчилась и упростилась такимъ образомъ его работа, но вмѣстѣ и утратила научную цѣнность!.. И лишь то можетъ служить нѣкоторымъ оправданіемъ г. Тихомирову, что Юркевичъ принадлежитъ къ числу философовъ, писавшихъ очень сжато и отвлеченно, и потому трудно понимаемыхъ. Самое чтеніе и усвоеніе его сочиненій, конечно, должно было потребовать отъ нашего автора серьезнаго труда и напряженія.

Ввиду этого нахожу возможнымъ признать разсмотрѣнное сочиненіе г. Тихомирова достаточнымъ для присужденія ему кандидатской степени".

б) И. д. доцента *священника І. М. Смирнова:*

„Г. Тихомирову небольшую по объему задачу своего сочиненія:—составить полную біографію Юркевича, дать понятіе о его педагогическихъ трудахъ и выяснить ихъ научное значеніе—удалось выполнить благополучно. Онъ составилъ біографію Юркевича на основаніи нѣсколькихъ некрологовъ, замѣтокъ и воспоминаній о немъ, разсѣянныхъ

по столбцамъ періодической печати (Гл. 1, стр. 1—35); изложилъ—частію своими словами, а болѣе—выраженіями сочиненій самого Юркевича—содержаніе двухъ его книгъ по педагогикѣ: „Чтенія о воспитаніи“ (1865 г.) и „Курсъ общей педагогики съ приложеніями“ (1869 г.)—(Гл. 2—3); и далъ цѣлую главу (гл. IV) съ указаніемъ заслугъ Юркевича въ исторіи русской педагогіи. Центральный пунктъ своего сочиненія—изложеніе содержанія трудовъ Юркевича—г. Тихомировъ выполнилъ довольно тщательно;—обозрѣніе сдѣлано не только подробно, но мѣстами, пожалуй, даже и съ излишкомъ: 2 и 3 главы занимаютъ собою 241 стр. большого почтоваго формата. Правда, отъ характеристики трудовъ, т. е. отъ критическихъ обсужденій ихъ по существу, авторъ скромно уклонился, мотивируя этотъ шагъ слабостію своего личнаго педагогическаго опыта и отсутствіемъ въ педагогической литературѣ спеціальнаго критическаго обзора названныхъ трудовъ. Но тѣмъ не менѣе посильная критика автора сопровождаетъ по мѣстамъ изложеніе трудовъ Юркевича и отмѣчаетъ тѣ или другія замѣтно бросающіяся въ глаза ихъ достоинства и недостатки. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ авторомъ въ добавленіе указываются еще и параллельныя мѣста въ сочиненіяхъ другихъ лицъ, напр. Гербарта (стр. 226 напр.) и прочихъ. Слѣд., работа г. Тихомирова со стороны своего содержанія является вполнѣ удовлетворительною для полученія степени кандидата богословія.

Но весьма невыгодное впечатлѣніе получается отъ этого сочиненія, если остановимъ свое вниманіе на его внѣшнемъ видѣ. Собственно говоря, даже какъ то странно смотрѣть, когда работа, претендующая на ученую степень, такъ и бьетъ въ глаза всякаго рода орѳографическими и синтаксическими ошибками; когда каждая, почти, страница пестритъ подчеркиваніями, указывающими или на отсутствіе запятыхъ, или на присутствіе ихъ не на своемъ мѣстѣ, при отдѣленіи, напр., подлежащаго отъ сказуемаго (стр. 245, 273 и др.); или, вообще, на незнаніе писца, гдѣ какіе знаки поставить при обиліи придаточныхъ предложеній (стр. 47. 60. 150. 215. 265. 266 и др.);—на неумѣніе согласовать существит. съ прилагат. въ им. пад. мн. ч. (напр. пѣсни, вызывающіе...—273 стр. и мн. др.);—на постоянный почти невѣрный переносъ, достигающій своего апогея въ словѣ—*резонан*, а

на другой строкѣ—*съ* (—52 стр.) и пр.;—на безцеремонное нарушеніе орѳографическихъ правъ буквы *ѣ*, какъ въ корняхъ словъ (—изрѣченіе—142 стр., клеточки—179, изобретательность—209 стр. и пр.), такъ и въ падежныхъ окончаніяхъ (напр.—„заботиться о сердце"—239 стр.);—на наличность такихъ явленій, какъ „при свѣтѣ дребеззачемъ" (264 стр.), („три эспремента" (145 с.) „низсшій характеръ" (239 с.) „раждраженіе" (206 с.), „константируетъ" (158), „отстрочивать" (225 с.), „сущевствуетъ" (47 с.), съ начала (141 с.);—на присутствіе такихъ выраженій, какъ „мы построеваемъ" (?) (246 с.), или „воспитанники начинаютъ обсуживать про себя" (203 с.) и нѣкот. др.

Конечно, наличность подобнаго рода ошибокъ въ курсовомъ сочиненіи возможна при единственномъ предположеніи: переписчикъ былъ неграмотенъ, а авторъ не счелъ нужнымъ прокорректировать переписку. Но такъ какъ авторъ отвѣчаетъ за свою работу во всемъ ея объемѣ, то и указанные недочеты ложатся на его голову. Степени кандидата богословія г. Тихомировъ, какъ уже было сказано выше, заслуживаетъ".

48) О сочиненіи студента *Троицкаго Анатолія* на тему: „Раскольническая письменность XVII вѣка."

а) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Въ скудной литературѣ раскола ощутителенъ недостатокъ въ спеціально библіографическихъ изслѣдованіяхъ раскольничьей письменности. Этотъ пробѣлъ имѣетъ въ виду отчасти пополнить сочиненіе г. Троицкаго. Задача его труда „дать библіографическій обзоръ сочиненій" виднѣйшихъ расколоучителей XVII в.—протопопа Аввакума, попа Лазаря и дьякона Ѳеодора. Въ предѣлахъ поставленной задачи авторъ трудился добросовѣстно. Онъ тщательно изучилъ сочиненія названныхъ расколоучителей и относящіяся къ своему предмету пособія. Существующія въ наукѣ библіографическія свѣдѣнія авторъ дополнилъ нѣкоторыми собственными изысканіями. Недостатки въ сочиненіи г. Троицкаго частнаго свойства, преимущественно формальные. Такъ при разборѣ „Житія" протопопа Аввакума авторъ говоритъ объ „языкѣ Аввакума", между прочимъ, объ „употребленіи

члена“ (присловья) въ сочиненіяхъ Аввакума (стр. 134—144). Между тѣмъ у автора есть отдѣльная рубрика: „Общія замѣчанія о сочиненіяхъ Аввакума.“ Она является послѣдней въ главѣ о сочиненіяхъ Аввакума. Въ ней естественно было помѣстить и замѣчанія объ особенностяхъ языка Аввакума, свойственныхъ не одному какому—либо его сочиненію, а нѣсколькимъ. „Членъ“ (по терминологіи автора) употребляется Аввакумомъ въ другихъ сочиненіяхъ иногда даже больше, чѣмъ въ „Житіи.“ Также въ главѣ IV-й, въ которой разсматриваются сочиненія дьякона Ѳеодора, авторъ выдѣляетъ рубрику—„Ученіе первыхъ расколоучителей объ антихристѣ“ (стр. 480—498). Въ формѣ, представленной авторомъ, рубрика эта не вполнѣ здѣсь умѣстна. Встрѣчаются шероховатости въ стилѣ, напр. на стр. 53—54 непріятно повторяется „но“ 5 разъ. Въ общемъ однако композиція сочиненія г. Троицкаго стройная, мышленіе отчетливое, языкъ довольно правильный. Сочиненіе должно быть отнесено къ числу весьма хорошихъ.“

б) Ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго:*

„Работа Анатолія Троицкаго „Раскольническая письменность XVII-го вѣка“ имѣетъ своимъ предметомъ сочиненія протопопа Аввакума, попа Лазаря и діакона Ѳеодора. Авторъ разсматриваетъ названныя сочиненія не только со стороны историко-литературной, но также и со стороны палеографической и библіографической: онъ даетъ характеристику сохранившихся рукописей этихъ сочиненій и ихъ печатныхъ изданій; онъ касается даже и языка ихъ. Начитанность автора въ соотвѣтствующей новой литературѣ большая. Изложеніе его легко, такъ что въ общемъ эта обширная работа (въ ней 556 стр. въ четвертку), несмотря на свой спеціальный характеръ, читается съ интересомъ. Признаю ее весьма удовлетворительной и оцѣниваю балломъ 5.“

49) О сочиненіи студента *священника Часоводова Іоанна* на тему: „Религіозные мотивы въ русской лирикѣ съ половины XIX столѣтія до нашихъ дней.“

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго:*

„Разсматриваемое произведеніе свящ. о. І. Часоводова представляетъ собою сокращенное, мѣстами просто конспектив-

ное. изложеніе его обширнаго курсового сочиненія, трагически погибшаго, въ бѣловомъ и черновомъ видѣ, отъ пожара въ ночь передъ самой подачей его. Насколько намъ извѣстно по ходу годичныхъ занятій о. Часоводова, сгорѣвшее сочиненіе его было плодомъ добросовѣстнаго труда, усерднаго и любовнаго отношенія къ предмету изслѣдованія, напряженныхъ размышленій и даже личныхъ матеріальныхъ затратъ, вынужденно понесенныхъ для пріобрѣтенія неимѣющихся въ академической библіотекѣ изданій новѣйшихъ писателей. Поэтому, нимало не колеблясь, мы думаемъ, что представленный о. Часоводовымъ въ сокращенномъ видѣ результатъ его работы (тетрадь въ 102 стр.), хотя и не посвящающій читателя во всѣ частности погибшаго труда, даетъ настолько опредѣленное представленіе о сдѣланномъ, что, на основаніи его, о. Часоводову по всей справедливости можетъ быть присуждена степень кандидата богословія.

„Задача работы, говоритъ авторъ во введеніи,—идейно-систематическое изложеніе религіозныхъ мотивовъ въ русской лирикѣ съ половины 19-го вѣка и до нашихъ дней (,) присжатомъ выявленіи (*чит.* изложеніи), объясняющихъ то или другое направленіе или теченіе (въ сферѣ религіозно-лирическихъ мотивовъ), историческихъ условій и основъ“ (стр. 4). Осуществляя эту задачу, онъ построяетъ свое сочиненіе на основаніи слѣдующей группировки русскихъ лириковъ, въ сочиненіяхъ которыхъ звучатъ религіозные мотивы: I) *почвенники—созвучные*: a) лирики—ортодоксы (А. С. Хомяковъ и гр. А. Толстой), b) лирики—пантеисты (Ѳ. И. Тютчевъ и А. А. Фетъ), c) лирики—скептики—пессимисты (С. Надсонъ, К. Случевскій, Н. Минскій); II) *мистики-искатели, новые*: a) лирики богочеловѣчества—*α*) лирики Міровой Души (Вл. Соловьевъ, А. Блокъ, А. Бѣлый, С. Соловьевъ), *β*) лирики Новыхъ Зорь (Д. Мережковскій, З. Гиппіусъ), *γ*) лирикъ—діонисіанистъ (Вяч. Ивановъ); b) лирики человѣкобожества—*α*) мистическіе атеисты (В. Брюсовъ, К. Бальмонтъ), *β*) лирикъ—сатанистъ (Ѳ. Сологубъ). Съ точки зрѣнія такой классификаціи поэтовъ—лириковъ въ сочиненіи дѣлается характеристика религіозныхъ мотивовъ въ ихъ творчествѣ. Хотя эта классификація не можетъ быть признана исчерпывающей, однако ей нельзя отказать въ послѣдовательности и продуманности.

Общій выводъ относительно религіозныхъ мотивовъ въ новѣйшей русской лирикѣ, къ которому въ концѣ концовъ приходитъ авторъ, довольно безотраденъ. „Печально наше послѣднее слово—заканчиваетъ онъ свое сочиненіе. Мятущіеся по стихійно—жизненнымъ волнамъ дня и минуты разсмотрѣнные нами лирики, при исключеніи немногихъ, ничего не даютъ алчущему и жаждущему религіоз. чувству. Ихъ пѣсни—не отдыхъ отъ жизни суровой и злой, а сгущенный ея ядъ и вредные туманы“ (стр. 100). Однако, въ примѣненіи къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лирикамъ, о которыхъ авторъ говоритъ въ сочиненіи одобрительно, этотъ выводъ, повидимому, совсѣмъ не относится. Съ другой стороны, хотя авторъ въ концѣ сочиненія склоненъ неодобрительно отзываться о декадентствѣ и модернизмѣ вообще, но отличительной чертой его собственнаго сочиненія является очевидное пристрастіе къ модернизму, не только въ смыслѣ признанія за декадентствомъ положительнаго литературнаго (—не религіознаго, разумѣется—) значенія, но и въ смыслѣ употребленія въ собственномъ изложеніи чисто-модернистскихъ пріемовъ, декадентскихъ новообразованій и искусственныхъ словосочетаній. На протяженіи всего сочиненія какъ будто ведется скрытая борьба планомѣрнаго логическаго развитія безыскуственной мысли, къ которой по существу склоненъ авторъ, съ паѳосомъ модернистскихъ порывовъ, не могущихъ успокоиться на простыхъ мысляхъ и общеупотребительныхъ словахъ. Сочиненіе пестритъ такими, напр., выраженіями и сочетаніями словъ и понятій: „созвучныя звенья“ (стр. 5), „личноуглубленный,“ „сердцестремительный“ (6), „очеса“ (6), „громоздкая тяга душащей старины“ (8), „европейничанье“ (8), „нашествіе идей“ (8), „геній волюще заговорилъ“ (8), „почвеннобытійственный“ (писатель) (14), „мстительный міровой хаосъ“ (21), „нервъ души времени“ (46), „идеи, блещущія молодостью“ (46), „твердоустойчивый путь“ (48), „разноплоскостно“ (68), „западъ задыхался въ тѣснотѣ напряженностей“ (69), „вдумчиво-затуманенный ликъ“ (70), „тиховѣйность настроенности“ (76) и мн. под. Всѣ эти выраженія –отнюдь не вынужденныя заимствованія изъ разсматриваемыхъ писателей, но детали самостоятельнаго авторскаго языка. Авторъ не стѣсняется упорно замѣнять даже слово „изложеніе,“ „излагать“ реченіями—„выявленіе,“

„выявлять“: „при сжатомъ выявленіи“ (стр. 4)—пишетъ онъ, или: „необходимо сжато выявить“ (37), или еще: „чтобы шире и рельефнѣе выявить“ (50, ср. 56). Разумѣется, модернистскіе пріемы изложенія—дѣло вкуса, но намъ кажется, что сознательное привитіе ихъ къ научнымъ изслѣдованіямъ едва-ли можетъ быть особенно плодотворнымъ.

На стр. 69 своего сочиненія авторъ говоритъ: „Первыми вѣстниками литературныхъ и религіозныхъ принциповъ декаденства (sic) у насъ можно считать Тургенева, Л. Толстого и Достоевскаго. Съ произведеній послѣднихъ въ русск. литературѣ началось катастрофическое, трагическое жизнеощущеніе“... Едва-ли это такъ. Идя такимъ путемъ, можно всѣхъ писателей XIX в. причислить къ лику декадентовъ. Имѣя въ виду пріемы своего „выявленія,“ автору слѣдовало бы вспомнить прекрасный завѣтъ упомянутаго имъ Тургенева: „Берегите нашъ русскій языкъ, завѣщанный Пушкинымъ, не обращайте могучаго рычага въ подпорки“. По поводу этого завѣта недавно, въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ, одинъ изъ самыхъ образцовыхъ современныхъ мастеровъ русскаго слова говорилъ: „Этотъ завѣтъ (Тургенева) слѣдуетъ особенно помнить теперь, когда къ русскому языку проявляется подчасъ отношеніе, какъ къ несчастной „жертвѣ общественнаго темперамента“... (Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Н., т. XIV, кн. 4, стр. 18).

Мы не остановились бы подробно на этой сторонѣ сочиненія о. Часоводова, если бы модернистскіе пріемы и полуюродивый языкъ у него не были дѣломъ преднамѣренныхъ потугъ и сознательныхъ усилій привить ихъ къ своему перу, отъ чего намъ приходилось много разъ его предостерегать.

За всѣмъ тѣмъ, несмотря на отмѣченную односторонность свою, работа о. Часоводова обладаетъ и достаточными похвальными свойствами. Авторъ обстоятельно изучилъ предметъ своего изслѣдованія и вообще обладаетъ большой начитанностью въ области изящной литературы. Ему, несомнѣнно, присуще поэтическое чутье. Въ сочиненіи проявлена самостоятельность и оригинальность мысли и способность къ зрѣлымъ обобщеніямъ. Въ отношеніи къ болѣзненнымъ, нездоровымъ и легкомысленнымъ теченіямъ религіозной лирики онъ вполнѣ основательно держится отрицательной точки зрѣнія. Какъ сказано раньше, степени кандидата богословія онъ заслуживаетъ.“

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова:*

„Кандидатское сочиненіе священника І. Часоводова сгорѣло въ пожарѣ, случившемся въ его квартирѣ почти наканунѣ срока, установленнаго для представленія курсовыхъ работъ. Вслѣдствіе этого авторъ былъ вынужденъ ограничиться подробнымъ и обстоятельнымъ конспектомъ, въ которомъ изложилъ результаты своихъ годичныхъ занятій по изученію избраннаго вопроса. Съ этимъ конспектомъ и имѣетъ дѣло рецензентъ.

По своему содержанію конспектъ этотъ представляетъ собою подробный рефератъ работы, уничтоженной огнемъ, а по своему объему равняется небольшому кандидатскому сочиненію (102 стр. мелкаго письма). Въ немъ довольно обстоятельно изложенъ взглядъ автора на писателей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, и всѣ существенные тезисы его изслѣдованія. Конспектъ составленъ по очень отчетливому плану, отличается ясностью и написанъ менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли исключительно по памяти, такъ какъ собранныя для работы черновые матеріалы сгорѣли вмѣстѣ съ нею. Все это убѣждаетъ рецензента въ томъ, что свящ. Часоводовъ усердно занимался въ теченіе года изученіемъ избраннаго вопроса, составилъ себѣ очень опредѣленное мнѣніе объ особенностяхъ религіознаго настроенія каждаго изъ изученныхъ писателей и хорошо продумалъ свою работу какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ. Источники и литература предмета обслѣдованы авторомъ съ достаточной полнотой. Ходъ развитія русской художественной литературы въ связи съ измѣненіемъ настроенія общества и умственныхъ теченій въ немъ рисуется въ сознаніи автора ясно и отчетливо. Но конспектъ не позволяетъ оцѣнить въ подробностяхъ степень состоятельности доказательствъ, на которыхъ свящ. Часоводовъ строитъ свои выводы, такъ какъ въ конспектѣ содержатся главнымъ образомъ тезисы изслѣдованія, а ихъ обоснованіемъ служитъ обыкновенно рядъ глухихъ ссылокъ на стихотворенія, подсказавшія ему то или другое заключеніе.

Въ изложеніи непріятно поражаетъ вычурность языка и обиліе неологизмовъ. Кажется, что имѣя дѣло съ декадентами, авторъ заразился отъ нихъ ихъ обычной искусствен-

ностью или сознательно стремился подражать ихъ стилю. Его конспектъ пестритъ выраженіями: „почвенно-бытійственны“, „общеміровоззрѣніе“, „поэты—живые трупы, близки къ психофизико-химическому разложенію—къ смерти“, „безличной сліянности“, „двуединими дуадами“, „задыхался въ тѣснотѣ напряженностей“, „воленіе“, „онъ хаотиченъ, разрывенъ“. Замѣтно также сильное злоупотребленіе „мигами“. Область трансцендентнаго почему-то всегда называется ирраціональнымъ. Невольно спрашиваешь себя, неужели нельзя писать о поэтахъ, хотя бы и декадентскаго направленія, на общеупотребительномъ языкѣ.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

50) О сочиненіи студента *священника Черникова Николая* на тему: „Волшебства и гаданія у древнихъ израильтянъ и сосѣднихъ съ ними палестинскихъ народовъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго:*

„Вопросъ о „волшебствѣ и гаданіяхъ“ у древнихъ израильтянъ имѣетъ большое апологетическое значеніе. Въ массѣ разнородныхъ сужденій по данному вопросу замѣтна настойчивая попытка нивелировать израиля—уравнять его религіозное міропониманіе съ религіозными представленіями другихъ народовъ. Волшебства и гаданія были у всѣхъ народовъ древняго міра; были они и у израильтянъ. Представители отрицательной критики отсюда заключаютъ, что израиль, въ его цѣломъ, по своей духовной физіономіи не отличался отъ сосѣднихъ съ нимъ языческихъ народовъ. Въ виду сказаннаго, православный библеистъ долженъ показать, на точныхъ данныхъ Библіи, что волшебство и гаданія въ Израилѣ были явленіями наносными, чуждыми сущности исповѣдуемой имъ религіи. О. Черниковъ понялъ эту задачу. Въ 1-й главѣ онъ показалъ, что родина волшебства и гаданія не у Израиля и даже не въ Палестинѣ, а за ея предѣлами—въ Египтѣ и Халдеѣ. Во второй и третьей главахъ онъ частнѣе говоритъ о волшебствахъ и гаданіяхъ, всюду выясняя, какъ чужеземныя волшебства и гаданія индивидуализировались въ средѣ евреевъ.

Вѣрно понявъ задачу своей работы, о. Черниковъ не указалъ, однако, опредѣленныхъ историческихъ рамокъ для

нея. Онъ часто забываетъ, что ему нужно говорить о волшебствахъ и гаданіяхъ *древнихъ* израильтянъ, жившихъ осѣдлою жизнью въ Палестинѣ среди иноплеменныхъ народностей. Этимъ объясняется то обстоятельство, что онъ, имѣя дѣло со всѣми данными Библіи, относящимися къ его вопросу, произвольно группируетъ факты, раздѣленные между собою иногда тысячелѣтіями. Однородныя формы гаданія могутъ быть, конечно, объединяемы при уясненіи ихъ, хотя бы онѣ и употреблялись у одного и того же народа на разстояніи столѣтій и тысячелѣтій. Но, чтобы признать ихъ однородными на основаніи общаго ихъ наименованія, для этого нужны особыя доказательства. А недочеты въ этомъ именно послѣднемъ отношеніи и встрѣчаются у автора. Такъ, напримѣръ, говоря о *терафимахъ*, онъ дѣлаетъ ссылки на Быт. 21, 30; 31, 19; I Ц. 15, 29; Ос. 3, 4. Объединяя всѣ эти мѣста, о. Черниковъ старается подыскать общее опредѣленіе, въ которое укладывалось бы понятіе о терафимахъ. Но данныя Библіи позволяютъ предполагать, что почитаніе терафимовъ разнообразилось въ разныя времена. Во времена Іакова это были маленькіе домашніе божки, что отмѣчаетъ и о. Черниковъ; съ теченіемъ времени эти божки какъ бы вышли за предѣлы домашняго употребленія и стали служить предметами общаго поклоненія. Библеисту-историку необходимо было сдѣлать попытку показать, какъ, когда и подъ вліяніемъ чего видоизмѣнялось у израильтянъ суевѣрное преклоненіе предъ терафимами въ чисто идолопоклонническое. А этой попытки мы и не видимъ у автора. Далѣе, авторъ останавливаетъ излишнее, можетъ быть, вниманіе на нѣкоторыхъ видахъ гаданія. Такъ, говоря объ „орнитоманіи“ (стр. 225 и сл.), авторъ дѣлаетъ ссылку на Еккл. 10, 20, гдѣ упоминается о птицѣ небесной, которая „можетъ перенесть слово твое и пересказать рѣчь твою“. На этой ссылкѣ авторъ строитъ предположеніе, что орнитоманія была „отлично извѣстна древнимъ израильтянамъ“. Очевидно, здѣсь изъ очень маленькой, къ тому же не поясненной, предпосылки выводится слишкомъ большое заключеніе. Что же касается ссылки автора на свидѣтельство Іосифа Флавія о фактѣ гаданія по полету птицы, то это свидѣтельство имѣетъ въ виду время іудейской войны, а слѣдовательно, очень мало можетъ говорить о гаданіяхъ по полету птицъ у „древнихъ израильтянъ“.

Можно указать въ сочиненіи о. Черникова и нѣсколько другихъ несущественныхъ недочетовъ. Такъ, онъ опредѣляетъ во введеніи „суевѣрія“, какъ „*теорію*“, а „гаданія“ какъ „*дѣятельность*“, являющуюся „результатомъ теоріи“, (стр. 2—3). Здѣсь онъ ссылается на авторитетъ Blau (Altjudische Zauberwesen). Но, очевидно, къ такому опредѣленію „суевѣрія“, не покрываемаго, конечно, понятіемъ „теоріи“, недовѣрчиво отнесся и самъ авторъ, если для скрѣпленія его ему понадобился авторитетъ. Неблагозвучно также, напримѣръ, его опредѣленіе „египетской волшебной науки“, какъ „дикаго волшебства“ (стр. 17).

Однако въ разсматриваемомъ сочиненіи о. Черникова есть такія положительныя достоинства, которыя заставляютъ говорить болѣе объ усердіи автора, чѣмъ о промахахъ въ его работѣ. Онъ съ неутомимостью изучалъ Библію, выбиралъ и подбиралъ необходимыя для него данныя. Столкнувшись съ большимъ вопросомъ о волшебствахъ и гаданіяхъ древнихъ народовъ, онъ обстоятельно изучилъ, кромѣ текста Библіи, обширную святоотеческую литературу (Кириллъ Александрійскій, Бл. Θеодоритъ, Іоаннъ Златоустъ, Ефремъ Сиринъ, бл. Іеронимъ, Августинъ и др., а также христіанскіе апологеты), классическихъ писателей (Страбонъ, Геродотъ, Діодоръ и др.), ознакомился съ лучшими русскими и нѣмецкими комментаріями. Не ускользнула отъ его немалаго вниманія и новѣйшая западная литература, трактующая о волшебствахъ и гаданіяхъ на основаніи древнихъ памятниковъ востока (напр. Wiedemann, Rawlinson, Lenormant).

Располагая обширнымъ матеріаломъ, авторъ умѣло оріентировался въ немъ и нѣкоторыя недомолвки его находятъ, кажется, себѣ оправданіе въ его опасеніи запутаться въ тѣхъ многочисленныхъ справкахъ, которыя онъ дѣлалъ при своей работѣ.

По совокупности сказаннаго, мы признаемъ сочиненіе о. Черникова вполнѣ заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова:*

„Сочиненіе о. Черникова состоитъ изъ введенія, 3 главъ

и заключенія. Въ первой главѣ авторъ изслѣдуетъ, откуда явились у израильтянъ волшебства и гаданія, и выясняетъ ту роль, какую сыграли Египетъ и Халдея въ этомъ отношеніи. Во второй главѣ о. Черниковъ описываетъ древнія волшебства, поскольку они прикосновенны къ исторіи древнеизраильскаго оккультизма. Въ третьей главѣ авторъ говоритъ подробно о древнихъ способахъ гаданій.

Какъ цѣлое, работа о. Черникова производитъ благопріятное впечатлѣніе, онъ собралъ достаточное количество матеріала въ затронутой имъ области древней жизни, только библейскіе тексты требовали бы болѣе тщательнаго изученія, напримѣръ, повѣствованіе объ явленіи Самуила въ Аэнъ-дорѣ.

Степени кандидата богословія о. Черниковъ заслуживаетъ".

51) О сочиненіи студента *іеромонаха Іеронима (Чернова)* на тему: „Пророкъ Исаія и его время".

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго:*

„Выясненіе соотношеній жизни и дѣятельности великаго ветхозавѣтнаго пророка Исаіи съ его временемъ это сложная задача. Въ русской библейско-богословской литературѣ мало работъ, характеризующихъ настроеніе извѣстной эпохи и показывающихъ, какое значеніе имѣла та или другая библейская личность для своего времени. Причина этого понятна: для выполненія подобной работы необходимо внимательно изучить эпоху, вскрыть первопричины ненормальныхъ явленій въ соціальной и религіозно-нравственной жизни. А это дѣло не легкое.

Между тѣмъ этой трудной задачи не убоялся о. Іеронимъ.

Все, довольно значительное по объему, сочиненіе о. Іеронима состоитъ изъ введенія и пяти главъ. Во введеніи авторъ говоритъ о взаимоотношеніи іудеевъ времени Исаіи съ народами древняго міра: египтянами, вавилонянами и др. и даетъ общую характеристику религіозно-нравственнаго состоянія общества, поскольку оно отражалось въ соціальной жизни. Невысокій уровень нравственности какъ бы взывалъ, по мысли автора, къ авторитету съ сильнымъ характеромъ, съ яснымъ сознаніемъ принципа религіозно-нравственной жизнедѣятельности. Такою авторитетною личностью и былъ для своего времени пророкъ Исаія. Въ первой, слѣдующей

за введеніемъ, главѣ о. Іеронимъ говоритъ о частной жизни пророка, о его призваніи и о его общей духовной физіономіи, опредѣлившей его дѣятельность и индивидуализировавшей ее сравнительно съ дѣятельностью другихъ пророковъ, напр. Осіи и Амоса. Во второй и 3-й главахъ частичнѣе говорится о религіозно-нравственномъ состояніи народа Божія до реформъ Езекіи и послѣ этихъ реформъ. Въ 4-й главѣ о. Іеронимъ излагаетъ внѣшнюю исторію іудеевъ въ эпоху реформъ Исаіи до времени Сеннахирима, въ связи съ тѣми вліяніями, которыя имѣли на израиля народы и народности, приходившіе въ столкновеніе съ израильтянами. Въ пятой главѣ дается конспективный обзоръ политическаго и религіозно-нравственнаго состоянія израильскаго общества за вторую половину царствованія Езекіи до мученической кончины пророка Исаіи.

Изъ содержанія сочиненія о. Іеронима видно, что онъ далъ надлежащую постановку своему вопросу.

Ясному плану о. Іеронима отвѣчаетъ и серьезное отношеніе къ тому богатому матеріалу, который съ рѣдкимъ усердіемъ извлекалъ онъ какъ изъ самой Библіи, такъ и изъ общей исторіи, со включеніемъ сюда новѣйшихъ данныхъ египтологіи и ассиріологіи, съ которыми необходимо считаться теперь не только библеисту, но и экзегету.

Сложная кандидатская работа о. Іеронима имѣетъ свои, впрочемъ извинительные, недочеты. У него не сдѣлано попытки установить точную хронологію для времени пророка Исаіи. Общія историческія рамки для дѣятельности этого пророка опредѣлены у него только синхронизмами событій, но не детальною повѣркою хронологическихъ датъ. Послѣднее—дѣло очень трудное, но для завершенія работы о. Іеронима необходимое. Указываемый нами настоящій недочетъ даетъ намъ поводъ не столько для обвиненія автора, сколько для пожеланія, чтобы о. Іеронимъ при окончательной разработкѣ его темы обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла. Конспективное изложеніе 5-й главы должно преобразоваться у него въ фактически обоснованный отдѣлъ. Автору слѣдуетъ обратить вниманіе, далѣе, и на болѣе подробную цитацію библейскихъ мѣстъ, которыми пользуется онъ; его особый пріемъ давать справки изъ Библіи въ обобщеніяхъ долженъ быть видоизмѣненъ, поэтому, въ смыслѣ болѣе полной цита-

ціи. По примѣру нѣкоторыхъ экзегетовъ нашъ авторъ при цитаціи библейскихъ мѣстъ, на ряду съ довольно точными выраженіями нашихъ русскаго и славянскаго переводовъ, приводитъ еще и выраженія масоретскаго текста. Эти украшенія ясныхъ славянскихъ и русскихъ выраженій еврейскимъ текстомъ должны быть излишними въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ не дѣлаетъ никакого приложенія изъ приводимаго имъ масор. текста. Такъ, напр., опредѣляя титулъ царедворца Севны, о. Іеронимъ указываетъ на названіе его въ русскомъ переводѣ „начальникомъ дворца" и здѣсь же приводитъ евр. выраженіе: אֲשֶׁר עַל-הַבָּיִת, оставляя его безъ всякаго поясненія (стр. 149). Между тѣмъ, автору естественнѣе было остановиться на разсмотрѣніи имени Севны (евр. שֶׁבְנָא, LXX *Σομνάν*, вульг. Sobnam, слав. Сомнанъ). И если уже онъ указалъ на титулъ его въ евр. текстѣ, то ему слѣдовало бы довести дѣло до конца и пояснить особую терминологію LXX (*„παστοφόριον"*). При выясненіи культовыхъ особенностей во времена Исаіи автору необходимо было справиться съ данными археологіи. Но всѣ эти недочеты, а также нѣкоторыя неточности въ выраженіяхъ, отмѣченныя нами на поляхъ сочиненія, не касающіяся существа его въ цѣломъ очень обоснованной работы, безъ особаго труда для автора могутъ быть имъ устранены.

Мы увѣрены, что вдумчивый, осмотрительный въ своихъ сужденіяхъ, хорошо изучившій и знающій Библію авторъ съумѣетъ дать богословской наукѣ серьезный трудъ, въ которомъ, какъ можемъ мы заключить на основаніи его кандидатской работы, будетъ всесторонне освѣщена интересная эпоха, связанная съ именемъ величайшаго ветхозавѣтнаго пророка Исаіи.

Для полноты настоящаго отзыва мы не можемъ не обратить вниманія на обиліе русской и иностранной библейско-богословской литературы, изученной авторомъ. Въ числѣ указанныхъ имъ пособій имѣются новѣйшіе труды, въ которыхъ время пророка Исаіи разсматривается въ связи съ данными общей исторіи, археологіи и ассиріологіи (напр. Kennett'a, Driver'a и др.).

Языкъ автора почти всегда точный, сжатый и выразительный. Мысли его выношены и потому свободны отъ расплывчатости.

Въ виду сказаннаго мы признаемъ сочиненіе о. Іеронима очень серьезною кандидатскою работою, безусловно заслуживающею высшаго балла. Предлагая ему дополнительную разработку его темы для полученія слѣдующей богословской степени, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, рекомендуемъ его вниманію Совѣта, какъ усерднаго работника, который не остановился предъ сложностью предложенной ему темы".

б) И. д. доцента *іеромонаха Варѳоломея (Ремова):*

„Интересное сочиненіе о. Іеронима даетъ ему полное право на ученую степень кандидата богословія. Надъ своею серьезною задачею нашъ авторъ работалъ съ большимъ умѣньемъ и разрѣшилъ ее съ успѣхомъ. Работа о. Іеронима по своему направленію и характеру есть работа историческая. Авторъ очень умѣло выбралъ предметъ для своего сочиненія. Тема взята трудная, но вполнѣ соотвѣтствующая общему умственному складу, симпатіямъ и способностямъ нашего автора. И тамъ, гдѣ о. Іеронимъ остается вѣренъ самому себѣ, т. е. оперируетъ надъ историческимъ матеріаломъ more historico, изслѣдованіе его содержательно и превосходно не только по замыслу, но и по осуществленію. Тамъ же, гдѣ о. Іеронимъ изъ сферы исторической переходитъ въ область идейную, въ область библейскаго богословія, онъ говоритъ сравнительно слабо и неудачно. О. Іеронимъ совсѣмъ не богословъ, а историкъ. Свою задачу онъ могъ разрѣшать съ наклономъ преимущественно въ сторону идеологіи, но онъ этого не сдѣлалъ. Мы находимъ это правильнымъ и рекомендуемъ нашему автору не увлекаться въ область идеологіи; въ области же исторической онъ можетъ работать плодотворно. Въ сочиненіи о. Іеронима мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ методологическую его подготовленность къ научно-исторической работѣ и потому имѣемъ основаніе ожидать отъ автора дальнѣйшей серьезной разработки его почтеннаго труда.

По самому характеру своему и внѣшнему виду разсматриваемое сочиненіе производитъ впечатлѣніе зданія на крѣпкомъ (научномъ) фундаментѣ, но построеннаго вчернѣ и недоконченнаго. Такъ оно и должно быть, потому что задача труда о. Іеронима очень серьезна и обширна и требуетъ гораздо большаго, чѣмъ послѣдній годъ студенческаго курса, времени для окончательной разработки. Поэтому вполнѣ

извинительны тѣ промахи, недосмотры и ошибки, какихъ не мало допустилъ нашъ авторъ: не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Считаемъ долгомъ въ цѣляхъ предостереженія отъ нихъ высказать слѣдующія замѣчанія.

1. Историческія изслѣдованія должны быть документальными. Значитъ, по самому существу дѣла отъ о. Іеронима требуется самая тщательная и точная цитація. Каждый сообщаемый фактъ, каждая заимствованная мысль и выраженіе (особенно взятыя изъ Писанія) должны быть отмѣчены ясно и опредѣленно. Необходимо избѣгать такъ называемыхъ глухихъ цитатъ: если цитируется мѣсто Св. Писанія, нужно указывать главу и стихъ, если цитируется книга, непремѣнно слѣдуетъ указывать ея страницу. Въ цитатахъ должно быть очень разборчивымъ и осторожнымъ. Для характеристики языческихъ жертвоприношеній отсылать къ „Саламбо" Флобера (стр. 100) по меньшей мѣрѣ неудобно. Писать безъ нужды по-латыни имя Hesychius, особенно когда рядомъ стоитъ Златоустъ (стр. 35, нужно, конечно, *Исихій*), или называть въ текстѣ апокрифъ по-англійски (The Ascension of Jsaiah, стр. 33)—не слѣдуетъ. Называть вѣру Исаіи „вѣрою, которая побѣдила міръ," или цитировать мѣста Св. Писанія въ такомъ сочетаніи, какъ на стр. 5—1 Тим. 3, 7 или на стр. 4—Лук. 11, 32 излишне и даже неумѣстно.

2. Въ историческихъ изслѣдованіяхъ необходимо быть всегда въ области реальнаго. Сужденія и заключенія, всякаго рода обобщенія историка базируются на конкретной основѣ фактовъ. Вотъ почему мы рекомендуемъ о. Іерониму быть осторожнымъ въ сужденіяхъ, которыя у него довольно часто рѣшительны и смѣлы (напр. стр. 8, 14, 15, 18, 20, 22, 24, 33, 52, 54, 55), но вовсе необоснованы или опираются на предположеніяхъ.

3. Изслѣдованіе о. Іеронима есть изслѣдованіе не только историка, но и библеиста. Отсюда для него требованіе быть внимательнымъ къ своему первоисточнику—Библіи. Прежде чѣмъ приводить какую-либо цитату или брать ее за основаніе своихъ сужденій, нужно провѣрить правильность своего пониманія по лучшимъ и авторитетнымъ толкованіямъ. А тѣ мѣста Писанія, которымъ авторъ придаетъ почему-либо особое значеніе, должны быть предметомъ и самостоятельнаго изученія. Такъ, о. Іерониму слѣдуетъ разсмотрѣть и

дать анализъ терминовъ—народъ Божій (Ис. 7, 13), Израиль, Іуда. Ис. 6, 9—10 авторъ понимаетъ не совсѣмъ правильно, а между тѣмъ дѣлаетъ серьезныя обобщенія и выводы изъ этого призыва Господня для изображенія условій дѣятельности Исаіи (стр. 42, 45). О. Іеронимъ дѣлаетъ иногда справки цитатъ Писанія по еврейскому тексту и по переводу LXX-ти; не худо присоединить къ этому справки и изъ Вульгаты, цѣнность которой велика уже по одному тому, что она даетъ переводъ точный.

4. О. Іеронимъ обладаетъ въ общемъ легкимъ и гибкимъ стилемъ. Свои мысли онъ выражаетъ и чужія передаетъ языкомъ правильнымъ, яснымъ и даже по мѣстамъ красивымъ. Рецензенту весьма понравились стр. 45—46, 51—52, 56, 59—66 и др., особенно вторая глава. Но есть у о. Іеронима и шероховатости въ стилѣ (на стр. 16, 25—27, 36, 41—42, 50—57, 82, 107, 125, 142—143, 156—158 и др.). Есть, напримѣръ, такія выраженія, какъ „моральная реальность“ (стр. 16); Исаія „видѣлъ раскрывающуюся предъ нимъ таблицу (конечно, картину—tableau) мрачныхъ и свѣтлыхъ конечныхъ судебъ его“ (стр. 53); прилагательное „Исаіанскій“ (Isaianische) въ русскомъ языкѣ не употребляется (стр. 55); на стр. 55 прямо не русскій стиль. Рецензентъ позволяетъ себѣ предостеречь о. Іеронима отъ нѣкоторой непродуманности его выраженій: языкъ ученой работы, въ частности языкъ историка долженъ быть точнымъ.

Выражаемъ пожеланіе, чтобы о. Іеронимъ дѣятельно продолжилъ и закончилъ широко задуманный имъ и въ достаточной мѣрѣ успѣшно выполненный имъ серьезный ученый трудъ, въ которомъ онъ долженъ примѣнить съ надлежащею полнотою свою методологическую подготовку и съ надлежащею широтою развернуть свою незаурядную эрудицію.“

52) О сочиненіи студента *іеромонаха Іоасафа (Шишковскаго)* на тему: „Толкователи Слова Божія изъ писателей-аскетовъ.“

а) Доцента *іеродіакона Иларіона (Троицкаго)*:

„Довольно обширное (V+281 стр.=ок. 200 стр. печатныхъ) сочиненіе іеромонаха Іоасафа посвящено характеристикѣ и научному изслѣдованію истолковательныхъ трудовъ преп. Ефрема Сирина (стр. 1—170), преп. Исидора Пелусіота (стр.

171—236) и преп. Нила Синайскаго (стр. 237—265). Въ заключеніи (стр. 266—276) авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ отношеніи къ Свящ. Писанію аскетовъ вообще, цитируя здѣсь преп. Исаака Сирина, Макарія Египетскаго, авву Дороѳея и еп. Игнатія Брянчанинова.

Первымъ крупнымъ достоинствомъ сочиненія о. Іоасафа слѣдуетъ назвать его *полную самостоятельность*. При написаніи своего обширнаго сочиненія онъ не имѣлъ ни одного дѣйствительно цѣннаго пособія, гдѣ вопросъ разсматривался бы столь же подробно. Истолковательнымъ трудамъ писателей аскетовъ удѣляется всего по нѣскольку страницъ и даже строкъ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи толкованія Свящ. Писанія. О преп. Ефремѣ Сиринѣ авторъ еще имѣлъ подъ руками нѣсколько отдѣльныхъ монографій, но и эти монографіи посвящены вообще литературной и церковной дѣятельности св. отца, почему и не могли оказывать прямого и значительнаго пособія іеромонаху Іоасафу при написаніи главы сочиненія о преп. Ефремѣ.

Не имѣя прямыхъ пособій, о. Іоасафъ при написаніи своего сочиненія былъ такъ сказать наединѣ со своими источниками -твореніями преп. аскетовъ. Творенія избранныхъ имъ писателей аскетовъ въ русскомъ переводѣ составляютъ 14 томовъ, но авторъ не ограничился твореніями, изданными въ русскомъ переводѣ, а обращался и къ подлинному тексту переведенныхъ твореній, и къ тексту твореній преп. Ефрема Сирина еще не переведенныхъ: имъ просмотрѣно нѣсколько томовъ твореній преп. Ефрема въ изданіи I. S. Assemani. Весь этотъ обширный первоисточникъ прочитанъ авторомъ весьма внимательно. *Тщательное изученіе подлежавшаго разсмотрѣнію первоисточника* составляетъ второе важное достоинство сочиненія о. Іоасафа. Матеріала собрано и дано въ сочиненіи очень много. Все сочиненіе написано документально; оно, будто изъ кусковъ мозаики, составлено по крайней мѣрѣ на четыре пятыхъ изъ святоотеческихъ изреченій. Кромѣ того, при чтеніи сочиненія о. іеромонаха Іоасафа невольно чувствовалось, что у него имѣется еще запасъ неиспользованнаго матеріала; изъ массы имѣющагося матеріала онъ дѣлаетъ выборъ и даетъ въ сочиненіи наиболѣе существенное, наиболѣе характерное. При написаніи сочиненія авторъ старался не о томъ, какъ бы побольше написать, а о томъ, какъ бы сжать и сократить свое из-

ложеніе. Вотъ почему въ сочиненіи много лишь намековъ и святоотеческія изреченія обыкновенно приводятся въ самомъ краткомъ объемѣ, а часто подъ строкой лишь поставлены цѣлые ряды цифръ, обозначающихъ томы и страницы святоотеческихъ твореній, гдѣ можно найти паралельныя мысли и новые примѣры въ подтвержденіе высказанныхъ въ текстѣ положеній (См. стр. 24—25. 58. 126—128. 174—175. 191. 192. 209. 210. 220. 224. 239. 245. 255. 259. 265).

Мало того. Авторъ не ограничивается лишь изложеніемъ мыслей избранныхъ имъ писателей, характеристикой ихъ взглядовъ на Свящ. Писаніе и ихъ толкованій, но даетъ и *научное изслѣдованіе* этихъ *толкованій*, поставляя ихъ въ связь съ господствовавшими въ древней Церкви направленіями въ области экзегетики. При этомъ научномъ изслѣдованіи авторъ достаточно использовалъ лучшія монографіи по исторіи толкованія Свящ. Писанія, старыя—латинскія и новыя нѣмецкія. Такъ, изслѣдуя экзегетическіе принципы преп. Ефрема Сирина, о. Іоасафъ привлекаетъ къ дѣлу вообще историческія свѣдѣнія о характерѣ изученія Свящ. Писанія въ школахъ низибійской и эдесской, анализируетъ довольно подробно (стр. 12—26) позднѣйшее сочиненіе Юнилія Африканскаго „Instituta regularia divinae legis“, въ которомъ сохранились традиціи именно низибійской школы, и отмѣчаетъ иногда совпаденіе мыслей преп. Ефрема съ мыслями Юнилія, составившаго свое сочиненіе на основаніи уроковъ Павла Низибійскаго (См. стр. 161). Приступая къ характеристикѣ экзегетики преп. Исидора Пелусіота, авторъ ведетъ подробныя рѣчи (стр. 176—182) объ александрійской и антіохійской экзегетическихъ школахъ, а также рѣшаетъ вопросъ о степени вліянія на преп. Исидора со стороны св. Іоанна Златоуста и въ доказательство этого вліянія въ параллельныхъ столбцахъ приводитъ примѣры почти буквальнаго совпаденія свв. отцевъ, причемъ выписываетъ даже и греческій текстъ ихъ твореній (стр. 187 слл.), въ которомъ совпаденіе становится особенно нагляднымъ. Все это вмѣстѣ взятое ставитъ кандидатскую работу іеромонаха Іоасафа на должную научную высоту и обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка, способнаго давать своему дѣлу настоящую научную постановку.

Какъ уже сказано, сочиненіе въ большей своей части состоитъ изъ святоотеческихъ изреченій. Нельзя не отмѣтить

того искусства, съ какимъ авторъ часто соединяетъ въ своей плавно текущей рѣчи разнородныя выдержки, а тамъ, гдѣ авторъ говоритъ только своими словами, обнаруживается его способность свободно владѣть перомъ и писать чистымъ литературнымъ языкомъ.

Наряду съ этими крупными и, такъ сказать, бросающимися въ глаза достоинствами кандидатской работы о. іеромонаха Іоасафа критическая внимательность и придирчивость рецензента могутъ открыть въ ней и нѣкоторые недостатки или, скорѣе, мелкія ошибки, недосмотры, обмолвки. По существу же рецензентъ находитъ нужнымъ сдѣлать лишь одно замѣчаніе. По прочтеніи сочиненія возникаетъ вопросъ: да почему же въ немъ объединены эти именно, а не какіе-нибудь другіе писатели аскеты? Есть-ли у нихъ что-нибудь общее, такое, что объединяло бы именно ихъ другъ съ другомъ и отъединяло-бы ихъ отъ другихъ въ особую группу? Авторъ на эти вопросы отвѣта не даетъ; онъ каждому изъ трехъ свв. отцевъ посвящаетъ особую главу сочиненія и три главы его сочиненія стоятъ особнякомъ, соединенныя другъ съ другомъ почти однимъ только переплетомъ. А между тѣмъ весьма интересно и важно было-бы отмѣтить тѣ черты, которыя въ исторіи толкованія Свящ. Писанія обособляютъ группу этихъ именно трехъ свв. отцевъ: Ефрема Сирина, Исидора Пелусіота и Нила Синайскаго. Это были *ученые монахи* древней Церкви, аскеты и люди высшаго образованія со склонностью къ научному труду. Отсюда въ ихъ толкованіяхъ переплетеніе элементовъ аскетическихъ съ научными. Только аскетъ могъ написать въ истолкованіе Іоан. 11, 35: *Іисусъ прослезился*—слѣдующее: „Лазарь былъ другъ Спасителя и, какъ другъ Его, безъ сомнѣнія былъ и праведенъ... А будучи праведнымъ и достославно сошедши съ поприща жизни сей, безъ сомнѣнія сподобился упокоенія и чести. Посему, намѣреваясь воскресить его ради славы собственной, Христосъ плакалъ, какъ-бы такъ говоря: сего, вошедшаго въ пристань, снова призываю въ треволненіе, уже увѣнчаннаго снова вывожу для борьбы“ (Исидоръ Пелусіотъ. Кн. 2, пис. 173). Подобнаго рода толкованія—въ частности, и воскрешенія Лазаря—были весьма распространены у древнихъ монаховъ. Но наши три свв. отца даютъ и строго научное изслѣдованіе Свящ. Писанія и тѣмъ самымъ выдѣ-

ляются изъ среды аскетовъ. О. Іоасафъ нѣсколько разъ (стр. 182 пр. 1. 229) говоритъ объ отличіи своихъ трехъ толкователей Слова Божія отъ египетскихъ монаховъ, но не показываетъ наглядно этого отличія, а оно весьма существенно. Преп. авва Исаія пишетъ: „Расположеніе къ любопытному изслѣдованію Писанія приводитъ ко враждѣ и спорамъ, а плачемъ о грѣхахъ доставляется миръ. Монаху, безмолвствующему въ келліи, вмѣняется въ грѣхъ, если онъ, оставя плачъ о грѣхахъ своихъ, обратится къ пытливому изслѣдованію Писанія. Кто вдается въ объясненіе Писанія, не стяжавъ предварительно духовной свободы, тотъ поработился страсти любопытства и сильному увлеченію мысленнымъ плѣненіемъ“ (Слово 6-е). Нельзя-ли здѣсь прочитать печальнаго приговора всѣмъ академическимъ монахамъ? Но монашество при единствѣ своей сущности всегда было разностороннимъ и разнообразнымъ. Въ древней же Церкви мы видимъ, что такіе строгіе аскеты, наставники монаховъ до нашихъ дней, какъ преп. Ефремъ Сиринъ, занимаются научнымъ толкованіемъ Свящ. Писанія — пользуются данными лингвистики, географіи, этнографіи, пользуются іудейскими преданіями, пособіями въ видѣ чужихъ толкованій и т. д. Толкованія Ефрема Сирина, Исидора Пелусіота и Нила Синайскаго обнаруживаютъ, что своимъ дѣломъ они хотятъ служить Церкви. Они люди съ широкими церковными взглядами, почему и стараются въ Писаніи находить обличеніе еретиковъ, говорятъ, напр., о согласіи двухъ завѣтовъ, имѣя въ виду, конечно, маркіонитовъ съ ихъ separatio legis et evangelii *(Tertull.* Adv. Marc. I, 19. CSEL 47, p. 314). У самого же автора собраны въ обиліи всѣ эти данныя, однако онъ не дѣлаетъ никакихъ общихъ выводовъ касательно всѣхъ трехъ писателей-аскетовъ. Авторъ скупится на разсужденія; его анализъ поглощаетъ синтезъ.

Можно указать нѣсколько и мелкихъ недочетовъ. Такъ уже на 1 стр. слова Созомена почему-то приводятся по-латыни, а греческая ихъ редакція (sic!) находится въ примѣчаніи.

Фраза на стр. 10: „Изгнанники Эдесскіе привили здѣсь писанія Θеодора Мопсуестійскаго и Несторія, и такимъ образомъ Несторіанство съ экзегетическимъ методомъ Θеодора составляли два главнѣйшихъ направленія этой второй Низи-

бійской школы"—можетъ быть признана лишь весьма неудачнымъ переводомъ словъ Гергенрётера (Die antiochenische Schule. S. 58): „Die von Edessa Betriebenen hatten aber auch die Schriften des Nestorius und Theodor und so den Nestorianismus und Theodor's exegetische Methode als die einzig gültige hieher verpflanzt, т. е. изгнанные изъ Эдессы пересадили сюда писанія Несторія и Θеодора и такимъ образомъ несторіанство и экзегетическій методъ Θеодора, какъ единственно цѣнный".

На стр. 27 авторъ напрасно увеличиваетъ хронологическое разстояніе между Юниліемъ и Ефремомъ до двухъ столѣтій. Толкованія Ефрема Сирина писаны въ 363—370 гг. Книга Юнилія около 540, но вѣдь лежащія въ основѣ ея чтенія Павла Низибійскаго преподавались въ Низибіи, конечно, значительно раньше, такъ что между Ефремомъ Сириномъ и Юниліемъ, поскольку онъ отражаетъ въ своемъ сочиненіи мысли Павла, едва-ли слѣдуетъ считать больше полутора столѣтія.

На стр. 76 представляется, будто общее древне-церковное преданіе о посланіи къ евреямъ и объ евангеліи Матθея мы узнаемъ только у Ефрема Сирина.

На 85 стр. названіе еврейской глагольной формы дважды написано почему-то въ разномъ видѣ—Qual и Kal.

Стр. 112: „изъясненіе очень часто получаетъ отрывочный характеръ, во многомъ напоминающій катены". Но вѣдь для катенъ самое характерное то, что онѣ—выписки изъ разныхъ авторовъ.

На стр. 164—165 читаемъ: „историко-типологическія изъясненія Ефрема служатъ (?) повтореніемъ общеизвѣстныхъ и общепринятыхъ аллегорическихъ толкованій, унаслѣдованныхъ отъ Филона и т. д.". Жаль, что авторъ вмѣсто доказательствъ этой мысли счелъ достаточнымъ просто сослаться на статью Жданова.

Въ 4 прим. къ 176 стр. рѣчь идетъ о числѣ писемъ Исидора. Въ полномъ собраніи его писемъ теперь 2012. По свидѣтельству Свиды, ихъ 3000, касающихся экзегетическихъ вопросовъ, и 7000 другихъ. „А Никифоръ Каллистъ, продолжаетъ авторъ, число писемъ Исидора увеличиваетъ до 1000".

На стр. 189 авторъ приводитъ слова преп. Исидора: „писанное не важнѣе ненаписаннаго"—и дѣлаетъ примѣчаніе:

„Слѣдовательно авторитетъ Св. Писанія ничуть не превышаетъ авторитетъ Св. Преданія“. Прежде всего замѣтимъ, что рѣчи объ *авторитетѣ* Писанія и Преданія давно пора бы замѣнить мыслью объ авторитетѣ Церкви Соборной. Но главное, преп. Исидоръ подъ ненаписаннымъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ вовсе не преданіе. Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ Іерем. 21, 31—33. Іоан. 6. 45. 2 Кор. 3, 3—мѣста, гдѣ говорится о законѣ, написанномъ въ мысляхъ и на сердцахъ, на скрижаляхъ сердца плотяныхъ, а не на скрижаляхъ каменныхъ. Этотъ законъ едва-ли можно отождествлять съ преданіемъ.

Встрѣчаются, хотя и рѣдко, повторенія (стр. 73. 100), а также и цитаты изъ вторыхъ рукъ (стр. 9. 46. 125).

Неточно, конечно, выражается авторъ, когда говоритъ, будто Павелъ персъ является настоящимъ авторомъ сочиненія „De partibus legis divinae“ (стр. 15).

Слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя, немногія правда, стилистическія погрѣшности. „Твердое убѣжище“ (стр. 6). „въ своихъ апостольскихъ толкованіяхъ“ (стр. 74—рѣчь идетъ про толкованія Ефрема Сирина на апостольскія посланія). „*Трагедія* Златоуста“ (стр. 184). „Исидоръ *обожалъ* Златоуста“ (стр. 215).

Вотъ, пожалуй, и всѣ мелкіе недочеты, какіе слѣдуетъ отмѣтить въ сочиненіи о. іеромонаха Іоасафа. Для обширнаго сочиненія въ 12—13 печатныхъ листовъ, конечно, ихъ очень немного и ихъ нужно выискивать, чтобы замѣтить. Указанныя же выше крупныя достоинства сочиненія о. Іоасафа, разумѣется, отъ этихъ мелкихъ недочетовъ ничего не теряютъ въ своей силѣ и убѣдительности. Эти достоинства—самостоятельность, тщательное изученіе источниковъ, сообщающее богатую содержательность, научная постановка работы и литературность изложенія—заставляютъ рецензента отозваться о сочиненіи о. іеромонаха Іоасафа съ рѣшительной похвалой и высоко его оцѣнить, автора же признать вполнѣ и безспорно достойнымъ степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Страхова:*

„Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ справедливо замѣчаетъ, что вопросъ о пріемахъ и методахъ толкованія

Слова Божія у писателей-аскетовъ—вопросъ новый, не бывшій предметомъ спеціальнаго изслѣдованія ни въ западной ни въ русской экзегетической наукѣ. Между тѣмъ важность этого вопроса очевидна: толкованія писателей-аскетовъ въ высшей степени оригинальны сами по себѣ, поучительны для насъ и цѣнны для исторіи экзегетики. Сочиненіе о. Іоасафа и посвящено разсмотрѣнію экзегетическихъ воззрѣній и пріемовъ троихъ наиболѣе видныхъ писателей-аскетовъ: преп. Ефрема Сирина, преп. Исидора Пелусіота и преп. Нила Синайскаго.

Методъ работы о. Іоасафа вполнѣ научный. Свои спеціальныя изслѣдованія объ экзегезисѣ каждаго изъ названныхъ писателей-аскетовъ о. Іоасафъ предваряетъ разсмотрѣніемъ тѣхъ условій, подъ какими сложились экзегетическія воззрѣнія того или другого писателя-аскета, характеристикой тѣхъ направленій, тѣхъ методовъ толкованія, какіе существовали въ его времена, указаніемъ той школы, къ какой онъ принадлежалъ. Отсюда сужденія автора о названныхъ писателяхъ-аскетахъ, какъ толкователяхъ Слова Божія, пріобрѣтаютъ подъ собою устойчивую почву и становятся общеубѣдительными. Послѣ такихъ предвареній, обыкновенно краткихъ, но въ общемъ удовлетворительныхъ, авторъ обращается непосредственно къ характеристикѣ того или другого писателя-аскета, какъ экзегета. Здѣсь онъ сначала изслѣдуетъ общія воззрѣнія каждаго писателя-аскета на происхожденіе Свящ. Писанія, на его цѣль, характеръ и содержаніе, на его богодухновенность, и потомъ переходитъ къ выясненію экзегетическихъ пріемовъ и методовъ извѣстнаго писателя-аскета. Общій выводъ автора объ экзегетическихъ методахъ изучаемыхъ имъ писателей-аскетовъ таковъ: всѣ эти писатели стремились прежде всего къ буквально-историческому освѣщенію библейскаго текста, а затѣмъ, избѣгая крайностей аллегоризма Александрійской школы, пытались вникнуть во внутренній, мистическій смыслъ Свящ. Писанія, иногда внося въ него свои нравственно-аскетическія сентенціи. Свои сужденія авторъ обыкновенно подкрѣпляетъ буквальными выдержками изъ названныхъ писателей-аскетовъ, чьи творенія онъ изучалъ преимущественно въ русскомъ переводѣ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онъ обращался и къ другимъ, болѣе полнымъ и авторитетнымъ изданіямъ. Такъ

напр. Ефрема Сирина онъ изучалъ и по римскому изданію Assemani, о чемъ свидѣтельствуютъ его удачные переводы и дополненія къ русскому изданію, напр. на сс. 96—97.

Будучи удовлетворительнымъ и по методу и по содержанію, сочиненіе о. Іоасафа не чуждо однако и недостатковъ.

Во-первыхъ, бросается въ глаза неустойчивость и неопредѣленность, а иногда и противорѣчивость нѣкоторыхъ сужденій автора. Авторъ не смогъ вполнѣ ясно и отчетливо установить отношеній преп. Ефрема Сирина къ еврейскому и греческому переводамъ Свящ. Писанія. На с. 86 онъ говоритъ, что пр. Ефремъ, благодаря знанію еврейскаго языка, могъ свободно оперировать надъ еврейскимъ подлинникомъ и правильно опредѣлять смыслъ библейскихъ словъ и выраженій, а на сс. 87—89 онъ приводитъ рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о незнакомствѣ преп. Ефрема съ еврейскимъ языкомъ. На с. 90 авторъ примиряетъ это противорѣчіе общей фразой: „было бы несправедливымъ (о), пишетъ онъ, совершенно отрицать знаніе (преп.) Ефремомъ еврейскаго языка на основаніи только что перечисленныхъ неудачныхъ мѣстъ“ пользованія еврейскимъ языкомъ. Но авторъ оставляетъ открытымъ вопросъ, чѣмъ же объяснить наличность у преп. Ефрема неудачныхъ поясненій и переводовъ еврейскаго подлинника. Такая же неустойчивость замѣчается у автора и въ рѣшеніи имъ вопроса объ отношеніи преп. Ефрема и къ греческому переводу. Есть у автора и прямыя противорѣчія. Такъ на с. 13 онъ говоритъ, что сочиненіе „De partibus legis divinae“ „несомнѣнно“ принадлежитъ Юнилію Африканскому, а дальше—на с. 15—онъ пишетъ, что „настоящимъ авторомъ этого сочиненія является“ не Юнилій, а нѣкій Павелъ персъ, митр. Низибійскій.

Во-вторыхъ, авторъ не вездѣ изслѣдуетъ подлежащіе его изученію вопросы съ достаточной полнотой. Такъ, прежде всего, онъ не объясняетъ, почему изъ многихъ писателей-аскетовъ, толковавшихъ Слово Божіе, онъ остановился именно на названныхъ троихъ—преп. Ефремѣ, преп. Исидорѣ и преп. Нилѣ Синайскомъ. Правда, въ заключеніи своего сочиненія авторъ очень кратко приводитъ взглядъ на Свящ. Писаніе и другихъ, кромѣ названныхъ, подвижниковъ: аввы Исаака

Сиріянина, преп. Макарія Егип., аввы Дороѳея, еп. Игнатія Брянчанинова. Но и интересы науки и личное служеніе автора должны были бы побудить его удѣлить болѣе вниманія и другимъ извѣстнымъ писателямъ-аскетамъ, какъ толкователямъ Слова Божія. Далѣе, разсужденія автора объ историко-грамматическомъ методѣ толкованія у преп. Исидора Пелусіота очень кратки, почти конспективны. Слѣдовало бы привести здѣсь нѣсколько иллюстрацій, наиболѣе типичныхъ, изъ твореній этого подвижника. Наконецъ, главу III-ью о преп. Нилѣ Синайскомъ, какъ экзегетѣ, авторъ заканчиваетъ такъ: „если для нѣмецкаго ученаго (Kihn'a) толковательныя творенія Синайскаго подвижника ничего не говорятъ, то для насъ они говорятъ о многомъ и (,) главнымъ образомъ, какъ толкованія писателя-аскета“ (с. 265). Жаль, что авторъ не развилъ этого послѣдняго положенія. А потому „говореніе о многомъ“ преп. Нила можетъ остаться для читателя только субъективнымъ заявленіемъ автора, притомъ, можетъ быть, даже тенденціознымъ.

Въ-третьихъ, рецензентъ не можетъ не обратить вниманія на нѣкоторые неудачные стилистическіе обороты автора (напр. на с. 210: „Преп. Исидоръ въ толкованіи Св. Писанія не чуждъ образцовъ и типовъ“, на с. 272: „взглядъ на сущность его значенія“ и др.) и особенно на безграмотную переписку сочиненія, за что отвѣтственень, конечно, не переписчикъ, а авторъ, обязанный передъ подачей своего сочиненія тщательно его просмотрѣть.

Но указанные недостатки сочиненія о. Іоасафа искупаются правильнымъ методомъ работы и ея удовлетворительнымъ содержаніемъ. Работа во всякомъ случаѣ сдѣлана съ большимъ успѣхомъ для начинающаго работника и, конечно, оставитъ свой добрый слѣдъ въ сознаніи и сердцѣ автора—монаха. Степени кандидата богословія авторъ вполнѣ заслуживаетъ“.

53) О сочиненіи студента *Шмелева Василія* на тему: „Божія Матерь въ сознаніи русскаго народа по даннымъ народнаго творчества“.

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Выяснивъ во введеніи тѣ основные источники, на осно-

ваніи которыхъ складывались русскія народныя представленія о Божіей Матери, авторъ говоритъ: „Насколько намъ позволяли средства, мы старались показать, откуда именно въ народномъ сознаніи та или другая черта, тотъ или другой мотивъ. Это было руководящимъ принципомъ нашей работы. Въ общемъ же наша задача состояла въ томъ, чтобы начертать цѣльный и стройный образъ Божіей Матери, какъ онъ сложился въ сознаніи народа и выразился въ памятникахъ народнаго творчества“ (стр. VI). Примѣняя къ дѣлу упомянутый принципъ для осуществленія поставленной задачи, авторъ раздѣляетъ свое сочиненіе на три главы, въ которыхъ a) устанавливаетъ общую зависимость русскихъ народныхъ представленій о Богоматери отъ Византіи, являющейся разсадницей Ея культа на Западѣ и въ Россіи (гл. I), b) подробно разсматриваетъ историческіе моменты жизни Божіей Матери, какъ они отразились въ сознаніи русскаго народа, начиная отъ мысли о Ея предвѣчномъ существованіи и кончая повѣствованіемъ о Ея успеніи (гл. II), и c) обстоятельно обрисовываетъ нравственный обликъ Божіей Матери и ея служеніе страждущему человѣчеству—по народнымъ представленіямъ.

Такимъ образомъ сфера темы исчерпана въ сочиненіи вполнѣ достаточно и планомѣрно. Въ основу всего сочиненія положено широкое, потребовавшее усидчивыхъ занятій, поисковъ и сличеній, изученіе памятниковъ народной словесности, разбросанныхъ въ многочисленныхъ изданіяхъ. Извлеченныя изъ разнообразныхъ народныхъ произведеній подробности, выражающія народныя представленія о Божіей Матери, критически проанализированы и подъ перомъ автора складываются въ мозаическое, но явственное, идейно объединенное, изображеніе, въ которомъ даже общеизвѣстныя частности вступаютъ въ живыя и интересныя сопоставленія. Изложеніе—послѣдовательное, продуманное и съ литературной стороны положительно безукоризненное.

Если группировкѣ оперируемаго народнаго матеріала въ сочиненіи недостаетъ болѣе точно выраженнаго хронологическаго момента, то въ этомъ въ большинствѣ случаевъ авторъ не виноватъ: хронологическія пріуроченія произведеній народнаго творчества представляютъ большія затрудненія и иногда оказываются совсѣмъ невозможными.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ автору, повидимому, осталась неизвѣстной научная литература, въ которой затрагиваемые имъ народные сюжеты освѣщаются съ сравнительной точки зрѣнія. Иногда авторъ слишкомъ большое значеніе придаетъ отрывочнымъ, случайнымъ выраженіямъ въ народныхъ произведеніяхъ, обобщая эти выраженія и поспѣшно построяя на основаніи ихъ народныя представленія (стр. 91 и др.). Но эти мелкіе недочеты сочиненія не имѣютъ никакого вліянія ни на послѣдовательность мыслей, ни на окончательные выводы.

Въ общемъ сочиненіе представляетъ собою настолько содержательный и обработанный трудъ, что появленіе его въ печати далеко не было бы смѣлостью со стороны автора.

Степени кандидата богословія онъ неоспоримо достоинъ".

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова:*

„Работа г. Шмелева полно и всесторонне освѣщаетъ вопросъ темы. Послѣ краткаго изложенія исторіи культа Богоматери въ Византіи и въ западной церкви, онъ переходитъ къ выясненію религіозныхъ представленій русскаго народа, отразившихся въ произведеніяхъ безыскуственнаго народнаго творчества—въ былинахъ, духовныхъ стихахъ, заговорахъ, пѣсняхъ, причитаніяхъ и т. п. Весь обширный матеріалъ, собранный авторомъ, раздѣленъ на три главы. Въ первой раскрывается взглядъ народа на высокое достоинство Божіей Матери и на ея власть надъ духами, стихіями, царствомъ природы и человѣкомъ. Вторая глава показываетъ, какъ преломились въ сознаніи русскаго народа библейское повѣствованіе и апокрифическія сказанія о различныхъ моментахъ исторической жизни Богоматери—объ ея рожденіи, о благовѣщеніи, о рожденіи ею Сына Божія, бѣгствѣ въ Египетъ. Наконецъ, третья глава изображаетъ сложившійся въ сознаніи народа нравственный обликъ Богоматери, какъ покровительницы чистоты и ходатайницы за грѣшный родъ человѣческій.

Но авторъ не ограничился всестороннимъ систематическимъ изложеніемъ воззрѣній русскаго народа на лицо, значеніе и дѣятельность Божіей Матери, но постарался прослѣдить генезисъ этихъ иногда очень своеобразныхъ и на первый взглядъ странныхъ представленій и образовъ. Источникъ

ихъ онъ указываетъ или въ православномъ богослуженіи, не всегда правильно понятомъ, или въ иконографіи Богоматери, или въ апокрифическихъ сказаніяхъ, перешедшихъ на Русь съ Востока или Запада. Это даетъ ему возможность не только правильно истолковать значеніе извѣстныхъ образовъ, но во многихъ случаяхъ очень удачно опредѣлить мѣсто и время ихъ зарожденія. Изъ этого достаточно видна научность метода, которымъ авторъ руководился.

Въ литературномъ отношеніи сочиненіе безукоризненно.

Степени кандидата богословія авторъ вполнѣ заслуживаетъ".

54) О сочиненіи студента *Яснева Петра* на тему: „Методика русской и церковно-славянской грамоты въ трудахъ русскихъ педагоговъ послѣдняго полустолѣтія."

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостьина*:

„Сочиненіе г. Яснева (стр. 325) отличается достаточною полнотою содержанія, отчетливостью плана и ясностью изложенія. Изучивъ наиболѣе извѣстныя и распространенныя методики *русской* грамоты, г. Ясневъ далъ правильную характеристику методовъ обученія *буквослагательнаго* (въ его видахъ—слогопроизносительномъ и слогогадательномъ) и *звукового* (съ его подраздѣленіями на синтетическій, аналитическій, аналитико - синтетическій, методъ совмѣстнаго обученія письму—чтенію, методъ чтенія—письма и методъ нормальныхъ словъ) съ разъясненіемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ.

Почти столь же обстоятельно изслѣдуетъ авторъ и вопросъ о методахъ обученія *церковно—славянской* грамотѣ.

Критическія замѣчанія г. Яснева, не отличаясь научной глубиною и оригинальностью мысли, свидѣтельствуютъ, однако-же, о широкой начитанности его и довольно близкомъ знакомствѣ съ педагогическимъ дѣломъ на практикѣ. Виденъ интересъ автора къ избранному предмету изслѣдованія и добросовѣстно-вдумчивое отношеніе къ существующей литературѣ о немъ.

Встрѣчающіеся по мѣстамъ стилистическіе и орѳографическіе недосмотры, къ сожалѣнію, нѣсколько портятъ общее

благопріятное впечатлѣніе, получающееся при чтеніи разсматриваемаго труда.

Для степени кандидата богословія сочиненіе г. Яснева должно быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ.“

б) И. д. доцента *священника І. М. Смирнова:*

„Грамотность есть извѣстнаго рода пріобрѣтенная способность правильнаго, т. е. общепринятаго, письма, которое, въ силу опредѣленныхъ ассоціацій мускульныхъ и нервныхъ движеній руки, рукодвигательныхъ и зрительныхъ воспоминаній, сдѣлалось автоматическимъ. Только такая грамотность,—когда пишущій совершенно не думаетъ о томъ, гдѣ поставить какую букву, а замѣчаетъ буквы лишь по ихъ написаніи,—только такая грамотность и желательна, ибо только при ней мысль о буквахъ не будетъ прерывать теченіе мыслей при ихъ изложеніи. Слѣд., при обученіи грамотности нужно привить психофизіологическимъ органамъ, благодаря которымъ образуется процессъ чтенія и письма, искусство такого *грамотнаго* ихъ функціонированія. Отсюда, для теоретическаго разрѣшенія педагогическихъ вопросовъ по методикѣ преподаванія правописанія и первоначальнаго чтенія необходимо ясно представлять себѣ внутренній строй языка, т. е. тѣ детальныя данныя изъ психофизіологіи языка, которыя, ассоціируясь извѣстнымъ образомъ между собою, являются нормальными орудіями для надобностей рѣчи и письма. Отсюда, только тотъ критерій можетъ быть употребленъ въ качествѣ научнаго руководящаго начала при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ методологическихъ пріемовъ по обученію чтенію и письму, который основанъ на психофизіологическомъ принципѣ. Такого, единственно строго-научнаго критерія мы должны были бы, собственно говоря, ожидать и отъ г. Яснева при выполненіи имъ своей работы:—историко—критическомъ обзорѣ методовъ и пріемовъ по обученію русской и ц.—славянской грамоты въ трудахъ педагоговъ послѣдняго полустолѣтія,—если-бы, конечно, существующія методики преподаванія имѣли въ своемъ основаніи не грубый поверхностный эмпиризмъ, наблюденія преподавательской практики, а данныя психофизіологіи. Но вѣдь странно было бы, конечно, требовать отъ г. Яснева—неофита (почти) въ дѣлѣ педагогіи—быть знакомымъ съ новѣйшими работами

по вопросу, требовать въ то время, когда большая часть преподавателей—педагоговъ даже не подозрѣвала до послѣдняго времени о возможности существованія научно обоснованной методики преподаванія чтенія и правописанія.—Поэтому, отмѣчая ненаучность пріемовъ разбираемой работы, мы все же не ставимъ этого въ вину автору. Мы вправѣ разсматривать настоящую работу лишь въ предѣлахъ требованій, предъявляемыхъ традиціей современной педагогіи къ аналогичнаго рода изслѣдованіямъ. А въ этой области—при отсутствіи указанныхъ научныхъ руководящихъ началъ—возможенъ лишь одинъ критерій,—это наблюденія *опыта*, собственной или чужой педагогической практики, въ соединеніи съ личными „мнѣніями" авторитетныхъ педагоговъ и выводами общихъ соображеній разума. Съ точки же зрѣнія такихъ общепринятыхъ пріемовъ традиціонной педагогической критики—историческое обозрѣніе г. Яснева выполнено съ успѣхомъ. Въ качествѣ критерія онъ употребляетъ отчасти свой небольшой педагогическій опытъ, отчасти общія соображенія разума (—„руководясь здравыми дидактическими основаніями," какъ онъ выражается на стр. 259), но главнымъ образомъ онъ пользуется уже готовыми указаніями болѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ руководителей,—составителей различныхъ методикъ, что̀ доказывается обиліемъ цитатъ подобнаго рода. Отсюда понятно, что трудъ г. Яснева не бьетъ на оригинальность выводовъ, которой, впрочемъ, здѣсь едва ли и можно спрашивать. Здѣсь видно лишь добросовѣстное стремленіе автора выполнить данную ему задачу съ достаточною полнотою и возможной оцѣнкой, подъ угломъ зрѣнія традиціи, конечно. Исторія способовъ обученія русской грамотѣ у него представлена методами: буквослагательнымъ въ его видахъ—силлабическимъ слогопроизносительнымъ и силлабическимъ слогогадательнымъ—и звуковымъ съ подраздѣленіями на синтетическій, аналитическій, аналитико—синтетическій, м. совмѣстнаго обученія письму—чтенію; м. чтенія—письма, м. нормальныхъ словъ. Это перечисленіе показываетъ, что не мало нужно было просмотрѣть матеріала, чтобы составить себѣ отчетливое представленіе какъ о самомъ методѣ, такъ и о его удѣльномъ вѣсѣ. И дѣйствительно, автору пришлось проштудировать до 40 методикъ)27 изъ нихъ по русской грамотѣ и 13 по ц.-славянской),

наиболѣе оригинальныхъ и достойныхъ въ какомъ либо отношеніи замѣчанія, и до сотни статей. Но отмѣчая положительныя стороны работы г. Яснева, я не могу обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ дефектовъ, касающихся внѣшней ея стороны; дефектовъ, правда, не особенно серьезныхъ въ отдѣльности, но тѣмъ не менѣе понижающихъ общую цѣнность сочиненія. Прежде всего не вездѣ обработанъ языкъ, встрѣчаются (и не рѣдко) не совсѣмъ удачныя выраженія, какъ напр.—„изучая азбуку по Ильминскому, кромѣ того, что слишкомъ надолго замедлится успѣхъ чтенія и самое то обученіе носитъ механическій характеръ“ (стр. 267); еще: „на первыхъ порахъ своего существованія люди, такъ какъ не были знакомы съ искусствомъ чтенія и письма, то обмѣнъ мыслей между собой совершали устно“ (стр. 1; а также см. стр. 7, 193, 233, 283, 207:—„успѣхъ въ чтеніи опереживаетъ успѣхъ въ письмѣ“). Затѣмъ, авторъ встрѣчаетъ, повидимому, не малыя затрудненія при обращеніи съ знаками препинанія. Такъ, когда мысль бываетъ заключена въ нѣсколькихъ предложеніяхъ (а авторъ любитъ, кстати, выражаться большими періодами), то сразу бросается въ глаза какая то стѣснительность автора по отношенію къ этимъ знакамъ. Онъ или ставитъ излишніе знаки (напр. вм.,—;), или же совсѣмъ избѣгаетъ ихъ (напр. 37, 41, 312 и мн. др. стр.). Почему то, далѣе, онъ систематически избѣгаетъ ставить знакъ вопроса, напр. стр. 242, 267, 312, 298, 283, 273. Нѣкоторыя же другія неправильности правописанія я отношу прямо лишь къ недосмотру автора, который, очевидно, не потрудился провѣрить какъ слѣдуетъ переписчика. Думаю, что только такимъ путемъ произошли такія явленія, какъ отдѣленіе подлежащаго отъ сказуемаго запятой (см. 252 стр., 261), прописная буква послѣ запятой (269 стр.); или же превращеніе греч. *ἡ μέθοδος* въ какое то *ἡέθδος* (8 стр.), и пр. мелочи.

Но, конечно, эти погрѣшности не настолько серьезны, чтобы могли послужить помѣхой признать сочиненіе Яснева вполнѣ достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія.“

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—

а) § 164: „При составленіи списка по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ на IV курсѣ принимаются во внима-

ніе успѣхи студентовъ за всѣ годы академическаго обученія".

б) § *165*: „Студенты IV курса, представившіе удовлетворительное курсовое сочиненіе и за все пребываніе въ Академіи не получившіе ни одного неудовлетворительнаго балла, утверждаются въ степени кандидата богословія и причисляются: при среднемъ выводѣ за всѣ года обученія не менѣе $4^1/_2$ къ первому разряду, а при среднемъ выводѣ не менѣе $3^1/_2$—ко второму".

в) § *166*: „Студенты, оказавшіе за время обученія въ Академіи удовлетворительные или и лучшіе успѣхи, но представившіе сочиненіе, неудовлетворительное для степени кандидата богословія, или вовсе, по уважительной причинѣ не представившіе сочиненія, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента".

г) § *167*: „Въ случаѣ непредставленія студентомъ IV курса курсового сочиненія безъ уважительной причины, онъ выпускается изъ Академіи съ свидѣтельствомъ о выслушаніи имъ академическихъ наукъ".

д) § *168*: „Лица, выпущенныя изъ Академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента по неудовлетворительности курсового сочиненія, могутъ впослѣдствіи получить степень кандидата богословія, если представятъ соотвѣтствующее цѣли сочиненіе, вновь написанное или передѣланное изъ прежняго неудовлетворительнаго. Если же причиной неполученія кандидатской степени былъ недостаточный средній баллъ по устнымъ отвѣтамъ или письменнымъ работамъ, то для полученія названной степени требуется болѣе удовлетворительная сдача устныхъ испытаній или письменныхъ работъ по тому предмету, по которому имѣются недостаточные баллы".

е) § *171*: „Кандидаты богословія, числящіеся по первому разряду, пользуются правомъ на полученіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній. Числящіеся по второму разряду должны, для удостоенія степени магистра богословія, выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ они получили баллъ ниже 4".

2) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода, *отъ 8—20 января 1911 года за № 93*, между прочимъ постановлено: „Совѣты духовныхъ академій, по окончаніи учебнаго года: 1) препро-

вождаютъ въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ къ 1 іюля требуемые, опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590, списки окончившихъ курсъ духовныхъ академій съ указаніемъ: а) мѣста ихъ происхожденія и точнаго адреса, б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи, съ подробнымъ изложеніемъ причины выставленія пониженныхъ балловъ по поведенію, в) долга ихъ духовному вѣдомству за казенное содержаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, 2) вмѣстѣ съ сими списками обязательно сообщаютъ Учебному Комитету отзывы о томъ, на какую преподавательскую каѳедру и на какую вообще должность въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ наиболѣе способнымъ признаетъ Совѣтъ Академіи каждаго изъ окочившихъ курсъ духовной Академіи, какъ обязанныхъ службою духовному вѣдомству, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ кандидатовъ, кои изъявили желаніе служить въ семъ вѣдомствѣ, и 3) въ дополненіе къ своимъ отзывамъ могутъ прилагать и подробныя заявленія окончившихъ курсъ воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую должность по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи". — Упомянутыя здѣсь (п. 3) „заявленія" поступили въ Совѣтъ Академіи отъ 50 воспитанниковъ, оканчивающихъ нынѣ академическій курсъ.

3) Циркулярнымъ указомъ *отъ 8 апрѣля 1904 года за № 3* Святѣйшій Сѵнодъ, признавая полезнымъ сосредоточить въ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ, вмѣстѣ съ дѣлами по распредѣленію окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ на должности въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ и по увольненію ихъ изъ сего вѣдомства, также и дѣла по храненію всѣхъ документовъ академическихъ воспитанниковъ и по наблюденію за взысканіями съ сихъ воспитанниковъ долга духовному вѣдомству,—въ отмѣну дѣйствовавшихъ на сей предметъ по духовно-учебному вѣдомству распоряженій, установилъ на будущее время слѣдующія правила: „1) Окончившіе курсъ воспитанники духовныхъ академій, обучавшіеся въ академіи и семинаріи, или хотя бы въ одной изъ нихъ, на казенномъ содержаніи, а равно и воспитанники, обучавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на своемъ содержаніи, но по окончаніи академическаго

курса заявившіе о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, поступаютъ въ вѣдѣніе Центральнаго Управленія сего вѣдомства.—2) Начальства духовныхъ академій выдаютъ таковымъ воспитанникамъ только временные виды на жительство или билеты на проѣздъ, но отнюдь не удостовѣрительныя свидѣтельства объ окончаніи ими академическаго курса, а также прогонныя деньги до мѣста ихъ родины; дипломы же на степень кандидата богословія и аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента, съ обозначеніемъ въ нихъ обязательствъ служебныхъ и денежныхъ, документы о родопроисхожденіи и др., а также взятые у нихъ точные адреса ихъ мѣстожительства, — препровождаются Совѣтами академій вмѣстѣ со списками, по установленнымъ формамъ, въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ, гдѣ они и хранятся впредь до опредѣленія воспитанниковъ на службу; о всякой перемѣнѣ своего мѣстожительства означенные воспитанники немедленно доносятъ Учебному Комитету".

4) Изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи казеннымъ содержаніемъ ни въ Академіи, ни въ Семинаріи не пользовались: *Андреевъ* Ѳедоръ, *Сперанскій* Василій и священникъ *Черниковъ* Николай. — Всѣ они заявили Совѣту о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству.

5) По § 109 лит. б, п 8 академическаго устава „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата богословія (§§ 165 и 166)" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ:

1) Андреева Ѳедора,
Архангельскаго Алексѣя,
Никольскаго Николая,
Іером. Іеронима (Чернова),
5) Кочанова Николая,
Кряжимскаго Александра,
Ремезова Александра,
Иванова Петра,
Бойкова Николая,

10) Свящ. Прозорова Николая,
Романова Александра,
Свящ. Сокольскаго Павла,
Гражданскаго Тихона,
Мальгина Павла,
15) Веселова Ивана,
Соколова Николая,
Іером. Іоасафа (Шишковскаго),
Курсина Анатолія,
Аболенскаго Александра,
20) Олесевича Сергѣя,
Зыкова Ивана,
Виноградова Павла,
Лебедева Николая,
Свящ. Соколова Іоанна,
25) Троицкаго Анатолія,
Свящ. Полякова Іоанна и
27) Шмелева Василія—

удостоить степени *кандидата богословія*, съ причисленіемъ къ *первому* разряду и предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній;

Виноградова Сергѣя,
Сидоренкова Алексѣя,
30) Скворцова Сергѣя,
Благовѣщенскаго Викторина,
Свящ. Вышеславова Михаила,
Пылаева Владиміра,
Полунина Михаила,
35) Левкоева Владиміра,
Канделаки Мелхиседека,
Тихомирова Александра,
Свящ. Часоводова Іоанна,
Миловидова Ивана,
40) Августова Дмитрія,
Бондарева Ѳеодота,
Лисняка Діонисія,
Веселовскаго Александра,
Свящ. Черникова Николая,
45) Іонина Александра,

Зедгенизева Василія,
Кореневскаго Анатолія,
Семенова Андрея,
Богдановича Ивана,
50) Введенскаго Александра,
Миртова Владиміра,
Яснева Петра,
Глинскаго Ивана и
54) Сперанскаго Василія—

удостоить степени *кандидата богословія*, съ причисленіемъ ихъ ко *второму* разряду;

Годеновскаго Василія и
56) Рождественскаго Сергѣя—

удостоить званія *дѣйствительнаго студента*, съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ курсовыхъ сочиненій,—каковое постановленіе и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

Въ случаѣ утвержденія Его Высокопреосвященствомъ постановленія, изложеннаго въ п. I-мъ,—

2) Препроводить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ списокъ всѣхъ окончившихъ академическій курсъ воспитанниковъ съ требуемыми опредѣленіями Святѣйшаго Синода, отъ 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590 и 8—20 января 1911 года за № 93, свѣдѣніями и отзывами о нихъ и съ приложеніемъ подлинныхъ заявленій 50 воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую должность по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи.

3) По изготовленіи дипломовъ на степень кандидата богословія и аттестатовъ на званіе дѣйствительнаго студента, препроводить въ Учебный Комитетъ и всѣ документы означенныхъ воспитанниковъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, кои будутъ оставлены при Академіи въ званіи преподавателей или профессорскихъ стипендіатовъ.

IV. а) Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Имѣю честь предложить Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса объ оставленіи при Академіи на годичный срокъ кого-либо изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитан-

никовъ Академіи въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ.— Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что, въ силу предоставляемаго мнѣ § 76-мъ академическаго устава права, я намѣренъ ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о предоставленіи одной изъ вакансій профессорскихъ стипендіатовъ, предназначенныхъ исключительно для замѣщенія наиболѣе даровитыми, окончившими образованіе въ Академіи по первому разряду *монахами*,—удостоенному нынѣ степени кандидата богословія *іеромонаху Іерониму* (*Чернову*), занявшему въ разрядномъ спискѣ своихъ товарищей по выпуску четвертое мѣсто".

б) Представленіе экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей *священника Е. А. Воронцова:*

„Имѣю долгъ обратить вниманіе Совѣта Академіи на оканчивающаго въ нынѣшнемъ учебномъ году курсъ академическихъ наукъ студента *Кочанова*. По моимъ четырехлѣтнимъ наблюденіямъ онъ обѣщаетъ дать многое семитической лингвистикѣ, нужной, какъ база для Библейскаго богословія, а поэтому не признаетъ ли Совѣтъ возможнымъ оставить г. Кочанова для усовершенствованія на годъ при Академіи въ качествѣ сверхштатнаго профессорскаго стипендіата, возбудивъ соотвѣтственное ходатайство предъ Высшею Властью, причемъ считаю нужнымъ присовокупить, что въ случаѣ оставленія г. Кочанова при Академіи никакихъ ходатайствъ объ ассигнованіи на его содержаніе возбуждаемо не будетъ".

в) Представленіе экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій *А. П. Орлова* и доцента по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *іеромонаха Иларіона* (*Троицкаго*):

„Окончившій въ текущемъ году академическій курсъ студентъ *Александръ Ремезовъ*, занимая въ теченіе четырехлѣтняго обученія въ Академіи 4—7 мѣста въ разрядномъ спискѣ, въ достаточной степени заявилъ себя очень способнымъ и трудолюбивымъ студентомъ. Его кандидатское сочиненіе, посвященное характеристикѣ и оцѣнкѣ богословскихъ воззрѣній крупнѣйшаго представителя католическаго модернизма

во Франціи—Альфреда Луази, обнаруживаетъ въ г. Ремезовѣ незаурядное умѣніе научнаго выясненія сложныхъ историческихъ теченій, и даетъ основанія думать, что послѣ надлежащей обработки его авторомъ, оно явится дѣльной магистерской диссертаціей. При этой обработкѣ своего сочиненія г. Ремезову необходимо будетъ углубить анализъ сочиненій Луази и шире раскрыть историческую перспективу его воззрѣній, изучивъ модернистическое движеніе въ католичествѣ по возможности во всей полнотѣ его идейнаго содержанія. Но успѣшное выполненіе такого рода работы, затрагивающей различныя области богословско-историческихъ наукъ, возможно лишь при широкомъ пользованіи академической библіотекой и подъ ближайшимъ руководствомъ со стороны преподавателей соотвѣтствующихъ академическихъ дисциплинъ. Въ виду вышеизложеннаго мы позволяемъ себѣ войти въ Совѣтъ Академіи съ предложеніемъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ остановленіи г. Ремезова сверхштатнымъ профессорскимъ стипендіатомъ на 1913/14 учебный годъ по каѳедрѣ Исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій. Въ матеріальной субсидіи для своего содержанія при Академіи г. Ремезовъ не нуждается".

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—*а*) *§ 73*: „Совѣту Академіи предоставляется оставлять при Академіи на годичный срокъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ двухъ наиболѣе даровитыхъ изъ окончившихъ по первому разряду образованіе въ Академіи кандидатовъ богословія для усовершенствованія въ избранной Совѣтомъ отрасли наукъ, въ частности и для приготовленія къ занятію преподавательской должности въ Академіи"; *б*) § *75*: „Профессорскіе стипендіаты получаютъ содержаніе изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Св. Синода, въ установленномъ штатомъ размѣрѣ" (нынѣ, за 3%-нымъ вычетомъ на пенсіи,—по 679 рублей въ годъ каждый); *в*) § *76*: „Сверхъ того, въ каждой Академіи имѣются двѣ вакансіи профессорскихъ стипендіатовъ, предназначенныя исключительно для замѣщенія наиболѣе даровитыми, окончившими образованіе въ Академіи по первому разряду, монахами. Замѣщеніе этихъ вакансій предоставляется мѣстному Епархіальному Архіерею по

представленіямъ ректора Академіи. Монахи-стипендіаты, пользуясь отъ Академіи содержаніемъ и столомъ, получаютъ пособіе изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Св. Синода". —2) Рекомендуемые экстраординарными профессорами—священникомъ Е. А. Воронцовымъ, А. П. Орловымъ и доцентомъ іеромонахомъ Иларіономъ воспитанники Академіи *Кочановъ Николай* и *Ремезовъ Александръ* заняли въ разрядномъ спискѣ: первый—пятое, второй—седьмое мѣсто.—3) По § 109 лит. *б* п. 2 академическаго устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ и назначеніе имъ содержанія" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) За избраніемъ занимающаго въ разрядномъ спискѣ первое мѣсто *Ѳедора Андреева* на преподавательскую должность при Академіи по каѳедрѣ систематической философіи и логики,—оставить при Академіи на 1913—1914 учебный годъ, въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ, окончившихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи, занявшихъ въ томъ же спискѣ второе и третье мѣста,—*Алексѣя Архангельскаго* (по каѳедрѣ исторіи философіи) и *Николая Никольскаго* (по каѳедрѣ исторіи русской церкви), съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго 1913 года, содержанія по 679 рублей въ годъ каждому,—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высопреосвященства.—2) Признавая вышеизложенныя представленія экстраординарныхъ профессоровъ священника Е. А. Воронцова и А. П. Орлова и доцента іеромонаха Иларіона заслуживающими уваженія,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшемъ Синодомъ о разрѣшеніи оставить при Академіи на 1913—1914 учебный годъ въ званіи *сверхштатныхъ профессорскихъ стипендіатовъ* окончившихъ нынѣ академическій курсъ воспитанниковъ Академіи *Николая Кочанова* (по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей) и *Александра Ремезова* (по каѳедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій),—безъ назначенія имъ содержанія изъ Синодальныхъ или академическихъ суммъ.—3) Прочее принять къ свѣдѣнію.

V. Занимались составленіемъ *росписанія повѣрочныхъ ис-*

пытаній студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, имѣющихъ прибыть въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1913 года для поступленія въ составъ новаго (LXXII) академическаго курса.

Справка: По § 109 лит. *б* п. 7 устава духовныхъ академій „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи, а также опредѣленіе состава испытательныхъ коммиссій“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлилили: Проектъ расписанія повѣрочныхъ испытаній представить при журналѣ настоящаго собранія на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „25 іюня 1913. Исполнить“.

10 іюня 1913 года.

№ 12.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры С. И. Соболевскій и М. М. Богословскій, экстраординарные профессоры П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Въ собраніи семъ окончившій въ текущемъ году полный академическій курсъ и удостоенный Совѣтомъ Академіи степени кандидата богословія перваго разряда воспитанникъ

Императорской Московской Духовной Академіи *Ѳедоръ Андреевъ* прочиталъ, согласно резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 29 мая и опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5 іюня сего 1913 года, двѣ пробныя лекціи *по систематической философіи*: одну на тему по собственному избранію — „Московскіе Шеллингіанцы и „Вертеръ", другую— по назначенію Совѣта Академіи: „Первое произведеніе Канта".

Обѣ лекціи, прочитанныя г. Андреевымъ, Совѣтъ Академіи единогласно призналъ удовлетворительными, а лектора—достойнымъ избранія на должность преподавателя Академіи по вакантной каѳедрѣ *систематической философіи и логики*.

Справка. 1) Устава духовныхъ академій—*а*) *§ 70*: „При открывшейся вакансіи штатнаго преподавателя профессора Академіи представляютъ ректору своихъ кандидатовъ съ подробной ихъ рекомендаціей и съ указаніемъ на ихъ ученые труды, если таковые имѣются. Ректору же подаютъ прошенія и другія лица, желающія занять освободившуюся каѳедру"; *б*) *§ 71*: „Ректоръ, по собраніи необходимыхъ свѣдѣній, представляетъ Архіерею списокъ кандидатовъ съ своимъ заключеніемъ о каждомъ изъ нихъ. Архіерею предоставляется исключить изъ этого списка тѣхъ кандидатовъ, которыхъ онъ признаетъ нежелательными на академической службѣ, о прочихъ же онъ предлагаетъ Совѣту для назначенія имъ двухъ пробныхъ лекцій каждому: одной—на тему по собственному избранію, а другой—по назначенію Совѣта. Совѣтъ, по сравнительной оцѣнкѣ прочитанныхъ лекцій, избираетъ наиболѣе, по его мнѣнію, достойнаго кандидата, котораго и представляетъ къ утвержденію установленнымъ порядкомъ"; *в*) *§ 118*: „По дѣламъ объ избраніи кандидатовъ въ преподаватели въ журналъ Совѣта вносится подробное изложеніе высказанныхъ мнѣній съ приложеніемъ письменныхъ рекомендацій преподавателей Академіи о кандидатахъ, и журналъ этотъ въ цѣломъ видѣ представляется на разсмотрѣніе Св. Сѵнода".—2) Журналъ собранія Совѣта Академіи 5 іюня текущаго 1913 года, № 8.—3) По § 109 лит. *в* п. 2 академическаго устава „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ и профессоровъ (§§ 70—71)" значится въ

числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Сѵнода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ объ утвержденіи окончившаго академическій курсъ и удостоеннаго Совѣтомъ Академіи степени кандидата богословія *Ѳедора Андреева* въ должности преподавателя Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ систематической философіи и логики, въ званіи и. д. доцента, съ начала будущаго учебнаго года, т.-е. съ 16 августа 1913 года.—2) Журналъ собранія Совѣта Академіи 5 іюня с. г., № 8,—по дѣлу о замѣщеніи означенной вакантной каѳедры, — приложить къ журналу настоящаго собранія, для представленія Святѣйшему Сѵноду.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „25 іюня 1913. Согласенъ“.

2 сентября 1913 года.

№ 13.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.—Съ правомъ совѣщательнаго голоса: доценты—Н. В. Лысогорскій и Н. Л. Туницкій; и. д. доцента—Ѳ. М. Россейкинъ, священникъ И. В. Гумилевскій, священникъ І. М. Смирновъ, іеромонахъ Варѳоломей (Ремовъ), священникъ В. І. Зыковъ и Ѳ. К. Андреевъ; лекторы новыхъ языковъ—священникъ Н. А. Преображенскій и Г. Я. Томсонъ.

Отсутствовали изъ числа членовъ Совѣта: и. д. ординар-

наго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій и С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессоры—С. И. Смирновъ и А. П. Орловъ.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „19 іюня 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 15 іюня за № 17:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, отъ 31 Мая сего года за № 2159, журналъ Комитета, № 336, *о вызовѣ въ составъ новообразуемыхъ въ 1913 году курсовъ Императорскихъ духовныхъ академій воспитанниковъ изъ духовныхъ семинарій.* Приказали: Разсмотрѣвъ изъясненныя въ представленіяхъ Преосвященныхъ Митрополитовъ С.-Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго и Архіепископа Казанскаго предположенія академическихъ Совѣтовъ относительно вызова къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Императорскія духовныя академіи окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій и донесенія епархіальныхъ и семинарскихъ начальствъ о числѣ воспитанниковъ, признанныхъ благонадежными для прохожденія академическаго курса, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: 1) изъ числа рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами воспитанниковъ духовныхъ семинарій вызвать къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ академіи въ 1913 году 78 воспитанниковъ, а именно: въ С.-Петербургскую академію 20,—по одному воспитаннику изъ семинарій: Новгородской, Олонецкой, Рижской, Тверской, Холмской, Псковской, Литовской, Волынской, Воронежской, Полтавской, Таврической, Владимірской, Вологодской, Калужской, Костромской, Орловской, Ярославской, Рязанской, Вятской и Симбирской; *въ Московскую академію 20*, по одному *воспитаннику изъ семинарій: Архангельской, Новгородской, Подольской, Нижегородской, Тверской, Пензенской, Курской, Тамбовской, Тульской, Ярославской, Вяванской, Владимірской, Вологодской, Калужской, Смоленской, Самарской и Тобольской* и трехъ *воспитанниковъ изъ Московской семинаріи*; въ Кіевскую академію 20,—по одному воспитаннику изъ семинарій: Ви-

тебской, Минской, Могилевской, Тверской, Волынской, Воронежской, Екатеринославской, Кишиневской, Одесской, Курской, Подольской, Полтавской, Харьковской, Донской, Орловской, Тамбовской, Рязанской и Томской и двухъ воспитанниковъ изъ Кіевской семинаріи, и въ Казанскую академію 18,—по одному воспитаннику изъ семинарій: Тверской, Владимірской, Нижегородской, Пензенской, Смоленской, Тамбовской, Рязанской, Астраханской, Вятской, Иркутской, Казанской, Пермской, Самарской, Симбирской, Томской, Уфимской, Александровской и Саратовской, 2) поручить Совѣтамъ Императорскихъ духовныхъ академій, по окончаніи пріемныхъ испытаній, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія о составѣ новообразованныхъ курсовъ, съ указаніемъ принятыхъ въ число студентовъ этихъ курсовъ какъ по вызову изъ духовныхъ семинарій, такъ и волонтеровъ, и 3) поручить епархіальнымъ Преосвященнымъ предписать семинарскимъ начальствамъ, чтобы они а) неуклонно исполняли, при представленіи воспитанниковъ для вызова въ духовныя академіи, всѣ требованія, изложенныя въ указахъ Святѣйшаго Синода на сей предметъ, какъ въ смыслѣ своевременнаго представленія относящихся къ сему свѣдѣній, такъ и полноты послѣднихъ, касательно общаго числа учащихся въ семинаріяхъ и въ VI классѣ, а также и успѣховъ рекомендуемыхъ воспитанниковъ, въ среднемъ выводѣ по наукамъ за первые 5 классовъ и въ годовомъ баллѣ за VI классъ, б) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ для поступленія въ академіи какъ по способностямъ, успѣхамъ и благонравію, такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію духовнаго образованія, в) на основаніи указа Святѣйшаго Синода, отъ 19 Марта 1871 года за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками по прибытіи на мѣсто не отказываться отъ поступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса ученія—отъ вступленія на духовно-учебную службу, г) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки, вмѣстѣ съ другими требующимися документами избранныхъ воспитанниковъ, непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи

таковыхъ документовъ въ Совѣты академій чрезъ самихъ воспитанниковъ, и д) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными и суточными для проѣзда деньгами, а также необходимымъ на экипировку пособіемъ, на основаніяхъ, изъясненныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 5 Мая 1905 года за № 2228 (Церк. Вѣд. № 21). Для исполненія изложеннаго опредѣленія послать Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Московскому, Кіевскому и Архіепископу Казанскому печатные циркулярные указы, увѣдомивъ таковыми же прочихъ епархіальныхъ Преосвященныхъ".

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „24 іюня 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 20 іюня за № 9636:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали: 1) предложенный за Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода, Товарищемъ Оберъ-Прокурора, отъ 17 Мая 1913 г. за № 2064, журналъ Учебнаго Комитета, № 300, по прошенію вольнослушателя Императорской Московской духовной академіи, студента Аѳинскаго университета, *монаха Гавріила Цукаласа* о зачисленіи его въ число студентовъ академіи безъ пріемныхъ испытаній, и 2) предложенные Г. Товарищемъ Оберъ-Прокурора, отъ 17 того же Мая за № 5617, а) прошеніе монаха Цукаласа о томъ же, и б) объяснительное отношеніе Вашего Преосвященства, отъ 8 Мая № 216. Приказали: Согласно отзыву Совѣта Императорской Московской духовной академіи и заключенію Учебнаго Комитета, Святѣйшій Сѵнодъ опредѣляетъ: просьбу вольнослушателя Московской духовной академіи, монаха Гавріила Цукаласа о зачисленіи его въ число студентовъ названной академіи безъ повѣрочныхъ испытаній отклонить; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

в) Сданный Преосвященнымъ Анастасіемъ, Епископомъ Серпуховскимъ, съ надписью: „1913 г. Августа 13. Въ Совѣтъ Императорской Московской духовной Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 10 августа за № 12524:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали: 1) прошеніе проживающаго въ Яблочинскомъ Свято-Онуфріевскомъ монастырѣ русскаго галичанина *Онуфрія Сапѣги*, окончившаго курсъ Тарнопольской гимназіи, о допущеніи его къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ одной изъ Императорскихъ духовныхъ академій и 2) телеграмму Преосвященнаго Холмскаго съ отзывомъ о Сапѣгѣ. Приказали: Разрѣшить Совѣту Императорской Московской духовной академіи допустить Сапѣгу къ пріемнымъ въ академію испытаніямъ; о чемъ увѣдомить указами Ваше Преосвященство, для соотвѣтствующихъ распоряженій, съ приложеніемъ 5 документовъ о Сапѣгѣ, и Преосвященнаго Холмскаго, для объявленія просителю“.

г) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „20 авг. 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 17 августа за № 12840:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали: телеграмму *Архангельскаго* изъ Сергіева Посада: „разрѣшите женатому держать экзаменъ Московскую академію. Ректоръ академіи согласенъ. Обязуюсь принять священный санъ послѣ экзаменовъ“. Приказали: Въ виду неимѣнія въ дѣлахъ Святѣйшаго Сѵнода никакихъ свѣдѣній о личности Архангельскаго, Святѣйшій Сѵнодъ опредѣляетъ: настоящее ходатайство отклонить; о чемъ послать Вашему Преосвященству указъ, для объявленія просителю черезъ Императорскую Московскую духовную академію“.

д) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „20 авг. 1913 г. Въ Совѣтъ Академіи“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 17 августа за № 12850:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали: 1) прошеніе *поручика* 2-го Кронштадтскаго артиллерійскаго полка *Георгія Вязигина*, имѣющаго жену, о допущеніи его къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Импе-

раторской Московской духовной академіи, съ освобожденіемъ его отъ испытанія по греческому языку, и 2) отзывъ Преосвященнаго ректора Императорской Московской духовной академіи, отъ 10 Августа сего года № 413. Приказали: Принимая во вниманіе искреннее желаніе поручика Вязигина, окончившаго курсъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, получить высшее богословское образованіе, Святѣйшій Сѵнодъ опредѣляетъ: предоставить Исп. об. Оберъ-Прокурора испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на допущеніе поручика Вязигина, въ изъятіе изъ правилъ, къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Императорскую Московскую духовную академію, съ освобожденіемъ его отъ экзамена по греческому языку, и съ обязательствомъ, за время прохожденія академическаго курса, сдать таковой экзаменъ и принять священный санъ по усмотрѣніи академическимъ начальствомъ подготовленности Вязигина къ принятію сего сана; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

е) Сданный Его Высокопреосвященствомъ указъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 2 сентября за № 13758:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода, отъ 27 Августа сего года № 9161, въ коемъ изложено, что Государь Императоръ, на всеподаннѣйшемъ докладѣ его, Г. Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода, отъ 17 Августа сего года за № 7243, о допущеніи *поручика Георгія Вязигина*, въ изъятіе изъ правилъ, къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Императорскую Московскую духовную академію, съ освобожденіемъ его отъ экзамена по греческому языку, и съ обязательствомъ, за время прохожденія академическаго курса, сдать таковой экзаменъ и принять священный санъ по усмотрѣніи академическимъ начальствомъ подготовленности Вязигина къ принятію сего сана, въ 23-й день того же Августа, въ Ливадіи, благоизволилъ начертать Собственноручно: „Согласенъ". Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Справка. 1) Изъ вызванныхъ въ текущемъ 1913-мъ году Святѣйшимъ Сѵнодомъ въ составъ I курса Императорской Московской Духовной Академіи 20 воспитанниковъ духовныхъ семинарій явились въ Академію къ повѣрочнымъ испытаніямъ лишь 19 человѣкъ.—Не явился, по неизвѣстной причинѣ, воспитанникъ *Тульской* духовной семинаріи.— 2) Упомянутые въ вышеизложенныхъ указахъ Святѣйшаго Сѵнода: греческій уроженецъ монахъ Гавріилъ *Цукалисъ*— къ сдачѣ повѣрочныхъ испытаній не явился; окончившій же курсъ Тарнопольской гимназіи Онуфрій *Сапюга* и поручикъ Георгій *Вязигинъ* воспользовались даннымъ имъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ разрѣшеніемъ.

ж) Отношенія 17-ти Правленій духовныхъ семинарій съ препровожденіемъ документовъ рекомендованныхъ ими къ поступленію въ составъ новаго (LXXII) академическаго курса воспитанниковъ:

Архангельской—Герасима Кюнтіева,
Виѳанской—Николая Гусева,
Владимірской—Алексѣя Сиротинскаго,
Вологодской—Ивана Скворцова,
Калужской—Александра Ефремова,
Курской—Ивана Ефремова,
Московской—Николая Воздвиженскаго,
„ —Сергѣя Виноградова и
„ —Григорія Разумовскаго,
Нижегородской—Алексѣя Миловидова,
Новгородской—Дмитрія Кулигина,
Пензенской—Николая Никольскаго,
Подольской—Ивана Чирскаго,
Самарской—Николая Авилкина,
Смоленской—Петра Четыркина,
Тамбовской—Аркадія Золотницкаго,
Тверской—Владиміра Романовскаго,
Тобольской—Ивана Карпова и
Ярославской—Николая Соловьева.

з) Заявленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи о томъ, что на основаніи §§ 137 и 139 устава духовныхъ академій, кромѣ 19-ти воспитанниковъ духовныхъ семинарій, рекомендованныхъ семинарскими Правленіями, галичанина Онуфрія *Са-*

пьги и поручика Георгія *Вязигина*, имъ были допущены къ повѣрочнымъ испытаніямъ: 1) 53 студента духовныхъ семинарій, прибывшіе въ Академію на собственныя средства, съ вѣдома и одобренія семинарскаго начальства, и 2) 8 лицъ въ священномъ санѣ (1 вдовый протоіерей, 1 вдовый священникъ, 5 священниковъ имѣющихъ женъ, и 1 іеродіаконъ; всѣ—студенты семинарій), прибывшихъ съ разрѣшенія подлежащихъ епархіальныхъ начальствъ.—Не былъ допущенъ лишь одинъ воспитанникъ Пермской духовной семинаріи—волонтеръ, въ виду неблагопріятнаго заключенія академическаго врача о состояніи его здоровья.—Повѣрочныя испытанія, согласно § 140 устава духовныхъ академій, произведены были, въ объемѣ курса духовныхъ семинарій: *устныя*—по Священному Писанію Новаго Завѣта, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи (до 1054 года) и по греческому языку (отъ послѣдняго испытанія освобожденъ былъ лишь, согласно вышеизложенному указу Святѣйшаго Сѵнода за № 12850, поручикъ Георгій *Вязигинъ*);—*письменныя*—по основному богословію, психологіи и составленію поученія.—Два студента духовныхъ семинарій — волонтеры, представивъ: одинъ—одну, другой—двѣ письменныхъ работы,—не пожелали подвергаться дальнѣйшимъ испытаніямъ и выбыли изъ Академіи.—Ихъ примѣру, не смотря на данную семинарскому Правленію подписку „не отказываться отъ поступленія въ академію“, послѣдовалъ и рекомендованный Правленіемъ *Архангельской* духовной семинаріи воспитанникъ *Герасимъ Кюнтіевъ*, который представилъ лишь двѣ письменныхъ работы (по основному богословію и психологіи) и затѣмъ выбылъ изъ Академіи въ г. Архангельскъ Такимъ образомъ, *всѣмъ*, положеннымъ академическимъ уставомъ, повѣрочнымъ испытаніямъ подверглось лишь 79 лицъ.

и) Рапортъ врача Академіи *А. В. Танина*:

„Имѣю честь сообщить Вашему Преосвященству, что 17 и 18 августа мною былъ произведенъ медицинскій осмотръ студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, явившихся къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія на I курсъ Императорской Московской Духовной Академіи. У студента Пермской духовной семинаріи *Слюнкова Вячеслава* мною найдено малокровіе и сильное нервное разстройство (вслѣд-

ствіе переутомленія). Такъ какъ для возстановленія здоровья ему необходимъ прежде всего полный отдыхъ отъ учебныхъ занятій въ теченіи продолжительнаго времени, то я съ своей стороны не нашелъ бы возможнымъ принять его въ Академію, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ году. У всѣхъ остальныхъ, мною осмотрѣнныхъ, никакихъ особенно серьезныхъ болѣзней, которыя могли бы послужить препятствіемъ къ принятію въ Академію, мною не обнаружено".

і) Донесенія экзаменаціонныхъ коммиссій, производившихъ повѣрочныя испытанія студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, явившихся въ Академію для поступленія въ составъ LXXII академическаго курса по вызову начальства и по собственному желанію, о достоинствахъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ на испытаніяхъ.

А) Донесеніе коммиссіи, производившей испытаніе *по Священному Писанію Новаго Завѣта*:

„Лица, подвергавшіяся пріемнымъ испытаніямъ въ настоящемъ году, обнаружили достаточную освѣдомленность въ текстѣ Новаго Завѣта. Какъ и въ предыдущіе годы, на билетахъ, предлагавшихся экзаменующимся, были написаны наиболѣе важные тексты безъ цитата или обозначалась лишь главная мысль отдѣла, который требовалось найти. Съ предложенной задачей справлялись почти всѣ экзаменовавшіеся: помѣченныхъ на билетѣ текстовъ изъ 79 не нашли лишь четверо (2 вол. Моск., вол. Волог. и Черниг.), да одинъ изъ Волынскихъ волонтеровъ утверждалъ, что въ евангеліи Матѳея нѣтъ разсказа о посольствѣ Іоанномъ Крестителемъ учениковъ къ Іисусу Христу. Найденные тексты предлагалось толковать. Толкованіе въ большинствѣ случаевъ было мало удовлетворительнымъ. Оно чаще всего состояло въ общихъ фразахъ по поводу текста, но не разъясняло самаго текста; иногда же экзаменовавшіеся не имѣли никакого опредѣленнаго пониманія наиболѣе трудныхъ и важныхъ текстовъ и, если что-либо говорили для ихъ изъясненія, то видно было, что толкованіе сочиняется лишь у экзаменаціоннаго стола. Толкованія обыкновенно носили случайный характеръ, а не вытекали изъ жизненнаго уразумѣнія новозавѣтныхъ ученій въ ихъ цѣломъ. Въ отвѣтахъ было замѣтно больше гомилетики, чѣмъ экзегетики, и совсѣмъ не видно было новоза-

вѣтнаго богословія. Какъ на нѣкоторую особенность отвѣтовъ нынѣшняго года можно указать на то, что особенно плохи были отвѣты по изъясненію евангелій; многіе, какъ будто, никогда внимательно не читали евангелія.

Оцѣнивая отвѣты лишь сравнительно, а не безотносительно, коммиссія ставила высокіе баллы: однако и при такой оцѣнкѣ лишь немногіе отвѣты оказалось возможнымъ признать отличными: таковы отвѣты присланныхъ Виѳанскаго Курскаго и Ярославскаго (баллъ 5), присланныхъ Пензенскаго и Смоленскаго и волонтеровъ Рязанскаго и Ярославскаго (баллъ 5—). Сорокъ три отвѣта отмѣчены хорошими баллами (6—4½: 10—4 +; 15—4: 12—4—) и двадцать девять удовлетворительными (14—3½: 10—3 +; 5—3). Средній баллъ всѣхъ экзаменовавшихся 3, 86. Отвѣты присланныхъ значительно были лучше отвѣтовъ волонтеровъ: средній баллъ 18-ти присланныхъ—4, 15, тогда какъ средній баллъ 61 волонт.—3,75. Можно сопоставить средній баллъ представителей разныхъ семинарій, давшихъ болѣе значительное количество экзаменовавшихся:

четверо виѳанцевъ—4,125
пятеро ярославцевъ—4,1
пятеро вологодскихъ—3,8
пятеро волынцевъ—3,8
шестнадцать москвичей—3,65.

Среди экзаменовавшихся было восемь лицъ, облеченныхъ священнымъ саномъ. Ихъ познанія въ Новомъ Завѣтѣ стояли на томъ же уровнѣ, что и всѣхъ прочихъ: средній баллъ восьми духовныхъ лицъ—3,8".

Б) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія *по догматическому богословію*:

„Всѣхъ экзаменовавшихся по Догматическому Богословію было 79 человѣкъ. На экзаменѣ предлагались вопросы исключительно по программѣ и курсу семинарской Догматики. Въ общемъ отвѣты можно назвать удовлетворительными. Скажемъ только, что для нынѣшняго года характерной является какая-то безцвѣтность отвѣтовъ. Нѣкоторые видимо основательно проходили учебникъ—и только, другіе, если кое-что, читали и имѣли подъ руками помимо учебника (Догматическаго Богословія), то это передавали не отчетливо, а самый учебникъ знали не твердо. Между прочимъ нужно отмѣтить,

что лучше отвѣчали въ предѣлахъ семинарской программы тѣ воспитанники, которые изучали Догматику по руководству Макарія, Арх. Литовскаго, и слабѣе тѣ, которые проходили курсъ Догматики по другимъ, болѣе новымъ учебникамъ. Первые выдѣлялись хотя тѣмъ, что лучше знали тексты Священнаго Писанія и тѣ выдержки изъ Свв. Отецъ, которые приведены въ курсѣ догматики Макарія въ основаніе извѣстнаго догматическаго положенія. Вторые видимо пытались избѣжать схоластической, якобы, сухости учебника Макарія, пытались развивать и раскрывать извѣстное догматическое положеніе не столько на почвѣ Свящ. Писанія и ученія Святыхъ Отецъ, сколько на соображеніяхъ богословской и философской мысли вообще и впадали въ опасное плаваніе, не имѣя твердой почвы въ Словѣ Божіемъ и святоотеческихъ твореніяхъ, и потому погибали. Правда, пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ воспитанники Виѳанской семинаріи, которые соединяли въ своихъ отвѣтахъ разумность и осмысленность съ хорошимъ знаніемъ текста Священнаго Писанія, хотя и проходили курсъ Догматики не по учебнику Макарія. Думается, что преподавателямъ Догматическаго Богословія въ семинаріяхъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ игнорировать учебникъ Макарія въ томъ цѣнномъ, что въ немъ есть несомнѣнно, т. е. въ основаніяхъ каждаго догматическаго положенія изъ Слова Божія и Свв. Отецъ, и только дополнить это уже соображеніями богословствующаго разума. Безъ текстовъ изъ Свящ. Писанія всѣ догматическія положенія висятъ на воздухѣ и кромѣ того воспитаннику духовной школы стыдно не знать Слова Божія и опредѣленій соборовъ. А между тѣмъ многіе затруднялись прочитать самые легкіе и даже краткіе тексты; таковы: волонтеръ Рязанской семинаріи, вол. Московской сем., вол. Вологодской сем., вол. Ярославской сем., присл. Самарской сем., вол. Костромской сем. Не говоримъ уже о такихъ, какъ довольно большой текстъ „змій же бѣ мудрѣйшій всѣхъ звѣрей, сущихъ на земли...“, приводимый въ Догматикѣ въ поясненіе исторіи грѣхопаденія нашихъ прародителей (таковъ вол. Вологодской сем.). Многіе не могли прочитать опредѣленій собора о Лицѣ Іисуса Христа и объ образѣ соединенія въ Немъ двухъ естествъ (и объяснить термины: „неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно“ (таковъ волонтеръ Московской семинаріи). Затруднялись по-

чему-то давать опредѣленія промысла Божія, несмотря на то, что это опредѣленіе есть и въ катехизисѣ и въ учебникѣ (таковъ вол. Тобольской семинаріи и Вологодской семинаріи), путались въ понятіи о церкви (таковъ присланный Калужской семинаріи, вол. Ярославской семинаріи), не могли перечислить степеней ангельскихъ чиновъ (таковъ вол. Ярославской семинаріи). Но что всего удивительнѣе, такъ это незнаніе нѣкоторыми студентами такихъ элементарныхъ вещей, какъ время совершенія хиротоніи во іерея и діакона (таковы вол. Екатеринославской семинаріи и присланный Смоленской семинаріи, присланный Подольской семинаріи и священникъ вол. Пензенской семинаріи; послѣдній не могъ прочитать молитвы „божественная благодать"... и вмѣсто „проручествуетъ" читалъ „пророчествуетъ" и пояснилъ на сдѣланное замѣчаніе, что это значитъ „благовѣствуетъ"). Одинъ изъ волонтеровъ, объясняя цѣль сотворенія жены, объяснилъ это „скукой мужа". Впрочемъ были и пріятные отвѣты: таковъ особенно отвѣтъ прислан. восп. изъ Виѳанской семинаріи; волонт. Владимірской семинаріи прекрасно зналъ тексты и цитаты къ нимъ; вол. Калужской семин. твердо зналъ соборныя опредѣленія; вол. Волынской семин. обнаружилъ хорошее знакомство съ курсомъ.

Наглядно можно судить о достоинствѣ отвѣтовъ изъ приводимой здѣсь таблицы.

Баллъ	5	получили	10	чел.
—	5—	—	10	—
—	4½	—	10	—
—	4+	—	5	—
—	4	—	11	—
—	4—	—	7	—
—	3½	—	5	—
—	3+	—	5	—
—	3	—	9	—
—	3—	—	3	—"

В) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія *по всеобщей церковной исторіи:*

„Къ наступающему учебному году на экзаменъ по древней церковной исторіи явилось 78 лицъ и, несмотря на такое сравнительно большое количество лицъ, желавшихъ стать студентами Академіи, средній баллъ достигъ такой

высоты, какая вообще рѣдко наблюдалась на экзаменахъ по древней исторіи, именно $4^{205}/_{520}$, т. е. почти $4^1/_2$. Тѣмъ не менѣе коммиссія должна заявить, что получаемые отъ экзаменующихся отвѣты стояли на неодинаковой высотѣ. Обыкновенно наблюдалось такое явленіе, что тотъ или другой историческій фактъ или событіе церковной исторіи, по принятой въ семинаріяхъ программѣ, излагался ими болѣе или менѣе отчетливо и ясно, но всѣ другіе вопросы, предлагаемые имъ и заимствованные изъ другихъ отдѣловъ программы, часто приводили отвѣчающихъ въ смущеніе и баллы получались большею частію не удовлетворительные. Такіе случаи были нерѣдко и примѣровъ ихъ можно было бы насчитать много Но само собой понятно, что эти наблюденія нельзя обобщать. Можно указать не малое число лицъ, вполнѣ подготовленныхъ къ экзамену и давшихъ вполнѣ удовлетворительные отвѣты. Изъ 78 лицъ, подвергавшихся экзамену, 27 (т. е. почти $^1/_4$) получили баллъ 5 и 5— и, если придать къ нимъ лицъ, отмѣченныхъ сравнительно хорошимъ балломъ ($4^1/_2$. 4+, 4), то получимъ довольно солидную группу лицъ знавшихъ удовлетворительно (46, т. е. половину всѣхъ экзаменовавшихся). Отсюда и объясняется сравнительно высокій средній баллъ, какимъ отмѣченъ каждый подвергавшійся экзамену. Такимъ образомъ общій результатъ, полученный отъ экзамена по церковной исторіи, если и нельзя назвать вполнѣ блестящимъ, то во всякомъ случаѣ нужно признать его вполнѣ удовлетворительнымъ".

Г) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія *по греческому языку:*

„Коммиссія поставила экзаменовавшимся очень умѣренныя требованія и не можетъ сказать, что отвѣтами она была вполнѣ удовлетворена. Для перевода были предложены посланія Св. Ап. Павла къ Римлянамъ и первое къ Коринѳянамъ. Наиболѣе удачно отвѣтившимъ предлагалось перевести какое-либо пѣснопѣніе съ греческаго на русскій и даже съ русскаго на греческій. Большинство отвѣтовъ обнаружило посредственное знаніе этимологіи и слабое знакомство съ синтаксисомъ. Переводить отвѣчавшіе не затруднялись; но врядъ ли отсюда правильно было бы заключить, что они читаютъ по гречески à livre ouvert: вѣрнѣе это нужно отнести на счетъ знакомства ихъ съ славянскимъ и русскимъ текс-

тами посланій. Коммиссія очень интересовалась лексическимъ багажемъ экзаменовавшихся и признаетъ, что наиболѣе употребительныя слова имъ извѣстны, хотя дѣло обстоитъ въ этомъ отношеніи не безъ исключеній въ худую сторону. Очень жаль, что корни словъ и ихъ основныя значенія экзаменовавшіеся представляютъ себѣ не отчетливо: это облегчило бы проникновеніе въ самыя сокровищницы языка. Коммиссія позволяетъ себѣ указать нѣкоторые примѣры ошибокъ, которыя дѣлали отвѣчавшіе. Нѣкоторые затруднялись въ спряженіяхъ (вол. Тульск., вол. Калужск.), даже въ склоненіяхъ (вол. Вологодск., свящ. вол. Подольск.). Почему-то особенно не давались экзаменовавшимся глаголы— *πίπτω, καλέω, ἵημι, τάσσω*. Вол. Моск. *ἔκλεισεν* разобралъ, какъ аористъ отъ *καλέω*. Даже и при достаточномъ знаніи языка лучшіе изъ отвѣчавшихъ допускали ошибки въ разборѣ (*διαγγελῇ* присл. Пенз. разбиралъ какъ будущее время дѣйств. залога). Бывало и такъ, что смѣшивали корни словъ (*ἀδιάλειπτος*, по утвержденію Смол. присл., одного корня съ *λύπη*. Вол. Яросл. *τοῖς ἀγάμοις καὶ ταῖς χήραις* въ 7, 8 I-го посл. къ Кор. перевелъ — „разумнымъ и мудрымъ". Нѣкоторые становились въ тупикъ предъ этимологической стороной, даже важнѣйшихъ богословскихъ терминовъ (напр. *ἁμαρτία κένωσις*).

Общее впечатлѣніе отъ отвѣтовъ—ихъ посредственность. Среднихъ отвѣтовъ большинство. Коммиссія нашла возможнымъ отмѣтить высшимъ балломъ—5 лишь два серьезныхъ, безукоризненныхъ отвѣта—присл. Курск. и присл. Московскаго.

Балломъ	5—	отмѣчены	12	отвѣтовъ.
„	4½	„	9	„
„	4+	„	6	„
„	4	„	12	„
„	4—	„	12	„
„	3½	„	10	„
„	3+	„	7	„
„	3	„	5	„
„	3—	„	2	„
„	1	„	1	„

Баллъ 1 коммиссія была вынуждена поставить волонтеру Вологодской семинаріи, который обнаружилъ совершенное незнаніе грамматики, даже въ предѣлахъ простыхъ склоненій. Въ общемъ уровень познаній экзаменовавшихся опре-

дѣляется лучше сравнительно съ прежними годами: средній выводъ всѣхъ 78-ми отвѣтовъ—$3^4/_5$ (въ частности Москов. и Виѳан. студенты имѣютъ въ среднемъ выводѣ $4^1/_4$, Ярославскіе—$3^3/_4$, Волынскіе—$3^2/_5$, Вологодскіе и Тобольскіе—$3^1/_4$).

Свое донесеніе коммиссія заканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы впредь приходящіе къ дверямъ высшей богословской школы обладали болѣе точнымъ, детальнымъ, яснымъ и проникновеннымъ знаніемъ греческаго языка—языка первоисточниковъ знанія церковнаго".

Д) Донесеніе коммиссіи, разсматривавшей сочиненія *по основному богословію*:

„Лицамъ, прибывшимъ къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію, для сочиненія по Основному Богословію была дана тема: *Возможно ли существованіе культуры при абсолютной всеобщности невѣрія?* На данную тему было написано 81 сочиненіе, въ этихъ сочиненіяхъ не обнаружено ни особо крупныхъ достоинствъ, ни особо крупныхъ недостатковъ. Ни одно сочиненіе коммиссія не нашла возможнымъ оцѣнить балломъ выше $4^1/_2$; 5 сочиненій отмѣчено неудовлетворительными отмѣтками (3—по $2^1/_2$, 2—по 2), но главнымъ образомъ не потому, чтобы они въ своемъ содержаніи были очень плохи, а потому, что авторами ихъ ничего почти не было написано.

Главными недостатками большей части сочиненій являются:

1) Отсутствіе у авторовъ строгаго отношенія къ точности ихъ утвержденій и отрицаній. Многихъ авторовъ охватилъ, такъ сказать, апологетическій азартъ: они утверждали, что культура безъ религіи невозможна, что культура безъ религіи—абсурдъ, что религіозность и культурность идутъ параллельно и что это само собою ясно. Но сочиненія ихъ вызывали сомнѣнія въ томъ, чтобы это было ясно для самихъ авторовъ.

2) Авторы въ значительномъ числѣ къ терминамъ темы „культура", „невѣріе" отнеслись какъ само собою понятнымъ. Культуру еще подраздѣляли на духовную и матеріальную, причемъ существованіе второй допускалось и при невѣріи; но въ опредѣленіяхъ вѣры и невѣрія у многихъ обнаружилась большая путаница, опредѣленія вѣры давались безспорно невѣрныя, подъ вѣрою часто разумѣвалось

просто утвержденіе чего-либо безъ доказательствъ, знанію вѣра противополагалась слишкомъ радикально.

3) Во многихъ сочиненіяхъ былъ допущенъ подмѣнъ темы: вмѣсто того, чтобы говорить о связи культуры съ вѣрою, велась рѣчь о зависимости нравственнаго усовершенствованія отъ религіозной вѣры.

4) Многіе смѣло обращались съ исторіею. Утверждали, что христіанство вездѣ поднимало культуру на высоту, ссылались на средніе вѣка, очевидно не подозрѣвая о существованіи арабской культуры и—что еще болѣе странно—не представляя отношенія христіанства къ культурѣ классической. Смѣло аппеллировали къ этнографіи: некультурность дикарей объясняли ихъ безрелигіозностію; культуру американцевъ противопоставляли китайской, говоря, что американцы, благодаря христіанству, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій поднялись на культурную высоту, которой китайцы не достигли въ теченіе тысячелѣтій. Писавшіе забывали, что американская культура является достояніемъ не аборигеновъ Америки, а переселенцевъ изъ Европы.

5) Не все благополучно въ сочиненіяхъ по части грамматики. Встрѣчаются „вѣротѣрпимость", „землетресеніе" (неоднократно въ двухъ сочиненіяхъ), „есть" (—кушать), „объэктъ" (нѣсколько разъ въ одномъ сочиненіи); встрѣчается слово „агрессъ" вмѣсто регрессъ, запятыя часто оказываются въ отпуску. Но многія изъ этихъ ошибокъ можетъ быть только описки, явившіяся вслѣдствіе спѣшности работы.

Страннымъ представляется, что между многими сочиненіями обнаруживается значительное сходство по содержанію.

Должно отмѣтить и общія достоинства сочиненій. За немногими исключеніями они характеризуются литературностью изложенія. Видно, что лица, явившіяся на пріемныя испытанія въ Академію, привыкли писать. Затѣмъ видно, что эти юные (не всѣ юные) богословы пытались самостоятельно путемъ чтенія выяснить себѣ понятія вѣры и невѣрія, они пользовались разными пособіями. Нельзя сказать, чтобы они достигли значительныхъ успѣховъ въ дѣлѣ этого выясненія, но важно, что они сознали необходимость понять, что такое вѣра, между тѣмъ какъ семинарскій курсъ Основного Богословія, т. е, науки объ основаніяхъ вѣры, совсѣмъ не затрогиваетъ понятія вѣры. У нѣкоторыхъ писавшихъ видна ли-

тературная и у нѣкоторыхъ философская начитанность. Цитируются на память и Достоевскій и Джемсъ и другіе. Наконецъ, должно установить, что ни одно изъ представленныхъ сочиненій не даетъ рѣшительныхъ основаній для утвержденія, что авторъ его недостаточно подготовленъ къ слушанію академическихъ лекцій".

Е) Донесеніе коммиссіи разсматривавшей сочиненія *по психологіи*:

„Письменному испытанію по психологіи подвергались 79 воспитанниковъ двадцати девяти духовныхъ семинарій, одинъ окончившій Михайловское артиллерійское Училище и одинъ абитуріентъ Тарнопольской гимназіи въ Галиціи. Изъ духовныхъ семинарій наибольшее число экзаменовавшихся дала по обыкновенію Московская (16); остальныя были представлены гораздо слабѣе,—однимъ, двумя, самое большее шестью воспитанниками. Среди лицъ съ семинарскимъ образованіемъ было восемь въ священномъ санѣ (одинъ протоіерей, одинъ іеродіаконъ и 6 священниковъ). Темой для сочиненій служилъ вопросъ: *„Какое значеніе можетъ имѣть изученіе психологіи для богослова"*? Было бы естественно ожидать, что юные богословы и будущіе и настоящіе пастыри безъ труда справятся съ этимъ несложнымъ вопросомъ. Однако на дѣлѣ оказалось иное. Встрѣчались, хотя и не часто, лица, совсѣмъ затруднявшіяся отдать себѣ отчетъ въ томъ, зачѣмъ имъ нужно изучать психологію. Они цѣнили эту науку или просто какъ элементъ общаго образованія, или какъ философскую дисциплину, заключающую въ себѣ ученіе о процессахъ познанія и законахъ мышленія, съ которыми будто бы особенно приходится имѣть дѣло именно богослову. Въ послѣднемъ случаѣ задачи психологіи обыкновенно не различались отъ задачъ гносеологіи и логики. Другіе понимали, что кромѣ общеобразовательнаго и философскаго значенія психологія имѣетъ для богослова и спеціальный интересъ. Но этотъ интересъ сводился въ представленіяхъ ихъ обыкновенно къ тому, что психологія можетъ служить вспомогательнымъ средствомъ для чисто теоретическихъ цѣлей основного, догматическаго и нравственнаго богословія: она помогаетъ апологету въ борьбѣ съ матеріализмомъ, даетъ ему психологическое доказательство бытія

Божія, позволяетъ уяснить природу Божества на основаніи ученія о душѣ, какъ образѣ Божіемъ, облегчаетъ умозрительное раскрытіе нѣкоторыхъ христіанскихъ догматовъ, наприм. догмата Св. Троицы, показываетъ возможность наслѣдственности первороднаго грѣха, раскрываетъ естественныя основы нравственнаго закона, и т. под. Иногда къ этому прибавлялось, что психологія открываетъ возможность сравнительнаго изученія религій, помогаетъ уяснить характеры лицъ и причины событій церковной исторіи, выясняетъ необходимость религіознаго культа и дѣлаетъ понятнымъ ученіе Св. Писанія о душѣ и духѣ. Выдвигая на передній планъ эти теоретическія задачи, авторы сочиненій, къ сожалѣнію, не всегда умѣли разграничить область психологическаго изслѣдованія отъ проблемъ метафизики, этики и самаго богословія и приписывали психологіи рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые выходятъ за ея предѣлы и превышаютъ ея научныя средства. Такъ по ихъ мнѣнію выходило, что современная психологія не только безповоротно доказала врожденность идеи Божества, всеобщность религіи, безсмертіе души и свободу воли, но и опровергла всякія сомнѣнія въ воскресеніи Христа и въ возможности будущаго воскресенія мертвыхъ. Гораздо рѣже экзаменовавшіеся останавливались на практическомъ значеніи психологіи для богослова-пастыря, проповѣдника, миссіонера и воспитателя. Въ большинствѣ сочиненій объ этомъ или совсѣмъ не упоминалось, или говорилось очень кратко, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. „Богословъ“ представлялся исключительно теоретикомъ и мертвымъ схоластомъ; возможность живой дѣятельности въ мірѣ живыхъ душъ почему-то плохо связывалась съ этимъ понятіемъ. Любопытно, что эта важная сторона вопроса не нашла себѣ надлежащей оцѣнки даже у священниковъ. Еще удивительнѣе, можетъ быть, то обстоятельство, что авторы сочиненій, за немногими исключеніями, не сумѣли оцѣнить важности психологіи для пониманія и изученія психологической стороны религіи,—ея внутренняго воспріятія и переживанія. Они почти не догадывались о томъ, какое значеніе можетъ имѣть для міровоззрѣнія, практической дѣятельности и личной религіозной жизни богослова психологія религіознаго опыта, мистическихъ переживаній, вѣры, молитвы, религіозныхъ обращеній, святости, и проч. Сочиненія, въ

которыхъ болѣе или менѣе затрогивались эти вопросы, были чрезвычайно рѣдки, да и тамъ, гдѣ они затрогивались (напр. въ сочиненіяхъ Волынскихъ семинаристовъ), ихъ постановка не отличалась ясностью и широтой. Вообще по своему содержанію большинство разсмотрѣнныхъ коммиссіей сочиненій страдало бѣдностью мыслей, скудостью знаній и схоластичностью пріемовъ изслѣдованія. Ихъ авторы видимо привыкли мыслить по опредѣленнымъ шаблонамъ, въ которые обыкновенно ужене вкладывалось ни личнаго чувства ни искренней вѣры. Конечно, встрѣчались исключенія, и даже выдающіяся (наприм. сочиненіе присланнаго воспитанника Курской семинаріи), но это были въ сущности оазисы въ умственной пустынѣ. Гораздо лучше было внѣшнее изложеніе сочиненій: въ большинствѣ случаевъ оно отличалось достаточною ясностью, связностью и послѣдовательностью. Пріятно также отмѣтить, что въ сочиненіяхъ на этотъ разъ почти не встрѣчалось грубыхъ грамматическихъ ошибокъ".

Ж) Донесеніе коммиссіи, разсматривавшей *поученія*:

„Державшимъ пріемные экзамены предложено было написать поученіевъ день празднованія 1600-лѣтія со времени изданія Миланскаго эдикта. Поученіе писали люди различнаго возраста, воспитанники различныхъ семинарій, уроженцы сѣвера и юга, востока и запада Россіи. Несмотря на это, большинство проповѣдей писано какъ-бы по одному шаблону. Оригинальность выбора темы и оригинальность ея раскрытія можно было наблюдать лишь въ очень немногихъ поученіяхъ. Громадное же большинство проповѣдей совпадаетъ между собой по самому выбору темы. Были жестокія гоненія, но Церковь устояла. Есть гоненія и теперь, тоже жестокія; Церковь, будемъ надѣяться, останется непоколебима. Такъ пишутъ одни. Другіе иначе. Были гоненія, но христіане оставались тверды въ вѣрѣ; теперь же христіане слабы, хотя гоненій нѣтъ и Церковь даже встрѣчаетъ поддержку со стороны государства. Шаблонныя по содержанію поученія однообразны и по изложенію. Изложеніе обычно скучное и безцвѣтное. Проповѣдническое воодушевленіе замѣтно лишь въ немногихъ поученіяхъ; наоборотъ, очень много поученій, которыя похожи на проповѣдь лишь заглавіемъ да обращеніемъ: „Братіе!", во всемъ же остальномъ представляютъ ско-

рѣе сочиненія и разсужденія церковно-историческаго характера. Да и эти разсужденія отвлеченны, бѣдны конкретными примѣрами. Элементъ современности въ проповѣдяхъ встрѣчается, но вводится не всегда удачно. Одинъ приплетаетъ воздухоплаваніе, другой соціализмъ, даже марксизмъ, третій газеты и литературу, а волонтеръ тобольскій упоминаетъ даже предпріимчиваго жида Битнера съ его „Вѣстникомъ Знанія". Но все это случайно, внѣ органической связи съ темой поученія. Нельзя назвать блестящимъ и самаго внѣшняго изложенія. Пишутъ въ большинствѣ случаевъ правильно, но изящество стиля—рѣдкость. Въ немногихъ поученіяхъ замѣтно довольно умѣлое пользованіе текстами Свящ. Писанія и словами церковныхъ пѣснопѣній. Къ недостаткамъ стиля можно отнести пристрастіе нѣкоторыхъ авторовъ-проповѣдниковъ къ ненужнымъ иностраннымъ словамъ: пневматики, портретъ Христовъ, прогрессироваться, процессъ „достиганія" (?) (вол. Моск.), проанализируемъ, діагнозъ, интимный, реальный, кардинальный, санкціонировать, абсолютный, тормазъ прогресса культуры и цивилизаціи (Виѳ.), роль эдикта (вол. Пенз.), консервативный, культъ, пошлая культура (вол. Харьк.). Одинъ изъ Московскихъ волонтеровъ вставляетъ даже слова Цицерона o, tempora, o, mores! Не мало можно бы выписать весьма странныхъ фразъ, напр. „Занималась кровавая заря христіанства" (вол. Симб.). „Христосъ пришелъ на землю „да съ человѣки поживе". „Въ римскомъ Пантеонѣ былъ положительно сбродъ всякихъ идоловъ". „Язычество собиралось торжествовать побѣду надъ уничтоженіемъ христіанства" (вол. Подол.—свящ.). „Миссіонерскія миссіи" (вол. Моск.).

Около 15-ти писавшихъ поученія полагаютъ, что эдиктъ былъ изданъ не въ какой другой день, какъ именно 14 сентября 313 года.

Попадаются слѣды безграмотности: озвѣревшіе (вол. Волог. дважды), отрѣчься (вол. Тобол.), знамѣнательный (вол. Влад.), чевствуемый (вол. Костр.).

Есть странные образы, напр., кибитки (присл. Тамб.), коралловаго рифа (вол. Симб.) и под.

Сколько-нибудь выдающихся проповѣдей мало. Лишь два поученія оказалось возможнымъ отмѣтить балломъ 5 (присл. Виѳ. и Курск.), одно балломъ 5— (вол. Волынск.) и три бал-

ломъ $4^1/_2$ (присл. Яросл., вол. Волынск. и Саратовск.). Но и совершенно неудовлетворительныхъ поученій не было: лишь одно отмѣчено балломъ $2^1/_2$ (вол. Калужск.) и одно балломъ 3—(вол. Костр.). Средній баллъ—3, 6. Средній баллъ 18-ти присланныхъ—3,86; 61 волонтера—3,51; 8-ми духовныхъ лицъ—3, 5. Хорошими баллами (4+, 4, 4—) отмѣчено 31 поученіе, удовлетворительными ($3^1/_2$, 3+, 3)—40 поученій".

к) Представленные экзаменаціонными комиссіями списки упомянутыхъ лицъ съ обозначеніемъ балловъ, полученныхъ ими на письменныхъ и устныхъ повѣрочныхъ испытаніяхъ, и общую табель сихъ балловъ, составленную секретаремъ Совѣта по окончаніи испытаній.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—*а*) *§ 136*: „Пріемъ студентовъ въ Академію производится одинъ разъ въ году, предъ началомъ учебныхъ занятій"; *б) § 137*: „Къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію допускаются: 1) окончившіе курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ по первому разряду—а) рекомендованные семинарскимъ Правленіемъ и посылаемые на синодальныя средства и б) прибывающіе къ Академію на собственныя средства, но съ вѣдома и одобренія семинарскаго начальства, и 2) имѣющіе гимназическіе аттестаты зрѣлости и окончившіе курсъ военныхъ училищъ"; *в*) *§ 139*: „Женатые въ студенты Академіи не принимаются. Исключеніе изъ этого правила допускается для всѣхъ Академій, кромѣ С.-Петербургской, но съ особаго каждый разъ разрѣшенія Св. Синода для лицъ изъ бѣлаго духовенства, если они удовлетворяютъ требованіямъ §§ 137 и 141": *г) § 141:* „Изъ числа подвергавшихся повѣрочнымъ испытаніямъ могутъ быть приняты въ Академію только тѣ, кто выдержалъ оныя успѣшно"; *д) § 144:* „Своекоштные студенты обязаны жить въ Академіи въ качествѣ пансіонеровъ или полупансіонеровъ. Число ихъ въ каждомъ учебномъ году опредѣляется вмѣстимостію академическихъ зданій. *Примѣчаніе.* Внѣ Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ академическомъ городѣ, за исключеніемъ лицъ, упомянутыхъ въ примѣчаніи 1 къ § 137".—2) Указомъ Св. Синода отъ 9-го августа 1911 года за № 10593 постановлено было: „Въ разъясненіе § 144 (по новой нумераціи

141-го) Уст. дух. акад., по которому изъ числа подвергавшихся повѣрочнымъ испытаніямъ могутъ быть приняты въ Академію только тѣ, кто выдержалъ оныя успѣшно, установить слѣдующія *правила*: 1) въ Академію принимаются получившіе по всѣмъ устнымъ испытаніямъ и сочиненіямъ не менѣе трехъ; 2) могутъ быть, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, зачисляемы въ студенты Академіи получившіе неудовлетворительный баллъ не ниже 2 по одному изъ предметовъ устнаго испытанія, если они имѣютъ баллъ по каждому сочиненію не менѣе 3 и средній баллъ по всѣмъ устнымъ отвѣтамъ и сочиненіямъ не менѣе $3^3/_4$ и 3) получившіе на пріемныхъ испытаніяхъ двѣ двойки или одну единицу не могутъ быть принимаемы въ Академію".—4) По § 109 лит. *б.* п. 6 академическаго устава „зачисленіе въ студенты Академіи послѣ экзаменовъ" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея".

Опредѣлили: 1) По вниманію къ достоинству устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ лицами, державшими повѣрочныя испытанія для поступленія въ составъ новаго (LXXII) академическаго курса,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять въ число студентовъ I курса Академіи:

1. Ефремова Ивана, присланнаго изъ Курской семинаріи,
Муравьева Сергѣя, волонтера изъ Рязанской сем.,
Соловьева Николая, присл. изъ Ярославской сем.,
Гусева Николая, присл. изъ Виѳанской сем.,
5. Добросердова Павла, вол. изъ Саратовской сем.,
Лисицкаго Николая, вол. изъ Волынской сем.,
Скворцова Ивана, присл. изъ Вологодской сем.,
Четыркина Петра, присл. изъ Смоленской сем.,
Виноградова Сергѣя, присл. изъ Московской сем.,
10. Никольскаго Николая, присл. изъ Пензенской сем.,
Рождественскаго Александра, вол. изъ Харьковской сем.,
Миловидова Алексѣя, присл. изъ Нижегородской сем.,
Городецкаго Анатолія, вол. изъ Симбирской сем.,
Разумовскаго Григорія, присл. изъ Московской сем.,
15. Воздвиженскаго Николая, присл. изъ Московской сем.,
Дацыкова Ивана, вол. изъ Донской сем.,

Кулигина Дмитрія, присл. изъ Новгородской сем.,
Вязигина Георгія, поручика, ок. к. Мих. арт. уч.,
Соколова Михаила, вол. изъ Вологодской сем.,
20. Бѣляева Сергѣя, вол. изъ Вологодской сем.,
Сапѣгу Онуфрія, галич., вол. изъ Тарнопольской гимн.,
Гусева Петра, вол. изъ Виѳанской сем.,
Іерод. Трифона (Мохора), вол. изъ Волынской сем.,
Золотницкаго Аркадія, присл. изъ Тамбовской сем.,
25. Ефремова Александра, присл. изъ Калужской сем.,
Голубева Леонида, вол. изъ Московской сем.,
Кипарисова Бориса, вол. изъ Самарской сем.,
Волкова Николая, вол. изъ Нижегородской сем.,
Калиновскаго Гавріила, вол. изъ Черниговской сем.,
30. Тихонравова Георгія, вол. изъ Тамбовской сем.,
Мефедова Герасима, вол. изъ Волынской сем.,
Прот. Мухина Іоанна, вол. изъ Костромской сем.,
Соболева Михаила, вол. изъ Московской сем.,
Карпова Ивана, присл. изъ Тобольской сем.,
35. Авилкина Николая, присл. изъ Самарской сем.,
Ломакина Николая, вол. изъ Полтавской сем.,
Сиротинскаго Алексѣя, присл. изъ Владимірской сем.,
Алмазова Александра, вол. изъ Псковской сем.,
Чирскаго Ивана, присл. изъ Подольской сем.,
40. Андреева Михаила, вол. изъ Тобольской сем.,
Крылова Павла, вол. изъ Владимірской сем.,
Соколова Василія, вол. изъ Ярославской сем.,
Некрасова Платона, вол. изъ Московской сем.,
Свящ. Проталинскаго Іоанна, вол. изъ Костромской сем.,
45. Никольскаго Николая, вол. изъ Ярославской сем.,
Свящ. Никольскаго Евгенія, вол. изъ Владимірской сем.,
Свящ. Орлова Василія, вол. изъ Пензенской сем.,
Забавина Ивана, вол. изъ Московской сем.,
Романовскаго Владиміра, присл. изъ Тверской сем.,
50. Глаголева Георгія, вол. изъ Тульской сем.,
Недѣльскаго Ѳеодосія, вол. изъ Волынской сем.,
Піуновскаго Ивана, вол. изъ Московской сем.,
Доброхотова Михаила, вол. изъ Виѳанской сем.,
Кедрова Александра, вол. изъ Рязанской сем.,
55. Бажанова Николая, вол. изъ Московской сем.,
Свящ. Жданова Александра, вол. изъ Рязанской сем.,

Суворова Николая, вол. изъ Костромской сем.,
Іоакиманскаго Николая, вол. изъ Московской сем.,
Брянцева Алексѣя, вол. изъ Ярославской сем.,
60. Воскресенскаго Михаила, вол. изъ Московской сем.,
Попова Александра, вол. изъ Вологодской сем.,
Рождественскаго Николая, вол. изъ Московской сем.,
Крылова Владиміра, вол. изъ Московской сем.,
Миловидова Виктора, вол. изъ Московской сем. и
65. Свящ. Макогонскаго Григорія, вол. изъ Подольской сем.,

при чемъ, согласно § 139 академическаго устава, о принятіи имѣющихъ женъ *священниковъ* Евгенія *Никольскаго*, Василія *Орлова*, Александра *Жданова* и Григорія *Макогонскаго*, съ дозволеніемъ имъ проживать съ семействами на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ Посадѣ,—представить установленнымъ порядкомъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

2) Остальнымъ 14-ти студентамъ духовныхъ семинарій—волонтерамъ: *Громову* Анатолію (Калужск. сем.), *Ружицкому* Стефану (Волын. сем.), *Соколову* Михаилу (Яросл. сем.), *Милославскому* Александру (Вив. сем.), *Соколову* Николаю (Яросл. сем.), *Румянцеву* Владиміру (Москов. сем.), *Чайкину* Ѳеодору (Екатер. сем.), *Лебедеву* Николаю (Волог. сем.), *Сатрапову* Модесту (Волог. сем.), свящ. *Бартеневу* Константину (Костр. сем.), *Крестовоздвиженскому* Михаилу (Влад. сем.), *Копылову* Евгенію (Тобол. сем.), *Счастневу* Михаилу (Моск. сем.), и *Преображенскому* Анатолію (Костр. сем.), получившимъ на испытаніяхъ по одному (на *письменныхъ* испытаніяхъ или на устныхъ—при среднемъ баллѣ ниже $3^3/_4$), по два и болѣе неудовлетворительныхъ балла,—отказать въ пріемѣ по недостаточной подготовленности ихъ къ слушанію академическихъ лекцій.

3) За исключеніемъ вышеупомянутыхъ (п. 1) *четырехъ* лицъ священнаго сана, семейнаго поручика Георгія *Вязигина* и студента Виктора *Миловидова*, родители котораго имѣютъ постоянное жительство въ Сергіевскомъ Посадѣ, — всѣхъ остальныхъ студентовъ, принятыхъ въ составъ I курса, помѣстить въ зданіяхъ Академіи.

4) По утвержденіи журнала настоящаго собранія Его Высокопреосвященствомъ, — представить Святѣйшему

Синоду свѣдѣнія о составѣ новаго академическаго курса съ приложеніемъ: а) списка студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, державшихъ повѣрочныя испытанія для поступленія въ Академію, съ обозначеніемъ достоинства ихъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, и б) копій донесеній экзаменаціонныхъ коммиссій.

5) Документы воспитанника *Герасима Кюнтіева* возвратить въ Правленіе Архангельской духовной семинаріи, съ увѣдомленіемъ объ отказѣ его отъ сдачи всѣхъ, положенныхъ академическимъ уставомъ, повѣрочныхъ испытаній.

II. Прошенія на имя Преосвященнаго Ректора Академіи:

а) Окончившаго въ 1902 году курсъ (съ дипломомъ 2-ой степени) Императорскаго Московскаго Университета по юридическому факультету *Владиміра Пятницкаго*:

„Желая получить высшее богословское образованіе, имѣю честь почтительнѣйше просить Ваше Преосвященство о принятіи меня въ число своекоштныхъ студентовъ Императорской Московской Духовной Академіи, безъ экзаменовъ.

При семъ прилагаю: 1) метрическое свидѣтельство Московской Духовной Консисторіи, отъ 17 марта 1899 года за № 2942, о моемъ рожденіи; 2) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности, отъ 3 ноября 1900 года за № 146; 3) дипломъ объ окончаніи курса наукъ по юридическому факультету университета, выданный изъ Управленія Московскаго Учебнаго Округа 30 сентября 1902 года за № 18996 и 4) копію указа Святѣйшаго Синода о расторженіи брака моего, выданную изъ Московской Духовной Консисторіи 4 Мая 1912 года.“

б) Окончившаго въ 1913 году курсъ (съ дипломомъ 2-ой степени) Императорскаго Московскаго Университета по математическому отдѣленію физико-математическаго факультета *Владиміра Сѣто*:

„Прилагая при семъ: Дипломъ за № 24443, свидѣтельство о рожденіи за № 5668, свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности за № 8094 и свидѣтельство Правленія Императорской Московской Духовной Академіи за № 1161, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство, на основаніи

§ 137-го прим. 1 Академическаго Устава, принять меня въ число своекоштныхъ студентовъ Академіи.“

Справка: Какъ видно изъ при ложеннаго къ послѣднему прошенію свидѣтельства Правленія Императорской Московской Духовной Академіи за № 1161,—г. *Сѣто*, по утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи отъ 31 августа 1912 года, на основаніи § 137 прим. 1 академическаго устава, принятъ былъ, безъ повѣрочныхъ испытаній, въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Академіи, въ коей и обучался по іюнь мѣсяцъ 1913 года, при отлично-хорошемъ (5) поведеніи, представивъ всѣ назначенныя студентамъ I курса на 1912—1913 учебный годъ письменныя работы, именно: третныя сочиненія по исторіи древней церкви (отмѣчено балломъ 4), исторіи философіи (4+), исторіи и обличенію западныхъ исповѣданій (5—) и проповѣдь (3). Устныхъ переводныхъ испытаній по предметамъ I курса студентъ Сѣто не держалъ и, по опредѣленію Правленія Академіи отъ 4 іюня, уволенъ, согласно его прошенію, изъ числа студентовъ Академіи.

в) Окончившаго въ 1913-мъ году курсъ (съ дипломомъ 2-ой степени) Императорскаго Казанскаго Университета по юридическому факультету *Николая Шевнина:*

„Окончивъ весной текущаго года Императорскій Казанскій университетъ по юридическому факультету съ дипломомъ второй степени и желая получить высшее богословское образованіе въ Императорской Московской Духовной Академіи,—имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство о пріемѣ и зачисленіи меня, Шевнина Николая Михайловича,—на основаніи правилъ, опубликованныхъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи—въ студенты I-го курса Академіи въ наступающемъ учебномъ 1913—1914 году безъ экзамена и сверхъ нормы своекоштнымъ. При семъ прошеніи прилагаю слѣдующіе документы: 1) Отъ Канцеляріи Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа Удостовѣреніе объ выдержаніи государственныхъ экзаменовъ съ правомъ на дипломъ второй степени, 2) Метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, 3) Свидѣтельство отъ Казанскаго Ку-

ческаго Старосты, 4) Свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности.“

Справка: Устава духовныхъ академій *§ 137, примѣчаніе 1:* „Лица, окончившія съ успѣхомъ полный курсъ университета или другого высшаго учебнаго заведенія, принимаются въ Академію безъ экзамена и сверхъ нормы своекоштными, при желаніи же получить какую-либо стипендію подвергаются повѣрочнымъ испытаніямъ наравнѣ съ прочими.“

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять окончившихъ полный университетскій курсъ—Владиміра *Пятницкаго*, Николая *Шевнина* и Владиміра *Сѣто*, безъ повѣрочныхъ испытаній, въ число *своекоштныхъ* студентовъ I курса Академіи:

III. а) Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи бывшаго вольнослушателя Академіи *Алексѣя Шишкина*:

„Прилагая при семъ медицинское свидѣтельство Борисоглѣбскаго Городского врача о болѣзни, препятствующей мнѣ въ настоящее время явиться къ пріемнымъ испытаніямъ въ Академію, осмѣливаюсь смиреннѣйше просить Ваше Преосвященство, не найдется ли возможнымъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи о сохраненіи за мною права держать вступительные экзамены въ Академію предъ началомъ слѣдующаго. 1914—15 академическаго года“.

б) Свидѣтельство Борисоглѣбскаго городского врача *Н Алексѣева:*

„Выдано сіе Алексѣю Прохорову *Шишкину*, 30 лѣтъ, въ удостовѣреніе того, что 4-го сего Августа онъ заболѣлъ острымъ воспаленіемъ плевры праваго легкаго (plevritis acuta) съ симптомами начавшагося эксудативнаго процесса (plevritis exsudativa), по каковой причинѣ онъ не можетъ явиться въ Московскую Академію, такъ какъ эксудативный процессъ можетъ принять затяжное теченіе и больной будетъ вынужденъ прибѣгнуть къ климатическому леченію въ Сухумѣ или Гаграхъ“.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 28 января те-

кущаго 1913 года за № 1817. Совѣту Академіи разрѣшено было допустить окончившаго курсъ учительскаго института *Алексѣя Шишкина*, въ видѣ изъятія, къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Московской Духовной Академіи.

Опредѣлили: Въ виду постигшей *г. Шишкина* болѣзни и умолчанія въ указѣ Святѣйшаго Синода о времени допущенія его къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Академіи,— сохранить за просителемъ право держать означенныя испытанія предъ началомъ слѣдующаго, 1914—1915, учебнаго года.

IV. а) Сданное Преосвященнымъ Анастасіемъ, Епископомъ Серпуховскимъ, съ надписью: „1913 г. Августа 5. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи"—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Товарища Оберъ - Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 31 іюля за № 8213:

„На основаніи воспослѣдовавшаго, въ 14-й день Марта 1896 г. Высочайшаго повелѣнія о порядкѣ направленія и разрѣшенія приносимыхъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя прошеній объ оказаніи льготъ въ дѣлѣ образованія и воспитанія, изъ Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній препровождено, при отношеніи отъ 12-го сего Іюля за № 64807, къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода всеподданнѣйшее прошеніе священника Василія *Діаковскаго* о принятіи его, безъ экзамена, въ Императорскую Московскую Духовную Академію на казенный счетъ.

Означенное всеподданнѣйшее прошеніе имѣю честь препроводить при семъ на Ваше Архипастырское усмотрѣніе:"

б) Прошеніе на Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя *священника* села Елисаветградки, Александрійскаго уѣзда, Херсонской епархіи, *Василія Діаковскаго*:

„Вѣрою и правдою прослуживъ Вашему Императорскому Величеству, Церкви и Отечеству, въ селѣ Елисаветградкѣ, пятнадцать лѣтъ безъ всякаго жалованья, я жажду свѣта и высшей богословской науки, желая продолжить свое богословское образованіе. Испросивъ на это

лагословеніе моей вдовы матери — старухи (81 г.) и тестя моего вдовца Протоіерея — Благочиннаго (75 лѣтъ), заручившись согласіемъ моей жены (35 лѣтъ), я осмѣливаюсь сыновне смиреннѣйше умолять Ваше Императорское Величество, Милостивѣйшій Монархъ и Отецъ— Батюшка, въ память 300-лѣтія славнаго царствованія Дома Романовыхъ, оказать мнѣ милость и назначить меня безъ экзамена въ Императорскую Московскую Духовную Академію—на миссіонерскій отдѣлъ ея, по окончаніи коей я смогъ бы посвятить свои силы и способности на борьбу съ современнымъ невѣріемъ и сектантствомъ, въ должности епархіальнаго миссіонера. Умоляю принять меня на стипендію, или же на казенный счетъ. Съ помощію Божіею, я надѣюсь вполнѣ оправдать сію Монаршую высокую милость, весьма добросовѣстно пройдя высшія богословскія науки, къ чему я себя пріучилъ съ девяти лѣтъ моего сиротства. Указомъ Херсонской Духовной Консисторіи, отъ 15 мая 1913 года за № 13904-мъ, преподано мнѣ на сіе благословеніе и разрѣшеніе моего Милостиваго Архипастыря и Отца, Высокопреосвященнѣйшаго Назарія, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго.

При семъ прилагаю точную копію моего формулярнаго списка о прохожденіи мною службы и о моемъ семейномъ положеніи, и фотографическій мой снимокъ: присовокупляя, что подъ судомъ не состоялъ и не состою".

в) Сданное Преосвященнымъ Анастасіемъ, Епископомъ Серпуховскимъ, съ надписью: „1913 г. Августа 9. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи"—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 3 августа за № 8341:

„На основаніи воспослѣдовавшаго, въ 14-й день Марта 1896 г. Высочайшаго повелѣнія о порядкѣ направленія и разрѣшенія приносимыхъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя прошеній объ оказаніи льготъ въ дѣлѣ образованія и воспитанія, изъ Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній препровождены, при отношеніи отъ 12-го мин. Іюля за № 64807, къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода всеподданнѣйшія

прошенія священника села Ново-Троицкаго Днѣпровскаго уѣзда, Таврической епархіи Александра *Бодина* и священника села Гавриловскаго, Елатомскаго уѣзда, Тамбовской епархіи Сергѣя *Орфеева* о принятіи ихъ въ Императорскую Московскую духовную академію безъ экзамена.

Означенныя всеподданнѣйшія прошенія имѣю честь препроводить при семъ на Ваше Архипастырское усмотрѣніе."

г) Прошеніе на Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя *священника* села Ново-Троицкаго, Днѣпровскаго уѣзда, Таврической епархіи, *Александра Бодина:*

„Будучи воспитанникомъ духовной семинаріи, я стремился получить высшее духовное образованіе, дабы всецѣло посвятить себя на служеніе Церкви, Царю и отечеству. Но бѣдность родителей и постоянныя заботы о насущномъ кускѣ хлѣба помѣшали мнѣ окончить духовную семинарію по первому разряду, и тѣмъ самымъ лишили меня возможности поступить въ духовную академію. Прослуживъ шесть лѣтъ священникомъ, я, со скорбію, все болѣе и болѣе началъ сознавать, что умственныя мои познанія не удовлетворяютъ меня, какъ пастыря и хранителя стада Христова и какъ истиннаго сына своего отечества.

На основаніи вышеизложеннаго осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество, разрѣшить мнѣ поступить въ Московскую духовную академію безъ экзамена. Получивъ высшее духовное образованіе, я смогъ бы осуществить свою завѣтную мечту и во всеоружіи знаній вступить въ ряды защитниковъ своего Возлюбленнаго Монарха, святой православной вѣры и отечества".

д) Прошеніе на Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя *священника* села Гавриловскаго, Елатомскаго уѣзда, Тамбовской епархіи, *Сергія Орфеева:*

„Я имѣю сильное желаніе пополнить свое богословское образованіе и для этой цѣли стремлюсь поступить въ Духовную Академію. По существующимъ правиламъ въ Академію принимаются лица, окончившія курсъ Духовныхъ Семинарій по 1-му разряду, а я имѣю дипломъ 2-го разряда, не дающій права на поступленіе въ Академію.

На основаніи вышеизложеннаго я осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество, въ изъятіе изъ общаго правила, въ нынѣшній историческій годъ памяти трехсотлѣтія Дома Романовыхъ, повелѣть принять меня въ число студентовъ Московской Духовной Академіи".

Опредѣлили: Съ возвращеніемъ всеподданнѣйшихъ прошеній *священниковъ* Василія *Діаковскаго*, Сергія *Орфеева* и Александра *Бодина*, почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что просители, окончившіе семинарскій курсъ по 2-му разряду, по мнѣнію Совѣта Академіи, ничѣмъ не доказали своего нравственнаго права на такую высокую милость, какъ зачисленіе въ студенты Академіи безъ положенныхъ по академическому уставу повѣрочныхъ испытаній, которымъ безропотно подвергаются гораздо болѣе ихъ заслуженные священнослужители (въ текущемъ году, напр., 60-лѣтній протоіерей изъ Костромской епархіи), окончившіе, притомъ, семинарскій курсъ по 1-му разряду.—Священнику же *Діаковскому*, прежде, чѣмъ утруждать Его Императорское Величество своею необоснованною просьбою, слѣдовало бы, по мнѣнію Совѣта, предварительно справиться, есть-ли въ Императорской *Московской* Духовной Академіи *миссіонерскій отдѣлъ*, пройти курсъ котораго онъ, будто бы, такъ стремится.

V. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Г.г. наставниками Академіи доставлены мнѣ *программы преподаваемыхъ ими наукъ и соображенія о предполагаемомъ ходѣ практическихъ занятій на 1913—1914 учебный годъ*.—На основаніи § 109 лит. *а* п. 4 устава духовныхъ академій, предлагаю эти программы и соображенія на разсмотрѣніе и утвержденіе Совѣта Академіи".

Опредѣлили: Признавая представленныя г.г. наставниками Академіи программы преподаванія на 1913—1914 учебный годъ соотвѣтствующими указаніямъ, преподаннымъ на сей предметъ Святѣйшимъ Синодомъ въ объяснительной запискѣ къ проекту устава духовныхъ академій 1910 года, и научной постановкѣ предметовъ,—программы эти утвердить.

VI. Имѣли сужденіе: *О распредѣленіи лекцій и практическихъ занятій въ Академіи на 1913—1914 учебный годъ*, причемъ были выслушаны нижеслѣдующія прошенія г.г. наставниковъ Академіи:

а) О. Инспектора Академіи, доцента по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *архимандрита Иларіона:*

„На основаніи примѣчанія къ § 84 „Устава Православныхъ Духовныхъ Академій" покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ читать двѣ теоретическихъ лекціи и двѣ посвящать практическимъ занятіямъ въ наступающемъ третьемъ году моей преподавательской службы, тѣмъ болѣе, что высшей церковной власти благоугодно было, кромѣ преподавательскихъ обязанностей, возложить на меня должность инспектора Академіи".

б) Доцента по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *Н. В. Лысогорскаго*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ, на основаніи примѣчанія къ § 84 устава духовныхъ академій, читать въ текущемъ учебномъ году неполное количество лекцій".

в) Доцента по каѳедрѣ исторіи русской литературы *Н. Т. Туницкаго:*

„Въ виду того, что исторію русской литературы, какъ самостоятельный предметъ, вслѣдствіе измѣненій въ академическомъ Уставѣ, мнѣ приходится преподавать только третій годъ, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ, примѣнительно къ § 84 Устава, примѣч., читать въ наступающемъ 1913—14 уч. году, по примѣру прошлаго года, двѣ теоретическихъ лекціи и имѣть два часа практическихъ занятій".

г) И. д. доцента по каѳедрѣ исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени, въ связи съ исторіей Славянскихъ церквей и Румынской, *Ѳ. М. Россейкина:*

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской

Московской Духовной Академіи назначить мнѣ, примѣнительно къ 84 пар. Устава, примѣчаніе, въ наступающемъ 1913—14 уч. году сокращенное число лекцій, а именно—двѣ теоретическихъ лекціи и два часа практическихъ занятій въ недѣлю".

д) И. д. доцента по каѳедрѣ догматическаго богословія *А. М. Туберовскаго:*

„Почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи оставить за мной то же число лекціонныхъ часовъ, какое было и въ прошломъ году (т. е. два часа для теоретическихъ и одинъ часъ для практическихъ занятій)".

е) И. д. доцента по каѳедрѣ литургики *священника П. В Гумилевскаго*:

„На основаніи примѣчанія къ § 84-му Устава Духовныхъ Академій честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство исходатайствовать мнѣ предъ Совѣтомъ Академіи разрѣшеніе читать двѣ теоретическихъ лекціи и одну практическую".

ж) И. д. доцента по каѳедрѣ церковно-славянскаго и русскаго языковъ съ палеографіей *священника І. М. Смирнова*:

„На основаніи примѣчанія къ § 84 Устава Духовныхъ Академій покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи уменьшить мнѣ, какъ имѣющему преподавать лишь 2-ой годъ, общее количество еженедѣльныхъ лекціонныхъ часовъ до четырехъ, изъ которыхъ два мною были бы употреблены на теоретическое изложеніе предмета, а два—на веденіе практическихъ занятій".

з) И. д. доцента по второй каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *іеромонаха Варѳоломея (Ремова):*

„Усердно прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи на основаніи примѣчанія къ § 84 „Устава Православныхъ Духовныхъ Академій" разрѣшить мнѣ читать, какъ начинающему преподавателю, въ наступающемъ учебномъ году двѣ теоретическихъ лекціи и одну посвящать практическимъ занятіямъ".

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 84, примѣчаніе:* „Начинающимъ преподавателямъ Совѣтъ можетъ разрѣшить читать въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ и меньшее число лекцій“ (сравнительно съ нормою, каковою признается *пять* лекцій въ недѣлю, а по пастырскому богословію, гомилетикѣ и греческому языку—*четыре* лекціи)—2) По § 109 лит. *б* п. 3 и лит. *а* п. 3 того же устава—„опредѣленіе количества лекцій для начинающихъ преподавателей“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея, а „распредѣленіе лекцій, практическихъ занятій съ репетиціями и часовъ преподаванія“—въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

1) **Опредѣлили:** Признавая вышеизложенныя просьбы г.г. наставниковъ Академіи объ уменьшеніи числа лекціонныхъ часовъ заслуживающими (вполнѣ или частію) уваженія,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи назначить на 1913—1914 учебный годъ, соотвѣтственно числу лѣтъ преподавательской дѣятельности: о. Инспектору Академіи *архимандриту Иларіону*, доценту *Н. Т. Туницкому*, и. д. доцента—*Ѳ. М. Россейкину*, *А. М. Туберовскому* и *священнику І. М. Смирнову*, а также переведенному изъ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи на третьемъ году преподавательской службы и. д. доцента по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства *священнику В. І. Зыкову*—по *четыре* лекціонныхъ часа въ недѣлю (два часа на теоретическія лекціи и два часа на практическія занятія); доценту *Н. В. Высогорскому*, и. д. доцента—*священнику П. В. Гумилевскому* и *іеромонаху Варѳоломею (Ремову)*, а также и. д. доцента по второй каѳедрѣ патрологіи *іеромонаху Пантелеимону (Успенскому)*, еще не возвратившемуся изъ научной командировки въ Константинополь,—по *три* лекціонныхъ часа въ недѣлю (два часа на теоретическія лекціи и одинъ часъ на практическія занятія).—2) Въ случаѣ удовлетворенія означеннаго ходатайства,—распредѣлить лекціи и практическія занятія въ Академіи въ 1913—1914 учебномъ году по слѣдующей таблицѣ:

Распредѣленіе лекцій и практическихъ занятій въ Императорской Московской Духовной Академіи на 1913 — 1914 учебный годъ.

дни	часы	Первый курсъ.	
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м.		
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.		
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Основное богословіе	
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Основное богословіе	
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	1-й групп. предметъ *) (1, 2, 3, 4)	
	1 ч. 10 м.—2 ч.	1-й групп. предметъ (1 2, 3, 4)	
Вторникъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	1-й групповой предметъ (1, 2, 4)	
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	1-й групп. предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4)	
	10 ч 40 м.—11 ч. 30 м.	1-й групп. предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4)	
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Основное богословіе	
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Основное богословіе (пр. з.)	
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Основное богословіе (пр. з.)	
Среда.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Греческій языкъ	
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Греческій языкъ	
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Новые языки	
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Новые языки	
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Новые языки	
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Новые языки	
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м		
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.		
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.		
	11 ч. 30 м.—12 ч 20 м.	Исторія философіи	Педагогика
	12 ч 20 м.—1 ч. 10 м.	Ист. филос. (пр. з.)	Педагогика (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Ист. филос. (пр. з.)	Педагогика (пр. з.)
Пятница.	9 ч.—9 ч 50 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта I	
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта I	
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Исторія философіи	Педагогика
	11 ч. 30 м—12 ч. 20 м.	Исторія философіи	Педагогика
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Исторія древней церкви	
	1 ч. 10 м—2 ч	Исторія древней церкви	
Суббота	9 ч.—9 ч. 50 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта I	
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Свящ. Писаніе Ветх. Завѣта I (пр. з.)	
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Свящ. Писаніе Ветх. Завѣта I (пр. з.)	
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Исторія древней церкви	
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Исторія древней церкви (пр. з.)	
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія древней церкви (пр. з.)	

*) 1. Русская гражданская исторія.—2. Библейская исторія, въ связи съ исторіей древняго міра.—3. Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей.—4. Исторія и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени.

Распредѣленіе лекцій и практическихъ занятій въ Императорской Московской Духовной Академіи на 1913 — 1914 учебный годъ.

Дни.	Часы.	Второй курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м.	. . . . .
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	. .
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	. . . . .
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	. . . . .
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	2-й групповой предметъ *) (1, 2, 3, 4)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	2-й групповой предметъ (1, 2, 3, 4)
Вторникъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	2-й групповой предметъ (2, 4)
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	2-й групповой предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	2-й групповой предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	. . . . .
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Психологія
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Психологія
Среда.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Психологія
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Психологія (пр. зан.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Психологія (пр. зан.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Греческій языкъ
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Греческій языкъ
	1 ч. 10 м.—2 ч.	. . . . .
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта II
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта II
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта II (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	. . . . .
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Патрологія I
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Патрологія I
Пятница.	9 ч.—9 ч. 50 м.	. . . . .
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Исторія русской церкви
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Исторія русской церкви
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Патрологія I
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Патрологія I (пр. зан.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Патрологія I (пр. зан.)
Суббота.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Исторія русской церкви
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Исторія русской церкви (пр. зан.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Исторія русской церкви (пр. зан.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Исторія и обличеніе русскаго раскола
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Исторія и обличеніе русскаго раскола
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія и обличен. русск. раскола (пр. з.)

*) 1. Исторія Греко-восточной, Славянскихъ и Румынской церквей.—2. Еврейскій языкъ съ библейской археологіей.—3. Исторія русской литературы.—4. Исторія и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени.

Распредѣленіе лекцій и практическихъ занятій въ Императорской Московской Духовной Академіи на 1913 — 1914 учебный годъ.

Дни.	Часы.	Третій курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м.	.....
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Исторія и облич. русск. сектантства *).
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Исторія и обличеніе рус. сектантства.
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта (*М.Д.М.*)
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Групповые предметы **)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Групповые предметы
Вторникъ	9 ч.—9 ч. 50 м.	Групповые предметы
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Групповые предметы (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Групповые предметы (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Ист. и обличеніе руск. сектант. (пр. з.)
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Ист. и обличеніе руск. сектант. (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	.....
Среда	9 ч.—9 ч. 50 м.	.....
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Патрологія II
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Патрологія II
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Патрологія II (пр. з.)
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I
Четвергъ	9 ч.—9 ч. 50 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта II
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта II
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Свящ. Писаніе Ветх. Завѣта II (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Литургика
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Литургика
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Литургика (пр. з.)
Пятница	9 ч.—9 ч. 50 м.	.....
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	.....
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Догматическое богословіе
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Догматическое богословіе
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Гомилетика
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Гомилетика
Суббота	9 ч.—9 ч. 50 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I (пр. з.)
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Догматическое богословіе (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Догматическое богословіе (пр. з.)
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Гомилетика (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Гомилетика (пр. з.)

*) Въ виду двукратной смѣны преподавателей, лекціи *по исторіи и обличенію русскаго сектантства* въ 1913—1914 учебномъ году читаны не были.

**) *Обязателенъ* для записавшихся 1-й групповой предметъ *третьей* группы (Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей) —

Распредѣленіе лекцій и практическихъ занятій въ Императорской Московской Духовной Академіи на 1913 — 1914 учебный годъ.

дни.	часы.	Четвертый курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м.	.....
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	.....
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	.....
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта (*М. Д. М.*)
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Церковное право
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Церковное право
Вторникъ	9 ч.—9 ч. 50 м.	Церковное право
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Церковное право (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Церковное право (пр. з.)
	11 ч. 30 м —12 ч. 20 м.	.....
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	.....
	1 ч. 10 м.—2 ч.	.....
Среда	9 ч.—9 ч. 50 м.	.....
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Патрологія II
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Патрологія II
	11 ч. 30 м —12 ч. 20 м.	Патрологія II (пр. з.)
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта II
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта II
Четвергъ	9 ч.—9 ч. 50 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта II
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта II (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта II (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	.....
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	.....
	1 ч. 10 м.—2 ч.	.....
Пятница	9 ч.—9 ч. 50 м.	.....
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Нравственное богословіе
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Нравственное богословіе
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	.....
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Гомилетика
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Гомилетика
Суббота	9 ч.—9 ч. 50 м.	Нравственное богословіе
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Нравственное богословіе (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Нравственное богословіе (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	.....
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Гомилетика (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Гомилетика (пр. з.)

VII.—*О назначеніи студентамъ письменныхъ работъ на 1913—1914 учебный годъ.*

Справка: Устава духовныхъ академій—*а*) § *154*: „Въ теченіе года, на первыхъ трехъ курсахъ, студентамъ назначается по три сочиненія на каждый курсъ на темы, данныя преподавателями и одобренныя ректоромъ Академіи. Кромѣ этихъ третныхъ сочиненій, для студентовъ всѣхъ курсовъ обязательно составленіе одной проповѣди на каждомъ курсѣ".— *б*) § *155*: „Сочиненія пишутся по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ Академіи, изъ нихъ два сочиненія—по богословскимъ наукамъ и одно—по общеобразовательнымъ".- *в*) § *156*: „Студенты IV курса пишутъ курсовое сочиненіе для полученія степени кандидата богословія на тему богословскаго характера, одобренную ректоромъ и утвержденную Епархіальнымъ Архіереемъ. Совѣтъ Академіи озабочивается равномѣрнымъ распредѣленіемъ труда по разсмотрѣнію сочиненій между отдѣльными преподавателями, съ такимъ расчетомъ, чтобы одному преподавателю писали не болѣе 5 человѣкъ".—

Опредѣлили: 1) Назначить на 1913—1914 учебный годъ студентамъ I, II и III курсовъ по три сочиненія по слѣдующимъ предметамъ:

Въ I курсѣ:

а) По основному богословію,
б) По I-му групповому предмету,
в) По систематической философіи.

Во II курсѣ:

а) По Свящ. Писанію Ветхаго Завѣта (II кав.),
б) По исторіи русской церкви,
в) По психологіи.

Въ III курсѣ:

а) По Свящ. Писанію Новаго Завѣта (I кав.),
б) По церковной археологіи,
в) По церковному праву.

Примѣчаніе. Избранныя г.г. наставниками Академіи *темы* для означенныхъ сочиненій должны быть предварительно представлены ими на одобреніе Преосвященнаго Ректора Академіи.

2) Для написанія *третныхъ сочиненій* назначить студентамъ I, II и III курсовъ слѣдующіе сроки: для перваго сочиненія—*съ 10 сентября по 30 октября*, для второго—*съ 1 ноября по 20 декабря* 1913 года и для третьяго—*съ 15 января по 15 марта* 1914 года.

3) Предложить студентамъ IV курса избрать темы для *курсовыхъ* сочиненій изъ числа данныхъ въ концѣ минувшаго учебнаго года наставниками Академіи и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ.—Срокомъ подачи курсовыхъ сочиненій назначить время *съ 15 апрѣля по 1 мая 1914 года*, съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ непредставленія студентомъ IV курса курсового сочиненія безъ уважительной причины, онъ, согласно § 167 академическаго устава, будетъ выпущенъ изъ Академіи лишь съ свидѣтельствомъ о выслушаніи имъ академическихъ наукъ.

4) Для студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ назначить *по одной проповѣди*, съ требованіемъ, чтобы они представляли ихъ не позднѣе *10 дней* до срока, назначеннаго по росписанію.—Росписаніе проповѣдей на 1913—1914 учебный годъ имѣетъ быть дано, съ одобренія Преосвященнаго Ректора Академіи, преподавателемъ гомилетики—и. д. доцента *В. П. Виноградовымъ*.

5) Установленныя въ 1910 году Совѣтомъ Академіи *правила* относительно участія студентовъ *въ практическихъ занятіяхъ* оставить въ силѣ и на текущій учебный годъ.

6) Вышеизложенныя постановленія объявить студентамъ Академіи съ предупрежденіемъ по отношенію къ студентамъ первыхъ трехъ курсовъ, что кто изъ нихъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не исполнитъ всѣхъ лежащихъ на немъ учебныхъ обязанностей по представленію письменныхъ работъ, участію въ практическихъ занятіяхъ и сдачѣ устныхъ испытаній *къ 1 іюня 1914 года*, тотъ не можетъ уже разсчитывать на полученіе въ слѣдующемъ учебномъ году *казенной* стипендіи.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „16 сент. 1913. Исполнить“.

2 сентября 1913 года.

№ 14.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Θеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій и С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессоры—С. И. Смирновъ и А. П. Орловъ.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „27 іюля 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 22 іюня за № 9744:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 27 Марта сего года № 141, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи преподавателя Волынской духовной семинаріи, кандидата богословія, *Θеодора Владимірскаго* въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе „Антропологія и космологія Немезія, Епископа Емесскаго, въ ихъ отношеніи къ древней философіи и патристической литературѣ". Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить преподавателя Волынской семинаріи, кандидата богословія, Θеодора Владимірскаго въ степени магистра богословія за помянутое сочиненіе; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

б) Сданный Преосвященнымъ Анастасіемъ, Епископомъ

Серпуховскимъ съ надписью:, 1913 г. Августа 13. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 августа за № 12482:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 17 Іюня сего года № 321, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи и. д. доцента сей Академіи по каѳедрѣ исторіи русской литературы, кандидата богословія, *Николая Туницкаго* въ степени магистра богословія, за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе: „Св. Климентъ, Епископъ Словенскій. Его жизнь и просвѣтительная дѣятельность", и въ должности доцента академіи, и 2) отзывъ Преосвященнаго Финляндскаго о названномъ сочиненіи, отъ 29 Іюля 1913 года. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Финляндскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить и. д. доцента названной академіи Николая Туницкаго въ степени магистра богословія за помянутое сочиненіе и въ должности доцента академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: 1) Изготовить для доцента Академіи *Н. Т. Туницкаго* и преподавателя Волынской семинаріи *Ѳ. С. Владимірскаго* магистерскіе дипломы и выдать ихъ по принадлежности.—2) Объ утвержденіи *г. Туницкаго* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1 іюля 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 25 іюня за № 9939:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 27 Мая сего года № 257, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной

академіи объ утвержденіи въ званіи почетнаго члена сей академіи *Блаженнѣйшаго Григорія IV, Патріарха Антіохіи и всего Востока.* Приказали: Согласно настоящему представленію Вашего Преосвященства и ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить въ званіи почетнаго члена сей академіи Блаженнѣйшаго Григорія IV, Патріарха Антіохіи и всего Востока, во уваженіе къ высокой религіозно-просвѣтительной дѣятельности и выдающимся Архипастырскимъ трудамъ Его Блаженства на пользу Святой Церкви; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ."

Опредѣлили: Изготовить и препроводить Его Блаженству установленный дипломъ на званіе Почетнаго Члена Императорской Московской Духовной Академіи.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „11 іюля 1913. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 іюля за № 10628:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о замѣщеніи вакантной должности епархіальнаго противосектантскаго миссіонера—проповѣдника С.-Петербургской епархіи. Приказали: На должность епархіальнаго противосектантскаго миссіонера—проповѣдника С.-Петербургской епархіи, освободившуюся за назначеніемъ занимавшаго сію должность Димитрія Боголюбова на духовно-учебную службу, назначить Московскаго епархіальнаго противосектантскаго миссіонера—проповѣдника *Ивана Айвазова*, перемѣстивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Айвазова изъ Императорской Московской духовной академіи, въ коей онъ состоитъ преподавателемъ, въ званіи и. д. доцента, по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства, на таковую же каѳедру въ Императорскую С.-Петербургскую духовную академію, вмѣсто и. д. доцента *священника Владиміра Зыкова*, котораго перевести на вышеозначенную каѳедру въ Императорской Московской духовной академіи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству и Преосвященному Митрополиту С.-Петербургскому указы и редакціи Церковныхъ Вѣдомо-

стей, для напечатанія о назначеніи Айвазова С.-Петербургскимъ епархіальнымъ противосектантскимъ миссіонеромъ-проповѣдникомъ, сообщить по принятому порядку, а въ Канцелярію Оберъ-Прокурора передать выписку изъ сего опредѣленія.“

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію, сообщить содержаніе онаго Правленію Академіи,— для зависящихъ съ его стороны распоряженій.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „22 іюля 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 іюля за № 11233:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства отъ 17 Іюня сего года № 320, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о продленіи и. д. доцента сей академіи *Александру Туберовскому* исполняющагося 16 Августа 1913 года двухгодичнаго срока для представленія магистерской диссертаціи до 16 Августа 1914 г. Приказали: Согласно представленію Вашего Преосвященства и ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: продлить и. д. доцента названной Академіи Александру Туберовскому срокъ для представленія имъ магистерской диссертаціи до 16 Августа 1914 г., о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Содержаніе указа Святѣйшаго Синода за № 11233 объявить и. д. доцента Академіи *А. М. Туберовскому*.

V. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „22 іюля 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 іюля за № 11234:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Іюня сего года № 338, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной

академіи о разрѣшеніи оставить при сей академіи на 1913—1914 учебный годъ, въ званіи сверхштатныхъ профессорскихъ стипендіатовъ, кандидатовъ Академіи выпуска сего года *Николая Кочанова*, по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей, и *Александра Ремезова*, по каѳедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій, безъ назначенія имъ содержанія изъ Синодальныхъ или академическихъ суммъ. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту помянутой Академіи оставить при оной на 1913—1914 учебный годъ, въ званіи сверхштатныхъ профессорскихъ стипендіатовъ, кандидатовъ академіи выпуска сего года Николая Кочанова, по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей, и Александра Ремезова, по каѳедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій, *безъ назначенія имъ содержанія* изъ Синодальныхъ или академическихъ суммъ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „16 авг. 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 14 августа за № 12707:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Іюня сего года за № 337, съ ходатайствомъ о назначеніи изъ суммъ Святѣйшаго Синода пособія на содержаніе оставленнаго при Императорской Московской духовной академіи, на основаніи § 76 Уст. дух. акад., въ качествѣ профессорскаго стипендіата, на 1913—1914 учебный годъ, *іеромонаха Іеронима* (*Чернова*). Приказали: Согласно ходатайству Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: назначить на содержаніе профессорскаго стипендіата іеромонаха Іеронима, въ теченіе 1913—14 учебнаго года, *пятьсотъ рублей*, изъ кредита по Отд. 1 § 2 спеціальной смѣты расходовъ вѣдомства Святѣйшаго Синода; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Справка: Утвердительная резолюція Его Высокопреосвященства на представленіи Преосвященнаго Ректора Акаде-

міи, отъ 21 іюня с/г. за № 290, о назначеніи на одну изъ положенныхъ по § 76-му академическаго устава вакансій профессорскихъ стипендіатовъ для лицъ монашествующихъ окончившаго въ текущемъ году курсъ по первому разряду кандидата богословія *іеромонаха Іеронима* (*Чернова*), съ исходатайствованіемъ ему на 1913—1914 учебный годъ пособія изъ суммъ Святѣйшаго Синода въ размѣрѣ 500 рублей,— послѣдовала 25 іюня с/г. за № 3402.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „22 іюля 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 18 іюля за № 11266:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Іюня сего года за № 339, по постановленію Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи съ ходатайствомъ объ утвержденіи окончившаго въ текущемъ году академическій курсъ кандидата богословія *Θеодора Андреева* въ должности преподавателя названной Академіи по каѳедрѣ систематической философіи и логики, въ званіи и. д. доцента, съ начала будущаго учебнаго года, т. е. съ 16 Августа 1913 года. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить кандидата богословія Θеодора Андреева въ должности преподавателя названной академіи по каѳедрѣ систематической философіи и логики, въ званіи и. д. доцента, съ начала будущаго учебнаго года, т. е. съ 16 Августа 1913 года; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Объ утвержденіи кандидата богословія *Θ. К. Андреева*, съ 16 августа 1913 года, исправляющимъ должность доцента Академіи по каѳедрѣ систематической философіи и логики—внести въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

VII. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „3 авг. 1913. Въ Совѣтъ Академіи“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 27 іюля за № 11914:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 17 минувшаго Іюня за № 323, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о командированіи и. д. доцента сей академіи *Протасова*, съ ученою цѣлью, за границу на 1913—14 учебный годъ, съ сохраненіемъ за нимъ правъ службы и содержанія по должности доцента академіи, съ назначеніемъ ему дополнительнаго на время командировки содержанія и съ отпускомъ въ его распоряженіе особой суммы на пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ учебныхъ пособій для практическихъ занятій студентовъ академіи по исторіи христіанскаго искусства. Приказали: Обсудивъ настоящее представленіе Вашего Преосвященства, совокупно съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣту Императорской Московской духовной академіи командировать и. д. доцента сей академіи Протасова за границу, для научныхъ занятій, на 1913—14 учебный годъ, съ сохраненіемъ за нимъ получаемаго содержанія и съ зачетомъ времени его командировки въ дѣйствительную службу, 2) назначить Протасову дополнительное къ получаемому имъ доцентскому окладу жалованья вознагражденіе на время командировки, по бывшимъ примѣрамъ, въ размѣрѣ *шестисотъ рублей* изъ духовно-учебнаго капитала, по Отд. 1 § 1 ст. 2 спеціальной смѣты расходовъ вѣдомства Святѣйшаго Синода, и 3) ходатайство Совѣта названной академіи объ отпускѣ въ распоряженіе Протасова особой суммы на пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ учебныхъ пособій для практическихъ занятій студентовъ академіи по исторіи христіанскаго искусства отклонить, въ виду того, что на пополненіе академическихъ библіотекъ книгами и пособіями ассигнуются по смѣтамъ академій особые кредиты: о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ.

Опредѣлили: Содержаніе указа Святѣйшаго Синода за № 11914 объявить и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ церков-

ной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасову*, съ выдачею ему потребныхъ для заграничной командировки документовъ, и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ со стороны послѣдняго распоряженій.

VIII. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „21 авг. 1913. Въ Совѣтъ Императорской Московской Академіи для исполненія"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 19 августа за № 12924:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе за Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Товарища Оберъ-Прокурора, отъ 24 Іюля сего года № 26920, въ коемъ изложено, 1) что Государственный Секретарь, въ видахъ обезпеченія на будущее время постояннаго и правильнаго пополненія библіотеки Государственнаго Совѣта всѣми матеріалами и пособіями необходимыми для законодательныхъ работъ въ области церковно-государственныхъ вопросовъ, обратился съ ходатайствомъ о доставленіи въ библіотеку Государственнаго Совѣта изданій Святѣйшаго Синода, въ числѣ не менѣе двухъ экземпляровъ, и 2) что въ частности изъ числа этого рода изданій за прежніе годы Государственный Секретарь выражаетъ желаніе имѣть: а) матеріалы по вопросу о церковной реформѣ (отзывы епархіальныхъ архіереевъ и журналы засѣданій Высочайше учрежденнаго предсоборнаго присутствія); б) матеріалы по преобразованію духовно-судебной части (мнѣнія епархіальныхъ архіереевъ, а также духовныхъ консисторій относительно проекта сего преобразованія изд. 1874 г.); в) описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Синода, а также описанія документовъ архива Западно-Русскихъ уніатскихъ митрополитовъ, т. I и II: г) собраніе мнѣній и отзывовъ по церковно-государственнымъ вопросамъ Филарета, Митрополита Московскаго; д) собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго Исповѣданія; е) опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ указателями къ ней, и ж) отчеты Оберъ-Прокурора

Святѣйшаго Синода, а также повременныя изданія: „Церковныя Вѣдомости“, „Церковный Вѣстникъ“ и „Богословскій Вѣстникъ“. Приказали: Выслушавъ настоящее предложеніе, Святѣйшій Синодъ, на основаніи бывшихъ сужденій, опредѣляетъ: 1) поручить Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ сдѣлать распоряженіе а) о доставленіи въ библіотеку Государственнаго Совѣта имѣющихся въ настоящее время изъ упомянутыхъ изданій при Святѣйшемъ Синодѣ за прежніе годы въ количествѣ двухъ экземпляровъ и б) о доставленіи въ ту же библіотеку въ будущемъ печатныхъ изданій при Святѣйшемъ Синодѣ въ означенномъ количествѣ, и 2) поручить Вашему Преосвященству, Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому и Кіевскому и Преосвященному Казанскому сдѣлать распоряженіе *о доставленіи въ библіотеку Государственнаго Совѣта издающихся при Императорскихъ духовныхъ академіяхъ журналовъ* какъ за текущій годъ и въ будущее время, такъ, если окажется возможнымъ, и за прежніе годы, въ одномъ экземплярѣ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство, Преосвященныхъ Митрополитовъ С.-Петербургскаго и Кіевскаго и Преосвященнаго Казанскаго указами.“

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода сообщить, къ исполненію, редакціи академическаго устава „Богословскій Вѣстникъ“.

IX. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 31 мая, 5 и 7 іюня, за №№ 6, 7, 8 и 9: „17 іюня 1913. Исполнить“.

б) 10 іюня № 10: „3 іюля 1913. Исполнить“.

в) 10 іюня № 11: „25 іюня 1913. Исполнить“.

г) 10 іюня № 12: „25 іюня 1913. Согласенъ“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

X. Сообщеніе *Правленія Академіи*:

„Въ собраніи 6 марта 1909 года Правленіемъ Московской Духовной Академіи были выслушаны:

а) Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи

Г. Прокурора Московскаго Окружнаго Суда, отъ 24 февраля 1909 года за № 2626:

„На основаніи 1901 ст. I ч. X т. Свод. Закон. изд. 1900 года, препровождая при семъ выписку изъ представленнаго къ утвержденію въ Московскій Окружный Судъ духовнаго завѣщанія священника Алексѣя Александровича *Соболева*, имѣю честь увѣдомить Ваше Преосвященство, что душеприказчиками по сему завѣщанію состоятъ: протоіерей Угличскаго Богоявленскаго женскаго монастыря Константинъ Михайловичъ Ярославскій и крестьянинъ Николай Степановичъ Головновъ, жительство имѣютъ: 1-ый въ г. Угличѣ и 2-й въ деревнѣ Тифоницахъ, Ильинской волости, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи".

б) Выписка изъ духовнаго завѣщанія *священника Алексѣя Александровича Соболева*:

„.....половинную часть всего остальнаго капитала, какой окажется послѣ моей смерти, на учрежденіе двухъ стипендій моего имени для выдачи преимущественно уроженцамъ Ярославской губерніи бѣднѣйшимъ студентамъ Московской и С.-Петербургской Духовныхъ Академій по равной части на каждую стипендію".

Въ виду неопредѣленности извѣщенія Г. Прокурора, Правленіе Академіи, отношеніемъ отъ 21 марта 1909 года за № 136, просило перваго душеприказчика по завѣщанію—о. протоіерея Константина *Ярославскаго* „сообщить Правленію по возможности подробныя свѣдѣнія о личности завѣщателя, размѣрѣ причитающагося на долю Академіи капитала и о положеніи дѣла относительно утвержденія завѣщанія".

Отвѣта на означенное отношеніе со стороны о. протоіерея Ярославскаго не послѣдовало.—Между тѣмъ до Академіи стали доходить слухи, что завѣщаніе священника Соболева уже утверждено и денежныя суммы находятся въ распоряженіи душеприказчиковъ.—Тогда Преосвященный Ректоръ Академіи счелъ своимъ долгомъ обратиться къ Высокопреосвященному Тихону, Архіепископу Ярославскому и Ростовскому, съ письмомъ отъ 14 августа 1910 года за № 372, въ коемъ, изложивъ обстоятельства дѣла, просилъ Его Высокопреосвященство „оказать Академіи свое Архипастырское содѣй-

ствіе и побудить о. протоіерея Ярославскаго къ исполненію его долга по отношенію къ ней".

Въ отвѣтъ на это письмо Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Тихономъ, при отношеніи отъ 4 октября 1910 года за № 13351/71109, препровожденъ былъ Преосвященному Ректору Академіи (въ копіи) *рапортъ о. протоіерея Ярославскаго* на имя Ярославской Духовной Консисторіи, отъ 16 сентября 1910 года, слѣдующаго содержанія:

„Вслѣдствіе указа Ярославской Духовной Консисторіи отъ 27 августа 1910 г. за № 11542/071109 почтительнѣйше сообщаю слѣдующее. Духовное завѣщаніе священника (умершаго въ санѣ протоіерея) Алексѣя Соболева Окружнымъ Судомъ утверждено и нѣкоторая часть суммъ, именно опредѣленно означенныхъ въ его завѣщаніи, выдана разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Но затѣмъ въ виду возникшихъ заявленій устныхъ и письменныхъ, чрезъ подлежащія правительственныя учрежденія, о выдачѣ тѣмъ же лицамъ и учрежденіямъ дополнительныхъ суммъ и даже объ измѣненіи назначеній завѣщанныхъ суммъ, на основаніи дополнительнаго завѣщанія протоіерея А. Соболева, произошла пріостановка выдачъ суммъ, какъ опредѣленно означенныхъ въ его завѣщаніи, такъ, тѣмъ болѣе, неопредѣленно означенныхъ, о коихъ въ завѣщаніи сказано, напримѣръ: „выдать четвертую, половинную часть остальнаго капитала."—Въ виду невозможности опредѣленно установить: какой останется капиталъ послѣ удовлетворенія всѣхъ учрежденій и лицъ, коимъ завѣщаны опредѣленныя суммы, какъ ранѣе не было возможности, такъ и въ настоящее время представляется невозможнымъ произвести выдачу суммы на стипендію протоіерея Алексѣя Соболева въ Московскую Духовную Академію. Доставка изъ „остальнаго капитала" суммъ на стипендіи произведена будетъ послѣ безспорнаго удовлетворенія всѣхъ учрежденій и лицъ, получающихъ по завѣщанію опредѣленныя суммы".

Прошло еще 2½ года, а суммъ на учрежденіе при Академіи стипендіи имени протоіерея Соболева въ Правленіе Академіи по прежнему не поступало.—Тогда Правленіе рѣшило обратиться ко второму душеприказчику—крестьянину Николаю *Головнову* и отношеніемъ отъ 26 марта текущаго 1913 года за № 453 просило его вступиться въ дѣло и при-

нять съ своей стороны какія-либо мѣры къ исполненію воли завѣщателя.

Письмомъ отъ 26 мая с./г. крестьянинъ Головновъ увѣдомилъ Правленіе, что, послѣ личныхъ переговоровъ и письменныхъ запросовъ къ о. протоіерею Ярославскому, онъ, Головновъ, все-таки „ничего удовлетворительнаго отвѣтить не можетъ“ и „въ виду неопредѣленности положенія рѣшилъ обратиться съ прошеніемъ къ Высокопреосвященному Архіепископу Тихону Ярославскому и Ростовскому,“ присовокупивъ, что по приблизительному разсчету, насколько онъ можетъ судить, сумма, причитающая на долю Московской Духовной Академіи „должна быть не менѣе 4700 рублей процентными бумагами“.

Наконецъ, по прошествіи свыше 4-хъ лѣтъ послѣ смерти завѣщателя, отъ душеприказчика—протоіерея Угличскаго Богоявленскаго женскаго монастыря Константина *Ярославскаго* поступило въ Правленіе Академіи отношеніе, отъ 18 іюня текущаго 1913 года, слѣдующаго содержанія:

„Въ духовномъ завѣщаніи священника (умершаго въ санѣ протоіерея) церкви села Ильинскаго въ Порѣчьѣ, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Алексѣя Александровича Соболева, между прочимъ, сообщается въ пунктѣ 17, б:..... „половинную часть на учрежденіе двухъ стипендій моего имени для выдачи преимущественно уроженцамъ Ярославской губерніи бѣднѣйшимъ студентамъ Московской и С.-Петербургской Духовныхъ Академій по равной части на каждую стипендію“, и, далѣе, въ пунктѣ 18: „Всѣ денежныя выдачи, перечисленныя съ перваго по семнадцатый пунктъ сего завѣщанія включительно, должны быть произведены процентными бумагами по номинальной ихъ стоимости, которыя и должны быть внесены въ одно изъ кредитныхъ учрежденій вкладами на храненіе, съ которыхъ и выдавать только проценты учрежденіямъ, священнослужителямъ..... церквей и монастырей въ ихъ пользу за вѣчное поминовеніе меня,—Іерея Алексѣя, Анны, Протоіерея Александра, Екатерины, Протоіерея Гавріила и сродниковъ моихъ“.

Въ рапортѣ моемъ на имя Ярославской Духовной Консисторіи отъ 16 сентября 1910 года сообщено было для извѣщенія Московской Духовной Академіи, что до времени удовлетворенія всѣхъ учрежденій и лицъ, коимъ завѣщаны

опредѣленныя суммы, невозможно опредѣленно установить — какой останется капиталъ на учрежденіе означенныхъ двухъ стипендій.—Въ настоящее время представляется возможнымъ въ возмѣщеніе означенной половинной части на учрежденіе двухъ стипендій умершаго протоіерея Алексѣя Александровича Соболева въ Московской и С.-Петербургской Духовныхъ Академіяхъ представить (и представляется) въ Императорскую Московскую Духовную Академію двѣ тысячи пятьсотъ (2500) рублей процентными бумагами съ покорнѣйшей просьбою выслать расписку въ полученіи. Остальная сумма, какая окончательно будетъ установлена въ дополненіе той же стипендіи имени протоіерея Алексѣя Соболева при Московской Духовной Академіи послѣ безспорнаго удовлетворенія всѣхъ учрежденій, коимъ завѣщаны опредѣленныя суммы, будетъ высылаться по частямъ до полнаго возмѣщенія означенной стипендіи: послѣ чего окончательно и выяснится весь размѣръ причитающагося на долю Московской Духовной Академіи стипендіатскаго капитала".

Въ дополненіе къ представленнымъ при означенномъ отношеніи шести свидѣтельствамъ Государственной 4% ренты (съ купонами на срокъ 1 сентября 1913 года) на номинальную сумму 2500 рублей о. протоіереемъ Ярославскимъ послѣдовательно были высланы въ Правленіе Академіи при отношеніяхъ: *отъ 1 іюля с. г.*—одно таковое же свидѣтельство во 100 рублей, *отъ 18 іюля*—десять свидѣтельствъ на сумму 1300 рублей, *отъ 26 іюля*—три свидѣтельства на сумму 300 рублей и *отъ 29 іюля, „въ окончательное дополненіе стипендіи имени протоіерея церкви села Ильинскаго въ Порѣчьѣ, Угличскаго уѣзда, Ярославской епархіи, Алексѣя Александровича Соболева"*—два свидѣтельства на сумму 400 рублей, одинъ купонъ отъ свидѣтельства Государственной 4% ренты въ (10 рублей, а за вычетомъ 5% государственнаго налога) 9 р. 50 к. и наличными деньгами—37 копѣекъ.

Такимъ образомъ размѣръ неприкосновеннаго капитала имени протоіерея А. Соболева опредѣляется нынѣ въ слѣдующихъ суммахъ: а) свидѣтельствами Государственной 4% ренты (съ купонами на срокъ 1 сентября 1913 года), по номинальной ихъ стоимости,—*четыре тысячи шестьсотъ рублей (4600 р.)* и б) наличными деньгами—*девять рублей восемьдесятъ семь копѣекъ (9 р. 87 к.).*

Академическое Правленіе долгомъ считаетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи,—на предметъ возбужденія, установленнымъ порядкомъ, ходатайства объ учрежденіи при Академіи стипендіи имени завѣщателя".

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Императорской Московской Духовной Академіи стипендіи для студентовъ Академіи имени покойнаго *о. протоіерея* села Ильинскаго въ Порѣчьѣ, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи, *Алексѣя Соболева* и объ утвержденіи нижеслѣдующаго проекта положенія объ ней:

§ 1.

На проценты съ капитала, поступившаго по духовному завѣщанію покойнаго о. протоіерея села Ильинскаго въ Порѣчьѣ, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Алексѣя Александровича Соболева, и заключающагося въ свидѣтельствахъ Государственной 4% ренты на сумму (по номинальной стоимости) *четыре тысячи шестьсотъ рублей (4600 р.)*, учреждается при Императорской Московской Духовной Академіи стипендія имени завѣщателя—*о. протоіерея Алексѣя Соболева.*

§ 2.

Капиталъ этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Императорской Московской Духовной Академіи и хранится вмѣстѣ съ прочими ея капиталами, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3.

Стипендія, въ размѣрѣ ежегодныхъ процентовъ съ неприкосновеннаго капитала (нынѣ—*174 р. 80 к.*), назначается Правленіемъ Академіи въ началѣ каждаго учебнаго года одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ Академіи, преимущественно уроженцу Ярославской губерніи.

§ 4.

Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ этому послѣднему для увеличенія размѣровъ стипендіи.

§ 5.

Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

XI. Отношеніе *Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія*, отъ 14 августа за № 79:

„Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія, имѣя праздновать 17 сентября сего 1913 года пятидесятилѣтіе своего существованія въ Москвѣ, надѣется, что Императорская Московская Духовная Академія раздѣлитъ съ нимъ Юбилейное торжество.

Программа празднества такова.

1) 16 сентября, въ 6 часовъ вечера совершеніе всенощнаго бдѣнія въ Князе-Владимірской церкви Епархіальнаго дома и затѣмъ панихида по усопшимъ членамъ Общества.

2) 17 сентября, въ 9 часовъ утра совершеніе Божественной Литургіи и послѣ нея Благодарственнаго молебствія въ томъ же храмѣ.

3) осмотръ Епархіальной Библіотеки и Церковнаго Музея при ней.

4) вечеромъ, въ 7 часовъ, торжественное собраніе въ Большомъ залѣ Епархіальнаго дома.

Предметы собранія:

а) вступительная рѣчь; б) чтеніе исторической записки; в) рѣчь о задачахъ Общества; г) чтеніе привѣтствій, пріемъ депутацій и отдѣльныхъ представленій.

Если Императорской Московской Духовной Академіи будетъ угодно почтить этотъ праздникъ назначеніемъ депутаціи, то Совѣтъ Общества покорнѣйше проситъ Академію сообщить о семъ заблаговременно".

Опредѣлили: Поручить Преосвященному Ректору Академіи привѣтствовать Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его существованія, телеграммою отъ имени Совѣта Академіи.

XII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ церковнаго права *Н. Д. Кузнецова:*

„Опытъ обнаружилъ большія затрудненія при совмѣщеніи чтенія лекцій въ Академіи по должности доцента съ судебной и общественной дѣятельностью, причемъ отъ послѣдней въ настоящее время я не считаю возможнымъ отказаться. Поэтому покорнѣйше прошу уволить меня отъ должности доцента Академіи по каѳедрѣ церковнаго права".

Справка: По § 109 лит. *в.* п. 2 устава духовныхъ академій „увольненіе отъ службы доцентовъ и профессоровъ“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи и. д. доцента по каѳедрѣ церковнаго права *Н. Д. Кузнецова*, согласно его прошенію, отъ занимаемой имъ при Академіи должности.

XIII. Прошеніе законоучителя Минской мужской гимназіи, *протоіерея Димитрія Садовскаго:*

„Честь имѣю представить въ Совѣтъ Академіи (въ печатномъ видѣ) диссертацію свою, подъ заглавіемъ: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ“, переработанную и исправленную на основаніи постановленія Совѣта Академіи, отъ 16 марта 1911 года. При семъ прилагаю еще „Проповѣди блаж. Августина“,—переводъ съ латинскаго языка на русскій“.

Справка: Въ собраніи 16 марта 1911 года Совѣтомъ Академіи, по выслушаніи отзывовъ бывшаго Преосвященнаго Ректора Академіи *Епископа Евдокима* и ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева* о представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія сочиненіи о. инспектора Тобольской духовной семинаріи *протоіерея Димитрія Садовскаго* подъ заглавіемъ: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ“, постановлено было: „Магистерскую диссертацію инспектора Тобольской духовной семинаріи протоіерея Димитрія Садовскаго возвратить автору для исправленія согласно замѣчаніямъ, изложеннымъ въ отзывахъ рецензентовъ, предложивъ ему, въ случаѣ согласія, за болѣе подробными руководственными указаніями обратиться къ ординарному профессору Академіи М. М. Тарѣеву“.

Опредѣлили: Представленные о. законоучителемъ Минской мужской гимназіи протоіереемъ Димитріемъ Садовскимъ печатные труды передать для разсмотрѣнія и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ пастырскаго богословія съ аскетикой и гомилетики *В. И. Виноградову*.

XIV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ представленныхъ протоіереемъ Димитріемъ Садовскимъ на соисканіе степени магистра богословія печатныхъ трудовъ онъ назначаетъ члена Совѣта—ординарнаго профессора Академіи *М. М. Тарѣева*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XV. Прошеніе о. законоучителя Московскаго Александровскаго Института, *священника Николая Виноградова*:

„Почтительнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи дать надлежащее движеніе моему исагогико-экзегетическому изслѣдованію: „Книга пророка Аггея“, представляемому въ рукописи на соисканіе степени магистра богословія“.

Справка: Священникъ Николай *Виноградовъ* окончилъ курсъ Московской Духовной Академіи въ 1911-мъ году, со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацію о. законоучителя Московскаго Александровскаго Института священника Николая Виноградова передать для разсмотрѣнія и. д. доцента Академіи по 2-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *іеромонаху Варѳоломею (Ремову)*.

XVI. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертаціи священника Николая Виноградова онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора по 1-й каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *священника Д. В. Рождественскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVII. Отношеніе Воронежскаго Сельскохозяйственнаго Института Императора Петра I, отъ 26 августа за № 1229:

„Воронежскій Сельскохозяйственный Институтъ Императора Петра I обращается къ Академіи съ покорнѣйшею просьбою не отказать высылать ему безвозмездно „Бого-

словскій Вѣстникъ“ въ теченіе 1913 года и слѣдующихъ лѣтъ“.

Опредѣлили: Поручить редакціи академическаго журнала высылать въ Воронежскій Сельскохозяйственный Институтъ „Богословскій Вѣстникъ“ въ обмѣнъ на изданія Института.

XVIII. Отношеніе Правленія Таврической духовной семинаріи, отъ 23 августа за № 1158:

„Правленіе Таврической духовной семинаріи покорнѣйше проситъ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи прислать во временное пользованіе преподавателя Таврической духовной семинаріи, по каѳедрѣ церковно-практическихъ предметовъ, священника Пантелеймона Медвѣдкова, свѣтовыя картины (*діапозитивы*) для волшебнаго фонаря, которыми покойный профессоръ Московской Духовной Академіи Александръ Петровичъ Голубцовъ иллюстрировалъ свои лекціи по Исторіи христіанскаго храма (внѣшній и внутренній видъ античнаго дома, виды катакомбъ, виды древнѣйшихъ христіанскихъ храмовъ, виды фресковой живописи и проч.). Означенныя картины нужны для иллюстраціи чтеній воспитанникамъ семинаріи и при религіозно-нравственныхъ чтеніяхъ, организованныхъ въ настоящемъ году въ г. Симферополѣ Преосвященнымъ Димитріемъ, Епископомъ Таврическимъ и Симферопольскимъ. Если къ 1-му Октября Совѣтъ Академіи соблаговолитъ выслать картины, Правленіе семинаріи обязуется къ 1-му Ноября с. г. возвратить ихъ Совѣту Академіи“.

Опредѣлили: Не находя возможнымъ подвергать крайне необходимые при преподаваніи церковной археологіи діапозитивы опасностямъ дальней пересылки по почтѣ, — просьбу Правленія Таврической духовной семинаріи отклонить.

XIX. Отношенія:

а) Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, отъ 28 іюня за № 1115, съ возвращеніемъ рукописей академической библіотеки подъ №№ 137 и 175.

б) Управленія Московской Синодальной Типографіи, отъ 19 іюня за № 5160, съ возвращеніемъ рукописей Волоколамской библіотеки подъ №№ 491, 534 и 562.

в) Г. Директора Императорскаго Археологическаго Института въ г. Москвѣ, отъ 8 іюня за № 5240, съ возвращеніемъ рукописей академической библіотеки подъ №№ 191 и 194.

г) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 5 іюня и 5 августа за №№ 1193 и 1551, съ увѣдомленіемъ о полученіи книгъ и рукописей, возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніяхъ отъ 24 іюня и 10 іюля за №№ 299 и 381.

д) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 17 іюня за № 1060, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Лаврской библіотеки подъ №№ 530 и 532.

е) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 6 и 17 іюля за №№ 1200 и 1262, съ препровожденіемъ рукописей Лаврской библіотеки подъ №№ 145, 156, 163, 167; 13, 107, 157 и 669.—Всѣ означенныя рукописи, по использованіи, возвращены уже въ Духовный Соборъ Лавры и въ полученіи ихъ имѣются увѣдомленія Собора отъ 17 іюля и 7 августа за №№ 1263 и 1365.

ж) О. Настоятеля Волоколамскаго Іосифова монастыря, отъ 28 іюня за № 94, съ препровожденіемъ рукописи монастырской библіотеки подъ № 664 (сборникъ).

з) Графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой, отъ 5 іюля, и о. завѣдующаго Хлудовской библіотекой рукописей и старопечатныхъ книгъ, отъ 3 іюля за № 134,—съ увѣдомленіемъ о неимѣніи съ ихъ стороны препятствій къ продленію срока пользованія рукописями, высланными для научныхъ занятій доцента Академіи Н. Л. Туницкаго.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XX. Отношенія *Учебнаго Комитета* при Святѣйшемъ Сунодѣ:

а) Отъ 18 іюля за № 2611:

„Учебный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи, что препровожденные при отношеніи Совѣта означенной Академіи, отъ 9 іюля с. г. за № 376, документы 49 воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ текущемъ году, и 2 воспитанниковъ, окончившихъ въ 1912 г., въ Комитетѣ получены“.

б) Отъ 7 августа за № 2767:

„По встрѣтившейся надобности Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи сообщить Комитету, въ возможно непродолжительномъ времени, свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Сколько было учащихся въ Академіи къ 1 января 1913 г., по возрастамъ (приблизительно)?

2) Занимаются ли вообще физическими упражненіями учащіеся и какими именно?

3) Проходится ли въ Академіи регулярный курсъ гимнастики и, въ утвердительномъ случаѣ,—а) кто руководитъ занятіями? б) по какой программѣ и какова продолжительность урока, годовое число подобныхъ уроковъ и т. д.?

4) Организованъ ли надзоръ врача за физическими упражненіями учащихся и какія получились данныя по вопросу о вліяніи физическихъ упражненій на физическое и нравственное развитіе учащихся?"

Справка: На означенный запросъ Учебному Комитету при Святѣйшемъ Сѵнодѣ, отношеніемъ отъ 10 августа за № 412, сообщено, что къ 1-му января 1913 года въ Академіи числилось 235 студентовъ (въ томъ числѣ 29 лицъ въ священномъ санѣ); большинство—въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ; семейные же священнослужители поступали въ Академію въ болѣе зрѣломъ возрастѣ (до 40 лѣтъ); общихъ физическихъ упражненій для студентовъ въ Академіи не организовано; равно не проходится и регулярнаго курса гимнастики.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XXI. Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи *іеромонаха Іеронима (Чернова)*:

„Имѣю честь просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать мое кандидатское сочиненіе „Пророкъ Исаія и его время" на предметъ соисканія ученой степени магистра богословія".

Опредѣлили: Дозволить *іеромонаху Іерониму (Чернову)* переработать его кандидатское сочиненіе на тему: „Пророкъ Исаія и его время"—въ магистерскую диссертацію, о чемъ,

согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 года за № 2565, и представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XXII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что студенты: III курса—*Берниковъ* Сергѣй, II курса—*Загорскій* Александръ и *Орловъ* Антоній, I курса—іеромонахъ *Серафимъ (Страховъ)*, священникъ Серафимъ *Ляде* и черногорскій уроженецъ Спасъ *Поповичъ*—сдали отложенныя имъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10 іюня с./г., на послѣканикулярное время устныя испытанія по одному или всѣмъ предметамъ соотвѣтствующихъ курсовъ, представили неподанныя своевременно письменныя работы и получили какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ отмѣтки не ниже удовлетворительныхъ.

Справка: По § 109 лит. *а* п. 14 устава духовныхъ академій „переводовъ студентовъ изъ курса въ курсъ" значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Студентовъ: III курса — Сергѣя *Берникова*, II курса—Александра *Загорскаго* и Антонія *Орлова*, I курса—священника Серафима *Ляде*, черногорскаго уроженца Спаса *Поповича* и іеромонаха *Серафима* (*Страхова*)—перевести въ слѣдующіе курсы и дать соотвѣтствующія ихъ успѣхамъ и поведенію мѣста въ разрядныхъ спискахъ.

XXIII. а) Прошеніе студента III курса *Александра Любимова*:

„Покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство разрѣшить мнѣ проживать сей 1913—14 г. на частной квартирѣ. Къ этой просьбѣ меня заставляетъ обращаться мое разстроенное здоровье, для поправки котораго, по совѣту докторовъ, мнѣ необходимо полное спокойствіе. Къ сему прошенію прилагаю свидѣтельство отъ доктора о моемъ разстроенномъ здоровьѣ".

б) Свидѣтельство доктора медицины, Коллежскаго Совѣтника *П. Г. Розанова*:

„Дано это для представленія въ Совѣтъ г.г. Профессоровъ Московской Духовной Академіи и въ удостовѣреніе того, что студентъ III курса названной Академіи Александръ Павловичъ Любимовъ 24 лѣтъ дѣйствительно страдаетъ общимъ упадкомъ силъ, соединеннымъ съ крайнею возбудительностью нервной системы (Nevrastenia), въ виду чего ему, г. Любимову, рекомендуется, какъ важная профилактическая мѣра, проживаніе не въ академическомъ общежитіи, а въ частной квартирѣ и притомъ такой, которая обезпечивала бы ему необходимыя уединеніе и спокойствіе при учебныхъ занятіяхъ“.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода на имя Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, отъ 12 октября 1906 года за № 11174, Совѣту Кіевской Духовной Академіи представлено „право разрѣшать студентамъ сей Академіи, не имѣющимъ въ г. Кіевѣ родителей и состоящихъ на казенномъ содержаніи, въ исключительно важныхъ случаяхъ, напримѣръ, болѣзни, нервнаго разстройства, надлежаще удостовѣренныхъ, проживать на частныхъ квартирахъ и получать на руки стипендіальныя деньги, съ тѣмъ, однако, чтобы студенты, перешедшіе съ разрѣшенія Совѣта на квартиру, въ томъ же учебномъ году не возбуждали ходатайства о перемѣщеніи ихъ обратно въ академическій корпусъ“.

Опредѣлили: По вниманію къ засвидѣтельствованному врачемъ болѣзненному состоянію студента III курса Александра Любимова и примѣнительно къ изложенному въ справкѣ указу Святѣйшаго Синода отъ 12 октября 1906 года за № 11174, - разрѣшить *Любимову* жить внѣ академическаго общежитія, на частной квартирѣ,—о чемъ и представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „16 сент. 1913. Исполнить“.

5 сентября 1913 года.

№ 15.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій и А. А. Спасскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ и С. И. Смирновъ.

Въ собраніи семъ исправляющій должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, кандидатъ богословія, *Николай Протасовъ* защищалъ на коллоквіумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію подъ заглавіемъ: „Св. Ап. Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы. Историко-экзегетическій анализъ содержанія XXV и XXVI главъ книги Дѣяній по греческому тексту“. Москва, 1913 г.

Оффиціальными оппонентами были: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Академіи *М. Д. Муретовъ* и экстраординарный профессоръ *священникъ В. Н. Страховъ*.

По окончаніи коллоквіума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта—достойнымъ утвержденія въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи.

Справка: 1) По § *172* устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ

§ 171 испытаній".- 2) По § *67* того же устава: „Для полученія должности доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія".—3) По § *109* лит. *в.* п. 6 и 2 устава, какъ „удостоеніе степени магистра богословія", такъ и „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ" –значатся въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, *Н. Д. Протасова* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертаціи кандидата Протасова и копіи съ отзывовъ о ней сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Страхова.*

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „16 сент. 1913. Исполнить. Представленіе Святѣйшему Синоду изготовить".

27 сентября 1913 года.

№ 16.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, ординарные профессоры—М. М. Богословскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры —С. И. Соболев-

скій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ и священникъ В. Н. Страховъ.

Въ собраніи семъ имѣли сужденіе объ избраніи *Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Митрополита Московскаго и Коломенскаго,*—во уваженіе къ выдающейся миссіонерской дѣятельности Его Высокопреосвященства и Архипастырской попечительности о преуспѣяніи духовнаго просвѣщенія,—въ званіе Почетнаго Члена Императорской Московской Духовной Академіи.

Справка: По § 109 лит. *в* п. 1 устава духовныхъ академій „избраніе въ званіе почетныхъ членовъ Академіи лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному просвѣщенію или прославившихся своими заслугами предъ св. Церковью и учеными трудами“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Почтительнѣйше просить Почетнаго Члена Императорской Московской Духовной Академіи—Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, Первенствующаго Члена Святѣйшаго Синода,—принять на себя трудъ ходатайства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи *Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Митрополита Московскаго и Коломенскаго*, согласно единодушному избранію Совѣта, въ званіи Почетнаго Члена Императорской Московской Духовной Академіи.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, Первенствующаго Члена Святѣйшаго Синода: „1913 г. Окт. 9. Войти—и нынѣ же вхожу—съ таковымъ ходатайствомъ въ Св. Сѵнодъ“.

27 сентября 1913 года.

№ 17.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Акаде-

міи архимандритъ Иларіонъ, ординарные профессоры—М. М. Богословскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ и А. А. Спасскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ и священникъ В. Н. Страховъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1913 г. Сент. 23. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 21 сентября за № 14991:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, отъ 10 Сентября сего года за № 1279/8378, по ходатайству Совѣта Императорской С.-Петербургской духовной академіи объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Московской духовной академіи *священника Владиміра Зыкова* въ должности штатнаго преподавателя въ С.-Петербургской духовной академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка съ Библейской Археологіей и Библейской исторіи въ связи съ исторіей древняго міра. Приказали: Согласно настоящему представленію Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго и ходатайству Совѣта Императорской С.-Петербургской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: и. д. доцента Императорской Московской духовной академіи, священника Владиміра Зыкова утвердить въ должности штатнаго преподавателя въ С.-Петербургской духовной академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка съ Библейской Археологіей и Библейской исторіи въ связи съ исторіей древняго міра, о чемъ и послать Преосвященному Митрополиту С.-Петербургскому и Вашему Преосвященству указы".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣ-

дѣнію и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

II. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 2 сентября, № 13: „16 сент. 1913. Исполнить".

б) 2 сентября, № 14: „16 сент. 1913. Исполнить".

в) 5 сентября, № 15: „16 сент. 1913. Исполнить. Представленіе Святѣйшему Синоду изготовить".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

III. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Въ виду имѣющаго быть 1-го октября сего года торжественнаго акта въ Академіи, честь имѣю предложить Совѣту Академіи войти въ разсужденіе объ избраніи лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному просвѣщенію или прославившихся своими заслугами предъ св. Церковью и учеными трудами,—въ званіе почетныхъ членовъ Академіи".

Справка: 1) По § 10 устава духовныхъ академій—„Академіи имѣютъ право избирать достойныхъ лицъ въ званіе своихъ почетныхъ членовъ на основаніи сего устава".—2) По § 109 лит. *в* п. 1 того же устава „избраніе въ званіе почетныхъ членовъ Академіи" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Избрать и просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи въ званіи Почетныхъ Членовъ Академіи:

1) Преосвященнаго *Евдокима*, Епископа Каширскаго, викарія Тульской епархіи,—во уваженіе свыше десятилѣтняго служенія его Академіи въ должностяхъ инспектора и ректора и непрерывной широкой религіозно-просвѣтительной дѣятельности, и

2) Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Тайнаго Совѣтника, Александра Андреевича *Тихомирова*,—во вниманіе къ его ученой и общественной дѣятельности въ духѣ строгой церковности и христіанскаго ученія.

IV. Отзывы о сочиненіи профессора Московской Консерваторіи и преподавателя Синодальнаго училища церковнаго пѣнія, *протоіерея* Казанскаго собора *Василія Металлова* подъ заглавіемъ: „Богослужебное пѣніе русской церкви въ періодъ домонгольскій по историческимъ, археологическимъ и палеографическимъ даннымъ.“ Часть I и II съ приложеніемъ 12 таблицъ (Facsimile) снимковъ съ рукописей X—XI—XII вв.“ М. 1912 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія

1) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора Академіи по каѳедрѣ педагогики *А. П. Шостьина:*

„Представленное для соисканія степени магистра богословія сочиненіе о. протоіерея Металлова неоднократно было на разсмотрѣніи компетентныхъ рецензентовъ и удостоилось отъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ преміи митрополита Макарія и отъ Императорской Академіи Наукъ почетнаго отзыва. Въ настоящемъ своемъ видѣ оно является въ печати уже вторымъ изданіемъ (первое было въ 1907 году). Все это можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ за научную серьезность и глубокую основательность, а также и несомнѣнный интересъ даннаго труда. Но нагляднѣе всего насъ убѣдитъ въ этомъ ближайшее разсмотрѣніе самаго содержанія его.

Изъ XVII-ти главъ книги, въ первыхъ шести главахъ, составляющихъ I-ю ея часть, авторъ излагаетъ происхожденіе русскаго церковнаго пѣнія, въ остальныхъ одиннадцати главахъ—состояніе богослужебнаго церковнаго пѣнія въ періодъ домонгольскій Русской церкви. Часть 1-я обнимаетъ страницы 1—133, часть 2 я стрр. 137—344; стрр. I—XIV составляютъ предисловіе.

Въ *предисловіи* авторъ объясняетъ, во 1-хъ, какъ относится область богослужебнаго пѣнія къ богословскимъ дисциплинамъ, въ какой связи находится съ ними и какую имѣетъ научно-богословскую цѣнность,—во 2-хъ выясняетъ, въ чемъ состоитъ особый научный интересъ богослужебнаго пѣнія русской церкви въ домонгольскій періодъ, и отмѣчаетъ особенности своихъ взглядовъ на вопросъ въ сравненіи съ своими предшественниками въ той же области, протоіереемъ Д. В. Разумовскимъ и С. В. Смоленскимъ. Въ первомъ отношеніи богослужебныя пѣснопѣнія по тексту своему являются носителями и выразителями догматическихъ и нравственно-

аскетическихъ христіанскихъ идей и, кромѣ того, самымъ тѣснѣйшимъ образомъ вплетаются въ христіанскій ритуалъ, развиваясь и восполняясь совмѣстно съ уставною частью христіанскаго богослуженія и находя себѣ въ немъ достойное мѣсто наравнѣ съ символикой и иконографіей. Поэтому и литургическіе памятники и отеческія свидѣтельства въ этомъ отношеніи почти всегда суть памятники и свидѣтельства и христіанскаго богослужебнаго пѣнія. Таковы: *Διδαχὴ*, *Διαταγαί*, каноны соборные, типики, евхологіи, обиходники, чиновники и проч. Иностранная литература по этимъ вопросамъ довольно солидна, русская же можетъ остановиться только пока на именахъ прот. Разумовскаго и Смоленскаго. Настоящее сочиненіе направлено къ тому, чтобы по мѣрѣ возможности восполнить этотъ недостатокъ. Во второмъ отношеніи мысль автора сводится къ тому положенію, что вопросу о домонгольскомъ русскомъ церковномъ пѣніи принадлежитъ въ исторіи этого пѣнія центральное положеніе. Здѣсь сосредоточенъ и вопросъ о началѣ и происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія и вопросъ объ историческихъ и генетическихъ условіяхъ дальнѣйшаго образованія и развитія его до позднѣйшаго времени; словомъ, это вопросъ въ данной области кардинальный. Въ отношеніи двоихъ своихъ предшественниковъ, прот. Разумовскаго и Смоленскаго, авторъ рѣшаетъ его ближе къ мнѣнію перваго, а не второго, съ тѣмъ различіемъ, что въ то время, какъ прот. Разумовскій лишь намѣчаетъ рѣшеніе въ общихъ чертахъ и положеніяхъ, нашъ авторъ беретъ вопросъ широко и обсуждаетъ его разносторонне, какъ на основаніи греческихъ и славянскихъ источниковъ, такъ и на основаніи новѣйшихъ розысканій иностранныхъ ученыхъ, такъ равнымъ образомъ и на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и изысканій въ области рукописныхъ матеріаловъ, главнымъ образомъ славяно русскихъ и преимущественно домонгольскаго періода, каковыхъ обозрѣно болѣе 25, и затѣмъ рукописей позднѣйшихъ, каковыхъ весьма значительное число, имѣвшихъ однако же въ работѣ вспомогательное значеніе по сравненію съ рукописями первыми. Соглашаясь съ мнѣніемъ прот. Разумовскаго, что напѣвы русской церкви домонгольскаго періода суть напѣвы греко-славянскіе, и отклоняя мнѣніе Смоленскаго, что они суть чисто русской выработки, вмѣстѣ съ самой симіографіей,—авторъ устанавливаетъ ту точку зрѣнія, что

церковное пѣніе домонгольскаго періода есть пѣніе греко-славянское, но не все цѣликомъ, а такимъ образомъ, что кондакарное пѣніе—византійскаго происхожденія, или, точнѣе, византійско-аѳонскаго, а знаменное пѣніе—греко-славянскаго, но не византійскаго, а греко-сирійскаго (хотя и не безъ вліянія того же византійскаго), но переработаннаго въ славянскихъ земляхъ и отчасти на Руси. Это видно изъ того, что симіографія русская сходна съ греко-сирійскою, а не съ византійскою, что строй мелодій знаменнаго пѣнія сходенъ съ восточнымъ арабо-сирійскимъ, а не съ византійскимъ, и что вліяніе Востока на Русь, въ отношеніи уставовъ богослужебныхъ чиновъ и напѣвовъ, было не менѣе сильно, чѣмъ вліяніе Византіи. Исходнымъ пунктомъ для Руси распространенія заимствованнаго отъ славянъ и грековъ, съ Востока и изъ Византіи, чрезъ Аѳонъ, богослужебнаго пѣнія и его симіографіи былъ Кіевъ съ его Лаврою, откуда оно шло въ Переяславль, Новгородъ, Суздаль, Смоленскъ, Владиміръ и Москву, а отсюда по всей широкой Руси. Пѣніе домонгольскаго періода носило на себѣ всѣ черты напѣва греко-славянскаго, съ его симіографіей, и можетъ быть названо малымъ знаменнымъ распѣвомъ; пѣніе же развившееся въ Москвѣ и оттуда распространившееся по всей Руси донынѣ, должно именоваться большимъ знаменнымъ распѣвомъ, чисто великорусскаго типа и симіографіи, съ своеобразными особенностями текста раздѣльнорѣчнаго и праворѣчнаго. Это дѣйствительно чисто русское новообразованіе въ знаменномъ распѣвѣ и русское достояніе въ богослужебномъ пѣніи русской церкви. Русскій характеръ этого пѣнія отражается какъ въ напѣвахъ и своеобразномъ строѣ звукоряда, въ осмогласіи и попѣвкахъ или, по старой терминологіи, въ „согласіи“, такъ и въ своеобразной симіографіи великорусской, отличной во многомъ отъ симіографіи домонгольскаго періода, греко-русской. Вотъ основныя положенія, выдвинутыя авторомъ по сравненію съ своими предшественниками, и развитыя подробно затѣмъ въ изслѣдованіи, въ семнадцати главахъ.

Въ частности, во *введеніи* авторъ касается того явленія, что музыка и пѣніе и въ мірѣ христіанскомъ и дохристіанскомъ составляли неотъемлемую принадлежность религіознаго культа и соотвѣтствующаго ритуала и что древнехристіанская музыка и пѣніе, какъ принадлежность богослуженія, стояли въ тѣсной связи съ еврейской и греко римской

музыкой и пѣніемъ, откуда получили и напѣвы и теоретическое гласовое устройство, и что христіанское церковно-пѣвческое творчество, хотя и составляло рѣшительный шагъ впередъ и крутой поворотъ въ сторону новаго одухотвореннаго направленія, все-же въ основѣ своей покоилось на предыдущихъ данныхъ. Христіанскій греко-римскій міръ въ этомъ отношеніи утверждался на основахъ музыки, общихъ всему человѣчеству, хотя и воспринималъ нерѣдко напѣвы еврейскіе и греко-римскіе, давая мѣсто и творчеству новыхъ народовъ. Новопросвѣщенные славяне восприняли въ свой культъ и ритуалъ греческую церковную музыку, а русскіе затѣмъ преемственно восприняли ее отъ тѣхъ и другихъ, отъ грековъ и славянъ, со времени своего крещенія.

Первая часть изслѣдованія въ шести главахъ разсматриваетъ *происхожденіе* русскаго церковнаго пѣнія и его симіографіи.

Первая глава обозрѣваетъ богослужебную письменность и богослужебное пѣніе русское и славянское въ связи съ фактомъ крещенія русскихъ и славянъ. Склоняясь къ мысли, что крещеніе князя Владиміра было отъ славянъ и что въ крещеніи русскаго народа и его просвѣщеніи принимали, кромѣ грековъ, дѣятельное участіе и славяне, славянскій клиръ, налагая тѣмъ печать славянства на первоначальное русское богослужебное пѣніе, авторъ касается исторіи христіанскаго просвѣщенія самихъ славянъ (сербовъ, болгаръ, моравовъ) и отмѣчаетъ зависимость ихъ въ этомъ отношеніи отъ грековъ —византійцевъ и незначительное лишь вліяніе латинянъ, которое однако же въ отношеніи церковной музыки было лишь отраженіемъ греческаго и не могло быть сильнымъ потому, что славяне всегда тянули къ грекамъ. Книжное образованіе болгаръ при царяхъ Борисѣ, Симеонѣ и Петрѣ достигло высокой степени и въ эту пору, вмѣстѣ съ славянскимъ богослуженіемъ и церковнымъ пѣніемъ, естественно передавалось и въ новопросвѣщенную Кіевскую Русь, почему и понятно, что первоначальныя богослужебныя и пѣвческія книги на Руси были славянскія и писцы ихъ славяне и, главнымъ образомъ, клирики и монахи, а также что и первые пѣвцы на Руси были также славяне. Если русскому церковному пѣнію предшествовало славянское, греческое и латинское и каждое изъ нихъ могло вліять на него такъ или иначе, то самъ собою возникаетъ вопросъ, что же могло представлять собой пѣніе славянское, латинское и греческое?

Во *второй* главѣ разсматривается богослужебное пѣніе восточныхъ и западныхъ славянъ въ зависимости отъ вліянія церквей византійской и римской и состояніе латинскаго богослужебнаго пѣнія въ эпоху просвѣщенія славянъ и русскихъ, а также вопросъ о григоріанскомъ пѣніи, невмахъ и хирономіи. Исторія не сохранила богослужебныхъ старославянскихъ пѣвческихъ книгъ съ славянской симіографіей, равно нѣтъ ихъ и съ греческой симіографіей, равно нѣтъ и историческихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы была отдѣльная славянская симіографія или пѣвческое письмо. Причину этого отсутствія нужно искать въ томъ, что новопросвѣщенные славяне (моравы, сербы, болгары, хорваты и др.), принявъ богослужебные напѣвы отъ грековъ, не приняли ихъ пѣвческаго письма, а усвоили греческіе напѣвы на память и пѣли ихъ по слуху, вѣроятно, съ помощью греческой хирономіи или искусства управлять пѣніемъ посредствомъ движенія рукъ и пальцевъ. Такимъ образомъ славяне передали русскимъ изустные богослужебные напѣвы, заимствованные ими отъ грековъ, но значительно переработанные ими въ мелодикѣ и ритмикѣ, на протяженіи болѣе столѣтія, вслѣдствіе природной музыкальности и склонности славянъ къ своеобразному національному музыкальному творчеству, засвидѣтельствованному историками. Латинское богослуженіе и пѣніе не могли оставить большихъ слѣдовъ въ славянствѣ, вслѣдствіе незначительнаго общенія славянъ съ латинянами, а также еще и потому, что латинская церковная музыка была въ значительной зависимости въ то время отъ грековъ. Григоріанское пѣніе, введеніе котораго въ Римской церкви приписывается папѣ Григорію Великому, въ дѣйствительности позднѣе VI вѣка. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Геварта и Флейшера, оно обязано своимъ установленіемъ папамъ-грекамъ Григорію II-му и Григорію III-му въ VIII вѣкѣ, почему и должно быть принимаемо по своему происхожденію греческимъ, на что указываютъ и греческая пѣвческая терминологія въ латинскомъ пѣніи и сходство латинскихъ невмъ—пѣвческаго латинскаго письма—съ греческимъ, съ явными признаками зависимости отъ послѣдняго. Пѣвческія рукописи латинскаго письма, какъ и письма греческаго, не восходятъ раньше IX в. и такихъ рукописей за время съ IX по X в. весьма немного, и только съ XI-го в. число ихъ замѣтно увеличивается. Что же могло предшествовать пѣнію по пѣвческимъ руко-

писямъ раньше IX вѣка, объ этомъ могутъ быть составлены лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Весьма вѣроятное мнѣніе по этому вопросу современнаго ученаго Флейшера и др. таково, что невмамъ — латинскимъ пѣвческимъ знакамъ — предшествовали хирономія и псалмодія, изъ совокупности которыхъ на почвѣ просодическихъ знаковъ образовалось пѣвческое письмо — невмы. Соображенія въ пользу этого предположенія тѣ, что первыя христіанскія общины пѣли сообща и простые общедоступные напѣвы, на память, безъ помощи пѣвческихъ знаковъ. Съ IV в., когда сложились опредѣленные богослужебные чины, народъ не могъ одинъ выполнять богослужебное пѣніе, почему и явился хоръ пѣвцовъ. Въ дальнѣйшемъ богослуженіе осложнилось гласовыми напѣвами и отдѣльными пѣснопѣніями негласовыми, въ литургіи и всенощномъ бдѣніи, почему для болѣе строгаго порядка въ исполненіи пѣснопѣній и удобства были введены вспомогательныя средства — псалмодія въ чтеніи и хирономія въ пѣніи, изъ слитія коихъ въ одно образовалось въ началѣ IX в. пѣвческое письмо. Въ заключеніе главы авторъ говоритъ о зависимости латинскаго пѣнія отъ греческаго и въ напѣвахъ и въ письмѣ и объ общей зависимости латинскаго и греческаго письма отъ хирономіи, псалмодіи и просодіи, получившихъ разработку, главнымъ образомъ, на греческомъ Востокѣ вмѣстѣ съ развитіемъ христіанскаго богослуженія, и о возможности вліянія латинскаго пѣнія на славянское только въ напѣвахъ, а не въ письмѣ.

Въ главѣ *третьей* разсматривается состояніе богослужебнаго пѣнія византійскаго въ эпоху просвѣщенія славянъ и русскихъ, въ цѣляхъ установленія степени вліянія пѣнія византійскаго на славянское. Рукописей пѣвческихъ византійскихъ сохранилось такъ же немного, какъ и латинскихъ, и всѣ не ранѣе IX вѣка,—слѣдовательно и въ Византіи до IX вѣка пѣніе было на память, по слуху, по хирономіи, по гласамъ и наподобенъ, чтеніе же совершалось по знакамъ псалмодіи, взятымъ изъ просодіи. Науки, въ числѣ коихъ и музыка, какъ отдѣлъ математики, процвѣтали въ Византійской Академіи въ VII в., а затѣмъ и сама Академія заглохла вплоть до Константина Мономаха (XI в.), который пытался возстановить ее. Въ виду такого упадка наукъ и му-

зыка съ пѣніемъ, по свидѣтельству Михаила Пселла, стояли невысоко. То же свидѣтельствуетъ о современномъ ихъ состояніи и Зонара и Скилица, отмѣчая въ богослужебномъ пѣніи напыщенность, искусственность, театральность и уподобляя его „воплямъ“, „оргіямъ“, „пѣснямъ земнымъ“. Такое пѣніе, употребляемое болѣе всего при дворѣ и въ торжественныхъ патріаршихъ служеніяхъ, исполняемое большими хорами пѣвцовъ, не могло увлечь славянъ и не могло войти въ обычный обиходъ вседневнаго славянскаго богослуженія, несклоннаго, особенно на первыхъ порахъ, къ пышности византійской. Кромѣ того, воспринятое русскими отъ грековъ, при посредствѣ славянъ, пѣвческое письмо совершенно другого типа, чѣмъ византійское, почему и византійскому вліянію на славянское, а впослѣдствіи и на русское богослужебное пѣніе должно быть отведено незначительное мѣсто и это вліяніе также коснулось болѣе напѣвовъ, чѣмъ симіографіи, которой и въ Византіи до IX вѣка должна была предшествовать хирономія и изустное пѣніе на слухъ и память.

Четвертая глава разсматриваетъ вопросъ о просодіи и псалмодіи въ связи съ вопросомъ о хирономіи и пѣвческой симіографіи. Здѣсь представляются историческія свѣдѣнія писателей о греческой просодіи и ея роли въ произношеніи текста, приводятся начертанія знаковъ, дѣлаются указанія важнѣйшихъ рукописей съ этими знаками, но не ранѣе VII вѣка, составившими, съ нѣкоторыми прибавленіями, систему знаковъ псалмодіи или чтенія текста священнаго писанія на распѣвъ, причемъ приняты во вниманіе, главнымъ образомъ, рукописи датированныя, упоминаемыя Монфокономъ, Гардтгаузеномъ, Ваттенбахомъ, преосв. Порфиріемъ, Тибо и др. Дѣлается, затѣмъ, сопоставленіе знаковъ просодійныхъ и псалмодическихъ съ знаками хирономіи византійскаго письма, и въ названіяхъ и въ начертаніяхъ, въ большинствѣ одинаковыхъ въ обоихъ случаяхъ и видахъ письма, тѣхъ и другихъ, потомъ, съ знаками симіографіи, и тѣмъ подтверждается высказанное раньше предположеніе, что въ основѣ пѣвческой симіографіи, и латинской и греческой, сродныхъ между собой, находится хирономія въ связи съ псалмодіей и просодіей, чѣмъ и объясняется то, почему рукописи съ пѣвческимъ письмомъ, въ симіографіи, появляются не ранѣе IX вѣка.

Объяснивъ происхожденіе греческой симіографіи, коснувшись мимоходомъ симіографіи латинской, въ зависимости отъ хирономіи, псалмодіи и просодіи, не ранѣе IX вѣка, какъ въ Византіи, такъ и на греческомъ Востокѣ, авторъ въ главѣ *пятой* трактуетъ о происхожденіи русской пѣвческой симіографіи и церковнаго звукоряда, какъ своеобразной музыкальной системы, въ зависимости болѣе отъ греческаго Востока, чѣмъ отъ Византіи. Это на томъ основаніи, что русская симіографія весьма сходна съ греко-сирійскою и мало сходствуетъ съ византійской, равно и церковный звукорядъ сходствуетъ съ звукорядомъ восточнымъ, греко-арабо-сирійскимъ, и не совпадаетъ въ интервалахъ, тонахъ и полутонахъ съ византійскимъ. Если Русь и сносилась съ Византіей, то не менѣе того сносилась она и съ греческимъ Востокомъ, да и сама Византія была подъ непрерывнымъ вліяніемъ Востока, откуда выходили такіе дѣятели въ области богослуженія и богослужебнаго пѣнія, какъ свв. І. Златоустъ, Романъ Сладкопѣвецъ, І. Дамаскинъ и др. Греко-сирійское вліяніе въ богослуженіи сказывалось не только въ области Византіи, но и южной Италіи (Калабріи), Сициліи и самомъ Римѣ, особенно со времени мусульманскаго нашествія на Сирію въ VII в. Оно же отразилось и на Аѳонѣ, гдѣ вмѣстѣ съ греками и славянами было не мало восточныхъ пришельцевъ, сирійцевъ, армянъ, грузинъ и др. Греки издавна чтили Востокъ и Палестину и искали тамъ, по сказанію Евсевія, особенно въ Іерусалимѣ, идеала христіанства въ отношеніи вѣры и жизни. Петръ и Аѳанасій Аѳонскіе устрояли монастыри по образцамъ восточнымъ, сами будучи жителями Востока. Славяне въ свою очередь близко знали Аѳонъ, посѣщали Востокъ и Палестину, во множествѣ переселялись въ Малую Азію, по сказаніямъ греческихъ историковъ, вели торговыя и военныя дѣла съ Востокомъ, хорошо знали христіанскій Востокъ и не могли не пріобрѣсти привязанности къ восточному христіанству, его церковно-богослужебнымъ порядкамъ и обычаямъ. Слѣдовательно, вліяніе христіанскаго Востока было широко и значительно и въ средѣ грековъ, славянъ и даже латинянъ, почему естественно, что славяне, а за ними и русскіе, болѣе подчинились Востоку въ богослужебномъ пѣніи, чѣмъ Византіи. Въ новопросвѣщенной христіанской Руси благоговѣніе предъ Святой Землей изстари выражалось въ

частыхъ паломничествахъ туда, отразилось оно и въ духовныхъ стихахъ и былинахъ, гдѣ вмѣстѣ съ религіозными текстами богомольцы приносили и восточные церковные напѣвы, построенные по восточнымъ ладамъ, сходнымъ съ русскими церковными. Такимъ образомъ православная христіанская Русь съ большой охотой воспринимала восточные напѣвы греко-сирійскіе, при посредствѣ славянъ и Аѳона, вмѣстѣ съ симіографіей, чѣмъ напѣвы и симіографію византійскіе, которые и по трудности и изысканности своей, благодаря главнымъ образомъ употребленію при византійскомъ дворѣ и въ патріаршемъ служеніи, менѣе могли соотвѣтствовать насущнымъ духовнымъ потребностямъ новопросвѣщенныхъ русскихъ, а еще ранѣе и родственныхъ славянъ, чѣмъ болѣе строгое и аскетическое богослужебное пѣніе, бывшее издавна въ употребленіи на Востокѣ, а также, должно думать, и на строго аскетическомъ Аѳонѣ.

Въ главѣ *шестой* обозрѣваются историческіе факторы, обусловившіе происхожденіе русскаго богослужебнаго пѣнія и его симіографіи, въ видѣ заключенія къ предыдущимъ разсужденіямъ. Здѣсь группируются вмѣстѣ всѣ главнѣйшія, ранѣе высказанныя, положенія о близости русскихъ къ славянству въ періодъ крещенія, о преобладаніи въ средѣ низшихъ клириковъ и пѣвцовъ славянъ, въ средѣ же высшихъ—іерарховъ грековъ, часто незнавшихъ славянскаго языка, о славянскихъ пѣвческихъ книгахъ, по которымъ совершалось первоначальное русское богослуженіе, о господствѣ славянскихъ напѣвовъ, хотя и заимствованныхъ отъ грековъ, но переработанныхъ въ духѣ славянъ и переданныхъ первоначально изустно, на память и въ хирономіи и лишь впослѣдствіи, съ XI вѣка, записанныхъ въ русской симіографіи, начало которой на Руси тѣсно связывается съ появленіемъ трехъ пѣвцовъ грековъ, пришедшихъ въ Кіевъ въ срединѣ XI вѣка съ роды своими. Дѣлается анализъ этого факта и устанавливается предположеніе, что пѣвцы греки пришли, хотя и изъ Царьграда, но чрезъ промежуточный Аѳонъ, откуда они должны были удалиться по повелѣнію Константина Мономаха, какъ семейные (1046), и при Ярославѣ (ок. 1051—1052 г.г.) принесли въ Кіевъ „ангелоподобное пѣніе“, „трисоставное сладкогласованіе“, „изрядное осмогласіе„ и „ангелоподобное демественное пѣніе“, что должно

быть принято въ смыслѣ обычнаго гласоваго знаменнаго пѣнія и пѣнія демественнаго — кондакарнаго. Появленіе въ Кіевѣ трехъ пѣвцовъ совпадаетъ съ временемъ возвращенія преп. Антонія съ Аѳона и основанія имъ монастыря въ Кіевѣ, къ срединѣ или же къ концу XI вѣка относится и появленіе пѣвческой симіографіи въ Типографскомъ Уставѣ. Это даетъ основаніе заключить, что правильно устроенное по пѣвческимъ знакамъ русское церковное пѣніе начало свое существованіе съ трехъ греческихъ пѣвцовъ, положившихъ ему основаніе въ Кіевѣ, и это пѣніе, какъ заимствованное главнымъ образомъ съ Востока, греко-сирійскаго характера и въ напѣвахъ и въ симіографіи, въ отношеніи къ знаменному распѣву, и византійскаго—въ отношеніи къ напѣвамъ кондакарнымъ.

Во *второй части*, въ одиннадцати главахъ, авторъ обсуждаетъ русское церковное пѣніе въ домонгольскій періодъ.

Въ главѣ *седьмой* излагаются и обсуждаются историческія свидѣтельства о первоначальномъ русскомъ церковномъ пѣніи и пѣвцахъ. Въ частности приводятся и разбираются свидѣтельства лѣтописей Іоакимовской (Татищевъ), Густинской, Никоновской и Степенной книги о прибытіи въ Кіевъ митрополита Михаила, епископовъ, іереевъ и пѣвцовъ (демественниковъ) отъ славянъ и объ устроеніи имъ клироса. Разбирается мнѣніе проф. Е. Е. Голубинскаго и митрополита Макарія о названіи „доместикъ“ и „крылосъ“ и устанавливается различіе пѣвцовъ-демественниковъ и регентовъ доместиковъ и понятіе „крылоса“, какъ хора пѣвцовъ, а не органа епархіальнаго управленія, на основаніи словоупотребленія и анализа относящихся сюда мѣстъ лѣтописи и уставовъ. Выясняется понятіе демественнаго пѣнія, какъ придворнаго, домашняго, полуцерковнаго, въ сравненіи съ пѣніемъ богослужебнымъ церковнымъ, и состава древнѣйшаго пѣвческаго хора изъ пресвитеровъ, діаконовъ и дьяковъ во главѣ съ старѣйшиной—регентомъ, и изъ народныхъ пѣвцовъ—демественниковъ во главѣ съ доместикомъ-регентомъ.

Въ главѣ *восьмой* излагаются данныя для сужденія о первоначальномъ русскомъ церковномъ пѣніи въ области древнѣйшихъ богослужебныхъ уставовъ и пѣвческихъ книгъ. Въ этомъ значеніи своемъ обсуждаются Уставы—Синодальной библіотеки и Типографской и крюковыя рукописи—Благовѣщенскій кондакарь Императорской Публичной Библіотеки и Тріодь

постная Новгородской Софійской — нынѣ библіотеки Петербургской Дух. Академіи. По Уставу Синодальному, студійскому, въ Алексіевской редакціи, пѣвческое исполненіе нерѣдко совершалось по хирономіи съ точнымъ указаніемъ, когда пѣвцы, правый и лѣвый хоръ, поютъ вмѣстѣ, когда попеременно, что по уставу студійскому и что по Уставу Великой Церкви (Софіи Константинопольской). Такъ какъ Уставъ, по редакціи своей, второй половины XI в., и такъ какъ въ Кіевопечерскомъ монастырѣ въ той же второй половинѣ XI вѣка былъ введенъ преп. Ѳеодосіемъ студійскій уставъ, а этотъ Синодальный списокъ есть древнѣйшій по редакціи, какъ полагаетъ проф. Мансветовъ, то и является возможнымъ допустить господство этой редакціи устава въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Но какъ этотъ уставъ представляетъ собой состояніе церковнаго пѣнія въ періодъ господства хирономіи и осмогласія, не упоминая о пѣвческомъ письмѣ — симіографіи, такъ другой Уставъ, Типографскій, напротивъ, не упоминая о хирономіи, какъ бы уже забытой, излагаетъ пѣснопѣнія въ пѣвческомъ письмѣ, крюковой симіографіи—знаменной и кондакарной, и, слѣдовательно, отмѣчаетъ періодъ въ состояніи русскаго церковнаго пѣнія болѣе поздній, который естественно падаетъ на конецъ XI вѣка. Крюковая симіографія Устава могла явиться скорѣе всего въ Кіевѣ же, или при участіи трехъ греческихъ пѣвцовъ, или ихъ русскихъ учениковъ, при ихъ непосредственномъ руководствѣ, и могла быть заимствована скорѣе всего съ Аѳона, такъ какъ ни кондакарная симіографія Устава, ни его знаменная симіографія, не находятъ себѣ ничего подобнаго въ Византіи, въ византійской симіографіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ близки къ симіографіи греко-сирійской. Что Уставъ имѣетъ русскую и кіевскую именно обработку, видно изъ наличности въ немъ текста кондака свв. мучч. Борису и Глѣбу, но еще безъ пѣвческихъ знаковъ. Благовѣщенскій кондакарь весьма интересенъ въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ явные слѣды византійскаго пѣсненнаго послѣдованія въ асматикѣ и поліелеѣ, украшенныхъ прибавленіемъ греческихъ словъ и попѣвокъ: о Ѳеос моу, ен олп кардіа моу, епи си Куріе ильписа и проч. и, кромѣ того, содержитъ кондаки преп. Ѳеодосію Печерскому и свв. мучч. Борису и Глѣбу, что указываетъ время его редакціи и письма не ранѣе XII вѣка. Съ признаками же пѣсненнаго

послѣдованія и Тріодь Постная, которая по характеру симіографіи можетъ быть относима къ XII вѣку. Такимъ образомъ, обѣ эти, считаемыя древнѣйшими, рукописи, по времени своего письма должны уступить первенство въ симіографіи Типографскому Уставу, какъ древнѣйшему изъ всѣхъ крюковыхъ славянскихъ рукописей и какъ первой пѣвческой рукописи русскаго письма, кіевскаго.

Въ главѣ *девятой* разсматривается Кіевъ и Кіевопечерскій монастырь, какъ колыбель русскаго церковнаго пѣнія, и Типографскій Уставъ, какъ древнѣйшій памятникъ русскаго церковнаго пѣнія и его симіографіи. Кіевъ и Кіевопечерскій монастырь, особенно въ игуменство Ѳеодосія, были средоточіемъ, гдѣ собирались книги и книжные люди, переписчики и составители книгъ, откуда брались игумены другихъ монастырей Руси и епископы въ другіе города и области, гдѣ искали наилучшихъ образцовъ монастырскаго правила и Устава, построенія храмовъ и иконостасовъ и, несомнѣнно также, устройства богослужебнаго пѣнія, которое составляло предметъ особенной заботы преподобнаго Ѳеодосія. Типографскій Уставъ, представляющій собою удивительное, нигдѣ болѣе не встрѣчаемое соединеніе правилъ монастырскаго общежитія, чина богослужебнаго и правилъ и образцовъ церковнаго пѣнія, есть единственный памятникъ такого рода и это можетъ быть объяснено, по автору, только тѣмъ, что такой типъ Устава могъ понадобиться въ раннѣйшій періодъ русской церкви, когда создавались впервые на Руси и правила монашескія и богослужебныя и клиросныя пѣвческія. Это было только при началѣ христіанскаго просвѣщенія и религіозно-церковной жизни старой Руси въ Кіевѣ и Кіевопечерскомъ монастырѣ при первыхъ игуменахъ. И потому авторъ думаетъ, что Типографскій Уставъ есть рукопись кіевская и именно Кіевопечерская. Кромѣ того, это древнѣйшая изъ пѣвческихъ нотныхъ рукописей съ симіографіей, а таковая могла явиться лишь въ Кіевѣ и въ его просвѣтительномъ центрѣ—Кіевопечерскомъ монастырѣ. На древность Устава намекаетъ и вѣроятная дата—1096 г., и старокіевскій говоръ, и то, что изъ 132 кондаковъ на пѣвческіе знаки положены только 42 кондака, тогда какъ въ Благовѣщенскомъ кондакарѣ XII в. уже всѣ почти тѣ же кондаки изложены въ этихъ знакахъ и даже кондаки

преп. Ѳеодосію и свв. мучч. Борису и Глѣбу, изъ которыхъ (кондаковъ) перваго въ Уставѣ совсѣмъ нѣтъ, а второй— съ однимъ текстомъ, безъ знаковъ пѣвческихъ. Поэтому Типографскій Уставъ есть, очевидно, древнѣйшая пѣвческая рукопись и, именно, Кіевская и Кіевопечерская.

Въ главѣ *десятой* содержится обозрѣніе богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ XII-го и XIII-го вѣковъ, какъ матеріалъ для сужденія о состояніи русскаго церковнаго пѣнія въ домонгольскій періодъ. Здѣсь довольно кратко обозрѣваются рукописи: Стихирарь Синодальной библіотеки № 279, Стихирарь Типографской б-ки № 96, Стихирарь мѣсячный Синодальной б-ки № 572, Стихирарь Типографской б-ки № 152, Стихирарь Типографской б-ки № 145 и 151, Стихирарь Синодальной б-ки № 589, Стихирарь Императорской Публичной б-ки (Толстовск.) № 15, Стихирарь (Софійской) библіотеки Петербургской Духовной Академіи № 384, Тріодь Постная Типографской б-ки № 148, Тріоди Синодальной б-ки № 423 и 278, два Ирмолога Типографской б-ки № 149 и 150, десять Миней Синодальной б-ки №№ 159—168, Ирмологъ Воскресенскаго (Новый Іерусалимъ) монастыря № 28, Тріодь того же монастыря № 27, Праздничная Минея Императорской Публичной б-ки № 12, Стихирарь Императорской Академіи Наукъ № 74, Стихирарь б-ки Московскаго Успенскаго собора № 8, Кондакарь Сергіево-Лаврской б-ки № 23, Кондакарь Синодальной б-ки № 777.

Результатомъ этого обозрѣнія является предлагаемая въ слѣдующей *одиннадцатой* главѣ классификація пѣвческихъ рукописей по мѣсту и времени ихъ происхожденія, въ цѣляхъ уясненія путей распространенія и моментовъ развитія русскаго церковнаго пѣнія въ связи съ пѣніемъ кондакарнымъ. Изъ двухъ видовъ симіографіи этихъ рукописей, знаменной и кондакарной, удержалась доселѣ еще первая, вторая же исчезла уже въ XIII вѣкѣ, что объясняется ея сложностью и трудностью, искусственностью ея напѣвовъ и мелодій. Всѣ рукописи, кромѣ кондакарныхъ, содержатъ въ себѣ симіографію, отличную отъ старой и болѣе поздней византійской, и въ то же время весьма сходствуютъ съ симіографіей, которой наиболѣе прилично наименованіе греко-сирійской съ соотвѣтствующими ей напѣвами греко-восточными.

Въ главѣ *двѣнадцатой* обозрѣвается русское знаменное

пѣніе въ связи съ кондакарнымъ пѣніемъ, хирономіей и симіографіей византійскою и греко-сирійскою, и литургическія и пѣвческія его особенности по крюковымъ рукописямъ домонгольскаго періода. Все предыдущее изслѣдованіе и изложенныя соображенія по обсуждаемому предмету приводятъ автора къ слѣдующимъ положеніямъ. Первоначально въ христіанской церкви до IV вѣка богослужебное пѣніе исполнялось самой общиной, простыми речитативными напѣвами, на слухъ и на память. Съ IV в., при осложненіи и упорядоченіи чина богослужебнаго, во избѣжаніе безпорядковъ нестройнаго массоваго пѣнія, введены были хоры пѣвчихъ для пѣнія и чтецы—клирики для чтенія священнаго писанія. Для первыхъ подспорьемъ служила хирономія, для вторыхъ—псалмодія, которая, какъ древнѣйшая, возникшая изъ просодійнаго письма, послужила основою для выработки системы хирономическихъ знаковъ—воздушнаго письма, которое и господствуетъ въ пѣніи церковномъ съ IV в. по VII-й. Въ VII—VIII вѣкахъ вырабатывается хирономія греко-сирійская, какъ отдѣльная система. Вслѣдствіе большого вліянія Востока на другія христіанскія страны, изъ греко-сирійской хирономіи въ VIII—X вѣкахъ вырабатывается греко-арабо-сирійская, византійская и латинская. Изъ хирономіи греко-арабо-сирійской и византійской вырабатывается хирономія славяно—русская въ IX—XI вѣкахъ. Изъ хирономіи славяно-русской и симіографіи греко-сирійской и византійской въ XI—XII вѣкахъ вырабатывается симіографія знаменная русская, а изъ симіографіи и хирономіи греко-сирійской и византійской, при посредствѣ Аѳона, вырабатывается симіографія кондакарная. Литургическія и пѣвческія особенности крюковыхъ рукописей русскихъ домонгольскаго періода выражаются въ томъ, что кондакарныя рукописи содержатъ пѣснопѣнія торжественныхъ службъ, какъ асматикъ, поліелей, аллилуарій, Всякое дыханіе, Святъ Господь, исполнявшіяся по уставу торжественно, кондаки, ипакои, тропари и причастные стихи и проч.,—рукописи знаменныя содержатъ пѣснопѣнія повседневныя, стихиры, ирмосы, минейныя пѣснопѣнія, по осмогласнику и въ праздники,—то, что принадлежитъ обычнымъ службамъ. Однако же въ рукописяхъ не встрѣчаются до XV в. ни „Блаженъ мужъ“, ни „Свѣте тихій“ и „Нынѣ отпущаеши“, ни „Богъ Господь“ и тропари

осмогласника, ни „Благословенъ еси, Господи“, ни „Величитъ душа“, ни „Величаній“ и проч. Какъ все это пѣлось? Надо полагать,—по слуху, на память, напѣвомъ обычнымъ. Не встрѣчаются также и книги—„Обиходъ“, со всенощной и литургіей, „Октоихъ осмогласника“ съ изложеніемъ воскресныхъ стихиръ и догматиковъ. И это все пѣлось по слуху, на подобенъ, каковыхъ подобновъ въ этотъ періодъ насчитывается до 30, причемъ много лишнихъ противъ нынѣшняго ихъ числа, а другихъ нѣкоторыхъ недостаетъ. Пѣснопѣнія на большіе, особенно чтимые въ Византіи и на греческомъ Востокѣ, праздники, какъ Архангела Михаила, св. Димитрія Солунскаго, великом. Георгія, прор. Иліи, великомученика Пантелеимона, на Успеніе Богоматери, Усѣкновеніе Главы І. Предтечи, Рождество Христово, Крещеніе Господне, Срѣтеніе —изложены многогласно, въ нѣсколько гласовъ, а иногда во всѣ 8, что указываетъ на обычай византійскаго пѣнія по мартиріямъ. Къ пѣвческимъ особенностямъ крюковыхъ рукописей домонгольскаго періода относятся особенности чисто русскаго, не греческаго характера, какъ попѣвки или кокизы и ѳиты, а между послѣдними, въ особенности, ѳита хобува. Количество попѣвокъ и ѳитъ въ домонгольскій періодъ незначительное, впослѣдствіи съ XV вѣка возрастаетъ до большого количества, въ чемъ собственно и сказывается русское церковно-пѣвческое творчество клириковъ-пѣвцовъ.

Глава *тринадцатая* обозрѣваетъ состояніе знаменнаго пѣнія и его симіографіи въ періодъ домонгольскій въ связи съ средствами его уясненія. Пѣвческая симіографія домонгольскаго періода русской церкви имѣетъ въ себѣ не мало наслоеній греческаго происхожденія, которыя впослѣдствіи, съ XV в., начинаютъ исчезать въ русской симіографіи, а взамѣнъ того возникаютъ новыя комбинаціи основныхъ графическихъ элементовъ уже русскаго происхожденія. Съ XVII вѣка такихъ комбинацій прибавляется еще больше, такъ что развитіе русской симіографіи естественно распадается на три періода: древній домонгольскій, средній московскій или великорусскій, и поздній—до нашего времени. Поэтому, читая свободно рукописи позднѣйшаго періода, съ помощью изобрѣтенныхъ въ началѣ XVII в. киноварныхъ помѣтъ и, такъ называемыхъ, признаковъ, изобрѣтенныхъ монахомъ Александромъ Мезенцемъ ок. 1668 г., рукописи средняго періода

мы можемъ читать лишь съ значительными трудностями, рукописи же древняго домонгольскаго періода, вслѣдствіе своеобразныхъ отличій своей симіографіи, и совсѣмъ мало поддаются чтенію. Является возможность читать ихъ только путемъ сопоставленія позднѣйшихъ изложеній симіографическихъ на одинъ и тотъ же текстъ съ болѣе старыми и такимъ способомъ устанавливать напѣвъ этихъ послѣднихъ. Такъ дѣлалъ и А. Мезенецъ при своихъ работахъ по редакціи предполагаемаго textus receptus для печатанія крюковыхъ книгъ въ 1668 году, и это самый правильный способъ реставраціи старыхъ напѣвовъ—по методу ретроспективному, самому пригодному въ этомъ случаѣ. Затрудненіе, однако же, оказывается въ томъ еще, что существовало въ разное время нѣсколько разныхъ редакцій того же знаменнаго распѣва, были переводы — Христіаниновъ, Баскаковъ, Лукашковъ, Усольскій, Московскій и проч., которые часто не сходствовали между собой, поэтому, какъ трудно было установить одинъ общій textus receptus въ симіографіи, такъ не менѣе трудно установить одну общую версію знаменнаго распѣва въ русскомъ церковномъ пѣніи или cantus firmus, хотя пѣвцы строго сохраняли старыя традиціи въ пѣніи, завѣряя, по свидѣтельству инока Евфросина: „знаменные крюки бережемъ“. Кромѣ того, для познанія старой домонгольской симіографіи, было цѣлесообразно примѣненіе познаній въ области греческой симіографіи, родственной съ русской, чѣмъ достигается приближеніе къ ней съ другой стороны, со стороны первоначальныхъ ея основъ и происхожденія. Къ такому двухстороннему познанію знаменнаго распѣва съ его симіографіей можетъ быть присоединена еще только изустная старинная пѣвческая традиція, которая помогла синодальнымъ пѣвчимъ, коммиссіи знатоковъ, въ 1772 году, правильно перевести большинство пѣснопѣній съ крюковъ на ноты. При помощи такихъ средствъ, пользуясь методомъ ретроспективнымъ, можно съ значительною увѣренностью реставрировать старые знаменные церковные напѣвы періода домонгольскаго.

Въ главѣ *четырнадцатой* устанавливается научный методъ и пріемы къ уясненію знаменнаго пѣнія и его симіографіи въ домонгольскій періодъ и отмѣчаются главнѣйшіе факторы образованія знаменнаго распѣва по „подобнику“, „ко-

кизнику“ и фонетика языка пѣвческихъ книгъ. Реставрированіе древняго знаменнаго распѣва домонгольскаго періода русской церкви идетъ въ двухъ направленіяхъ,—съ одной стороны, возстановленіе болѣе правильной общеупотребительной редакціи въ симіографіи или textus receptus, съ другой,—наиболѣе правильной и общеупотребительной редакціи напѣва или cantus firmus. Это можетъ быть достигнуто, по увѣренію автора, единственно при помощи ретроспективнаго метода и научныхъ экскурсій въ область древняго греческаго пѣнія и его старой симіографіи, а также отчасти и пѣвческихъ традицій, выраженіемъ которыхъ служатъ нотныя синодальныя изданія. При этомъ не должны быть упускаемы изъ виду важнѣйшіе факторы образованія знаменнаго распѣва—подобникъ, кокизникъ и фонетика языка. Писатель XVII в. говоритъ, что „старые мастера“ временъ Ивана Васильевича и Михаила Ѳеодоровича „пѣли для науки кокизникъ и подобникъ наизусть, потому они согласіе и знамя гораздо знали, распѣвали и знамя накладывали наизусть. А помѣтокъ — де у нихъ въ переводахъ никакихъ не бывало, да и не знали ихъ“. Пѣніе по подобнику относилось къ обычно употребляемому повседневному осмогласному напѣву, причемъ въ крюкахъ излагались только одинъ — два или нѣсколько больше образцовъ пѣснопѣній каждаго гласа, по подобію которыхъ исполнялись всѣ другіе тексты пѣснопѣній, главнымъ образомъ стихиръ, не положенныхъ на крюки, но исполняемыхъ на слухъ и на память. Образецъ такого подобника въ крюкахъ мы и можемъ находить въ Благовѣщенскомъ кондакарѣ, гдѣ подобновъ собрано до 30. Другой способъ пѣнія былъ исполненіе пѣснопѣній по кокизнику, подъ которымъ разумѣлось собраніе пѣвческихъ мотивовъ — строкъ, коими излагался тотъ или другой изъ гласовъ знаменнаго распѣва въ его осмогласіи. Такихъ пѣвческихъ строкъ насчитывается отъ 30 до 90 въ каждомъ отдѣльномъ гласѣ въ разное время,— меньше встарину и больше въ позднѣйшее время. Знаніе этихъ напѣвовъ или кокизъ давало основательное знаніе знаменнаго распѣва и возможность свободно пользоваться его симіографіей, въ каковой излагались эти попѣвки. Такіе кокизники появляются уже послѣ подобника, по крайней мѣрѣ не ранѣе XV в., хотя самое существованіе попѣвокъ наблюдается еще въ домонгольскій періодъ. На пѣніи по

подобнику возникъ малый знаменный распѣвъ, на пѣніи по кокизнику—большой знаменный распѣвъ, вмѣстѣ съ началомъ котораго возникаетъ пѣвческая крюковая книга октоихъ и крюковые догматики со стихирами воскресными осмогласника и развивается пѣніе великорусское-московское. При этомъ большую роль сыграла фонетика языка пѣснопѣній знаменнаго распѣва. Въ старомъ праворѣчіи домонгольскаго періода полугласные звуки *ъ* и *ь* были произносимы на подобіе гласныхъ *о* и *е* и имѣли надъ собой въ пѣвческихъ крюковыхъ рукописяхъ всегда пѣвческіе знаки. Съ XV вѣка, когда симіографія нѣсколько измѣнилась и пѣвческая редакція пѣснопѣній значительно уклонилась по сравненію съ періодомъ домонгольскимъ, тогда пѣвцы, съ одной стороны, желая выдержать старую редакцію напѣва, съ другой—приспособиться къ новымъ ея видоизмѣненіямъ, стали сплошь измѣнять эти полугласные въ гласные, нерѣдко и тамъ, гдѣ фонетика языка не допускала, причемъ за дѣло часто брались невѣжественные недоучившіеся „молодые отрочата“, по свидѣтельству инока Евфросина. Благодаря неправильному отношенію къ фонетикѣ, безъ сомнѣнія нерѣдко требовавшей естественнаго полногласія, явилось множество случаевъ полногласія неестественнаго, уродливаго, въ родѣ: Сопасо вм. Спасъ, видѣхомо вм. видѣхомъ, что и подало поводъ назвать такое раздѣльнорѣчіе или полногласіе хомоніей, безраздѣльно господствовавшей въ текстѣ пѣвческихъ книгъ болѣе двухъ вѣковъ, до половины XVII в., когда повсюду назрѣла потребность исправить хомонію—раздѣльнорѣчіе на правую рѣчь, что и исполнено было коммиссіей знатоковъ пѣнія во главѣ съ инокомъ А. Мезенцемъ въ 1668 году, повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича. Несмотря на такое исправленіе текста, хомонія однако упорно и доселѣ господствуетъ у безпоповцевъ, слѣпо держащихся старины. Эти три явленія наложили особую печать на русское церковное пѣніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ осложнивъ и затруднивъ его изученіе, въ другихъ однако же облегчая возможность заглянуть въ темную даль русскаго церковнаго пѣнія домонгольскаго періода.

Въ главѣ *пятнадцатой* разсматривается старое ученіе о „согласіи“, какъ музыкально-теоретическая основа осмогласія знаменнаго распѣва. Къ уясненію осмогласія напѣвовъ

домонгольскаго періода русской церкви, по неимѣнію какихъ-либо опредѣленныхъ свѣдѣній изъ этой поры, можетъ служить ученіе русскихъ пѣвцовъ XVII в. о „согласіи". Изъ этого ученія, излагаемаго въ рукописяхъ отрывочно и неполно, не безъ значительнаго труда можно вывести теорію музыкальную, которая изстари господствовала среди русскихъ пѣвцовъ и, вѣроятно, ведетъ свое начало изъ домонгольскаго періода, и именно такого рода, что русское церковное осмогласіе теоретически зависитъ отъ греческаго, а практически получило свое особое направленіе и характеръ, что зависѣло и отъ того, что въ основѣ византійскаго осмогласія звукоряды изъ великой совершенной системы съ си -бемоль и си—бекаръ вверху, а въ основѣ русскаго—малая совершенная система, древнѣйшаго восточнаго происхожденія, только съ си—бемоль вверху и си—бекаръ внизу. Практически различіе выразилось въ томъ, что въ основѣ знаменнаго распѣва и его гласовъ стали трихорды или средніе греческіе гласы, на терціяхъ греческихъ тетрахордовъ, съ нечастымъ переходомъ внизъ, въ основные тоны, въ основѣ же греческаго пѣнія, какъ излагается его осмогласіе въ рукописяхъ XIV—XV вв., остаются тетрахорды съ ихъ основными тонами въ гласахъ. При всемъ томъ схематическое строеніе гласовъ въ музыкальномъ отношеніи между русскимъ церковнымъ напѣвомъ и греческимъ весьма близкое, почему и греческіе гласы лады—1-й дорійскій, 2-й фригійскій, 3-й лидійскій, 4-й миксолидійскій, 1-й плагальный (или 5-й) иподорійскій, 2-й плагальный (или 6-й) ипофригійскій, 3-й плагальный (или 7-й), онъ же именуемый „низкій" иполидійскій, 4-й плагальный (или 8-й) ипомиксолидійскій, вполнѣ соотвѣтствуютъ восьми гласамъ знаменнаго распѣва, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ верхнемъ тетрахордѣ здѣсь выдерживается всегда си—бемоль и не встрѣчается си—бекаръ. Наблюденія надъ мелодіями знаменнаго распѣва вполнѣ доказываетъ совпаденіе особенностей ихъ строенія по осмогласію съ ученіемъ старыхъ пѣвцовъ русскихъ о „согласіи".

Въ *шестнадцатой* главѣ разсматривается симіографія знаменнаго распѣва въ домонгольскій періодъ въ связи съ старой греческой и позднѣйшей великорусской и присоединяется заключеніе. По замѣчанію сказателя XVII в., русскіе старые пѣвцы „знамя гораздо знали", распѣвали и „знамя

накладывали наизусть", — слѣдовательно, господствовало исключительно изустное изученіе крюковой симіографіи, наглядное, опытное, по примѣрамъ и образцамъ, безъ теоретическихъ учебниковъ и руководствъ. И дѣйствительно, такія руководства, довольно краткія сначала, въ XV в. появляются только съ однимъ перечнемъ наименованій крюковъ и ихъ начертаніями: параклитъ, кулизма, стопица, крюкъ мрачный, свѣтлый и проч., безъ опредѣленія ихъ пѣвческаго достоинства, которое, очевидно, сообщалось самимъ мастеромъ; затѣмъ, съ XVI в., къ такимъ краткимъ азбукамъ стали прибавляться поясненія: „крюкъ простой возгласити его мало выше строки" „свѣтлую стрѣлу подернути гласомъ вверхъ и дважды ступити" и проч. Однако ни тѣ, ни другія позднѣйшія поколѣнія не удовлетворяли; болѣе совершенныя азбуки дали только во второй половинѣ XVII в. А. Мезенецъ и Тихонъ Макарьевскій, причемъ послѣдній съ переводомъ крюковъ на ноты. Но русскія свѣдѣнія еще далеко недостаточны для полнаго уясненія русской симіографіи. Здѣсь приходится обращаться къ симіографіи греческой, о которой въ иностранной литературѣ существуютъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, какъ у Герберта, Виллото, Бурго-Дюкудрэ, Флейшера, Тибо и др. Особенно цѣнны труды современныхъ ученыхъ Флейшера и Тибо. Ихъ трудами выяснена старая греческая симіографія, какъ въ отношеніи знаковъ великихъ—хирономическихъ, такъ и въ отношеніи малыхъ—псалмодійныхъ или экфонетическихъ. Сличая эти знаки съ знаками русской крюковой симіографіи, нельзя не убѣдиться въ весьма большомъ сходствѣ тѣхъ и другихъ и въ зависимости вторыхъ отъ первыхъ, причемъ хирономическіе знаки вошли въ симіографію, и знаменную и кондакарную, вмѣстѣ съ малыми знаками—симатійными, греческая же, болѣе поздняя симіографія, съ XV в., осталась съ одними знаками малыми, и только старая греко-сирійская симіографія X—XI вѣковъ почти вполнѣ совпадаетъ съ русской, что и составляетъ особенность этой послѣдней.

Глава *семнадцатая* представляетъ собою итоги изслѣдованія или обстоятельное резюмэ всего содержанія книги, въ краткихъ сжатыхъ положеніяхъ обнимающее работу автора въ ея развитіи отъ первой главы до послѣдней. Въ этомъ резюмэ авторъ еще разъ подчеркиваетъ основныя положенія своего

изслѣдованія, что богослужебное пѣніе русской церкви домонгольскаго періода занимаетъ въ исторіи богослужебнаго пѣнія греко-россійской церкви центральное положеніе, съ одной стороны, служа основой для всего послѣдующаго богослужебнаго пѣнія русской церкви до нашихъ временъ, съ другой—само утверждаясь, какъ въ своемъ корнѣ, въ богослужебномъ пѣніи греко-славянскомъ, предшествовавшемъ ему и обусловившемъ его характеръ и направленіе въ напѣвѣ и симіографіи. Церковное пѣніе домонгольскаго періода есть напѣвъ греко-славянскій, которому болѣе прилично наименованіе малаго знаменнаго распѣва, пѣніе же послѣдующаго періода есть напѣвъ великорусскій, который принято именовать—большимъ знаменнымъ распѣвомъ, равно какъ и соотвѣтствующая этимъ періодамъ симіографія, древняя имѣетъ характеръ греко-русскій, поздняя—великорусскій. Древняя русская симіографія была развитіемъ греческой, точнѣе греко-сирійской, съ которой больше сходствуетъ, а не византійской, отъ которой значительно разнится, съ которой можетъ быть сближаема только кондакарная въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Греческая симіографія, появившись не ранѣе IX в., была сама въ зависимости отъ хирономіи, псалмодіи и просодіи, а ея напѣвамъ предшествовало пѣніе по слуху, на память, наизусть, какъ это было въ началѣ христіанской церкви, когда пѣлъ самъ народъ и, конечно, въ простѣйшихъ общедоступныхъ напѣвахъ. Изученіе богослужебнаго пѣнія русской церкви домонгольскаго періода при такихъ условіяхъ доступно, по словамъ нашего автора, лишь при помощи метода ретроспективнаго, отъ періода киноварныхъ помѣтъ къ началу русскаго христіанства, что достигается не безъ трудностей, происходящихъ отъ различія редакцій крюковыхъ рукописей за все время и самаго текста пѣвческихъ книгъ, то раздѣльнорѣчнаго, то праворѣчнаго. Другой путь—изученіе греческой симіографіи, особенно предшествовавшаго началу русскаго богослужебнаго пѣнія періода времени, т. е. XI, X, IX и дальнѣйшихъ вѣковъ въ глубь, при помощи исторіи, археологіи и палеографіи. Результатомъ всесторонняго изслѣдованія этой области можетъ быть реставрація древняго русскаго церковнаго пѣнія, въ цѣляхъ улучшенія современнаго его состоянія и научно-художественнаго освѣщенія прошлаго. Но это,

по заявленію автора, составляетъ уже дѣло будущаго и выходитъ изъ рамокъ даннаго его изслѣдованія.

Изложенное содержаніе сочиненія о. прот. Металлова показываетъ, какъ много и серьезно потрудился онъ надъ изученіемъ русскаго церковнаго пѣнія въ темный домонгольскій періодъ. Онъ добросовѣстно проштудировалъ имѣющуюся русскую литературу въ трудахъ Ундольскаго, Сахарова, прот. Разумовскаго, Смоленскаго, преосв. Порфирія, Филарета, Сергія, митроп. Макарія, профф. Голубинскаго, Срезневскаго, Соболевскаго, Бодянскаго, Будиловича, Лавровскаго, Ламанскаго, Буслаева, Волкова, Болотова, Димитріевскаго, Иловайскаго, Ключевскаго, Мансветова, Голубцова, прот. Николаевскаго, Скабаллановича, Успенскаго, Шахматова и др. Столь же внимательно отнесся онъ и къ обширной иностранной литературѣ, начиная съ старыхъ трудовъ Герберта, Бингама, Гоара, Бинтерима, и кончая болѣе новыми трудами Гардтгаузена, Ваттенбаха, Геварта, Амброса, Римана, Вестфаля, Куссмакера, Флейшера, Тибо, Тцетцеса, Пападопуло—Керамевса и мног. др. Не ограничиваясь изученіемъ литературы, о. Металловъ много труда удѣлилъ разсмотрѣнію рукописей различныхъ библіотекъ—Императорской Публичной, Академіи Наукъ, Петербургской и Московской Дух. Академій, Московской Синодальной, Сергіевой Лавры, Синодальнаго Училища церковнаго пѣнія, Румянцовскаго Музея, Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и др. И результатъ этихъ широкихъ изысканій должно признать весьма значительнымъ:

1) Въ своемъ трудѣ авторъ устранилъ высказанное Смоленскимъ предположеніе о чисто-русскомъ происхожденіи нашего церковнаго пѣнія и симіографіи и, напротивъ, въ согласіи съ прот. Разумовскимъ выяснилъ, что знаменный распѣвъ—греко-славянскій и симіографія его—греческая, и что, въ частности, симіографія его не византійская, а восточная греко-сирійская. Мнѣніе же Разумовскаго, что симіографія знаменная—греческая изъ Византіи, авторъ ограничилъ въ томъ смыслѣ, что она византійская только частью—въ кондакарномъ пѣніи, а своею бо́льшею частью—восточная, причемъ, въ согласіи съ мнѣніемъ и изысканіями преосв. Порфирія, придаетъ большое значеніе въ дѣлѣ вліянія греко-сирійскаго и византійскаго на славяно-русское пѣніе посредствующему здѣсь пункту—Аѳону.

2) Авторъ отклоняетъ господствовавшее раньше мнѣніе (Разумовскій, Смоленскій, Пападопуло, Риманъ и др.), что знаки симіографіи произошли изъ буквъ греческаго алфавита, но, согласно съ Тибо, Куссмакеромъ и Флейшеромъ, поддерживаетъ мнѣніе о происхожденіи ихъ изъ знаковъ просодійныхъ и экфонетическихъ или псалмодійныхъ, при чемъ, согласно съ Флейшеромъ, допускаетъ въ образованіи ихъ еще одинъ существенный факторъ—хирономію или воздушное письмо пѣвческихъ знаковъ руками и пальцами рукъ.

3) Въ симіографіи русской авторъ впервые отмѣчаетъ присутствіе старыхъ хирономическихъ знаковъ греческаго письма и отличіе письма знаковъ русскихъ отъ письма пѣвческаго византійскаго и, напротивъ, выдвигаетъ сходство этого письма съ письмомъ знаковъ греко-сирійской симіографіи, на существованіи которой въ отдѣльности отъ византійской настаиваетъ впервые же и очень убѣдительнымъ образомъ, считая типичными ея представителями Синайскій Стихирарь, Есфигменскій Ирмологъ, Охридскую Тріодь и др.

4) При обслѣдованіи пѣвческихъ рукописей домонгольскаго періода авторъ впервые сдѣлалъ попытку распредѣленія ихъ по вѣкамъ (въ отношеніи времени происхожденія) и по городамъ и областямъ старой Руси (въ отношеніи мѣста) и, такимъ образомъ, предпринялъ первую ихъ классификацію по мѣсту и времени, не имѣя въ этомъ предшественниковъ.

Наконецъ слѣдуетъ добавить, что сочиненіе о. Металлова затрогиваетъ вопросы о пѣніи и послѣдующаго періода русской церкви, московскаго или великорусскаго, и тѣмъ заставляетъ насъ ждать отъ автора продолженія дальнѣйшихъ работъ въ этомъ же родѣ.

Все это побуждаетъ насъ признать разсмотрѣнное сочиненіе о. прот. Металлова весьма цѣннымъ научнымъ трудомъ, дающимъ ему полное право на степень магистра богословія".

2) Ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскаго:*

„Важность вопроса, разрѣшенію котораго авторъ посвящаетъ свое обширное изслѣдованіе, едва ли нуждается въ

особыхъ доказательствахъ и можетъ быть признана вполнѣ безспорной. Совершенно вѣрно, на нашъ взглядъ, замѣчаніе автора, высказанное имъ въ предисловіи, что на ряду съ церковной архитектурой и иконографіей богослужебное пѣніе, сплетающееся съ отдѣльными уставными частями богослуженія и органически съ ними развивающееся, является символическимъ выраженіемъ, художественной формой слагающагося „религіознаго сознанія и степени высоты религіозно - художественнаго развитія христіанскихъ обществъ". Въ качествѣ такой органической части христіанскаго богослуженія церковное пѣніе въ процессѣ его развитія заслуживаетъ безъ сомнѣнія вниманія церковной археологіи. Въ предисловіи къ книгѣ прот. Металловъ указываетъ также причины, побудившія его ограничить предпринятое изысканіе въ области исторіи русскаго богослужебнаго пѣнія хронологическими предѣлами домонгольскаго періода. Вопросъ о церковномъ пѣніи на Руси въ этотъ періодъ съ X по XIII вѣкъ, по мнѣнію автора, занимаетъ центральное положеніе, и его рѣшеніе предрѣшаетъ уже принципіально всѣ другіе вопросы, могущіе возникнуть при изученіи исторіи русскаго церковнаго пѣнія, такъ какъ богослужебное пѣніе послѣмонгольскаго періода есть только результатъ развитія и разработки основныхъ началъ, заложенныхъ въ домонгольское время. Такимъ образомъ зерно церковной музыки, появившееся на Руси одновременно съ принятіемъ христіанства, въ дальнѣйшемъ росло и развивалось; но основныхъ элементовъ этого развитія надо искать, анализируя самое зерно. Съ другой стороны остановиться на домонгольскомъ періодѣ побуждало автора и то соображеніе, что предыдущіе изслѣдователи этому моменту въ исторіи русскаго церковнаго пѣнія удѣляли сравнительно немного вниманія (Пред. IV, V).

Соглашаясь съ приведенными соображеніями автора, мы скажемъ, что поставленный имъ вопросъ имѣетъ и болѣе широкій интересъ, выходящій за предѣлы церковной археологіи. Русское церковное пѣніе—одно изъ явленій въ исторіи русскаго искусства. Для эпохи среднихъ вѣковъ область исторіи искусства въ значительной мѣрѣ совпадаетъ съ областью церковной археологіи, потому что втеченіе долгаго времени искусство ютится и развивается подъ покровомъ

церкви, служа для удовлетворенія ея потребностей. Выдающимися памятниками архитектуры долгое время были только храмы, скульптура и живопись въ средніе вѣка работаютъ только для украшенія храмовъ, исторія музыки въ ту же эпоху есть исторія церковной музыки. Вотъ почему изслѣдованіе прот. Металлова должно привлечь къ себѣ вниманіе не только церковнаго археолога и не только того, кто интересуется исторіей русской музыки, но также и историка русской культуры вообще, поскольку музыка, какъ и всякое другое искусство, служитъ показателемъ уровня культуры. Состояніе и развитіе музыки въ домонгольскій періодъ исторіи Россіи должны служить показателями культурнаго развитія русскаго общества за этотъ періодъ. Конечныхъ результатовъ изслѣдованія о церковномъ пѣніи нельзя будетъ обойти при характеристикѣ быта домонгольской Руси.

Ограничивъ рамки своего изслѣдованія небольшими хронологическими предѣлами, о. Металловъ въ дѣйствительности принужденъ былъ ихъ значительно расширить. Онъ не счелъ возможнымъ изучать церковное пѣніе въ домонгольской Руси, какъ изолированный фактъ; онъ интересуется генезисомъ этого факта и разыскиваетъ корни интересующаго его явленія. Въ русскомъ богослужебномъ пѣніи о. Металловъ правильно различаетъ элементъ первоначальный, заимствованный, принесенный изъ чужихъ странъ вмѣстѣ съ самою православною вѣрой, отъ элемента вторичнаго, національнаго, неизбѣжно воздѣйствующаго на первоначальный. „Проходя черезъ сознаніе отдѣльныхъ племенъ народныхъ вмѣстѣ съ поступательнымъ движеніемъ христіанства“, справедливо говоритъ авторъ, „богослужебное пѣніе преемственно пріобрѣтаетъ типическія народно-музыкальныя наслоенія, изъ которыхъ слагается тотъ или другой національно-художественный стиль церковно-пѣвческаго творчества, какъ въ церковной живописи и архитектурѣ стили византійскій, романскій, готическій и пр.“ (II). Въ свою очередь и въ первоначальномъ заимствованномъ элементѣ изслѣдователь различаетъ двѣ составныя части: во-первыхъ, черты общехристіанскія и, во-вторыхъ, заимствованную національную примѣсь. Русскіе славяне при крещеніи заимствовали формы культа „не безъ національныхъ особенностей того народа, откуда заимствована была ими и самая вѣра“ (4). Такимъ

образомъ въ результатѣ анализа въ русскомъ церковномъ пѣніи вскрываются три составные элемента: a) общехристіанское начало, b) заимствованный чуждый національный придатокъ, c) собственныя національныя наслоенія послѣдующаго религіозно-культурнаго развитія. Изложеніемъ результатовъ анализа авторъ не довольствуется и, разыскивая чужеземные источники русскаго церковнаго пѣнія, дѣлаетъ характеристику общехристіанской музыки, наблюдая общія черты въ музыкѣ евреевъ, египтянъ, грековъ, а затѣмъ даетъ рядъ очерковъ церковной музыки на римскомъ западѣ, въ Византіи и у славянъ, съ которыми домонгольская Русь находилась въ близкомъ соприкосновеніи. Этими очерками и занята первая часть разбираемаго изслѣдованія.

Вторая часть работы (главы VII—XVI) посвящена спеціально русскому церковному пѣнію въ домонгольскій періодъ. Здѣсь авторъ приводитъ собранныя имъ въ памятникахъ нашей древней письменности историческія свидѣтельства о состояніи церковнаго пѣнія и о пѣвцахъ въ первые вѣка русской исторіи, считая Кіевъ колыбелью древне-русскаго церковнаго пѣнія. „Въ Кіевѣ“, читаемъ мы здѣсь, „несомнѣнно было положено начало организаціи русскаго церковнаго пѣнія, установленія осмогласія и основныхъ напѣвовъ, выработки соотвѣтствующей пѣвческой симіографіи собственно русской, когда оттуда, единственно изъ Кіева пошли пѣвческая теорія, симіографія и практика, пѣвческая церковная письменность, пѣвческія богослужебныя книги въ оригиналахъ и копіяхъ“ (179). Въ частности разсадникомъ церковнаго пѣнія былъ Кіево-печерскій монастырь, бывшій вообще религіознымъ центромъ домонгольской Руси. Установивъ эти положенія, о. Металловъ переходитъ въ дальнѣйшихъ главахъ къ обзору уцѣлѣвшей пѣвческой литературы, т. е. рукописныхъ богослужебныхъ книгъ съ надстрочными пѣвческими знаками и къ характеристикѣ свойствъ и особенностей древне-русскаго церковнаго пѣнія.

Критическая оцѣнка тѣхъ главъ книги, которыя отведены характеристикѣ древне-русскаго церковнаго пѣнія, возможна только при условіи обладанія значительными свѣдѣніями по теоріи музыки. Отклоняя отъ себя такую оцѣнку—тѣмъ болѣе, что такого рода разборъ сочиненія былъ сдѣланъ компетентными критиками, разсматривавшими трудъ о. Металлова

по порученіямъ Императорской Академіи Наукъ и Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ—мы остановимся на тѣхъ пріемахъ или методахъ, которыми авторъ ведетъ свое изслѣдованіе. Такихъ методовъ у него три. Во-первыхъ, методъ, называемый авторомъ „историко - археологическимъ, прогрессивнымъ". Второй методъ о. Металловъ называетъ „индуктивно-практическимъ, регрессивнымъ" (263). Третій методъ, которому авторъ не даетъ особаго опредѣленія, но которымъ онъ очень часто пользуется, можетъ быть названъ методомъ апріорныхъ логическихъ умозаключеній. Посмотримъ на каждый изъ этихъ методовъ ближе, оцѣнивая ихъ по тѣмъ результатамъ, къ какимъ каждый изъ нихъ изслѣдователя приводитъ. Первый — „историко-археологическій, прогрессивный" по автору—методъ есть обычный пріемъ историческихъ изслѣдованій, наиболѣе правильный и безопасный, заключающійся въ критическомъ изученіи шагъ за шагомъ соотвѣтствующихъ источниковъ и въ извлеченіи изъ источниковъ, оказывающихся доброкачественными и надежными, пригодныхъ для изслѣдованія историческихъ данныхъ. Авторъ вполнѣ владѣетъ этимъ методомъ, въ широкой степени его примѣняетъ и, пользуясь имъ, получаетъ цѣнныя данныя. Съ о. Металловымъ можно спорить о толкованіи того или другого текста или отдѣльнаго выраженія, можно не соглашаться съ его мнѣніями напр. о значеніи историческихъ трудовъ Татищева (137), о выраженіи лѣтописи „дворъ демьстиковъ", о значеніи терминовъ „клиросъ" и „клирошане" въ тѣхъ мѣстахъ лѣтописи, гдѣ они приводятся (149—154). Но все это детали и частности, не вліяющія на общій ходъ изслѣдованія. Въ общемъ тѣ страницы книги, гдѣ авторъ держится своего „археологическаго прогрессивнаго" метода, на нашъ взглядъ, надо признать наиболѣе прочными и цѣнными. Таковъ сводъ историческихъ свидѣтельствъ памятниковъ о церковномъ пѣніи въ древней Руси. Таковы обзоръ и изслѣдованіе сохранившихся отъ XII и начала XIII в. рукописей съ пѣвческими знаками (гл. X) и классификація ихъ по разнымъ мѣстностямъ русской земли и по времени ихъ написанія (гл. XI).

Ко второму методу, „регрессивному"—по автору—или ретроспективному также приходится прибѣгать въ историческихъ изслѣдованіяхъ, хотя, разумѣется, онъ далеко не такъ

надеженъ, какъ первый. Въ переживаніяхъ позднѣйшаго времени можно дѣйствительно различить сохранившіеся остатки иногда далекой старины. Отъ позднихъ явленій можно дѣлать заключенія къ древнимъ. Но этотъ процессъ требуетъ большой осторожности. Авторъ, выходя за предѣлы темы, дѣлаетъ экскурсы въ область церковнаго пѣнія XV—XVII вв. и здѣсь разыскиваетъ старину интересующаго его періода (главы XII и XIII). Сколько-нибудь существенныхъ результатовъ этотъ пріемъ, на нашъ взглядъ, изслѣдователю не далъ, но все же, можетъ быть, сравненіе состоянія церковнаго пѣнія изучаемой эпохи съ тѣмъ, что намъ хорошо извѣстно о пѣніи въ позднѣйшіе вѣка, не совсѣмъ безполезно.

Но третій методъ—апріорныя логическія умозаключенія (о нихъ говоритъ авторъ на стр. 122)—мало надеженъ и даже крайне опасенъ, а между тѣмъ о. Металловъ пользуется имъ слишкомъ часто. Мысль можетъ работать логически вполнѣ правильно, умозаключенія съ формальной стороны могутъ быть сдѣланы безукоризненно вѣрно. Но кто поручится, что въ посылкахъ, изъ которыхъ заключеніе выведено, приняты во вниманіе всѣ данныя, что не откроется какой-либо новый памятникъ, который прольетъ совсѣмъ новый свѣтъ на явленіе, что болѣе тщательный и разносторонній анализъ уже извѣстнаго памятника не представитъ новыхъ совсѣмъ неожиданныхъ данныхъ, которыя измѣнятъ посылку и должны будутъ поколебать умозаключеніе. Авторъ не разъ въ ходѣ своего изслѣдованія взываетъ къ логической необходимости и протестуетъ во имя логической несообразности. (Стр. 34: „всѣ данныя историческія и *соображенія логическія* неопровержимо убѣдительно говорятъ“ и т. д.; 41: „Является почти *принудительнымъ* для насъ предположеніе“; 141: „Было бы несообразно сказать „дворъ доместиковъ — дворъ регентóвъ“, потому что надобно было бы предположить нѣсколько хоровъ въ Кіевѣ, регентà которыхъ почему-то должны были жить въ одномъ мѣстѣ Кіева“... Между тѣмъ все это предположеніе о. Металлова, логически можетъ быть и послѣдовательное, основано на недоразумѣніи и исходитъ изъ ошибочнаго чтенія текста лѣтописи, гдѣ прилагательное притяжательное „демьстиковъ“ принято имъ за родительный падежъ множ. числа). Логическое дол-

женствованіе для почтеннаго автора замѣняетъ собою историческій фактъ. „Мы не имѣемъ“, пишетъ авторъ (237), „безусловно твердыхъ данныхъ для установленія факта греко-сирійскаго происхожденія тѣхъ рукописей, которыя по нашему мнѣнію *должны быть* сирійскими“. Точно также о. Металловъ не стѣсняется строить предположенія, логически—формально правильныя, но не имѣющія подъ собою историческаго основанія; такія предположенія имѣютъ для него цѣну историческихъ фактовъ и онъ выводитъ изъ нихъ всѣ необходимыя логическія послѣдствія, какъ бы изъ фактовъ. „Если принять“, читаемъ мы на 237 стр., „это предположеніе, какъ фактъ, а не принять его мы не имѣемъ пока никакихъ благопріятныхъ данныхъ, то предыдущее положеніе само собою формируется такъ, что въ основѣ всѣхъ помянутыхъ системъ симіографіи *должна быть* представляема не только хирономія старая греко-сирійская, но и развившаяся изъ нея греко-сирійская же симіографія“. Здѣсь положеніе, которое надо было бы доказать историческими фактами, подпирается *предположеніемъ*, выданнымъ за фактъ. О. Металловъ прибѣгаетъ къ такимъ предположеніямъ постоянно, по нѣскольку разъ повторяетъ одно и то же предположеніе на нѣсколькихъ страницахъ и затѣмъ, привыкнувъ къ нему и пріучивъ къ нему читателя, выводитъ изъ него логическія послѣдствія. Вотъ нѣсколько примѣровъ: Стр. 166: „Здѣсь возможно только единственное и весьма вѣроятное предположеніе, что наше кондакарное знамя разработано на Аѳонѣ“ и т. д. Стр. 167: „Не невѣроятно здѣсь и то предположеніе, что это знамя писано въ Уставѣ, если не самими тремя пѣвцами-греками, то подъ ихъ руководствомъ ближайшими ихъ учениками изъ славяно-руссовъ“. Стр. 122—124: „Трехсистемное мелодическое пѣніе... совершенно неизвѣстно на Руси до Ярослава. Объ его раннѣйшемъ существованіи нѣтъ данныхъ заключить и логическимъ апріорнымъ путемъ на основаніи соображеній общаго характера... Отсюда ясно, что знакомство русскихъ пѣвцовъ съ трисоставнымъ сладкогласованіемъ или основами греческой музыки... до Ярослава отсутствовало и едва ли могло быть при тогдашнихъ условіяхъ умственнаго развитія и предварительной подготовки даже передовыхъ людей русскихъ... Ясно затѣмъ и то, что греческая музыкальная система или ви-

зантійская симіографія занесены на Русь въ Кіевъ при Ярославѣ (около 1051—53 г.) тѣми же греческими пѣвцами... Допустимо предположеніе, что греческіе пѣвцы принесли съ собой богослужебныя пѣвческія книги кондакарнаго знамени съ греческимъ текстомъ и только здѣсь въ Кіевѣ перевели ихъ при помощи славянъ и русскихъ (?) на языкъ славяно-русскій, точнѣе (?) болгарскій (?); но возможно и то, что они принесли книги кондакарныя уже переведенныя на славянскій языкъ... Но нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ той мысли, что пѣвческія книги писаны самими пѣвцами или подъ ихъ руководствомъ пѣвцами славяно-русскими". Какъ видимъ, цѣлая цѣпь совершенно произвольныхъ предположеній, не основанныхъ на твердыхъ историческихъ данныхъ.

Надо, впрочемъ, сказать, что неосторожно примѣняемый логическій методъ не оказалъ вліянія на ту часть книги о. Металлова, которую мы считаемъ наиболѣе цѣнной, т.-е. на главы, посвященныя изученію древне-русскихъ пѣвческихъ рукописей. Заслуга автора, какъ изслѣдователя древне-русскаго церковнаго пѣнія, давно уже и по достоинству оцѣнена критикой, и его сочиненіе удостоено почетныхъ наградъ въ видѣ премій гр. Уварова и митрополита Макарія. Тою же критикой были указаны и слабыя внѣшнія стороны работы: тяжелый, временами недостаточно ясный слогъ и множество опечатокъ Эти недостатки остались неисправленными и въ новомъ изданіи книги, вышедшемъ въ 1912 г.

Въ заключеніе могу сказать, что я не вижу препятствій къ принятію книги о. Металлова въ качествѣ магистерской диссертаціи".

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 172*: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній". — 2) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 8 іюня 1899 года за № 3246 разрѣшено было Совѣту Московской Духовной Академіи, въ видѣ изъятія изъ общаго порядка, допустить *священника Василія Металлова* (состояв-

шаго студентомъ Московской Духовной Академіи въ 1882—1883 и 1883—1884 учебныхъ годахъ и затѣмъ выбывшаго изъ оной по прошенію), для удостоенія его степени кандидата богословія, къ испытаніямъ по тѣмъ предметамъ настоящаго академическаго курса, которыхъ онъ не изучалъ въ Академіи, и къ подачѣ установленнаго сочиненія.—3) По выдержаніи въ теченіи сентябрской трети 1900—1901 учебнаго года устныхъ испытаній по семнадцати предметамъ академическаго курса и представленіи кандидатскаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи". Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва, 1900 г.,—священникъ *Металловъ* по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 15 декабря 1900 года удостоенъ былъ степени кандидата богословія и утвержденъ въ оной резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 13 января 1901 года, съ причисленіемъ (по терминологіи нынѣ дѣйствующаго академическаго устава) ко *второму* разряду.—4) Въ виду представленія священникомъ (нынѣ протоіереемъ) Василіемъ *Металловымъ* диссертаціи на соисканіе степени магистра богословія, опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 18 декабря 1906 года, на основаніи § 137 устава духовныхъ академій 1884 года, ему предложено было сдать новыя устныя испытанія по 14-ти предметамъ академическаго курса, по коимъ онъ въ 1883, 1884 и 1900 гг. не оказалъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ степени магистра богословія, и представить (взамѣнъ не вполнѣ удовлетворительныхъ) три новыхъ семестровыхъ сочиненія.—5) Какъ на вновь представленныхъ письменныхъ работахъ, такъ и на новыхъ устныхъ испытаніяхъ по 12-ти предметамъ академическаго курса протоіерей *Металловъ* получилъ баллы вполнѣ удовлетворительные (не ниже $4^1/_2$); отъ сдачи же испытаній по остальнымъ 2-мъ предметамъ академическаго курса(библейской археологіи и Священному Писанію Ветхаго Завѣта), онъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10 іюня 1910 года, былъ освобожденъ въ виду того, что отмѣтка по первому въ соединеніи съ балломъ по еврейскому языку и отмѣтка по второму въ соединеніи съ балломъ по Священному Писанію Новаго Завѣта дали въ результатѣ баллъ не ниже $4^1/_2$.—6) По § 109 лит. *а* п. 15 академическаго устава—„ распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученыя степени и оцѣнка оныхъ"

значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая представленное на соисканіе степени магистра богословія (въ печатномъ видѣ) *протоіереемъ Василіемъ Металловымъ* сочиненіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ достаточнымъ для означенной степени,—допустить протоіерея Металлова къ защитѣ сочиненія на колоквіумѣ.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертаціи назначить и. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора Академіи *А. П. Шостьина* и ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*.—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи, по представленіи магистрантомъ 65-ти экземпляровъ диссертаціи, войти въ соглашеніе съ нимъ относительно дня коллоквіума и пригласить къ участію въ послѣднемъ сторонныхъ лицъ.

V. Представленія г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи, при каѳедрахъ которыхъ оставлены на текущій 1913—1914 учебный годъ *профессорскіе стипендіаты*—Алексѣй *Архангельскій*, Николай *Никольскій*, іеромонахъ *Іеронимъ* (Черновъ), Николай *Кочановъ* и Александръ *Ремезовъ*:

а) И. д. доцента по каѳедрѣ исторіи философіи *священника П. А. Флоренскаго*:

„Имѣю честь сообщить Совѣту Академіи, что для занятій профессорскаго стипендіата Алексѣя *Архангельскаго* я предполагалъ бы избрать изученіе нѣкоторыхъ основныхъ понятій современнаго научнаго жизнепониманія, преимущественно въ видахъ раскрытія ихъ внутренняго смысла, какъ символовъ тѣхъ или иныхъ духовныхъ самоопредѣленій творцовъ науки. Эта работа будетъ естественнымъ продолженіемъ той работы, которую г. Архангельскій произвелъ въ своемъ кандидатскомъ сочиненіи“.

б) Экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи русской церкви *С. И. Смирнова*:

„Профессорскій стипендіатъ *Н. С. Никольскій* писалъ кандидатское сочиненіе на тему „Русская церковь въ Смутное время“. Въ связи съ этой работой и въ видахъ ея продолженія намѣчается ему слѣдующій планъ занятій на стипен-

діатскій годъ: a) изученіе русской исторіи, гражданской и церковной XVI в., для выясненія причинъ смуты, положенія церкви наканунѣ ея и роли церкви въ Смутное время; b) спеціальное изученіе источниковъ, касающихся этой эпохи —сказаній о Смутномъ времени, лѣтописей, хронографовъ— по изданіямъ и, гдѣ нужно, по рукописямъ; c) изученіе научной литературы о Смутномъ времени и d) если позволитъ время, изученіе церковной исторіи XVII ст. для выясненія того, какое вліяніе оказало Лихолѣтье на дальнѣйшую жизнь русской церкви.“

в) Экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, *Д. И. Введенскаго*:

„Профессорскій стипендіатъ *іеромонахъ Іеронимъ* въ 1912—13 учебномъ году занимался изученіемъ эпохи, въ которую жилъ и дѣйствовалъ пророкъ Исаія. Его кандидатская работа обнаружила въ немъ незаурядную освѣдомленность въ области библейско-богословской литературы, относящейся къ интересовавшей его области. Но, признавая, что дѣятельность пророка Исаіи требуетъ особенно внимательнаго изученія его времени, я, въ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія данной эпохи, предлагаю іеромонаху Іерониму внимательнѣе отнестись къ писаніямъ великаго ветхозавѣтнаго пророка. Въ этомъ, т. е. въ обстоятельномъ изученіи текста и духа пророческаго писанія, въ уясненіи общей идеологіи наиболѣе выдающихся историческихъ событій времени пророка Исаіи я и полагаю существенную работу въ предстоящемъ стипендіатскомъ году іеромонаха Іеронима.

Дополненіемъ къ ней будетъ ознакомленіе стипендіата, оставленнаго при моей каѳедрѣ, съ данными общей исторіи и оріентологіи, поскольку въ нихъ затронута исторія народовъ, соприкасавшихся съ евреями времени пророка Исаіи“.

г) Экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей *священника Е. А. Воронцова*:

„Имѣю долгъ сообщить Совѣту Академіи, что для занятій сверхштатнаго профессорскаго стипендіата Николая *Кочанова* я предполагалъ бы избрать продолженіе изученія имъ исторической грамматики еврейскаго языка въ связи съ об-

работкою его кандидатскаго сочиненія объ языкѣ книги Притчей Соломона въ магистерскую диссертацію".

е) Экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени, *А. П. Орлова*:

„Основной задачей научныхъ занятій *г. Ремезова* въ текущемъ стипендіатскомъ году я полагаю разработку вопросовъ, болѣе или менѣе тѣсно соприкасающихся съ темой его кандидатской работы: „Альфредъ Луази (Къ характеристикѣ и оцѣнкѣ католическаго модернизма во Франціи)". Прежде всего, г. Ремезову необходимо по возможности полнѣе и детальнѣе ознакомиться съ сочиненіями самого Луази. Хотя въ своей кандидатской работѣ г. Ремезовъ представилъ достаточно цѣлостную и разностороннюю характеристику научно-богословскихъ воззрѣній знаменитаго модерниста, однако изложеніе нѣкоторыхъ ихъ пунктовъ (напр. воззрѣній Луази по библейско-историческимъ вопросамъ) въ упомянутой работѣ г. Ремезова страдало нѣкоторой конспективностью и поверхностностью. Вторичное внимательное изученіе сочиненій Луази, несомнѣнно, обогатитъ г. Ремезова новыми не безынтересными наблюденіями какъ въ этой области, такъ и вообще надъ научно-богословскимъ творчествомъ Луази. Затѣмъ г. Ремезову необходимо расширить свое знакомство и со вспомогательной литературой своей темы, по тѣмъ или другимъ причинамъ оставшейся неиспользованною въ минувшемъ году. Однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ, пробѣловъ въ кандидатской работѣ г. Ремезова было мѣстами недостаточное знакомство автора съ постановкой и раскрытіемъ нѣкоторыхъ, рѣшаемыхъ у Луази, научныхъ проблеммъ въ раннѣйшей западно-европейской богословской литературѣ. Восполнить эти пробѣлы и вообще внимательнѣе освоиться съ вопросомъ объ историческомъ положеніи научно-богословскихъ теорій Луази и должно составить вторую ближайшую задачу стипендіатскихъ занятій г. Ремезова. Наконецъ, было бы желательно, если бы г. Ремезовъ, не ограничиваясь тѣсными рамками своей кандидатской темы, по возможности шире ознакомился съ модернистическимъ движеніемъ на католическомъ западѣ, въ особенности во

Франціи. Такое знакомство съ французскимъ модернизмомъ, во всемъ разнообразіи его идейнаго содержанія, дастъ г. Ремезову возможность ярче опредѣлить историческое мѣсто, занимаемое въ этомъ движеніи и Альфредомъ Луази".

Справка: Устава духовныхъ академій § *77*: „Руководство занятіями профессорскаго стипендіата поручается Совѣтомъ преподавателю, при каѳедрѣ котораго стипендіатъ оставленъ, а за неимѣніемъ на лицо таковаго въ данное время преподавателю, ближе другихъ стоящему по своей спеціальности къ предмету занятій профессорскаго стипендіата. Преподаватель-руководитель составляетъ для профессорскаго стипендіата планъ занятій, который подлежитъ разсмотрѣнію и утвержденію Совѣта".

Опредѣлили: Представленные г.г. профессорами и преподавателями Академіи *планы занятій* на 1913 — 1914 учебный годъ для профессорскихъ стипендіатовъ Академіи Алексѣя *Архангельскаго*, Николая *Никольскаго*, іеромонаха *Іеронима* (Чернова), Николая *Кочанова* и Александра *Ремезова*—утвердить и предложить названнымъ лицамъ къ руководству и исполненію.

VI. Прошеніе сверхштатнаго профессорскаго стипендіата Академіи Николая *Кочанова*:

„Честь имѣю почтительнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать мое кандидатское сочиненіе: „Книга Притчей Соломона, какъ памятникъ древне-еврейскаго языка и священной ветхозавѣтной письменности" для представленія его на соисканіе ученой степени магистра богословія".

Опредѣлили: Дозволить профессорскому стипендіату Николаю *Кочанову* переработать его кандидатское сочиненіе на означенную въ прошеніи тему въ магистерскую диссертацію, о чемъ, согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 года за № 2565, и представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

VII. Отношенія:

а) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 23 сентября за № 2605, съ увѣдомленіемъ о полученіи двухъ славянскихъ и шести греческихъ рукописей Синодальной (Патріаршей) Библіотеки, возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 17 сентября с. г. за № 489.

б) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 17 сентября за № 2533, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій и. д. доцента свящ. І. М. Смирнова, двухъ славянскихъ рукописей Синодальной Библіотеки подъ №№ 216 и 848.

в) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 21 сентября за № 2040, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій ординарнаго профессора М. М. Тарѣева, слѣдующихъ книгъ: 1) W. Diltey. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geistwissenschaften. 2) H. Sturt. Personal idealism и 3) Arnim. Stoicorum weterum fragmenta, 1 и 3 томы.

г) Совѣта Императорской С-Петербугской Духовной Академіи, отъ 24 сентября за № 1452, съ увѣдомленіемъ о продленіи и. д. доцента Н. Л. Туницкому срока пользованія рукописью за № 1376 еще на три мѣсяца,

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Отношенія Совѣта Императорской Кіевской Духовной Академіи, отъ 3 и 23 сентября за №№ 1368 и 1632, съ просьбою выслать, для научныхъ занятій ординарнаго профессора протоіерея Ѳ. И. Титова и студента IV курса свящ. А. Державина, книги: 1) Жизнь святыхъ—Лаврентія Сурія и 2) Прологъ 1685 года съ собственноручными отмѣтками свят. Димитрія.

Опредѣлили: Выслать въ Совѣтъ Императорской Кіевской Духовной Академіи означенныя въ отношеніяхъ книги на четырехмѣсячный срокъ.

IX. Отношеніе (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) Совѣта Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 18 сентября за № 1328:

„Студентъ II-го курса ввѣренной управленію Вашего Преосвященства Академіи *Моисеевъ Григорій* подалъ въ Совѣтъ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи прошеніе о переводѣ его на соотвѣтствующій курсъ названной Академіи. Въ своемъ собраніи отъ 6-го сентября с. г. ст. 13 Совѣтъ Академіи опредѣлилъ просьбу названнаго студента удовлетворить; о чемъ имѣетъ честь увѣдомить Ваше Преосвященство съ покорнѣйшей просьбой выслать въ С.-Петербургскую Академію, согласно § 146 п. 1 Академическаго устава, свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи Моисеева Григорія".

Справка: Свѣдѣнія объ успѣхахъ и поведеніи, а также и всѣ документы студента *Григорія Моисеева* препровождены въ Совѣтъ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи при отношеніи Преосвященнаго Ректора отъ 21 сентября с. г. за № 492.

Опредѣлили: Исключить *Григорія Моисеева*, за состоявшимся переводомъ его въ С.-Петербургскую Духовную Академію, изъ списковъ студентовъ II курса Московской Академіи.

X. Прошенія:

а) Студентовъ IV курса Академіи Тихона *Попова* и Александра *Цуйманова*—о разрѣшеніи имъ прослушать въ текущемъ учебномъ году курсъ лекцій и сдать въ концѣ года установленное испытаніе *по еврейскому языку съ библейской археологіей.*

б) Студентовъ III курса: Василія *Бажанова*, Леонида *Никольскаго*, Сергѣя *Покровскаго*, Алексѣя *Соловьева* и Сергѣя *Холмогорова*—о разрѣшеніи имъ прослушать въ текущемъ учебномъ году курсъ лекцій и сдать въ концѣ года установленное испытаніе *по русской гражданской исторіи.*

в) Студентовъ: IV курса—Пантелеимона *Введенскаго*, III курса—Харлампія *Волскаго*. Григорія *Крылова* и Александра *Любимова*—о разрѣшеніи имъ прослушать въ текущемъ учебномъ году курсъ лекцій и сдать въ концѣ года установленное испытаніе *по исторіи русской литературы.*

г) Студентовъ III курса: Стефана *Аскалонова*, Михаила *Введенскаго*, Александра *Десятова*, Гавріила *Покровскаго*, Николая

Прыткова, Александра *Соколова* и Василія *Херсонскаго*—о разрѣшеніи имъ прослушать курсы лекцій: *по церковно-славянскому и русскому языкамъ съ палеографіей*—въ текущемъ 1913—1914-мъ, *и по исторіи русской литературы* — въ будущемъ 1914—1915 учебномъ году, со сдачею установленныхъ испытаній.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе, 1) что поименованные студенты уже прослушали на I и II курсахъ избранные ими при поступленіи въ Академію для спеціальнаго изученія групповые предметы, 2) что лекціонные часы, отведенные по росписанію на I и II курсахъ для групповыхъ предметовъ,—остаются на III и IV курсахъ свободными, и признавая просьбы ихъ заслуживающими уваженія,—разрѣшить просителямъ прослушать въ текущемъ (студентамъ, поименованнымъ въ п. *г*,—и въ будущемъ) учебномъ году курсы лекцій и сдать въ концѣ года установленныя испытанія по указаннымъ въ ихъ прошеніяхъ предметамъ, которые, вмѣстѣ съ симъ, становятся для просителей *обязательными*.

XI. Собственноручныя показанія студентовъ I курса о выборѣ ими для спеціальнаго изученія въ теченіе академическаго курса групповыхъ предметовъ (по группамъ А и Б), а также о желаніи ихъ изучать одинъ изъ новыхъ языковъ.

По симъ показаніямъ изъявили желаніе слушать:

А. I. Исторію философіи:	*Изъ языковъ:*
1. Бѣляевъ Сергѣй	Нѣм.
Виноградовъ Сергѣй	Нѣм.
Воздвиженскій Николай	Нѣм.
Волковъ Николай	Нѣм.
5. Вязигинъ Георгій	Нѣм.
Глаголевъ Георгій	Нѣм.
Голубевъ Леонидъ	Англ.
Гусевъ Николай	Нѣм.
Гусевъ Петръ	Нѣм.
10. Дацыковъ Иванъ	Нѣм.
Добросердовъ Павелъ	Франц.

Доброхотовъ Михаилъ. . . . . Нѣм.
Ефремовъ Иванъ. . . . . Нѣм.
Кедровъ Александръ . . . . . Нѣм.
15. Крыловъ Павелъ . . . . . Нѣм.
Кулигинъ Дмитрій . . . . . Нѣм.
Лисицкій Николай . . . . . Франц.
Мефедовъ Герасимъ . . . . . Нѣм.
Миловидовъ Алексѣй . . . . . Франц.
20. Іерод. Трифонъ (Мохоръ). . . . . Англ.
Муравьевъ Сергѣй . . . . . Нѣм.
Никольскій Николай (Пенз.) . . . Франц.
Никольскій Николай (Яросл.) . . . . Франц.
Піуновскій Иванъ . . . . . Нѣм.
25. Разумовскій Григорій . . . . . Англ.
Романовскій Владиміръ . . . . . Франц.
Сапѣга Онуфрій, галич. . . . . Англ.
Сиротинскій Алексѣй. . . . . Нѣм.
Скворцовъ Иванъ . . . . . Нѣм.
30. Соколовъ Михаилъ . . . . . Нѣм.
Соловьевъ Николай. . . . . Нѣм.
Суворовъ Николай . . . . . Нѣм.
Сѣто Владиміръ . . . . . Франц.
Тихонравовъ Георгій . . . . . Нѣм.
Четыркинъ Петръ. . . . . Нѣм.
36. Шевнинъ Николай . . . . . Нѣм.

А. II. Педагогику:

1. Авилкинъ Николай. . . . . Нѣм.
Алмазовъ Александръ. . . . . Нѣм.
Андреевъ Михаилъ . . . . . Нѣм.
Бажановъ Николай. . . . . Нѣм.
5. Брянцевъ Алексѣй . . . . . Нѣм.
Воскресенскій Михаилъ . . . . . Нѣм.
Городецкій Анатолій . . . . . Англ.
Ефремовъ Александръ. . . . . Нѣм.
Свящ. Ждановъ Александръ . . . Нѣм.
10. Забавинъ Иванъ . . . . . Нѣм.
Золотницкій Аркадій . . . . . Нѣм.
Іоакиманскій Николай. . . . . Нѣм.

Калиновскій Гавріилъ. . . . . Нѣм.
Карповъ Иванъ . . . . . Нѣм.
15. Кипарисовъ Борисъ. . . . . Франц.
Крыловъ Владиміръ . . . . . Нѣм.
Ломакинъ Николай . . . . . Нѣм.
Свящ. Макогонскій Григорій . . . Нѣм.
Миловидовъ Викторъ . . . . . Нѣм.
20. Прот. Мухинъ Іоаннъ . . . . . Нѣм.
Недѣльскій Ѳеодосій . . . . . Франц.
Некрасовъ Платонъ. . . . . Нѣм.
Свящ. Никольскій Евгеній . . . . Нѣм.
Свящ. Орловъ Василій . . . . . Нѣм.
25. Поповъ Александръ. . . . . Франц.
Свящ. Проталинскій Іоаннъ. . . . Нѣм.
Пятницкій Владиміръ . . . . . Нѣм.
Рождественскій Николай . . . . . Нѣм.
Рождественскій Александръ . . . Нѣм.
30. Соболевъ Михаилъ . . . . . Нѣм.
Соколовъ Василій . . . . . Нѣм.
32. Чирскій Иванъ . . . . . Нѣм.

Б. Предметы первой группы.

(Русскую гражданскую исторію и Исторію Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени, въ связи съ исторіей Славянскихъ церквей и Румынской):

1. Авилкинъ Николай.
Алмазовъ Александръ.
Брянцевъ Алексѣй.
Дацыковъ Иванъ.
5. Золотницкій Аркадій.
Кедровъ Александръ.
Кипарисовъ Борисъ.
Крыловъ Павелъ.
Лисицкій Николай.
10. Миловидовъ Алексѣй.
Іерод. Трифонъ (Мохоръ).
Никольскій Николай (Пенз.).
Свящ. Орловъ Василій.

Поповъ Александръ.
15. Свящ. Проталинскій Іоаннъ.
Рождественскій Александръ.
Соколовъ Василій.
18. Шевнинъ Николай.

Б. Предметы второй группы.

(Библейскую исторію, въ связи съ исторіей древняго міра, и Еврейскій языкъ съ библейской археологіей):

1. Бажановъ Николай.
Волковъ Николай.
Воскресенскій Михаилъ.
Вязигинъ Георгій.
5. Гусевъ Николай.
Гусевъ Петръ.
Доброхотовъ Михаилъ.
Свящ. Ждановъ Александръ.
Забавинъ Иванъ.
10. Іоакиманскій Николай.
Карповъ Иванъ.
Крыловъ Владиміръ.
Кулигинъ Дмитрій.
Свящ. Макогонскій Григорій.
15. Мефедовъ Герасимъ.
Миловидовъ Викторъ.
Прот. Мухинъ Іоаннъ.
Недѣльскій Ѳеодосій.
Некрасовъ Платонъ.
20. Свящ. Никольскій Евгеній.
Пятницкій Владиміръ.
Рождественскій Николай.
Сиротинскій Алексѣй.
Соболевъ Михаилъ.
25. Суворовъ Николай.

Б. Предметы третьей группы.

(Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей и Исторію русской литературы):

1. Андреевъ Михаилъ.
Бѣляевъ Сергѣй.

Виноградовъ Сергѣй.
Воздвиженскій Николай.
5. Глаголевъ Георгій.
Голубевъ Леонидъ.
Городецкій Анатолій.
Ефремовъ Александръ.
Ефремовъ Иванъ.
10. Калиновскій Гавріилъ.
Ломакинъ Николай.
Муравьевъ Сергѣй.
Никольскій Николай (Яросл.).
Піуновскій Иванъ.
15. Разумовскій Григорій.
Романовскій Владиміръ.
Сапѣга Онуфрій.
Скворцовъ Иванъ.
Соколовъ Михаилъ.
Четыркинъ Петръ.
21. Чирскій Иванъ.

Б. Предметъ четвертой группы.

(*Исторію и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени*):

1. Добросердовъ Павелъ.
Соловьевъ Николай.
Сѣто Владиміръ.
4. Тихонравовъ Георгій.

Опредѣлили: Утвердивъ распредѣленіе студентовъ I курса по группамъ, собственноручныя показанія ихъ хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

XII. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на представленіяхъ Преосвященнаго Ректора Академіи, отъ 6 и 7 сентября с. г., за №№ 454 и 455, о разрѣшеніи допустить къ слушанію академическихъ лекцій, на основаніяхъ, изложенныхъ въ § 147-мъ устава духовныхъ академій, окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій (по 2-му

разряду) *священниковъ*: Владимірской епархіи, Суздальскаго уѣзда, Гавриловскаго Посада, Воскресенской церкви *Пимена Киселева*, Вятской епархіи, Нолинскаго уѣзда, села Ясашно-Лудяны *Василія Лопатина* и Черниговской епархіи, Сосницкаго уѣзда, села Рижекъ *Алексѣя Романова*; окончившаго шесть классовъ Московскаго 1-го реальнаго училища *Александра Тихомирова* и студента Тобольской духовной семинаріи *Евгенія Копылова:* „11 сент. 1913. Согласенъ. М. Макарій".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ исполненію.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства „18 окт. 1913. Исполнить".

1 октября 1913 года.

№ 18.

Присутствовали: Преосвященнѣйшій Епископъ Мисаилъ, Членъ Московской Святѣйшаго Синода Конторы и Настоятель Московскаго Ставропигіальнаго Симонова Монастыря; Преосвященный Ректоръ Академіи Епископъ Ѳеодоръ, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Въ собраніи семъ, въ день воспоминанія объ основаніи Императорской Московской Духовной Академіи, происходилъ, на основаніи § 121 устава духовныхъ академій, торжественный актъ въ слѣдующемъ порядкѣ: экстраординар-

нымъ профессоромъ Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей *священникомъ Е. А. Воронцовымъ* произнесена была составленная имъ, по порученію Совѣта, рѣчь на тему: „О происхожденіи синагоги и главныхъ элементахъ ея архитектоники"; Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи провозглашены были имена лицъ, вновь избранныхъ Совѣтомъ въ званіе почетныхъ членовъ Академіи, и прочитанъ былъ секретаремъ Совѣта отчетъ о состояніи Императорской Московской Духовной Академіи въ 1912—1913 учебномъ году.

Опредѣлили: Почтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство отчетъ о состояніи Императорской Московской Духовной Академіи въ 1912—1913 учебномъ году, по напечатаніи онаго, представить, согласно § 120 академическаго устава, на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „5 ноября 1913. Отчетъ послать по назначенію".

5 ноября 1913 года.

№ 19.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ; ординарные профессоры—С. И. Соболевскій и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій.

Отсутствовали: ординарные профессоры—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ и экстраординарный профессоръ священникъ В. Н. Страховъ.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „27 сент. 1913. Въ Академію"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 23 сентября за № 15129:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 17 Іюня 1913 года за № 322, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи и. д. доцента академіи, кандидата богословія, *священника Ильи Гумилевскаго* въ степени магистра богословія, за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе „Ученіе Святаго Апостола Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ“ и должности доцента академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ литургики, и 2) отзывъ Преосвященнаго Пензенскаго о названномъ сочиненіи, отъ 22 сего Сентября за № 35. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи, представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Пензенскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить и. д. доцента названной академіи, кандидата богословія, священника Илью Гумилевскаго въ степени магистра богословія за помянутое сочиненіе и должности доцента академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ литургики; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „14 окт. 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 12 октября за № 16351:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 16 Сентября сего года № 479, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи и. д. доцента сей академіи по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, кандидата богословія, *Николая Протасова* въ степени магистра богословія, за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе: „Св. Апостолъ Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы. Историко-экзегетическій анализъ содержанія XXV и XXVI главъ книги Дѣяній по греческому тексту“, и въ должности доцента названной академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ, и 2) отзывъ присутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ Преосвященнаго Тобольскаго, отъ 3 Октября 1913 года, о названномъ сочиненіи.

Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить и. д. доцента помянутой академіи по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, Николая Протасова въ степени магистра богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Св. Апостолъ Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы. Историко-экзегетическій анализъ содержанія XXV и XXVI главъ книги Дѣяній по греческому тексту“, и въ должности доцента названной академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: 1) Изготовить для *священника И. В. Гумилевскаго* и *Н. Д. Протасова* магистерскіе дипломы и выдать ихъ по принадлежности.—2) Объ утвержденіи названныхъ лицъ въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи внести въ формулярные о службѣ ихъ списки.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „27 сент. 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 24 сентября за № 15278:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 16 Сентября 1913 г. за № 476, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи принять въ число студентовъ I курса Императорской Московской духовной академіи имѣющихъ женъ *священниковъ* Евгенія *Никольскаго*, Василія *Орлова*, Александра *Жданова* и Григорія *Макогонскаго*, съ дозволеніемъ имъ, въ виду крайней тѣсноты студенческихъ помѣщеній, проживать съ семействами на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ посадѣ. Приказали: Согласно ходатайству Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Императорской Московской духовной академіи принять въ число студентовъ I курса академіи имѣющихъ женъ священниковъ—Евгенія Никольскаго, Василія Орлова, Александра Жданова и Григорія Макогонскаго, съ дозволеніемъ имъ, въ виду удостовѣряемой Вашимъ Преосвященствомъ крайней тѣсноты студенческихъ

помѣщеній, проживать съ семействами на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ посадѣ; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ, поручивъ при этомъ Вашему Преосвященству *на будущее время доставлять въ подобныхъ случаяхъ подробныя свѣдѣнія о семейномъ положеніи священнослужителей, поступающихъ въ академію*".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „11 окт. 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 октября за № 16008:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 16 Сентября сего года № 477, съ ходатайствомъ объ увольненіи и. д. доцента Императорской Московской духовной академіи по каѳедрѣ церковнаго права *Николая Кузнецова*, согласно его прошенію, отъ занимаемой имъ въ академіи преподавательской должности и о назначеніи на должность преподавателя академіи по названной каѳедрѣ, въ званіи ординарнаго профессора, заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ церковной исторіи, доктора церковнаго права, *Александра Алмазова*, съ оставленіемъ его и на службѣ при университетѣ. Приказали: 1) Согласно ходатайству Вашего Преосвященства уволить и. д. доцента Императорской Московской духовной академіи по каѳедрѣ церковнаго права Николая Кузнецова, вслѣдствіе его прошенія, отъ занимаемой имъ въ академіи преподавательской должности, и 2) предоставить Г. Синодальному Оберъ-Прокурору войти въ сношеніе съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія по вопросу о томъ, не встрѣчается ли съ его стороны препятствій къ назначенію ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета Александра Алмазова ординарнымъ профессоромъ Императорской Московской духовной академіи, съ оставленіемъ его и на службѣ въ университетѣ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: 1) Объ увольненіи и. д. доцента по каѳедрѣ церковнаго права *Н. Д. Кузнецова*, согласно его прошенію, отъ занимаемой имъ въ Академіи преподавательской должности—внести въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.—2) Прочее принять къ свѣдѣнію.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „11 окт. 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 октября за № 16010:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 16 Сентября сего года за № 478, объ учрежденіи при Императорской Московской духовной академіи *стипендіи имени протоіерея* с. Ильинскаго въ Порѣчьѣ, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи *Алексія Соболева*. Приказали: 1) Учредить при Императорской Московской духовной академіи стипендію имени протоіерея с. Ильинскаго въ Порѣчьѣ, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи Алексія Соболева на завѣщанный имъ капиталъ въ суммѣ 4600 рублей въ свидѣтельствахъ Государственной 4% ренты и 2) утвердить положеніе о сей стипендіи въ представленномъ Вашимъ Преосвященствомъ видѣ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „19 окт. 1914. Въ Совѣтъ Академіи" — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 октября за № 16662:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, отъ 9 Октября 1913 года за № 9343, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи *Вашего Преосвященства* въ званіи почетнаго члена Императорской Московской духовной академіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской

духовной академіи и представленію Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить Ваше Преосвященство въ званіи почетнаго члена Императорской Московской духовной академіи; о чемъ увѣдомить Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго и Ваше Преосвященство указами".

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „2 ноября 1913. Въ Совѣтъ Академіи — къ свѣдѣнію и для соотвѣтственныхъ распоряженій"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 31 октября за № 17631:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 18 Октября сего года № 540, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи въ званіи почетныхъ членовъ сей академіи викарія Тульской епархіи, *Преосвященнаго Каширскаго Евдокима* и Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Тайнаго Совѣтника, Александра *Тихомирова*. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить викарія Тульской епархіи, Преосвященнаго Каширскаго Евдокима и Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Тайнаго Совѣтника, Александра Тихомирова въ званіи почетныхъ членовъ Императорской Московской духовной академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ.

Опредѣлили: Изготовить для Его Высокопреосвященства, Преосвященнаго *Епископа Евдокима* и Тайнаго Совѣтника *А. А. Тихомирова* установленные дипломы на званіе Почетныхъ Членовъ Императорской Московской Духовной Академіи и просить ихъ о принятіи сего званія.

VI. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „19 окт. 1913. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи" — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 октября за № 16663:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе за Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Товарища Оберъ-Прокурора. отъ 11 Октября сего года № 36115, по вопросу о принятіи болгарскихъ уроженцевъ іеродіакона Гавріила, окончившаго курсъ Константинопольской духовной семинаріи, и Ивана Малинкова, окончившаго курсъ Софійской духовной семинаріи, въ Императорскую Московскую духовную академію, и сербскихъ уроженцевъ Милана Радоевича, Бориславa Бабича, Михаила Стевановича, Боголюба Благоевича и Александра Радойчича въ русскія духовныя семинаріи. Приказали: Принимая во вниманіе, 1) что, по § 136 устава Императорскихъ духовныхъ академій, пріемъ студентовъ въ оныя производится лишь предъ началомъ учебныхъ занятій, во второй половинѣ Августа, б) что нынѣ не имѣется свободныхъ стипендій для иностранныхъ уроженцевъ въ духовныхъ семинаріяхъ, и в) что Радоевичъ, Стевановичъ и Благоевичъ не могутъ быть приняты въ духовныя семинаріи по малолѣтству и неподготовленности къ прохожденію семинарскаго курса, Бабичъ въ частной гимназіи на родинѣ оказалъ посредственные успѣхи, а объ успѣхахъ и поведеніи Радойчича совсѣмъ не имѣется свѣдѣній, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣту Императорской Московской духовной академіи допустить болгарскихъ уроженцевъ *іеродіакона Гавріила* и *Ивана Малинкова* къ пріемнымъ испытаніямъ, *въ началѣ 1914—15 учебнаго года*, послѣ медицинскаго освидѣтельствованія, для поступленія въ академію, 2) назначить іеродіакону *Гавріилу* и Ивану *Малинкову*, по поступленіи ихъ въ академію, *стипендіи* изъ Синодальныхъ средствъ, съ отнесеніемъ расхода на эти стипендіи, *по двѣсти двадцать рублей въ годъ* на каждаго, на счетъ духовно-учебнаго капитала, по Отд. 1 § 2 спеціальной смѣты расходовъ вѣдомства Святѣйшаго Синода, и 3) ходатайства сербскихъ уроженцевъ Радоевича, Бабича, Стевановича, Радойчича и Благоевича о принятіи ихъ въ русскія духовныя семинаріи отклонить, о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и исполненію.

VII. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „30 окт. 1913. Въ Совѣтъ Императорской Московской Академіи“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 29 октября за № 17401:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 30 Сентября сего года № 10553, въ коемъ изложено, что за Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Членъ Совѣта Министра, Тайный Совѣтникъ Кондоиди, сообщилъ, отношеніемъ отъ 19 Сентября сего года за № 26997, о томъ, что Непремѣнный Секретарь Императорской Академіи Наукъ, ординарный академикъ С. Ольденбургъ, по порученію Конференціи названной Академіи, обратился въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи созыва: 1) въ 1918 году въ С.-Петербургѣ *IV международнаго историческаго съѣзда*, и 2) съ 15 по 22 Декабря сего года *совѣщанія* при Императорской Академіи Наукъ, для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ этого съѣзда, и выборовъ исполнительнаго Комитета съѣзда, изъ представителей отечественныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ и, между прочимъ, представителей Императорскихъ С.-Петербургской, Кіевской, Московской и Казанской духовныхъ академій,—проситъ о сообщеніи заключенія по настоящему дѣлу. Приказали: Выслушавъ настоящее предложеніе, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) предоставить Г. Синодальному Оберъ-Прокурору увѣдомить Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, что со стороны Святѣйшаго Синода не встрѣчается препятствій къ созыву означенныхъ съѣздовъ и совѣщанія при Императорской Академіи Наукъ, съ участіемъ представителей отъ духовнаго вѣдомства, и 2) поручить Совѣтамъ Императорскихъ С.-Петербургской, Кіевской, Московской и Казанской духовныхъ академій войти въ сужденіе о томъ, кто изъ академической корпораціи и на какихъ условіяхъ можетъ быть командированъ, въ качествѣ представителя отъ академіи, на означенное совѣщаніе, и о послѣдующемъ, въ установленномъ порядкѣ, представить, въ возможно непродолжительное время, Святѣйшему Синоду; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: 1) Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что делегатами отъ Академіи на совѣщаніе при Императорской Академіи Наукъ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ въ 1918-мъ году въ С.-Петербургѣ IV-го международнаго историческаго съѣзда, имѣющее быть съ 15 по 22 декабря с. г., въ настоящемъ собраніи Совѣта избраны: ординарный профессоръ по каѳедрѣ русской гражданской исторіи, Статскій Совѣтникъ, *М. М. Богословскій* и экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ исторіи русской церкви, Статскій Совѣтникъ, *С. И. Смирновъ.*—2) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о назначеніи названнымъ лицамъ пособія изъ Синодальныхъ суммъ на путевые расходы и содержаніе въ г. С.-Петербургѣ въ размѣрѣ—*по 150 рублей* каждому.

VIII. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „30 сент. 1913. Въ Совѣтъ Академіи“ — отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 25 сентября за № 10261:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 16-го сего сентября за № 475, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство не отказать въ надлежащемъ распоряженіи объ объявленіи священникамъ Василію *Діаковскому*, Александру *Бодину* и Сергѣю *Орфееву*, что всеподданнѣйшія ходатайства о принятіи ихъ въ Императорскую Московскую духовную академію не подлежатъ удовлетворенію, по изложеннымъ въ отношеніи Вашего Высокопреосвященства, за № 475, основаніямъ“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора Академіи, священникамъ В. Діаковскому, А. Бодину и С. Орфееву объ отклоненіи ихъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о принятіи въ Академію безъ повѣрочныхъ испытаній сообщено отношеніями академической Канцеляріи отъ 25 октября с. г. за №№ 569, 570 и 571.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. а) Резолюцію Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, Первенствующаго Члена Святѣйшаго Синода, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи *27 сентября, № 16.* „1913 г. Окт. 9. Войти—и нынѣ же вхожу—съ таковымъ ходатайствомъ въ Св. Сѵнодъ“.

б) Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи *27 сентября, № 17:* „18 окт. 1913. Исполнить“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Вѣдомости Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ за *сентябрь* и *октябрь* мѣсяцы текущаго 1913 года, изъ которыхъ видно, что:

1) Въ *сентябрѣ* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни:* экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ опустилъ 5 лекцій, и. д. доцента іеромонахъ Варѳоломей—3 лекціи и ординарный профессоръ А. А. Спасскій—2 лекціи; *б) по нахожденію въ отпускѣ:* и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ—12 лекцій, и. д. доцента А. М. Туберовскій и В. П. Виноградовъ—по 10 лекцій; *в) по нахожденію въ командировкѣ:* и. д. доцента іеромонахъ Пантелеимонъ—6 лекцій.

2) Въ *октябрѣ* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни:* и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ опустилъ 8 лекцій, экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ—5 лекцій, и. д. доцента Н. Л. Туницкій и свящ. І. М. Смирновъ—по 4 лекціи, ординарный профессоръ А. А. Спасскій и экстраодинарный профессоръ П. П. Соколовъ—по 3 лекціи; *б) по нахожденію въ отпускѣ:* и. д. доцента А. М. Туберовскій—14 лекцій и и. д. доцента В. П. Виноградовъ—2 лекціи; *в) по нахожденію въ командировкѣ:* и. д. доцента іеромонахъ Пантелеимонъ (Успенскій)—15 лекцій; *г) по случаю научной экскурсіи студентовъ Академіи въ Музей Изящныхъ Искусствъ Имени Императора Александра III при Московскомъ Университетѣ:* ординарные профессоры С. С. Глаголевъ и М. М. Богословскій, экстраординарные профессоры Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ—по 2 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомости внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

XI. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Въ настоящее время въ Академіи остаются незамѣщенными двѣ вакансіи экстраординарнаго профессора.—Руководствуясь указаніями примѣчанія къ § 65 академическаго устава, по которому „въ священномъ санѣ должно состоять не менѣе 1/2 всѣхъ членовъ Совѣта“ и принимая во вниманіе, что въ настоящемъ составѣ Совѣта изъ 17-ти членовъ только 5 лицъ носятъ священный санъ, предлагаю Совѣту Академіи избрать на вышеупомянутыя двѣ вакансіи и установленнымъ порядкомъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи въ званіи экстраординарныхъ профессоровъ Академіи слѣдующихъ, вполнѣ достойныхъ сего званія и правоспособныхъ лицъ: 1) о. Инспектора Академіи и доцента по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, магистра богословія, *архимандрита Иларіона* (Троицкаго), состоящаго на духовно-учебной службѣ при Академіи съ 16 августа 1910 года, и 2) доцента по каѳедрѣ литургики, магистра богословія, *священника Илію Гумилевскаго*, состоящаго на духовно-учебной службѣ съ 7 ноября 1907 года, а на службѣ при Академіи съ 16 августа 1912 года“.

Открытымъ голосованіемъ о. Инспекторъ Академіи *архимандритъ Иларіонъ* избранъ былъ въ званіе экстраординарнаго профессора Академіи единогласно, а *священникъ И. В. Гумилевскій*—большинствомъ двѣнадцати голосовъ членовъ Совѣта противъ одного (экстраординарнаго профессора П. П. Соколова).

Справка: 1) По *прим. къ § 66-му* устава духовныхъ академій „экстраординарными профессорами могутъ быть и лица, имѣющія степень магистра богословія“.—2) По *§ 109 лит. в* п. 2 того же устава „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ и профессоровъ“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержде-

ніи Инспектора Академіи, доцента по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *архимандрита Иларіона* (Троицкаго) и доцента по каѳедрѣ литургики *священника И. В. Гумилевскаго* въ званіи экстраординарныхъ профессоровъ Академіи, съ 5-го ноября 1913 года—для избранія ихъ въ это званіе Совѣтомъ Академіи.

XII. Отзывы о сочиненіи и. д. доцента Императорской Московской Духовной Академіи по второй каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, кандидата богословія, *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)* подъ заглавіемъ: „Книга пророка Аввакума. Введеніе и толкованіе". Сергіевъ Посадъ, 1913 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *священника Д. В. Рождественскаго*:

„Магистерское сочиненіе о. Варѳоломея представляетъ переработку его кандидатскаго сочиненія, каковому труду авторъ посвятилъ истекшій 1912—1913 учебный годъ. По прочтеніи работы въ печатномъ видѣ, рецензентъ пришелъ къ тому убѣжденію, что отмѣченныя въ отзывѣ о кандидатскомъ сочиненіи достоинства въ значительной мѣрѣ повысились, а указанные тамъ же недочеты почти всюду устранены (см. Журналы Совѣта за 1912 годъ, стр. 360—366). Въ рецензируемомъ сочиненіи, въ настоящемъ его видѣ, послѣ краткаго предисловія (стр. 1—3) и очень обширнаго перечня источниковъ и пособій (стр. 5—12), разсмотрѣны слѣдующіе вопросы исагогическаго характера: 1) о личности священнаго писателя. Здѣсь заслуживаетъ вниманія выясненіе этимологическаго значенія имени пророка, направленное противъ мнѣнія Фридриха Делича и его послѣдователей объ ассирійскомъ происхожденіи имени „Аввакумъ"; каковое производство, по взгляду критиковъ — отрицателей, служитъ лишнимъ основаніемъ для утвержденія „идейной зависимости Библіи отъ Вавилона" (стр. 16). Авторъ доказываетъ, вопреки этому взгляду, полную возможность и основательность производства пророческаго имени отъ чисто еврейскаго корня и отвергаетъ мнѣніе Делича, признавъ его словопроизводство искусственнымъ и тенденціознымъ

(стр. 17). За отсутствіемъ данныхъ въ книгахъ Священнаго Писанія для опредѣленія личности пророка, времени и мѣста его рожденія и смерти, для уясненія обстоятельствъ его жизни и дѣятельности, автору пришлось ограничиться характеристикою личности пророка Аввакума по содержанію его книги. Разсмотрѣны и преданія о пророкѣ,—преданія недостаточно ясныя и не внушающія довѣрія; здѣсь же дано критическое обозрѣніе отдѣла изъ неканоническаго прибавленія къ книгѣ пророка Даніила (14, 33—39), историческая достовѣрность котораго, въ примѣненіи къ личности Аввакума, пророка—писателя, отвергается. 2) Вопросъ о времени написанія пророческой книги, послѣ разбора существующихъ въ наукѣ мнѣній, рѣшается съ достаточной опредѣленностью и основательностью: написаніе книги относится къ концу царствованія Манассіи. 3) Книга пророка Аввакума, несмотря на ея очень незначительный объемъ, большинствомъ западныхъ критиковъ дробится на нѣсколько отрывковъ, приписываемыхъ различнымъ авторамъ, жившимъ не въ одно время. Здѣсь о. Варѳоломей снова, какъ въ вопросѣ о происхожденіи имени пророка, подвергая критикѣ сужденія отрицателей единства изслѣдуемой имъ книги, выступаетъ на защиту традиціоннаго мнѣнія о ея единствѣ, которое неопровержимо подтверждается внутреннею цѣлостностью ея содержанія. 4) Въ главѣ о строеніи книги пророка Аввакума и ея языкѣ автору пришлось немало поработать надъ опредѣленіемъ той поэтической схемы, которой держался священный авторъ, излагая свою книгу не обыкновеннымъ прозаическимъ языкомъ, а мѣрною рѣчью. Съ другой стороны, здѣсь необходимо было отмѣтить характерныя особенности языка пророческой книги. То и другое выполнено авторомъ съ надлежащею обстоятельностью. На этомъ исагогическій отдѣлъ сочиненія,—сравнительно, очень небольшой (стр. 15—51), и кончается. Въ немъ, однако, и при его краткости, всѣ существенно важные вопросы исагогическаго характера разрѣшены достаточно полно и совершенно удовлетворительно.

Затѣмъ авторомъ дается послѣдовательное и обстоятельное истолкованіе буквальнаго смысла пророческой книги по тексту масоретскому и важнѣйшимъ переводамъ (преимущественно, по переводу LXX). И эта часть сочиненія (стр.

57—200) изложена въ апологетическомъ направленіи. За нею слѣдуетъ указаніе мессіанскаго смысла пророчества Аввакума по святоотеческимъ толкованіямъ и замѣчанія объ истолкованіи изслѣдуемой книги въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ (стр. 201—222). Здѣсь, само собою понятно, не мѣсто критикѣ и полемикѣ, и этотъ отдѣлъ представляетъ положительное изъясненіе пророчества въ мессіанскомъ смыслѣ по авторитетнымъ отеческимъ толкованіямъ (по большей части приводятся подлинныя выраженія отцовъ). Въ заключеніе, авторъ послѣдовательно излагаетъ основныя мысли своего толкованія книги пророка Аввакума (стр. 223—227). Это резюме комментарія свидѣтельствуетъ о томъ, до какой отчетливости въ пониманіи пророческой книги дошла мысль автора по изученіи имъ какъ самой изслѣдуемой книги, такъ и обширной литературы о ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это резюме даетъ возможность читателю изслѣдованія, безъ большихъ усилій, основательно усвоить содержаніе священной книги. Два небольшихъ, но существенно важныхъ заключительныхъ отдѣла (мессіанское значеніе пророчествъ Аввакума и основныя мысли толкованія книги) составлены авторомъ заново, при переработкѣ кандидатскаго сочиненія, въ которомъ они отсутствовали.

Приложенный къ сочиненію обширный указатель библейскихъ цитатъ, также отсутствовавшій въ кандидатскомъ сочиненіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что небольшая книга, подлежавшая изслѣдованію автора, изучалась въ связи со всею ветхозавѣтною Письменностью, а отчасти и съ Новымъ Завѣтомъ: здѣсь обнаружена авторомъ замѣчательная начитанность въ Священномъ Писаніи: изъ нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгъ цитаты берутся едва не изъ каждой главы (Быт., Исх., Втор., Псалт., Ис., Іер.); изъ пророка Михея по двѣ, по три цитаты изъ каждой главы. Второй указатель— цитатъ изъ литературы предмета наглядно показываетъ, что въ основу толкованія избранной пророческой книги положены отеческія творенія: несравненно чаще авторъ цитируетъ толкованія бл. Іеронима, св. Кирилла Алекс. и бл. Θеодорита, чѣмъ прочихъ комментаторовъ книги пророка Аввакума.

Достоинства сочиненія: добросовѣстное изученіе какъ избранной пророческой книги, такъ и обширной литературы,

имѣющей ее своимъ предметомъ; полнота изслѣдованія, самостоятельность и основательность взглядовъ, соединенная съ осторожностью въ выводахъ; искренность тона и неподдѣльное увлеченіе предметомъ изслѣдованія, детальное изученіе подлиннаго текста пророческой книги, обнаруженная въ изслѣдованіи солидная общая лингвистическая подготовка и сжатость изложенія отмѣчены были, отчасти, въ отзывѣ о кандидатскомъ сочиненіи о. Варѳоломея; послѣ переработки сочиненія они въ значительной степени повысились. Что касается использованной авторомъ литературы, то сравненіе указателей при изслѣдованіи, въ первой и во второй его редакціи, ясно показываетъ, насколько расширено знакомство съ нею за послѣдній годъ: перечень источниковъ и пособій при кандидатскомъ сочиненіи автора включаетъ 78 №№, при магистерскомъ—114. Только при переработкѣ сочиненія авторомъ обнаружена попытка привлеченія къ дѣлу голландской литературы (проштудировано сочиненіе *Smit*'a—De Profetie van Habakuk и, отчасти, *Katwijk*'a—подъ тѣмъ же заглавіемъ), которая обыкновенно отечественными изслѣдователями по ветхозавѣтной исагогикѣ и экзегетикѣ или совсѣмъ игнорируется или изучается въ переводахъ. Между тѣмъ, необходимо имѣть въ виду, что въ данной области голландцы идутъ въ рядъ съ нѣмцами и англичанами, опережая французовъ. Поэтому указанную попытку автора слѣдуетъ признать заслуживающею особой похвалы. Какъ выше замѣчено, къ сочиненію сдѣланы существенныя дополненія. Языкъ сочиненія, по большей части, доведенъ до желательнаго совершенства. Частные недостатки, на которые указано въ отзывѣ о кандидатскомъ сочиненіи, почти всюду устранены.

Однако, рецензентъ долгомъ считаетъ указать на нѣкоторые недочеты сочиненія, обусловливающіеся, чаще всего, или спѣшностью печатанія или манерою изложенія, усвоенною авторомъ. Прежде всего: какъ ни обширна эрудиція о. Варѳоломея, изучившаго большое число трудовъ древнихъ и новыхъ толкователей книги пророка Аввакума и пособій различнаго содержанія,—тѣмъ не менѣе, можно указать въ этомъ отношеніи и нѣкоторые пробѣлы. Остались, напр., неиспользованными комментаріи Лютера и Кальвина; не на всѣ труды русскихъ толкователей обратилъ вниманіе авторъ:

слѣдавало бы, по крайней мѣрѣ, поименовать всѣ таковые труды, въ виду ихъ малочисленности и особеннаго ихъ значенія для читателей Библіи, не имѣющихъ возможности пользоваться иноязычною литературою; такъ, совсѣмъ не упомянуто толкованіе на малыхъ пророковъ преосв. Иринея. Далѣе: сжатость изложенія, которая вообще заслуживаетъ одобренія, у нашего автора иногда ведетъ къ темнотѣ и запутанности слога и возбуждаетъ у читающаго сомнѣнія и недоумѣнія. Таковы краткія, изложенныя недостаточно связно и послѣдовательно сужденія автора о значеніи изученія древне-славянскаго перевода книги пророка Аввакума (стр. 1—3); таково смѣлое и рѣшительное, но оставленное безъ разъясненія сужденіе объ именахъ собственныхъ и нарицательныхъ (примѣч. на стр. 15). Съ другой стороны, выдержки изъ сочиненій отеческихъ могли бы быть значительно сокращены или кратко изложены своими словами; нерѣдко онѣ занимаютъ около страницы (см. стр. 67—68, 149—150, 153—154, 156—158, 203, 210—211, 213 и др.). Толкованіями патристическаго періода авторъ пользуется по изданію Миня и существующимъ русскимъ переводамъ блаж. Іеронима, Кирилла Алекс. и Θеодорита; въ примѣч. 9 на стр. 61 замѣчено, что переводъ, въ интересахъ точности, иногда подвергается исправленію; но пробная провѣрка цитатъ изъ бл. Іеронима, параллельно по латинскому подлиннику и по переводамъ въ изд. Кіевской Духовной Академіи и въ рецензируемомъ сочиненіи, показала, что исправлены далеко не всѣ погрѣшности существующаго перевода. При установленіи непосредственнаго смысла каждаго изреченія пророческой книги по подлинному тексту, авторъ всюду обращаетъ вниманіе на этимологію, семасіологію, синонимику и стилистику, при чемъ обнаруживаетъ незаурядныя познанія въ области гебраистики. Но грамматическій разборъ и подробное указаніе формъ такихъ еврейскихъ выраженій, которыя не могутъ возбуждать сомнѣнія, необходимо признать излишними; желательна была бы болѣе тщательная корректура еврейскихъ словъ и выраженій. Нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ погрѣшностей изложенія, оставшихся неисправленными при печатаніи сочиненія (см. стр. 44, 48, 132, 199 и др.); но въ общемъ языкъ сочиненія производитъ пріятное впечатлѣніе своею простотою и точностью. Въ за-

ключеніе, одно замѣчаніе частнаго характера: въ отзывѣ о кандидатскомъ сочиненіи было, между прочимъ, сказано: „d. Варѳоломей неканоническія прибавленія къ книгамъ каноническимъ и легендарныя сказанія считаетъ, повидимому, документами одинаковой цѣнности и достоинства“ (см. Журналы Совѣта за 1912 годъ, стр. 365). Нѣчто подобное рецензирующему приходится сказать и теперь. На стр. 25-ой печатнаго сочиненія читаемъ: „*легенда* идетъ, повидимому, такимъ путемъ: она старается заполнить пустоту въ біографіи пророка и проясняетъ многое неясное... И вотъ книга Zohar такъ объясняетъ повтореніе двухъ послѣднихъ коренныхъ имени חבקוק... *Другое преданіе* представляетъ собою конецъ книги Даніила въ греческомъ текстѣ“... Покончивъ съ неканоническимъ прибавленіемъ къ книгѣ пророка Даніила, авторъ продолжаетъ: „перейдемъ *къ легендамъ* съ христіанскимъ оттѣнкомъ“... (стр. 28). Опять неканоническій отдѣлъ ветхозавѣтной священной книги замѣшался среди легендарныхъ сказаній іудейскихъ и христіанскихъ.

Находя отмѣченные недостатки рецензируемаго сочиненія не имѣющими существеннаго значенія, рецензентъ приходитъ къ тому выводу, что вопросъ о присужденіи автору степени магистра богословія, въ виду высокаго научнаго достоинства его труда, можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ въ положительномъ смыслѣ“.

б) Экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Варѳоломея состоитъ изъ двухъ частей: исагогической и экзегетической. Въ первой части авторъ сначала останавливается на имени пророка, особенно подробно говоритъ о видѣ имени въ масоретскомъ текстѣ, попутно касаясь ассирійскаго производства этого имени и его начертанія въ текстѣ LXX. Далѣе слѣдуютъ данныя для опредѣленія личности пророка, каковыя почерпаются изъ анализа настроеній пророка, поскольку послѣднія открываются въ его священной книгѣ. При отсутствіи Библейскихъ данныхъ касательно происхожденія и жизни пророка, особенно важное значеніе пріобрѣтаетъ нравственный обликъ пророка, въ которомъ различимы горячая вѣра пророка и обращеніе его

мысли и чувствъ всецѣло на историческія судьбы Богоизбраннаго, но временами отступническаго народа. Отъ нравственной характеристики пророка нашъ авторъ переходитъ къ гипотезѣ объ его левитскомъ происхожденіи, каковое мнѣніе въ западной наукѣ опирается на третью главу пророческой книги, напоминающую храмовые псалмы и носящую слѣды знакомства своего писателя съ храмовой музыкой.

Въ виду молчанія Библіи о происхожденіи Аввакума имѣютъ нѣкоторое значеніе внѣбиблейскія преданія о пророкѣ. Нашъ авторъ приводитъ данныя іудейскихъ преданій, по которымъ Аввакумъ—сынъ Сунамитянки, воскрешенный пророкомъ Елисеемъ (на основѣ имени пророка — „объятый"), или современникъ пророка Даніила, чудесно напитавшій его въ львиномъ рву по волѣ Ангела Божія,—такъ въ эллинистическомъ прибавленіи къ каноническому тексту книги пророка Даніила. Надписаніе повѣсти о Вилѣ и Драконѣ, другаго неканоническаго добавленія къ книгѣ Даніила, пытается даже установить генеалогію пророка, привязывая ее къ нѣкоему Іисусу изъ колѣна Левіина. Послѣ критики іудейскихъ легендъ о пророкѣ Аввакумѣ о. Варѳоломей разбираетъ христіанскія преданія о томъ же пророкѣ, особенно сотапавливаясь на словахъ Епифанія, гдѣ во уста пророку влагается довольно протяженное пророчество, отсутствующее въ текстѣ пророческой книги.

При бѣдности данныхъ о пророкѣ, экзотерическихъ для Библіи, датированіе его книги можетъ вестись только путемъ разбора и систематизаціи внутреннихъ свидѣтельствъ священнаго памятника. Западные ученые склонны допустить, что книга пророка Аввакума—результатъ объединенія искуснымъ позднѣйшимъ еврейскимъ редакторомъ отдѣльныхъ небольшихъ литературныхъ произведеній—пророческихъ эскизовъ—въ одну книгу, какъ бы являющую внутренній цементъ между своими составными частями. Въ противоположность теоріи фрагментовъ о. Варѳоломей держится унитарной точки зрѣнія и, отстаивая взглядъ православныхъ толкователей книги, приводитъ въ качествѣ надежнаго доказательства правильности такого взгляда конспективную идеологію памятника. Нашъ авторъ относитъ написаніе пророческой книги къ концу царствованія Манассіи, причемъ въ текстѣ книги за-

мѣчается литературная связь съ писаніями Исаіи, Михея и особенно Наума. Хронологическая послѣдовательность пророковъ—писателей по о. Варѳоломею такова: Михей, далѣе Исаія и наконецъ Наумъ и Аввакумъ рядомъ. Такимъ образомъ Аввакуму отводится мѣсто среди первой группы пророковъ писателей, возглавляемой Исаіею, тогда какъ послѣдующая группа пророковъ—писателей имѣла во главѣ Іеремію. Если стилистическія исайяды и іереміады —нѣчто трудно поддающееся детальному анализу въ литературныхъ памятникахъ дѣятельности пророковъ, однако какъ рабочая гипотеза такое предположеніе допустимо при литературной критикѣ пророческихъ ветхозавѣтныхъ писаній.

Переходя къ строенію книги пророка Аввакума, о. Варѳоломей сначала открываетъ въ ней первую прозаическую часть (1 глава), далѣе высокую прозу съ наклономъ къ поэтическому строфизму (композиція 2 главы), и наконецъ лирическую заключительную часть (3 псалмодическая глава). Однако вся книга, отражая ходъ переживаній пророка (при ихъ освѣщеніи свыше), носитъ отпечатокъ элегическаго лиризма. Къ отдѣлу о строеніи книги пророка примыкаетъ замыкающій исагогическую часть изслѣдованія о. Варѳоломея отдѣлъ объ языкѣ книги, причемъ нашъ авторъ пытается свидѣтельства изъ языка книги направить къ доказательству ея сравнительно ранняго происхожденія. Здѣсь онъ говоритъ о гипотезѣ искусственной архаизаціи стиля рѣчей пророка, приводитъ данныя изъ „жизни словъ", затрогиваетъ вопросъ объ арамаизмахъ, какъ признакѣ сравнительно поздняго происхожденія Библейскаго памятника и, констатируя отсутствіе ихъ въ текстѣ изученнаго имъ памятника, укрѣпляется въ мысли о принадлежности Аввакума къ плеядѣ раннихъ пророковъ. Данныя изъ словаря памятника приведены съ возможною полнотою, хотя мѣстами и не безспорны. Грамматики памятника нашъ авторъ болѣе касается въ части экзегетической.

Во второй (экзегетической) части изслѣдованія о. Варѳоломей отличаетъ два смысла толкуемаго текста—прямой и иносказательный,—реально-историческій и мистико-типологическій. Обозрѣвая священный текстъ по главамъ и стихамъ, нашъ авторъ по преимуществу имѣетъ въ виду прямой смыслъ текста, а Мессіанскія толкованія помѣщаетъ въ связномъ изложеніи въ концѣ книги. Нашъ авторъ ведетъ свое

толкованіе по масоретскому тексту, но въ интересахъ экзегеза приводитъ всюду и текстъ LXX, равно славянскій переводъ его. Толкованіе авторомъ еврейскаго текста показываетъ его достаточныя познанія въ еврейской грамматикѣ и лексикѣ, желательнымъ являлось бы только расширительное примѣненіе еврейской синонимики и семасіологіи. Помимо дѣленія на главы, даннаго въ самой книгѣ пророка, нашъ авторъ устанавливаетъ логически сопринадлежащія группы стиховъ, давая имъ соотвѣтствующія надписанія. Обширный истолковательный матеріалъ у западныхъ экзегетовъ использованъ нашимъ авторомъ весьма добросовѣстно и приведенъ въ соподчиненную координацію съ матеріаломъ святоотеческихъ изъясненій. Важную задачу для о. Варѳоломея составляло примиреніе чтеній масоретскаго текста съ изложеніемъ тѣхъ же мѣстъ у LXX, кое-что здѣсь авторомъ сдѣлано, но нерѣдкое расхожденіе текстовъ еврейскаго и греческаго приводило его въ тупикъ, гдѣ онъ оказывался безпомощнымъ. Для выясненія происхожденія греческихъ *δυσνόητα* важно было бы установить видъ текста въ графическихъ знакахъ въ эпоху греческаго перевода, было ли письмо роэцъ или мерубба, письмо гасà или даккà и т. п. По мѣстамъ о. Варѳоломей даетъ не только грамматико-вербальный, но и эстетическій анализъ текста изучаемой имъ книги, слѣдуя реторикѣ священнаго ветхозавѣтнаго языка въ изложеніи Кёнига или Герберу въ его капитальной работѣ: „Языкъ, какъ проявленіе искусства". Съ нѣкоторыми толкованіями нашего автора можно не соглашаться, но, какъ цѣлое, экзегетическая часть труда о. Варѳоломея столь же удовлетворительна, какъ и часть исагогическая, частные же недосмотры могутъ стать предметомъ обсужденія на диспутѣ. Наибольшую трудность для толкованія представляла третья глава книги пророка Аввакума, и здѣсь мѣстами экзегесисъ нашего автора ниспадаетъ до парафрастическаго изложенія священнаго текста, но къ чести автора нужно сказать, что онъ умѣетъ во время останавливать критическій скальпель. Синоптическій отдѣлъ въ концѣ книги позволяетъ читателю бросить ретроспективный взглядъ на всю книгу и возобновить въ своей памяти всѣ толкованія нашего автора. Къ книгѣ приложены 2 указателя: 1) указатель Библейскихъ цитатъ въ диссертаціи и 2) указатель цитированныхъ въ

лей сочиненій, по нашему автору — изъ литературы предмета. Магистерской степени о. Варѳоломей безусловно заслуживаетъ".

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 172.*—2) И. д. доцента *іеромонахъ Варѳоломей (Ремовъ)* окончилъ курсъ Московской Духовной Академіи въ 1912 году, съ причисленіемъ къ *первому* разряду воспитанниковъ оной.—3) По § 109 лит. *а* п. 15 устава—„распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученыя степени и оцѣнка оныхъ (§§ 172 и 173)" значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.—4) 65 экземпляровъ напечатанной диссертаціи и. д. доцента іеромонахомъ Варѳоломеемъ Преосвященному Ректору Академіи представлено.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая представленное на соисканіе степени магистра богословія (въ печатномъ видѣ) и. д. доцента Академіи *іеромонахомъ Варѳоломеемъ (Ремовымъ)* сочиненіе подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ достаточнымъ для сей степени,—допустить іеромонаха Варѳоломея къ защитѣ сочиненія на коллоквіумѣ.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертаціи назначить экстраординарныхъ профессоровъ Академіи: по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта—*священника Д. В. Рождественскаго* и по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей — *священника Е. А. Воронцова.*— 3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквіума и пригласить къ участію въ послѣднемъ стороннихъ лицъ.

XIII. а) Отчетъ профессорскаго стипендіата Академіи выпуска 1912 года *Александра Мигулина* объ его занятіяхъ въ теченіи 1912—1913 учебнаго года.

б) Отзывъ объ означенномъ отчетѣ и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ пастырскаго богословія съ аскетикой и гомилетики *В. П. Виноградова:*

„Г. Мигулинъ посвятилъ свой стипендіатскій годъ дальнѣйшему, болѣе обстоятельному и широкому изученію лите-

ратуры (иностранной), связанной съ темой его кандидатской и предполагаемой магистерской работы — „Внутренняя Миссія въ Германіи и ея оцѣнка съ православно-пасторологической точки зрѣнія“. Проштудировавъ снова главнѣйшіе матеріалы, легшіе въ основу кандидатской работы, г. Мигулинъ привлекъ въ сферу своего изученія длинный рядъ новыхъ трудовъ, преимущественно послѣдняго десятилѣтія (въ значительной мѣрѣ выписанныхъ имъ на свои средства), которыхъ не имѣлъ возможности использовать въ прошломъ 1911—1912 году. Представленный г. Мигулинымъ обстоятельный отчетъ о ходѣ и результатахъ этого своего изученія является пріятнымъ подтвержденіемъ того впечатлѣнія, которое выносилось мною отъ автора отчета при личномъ двухгодичномъ наблюденіи за его работой: въ лицѣ г. Мигулина мы имѣемъ добросовѣстнаго и трудолюбивѣйшаго научнаго работника, которому слѣдуетъ пожелать довести до конца его весьма цѣнную по темѣ работу“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Отношеніе Совѣта *Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія*, отъ 27 сентября за № 93:

„Совѣтъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія приноситъ свою глубокую благодарность Императорской Московской Духовной Академіи за ея теплое участіе въ юбилейномъ торжествѣ Общества, выраженное въ ея привѣтственной телеграммѣ и личномъ присутствіи на ономъ трехъ достойнѣйшихъ ея представителей, и проситъ принять въ Академическую Библіотеку Историческій очеркъ жизни Общества за 50 лѣтъ и указатель къ журналу „Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ съ 1880—1912 гг.

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію.—2) За приносимыя въ даръ академической библіотекѣ изданія выразить Совѣту Общества благодарность.

XV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что отъ Императорскаго Московскаго Румянцовскаго Музея имъ полученъ въ даръ для академической библіотеки одинъ экземпляръ юбилейнаго изданія Московскаго Публич-

наго и Румянцовскаго Музеевъ: „Архангельское Евангеліе 1092 года“, каковой и сданъ по принадлежности подъ росписку г. библіотекаря Академіи.—Музею за цѣнное пожертвованіе выражена благодарность отношеніемъ отъ 31 октября за № 572.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVI. Отношенія:

а) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 8 октября за № 2142, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи подъ № 268 (Сборникъ конца XVIII—нач. XIX вѣка).

б) Того же Управленія, отъ 16 октября за № 2325, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій проф. стипендіата Н. Кочанова, книгъ: 1) Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft 1882 и 2) Revue des études juives—31.

в) Того же Управленія, отъ 18 октября за № 2344, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій доцента Н. Л. Туницкаго, слѣдующихъ рукописей: 1) Q. I. № 1406—Сборникъ XV в., 2) Q. I. № 1187 — Сборникъ XV—XVI в., 3) Изъ Древлехранилища Погодина № 1024—„Златая Матица“ XV в. и 4) Изъ Древлехранилища Погодина № 798—Сборникъ XVI в.

г) Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 14 октября за № 1333, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора Д. И. Введенскаго, книги: 1) Osburn. Monumental History of Egypt.

д) Совѣта Императорской Казанской Духовной Академіи, отъ 16 октября за № 2349, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій проф. стипендіата А. Ремезова, книгъ: Kübel., Geschichte des katholischen Modernismus. Tübingen, и 2) Dorholt., Ueber die Entwicklung des Dogma.

е) Канцеляріи Комитета Попечительства о трудовой помощи, отъ 30 октября за № 5516, съ препровожденіемъ, для занятій студента IV курса С. Пятикрестовскаго, слѣдующихъ книгъ: Андреевъ, И.—Филантропы и нищіе, 2) Георгіевскій Д.—Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность. СПБ. 1894;

3) Григоровичъ, Д.—Акробаты благотворительности. СПБ. 1888. 4) Кудрявцевъ, А.—Сравнительный очеркъ разныхъ видовъ христіанской благотворительности. СПБ. 1899; 5) Лабутинъ—Характеръ христіанской благотворительности; 6) Линевъ, Д.—Причины русскаго нищенства. СПБ. 1891; 7) Обнинскій, П.—Чего недостаетъ нашей благотворительности. М. 1899; 8) Сахаровъ. П.—Наша благотворительность. М 1895 и 9) Цвѣтъ, С.—Прогрессъ и бѣдность по Генри Джоржу. СПБ. 1884.

Справка: Всѣ вышеозначенныя книги и рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVII. Представленіе *Библіотечной Коммиссіи*, отъ 31 октября за № 1154:

„На основаніи § 215 академическаго устава Библіотечная Коммиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической библіотеки изданія, значащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 765, 770 и 780 (Инспектора Академіи, Проф. Архим. Иларіона), 776 (Проф. С. И. Соболевскаго), 762 и 1214 (Проф. С. С. Глаголева), 1561 (Проф. А. А. Спасскаго), 1097 (Проф. М. М. Тарѣева), 771 (Проф. М. М. Богословскаго), 933, 937 и 938 (Проф. П. П. Соколова), 935 (Проф. С. И. Смирнова), 754, 758, 764 и 769 (Проф. Д. И. Введенскаго), 766, 768, 779, 936 и 1129 (Проф. А. П. Орлова), 761, 763, 809, 810 и 931 (Проф. Свящ. Д. В. Рождественскаго), 1204 (Доцента Н. В. Лысогорскаго), 772 (Доцента Н. Л. Туницкаго). 767 и 774 (Доцента Свящ. И. В. Гумилевскаго), 799 (И. д. доцента Ѳ. М. Россейкина), 755 и 759 (И. д. доцента В. П. Виноградова), 756 (И. д. доцента Свящ. І. М. Смирнова), 726 и 727 (И. д. доцента Н. Д. Протасова), 699, 700, 703, 704 и 705 (И. д. доцента Іеромонаха Варѳоломея), 777 (Лектора Свящ. Н. А. Преображенскаго) и 778 (Лектора Г. Я. Томсона)“.

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи *К. М. Попову* выписать для академической библіотеки означенныя въ заявленіяхъ гг. профессоровъ и преподавателей Академіи изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XVIII. Отношеніе Редакціи старообрядческаго журнала „*Церковь*", отъ 15 октября с. г.:

„Редакція старообрядческаго журнала „Церковь" предполагаетъ дать въ 1914 г. своимъ подписчикамъ въ видѣ безплатнаго приложенія къ журналу: „Творенія св. Аѳанасія Великаго", посему почтительнѣйше проситъ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить ей перепечатать для этой цѣли изданныя Академіей „Творенія" названнаго св. отца.

Отвѣтъ Совѣта на настоящую просьбу редакція убѣдительнѣйше проситъ не задержать".

Опредѣлили: Увѣдомить Редакцію, что Совѣтъ Академіи не находитъ возможнымъ предоставить ей право перепечатки, для разсылки подписчикамъ въ видѣ безплатнаго приложенія къ журналу „Церковь", пересмотрѣннаго и исправленнаго (въ 1902—3 г.г.) Академіею перевода „Твореній св. Аѳанасія Великаго".

XIX. Прошеніе сверхштатнаго профессорскаго стипендіата Академіи *Александра Ремезова*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ разработать мое кандидатское сочиненіе на тему: „Альфредъ Луази. Къ характеристикѣ и оцѣнкѣ католическаго модернизма во Франціи" для подачи его на соисканіе ученой степени магистра богословія".

Справка: 1) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 года за № 2565.—2) Курсовое сочиненіе г. Ремезова на вышеуказанную тему отмѣчено было обоими рецензентами высшимъ балломъ 5.

Опредѣлили: 1) Разрѣшить сверхштатному профессорскому стипендіату Академіи, кандидату богословія, *Александру Ремезову* переработать его курсовое сочиненіе въ магистерскую диссертацію, съ тѣмъ, чтобы тема послѣдней формулирована

была слѣдующимъ образомъ: „Католическій французскій модернизмъ въ его главнѣйшихъ представителяхъ“.—2) Постановленіе сіе представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XX. Прошеніе кандидата Академіи выпуска 1899 года *Вячеслава Вержболовича*:

„Выданный мнѣ Совѣтомъ Академіи 12 Августа 1899 года за № 141 дипломъ на степень кандидата богословія утерянъ мною. Имѣя надобность въ упомянутомъ дипломѣ и представляя Калишскія Губернскія Вѣдомости текущаго года за №№ 24, 31 и 32, въ удостовѣреніе троекратной публикаціи объ утерянномъ мною дипломѣ, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи выдать мнѣ чрезъ г. Надзирателя 1-го Округа Калишскаго Акцизнаго Управленія дубликатъ или копію утеряннаго диплома за № 141“.

Опредѣлили: Выдать просителю копію утеряннаго имъ диплома на степень кандидата богословія, отъ 12 августа 1899 года за № 141.

XXI. Заявленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи о томъ, что на представленіи его, отъ 17 сентября с. г. за № 487, о разрѣшеніи допустить къ слушанію академическихъ лекцій, на основаніяхъ, изложенныхъ въ § 147 устава духовныхъ академій, студента Московской духовной семинаріи выпуска 1913 года *Виктора Щеглова*,—послѣдовала таковая резолюція Его Высокопреосвященства за № 5166: „28 сент. 1913. Согласенъ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „22 ноября 1913. Исполнить“.

5 ноября 1913 года.

№ 20.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Акаде-

міи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ; ординарные профессоры—С. И. Соболевскій и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій.

Отсутствовали: ординарные профессоры—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ и экстраординарный профессоръ священникъ В. Н. Страховъ.

Слушали: Внесенное Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи представленіе его, отъ 22 октября с./г., на имя Его Высокопреосвященства, слѣдующаго содержанія:

„За назначеніемъ священника В. Зыкова профессоромъ въ Петербургскую Академію, съ сентября текущаго года въ Московской Духовной Академіи состоитъ свободной каѳедра по „исторіи и обличенію русскаго сектантства".—По § 70 акад. уст. „при открывшейся вакансіи штатнаго преподавателя, профессора Академіи представляютъ Ректору своихъ кандидатовъ съ подробной ихъ рекомендаціей и съ указаніемъ на ихъ ученые труды, если таковые имѣются. Ректору же подаютъ прошенія и другія лица, желающія занять освободившуюся каѳедру". На сдѣланное мной предложеніе профессорамъ Академіи рекомендовать кандидатовъ на каѳедру исторіи и обличенія русскаго сектантства рекомендацій съ ихъ стороны не послѣдовало, а прошенія поступили отъ слѣдующихъ лицъ: 1) отъ преподавателя Владимірской духовной семинаріи Алексѣя Сперанскаго и 2) отъ профессорскаго стипендіата Александра Ремезова.

По § 71 Акад. Уст. „Ректоръ, по собраніи необходимыхъ свѣдѣній, представляетъ Архіерею списокъ кандидатовъ съ своимъ заключеніемъ о каждомъ изъ нихъ. Архіерею предоставляется исключить изъ этого списка тѣхъ кандидатовъ, которыхъ онъ признаетъ нежелательными на академической службѣ, о прочихъ же предлагаетъ Совѣту для назначенія имъ двухъ пробныхъ лекцій каждому: одной на тему по собственному избранію, а другой—по назначенію Совѣта"..

Относительно перваго кандидата, подавшаго прошеніе на каѳедру исторіи и обличенія русскаго сектантства,—Алексѣя

Сперанскаго, — долгомъ почитаю сказать слѣдующее: онъ окончилъ Московскую Академію два года тому назадъ и оставленъ былъ профессорскимъ стипендіатомъ по каѳедрѣ церковнаго права. Такимъ образомъ, занятія г. Сперанскаго сосредоточивались не въ области изученія сектантства и въ этомъ смыслѣ онъ не имѣетъ спеціальной подготовки къ занятію каѳедры исторіи и обличенія русскаго сектантства: но все же и занятіе церковнымъ правомъ въ связи съ занятіемъ церковной исторіей, каковой предметъ г. Сперанскій преподаетъ въ семинаріи, могутъ считаться безусловно полезными предварительными занятіями и для успѣшнаго занятія и изученія русскаго сектантства, тѣмъ болѣе, что г. Сперанскій заявилъ себя въ Академіи даровитымъ студентомъ. Лично я знаю Сперанскаго, какъ человѣка доброй настроенности, прекраснаго оратора по опытамъ проповѣдничества и бесѣдамъ съ раскольниками.—Александръ Ремезовъ окончилъ курсъ обученія въ Московской Академіи въ истекшемъ учебномъ году и, какъ даровитый студентъ, оставленъ былъ Совѣтомъ профессорскимъ стипендіатомъ при каѳедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій. Такимъ образомъ, предметомъ его научныхъ занятій является католичество и протестантство: занятіе этими предметами можетъ разсматриваться въ качествѣ подготовки къ изученію русскаго сектантства въ томъ, конечно, отношеніи, что и корни нашего сектантства скрываются въ западномъ протестантствѣ и спеціалисту по русскому сектантству нельзя не знать протестантства. Что же касается спеціальныхъ занятій въ области русскаго сектантства, то въ этомъ отношеніи г. Ремезовъ не прилагалъ своихъ дарованій. Правда, ему, какъ уроженцу области (области войска Донскаго), обильной сектантами всякаго рода, приходилось, по его словамъ, принимать участіе въ миссіонерскихъ съѣздахъ и бесѣдахъ, къ которымъ имѣетъ близкое отношеніе его отецъ-священникъ. Быть можетъ, эта практика г. Ремезова и принесла ему пользу не только въ дѣлѣ знакомства съ сектантствомъ, но и въ томъ, что онъ хорошо владѣетъ даромъ слова, какъ проповѣдникъ, съ успѣхомъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ издаетъ миссіонерскіе и проповѣдническіе листки, тѣмъ самымъ достаточно рекомендуя себя со стороны своей настроенности.

Сообщая о семъ Вашему Высокопреосвященству, по-

чтительнѣйше прошу Васъ по силѣ § 71 Акад. Уст. резолюціей своей назначить пробныя лекціи обоимъ этимъ кандидатамъ или по Вашему усмотрѣнію одному изъ нихъ.

При семъ прилагаю прошенія обоихъ названныхъ кандидатовъ".

На семъ представленіи резолюція Его Высокопреосвященства за № 5693: „23 окт. 1913. Пробныя лекціи произнести назначается стипендіату А. Ремезову".

Опредѣлили: 1) Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ исполненію.—2) Тему для второй пробной лекціи сверхштатнаго профессорскаго стипендіата Академіи Александра *Ремезова* по исторіи и обличенію русскаго сектантства поручить дать экстраординарному профессору по каѳедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій *А. П. Орлову*.—3) Назначеніе дня собранія Совѣта для выслушанія пробныхъ лекцій г. Ремезова предоставить Преосвященному Ректору Академіи, по соглашенію съ лекторомъ.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „22 ноября 1913. Исполнить".

11 ноября 1913 года.

№ 21.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры — священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: ординарный профессоръ А. А. Спасскій; экстраординарные профессоры -П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ и С. И. Смирновъ.

Въ собраніи семъ исправляющій должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи по *второй* каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, кандидатъ богословія, окончившій академическій курсъ по *первому* разряду, *іеромонахъ Варѳоломей (Ремовъ)* защищалъ на коллоквіумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію подъ заглавіемъ: „Книга пророка Аввакума. Введеніе и толкованіе". Сергіевъ Посадъ, 1913 г.

Оффиціальными оппонентами были: экстраординарный профессоръ Академіи по *первой* каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *священникъ Д. В. Рождественскій* и экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей *священникъ Е. А. Воронцовъ.*

По окончаніи коллоквіума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта — достойнымъ утвержденія въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи.

Справка: Устава духовныхъ академій §§ 172, 67 и 109, лит. *в* пп. 6 и 2.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи по занимаемой имъ второй каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертаціи іеромонаха Варѳоломея и копіи съ отзывовъ о ней экстраординарныхъ профессоровъ Академіи—*священниковъ Д. В. Рождественскаго* и *Е. А. Воронцова.*

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „25 ноября 1913. Исполнить".

11 ноября 1913 года.

№ 22.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры — священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарный профессоръ А. А. Спасскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ и С. И. Смирновъ.

Слушали: Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Въ собраніи Совѣта 5 ноября сего года, согласно указанію повѣстки на этотъ Совѣтъ, рѣшался вопросъ о замѣщеніи двухъ свободныхъ вакансій экстраординарнаго профессора. Къ означенному числу въ Академической корпораціи состояло 5 человѣкъ въ званіи доцента Академіи, имѣющихъ степень магистра богословія, и они могли быть разсматриваемы какъ кандидаты для представленія ихъ членами Совѣта на свободныя экстраординарныя вакансіи.

Однако ни до Совѣта, ни предъ самымъ засѣданіемъ Совѣта ни отъ кого изъ членовъ онаго ко мнѣ не поступило ни письменнаго, ни устнаго представленія съ указаніемъ кандидатовъ для замѣщенія ими свободныхъ вакансій. Посему личнымъ моимъ словеснымъ предложеніемъ были представлены Совѣту въ качествѣ такихъ кандидатовъ двое доцентовъ: О. Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ и священникъ Илія Гумилевскій (доцентъ по каѳедрѣ литургики), какъ вполнѣ удовлетворяющіе требованіямъ §§ 65 (прим.) и 66 (прим.) акад. Устава.

Во время баллотировки указанныхъ кандидатовъ нѣкоторыми членами Совѣта въ отклоненіе моего предложенія неожиданно стали выдвигаться другіе кандидаты, о которыхъ

мнѣ не было сдѣлано предварительнаго представленія, какъ это требуется § 111 акад. Устава. Посему, отклонивъ тогда обсужденіе этихъ заявленій, какъ нарушающихъ законный порядокъ веденія дѣлъ въ Совѣтѣ (см. §§ 111 и 48 Акад. Устава), настоящимъ своимъ представленіемъ въ нынѣшнемъ Совѣтѣ предлагаю членамъ Совѣта обсудить вопросъ о возбужденіи предъ Святѣйшимъ Синодомъ ходатайства въ установленномъ порядкѣ объ утвержденіи хотя одного изъ имѣющихся у насъ трехъ доцентовъ, магистровъ богословія, въ званіи сверхштатнаго экстраординарнаго профессора, полагая, что ходатайство о всѣхъ трехъ или даже о двухъ можетъ имѣть меньше надежды на удовлетвореніе, нежели ходатайство объ одномъ. Если Совѣту благоугодно принять на разсмотрѣніе и обсужденіе мое предложеніе, то прошу указать и кандидата, о которомъ можетъ быть возбуждено означенное ходатайство".

Справка: 1) Кромѣ доцентовъ—Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона* (по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта) и *священника И. В. Гумилевскаго* (по каѳедрѣ литургики), избранныхъ въ собраніи Совѣта 5 ноября с. г. въ званіе штатныхъ экстраординарныхъ профессоровъ, утверждены Святѣйшимъ Синодомъ, по удостоеніи степени магистра богословія, въ должностяхъ *доцентовъ* Академіи слѣдующія лица: *а) Н. В. Лысогорскій* (по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола), состоящій на духовно-учебной службѣ съ 31 октября 1896 года, а на службѣ при Академіи—съ 12 марта 1912 года; *б) Н. Л. Туницкій* (по каѳедрѣ исторіи русской литературы), состоящій на духовно-учебной службѣ при Академіи съ 16 августа 1903 года, и *в) Н. Д. Протасовъ* (по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства), состоящій на духовно-учебной службѣ при Академіи съ 5 апрѣля 1912 года.—2) §§ 66 и 109, лит. *в* п. 2, устава духовныхъ академій.

При обсужденіи вышеизложеннаго предложенія Преосвященнаго Ректора Совѣтомъ Академіи было принято во вниманіе: 1) что въ настоящее время въ Академіи остаются незамѣщенными три вакансіи ординарнаго профессора и разность между ихъ окладами и доцентскими окладами лицъ, занимающихъ штатныя каѳедры безъ соотвѣтственнаго зва-

нія, ежегодно отсылается Правленіемъ Академіи въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, для причисленія къ духовно-учебному капиталу; 2) что изъ трехъ доцентовъ Академіи, не состоящихъ въ священномъ санѣ, лишь одинъ—*Н. Л. Туницкій*—поступилъ на службу при Академіи *ранѣе* введенія въ дѣйствіе новаго устава духовныхъ академій, коимъ относительно состава Совѣта введено было извѣстное ограниченіе (*§ 65, прим.:* „Въ священномъ санѣ должно состоять не менѣе 1/2 всѣхъ членовъ Совѣта") и тѣмъ замедлено движеніе по службѣ преподавателей Академіи, не состоящихъ въ священномъ санѣ.

Затѣмъ, соотвѣтственно предложенію Преосвященнаго Ректора, поставленъ былъ на голосованіе вопросъ: объ утвержденіи *одного* или *двухъ* лицъ въ званіи сверхштатнаго экстраординарнаго профессора Академіи возбуждать ходатайство предъ Святѣйшимъ Синодомъ? Большинствомъ десяти голосовъ противъ двухъ вопросъ рѣшенъ былъ въ пользу *одного* лица.

При послѣдующемъ голосованіи въ качествѣ кандидата на должность сверхштатнаго экстраординарнаго профессора одиннадцатью членами Совѣта (изъ 12-ти присутствовавшихъ въ собраніи) былъ названъ доцентъ по каѳедрѣ исторіи русской литературы *Н. Л. Туницкій.*

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи русской литературы, магистра богословія, *Н. Л. Туницкаго* въ званіи экстраординарнаго профессора Академіи сверхъ штата, съ положеннымъ по должности экстраординарнаго профессора окладомъ содержанія и правомъ участвовать въ засѣданіяхъ Совѣта Академіи.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „25 ноября 1913. Исполнить".

26 ноября 1913 года.

№ 23.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Акаде-

міи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій и С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессоры -И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: ординарные профессоры—А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ и С. И. Смирновъ.

Въ собраніи семъ кандидатъ и сверхштатный профессорскій стипендіатъ Императорской Московской Духовной Академіи выпуска текущаго 1913 года *Александръ Ремезовъ* прочиталъ, согласно резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 23 октября и опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5 ноября 1913 года, двѣ пробныя лекціи *по исторіи и обличенію русскаго сектантства*, одну на тему по собственному избранію: „Объ исторической критикѣ матеріаловъ къ изученію русскаго сектантства“, другую—по назначенію Совѣта Академіи: „Современное хлыстовство, какъ религіозно-культурное явленіе“.

Обѣ лекціи, прочитанныя кандидатомъ Ремезовымъ, Совѣтъ Академіи единогласно призналъ удовлетворительными, а лектора—достойнымъ избранія на должность преподавателя Академіи по вакантной каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства.

Справка: 1) Журналъ собранія Совѣта Академіи 5 ноября 1913 года, № 20.—2) §§ 109, лит. *в* п. 2, и 118 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи сверхштатнаго профессорскаго стипендіата, кандидата богословія, *Александра Ремезова* въ должности преподавателя Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства, въ званіи и. д. доцента, съ 26 ноября 1913 года—дня избранія его на эту должность Совѣтомъ Академіи.—2) Журналъ собранія Совѣта 5 ноября 1913 года, № 20, приложить къ журналу

настоящаго собранія—для представленія Святѣйшему Синоду.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „7 дек. 1913. Исполнить“.

11 декабря 1913 года.

№ 24.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій. С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—П. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. П. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарный профессоръ М. М. Богословскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 26 ноября за № 19374:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Казанскаго, отъ 3 Октября сего года за № 4981, въ коемъ объясняя, что законопроекты по духовному вѣдомству и труды съѣздовъ, коммиссій и совѣщаній при Святѣйшемъ Синодѣ представляютъ собою весьма важный и цѣнный матеріалъ для науки, для исторіи русской церкви, церковнаго законодательства, для исторіи духовнаго просвѣщенія и образованія, и поэтому всѣ таковые матеріалы было бы не только желательно, но и прямо необходимо имѣть въ библіотекахъ нашихъ духовныхъ академій, какъ представительницъ высшей богословской науки, ходатайствуетъ о распоряженіи, чтобы всѣ печатаемые въ Синодальной Типо-

графіи, по нуждамъ дѣлопроизводства Канцелярій состоящихъ при Святѣйшемъ Синодѣ учрежденій, церковные законопроекты были высылаемы въ одномъ или двухъ экземплярахъ въ фундаментальную библіотеку Императорской Казанской духовной академіи. Приказали: Обсудивъ настоящее представленіе Преосвященнаго Казанскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поручить Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ *высылать въ фундаментальныя библіотеки Императорскихъ С.-Петербургской, Кіевской, Московской и Казанской духовныхъ академій*, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ разрѣшенія Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, *по одному экземпляру, законопроекты по духовному вѣдомству и труды различныхъ совѣщаній и коммиссій при Святѣйшемъ Синодѣ*; о чемъ, для исполненія, передать выписку въ Хозяйственное Управленіе, а Ваше Преосвященство увѣдомить указомъ".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 30 ноября за № 19647:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 16 Сентября сего года за № 477, съ ходатайствомъ, между прочимъ, о назначеніи на должность преподавателя Императорской Московской духовной академіи по каѳедрѣ церковнаго права, въ званіи ординарнаго профессора, заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ церковной исторіи, доктора церковнаго права, *Александра Алмазова*, съ оставленіемъ его и на службѣ въ университетѣ. И, по справкѣ, Приказали: Согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву за Министра Народнаго Просвѣщенія Товарища Министра В. Шевякова, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: назначить заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, доктора церковнаго права, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алмазова ординарнымъ профессоромъ Императорской Московской духовной академіи по каѳедрѣ церковнаго права, съ оставленіемъ въ его занимаемой имъ должности

въ университетѣ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: О состоявшемся назначеніи заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета Александра *Алмазова* ординарнымъ профессоромъ Академіи по каѳедрѣ церковнаго права сообщить самому профессору А. И. Алмазову, Г. Ректору университета и Правленію Академіи,—для зависящихъ со стороны послѣдняго распоряженій.

III. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) *1 октября, № 18*: „5 ноября 1913 г. Отчетъ послать по назначенію".

б) *5 ноября, № 19*: „22 ноября 1913. Исполнить".

в) *11 ноября, № 21*: „25 ноября 1913. Исполнить".

г) *11 ноября, № 22*: „25 ноября 1913. Исполнить".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

IV. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ за *ноябрь* мѣсяцъ текущаго 1913 года, изъ которой видно, что—а) *по болѣзни*: ординарные профессоры—С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій, экстраординарные профессоры П. П. Соколовъ и священникъ В. Н. Страховъ опустили по 5 лекцій; Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарный профессоръ А. А. Спасскій, экстраординарный профессоръ А. П. Орловъ и и. д. доцента Ѳ. М. Россейкинъ—по 2 лекціи; *б) по случаю исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей въ Окружномъ Судѣ*: экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій, доцентъ Н. Л. Туницкій и и. д. доцента Ѳ. М. Россейкинъ—по 5 лекцій, ординарные профессоры А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ—по 3 лекціи; *в) по домашнимъ обстоятельствамъ*: экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій—2 лекціи; *г) по нахожденію въ отпускѣ*: и. д. доцента А. М. Туберовскій—16 лекцій и и. д. доцента іеромонахъ Пантелеимонъ (Успенскій)—6 лекцій.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

V. Отношеніе Императорской Академіи Наукъ отъ 20 ноября за № 2829:

„Въ виду того, что Третій Международный Историческій Съѣздъ, собравшійся въ Лондонѣ, постановилъ, въ засѣданіи 9/22 апрѣля с. г., созвать слѣдующій Съѣздъ въ 1918 году въ С.-Петербургѣ, Императорская Академія Наукъ приняла на себя устройство *Предварительнаго Совѣщанія*, которое займется обсужденіемъ организаціи предстоящаго Съѣзда, а также выборомъ исполнительнаго и другихъ комитетовъ. Въ настоящее время разрѣшеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на устройство Международнаго Съѣзда и Предварительнаго Совѣщанія получено, а потому Императорская Академія Наукъ обращается къ Вамъ съ просьбою избрать одного или нѣсколькихъ представителей на Предварительное Совѣщаніе, назначенное въ С.-Петербургѣ *на 18, 19 и 20 декабря с. г.* Подача голосовъ предполагается по учрежденіямъ, представители которыхъ примутъ участіе въ занятіяхъ Съѣзда. О Вашемъ согласіи и именахъ гг. представителей Академія проситъ увѣдомить ее въ возможно скоромъ времени.

Справки можно наводить въ Бюро Предварительнаго Совѣщанія для организаціи IV Международнаго Историческаго Съѣзда въ С.-Петербургѣ: помѣщеніе Бюро будетъ находиться въ Канцеляріи Конференціи Императорской Академіи Наукъ, 5 Университетская набережная, Васильевскій Островъ“.

Справка: 1) Во исполненіе указа Святѣйшаго Синода отъ 29 октября с. г. за № 17401, представителями отъ Академіи на вышеозначенное Предварительное Совѣщаніе при Императорской Академіи Наукъ Совѣтомъ Академіи, въ собраніи 5 ноября с. г., были избраны: ординарный профессоръ по каѳедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскій* и экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ исторіи русской церкви *С. И. Смирновъ*, о чемъ Его Высокопреосвященствомъ, согласно ходатайству Совѣта, и представлено, отъ 22 ноября за № 595, Святѣйшему Синоду, съ просьбою

о назначеніи названнымъ лицамъ пособія изъ Синодальныхъ суммъ на путевые расходы и содержаніе въ С.-Петербургѣ въ размѣрѣ—по 150 рублей каждому.—2) Въ настоящее время одинъ изъ избранныхъ представителей Академіи—ординарный профессоръ *М. М. Богословскій*—серьезно боленъ (воспаленіемъ легкихъ) и принять участіе въ Совѣщаніи не имѣетъ возможности.

Опредѣлили: Въ случаѣ удовлетворенія Святѣйшимъ Синодомъ ходатайства Совѣта, изложеннаго въ п. 1 справки,—вторымъ представителемъ отъ Академіи на Предварительное Совѣщаніе при Императорской Академіи Наукъ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ въ 1918 году въ С.-Петербургѣ IV-го Международнаго Историческаго Съѣзда, избрать (вмѣсто ординарнаго профессора М. М. Богословскаго) экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей Западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени, *А. П. Орлова*,—о чемъ и сообщить Императорской Академіи Наукъ.

VI. Отношеніе Управленія Императорской Публичной Библіотеки:

„Императорская Публичная Библіотека празднуетъ 2-го января 1914 года *столѣтіе со дня открытія ея на пользу общую*.

Управленіе Библіотеки льститъ себя надеждою, что Императорская Московская Духовная Академія почтитъ своимъ участіемъ торжественный актъ, который состоится въ этотъ день въ 1 часъ дня въ читальномъ залѣ Библіотеки, и проситъ увѣдомить заблаговременно, если участіе это выразится присылкою депутаціи“.

Опредѣлили: Привѣтствовать Императорскую Публичную Библіотеку, по случаю исполняющагося 2-го января 1914 г. столѣтія со дня ея открытія на пользу общую, поднесеніемъ адреса отъ имени Императорской Московской Духовной Академіи чрезъ особую депутацію изъ экстраординарныхъ профессоровъ Академіи—*Н. Л. Туницкаго и священника В. Н. Страхова*, которымъ и поручить составить предварительный проектъ текста адреса.

VII. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Согласно § 121 устава духовныхъ академій — „Совѣтъ назначаетъ ежегодно день торжественнаго собранія, въ которомъ читается годовой отчетъ и произносятся преподавателями рѣчи, предварительно одобренныя ректоромъ“.—Въ виду сего считаю благовременнымъ предложить Совѣту озаботиться избраніемъ изъ числа наставниковъ Академіи лица, на которое возложено будетъ *составленіе рѣчи къ 1-му октября* будущаго *1914 года*—традиціонному дню торжественнаго академическаго праздника, совпадающему нынѣ съ празднованіемъ столѣтняго юбилея Академіи“.

Опредѣлили: Составленіе рѣчи ко дню торжественнаго юбилейнаго собранія Академіи 1-го октября 1914 года и произнесеніе оной, по предварительномъ одобреніи Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, поручить ординарному профессору по каѳедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскому*.

VIII. Предложеніе бывшаго воспитанника Московской Духовной Академіи и Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, потомственнаго дворянина и кандидата богословія *Евстаѳія Николаевича Воронца*:

„Весьма многіе бывшіе воспитанники Московской Духовной Академіи пріобрѣли своими литературными трудами заслуженную извѣстность въ литературѣ Богословской и въ прочихъ отрасляхъ знанія. Академіи принадлежитъ въ однихъ изъ ея питомцевъ пробужденіе, развитіе и укрѣпленіе ихъ дарованій,—въ другихъ изъ нихъ правильное направленіе ихъ талантовъ. Но хотя Московская Академія заканчиваетъ нынѣ *столѣтіе* своего существованія, а между тѣмъ въ ней неизвѣстны какъ большинство литературныхъ трудовъ, такъ и благотворная дѣятельность очень многихъ бывшихъ ея воспитанниковъ.

Этотъ пробѣлъ ведетъ къ тому, что даже такой почтенный и компетентный историкъ Академіи, какъ протоіерей Сергѣй Константиновичъ Смирновъ, весьма мало и слабо могъ выразить тотъ высокій и могучій импульсъ, какой даетъ Московская Духовная Академія своимъ воспитанникамъ для приложенія въ жизни Церкви и православнаго отечества тѣхъ

духовныхъ свойствъ и талантовъ, кои выработаны были въ нихъ Академіею. Въ упомянутой Исторіи Академіи за 56 лѣтъ ея бытія не упомянуто, напримѣръ, о многостороннихъ литературныхъ трудахъ и благотворной дѣятельности такого просвѣщеннѣйшаго ея воспитанника седьмого курса (1830 года), какъ Гордій Семеновичъ *Саблуковъ* [1]), бывшій ординарный профессоръ въ Казанской Духовной Академіи. А вѣдь этотъ выдающійся ученый и глубоковѣрующій церковно-государственный дѣятель, высоко цѣнимый русскими Святителями и профессорами, и оріенталистами, и историками,—образовалъ своими литературными трудами и дѣятельностью въ просвѣщеніи поволжскихъ инородцевъ свѣтомъ Христовымъ цѣлую школу и цѣлыя группы теоретическихъ и практическихъ полезныхъ дѣятелей Церкви и отечества [2]). Приснопамятный этотъ товарищъ и наставникъ нашъ Гордій Семеновичъ Саблуковъ даже среди враговъ Христовыхъ называется и слыветъ патріархомъ и могучимъ борцомъ за вѣру истинную противъ невѣрныхъ [3])... А въ исторіи Московской Духовной Академіи о столь славныхъ трудахъ и дѣятельности такого выдающагося ея воспитанника не сказано ничего, онъ ей какъ будто чуждъ и неизвѣстенъ ....

Отъ каждаго студента Академія требуетъ, чтобы онъ собралъ и имѣлъ подъ руками литературу предмета своей задачи; а въ самой Академіи не собрана и она не имѣетъ достаточной литературы проявленія существенной стороны ея задачи—духовнаго ея вліянія и значенія въ печатныхъ трудахъ и въ жизненной дѣятельности ея питомцевъ...

Вслѣдствіе высказаннаго весьма благопотребно *учредить* при библіотекѣ Московской Духовной Академіи *особый отдѣлъ*, составленный изъ собранія литературныхъ трудовъ бывшихъ ея воспитанниковъ и изъ матеріаловъ для ея исторіи. Въ этотъ спеціальный отдѣлъ слѣдуетъ собрать какъ многое напечатанное объ Академіи, такъ, по возможности, всѣ труды бывшихъ ея воспитанниковъ, напечатанные не

---

[1]) Исторія Московской Духовной Академіи С. Смирнова, издан. 1879 г., стран. 540.

[2]) Православный Собесѣдникъ 1880 г. Мартъ. Некрологъ Г. С. Саблукова. Стр. 288—333, особен. 317—329.

[3]) Тамъ же стран. 306 и проч.

только отдѣльными изданіями, а и въ журналахъ, въ сборникахъ, и печатные отзывы объ этихъ трудахъ и еще біографіи и некрологи [1]) почившихъ воспитанниковъ Московской Академіи. Для успѣшнаго осуществленія этого собранія слѣдуетъ,—между прочимъ чрезъ напечатаніе объ этомъ въ газетахъ и журналахъ,—просить содѣйствія этому *всѣхъ* бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи, а за почившихъ ихъ родственниковъ.

По всему здѣсь упомянутому имѣю честь почтительнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи, хотя только принципіально, обсудить настоящее мое предложеніе. И какъ надѣюсь, когда оно будетъ одобрено, испросить у Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Святителя Макарія, митрополита Московскаго, разрѣшеніе на принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ къ учрежденію при Академической библіотекѣ особаго отдѣла по исторіи Академіи и собранію возможно большихъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ Академіи.

Постановленіе объ этомъ Совѣта Академіи почтительнѣйше прошу мнѣ сообщить".

Опредѣлили: Выражая, въ принципѣ, полное сочувствіе предложенію кандидата богословія Е. Н. Воронца, — вопросъ объ учрежденіи при фундаментальной академической библіотекѣ особаго отдѣла, составленнаго изъ собранія учено-литературныхъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ Академіи и изъ матеріаловъ по ея исторіи, и объ изысканіи средствъ на этотъ предметъ—передать для предварительной разработки въ юбилейную коммиссію.

IX. Отношенія Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 13 ноября и 2 декабря за №№ 4566 и 5092, съ препровожденіемъ циркуляровъ по духовно-учебному вѣдомству за №№ 29 и 30 (по два экземпляра каждаго).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Докладъ экстраординарнаго профессора Академіи *С. И.*

---

[1]) Описанія предсмертныхъ минутъ въ некрологахъ очень назидательны, какъ характерныя проявленія внутренняго міра умирающаго почти загробнаго, какъ проявили это многіе святители, напр. Макарій (Михаилъ Дарскій—26 курса), епископъ Благовѣщенскій, въ послѣдніе часы своей земной жизни (Церк. Вѣстн. 1897 г. № 49, стр. 1795 и проч.).

Смирнова и и. д. доцента *Ѳ. М. Россейкина*, производившихъ ревизію академической библіотеки:

„Честь имѣемъ доложить Совѣту Академіи о результатахъ произведенной нами, по порученію Совѣта, ревизіи академической библіотеки:

1) Всѣ расходы, произведенные библіотекой въ 1912 году въ суммѣ 2860 р. 35 к., имѣютъ за себя оправдательные документы и вполнѣ соотвѣтствуютъ записямъ пріобрѣтенныхъ книгъ въ инвентарномъ каталогѣ библіотеки.

2) Отчетъ г. библіотекаря Академіи за 1911—1912 академическій годъ стоитъ въ точномъ соотвѣтствіи съ фактическимъ составомъ библіотеки и наличнымъ состояніемъ библіотечнаго хозяйства.

3) При опытахъ провѣрки книжнаго состава библіотеки оказалось, что всѣ затребованныя книги или стоятъ на мѣстахъ, или значатся по карточкамъ выданными тому или иному лицу, имѣющему право на пользованіе библіотекой. На всѣхъ книгахъ имѣются №№ полокъ и печать библіотеки Академіи.

4) Выдача и обратный пріемъ книгъ производится библіотекой въ точномъ соотвѣтствіи съ установленными правилами. Въ частности, г. библіотекаремъ принимаются своевременныя мѣры къ провѣркѣ книгъ, находящихся на рукахъ г.г. профессоровъ".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Отношенія:

а) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 22 ноября за №№ 2709 и 2721, съ увѣдомленіемъ о полученіи книгъ, возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніяхъ отъ 9 и 15 ноября с./г. за №№ 611 и 629.

б) Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 29 ноября за № 1539, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращеннаго Совѣтомъ Академіи рукописнаго сборника архимандрита Вассіана подъ № 1257.

в) Совѣта Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 11 ноября за №№ 1809 и 1810 и 19 ноября за №№ 1844, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ: 1) журнала Jewisch Quarterly Review за 1890 г. №№ 2, 3, 4

и 9 (для занятій профессорскаго стипендіата Н. Кочанова) 2) рукописей Софійской библіотеки подъ №№ 1385, 1365 и 1359 (для занятій доцента Н. Л. Туницкаго); 3) рукописи подъ заглавіемъ: „Записка о чествованіи Св. Анны Кашинской (для занятій студента IV курса Н. Синева).

д) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 16 и 30 ноября за №№ 2665 и 2848, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ: 1) книгъ—G. Parthey. Plutarch über Jsis und Osiris и Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften. 1914 (для занятій экстраординарнаго профессора Д. И. Введенскаго) и 2) рукописи 1286 г. изъ собранія Гильфердинга № 32 (для занятій и. д. доцента В. П. Виноградова).

е) Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 11 ноября за № 1468, съ препровожденіемъ на мѣсячный срокъ книгъ: 1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1835 г. № 9 и 2) Ученыя Записки Казанскаго Университета за 1864 г., вып. 2 (для занятій студента IV курса А. Лебедева).

ж) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 12 и 22 ноября за №№ 1896 и 2005, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ рукописей Лаврской библіотеки подъ №№ 103—4 (для занятій и. д. доцента В. П. Виноградова), 746, 760, 762, 764 и копіи „Описи Троице-Сергіевой Лавры 1642 года“ (для занятій студента IV курса М. Струмѣнскаго).

Справка: Означенныя въ п.п. *в—ж* книги и рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Представленіе *Библіотечной Коммиссіи*, отъ 7 декабря за № 1165:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библіотечная Коммиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической библіотеки изданія, значащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 942, 943 и 951 (Инспектора Академіи Архимандр. Иларіона), 571, 572, 573 и 574 (Проф. А. П. Шостьина), 1208 и 1209 (Проф. С. И. Соболевскаго), 954 (Проф. С. С. Глаголева), 1461 и 1462 (Проф. А. А. Спас-

скаго), 1207 (Проф. П. П. Соколова), 944, 949 и 950 (Проф. С. И. Смирнова), 955 (Проф. Д. И. Введенскаго), 941 и 956 (Проф. А. П. Орлова), 845 и 846 (Проф. свящ. Д. В. Рождественскаго), 947 (Проф. свящ. В. Н. Страхова), 844 и 971 (Доц. Н. В. Лысогорскаго), 948 (Доцента Н. Л. Туницкаго), 798 и 953 (И. д. доцента Ѳ. М. Россейкина), 164 и 952 (И. д. доцента свящ. П. А. Флоренскаго), 1014, 1015, 1017 и 1019 (И. д. доцента А. М. Туберовскаго), 1421 и 1430 (И. д. доцента В. П. Виноградова), 958 и 959 (И. д. доцента свящ. І. М. Смирнова), 728 (И. д. доцента Н. Д. Протасова), 940 и 960 (Лектора А. К. Мишина), 946 (Лектора свящ. Н. А. Преображенскаго) и 847 (Библіотечной Коммиссіи)".

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи *К. М. Попову* выписать для академической библіотеки означенныя въ заявленіяхъ г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи

XIII. Представленіе *Библіотечной Комиссіи* отъ 7 декабря за № 1168:

„На основаніи своего постановленія отъ 3 декабря 1913 года Библіотечная Коммиссія имѣетъ честь представить въ Совѣтъ Академіи: 1) Представленіе въ Коммиссію библіотекаря Академіи К. Попова отъ 1 декабря 1913 года со спискомъ періодическихъ изданій, получавшихся въ академическую библіотеку въ 1913 году, и 2) Копію съ протокола засѣданія Библіотечной Коммиссіи 3 декабря 1913 года.

Утвержденный Совѣтомъ Академіи списокъ періодическихъ изданій на 1914 годъ Коммиссія проситъ передать библіотекарю Академіи К. Попову для снятія копіи и заказа".

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи *К. М. Попову* выписать для академической библіотеки на 1914-й годъ слѣдующія изданія:

А. Русскія:

1. Русскій Архивъ.
   Русскій Врачъ.
   Византійскій Временникъ.
   Церковныя Вѣдомости.
5. Вѣстникъ Воспитанія.
   Вѣстникъ Европы.

Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики.
Историческій Вѣстникъ.
Русскій Филологическій Вѣстникъ.
10. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
Книжная Лѣтопись Главнаго Управленія по дѣламъ печати.
Нива.
Русская Старина.
14. Русская Школа.

Б. Иностранныя.

15. Archiv für katholisches Kirchenrecht.
Archiv für slavische Philologie.
Archiv für Philosophie. I. Archiv für Geschichte der Philosophie.
Archiv für Philosophie. II. Archiv für systematische Philosophie.
Archiv für gesamte Psychologie.
20. Archives de Psychologie.
Beiträge zur Förderung christlicher Theologie.
Nuovo Bullettino di archeologia cristiana.
Ciel et Terre.
Dienet einander.
25. Expositor.
Forschungen zur christlichen Literatur—und Dogmengeschichte.
Geisteskampf.
Jahrbuch des Vereins für wissenschaftliche Pädagogik.
Journal de Psychologie.
30. Journal of theological studies.
American Journal of religious psychology and education.
International Journal of ethics.
Kantstudien (mit Ergänzungsheften).
Theologische Literaturblatt.
35. Theologische Literaturzeitung.
Mathesis.
Mind.
Monatschrift für Gottesdienst und kirchliche Kunst.
Monatschrift für innere Mission.
40. Monatschrift für Pastoraltheologie.
Oriens Christianus.

Hermes.
Römische Quartalschrift.
Der alte Orient.
45. Pionier.
Theologische Quartalschrift.
Theologisch—praktische Quartalschrift.
Revue biblique.
Revue de l' art chrétien.
50. Revue de l' histoire des religions.
Revue de l' orient chrétien.
Revue de histoire ecclésiastique.
Revue de metaphysique et de morale.
Revue de synthèse historique.
55. Revue de théologie et de philosophie.
Revue des deux mondes.
Revue des études juives.
Revue des questions scientifiques.
Revue du clergé Français.
60. Revue philosophique.
Revue pratique d' apologétique.
Revue scientifique.
Theologische Revue.
Psychologische Studien.
65. Theologische Studien und Kritiken.
Theologie der Gegenwart.
Expository Times.
Umschau, Wissenschaftliche.
Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie.
70. Zeitschrift für Kirchengeschichte.
Zeitschrift für Psychologie.
Zeitschrift für Religionspsychologie.
Zeitschrift für katholische Theologie.
Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie.
75. Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft (mit Beiheften).
Zeitschrift für neutestamentliche Wissenschaft.
Byzantinische Zeitschrift.
Deutsche Zeitschrift für Kirchenrecht.
79. Zodiakus.

XIV. Представленіе *Библіотечной Коммиссіи* отъ 7 декабря за № 1167:

„Библіотечная Коммиссія, представляя при семъ вырѣзку изъ печатныхъ журналовъ Совѣта Академіи за 1913 годъ, въ которой на страницахъ 637—638 напечатана расходная смѣта по фундаментальной библіотекѣ 1913-го года, на основаніи своего постановленія отъ 3 декабря 1913 года, симъ имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи объ утвержденіи на 1914-й годъ *смѣты* въ такомъ видѣ: а) пункты 1, 2, 4, 5, 6, 7 и 8 смѣты оставить безъ измѣненія; б) ассигновать на выписку книгъ заслуженному ординарному профессору Академіи М. Д. Муретову 30 рублей въ годъ; в) по пункту 3-му смѣты на каѳедры нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ ассигновать по 10 рублей въ годъ на каждую“.

Опредѣлили: Соглашаясь съ представленіемъ Библіотечной Коммиссіи, расходную смѣту по фундаментальной академической библіотекѣ на 1914-й г. утвердить въ слѣдующемъ видѣ:

1) На каѳедры: основного богословія, догматическаго богословія, нравственнаго богословія, пастырскаго богословія и гомилетики, исторіи древней церкви, церковнаго права, систематической философіи и логики, психологіи, исторіи философіи, педагогики, еврейскаго языка съ библейской археологіей, библейской исторіи, исторіи греко—восточной и славянскихъ церквей, исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій и греческаго языка—*по 60 рублей* на каждую; 2) на каѳедры: Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта—1-ю и 2-ю, Священнаго Писанія Новаго Завѣта—1-ю и 2-ю, патрологіи 1-ю и 2-ю, исторіи русской церкви, русской гражданской исторіи, исторіи и обличенія русскаго раскола, исторіи и обличенія русскаго сектантства, церковно—славянскаго и русскаго языка, исторіи русской литературы, литургики, церковной археологіи—*по 50 рублей* на каждую, съ добавленіемъ на каѳедры Священнаго Писанія Новаго Завѣта *30 рублей* для выписки книгъ по представленіямъ сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова*; 3) на каѳедры нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языка—*по 10 рублей* на каждую; 4) на выписку періодическихъ изданій—*500 рублей*, 5) на выписку цѣнныхъ изданій—*300 р.*, 6) на переплетъ книгъ—*300 р.*, 7) на пересылку книгъ—*70 р.* и 8) на канцелярскіе расходы—*19 руб*; всего—*2849 рублей*.

XV. Представленіе *Библіотечной Коммиссіи* отъ 7 декабря за № 1166:

„Библіотечная Коммиссія, въ засѣданіи своемъ 3 декабря 1913 года, разсмотрѣвъ заявленіе библіотекаря Академіи К. Попова объ имѣющемся по смѣтѣ 1913 года остаткѣ, вслѣдствіе неизрасходованія суммъ, ассигнованныхъ на каѳедры церковнаго права, систематической философіи, патрологіи 2-й и исторіи русскаго сектантства, всего 220 рублей, на основаніи § 5 правилъ о порядкѣ пріобрѣтенія въ библіотеку книгъ, симъ имѣетъ честь представить Совѣту Академіи свои соображенія объ употребленіи этого остатка. Коммиссія находитъ возможнымъ на эти деньги: 1) пріобрѣсти для библіотеки пишущую машину системы Гаммондъ, модель № 15 б, съ двумя шрифтами, цѣною въ 315 рублей, въ разсрочку, на каковую имѣется согласіе Товарищества Т. И. Гагенъ, и уплатить за нее въ текущемъ году 115 рублей; уплата 200 рублей отсрочивается на годы 1914-й и 1915-й, и слѣдующій взносъ 100 рублей—не будетъ требоваться ранѣе конца ноября 1914-го года; 2) выписать вышедшіе въ 1913-мъ году новые томы сирской серіи изданія Corpus scriptorum christianorum orientalium на сумму 32 рубля; 3) выписать изъ изданія Monumenta Germaniae historica, серія—Auctores antiquissimi, недостающіе въ библіотекѣ томы на сумму 50 руб., и 4) выдать библіотечному служителю Сергѣю Терешину за единоличную работу въ библіотекѣ въ лѣтнюю пору (единственый служитель, остающійся въ библіотекѣ лѣтомъ, когда такъ дороги рабочія руки), и за обученіе имъ двухъ новыхъ служителей вознагражденіе въ суммѣ 10 рублей“.

Опредѣлили: Признавая изложенныя въ представленіи Библіотечной Коммиссіи соображенія относительно употребленія образовавшагося къ концу 1913-го года остатка библіотечныхъ суммъ, въ количествѣ 220-ти рублей, заслуживающими уваженія,—поручить библіотекарю Академіи *К. М. Попову* привести оныя въ исполненіе.

XVI. а) Представленіе библіотекаря Академіи *К. М. Попова*:

„На основаніи § 209 Академическаго Устава имѣю честь представить въ Совѣтъ Академіи отчетъ по библіотекѣ за 1912—1913 академическій годъ.

I. Въ 1912—1913 академическомъ году библіотека пополнилась 3602 названіями книгъ и журналовъ въ 8853 томахъ

и тетрадяхъ. Изъ нихъ 604 названія въ 1472 томахъ и тетрадяхъ пріобрѣтены покупкой, а 2998 названій въ 7381 томѣ поступили частью въ даръ отъ разныхъ учрежденій и лицъ, частью въ обмѣнъ на академическій журналъ, частью какъ присланныя въ редакцію академическаго журнала для отзыва и частью какъ академическія изданія и диссертаціи на ученыя степени; въ числѣ 2998 названій, поступившихъ даровымъ путемъ, считаются поступившія въ академическую библіотеку по завѣщаніямъ книги покойныхъ профессоровъ Академіи Е. Е. Голубинскаго (1077 названій въ 1312 томахъ) и А. И. Введенскаго (979 названій въ 1441 томѣ).—Въ библіотеку практическихъ занятій, организуемую на особо отпущенную сумму, пріобрѣтено книгъ 35 названій въ 113 томахъ, и 2 названія въ 2 томахъ поступили въ даръ.—Въ отчетномъ году пріобрѣтены слѣдующія цѣнныя изданія: Mansi, Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, reimpression Welter. tom. 36 и 47, Parisiis, 1913—въ двухъ экземплярахъ—256 Марокъ; три еврейскихъ рукописи—130 Марокъ; Великая Реформа, юбилейное изданіе Т—ва Сытина, томы 1—6. Москва, 1911—26 р.; Московская Церковная Старина, томъ 4, Москва 1911—40 р.; Еврейская Энциклопедія, томы 6—13—36 р. Новый Энциклопедическій Словарь, томы 1—13—52 р. Изъ пожертвованій нужно отмѣтить библіотеку покойнаго профессора А. И. Введенскаго, книги которой, преимущественно философскаго содержанія, хотя въ большинствѣ представляютъ дублеты по отношенію къ академической библіотекѣ, являются самыми ходовыми въ Академіи: на средства вдовы покойнаго М. И. Введенской сдѣланъ шкафъ для этихъ книгъ, и какъ только книги будутъ размѣщены въ немъ, приступлено будетъ къ каталогизаціи ихъ. Каталогъ книгъ библіотеки покойнаго профессора Е. Е. Голубинскаго составленъ библіотекаремъ въ теченіе прошедшаго лѣта; библіотека эта представляетъ случайное собраніе исключительно иностранныхъ книгъ, треть коихъ является дублетами по отношенію къ академической библіотекѣ, и какъ таковая имѣетъ менѣе значительную цѣнность.—Книги для академической библіотеки пріобрѣтались по требовательнымъ запискамъ наставниковъ Академіи, каковыя, послѣ разсмотрѣнія въ Библіотечной Коммиссіи, вносились на утвержденіе Совѣта Академіи.

II. Профессорамъ, преподавателямъ и должностнымъ лицамъ Академіи въ отчетномъ году выдано было 10114 названій книгъ и періодическихъ изданій; въ это число не входятъ книги, о которыхъ наводились справки, какъ о взятыхъ.—Кромѣ того, въ аудиторіи, для практическихъ занятій, было выдано въ теченіе года 879 книгъ, цѣнныхъ изданій и рукописей.—Требовательныхъ листковъ, по которымъ студенты получаютъ книги изъ библіотеки, въ отчетномъ году израсходовано 77817, и на каждаго студента за годъ приходилось болѣе 300 отдѣльныхъ требованій.

III. Учрежденная по § 210 академическаго устава Библіотечная Коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ профессора А. А. Спасскаго изъ проф. М. М. Тарѣева, и. д. доцента свящ. П. А. Флоренскаго и библіотекаря К. М. Попова, въ отчетномъ году имѣла 3 засѣданія. Кромѣ разсмотрѣнія заявленій наставниковъ Академіи о выпискѣ новыхъ книгъ, предметами занятій Коммиссіи были: а) составленіе списка періодическихъ изданій на 1913 годъ; б) составленіе проекта смѣты по фундаментальной библіотекѣ на 1913 г.; в) обсужденіе вопроса о передачѣ Духовнымъ Соборомъ Свято—Троицкой Сергіевской Лавры Лаврскихъ рукописей въ академическую библіотеку и др.—Въ виду значительнаго увеличенія работъ по академической библіотекѣ, Совѣтомъ Академіи возбуждено было предъ Святѣйшимъ Синодомъ ходатайство объ отпускѣ изъ синодальныхъ суммъ 600 рублей въ годъ на содержаніе вольнонаемнаго лица въ качествѣ второго помощника библіотекаря, каковое ходатайство уважено, и указомъ отъ 21 декабря 1912 года за № 19620 въ распоряженіе Правленія Академіи назначена была просимая сумма; въ помощь библіотекарю Правленіемъ Академіи опредѣленъ діаконъ Сергіевопосадской безприходной кладбищенской Всѣхсвятской церкви В. А. Виноградовъ.

IV. Въ отчетномъ году изъ разныхъ книгохранилищъ и учрежденій для профессоровъ и студентовъ въ академическую библіотеку было выписано Совѣтомъ Академіи нѣсколько рукописей и книгъ, именно: Изъ Императорской Публичной Библіотеки 7 рукописей и 27 книгъ; изъ Императорской Археографической Коммиссіи 1 рукопись; изъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея 1 рукопись и 5 книгъ; изъ Императорскаго Московскаго Археологиче-

скаго Общества 2 рукописи; изъ Московской Синодальной Библіотеки 7 рукописей; изъ библіотеки Императорской С.—Петербургской Духовной Академіи 4 рукописи и 1 книга; изъ библіотеки Императорской Казанской Духовной Академіи 1 рукопись; изъ Московской Синодальной Типографіи 1 книга; изъ Библіотеки Свято—Троицкой Сергіевской Лавры 22 рукописи; изъ Библіотеки Московскаго Никольскаго Единовѣрческаго Монастыря 1 рукопись; изъ библіотеки Волоколамскаго Іосифова монастыря 1 рукопись; изъ библіотеки Нижегородской духовной семинаріи 1 рукопись; изъ Окружныхъ Судовъ Воронежскаго, Калужскаго, Оренбургскаго Орловскаго, Самарскаго, Симбирскаго, Тамбовскаго и Херсонскаго 15 дѣлъ. Изъ академической библіотеки въ отчетномъ году было выслано: въ Императорскую Академію Наукъ 1 рукопись; въ Императорскую Археографическую Коммиссію 2 рукописи; въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ 2 рукописи; въ Императорскій имени Императора Николая II Археологическій Институтъ 2 рукописи; въ Общество Любителей Древней Письменности 1 рукопись; въ Архивъ Святѣйшаго Синода 1 рукопись; въ Московскую Синодальную Типографію 4 рукописи; въ Виѳанскую Духовную Семинарію 1 книга и въ Тамбовскую Духовную Семинарію 1 книга.

Въ разное время, частью занимались въ академической библіотекѣ, частью осматривали ее: Профессоръ Императорской С.—Петербургской Духовной Академіи Б. В. Титлиновъ, И. д. доцента Казанской Духовной Академіи Іеромонахъ Аѳанасій, Протоіерей А. А. Бѣляевъ, Библіографъ В. А. Андреевъ, Преподаватель Костромской Духовной Семинаріи И. Баженовъ, Справщикъ Московской Синодальной Типографіи Н. И. Серебрянскій, Преподаватель Астраханской Духовной Семинаріи Д. К. Вышеславовъ, Профессорскій стипендіатъ Университета Св. Владиміра Л. Бѣлецкій, Законоучитель Вологодскаго Учительскаго Института свящ. И. Н. Смирновъ, Слушатель Московскаго Археологическаго Института діаконъ В. П. Тростинъ, Студентъ Кіевской Духовной Академіи свящ. Державинъ, Офицеры 39 Томскаго пѣхотнаго полка, врачъ Помѣловскій, Капитанъ Зайленко и поручикъ Толмачевъ; экскурсія слушательницъ учительскихъ курсовъ земскихъ школъ Александровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, во

главѣ съ Инспекторомъ народныхъ училищъ Почетнымъ Блюстителемъ Академіи по хозяйственной части В. Д. Поповымъ и священникомъ А. И. Рождественскимъ".

б) Списокъ пожертвованій, поступившихъ въ фундаментальную академическую библіотеку въ 1912—1913 учебномъ году:

1) Отъ Алексія, Архіепископа Саратовскаго—его брошюра: Христіанство безъ догмата. Саратовъ, 1913.

2) Отъ Евдокима, Епископа Каширскаго — его журналы: а) Христіанинъ 1912 г. №№ 8—12, и 1913 г., №№ 1—7, съ приложеніями, и б) Маленькій Христіанинъ 1912 г. №№ 8—12, и 1913 г., №№ 1—7.

3) Отъ Николая, Архіепископа Варшавскаго—его Варшавскія бесѣды и рѣчи, вып. V (1912 г.). Спб. 1913.

4) Изъ Государственной Думы—а) Стенографическій отчетъ Государственной Думы. 4-й созывъ. Сессія I, часть I, засѣд. 1—30; часть II, засѣд. 31—54; часть III, засѣд. 55—81. Спб., 1912—1913; б) Указатель къ стенографическому отчету Государственной Думы 3-го созыва 5-й сессіи. Спб., 1912; в) Приложенія къ стенографическому отчету Государственной Думы 3-го созыва 5-й сессіи. Томы 1—5. Спб., 1911—1912; г) Предметный указатель къ Приложеніямъ. Спб., 1912; д) Доклады Бюджетной Коммиссіи 3-го созыва 5 сессіи Думы. Томы 1—2. Спб., 1912; е) Обзоръ дѣятельности коммиссій и отдѣловъ 3-го созыва 5-й сессіи Думы. Спб., 1912; ж) Обзоръ дѣятельности Государственной Думы 3-го созыва (1907—1912 г.). Части 1—3. Спб., 1912; з) Особое приложеніе № 2 къ Стенографическому отчету Государственной Думы 153-го засѣданія 5-й сессіи. Спб., 1912.

5) Изъ Архива Государственнаго Совѣта—Опись дѣлъ Архива, томы 6, 7 и 9. Спб., 1911—1912.

6) Изъ Архива Правительствующаго Сената—его изданіе Сенатскій Архивъ, т. XV. Спб., 1913.

7) Изъ Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—книги: а) Tolstoy, Catholicisme Romain en Russie, tome 2-me. Paris, 1864; б) The Russian ministry of public education at the World's Columbian Exposition. St.-Petersburg, 1893, два экз.

8) Изъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ—а) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества: томы 138—142. Юрьевъ, 1912.—Спб., 1912—1913, и Москва'

1913; б) Полное Собраніе Законовъ 3-е, томъ 29: 1—2. Спб., 1912; в) Сводъ Законовъ, томъ X, часть 3 (Положеніе о землеустройствѣ), изд. 1912 г., два экз.; г) Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству. № 28 (1911—1912 г.г.). Спб., 1912; д) Martini, Textgeschichte der Bibliotheke des Patriarchen Photios. 1. Teil. Leipzig, 1911.

9) Изъ Императорской Академіи Наукъ—ея изданія: а) Записки по историко-филологическому отдѣленію. 8-ая серія, томъ XI, №№ 2, 3, 4, 5. Спб., 1912; б) Извѣстія (Bulletin) Академіи Наукъ, 6-ая серія, 1912 г., томъ VI, №№ 12—18, и 1913 г. томъ VII, №№ 1—11. Спб., 1912—1913; в) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности, томъ XVII, кн. 2—4, и XVIII, кн. 1—2. Спб., 1912—1913; г) Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, томъ 89. Спб., 1912; д) Христіанскій Востокъ. Годъ 1-й. Томъ I, вып. II—III; томъ II, вып. I. Спб., 1912—1913; е) Письма и бумаги Императора Петра Великаго, томъ 6. Спб., 1912; ж) Сборникъ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ, III и IV. Спб., 1912.

10) Изъ Императорской Археологической Коммиссіи—а) Извѣстія Коммиссіи, вып. 44: 1—2; 45; 46: 1—2. Спб., 1912; и б) Отчетъ Коммиссіи за 1908 годъ. Спб., 1912.

11) Изъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества—а) Записки Восточнаго Отдѣленія, томъ XXI, вып. 1—3. Спб., 1912; и б) Записки Отдѣленія русской и славянской археологіи, томъ IX. Спб., 1913.

12) Изъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея—а) Каталогъ книгъ библіотеки А. П. Бахрушина, вып. III. Москва, 1912; б) Каталогъ книгъ библіотеки А. П. Бахрушина. Книги на иностранныхъ языкахъ. Москва, 1912; в) Отчетъ Музея за 1908, 1909, 1910 и 1911 г.г. Москва, 1909—1912.

13) Изъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ—Чтенія въ Обществѣ 1912 г., кн. 3—4, и 1913 г., кн. 1—2. Москва, 1912—1913.

14) Изъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества—Сообщенія Общества 1912 г., вып. 3—4, и 1913 г., вып. 1—2. Спб., 1912—1913.

15) Изъ Императорскаго Варшавскаго Университета—а) Обозрѣніе преподаванія въ Университетѣ въ 1912—1913 г. Варшава, 1912; б) Записки Общества Исторіи, Филологіи и Права, вып. 6. Варшава, 1912; в) Варшавскія Университетскія Извѣ-

стія 1912 г., вып. VI—IX, и 1913 г., вып. I—V. Варшава, 1912—1913; г) Бируковъ, Наблюденія надъ измѣненіемъ окраски у животныхъ. Саратовъ, 1912; д) Замотинъ, Ѳ. М. Достоевскій въ русской критикѣ, 1. Варшава, 1913, два экз.; е) Козловскій, Первыя почты, 1—2. Варшава. 1913; ж) Мейеръ, О свѣтовыхъ явленіяхъ. Рига, 1913; з) Назаревскій, Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства, т. 1, ч. 1. Москва, 1912.

16) Изъ Университета Св. Владиміра — а) Билимовичъ. Уравненія движенія для консервативныхъ системъ. Кіевъ, 1912; б) Бельговскій, Матеріалы къ ученію о сычужномъ пищеваренін у жвачныхъ. Кіевъ, 1912; в) Жилинъ, Теорія союзнаго государства. Кіевъ, 1912; г) Клингеръ, Животное въ античномъ и современномъ суевѣріи. Кіевъ, 1911; д) Лучицкій, Рапакиви Кіевской губерніи. Варшава, 1912.

17) Изъ Императорскаго Казанскаго Университета — а) Загряцковъ, Земельная политика въ Германіи, 1. Москва, 1913; б) Смирновъ, Очерки по аграрной статистикѣ, 1. Спб., 1912; в) Обозрѣнія преподаванія въ 1912—1913 учебномъ году. Казань, 1912; г) Годичный Отчетъ Университета за 1911 годъ. Казань, 1912.

18) Изъ Императорскаго Московскаго Университета—Отчетъ Университета за 1912 годъ. Москва, 1913.

19) Изъ Императорскаго Николаевскаго Университета — а) День 21 Февраля въ Императорскомъ Николаевскомъ Университетѣ. Саратовъ, 1913; б) Годичный актъ 6 декабря 1912 г. Саратовъ, 1913; в) Извѣстія Университета, томъ III, вып. 3—4, и томъ IV, вып. 1—2. Саратовъ, 1912—1913.

20) Изъ Императорскаго Новороссійскаго Университета—Шпаковъ, Государство и церковь въ Московскомъ государствѣ, въ 3-хъ кн. Одесса, 1912.

21) Изъ Императорскаго Томскаго Университета—Извѣстія Университета, кн. 47—48. Томскъ, 1912—1910.

22) Изъ Императорскаго Юрьевскаго Университета—Ученыя Записки Университета 1912 г., №№ 7—12, и 1913 г., №№ 1—6. Юрьевъ, 1912—1913.

23) Изъ Императорской Казанской Духовной Академіи — а) Годичный актъ 8 Ноября 1912 г. Казань, 1912, два экз.; б) Памятная книжка на 1912—1913 г. Казань, 1912, два экз.; в) Протоколы Совѣта за 1910—1912 годы. Казань, 1912—1913,

съ Указателемъ къ 1910 г. Казань, 1912, два экз.; г) Мотрохинъ, Твореніе Амвросія Медіоланскаго „De officiis ministrorum". Казань. 1912, два экз.; д) Письма Антонія, Архіепископа Казанскаго (1866—1879 гг.). Казань, 1912, два экз.

24) Изъ Императорской Кіевской Духовной Академіи — а) Отчетъ 1910—1911 г. Кіевъ, 1911; б) Рѣчь и Отчетъ 1911—1912 г. Кіевъ, 1913; в) Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта 1910—1911 г. Кіевъ, 1911 (1912); г) Анатолій, Историческій очеркъ Спрійскаго монашества. Кіевъ, 1911; д) Барвинокъ, Никифоръ Влеммидъ. Кіевъ, 1911; е) Иваницкій, Филонъ Александрійскій. Кіевъ, 1911; ж) Капраловъ, Религіозно-нравственное ученіе Амоса и Осіи. Кіевъ, 1911; з) Лисицынъ, Первоначальный славяно-русскій типиконъ, съ приложеніемъ. Спб., 1911; и) Преображенскій, Славяно-русскій скитскій Патерикъ. Кіевъ, 1909; і) Прилуцкій, Частное богослуженіе въ русской церкви въ XVI—XVII в. Кіевъ, 1912; к) Скабаллановичъ, Толковый Типиконъ, 1. Кіевъ, 1910; л) Систематическій каталогъ, вып. 10—11. Кіевъ, 1912; м) Кіево-Могилянскій Сборникъ. Кіевъ, 1913, два экз.; н) Изъ академической жизни. Кіевъ, 1913, два экз.

25) Изъ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи—а) Годичный актъ 17 Февраля 1913 г. Спб., 1913; б) Журналы Совѣта 1911—1912 г. Спб., 1912 (1913) и в) Памятная книжка 1912—1913 г, Спб., 1913.

26) Изъ Аѳинскаго Университета—его изданія: а) Ξενια. Ἀθηναι, 1912; б) La célébration du 75-me anniversaire de la fondation de l' Université Nationale de Grèce. Athènes, 1912.

27) Изъ Упсальскаго Университета — Uppsala Universitets Arsskrift 1911, B-de 1—2. Uppsala, 1911.

28) Изъ Черновицкаго Университета—а) Verzeichnis d. öffentl. Vorlesungen im Winter-Semester 1912—1913 и Sommersemester 1913. Czernowitz, 1912—1913; б) Personalstand im Iahre 1912—1913. Czernowitz, 1912; в) Feierliche Inauguration 1912—1913. Czernowitz, 1912.

29) Изъ Восточнаго Института во Владивостокѣ - Извѣстія Института, годъ 13-й (1911—1912), томъ XLII—XLIII, и томъ XLV, 1. Владивостокъ, 1912.

30) Изъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Института—Извѣстія Археологическаго Съѣзда членовъ Института, тетради 1—5. Москва, 1913.

31) Изъ Демидовскаго Юридическаго Лицея—Временникъ Лицея, кн. 106—107. Ярославль, 1912.

32) Изъ Педагогическаго Института имени П. Г. Шелапутина въ г. Москвѣ—Извѣстія Института. Книга I. Москва, 1912—1913.

33) Изъ Московскаго Городского Народнаго Университета имени А. Л. Шанявскаго—Отчетъ Университета за 1911—1912 акад. годъ. Москва, 1912.

34) Изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи—Описаніе документовъ и бумагъ Архива, кн. 17-я. Москва, 1912.

35) Изъ Архангельскаго Епархіальнаго Церковно-Археологическаго Комитета—его изданіе: Акты Сійскаго монастыря, вып. 1-й. Архангельскъ, 1913.

36) Изъ Калужскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества—его изданіе: Юбилейный сборникъ въ память Отечественной войны, 1—2. Калуга, 1912.

37) Изъ Псковскаго Церковно-Археологическаго Комитета — его изданіе: Пановъ, Лѣтопись Троицкаго Собора г. Острова. Псковъ, 1912.

38) Изъ Общества Изученія Олонецкой губерніи Извѣстія Общества, годъ 1-й (1913), №№ 1—4. Петрозаводскъ, 1913.

39) Изъ Новгородскаго Общества Любителей Древности—Сборникъ Общества, вып. VI. Новгородъ, 1912.

40) Изъ Ярославской Ученой Архивной Коммиссіи—а) Труды Коммиссіи, кн. 3: 3 и 4: 2. Ярославль, 1912; б) 200 лѣтъ тому назадъ въ г. Ярославлѣ. Ярославль, 1912.

41) Изъ Подольскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта—Отчетъ о состояніи церковныхъ школъ за 1910—1911 уч. годъ. Каменецъ-Подольскъ, 1911.

42) Изъ Ярославскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта—Отчетъ Ярославскаго Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковныхъ школъ за 1910—1911 и 1911—1912 уч. годъ. Ярославль, 1912—1912.

43) Изъ Клуба Націоналистовъ въ Кіевѣ — его изданія: а) Ира-осъ, Что такое ритуальныя убійства? Кіевъ, 1913, два экз.; б) Фричъ, Справочная книга по еврейскому вопросу. Кіевъ, 1912 (1913).

44) Отъ Академическаго корпораціоннаго товарищества по выпискѣ журналовъ: аа) журналы: а) Вѣстникъ Иностранной Литературы 1911 г., №№ 1—12; 1912 г., №№ 1—5 и 7—12;

б) Современный Міръ 1913 г., №№ 3—6; в) Современникъ 1912 г. №№ 7—12, и 1913 г., №№ 1—3; бб) Сборники: а) Альманахъ „Шиповникъ“, кн. 15, 17 и 18. Спб., 1911—1912; б) Земля, кн. 8, 10 и 12. Москва, 1912—1913; в) Мирбо, Собраніе сочиненій, кн. 1—2, 4—6. Спб., 1912; г) Сборникъ Товарищества „Знаніе“, 38 и 40. Спб., 1912—1913.

45) Отъ Инспектора Академіи Архимандрита Анатолія—его книга: Историческій очеркъ Спрійскаго монашества. Кіевъ, 1911.

46) Отъ и. д. доцента Академіи П. Г. Айвазова—его книги и брошюры: а) Новая вѣроисповѣдная система Русскаго Государства. К-во „Вѣрность“. Москва, 1908; б) Кто такое Л. Толстой. К-во „Вѣрность“. Москва, 1908; в) Обновленцы и староцерковники. К-во „Вѣрность“. Москва, 1909; г) Къ диссертаціи Д. Г. Коновалова: „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ“. К-во „Вѣрность“. Москва, 1909; д) Бесѣда съ сектантами о субботѣ и воскресномъ днѣ. Изданіе 4-е. К-во „Вѣрность“. Москва, 1910; е) Великій штурмъ церкви. Москва, 1912; ж) Религіозная правда Русскаго Самодержавія. Москва, 1912; з) Христіанская Церковь и современный соціализмъ. Изданіе 4. Москва, 1912; и) Власть Русскаго Царя. Москва, 1912; і) Православная Церковь и высшія государственныя учрежденія въ Россіи. Москва. 1912; к) Программа для преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ свѣдѣній по обличенію соціализма. Изданіе 3-е. Москва, 1912; л) Власть и положеніе римскаго епископа въ Церкви по св. Василію Великому. 2 е изданіе. Москва, 1912; м) Критическій обзоръ матеріалистическихъ теорій противъ субстанціальности души. Москва, 1912; н) Высокопреосвященный Владиміръ, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій. Москва, 1912; о) Прощаніе Владиміра, Митрополита С.-Петербургскаго, съ Московскою Церковью. Москва, 1912; п) Графъ Левъ Толстой. Москва, 1913; р) Религіозныя скитанія русской интеллигенціи нашего времени. Москва, 1913.

47) Отъ профессора Академіи М. М. Богословскаго—его книга: Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII вѣкѣ, 2. Москва, 1912.

48) Отъ доцента Академіи В. П. Виноградова—его брошюра: Платонъ и Филаретъ, Митрополиты Московскіе. Сергіевъ Посадъ, 1913.

49) Отъ профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Н. Н. Глубоковскаго—аа) его труды: а) Отзывъ о сочиненіи В. Н. Герье, Блаж. Августинъ. Москва, 1910; б) Изъ переписки Архіепископа Рязанскаго Смарагда Крыжановскаго. Москва, 1913; в) Дѣло священника І. Семова съ Орловскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ (1844—1858 г.). Спб, 1913: и бб) брошюра проф. А. П. Лебедева, Константинъ Великій, первый христіанскій императоръ. Спб., 1912.

50) Отъ профессора Академіи С. С. Глаголева—его книга: Пособіе къ изученію Основного Богословія. Москва, 1912.

51) Отъ доцента Академіи свящ. П. В. Гумилевскаго—его книга: Сѣмя вѣры, 1. Сергіевъ Посадъ, 1913.

52) Отъ профессора Академіи Н. А. Заозерскаго—его брошюра: Государство и церковь въ дѣлѣ законодательства о поводахъ къ разводу. Спб., 1911, два экз.

53) Отъ помощника библіотекаря Академіи іеромонаха Игнатія—его труды: а) Въ поискахъ живаго Бога. Москва, 1913, два экз.; и б) „Во Христѣ саперъ". Сергіевъ Посадъ, 1913, два экз.

54) Отъ бывшаго профессора Академіи П. И. Казанскаго—его труды: а) Житіе и чудеса преподобнаго Сергія Радонежскаго. Сергіевъ Посадъ, 1912, и б) О совѣсти. Сергіевъ Посадъ, 1913, три экз.

55) Отъ бывшаго профессора Академіи Н. Ѳ. Каптерева—его книга: Патріархъ Никонъ и его противники. Изданіе 2-е. Сергіевъ Посадъ, 1913.

56) Отъ профессора Новороссійскаго Университета Протоіерея А. М. Клитина—его брошюра: Критическіе пріемы въ богословской наукѣ. Одесса, 1913.

57) Отъ почетнаго члена Академіи В. А. Кожевникова—книга: Н. Ѳ. Ѳедоровъ, Философія общаго дѣла, томъ II. Москва, 1913.

58) Отъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта Н. Корево—а) Общее Уложеніе Финляндіи 1734 г, т. 1—3. Спб., 1912: б) Сеймовый Уставъ Великаго Княжества Финляндскаго. Спб., 1913; в) Церковное Уложеніе Евангелическо-Лютеранской Церкви. Спб. 1912: г) Сравнительный перечень предметовъ, разрѣш. въ порядкѣ общегосудар. законодательства. Спб., 1911.

59) Отъ профессора Казанской Духовной Академіи В. А.

Нарбекова — его брошюра: Новгородско-Псковскія церковныя древности на XV Археологическомъ Съѣздѣ. Казань, 1912.

60) Отъ доцента Кіевской Духовной Академіи Н. Н. Пальмова—его брошюра: Св. Іосифъ Убіенный. Кіевъ, 1913.

61) Отъ бывшаго профессора Академіи А. Й. Покровскаго—аа) его брошюры: а) Академикъ Е. Е. Голубинскій. Москва, 1912, и б) В. О. Ключевскій. Москва, 1912; и бб) изданные подъ его редакціей: Протоколы Коммиссіи по церковному праву при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ за 1911—1912 г. Москва, 1913.

62) Отъ профессора Академіи И. В. Попова—въ его переводѣ книга: Штёкль, Исторія средневѣковой философіи. Москва, 1912.

63) Отъ библіотекаря Академіи К. М. Попова—составленный имъ: Списокъ трудовъ академика Е. Е. Голубинскаго. Спб., 1913, два экз.

64) Отъ доцента Академіи Н. Д. Протасова—его брошюра: Новшества въ Московскомъ храмовомъ зодчествѣ конца XVII вѣка. Сергіевъ Посадъ, 1912.

65) Отъ профессора Академіи С. И. Смирнова—его труды: а) Исповѣдь землѣ. Сергіевъ Посадъ, 1912, и б) Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины. Москва, 1912

66) Отъ Академика А. И. Соболевскаго — его брошюра Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV XV в. Спб., 1894.

67) Отъ профессора Академіи С. И. Соболевскаго—книги и брошюры: а) Евгеній, Мое бытіе. Спб., 1914; б) Глинка, Къ вопросу о преобразованіи церковнаго прихода. Казань, 1912; в) Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ Языковъ, выпускъ 5, № 2. Москва, 1910; г) Де-Ламартиньеръ, Путешествіе въ Сѣверныя страны. Москва, 1911.

68) Отъ профессора Академіи А. А. Спасскаго — книги: а) Harnack, Beiträge zur Einleitung in das Neue Testament, 1—3. Leipzig, 1906—1908; б) Neue Kirchliche Zeitschrift 1908, №№ 7—12; в) Eusebius Pamphilus, Historia ecclesiastica, rec. H. Laemmer. Scaphusiae, 1862; г) Harnack, Mission und Ausbreitung des Christentums. Leipzig, 1902.

69) Отъ Управляющаго Московскимъ Архивомъ Министер-

ства Юстиціи профессора Д. В. Цвѣтаева—его книга: Избраніе Михаила Θеодоровича Романова на царство, Москва, 1913.

70) Отъ преподавателя Вологодской Духовной Семинаріи П. С. Бачалдина—его брошюра: Старый и новый взглядъ на Гончарова. Вологда, 1912.

71) Отъ инспектора Казанской Духовной Семинаріи М. П. Бенеманскаго—аа) его брошюра: Изъ прошлаго Казанской Духовной Семинаріи. Казань, 1913, два экз.; бб) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, т. 28, в. 4—5. Казань, 1912—1913; вв) Хроника Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Казань, 1913, два экз.

72) Отъ спеціалиста Департамента Земледѣлія по селекціи сельско-хозяйственныхъ растеній В. М. Бензина—его брошюры: а) Культура кукурузы. Спб., 1912; б) Организація сельскохозяйственнаго образованія и опытнаго дѣла въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Тамбовъ, 1913; в) Изученіе засухоустойчивыхъ расъ сельско-хозяйственныхъ растеній. Спб., 1913; г) Сухое земледѣліе. Спб., 1913.

73) Отъ Протоіерея Гавриловскаго Посада А. А. Боброва—его книга: Мудрые совѣты ищущимъ спасенія, по письмамъ Преосв. Θеофана. 2-е изданіе. Сергіевъ Посадъ, 1913.

74) Отъ Настоятеля Русской Посольской Церкви въ Римѣ Архимандрита Діонисія—его труды: а) Святыня Барграда. Холмъ, 1912; б) Спутникъ русскаго православнаго богомольца въ Римѣ. Холмъ, 1912.

75) Отъ Инспектора Маріинскаго Епархіальнаго Женскаго Училища священника Г. Добронравова—его брошюра: Исторія катапетасмы. Москва, 1912.

76) Отъ преподавателя Виѳанской Духовной Семинаріи М. П. Изюмова—его брошюры: а) Ученіе гр. Л. Н. Толстого о непротивленіи злу. Витебскъ, 1901, и б) П. И. Казанскій (Некрологъ). Сергіевъ Посадъ, 1913, два экз.

77) Отъ преподавателя частной женской гимназіи въ Москвѣ С. П. Казанскаго—книга: Kuhlberg, Geschichte der Deutschen Literatur, 1 и 3. Москва, 1911—1912.

78) Отъ священника гор. Можайска Д. А. Лебедева—его труды: а) Средники. Спб., 1911; б) Антіохійскій соборъ 324 г. Спб., 1911; в) Евсевій Никомидійскій и Лукіанъ. Сергіевъ Посадъ, 1912, и г) Къ вопросу о коптскихъ актахъ 3 го вселенскаго собора. Спб., 1912.

79) Отъ М. В. Лодыженскаго—его книги: а) Сверхсознаніе и пути къ его достиженію. Спб., 1911, и б) Свѣтъ незримый. Спб., 1912.

80) Отъ преподавателя Владимірской Духовной Семинаріи Н. В. Малицкаго—его книга: Исторія Переславской епархіи, вып. 1. Владиміръ, 1912.

81) Отъ Московскаго священника Н. Н. Модестова—его книги: а) Влад. Ив. Даль въ Оренбургѣ. Оренбургъ, 1913, и б) Историческія свѣдѣнія о Саввинской, на Саввинской улицѣ, церкви въ г. Москвѣ. Москва, 1905.

82) Отъ преподавателя С.-Петербургскаго Морского Корпуса С. П. Розанова—его брошюра: Отрывки житія Авраамія Чухломскаго. Варшава, 1912.

83) Отъ Предсѣдателя Холмской Земской Управы А. А. Сапожникова—его брошюры: а) Научныя доказательства истинности христіанства. Холмъ, 1911, и б) Христіанство и наука. 2-е изданіе. Холмъ, 1912.

84) Отъ С. П. Сахарова — его брошюра: О Предсоборномъ Присутствіи. Витебскъ, 1912.

85) Отъ справщика Московской Синодальной Типографіи Н. П. Серебрянскаго—его брошюра: О препод. Іоасафѣ Снѣтогорскомъ. Псковъ, 1912.

86) Отъ доктора Н. Н. Шипова—его брошюра: Алкоголизмъ и революція. Спб., 1908.

87) Отъ студента LXIX курса Академіи М. Струмѣнскаго — книга: Menegoz, Das Gebetsproblem. Leipzig, 1911.

88) Отъ студента Кіевской Духовной Академіи Ѳ. Х. Хіониса — его книга: *Το εθνικον φρονημα εν τφ Χριστιανισμφ. Εν Οδησσφ*, 1912.

89) Отъ вольнослушателя Академіи А. Шишкина—книга: Описаніе рукописей Тифлисскаго Церковнаго Музея, кн. 1—3. Тифлисъ, 1902—1903.

90) Съ почты, отъ разныхъ учрежденій и лицъ, получены слѣдующія изданія: а) Православный Русско-Американскій Календарь на 1913 годъ. Нью-Іоркъ, 1912; б) И. Н. Манасѣинъ, Электрическое освѣщеніе въ церквахъ. Спб., 1912, два экз.; в) Игуменъ Арсеній, Выписи тяжкихъ ересей, отъ которыхъ погибаетъ церковь и государство наше. Изданіе 2-е. Одесса, 1907; г) Игуменъ Арсеній, Оправданіе Господа Нашего Іисуса Христа, оклеветаннаго современной наукой. Москва. 1909;

д) Игуменъ Арсеній, Объясненіе великой тайны воплощенія. Спб., 1905; е) Игуменъ Арсеній, Вопросы и отвѣты о святыхъ иконахъ, 1—3. Спб., 1905; ж) *Γ. Π. Βεγλερης*, Codex Purpureus Petropolitanus (N). *Εν Σμυρνη*, 1912; з) Отчетъ о празднованіи 300-лѣтняго юбилея царствованія Дома Романовыхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго Учебнаго Округа. Москва, 1913; и) О молитвѣ Іисусовой. Спб., 1912; і) Величитъ душа моя Господа. Спб., 1912; к) Истина о истинѣ къ предотвращенію имеборства. S. a. et l.; л) Письмо Антонія Булатовича (исполнено на пишущей машинѣ); м) La Vie Internationale, tome 1-er, fasc. 1—5. Bruxelles, 1912; н) L'Union des associations internationales. Bruxelles, 1912; о) Carnegie Endowment for international Peace, year book for 1912. Washington, 1913.

91) Отъ Библіотеки Студентовъ Академіи—а) журналъ: Православная Урмія 1912—1913 г. и б) 40 названій Епархіальныхъ Вѣдомостей 1912 и 1913 г.г.

92) Получались въ даръ слѣдующія періодическія изданія: а) Bibliographie; б) Allgemeine Bibliographie; в) Current Literature of the month; г) Mitteilungen von F. A. Brockhaus in Leipzig; д) Mitteilungen B. G. Teubner der Neuigkeiten des Deutschen Buchhandels; е) Wöchentliches Verzeichniss; ж) The Church Union Gazette; з) Вѣстникъ „Народнаго Дома"; и) Американскій Православный Вѣстникъ; і) Гость; к) Аль-Неематъ (на арабскомъ языкѣ); л) Отклики; м) Свѣтъ Печерскій; н) Нижегородскій Церковно-Общественный Вѣстникъ; п Епархіальныя Вѣдомости: о) Архангельскія; п) Екатеринбургскія; р) Оренбургскія; с) Орловскія; т) Ставропольскія; у) Тверскія; ф) Уфимскія; х) Якутскія и ц) Ярославскія.

93) Въ Библіотеку практическихъ занятій отъ проф. С. И. Смирнова поступила его книга: Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины. Москва, 1912.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 213*: „Состояніе библіотеки и наличность библіотечнаго имущества ревизуются ежегодно ревизіонной коммиссіей, особо назначаемой Совѣтомъ Академіи". — 2) По *§ 109 лит. б. п. 13* того же устава — „назначеніе ревизіонной коммиссіи для провѣрки библіотеки" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Поручить произвести слѣдующую ревизію академической библіотеки и. д. ординарнаго, заслуженному профессору Академіи *А. П. Шостьину* и экстраординарному профессору *священнику В. Н. Страхову.*

XVII. Прошеніе преподавателя Владимірскаго епархіальнаго женскаго училища, кандидата богословія, *Михаила Виноградова*:

„Вступивъ въ число студентовъ Московской Духовной Академіи въ 1897 году, я въ теченіе 1897—98 учебнаго года слушалъ лекціи по нѣмецкому языку и на бывшемъ въ концѣ года экзаменѣ по этому предмету мои познанія оцѣнены были балломъ 5. Въ слѣдующемъ 1898—99 учебномъ году, желая изучить англійскій языкъ, я сталъ слушать лекціи по этому предмету, а слушаніе лекцій по нѣмецкому языку, такъ какъ онѣ совпадали съ лекціями по англійскому, я долженъ былъ оставить и экзамена по нѣмецкому языку на второмъ курсѣ не держалъ. Вслѣдствіе этого въ дипломѣ на степень кандидата богословія я не имѣю балла по нѣмецкому языку. Между тѣмъ, въ цѣляхъ поступленія на должность преподавателя нѣмецкаго языка въ духовной семинаріи, для меня было бы очень желательно имѣть баллъ за полный курсъ нѣмецкаго языка въ Духовной Академіи и потому я осмѣливаюсь обратиться къ Совѣту Императорской Московской Духовной Академіи съ покорнѣйшей просьбой, не найдетъ ли онъ возможнымъ подвергнуть меня испытанію за второй годъ обученія нѣмецкому языку въ Академіи".

Опредѣлили: Просьбу г. преподавателя Владимірскаго епархіальнаго женскаго училища *М. Виноградова*,—за отсутствіемъ въ академическомъ уставѣ основаній къ ея удовлетворенію,—отклонить.

XVIII. Имѣли сужденіе: *О назначеніи окончившимъ въ минувшемъ учебномъ году курсъ воспитанникамъ Академіи премій*:

а-в) *Митрополита Литовскаго Іосифа* въ 165 рублей, *протоіерея А. П. Невоструева* въ 157 рублей и *XXIX курса* въ 60 рублей—за лучшія кандидатскія сочиненія; г) *протоіерея А. М. Иванцова-Платонова* въ 80 рублей—за лучшія кандидатскія сочиненія по церковной исторіи; д) *Архіепископа Димитрія (Самбикина)* въ 76 рублей—за лучшія кандидат-

скія сочиненія, посвященныя преимущественно описанію жизни и дѣятельности въ Бозѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви; е) *профессора И. Н. Корсунскаго* въ 55 рублей—за лучшія кандидатскія сочиненія по Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта, греческому языку и его словесности, русской церковной исторіи или русской библіографіи; ж-з) *двухъ* премій *Митрополита Московскаго Макарія*, по 96 р. 50 к. каждая,—за лучшія семестровыя сочиненія студентовъ Академіи, представленныя ими въ теченіе первыхъ трехъ курсовъ, и и) *протоіерея І. С. Орлова* въ 32 рубля—за лучшіе успѣхи въ сочиненіи проповѣдей; а также о присужденіи *одному изъ студентовъ II курса* преміи имени *профессора А. И. Введенскаго* въ 23 р. 75 к. — за лучшее третное сочиненіе по философскимъ предметамъ.

Справка: 1) Относительно присужденія преміи *Митрополита Литовскаго Іосифа* указомъ Святѣйшаго Синода отъ 28 декабря 1873 года за № 3778 предписано: „Преміи назначать, не раздробляя ихъ, въ каждой Академіи за кандидатское сочиненіе по какому бы то ни было отдѣленію, признанное лучшимъ изъ представленныхъ студентами при переходѣ изъ III курса въ IV, съ тѣмъ, чтобы, согласно волѣ завѣщателя, выдача преміи производилась не прежде, какъ по окончаніи воспитанниками полнаго академическаго курса“. 2) Премія *протоіерея А. И. Невоструева*, согласно п. 1-му правилъ относительно употребленія процентовъ съ пожертвованнаго имъ капитала, присуждается за то изъ кандидатскихъ сочиненій, которое въ этомъ году признано будетъ Совѣтомъ за лучшее.—3) Положенія о преміи „*имени XXIX курса*“ § 4: „Премія присуждается по усмотрѣнію Совѣта Академіи за одно изъ лучшихъ кандидатскихъ сочиненій“.— 4) Положенія о стипендіи и преміи имени *протоіерея А. М. Иванцова-Платонова* п. 10: „Остатки отъ процентовъ со всего стипендіальнаго капитала (сверхъ 220, а нынѣ сверхъ 300 руб.) выдаются въ одно изъ засѣданій сентябрьской трети за одно изъ лучшихъ кандидатскихъ сочиненій по предмету церковной исторіи по постановленію Совѣта Академіи“.—5) Положенія о преміи Высокопреосвященнаго *Архіепископа Димитрія (Самбикина)* § 2: „Премія выдается черезъ два года, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, одному изъ студентовъ за луч-

шее кандидатское сочиненіе преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Бозѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви".—6) Положенія о преміи имени *профессора И. Н. Корсунскаго* § 3: „Премія присуждается Совѣтомъ Академіи ежегодно окончившему полный академическій курсъ воспитаннику Академіи, представившему отличное по своимъ достоинствамъ кандидатское сочиненіе по одному изъ слѣдующихъ предметовъ, къ области которыхъ относятся оставленные профессоромъ И. Н. Корсунскимъ научные труды: Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта, греческому языку и его словесности, русской церковной исторіи или русской библіографіи".—7) Правилъ о присужденіи премій изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго *Митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ*, утвержденныхъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 21 января 1885 года за № 251, а) *п. 7-й* (въ новой редакціи, утвержденной указомъ Святѣйшаго Синода отъ 12 іюня 1898 г. за № 2946): „Третья и четвертая преміи назначаются по окончаніи студентами академическаго курса въ одно изъ засѣданій сентябрской трети тѣмъ изъ нихъ, которыми поданы были всѣ семестровыя сочиненія, назначенныя имъ въ теченіе трехъ первыхъ курсовъ, и изъ нихъ болѣе половины означено балломъ 5, и нѣтъ ни одного, имѣющаго баллъ ниже 4"; б) *п. 8-й*: „Въ случаѣ, если окажется болѣе двухъ студентовъ одного курса, которыхъ сочиненія удовлетворяютъ изложеннымъ въ предыдущемъ § условіямъ, преимущество отдается тѣмъ, у кого сумма балловъ на сочиненіяхъ больше; въ случаѣ же равенства преимущество отдается за сочиненія позднѣйшихъ курсовъ предпочтительно предъ предшествующими". — 8) Изъ окончившихъ въ минувшемъ 1912—1913 учебномъ году курсъ воспитанниковъ Академіи — а) лучшія семестровыя сочиненія за первые три курса представили: *Андреевъ Ѳедоръ* (5, 5, 5+; 5—, 5+, 5; 5+, 5, 5+), *Архангельскій Алексѣй* (5, 5—, 5; 4½, 5, 5+; 5, 5, 5), *іеромонахъ Іеронимъ* (*Черновъ*) (5—, 5—, 4½; 5, 5—, 5; 5—, 5, 5), *Никольскій Николай* (5, 4½, 5; 5—, 5, 5—; 5—, 4½, 5), *Кочановъ Николай* (5, 5—, 4+; 4+, 5, 5+; 5—, 5—, 5+), *Кряжимскій Александръ* (4+, 5—, 5; 5, 5—, 5; 5, 4, 5), *Ивановъ Петръ* (5—, 5—, 5—; 4, 5—, 5; 5, 5, 4½), и *Ремезовъ Александръ* (5, 5—, 4½; 4½, 4+, 5—; 5, 4½, 5), а б) высшія отмѣтки на проповѣдяхъ имѣютъ: *Ремезовъ Александръ* (5, 5, 5, 5+), *Архангельскій Алексѣй* (5, 5+, 5, 5),

Ивановъ Петръ (5, 5, 5, 5) и *Андреевъ Ѳедоръ* (5—, 5, 5, 5+).— 9) Положенія о преміи имени заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *А. И. Введенскаго* §§ 2—3: „Премія, въ размѣрѣ годичной суммы процентовъ съ неприкосновеннаго капитала, т.-е. 19 рублей, ежегодно назначается Совѣтомъ Академіи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, въ декабрскомъ засѣданіи одному изъ студентовъ II курса за третное сочиненіе, написанное имъ на I курсѣ по систематической философіи и логикѣ. — Если въ предшествовавшемъ учебномъ году не было сочиненія по указанному предмету, то премія можетъ быть назначена за третное сочиненіе по исторіи философіи". —10) При настоящемъ *первомъ* присужденіи преміи имени проф. А. И. Введенскаго за лучшее третное сочиненіе по исторіи философіи (третного сочиненія по систематической философіи и логикѣ студентамъ I курса въ минувшемъ 1912—1913 учебномъ году Совѣтомъ назначено не было), къ суммѣ годичныхъ процентовъ съ преміальнаго капитала (19 р.) присоединенъ еще остатокъ процентовъ съ того же капитала за послѣднюю четверть 1912 года (4 р. 75 к.). — 11) По § 109 лит. *б.* п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе студентамъ премій за сочиненія и другихъ наградъ" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Премію Митрополита Литовскаго Іосифа въ 165 рублей присудить кандидату Академіи (выпуска 1913 года) *Андрееву Ѳедору* за его кандидатское сочиненіе на тему: „Юрій Ѳеодоровичъ Самаринъ, какъ богословъ и философъ"; премію протоіерея А. И. Невоструева въ 157 рублей—кандидату *Никольскому Николаю* за сочиненіе на тему: „Русская церковь въ Смутное время"; премію XXIX курса въ 60 рублей—кандидату *іеромонаху Іерониму* (*Чернову*) за сочиненіе на тему: „Пророкъ Исаія и его время": премію профессора П. Н. Корсунскаго въ 55 рублей—кандидату *Кочанову Николаю* за сочиненіе на тему: „Книга Притчей Соломона, какъ памятникъ древне еврейскаго языка и ветхозавѣтной священной письменности"; двѣ преміи Митрополита Московскаго Макарія за лучшія семестровыя сочиненія, по 96 р. 50 к. каждая,—кандидатамъ *Андрееву Ѳедору* и *Архангельскому Алексѣю:* премію протоіерея І. С. Орлова въ 32 рубля за лучшіе

успѣхи въ сочиненіи проповѣдей—кандидату *Ремезову Александру* и премію профессора А. П. Введенскаго въ 23 р. 75 к. — студенту II курса Академіи *священнику Серафиму Ляде* за представленное имъ на I курсѣ третное сочиненіе по исторіи философіи на тему: „Философія Откровенія по Шеллингу", о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.—2) Присужденіе премій за кандидатскія сочиненія имени *Архіепископа Димитрія (Самбикина)* въ 76 рублей и *протоіерея А. М. Иванцова-Платонова* въ 80 рублей — отложить до слѣдующаго года.

XIX.—*О выдачѣ одному изъ наставниковъ Академіи награды въ количествѣ 550 рублей*, изъ процентовъ за 1913-й годъ съ капитала, пожертвованнаго на сей предметъ покойнымъ *Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ* по случаю исполнившагося въ 1864 году пятидесятилѣтія со времени учрежденія Московской Духовной Академіи.

Справка: 1) Правилъ для присужденія награды изъ процентовъ съ капитала *Митрополита Московскаго Филарета*, выработанныхъ Конференціею Академіи и утвержденныхъ резолюціею Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Иннокентія, отъ 20 декабря 1868 года, *а) п. 1:* „Присужденіе награды наставнику совершается въ собраніи членовъ Конференціи Академіи"; *б) п. 2:* „Преимущественное право на награду даетъ старшинство по полезной и усердной службѣ": *в) п. 3:* „Наставники, не прослужившіе 6 лѣтъ при Академіи, не имѣютъ права на полученіе награды"; *г) п. 4:* „Наставникъ, получившій однажды награду, можетъ быть удостоенъ оной въ другой разъ не ранѣе какъ черезъ 6 лѣтъ послѣ полученія первой награды"; *д) п. 5*: „Вторичная награда наставнику можетъ быть предлагаема не менѣе какъ 4-мя членами Конференціи и окончательно присуждается большинствомъ голосовъ"; *е) п. 6*: „Старшинство между наставниками, поступившими въ одно время на училищную службу, отдается тому, кто изъ нихъ будетъ признанъ большинствомъ членовъ Конференціи въ старшинствѣ"; *ж) п. 7*: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо изъ наставниковъ Академіи можетъ имѣть особую нужду въ денежномъ пособіи, Конференція, по предложенію не менѣе четырехъ членовъ,

большинствомъ двухъ третей голосовъ можетъ присудить награду наставнику и не въ порядкѣ старшинства службы, но прослужившему не менѣе шести лѣтъ".—2) Изъ наставниковъ Академіи, *ни разу не получавшихъ означенной награды*, не менѣе шести лѣтъ прослужилъ при Академіи лишь *одинъ* — экстраординарный профессоръ по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *священникъ Д. В. Рождественскій*, состоящій на преподавательской должности въ Академіи съ 10 февраля 1907 года.—3) По § 109 лит. *б.* п. 11 академическаго устава—„присужденіе въ подлежащихъ случаяхъ денежныхъ наградъ и пособій преподавателямъ изъ пожертвованныхъ суммъ" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Награду изъ процентовъ за 1913-й годъ съ капитала Митрополита Московскаго Филарета, въ количествѣ 550 рублей, назначить экстраординарному профессору Академіи по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *священнику Д. В. Рождественскому*,—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XX.—*О выдачѣ изъ процентовъ за 1913 годъ съ капитала*, поступившаго въ Академію по духовному завѣщанію дочери Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Прасковьи Алексѣевны Мухановой*, пособій *членамъ академической корпораціи*.

Справка: 1) Правилъ при распредѣленіи пособій изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго П. А. Мухановою, составленныхъ Совѣтомъ Академіи и допущенныхъ къ руководству резолюціею покойнаго Митрополита Московскаго Сергія отъ 30 іюня 1895 года,—*а) п. 1*: „Проценты съ капитала (50.000 р. 5% облигаціями Московскаго Городского Кредитнаго Общества) (нынѣ 52.500 руб. свидѣтельствами Государственной 4% ренты), завѣщаннаго Московской Духовной Академіи П. А. Мухановою, каждогодно раздѣляются на двѣ равныя части, изъ коихъ одна Совѣтомъ Академіи распредѣляется на пособія студентамъ Академіи, другая выдается въ видѣ пособій къ жалованью членамъ академической корпораціи, т. е. преподавателямъ штатнымъ и сверхштатнымъ,

лекторамъ новыхъ языковъ, а также чиновникамъ, получившимъ высшее богословское образованіе"; *б) п. 4:* „Проценты съ другой части Мухановскаго капитала, въ количествѣ 1.187 руб. 50 коп. (нынѣ 1.000 руб.), назначенные на дополнительныя къ жалованью пособія членамъ академической корпораціи, ежегодно распредѣляются въ декабрьскомъ засѣданіи Совѣта на пять равныхъ частей, изъ коихъ ежегодно не менѣе трехъ выдается семейнымъ и не менѣе одной безсемейнымъ лицамъ"; *в) п. 5:* „Право на пособіе получаютъ тѣ лица академической корпораціи, которыя прослужили не менѣе пяти лѣтъ, а при академіи не менѣе двухъ лѣтъ, при чемъ включается сюда и годъ профессорскаго стипендіатства"; *г) п. 6:* „Въ случаѣ какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ или крайней нужды пособіе можетъ быть назначено или въ усиленномъ размѣрѣ (чрезъ соединеніе двухъ частей въ одну), или вторично, хотя бы лицо нуждающееся уже получило пособіе въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ, а равно прослужившимъ и менѣе 5 лѣтъ".— 2) Устава духовныхъ академій § 109 лит. *б.* п. 11.

Опредѣлили: Изъ процентовъ за 1913 годъ съ капитала, завѣщаннаго П. А. Мухановою, назначить пособія слѣдующимъ членамъ академической корпораціи: ординарному профессору *С. С. Глаголеву*, экстраординарному профессору *П. И. Соколову*, исправляющимъ должность доцента Академіи— *Ѳ. М. Россейкину, А. М. Туберовскому и священнику П. А. Флоренскому*,—по равной суммѣ—*200 рублей* — каждому, — о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „4 янв. 1914 г. Исполнить".

11 декабря 1913 года.

№ 25.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, ординарные профессоры— С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ;

экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: Сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарный профессоръ М. М. Богословскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: Отзывы о сочиненіи о. ректора Вологодской духовной семинаріи, *протоіерея Николая Малиновскаго*: „Православное Догматическое Богословіе", т.т. III и IV, представленномъ на соисканіе степени доктора богословія.

а) Ординарнаго профессора Академіи *М. М. Тарѣева:*

„Система Догматическаго богословія можетъ построяться по одному изъ слѣдующихъ путей.

Первый можетъ быть названъ научно - критическимъ построеніемъ догматики. Задача такой догматической системы 1) въ томъ, чтобы съ наивозможною точностью опредѣлить границы догматическаго, т. е. церковно-обязательнаго, въ вѣроученіи, именно а) перечислить все церковно-обязательное (въ вѣроученіи) и б) отмѣтить грань, до которой простирается каждый догматъ и вся догматическая область,—и 2) въ томъ, чтобы наивозможно ясно установить смыслъ догматическихъ формулъ. Конкретнѣе, научная догматика должна опредѣлить источники церковныхъ догматовъ и возстановить историко-филологическій генезисъ догматическихъ терминовъ. Воздержаніе отъ всякаго истолкованія догматовъ, отъ внесенія въ систему всего субъективнаго и спорнаго, всего разсчитаннаго на удовлетвореніе любознательности, гностическаго зуда—подразумѣвается въ качествѣ достоинства такой догматической системы. Наиболѣе приближается къ этому типу догматическая система еп. Сильвестра. Бойкіе критики, обычно страдающіе графоманіей, ставятъ этой системѣ въ упрекъ недостатокъ „положительнаго изъясненія" догматовъ, такъ—догмату объ искупленіи здѣсь посвящено „всего лишь одиннадцать строкъ", и нигдѣ не проглядываетъ „собственный взглядъ" автора по вопросу объ искупленіи. Упрекъ обязанъ своимъ происхожденіемъ дурному вкусу графома-

новъ, препятствующему надлежаще оцѣнить высокую мудрость епископа—догматиста.

Въ *Православномъ Догматическомъ Богословіи* протоіерея Малиновскаго мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ научно-критической обработки подлежащаго матеріала и не встрѣчаемъ ни одного намека на то, чтобы онъ ставилъ себѣ такія цѣли. Параграфы 6 (*Источники христіанскаго вѣроученія: св. писаніе и св. преданіе*) и 7 (*Вѣроизложенія древней церкви вселенской и символическія книги восточной греко-россійской церкви*) *Догматическаго Богословія* (т. I) составлены безъ малѣйшаго примѣненія критическаго метода, безъ малѣйшаго критическаго обсужденія догматическаго достоинства, напр., „Православнаго Исповѣданія каѳолической и апостольской церкви восточной“, „Посланія патріарховъ православно-каѳолическія церкви о православной вѣрѣ“, Пространнаго Катихизиса м. Филарета, хотя въ наличной литературѣ предмета вопросъ объ источникахъ догматическаго содержанія уже нерѣдко обсуждается критически. И въ послѣдующихъ отдѣлахъ, при раскрытіи содержанія догматовъ, авторъ забываетъ о задачахъ научнаго изложенія догматики. У него излагается „исторія догмата о лицѣ І. Христа“ (§ 74), но это внѣшняя исторія: изслѣдованіе терминовъ *ὑπόστασις*, *πρόσωπον*, *θέλησις*, *ἐνέργεια*—отсутствуетъ. О терминахъ благодать (*χάρις*), церковь (*ἐκκλησία*), каѳолическая (*καθολικὴ ἐκκλησία*) дѣлаются лишь незначительныя подстрочныя примѣчанія (III, 357, 468, 513). Нигдѣ авторъ не пытается *провести границу* между тѣмъ, что прямо требуется отъ христіанской вѣры догматическимъ опредѣленіемъ, и тѣмъ содержаніемъ, которое такъ или иначе, въ видѣ ли предпосылокъ или правдоподобныхъ выводовъ, связано съ догматомъ, но предоставляется свободному пониманію и обсужденію вѣрующихъ,—говоря иначе, *устранить* изъ догматики сужденія и гаданія, порожденныя личнымъ разумѣніемъ. Вмѣсто критическаго отношенія къ дѣлу, у нашего догматиста повсюду проглядываетъ отношеніе сентиментальное: допустить въ число источниковъ догматическихъ истинъ какъ можно больше документовъ и увеличить составъ догматики наивозможно обильнымъ содержаніемъ, т. е. покрыть понятіемъ догматической обязательности всю практику помѣстной церкви и всѣ теоріи современной церковной школы—такова неустан-

ная забота автора. Ему и въ голову не приходитъ поставить вопросъ, входятъ ли въ содержаніе догматически-обязательнаго теорія тройственнаго служенія Христа, седмеричное число таинствъ, ученіе о „пресуществленіи“ (transsubstantiatio) Св. Даровъ въ евхаристіи, *о почитаніи* святыхъ и ангеловъ, мощей и иконъ (ср. *Догматическое Богословіе* архіеп. Филарета),—поставить эти вопросы, уже настойчиво поднимаемые въ новѣйшей богословской литературѣ. Кратко сказать, по отсутствію критическаго отношенія къ содержанію догматики и историко-филологическихъ пріемовъ изслѣдованія его, *Православное Догматическое Богословіе* прот. Н. Малиновскаго не имѣетъ никакого научнаго значенія: трудъ о. Малиновскаго не принадлежитъ къ этому типу богословскихъ работъ.

Ко второму типу обработки догматическаго матеріала относится созерцательное богословіе и христіанская философія. Такого рода системы опираются на результаты богословской и церковно-исторической науки, однако онѣ черпаютъ и изъ собственнаго источника, что̀ и придаетъ имъ незамѣнимое и непреходящее значеніе. Каждая такая система произноситъ *новое* слово, высказываетъ *свое* пониманіе, истекающее изъ творческихъ родниковъ религіозной личности,—и каждая такая система, какую бы ни имѣла видимость, форму изложенія, есть *философское* построеніе. Значеніе этихъ трудовъ громадно уже по одному тому, что религіозно-философскія идеи входятъ въ обиходъ всѣхъ отраслей богословской науки, экзегетики, церковнаго права и т. д. Лучшіе опыты въ этомъ родѣ у насъ даны Влад. Соловьевымъ и проф. Несмѣловымъ. Высоко цѣня религіозную философію, я съ своей стороны уже давно заявляю, что истинная область христіанской философіи есть не спекулятивная мысль, а религіозный опытъ. Но какъ бы то ни было, должна ли построяться религіозная философія спекулятивнымъ путемъ или на основаніи религіознаго опыта, все равно—работа прот. Малиновскаго не принадлежитъ и къ этому типу богословствованія. Въ ней, на протяженіи четырехъ обширныхъ томовъ, не высказано ни одной новой мысли, ни одного своего слова; въ ней нѣтъ ни малѣйшаго слѣда философскаго прозрѣнія, философскаго творчества.

Третій типъ богословской системы есть учебный курсъ,—такова и есть догматическая система прот. Малиновскаго. Его

системѣ свойственъ характеръ хрестоматическій, и она имѣетъ своею цѣлью сводъ всѣхъ результатовъ богословскихъ наукъ и богословскихъ монографій по вопросамъ системы въ интересахъ школы и самообразованія. Отсюда для учебной системы богословія неизбѣжны, во-первыхъ, полная зависимость отъ наличной литературы предмета и, во-вторыхъ, всецѣло схоластическіе методы, именно—стремленіе удовлетворить не что иное, какъ запросы схоластической мысли, ученической любознательности, и стараніе дать на каждый вопросъ рѣшительный и однозначный отвѣтъ. Это обстоятельство дѣлаетъ необходимо многія стороны догматической системы крайне слабыми. Прежде всего, оно заставляетъ наполнять догматическую систему *спорнымъ* содержаніемъ. У самого прот. Малиновскаго приводится (III, 510) превосходная цитата изъ хорошей книги проф. Чельцова—*Древнія формы символа.* „Говоря, что ученіе церкви непогрѣшимо, мы—пишетъ проф. Чельцовъ—не утверждаемъ ничего болѣе, какъ именно то, что оно неизмѣнно,—то же самое, какое было предано ей изначала. Посему, все, что не имѣетъ основанія ни въ св. писаніи, ни въ св. преданіи, какъ, напр., изслѣдованія археологическія, филологическія, историческія, экзегетическія, юридическія, соображенія философскія, или данныя естествовѣдѣнія,—все это, какъ плоды самодѣятельности человѣческаго разума, не составляетъ предмета непогрѣшимости церкви, такъ что, когда какой-либо церковный писатель или соборъ для вразумленія невѣрующихъ не ограничивается только положительнымъ изложеніемъ содержимаго церковію ученія вѣры, но вступаетъ на путь разсужденій, доказательствъ, изслѣдованій или соображеній, то въ этой послѣдней части своего вѣроизложенія онъ подлежитъ оцѣнкѣ одинаково съ каждымъ другимъ мыслителемъ... Положительное изложеніе догмата въ томъ или другомъ православномъ вѣроизложеніи должно быть разсматриваемо, какъ выраженіе непогрѣшимаго ученія церкви, а объясненія или доказательства, которыми оно иногда можетъ сопровождаться, сами по себѣ должны быть принимаемы съ большимъ или меньшимъ уваженіемъ, только какъ памятникъ современнаго вѣроизложенію развитія богословской науки“. Прот. Малиновскій, какъ мы уже видѣли, не даетъ научнаго изложенія догматовъ; находясь въ полной зависимости отъ той богословской литературы, которая отвѣчаетъ

запросамъ школьнической мысли, онъ наполняетъ свою систему разсужденіями, изслѣдованіями, соображеніями, объясненіями и доказательствами догмата—такимъ содержаніемъ, которое не выражаетъ непогрѣшимаго ученія церкви, а лишь свидѣтельствуетъ о современномъ развитіи русской богословской науки. Слишкомъ многіе абзацы въ трудѣ о. Малиновскаго начинаются словами: „спрашиваютъ, какимъ образомъ“... „невозможно, говорятъ, допустить“ и т. д. и т. д. Мы уже упоминали о спорныхъ понятіяхъ тройственнаго служенія Христа и др. Также спорны, можно сказать, всѣ страницы обширнаго *Православнаго Догматическаго Богословія*. Непогрѣшимое зерно догматической истины всегда подавляется схоластической массою доказательствъ и разъясненій догмата, съ которыми всегда можно не соглашаться, а въ большинствѣ случаевъ нельзя согласиться. Сужденія автора объ *оскорбленіи* Бога грѣхомъ человѣческимъ, объ *удовлетвореніи* божественному правосудію смертью Христа, выступая изъ круга догматически опредѣленнаго, по необходимости оказываются шаткими, неустойчивыми. Безъ научно-догматической нужды вдается онъ въ спорныя сужденія о томъ, что Христосъ усвоялъ Себѣ имя царя, и развиваетъ упрощенный взглядъ на чудеса Христа, какъ неоспоримое доказательство Его мессіанскаго достоинства. Будто рѣшающее значеніе имѣли (III, 306) многочисленность чудесъ, спокойствіе и увѣренность при ихъ совершеніи, совершеніе ихъ единымъ словомъ, нерѣдко однимъ прикосновеніемъ, или даже однимъ движеніемъ Его воли, безъ всякаго слова, во всякомъ мѣстѣ—вдали и вблизи, открыто и всенародно, безъ какихъ-либо приготовленій, тогда какъ, извѣстно, евангельскія чудеса имѣли свою исторію, въ зависимости отъ колебаній народной вѣры, и указанные признаки измѣнялись по періодамъ этой исторіи. Спорны доказательства безсмертія души. Въ земной жизни не осуществляются цѣли бытія человѣка и главное изъ нихъ счастье, слѣд. должна быть загробная жизнь. Въ этой жизни нѣтъ праведнаго воздаянія: люди добродѣтельные часто незаслуженно страдаютъ, а порочные пользуются внѣшнимъ благополучіемъ, поэтому должна быть другая жизнь, гдѣ праведный получитъ награду (счастье и блаженство), а нечестивый наказаніе (несчастіе и страданіе). Но откуда автора знаетъ, что главная цѣль человѣческой жизни

есть счастье и что христіанская праведность должна быть награждена счастьемъ? Самъ же онъ въ § 88 считаетъ недостаткомъ ветхозавѣтнаго закона то, что онъ въ качествѣ побужденій выставляетъ награды и наказанія. По мотивамъ страха и расчета свойственно дѣйствовать рабамъ, а не свободнымъ. Напротивъ, евангельскій законъ возбуждаетъ человѣка къ добру преимущественно любовію къ Богу и самому добру и наградами чисто духовными; онъ не производитъ насилія или принужденія надъ человѣкомъ, а располагаетъ увѣровавшихъ во Христа, какъ сыновъ Божіихъ, а не рабовъ, къ свободному выполненію обязанностей своего христіанскаго званія, почему и называется у апостола *закономъ свободы*.— Отдѣлъ о благодати, какъ силѣ освящающей, въ пространныхъ разъясненіяхъ и аргументахъ автора усѣянъ мыслями неудомѣнными. Мы читаемъ III, 463: „люди никогда не замѣчаютъ въ своей жизни непреоборимаго благодатнаго дѣйствованія". Это положеніе трудно доказать. „Въ самой горячей, воодушевленной любви къ добру человѣкъ чувствуетъ себя свободнымъ, а не нудимымъ посторонней силою. Мы очень хорошо различаемъ въ себѣ дѣйствія свободныя и дѣйствія болѣе или менѣе вынужденныя и принудительныя: но никто никогда не замѣчалъ въ своей душѣ, чтобы благодать стѣсняла нашу свободу и необходимо, насильно влекла насъ къ добру". Это значитъ лишь то, что благодать влечетъ насъ извнутри, а не арканомъ, ея дѣйствіе обнаруживается въ самомъ хотѣніи нашемъ, но развѣ это говоритъ что-нибудь противъ неодолимости благодатнаго дѣйствованія? Или сужденія автора о призваніи народовъ III, 452: „призваніе народовъ въ царство Христово условливается воспріемлемостью ихъ естественныхъ силъ" и т. д. Въ этомъ тезисѣ догматическаго лишь то, что оно изрекается бездоказательно.—Отдѣлъ о церкви также богатъ спорными разсужденіями, потому что авторъ отъ безспорнаго догматическаго зерна постоянно уклоняется въ сторону папизнаго совопросничества. Таковы особенно параграфы объ устройствѣ земной церкви, о почитаніи святыхъ, мощей, иконъ. Такъ, на стр. 667 т. III-го авторъ разсуждаетъ: „Не всѣ иконы являются имѣющими чудотворную силу потому, конечно, что такова воля Божія. Если бы отъ всѣхъ иконъ совершались явныя чудеса, то можно было бы подумать, что они совершаются сами собою и самими иконами. Господь тво-

рить чудеса тамъ, гдѣ хочетъ и гдѣ находитъ это полезнымъ. Говорятъ, если иконы священны, то почему онѣ подвергаются порчѣ и даже уничтоженію, не исключая и чудотворныхъ? Но законъ разрушенія на всемъ пространствѣ земномъ дѣйствуетъ одинаково и его можетъ измѣнить только Тотъ, Кто его установилъ" и т. д.—Размышленія о дѣйствительности, дѣйственности и спасительности таинствъ вызываютъ у читателя цѣлый рядъ недоумѣній. Таинство дѣйствительно, „хотя бы совершитель таинства по личнымъ своимъ качествамъ не былъ достойнымъ служителемъ таинъ Божіихъ, а приступающій къ таинству не имѣлъ должныхъ расположеній". „Дѣйствительное таинство есть вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйственное таинство. Благодать въ таинствѣ такъ соединена съ внѣшнимъ знакомъ, что заключается въ самомъ знакѣ, а не дается непосредственно Богомъ при принятіи или по принятіи этого знака. Посему благодать таинства сообщается пріемлющему таинство независимо отъ его религіозно-нравственнаго состоянія. Дѣйствительность и дѣйственность таинствъ въ этомъ смыслѣ (но не спасительность,—это другое дѣло) такимъ образомъ совпадаютъ". „Также учитъ и церковь римско-католическая, признавая, что таинства сообщаютъ благодать ex opere operato, или въ силу сдѣланнаго дѣла". „Недостойно причащающіеся, по мысли апостола, вкушаютъ истинное тѣло Христово, и притомъ дѣйствующее на нихъ, но только въ судъ или въ осужденіе, а не во спасеніе, такъ что ихъ недостоинство не препятствуетъ таинству быть дѣйствительнымъ и дѣйственнымъ. На этомъ основаніи церковь издревле преподаетъ крещеніе, муропомазаніе и причащеніе младенцамъ, въ полномъ убѣжденіи, что эти таинства дѣйствуютъ на младенцевъ (спасительно), хотя они еще не имѣютъ собственной вѣры. По той же причинѣ крещенные въ ереси принимаются въ общеніе съ церковію по отреченіи отъ ереси безъ перекрещиванія: церковь признаетъ, что они получили крещеніе совершенное, хотя имѣли вѣру недостаточную". „То или иное дѣйствіе благодати, преподаваемой въ таинствахъ, *спасительно* или *во осужденіе*, зависитъ уже отъ внутреннихъ расположеній принимающихъ таинство. Православію чуждо р.—католическое ученіе о дѣйствіи таинствъ ex opere operato, въ той мѣрѣ, конечно, въ какой въ этомъ ученіи заключается мысль *о спасительности* дѣйствія таинствъ на недостойно пріемлю-

щихъ ихъ, о пассивномъ ихъ дѣйствіи во спасеніе"... Здѣсь, на двухъ-трехъ страницахъ (IV, 46—48), цѣлый рядъ несообразностей. Что такое дѣйствительность таинствъ, если она совпадаетъ съ дѣйственностью, отличною отъ спасительности? Если дѣйственность отлична отъ спасительности своею независимостью отъ вѣры, то какимъ образомъ дѣйственность таинствъ на пріемлющихъ ихъ безъ вѣры—во осужденіе себѣ можетъ служить *основаніемъ* признанія *спасительности* таинствъ для младенцевъ, хотя они еще не имѣютъ собственной вѣры, и признанія крещенія въ обществѣ еретиковъ, хотя они имѣютъ вѣру недостаточную? Чѣмъ же отличается дѣйственность таинствъ, совершенныхъ надъ младенцами и, отчасти, еретиками, отъ ихъ спасительности? Признается или нѣтъ opus operatum? Разумѣется ли у апостола недостоинство въ смыслѣ отсутствія вѣры, и не есть ли это скорѣе недостоинство при наличности вѣры, такъ что остается возможность думать, что, при полномъ отсутствіи вѣры въ пріемлющихъ таинство, оно нисколько не будетъ дѣйственно, а въ такомъ случаѣ дѣйственность не придется ли отличать отъ дѣйствительности? И этимъ еще не кончается рядъ недоумѣній... Особенно же много гадательнаго въ отдѣлѣ о послѣднихъ судьбахъ міра и человѣка. Напр., сужденія автора о пространственности загробнаго пребыванія безсмертной души...

Соотвѣтствующее задачамъ труда стремленіе автора дать всѣмъ вопросамъ рѣшеніе раціональное (здраво-смысленное) и притомъ окончательное приводитъ его къ схоластическимъ и даже софистическимъ пріемамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ проблема требуетъ философско-систематическаго построенія и не поддается поверхностному мышленію, не рѣшается въ предѣлахъ здраваго смысла. Въ трудѣ о. Малиновскаго такіе пріемы примѣняются нерѣдко. Идетъ рѣчь объ евангельскомъ законѣ, какъ законѣ новомъ, замѣнившемъ собою законъ Моисеевъ (§ 88). Необходимо отмѣтить высоту и новизну евангельскаго закона. „Христосъ есть новый религіозный законодатель, а отнюдь не толкователь только закона, преподаннаго чрезъ Моисея, каковыми являлись обыкновенные пророки... Данный Спасителемъ евангельскій законъ, какъ высшій и совершеннѣйшій закона Моисеева, естественно, замѣнилъ его собою... (Можно говорить о) рѣшительномъ отмѣненіи закона". Но,

съ другой стороны, опасно говорить объ отмѣнѣ ветхозавѣтнаго закона, нужно и ему воздать должное. И вотъ, „отмѣненіе закона Моисеева не такъ нужно понимать, чтобы евангеліе, заступая мѣсто закона, уничтожало или разрушало *весь* законъ, подобно, напр., тому, какъ на мѣстѣ разрушеннаго зданія воздвигается новое... Христосъ—раскрылъ глубокій смыслъ собственно нравственныхъ предписаній ветхозавѣтныхъ, такъ что въ Его ученіи нравственный законъ достигъ полноты своей по содержанію и по духу". Короче такъ: „Исполнивъ законъ и пророки, Христосъ тѣмъ самымъ упразднилъ ветхій завѣтъ, или сдѣлалъ его излишнимъ. Такимъ образомъ, по мысли Спасителя, евангеліе должно было заступить мѣсто закона, но заступить не уничтожая, а исполняя законъ... Религіозно-нравственная сторона закона *во всемъ его объемѣ* имѣетъ вѣчное значеніе, хотя она и нуждалась въ восполненіи". И въ обрядовомъ и въ гражданскомъ законѣ ветхозавѣтномъ нѣчто „имѣетъ вѣчное значеніе".—Въ томъ же духѣ рѣшаетъ авторъ проблемы объ отношеніи между вѣрой и добрыми дѣлами, свободой и благодатью.

Осуществляя задачу не изложенія догмата, а его доказательствъ и изъясненій, слѣдуя методу не дедуктивному, а индуктивному, прот. Малиновскій каждый отдѣлъ начинаетъ изслѣдованіемъ св. писанія и св. преданія,—*комментаріями текстовъ*. Эти комментаріи у него обычно поверхностны и шаблонны. Въ словахъ Іоан. II, 18: кое знаменіе являеши намъ, яко сіе твориши — онъ видитъ *требованіе* знаменія (III, 326); въ Мѳ. XIX, 11, 12, 21 предъявляются, будто, *условныя* заповѣди, которыя *обязательны* для нѣкоторыхъ (III, 420). И т. д. Индуктивный методъ догматическаго построенія при такихъ слабыхъ исходныхъ пунктахъ внѣдряетъ въ читателяхъ впечатлѣніе, будто вся догматика опирается лишь на дурные комментаріи.

Всѣ эти недостатки роковымъ образомъ свойственны тому типу догматическаго построенія, которымъ опредѣляется работа о. Малиновскаго: они неизбѣжно вытекаютъ изъ стремленія удовлетворить запросы схоластической мысли, такъ чтобы вопросъ каждаго параграфа получалъ самодовлѣющій отвѣтъ, и изъ безусловной зависимости отъ наличной богословской литературы, отъ оффиціальныхъ взглядовъ и при-

нятыхъ мнѣній. Но на своемъ пути авторъ достигаетъ и многихъ цѣнныхъ результатовъ. Его трудъ оказывается энциклопедическимъ итогомъ всей русской богословской литературы, ея современнаго состоянія. Наблюдается, что система догматическаго богословія болѣе, чѣмъ курсъ какой-либо другой богословской науки, удобна для объединенія всего объема русскаго богословія. Въ разсматриваемой системѣ очень удачно привлекаются къ дѣлу работы и экзегетическія, и церковно-историческія, и нравственно-богословскія, и каноническія, и литургическія, и опыты обличительнаго богословія. Получается выводъ, что ни одна богословская работа не пропадаетъ для общаго итога, что каждая вноситъ свою долю въ общую сокровищницу. Предъ нами демонстрируется все богатство русской богословской мысли,— богатство, котораго нельзя не признать значительнымъ. Для такого энциклопедическаго труда авторъ оказывается въ достаточной степени способнымъ и подготовленнымъ. Онъ обнаруживаетъ почтенное трудолюбіе, не ослабѣвающее въ теченіе многихъ лѣтъ. Использованная имъ литература громадна. Онъ внимателенъ къ каждой работѣ. На многихъ страницахъ его внушительныхъ томовъ не встрѣчается, кажется, ни одного грубаго или пренебрежительнаго отзыва о какомъ-либо сочиненіи. Насъ не будутъ уважать внѣшніе, пока мы сами не будемъ уважать другъ друга, пока не будетъ явно, что всѣ мы сотрудники на одной нивѣ, всѣ работаемъ для одного итога. При иныхъ задачахъ авторъ, конечно, былъ бы обязанъ къ критическому обсужденію литературы вопроса, но, преслѣдуя задачу—подвести итогъ всему выработанному русскимъ православнымъ богословіемъ для уясненія догматическихъ вопросовъ,—онъ имѣлъ право ограничиться положительнымъ использованіемъ русскихъ авторовъ, усвоеніемъ принятыхъ и распространенныхъ мнѣній. По книгамъ прот. Малиновскаго мы почти можемъ судить о современномъ состояніи русскаго богословія въ предѣлахъ той или другой догматической проблемы. Объективность составляетъ крупное достоинство его труда. Въ той же особенности лежитъ объясненіе интереса его книгъ. Трудъ о. Малиновскаго не представляетъ интереса оригинальной системы, но онъ и не такъ сухъ, какъ большинство нашихъ догматическихъ системъ. На его страницахъ отражается любо-

знательность всѣхъ размышлявшихъ по вопросамъ догматики. Чтеніе томовъ *Православнаго Догматическаго Богословія* не можетъ не быть и полезнымъ и интереснымъ для такихъ читателей, какъ воспитанники семинарій или любители богословія изъ свѣтскихъ.

Наше окончательное сужденіе о трудѣ прот. Малиновскаго складывается въ зависимости отъ рѣшенія вопроса, нужны ли такого рода труды. Мнѣ думается, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить положительно. И трудъ прот. Малиновскаго въ качествѣ учебнаго пособія по догматическому богословію уже получилъ весьма широкое распространеніе. Въ средѣ указанныхъ читателей онъ не замѣнимъ. Его вполнѣ можно рекомендовать, какъ догматическое *чтеніе*: онъ надеженъ во всемъ своемъ объемѣ. Запросамъ православія, а равно и запросамъ здраваго смысла онъ вполнѣ удовлетворяетъ.

Можно и съ отмѣченной крайне спеціальной точки зрѣнія все-же указать не мало недочетовъ въ рецензируемомъ сочиненіи. Компилятивность предполагается, но и компилятивное изложеніе могло бы имѣть лучшій видъ. Можно было бы пожелать болѣе тщательнаго выбора изъ наличной литературы, болѣе внимательнаго изученія избранныхъ руководствъ, болѣе добросовѣстной цитаціи какъ самыхъ пособій, такъ и заимствованныхъ изъ нихъ указаній на первоисточники. Небрежностей много. Но въ общемъ изложеніе удовлетворительно. Страница за страницей эти томы прочитываются легко.

Указанныя достоинства въ рецензируемой работѣ ослабляются еще однимъ недостаткомъ. Я отмѣтилъ тѣ задачи, которыя достигаются въ ней, но я не знаю, какъ самъ авторъ смотритъ на свой трудъ, не питаетъ ли онъ болѣе широкихъ претензій: самъ онъ нигдѣ не высказывается о характерѣ и задачахъ своего труда. Мнѣ хочется однако думать, что почтенному о. протоіерею не чужда скромность и что я вѣрно истолковалъ его богословско-литературныя намѣренія. Думается, что онъ не утратитъ своей скромности и въ томъ случаѣ, если Совѣтъ Академіи поощритъ его полезный въ опредѣленныхъ границахъ трудъ присужденіемъ ему степени доктора богословія".

б) Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*:

„Приступивъ къ разсмотрѣнію сочиненія о. прот. Малиновскаго, представленнаго имъ на соисканіе высшей ученой степени, я очень скоро убѣдился въ томъ, что предо мною лежитъ вовсе не какой нибудь самостоятельный ученый трудъ. „Православное Догматическое Богословіе“ прот. Малиновскаго не представляетъ даже и сколько-нибудь новой догматической системы. Покойный проф. А. И. Введенскій справедливо назвалъ за первые два тома того же труда о. прот. Малиновскаго догматистомъ старой, Макарьевской формаціи. Очень часто заглавія отдѣльныхъ параграфовъ догматики Малиновскаго до тожества совпадаютъ съ заглавіями параграфовъ догматики Макарія. Почти полное отсутствіе въ разсматриваемой догматикѣ чего-нибудь новаго въ методологическомъ отношеніи заставляетъ характеризовать ее какъ старую систему догматики, лишь заново написанную при помощи нѣкоторыхъ новыхъ пособій. Авторъ вовсе не выступаетъ творцомъ чего-нибудь новаго: онъ лишь собираетъ и повторяетъ старое. Вотъ почему я и счелъ за лучшее уклониться отъ оцѣнки принципіальнаго содержанія догматики прот. Малиновскаго: въ этомъ содержаніи нѣтъ прот. Малиновскаго. Онъ весь, весь его научный обликъ въ пріемахъ пользованія пособіями, въ пріемахъ собиранія и изложенія. Проникнуть въ эти пріемы человѣка, претендующаго на высшую ученую степень, я и старался, по возможности, при чтеніи труда о. Малиновскаго. Со стороны пользованія пособіями, со стороны писательскихъ пріемовъ автора я и подвергъ болѣе или менѣе тщательному изслѣдованію значительную часть труда о. Малиновскаго. Литературно-ученые пріемы докторанта обрисовались предо мной, думаю, въ достаточной мѣрѣ и обрисовались, нужно сказать, въ не совсѣмъ привлекательномъ свѣтѣ. Во всякомъ случаѣ эти пріемы едва-ли обычны въ сочиненіяхъ, представляемыхъ на соисканіе не только высшихъ, но и среднихъ ученыхъ степеней. Вотъ почему на характеристикѣ учено-литературныхъ пріемовъ автора рецензируемаго „Православнаго Догматическаго Богословія“ я и считаю нужнымъ остановиться съ нѣкоторою подробностью. Свои наблюденія и замѣчанія я буду излагать въ порядкѣ параграфовъ разсмотрѣннаго труда, при

томъ остановлюсь, главнымъ образомъ, на тѣхъ параграфахъ, которые дали мнѣ возможность сдѣлать наиболѣе интересныя наблюденія по ихъ количеству и качеству. Я не смущаюсь даже и тѣмъ, что свои замѣчанія я долженъ начать лишь съ дополненія ко второму въ 3-ьемъ томѣ параграфу, 72-му въ общей системѣ.

III томъ.

§ 72. Наименованіе I. Христа Сыномъ Человѣческимъ (стр. 20—24).

Весь этотъ отдѣлъ заимствованъ изъ статьи И. М. Громогласова на ту же тему, напечатаной въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія за 1894 годъ. Эта статья въ значительномъ, конечно, сокращеніи и помѣщена прот. Малиновскимъ въ его догматику. Иногда авторъ сокращаетъ, пересказывая своими словами, но имѣя подъ глазами текстъ статьи, иногда же лишь списываетъ со страницы одну или двѣ фразы буквально. Стр. 20 Малиновскаго—107, 108, 109—110, 132, 133, 134, 136 сл., 114 статьи Громогласова. Стр. 21=стр. 114, 115, 116, 117—118, 123, 124, 125—126, 136 той же статьи, при чемъ со стр. 114, 115, 116, 123, 125 сдѣланы буквальныя заимствованія.

Стр. 22=стр. 136, 140, 141, 150—151, 152—153, 219, 220, 222; со стр. 136, 140, 222 заимствованія буквальныя.

Стр. 23 -стр. 222 –225, 227, 248, 249; съ послѣднихъ двухъ страницъ заимствованія буквальныя. Замѣтно, что статья компилировалась спѣшно; отсюда ошибки. Наименованіе „Сынъ Человѣческій“ по счету автора въ Новомъ Завѣтѣ употреблено 77 разъ въ рѣчахъ Господа, вообще въ евангеліяхъ -до 84, и 4 раза въ другихъ новозавѣтныхъ книгахъ (стр. 20). На самомъ дѣлѣ это наименованіе, кромѣ рѣчей Господа, въ евангеліяхъ употреблено еще 3 раза, а всего 80 разъ. Итогъ же 84 относится къ всему Новому Завѣту. На 22 стр. Schoettgenius обратился въ Schoetgen и точная цитата Громогласова обратилась въ слишкомъ общую—Horae hebr. II.

Даетъ ли о. Малиновскій понять, что отдѣлъ онъ заимствуетъ? И даетъ, и скрываетъ. Онъ только называетъ при перечисленіи литературы (стр. 20 прим. 1) и статью Громогласова, указывая впрочемъ 1884 годъ ея появленія, но ни-

гдѣ ее не цитируетъ. Мало того. Почти въ началѣ отдѣла есть примѣчаніе: „Разборъ этихъ мнѣній (о значеніи наименованія) можно читать у проф. Соллертинскаго. С. А. Пастырство Христа Спасителя. СПБ. 1896 г. гл.. „О Сынѣ Человѣческомъ“ (стр. 20). Такъ какъ дальше у автора и слѣдуетъ разборъ различныхъ мнѣній, то и можно подумать, что онъ пользуется книгой проф. Соллертинскаго. На самомъ же дѣлѣ я сомнѣваюсь, видѣлъ-ли о. Малиновскій книгу Соллертинскаго. По крайней мѣрѣ главы о „Сынѣ Человѣческомъ“ въ ней нѣтъ. О „Сынѣ Человѣческомъ“ идетъ рѣчь во гл II этой книги—„Происхожденіе христіанскаго пастырства изъ нѣдръ богочеловѣческаго сознанія Христа Спасителя“ (стр. 60—117), но въ этой главѣ совсѣмъ нѣтъ того, что есть у прот. Малиновскаго.

§ 74. Исторія догмата о лицѣ I. Христа (стр. 26—60).

Въ этомъ параграфѣ страница (27—28), посвященная ученію еретиковъ іудействующихъ, составлена довольно близко къ тексту кн. В. А. Снегирева. Ученіе о лицѣ I. Христа въ I—III в. христіанства. Казань 1871, стр. 22—27, 63, 64. Отсюда же взято и 2 прим. на 27 стр. Слѣдующія двѣ страницы посвящены гностикамъ и составлены по той же книгѣ, стр. 99, 80, 100, 101, 95, 96, 98, 91, 101, 104, 115, 132. Здѣсь у автора мозаика: съ каждой страницы взято по фразѣ, по строчкѣ, чаще съ буквальною точностью. Кромѣ того, на стр. 29 гностикъ Валентинъ обратился въ Валентиніана. Говоря о патрипассіанахъ (стр. 31—32), о. Малиновскій беретъ нѣсколько фразъ у того же Снегирева со стр. 192 и 194, и почти дословно повторяетъ то, что самъ же писалъ въ первомъ томѣ своей догматики. Заключеніе къ рѣчи о монархіанахъ на стр. 33 буквально списано съ 197 стр. Снегирева, а затѣмъ авторъ тотчасъ переходитъ къ книгѣ Д. Ѳ. Гусева—Ересь антитринитаріевъ III в. Казань 1872, и пересказываетъ изъ нея стр. 250 и 251 на стр. 33 и 34, причемъ крайне неудачно поправляетъ одно слово: „ученіе монархіанъ, пишетъ о. Малиновскій, требовало раскрытія слѣдующихъ сторонъ догмата о лицѣ I. Христа“ (стр. 33) и дальше у него же среди этихъ „сторонъ догмата“ указывается—„ѵпостасное различіе трехъ лицъ Божественной Троицы“. Неужели и это сторона догмата о лицѣ I. Христа? У Гусева (стр. 250) рѣчь *о догма-*

тахъ, а не о сторонахъ догмата, что, конечно, несравненно точнѣе. Говоря объ Аполлинаріи (стр. 36 — 39), о. Малиновскій болѣе страницы (на стр. 36 и 37) буквально списываетъ со статьи А. С. Лебедева. Лжеученіе Аполлинарія и его значеніе въ исторіи христіанской догматики, Христіанское Чтеніе, 1878, т. 2, стр. 266, 267, 269. Двѣ фразы изъ статьи Лебедева (стр. 580 и 581) попали и на 38 стр. Малиновскаго. Но только списавъ изъ этой статьи примѣчаніе на стр. 39, авторъ сдѣлалъ глухое указаніе на использованную статью.

О несторіанствѣ (на стр. 40—42) за исключеніемъ немногихъ строкъ все буквально списано у А. П. Лебедева. Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ. Изд. 2. Сергіевъ посадъ 1896. стр. 158, 159, 158, 159, 161, 159, 160—161.

Важнѣйшіе анаѳематизмы св. Кирилла (на стр. 42 — 43), навѣрное, списаны изъ догматики еп. Сильвестра, § 90, т. 4, стр. 83, такъ какъ греческія слова въ русскомъ текстѣ приведены именно тѣ же, что и у Сильвестра.

Слова Евтихія на 44 стр. по русски и по гречески взяты у Лебедева. Вселенскіе соборы, стр. 199. Отъ себя о. Малиновскій привноситъ лишь нѣсколько опечатокъ въ греческихъ словахъ. У Лебедева же со стр. 266 — 267 взято (на стр. 45—46) вѣроопредѣленіе четвертаго вселенскаго собора съ нѣсколькими греческими словами, въ которыя опять о. Малиновскій не преминулъ внести достаточное количество опечатокъ.

О монофелитствѣ цѣлая 47 стр. буквально списана съ Лебедева. Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ. Изд. 2. Москва 1897, стр. 73 и 74. Отсюда же (стр. 84 прим. 1) взято и указаніе на сочиненіе Галина во 2 прим. на стр. 47—48.

Книги, изъ которыхъ сдѣланы буквальныя заимствованія, лишь перечислены въ качествѣ „литературы“ въ началѣ параграфа (стр. 27 прим. 1), но цитатъ на нихъ не дѣлается, такъ что скрывается степень зависимости отъ пособій. На стр. же 52 есть выписка и изъ неуказанной въ началѣ этого параграфа книги свящ. М. Златоверховникова. Ученіе Господа Іисуса Христа о Себѣ, какъ Мессіи и Сынѣ Божіемъ. Черниговъ 1876, стр. 5.

Конецъ параграфа наполненъ краткими рѣчами о школахъ тюбингенской и ричліанской. Здѣсь авторъ преимущественно основывается на трудѣ проф. прот. П. Я. Свѣтлова—Хри-

стіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи, т. 2-й. (У меня новѣйшее изданіе, у автора же прежнее). Рѣчь прот. Малиновскаго иногда близка къ рѣчи прот. Свѣтлова, а иногда и тожественна съ нею. Срвн. стр. Малиновскаго 53 съ II, 587 и 589 Свѣтлова, 54 и примѣч. 2 съ II, 579 и 591 прим., 55 съ II, 580, 56 съ II, 581 и 600, 58 съ II, 737 и 738, 59 съ II, 739. Но особенно замѣчательно вотъ что: на стр. 54—59 о. Малиновскій очень щедръ на разныя указанія „литературы", книгъ и статей. Эти указанія въ изобиліи даются на каждой страницѣ, кромѣ 56, но хоть какого-нибудь указанія на сочиненіе прот. Свѣтлова мнѣ такъ и не удалось открыть.

§ 75. Господь I. Христосъ есть истинный Богъ по естеству, какъ Сынъ Божій (стр. 60—78).

Предыдущій параграфъ заканчивается, а этотъ начинается буквальной выпиской изъ старинной статьи архим. Алексія — О лицѣ Господа и Спасителя нашего I. Христа, напечатанной въ 1847 году въ 5-й части Прибавленій къ изданію твореній свв. отцевъ (стр. 399, 400). Затѣмъ слѣдуетъ на семи стр. наборъ текстовъ Священнаго Писанія, иногда близкій къ догматикѣ Макарія (сп. къ стр. 65 Макарія т. 3, стр. 65), а со стр. 68 о. Малиновскій начинаетъ списывать статью архим. Алексія. На стр. 68 болѣе половины списано буквально съ этой статьи—Прибавленія—V, 435—436. 466—467. Между двумя выдержками средній абзацъ состоитъ изъ цифровыхъ цитатъ на Свящ. Писаніе. Цитаты списаны со стр. 440—452 5 ч. Прибавленій, гдѣ приведены полностью слова Писанія, при томъ списаны наскоро, почему и получилась невозможная цитата „Кол. 15, 1". Оказывается на стр. 446 Прибавленій, вопреки обыкновенію, стихъ поставленъ впереди главы: „въ 15 ст. 1 гл. Апостолъ" и т. д. Выбирая цитаты и наскоро перелистывая старый журналъ, о. Малиновскій и открылъ въ посланіи къ колоссянамъ 15-ую главу.

Стр. 69 начинается также выборкой заглавій и цитатъ со стр. 468—471 Прибавленій, а затѣмъ слѣдуетъ размѣромъ въ полстраницы буквальная выписка со стр. 474 и 477. Сюда же добавлено небольшое примѣчаніе, списанное у Сильвестра, т. 4, стр. 58.

Съ 70 стр. начинаются свидѣтельства древне-церковныхъ писателей. Переходъ сдѣланъ словами статьи архим. Алексія (Прибавленія, V, 477) и самыя свидѣтельства заимствуются многія цѣликомъ изъ той же статьи. Такъ на 70 стр. съ документальною точностью воспроизведены цитаты изъ Игнатія Богоносца, при чемъ удерживаются даже и курсивы (Прибавленія, V, стр. 481—482), а на 71 стр. выдержка со вводными словами изъ Поликарпа Смирнскаго (Прибавленія, V. 490—491). Въ примѣчаніи 2 буквально же сдѣланы выдержки изъ посланія о мученичествѣ Поликарпа (Прибавленія, V. 491) и изъ 2 посл. Климента (V, 479). Здѣсь же дважды сохраненъ цитатъ на Hefele. Что это за Hefele, — не объясняется. Это старинное изданіе—Patrum apostolicorum opera (Tubingae 1847), которое цитируетъ архим. Алексій, писавшій въ томъ же 1847 году, когда это изданіе лишь появилось. Цитировать же это изданіе въ 1909 году, это mauvais ton, нетерпимый не только въ докторской диссертаціи, но и въ студенческомъ сочиненіи.

На стр. 72 у архим. Алексія же списаны отчасти выдержки изъ Іустина Философа и св. Иринея Ліонскаго, а на стр. 73 по Алексію же воспроизведены слова св. Діонисія Александрійскаго, къ которымъ, впрочемъ, въ прим. 2 подысканъ цитатъ по новому русскому переводу (Казань 1900).

На 74 стр. краткая замѣтка объ антіохійскихъ соборахъ противъ Павла Самосатскаго буквально взята у Сильвестра, т. 4, стр. 72; прим. 3 списано изъ книги Снегирева, стр. 18, хотя изъ поставленнаго цитата списыванія усмотрѣть нельзя.

На стр. 75—76 дается отвѣтъ на вопросъ: почему для спасенія воплотился Сынъ Божій? Обѣ эти страницы представляютъ буквальную выписку изъ статьи проф. Лепорскаго—„Воплощеніе“—въ Православной Богословской Энциклопедіи т. 2, стлб. 820—822: только вмѣсто „Логосъ“ стоитъ „Слово“, вмѣсто „актъ“—„дѣло“, хотя вторая замѣна не совсѣмъ удачна.

Столь основательно использованная въ этомъ параграфѣ статья архим. Алексія ни разу не процитована; она лишь названа въ числѣ многихъ другихъ въ перечнѣ „литературы“. О статьѣ же проф. Лепорскаго о. Малиновскій упоминать счелъ за лишнее, хотя перепечаталъ изъ нея двѣ страницы.

§ 76: *I. Христосъ есть истинный человѣкъ* (стр. 78—84).

Этотъ параграфъ списанъ почти весь.

Половина 79 стр. взята изъ продолженія все той же статьи архим. Алексія, напечатаннаго въ 6-ой части Прибавленій, въ 1848 году (См. стр. 52, 53).

Стр. 80 вся списана со стр. 54, 55, 56—57 той же статьи: только дѣлается сокращеніе: у архим. Алексія, напр., приводятся тексты Священнаго Писанія, а прот. Малиновскій выбираетъ только цитаты. Примѣчаніе на этой страницѣ, за исключеніемъ 4—5 строкъ, списано съ 55 стр. той же статьи; при томъ, кажется, совсѣмъ не къ дѣлу вставлено греческое слово *σῶμα*.

Большая часть стр. 81 списана у Макарія (§ 134, т. III, стр. 76, прим. 115) и изъ Прибавленій (VI, 57, 62, 63). Цитаты въ примѣчаніи взяты у Макарія и у Алексія (VI, 62 прим.).

Вся стр. 82 и первый отдѣлъ 83-ьей списаны со ст. архим. Алексія (Прибавленія, VI, 63, 66, 67, 68, 69) и списаны буквально, за исключеніемъ 6 стр. 82 стр., гдѣ пересказъ. Цитаты въ примѣчаніяхъ на обѣихъ страницахъ собраны у Макарія (§§ 134 и 137, т. III, стр. 73 прим., 114 и стр. 79 прим. 117) — Заключительный отдѣлъ въ 1½ страницы составленъ по Макарію: ½ стр. выписано буквально (§ 134, т. III, стр. 78—79), а потомъ приводятся общія съ Макаріемъ святоотеческія изреченія, только въ иномъ нѣсколько объемѣ.

Никакихъ цитатъ на „литературу“ во всемъ параграфѣ нѣтъ.

§ 78. *Безгрѣшность Іисуса Христа* (стр. 93—109).

Прим. 1 на 94 стр. составлено изъ цитатъ Макарія (§ 136, т. III, стр. 97—98).

Половина 96 стр. и прим. 2 на этой же стр. буквально взяты изъ ст. проф. Лепорскаго—Воплощеніе (Правосл. Богосл. Энциклопедія, т. 2, стлб. 830—831). Цитаты никакой нѣтъ.

На стр. 98 нѣсколько фразъ взято у прот. Свѣтлова—Христіанское вѣроученіе, т. 2, стр. 681 и 682, а конецъ этой страницы списанъ съ книги свящ. А. Свѣтлакова—Нравственный образъ Іисуса Христа. Н.-Новгородъ 1880, стр. 63.

Стр. 99 и 100 представляютъ лишь тексты Св. Писанія, но и приводя тексты, о. Малиновскій держалъ предъ глазами книгу Свѣтлова и книгу Свѣтлакова, почему у него порядокъ текстовъ и соединительныя между ними слова или

буквально, или довольно близко совпадаютъ съ книгами указанныхъ авторовъ. См. Свѣтлова, II, стр. 680 и 679 и Свѣтлакова, стр. 64—65, 67—68, 69.

Въ концѣ прим. на стр. 101 читаемъ: „Св. *Янышева I. Т.* Прав.-христ. уч. о нравственности § 50". На самомъ дѣлѣ примѣчаніе представляетъ буквальную выписку изъ Янышева (по изд. СПБ. 1906, стр. 311), при чемъ одна описка или опечатка о. Малиновскаго искажаетъ текстъ (вм. „бывъ"—„былъ").

Большое примѣчаніе на стр. 102 начинается выпиской изъ статьи проф. Лепорскаго (Правосл. Богосл. Энциклопедія, т. 2, стлб. 828); затѣмъ слѣдуетъ выписка изъ Янышева, на этотъ разъ снабженная цитатой; только совершенно напрасно цитата поставлена преждевременно: вѣдь и слѣдующія за этой цитатой слова Григорія Нисскаго заимствованы изъ 2 прим. къ 313 стр. книги Янышева. О. Малиновскій цитуетъ русскій переводъ твореній св. отца, но вѣдь греческаго слова въ этомъ переводѣ нѣтъ; а между тѣмъ это слово воспроизведено съ той же опечаткой, какая есть и у Янышева: напечатано—*ἁμαρτικὴν*, т. е. поставлено тонкое придыханіе.

Стр. 103 болѣе чѣмъ на половину состоитъ изъ буквальныхъ заимствованій у прот. Свѣтлова—Христ. вѣроученіе т. 2, стр. 665—666, 675—676.

Стр. 104 цѣликомъ представляетъ или выписки, или пересказъ изъ той же книги Свѣтлова, стр. 684, 669, 670—671. Сдѣлавъ эти заимствованія, нашъ докторантъ дѣлаетъ примѣчаніе: „Подробныя разъясненія по сему вопросу можно находить въ трудѣ проф. Тарѣева".

На стр. 107 заимствованіе изъ кн. Янышева снабжено цитатой, но не отмѣчено, что въ данномъ случаѣ у Янышева не свои слова, а слова Пальмера.

На стр. 108 въ 1 прим. прот. Малиновскій ставитъ много цитатъ и даже пишетъ латинскую строчку, только забываетъ отмѣтить, что цитаты эти взяты у Макарія—§ 136, т. III, стр. 100—101 прим.

Какъ можно видѣть, въ этомъ параграфѣ нашъ авторъ не мало пользуется книгой Свѣтлова, но, давая перечень „литературы" (стр. 93—94 прим.), эту-то книгу онъ и забылъ упомянуть.

§ 79. *I. Христосъ—Богочеловѣкъ есть единое лице* (стр. 109—119).

Около страницы на стр. 110—111 буквально выписано изъ статьи архим. Алексія (Прибавленія, VI, 205, 207). Замѣняя въ этой выпискѣ „человѣческое естество“ „человѣчествомъ“ и опуская слово „прославленіе“, нашъ авторъ точной рѣчи предпочитаетъ неточную.

Стр. 112 вся списана у Алексія (Прибавленія, VI, 208, 212—213); примѣчаніе съ 213 стр. этой статьи вставлено въ текстъ и заключено въ скобки. 1-ое прим. на этой стр. взято у Макарія т. III, стр. 105, а дальнѣйшія примѣчанія на стр. 112—113 взяты между прочимъ изъ толкованія на посл. къ филиппійцамъ еп. Ѳеофана. Цитатъ стоитъ глухой и буквальныя заимствованія не отмѣчены. Здѣсь же въ 5 прим. на 113 стр. мѣстомъ изданія книги М. М. Тарѣева—Уничиженіе Господа нашего І. Христа—названъ Сергіевъ посадъ; эта книга издана въ Москвѣ.

Примѣчаніе, занимающее 117 и 118 стр., посвящено протестантскому богословію и представляетъ наполовину выписку изъ только что названной книги М. М. Тарѣева, снабженную, впрочемъ, цитатой, а наполовину изъ книги Свѣтлова—Христіанское вѣроученіе, т. 2, стр. 720—721. Эта выписка снабжена не цитатой, а примѣчаніемъ: „см. еще Свѣтлова П. и т. д“. При списываніи изъ книги Тарѣева допущены двѣ ошибки на стр. 117: unio personalis переводится—„единство личности“ и Лютеру приписываются латинскія слова Бренца (см. у Тарѣева, стр. 146).

§ 80. *Образъ соединенія двухъ естествъ въ единомъ лицѣ Богочеловѣка* (стр. 119—123).

Этотъ параграфъ, за исключеніемъ первыхъ полутора страницъ, представляетъ пересказъ и даже буквальное воспроизведеніе § 138 догматики Макарія—т. III, стр. 117—120. Тожество цитатъ Св. Писанія и святоотеческихъ и буквальныя совпаденія нѣкоторыхъ разсужденій не оставляютъ мѣста сомнѣнію.

§ 81. *Слѣдствія ѵпостаснаго соединенія естествъ въ І. Христѣ по отношенію къ Нему Самому* (стр. 123—131).

Небольшой отдѣлъ на стр. 123—124 взятъ изъ Макарія (§ 139, т. III, стр. 129—132) наполовину буквально. Здѣсь между прочимъ двѣ строки цифровыхъ цитатъ изъ Новаго Завѣта. Цитаты списываются у Макарія, но почему-то сдѣлана перестановка: впереди поставленъ Маркъ, а за нимъ

Матѳей На той же 124 стр. слѣдуетъ, хотя и небольшое, заимствованіе буквальное изъ статьи архим. Алексія — Прибавленія, VI, стр. 284.

Стр. 126 составлена по Макарію (§ 139, III, 137—138), у котораго взята въ примѣчаніи 2 и латинская цитата.

Стр. 127 занята рѣчью о communicatio idiomatum. Половина стр.—пересказъ стр. 237 изъ VI ч. Прибавленій, изъ статьи архим. Алексія. Изъ этой же статьи выписаны и слова Іоанна Дамаскина; многоточіе, сокращающее выдержку, стоитъ какъ разъ тамъ же, гдѣ и у Алексія (Добавлена, впрочемъ, еще опечатка). Вторая половина—очень близкій къ тексту пересказъ стр. 704—705 изъ кн. Свѣтлова—Христіанское вѣроученіе, т. 2, стр. 704—705.

Стр. 128 наполовину пересказъ изъ Алексія (стр. 238), наполовину изъ Макарія (§ 139, т. III, стр. 123). У Алексія почти однѣ цитаты; о. Малиновскій подыскиваетъ самые тексты и сохраняетъ соединительную строчку.

На стр. 129 большая, въ 1/2 стр., выписка изъ Свѣтлова, т. II, стр. 706. Стоитъ и цитата. Выписаны три періода, но только два въ кавычкахъ и сопровождены цитатой; третій же оставленъ на свободѣ, хотя и стоитъ рядомъ. Прим. 2-ое на этой же стр. выписано у Алексія (Прибавленія, VI, стр. 236) вмѣстѣ съ выдержкой изъ Іоанна Дамаскина, въ которой вставленъ греческій терминъ. Впрочемъ, этотъ терминъ у о. Малиновскаго потерпѣлъ искаженіе: напечатано *περιχώρισις*, а нужно *περιχώρησις*.

На стр. 130 не помѣчено небольшое буквальное заимствованіе у Свѣтлова, т. 2, стр. 708.

Заканчивается параграфъ страницей, составленной по Макарію (Срвн. т. III, стр. 125, 130, 129).

Ни списка „литературы“, ни цитатъ на нее въ этомъ параграфѣ не имѣется.

На стр. 132—137 у о. Малиновскаго идутъ довольно пространныя разсужденія о „*Латинскомъ культѣ сердца Іисусова*“. Я недоумѣваю, какое отношеніе имѣетъ этотъ культъ къ „Православному Догматическому Богословію“, къ § о „слѣдствіяхъ ѵпостаснаго соединенія естествъ въ І. Христѣ“. Культъ этотъ скорѣе относится къ области литургики, нежели догматики, какъ это признаетъ и прот. А. А. Лебедевъ, писавшій спеціально объ этомъ культѣ. У прот. Малинов-

скаго весь этотъ отдѣлъ, конечно, списанъ. Стр. 132 базируется на статьѣ Тычинина въ VI т. Правосл. Богосл. Энциклопедіи. Стр. 133 дословно вся списана съ книги Лебедева—О латинскомъ культѣ сердца Іисусова. СПБ. 1903—и съ кн. Вл. Гетте—Еретичество папства. Харьковъ 1895. Это и отмѣчено цитатами, но не совсѣмъ такъ, какъ было бы желательно. Изъ книги Лебедева взяты слова іезуита Ричмана. Поставленная, при томъ невѣрная (вм. „4—5 стр", „3—4 стр."), цитата относится только къ этимъ словамъ, но не показано, что предыдущіе три періода буквально взяты съ 23 стр. той же книги.

Стр. 134 списана также, но заимствованія обозначены хоть кое-какими цитатами.

На стр. 135 не отмѣченный пересказъ и буквальная выписка изъ Гетте, стр. 80.

Послѣднія двѣ страницы составлены изъ буквальныхъ заимствованій у Лебедева, въ такомъ порядкѣ страницъ: 7—8. 7. 8. 11. 12. 8—9. 13. 39. 40. Примѣчаніе 1-ое на стр. 136 взято съ 3 стр. книги Лебедева; 2-ое написано по указанію на 11 стр. у Лебедева.

§ 82. *Догматъ о воплощеніи Сына Божія съ точки зрѣнія разума* (стр. 137—150).

Начинается параграфъ буквальной выпиской, при томъ безъ всякаго намека на цитату, изъ „Христіанской апологетики" проф. Н. П. Рождественскаго (Изд. 2. Т. 2, СПБ. 1893, стр. 418—419). Пересказъ 420 стр. этой же апологетики встрѣчается на стр. 138.

Цитаты изъ Аѳанасія Великаго и Григорія Нисскаго, приводимыя на стр. 139—140, почему то оказываются тѣ же, что и у прот. Свѣтлова (т. 2, стр. 757. 759), при чемъ совпадаютъ даже по объему самыя выписки. На той же 140 стр. встрѣчаемъ не удостоенную цитаты выписку изъ Апологіи Геттингера (ч. 2, стр. 316).

Половина 141 стр. опять выписана изъ Апологетики Рождественскаго (т. 2, стр. 421), которая въ примѣчаніяхъ этого параграфа такъ и осталась позабытой.

На стр. 141—142 приведена большая, въ 1/2 страницы, выписка изъ блаж. Августина, но съ цитатой получился нелестный для нашего докторанта курьезъ. Цитата стоитъ такая: „*Август.* Tract. XXXVII In Ioan". Увы! Приведенныхъ

словъ Августина въ цитируемомъ трактатѣ на евангеліе Іоанна не обрѣтается; въ этомъ трактатѣ есть мѣсто, лишь отчасти похожее по *мысли* (См. Sancti Aurelii Augustini opera omnia... opera et studio monachorum ordinis sancti Benedicti; t. III, pars II. Parisiis MDCCCXXXVII, col. 2063). А вѣдь о. Малиновскій приводитъ подлинныя *слова,* заключая ихъ въ кавычки. Какъ же это у него получилось? А вотъ какъ. Латинскихъ сочиненій блаж. Августина о. протоіерей, разумѣется, и въ рукахъ не держалъ: приведенную же выписку онъ заимствовалъ у Геттингера (Апологія христіанства, ч. 2. СПБ. 1872, стр. 320 321). Въ этой Апологіи на стр. 320 въ 5 прим. стоитъ цитатъ такой: „L. c. cf. Tract. XXXVII in Ioan". Слѣд., Геттингеръ отсылаетъ къ предыдущему примѣчанію, гдѣ стоитъ цитатъ: „*Augustin.* Serm. CIX in Ioan". Приведенная о. Малиновскимъ выдержка и находится у Августина не въ 37 трактатѣ на Іоанна, а въ 109 словѣ на Іоанна. Возможно, что эта курьезная ошибка причиной имѣетъ постыдное для докторанта неумѣнье прочитать постоянно употребляющіяся въ латинскихъ цитатахъ сокращенія: „L. c. cf".

Вслѣдъ за неудачной выдержкой изъ Августина до конца 142 стр. имѣется значительное, при томъ почти все буквальное, заимствованіе изъ книги прот. Свѣтлова—Христіанское вѣроученіе—т. 2, стр. 754—755, уже не сопровождаемое никакой цитатой.

Безъ всякой цитаты есть буквальное заимствованіе изъ Свѣтлова (т. 2, стр. 761) еще и на 145 стр. и въ 1 прим. на 146 стр. Имя прот. Свѣтлова вообще въ этомъ параграфѣ ни разу не упоминается.

О формахъ воплощенія Вишну (на стр. 147) о. Малиновскій говоритъ отчасти подлинными словами проф. С. С. Глаголева и † А. И. Введенскаго. На докторскую диссертацію А. И. Введенскаго сдѣлана точная ссылка, но процитовать 85 стр. книги С. С. Глаголева—Изъ чтеній о религіи. Сергіевъ посадъ 1905—авторъ по неизвѣстной причинѣ счелъ излишнимъ.

Примѣчаніе на стр. 149—150 составляютъ выписки изъ апологетики Эбрарда. Двѣ послѣднихъ выписки сопровождаются цитатами, но первыя, стоящія вначалѣ, оставлены безъ цитатъ (Нужно т. I, стр. 312—313), а съ перваго взгляда заимствованія не ясны, такъ какъ дѣлается ссылка на Оригена, приводятся ряды новозавѣтныхъ цитатъ.

§ 83. *Преблагословенная Дѣва-Матерь Господа І. Христа* (стр. 150—164).

Въ этомъ параграфѣ особенно много о. Малиновскій пользуется статьей архим. Алексія—О преблагословенной Дѣвѣ, Матери Господа нашего І. Христа,—напечатанной въ Прибавленіяхъ къ твор. свв. оо. за 1848 годъ. У меня эта статья въ отдѣльномъ изданіи.

На стр. 150 у о. Малиновскаго пересказъ стр. 44—47 книжки архим. Алексія. 52 стр. этой книжки о. Малиновскій держалъ предъ глазами при написаніи слѣдующей 151 стр. своей догматики. Сюда же добавилъ слова Ефрема Сирина, приведенныя у Макарія (§ 136, т. III, стр. 90), къ которымъ подыскалъ лишь цитату по новому изданію твореній.

Первая половина стр. 152 занята выпиской изъ Іоанна Дамаскина, найденной по указанію архим. Алексія на стр. 51: вторая же половина прямо списана съ той же стр. книжки архим. Алексія, откуда взята въ прим. 4 цитата изъ „Камня вѣры“ Стефана Яворскаго, но цитата искажена: „О призн. свят. II ч. 2 гл.“ — нужно: „О призыв. свят., II ч. 2 гл. стр. 545“.

Далѣе цѣлыхъ 1½ стр. списано съ Алексія, стр. 53. 54—55, вмѣстѣ съ цитатами не на латинскія только творенія свв. оо., но даже и на митр. Филарета.

За этимъ на стр. 154 слѣдуетъ непосредственно пересказъ изъ Макарія (§ 136, т. III, стр. 95), послѣ чего нашъ авторъ опять возвращается къ архим. Алексію и пишетъ цѣлую страницу (154—155) почти сплошь его словами (см. стр. 56—59). Здѣсь, впрочемъ, о. Малиновскій удостоиваетъ архим. Алексія глухого упоминанія по формулѣ: „см. о семъ въ ст. архим. Алексія“. Конецъ стр. 155 написанъ по Макарію (т. III, стр. 93).

На стр. 156 съ кн. Алексія списаны всѣ три примѣчанія со всѣми цитатами: 1-ое со стр. 68—69, 2-ое со стр. 6—7 и 3-ье со стр. 60. Но цитаты на архим. Алексія не имѣется.

На 157 стр. любопытно 2-ое примѣчаніе. „*Проф. Н. Н. Глубоковскій* высказываетъ мнѣніе, что слово: *τὸν πρωτοτόκον—первороднаго* (первенца) вѣроятно не подлинно“, т. е. его не находилось въ оригиналѣ у св. Матѳея (см. Обзоръ „Посланія ап. Павла къ Галатамъ“, СПБ. 1903 г. 67 стр.),—однако основанія такого мнѣнія не указаны“. По поводу этого примѣ-

чанія можно сдѣлать цѣлый рядъ примѣчаній: 1) Сочиненія „Обзоръ посланія ап. Павла къ Галатамъ“ у проф. Глубоковскаго нѣтъ, а есть—„Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. ап. Павла въ посланіи къ галатамъ“. 2) Это сочиненіе издано въ 1902, а не въ 1903 году. 3) Проф. Глубоковскій писалъ для людей научно грамотныхъ, а такимъ не нужно указывать основаній возможной неподлинности слова: *τὸν πρωτοτόκον* въ Мѳ. 1, 25, потому что они сами знаютъ, что этого слова нѣтъ въ кодексахъ ℵ B Z 1. 33. a b c g, въ переводахъ sah cop syr[cu] и т. д., почему его и не печатаютъ въ критическихъ изданіяхъ, кончая новѣйшимъ изданіемъ Soden'a (Tübingen 1913). 4) Примѣчаніе это прот. Малиновскій списалъ съ 1 прим. на 22 стр. книги проф. А. П. Лебедева—Братья Господни (Москва 1905). 5) Годъ изданія сочиненія проф. Глубоковскаго онъ передѣлалъ уже самъ, въ чемъ и выразилась его самостоятельность.

На 158 стр. безъ цитаты сдѣлано заимствованіе буквальное у архим. Алексія (стр. 66. 67), а прим. 1-ое почти все взято также безъ цитаты у А. П. Лебедева (стр. 21—22). У Лебедева же взяты со всѣми цитатами буквально примѣчанія 2-е и 3-ье на 159 стр. (См. у Лебедева стр. 23. 30. 35—36). 4-ое прим. тоже взято у Лебедева со стр. 55. Здѣсь къ словамъ блаж. Іеронима изъ его сочиненія „О знаменитыхъ мужахъ“ взята у Лебедева точная цитата по русскому переводу, но рядомъ слова изъ его трактата на 108 псаломъ оставлены безъ всякой цитаты. Почему? Потому что у Лебедева стоитъ неудобная и непонятная нашему автору цитата: „Zahn. Op. cit. S. 322. Anmerk.“, т. е. сдѣлана ссылка на 6-ой томъ Цановыхъ Forschungen zur Geschichte des neutestament. Kanons.

Послѣднія три (160—162) стр. этого параграфа составлены по § 140 Макарія (т. III, стр. 141—143), причемъ дѣлаются и буквальныя заимствованія. Святоотеческія цитаты въ прим. 2—4 стр. 162 всѣ взяты буквально у Макарія (т. III, стр. 141—143). Авторъ подыскалъ нѣсколько цитатъ по русскимъ переводамъ, но, конечно, не изъ этихъ же переводовъ взялъ онъ отдѣльныя греческія слова, вставляемыя въ русскій текстъ. Кромѣ того, съ цитатой (въ прим. 3) изъ блаж. Ѳеодорита произошло недоразумѣніе. Къ одной краткой выпискѣ стоитъ цитата: Н. Е. I, 4. Слѣдуетъ другая выдержка и при

ней въ качествѣ цитаты только: XII с. Что это за 12 глава? Какого сочиненія? Нужно: Haeret. fab. IV, 12.

Въ 3 ье прим. на 163 стр. попало нѣсколько строкъ изъ статьи архим. Алексія (Прибавленія. VI, 43).

Всѣ эти заимствованія безъ всякихъ цитатъ.

§ 84. *Догматъ римской церкви о непорочномъ зачатіи Божіей Матери* (стр. 164—191).

Спрашивается: какое дѣло „*Православному* Догматическому Богословію" до догмата римской церкви? А этому „догмату" посвященъ параграфъ почти въ 30 стр. Но еще болѣе интересно составленіе этого обширнаго параграфа.

Первыя 5 стр. (165—169), за исключеніемъ очень немногихъ строкъ, списаны, при томъ почти всегда буквально, съ книги прот. А. А. Лебедева—Разности церквей восточной и западной въ ученіи о пресвятой Дѣвѣ Маріи Богородицѣ. Варшава 1881. Списано по фразѣ, по двѣ съ разныхъ страницъ, въ такомъ порядкѣ.

165 стр. Малиновскаго—стр. 136, 220—201, 221, 223 Лебедева.

165 стр. 1 прим.—стр. 145, 140 Лебедева.

166 стр. Малиновскаго—стр. 240, 264, 263, 255, 256, 117 Лебедева.

167 стр. Малиновскаго—стр. 201, 203, 202, 216 Лебедева.

168 стр.—стр. 217, 232.

169 стр.—стр. 265, 275, 285—286 Лебедева.

При всѣхъ этихъ заимствованіяхъ никакихъ цитатъ не имѣется; цитатами отмѣчены лишь, мною неупомянутыя, выдержки въ примѣчаніяхъ.

Стр. 170 наполовину представляетъ пересказъ статьи—Взглядъ православнаго на новый догматъ римской церкви о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи—Христіанское Чтеніе, 1867, т. 2, стр. 7—8, а наполовину пересказъ и буквальное воспроизведеніе изъ книги Лебедева стр. 181, 185, 186, 187. Маленькое примѣчаніе на этой страницѣ взято изъ Христіанскаго Чтенія, 1867, 2, стр. 7.

Начало и конецъ стр. 171 заимствованы изъ кн. Лебедева, стр. 188, 255—256, а средина—пересказъ изъ Христіанскаго Чтенія, 1867, ч. 2, стр. 8.

Стр. 172 болѣе чѣмъ наполовину буквально заимствована

у Лебедева, стр. 249, 256, 224, 228, 19, а стр. 173 пересказъ стр. 19 и 22 изъ той же книги. Примѣчаніе 1-е взято у Лебедева, стр. 19, а 2-ое изъ Христіанскаго Чтенія 1867, ч. 2, стр. 3 и у Лебедева, стр. 198—199, 147.

174 стр. состоитъ изъ пересказа и буквальныхъ заимствованій со стр. 33, 46, 52—53, 55, 59 кн. Лебедева. Списывая со стр. 55, авторъ пропустилъ одно слово, почему получилась очень нескладная фраза.

Стр. 175—пересказъ стр. 63 и 71 Лебедева. Первое прим. со стр. 59 и 60. Здѣсь хоть какая-нибудь цитата, но во второмъ примѣчаніи цитаты нѣтъ, хотя это примѣчаніе списано со стр. 67—68 Лебедева. Большое 3-ье примѣчаніе буквально взято изъ Христіанскаго Чтенія, 1859, ч. 2, стр. 139, 139 прим. 394—395, 398. Цитата стоитъ въ такой формѣ: „см. о семъ въ ст. Хр. Чт. 1859 г. II т.“.

176 стр. почти вся выписана изъ Лебедева, стр. 76—79; изъ той же книги взята и слѣдующая стр. мѣстами буквально, мѣстами наразсказъ. См. стр. 105, 292, 295, 375, 374—375.

На 178 стр. выдержка въ текстѣ и примѣчаніе взяты изъ статьи—Зачатіе Пресвятой Дѣвы Маріи безъ первороднаго грѣха предъ судомъ Св. Писанія и преданія свв. отцевъ—Христіанское Чтеніе, 1858, ч. 2, стр. 85—86. Съ той же статьи списаны и большія примѣчанія на 180 стр. (См. стр. 120, 236, 125), при томъ безграмотно, напр., —„пунктуація *маза*ретская“.

Почти вся 181 стр. состоитъ изъ буквальныхъ выписокъ изъ книги Лебедева, стр. 397, 382, 328, 77, 368.

Первая половина стр. 182 отчасти буквально, отчасти съ измѣненіями взята изъ Христіанскаго Чтенія, 1858, ч. 2, стр 185—186, а вторая половина почти буквально списана съ 367 стр. Лебедева.

Половина 183 стр. выписана изъ Христіанскаго Чтенія, 1858, ч. 2, стр. 256—257, а дальше цѣлыхъ 1½ стр. почти безъ всякихъ измѣненій списаны съ книги Лебедева, стр. 398—401.

На стр. 185 есть буквальныя заимствованія съ 377 стр. Лебедева, а между ними вставлена выписка изъ Христіанскаго Чтенія, 1857, ч. 2, стр. 11—12. Примѣчаніе списано съ цитатой, но ошибочно указана вм. 205 стр. 203.

На 186 стр. имѣемъ въ началѣ пересказъ стр. 405—406 Лебедева, въ концѣ буквальную выписку со стр. 342, а въ

срединѣ буквальную же выписку изъ Христіанскаго Чтенія, 1857, ч. 2, стр. 35.

Въ верху 187 стр. приведены двѣ краткихъ выдержки изъ блаж. Августина, но съ цитатой получился курьезъ уже прямо скандальнаго характера. Цитата такова: „*Август.* De concept. Virg. c. 3“. Слова дѣйствительно принадлежатъ Августину, но со сколько-нибудь похожимъ на эту цитату заглавіемъ сочиненія у Августина нѣтъ. Приведенныя слова находятся въ сочиненіи Августина—De peccatorum meritis et remissione et de baptismo parvulorum (Migne, PL. t. 41), lib. II, capp. 35, 38. О. прот. Малиновскій подъ именемъ Августина процитировалъ сочиненіе Анзельма Кентерберійскаго—De conceptu virginali et de originali peccato (Migne, PL. t. 158, coll. 431 sqq.). Такое непонятное явленіе однако можетъ быть вполнѣ достаточно объяснено. О. Малиновскій по своему обыкновенію, конечно, списываетъ,—въ данномъ случаѣ изъ статьи Христіанскаго Чтенія, 1858, ч. 2, стр. 245—246. Здѣсь излагаются мысли Августина по его сочиненію De peccatorum meritis. Это сочиненіе названо нѣсколько раньше, а дальше цитаты ограничиваются только: „ibid“. Но, какъ на грѣхъ, на 245—6 стр. авторъ статьи къ примѣчанію съ цитатой на Августина для сравненія привелъ слова Анзельма и поставилъ цитату, такъ что примѣчаніе заканчивается цитатой на Анзельма—De concept. virgin. Увидавъ въ сноскѣ послѣ выписанныхъ словъ Августина „ibid“, о. Малиновскій посмотрѣлъ въ верхъ, встрѣтилъ латинскую цитату и съ легкимъ сердцемъ, не подозрѣвая никакого коварства, взялъ ее въ свою книгу. А между прочимъ тѣ же слова Августина съ правильной цитатой онъ могъ видѣть и въ книгѣ Лебедева на стр. 143. Думаю, что въ ученыхъ сочиненіяхъ подобные случаи своего рода монстры.

Послѣ словъ Августина до средины той же 187 стр. идутъ заимствованія, отчасти буквальныя, изъ книги Лебедева, стр. 344. 343. 344, а отъ средины до низу пересказываются стр. 36, 37, 39 изъ II ч. Христіанскаго Чтенія за 1857 годъ.

На стр. 188—189 длинная, въ цѣлую страницу, выдержка изъ Бернарда Клервосскаго; взята она у Лебедева, стр. 26—28, хотя объ этомъ умолчано. Кромѣ того, искажена цитата: „посл. 164“, а нужно „174“.

Непосредственно за симъ о. Малиновскій (на стр. 189) начинаетъ говорить „о тѣлесномъ вознесеніи Богоматери на небо“ преимущественно словами проф. А. И. Булгакова въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1903 г. окт. стр. 160—164. Въ началѣ 190 стр. ставится цитата, добавляется изъ того же Булгакова даже нѣмецкая цитата, не особенно, впрочемъ, удачно. Бѣда только въ томъ, что цитата поставлена преждевременно, такъ какъ и далѣе цѣлыхъ полстраницы буквально списано съ той же статьи, стр. 164—165, что осталось вовсе не отмѣченнымъ.

Затѣмъ до конца 190 стр. и въ началѣ 191 идутъ оставленныя безъ всякой цитаты выписки изъ книги Лебедева, стр. 300—301, 167, 301.

Итакъ, во всемъ параграфѣ въ 27 страницъ только на одной 179 стр. мнѣ не удалось найти буквальныхъ выписокъ; остальныя же 26 стр. всѣ списаны за самыми ничтожными исключеніями въ нѣсколько строкъ. Старыя статьи и книги, съ которыхъ идетъ списываніе, правда, указаны въ началѣ параграфа (стр. 164 прим. 2), но отсутствіе цитатъ создаетъ впечатлѣніе, будто параграфъ написанъ, а не списанъ о. Малиновскимъ.

§ 85. *Понятіе о тройственномъ служеніи Іисуса Христа* (стр. 192—194).

Въ этомъ маленькомъ параграфѣ замѣчательно то, что почти цѣлая страница (на стр. 193—194) здѣсь списана буквально со статьи архим. Евсевія—О троякомъ служеніи Іисуса Христа, напечатанной 70 лѣтъ назадъ въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. отцевъ за 1844 г. ч. 2 (см. стр. 115—116). Однако никакого упоминанія объ этомъ „источникѣ“ нѣтъ.

Обширный и крайне скучный отдѣлъ догматики о. Малиновскаго, трактующій о „тройственномъ служеніи Іисуса Христа“ (§§86—103; стр. 194—353) я не буду разбирать подробно, параграфъ за параграфомъ, хотя и здѣсь заимствованій не мало. Принципіальное содержаніе этого отдѣла не только скудно, но мѣстами и убого. Я и здѣсь отмѣчу лишь то, что характерно для писательскихъ пріемовъ о. Малиновскаго и чего не хотѣлось бы пропускать

На стр. 218—219 отдѣлъ въ полторы печатныхъ страницы подъ особымъ заглавіемъ — „Пророчества Іисуса Христа“.

Весь этотъ отдѣлъ списанъ безъ всякой оговорки съ упомянутой архаической статьи архим. Евсевія въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. отцевъ за 1844 годъ, ч. 2, стр. 132—134. Мелкія измѣненія во фразѣ есть, но иногда далеко не въ пользу. О. Малиновскій, напр., пишетъ: Христосъ предсказывалъ, „что о добромъ дѣлѣ Маріи сказано будетъ всему міру (Мѳ. 26, 7; Марк. 14, 3; Іоан. 12, 3)“. Но если бы о. протоіерей посмотрѣлъ эти цитаты, то ни въ одной изъ нихъ онъ не нашелъ бы никакого пророчества о Маріи. У Евсевія цитата имѣетъ такую форму—„(Мѳ. 26, 7 слд.; Мрк. 14, 3 слд.; Іоан. 12, 3 слд.)“, т. е. указаны цѣлые отдѣлы объ извѣстномъ евангельскомъ событіи. О. Малиновскій опустилъ трижды—„слд.“ и у него вышла большая неточность. Измѣненіе сдѣлано къ худшему. А вотъ гдѣ нужно измѣнить, тамъ о. Малиновскій воспроизводитъ свой источникъ съ документальной точностью. На той же 219 стр. четырьмя строками ниже говорится, что Церковь до конца міра пребудетъ непобѣжденною отъ враговъ ея. Поставлена цитата: Мѳ. 16, 28. Кто сколько-нибудь знакомъ съ евангеліемъ, тотъ даже безъ справки знаетъ, что изреченіе Господа о вратахъ ада находится не въ 28, а въ 18 ст. 16 гл. Матѳея. У архим. Евсевія (Прибавленія, ч. 2, стр. 133) здѣсь вкралась опечатка, которую о. Малиновскому исправить было бы не трудно, если бы онъ списывалъ не спѣша.—Мелочи это, конечно, но, думается, довольно характерныя.

На стр. 228—229 нѣсколько заимствованій изъ книги А. Д. Бѣляева—Любовь Божественная, изд. 2. Москва 1884, стр. 262. 272—274, но цитаты и вообще какого-нибудь упоминанія этой книги нѣтъ.

На стр. 242 примѣчаніе филологическаго характера о предлогѣ ὑπέρ взято у В. Н. Мышцына — Ученіе Св. Апостола Павла о законѣ дѣлъ и законѣ вѣры. Сергіевъ посадъ 1894, стр. 100 прим. 1, но цитаты опять нѣтъ никакой.

На стр. 245—246 приводится обширная выписка изъ посланія къ Діогнету, но едва-ли это посланіе лежало предъ глазами о. Малиновскаго. Въ рукахъ онъ держалъ раскрытую на 320—321 стр. книгу проф. В. И. Несмѣлова—Наука о человѣкѣ, изд. 2, т. 2, Казань 1907, гдѣ приводится та же выдержка. Замѣчательно, что вводныя слова, пропуски и даже курсивъ у о. Малиновскаго совпадаютъ съ проф. Несмѣло-

вымъ. На той же 245 стр. по Макарію приводятся изреченія мужей апостольскихъ и у Макарія же берутся цитаты въ прим. 2 (См. § 151, т. III, стр. 184—185).

На 247 стр. у автора въ восьми примѣчаніяхъ собрано множество святоотеческихъ цитатъ, но эти цитаты собраны по книгѣ П. Я. Свѣтлова—Значеніе креста въ дѣлѣ Христовомъ, Кіевъ 1893, стр. 153—154. 181. 193. 200. 206. Къ одной или двумъ цитатамъ о. Малиновскій подыскалъ страницу по русскому изданію твореній, но другія, напр. цитаты на блаж. Августина, Льва римскаго, Григорія Великаго, могъ взять лишь въ неприкосновенномъ видѣ.

Примѣчаніе на 258 стр. взято у Мышцына, стр. 102 прим., но цитаты нѣтъ.

На 260 стр. оба примѣчанія взяты у того же Мышцына; первое примѣчаніе снабжено цитатой, а второе — нѣтъ.

§ 95 „О всеобщности искупительной жертвы Сына Божія" на стр. 264 начинается пересказомъ изъ статьи архим. Евсевія во 2 ч. Прибавленій къ твореніямъ свв. отцевъ за 1844 г., стр. 167, а слѣдующая 265 стр. почти вся представляетъ документально точное воспроизведеніе 169 стр. той же статьи; сохранены даже и курсивы, но одна цитата изъ Св. Писанія искажена. Стоитъ (въ срединѣ страницы): Евр. 9, 29; нужно Евр. 9. 28; какъ у Евсевія; тѣмъ болѣе, что въ 9 гл. посл. къ евреямъ всего 28 стиховъ. 266 стр.—свободный пересказъ изъ Евсевія стр. 171—173.

Не особенно симпатичное явленіе можно наблюдать на стр. 274. Здѣсь излагаются воззрѣнія социніанъ. Изложеніе ведется словами свящ. І. Орфанитскаго (Историческое изложеніе догмата объ искупительной жертвѣ Господа нашего Іисуса Христа. Москва 1904, стр. 184). Въ концѣ этого отдѣла приведены въ трехъ строкахъ слова Социна. Эти слова заключены въ кавычки и поставлена цитата на Орфанитскаго, какъ будто у него взяты лишь эти три строчки.

Стр. 282—284 списаны, но здѣсь поставлены цитаты.

На стр. 285 слова св. Льва Великаго и блаж. Августина приводятся по Макарію (§ 125); изъ Макарія же взяты слова и цитаты во 2-мъ примѣч. на этой же страницѣ. Въ 3-мъ прим. слова Августина переведены съ латинскаго текста Макарія,

но цитата искажена, — поставлено: „с. II“, а слѣдуетъ: „сар. 11“.

Въ началѣ стр. 286 и въ срединѣ 287 дѣлаются заимствованія изъ сочиненія Ѳ. А. Голубинскаго — Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка, изд. 3. Москва 1885, стр. 396. 394—395, но книга эта нигдѣ по близости не упомянута.

На стр. 291—292 сдѣлана въ размѣрѣ цѣлой страницы буквальная выписка изъ диссертаціи Орфанитскаго, стр. 184—185, но цитата сочтена излишней. За этой выпиской слѣдуетъ другая, тоже довольно значительная, со стр. 389—390 книги Ѳ. А. Голубинскаго и также безъ всякой цитаты. Изъ этой же книги, и опять безъ цитаты, со стр. 399 — 400 берется выдержка въ концѣ 295 стр. и въ началѣ 296.

Стр. 299—300 въ большей части взяты изъ статьи архим. Алексія—Прибавленія къ твореніямъ свв. отцевъ за 1844 годъ, ч. 2, стр. 183—184. 188—190.

Половина 308 стр. буквально списана съ книги прот. Петропавловскаго—Въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія, ч. I, вып. 2. Москва 1898, стр. 392—393. Цитаты никакой.

На стр. 310—311 не менѣе страницы заимствовано изъ „Курса Богословія“ прот. П. Я. Свѣтлова (Кіевъ 1899, стр. 42—43), глухая же ссылка на этотъ курсъ затерялась между другими указаніями „литературы“ въ примѣчаніи на 312 стр. Изъ того же курса (стр. 45—46) есть безъ всякой цитаты выписка на стр. 316.

Слѣдуетъ немного остановиться на § 100.

Сошествіе Христа во адъ и побѣда надъ адомъ (стр. 316—325).

При написаніи этого параграфа о. Малиновскій свое благосклонное вниманіе сосредоточилъ на статьѣ Н. Орлина—Сошествіе Господа нашего І. Христа во адъ и его проповѣдь мертвымъ,—напечатанной въ апрѣльской книжкѣ Православнаго Обозрѣнія за 1889 годъ (стр. 744—766). Собственно весь параграфъ со всѣми разсужденіями, выдержками и цитатами представляетъ лишь сокращеніе статьи Орлина, при чемъ нашъ авторъ остается вѣренъ себѣ и предпочитаетъ списывать буквально. Срвн.

318 стр. Малиновскаго и 749. 751 Орлина.

319 стр. Малиновскаго и 752—753. 756 Орлина.

320 стр. Малиновскаго и 753. 754. 756. 759. 757-758. 758-9 Орлина.

321 стр. Малиновскаго и 760. 764 Орлина.

322 стр. Малиновскаго и 760—761 Орлина.

323 стр. Малиновскаго и 762 Орлина.

324 стр. Малиновскаго и 766 Орлина.

Лишь однажды сдѣлана ссылка на статью Орлина, въ примѣч. на 320—321 стр., гдѣ рѣчь идетъ о Цвингли и Кальвинѣ (Какъ будто эти только свѣдѣнія почерпнуты изъ этой статьи!) и гдѣ буквальныхъ-то выписокъ нѣтъ. Да и ссылка сдѣлана въ такой формѣ: „См. о семъ въ ст. Орлина".

Къ выпискамъ изъ статьи Орлина немного добавлено изъ догматики митроп. Макарія (§ 159). Цитатъ изъ Епифанія касательно Аполлинарія на стр. 318 въ концѣ (у Макарія т. III, стр. 223), слова св. Иринея и Тертулліана въ концѣ стр. 319 и въ началѣ стр. 320: при томъ зачѣмъ-то понадобилось цитату изъ Тертулліана исказить до абсурда: „О душѣ. VII, 55". Очевидно, авторъ никогда этого трактата Тертулліана не смотрѣлъ: иначе что же означаетъ римская цифра „VII"? А между прочимъ о. Малиновскій здѣсь украшаетъ свой трудъ даже цитатой на Патрологію Migne, взятой у Макарія (т. III, стр. 222 прим. 403). Но вѣдь у Макарія стоитъ просто: De anima c. LV!

У Макарія же списаны съ цитатами слова Златоуста, Григорія Богослова и Евсевія Кесарійскаго въ началѣ стр. 324 (у Макарія, т. III, стр. 224), при томъ слова Григорія списаны съ ошибкой: вм. „душамъ"—„духамъ". Это не одно и то же!

Многочисленныя цитаты въ 1 прим. на 325 стр. тоже взяты у Макарія (т. III, стр. 226).

Въ слѣдующемъ параграфѣ интересное наблюденіе можно сдѣлать на стр. 329—330. Здѣсь въ двухъ строкахъ слова Августина съ цитатой въ примѣчаніи. Указано и то, откуда эта цитата позаимствована: „Сн. *Голубинскаго*, Премудр. и благость Божія. 412 стр.". Очевидно, у Голубинскаго заимствованы лишь слова блаж. Августина. На самомъ дѣлѣ буквальная выписка изъ Голубинскаго обнимаетъ 13 строкъ и сдѣлана не съ одной 412 стр., а и съ 411. Кромѣ того, латинская цитата изъ Августина написана безграмотно: De corupt...

На слѣдующей страницѣ подобное же явленіе. 13 строкъ (конецъ стр. 330 и начало 331) выписаны буквально изъ толкованія еп. Ѳеофана на 1 Коринѳ. Но почему-то лишь семь строкъ поставлены въ кавычкахъ и снабжены цитатой.

Почти всѣ стр. 336—338 наполняютъ выписки изъ Свѣтлова (Воскресеніе Христово. Странникъ, 1899, т. I, стр. 629. 635. 636. 639. 640. 643. 644. 647. Курсъ богословія, стр. 62. 64. 65). Цитаты отсутствуютъ. На стр. 336 въ 1 прим. подставлена неизвѣстно откуда взятая безграмотная цитата изъ Тертулліана: Spest. 30.

Между прочимъ, на 336 стр. читаемъ: „Это объясненіе столь неправдоподобно, что не имѣетъ въ настоящее время защитниковъ". Но если такъ, то почему же объ этомъ слѣдуетъ и говорить? Неужели только потому, что можно списать изъ подвернувшейся подъ руки статейки Свѣтлова.

Глава III. *О Богѣ Освятителѣ.*

§ 105. *Ученіе откровенія о благодати* (стр. 357—369).

357 стр. состоитъ изъ заимствованій у прот. Янышева—Православно-христіанское ученіе о нравственности, стр. 328. и у проф. Лепорскаго—Благодать—въ Православной Богословской Энциклопедіи, т. 2, стлб. 637—638.

Стр. 358 вся списана у Янышева, стр. 330. Большое примѣчаніе, посвященное выясненію термина *χάρις*, тоже списано у Янышева, стр. 228—230. Цѣлая стр. 360 взята у того же Янышева, со стр. 335. Интересно, что здѣсь приводятся почти одни тексты Свящ. Писанія. У Янышева они по русскому тексту, о. Малиновскій почему-то замѣняетъ ихъ славянскимъ текстомъ, хотя Рим. 11, 6 (на стр. 361) здѣсь же въ согласіи съ Янышевымъ приведено по русски. Примѣчаніе на 360 стр. тоже взято съ 334 стр. Янышева. Цитатъ никакихъ нѣтъ.

На стр. 362 есть выписка съ 155 стр. диссертаціи В. Н. Мышцына. Примѣчаніе на этой страницѣ тоже взято у Мышцына, стр. 155—156, но лишь относительно нѣсколькихъ строкъ отмѣчено цитатой заимствованіе.

Половина 363 стр. списана съ 156 стр. книги Мышцына, хотя это не показано. Въ 1 прим. въ двухъ столбцахъ приводятся тексты изъ ап. Павла параллельные. У Мышцына эти же тексты и тоже въ двухъ столбцахъ приведены на стр. 157 по гречески; о. Малиновскій замѣнилъ греческій текстъ русскимъ и въ одномъ случаѣ несомнѣнно прогадалъ. Онъ

приводитъ Евр. 12, 28: будемъ хранить благодать—и Рим. 8 23: имѣя начатокъ Духа. Въ греческомъ текстѣ совпаденіе ближе, чѣмъ въ русскомъ переводѣ, который въ Евр. 12, 28 не совсѣмъ точенъ: греч.: *ἔχωμεν*, слав. точно: да имамы, а не: будемъ хранить, какъ русскій.

Значительная часть стр. 364 выписана безъ цитаты изъ статьи проф. Лепорскаго—Благодать. Энциклопедія, т. 2, стлб. 646—647.

То же самое имѣемъ на стр. 366, въ концѣ стр. 367 (т. 2, стлб. 643) и въ началѣ стр. 368 (II, стлб. 644).

Заканчивается отдѣлъ особымъ примѣчаніемъ, почти въ страницу размѣромъ. Это примѣчаніе цѣликомъ, съ документальной точностью, хотя и безъ всякой цитаты, списано изъ той же статьи проф. Лепорскаго. См. Энциклопедія, т. 2, стлб. 650—651.

§ 106. *Дѣйствія благодати предваряющей* (стр. 369—376).

Въ этомъ параграфѣ большое, почти въ цѣлую страницу, примѣчаніе на стр. 373 списано у Янышева, стр. 399—400. 406. Цитата есть, но не обозначаетъ въ точности характера заимствованія: „См. у Янышева". Отъ себя въ этомъ примѣчаніи о. Малиновскій дѣлаетъ къ греческимъ словамъ изъ Евр. 11, 1: *ἐλπιζομένων ὑπόστασις*—не только не глубокомысленное, но даже и не совсѣмъ вѣрное поясненіе: „т. е. вѣра даетъ утвержденіе въ надеждѣ". Кромѣ того, искажается текстъ Дѣян. 15, 11: „спасаемся"; нужно — „спасемся", по греч. *σωθῆναι*. У Янышева вѣрно.

На стр. 374—375 замѣтно вліяніе § 187 догматики Макарія, изъ которой есть здѣсь выписки и буквальныя (См. т. IV, стр. 28—30).

(Срвн. еще въ § 108 стр. 383—384 съ Макаріемъ. т. IV, стр. 38—39, 43—44).

§ 109. *Отношеніе благодати къ свободѣ* (стр. 384—392).

Когда о. Малиновскій писалъ этотъ параграфъ, предъ нимъ лежала книга проф. А. Л. Катанскаго—Ученіе о благодати Божіей въ твореніяхъ древнихъ св. отцевъ и учителей Церкви до блаж. Августина. СПБ. 1902.

Параграфъ начинается обширной, болѣе 1/2 стр., выпиской со стр. 13 этой книги. Цитатъ есть, но начальныя кавычки стоять почему-то лишь на восьмой строчкѣ и потому вводятъ читателя въ нѣкоторое заблужденіе.

Стр. 386 — 388 заняты текстами Свящ. Писанія, а съ 389 начинаются свидѣтельства святоотеческія. Общее замѣчаніе о древнихъ отцахъ и учителяхъ вселенской Церкви выписано у Катанскаго, но цитатъ имѣется. Дальше о. Малиновскій пишетъ: „Въ подтвержденіе приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ изъ святоотеческихъ твореній“. Точнѣе было бы сказать: проф. А. Л. Катанскій приводитъ... Въ самомъ дѣлѣ, обѣ выдержки изъ Григорія Богослова съ документальною точностью взяты у Катанскаго, стр. 178. 183—184. Особенно выдаетъ отмѣченное многоточіемъ сокращеніе, совпадающее съ Катанскимъ, конечно, не случайно.

Изъ Василія Великаго (на стр. 390) выдержка та же, что и у Катанскаго (на стр. 169), только просмотрѣнная по твореніямъ св. отца.

Изъ Іоанна Златоуста выписана та же страница, что и у Катанскаго (на стр. 261), хотя и найденная въ твореніяхъ. Только совершенно напрасно въ четвертой строкѣ снизу на стр. 390 о. Малиновскій вставилъ отрицаніе „не“, котораго нѣтъ ни у Катанскаго, ни въ твореніяхъ Іоанна Златоуста (См. Творенія, изд. СПБ. Дух. Акад. т. 5, стр. 346). Вѣдь смыслъ фразы отъ этого получился обратный истинному.

Послѣднія 1½ страницы параграфа заняты сплошной выпиской изъ писемъ еп. Ѳеофана - Затворника. Только напрасно мы стали-бы думать, что о. Малиновскій самъ вычиталъ въ этихъ письмахъ то, что изъ нихъ выписалъ. Эти именно выписки нашелъ онъ все у того же Катанскаго и воспроизводитъ текстъ именно его, даже со всѣми курсивами (См. у Катанскаго стр. 324—325). Цитата же, конечно, указываетъ одного Ѳеофана.

§ 110. *Значеніе вѣры и добрыхъ дѣлъ въ содѣваніи человѣкомъ спасенія* (стр. 392—399).

Начиная съ этого параграфа, нашъ авторъ берется,—чтобы долго не выпускать изъ рукъ,—за книгу архіеп. Сергія— Православное ученіе о спасеніи. (Эта книга у меня въ 4 изд. СПБ. 1910; у о. Малиновскаго раннѣйшее изданіе).

Стр. 393 — 395 почти всѣ написаны по Сергію (стр. 209 — 210). Приводятся тѣ же тексты Свящ. Писанія, но русскіе тексты архіеп. Сергія замѣняются славянскими. Почему? За-

чѣмъ? Догадываться, пожалуй, можно, но понять это обстоятельство затруднительно.

Половина 396 стр., вмѣстѣ съ цитатой на Іоанна Златоуста, взята съ 227 стр. Сергія, но заключительныя кавычки къ словамъ Златоуста и цитата почему то поставлены двумя строками ниже, чѣмъ слѣдовало, почему слова архіеп. Финляндскаго въ этихъ двухъ строкахъ выданы за слова архіеп. Константинопольскаго.

На 397 стр. въ 1 прим. приведены слова св. Тихона Задонскаго, взятыя съ 229 стр. той же книги Сергія. То же случилось со словами св. Тихона, приводимыми на слѣдующей 398 стр.

Стр. 399 вся буквально списана у архіеп. Сергія со стр. 236—238. Въ 1 примѣчаніи слова еп. Ѳеофана и цитата на его „Письма къ одному лицу"; то и другое перенесено въ неприкосновенности съ 236 стр. книги Высокопреосвященнаго Сергія.

Замѣтимъ, между прочимъ, что имя архіеп. Сергія намъ на протяженіи всего этого параграфа не встрѣтилось ни разу.

§ 111. *Римско-католическое ученіе объ оправданіи и спасеніи человѣка* (стр. 399—420).

При первомъ взглядѣ на это заглавіе невольно рождается вопросъ: не забылъ ли о. Малиновскій заглавіе своего собственнаго труда: Православное Догматическое Богословіе? Но несравненно интереснѣе заглавія самый этотъ обширный параграфъ въ 21 страницу. Въ прим. на стр. 400 указана „литература"; кромѣ книги архіеп. Сергія, названы еще статья М. С. Григоревскаго — Значеніе благодати Божіей вѣры и добрыхъ дѣлъ человѣка для оправданія его Богомъ по римско-католическому ученію, Христіанское Чтеніе, 1906, авг.—окт. и книга Н. И. Теодоровича—Ученіе тридентскаго собора о первородномъ грѣхѣ и оправданіи, Почаевъ 1886. Эта книга первоначально въ видѣ отдѣльныхъ статей была напечатана въ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1886 г. У меня подъ руками отдѣльнаго изданія нѣтъ. Указаны и еще нѣкоторыя пособія. Оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, что весь параграфъ не составленъ по пособіямъ, а списанъ съ нихъ почти весь буквально, но цитируются на протяженіи всего параграфа одни только источники, символическія книги католиковъ и святоотеческія тво-

ренія; на пособія же мы насчитали всего пять—и то довольно глухихъ—ссылокъ.

Свои наблюденія въ этомъ параграфѣ мы начнемъ съ примѣчанія на 401 стр. Здѣсь приведены слова Тридентскаго собора и въ концѣ авторъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Цитаты приводятся по изданію: Libri symbolici ecclesiae catholicae,—Gr. Gull. (?? Guil., конечно!), Streitwolf'a и Rud. Ern. Klener'a. Fottingae 1846". Думается, было бы несравненно точнѣе выразиться такъ: „цитаты приводятся по изданію „Волынскія Епархіальныя Вѣдомости". Почаевъ 1886. Вѣдь уже на слѣдующей стр. въ прим. 2 „Римскій Катихизисъ" цитируется по Теодоровичу: Въ настоящемъ же примѣчаніи слова Тридентскаго собора несомнѣнно взяты у Теодоровича. ВЕВ, № 13, стр. 398. Иначе трудно объяснить, почему переводъ латинскаго текста и нѣкоторыя удержанныя латинскія слова совпадаютъ именно со статьей г. Теодоровича.

Стр. 402—403 буквально списаны у Теодоровича. См. ВЕВ. № 13, стр. 400—401. № 14. стр. 414. 416. Въ 1 прим. искажена цитата: Sess. VI, 9. Нужно VI, c. 6. 2-ое примѣчаніе списано съ 4-го прим. на стр. 415 статьи Теодоровича (ВЕВ. № 14). 4-ое большое примѣчаніе составляютъ выписки со стр. 401. 413. 414—415 той же статьи, при чемъ нѣмецкая цитата на Hase у о. Малиновскаго получила видъ безграмотный. Въ 1 прим. на 403 стр. есть двѣ выписки изъ книги архіеп. Сергія со стр. 40 и 42—43 прим. Вторая выписка снабжена цитатой. Здѣсь уже по Сергію приводятся слова Тридентскаго собора.

Стр. 404 вся списана съ 43 стр. книги архіеп. Сергія, откуда взята во 2 прим. и цитата Perrone.

Съ той же книги (со стр. 44) почти до низу списана и 405 стр. 1-ое прим. на этой стр. начинается латинскими словами Петра Ломбарда, заимствованными у Сергія, что и отмѣчено цитатой, не совсѣмъ только точной. Но дальше въ этомъ же примѣчаніи и въ слѣдующемъ находятся выписки изъ постановленій Тридентскаго собора. Эти выписки со вставными латинскими словами взяты съ той же самой страницы книги Сергія и даже изъ того же отчасти примѣчанія (стр. 44 прим. 1—2), откуда взяты слова Петра Ломбарда. Отмѣтивъ цитатой на Сергія двѣ съ половиной строки изъ Петра Ломбарда, о. Малиновскій безъ всякаго обозначенія

оставляетъ заимствованіе въ 13 строкъ словъ Тридентскаго собора.

Конецъ стр. 405 и вся стр. 406 составляютъ буквальную выписку изъ статьи Григоревскаго (Срвн. Христіанское Чтеніе, 1906, октябрь, стр. 558—559. 563). Въ срединѣ 406 стр. есть одна сноска на эту статью, но она сдѣлана такъ, какъ будто изъ этой статьи взята лишь цитата на Беллярмина; при томъ цитата на Беллярмина имѣетъ такой видъ: „De justitia, lib. V, c. 16—17". Нужно, конечно, De justificatione. У Григоревскаго здѣсь опечатка, бережно сохраненная о. Малиновскимъ. Въ срединѣ этой же 406 стр. вставленъ маленькій абзацъ, всего въ 4 строки, но и этотъ абзацъ состоитъ изъ двухъ выписокъ, источникъ которыхъ умолчанъ: первыя двѣ строки взяты у Теодоровича (Вол. ЕВ. № 14, стр. 417), а послѣднія у Сергія (стр. 45). Къ этому отдѣльчику пристегнуто 2-ое примѣчаніе, куда слова собора Тридентскаго выписаны изъ Сергія (стр. 44 прим. 3), а цитата на Беллярмина подбавлена изъ Теодоровича (ВЕВ. № 14, стр. 417 прим. 5).

Стр. 407 за исключеніемъ самаго верха списана у Теодоровича (ВЕВ. № 14, стр. 418 — 419), откуда взято и все почти первое примѣчаніе; при томъ въ цитату на Беллярмина не кстати попала точка съ запятой и изъ одной цитаты поэтому получилось двѣ разныхъ.

2-ое прим., начинающееся на 407 стр. и оканчивающееся на 408, взято изъ книги проф. Н. Я. Бѣляева, „Римско-католическое ученіе объ удовлетвореніи Богу со стороны человѣка. Казань 1876. стр. 201 — 203. Слова Бѣляева приводятся съ пропусками. Цитата есть, но не обозначаетъ характера заимствованія: „Сн. Бѣляева и т. д.".

На стр. 409 въ текстѣ одна фраза взята у Григоревскаго (Христіанское Чтеніе 1906. сент., стр. 423); выписками же изъ Григоревскаго наполнено первое примѣчаніе, гдѣ кое-что перепутано и не понято. Первая строчка словъ Беллярмина взята съ 417 стр. статьи Григоревскаго, а вторая съ 419-й. Цитата общая: De justif. lib. I, c. 4". Но эта цитата можетъ относиться лишь къ первой строчкѣ, а ко второй должна быть цитата другая: „De justific. lib. I, 15. (См. Христіанское Чтеніе 1906, сент., стр. 419 прим. 4). Ученіе Тридентскаго собора въ этомъ примѣчаніи взято у Григоревскаго

на стр. 421. Григоревскій въ этомъ случаѣ приводитъ латинскій текстъ, который о. Малиновскій переводитъ на русскій языкъ, но вмѣсто „sit“ пишетъ „fit“.

Верхъ 410 стр. взятъ у Григоревскаго (Христ. Чт., 1906, сент., стр. 422), а въ примѣчаніи слова А. С. Хомякова, собранныя все у того же Григоревскаго на стр. 419. 421—422: тотъ же объемъ выдержекъ, тѣ же пропуски; цитата же, скомбинированная изъ двухъ (стр. 419 прим. 3+422 прим. 1), приводится какъ бы отъ себя. Вторая большая часть стр. 410 со словами блаж. Августина и Григорія Нисскаго взята изъ книги архіеп. Сергія (стр. 63. 64), хотя святоотеческія цитаты просмотрѣны уже послѣ того, какъ были списаны.

Начало стр. 411 буквально взято изъ статьи еп. Сильвестра—Отвѣтъ православнаго на схему старо-католиковъ о добрыхъ дѣлахъ, Труды Кіевской Духовной Академіи. 1875. т. 1., стр. 10, хотя цитата почтена излишней роскошью. Слова преп. Макарія Египетскаго внизу этой же стр. заимствованы съ 65 стр. книги архіеп. Сергія.

Всѣ святоотеческія слова, заполняющія цѣлую 412 стр., взяты у Сергія (стр. 65—66), только выдержка изъ св. Григорія Богослова нѣсколько удлинена по справкѣ съ твореніями.

Далѣе цѣлыхъ шесть страницъ (413—418) со всѣми разсужденіями, святоотеческими изреченіями и цитатами, за исключеніемъ всего какой-нибудь полстраницы, списано у Сергія буквально и безъ обозначенія. Срвн.

413 стр.	Малиновскаго	и	68. 67 Сергія.
414 „	„	„	67. 58—59 стр. Сергія.
415 „	„	„	59. 73. 74. 73. 74 стр. Сергія.
416 „	„	„	74. 83. 84 стр. Сергія.
417 „	„	„	84. 86—87. 79—80 стр. Сергія.
418 „	„	„	80—81 стр. Сергія.

Замѣчаніе о св. Тихонѣ Задонскомъ въ прим. на 418 стр. тоже взято у Сергія (стр. 82—83).

На всѣхъ этихъ стр. 413—418 о. Малиновскій отъ себя добавляетъ лишь на стр. 416 опечатку, превращая Исаію въ Псаломъ, а въ послѣдней строчкѣ этой же страницы совсѣмъ не къ дѣлу вставляетъ: „да ямы и піемы“.

На стр. 419—420 о. Малиновскій кратко разсуждаетъ о сверхдолжныхъ дѣлахъ, о заповѣдяхъ и совѣтахъ. Буквальныхъ заимствованій здѣсь, кажется, нѣтъ, но совсѣмъ непо-

нятно, зачѣмъ автору понадобилось обо всемъ этомъ говорить. Вѣдь о томъ же самомъ онъ говорилъ въ срединѣ этого же параграфа, на стр. 406—407, говорилъ словами Григоревскаго и Теодоровича. Получается впечатлѣніе, будто о. Малиновскій, скомпилировавъ § 111 своей догматики, не потрудился даже его сколько нибудь внимательно перечитать, почему у него въ серединѣ и въ концѣ одного и того же параграфа говорится объ одномъ и томъ же, при томъ въ концѣ пишется съ такимъ тономъ, будто объ этомъ рѣчь заходитъ впервые,—никакой ссылки на ранѣе написанное нѣтъ.

Изъ представленнаго обзора § 111 видно, что изъ 21 стр. въ немъ буквально списано болѣе 15 стр. Отсутствіе общепринятыхъ знаковъ заимствованій, напр., цитатъ и кавычекъ, создаетъ впечатлѣніе, не соотвѣтствующее дѣйствительному положенію дѣла: множество цитатъ изъ католическихъ книгъ и изъ святоотеческихъ твореній оказывается все списаннымъ, на долю же автора остаются немногія, при томъ самыя неинтересныя и невидныя, страницы.

§ 112. *Лютеранское ученіе объ оправданіи человѣка и его условіяхъ* (стр. 421—446).

Опять цѣлыхъ 26 стр. въ „Православномъ Богословіи" о лютеранскомъ ученіи!

Этотъ параграфъ составленъ не менѣе интересно, нежели предыдущій.

Въ 1 прим. на 422 стр. читаемъ замѣчаніе: „Ссылки на символическія книги лютеранъ дѣлаются по изданію: Die Symbolischen (зачѣмъ это слово съ большой буквы?!) Bücher der evangelisch—lutherischen Kirche. Besorgt von I. Müller. Gütersloh. 1907." Встрѣчая подобное заявленіе въ началѣ параграфа, читатель приглашается смотрѣть на дальнѣйшія страницы какъ на самостоятельную работу о. Малиновскаго по первоисточникамъ. Но не повѣривъ, а провѣривъ, можно воочію убѣдиться, что весь этотъ параграфъ съ многочисленными ссылками на символическія книги лютеранъ списанъ съ русскихъ богословскихъ сочиненій, появившихся несравненно раньше съ такимъ апломбомъ указаннаго изданія Мюллера. Списываніе начинается со стр. 424.

Стр. 424 до средины представляетъ выписку и пересказъ

стр. 46—47 изъ книги Ѳ. Стукова—Лютеранскій догматъ объ оправданіи вѣрою. Казань 1891. Отсюда же выписано и второе примѣчаніе. Конецъ этой стр. и начало слѣдующей—выписка изъ диссертаціи Свѣтлова—Значеніе креста въ дѣлѣ Христовомъ, стр. 79—80.

Послѣ словъ прот. Свѣтлова на стр. 425 слѣдуютъ слова архіеп. Сергія (стр. 28 и прим.). 1-ое прим. переведено съ латинскаго текста, помѣщеннаго въ третьемъ примѣчаніи на стр. 80 книги Свѣтлова. 2-ое прим. начинается латинской выдержкой изъ „Апологіи“; выдержка взята изъ 1 прим. на 28 стр. у Сергія. Затѣмъ слѣдуетъ обширная выписка оттуда-же, съ цитатой впрочемъ; только въ заглавіи нѣмецкой книги Scheele сдѣлано двѣ ошибки. Прим. 3-ье=1-му прим. на 27 стр. книги Сергія, а прим. 4-ое=2-му примѣч. все тамъ же. 5-ое прим. составлено изъ 2 и 3 прим. на 28 стр. книги архіеп. Сергія.

На 426 стр. есть двѣ фразы, взятыя у Сергія (стр. 27. 29), и есть пересказъ изъ диссертаціи Свѣтлова (стр. 81). 1-ое прим.=3-ьему прим. на 27 стр. книги архіеп. Сергія. Во 2-мъ примѣч. выписки изъ „Formula concordiae“ и „Conf. Belg.“ взяты изъ 1-го прим. на 32 стр. Сергія; выписка изъ „Apologia Confessionis“ у Сергія въ текстѣ на стр. 30; цитаты изъ Шмалькальденскихъ членовъ у Сергія въ 3-ьемъ прим. на стр. 30. Двѣ выписки изъ Апологіи у Сергія въ текстѣ на стр. 31. Между этими выписками вставлена цитата изъ „Conf. Helv.“, взятая у Сергія въ 1-мъ прим. на стр. 31. Такимъ образомъ, въ этомъ примѣч. все цитируются какъ разъ символическія книги лютеранъ, но выписки дѣлаются изъ книги архіеп. Сергія, а вовсе не изъ новѣйшаго изданія Müller'a. Особенно характерна выписка изъ „Apologia Confessionis“. Въ этой выпискѣ у Сергія опущенъ стихъ псалма 31-го, вмѣсто котораго многоточіе. То же самое и у о. Малиновскаго. Если-бы авторъ видѣлъ 100-ую стр. изданія Müller'a, онъ м. б. нѣсколько иначе-бы перевелъ, напр., слова effici seu regenarari (у Сергія „дѣлать или возрождать“), не поставилъ бы вслѣдъ за Сергіемъ кавычекъ, которыхъ нѣтъ у Мюллера. Вовсе не изданіе Мюллера лежало въ данномъ случаѣ на столѣ о. прот. Малиновскаго, а книга архіеп. Сергія, но Сергій замолчанъ, а Мюллеръ торжественно возвѣщенъ въ качествѣ источника.

Стр. 427 начинается пересказомъ изъ книги прот. Свѣтлова, стр. 82—83; вставляется фраза изъ Сергія (стр. 31—32) и тотчасъ начинается буквальная выписка опять изъ Свѣтлова (стр. 83—84). Слова Wangemann'а въ этой выпискѣ заключены въ кавычки и только къ нимъ подставлена цитата. Затѣмъ опять непосредственно слѣдуетъ фраза, взятая въ 1-мъ прим. на 30 стр. книги архіеп. Сергія, и кончается страница двумя латинскими строками, позаимствованными у Свѣтлова на стр. 84. Въ томъ, что 1-ое прим. списано у Сергія, авторъ сознается посредствомъ цитаты, а что у Сергія же взято (съ добавленіемъ ошибки въ латинскомъ словѣ) и 3-ье прим.,—это скрыто (см. Сергія, стр. 30 прим. 2).

Около половины стр. 428 (въ срединѣ) списано съ 49 стр. вышеупомянутаго сочиненія г. Стукова и съ 24 стр. архіеп. Сергія.

На стр. 429 сначала идетъ выписка изъ Сергія (стр. 24—25), а потомъ изъ Стукова, стр. 50.

Примѣчаніе на этой стр. (начатое на предыдущей) переписано изъ 1-го прим. на 24 стр. книги архіеп. Сергія. Въ 1-мъ же примѣчаніи, имѣющемъ нѣсколько цитатъ и латинскихъ фразъ, соединены 2-ое и 3-ье примѣчанія съ 25 стр. книги Сергія.

На 430 есть сноска на книгу прот. Свѣтлова—Значеніе креста въ дѣлѣ Христовомъ, но сноска сдѣлана такъ, что едва-ли кто догадается, сколько списано со Свѣтлова, а списано полстраницы.

Сверху на 431 стр. помѣщается извлеченіе изъ диссертаціи В. Н. Мышцына—Ученіе св. ап. Павла о законѣ дѣлъ и законѣ вѣры, стр. 245. Чрезъ нѣсколько строкъ маленькая выдержка изъ Стукова (стр. 53), содержащая чужія слова. Эти слова и о. Малиновскій отмѣчаетъ кавычками, но никакой цитаты не ставитъ, конечно, только потому, что цитата пропущена и у Стукова. Послѣ до конца страницы буквальныя выписки и отчасти пересказъ изъ Мышцына, стр. 245. 246. Вторая половина 2-го примѣчанія взята съ 53 стр. книги Стукова.

На 432 стр. сверху опять заимствованіе изъ Мышцына, со стр. 247 и 249, а пониже—съ 57 стр. книги Стукова.

453 стр. сначала выписка и пересказъ изъ Стукова, стр. 64. 67—68, а потомъ пересказъ изъ Сергія, стр. 33. Большое 1-ое примѣчаніе переписано изъ прим. 1—2 на 64—65 стр. книги Сту-

кова. Глухая цитата стоитъ уже въ другомъ отдѣлѣ примѣчанія, гдѣ рѣчь идетъ не о Лютерѣ, а о Кальвинѣ. 2-ое прим. на этой стр., занимающее половину и слѣдующей страницы, начинается значительными выписками изъ символической лютеранской „Апологіи". Но выписки опять взяты не изъ изданія Мюллера, а изъ той же книги Сергія, со стр. 32. Русскій текстъ совершенно совпадаетъ съ переводомъ Сергія; сдѣланы тѣ же два сокращенія, что и у Сергія. Изданіе Мюллера о. Малиновскій видѣлъ, но взялъ изъ него наскоро лишь общее заглавіе III гл. „Апологіи", причемъ сдѣлалъ ошибку по части латинскаго правописанія, поставивъ: delect. А если бы о. Малиновскій внимательно прочиталъ латинскій текстъ изданія Мюллера, онъ, вѣроятно,—слова: „haec enim tantum fide consequimur" (S. 120)—не перевелъ бы вмѣстѣ съ архіеп. Сергіемъ „этого достигаемъ вѣрою", но сдѣлалъ бы болѣе точный переводъ: „ибо этого *только* вѣрою достигаемъ".—Вторая половина того же примѣчанія представляетъ буквальную выписку изъ книги Стукова, стр. 80—81, что сопровождается лишь не совсѣмъ ясной и откровенной цитатой.

Почти вся 434 и половина 435 страницы выписаны изъ книги Стукова, стр. 90—92, причемъ въ 7 сверху строчкѣ 435 стр. о. Малиновскій вздумалъ скобку перенести на одно слово налѣво, отъ чего получилась, конечно, безсмыслица. Подъ строкой къ выпискамъ изъ Стукова подбавлены два примѣчанія, взятыя у архіеп. Сергія (См. стр. 34 прим. 1., стр. 34 прим. 3, стр. 35 прим.).

Разсужденія, наполняющія первую половину 436 стр., буквально безъ всякой цитаты списаны у архіеп. Сергія со стр. 35. Чрезъ три строки слѣдуетъ сравнительно небольшая выписка изъ книги Стукова, стр. 1. 1-ое прим. со всѣми цитатами списано у Сергія (со стр. 35 прим. 3), а 2-ое у Стукова (стр. 1 прим. 1).

Около половины 437 стр. занято пересказомъ и заимствованіемъ изъ диссертаціи Мышцына со стр. 111. 113. 112. Примѣчаніе тоже взято, впрочемъ съ цитатой, у Мышцына. Интересно здѣсь процитованъ извѣстный библейско-богословскій словарь Кремера: изъ „Cremer. bibl.-theol. Wörterbuch"— Мышцына у о. Малиновскаго получилось: „C. Kremer. Bibli-theol. Worterb".

Вся 438 стр. буквально списана у Мышцына, стр. 113—115. 439 стр. тоже дословно списана у него же, стр. 116—118. Списавъ у Мышцына болѣе двухъ страницъ, о. Малиновскій въ 1 прим. на 440 стр. ставитъ цитату: „Мышцына. Уч. ап. Павла о законѣ дѣлъ 111 стр. и слѣд. См. также у проф. Глубоковскаго. Н. Н. Благовѣстіе ап. Павла I т. 432—433 стр.“ Дастъ ли эта цитата достаточно ясное указаніе, что, какъ и сколько списано у Мышцына? Но и послѣ этой цитаты выписки изъ Мышцына не прекращаются: ими заполняется не менѣе половины стр. 440 и первый отдѣлъ на стр. 441 (Срвн. стр. 119. 120. 122 Мышцына), а во 2-мъ прим. на 440—441 стр. какъ бы дается понять, что изъ Мышцына только лишь это примѣчаніе размѣромъ въ четыре строчки.

Въ концѣ 443 стр. взято двѣ фразы со стр. 34 и 32 книги архіеп. Сергія.

На стр. 444 есть заимствованія у Мышцына, со стр. 210 и 215, а также у Стукова, стр. 144, у котораго взяты съ 75 стр. свѣдѣнія и для перваго примѣчанія.

Стр. 445—446 за небольшими исключеніями представляютъ буквальныя выписки изъ книги Мышцына, стр. 215—219. Отступленія попадаются, напр., такого рода: 1) Мышцынъ (стр. 215—216) приводитъ длинный рядъ цитатъ Свящ. Писанія, гдѣ встрѣчается—*τὰ ἀγαθὰ ἔργα*,—о. Малиновскому (стр. 445) скоро надоѣдаетъ списывать цифры; онъ бросаетъ, ставя: „и др.“ 2) У Мышцына: „совершая дѣла, человѣкъ лишь реализуетъ свою вѣру“ (стр. 219),—о. Малиновскій „поправляетъ“ стиль: „совершая дѣла, человѣкъ лишь обнаруживаетъ свою вѣру“ (стр. 446); съ этой поправкой, кажется, нѣсколько „поправляется“ и мысль, при томъ едва-ли къ лучшему.

За исключеніемъ всего списаннаго въ этомъ параграфѣ сколько же изъ 26 стр. остается на долю о. Малиновскаго? Если даже предположить, что мною ничего не пропущено,—остается не болѣе 5—6 стр., при томъ страницъ наименѣе содержательныхъ. Результатъ малоутѣшительный!

§ 113. *Крайности реформатства въ ученіи объ оправданіи и спасеніи* (стр. 446—466).

Теперь реформатамъ и англиканамъ удѣляется 20 стр.

въ „Православномъ Догматическомъ Богословіи“! Но будемъ продолжать свои печальныя наблюденія.

Понемногу на 446 и 447 стр. взято изъ знакомой намъ по предыдущему параграфу книги Стукова, стр. 85 и 88. Примѣчаніе на стр. 446 списано со Стукова (стр. 86) безъ цитаты, а прим. на 447 стр. списано оттуда же (стр. 89), но съ цитатой: „См. у Стукова и т. д.“

Приступивъ же къ написанію 448 стр. своего труда, о. Малиновскій взялъ 4-й томъ Христіанскаго Чтенія за 1845 годъ и, пыль 70-ти годовъ отъ хартій отряхнувъ, началъ списывать изъ статьи: „Объясненіе третьяго члена посланія патріарховъ восточно-каѳолическія церкви о православной вѣрѣ“. Въ текстъ отсюда о. Малиновскій, не показавъ источника, взялъ (на стр. 448—449) очень обширное опредѣленіе Дордрехтскаго собора (со стр. 306—307); свѣдѣнія же о поводахъ для собранія этого собора, взявъ буквально со стр. 305—306, помѣстилъ во 2-ое дов. обширное примѣчаніе на 448 стр., передѣлавъ, впрочемъ, инфраляпсистовъ и инфраляпсистовъ.

Взявъ еще на 449 стр. одну фразу съ 309 стр., о. Малиновскій изъ точныхъ словъ той же статьи составляетъ цѣлыхъ двѣ стр. 450 и 451. Срвн. стр. 450 съ стр. 309. 315. 313. 310 Христ. Чтенія 1845 г. Прим. на стр. 450 взято со стр. 316—317.

451 стр. срвн. съ 321—325 стр. Христ. Чтенія.

Небольшой отдѣлъ изъ той же статьи (стр. 325—326) перепечатанъ въ срединѣ 453 стр. труда о. Малиновскаго.

Слѣдующая 454 стр. взята буквально вся, за исключеніемъ лишь 3—4 строкъ, со страницы 329—330.

Изъ той же статьи списана половина 457 стр. (См. Хр. Чтеніе, 1845, IV, стр. 358).

Стр. 458—460 представляютъ на три четверти мозаическій наборъ фразъ изъ той же статьи.

Стр. 458 срвн. съ стр. 334. 335. 334. 335.

Стр. 459 срвн. съ стр. 336. 337. 336. 337. 338. 339.

Стр. 460 срвн. съ стр. 339. 340. 345.

Можно ли догадаться сразу, что въ этомъ параграфѣ такъ много списано со статьи Христіанскаго Чтенія за 1845 годъ? Нѣтъ, нельзя. Статья эта упомянута въ началѣ параграфа при слѣдующихъ обстоятельствахъ. На стр. 449 о. Малинов-

скій сказалъ, что на іерусалимскомъ соборѣ 1672 года православная восточная церковь противопоставила заблужденіямъ реформатства свое исповѣданіе вѣры. „Изложено оно, читаемъ въ примѣчаніи второмъ, въ „Посл. вост. патр.“ III чл. „Объясненіе“ этого члена и вмѣстѣ разборъ реформатскаго лжеученія см. въ Хр. Чт. 1845 г. IV т. 301—359 стр.“ Это единственное упоминаніе статьи, награжденной, не смотря на ея древность, благосклоннымъ вниманіемъ о. прот. Малиновскаго. Мало того. На стр. 458 о. Малиновскій, сказавъ, что реформаты думаютъ, будто столь мрачное и безотрадное ученіе о предопредѣленіи есть ученіе откровенія, особенно ап. Павла, дѣлаетъ примѣчаніе: „Разъясненіе ученія ап. Павла объ этомъ предметѣ см. у проф. Глубоковскаго Н. Н. Хр. Чт. 1904 г.“ Но напрасно мы, на основаніи этого примѣчанія, подумали-бы, что дальнѣйшія страницы у о. Малиновскаго написаны подъ вліяніемъ проф. Глубоковскаго. Какъ разъ послѣ этого примѣчанія начинаются многочисленныя выписки изъ Христіанскаго Чтенія не 1904 года, а 1845-го (на стр. 458—460). Чего же ради стоитъ ссылка на проф. Н. Н. Глубоковскаго?

На стр. 462—463 есть довольно обширныя буквальныя выписки, а кое-что пересказывается изъ книги Ѳ. А. Голубинскаго—Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка (см. стр. 402—403. 406. 404—405), книги, въ разбираемомъ параграфѣ, да и вообще нигдѣ по близости не упоминаемой.

Стр. 463—466 посвящены „ученію англиканской церкви объ оправданіи и его условіяхъ, и о предопредѣленіи“. Здѣсь о. Малиновскій пользуется книгой А. Рождественскаго—Символическія и богослужебныя книги англиканской церкви, какъ выраженіе ея вѣросознанія, Кіевъ 1908, и статьей проф. П. И. Лепорскаго—Тридцать девять членовъ англиканской церкви (неточно у о. Малиновскаго; нужно: Церкви Англійской), Христіанское Чтеніе, 1904 г., ч. 2 (а не 1, какъ у о. Малиновскаго—стр. 466 прим. 1; вѣдь въ октябрьской книжкѣ!) Своей полной зависимости о. Малиновскій, можно пожалуй сказать, и не скрываетъ. Но на бѣду нашего автора и А. Рождественскій, и проф. П. И. Лепорскій много нужныхъ ему фразъ пишутъ по латыни и оставляютъ безъ перевода. Нельзя сказать, чтобы переводы самого о. Мали-

новскаго отличались желательною точностью. Зачѣмъ, напр., justificatos sequuntur переводить: (добрыя дѣла) слѣдуютъ за оправданіемъ (стр. 465)? Или: minime Deo grata sunt—почему слѣдуетъ перевести на разсказъ: не дѣлаютъ человѣка способнымъ получить благодать (стр. 465)? Dei propositum равнозначно—„изволенію Божію“? Въ переводѣ XVII члена (стр. 465) опущены латинскія слова: „nobis quidam occulto“ (sc. consilio), „per Christum adducere“ переводится—„привести *во* Христѣ“, „secundum propositum ejus“—„по назначенію Божію“.

Кромѣ того, можно привести маленькую параллель.

„артикль XVII, выражая истину о Божественномъ предопредѣленіи, не уравновѣшиваетъ выраженія этой истины указаніемъ на... истину о свободѣ воли (не со всею рѣшительностью засвидѣтельствованную и въ другихъ членахъ), и чрезъ то оставляетъ открытымъ поле для разнообразныхъ взглядовъ, — въ томъ числѣ и для кальвинистическаго“. Хр. Чт. 1904, II, 458—459.

„Вообще въ символическихъ книгахъ англиканства... не со всею рѣшительностью засвидѣтельствована истина о свободѣ воли, и чрезъ то остается открытымъ поле для разнообразныхъ взглядовъ *на характеръ англиканскаго ученія о предопредѣленіи*,—въ томъ числѣ и для реформатскаго. *Малиновскій*, т. 3, стр. 466.

Подчеркнутыя во второмъ столбцѣ слова вставлены о. Малиновскимъ при близкомъ къ тексту пересказѣ словъ проф. Лепорскаго. Если внимательно прочитать два вышеприведенныхъ столбца, то можно увидать, что вставленныя слова совершенно искажаютъ мысль проф. Лепорскаго и независимо отъ этого дѣлаютъ мысль странной вообще. У проф. Лепорскаго рѣчь идетъ—и должна идти по связи съ предыдущимъ и у о. Малиновскаго—о томъ, что неопредѣленность англиканскихъ членовъ допускаетъ возможность (для членовъ англиканства) разнообразныхъ, въ томъ числѣ и реформатскаго, взглядовъ *на самое предопредѣленіе*, а вовсе не на характеръ *англиканскаго ученія* о предопредѣленіи. Вставляя отмѣченныя слова, о. Малиновскій показалъ, что плохо понялъ проф. Лепорскаго и невнимательно выбиралъ выраженія для своей рѣчи.

Теперь перехожу къ

§ 119. *Глава Церкви Христовъ Спаситель и Духъ Святый Параклитъ* (стр. 485—496).

О. прот. Малиновскій для написанія этого параграфа воспользовался почти одной статьей проф. А. Л. Катанскаго—О главѣ Церкви Христѣ Спасителѣ и Духѣ Св. Параклитѣ, Церковный Вѣстникъ, 1895, № 18, стлб. 553—560. Такъ изъ этой статьи взято съ нѣкоторымъ сокращеніемъ текста около половины 486 стр. (Срвн. стлб. 555. 554. 555).

Затѣмъ, со средины 487 стр., находимъ обширную выписку изъ толкованія еп. Ѳеофана на посл. къ ефесеямъ (Изд. 2, Москва 1893, стр. 307—309). Выписка эта занимаетъ цѣлую страницу, но лишь послѣднія семь строкъ заключены въ кавычки и къ нимъ поставлена цитата. Изъ сочиненія же еп. Ѳеофана выписаны слова св. Іоанна Златоуста, блаж. Ѳеодорита и преп. Іоанна Дамаскина въ прим. 1 на 488 стр.. Конечно, слова преп. Іоанна Дамаскина у еп. Ѳеофана переведены очень не точно (Срвн. Migne, PG, t. 95, col. 844 A), но провѣрка по подлиннику не въ обычаѣ о. Малиновскаго.

Стр. 489 представляетъ лишь пересказъ и выписку изъ Ѳеофана же, стр. 429. 123, откуда взято и примѣчаніе на стр. 490. На той же 490 стр. въ началѣ имѣется пересказъ словъ проф. А. Л. Катанскаго изъ Церковнаго Вѣстника за 1895 г. № 18, стлб. 555.

Вторая половина 491 стр. списана изъ той же статьи Катанскаго, стлб. 554. 556—557, а слова блаж. Іеронима, составляющія первое примѣчаніе, заимствованы у еп. Ѳеофана (стр. 432), хотя къ нимъ и подыскана цитата по русскому переводу твореній Іеронима.

Стр. 492 наполовину состоитъ изъ словъ проф. А. Л. Катанскаго (стлб. 555); большое же примѣчаніе буквально списано съ другой статьи проф. А. Л. Катанскаго—О постановкѣ трактата о Церкви въ наукѣ догматическаго богословія, Церковный Вѣстникъ, 1895, № 16, стлб. 494 прим. 1. Замѣтимъ, что статья эта въ разбираемомъ параграфѣ совершенно не упомянута.

Стр. 493 почти вся, вмѣстѣ съ цитатами, буквально выписана изъ № 18 Церковнаго Вѣстника за 1895 г., стлб. 555. 559. Въ 15-й строкѣ снизу о. Малиновскій при списываніи

пропустилъ слова—„и Св. Духомъ“, отъ чего получилась совершенная безсмыслица.

Стр. 494—495 дословно списаны изъ той же статьи проф. Катанскаго въ № 18 Церковнаго Вѣстника за 1895 годъ, стлб. 559. 557. 558. Здѣсь главнымъ образомъ приводятся слова еп. Ѳеофана, почему и стоитъ (стр. 496 прим. 1) цитата: Письма къ одному лицу. СПБ. 1881 г. 48—52 стр. Цитата эта тоже взята у проф. Катанскаго.

Почти цѣликомъ въ этомъ параграфѣ списанная статья проф. Катанскаго изъ № 18 Церковнаго Вѣстника за 1895 г. однажды упомянута въ примѣчаніи на 494 стр., гдѣ читаемъ: „Наименованіе Духа Св. „владычествующимъ“ или „управляющимъ“ и „живоначальнымъ“ встрѣчается между прочимъ у св. Іоанна Дамаскина въ словѣ на Преображеніе. Сн. *Катанскаго проф.* и т. д.“. Итакъ, съ Катанскаго списано болѣе 4-хъ стр. буквально, а впечатлѣніе получается такое, будто у него взято всего лишь маленькое замѣчаніе въ три строчки.

§ 120. *Существенныя свойства истинной Церкви Христовой* (стр. 496—524).

Вторая половина стр. 497 частью буквально, частью въ пересказѣ заимствована изъ статьи—О православной Христовой Церкви, напечатанной въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. отцевъ за 1843 годъ (ч. 1, стр. 238—239).

Первая половина стр. 498 также заимствована изъ „Догматическаго Богословія“ архіеп. Филарета (изд. 3. ч. 2, СПБ. 1882, § 296, стр. 229), и изъ той же статьи о Церкви (Прибавленія. ч. 1, стр. 239). При этомъ допущена ошибка въ цитатѣ изъ ап. Павла,—стоитъ: Гал. 3, 28; сн. 2, 14—15, а нужно: Гал. 3. 28; сн. Еф. 2, 14 - 15. Тамъ, откуда о. Малиновскій списываетъ, вѣрно.

На стр. 499 о. Малиновскій значительно пользуется безъ всякой цитаты книгой прот. А. Лебедева—О главенствѣ папы или разности православныхъ и папистовъ въ ученіи о Церкви. СПБ. 1887, стр 100—101.

Интересно примѣчаніе на 501 стр. Здѣсь приведена часть перваго правила св. Василія Великаго. Но въ данномъ случаѣ о. Малиновскій,—хотя этого ничѣмъ не показываетъ,—пользуется не „книгой правилъ“, а книгой проф. М. А.

Остроумова—Очеркъ православнаго церковнаго права, Харьковъ, 1893, § 6, стр. 29 — 30. Русскій текстъ правила и три вставленныхъ греческихъ слова совпадаютъ вполнѣ съ книгой Остроумова. Мало того, въ неприкосновенности сохранена одна опечатка Остроумова: слово *αἵρεσις*—у обоихъ напечатано одинаково,—придыханіе поставлено надъ *α*, а не надъ *ι*.

Въ отдѣлѣ о святости Церкви (стр. 502 слл.) сначала идетъ мозаика выписокъ изъ старыхъ догматикъ и еще болѣе старыхъ статей догматическаго содержанія. Этотъ наборъ чужихъ словъ и чужихъ цитатъ занимаетъ почти сплошь шесть страницъ. Срвн. 503 стр. и Макарія, § 179, т. 3, стр. 312, Филарета, ч. 2, стр. 234. 235. 236.

Стр. 504 съ третьимъ прим. и Филарета, ч. 2, стр. 235. 236. 234. 235 и прим. 43.

Стр. 505 и Прибавленія за 1843 г. ч. 1, стр. 251 и Филарета, ч. 2, стр. 234 и 235.

Стр. 506 и Прибавленія за 1843 г. ч. 1, стр. 252 и Филарета, ч. 2, стр. 235.

Стр. 507—508 и Филарета § 299, ч. 2, стр. 242—243.

Здѣсь можно сдѣлать небольшое замѣчаніе. У Филарета списано два отдѣла, въ общей сложности занимающихъ болѣе страницы. Послѣ перваго отдѣла стоитъ цитата на § 299 догматики Филарета,—изъ которой, правда, не легко понять, что буквально списанъ именно весь отдѣлъ,—но непосредственно слѣдующій второй отдѣлъ уже оставленъ безъ всякой цитаты.

Святоотеческія цитаты, наполняющія первую половину 509 стр., заимствованы у архіеп. Филарета, § 299, ч. 2, стр. 243 и у митр. Макарія изъ § 135 (а не 136, какъ сказано у о. Малиновскаго) его „Введенія въ православное Богословіе".—Но съ одной цитатой на Златоуста въ прим. 4-мъ произошло недоразумѣніе. О. Малиновскій пишетъ: „Сн. на Іезек. Бес. II, 2". Никакихъ бесѣдъ на книгу пророка Іезекіиля у св. Іоанна Златоуста нѣтъ. Цитата эта взята у Макарія, гдѣ написано по латыни: „In. Ies. homil. II, n. 2" (Введеніе. СПБ. 1847, стр. 532 прим. 664), т. е. вторая бесѣда на пророка Исаію (См. Твореній т. 6, стр. 26—27). А о. Малиновскій изъ латинскаго „Ies." сдѣлалъ русское „Іезек.". Неужели невѣдомо ему, какъ по латыни пишутся имена пророковъ Іезекіиля и Исаіи?!

Дальше цѣлыхъ четыре стр. (509—512) дословно, даже съ соблюденіемъ многоточій и курсивовъ, списано съ книги прот. А. Лебедева — О главенствѣ папы, стр. 61—62. 63. 67. 68. 69. Въ началѣ есть одно упоминаніе объ этой книгѣ, но упоминаніе такого рода. Вся 510 стр. состоитъ изъ двухъ выдержекъ — изъ „Введенія“ Макарія и изъ книги проф. Чельцова—Древнія формы символа. О. Малиновскій обѣ эти выдержки сдѣлалъ по книгѣ Лебедева, но цитуетъ, конечно, Макарія и Чельцова. И вотъ, поставивъ во 2-мъ прим. цитату на Чельцова, онъ добавляетъ: „См. такъ же: Лебедева А. А. прот. О главенствѣ папы. 61 — 63 стр.“ Вотъ и догадайся, что съ Лебедева списаны не только слова Макарія и Чельцова на этой стр., но и собственныя слова прот. Лебедева на слѣдующихъ двухъ стр.!—Кромѣ того, списывая съ документальной точностью стр. 512, авторъ совершенно напрасно 2-ую главу 1 посл. къ Коринѳ. обращаетъ въ 3-ью.

Обширное примѣчаніе на стр. 513—514 о наименованіи Церкви соборною есть почти буквальная выписка изъ статьи въ № 2 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1906 г., статьи, впрочемъ, хотя и глухо, упомянутой здѣсь же. На дальнѣйшихъ страницахъ, трактующихъ о каѳоличности Церкви, не мало мелкихъ не отмѣченныхъ заимствованій. Срвн.

Стр. 515 и Филарета § 298, ч. 2, стр. 238 и Прибавленія за 1843 г. ч. 1, стр. 255. 254.

Стр. 516 и Филарета, ч. 2, стр. 239—240, Макарія § 180, т. III, стр. 315. Прибавленія, ч. 1, стр. 254.

Стр. 518 и Макарія т. III, стр. 317, Филарета, ч. 2, стр. 241.

Стр. 519 и Филарета ч. 2, стр. 241.

Стр. 520 конецъ и Филарета § 300, ч. 2, стр. 246.

Небольшой отдѣлъ (стр. 521—524) объ апостольствѣ Церкви болѣе чѣмъ на половину списанъ.

Стр. 521—522 срвн. Филарета § 300, ч. 2, стр 247—248.

Стр. 523 срвн. А. Лебедева—О главенствѣ папы, стр. 103 - 104.—Цитатъ никакихъ нѣтъ.

§ 122 (у о. Малиновскаго опечатка: 22). *Богоучрежденность іерархіи* (стр. 525—536).

Въ прим. на стр. 525—526 указано въ качествѣ „литературы“ много мелкихъ и крупныхъ журнальныхъ статей. Мы отмѣтимъ заимствованія лишь изъ одной статьи архим.

Иннокентія—О происхожденіи іерархіи новозавѣтной. Православный Собесѣдникъ 1868 г. т. 2.

Изъ этой статьи (со стр. 4—5) взято около половины 528 стр. Въ срединѣ 530 стр. пересказъ съ 18 стр. Слова Тертулліана въ началѣ 534 стр. взяты съ 21 стр. При этомъ слово „generositas“ совсѣмъ невѣрно переведено чрезъ „превосходство“, что совсѣмъ не соотвѣтствуетъ мысли Тертулліана. Generositas здѣсь = origo, genus, какъ объясняетъ Rigaltius (См. Migne, PL., t. 2, col. 395 C и nota 8). Почти вся 535 стр., съ подавляющимъ обиліемъ цитатъ во второмъ примѣчаніи, взята со стр. 23—24 и 27 статьи архим. Иннокентія; только цитаты у о. Малиновскаго лишились той точности, какую они имѣли въ его „источникѣ“.

§ 123. *Троякая власть іерархіи* (стр. 536—546).

Есть здѣсь небольшія выписки изъ упомянутой статьи архим. Иннокентія. Срвн. конецъ 537 стр. и Правосл. Собесѣдникъ 1868, ч. 2, стр. 7; начало 538 съ стр. 8; начало 541 съ 9-ой. Но особенно усердно пользуется въ этомъ параграфѣ о. Малиновскій догматикой архіеп. Филарета, откуда списано болѣе трехъ страницъ: срвн. стр. 540 и Филарета § 304, ч. 2, стр. 257 — 258; стр. 542 — 544 и Филарета § 306, ч. 2, стр. 260—262. Списываніе предпочитается дословное, а цитаты отсутствуютъ совершенно.

§ 124. *Важность іерархіи въ Церкви. Участіе мірянъ въ дѣлахъ Церкви* (стр. 546—554).

Прежде всего, конечно, трудно не изумиться, что въ догматическомъ богословіи обсуждается вопросъ объ участіи мірянъ въ дѣлахъ Церкви.

Слова нѣкоторыхъ древне-церковныхъ писателей на стр. 547 заимствованы у митр. Макарія, § 172, т. III, стр. 282—283. Для украшенія взята строчка по гречески изъ Игнатія Богоносца и строчка по латыни изъ Тертулліана. Но у Макарія къ словамъ Тертулліана поставлена ошибочная цитата (Словъ: nulla ecclesia sine episcopo въ Adv. Marc. IV, 5 нѣтъ; см. Migne, PL, t. 2, coll. 395—397); о. Малиновскій, разумѣется, оставилъ ее въ полной неприкосновенности.

Толкуя (на стр. 549 слл.) объ участіи мірянъ въ дѣлахъ Церкви, о. Малиновскій пользуется книгой проф. А. П. Ле-

бедева—Духовенство древней вселенской Церкви. 1905, откуда беретъ и разсужденія и выдержки и цитаты. Срвн. стр. 551 Малиновскаго и 106. 108. 109. 110 Лебедева.

Стр. 552 Малиновскаго и стр. 112—116 Лебедева. Цитаты въ прим. 5 собраны изъ прим. 1—3 на 115 стр. и прим. 1. 3 на стр. 116 книги проф. Лебедева.

Стр. 553 Малиновскаго и стр. 148—151 Лебедева. Цитаты во 2-мъ прим. взяты со стр. 117—119 Лебедева, а цитаты въ 3-ьемъ прим. со стр. 147—154 Лебедева.

§ 125. *Соборъ, какъ органъ высшей церковной власти* (стр. 554—566).

И объ этомъ писать въ догматическомъ богословіи о. Малиновскій находитъ умѣстнымъ!

Пользоваться ему въ этомъ параграфѣ по неволѣ пришлось пособіями каноническаго и церковно-историческаго характера и пользуется ими онъ весьма усердно.

Конецъ 556 стр. взятъ изъ статьи Лапина—Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти, Православный Собесѣдникъ, 1906, т. 1, стр. 609.

Начало 557 стр.—у проф. А. П. Лебедева—Духовенство древней вселенской Церкви, стр. 195. Занимающія половину этой страницы примѣчанія выписаны изъ „Очерка православнаго церковнаго права“ проф. М. А. Остроумова, что и отмѣчено цитатами. Тѣмъ не менѣе на 1-мъ примѣчаніи можно остановиться не безъ интереса. Слова Тертулліана проф. Остроумовъ приводитъ по латыни; о. Малиновскій ихъ перевелъ и вотъ его переводы: per Graecias=въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи, ex universis ecclesiis=во имя всѣхъ церквей, per quae et altiora quaeque in commune tranctantur=разсуждали сообща о важнѣйшихъ предметахъ. Ни одного выраженія не переведено правильно, да еще вставлено безграмотно по латыни per Grecias.

Средина 558 стр. выписана изъ „Курса церковнаго права“ проф. А. С. Павлова (Сергіевъ посадъ 1902, стр. 279), а цитатой, да еще не точной, отмѣчено лишь тоже списанное первое примѣчаніе.

Стр. 559—560 буквально списаны у Павлова со стр. 280—281. Стоящія двѣ цитаты вовсе не даютъ точнаго и полнаго представленія о размѣрѣ и характерѣ заимствованія.

Вторая половина 561 стр. списана со статьи Лапина (Православный Собесѣдникъ, 1906, т. 2, стр. 487—488). Послѣ этого сдѣлано такое примѣчаніе: „См. о семъ: *Іоанна* еп. смол. Опытъ курса церк. законовѣденія, II т. 343 стр. *Соколова*. Изъ лекцій по церк. праву.. 150—151 стр. *Лапина*, Соборъ и т. д. *Бердникова И. Л.* Практическое значеніе каноновъ вселенской церкви въ „Богосл. энциклоп.“ VIII т.“.

Такимъ образомъ, статья, изъ которой сдѣлано буквальное заимствованіе, стоитъ на третьемъ мѣстѣ и по формѣ цитаты вовсе нельзя подумать, что въ текстѣ что-нибудь списано. Но еще болѣе характерно, что цитаты на Іоанна и на Соколова взяты у того же Лапина изъ 3 примѣч. къ 487 стр.

Все почти, что есть на стр. 562 въ текстѣ, взято у Лапина же (См. Православный Собесѣдникъ, 1906, т. 3, стр. 72); а также и первая половина стр. 563 (Правосл. Собес. 1906, т. 3, стр. 442. 468).

Въ обширномъ примѣчаніи на стр. 562—563 тоже болѣе половины взято у Лапина (См. Правосл. Собес. 1906, т. 3. стр. 73. 443. 444—446. 449. 451. 452). Здѣсь у о. Малиновскаго нѣсколько ссылокъ на литературу, тоже заимствованныхъ у Лапина,—позабыто только одно имя... Лапина. Кромѣ того, въ этомъ же примѣчаніи о. Малиновскій написалъ греческое числительное—*πέντες*.

У Лапина же взято не менѣе половины 565 стр. (См. Правосл. Собесѣдникъ, 1906, т. 3, стр. 642. 644): въ примѣчаніи же послѣ выписокъ изъ Лапина встрѣчаемъ двѣ совсѣмъ другихъ цитаты, при чемъ и эти двѣ цитаты, оказывается, заняты у того же замолчаннаго Лапина (См. стр. 644 прим. 2 и 4).

Самый конецъ параграфа (на стр. 566) тоже написанъ по Лапину (срвн. стр. 645), у котораго (со стр. 644) взята и ссылка на статью еп. Сергія.

§ 126. *Чрезвычайныя дарованія и служенія въ Церкви* (стр. 569—580).

Здѣсь почти вся страница 568 и часть 569 взяты изъ толкованія на 1 Кор. еп. Ѳеофана (стр. 446), при томъ почему то не отмѣчено, что принадлежитъ блаж. Ѳеодориту, что Икуменію: о. Малиновскій ихъ слова выдаетъ за свои. То же есть и на стр. 571 (Срвн. Ѳеофана стр. 466).

На стр. 577 и 579 не мало заимствованій изъ книги проф. А. П. Лебедева—Духовенство древней вселенской церкви (Срвн. стр. 11. 17. 18. 20. 21. 24. 215).

Невольно бросается въ глаза общій характеръ всего этого параграфа: въ немъ вовсе ничего нѣтъ догматическаго; читая его, совсѣмъ забываешь, что предъ тобой лежитъ книга, именуемая догматическимъ богословіемъ, а не книга по древней церковной исторіи. Авторъ пишетъ о томъ, что было въ вѣкъ апостольскій, что было въ послѣапостольское время, даетъ справку (стр. 575 прим.) даже объ „Ученіи двѣнадцати апостоловъ“ (искажая, впрочемъ, греческія слова), подробно пишетъ о харизматикахъ—объ апостолахъ, пророкахъ и учителяхъ, неизвѣстно почему умалчивая объ евангелистахъ. Что во всемъ этомъ догматическаго,—понять не легко!

§ 127. *Необходимость принадлежать къ Церкви* (стр. 580—586).

Въ этомъ параграфѣ слѣдуетъ отмѣтить одно. Почти всѣ святоотеческія изреченія, занимающія полторы стр. (стр. 582 — 584), несомнѣнно списаны у митр. Макарія, § 170, т. III, стр. 271—273. Только къ цитатамъ изъ св. Кипріана и блаж. Іеронима подставлены страницы по русскому переводу ихъ твореній. Но цитаты изъ Августина въ 1-мъ прим. на 584 стр. зачѣмъ то поставлены не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ по отдѣльности стоятъ у Макарія, почему онѣ у о. Малиновскаго и перестали соотвѣтствовать порядку приводимыхъ въ текстѣ выдержекъ изъ Августина. Къ словамъ блаж. Θеодорита у Макарія (стр. 273 прим. 498) стоитъ цитата: „In Ies. Nav. interrog. II.“ (Такая же цитата къ этимъ же словамъ стоитъ и въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. отцевъ за 1843 г., ч. 1, стр. 236). Какимъ образомъ изъ этой цитаты у о. Малиновскаго (стр. 584, прим. 2) получилась другая: „На пр. Іезек. Предисл.“—разгадать мнѣ не удалось. Но не произошло-ли здѣсь чего-нибудь подобнаго тому, какъ раньше о. Малиновскій смѣшалъ въ латинскомъ начертаніи Исаію съ Іезекіилемъ?!

Но о. Малиновскій здѣсь оказался неблагодарнымъ въ отношеніи къ митр. Макарію. Въ 1 прим. на 584 стр., перепутавъ цитаты на блаж. Августина, онъ продолжаетъ: „Многія другія свидѣтельства св. отцевъ о томъ же указаны въ ст. „О православной Христовой Церкви“ (Приб. къ тв. отц. ц.—и здѣсь неточность!—1843 г. 1 ч. 236—238 стр.); воспроизводятся

у пр. *Макарія* Пр. Догм. Бог., § 170". Это прекрасно! Списать самому у Макарія, умолчать объ этомъ и между прочимъ замѣтить: Макарій молъ „воспроизводитъ" свидѣтельства св. отцевъ! Но митроп. Макарій совсѣмъ не такъ точно „воспроизводитъ" страницы статьи 1843 года, какъ воспроизводитъ прот. Малиновскій страницы догматики митроп. Макарія!

§ 129. *Ходатайство святыхъ за вѣрующихъ, живущихъ на землѣ, и молитвенное призываніе ихъ въ церкви земной* (стр. 588—609).

Половина 589 стр. составлена по Макарію (см. т. V, стр. 115—116).

Стр. 590 составлена иначе. Болѣе половины ея буквально списано (только сокращенъ рядъ цифровыхъ цитатъ изъ Свящ. Писанія) у архіеп. Филарета, § 311, ч. 2, стр. 267—268. Непосредственно за этой выпиской начинаются и до конца страницы продолжаются слова еп. Сильвестра, § 186, т. V, стр. 262. Цитатъ ни на Филарета, ни на Сильвестра не обрѣтается.

Обширная выдержка изъ блаж. Іеронима на стр. 592, конечно, тоже взята у еп. Сильвестра (§ 188, т. V, стр. 277—278), хотя къ ней и подыскана страница въ 4-й части твореній Іеронима въ русскомъ переводѣ.

Съ конца 593 и до конца 594 стр. идетъ безъ цитаты выписка изъ книги И. П. Оболенскаго—Критическій разборъ вѣроисповѣданія русскихъ сектантовъ раціоналистовъ: духоборцевъ, молоканъ, штундистовъ. Воронежъ 1898, стр. 308—309. Эта книга о. Малиновскимъ въ параграфѣ вовсе не упомянута.

На стр. 595 въ срединѣ пересказъ опять изъ книги Оболенскаго, стр. 297; вставлено нѣсколько строкъ изъ Макарія (т. V, стр. 114) и заканчивается страница уже буквальной выпиской изъ книги Оболенскаго, стр. 298.

Слѣдующая 596 страница начинается выпиской изъ Макарія (т. V, стр. 114) и продолжается пересказомъ изъ книги Оболенскаго, стр. 299—300. Въ самомъ концѣ этой же страницы начинаются уже буквальныя выписки изъ книги Оболенскаго, которыя и продолжаются до средины слѣдующей 597 стр. (См. у Оболенскаго стр. 300. 299). Въ первомъ прим. искажена цитата изъ Оригена: вм. русскихъ 11-ти поставлено

римское II. Второе же примѣчаніе перенесено съ 299 стр. книги Оболенскаго.

Стр. 598—599 почти всѣ составлены по Макарію, § 254, т. V, стр. 116—118. Цитаты нѣкоторыя просмотрѣны, но при этомъ (въ 1 прим. на стр. 599) переводчикомъ на русскій языкъ „Писаній мужей апостольскихъ“ вмѣсто прот. П. Преображенскаго названъ прот. П. Рождественскій, а въ 3-мъ прим. испорчена цитата изъ Евсевія: поставлено—VI, 6, а нужно VI, 5, какъ и у Макарія. Кое-что подбавлено и изъ Сильвестра (§ 187, т. V, стр. 264).

На стр. 600 замѣтно вліяніе еп. Сильвестра, т. V, стр. 276—278, но VIII вѣкъ передѣланъ въ XIII.

Изъ Сильвестра же есть небольшія выписки и на 601 стр. (§ 188 и 189, т. V, стр. 286. 287).

Стр. 603 въ большей своей части выпiска и немного пересказъ изъ догматики епископа Сильвестра, § 189, т. V, стр. 287. 288—289. 288.

Стр. 604 за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ представляетъ собою пересказъ изъ книги Оболенскаго со стр. 293. 294—295 Примѣчаніе же на этой стр. списано у Оболенскаго буквально (См. стр. 294 прим. 1). Буквальность и точность, являющіяся у о. Малиновскаго какъ-то все некстати, доводятъ его здѣсь до маленькаго курьеза: вмѣстѣ съ Оболенскимъ онъ пишетъ не *προσευχή*, а *προσεύχη*, т. е. бережно сохраняетъ опечатку, которую исправить большого труда не составило бы.

Въ срединѣ слѣдующей 605 стр. двѣ буквальныхъ выписки. Одна изъ § 307 „Обличительнаго Богословія“ архим. Иннокентія (т. III, стр. 562). другая—изъ книги Оболенскаго со стр. 299. Послѣднія строки на эту страницу попали тоже съ 300 стр. книги Оболенскаго.

Вторая половина 606 стр. опять списана съ самыми небольшими отступленіями отъ текста у Оболенскаго, стр. 300—301.

На протяженіи слѣдующей 607 стр. замѣтно вліяніе архим. Иннокентія (т. III, стр. 575).

По поводу разобраннаго параграфа слѣдуетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. На 605 стр. авторъ разсуждаетъ о томъ, какъ святые, не обладая всевѣдѣніемъ, могутъ знать наши молитвы. Но вѣдь объ этомъ уже была болѣе подробно рѣчь на стр. 595—597 въ томъ же самомъ параграфѣ. Оба раза гово-

рится не только объ одномъ и томъ же, но даже одно и тоже, хотя буквальныхъ повтореній и нѣтъ. Зачѣмъ дважды говорить одно и то же въ параграфѣ, придавая тѣмъ самымъ этому параграфу хаотическій видъ?

§ 130. *Почитаніе святыхъ* (стр. 610—625).

Здѣсь стр. 611—612 составлены по Сильвестру (§ 170, т. V, стр. 144—145. 146. 147. 148—149). Буквальныхъ выписокъ, правда, всего лишь нѣсколько строкъ, но совпаденіе нѣкоторыхъ характерныхъ выраженій, совпаденіе цитатъ изъ Свящ. Писанія, при томъ стоящихъ подъ рядъ,—все это достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ, что при написаніи стр. 611—612 глаза о. Малиновскаго все время были устремлены въ догматику епископа Сильвестра. Внизу 611 стр. имѣется примѣчаніе о различіи греческихъ словъ *λατρεία* и *δουλία*. Примѣчаніе это сборное: часть его взята изъ книги Оболенскаго, стр. 185, прим. 1, а часть изъ § 294 „Обличительнаго Богословія“ архим. Иннокентія (т. III, стр. 477—448 прим. и 475 сл.). Интересна одна подробность. Списывая слово *ειδολολάτροι* въ такомъ именно видѣ, о. Малиновскій въ одномъ словѣ повторяетъ двѣ опечатки архим. Иннокентія: послѣ *δ* пишетъ *ο*, а не *ω*, и надъ *ει* не ставитъ никакого придыханія.

На стр. 614 распорядокъ и содержаніе святоотеческихъ свидѣтельствъ совпадаютъ съ догматикой Сильвестра (§ 171, т. V, стр. 150—151), но цитата изъ Евсевія во 2-мъ примѣчаніи испорчена: вмѣсто—IV, 5 напечатано—V, 5, что невѣрно.

Въ первой же половинѣ 615 стр. встрѣчаемъ не только пересказъ, но и буквальныя заимствованія изъ Сильвестра (§ 172, т. V, стр. 156—157), у котораго взяты и два небольшихъ примѣчанія 3-ье и 4-ое. Среди пересказа изъ Сильвестра встрѣчаемъ и то, что уже было почти такъ же, какъ здѣсь, сказано нѣсколько раньше, на 600 стр.

Конецъ стр. 615 и начало 616 буквально списаны, безъ цитаты, изъ труда проф. Е. Е. Голубинскаго—Исторія канонизаціи святыхъ въ русской Церкви. Изд. 2. Москва 1903, стр. 14.

На стр. 616 во 2-мъ примѣчаніи, сдѣлавъ буквальную выписку изъ книги проф. Голубинскаго, авторъ, хотя и глухо,

ее цитируетъ. Но непосредственно дальше въ этомъ примѣчаніи съ новой строки сдѣлано замѣчаніе о западной церкви. Цитата стоитъ другая: *Серединскаго Т.* прот. О богослуженіи западной церкви II ст., стр. 65. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что и замѣчаніе и цитата на Серединскаго взяты все у того же Голубинскаго (стр. 15 прим.).

Совершенно такъ же поступаетъ о. Малиновскій на стр. 618, гдѣ, списавъ второе примѣчаніе съ книги Е. Е. Голубинскаго (стр. 11 прим. 2), ставитъ цитату на Серединскаго, которую взялъ у того же Голубинскаго (стр. 12 прим. 1). Списавъ же съ Голубинскаго 3-ье примѣчаніе, авторъ не ставитъ уже никакой цитаты.

Въ текстѣ со средины 618 стр. и до средины 619 идутъ выписки изъ Голубинскаго, на этотъ разъ снабжаемыя цитатами.

Вторая половина текста стр. 619 списана со стр. 264 и 270 книги Голубинскаго, но только послѣднюю фразу о. Малиновскій заключилъ въ кавычки и процитировалъ одну 270-ю страницу.

Выписки изъ Голубинскаго, сдѣланныя на 620 стр. (срвн. стр. 288. 286. 287), цитатами не помѣчены. Первое примѣчаніе на этой страницѣ взято изъ статьи Д. Протопопова— О нетлѣніи святыхъ мощей, Душеполезное Чтеніе, 1888, т. 1, стр. 267, при чемъ цитата на описаніе рукописей синодальной библіотеки опущена.

На стр. 621 есть небольшія заимствованія изъ Сильвестра (срвн. т. V, стр. 172), а въ средину вставлена значительная выписка изъ § 296 „Обличительнаго Богословія“ архим. Иннокентія (т. III, стр. 487) съ добавленіемъ, впрочемъ, опечатки. Цитатъ же на этой стр. на пособія не сдѣлано.

Первая половина стр. 622 представляетъ легкій пересказъ изъ книги Оболенскаго о раціоналистическихъ сектантахъ, стр. 280—290, а вторая половина буквально выписана изъ догматики еп. Сильвестра (§ 171, т. V, стр. 151—152), хотя никакихъ цитатъ на этой страницѣ не видно.

На слѣдующей стр. до средины идутъ слова блаж. Іеронима, заимствованныя у Сильвестра (§ 172, т. V, стр. 163—164). Эти слова заключены въ кавычки и поставлена цитата: „*Іерон.* Прот. Вигилянція. Сн. пис. 89, къ Рипарію“. Получается неправильное представленіе, будто всѣ приведенныя

слова находятся въ сочиненіи блаж. Іеронима „противъ Вигилянція“, въ письмѣ же къ Рипарію только параллельное мѣсто. На самомъ дѣлѣ цитата на письмо къ Рипарію должна имѣть самостоятельное значеніе; она относится къ послѣднимъ тремъ строкамъ приведенной въ текстѣ выдержки, которыхъ нѣтъ въ сочиненіи „Противъ Вигилянція“.

Обширная, болѣе чѣмъ въ страницу, выписка изъ блаж. Августина (стр. 623—624), слѣдующая за словами блаж. Іеронима, съ точностью заимствована у еп. Сильвестра (§ 172, т. V, стр. 165—166), хотя сдѣлана перестановка отдѣльныхъ изреченій блаж. Августина, составляющихъ эту обширную выписку.

Тоже довольно обширныя выписки изъ св. Епифанія Кипрскаго и изъ преп. Іоанна Дамаскина, занимающія остальныя полторы страницы этого параграфа, взяты у того же еп. Сильвестра: слова Епифанія со стр. 161—162 пятаго тома, а слова Іоанна Дамаскина съ 170 стр. Сокращенія и многоточія совпадаютъ, но въ 3-ьей строкѣ сверху 625 стр. скобка почему-то подвинута на одно слово вправо и получилась вслѣдствіе этого, конечно, безсмыслица.

§ 131. *Почитаніе мощей св. угодниковъ Божіихъ* (стр. 626—646).

Начинается параграфъ пересказомъ изъ догматики Макарія (§ 255, т. V, стр. 122. 128—129).

Въ концѣ стр. 626 и на слѣдующей 627 стр., а также и въ первомъ примѣчаніи на этой послѣдней встрѣчаемъ двѣ довольно обширныхъ выписки изъ 80 лѣтъ тому назадъ появившейся брошюрки Д. Соснина—О нетлѣніи св. мощей въ Церкви Христовой. СПБ. 1833. Обѣ выписки тщательно отмѣчены кавычками и сопровождаются цитатами. Но для меня несомнѣнно, что о. Малиновскій брошюрки Соснина не видалъ. Развѣ это случайность, что выписки изъ Соснина совершенно тѣ же, что и въ статейкѣ прот. П. А. Смирнова—Нетлѣніе святыхъ мощей. Церковныя Вѣдомости, 1903, № 12, стр. 443*б*—444*а*? А между тѣмъ первая выписка состоитъ изъ фразъ, помѣщающихся на трехъ страницахъ (46—48) брошюрки Соснина. Характерна и цитата, сопровождающая эту первую выписку. Такъ какъ выписка взята съ трехъ ря-

домъ стоящихъ страницъ, то эти страницы можно было указать только въ такомъ видѣ: „стр. 46—48“ или еще точнѣе: „стр. 46. 47—48“, но у о. Малиновскаго стоитъ: „46, 48 стр.“ Почему такъ? Конечно, только потому, что такая же ошибка или опечатка ему попалась въ статьѣ прот. Смирнова, и только потому, что о. прот. Малиновскій не отказалъ себѣ и на этотъ разъ въ удовольствіи процитировать книгу, которой онъ не видалъ, умолчавъ при томъ о статьѣ „Церковныхъ Вѣдомостей“, которую только и видѣлъ.—Изъ той же статьи прот. П. Смирнова (стр. 443) выписаны и слова митроп. Филарета въ томъ же примѣчаніи. Это несомнѣнно хотя бы уже потому, что рѣчь о. Малиновскаго совпадаетъ съ рѣчью о. Смирнова и тогда, когда слова митроп. Филарета приводятся не буквально.—Второе примѣчаніе выписано изъ Голубинскаго, что и отмѣчено, хотя и по такой формѣ: „См. у проф. Голубинскаго.“

628 стр. начинается буквальнымъ заимствованіемъ изъ статьи прот. П. А. Смирнова, Церковныя Вѣдомости, 1903, № 12, стр. 444*б*—445*а*. Въ срединѣ страницы видимъ безграмотно написанное латинское слово—reliquie (вм. reliqui*ae*). Вторая половина 628 стр. занята примѣчаніемъ, въ которомъ все взято у Голубинскаго—и цитаты и отдѣльныя слова; цитата же стоитъ такая: „Въ кн. проф. Е. Е. Голубинскаго приводятся, кромѣ этихъ, и другіе примѣры“.

629 стр. со всѣми примѣчаніями состоитъ изъ выписокъ у Голубинскаго, что, впрочемъ, отмѣчено цитатами. Половина слѣдующей 630 стр. списана оттуда же (стр. 299. 301. 302), но уже безъ цитатъ.

Затѣмъ (на стр. 630—631) слѣдуетъ очень краснорѣчивая страница,—увы! не своя, а безъ всякой цитаты списанная у прот. Смирнова—Церковныя Вѣдомости, 1903, № 12, стр. 445*б*—446*а*.

На стр. 633 первое примѣчаніе списано изъ книги Оболенскаго о сектантахъ, стр. 328. Второе примѣчаніе заимствовано у еп. Сильвестра, § 175, т. V, стр. 178, съ пропускомъ латинской цитаты на мученическіе акты св. Игнатія; цитата же на Евсевія такъ же испорчена, какъ и въ 1 прим. на стр. 614.

Святоотеческія слова, заполняющія 634 стр., заимствуются изъ Сильвестра (срвн. § 176, т. V, стр. 181. 183. 187), хотя

къ нимъ и подставляются страницы новыхъ изданій святоотеческихъ твореній.

На 636 стр. есть и пересказъ и буквальныя заимствованія у Сильвестра (§ 174, т. V, стр. 175) и у Оболенскаго (стр. 316); у Оболенскаго же взяты и слова св. Іоанна Златоуста, помѣщенныя во второмъ примѣчаніи (срвн. стр. 316 прим. 1).

Стр. 637 почти вся заимствована изъ книги Оболенскаго (срвн. стр. 318—319. 322), причемъ дѣлается перестановка одной фразы на мѣсто другой.

Иногда близкій къ тексту пересказъ словъ Оболенскаго (стр. 323. 324—325) занимаетъ и всю 638-ую стр.

Почти вся 639 стр. буквально списана со статьи прот. Смирнова, Церковныя Вѣдомости 1903, № 12, стр. 444. Во второмъ, дов. обширномъ, примѣчаніи излагается 301-ая стр. труда Е. Е. Голубинскаго о канонизаціи святыхъ. Книга проф. Голубинскаго у о. Малиновскаго была; изъ нея не мало посписано въ разбираемомъ параграфѣ. Но едва-ли о. Малиновскій раскрывалъ эту книгу, когда писалъ настоящее примѣчаніе; его изложеніе словъ проф. Голубинскаго и его пояснительныя замѣчанія удивительно точно совпадаютъ съ примѣчаніемъ къ статьѣ все того же прот. П. А. Смирнова (См. Церковныя Вѣдомости 1903, № 12, стр. 444*б* примѣч.). Разставаясь здѣсь съ статьей прот. Смирнова, считаю нужнымъ сдѣлать такое замѣчаніе. На предыдущихъ страницахъ съ этой статьи въ общей сложности списано но менѣе трехъ страницъ, при чемъ иногда сразу списывались цѣлыя страницы. Однако ни разу эта статья не названа и не поцитована; не указана она даже въ перечнѣ „литературы“ (стр. 626 прим. 1), хотя тамъ видимъ и Странникъ 1861 и 1866 г.г., и Миссіонерскій Сборникъ за 1890 г. и Воскресное Чтеніе за 1885 г.

Текстъ на стр. 640 представляетъ пересказъ изъ статьи въ Душеполезномъ Чтеніи за 1888 г., ч. 1, стр. 164—165. 161. Въ пятой снизу строчкѣ пропущено слово „устъ“ и получилось поэтому не совсѣмъ ладно. Примѣчаніе же, занимающее нижнюю половину страницы, представляетъ уже не одинъ пересказъ, но и буквальныя выписки изъ той же статьи (срвн. 165. 166. 170 стр.). Въ срединѣ примѣчанія приведено изъ этой статьи буквально (со стр. 166) описаніе мощей свв. Бориса и Глѣба, но въ скобкахъ стоитъ цитата: „см. у

Голубинскаго, 20 стр. и сл.", хотя у Голубинскаго этого именно описанія мощей мнѣ найти не удалось.

Почти весь текстъ на стр. 641 взятъ буквально изъ той же статьи Протопопова (См. Душеполезное Чтеніе, 1888, ч. 1, стр. 171—172). Здѣсь повѣствуется о мощахъ св. Спиридона Тримиѳунтскаго. Въ качествѣ цитаты на концѣ примѣчанія видимъ: „См *Арсенія* арх. Лѣтопись церковн. событій, 564 565 стр." Но въ лѣтописи архим. Арсенія всѣхъ свѣдѣній о мощахъ св. Спиридона, сообщаемыхъ о. Малиновскимъ со словъ Протопопова, не найти. Исторія злополучной цитаты такова. Архим. Арсеній дѣлаетъ выписку изъ сочиненія Рангова и ставитъ цитату: „*Ελληνικα* (1852)—ч. 3, стр. 678" Говоря о мощахъ св. Спиродона, Протопоповъ между прочимъ заимствуетъ эту выписку у архим. Арсенія, что и отмѣчаетъ, поставляя двойную цитату и на Рангова и на Арсенія. О. Малиновскій безъ всякой провѣрки наскоро списываетъ со статьи Протопопова, опускаетъ греческую цитату и оставляетъ только русскую на архим. Арсенія. А между тѣмъ изъ словъ Рангова къ о. Малиновскому попала лишь одна фраза, стоящая въ концѣ примѣчанія и ничѣмъ, напр кавычками, какъ у Протопопова, не отмѣченная. Все же предыдущее—слова Протопопова, выданныя фальшивой цитатой за слова архим. Арсенія.

По статьѣ же Протопопова составлено и 2-ое примѣчаніе на этой стр. (Срвн. Душеполезное Чтеніе, 1888, ч. 1, стр. 168—169 прим).

Въ срединѣ 642 стр. есть опять буквальная выписка изъ статьи Протопопова со стр. 167, а второе примѣчаніе списано со стр. 161—162 той же статьи.

Пересказъ одного примѣчанія къ стр. 272 этой статьи видимъ и во второмъ примѣчаніи на 643 стр.

Статья Протопопова въ перечнѣ „литературы" указана, но процитована она только однажды на стр. 644, въ небольшомъ 3-емъ прим., которое вовсе не буквально списано, а между тѣмъ въ 1-мъ прим. изъ этой же статьи взята безмолвно цитата на житіе св. Гурія (См. Душеполезное Чтеніе, 1881, ч. 1, стр. 272 прим. *ж*).

Стр. 645 отчасти буквально, отчасти на разсказъ воспроизводитъ 326 стр. книги Оболенскаго о сектантахъ.

Стр. 646 наполовину списана буквально у Протопопова (срвн. Душепол. Чтеніе, 1881, ч. 1, стр. 277. 278—279), у ко-

тораго взята, сдѣланная у о. Малиновскаго совсѣмъ ужъ глухой, цитата: „*Филарета* арх. Святые южныхъ славянъ"— и только! Между тѣмъ къ тексту, списываемому у Протопопова, внизу въ прим. 1-мъ и 3-ьемъ подставлены двѣ ссылки на книгу проф. Голубинскаго, гдѣ на цитуемыхъ страницахъ ничего подобнаго нѣтъ. Зачѣмъ поставлены эти цитаты на Голубинскаго,—остается для меня загадкой, которую я рѣшить не могъ.

Закончивъ обзоръ § 131, подведемъ итогъ: изъ 21-й страницы на долю о. Малиновскаго приходится, можетъ быть, страницъ шесть, хотя и эти страницы, возможно, заимствованы со статей и книгъ, которыхъ я не просматривалъ. Вѣдь, напр., статья прот. П. А. Смирнова мнѣ попалась случайно, хотя я, усумнившись въ принадлежности о. Малиновскому отмѣченной краснорѣчивой страницы (стр. 630—631), списанной у прот. Смирнова, не мало занимался безрезультатными спеціальными поисками.

§ 132. *Почитаніе св. иконъ* (стр. 646—667).

Двѣ стр. 648 и 649 въ этомъ параграфѣ почти всюду буквально списаны изъ книжки еп. Сергія († архіеп. Владимірскимъ) —Православное ученіе о почитаніи святыхъ иконъ и другія соприкосновенныя съ нимъ истины православной вѣры. Могилевъ на Днѣпрѣ 1887,—срвн. стр. 5—6. 7. 8. 9. 7—8. 9. Вверху стр. 649 сдѣлана маленькая вставка изъ догматики Макарія т. V, стр. 136.

Въ срединѣ 650 стр. есть небольшое заимствованіе изъ Сильвестра (§ 179, т. V, стр. 207), а въ концѣ—изъ кн. еп. Сергія (стр. 10).

Въ прим. на стр. 651 есть пересказъ изъ Сергія стр. 11—12; при чемъ поставлена невѣрная цитата: Числ. 12, 16—18,— нужно—12, 6—8, какъ и у Сергія, тѣмъ болѣе что въ 12 гл. Числъ и всего то 15 стиховъ.

Половина 652 стр. списана у Сергія же (срвн. стр. 14. 17), вмѣстѣ съ примѣчаніемъ объ уничтоженіи мѣднаго змія при Езекіи.

Конецъ стр. 653 взятъ изъ книги Оболенскаго о сектантахъ, стр. 371, а въ примѣчаніи пересказъ стр. 67—68 книги еп. Сергія.

У Сергія (со стр. 74) взято начало 655 стр. вмѣстѣ съ пер-

вымъ примѣчаніемъ, а вторая половина страницы пересказъ изъ Сильвестра (§ 180, т. V, стр. 216).

Первая половина 656 стр. представляетъ выписку и пересказъ изъ Сильвестра (§ 180, т. V, стр. 217. 218). Къ этой выпискѣ подставлено подъ строкой примѣчаніе, взятое, вмѣстѣ съ цитатой на Фрикена, у еп. Сергія (стр. 72—73), но безъ цитаты на Сергія. Кромѣ того, въ этомъ примѣчаніи о. Малиновскому что-то вздумалось два предлога „въ“ и „на“ переставить одинъ на мѣсто другого, что способствовало лишь искаженію смысла. Далѣе, начиная со средины 656 стр., около страницы пишется, иногда близко къ тексту, по книгѣ Оболенскаго, только къ нѣкоторымъ святоотеческимъ цитатамъ подысканы страницы. Слова же Евсевія Кесарійскаго, вмѣстѣ съ краткимъ замѣчаніемъ въ 4-мъ примѣчаніи, позаимствованы у еп. Сергія (стр. 69).

Заканчивается 657 стр. выпиской изъ Сильвестра (§ 182, т. V, стр. 226—227).

Болѣе половины 659 стр. составлено сначала изъ буквальной выписки у Макарія (т. V, стр. 146), потомъ буквально же сдѣлано заимствованіе у еп. Сергія, стр. 94, а въ концѣ пересказъ снова изъ Макарія (т. V, стр. 146—147), занимающій значительную часть и слѣдующей страницы 660-й, гдѣ послѣ въ срединѣ идетъ пересказъ второй страницы еп. Сергія, откуда пристегивается и маленькое примѣчаніе второе.

Въ началѣ 661 стр. есть пересказъ съ 3-ьей стр. книги еп. Сергія, а конецъ этой страницы списанъ буквально съ 4 стр. той же книги.

На 662 стр. опять есть выписка съ 17 стр. Сергія, а дальше цѣлая страница занята выдержкой изъ Іоанна Дамаскина.

Начиная со средины 663 стр., около страницы составлено мѣстами буквально по книгѣ Оболенскаго о раціоналистическихъ сектантахъ, стр. 356—357.

Вторая же половина 664 стр. заимствована отчасти буквально изъ кн. еп. Сергія, стр. 26, 28—29. 26.

Въ началѣ и въ срединѣ стр. 666 есть буквальныя выписки изъ догматики митр. Макарія, § 256, т. V, стр. 150 и 151, откуда взяты и цитаты въ первыхъ двухъ примѣчаніяхъ.

На стр. 665 годомъ Эльвирскаго собора названъ 305, а на слѣдующей страницѣ уже 324. Основанія для обѣихъ этихъ

цифръ при одномъ и томъ же соборѣ есть (соборъ былъ въ 305 году; акты же его датированы 324 годомъ), но о. Малиновскій никакихъ поясненій не дѣлаетъ и у внимательнаго читателя должно остаться впечатлѣніе нѣкотораго противорѣчія.

Всего же и въ этомъ параграфѣ изъ 21 стр. на долю о. Малиновскаго остается страницъ восемь.

§ 133. *Молитвы церкви за умершихъ* (стр. 668—701).

Подробно этого параграфа я не разбиралъ, но нѣсколько буквальныхъ заимствованій изъ пособій, безъ всякихъ при томъ цитатъ, указать могу.

Есть брошюрка, изданная Аѳонскимъ русскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ,—„Догматъ о поминовеніи усопшихъ по Стефану Яворскому“ (Изд. 2-ое. Москва 1886). О. Малиновскій не гнушается и подобными брошюрками. Такъ уже на 669 стр. есть буквальное, хотя и небольшое, заимствованіе съ 24 стр. этой брошюрки.

На слѣдующей 670 стр. есть заимствованіе изъ книжки прот. Тимоѳея Никольскаго — О молитвѣ за умершихъ (Москва 1890. Изд. 5-ое), стр. 238. Изъ той же книжки (со стр. 240—241) есть выписка и въ срединѣ 674-й страницы, а половина 675 состоитъ изъ пересказа 231 — 233 стр. этой же книжки.

Половина 676 стр. отчасти буквальное заимствованіе, отчасти легкій перифразъ изъ § 289 „Обличительнаго Богословія“ архим. Иннокентія (т. III, стр. 451—452).

Въ срединѣ 678 стр. есть пересказъ, а въ прим. 1 на этой же стр. буквальное заимствованіе изъ брошюрки проф. В. А. Соколова—Можно ли и должно ли намъ молиться въ Церкви за усопшихъ—инославныхъ? Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1906. Срвн. стр. 19, а цитаты второго примѣчанія см. на стр. 20 прим. 1—2.

Собраніе цитатъ въ примѣчаніяхъ на 679 стр. заимствовано у Макарія (т. V, стр. 164 прим. 421 и 422, стр. 165 прим. 429) и у Сильвестра (§ 192, т. V, стр. 299).

На 680 стр. есть пересказъ изъ книжки Никольскаго (стр. 35 — 36) и изъ догматики Сильвестра (§ 193, т. V стр. 316).

На стр. 682—683 есть пересказъ изъ брошюрки о догматѣ

по Стефану Яворскому (См. стр. 46. 47) и изъ догматики Макарія (т. V, стр. 175—176). При томъ, списывая близко къ тексту съ 46 стр. упомянутой брошюрки, о. Малиновскій совершенно искажаетъ цитату изъ Свящ. Писанія: онъ пишетъ: 3 Цар. 4, 32; 35, 41, тогда какъ нужно 3 Ездр. 4, 32. 35. 41.

Конецъ стр. 684 списанъ съ той же брошюрки, при томъ списывается отчасти то же самое, что однажды уже было списано, именно на 669 стр.

На стр 685 есть пересказъ изъ Макарія (т. V, стр. 179), буквальное заимствованіе у Иннокентія (Обличительное Богословіе § 291, т. III, стр. 469), пересказъ и небольшая выписка изъ Сильвестра (§ 199, т. V, стр. 319).

Вверху 686 стр. стоитъ буквальная выдержка изъ книги Оболенскаго о сектантахъ, стр. 322, потомъ до конца страницы источникомъ служитъ догматика митр. Макарія, откуда буквально берутся и слова самого Макарія, и слова преп. Іоанна Дамаскина, къ которымъ изъ Макарія же подставлена цитата: Хр. Чтеніе 1827 г. XXVI, 326 стр. (срвн. § 258, т. V, стр. 172—173. 180—181).

Большое второе прим. на стр. 690—691 взято иногда буквально изъ статьи въ № 28 „Церковныхъ Вѣдомостей" за 1906 г., стр. 2248*б*—2249, а выдержка изъ еп. Ѳеофана взята не непосредственно изъ его писемъ, которыя здѣсь процитированы, а изъ статьи проф. Е. П. Аквилонова — Панихиды надъ иновѣрцами, Церковный Вѣстникъ 1905, № 31, стлб. 972. Уликой является, конечно не случайное, совпаденіе сокращенія словъ еп. Ѳеофана въ выдержкѣ.

Изъ той же статьи Аквилонова на слѣдующей стр. взята цитата на „Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ" митр. Филарета (см. Церк. Вѣстникъ, 1905, № 35, стлб. 1104). Эта цитата у Аквилонова осталась почему-то безъ точнаго обозначенія страницы; тотъ же видъ имѣетъ она и у о. Малиновскаго.

Конецъ 692 стр. и начало 693-ьей списаны буквально съ другой статьи Аквилонова — О служеніи панихидъ по иновѣрцамъ-христіанамъ. См. Христіанское Чтеніе, 1906, апр., стр. 590. Въ 1-мъ прим. на 693 стр., относящемся къ этой именно выпискѣ, стоитъ цѣлыхъ четыре цитаты, только не на Аквилонова. Эти же цитаты оказывается въ свою оче-

редь взяты частью у того же Аквилонова, частью въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ № 28 за 1906 г., стр. 2250.

Каноническія опредѣленія съ толкованіями митр. Филарета, занимающія цѣлую страницу (на стр. 694—695), переписаны изъ брошюрки проф. В. А. Соколова, со стр. 4—5, а слова Григорія Богослова съ цитатой на стр. 695 взяты у Аквилонова (см. Христ. Чтеніе, 1906, апр., стр. 583).

Довольно обширное особое добавленіе въ концѣ параграфа о „дняхъ поминовенія“ написано по Макарію, а частью и прямо списано съ него вмѣстѣ съ относящимися сюда цитатами (см. § 258, т. V, стр. 178—179).

По прочтеніи всего этого параграфа опять приходится съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ спрашивать: неужели можно и должно въ догматическомъ богословіи обсуждать вопросъ о панихидахъ по иновѣрцамъ, обсуждать со ссылками на указы Святѣйшаго Синода? Вполнѣ ли умѣстно здѣсь говорить о „дняхъ поминовенія усопшихъ“? Вѣдь самъ о. Малиновскій свое примѣчаніе объ этихъ дняхъ начинаетъ такими словами: „Въ православной церкви существуетъ *обычай* поминать усопшихъ“ и т. д. Но вѣдь, кромѣ этого обычая, въ православной церкви существуетъ не мало и другихъ обычаевъ. Почему бы о. Малиновскому не говорить ужъ обо всѣхъ *обычаяхъ* церковныхъ въ своемъ *догматическомъ* богословіи?

§ 134. *Характеръ р.-католическаго ученія о Церкви. Догматъ о папскомъ главенствѣ* (стр. 701—739).

38 страницъ посвящено неправославному ученію о Церкви и такому догмату, о которомъ ничего не знаетъ православная догматика!

Въ самомъ почти началѣ параграфа (стр. 702—703 прим.) приводится обширный списокъ „литературы“, но замѣчательно, что въ большей своей части и самый этотъ списокъ списанъ съ книги проф. А. Д. Бѣляева—О соединеніи церквей. Сергіевъ посадъ 1897, стр. 84—85 прим. Въ списанную часть перечня „литературы“ о. Малиновскій сдѣлалъ одну вставку, но несравненно было бы лучше, если бы онъ ничего не вставлялъ. Вмѣстѣ съ А. Д. Бѣляевымъ онъ упомянулъ трудъ архим. Никанора—Разборъ римскаго ученія о видимомъ (папскомъ) главенствѣ въ церкви. СПБ. 1856.

Затѣмъ авторъ продолжаетъ: „*Его же.* Уч. о главенствѣ римскаго епископа предъ судомъ I-го вселенскаго собора (Хр. Чтеніе 1857 г. I т.). Второе исправленное и дополненное изданіе этого труда—Казань. 1871“. О второмъ изданіи какого труда идетъ у автора рѣчь? Очевидно, только что названной статьи въ Христіанскомъ Чтеніи. Но второй разъ (Казань 1871) былъ изданъ вышеупомянутый Разборъ римскаго ученія. У проф. А. Д. Бѣляева статья Христ. Чтенія вовсе не упомянута; о. Малиновскій вставилъ ее не на мѣстѣ и получилась нелѣпость.

На стр. 705 въ срединѣ есть выписка размѣромъ въ 1/2 стр. изъ книги прот. А. А. Лебедева—О главенствѣ папы (стр. 47). Въ концѣ выписки приводится мнѣніе католическихъ богослововъ и стоящая подъ строкой цитата на Лебедева какъ бы показываетъ, что взято только это мнѣніе и даже чуть ли не одна ссылка на догматику Dieringer'a, совершенно безграмотно при этомъ названную: „Karhol. Dogmatic“.

Въ срединѣ стр. 706 опять выписка изъ Лебедева (со стр. 48), но уже совсѣмъ безъ цитаты.

Вторая половина стр. 707 и первая стр. 708 представляютъ иногда близкое къ тексту воспроизведеніе разсужденій А. Лебедева (стр. 49—50. 52. 55—56). Изъ книги же Лебедева выписаны и два дов. обширныхъ примѣчанія. Послѣ одного изъ нихъ стоитъ: „см. у *Лебедева...* 49 стр.“, но послѣ другаго (срвн. Лебедева, стр. 52 прим. 1) почему-то стоитъ цитата на книгу А. Востокова.

На стр. 710 есть пересказъ изъ сочиненія архим. Никанора, стр. 11. 12, а на стр. 711 и пересказъ и буквальное заимствованіе оттуда же (стр. 14—15. 16), при чемъ почти все большое примѣчаніе выписано буквально (срвн. стр. 34 прим. стр. 16 прим. 31).

Половина 713 стр. выписана изъ Никанора же (срвн. стр. 12—13. 36. 37—38) буквально.

Стр. 714 представляетъ изъ себя пересказъ и буквальныя заимствованія у проф. прот. Иванцова-Платонова—Римско-католическое ученіе о папской власти, Православное Обозрѣніе, 1868, т. 3, стр. 12—13. 14 (срвн. еще Никанора, стр. 56).

Второе прим. на 716 стр. безъ цитаты списано у прот. Лебедева, стр. 138.

Половина 718 стр. заимствована изъ книги проф. А. Д.

Бѣляева—О соединеніи церквей, стр. 87 и 88; съ той же книги (со стр. 88) списана почти половина и 719 стр.

Далѣе съ той же книги списывается, начиная съ конца 721 стр., за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ, цѣлыхъ три страницы и точность воспроизведенія простирается иногда даже на курсивы. Срвн.

721 стр. Малиновскаго и 92 стр. Бѣляева.

722 стр. и примѣчанія и Бѣляева стр. 92. 95. 93. 94—95 прим. 94—95.

723 стр. Малиновскаго и стр. 94. 99. 97. 98. 97. 96. 99. 96 Бѣляева.

724 стр. Малиновскаго и 99. 100. 101 стр. Бѣляева.

Упоминанія же о книгѣ проф. А. Д. Бѣляева не сдѣлано ни разу.

Далѣе 2½ стр. дословно списано съ статьи прот. Иванцова-Платонова — изъ Православнаго Обозрѣнія за 1868 г. т. 3, стр. 181 слл. Мѣстами списываніе производится оригинально: фраза въ текстъ, фраза въ примѣчаніе. Срвн.

724 стр. Малиновскаго и стр. 181—182 Иванцова-Платонова.

725 стр. Малиновскаго и стр. 182—183 Иванцова-Платонова.

726 стр. Малиновскаго и стр. 183—185 Иванцова-Платонова.

Списавъ дословно 2½ стр., о. Малиновскій не счелъ нужнымъ поставить хотя бы одну цитату.

Конецъ стр. 728 и начало 729 взяты изъ книги Лебедева—О главенствѣ папы, стр. 83. Большое примѣчаніе на стр. 728 буквально списано съ той же книги, стр. 82—83. Но очень досадно и непріятно было видѣть, что, сдѣлавъ изъ книги Лебедева выписку въ полстраницы петита, о. Малиновскій Лебедева не цитируетъ, а продолжаетъ: „Кромѣ курсовъ церковной исторіи, см. объ указанныхъ соборахъ въ изслѣдованіи проф. А. Л. Катанскаго..., а также проф. Садова А. И...“ Не знаю, чѣмъ должно объяснить подобное явленіе, но мнѣ видится въ немъ не особенно высокопробный научный пріемъ докторанта.

Больше половины 730-ой стр. опять безъ всякой цитаты списано у Лебедева со стр. 98. 113—114, а часть стр. 731-ой и первое примѣчаніе на этой стр. тоже списаны со стр. 106 и 115—116. Не поставивъ никакой цитаты въ первомъ бо́льшемъ примѣчаніи и списавъ буквально небольшое примѣчаніе, о. Малиновскій цитируетъ: „См. о семъ у прот. Лебедева. О главенствѣ папы 107—108 стр., а также у проф. На-

лимова Т. А. Вопросъ о папской власти на констанцскомъ соборѣ. СПБ. 1891 г.“

Большая часть 732 стр. пересказъ опять изъ Лебедева, стр. 109—110. 112—113.

Дальше цѣлыхъ двѣ страницы (733—734) дословно и точно списаны у прот. Иванцова-Платонова, Православное Обозрѣніе. 1868, т. 3, стр. 280—282. 284. 286—287. Сдѣлавъ такую обширную выписку, о. Малиновскій ставитъ цитату по отдѣльному изданію статей Иванцова-Платонова 1870-го года. Во-первыхъ, трудно подумать, что эта цитата обозначаетъ буквальную выписку въ двѣ страницы, а во вторыхъ, если присмотрѣться къ поставленной цитатѣ, то можно увидѣть, что о. Малиновскій вовсе и не желаетъ точно обозначить и отмѣтить фактъ буквальной выписки. Въ цитатѣ у него видимъ: „II, 166 — 188 стр.“, т. е. указанъ цѣлый отдѣлъ въ 22 страницы, тогда какъ выписки сдѣланы съ семи или восьми страницъ, расположенныхъ подрядъ.

Стр. 735 списана вся; на этотъ разъ поставлены цитаты на Овербека и Лебедева, но уже первая половина 736 стр. взята изъ статьи прот. Иванцова-Платонова (Православное Обозрѣніе, 1868, т. 3, стр. 2—3) съ сохраненіемъ даже курсивовъ, хотя и безъ всякой цитаты.

Стр. 737 наполовину состоитъ изъ словъ и фактовъ, заимствованныхъ у Лебедева, стр. 193. 194. 195. 198.

Изъ Лебедева же есть выписки на стр. 738 (со стр. 197 и 198) и стр. 739 (со стр. 202—203).

Въ общемъ же итогѣ несравненно большая часть § 134 принадлежитъ вовсе не о. Малиновскому.

§ 135. *Догматъ о непогрѣшимости папы* (стр. 739—756).

И опять 18 страницъ о догматѣ, невѣдомомъ православному догматическому богословію!

Здѣсь вся 741 стр. посписана изъ статьи проф. Ястребова въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1881 г., т. 3, стр. 289. 290. 291. 300. 307. 308—309. Но только въ первомъ и третьемъ примѣчаніяхъ есть глухія ссылки на эту статью.

Прим. на 745 стр. взято изъ книги прот. А. Лебедева, стр. 107, прим. 2.

Списавъ прим. 2 на 748 стр. изъ сборника статей прот. Д. Ѳ. Касицына, о. Малиновскій ставитъ цитату, но почему-то

не отмѣчаетъ, что изъ того же источника взяты имъ 1-ое и часть 3-ьяго примѣчанія. Еще значительная часть того же третьяго примѣчанія (стр. 749 внизу) выписана изъ прим. на 71 — 72 стр. книги Лебедева, но цитата указываетъ на Овербека, на котораго ссылается и Лебедевъ.

Въ этомъ же параграфѣ болѣе трехъ страницъ занимаютъ выдержки изъ рѣчи I. Ю. Штросмайера на Ватиканскомъ соборѣ (стр. 747 — 749. 751. 752 — 753). О. Малиновскому эта рѣчь извѣстна лишь по тѣмъ извлеченіямъ изъ нея, которыя были напечатаны въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ" за 1905 г. №№ 31 и 35. (Стр. 747—749=№ 35, стр. 1320*а*—1321*б*; стр. 751=№ 31, стр. 1318 — 1319; стр. 752=№ 31, стр. 1319*б*; стр. 753=№ 31, стр. 1319—1320). А между тѣмъ вѣдь рѣчь Штросмайера цѣликомъ была переведена на русскій языкъ и напечатана еще въ 1870 году въ Православномъ Обозрѣніи, т. I, Извѣстія и замѣтки, стр. 573 слл. Этого изданія рѣчи о. Малиновскій не видѣлъ; онъ его даже и не указываетъ. Впрочемъ, это можетъ быть и къ лучшему; иначе мы у него встрѣтили бы уже не три страницы выписокъ изъ рѣчи Штросмайера. Но все же думалъ ли Штросмайеръ, что его страстная полемическая рѣчь попадетъ черезъ 40 лѣтъ на страницы „Православнаго Догматическаго Богословія"! Вдохновившись Штросмайеромъ, и самъ о. Малиновскій начинаетъ писать не только въ повышенномъ, но и прямо въ бранномъ тонѣ: см. напр., начало 750-й стр. Вообще рѣчь Штросмайера и выписки изъ „Сборника статей" Д. Ѳ. Касицына могутъ только нарушать серьезный тонъ научнаго изслѣдованія и едва-ли умѣстны въ догматическомъ богословіи. Ни въ одной изъ доселѣ существовавшихъ догматическихъ системъ ничего подобнаго встрѣтить нельзя; ихъ авторы проявляли больше такта и серьезности, нежели въ данномъ случаѣ о. прот. Малиновскій.

Половина стр. 750 и частью стр. 751 состоятъ изъ словъ проф. Н. Я. Бѣляева — Теорія папской непогрѣшимости въ сопоставленіи съ фактами исторіи, Православный Собесѣдникъ, 1881, т. 3, стр. 239—240. 241. 244. Ссылки никакой не имѣется. Съ этой же статьи почти дословно списано и еще болѣе трехъ страницъ подрядъ. Срвн.

Стр. 753 Малиновскаго и Правосл. Собес. 1881, т. 3, стр. 267. 268.

Стр. 754 Малиновскаго и Пр. Соб. стр. 270—271. 272. 273.

Стр. 755 Малиновскаго и стр. 274. 275. 276 статьи Бѣляева.

Стр. 756 Малиновскаго и стр. 277 статьи Бѣляева.

О. Малиновскій статью проф. Бѣляева цитируетъ, но опять таки такъ, что вовсе не обнаруживается степень зависимости отъ Бѣляева и размѣръ выписокъ.

Такъ на стр. 754 сдѣлано примѣчаніе, гдѣ приводится отвѣтъ мюнхенскаго богословскаго факультета на вопросъ баварскаго правительства. Въ концѣ примѣчанія цитата: „См. у Бѣляева“ и т. д. На стр. 755 тоже есть маленькое примѣчаніе о книгѣ Серри, выписанное изъ Бѣляева (стр. 274) и снабженное цитатой: „См. у проф. Бѣляева“ и т. д. Создается видимость, что изъ Бѣляева взяты лишь эти незначительныя примѣчанія. Правда, на стр. 756 въ срединѣ есть сноска на статью Бѣляева, относящаяся непосредственно къ тексту, но кто же можетъ догадаться, что буквальныя выписки изъ нея начались еще съ 753 стр. и были еще раньше. Мало того. Сдѣлавъ въ срединѣ стр. 756 сноску на Бѣляева, о. Малиновскій преспокойно продолжаетъ списывать съ Бѣляева до самаго конца этой страницы.

Вообще въ § 135 изъ 18-ти стр. о. Малиновскому принадлежитъ не болѣе пяти.

IV томъ.

Въ четвертомъ томѣ я подробно остановлюсь лишь на нѣсколькихъ, при томъ немногихъ, параграфахъ.

§ 141. *Условія дѣйствительности и дѣйственности таинствъ* (стр. 32—55).

Цѣлая стр. 35 и начало 36-ой дословно списаны изъ статьи проф. Н. Я. Бѣляева—Пелагіанскій принципъ въ римскомъ католичествѣ, Православный Собесѣдникъ, 1871, т. 1, стр. 232—235. Собственно и у Бѣляева здѣсь большая часть—выписки изъ книги Януса—Папа и Соборъ. Словъ Януса о. Малиновскій ничѣмъ не выдѣляетъ, но ставитъ (въ 1 прим. на 36 стр.) цитату: „Янусъ. Папа и соборъ. 76—77. 311 стр.“ А потомъ: „См. о томъ же еще у проф. Бѣляева Н. Я.“ Какъ будто о. Малиновскій пользуется книгой Януса, а не статьей проф. Бѣляева, у котораго занимаетъ и слова Януса, и цитату на его книгу! Кромѣ того, послѣ цитаты на Бѣляева и еще на Соколова примѣчаніе продолжается. Оказывается,

что все это довольно обширное примѣчаніе взято опять у проф. Бѣляева, стр. 234 прим.

А затѣмъ болѣе трехъ страницъ выписано изъ книги проф. В. А. Соколова—Іерархія англиканской епископальной церкви, Сергіевъ посадъ 1897. Срвн.

Стр. 36 Малиновскаго и 269. 273. 272. Соколова.

Стр. 37 Малиновскаго и стр. 275—277 Соколова.

Стр. 38 Малиновскаго и стр. 277. 278. 282 Соколова.

Стр. 39 Малиновскаго и стр. 288 Соколова.

Обширное прим. 2-ое на 39 стр. см. у Соколова стр. 272 и 271 прим.

Списываніе почти всегда буквальное, но иногда текстъ Соколова помѣщается у Малиновскаго въ примѣчаніяхъ, а примѣчанія Соколова стоятъ въ текстѣ о. Малиновскаго. Книга проф. Соколова на этихъ страницахъ дважды процитована, но очень осторожно. На стр. 36 изъ нея позаимствовано небольшое 2-ое примѣчаніе. Въ концѣ примѣчанія цитата: „См. у проф. *Соколова*. Іерархія англ. церкви. 372—373 стр.," хотя въ книгѣ Соколова всего 362 стр. (Нужно стр. 272—273). Ясно, что цитата относится къ одному только примѣчанію, которое, кстати сказать, заимствовано и не буквально.—На стр. 38 въ текстѣ читаемъ: „Мнѣніе, что для дѣйствительности таинства необходимо не внѣшнее только, но и внутреннее намѣреніе, признаютъ господствующимъ въ западной церкви". Здѣсь сноска и въ прим. 2 цитата на Соколова. Слѣд., у Соколова взята только эта послѣдняя мысль, а между тѣмъ съ книги Соколова выше почти буквально списано двѣ страницы.

Стр. 41 — 43 отчасти списаны, а отчасти составлены по Макарію (См. § 245, т. V, стр. 58. 59 прим. 144. 60. 59 прим. 143. 59—60. 61). Цитаты въ 3-ьемъ примѣчаніи на 43 стр. перенесены изъ Макарія (т. V, стр. 58 прим. 141, стр. 60 прим. 149, стр. 61 прим. 151); только цитаты на Августина получили безграмотный видъ.

Прим. на 46 стр. заимствовано у проф. Соколова, стр. 165 прим. 3.

Въ концѣ стр. 49 и въ началѣ 50-ой о. Малиновскій изъ статьи проф. Бѣляева списываетъ слова Mahrheineke (а не Marcheineke, какъ пишетъ о. Малиновскій) и въ прим. 1 отмѣчаетъ, откуда онъ беретъ эти слова. Но дальше изъ той же статьи списы-

ваются слова Тридентскаго собора, собственныя разсужденія проф. Бѣляева и слова римскаго катихизиса (въ прим. 3-емъ), но цитатъ на Православный Собесѣдникъ ужъ больше нѣтъ (См. 1871, т. 1, стр. 226. 227).

§ 143. *Установленіе крещенія* (стр. 57—63).

Въ этомъ параграфѣ о. Малиновскому повидимому можетъ принадлежать лишь одна страница; остальное же все и почти всегда дословно списано съ книги А. Алмазова— Исторія чинопослѣдованій крещенія и мѵропомазанія. Казань 1884. Срвн.

Стр. 58 Малиновскаго и стр. 7. 8. 9. 10 Алмазова.

По Алмазову составлено здѣсь и примѣчаніе, которое лишь и снабжено цитатой. При томъ въ списанной у Алмазова цитатѣ на „Лугъ Духовный" вм. стр. 287 поставлена неизвѣстно почему 181-я. Стр. 59 вся взята у Алмазова, стр. 11 — 12. Примѣч.—Алмазова стр. 11 прим. 1. Около половины этой страницы и у Алмазова выписка изъ догматики Макарія (т. IV, стр. 101—102), но у Алмазова заимствованіе точно отмѣчено и снабжено цитатой; о. же Малиновскій не ставитъ цитаты ни на Макарія, ни на Алмазова.

Средина стр. 60 выписана безъ цитаты изъ Макарія, § 202, т. IV, стр. 102, а дальше на протяженіи страницы пересказъ и отчасти буквальная выписка изъ Алмазова, стр. 13 –16. Книга Алмазова и названа (стр. 60 прим.), но загорожена поставленной впереди статьей Смирнова.

Обширная, въ цѣлую страницу, выдержка изъ Тертулліана (стр. 19—20) взята у Алмазова (стр. 19—20). Алмазовъ цитируетъ старый переводъ Карнѣева (ч. II, стр. 8—9) и приводитъ въ примѣчаніи подлинный латинскій текстъ, которому переводъ Карнѣева, какъ сдѣланный не съ подлинника, а съ французскаго перевода, соотвѣтствуетъ далеко не въ точности.

§ 144. *Видимая сторона въ таинствѣ крещенія* (стр. 63—77).

Изъ 14-ти страницъ этого параграфа развѣ одна найдется не списанная.

На стр. 64 нѣсколько выписокъ изъ догматики Макарія, § 203, т. IV, стр. 107. 106. 107—108; конецъ же списанъ съ Алмазова, стр. 243. Въ 1-мъ прим. искажена латинская ци-

тата взятая у Макарія: In Io*h*an. Цитаты во второе примѣчаніе попали изъ Макарія (т. IV, стр. 107 прим. 204—206). Третье примѣчаніе выписано изъ книги Алмазова, стр. 243—244, при чемъ ерминіане превратились въ ерміанъ.

Почти вся 65-я страница выписана у Алмазова со стр. 20—22. 28. У него же взято небольшое примѣчаніе первое, въ которомъ есть ссылка уже на 245 стр. книги Алмазова (и не точно: нужно стр. 244—245 прим. 8).

Вся 66 стр. списана у Алмазова, стр. 283. 284. 285. 287. Примѣчаніе тоже взято изъ текста Алмазова на стр. 285 и 292. Отъ себя о. Малиновскій добавилъ лишь нѣсколько опечатокъ, между прочимъ искаженіе латинскихъ словъ, особ. вм. Lucifer—Incifer.

Вся 67 стр., за исключеніемъ развѣ маленькаго 3-ьяго прим., взята изъ книги Алмазова, хотя не всегда дословно. См. стр. 287. 286. 287. 288. 289. Прим. 1-ое со стр. 288, при чемъ за свои выданы не только слова Алмазова, но и Бинтерима, тщательно отмѣченныя кавычками у Алмазова. Прим. 2-ое у Алмазова же со стр. 286. Какъ у Алмазова пропущена цитата къ библейскимъ словамъ о Нееманѣ (4 Цар. 5, 14), такъ нѣтъ ея и у о. Малиновскаго. Кромѣ того, безграмотно написаны латинскіе глаголы imme*gro*, subme*gro*. Самъ о. Малиновскій въ 1-мъ прим. на слѣд. стр. пишетъ—виноватъ!—списываетъ: me*rg*itamur.

Почти вся 68 стр. списана съ книги Алмазова; только сокращаются выдержки изъ свв. отцевъ. См. стр. 289. 290. 289. 290. 291. Цитаты въ примѣчаніяхъ тоже взяты. Срвн. 1-ое—стр. 281 прим. 1; 2-ое—стр. 290 прим. 1. 2. 3; 3-ье—289 прим. 4 (сдѣлана ошибка!); 4-ое—стр. 291 прим. 1.—Въ концѣ стр. 68 зачѣмъ то къ худшему мѣняется переводъ Алмазова изъ Климента Александрійскаго: *βαπτιζόμενοι*—будучи погружены; у Алмазова вѣрно: будучи погружаемы.

Стр. 69-ая тоже вся въ точности списана съ Алмазова, стр. 292. 294. 295. 294. 295. 296, вмѣстѣ съ цитатами въ примѣчаніяхъ. Срвн. 1-ое—стр. 292 прим. 4—5, стр. 293 прим. 1 и 3; 2-ое—стр. 294 прим. 1; 3-ье—стр. 294 прим. 4; 4-ое—стр. 295 прим. 1; 5-ое—стр. 295 прим. 2; 6-ое—стр. 295 прим. 4 и стр. 294 прим. 3.

Стр. 70 вся пересказъ и отчасти выписка изъ Алмазова, стр. 296. 300. 302 прим. 5. 303. Списанное первое примѣча-

ніе отмѣчено цитатой, а цитата въ прим. 3 создаетъ видимость, что у Алмазова взято только находящееся въ текстѣ извѣстіе Герберштейна. Прим. 4-ое выписано изъ текста книги Алмазова, стр. 303—304, и находящіяся у Алмазова подъ строкой цитаты вписаны въ текстъ примѣчанія. Въ концѣ неудачное сокращеніе Алмазова. Сказано о крещеніи мучениковъ Акиндина, Игнатія, Ѳеодула, Филимона и стоитъ цитата (изъ Алмазова) на Четьи Минеи кн. VI, ч. II. Конечно, здѣсь говорится о крещеніи не всѣхъ перечисленныхъ мучениковъ. У Алмазова еще цитаты: кн. XI л. 8 об., кн. XI л. 105 об.

Стр. 71 списана вся и буквально. См. Алмазова стр. 304—306. Въ большомъ 2-мъ примѣчаніи слова св. Кипріана, которыя взяты несомнѣнно у Алмазова на стр. 304, потомучто совпадаютъ сокращенія посредствомъ многоточій, совпадаютъ вставленныя слова латинскія, за исключеніемъ, разумѣется, опечатки у о. Малиновскаго: lиti, нужно — loti. Въ концѣ большой выдержки о. Малиновскій ставитъ страницу по русскому переводу твореній св. Кипріана. Но развѣ же изъ русскаго перевода взяты вставленныя въ текстѣ латинскія слова? Примѣчанія 3-е и 4-е взяты съ 306 стр. книги Алмазова.

Стр. 72 вся пересказъ и выписка изъ Алмазова, стр. 306. 307. 308. 309. 310. 311. Въ 1-мъ примѣчаніи слова св. Іоанна Златоуста съ цитатой по переводу СПБ. Академіи. Но откуда же опять взялись вставленныя греческія слова? Конечно, съ 306 стр. книги Алмазова. Цитата во 2-мъ примѣчаніи: „См. о семъ у Алмазова“ стоитъ послѣ буквальной выписки.

Къ стр. 73 срвн. изъ книги Алмазова стр. 317. 318. 321. 320. 322.

Средина стр. 74-ой выписана съ 327 стр. Алмазова.

Половина 75-й стр.—наборъ святоотеческихъ изреченій изъ книги Алмазова, стр. 330. 329—331, откуда берутся и цитаты: 1-ое прим. см. стр. 330 прим. 1; 2-ое прим. см. стр. 331 прим. 1—2.

Вся 76-ая стр. и часть 77-ой до конца параграфа — списаны у митрополита Макарія (т. IV, стр. 110—113). Только къ искаженной цитатѣ изъ Фотія (въ 3 примѣч. на стр. 76) о Малиновскій прибавилъ сноску и на Макарія. Но несомнѣнно, что даже слова преп. Іоанна Дамаскина попали не

изъ его твореній, а изъ догматики Макарія, такъ какъ не случайно же о. Малиновскій поставилъ (на стр. 77) многоточіе именно тамъ, гдѣ оно стоитъ у Макарія!?

[Въ § 146 упомяну лишь неоговоренныя выписки изъ догматики Макарія въ концѣ стр. 85 и въ прим. 2 (§ 205, т. IV, стр. 125—126. Цитата изъ Оригена искажена), во второй половинѣ стр. 90 и въ первой стр. 91 (§ 205, т. IV, стр 128—130), изъ Филарета (§ 242, ч. 2, стр. 140) выписанъ конецъ стр. 92 и начало 93-ьей].

§ 148. *Понятіе о таинствѣ миропомазанія. Установленіе таинства* (стр. 100—104).

Почти вся 101-ая стр. взята изъ Макарія (§ 208. т. IV, стр. 137—138), а на 102-ой—многое взято у Сильвестра (§ 135, т. IV, стр. 389). Стр. 104 написана очень близко опять къ Макарію (§ 208, т. IV, стр. 139—140).

§ 149. *Видимая сторона таинства* (стр. 104—112).

Съ срединѣ 105-ой стр. буквальная выписка изъ книги Алмазова, стр. 380.

Стр. 106, за исключеніемъ немногихъ строкъ, выписана буквально изъ Макарія (§ 209, т. IV, стр. 146—147).

Непосредственно за этой выпиской слѣдуетъ буквальное заимствованіе довольно обширное изъ Алмазова, стр. 367. У Алмазова здѣсь излагается мнѣніе Смирнова и поставлена (стр. 367 прим. 2) цитата на Труды Кіевской Академіи 1874 г. Что же дѣлаетъ о. Малиновскій? Выписавъ изъ Алмазова изложеніе мыслей Смирнова, онъ беретъ (въ прим. 1 на стр. 107) и цитату на труды Кіевской Академіи, на Алмазова же никакихъ ссылокъ. Конецъ стр. 107 опять написанъ по Алмазову (стр. 369). У Алмазова же (изъ текста на 369 стр.) взяты слова Тертулліана въ прим. 3-ье и точно списана латинская цитата. Только здѣсь у о. Малиновскаго произошла ошибка зрѣнія, и онъ вмѣсто: „c. XL“ — написалъ: „c. XI“.

Стр. 108-ая почти вся взята у Алмазова (См. стр. 370. 403. 402. 382) и у Макарія (§ 209, т. IV, стр. 148). Въ примѣч. 2 слова Постановл. апостольскихъ взяты у Алмазова, стр. 399; у него же цитаты въ прим. 3-емъ (См. стр. 399 прим. 1. 4; стр. 400 прим. 1. 3. 4).

Въ первой половинѣ стр. 109 тоже есть заимствованія изъ Алмазова, стр. 383—384.

Большая часть стр. 110 пересказъ изъ книги Алмазова, стр. 398 и 406. Прим. 1-ое срвн. Алмазова, стр. 400. 403. 405. Цитата на Тертулліана такъ же глуха, какъ и у Алмазова, который въ данномъ случаѣ отсылаетъ выше. Прим. 2-ое срвн. стр. 399—400. Прим. 3-ье срвн. стр. 406: тѣ же многоточія въ словахъ Кирилла Іерусалимскаго.

Слова блаж. Августина на стр. 111 списаны у Алмазова и къ нимъ поставлена изъ Алмазова же латинская цитата, напередъ сдѣланная безграмотной: In Io*h*ann.

§ 151 написанъ по Макарію (§ 210, т. IV, стр. 154—155).

§ 152. *Особенности инославныхъ исповѣданій въ ученіи о мѵропомазаніи* (стр. 117—131).

Уже прим. 3-ье на стр. 117 выписано изъ Макарія (§ 211, т. IV, стр. 157).

Почти вся стр. 118 со всѣми выдержками и цитатами взята у Алмазова, стр. 562—563. Прим. 2-ое срвн. стр. 562 прим. 1. Прим. 3-ье срвн. стр. 562 прим. 4 и стр. 563 прим. 3. Прим. 4-ое срвн. стр. 563 прим. 1. Примѣчаніе 1-ое тоже позаимствовано у Алмазова и оно одно отмѣчено цитатой.

За исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ въ концѣ, вся 119-ая стр. списана съ стр. 565—566 книги Алмазова; только цитаты изъ настоящихъ научныхъ, какими онѣ стоятъ у Алмазова, сдѣланы общими и даже не точными. Въ концѣ прим. 5-го (уже на 120 стр.) стоитъ цитата на Алмазова; послѣ цитаты еще три строки и цитата на книгу Поспѣлова. Но и эти строки и цитата на Поспѣлова списаны все у того же Алмазова (стр. 272 и прим. 3).

Часть стр. 123 составлена изъ „Обличительнаго Богословія“ архим. Иннокентія (т. II, стр. 196—197). Срвн. и начало стр. 124 съ стр. 187 архим. Иннокентія.

Часть стр. 125—изложеніе Иннокентія (т. 2, стр. 189, § 143).

Вся стр. 128-ая составлена, а мѣстами и выписана буквально, по Иннокентію (т. IV, стр. 258—261. § 360).

§ 155. *Видимая сторона таинства евхаристіи* (стр. 138—151).

Половина стр. 140-ой состоитъ изъ двухъ выписокъ—изъ архіеп. Филарета (§ 260, т. 2, стр. 167) и изъ митроп. Макарія (§ 214, т. IV, стр. 170—171).

Стр. 142 отчасти буквально, отчасти въ пересказѣ заимствована изъ § 152 „Обличительнаго Богословія“ архим. Иннокентія (т. 2., стр. 204—207).

Конецъ 146-й стр. и половина 147 стр. взяты у Макарія (§ 214, т. IV, стр. 174—175).

Первая половина стр. 148-ой буквально списана у архіеп. Филарета (§ 260, ч. 2, стр. 167—168), а конецъ у митроп. Макарія (т. IV, стр. 177). Цитаты въ 1 прим. набраны изъ примѣчаній къ стр. 177—178 митроп. Макарія.

§ 156. *Пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову въ таинствѣ евхаристіи* (стр. 151—180).

На стр. 154 нѣсколько заимствованій у Макарія (§ 215, т. IV, стр. 188. 190—191).

Половина стр. 160 близкій къ тексту пересказъ изъ § 257 догматики архіеп. Филарета (ч. 2, стр. 163).

Слова VII вселенскаго собора на 163 стр. несомнѣнно попали изъ догматики Макарія (т. IV, стр. 201), хотя и подыскиваетъ къ нимъ о. протоіерей страницы изъ „дѣяній всел. соборовъ“; тѣ же, что и у Макарія, сокращенія, тѣ же греческія слова (не въ русскомъ же переводѣ нашелъ ихъ о. Малиновскій!?), тѣ же опечатки въ словѣ *αἵμα* (*αἷμα*, конечно!).

На стр. 164 о. Малиновскій начинаетъ приводить свидѣтельства отцевъ Церкви и выписываетъ ихъ изъ книги А. Л. Катанскаго—Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцевъ и писателей Церкви до Оригена включительно, СПБ. 1877.

Слова св. Игнатія Богоносца (на стр. 164—165) взяты со стр. 69 и 72 книги Катанскаго: совпадаютъ переводы, греческія слова, курсивы. Переводъ одинаково отступаетъ отъ существующаго русскаго перевода прот. П. Преображенскаго (См. 2 изд. СПБ. 1895, стр. 304—305).

Слова св. Іустина мученика (на стр. 165—166) взяты со стр. 79—80. Также вносятся поправки въ переводъ прот. П. Преображенскаго (Москва 1892, стр. 97—98 срвн.), совпадаютъ курсивы. Списаны не одни слова св. Іустина, а цѣлая

полстраница и разсужденій самого Катанскаго (со стр. 80. 81. 82. 83), которыя воспроизводятся о. Малиновскимъ даже съ сохраненіемъ курсивовъ.

Полторы страницы словъ св. Иринея (стр. 166—167) тоже взято у Катанскаго (стр. 101--104), переводъ котораго значительно отличается отъ перевода прот. П. Преображенскаго (срвн. изд. 2, Москва 1900, стр. 409).

Совпадаютъ курсивы и греческія слова, въ которыя, впрочемъ, о. Малиновскій вноситъ грубыя опечатки, напр., *ὁμολογισε* вм. *ὁμολόγησε*.

Слова св. Іоанна Златоуста (на стр. 170—171) воспроизводятся, съ небольшимъ измѣненіемъ, по статьѣ В. Я. Малахова—Пресуществленіе св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи, Богословскій Вѣстникъ, 1898, т. 3, стр. 125—128.

Отсюда же взяты (на стр. 172) слова св. Амвросія Медіоланскаго со множествомъ вставленныхъ латинскихъ изреченій (Богословскій Вѣстникъ, 1898, т. 3, стр. 129—130). Цитатъ, взятый въ 3-ьемъ прим. на 129 стр., едва ли весь относится къ приведеннымъ словамъ. Примѣчаніе 2-ое перенесено (съ ошибкой въ латинскомъ словѣ) съ 130 стр. прим. 2-е.

Слова блаж. Августина (на стр. 172—173) взяты со стр. 131. Только въ первой строкѣ на 173 стр. не на мѣстѣ поставлена скобка, да въ цитату (въ прим. 2) добавлена опечатка.

Выдержка изъ св. Григорія Двоеслова (на стр. 173) приведена по той же статьѣ, стр. 134. 133; изъ этой же статьи (стр. 133) пересказано и 4-ое примѣчаніе.

Цитаты въ 1-ое прим. на 174 стр набраны изъ догматики Макарія (т. IV, стр. 199 прим. 504), и Сильвестра (т. IV, стр. 460 прим. 2 и стр. 461 прим. 1).

Вторая половина 175 стр. составлена по статьѣ Малахова (Богословскій Вѣстникъ 1898, т. 3, стр. 122 прим. 2).

Изъ этой же статьи и выписано начало 178 стр. (См. Бог. Вѣст. 1898, т. 3, стр. 115. 119).

§ 191. *Плоды таинства причащенія для причащающихся* (стр. 191—193).

Въ этомъ параграфѣ отмѣтимъ заимствованія изъ Макарія. Срвн.

Стр. 191 конецъ и Макарія т. IV, стр. 224.
Стр. 192 средина и Макарія т. IV, стр. 224.
Стр. 193 начало и Макарія т. IV, стр. 225.

§ 192. *Евхаристія, какъ жертва* (стр. 194—200).

Здѣсь заимствованія изъ Макарія и Иннокентія „Обличительное Богословіе". Срвн.
Стр. 195 и Иннокентія § 379, т. IV, стр. 360—361,
Стр. 197 средина и Иннокентія, тамъ же, стр. 361.
Стр. 198 начало у Иннокентія, стр. 363. Средина и конецъ у Макарія § 219, т. IV, стр. 228. Цитаты въ прим. изъ Макарія, стр. 229 прим. 600.
Стр. 199 и Макарія, стр. 229.
Прим. 2-ое см. у Макарія, стр. 229—230.
Стр. 200 срвн. съ Макаріемъ же.

§ 160. *Существо и свойства евхаристической жертвы* (стр. 200—205).

Начинается параграфъ пересказомъ изъ Макарія § 220, т. IV, стр. 232—233.
Изъ Макарія же (§ 220, т. IV, стр. 236. 238. 239) пересказъ въ срединѣ и въ концѣ стр. 202 и до средины стр. 203.
Почти вся 204 стр. пересказъ и выписка изъ Макарія же (§ 220, т. IV, стр. 234—235). Послѣднія лишь три строки поставлены въ кавычкахъ и сдѣлана ссылка на Макарія.
Стр. 205 срвн. съ Макаріемъ, т. IV, стр. 234.

§ 161. *Особенности римской церкви въ ученіи объ евхаристіи* (стр. 205—220).

Стр. 205 прим. срвн. съ § 148 „Облич. Богосл." архим. Иннокентія, т. 2, стр. 199—200 прим.
Въ срединѣ и въ концѣ стр. 206 выписки изъ Иннокентія (т. 2, стр. 203. 208). Въ прим. 2 съ Иннокентія списана цитата на русскую книгу (см. у Иннокентія, стр. 203 прим. 3).
Половина стр. 207 буквально выписана изъ Иннокентія § 154, т. 2, стр. 209—210.
Прим. на стр. 208 срвн. съ Иннокентіемъ т. 2, стр. 213 слл.
Прим. на стр. 210—211 списано у Иннокентія (§ 164, т. 2, стр. 254 прим 1); хотя цитуется въ немъ со-

чиненіе Серединскаго, но и эта цитата сдѣлана по Иннокентію же.

Начало стр. 214 срвн. съ Иннокентіемъ § 168, т. 2, стр. 261, а средину съ Макаріемъ § 218, т. IV, стр. 221. Цитаты въ примѣчаніяхъ собраны тамъ же. 1-ое прим.=Макарій, стр. 221 прим. 577 и Иннокентій, т. 2, стр. 266. 2-ое прим.=Макарій, стр. 221 прим. 578.

Стр. 216 начало срвн. съ Иннокентіемъ, § 172, т 2, стр. 274.

Вторую половину стр. 218 и начало стр. 219 срвн. съ Иннокентіемъ, § 177, т. 2, стр. 285—287. Цитата въ 1-мъ примѣчаніи изъ Иннокентія же, стр. 287 прим. 1.

Въ § 162—*Протестантское ученіе объ евхаристіи*—мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе лишь на большое 2-ое примѣчаніе на стр. 221-ой. Примѣчаніе это состоитъ изъ словъ „Формулы согласія". О. Малиновскій спѣшитъ предупредить читателя, что Формулу согласія онъ цитируетъ „по изд. Müller's"! Но удивительно, что переводъ о. протоіерея уже 50 лѣтъ назадъ напечатанъ въ Казани—въ книгѣ „Обличительное Богословіе" архим. Иннокентія, ректора Казанской духовной семинаріи, § 367, т. IV, стр, 297 прим. О. Малиновскій раскрывалъ стр. 663 изданія Мюллера; оттуда онъ вставилъ, хоть не безъ грѣха, нѣсколько латинскихъ словъ, но перевода онъ провѣрить не потрудился. Если-бы онъ дѣлалъ свой переводъ, м. б. слова: pronuntiatio ministri и не перевелъ бы чрезъ „служеніе совершителя", простаго „sed" чрезъ „напротивъ", не вставлялъ бы словъ, какихъ въ латинскомъ текстѣ нѣтъ, и не опускалъ бы тѣхъ, которыя есть (напр., опущено цѣлое придаточное предложеніе: quae Christus in prima Coena locutus est), иначе бы нѣсколько перевелъ конецъ выдержки. Но нѣтъ, текстъ о. Малиновскаго повторяетъ переводъ, сдѣланный 50 лѣтъ назадъ—и не по „изд. Müller's"!—совершенно безъ перемѣнъ, сохраняя даже одинъ изъ курсивовъ.

Подобное же и во 2-омъ прим. на стр. 223, гдѣ переводъ изъ „Формулы согласія" принадлежитъ опять не о. Малиновскому, а архим. Иннокентію (§ 384, т. IV, стр. 381). Какъ на грѣхъ, переводъ Иннокентія въ данномъ случаѣ не только не точенъ, но даже и невѣренъ, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующей параллели:

Elementa illa seu visibiles species benedicti panis et vini *adorare oportere*. Quod autem Christus ipse, verus Deus et homo (qui in Coena sua, in legitimo nimirum ejus usu, vere et substantialiter praesens est) in spiritu et in veritate (quemadmodum etiam omnibus aliis locis, praecipueque vero ubi ecclesia ipsius est congregata) adorari debeat, id nemo nisi arianus haereticus negaverit. *Müller*. S. 674.

Веществамъ или видимымъ видамъ благословеннаго хлѣба и вина *не должно воздавать боголѣпнаго поклоненія*, а должно такъ покланяться самому Христу, истинному Богу, который присутствуетъ въ евхаристіи истинно и существенно во время законнаго употребленія ея.

Переводъ Иннокентія и Малиновскаго.

Такъ и въ 4-мъ томѣ исполняетъ о. Малиновскій данное въ 3-ьемъ томѣ (стр. 422 прим. 1) обѣщаніе ссылки на символическія книги лютеранъ дѣлать „по изд. Müller's"!

§ 164. *Установленіе таинства покаянія* (стр. 231—237).

Конецъ стр. 233 пересказъ, а начало 234-ой буквальная выписка изъ догматики архіеп. Филарета (§ 266, ч. 2, стр. 179), откуда взято и примѣчаніе на 233 стр. (стр. 179 прим. 1).

Вторая половина 234 стр. пересказъ и отчасти буквальная выписка изъ Филарета же (§ 266, ч. 2, стр. 180).

За исключеніемъ всего нѣсколькихъ строкъ вся страница 235-ая выписана буквально опять у Филарета (§ 266, ч. 2, стр. 181. § 267, ч. 2, стр. 182). При томъ здѣсь не свидѣтельства отцевъ, а собственныя разсужденія архіеп. Филарета.

Средина 236 стр. буквально выписана изъ догматики митр. Макарія (§ 222, т. IV, стр. 242), у котораго получено указаніе и на Іоанна Златоуста.

Слова св. Амвросія Медіоланскаго переписаны изъ Макарія (§ 223, т. IV, стр. 245), но цитаты въ прим. 2-ое перенесены съ ошибкой:—поставлено: „In Luc. V, 23"—вмѣсто: „In Luc. V, 13" (см. Макарія, стр. 245 прим. 663).

Послѣ словъ св. Амвросія опять слѣдуетъ пересказъ изъ догматики Филарета (§ 267, ч. 2, стр. 183).

Поставивъ въ прим. 2 латинскія цитаты на св. Амвросія, о. Малиновскій цитируетъ Макарія, какъ будто изъ Макарія въ этомъ параграфѣ и взяты только эти слова. На са-

момъ же дѣлѣ большая часть этого параграфа выписана и не столько изъ Макарія, сколько изъ неупомянутаго совсѣмъ архіеп. Филарета.

§ 165. *Видимая сторона таинства* (стр. 237—246).

Начинается параграфъ пересказомъ изъ Филарета (§ 268, ч. 2, стр. 189).

Средина 238-ой стр. дословно выписана изъ книги Александра Замятина—Покаяніе и его значеніе для нравственной жизни христіанина, Кіевъ 1904, стр. 188. Цитируетъ же здѣсь о. Малиновскій „Путь ко спасенію“ еп. Ѳеофана, при чемъ цитата, разумѣется, перенесена изъ Замятина (стр. 188 прим. 2).

Вторая половина стр. 240 состоитъ изъ словъ архим. Иннокентія—„Обличительное Богословіе“, § 399, т. IV, стр. 429.

На стр. 241 удивительная мозаика изъ словъ архіеп. Филарета и архим. Иннокентія: иногда половина фразы берется буквально у одного, а половина буквально же у другаго. Начинается страница выпиской изъ Филарета (§ 267, ч. 2, стр. 189), черезъ три строки слова Иннокентія (§ 399, т. IV, стр. 429), еще черезъ двѣ строки выписка изъ Филарета (стр. 184), но въ эту же выписку въ слова Филарета въ скобкахъ вставлены слова Иннокентія (стр. 429), а конецъ этого же періода берется буквально у того же Иннокентія (т. IV, стр. 430 прим.). Въ примѣчаніи находимъ даже ссылку на сирское чтеніе Дѣян. 19, 18, конечно, взятую у Иннокентія (т. IV, стр. 430 прим.).

Стр. 242 составлена по Филарету (§ 270, ч. 2, стр. 189 прим. 23) и по Замятину (стр. 202). Но Замятинъ въ этомъ случаѣ цитируетъ Филарета.

Значительная часть стр. 244 буквально выписана изъ догматики Филарета (§ 271, ч. 2, стр. 190). Отсюда же есть небольшая выписка въ концѣ стр. 245-ой.

Ни на Филарета, ни на Иннокентія во всемъ параграфѣ нѣтъ никакихъ указаній, тогда какъ (въ прим. 1 на стр. 243) по вопросу объ исповѣди и духовникахъ о. Малиновскій считаетъ нужнымъ указать „литературу“, называя при этомъ не только ученые труды, но и рецензіи на нихъ.

Въ § 160 объ эпитиміяхъ отмѣтимъ лишь небольшой курьезъ въ примѣчаніи на 250 стр., посвященномъ перечисленію

покаянныхъ ступеней въ древней Церкви. Примѣчаніе это дословно выписано изъ 5-го тома „Православной Богословской Энциклопедіи“ (стлб. 476). Это еще не бѣда, такъ какъ поставлена цитата. Но о. Малиновскій ужъ черезчуръ оказался точнымъ копіистомъ,— у него читаемъ: „*плачущіе*, которые должны были стоять у дверей *а* съ плачемъ умолять о допущеніи къ покаянію“... Здѣсь „*а*“, конечно, опечатка вмѣсто „*и*“, но не дивно-ли, что та же опечатка есть и въ Энциклопедіи: съ этимъ же „*а*“ вѣдь явно безсмысленная фраза.

§ 167. *Особенности римско-католической церкви въ ученіи о таинствѣ покаянія* (стр. 252—273).

Зачѣмъ объ этихъ особенностяхъ писать въ Православномъ Догматическомъ Богословіи, — не совсѣмъ легко понять. А о. Малиновскій прибавляетъ еще и „Ученіе объ удовлетвореніи и индульгенціяхъ“.

Стр. 253—255 составлены по статьѣ А. П. Шостьина—Превосходство исповѣди православной предъ исповѣдью іезуитски-католической (Вѣра и Разумъ, 1887, т. I), заглавіе которой неточно названо въ 3-ьемъ прим. на стр. 253.

Но особенно усердно о. Малиновскій въ этомъ параграфѣ пользуется книгой проф. Н. Я. Бѣляева—Римско-католическое ученіе объ удовлетвореніи Богу со стороны человѣка. Казань 1876. Собственно съ этой книги списанъ весь этотъ параграфъ и списанъ большею частію дословно. Срвн.

Стр.	255	и	Бѣляева	стр. 18.
„	256	„	„	„ 18. 21. 24.
„	257	„	„	„ 23. 24. 28. 29.
„	258	„	„	„ 205. 208. 210. 216.
„	259	„	„	„ 219. 225. 226. 227. 228. 235. 236.
„	260	„	„	„ 236. 237. 238.
„	261	„	„	„ 36. 37. 163.
„	262	„	„	„ 172. 176 слл.
„	267	„	„	„ 37—38.
„	268	„	„	„ 38. 42—44. 46.
„	269	„	„	„ 46.
„	270	„	„	„ 46. 47. 48.
„	271	„	„	„ 304—305.
„	272	„	„	„ 305. 306. 307. Здѣсь, замѣтимъ,

цитата на блаж. Іеронима и безграмотна и не вѣрна (въ прим. 2-мъ), а въ прим. на стр. 270 упоминается „аббатъ Минье“ (т. е. Migne).

Въ нашемъ параллельномъ столбцѣ недостаетъ страницъ 263—266, но эти страницы заполнены выписками изъ „Сборника статей“ прот. Д. Ѳ. Касицына, гдѣ идетъ рѣчь о католическихъ индульгенціяхъ и приводятся нѣкоторые §§ изъ католическихъ таксъ. Здѣсь все берется изъ Касицына. Вмѣстѣ съ Касицынымъ о. Малиновскій цитируетъ даже „Русское Слово“ № 81 за 1895 г. Но вѣдь о. Касицынъ писалъ мелкія статьи публицистическаго характера въ „Душеполезномъ Чтеніи“, а о. Малиновскій пишетъ „Православное Догматическое Богословіе“. Выписывая изъ статей Касицына, о. Малиновскій все же почти всегда ставитъ точныя цитаты, но съ книгой проф. Бѣляева дѣло обстоитъ несравненно хуже. Точныя и буквальныя заимствованія ничѣмъ не отмѣчены, хотя въ общей сложности изъ книги Бѣляева о. Малиновскій почерпнулъ до десяти стр. текста. Изрѣдка встрѣчающіяся цитаты при первомъ взглядѣ можно отнести лишь къ отдѣльнымъ совершенно ничтожнымъ примѣчаніямъ (См. напр., стр. 261 прим. 1; стр. 262 прим. 1; стр. 269—270 прим. 2). На стр. 260-ой стоитъ примѣчаніе: „См. у *Иннокентія* архим. Облич. Богосл. II т. §§ 182 — 183“. Можно подумать, что предыдущія страницы заимствованы у Иннокентія. На самомъ же дѣлѣ у Иннокентія взято (буквально) лишь двѣ маленькихъ выдержки по четыре строчки (стр. 300 и 303); непосредственно же выше двѣ почти страницы (258—259) взяты изъ книги проф. Бѣляева, такъ что заимствованіе изъ Бѣляева скрылось въ данномъ случаѣ за цитатой на архим. Иннокентія.

§ 170. *Видимая сторона таинства священства* (стр. 288—299).

Здѣсь прежде всего замѣтно пользованіе статьей—О таинствѣ священства—въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1867 г., изъ которой есть и буквальныя выписки. Срвн.

Стр. 289 начало и Прав. Соб. т. III, стр. 107.
„ 289 конецъ и 290 начало и т. III, стр. 108.
„ 290 средина и т. III, стр. 109.
„ 293 сред. и конецъ и т. III, стр. 114. 115.
„ 294 начало и конецъ и т. III, стр. 115. 117.

Стр. 294 прим и т. III, стр. 116 прим. 3.

„ 295 средина и т. III, стр. 118.

„ 297 слова блаж. Θеодорита и цитата на „Исторію боголюбцевъ“, см. т. III, стр. 119 и прим. 4.

Кромѣ того, есть выписки изъ книги проф. В. А. Соколова—Іерархія англиканской епископальной церкви. Срвн.

Стр. 290 конецъ и Соколова стр. 180.

„ 291 перв. половину и Соколова стр. 180. 181.

„ 292 начало и конецъ и Соколова стр. 289. 291.

Слова св. Амвросія Медіоланскаго (на стр. 297), конечно, выписаны изъ Макарія (§ 240, т. V, стр. 33) и латинская цитата по обычаю безграмотна.

§ 173. *Особенности римско-католическаго ученія о таинствѣ священства* (стр. 318—330).

Слова Тридентскаго собора въ 4-мъ прим. на стр. 318 взяты изъ книги проф. И. П. Соколова—Ученіе римско-католической церкви о таинствѣ священства. СПБ. 1907, стр. 52.

Конецъ стр. 322 и половина стр. 323 близко къ тексту, а мѣстами и буквально совпадаютъ съ текстомъ, В. А. Соколова—Іерархія англиканской церкви, стр. 181—182. 185.

Почти вся стр. 327 и половина стр. 328 взяты изъ книги И. П. Соколова, стр. 164—165, вмѣстѣ и съ прим. 3—5 на стр. 327. Въ срединѣ стр. 328 стоитъ цитата: „см. о семъ у проф. *Соколова*, 166—202 стр.“ Передъ сноской идетъ рѣчь о требованіяхъ признанія епископства за особую степень священства и отрицанія сакраментальнаго характера степеней низшихъ степени діакона, требованіяхъ, раздающихся въ католическомъ богословіи. Объ этомъ-то и приглашаетъ о. Малиновскій смотрѣть въ книгѣ проф. Соколова, начиная со стр. 166. О томъ же, что со стр. 164—165 книги Соколова онъ дословно списалъ предыдущую страницу своей книги, о. Малиновскій умалчиваетъ.

На стр. 238—240 своего Догматическаго Богословія о. Малиновскій счелъ за нужное поговорить о римскихъ кардиналахъ, тѣмъ болѣе что въ Христіанскомъ Чтеніи за 1895 г. (т. 1, стр. 57 слл.) есть о нихъ статья И. В. Баженова. Страницы о. Малиновскаго, посвященныя кардиналамъ, и списываются со статьи Баженова.. Срвн.

Стр. 328 и Христ. Чт. 1895, т. 1, стр. 58.

Прим. 3 на стр. 328—329 и Хр. Чт., стр. 85. 88. 89. 90. 92. 93.

Стр. 329 и Христ. Чт. стр. 77—78. 82—83.

Стр. 330 и Христ. Чт. стр. 74. 83. 79. (при чемъ „mozetta“ обращена въ „moretta“).

Нельзя сказать, чтобы по части цитаціи на этихъ страницахъ все обстояло вполнѣ благополучно. На стр. 329 изъ статьи Баженова выписывается примѣчаніе первое. Стоитъ цитата: „см. указ. ст. Баженова, 84—85 стр.“ (прим.). Но изъ этой же статьи выписано и второе примѣчаніе рядомъ же (со стр. 82). Но уже здѣсь въ качествѣ цитаты видимъ: „см. у *Авдія Востокови.* Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ церквамъ, XIX гл., а также переводную ст. „Папскіе конклавы“, въ Чт. люб. дух. просв. 1876 г. II ч.“. Замѣтимъ еще, что ссылка на статью Чт. Общ. Любителей духовнаго просвѣщенія взята у того же Баженова, стр. 82 прим. 1.

На слѣдующей 330 стр. болѣе половины стр. буквально взято и подъ рядъ изъ статьи Баженова. Стоитъ сноска и подъ строкой маленькое примѣчаніе съ цитатой: „См. *Серединскаго Т.* прот. Обозрѣніе религій. 194 стр.“.

Здѣсь я обрываю свое изслѣдованіе *способа* составленія о. протоіереемъ Малиновскимъ подлежавшихъ моему разсмотрѣнію томовъ его „Православнаго Догматическаго Богословія“.

Бѣглый просмотръ второй половины 4-го тома не обѣщалъ мнѣ, что я при болѣе детальномъ разсмотрѣніи найду въ этой половинѣ что-нибудь совершенно мѣняющее составившееся у меня представленіе о способѣ писанія о. Малиновскимъ своего труда. Поэтому, думается, мнѣ не было нужды еще растягивать срокъ разсмотрѣнія труда о. прот. Малиновскаго, представленнаго имъ на соисканіе высшей богословской ученой степени, тратить и еще не мало времени и силъ на работу, въ которой не только нѣтъ какой-нибудь необходимости, но даже и нужды. Стоитъ-ли убивать дорогое время на занятіе своего рода научнымъ спортомъ, когда можно имѣть настоящее дѣло!

Пріемы и методъ научной работы о. прот. Малиновскаго обрисовываются довольно рельефно. Онъ прежде всего старается „списать“. Онъ списываетъ съ книги, попавшейся ему подъ руку, будетъ ли то серьезная научная работа или мел-

кая, наскоро написанная, статейка, списываетъ цѣлыми страницами, списываетъ наспѣхъ и дѣлаетъ, поэтому, множество ошибокъ, иногда курьезнаго и скандальнаго характера. Составленіе нѣкоторыхъ параграфовъ, мною болѣе внимательно разсмотрѣнныхъ, до прозрачности ясно. Предъ глазами выплываетъ отчетливая картина. Раскрываются 2—3 книжки и по очереди списывается то съ одной, то съ другой; къ этому добавляется еще то, что послѣ случайно попадется въ какой-нибудь другой книгѣ или журнальной статейкѣ. Въ результатѣ получается параграфъ въ 20—25 стр., въ которомъ всего лишь одна пятая часть можетъ быть принадлежитъ автору; нужно же что-нибудь написать хоть для связи между отдѣльными выписками! Благодаря этому, отдѣльные параграфы не всегда стройны и послѣдовательно изложены; въ нихъ встрѣчаются повторенія одного и того же въ разныхъ мѣстахъ; въ нихъ несогласованность даже сужденій. Иначе и быть не можетъ: вѣдь одна страница взята изъ одного автора, другая изъ другаго. Тамъ, въ пособіяхъ, эти страницы стояли въ органической связи съ другими. Изъ этой связи о. прот. Малиновскій ихъ вырываетъ и помѣщаетъ рядомъ съ другими страницами и строками, тоже вырванными изъ своей естественной среды. Трудно поэтому ожидать, что у о. Малиновскаго можетъ получиться какое-нибудь органическое единство; скорѣе у него должна получиться какъ бы куча, въ которой собраны обломки разныхъ вещей изъ различнаго матеріала, старыхъ и новыхъ. Къ труду о. прот. Малиновскаго не приложимо библейское изреченіе о заплатахъ изъ небѣленной ткани къ ветхой одеждѣ; его научная одежда сшита и изъ старыхъ, полуистлѣвшихъ на библіотечныхъ полкахъ, матерій и изъ новыхъ, едва потерявшихъ фабричный (resp. типографскій) запахъ. Однѣ страницы „Догматическаго Богословія“ о. Малиновскаго были напечатаны (въ другихъ книгахъ) еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка, другія сравнительно недавно и третьи лишь впервые появляются въ книгахъ о. Малиновскаго. Этихъ послѣднихъ далеко не большинство, а скорѣе значительно меньше половины.

То, конечно, правда, что писать цѣлую систему догматическаго богословія и быть всюду самостоятельнымъ невозможно, но я говорю объ особой формѣ зависимости отъ пособій, которую мнѣ пришлось наблюдать при разсмотрѣніи сочи-

ненія о. Малиновскаго. Невольно приходилось изумляться и недоумѣвать, что это за непреодолимое стремленіе у о. протоіерея списывать непремѣнно буквально. Очень много страницъ догматики о. Малиновскій могъ бы, несомнѣнно, написать и самъ ничуть не хуже, если не лучше, чѣмъ нашелъ ихъ въ своихъ пособіяхъ и буквально перенесъ въ свою книгу. Но у него какъ бы какая привычка писать даже о самыхъ простыхъ вещахъ, непремѣнно держа предъ глазами чужую книгу или статью. Часто онъ и предпочитаетъ не только по временамъ заглядывать въ свое пособіе, а списывать фразу за фразой, совершенно не отрываясь отъ книги. Создается извѣстнаго рода особая умственная лѣнь, проявляющаяся въ нежеланіи составлять даже собственную фразу. Приходилось наблюдать такія явленія. Авторъ начинаетъ въ извѣстномъ отдѣлѣ излагать свое пособіе. Уже чрезъ нѣсколько строкъ изложеніе становится все ближе и ближе къ подлиннику, а потомъ идетъ уже и буквальное списываніе. Нерѣдко въ своемъ трудѣ о. Малиновскій не только не творитъ, но даже и не сочиняетъ, а сплошь и рядомъ не хочетъ заниматься даже и изложеніемъ. Онъ не ученый и не писатель, а,—употребляя древне-русскій литературный терминъ,—„списатель“ и немного напоминаетъ того несчастнаго гоголевскаго чиновника, который, лишь сдѣлавъ первый опытъ въ области канцелярскаго творчества, тотчасъ попросилъ лучше дать ему что-нибудь переписать. И о. протоіерей Малиновскій, какъ усердный копіистъ, переписываетъ иногда въ точности и сохранности воспроизводя даже опечатки оригинала.

Обычай о. Малиновскаго почти не ставитъ цитатъ тоже долженъ быть упомянутъ, какъ не совсѣмъ похвальный въ ученомъ сочиненіи пріемъ. Многочисленныя выписки изъ источниковъ и сопровождающія ихъ цитаты онъ считаетъ какъ бы безспорнымъ общимъ достояніемъ и, переписывая въ свою книгу цѣлыми страницами чужія выдержки и цитаты изъ источниковъ, онъ не чувствуетъ потребности, хотя бы просто изъ вѣжливости и нѣкотораго рода благодарности, помянуть имя того автора, который самъ потрудился надъ собраніемъ матеріала, уже въ готовомъ видѣ поступившаго въ распоряженіе о. Малиновскаго. Сколько-нибудь свободно о. Малиновскій цитируетъ лишь одного Кипріана Кар-

ѳагенскаго, о которомъ 30 лѣтъ назадъ онъ писалъ кандидатское сочиненіе.

Изъ представленнаго мною выше разбора отдѣльныхъ параграфовъ труда о. Малиновскаго можно видѣть, что онъ почти никогда не отмѣчаетъ, откуда онъ беретъ свой матеріалъ. И такъ онъ поступаетъ не только тогда, когда заимствуетъ, напр., ряды святоотеческихъ цитатъ, но очень часто и тогда, когда переписываетъ цѣлыя страницы собственныхъ словъ и разсужденій того или другаго автора. Мало того. Я уже отмѣтилъ нѣсколько случаевъ, когда о. Малиновскій, сдѣлавъ буквальную выписку изъ имѣющагося у него подъ руками пособія, ставитъ цитаты на другія книги и статьи, заимствуя и эти цитаты изъ того же пособія, которое одно лишается чести быть упомянутымъ въ подстрочномъ примѣчаніи. Будучи очень скупъ на цитаты изъ пособій, о. Малиновскій весьма щедръ на цитаты изъ различныхъ источниковъ, хотя первыя были бы собственными, а вторыя у него почти повсюду являются чужими. Да проститъ мнѣ Господь Богъ, если я на ближняго своего послушествую свидѣтельство ложно, но кажется мнѣ и я совершенно не могу отрѣшиться отъ мысли, что все, касающееся цитаціи, у о. Малиновскаго произошло далеко не случайно и не непреднамѣренно. Не было-ли у о. протоіерея стремленія выдавать чужое за свое и придавать видъ серьезной научной и самостоятельной работы своей посредственной компиляціи и даже мѣстами прямому плагіату? Я не хотѣлъ бы на этотъ вопросъ отвѣчать положительно, но если о. протоіерей имѣлъ подобную цѣль, то можно пожалуй сказать, что цѣли своей отчасти онъ достигъ. При первомъ знакомствѣ съ его огромнымъ трудомъ, когда видишь цѣлыя страницы святоотеческихъ свидѣтельствъ по каждому почти вопросу, цѣлыя вереницы всевозможныхъ цитатъ, множество ссылокъ на символическія книги католиковъ и лютеранъ, когда замѣчаешь развязно бросаемыя о. протоіереемъ заявленія, что эти-де ссылки дѣлаются по такому-то новѣйшему изданію, а эти-то по такому, — тогда невольно проникаешься нѣкоторымъ удивленіемъ къ столь обширному научному труду, если даже и предположишь, что онъ не весь написанъ по первоисточникамъ. Только ближайшее ознакомленіе съ трудомъ о. Малиновскаго, которое доступно, конечно, далеко не

всѣмъ, заставляетъ смотрѣть на него нѣсколько иначе. Я самъ, хотя и никогда особеннаго почтенія къ догматикѣ Малиновскаго не чувствовалъ, все же до порученія Совѣта Академіи дать о ней оффиціальный отзывъ, смотрѣлъ на нее далеко не такъ, какъ смотрю теперь, когда предо мною лежатъ два тома труда о. Малиновскаго, на поляхъ которыхъ отмѣчено, что и откуда въ нихъ заимствовано, что и какъ въ нихъ списано, хотя я и не смѣю претендовать на то, что мною отмѣчено положительно все и что ничто списанное не ускользнуло отъ моего вниманія. Разумѣется, не первое впечатлѣніе должно быть рѣшающимъ въ оцѣнкѣ всякаго научнаго труда, а при ближайшемъ критическомъ изслѣдованіи трудъ о. Малиновскаго лишается всякаго права на имя научнаго. Въ немъ нѣтъ никакой науки и пріемы писательства о. Малиновскаго съ научными не имѣютъ ничего общаго. Но этотъ выводъ получается только послѣ детальнаго сравненія книги о. Малиновскаго съ имѣвшимися у него подъ руками пособіями, которыя иногда даже и совсѣмъ имъ не упомянуты. А безъ этого, порою мелочнаго и кропотливаго, сравненія трудъ о. Малиновскаго, благодаря его особенной манерѣ ставить цитаты, можетъ получить въ глазахъ читателя нѣкоторое подобіе ученаго сочиненія.

Проф. В. В. Болотовъ, дѣлая отзывъ объ одной докторской диссертаціи, говорилъ: „не видно, что пишетъ *докторъ* богословія". Познакомившись съ книгами о. прот. Малиновскаго, я, совсѣмъ не имѣя высокой научной щепетильности нашего великаго ученаго, могу сказать: „не видно, что пишетъ даже и магистръ богословія!" Едва-ли нужно имѣть даже какую-нибудь ученую степень, чтобы писать такъ, какъ пишетъ о. Малиновскій. Два тома „Догматическаго Богословія", при такой же постановкѣ дѣла, какъ у о. прот. Малиновскаго, написать можно было бы очень скоро и безъ особеннаго труда. Въ двухъ подлежащихъ настоящему обсужденію томахъ „Православнаго Догматическаго Богословія" всего 136 параграфовъ (Всего стр. 1472: 136=около 11 стр.). Можно поручить студентамъ любыхъ двухъ курсовъ Академіи написать каждому по одному параграфу, предупредивъ, что они могутъ не стѣсняться заимствованіями и выписками изъ тѣхъ пособій, какія только имъ попадутся подъ руку. Можно надѣяться, что чрезъ самый непродолжительный періодъ

времени, недѣли черезъ двѣ-три, у насъ будетъ два не меньшихъ по объему и не худшихъ по достоинству тома, чѣмъ составленные о. прот. Малиновскимъ. Но если бы г.г. студенты вздумали представить свои тетрадки въ качествѣ очереднаго сочиненія, напр., по догматическому богословію, то едва-ли многіе изъ нихъ получили бы высокіе баллы, а двоекъ, несомнѣнно, было бы болѣе значительное количество, нежели бываетъ ихъ у насъ обыкновенно.

Но забудемъ на время, что „Догматическое Богословіе" прот. Малиновскаго почти все списано съ пособій, что пріемы его составленія не только не научны, а пожалуй и антинаучны, что въ способѣ его цитаціи можно усматривать не особенно похвальныя тенденціи. Забудемъ все это и подойдемъ къ труду о. Малиновскаго безъ всякаго предубѣжденія, какъ будто бы мы не были въ его ученомъ кабинетѣ и не видѣли процесса его писательской работы. Но оцѣнивая сочиненіе о. Малиновскаго и независимо отъ способа его написанія, нельзя не видѣть въ немъ большихъ недостатковъ. Прежде всего, оно не соотвѣтствуетъ своему заглавію. Это не „Православное Догматическое Богословіе", а какъ бы сборникъ большихъ и мелкихъ статей по всевозможнымъ богословскимъ вопросамъ. Въ свое „догматическое" богословіе о. Малиновскій прежде всего внесъ цѣликомъ особую богословскую дисциплину, которая обычно именуется „обличительнымъ" или „сравнительнымъ" богословіемъ. Кромѣ того, у него много трактацій въ собственномъ смыслѣ не относящихся ни къ какому богословію, много разсужденій каноническаго, литургическаго и церковно-историческаго характера. Всѣмъ этимъ инороднымъ матеріямъ о. Малиновскій отводитъ спеціальные параграфы, часто очень обширные. Я перечислю сейчасъ, какіе параграфы въ двухъ разсмотрѣнныхъ томахъ едва ли могутъ претендовать на помѣщеніе ихъ въ курсѣ „Православнаго Догматическаго Богословія" и присутствіе которыхъ въ трудѣ о. Малиновскаго, очевидно, обусловлено какими-то особыми, мнѣ неизвѣстными, взглядами на составъ и задачи именно *догматическаго* богословія.

§ 81. Латинскій культъ сердца Іисусова . . . 6 стр.
§ 84. Догматъ римской церкви о непорочномъ зачатіи Божіей Матери . . . . . 28 „

§ 111. Римско-католическое ученіе объ оправданіи и спасеніи человѣка . . . . . 22 стр.
§ 112. Лютеранское ученіе объ оправданіи и его условіяхъ . . . . . 26 „
§ 113. Крайности реформатства въ ученіи объ оправданіи и спасеніи: отрицаніе всеобщности благодати, ученіе о безусловномъ предопредѣленіи и благодати непреодолимой. Ученіе англиканской церкви объ оправданіи и его условіяхъ, и о предопредѣленіи . . . . . 20 „
§ 126. Чрезвычайныя дарованія и служенія въ Церкви . . . . . 15 „
§ 127. Поминовеніе усопшихъ инославныхъ христіанъ . . . . . 14 „
§ 134. Характеръ римско-католическаго ученія о Церкви. Догматъ о папскомъ главенствѣ . . . . 38 „
§ 135. Догматъ о непогрѣшимости папы . . . 18 „
§ 136. Протестантское ученіе о Церкви, какъ духовномъ невидимомъ обществѣ. Особенности англиканскаго ученія о Церкви . . . . . 12 „
§ 147. Особенности инославныхъ исповѣданій въ ученіи о крещеніи и его благодатныхъ дѣйствіяхъ . . . . . 7 „
§ 152. Особенности инославныхъ исповѣданій въ ученіи о мѵропомазаніи . . . . . 15 „
§ 161. Особенности ученія римской церкви объ евхаристіи. . . . . 16 „
§ 162. Протестантское ученіе объ евхаристіи. . 10 „
§ 167. Особенности римско-католической церкви въ ученіи о таинствѣ покаянія. Ученіе объ удовлетвореніи и индульгенціяхъ . . . . . 20 „
§ 168. Ученіе о покаяніи отдѣлившихся отъ римской церкви западныхъ исповѣданій . . . . . 11 „
§ 173. Особенности римско-католическаго ученія о таинствѣ священства. . . . . 18 „
§ 174. Протестантское ученіе о всеобщемъ священствѣ христіанъ. Протестантская ординація . . 8 „
§ 175. Вопросъ о дѣйствительности и законности англиканской іерархіи. . . . . 16 „
§ 176. Іерархія старокатоликовъ. . . . . 6 „

§ 177. Ученіе инославныхъ исповѣданій о бракѣ.. 6 стр.
Прим. Гражданскій бракъ . . . . . 4 „
§ 183. Особенности инославныхъ исповѣданій въ ученіи о таинствѣ елеосвященія . . . . . 9 „

Итого . . . . . 345 стр.

Къ этому итогу въ 345 стр. слѣдуетъ прибавить и еще болѣе сотни страницъ, на которыхъ авторъ забываетъ, что онъ пишетъ догматическое богословіе, и которыя стоятъ въ параграфахъ, не возбуждающихъ сомнѣнія въ причастности къ догматикѣ уже самымъ своимъ заглавіемъ.

Всѣ инородные элементы придаютъ „Православному Догматическому Богословію“ прот. Малиновскаго какой-то особый тонъ и видъ. Границы догматическаго богословія для нашего автора какъ бы не существуютъ и познакомившись съ его догматикой, можно вообразить, что догматическое богословіе обсуждаетъ не одни только догматы, но и всѣ вообще вопросы, сколько-нибудь касающіеся богословской мысли и церковной жизни. Вѣдь находитъ же о. Малиновскій возможнымъ въ догматическомъ богословіи вставлять особый параграфъ прямо подъ заглавіемъ: „Вопросъ о дѣйствительности и законности англиканской іерархіи“? Пишетъ же онъ объ „іерархіи старокатоликовъ“ тоже особый параграфъ? Да что англиканская или старокатолическая іерархія, когда у о. Малиновскаго подъ особымъ же заглавіемъ четыре страницы мелкаго шрифта написано о „гражданскомъ бракѣ“! Вообще въ православномъ догматическомъ богословіи о. Малиновскаго догматовъ несравненно больше, нежели сколько ихъ знаетъ Православная Церковь.

Невольно обращаетъ на себя вниманіе еще то обстоятельство, что объ инославіи въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ о. Малиновскій говоритъ почти столько же, а иногда и больше, нежели о православіи. Вотъ примѣры этого во всякомъ случаѣ страннаго явленія въ „Православномъ Догматическомъ Богословіи“.

Въ § 83 авторъ излагаетъ ученіе Православной Церкви о „Преблагословенной Дѣвѣ Матери Господа Іисуса Христа“, пишетъ о „Приснодѣвствѣ Божіей Матери“ и о томъ, что Она—Богородица. Весь этотъ параграфъ въ 3-ьемъ томѣ занимаетъ 14 страницъ (стр. 150—164). Непосредственно за

этимъ параграфомъ слѣдуетъ § 84 подъ заглавіемъ: „Догматъ римской церкви о непорочномъ зачатіи Божіей Матери“. Здѣсь авторъ находитъ не лишнимъ говорить даже о „тѣлесномъ вознесеніи Богоматери на небо“, и „культѣ сердца пресвятой Дѣвы“. Всего параграфъ о католическомъ ученіи касательно Божіей Матери занимаетъ 28 стр. (стр. 164—191), т. е. ровно вдвое больше, нежели предыдущій, посвященный православному ученію.

Въ отдѣлѣ о покаяніи четыре параграфа (163—166) посвящены православному ученію о покаяніи, и эти параграфы въ общей сложности занимаютъ 22 страницы (стр. 230—252), несмотря на то, что въ разсужденія автора внесено многое, *къ ученію* о покаяніи не относящееся. Инославію посвящены два параграфа (167--168) и эти два параграфа занимаютъ 32 страницы (стр. 252—283).

Въ отдѣлѣ о таинствѣ священства православію посвящено четыре параграфа (169—172), занимающіе 35 страницъ (стр. 283—318), а инославію посвящено тоже четыре параграфа (177—176), но занимаютъ эти параграфы 48 страницъ (стр. 318—366). Какихъ только свѣдѣній не сообщаетъ о. Малиновскій о не-православной іерархіи! Онъ пишетъ и о кардиналахъ, и о конгрегаціяхъ, даже о внѣбогослужебныхъ одеждахъ римскаго клира, о титулахъ римско-католическихъ „князей-церкви“, о целибатѣ, о Матѳеѣ Паркэрѣ, о Іос. Губ. Рейнкенсѣ, о Эд. Герцогѣ, о католическомъ ученіи касательно епископства и т. под. О вопросахъ касательно церковнаго священства и церковной іерархіи авторъ пишетъ совсѣмъ не такъ подробно, но совершенно шаблонно. А вѣдь было бы гораздо естественнѣе въ православномъ догматическомъ богословіи говорить о клирѣ константинопольской церкви, нежели о римскихъ кардиналахъ. Почему бы о. Малиновскому не перечислить современныхъ автокефальныхъ церквей, составляющихъ единую Православную каѳолическую Церковь? Многіе ли изъ православныхъ людей нашего времени знаютъ, изъ какихъ частей состоитъ Единая Христова Церковь? А знать это пожалуй вѣдь болѣе нужно, чѣмъ освѣдомленнымъ быть въ составѣ римскаго клира, въ исторіи англиканской и старокатолической іерархіи. Не забудемъ, что многіе серьезно готовы католичество и протестантство считать помѣстными церквами.

Скажу еще объ одномъ своемъ, можетъ быть субъективномъ, впечатлѣніи. Параграфы, посвященные инославію, лучшіе въ догматикѣ о. прот. Малиновскаго. Они содержательнѣе параграфовъ, посвященныхъ православію, что отражается даже на ихъ внѣшнемъ объемѣ. Инославію посвящено спеціально 19 параграфовъ; каждый изъ нихъ въ среднемъ болѣе 17 страницъ; остальные же 117 параграфовъ, несмотря на множество лишняго матеріала въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ среднемъ менѣе 10 страницъ. Но это, конечно, не важно. Важно то, что посвященные инославію параграфы несравненно интереснѣе посвященныхъ православію. Эти послѣдніе скучны и шаблонны. Въ нихъ все какъ бы застыло въ стереотипной формѣ. Наборъ изреченій изъ ветхаго завѣта, слова Христовы, ученіе ап. Павла, ученіе прочихъ апостоловъ. Затѣмъ ученіе первенствующей Церкви, ученіе позднѣйшихъ оо. и учителей Церкви. Собственно ученія-то ни одного отца нѣтъ, а набраны „свидѣтельства" изъ отцевъ въ хронологическомъ порядкѣ. Все это дѣлается по образцу митроп. Макарія и еп. Сильвестра, какъ будто не существуетъ въ наукѣ исторіи догматовъ съ задачами и методами нѣсколько иного рода, нежели какого держались старые догматисты. Въ современной богословской литературѣ немало поднимается новыхъ вопросовъ, высказываются новые взгляды по многимъ догматическимъ вопросамъ. Раздаются голоса о пересмотрѣ нашего традиціоннаго школьнаго ученія о спасеніи, о благодати, о тройственномъ (что и за слово то?!) служеніи Господа Іисуса Христа. Школьную догматику рѣзко и небезосновательно обличаютъ въ раціонализмѣ, въ зависимости отъ католическихъ средневѣковыхъ образцовъ. Протоіерей Малиновскій идетъ мимо всего этого и ничего знать не хочетъ. Съ проторенныхъ путей его не свести, и онъ лишь самыхъ краткихъ и неблагосклонныхъ замѣчаній удостоиваетъ тѣхъ, кто приглашаетъ сойти съ проторенныхъ путей. Въ одномъ примѣчаніи въ § 140 о числѣ таинствъ (на стр. 24—25) читаемъ: „Къ сожалѣнію, нѣчто подобное (утвержденію протестантовъ) начинаемъ встрѣчать и въ русской богословской литературѣ". Разумѣется книжка † іером. Тарасія—Великороссійское и малороссійское богословіе XVI и XVII вв. Сдѣлавъ нѣсколько выписокъ изъ этой книжки, о. Малиновскій не считаетъ и нужнымъ кри-

тиковать и опровергать ея положенія, а прямо выносить приговоръ: „Утвержденія іеромонаха Тарасія сколько смѣлы и рѣшительны, столь же пусты и бездоказательны, даже намѣренно тенденціозны въ отношеніи лицъ, удостоенныхъ только хиротоніи (состоящихъ и въ бракѣ) и хиротоніи и „постриженія въ монашество“... О. Малиновскій не замѣчаетъ, что въ основѣ книжки о. Тарасія лежатъ совсѣмъ иные взгляды на благодать, на самое спасеніе, иная концепція христіанства, какъ жизни и подвига, нежели привыкли мы объ этомъ читать въ схоластическихъ курсахъ догматики. Нѣтъ, о. протоіерею и въ богословскомъ сочиненіи мерещится подвохъ со стороны монаха противъ бѣлаго духовенства. Ему представляется, что и весь шумъ то поднятъ лишь ради того, чтобы объявить таинствомъ „постриженіе въ монашество“. „Не являются ли подобныя разсужденія, пишетъ онъ, отчасти пробнымъ опытомъ *подложить догматическія основанія* къ порядкамъ и явленіямъ жизни церковно-практической?“... О. Малиновскій остается при своемъ и, не обращая вниманія ни на что, отдѣлъ „о тройственномъ служеніи Іисуса Христа“ пишетъ по статьямъ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. На общемъ фонѣ блѣдности и скуки и выдѣляются параграфы, посвященные инославію. Въ нихъ и свѣдѣній много, и мысль видна. Впрочемъ, здѣсь особенно большой заслуги о. Малиновскаго нѣтъ. Наша богословская литература, всегда болѣе склонная къ изложенію и критикѣ чужаго, чѣмъ къ положительному творчеству, дала ему въ руки лучшія и новыя пособія, чѣмъ какія онъ имѣлъ при написаніи всѣхъ прочихъ параграфовъ своей догматики.

Отмѣтивъ это разрушеніе въ трудѣ о. Малиновскаго строгости и опредѣленности догматической системы, мы можемъ оцѣнивать его именно какъ сборникъ статей и матеріаловъ по разнымъ вопросамъ церковнаго знанія. Мы не назовемъ его хорошей христоматіей. Хорошая христоматія должна заключать въ себѣ отрывки классическіе, которые могли-бы воспитать мысль, научный и литературный вкусъ. Для воспитанія хорошихъ догматическихъ и литературныхъ вкусовъ, не говоря уже о научныхъ пріемахъ и методахъ, составленныя о. прот. Малиновскимъ книги совершенно не пригодны. У него такъ много случайнаго матеріала, выписки дѣлаются изъ книгъ и статей порою совершенно безцвѣт-

ныхъ, которыя обычно въ полномъ безмятежіи пребываютъ на полкахъ книгохранилищъ, такъ мало иногда ясности и опредѣленности сужденій, такъ замѣтно по мѣстамъ отсутствіе стройности и строгой послѣдовательности въ развитіи опредѣленныхъ положеній,—что о воспитаніи литературно-научныхъ вкусовъ путемъ чтенія подобныхъ сочиненій говорить едва-ли слѣдуетъ. Но если книги о. Малиновскаго разсматривать именно какъ сборникъ болѣе или менѣе популярныхъ статей по разнымъ вопросамъ, то о нихъ можно сказать не мало и одобрительнаго. Пусть статьи, заполняющія два громадныхъ тома, совершенно не научны, не оригинальны, не самостоятельны, пусть онѣ даже не совсѣмъ чистоплотно посписаны, — по многимъ и пожалуй большинству до всего этого нѣтъ ровно никакого дѣла. Ученыхъ мало, а желающихъ чему-нибудь поучиться и что-нибудь почитать очень много. Этому большинству всегда нужно имѣть знанія по многимъ и разнообразнымъ вопросамъ. Многіе вовсе не желаютъ изслѣдовать и изучать вопросъ; имъ нужно лишь по возможности кратко объ извѣстномъ вопросѣ прочитать, чтобы хоть что-нибудь да по этому вопросу знать. Если какой вопросъ особенно заинтересовалъ, то является желаніе, чтобы кто-нибудь указалъ, что еще по этому частному вопросу можно почитать и гдѣ. Навстрѣчу насущной потребности людей этого именно рода и идетъ „Православное Догматическое Богословіе“ протоіерея Малиновскаго. Его трудъ своего рода компендіумъ нашей богословской литературы, съ идейной стороны точно отражающій ея достоинства и еще болѣе ея недостатки. Пусть этотъ компендіумъ составленъ какъ бы наскоро, пусть онъ носитъ характеръ какъ бы громадной черновой работы, но онъ есть и въ этомъ въ сущности немаловажная заслуга о. прот. Малиновскаго. По множеству интересныхъ вопросовъ существуютъ и въ русской богословской литературѣ спеціальные труды, но вопросовъ такъ много, а книгъ такъ мало, что прочитать по извѣстному вопросу цѣлую книгу не можетъ даже и тотъ человѣкъ, который имѣетъ въ жизни столько досуга, чтобы читать цѣлыя книги. Но съ тѣмъ же вопросомъ скоро и легко можно познакомиться, прочитавъ десятокъ - другой страницъ въ книгѣ о. прот. Малиновскаго, которую не трудно имѣть всегда подъ руками. То правда, конечно, что зна-

комство не будетъ особенно широкимъ и глубокимъ, но все же лучше хоть какое-нибудь знакомство, чѣмъ никакое. А по какимъ только вопросамъ не можетъ удовлетворять любознательности читателя „Православное Догматическое Богословіе“ прот. Малиновскаго? Здѣсь найдетъ читатель свѣдѣнія не только о православномъ ученіи, но и объ инославномъ и то, что мы отмѣтили какъ недостатокъ догматической системы, за то читатель только поблагодаритъ о. протоіерея. Здѣсь данъ и разборъ ложныхъ ученій инославія. Интересуютъ кого вопросы полемики съ сектантствомъ,—хоть кратко, но и по этимъ вопросамъ найдетъ онъ кое-что у о. Малиновскаго. Слышитъ кто-нибудь возраженія противъ догматическихъ и другихъ истинъ христіанства и не знаетъ, что отвѣтить,—онъ найдетъ въ книгахъ о. Малиновскаго и отрывки апологетическихъ трактатовъ. Даже по литургическимъ и церковно-историческимъ вопросамъ можно читать въ этихъ объемистыхъ книгахъ. Когда представишь всю массу и разнообразіе собранныхъ въ рецензируемомъ сочиненіи свѣдѣній, то, оставивъ научныя мѣрки, невольно будешь привѣтствовать въ лицѣ о. протоіерея Малиновскаго самоотверженнаго труженика. Хотя бы трудъ его и былъ совершенно лишенъ подлиннаго научнаго характера и никакого значенія для науки не имѣлъ, но отрицать его пользы нельзя.

Не мало пользы могутъ принести и тѣ списки „литературы“, которые часто приводятся въ началѣ отдѣльныхъ параграфовъ догматики о. Малиновскаго. Составить эти списки, конечно, было не легко. Но само собою разумѣется, что списки эти имѣютъ значеніе только для тѣхъ, кто еще питается млекомъ ученія и не имѣетъ особенно сильнаго желанія перейти на твердую научную пищу.

Скажемъ нѣсколько словъ о стилѣ разбираемаго сочиненія. Строго говоря, мы не знаемъ хорошо стиля о. прот. Малиновскаго; предъ нами лишь стиль его „Православнаго Догматическаго Богословія“. Судя по тому, что можно съ большей или меньшей вѣроятностью приписать перу самого о. Малиновскаго, къ блестящимъ стилистамъ онъ не принадлежитъ. Нѣсколько своеобразный способъ составленія сочиненія о. Малиновскаго отразился и на стилѣ этого сочиненія. Его стиль разнообразный и пестрый, такъ какъ въ разныхъ

мѣстахъ онъ принадлежитъ разнымъ лицамъ и даже разнымъ эпохамъ. Гдѣ о. протоіерей увлекался списываніемъ съ книгъ и статей почтенной древности, тамъ, конечно, и стиль его отдаетъ слогомъ „временъ Очаковскихъ иль покоренья Крыма“, хотя реченія „сей“, „поелику“ „слѣдственно“ и т. д. обычно устраняются. Но нужно сказать правду, что страницъ съ такимъ устарѣвшимъ стилемъ очень немного. Несравненно больше страницъ со стилемъ хорошимъ. Пособія, изъ которыхъ дѣлаетъ о. Малиновскій большую часть своихъ буквальныхъ заимствованій, принадлежитъ къ тому времени, когда къ печатному слову относились бережно, когда и въ поминѣ не было нашего современнаго литературнаго разгильдяйства, которое, къ сожалѣнію, начинаетъ проникать и въ богословскую литературу, между прочимъ и въ труды, имѣющіе, подобно труду о. Малиновскаго, задачей изложеніе „христіанскаго вѣроученія“. Вотъ почему обширный трудъ о. Малиновскаго читается по мѣстамъ не безъ удовольствія и легко и, если не считать какихъ-нибудь пяти-десяти страницъ, почти никогда не создаетъ легкомысленнаго настроенія, столь мало соотвѣтствующаго важности обсуждаемаго предмета.

Я больше писалъ о недостаткахъ „Православнаго Догматическаго Богословія“ о. прот. Малиновскаго, нежели объ его достоинствахъ, но это только потому, что мнѣ нужно было сдѣлать отзывъ не о просто появившемся въ литературѣ популярно-богословскомъ сборникѣ статей, а о сочиненіи, представленномъ на соисканіе ученой степени. Я не сталъ бы дѣлать порою мелочнаго разбора пріемовъ и способа составленія о. Малиновскимъ его сочиненія, еслибы онъ не выразилъ желанія за послѣдніе два тома написаннаго имъ „Православнаго Догматическаго Богословія“ получить высшую ученую степень доктора богословія.

Теперь же, почтительнѣйше представляя все вышеизложенное на благоусмотрѣніе Совѣта Московской Духовной Академіи, я со своей стороны полагалъ-бы, что и при извѣстной снисходительности желаніе о. протоіерея Малиновскаго не можетъ быть удовлетворено“.

Справка: 1) Устава духовныъ академій *§ 173*: „Лицо, имѣющее степень магистра богословія, удостоивается степени

доктора богословскихъ наукъ по представленіи признаннаго соотвѣтствующимъ цѣли печатнаго сочиненія по одной изъ отраслей богословскаго вѣдѣнія, безъ новаго устнаго испытанія и безъ защиты сочиненія на коллоквіумѣ".—2) По § 109 лит. *а.* п. 15 того же устава „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученыя степени и *оцѣнка оныхъ* (§§ 172 и 173)" значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.—3) По собраніи голосовъ оказалось, что *всѣ* присутствовавшіе въ собраніи члены Совѣта Академіи (кромѣ ординарнаго профессора М. М. Тарѣева) присоединились къ отрицательному заключенію отзыва о. Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона.*

Опредѣлили: Признать представленное о. ректоромъ Вологодской духовной семинаріи, *протоіереемъ Николаемъ Малиновскимъ*, для полученія степени доктора, сочиненіе подъ заглавіемъ „Православное Догматическое Богословіе", т.т. III и IV,—означенной цѣли не соотвѣтствующимъ и дѣло о соисканіи имъ помянутой ученой степени считать прекращеннымъ.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопресвященства: „27 янв. 1914. Исполнить".

2007052099